

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ КУБАНИ

АНТИЧНОЕ
НАСЛЕДИЕ
КУБАНИ

Russian Academy of Sciences
Department
of History and Philology
Institute of Archaeology
Institute of Universal History

ANCIENT HERITAGE OF KUBAN

In three volumes

Edited by
G. M. Bongard-Levan,
V. D. Kuznetsov

Volume I

Moscow
Наука
2010

Российская академия наук
Отделение
историко-филологических наук
Институт археологии
Институт всеобщей истории

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ КУБАНИ

В трех томах

Под редакцией
академика
Г. М. Бонгард-Левина,
В. Д. Кузнецова

Том I

Москва
Наука
2010

Редакционная коллегия:

Алексеев А.Ю., д.и.н.
Бонгард-Левин Г.М., академик РАН (главный редактор)
Бухарин М.Д., д.и.н.
Завойкин А.А., д.и.н.
Иванчик А.И., член-корреспондент РАН
Кокунько Г.В., НП «Историко-культурное наследие Кубани»
Кошеленко Г.А., член-корреспондент РАН
Кузнецов В.Д., д.и.н. (зам. главного редактора)
Марченко И.И., к.и.н.
Мунчаев Р.М., член-корреспондент РАН
Пиотровский М.Б., член-корреспондент РАН
Румянцева Т.Д., генеральный директор Благотворительного Фонда «Вольное Дело»

Рецензенты:

Карпов С.П., член-корреспондент РАН
Масленников А.А., д.и.н.
Молодин В.И., академик РАН

Научно-редакционная группа:

Бухарин М.Д., Лучишкина Н.П., Соломатина Е.И.

Художник:

Эрман Э.Л.

Античное наследие Кубани : В 3 т. / Отд-ние истор.-филол. наук РАН ;
Ин-т археологии РАН ; Ин-т всеобщ. истории РАН ; ред., сост. акад. РАН
Г.М. Бонгард-Левин, д.и.н. В.Д. Кузнецов. — М. : Наука, 2010— . —
ISBN 978-5-02-036881-1.

Т. 1. — 2010. — 604 с. — ISBN 978-5-02-036901-6.

В монографии на основе комплексного междисциплинарного подхода освещены все грани древней истории Прикубанья: история отдельных этносов, экономическая история, история искусства, религии и культуры, история и состав музейных коллекций России, ближнего и дальнего зарубежья. Авторскому коллективу удалось полностью раскрыть уникальный специфический характер древней истории Прикубанья — взаимодействие нескольких древних цивилизаций — античной, иранской (скифо-сарматской) и местной кавказской — и показать роль и место Прикубанья в истории античного мира и древнего Востока. Особенностью данного издания является опора на последние достижения науки о древности в области археологии, эпиграфики и истории.

Для специалистов историков, археологов, эпиграфистов, филологов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-036881-1
ISBN 978-5-02-036901-6 (т. 1)

© Отделение историко-филологических наук РАН,
Институт археологии РАН,
Институт всеобщей истории РАН, 2010
© Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д., составление, 2010
© Эрман Э.Л., художественное оформление, 2010
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
Introduction.....	14
Часть I	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ (И.В. Тункина)	20
Часть II	
ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ КУБАНИ.....	130
Глава 1. Природные условия региона (С.П. Лозовой, Е.В. Добровольская)	132
Глава 2. Культуры эпохи камня и бронзы (Р.М. Мунчаев).....	146
Глава 3. Кубань в начале железного века (В.Р. Эрлих).....	168
Глава 4. Меоты (Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко)	186
Глава 5. Синды (В.А. Горончаровский, А.И. Иванчик)	218
Глава 6. Скифы (А.Ю. Алексеев, Т.В. Рябкова)	236
Глава 7. Сарматы (Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко).....	260
Часть III	
МЕОТО-СКИФСКОЕ ИСКУССТВО ПРИКУБАНЬЯ (VII – НАЧАЛО III в. до н.э.) (А.Р. Канторович)	286
Часть IV	
АЗИАТСКИЙ БОСПОР В АНТИЧНЫХ ТЕКСТАХ	316
Глава 1. Античная литературная традиция (А.И. Иванчик).....	318
Глава 2. Эпиграфические памятники (А.И. Иванчик).....	360
Глава 3. Таманский полуостров в античной картографии (А.В. Подосинов)	372
Часть V	
КУБАНЬ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАРТАХ	388
Часть VI	
ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ АЗИАТСКОГО БОСПОРА (Г.А. Кошеленко, В.Д. Кузнецов)	406
Часть VII	
АНТИЧНЫЕ ГОРОДА	428
Глава 1. Фанагория — столица Азиатского Боспора (В.Д. Кузнецов).....	430
Глава 2. Горгиппия (Е.М. Алексеева)	470
Глава 3. Гермонасса (С.И. Финогенова)	510
Глава 4. Патрей (А.П. Абрамов).....	528
Глава 5. Кепы (Д.В. Журавлев, В.Д. Кузнецов)	540
Глава 6. Памятники северо-восточной части Таманского полуострова (Д.В. Журавлев, Г.А. Ломтадзе, У. Шлотцауер).....	556
Глава 7. Юго-восточная периферия (А.А. Мальшев)	582
Сведения об авторах	596
Список принятых сокращений	598
Список принятых сокращенных обозначений античных и византийских авторов и произведений.....	601

CONTENTS

Introduction.....	14
Part I	
HISTORY OF INVESTIGATIONS OF THE ASIAN BOSPORUS.....	20
Part II	
ANCIENT CULTURES.....	130
1. Natural Environment.....	132
2. Earliest Cultures of Kuban Region.....	146
3. Kuban Region in Early Iron Age.....	168
4. Meotians.....	186
5. Sindians.....	218
6. Scythians.....	236
7. Sarmatians.....	260
Part III	
MEOTO-SCYTHIAN ART OF KUBAN REGION (VII – EARLY III CENTURIES B.C.).....	286
Part IV	
THE ASIAN BOSPORUS IN CLASSICAL TEXTS.....	316
1. Classical Literary Tradition.....	318
2. Epigraphic Evidence.....	360
3. Taman Peninsula in Classical Cartography.....	372
Part V	
KUBAN ON THE MEDIAEVAL MAPS.....	388
Part VI	
GREEK COLONIZATION OF THE ASIAN BOSPORUS.....	406
Part VII	
IMPORTANT ANCIENT CITIES.....	428
1. Phanagoria – Capital of the Asian Bosphorus.....	430
2. Gorgippia.....	470
3. Hermonassa.....	510
4. Patraeus.....	528
5. Kepoi.....	540
6. Settlements of the North-Eastern Part of Taman Peninsula.....	556
7. South-Eastern Periphery of the Asian Bosphorus.....	582
Contributors.....	596
Abbreviations.....	598
Abbreviations of literary texts.....	601

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Инициатором предлагаемого Вашему вниманию труда был действительный член Российской Академии наук Григорий Максимович Бонгард-Левин, выдающийся ученый и организатор науки. Начав свою научную карьеру как индолог и добившись заметных успехов на этом поприще, Григорий Максимович в последующие годы постепенно меняет сферу своих исследований. Многие годы он работает над проблемой «возвращения на родину» памяти о наших соотечественниках, ученых, писателях, художниках, покинувших ее в суровые годы Гражданской войны. Особенно много было сделано им для изучения и популяризации трудов крупнейшего русского ученого XX века академика М.И. Ростовцева. Два огромных тома, в создании которых Г.М. Бонгард-Левин принимал активное участие как автор и публикатор многих не известных ранее документов и наконец, как научный редактор стали своеобразным памятником и М.И. Ростовцеву, умершему в 1952 г., и самому Г.М. Бонгард-Левину, отдавшему многие годы жизни этому благородному делу.

Работа над наследием М.И. Ростовцева подвела Г.М. Бонгарда-Левина к еще одному полю деятельности – классической археологии и собственно античной истории. Его интерес к этим областям науки особенно возрос после того, как он был избран Президентом Российской ассоциации антиковедов. Г.М. Бонгард-Левину было мало одного теоретического интереса к проблемам античного мира. Он, будучи человеком сугубо реалистическим, понимал, какое огромное значение для науки имеют новые материалы, которые дают в первую очередь археологические раскопки. Г.М. Бонгард-Левин сумел заинтересовать этим Благо-

творительный фонд «Вольное Дело», который начал финансирование раскопок крупнейшего античного города России – Фанагории.

Именно на раскопках Фанагорийского городища, куда летом 2004 г. Г.М. Бонгард-Левин и Р.М. Мунчаев приехали в экспедицию, и родилась идея этой книги. Было решено подготовить издание, в котором были бы обобщены почти 200-летние результаты археологических исследований не только Фанагории, но и всего региона, который обычно называют Азиатским Боспором. Начиная с 2006 г. работа по созданию настоящего трехтомника занимала все время Г.М. Бонгард-Левина. Он разрабатывал концепцию издания, тщательно образом редактировал каждую страницу рукописи, занимался подбором иллюстративного материала.

Только человек такого интеллектуального потенциала, совершенно фантастической энергии и выдающихся дипломатических способностей, каким был Г.М. Бонгард-Левин, способен был объединить десятки авторов – археологов, историков, эпиграфистов, музейных работников, историографов, живущих в разных городах и странах, каждого со своим характером, амбициями, своим представлением о том, какой должна быть книга в целом и каким должен быть его раздел. Только он мог убедить их следовать единой концепции, прислушиваться к критическим замечаниям. Даже будучи тяжело больным, Г.М. Бонгард-Левин продолжал работать сам и помогал другим.

Этот выдающийся благородный труд, воплощенный в жизнь стараниями и талантом замечательного российского ученого академика Григория Максимовича Бонгард-Левина, без сомнения, станет значительным вкладом в развитие мировой науки и культуры.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хорошо известно, что многие достижения античной (греко-римской) культуры составили основу европейской цивилизации. Такие важнейшие положения, как концепция народовластия (демократия), примат закона, само понятие «полноправный гражданин», право человека на свободные поиски истины стали неотъемлемой частью ценностных ориентаций современного общества. Достижения античной цивилизации в ряде конкретных областей знания в дальнейшем были учтены при формировании принципов современной науки.

Именно в недрах античной цивилизации родилось искусство, которое принято называть классическим и которое сохраняет до наших дней непреходящее значение нормы и образца.

Осознание своей преемственности по отношению к античной эпохе пришло к европейцам в эпоху Возрождения, и с тех пор не ослабевает глубочайший интерес к истории и культуре античного мира. Исследование античного прошлого стало специальной научной дисциплиной, объединившей историю, археологию, классическую филологию, искусствознание и многие другие области гуманитарного знания.

Российское научное антиковедение берет свое начало с эпохи Петра Первого, который стремился приобщить Россию к общеевропейскому культурно-пространству, хотя знакомство России с греческой и латинской культурой произошло значительно раньше. Древняя Русь долгое время в культурном отношении была частью византийского, т.е. греческого мира. Античная Греция как бы продолжала оставаться живой в Византии, а через ее посредничество — и в средневековой Руси. Важным этапом явился период царствования Екатерины Великой. И дело было не только в развитии науки, но прежде всего в том, что в это время Российская империя становится обладательницей земель, на которых в древности существовали центры античной культуры, сразу ставшие объектом пристального внимания ученых-антиковедов и российского общества в целом.

С начала XIX в. русские ученые начали проводить археологические исследования на территории азиатской части Боспорского царства. Особое значение имели экспедиции В.Г. Тизенгаузена (1825–1903) и Н.И. Веселовского (1848–1919), которые открыли многочисленные памятники античной эпохи, великолепные изделия греческих мастеров. Найденные изделия античного искусства стали поступать в Императорский Эрмитаж, где и сейчас хранятся самые богатые в мире коллекции, а также в музеи других городов России, в том числе в местные музеи Тамани и соседних регионов.

Огромный вклад в исследование древней истории юга России, и античной эпохи в частности, внес выдающийся русский ученый академик М.И. Ро-

Предисловие

стовцев (1870–1952). Его фундаментальные труды «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1914), «Эллинизм и иранство на юге России» (Пг., 1918), «Скифия и Боспор» (Пг., 1925) впервые в отечественной и мировой науке по-новому поставили проблемы комплексного изучения античного наследия на юге России, в том числе и на Азиатском Боспоре, и указали на значимость исследования культур местных племен и народов. В советское время исследование памятников античной эпохи Азиатского Боспора успешно продолжалось; прежде всего следует отметить археологические раскопки и капитальные труды В.Д. Блаватского (1899–1980), Н.И. Сокольского (1916–1973) и Н.В. Анфимова (1909–1998).

Античные центры появились на юге России в результате того всемирно-исторического явления, которое принято называть «великой греческой колонизацией». В период VIII–VI вв. до н.э. древние греки, обитавшие тогда на юге Балканского полуострова и на западном побережье Малой Азии, стали расселяться по обширному пространству побережий Средиземного, а затем и Черного морей. В результате практически на всем протяжении этих побережий возникло множество греческих городов.

На северном побережье Черного моря возникли Тира, Ольвия, Херсонес, Феодосия, Пантикапей, Тиритака, Китей, Илурат, Нимфей, Фанагория, Горгиппия, Кепы, Патрей, Гермонасса и еще ряд менее крупных городских центров. Одновременно с основанием этих городов началось освоение и сельскохозяйственной территории. Греческие города стали центрами активной экономической жизни, поддерживавшими тесные связи и со своими метрополиями, и с окружающим их местным населением. Естественно, что они явились своего рода форпостами античной культуры, распространявшейся за пределы их границ.

В V в. до н.э. в этом регионе возникает Боспорское царство — единственное крупное (по античным меркам) государственное образование в северо-причерноморском ареале. Оно было расположено по обоим берегам Керченского пролива. В Крыму ему принадлежали земли вплоть до Феодосии. На восточном берегу пролива — весь Таманский полуостров, побережье вплоть до Новороссийска и обширные территории вдоль р. Кубани. К сожалению, точные границы этих территорий пока установить не удастся. Столицей Боспорского царства был Пантикапей (Керчь). По представлениям античных географов, Керченский пролив служил границей между Европой и Азией. Поэтому та часть территории Боспорского государства, которая находилась на Таманском полуострове, часто называлась Азиатским Боспором, а Керченский полуостров — Европейским. Столицей Азиатского Боспора была Фанагория, руины которой находятся на Тамани недалеко от современного поселка Сенной.

Боспорское государство стало первым государственным образованием на территории России. Оно представляло собой одно из типичных государств, возникших в рамках античной цивилизации. Хотя Боспорское царство и располагалось на самой окраине античного мира, это ни в коей мере не снижает его роли в истории и культуре греко-римской цивилизации и ряда крупных государственных образований древнего Востока.

Боспор был главным поставщиком зерна в Афины в эпоху античной классики. По словам великого греческого оратора Демосфена, половина ввозимого в Афины зерна поступала из Боспора. Современные исследования показали, что значительную долю этого экспорта составляло зерно, выращенное на плодородных землях Кубани (известные кубанские черноземы). В знак

благодарности афинское народное собрание чествовало правителей Боспора: их статуи воздвигались на афинской Агоре, они награждались золотыми венками, получали права афинских граждан.

Важную роль играл Боспор в событиях I в. до н.э., когда развернулась последняя битва между эллинистическим миром и Римской республикой за власть в Восточном Средиземноморье. Царь Понтийского царства Митридат VI Евпатор, сумевший включить в свою державу и Боспор, несколько десятилетий вел непрерывные войны с Римом. Его глубоким тылом, резервуаром людских и материальных ресурсов был Боспор. Именно Боспор стал его последним прибежищем после поражения от Рима.

Боспорское царство являлось важной интегральной частью античного мира. Восточные области этого государства, расположенные на Таманском полуострове и на прилегающих территориях, были тем регионом, где античная цивилизация составляла неотъемлемую часть древней истории и культуры юга России до прихода сюда славянских племен. Города, возникшие здесь в период Великой греческой колонизации, пережили многие кризисы и катастрофы, но продолжали существовать в период раннего Средневековья, сохраняя в своей культуре элементы античного наследия.

Международный академический проект «Античное наследие Кубани» ставит своей целью на основе современных достижений археологии, истории, эпиграфики, нумизматики и искусствоведения дать объективную картину развития античной цивилизации на территории Кубани и Прикубанья и показать роль этой территории и прежде всего Кубанского региона в истории греко-римского мира в античную эпоху.

Необходимо иметь в виду, что яркая «греко-римская» страница в древней истории Прикубанья была далеко не единственной. Археологические исследования, проведенные российскими учеными в последние десятилетия, убедительно показали, что народы, населявшие Северный Кавказ, имели свою длительную и самостоятельную историю. Именно Прикубанье явилось одним из древнейших очагов раннепалеолитических культур. В эпоху бронзы здесь получила развитие блестящая археологическая культура — майкопская, связанная своим происхождением с Ближним Востоком. Уже в IV—III тыс. до н.э. население Прикубанья и прилегающих территорий поддерживало тесные этнокультурные связи с Месопотамией. Позднее в этом регионе обитали многочисленные племена и народы, часть из которых вошла в состав Боспорского царства, многоэтничный характер которого совершенно очевиден. В его культуре органично соединялись традиционные представления этих народов и некоторые импульсы, пришедшие из мира древневосточных цивилизаций, хотя в своей основе она, конечно, оставалась античной.

Показательно, что еще до появления первых греческих поселений на берегах Черного моря обитавшие в Прикубанье местные («варварские») племена неоднократно вступали в контакты с другой мировой цивилизацией того времени — древневосточной. Скифы, совершавшие в VII в. до н.э. свои знаменитые походы к югу от Кавказа, познакомившись с культурами Мидии, Урарту, Ассирии, Лидии и Египта, принесли на Кубань не только драгоценные трофеи, изготовленные древневосточными мастерами, но и ряд элементов художественной и ремесленной традиции Ближнего Востока. Это в немалой степени обогатило и их собственную культуру, и культуру их соседей.

Синды — обитатели Таманского полуострова и ближайшие соседи греческих переселенцев — создали в V в. до н.э. свое государство и даже чеканили собственную монету. Конечно, это государство было в значительной степени

эллинизировано и просуществовало относительно недолго — до поглощения Боспорским царством в IV в. до н.э., но имеющиеся материалы убедительно свидетельствуют и о вполне самостоятельных чертах развития местных этносов.

Меотские племена, за широким этнонимом которых скрывались многочисленные группы местного населения, обитали на обширной территории и вблизи, и в отдалении от греческих городов. До VI в. до н.э. меоты не имели непосредственных контактов с античной цивилизацией. Появление греков на берегах Черного моря нарушило эту изолированность и оторванность от греческого мира, а установление торгово-экономических связей с греческими центрами повлияло на внутренние процессы социально-экономического и политического развития у меотов. Расцвету их экономики к IV в. до н.э. во многом способствовала именно торговля с греками, к которым поступали сельскохозяйственная продукция и рабы. В свою очередь, меоты получали вино, оливковое масло, дорогую посуду и другие предметы роскоши. Однако на протяжении всей своей истории меотские племена были не только торговыми партнерами греческих соседей, но и принимали активное участие в военно-политической жизни Боспорского государства.

С конца IV в. до н.э. по III в. н.э. важным военно-политическим фактором в регионе являлось существование там сарматских кочевых племен, которые участвовали как во внутривосточной борьбе на Боспоре, так и во внешней политике его правителей, привлекаясь ими в качестве военной силы.

Таким образом, история Кубани в греко-римскую эпоху — это сложное и насыщенное событиями переплетение исторических судеб многочисленных народов и племен. Во многом уникальное в рамках российской истории прошлое Кубанского региона¹ было и является по сей день объектом особого внимания и углубленного изучения учеными разных гуманитарных дисциплин. Международный академический проект — первый в отечественной и мировой науке труд, обобщающий результаты почти двухсотлетнего историко-археологического изучения региона и вместе с тем — надежная основа для интенсивных исследований в будущем.

Отдельно следует отметить, что необходимую и важную часть проекта составляет исключительный по своему охвату обзор коллекций античной эпохи российских и зарубежных музеев. В обзор включены коллекции как известных во всем мире больших музеев, так и небольших, местных, независимо от объема находящихся там предметов античной эпохи Кубани. Только учет всех хранящихся в музеях вещей и археологических комплексов позволяет в полной мере представить материальную культуру древних племен и народов, уровень развития их ремесел и искусства, характер и особенности взаимоотношений с другими этносами, степень взаимовлияния.

Результаты научной работы над международным академическим проектом «Античное наследие Кубани», в которой приняли участие более пятидесяти ученых России и ряда зарубежных стран, публикуются в трех томах. Первый том содержит очерки, посвященные истории изучения Прикубанья в античную эпоху, древнейшим культурам этого региона, особенностям греческой колонизации Тамани; излагается античная традиция об Азиатском Боспоре, дается характеристика материальной и духовной культуры местных племен (меотов), а также скифов, публикуются и анализируются памятники меото-скифского искусства; оценивается вклад синдов и сарматов в общее культурное наследие. Особый раздел первого тома посвящен описанию на основе новых археологических материалов главных античных горо-

дов Азиатского Боспора — Фанагории, Горгиппии, Гермонассы, Патрея, Кеп.

Во втором томе подробно освещается политическая история Азиатского Боспора в греческий и римский периоды вплоть до раннего Средневековья, описываются материальная культура и особенности экономического развития Азиатского Боспора, антропологический состав населения, религия и культы, погребальный обряд, военное дело. Специальное внимание уделяется рассмотрению различных памятников искусства (скульптуры, архитектуры, ювелирного дела, вазаписи).

Третий том посвящен описанию коллекций и предметов античной эпохи Тамани и прилегающих территорий, хранящихся в музеях России, Украины, Германии, США, Англии, Франции. Впервые в отечественной и мировой науке в столь значительном объеме представлены памятники искусства и материальной культуры греков, римлян, скифов, сарматов, меотов, синдов, многие из которых ранее никогда не публиковались и потому не были объектом изучения специалистов. Публикация в одном томе этих во многом уникальных материалов позволит ученым по-новому подойти к решению ряда важнейших проблем историко-культурного развития Азиатского Боспора, а любителям древнего искусства по достоинству оценить вклад в мировую культуру греческого, римского, скифского, сарматского и меотского искусства.

Список античных авторов и основных изданий античных текстов, цитируемых в томе, составлен С.А. Степанцовым. Библиография основных публикаций отечественных и зарубежных ученых по теме проекта (приложена к третьему тому) составлена В.А. Гаиловым.

В течение всей работы по осуществлению академического проекта «Античное наследие Кубани» большую помощь оказывал директор института Всеобщей истории РАН академик РАН Александр Оганович Чубарьян, которому Редколлегия и авторский коллектив выражают искреннюю признательность.

Высокое качество иллюстраций во многом зависело от профессионализма фотографов. Редколлегия благодарна фотографам², составителям карт³, художникам, авторам реконструкций⁴ и всем, кто активно участвовал в наборе и редактировании глав, сверке античных текстов и переводе статей, присланных зарубежными специалистами⁵.

Главным инициатором Международного академического проекта по изучению древнего наследия Кубани стал уроженец этого края Олег Владимирович Дерипаска, проявляющий глубокий интерес к истории и культуре своей родины, к сохранению исторического наследия, вопросам подготовки научных кадров, изданию научной и популярной литературы, проведению археологических изысканий. Особое внимание в последние годы уделяется им помощи ученым в изучении выдающегося историко-культурного и археологического памятника России — древнегреческого города Фанагории на Таманском полуострове.

Реализация проекта «Античное наследие Кубани» стала возможной благодаря поддержке созданного О.В. Дерипаской Благотворительного Фонда «Вольное Дело». Непосредственная работа по подготовке издания осуществлялась НП «Историко-культурное наследие Кубани», учрежденного при содействии Фонда «Вольное Дело» для исследования культуры Краснодарского края.

Редколлегия
16. VII. 2008

¹ В России есть еще только одно место, где находятся древнегреческие памятники: в устье Дона неподалеку от Ростова-на-Дону (Танаис, Таганрогское поселение).

² Прежде всего, следует отметить мастерство В.С. Терехина (Государственный Эрмитаж), выполнившего значительную часть фотографических работ, а также Г. Бумбашвили (Национальный музей Грузии им. С. Джанашиа), Е.Ю. Гири (Институт истории материальной культуры РАН), Г. Джаджии (Абхазский государственный музей), Т.А. Ершовой (Фотоархив Института истории материальной культуры РАН), Е.И. Желтова (Государственный музей искусства народов Востока), А.А. Иванова (издательство «Палеограф»), А.Б. Колесникова (Институт археологии РАН), А.Ф. Кудрявцового (Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), С.В. Ольховского (Институт археоло-

гии РАН), Е.Г. Панкратовой (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН), И.А. Седенькова (Государственный Исторический музей), С.В. Яблочкина (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)), Й. Лаурентиуса, И. Геске, И. Луккерт (Античное собрание, Берлин), Ф. Нейвальд (Кабинет медалей Национальной библиотеки Франции), К. Пламп (Музей древнейшей истории, Берлин), Ф. Сарин, Дж. Кьяппарда (Университет Пенсильвании).

³ Г.В. Требелевой (Институт археологии РАН) и И.К. Фоменко (Государственный Исторический музей), который любезно предоставил ряд карт, опубликованных в его книге «Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII—XVII в.» (М., 2007).

⁴ А.В. Трусову (Институт археологии РАН), Н.Ю. Лимберис (НИИ археологии Кубанского государствен-

ного университета), И.И. Марченко (НИИ археологии Кубанского государственного университета), С.О. Пальченковой (НИИ археологии Кубанского государственного университета), Н.С. Сурвилло (Государственный музей искусства народов Востока), В.П. Толстикова (Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), Е.В. Уздениковой (Московский союз художников) — реконструкции по материалам С.А. Яценко (Российский государственный гуманитарный университет).

⁵ Рабочая группа по подготовке проекта (Институт всеобщей истории): И.С. Архипов, М.Д. Бухарин, М.В. Грацианский, Н.П. Лучишкина, Е.И. Соломатина, С.А. Степанцов.

Переводы выполнены И.С. Архиповым, М.Д. Бухариным, Е.В. Ляпустиной, А.А. Молчановым, С.А. Степанцовым. Перевод Введения — М.А. Салганик.

INTRODUCTION

It is well-known that many achievements of ancient Greco-Roman culture constituted the base of European civilization. Fundamental principles like concept of sovereignty of the people (democracy), primacy of law, the very notion of «competent citizen», right of individual to free pursuit of truth make integral part of modern society.

Greco-Roman civilization's achievements in certain spheres of science significantly influenced formulation of principles of modern knowledge. It was within this civilization that the art was born which is commonly called classic and which still remains in the eyes of millions the highest and unsurpassable standard.

The Europeans realized their succession to Greco-Roman civilization in Renaissance era and since that time the keen interest in history and culture of the antique world never slackened. Investigation of ancient past developed into a special discipline connecting history, archeology, classic philology, art studies and many other branches of humanities.

In Russia the antiquity studies date back to the times of Peter I the Great who aspired to associate Russia with all-European cultural space, although Russia's introduction to Greek and Latin cultures took place much earlier.

Kievan Rus for a long period remained a part of Byzantine i.e. Greek world. Ancient Greece continued to live in Byzantium and through it influenced medieval Rus as well. The reign of Catherine the Great was another important stage in studying antiquity. Not only due to the progress of the investigations – the prime reason was the territorial expansion during and immediately after the reign of Catherine the Great that brought under domination of the Russian Empire the lands where once upon a time existed centers of antique culture. That immediately attracted rapt attention both of scholars of antiquity and wider circles of Russian society.

Early in the 19th century Russian investigators started archeological excavations in the territory of the Asian Bosphorus. Of special significance were the results of expeditions led by V.G. Tizenhausen (1825–1903), N.I. Veselovsky (1848–1919) that dug out numerous objects pertaining to the ancient era, magnificent samples of art produced by Greek masters. The newly discovered Greek artifacts were sent to The Imperial Hermitage which up to the present day is in possession of the world richest collections, as well as to the other Russian museums including the local museums of Taman and adjacent cities.

Major contribution into studies of the South Russia's ancient history, in particular of the antiquity era, was made by outstanding Russian scholar, Academician

Introduction

M.I. Rostovtzeff (1870–1952). In his fundamental works: *The Ancient Decorative Painting in the South Russia* (SPb., 1914), *Hellenism and Iranism in the South Russia* (Pg., 1918), *Scythia and Bosphorus* (Pg., 1925), Rostovtzeff evolved a new, pioneer approach to the study of antique heritage in the South of Russia including so called «Asian Bosphorus» by suggesting its integrated investigation and pointing out the significance of exploration of local tribes and ethnic groups' cultures.

Study of the ancient greek heritage of the Asian Bosphorus successfully continued in the Soviet period; primarily it is worth mentioning archeological excavations and fundamental works of V.D. Blavatsky (1899–1980), N.I. Sokolsky (1916–1973) and N.V. Anfimov (1909–1998).

The ancient centres appeared in the South Russia as the result of the worldwide historical phenomenon known as the Great Greek Colonization. In the period between the 8th – 6th centuries B.C the Greeks inhabiting the South of Balkan Peninsula and the western littoral of Asia Minor began settling in vast coastal territories of the Mediterranean and later of the Black sea. This expansion produced a large number of Greek cities scattered practically all along the coasts. The great Plato figuratively compared them to frogs making themselves comfortable around a pond. In the north littoral of the Black sea Greek cities of Tyras, Olbia, Chersonesus, Theodosia, Panticapaeum, Tyritake, Kytaia, Iluraton, Nymphaeum, Phanagoria, Gorgippia, Kepoi, Patraeus, Hermonassa were founded, plus a number of smaller city centres. Soon after the foundation of the cities the Greeks began to develop agricultural territories. The cities became centers of vigorous economic activities, maintaining close relations both with their mother-countries and the native population of the localities. Greek cities naturally became a sort of outposts of antique culture that spread beyond their confines.

In the 5th century B.C. Bosphoran Kingdom comes into existence in this region, the only large (after the ancient greek standard) state formation in the North of the Black sea, located on both shores of the Kerch Strait. In the Crimea it extended to Theodosia, while on the eastern coast it occupied the whole of the Taman peninsula up to modern city of Novorossisk, and vast territory along the river Kuban. Unfortunately, precise boundaries of the Kingdom have not been yet identified. The capital of the Bosphoran Kingdom was Panticapaeum. According to ancient geographers' notion, the Kerch Strait marked the border between Europe and Asia, therefore Taman part of the Bosphoran Kingdom was often referred to as the Asian Bosphorus while the Kerch peninsula was known as the European Bosphorus. The capital of the Asian Bosphorus was Phanagoria the remains of which are situated in Taman peninsula, near Sennoi village.

The Bosphoran Kingdom was the first state formation in the territory of Russia and it was typical state of the ancient greek civilization. Though it was located in the remote periphery of the ancient world, the location in no way diminished the role it played in history and culture of ancient Greco-Roman civilization as well as of a number of significant state formations of ancient Orient.

Bosphorus was the main purveyor of grain to Athens in the classical period. According to Demosthenes half of grain imported in Athens came from the Bosphorus. Modern scholarship proved that a sizeable portion of this grain was grown in Kuban's fertile black earth, its famous chernozems. Athens' People Assembly

expressed gratitude by honoring the Bosporian rulers: their statues were erected in the Agora, they were awarded golden diadems and Athenian civic rights.

In the 1 century B.C. Bosphorus played an important role in the last fight between the Hellenistic world and the Roman Republic for domination over the East Mediterranean. Mithridates VI, the king of Pontic Kingdom who managed to annex Bosphorus and make it a part of his domain, was engaged for decades in ceaseless warfare against Rome. Bosphorus was his hinterland, his source of human and material resources. And Bosphorus it was that became his last refuge after he suffered defeat from Rome.

There is not a shade of doubt, that the Bosporian Kingdom was an important integral part of the ancient Greek world. The eastern areas of the Taman peninsula and adjacent territories constituted the region where ancient civilization became a concurrent component of history and culture of the South Russia before the arrival of the Slavic tribes. Cities built here in the period of Great Greek Colonization having survived many crises and catastrophes, still existed in the early Middle Ages retaining in their culture some elements of antiquity's heritage.

International academic project Kuban's Classical Heritage is aimed to objectively present historical and cultural development of ancient civilization in the territory of the Kuban region on the base of modern data of archeology, history, epigraphy, numismatics and study of arts, evaluating its role in history of Greco-Roman world in this territory, primarily in the region of the Kuban in antiquity era.

It is necessary to remember that the «Greco-Roman» page, however brilliant, is not the only one in the long history of the Kuban region, Archeological investigations conducted by Russian scholars in recent decades convincingly proved that the tribes inhabiting the Northern Caucasia had long and independent history of their own. It was the Kuban region that was one of the oldest place of early palaeolithic cultures. In the Bronze Age brilliant Maikop culture close in its origin to the Middle East developed here. As early as in the 4th -3rd millennia B.C. population of the Kuban region and adjacent areas maintained close ethno-cultural relations with Mesopotamia.

Later this region was populated by numerous tribes and ethnic groups some of which formed a part of the Bosporan Kingdom's population, obviously polyethnic in character. The Kingdom's culture was an organic blend of traditional beliefs of local people and some impulses generated by the world of ancient Oriental civilizations, though of course her foundation was antique.

It is indicative that long before the first Greek settlements appeared in the Black sea shores, long before the Bosporan Kingdom came into existence, the native («barbarian») tribes inhabiting the Kuban region repeatedly made contacts with another great civilization of the time, the civilization of ancient Orient. The Scythians of the 7th century B.C. after their famous campaigns to the South of Caucasus where they got in touch with cultures of Media, Urartu, Assyria, Lydia and Egypt, brought to the Kuban region not only priceless trophies manufactured by Oriental masters, but also some elements of arts and crafts tradition of the Middle East that significantly enriched both the culture of the Scythians and the culture of their neighbours.

The Sindians – inhabitants of the Taman peninsula and the closest neighbours of Greek settlers – in the 5th century B.C. established their own state and even

minted their own coins. Needless to say the state was rather heavily Hellenized. And it was short-lived too: in the 4th century B.C. it was absorbed by the Bosporan Kingdom. Still, the existing materials provide convincing evidence of quite self-dependent patterns of development of native ethnic groups.

Maeotian tribes covers numerous groups, large and small, of native population – inhabited a vast territory nearby and far off Greek cities. Tribes of Maeotians did not have direct contacts with Greek civilization before the 6th century B.C. Arrival of Greeks in the Black sea coast ended their isolation and alienation from the Greek world while establishment of economic ties with Greek centres made an impact on inner processes of socio-economic and political development of life of the Maeotians. By the 6th century B.C. their economics flourished, mainly due to trade with Greeks whom the Maeotians supplied agricultural products and slaves. The Maeotians for their part received wine, olive oil, painted pottery and other luxury items. However, the Maeotian tribes all along their history were more than trade partners of the Greeks, since they took an active part in military and political life of the Bosporan state.

From the end of the 4th to the 3rd century B.C. a new important military and political factor played active role in the region – the Sarmatian nomadic tribes that were involved both in internal political struggle of Bosphorus and in foreign policy of its rulers as mercenary force.

Thus the history of the Kuban region in the Greco-Roman times is a complicated and eventful tangle of historical destinies of numerous nations and tribes.

The past of the Kuban region¹, in many aspects unique in the history of Russia, has been and remains the object of special interest and in-depth interdisciplinary study. The International academic project is the first effort in Russian and world scholarship to summarize the results of almost 200 years of historical and archeological study of the region and at the same time provide reliable base for intensive research in future.

It should be specially noted that included in the Project as an integral and important part is a uniquely wide survey of ancient Greek collections of Russian and foreign museums. The survey embraces the collections of the world famous museums as well as of the small locally known ones. Taking into account all objects and archeological finds preserved in museums, is indispensable for presenting in full measure the material culture of ancient tribes and ethnic groups, the standard of development of their arts and crafts, the character and particular qualities of their rapport with other ethnic communities and the level of mutual influence.

The results of the International academic project Kuban's Antique Heritage, a joint work of more than fifty scholars from Russia and other countries, are published in 3 volumes. Volume I contains materials on history of investigations of the Kuban region in antiquity on the earliest cultures of the region, on the peculiarities of Greek colonization of the Asian Bosphorus the volume consists of the detailed account of the ancient tradition related to the Asian Bosphorus, an assessment of material and spiritual culture of native tribes (the Maeotians) as well as of the Scythians. The volume also contains evaluation of the Sindians' and the Sarmatians' contribution into the common cultural heritage. A special

¹ In Russia there is another place where several Greek settlements situated, at the mouth of Don river nearby Rostov-on-Don (Tanais, Taganrog settlement).

sections of the volume are dedicated to description based on new archeological data of the principal greek cities of the Asian Bosphorus: Phanagoria, Gorgippia, Hermonassa, Patraeus, Kepoi.

Political history of the Asian Bosphorus of the Greek and Roman periods up to the early Middle Age is elucidated in details in Volume II; the volume also includes description of material culture and particular features of the Asian Bosphorus economic development, its religions and cults, funeral rites, physical anthropology of the population, military organization. Particular attention is paid to examination of the arts – sculpture, architecture, jewellery, vase-painting.

Volume III is dedicated to survey of collections and objects of the ancient times from Taman peninsula and adjacent territories, available in Russian, Ukrainian, German, American, British and French museums. It is for the first time that items of art and material culture of the Greeks, the Romans, the Scythians, the Sarmatians, the Maeotians, the Sindians are gathered and presented on such a considerable scale; many of them have not been published before and therefore were not studied by specialists. Publication in one volume of these materials, unique in many respects, will enable scholars to take a new approach to a number of important problems of historical and cultural development of the Asian Bosphorus, while lovers of ancient arts will get a chance to properly appreciate contribution of Greek, Roman, Scythian, Sarmatian and Maeotians art into the treasure-house of humanity.

The International academic research project on ancient heritage of Kuban was launched chiefly at the initiative of Oleg Deripaska, a native of the Kuban region, who is deeply interested in its history and culture. His main priorities include historical heritage conservation, research staff training, publication of professional and popular scientific literature, archaeological investigations. In recent years, his special attention has been focused on providing support for the research into the ancient Greek city Phanagoria, an outstanding Russia's historical, cultural and archaeological site located on the Taman peninsula.

The «Ancient Heritage of Kuban» project has become feasible with the help of the «Volnoe Delo» charity foundation set up and sponsored by Oleg Deripaska. The present publication was prepared by the non-commercial partnership «Kuban Historical and Cultural Heritage» created by the «Volnoe Delo» foundation to look into the culture of the Kuban region.

Часть I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

И. В. ТУНКИНА

Рис. 1. Карл Карлович Гёрц (1820–1883), историк искусства, археолог, профессор Московского университета. Фотолитография. ПФА РАН. Р. X. Оп. 1-Г. Д. 54а. Л. 1

Рис. 2. Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952), антиковед, археолог, действительный член РАН (1917), профессор Петербургского, Висконсинского и Йельского университетов. [Начало 1926 г.], Нью-Хейвен (США). ПФА РАН. Р. X. Оп. 1-Р. Д. 104. Л. 1. Негатив 303

История археологических исследований памятников азиатской части Боспорского царства и его «варварского» окружения неоднократно привлекала к себе внимание специалистов. Раскопки конца XVIII — первой половины XIX в. освещены в монографиях профессора Московского университета К.К. Гёрца (1820–1883) (рис. 1), использовавшего рапорты о работах А.Б. Ашика, Д.В. Карейши, К.Р. Бегичева, А.Е. Люценко и др.¹ Ученые начала XX в. М.И. Ростовцев (1870–1952) (рис. 2) и Ю.Ю. Марти (1874–1959) ввели в научный оборот значительное число документов из архивов Петербурга и Керчи по истории археологического изучения Азиатского Боспора вплоть до 1910-х годов². Дополнить уже известные свидетельства новыми фактами позволяют архивные материалы³, в том числе еще не введенные в научный оборот⁴.

1. РОЖДЕНИЕ БОСПОРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (КОНЕЦ XVIII – СЕРЕДИНА XIX в.)

Начальный этап знакомства с античными древностями Кубани связан с периодом «ученых путешествий» — экспедициями Петербургской Императорской Академии наук и «любопытствующих вояжеров» века Просвещения. После присоединения к России Северного Причерноморья в конце XVIII в. русская наука эпохи энциклопедизма получила новый объект исследований в виде остатков «предметного мира» античной эпохи. Свойственное тому времени преклонение перед античностью проявилось и в переименованиях целого ряда турецких и татарских городов и крепостей на эллинский лад. На карте Таманского полуострова появилась суворовская крепость Фанагория (основана в 1784 г.) (рис. 3–5), названная в честь античного города, реально находившегося в 3 км к западу от нынешнего пос. Сенной Темрюкского района. Активное возведение крепостей и станиц на вновь завоеванных территориях потребовало большого количества строительных материалов. Самым простым способом их добычи оказалась ломка камня из многочисленных руин древних построек («фундаментов бывшего хоромного строения») ⁵. С хозяйственными, строительными и фортификационными работами были связаны первые случайные археологические открытия на Кубани, зафиксированные в описаниях путешественников.

Экспедиционное изучение Северного Кавказа учеными Петербургской Академии наук и обследование вновь присоединенных к России территорий русскими и иностранными путешественниками началось с 1770-х годов, когда последовала серия комплексных академических экспедиций и поездок И.А. Гюльденштедта (1770–1773), К.И. Габлица (1784–1796), П.С. Палласа (1794), Ф.К. Маршала фон Биберштейна (1793–1794), М. Гатри (1795–1797), Э.Д. Кларка (1800), Л.С. Вакселя (1797–1798), И.О. Потоцкого (1793, 1797–1798), П.И. Сумарокова (1799, 1802), Н.А. Львова (1803), Г.Ю. Клапрота (1807–1808), П.И. Кёппена (1819, 1829), Е.Е. Кёлера (1804, 1821), А.Я. Купфера, Э.Х. Ленца, К.А. Мейера и Э.П. Менетриэ (1829–1830), А.М. Шёгрена (1835–1837), М.Ф. Энгельгардта и И.Ф. Паррота (1811–1815), Ф. Дюбуа де Монпере (1832–1834)⁶ и др. В их трудах были приведены цитаты или переложения сведений античной нарративной традиции о Северо-Восточном Причерноморье и предприняты первые попытки локализации античных пунктов, а также данные о первых находках древностей. Применявшийся учеными Петербургской АН комплексный историко-географический («экосистемный») подход, нашедший

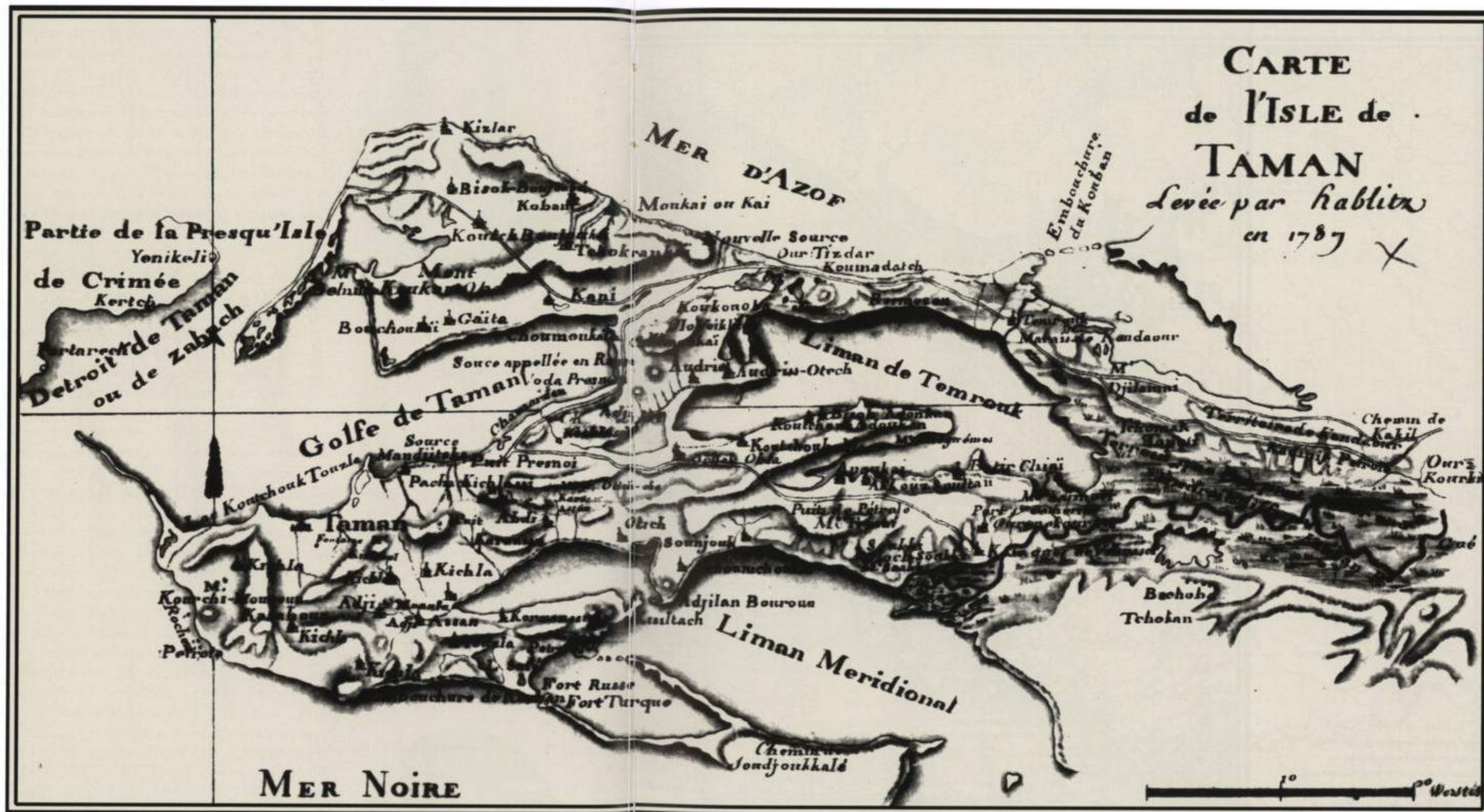

Рис. 3. Габлиц К. Карта острова Тамань. 1787 г. Рукописная. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 22881. Л. 2. Публикуется впервые

свое отражение как в описаниях, так и картографических материалах того времени, привел к результатам, многие из которых не утратили научного значения до сих пор. Наиболее полно эта методика отображена в трудах ученых-натуралистов, сумевших детально описать и графически зафиксировать руины античных оборонительных сооружений, городов, поселений, некрополей, которые еще не были раскопаны.

Среди первых исследователей Азиатского Боспора следует назвать натуралиста барона Ф.К. Маршала фон Биберштейна (1768–1826)⁷ (рис. 6).

Одна из его статей была посвящена древнегреческим эпиграфическим памятникам европейской и азиатской частей Боспора⁸ (в том числе надгробиям из античной Гермонассы). Среди них надпись на беломраморной стеле, найденной в ст. Тамань (КБН 1077), надпись на мраморной стеле с изображением всадника вправо и предстоящего мужчины, найденной в «розвальнях при Фанагории» (КБН 1095). В архиве Биберштейна сохранились рукописные «Заметки о древнегреческих надгробных камнях, которые находят в окрестностях Таврического пролива» — статья на французском языке 1796 г.

Рис. 4. [Габлиц К.И.]. Карта полуострова Таврическаго около лежащих мест, сочиненная по известиям греческих писателей древних и средних времен. СПб., 1803. Съемка не позднее 1787 г. Размер по рамке 36 × 61 см. М: 1 : 1 090 000 (26 верст в дюйме). Библиотека РАН

В тексте приведены копии античных и средневековых надписей и рисунки надгробий, найденных в Тавриде и на Таманском полуострове (КБН 285, 496, 610, 1048, 1050, 1077, 1095)⁹. Неизданной осталась статья Биберштейна о видимых на поверхности земли монументальных сооружениях Восточного Крыма и Тамани (1796), написанная на немецком языке — «Erläuterung der Strabonischen Topographie den Cimmerischen Bosphore nach den neuesten

russischen Karten von Taurien und Taman» («Объяснение топографии Боспора Киммерийского согласно Страбону по новейшим русским картам Таврии и Тамани») (рис. 7–9)¹⁰.

В этом труде Биберштейн одним из первых поставил важнейшие вопросы палеогеографии Таманского полуострова в античную эпоху, в том числе изменения уровня Черного моря, динамики и линии берегов и лиманов,

Рис. 5. [Таблиц К.И.]. Карта полуострова Таврического около лежащих мест, сочиненная по известиям греческих писателей древних и средних времен. СПб., 1803. Фрагмент (левый нижний угол) с изображением Кубанского края. Съемка не позднее 1787 г. Размер по рамке 36 x 61 см. М: 1 : 1 090 000 (26 верст в дюйме). Библиотека РАН

древних русел и протоков, ландшафта и в целом природной среды на протяжении тысячелетий. Автор попытался локализовать античные города и поселения на европейском и азиатском берегах Боспора Киммерийского и составил одну из первых археологических карт Таманского полуострова (рис. 7)¹¹, на которой зафиксированы группы городищ и курганов на азиатском берегу пролива. Анализируя текст Страбона, Биберштейн пришел к выводу, что древний географ пользовался как минимум двумя разными периплами или устными сообщениями моряков — в первом случае (7-я книга) топография Тамани описана плывущим с запада на восток — из Черного в Азовское море, от Феодосии в Пантикапей и далее в Меотиду, в другом (11-я книга), наоборот, — из Азовского в Черное, с востока на запад, т.е. информаторами античного географа стали моряки, приплывшие из Меотиды в Фанагорию. Наибольшее внимание Биберштейна привлекли «восходящие к глубокой древности» памятники Боспора — городища («насыпные холмы») и погребальные сооружения («холмы с урнами»; слово «курган» автору было незнакомо. — И.Т.). Хотя большинство выводов Биберштейна о локализации античных городов и поселений являются ошибочными, его статья и приложенная к ней карта ценны фиксацией археологических реалий наиболее значительных античных и средневековых памятников Таманского полуострова, которые в конце XVIII в. были видны на местности, но впоследствии подверглись интенсивному разрушению.

Двадцать лет спустя после Биберштейна, в 1815 г. со Страбоном в руках Таманский полуостров объехал крымский чиновник А.Я. Фабр (1789—

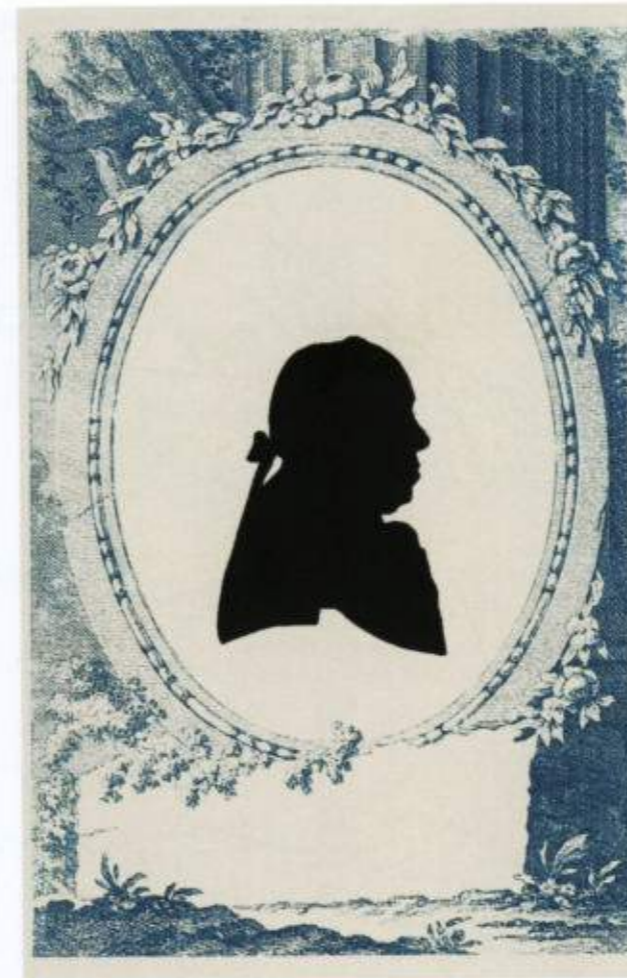

Рис. 6. Силуэтный портрет Ф.К. Маршала фон Биберштейна, вырезанный из черной бумаги, в обрамлении — гравированное изображение античных руин. ПФА РАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 69. Л. 1

1863)¹², оставивший сведения о видимых тогда памятниках древности и предложивший собственную локализацию ряда античных пунктов, несоответствующую общепринятой в современной науке¹³. Отрывочность и противоречивость данных письменной традиции открывала широкий простор для разных предположений и догадок о локализации античных пунктов, а сообщения античной традиции проецировались на топооснову XVIII—XIX вв. и сопоставлялись с новейшими для того времени картами (рис. 10), хотя в античную эпоху очертания берегов и в целом палеоландшафт региона значительно отличались от нынешних, а уровень моря был гораздо ниже.

В первой трети XIX в. в России образовались два центра антиковедения — в Санкт-Петербурге и Новороссии (Одесса и Керчь). Специалисты в области изучения древностей появились в Академии художеств, Публичной библиотеке, Эрмитаже, Петербургском университете. Академическое антиковедение, представленное кабинетными учеными, основное внимание уделяло изучению не собственно археологических материалов, а анализу уже известных нарративных, нумизматических и эпиграфических источников. Первым крупным археологом-классиком в Академии наук стал хранитель Императорского Эрмитажа Е.Е. Кёлер (1765—1838) (рис. 11), который в 1804 и 1821 гг. совершил две специальные археологические экспедиции по Северному Причерноморью. Им были впервые изучены и введены в научный оборот многие эпиграфические памятники и монетные типы Боспорского царства. Именно Кёлер опубликовал первую формально-стилистическую и хронологическую классификацию северно-причерноморских монет¹⁴.

Путешествие Кёлера по Тамани в 1804 г. привело к крупному открытию — находке у мыса Андри-Атам (Андра-Атам), или Рахмановского (ныне гора Бориса и Глеба), на западном берегу Ахтанизовского лимана памятника боспорской царицы Комосарии (Камасарии), имя которой по античной письменной традиции было неизвестно. Памятник Комосарии состоял из двух статуй — женской и мужской, пьедестала с выемками для статуй и надписью на нем с посвящением Санергу и Астаре (КБН 1015¹⁵). Из надписи на пьедестале впервые стала известна титулатура царей Боспора. Этому памятнику Кёлер посвятил специальное исследование, впоследствии переведенное на русский язык¹⁶, которое заложило фундамент научного изучения древностей Боспора. В нем впервые было опубликовано несколько надписей, хранившихся в таманской церкви Покрова Пресвятой Богородицы (КБН 1043, 1045, 1046, 1049).

В своих исследованиях Кёлер показал, какой огромный ущерб науке наносят грабительские раскопки, проводящиеся без разрешения властей. Он предлагал запретить археологические изыскания до тех пор, пока не будут найдены способы проводить их с «пользой для науки». По мнению Кёлера, следовало поручить раскопки курганов двум офицерам для производства работ не только в Крыму, но и на Таманском полуострове, чтобы все без исключения найденные древности отсылались в Министерство народного просвещения, в ведении которого с 1802 г. находилась Академия наук¹⁷.

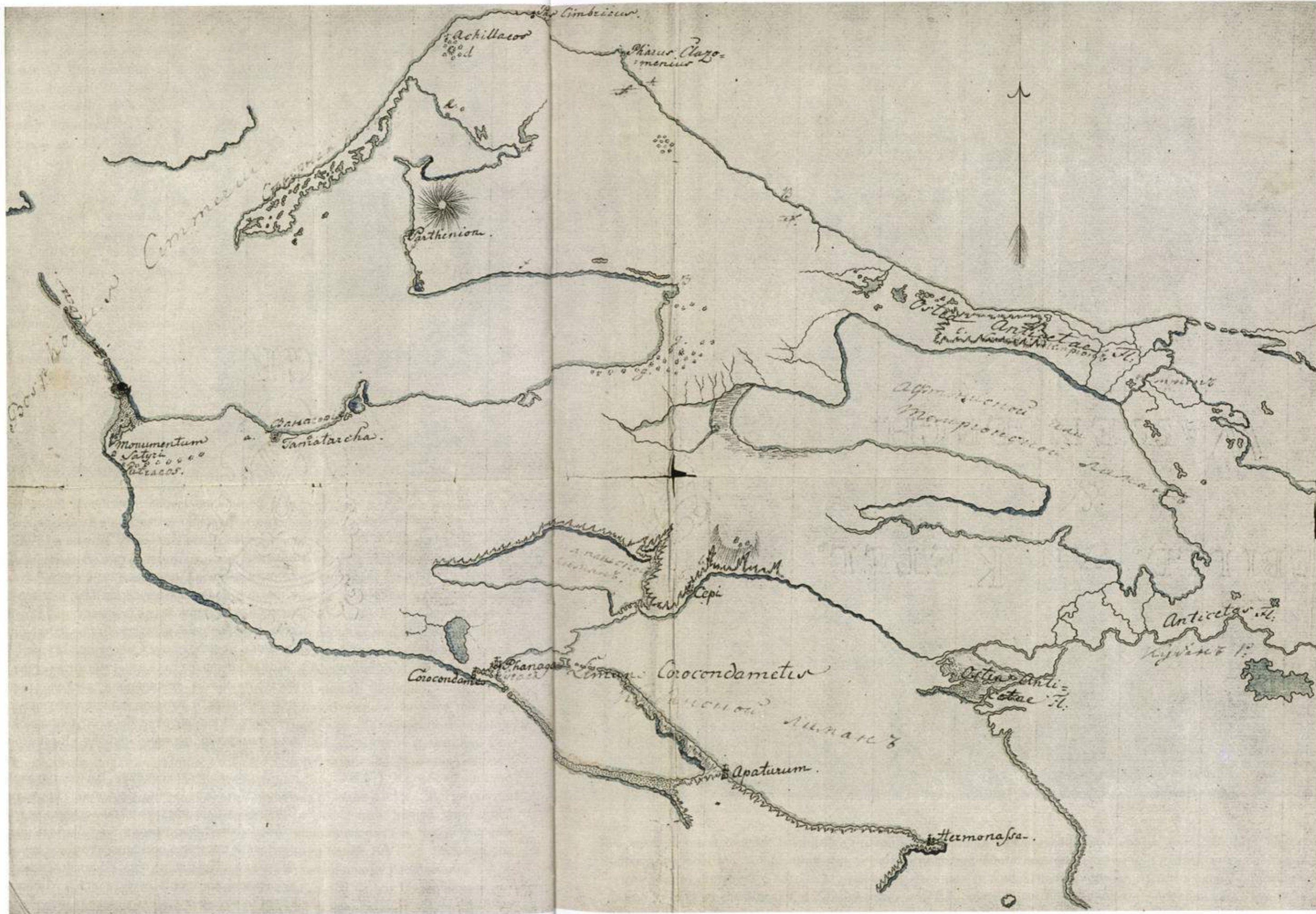

Рис. 7. Маршал фон Биберштейн. Археологическая карта Таманского полуострова с локализацией античных пунктов по Страбону. 1796 г. ПФА РАН. Р. I. Оп. 110. Д. 9. Л. 14 об. - 15

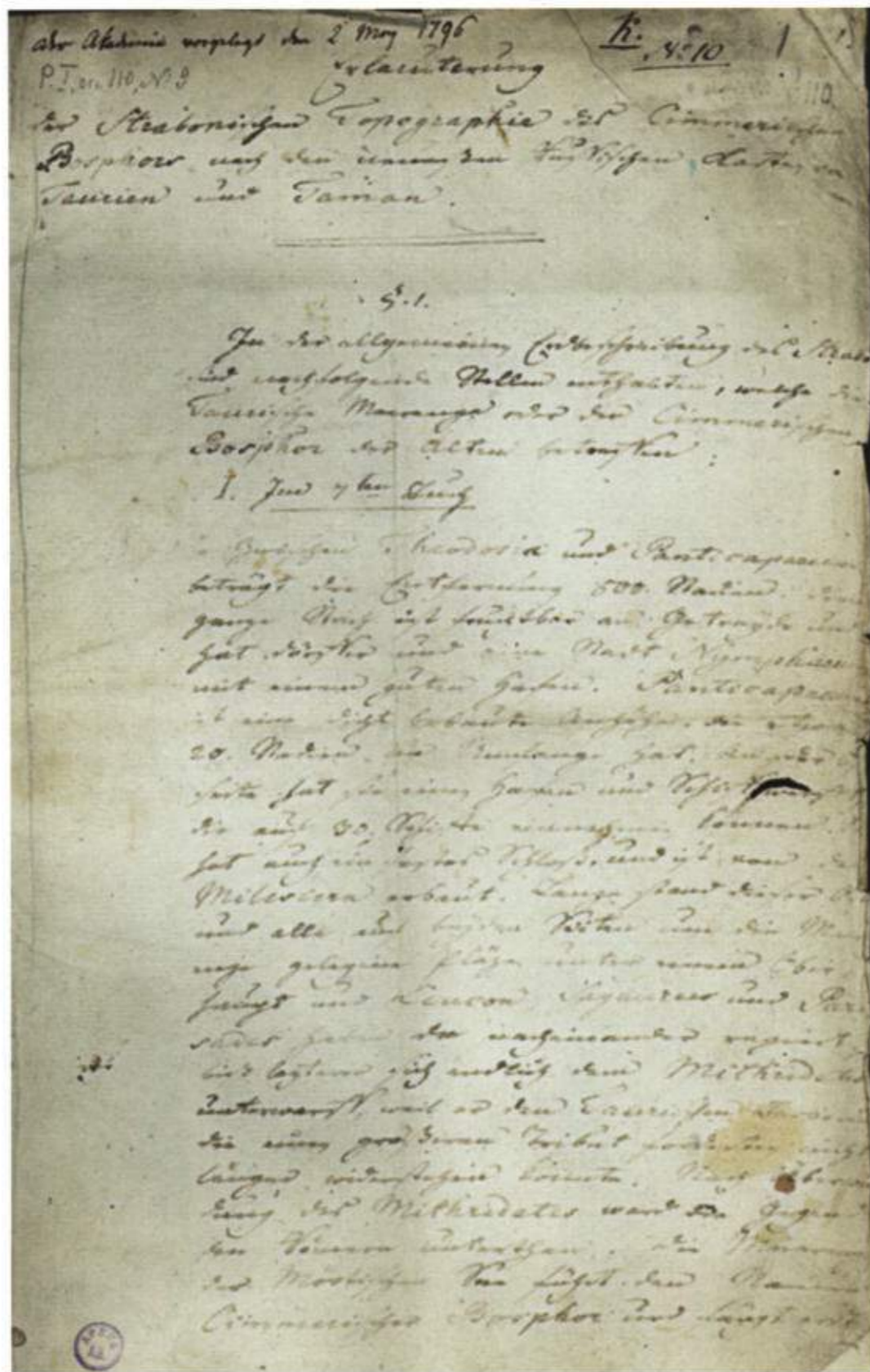

Рис. 8. Начало статьи Ф.К. Биберштейна «Erläuterung der Strabonischen Topographie den Cimmerischen Bosphore...». 1796 г. Автограф. ПФА РАН. Р. I. Оп. 110. Д. 9. Л. 1. Публикуется впервые

Предложение академика не было случайным: именно военные первыми стали проводить раскопки археологических памятников юга России, главным образом античных некрополей, и потому выработка собственно «археологических практик» в конце XVIII — начале XIX в. находилась на крайне прими-

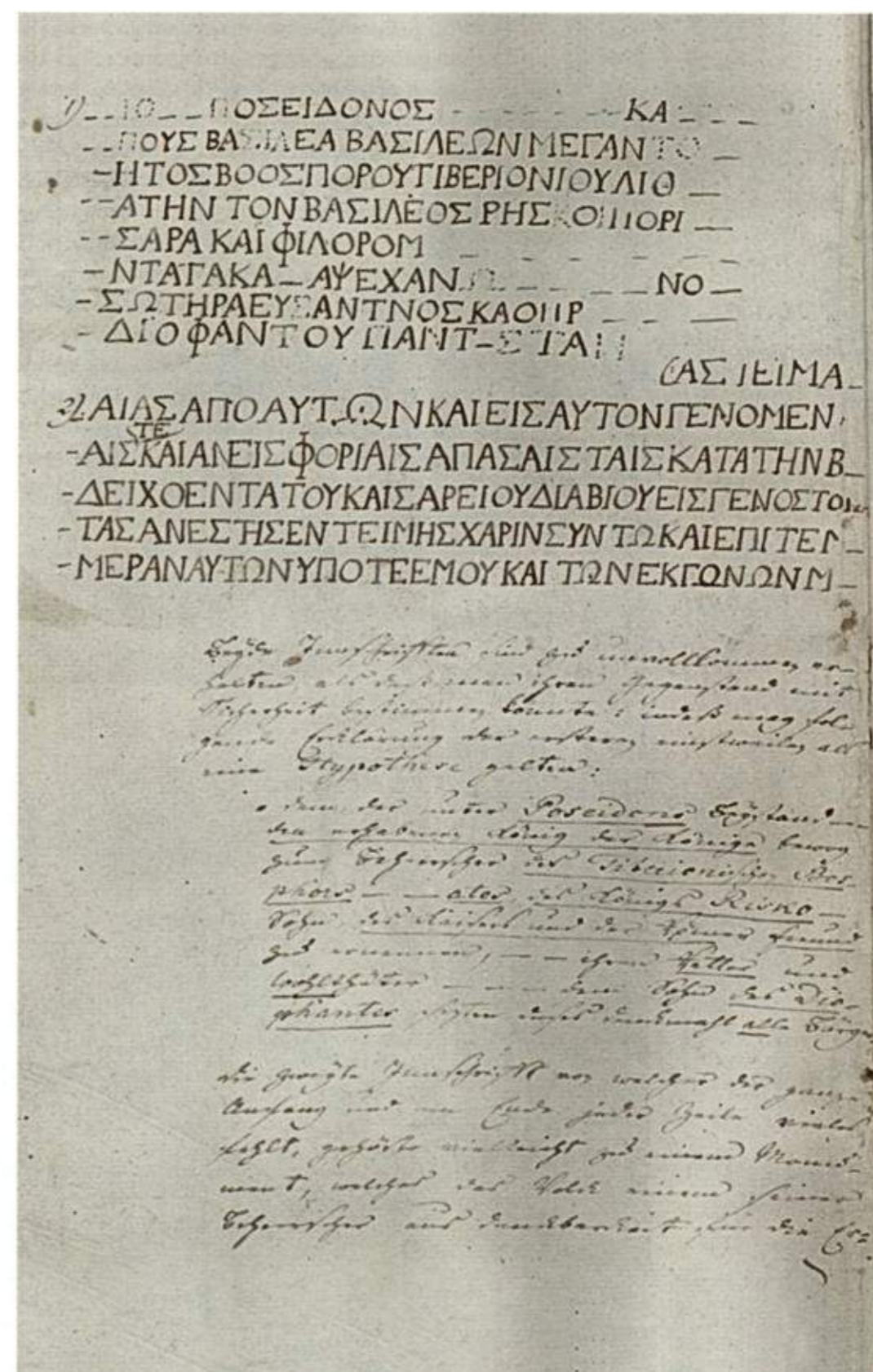

Рис. 9. Фрагмент статьи Ф.К. Биберштейна «Erläuterung der Strabonischen Topographie den Cimmerischen Bosphore...» (1796) с копиями надписей из Гермонассы (КБН 1048, 1050). ПФА РАН. Р. I. Оп. 110. Д. 9. Л. 4. Публикуется впервые

тивном уровне. Раскопки в Причерноморье носили эпизодический характер; открытия, как правило, совершались случайно при проведении строительных и фортификационных работ. Следует упомянуть начальника инженеров в Тамани генерала Ван дер Вейде (Van der Weide), проводившего (не позднее

1793 г.) раскопки самого крупного кургана на некрополе античной Фанагории с помощью солдат местного гарнизона. В 1801 г. была «обыскана инженерами богатая гробница» на берегу моря вблизи крепости Фанагория¹⁸. Инженерный начальник Фанагорийской крепости полковник Я.Л. Парокья (Пароки) в 1817–1818 гг. раскапывал курганы близ ст. Тамань и вел «журнал» своих археологических изысканий. Находки были преподнесены великому князю Николаю Павловичу (будущему императору Николаю I), который повелел передать их на хранение в Императорскую Публичную библиотеку. В 1831 г. они по настоянию Кёлера поступили в Эрмитаж, чтобы храниться вместе с «прочими подобными вещами». Подполковник Гринфельд в 1837 г. раскапывал курганы в окрестностях Анапы. Для представления императору в Эрмитаж были присланы пять ящиков древностей. Судя по документам, были раскопаны богатые захоронения с многочисленными золотыми «блестками», кольцами, перстнями, пряжками, пуговицами, бляшками, а также сердоликовыми, халцедоновыми и янтарными бусами и т.п.¹⁹

Крупным исследователем древностей юга России по праву считается академик П.И. Кёппен (1793–1864). Результаты его первых поездок на Тамань нашли отражение в брошюре, вышедшей в Вене²⁰. Кёппен впервые посетил Таманский полуостров в 1819 г. в поисках следов греческих поселений и с намерением провести раскопки: «Я стал было отыскивать следов греческих,

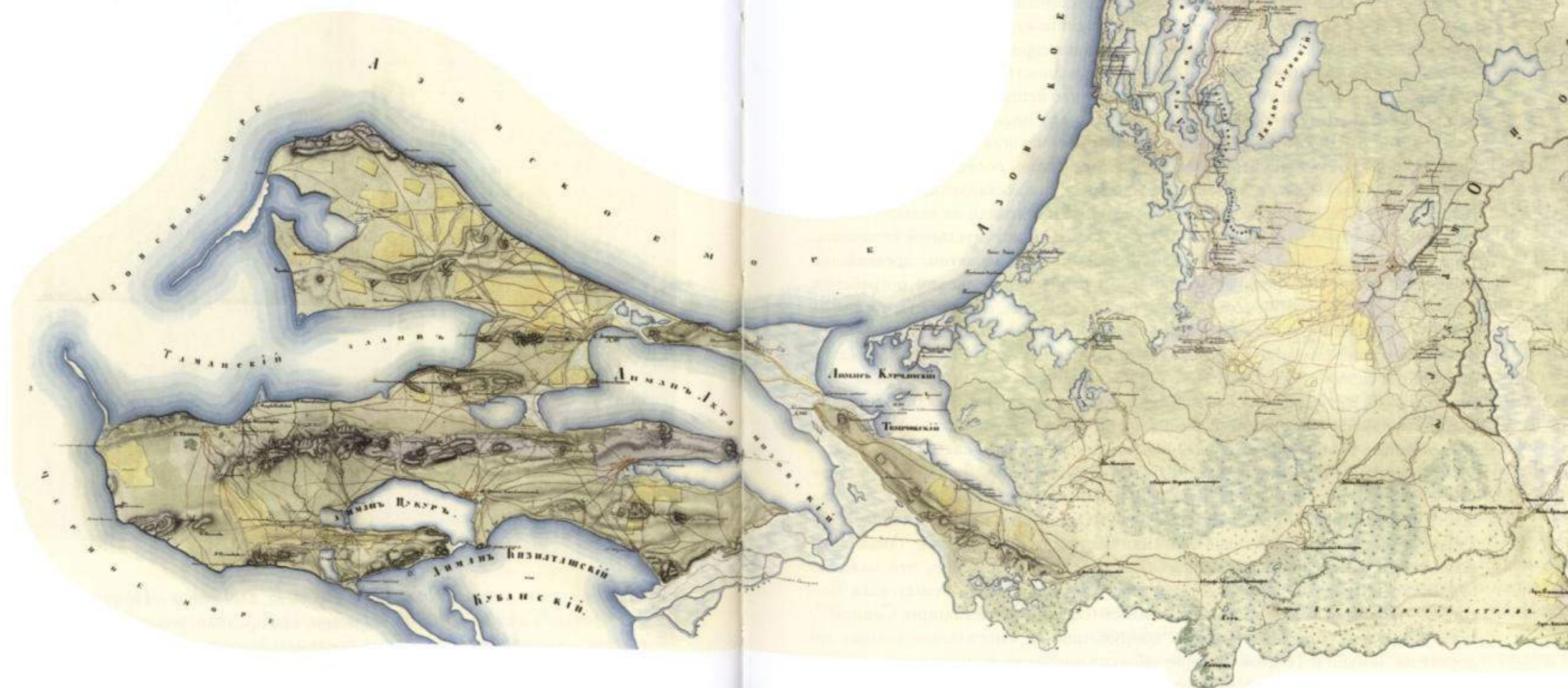

Рис. 10. Красочная рукописная «Карта Таманского округа». Ватман. На 9 листах. Размер одного листа 63 × 63 см. Без даты, первая половина XIX в. ПФА РАН. Р. IX. Оп. 1. Д. 541. Публикуется впервые

Рис. 11. Академик Е.Е. Кёлер.
Работы А.Г. Афанасьева по рис.
Д. Крюгера

здесь некогда находившихся поселений. Искал, между прочим, древней Корондамы и ездил для сего к Бугазу... Весьма желательно, чтобы кто-либо из ученых обследовал места, лежащие по кубанскому лиману от берегов реки сей до Анапы и далее, для определения местоположения древних эллинских обиталищ в Синдике: Гермонассы, Апатурона и пр.»²¹. За год до его поездки, в 1818 г. случайно было сделано важное археологическое открытие — находка надписи Ксеноклида (КБН 1014) и фундамента храма Артемиды Агротеры (Сельской). Публикуя надпись, в которой Перисад I именуется архонтом Боспора и Феодосии и царем синдов, торетов и дандариев (КБН 1014, ныне часть «В» хранится в КГИАМЗ), автор подробно остановился на характеристике племени синдов по данным письменных источников²². На относительную датировку надписи, отнесенную к «первым годам царствования» Перисада I, по сравнению с рядом более поздних надписей, уже опубликованных Кёлером и французским антиковедом Д. Рауль-Рошеттом (1789–1854), которые содержали другие формулы титулатуры боспорских правителей, обратил внимание путешествовавший по Северному Кавказу историк П.А. Муханов (1798–1871)²³.

В рукописных материалах Кёппена сохранилась неизданная статья «Ахденизовская надпись. Артемицион или лунопоклонение на берегах Ахденизовского лимана», написанная, вероятно, в начале 1820-х годов. Статья посвящена анализу античной письменной традиции о культе и храмах Артемиды в Греции и Малой Азии, так как Кёппен не сомневался в принадлежности надписи Ксеноклида храму Артемиды, сооруженному в древности на берегах Ахтанизовского лимана²⁴. Вероятно, во время посещения ученым ст. Ахтанизовской фундамент храма еще не был открыт полностью. Камни с надписью, найденные в разных частях здания, были вторично использованы при постройке более позднего сооружения²⁵. Находки, по его мнению, доказывали, что «здесь, влево от дороги из Темрюка в Тамань стоял некогда храм, посвященный Диане»²⁶. В путевых заметках 1829 г. Кёппен, вновь посетивший Черноморью, записал сведения о кубанских могильниках, предоставленные ботаником К.А. Мейером, который разделил погребальные памятники на четыре типа — к первому он отнес курганы, т.е. «могилы довольно значительной величины, составленные из одной только насыпной земли. Это, вероятно, древнейшие здесь памятники сего рода», ко второму — раннесредневековые погребения византийского времени — «совершенно плоские могилы, перекрытые горизонтально на поверхности оных лежащими каменными плитами, в которую большей частью вделана другая вертикально стоящая плита. На последней всегда иссечен греческий крест. Сверх сего одна нами видимая была с изображением мертвой головы. Надписей на камнях нет. Иногда вместо вертикально стоящей плиты находится иссеченный из камня крест. Думать должно, что сии могилы современны древним, отчасти уже обвалившимся здесь церквам»²⁷.

Корреспондент Кёппена, швейцарский натуралист Ф. Дюбуа де Монпере (1798–1850) совершил поездку в Крым и на Кавказ в 1832–1834 гг. и издал шеститомное описание своего путешествия, иллюстрированное роскошным атласом²⁸. Он оставил подробные описания местности и древностей Таманского полуострова и высказал оказавшееся верным предположение, что наличие огромного количества курганов говорит о том, что столица Азиатского Боспора — античная Фанагория — находилась близ почтовой станции Сенной²⁹. На «развалины довольно крупных сооружений» и «могильные холмы» по дороге из Тамани в Темрюк впервые обратил внимание французский путешественник-гугенот Обри де ля Мотре (1674–1743), посетивший Таманский

полуостров еще в 1711–1712 гг. и первый высказавший предположение о локализации на этом месте древнегреческой Фанагории³⁰.

В первой трети XIX в. правительством России, местными военными и гражданскими властями был принят ряд мер по охране древностей: в 1805 г. было издано распоряжение о запрете частным путешественникам собирать древности на казенных землях Причерноморья; в 1822 г. впервые были выделены средства на проведение раскопок и организацию музеев, охрану и реставрацию древностей Новороссии, находившихся «на государственных и общественных землях»; в 1824 г. приняты указы «о собирании всех планов и фасадов казенных зданий», включая памятники древности; в 1826–1828, 1837 гг. подписаны указы «о собирании по всем губерниям сведений об остатках древних замков и крепостей или других зданий древности» с планами и «фасадами», выделены средства на их «поддержание» и ремонт; в 1832 г. принят указ о присылке в Академию наук «достопамятных произведений природы и искусств, обретаемых в губерниях внутри империи» и т.п.³¹ Античные памятники стали собираться в государственных и частных музейных собраниях. Осознание значимости «антиквитетов» не только как произведений древнего искусства, но и как исторических источников привело к созданию первых государственных археологических собраний на юге России близ мест случайных раскопок — в Николаеве (1803), Феодосии (1811), Одессе (1825), Керчи (1826). В эти музеи попадали и древности с территории Азиатского Боспора.

К 1810–1830-м годам в Одессе, Керчи, позднее в Тифлисе возникли кружки антиквариев, объединявшие местных любителей древностей, коллекционеров, военных, представителей аристократии и местной бюрократической верхушки, действовавшие под патронажем меценатов в лице ряда генерал-губернаторов Новороссийского края и наместников Кавказа. Стремительно накапливавшийся новый археологический материал позволил провести первую научную систематизацию и классификацию античных памятников как полноценного источника для реконструкции истории античного Северного Причерноморья. Значительный вклад в науку внесли керченский градоначальник И.А. Стемпковский (1788–1832), директор Одесского и Керченского музеев И.П. Бларамберг (1772–1831) и зачинатель боспорской полевой археологии Поль Дюбрюкс (1770–1835). Именно в среде провинциальных антиквариев была выработана первая в русской науке программа исследований классических древностей Северного Причерноморья, сформулированная Стемпковским в записке «Note sur les recherches d'antiquités qu'il y aurait à faire dans la Russie Méridionale» (1823)³². В ней впервые были названы стратегические цели и тактические задачи изучения классических древностей юга России: составление сводов нарративной традиции о Причерноморье, корпусов эпиграфических, нумизматических и археологических источников, фиксация и изучение всех памятников, прежде всего городищ, проведение раскопок с научными, а не антикварными целями, принятие мер по консервации, реставрации и охране древностей, составление планов и объемных чертежей архитектурно-археологических остатков, картографирование памятников. Стемпковский первым ввел в научный оборот ряд монет Боспорского царства, в частности монеты царя Радамсада (309/310–318/319), сына Фофорса, имя которого отсутствует в нарративных источниках. Ценнейшая личная коллекция античных монет Стемпковского впоследствии была приобретена Императорским Эрмитажем³³.

Антиквары, приступив к обследованию городищ и курганов с научными целями, осознали необходимость документирования раскопок и важность

Рис. 12. Поль Дюбрюкс. «Карта Босфора Киммерийского и прилегающих земель. Отсылки: Развалины. А. Портмион; В. Мирмекий; С. Пантикапей; D. Нимфей; E. Большие стены; F. Мыс Карабурун; G. Царский замок; Y. Тиритака; I. Акра; J. Китей; K. Киммерий; 1. Гераклий Страбона по Бларембергу; 2. Дом и сад г-на Скасси; 3. Золотой курган и сооружения к востоку от него; 4. Болото; 5. Шесть мраморных колонн на глубине одного аршина под водой; 6. Развалины Корокондама; 7. Развалины Ахилея; 8. Развалины, которые могли бы быть остатками Азиатского Киммерия; 9. Руины храма Венеры Апатуры; 10. Руины под водой, которые могли бы быть остатками древней Фанагории; 11. Подводные косы; 12. Устье Гипаниса или Кубани; 13. Пролив глубиной 3 сажени; 14. Руины, древние названия которых неизвестны; 15. Деревня Опух». Не позднее 1833 г. ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 534. Л. 123

топографической фиксации памятников. В 1820 г. Дюбрюкс совершил специальную поездку на Тамань и снял копии надписей, хранившихся в Покровской церкви станицы Тамань, высланные через Стемповского и Бларамберга Рауль-Рошетту в Париж и А. Бёку в Берлин³⁴. В 1822 г. Дюбрюкс провел разведки на Таманском полуострове по берегу от Бугаза до Тамани в поисках следов городов Азиатского Боспора. В ГАРФ и архиве Института Франции в Париже хранятся составленные Дюбрюксом карты Восточного Крыма и Таманского полуострова с обозначением обследованных им памятников (рис. 12). «Этот труд, — писал Дюбрюкс в своем главном исследовании, известном как «Описание развалин и следов древних городов и поселений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского», — впрочем, не будет полным, пока я — или кто-то другой, более способный, — не смогут со Страбоном под рукой отыскать на другом берегу Боспора и составить планы городов Ахилей, Азиатского Киммерия, Корокондама, Фанагории и др.»³⁵. На азиатской стороне Керченского пролива на морском дне между внутренней стороной Северной косы (Чушки), ближе к южной оконечности, и берегом Таманского полуострова Дюбрюкс зафиксировал мраморные колонны, местонахождение которых было отмечено им на карте³⁶ (рис. 12).

Начало широкомасштабных раскопок древних некрополей в Северном Причерноморье связано с открытием Дюбрюксом богатейшего склепа в «царском» кургане Куль-Оба под Керчью (1830). Это событие с полным правом называют поворотным пунктом в истории русской археологии, так как после этого правительство стало рассматривать земли юга России как источник пополнения собрания Эрмитажа произведениями античного искусства и регулярно ассигновало средства на раскопки как в Крыму, так и на Таманском полуострове. С тех пор русская классическая археология стала формироваться прежде всего как боспорская археология. Проведение систематических раскопок на средства правительства, начатых в марте 1831 г., было поручено керченским антиквариам Д.В. Карейше (1808—1878) и А.Б. Ашику (1801—1854; в 1833 г. он стал директором Керченского музея). Древности Тамани привлекли внимание Ашика с начала 1820-х годов. Еще в 1829 г. он приобрел у одного из черноморских казаков серебряную синдскую монету³⁷ (голова безбородого Геракла в шкуре немейского льва — «в вогнутом квадрате лошадиная голова коня, смотрящего вправо, и слово ΣΙΝΔΩΝ»³⁸), попавшую в собрание Стемповского, который впервые опубликовал информацию о ней³⁹. Эта находка подтвердила догадку Кёлера о том, что синды могли чеканить собственную монету⁴⁰.

В июле 1835 г. Ашик перевез из ст. Тамань в Керченский музей 39 «памятников каменных с древними надписями» и другие древности, хранившиеся во дворе церкви Покрова Пресвятой Богородицы⁴¹. Карейша в особой записке «О разыскании древностей на Таманском полуострове» в 1838 г. жаловался министру Императорского Двора П.М. Волконскому, что «черноморское начальство» препятствует проведению раскопок, и 9 апреля 1838 г. последовало разрешение Николая I на проведение археологических исследований на Таманском полуострове⁴².

В 1840 г. Ашик провел исследования близ почтовой станции Сенная по берегу Ахтанизовского лимана, у станиц Титоровка, Стеблеевка и по берегу Цукурского лимана⁴³. В 1841 г. он написал краткое «Исследование о местоположении древних греческих поселений на Таманском полуострове», которое осталось неизданным⁴⁴. Весной 1846 г. Ашик раскопал девять

курганов на берегу Ахтанизовского лимана, свыше тридцати — у Сенной, два — у Титоровки и один — к югу от ст. Тамань⁴⁵. Антиквар был уверен, что станица Тамань находится «на пепелище древнего поселения, но какого именно, я не смею сказать, пока не будет подробно исследован Таманский полуостров в географическом отношении. Дюбуа (Ф. Дюбуа де Монпере. — И.Т.) определяет здесь местоположение древней Корокондамы. По моим же догадкам, Корокондама существовала на первом мысе, к югу от Тамани, где видны скалы, называемые Панагия... Истина... сокрыта в недрах курганов; мы постараемся извлечь ее на белый свет, и тогда представим критическое, полное и отчетливое описание Таманского полуострова»⁴⁶.

Раскопки на Тамани, начатые Карейшей в 1838, 1841—1843 гг. в курганных некрополях Гермонассы, Фанагории и Кеп, были продолжены в 1845—1847 гг.⁴⁷ Карейша провел поиски в курганных насыпях вокруг ст. Тамань, затем в курганах, расположенных вдоль моря у Сенной в 1838 г. и ст. Титоровской у Ахтанизовского лимана в 1845 г.⁴⁸, в 1846—1847 гг. исследовал 34 «смежных» кургана, растянувшихся с севера на юг близ Сенной (некрополь Фанагории и Кеп), и 9 курганов у ст. Ахтанизовской, оказавшихся большей частью разграбленными. В 17-м большом кургане у Сенной археолог обнаружил две «искусно высеченные» надгробные плиты с изображениями «на одной стороне скифского всадника на коне, на другой — головы мужской фигуры». Затем он перенес раскопки на другие насыпи в сторону хут. Герасимова, где нашел терракотовые статуэтки и расписные вазы⁴⁹.

Исследовательские задачи и методика полевых работ Карейши и Ашика сложились под влиянием определенного «социального» заказа — петербургское начальство требовало доставки в столицу все большего числа золотых вещей и высокохудожественных произведений античного ремесла, оставляя без внимания «бедные» находки, оседавшие в Керченском музее. Судя по дошедшим до нас рукописным полевым отчетам, основное внимание уделялось раскопкам могильников, но эти работы носили кладоискательский характер. Практиковались выборочные раскопки траншеями и минами единичных курганов или групп (кустов) курганных насыпей в некрополях античных городов Таманского полуострова. Раскопки одновременно проводились в разных местах, курганы зачастую бросались недоследованными. С точки зрения современной полевой археологии методический уровень работ Ашика и Карейши не выдерживает научной критики, хотя в этом же можно упрекнуть и их последователей — археологов второй половины XIX в., проводивших раскопки по поручению Археологической комиссии.

С конца 1830-х годов в России в обеих столицах и в провинции началось создание историко-археологических обществ, среди которых наибольший вклад в изучение древностей Кубани внесли Одесское общество истории и древностей (ООИД, 1839—1922), Императорское Русское географическое общество (РГО, основано в 1845 г.), Петербургское археолого-нумизматическое общество (ПАНО, с 1851 г. — Императорское Русское археологическое общество, РАО, 1846—1924), Императорское Московское археологическое общество (МАО, 1864—1923). Члены ООИД, РАО, МАО издавали научные труды по аниковедению в периодических изданиях и в качестве отдельных монографий. В «Записках» ООИД публиковался новый археологический, нумизматический и эпиграфический материал⁵⁰, например, информация нидерландского консула в Одессе Я.В.Э. Тетбу де Мариньи (1793—1852) об археологических разведках в окрестностях Анапы, Новороссийска, Геленджи-

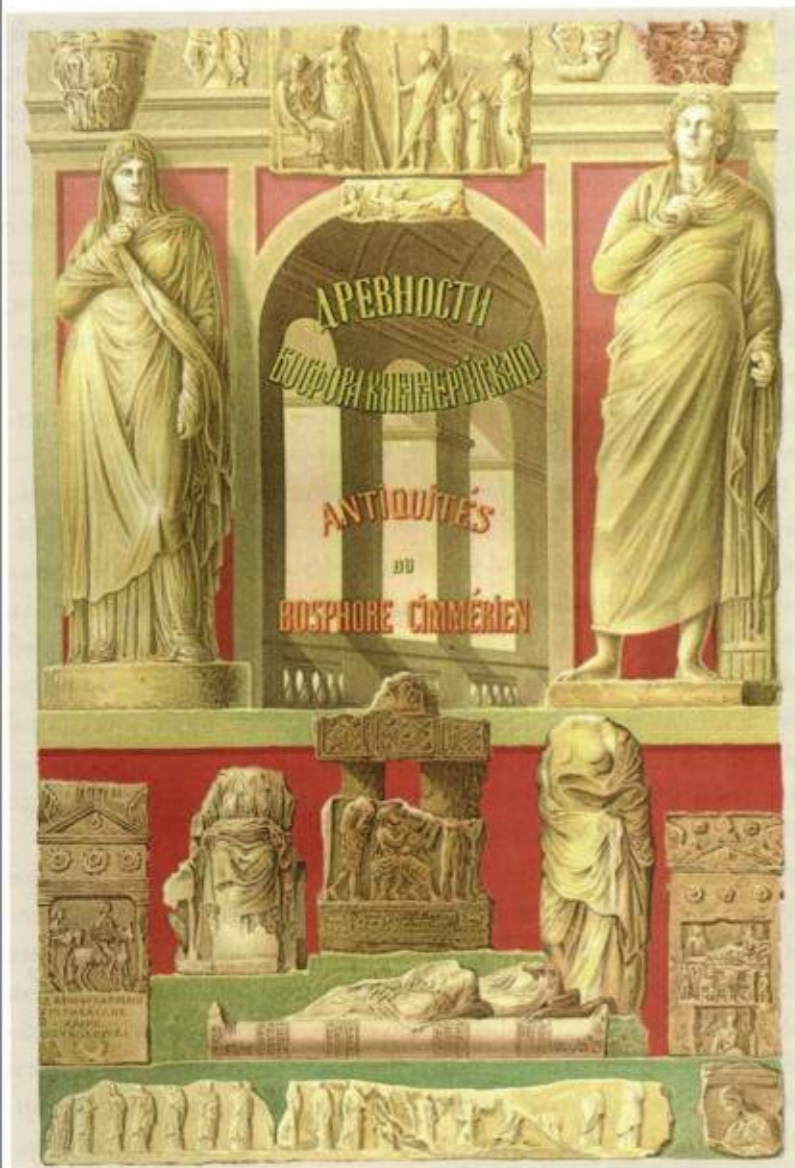

Рис. 13. Титульный лист издания «Древности Боспора Киммерийского». СПб., 1854

попыткой создания сводного корпуса севернопричерноморских монет в России. Автор привел описания 610 экземпляров монет большинства греческих городов Северного Причерноморья, включая Фанагорию, и попытка представить развитие монетного дела крупнейших центров Боспорского царства.

В 1850 г. кафедру греческих и римских древностей в Петербургской АН занял хранитель Отделения классических древностей Эрмитажа Л.Э. Стефани (1816–1887). Императорский Эрмитаж, открытый для публичного обозрения в 1852 г., превратился в богатейший археологический музей Российской империи во многом благодаря передаче в него коллекций из других собраний, в частности из музеев Академии наук и музеев Керчи и Одессы. Всю вторую половину XIX и в начале XX в. Эрмитаж интенсивно пополнялся памятниками из раскопок на Таманском полуострове.

Эпохальным событием в истории русского антиковедения, подведшим своеобразную черту под многолетними изысканиями на территории Боспора, стал выход в свет сводного трехтомного труда (параллельно на русском и французском языках) «Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа / Antiquités du Bosphore Cimmérien conservées au

ка, известие о находках в 1840–1842 гг. древнегреческих надписей в Анапе и в Гастогайской станице. Часть памятников поступила в музей ООИД, другая — в Эрмитаж и была издана академиком Ф.Б. Грефе (1780–1851) (КБН 1188–1191, 1206–1211, 1217–1218)⁵¹. Член ООИД П.В. Беккер оставил характеристику курганов Таманского полуострова⁵², другой член общества А.С. Фиркович (1786–1874) — описание греческих надписей Таманской церкви⁵³. Следуя инструкции ПАНУ, граф А.С. Уваров в 1848 г. совершил поездку по Северному Причерноморью, включая Таманский полуостров. Ее результаты не были опубликованы полностью. В ОПИ ГИМ сохранились фрагменты текста седьмой главы неизданного третьего выпуска «Исследований о древностях Южной России и берегов Черного моря» с анализом сведений античной письменной традиции об Азиатском Боспоре и путевые заметки А.С. Уварова о поездке по Тамани⁵⁴. Члены ООИД и ПАНУ — РАО Г.И. Спасский, Ашик, П. Сабатье, В.В. Григорьев в середине XIX в. опубликовали первые обобщающие книги об античных древностях Боспора⁵⁵, которыми ученые пользуются до сих пор как первоисточником сведений о многих памятниках, ставших известными в конце XVIII — первой половине XIX в. Перу хранителя Эрмитажа и члена ПАНУ барона Б.В. Кёне (1817–1886) принадлежит двухтомный труд, иллюстрированный точными гравюрами, с описанием музея князя В.В. Кочубея⁵⁶, который стал первой

Рис. 14. Фанагория. Казенный дом. Акварель Конст. К. Герца. НА ИИМК. Р. I. Д. 563. Л. 4

рисунков находок. В тексте к таблицам артефакты классифицированы не по типам вещей, не по археологическим комплексам, а по материалу, из которого выполнен погребальный инвентарь (золото, серебро, бронза, керамика и т.п.). По справедливому заключению Ростовцева, все исследования Стефани носят «по преимуществу антикварный характер с уклоном в сторону мифологических и историко-религиозных штудий»⁵⁷. Стефани мало интересовали «варварские» (скифо-сарматские, синдо-меотские и пр.) древности, к оценке которых он подходил, исходя из канонов греческого искусства. Академик уделял основное внимание произведениям эпохи классики в ущерб архаическим, эллинистическим и римским памятникам, однако именно его труды положили основу научной классификации, датировке и интерпретации шедевров античного искусства, найденных в Северном Причерноморье.

К концу 1840-х годов были созданы предпосылки для формирования археологической службы в стране. В 1850 г. начала работу Комиссия для исследования древностей под руководством графа Л.А. Перовского (1792–1856), которому в 1852 г. императором было поручено руководство всеми археологическими исследованиями в России. Он сумел создать коллектив сотрудников, занимавшихся исследованием древностей и выработавших программу систематического археологического изучения юга России. Административными методами Перовский стремился упорядочить раскопки и жестко регламентировать их методику, введя правила для археологических раскопок. В обязательном порядке археологам предписывалось вести подневные записи работ, съемку планов, изготовление рисунков находок, составление подробных полевых отчетов. По настоянию Перовского близ Сенной с 1853 по 1860 г. строилась первая археологическая база (рис. 14), которая просуществовала вплоть до конца 1880-х годов⁵⁸.

В 1852 г. Перовский обозначил важнейшие цели археологических исследований в Черномории: составление подробной археологической карты Таманского полуострова с фиксацией мест раскопок и проверку предположения Дюбуа де Монпери о локализации античной Фанагории близ Сенной⁵⁹. В 1850-х годах рисовальщик Керченского музея К.Р. Бегичев (1819–1963) провел исследования на некрополе (1851–1853⁶⁰, 1855) и городище (1853) Фанагории и в других местах полуострова, в частности на Тузлинском некрополе⁶¹. В 1851 г. в ст. Тамань был найден знаменитый мраморный барельеф с изображением двух гигантов⁶², а в одном из курганов близ Сенной —

musée impérial de l'Ermitage» (СПб., 1854) (рис. 13). Книга была составлена хранителями императорского собрания Ф.А. Жилем (1801–1864) и Стефани на основании рукописей Дюбрюкса, полевых отчетов Ашика, Карейши и др., и в результате непосредственного изучения памятников, украсивших столичный музей. В роскошном атласе помещены таблицы литографий, выполненные с карандашных и акварельных

Рис. 13. Титульный лист издания «Древности Боспора Киммерийского». СПб., 1854

попыткой создания сводного корпуса севернопричерноморских монет в России. Автор привел описания 610 экземпляров монет большинства греческих городов Северного Причерноморья, включая Фанагорию, и попытался представить развитие монетного дела крупнейших центров Боспорского царства.

В 1850 г. кафедру греческих и римских древностей в Петербургской АН занял хранитель Отделения классических древностей Эрмитажа Л.Э. Стефани (1816–1887). Императорский Эрмитаж, открытый для публичного обозрения в 1852 г., превратился в богатейший археологический музей Российской империи во многом благодаря передаче в него коллекций из других собраний, в частности из музеев Академии наук и музеев Керчи и Одессы. Всю вторую половину XIX и в начале XX в. Эрмитаж интенсивно пополнялся памятниками из раскопок на Таманском полуострове.

Эпохальным событием в истории русского антиковедения, подведшим своеобразную черту под многолетними изысканиями на территории Боспора, стал выход в свет сводного трехтомного труда (параллельно на русском и французском языках) «Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа / Antiquités du Bosphore Cimmérien conservées au

ка, известие о находках в 1840–1842 гг. древнегреческих надписей в Анапе и в Гастогайской станице. Часть памятников поступила в музей ООИД, другая – в Эрмитаж и была издана академиком Ф.Б. Грефе (1780–1851) (КБН 1188–1191, 1206–1211, 1217–1218)⁵¹. Член ООИД П.В. Беккер оставил характеристику курганов Таманского полуострова⁵², другой член общества А.С. Фиркович (1786–1874) – описание греческих надписей Таманской церкви⁵³. Следуя инструкции ПАНО, граф А.С. Уваров в 1848 г. совершил поездку по Северному Причерноморью, включая Таманский полуостров. Ее результаты не были опубликованы полностью. В ОПИ ГИМ сохранились фрагменты текста седьмой главы неизданного третьего выпуска «Исследований о древностях Южной России и берегов Черного моря» с анализом сведений античной письменной традиции об Азиатском Боспоре и путевые заметки А.С. Уварова о поездке по Тамани⁵⁴. Члены ООИД и ПАНО–РАО Г.И. Спасский, Ашик, П. Сабатье, В.В. Григорьев в середине XIX в. опубликовали первые обобщающие книги об античных древностях Боспора⁵⁵, которыми ученые пользуются до сих пор как первоисточником сведений о многих памятниках, ставших известными в конце XVIII – первой половине XIX в. Перу хранителя Эрмитажа и члена ПАНО барона Б.В. Кёне (1817–1886) принадлежит двухтомный труд, иллюстрированный точными гравюрами, с описанием музея князя В.В. Кочубея⁵⁶, который стал первой

Рис. 14. Фанагория. Казенный дом. Акварель Конст. К. Герда. НА ИИМК. Р. I. Д. 563. Л. 4

рисунков находок. В тексте к таблицам артефакты классифицированы не по типам вещей, не по археологическим комплексам, а по материалу, из которого выполнен погребальный инвентарь (золото, серебро, бронза, керамика и т.п.). По справедливому заключению Ростовцева, все исследования Стефани носят «по преимуществу антикварный характер с уклоном в сторону мифологических и историко-религиозных штудий»⁵⁷. Стефани мало интересовали «варварские» (скифо-сарматские, синдо-меотские и пр.) древности, к оценке которых он подходил, исходя из канонов греческого искусства. Академик уделял основное внимание произведениям эпохи классики в ущерб архаическим, эллинистическим и римским памятникам, однако именно его труды положили основу научной классификации, датировке и интерпретации шедевров античного искусства, найденных в Северном Причерноморье.

К концу 1840-х годов были созданы предпосылки для формирования археологической службы в стране. В 1850 г. начала работу Комиссия для исследования древностей под руководством графа Л.А. Перовского (1792–1856), которому в 1852 г. императором было поручено руководство всеми археологическими исследованиями в России. Он сумел создать коллектив сотрудников, занимавшихся исследованием древностей и выработавших программу систематического археологического изучения юга России. Административными методами Перовский стремился упорядочить раскопки и жестко регламентировать их методику, введя правила для археологических раскопок. В обязательном порядке археологам предписывалось вести поденные записи работ, съемку планов, изготовление рисунков находок, составление подробных полевых отчетов. По настоянию Перовского близ Сенной с 1853 по 1860 г. строилась первая археологическая база (рис. 14), которая просуществовала вплоть до конца 1880-х годов⁵⁸.

В 1852 г. Перовский обозначил важнейшие цели археологических исследований в Черномории: составление подробной археологической карты Таманского полуострова с фиксацией мест раскопок и проверку предположения Дюбуа де Монпере о локализации античной Фанагории близ Сенной⁵⁹. В 1850-х годах рисовальщик Керченского музея К.Р. Бегичев (1819–1963) провел исследования на некрополе (1851–1853⁶⁰, 1855) и городище (1853) Фанагории и в других местах полуострова, в частности на Тузлинском некрополе⁶¹. В 1851 г. в ст. Тамань был найден знаменитый мраморный барельеф с изображением двух гигантов⁶², а в одном из курганов близ Сенной –

musée impérial de l'Ermitage» (СПб., 1854) (рис. 13). Книга была составлена хранителями императорского собрания Ф.А. Жилем (1801–1864) и Стефани на основании рукописей Дюбрюкса, полевых отчетов Ашика, Карейши и др., и в результате непосредственного изучения памятников, украсивших столичный музей. В роскошном атласе помещены таблицы литографий, выполненные с карандашных и акварельных

мраморный саркофаг, представляющий собой «единственный в своем роде образец античной полихромии»⁶³. В 1852 г. член РАО князь А.А. Сибирский (1824–1879) и Бегичев в кургане некрополя Фанагории раскопали женское погребение рубежа V–IV вв. до н.э. с золотыми украшениями и комплексом фигурных полихромных сосудов — подлинных шедевров греческой коропластики и живописи⁶⁴.

В 1853 г. директор Керченского музея А.Е. Люценко (1807–1884) и А.С. Линевиц объехали места важнейших раскопок на Таманском полуострове и пришли к выводу о необходимости исследований близ ст. Сенной⁶⁵. Итоги «обозрения» Таманского полуострова были подведены в статье сотрудника музея Я.М. Лазаревского, где даны описания курганов и «батареек» (остатков сырцовых крепостей античной и средневековой эпох)⁶⁶. В 1853 г., помимо некрополя, Бегичев и Лазаревский сосредоточили усилия на раскопках траншеями того места городища Фанагории, где была найдена посвятельная надпись Кассалии второй половины IV в. до н.э. Афродите Урании (КБН 972)⁶⁷, и открыли следы зданий, погибших в пожаре⁶⁸. Исследования были возобновлены Бегичевым в 1855 г. уже на некрополе Фанагории. В одном из курганов близ имения Семеняки он открыл погребение с кремацией, в состав инвентаря которого входили терракотовые статуэтки, двуручная краснофигурная ваза (пелика) и пара золотых серег⁶⁹. Крымская война прервала раскопки вплоть до 1859 г.⁷⁰

2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

После смерти Перовского в 1856 г. во главе комиссии, вошедшей в структуру Министерства Императорского Двора, встал граф С.Г. Строганов (1794–1882) — страстный коллекционер и любитель древностей. Строгановская комиссия в 1859 г. была реорганизована в Императорскую Археологическую комиссию (1859–1917; в 1917–1918 гг. называлась Российской археологической комиссией, в 1918–1919 гг. — Российской государственной археологической комиссией в системе Наркомпроса РСФСР). Ей был подчинен Керченский музей древностей, в сферу интересов которого попали и памятники Таманского полуострова. В ведении комиссии находились охрана, учет, научная экспертиза и систематизация древностей, исследования и публикации памятников. В 1889 г. комиссия получила исключительное право выдавать открытые листы на раскопки на государственных, городских и крестьянских землях (за исключением помещичьих), т.е. право выдачи разрешений и контроля над археологическими исследованиями по всей стране. В Археологическую комиссию поступали находки, распределявшиеся в Эрмитаж и другие музейные хранилища. К середине XIX в. в России была создана организационная структура классической археологии в виде археологических обществ и специальной правительственной комиссии, которые наряду со столичными и провинциальными музеями действовали практически в неизменном виде вплоть до 1919 г.

В 1859 г. проведение раскопок на Тамани было поручено Карлу Карловичу Герцу⁷¹. В Керчи Герц встретил Люценко и Бегичева и присутствовал при «вскрытии двух гробниц», а затем прибыл на Сенную и пробыл на Таманском полуострове вплоть до начала октября. К раскопкам было привлечено от 7 до 50 рабочих⁷². На городище столицы Азиатского Боспора были найдены «стены

Рис. 15. Находки из раскопок К.К. Герца 1859 г. на месте древней Фанагории:

1 — Пифос, античная (Менде (?), вторая половина V в. до н.э.) и средневековая амфоры. Акварель Конст. К. Герца. 1859 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 563. Л. 4 об.;

2 — Черепица с клеймом. Рис. Конст. К. Герца. 1859 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 563. Л. 5;

3 — Акротерий из известняка. Рис. Конст. К. Герца. 1859 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 563. Л. 5 об.;

4 — Надгробные камни, найденные близ хутора Чижевского. Рис. Конст. К. Герца. 1859 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 563. Л. 7 об.

акрополиса Фанагории», фрагменты скульптур, колонн и мраморов, вероятно, украшавших несколько зданий, фрагмент чернофигурной вазы и два мраморных пьедестала с греческими надписями в честь Динамии (КБН 979) и Римиталка (КБН 976), которые были отправлены в Эрмитаж (рис. 15, 1–4)⁷³. Надпись КБН 979 содержала имя боспорской царицы Динамии, известное по рассказу Диона Кассия и надписи с посвящением императору Августу (КБН 1046), впервые опубликованной Кёлером. Монеты с именем Агриппии и Кесарии и надпись с упоминанием архонтов Агриппии–Кесарии, найденная возле Тамани и изданная еще Стемпковским (КБН 1051), положили начало научной дискуссии о названии городов, чеканивших собственные монеты и известных по эпиграфическим памятникам как Агриппия и Кесария, т.е. о двух столицах Боспора — Фанагории и Пантикапее.

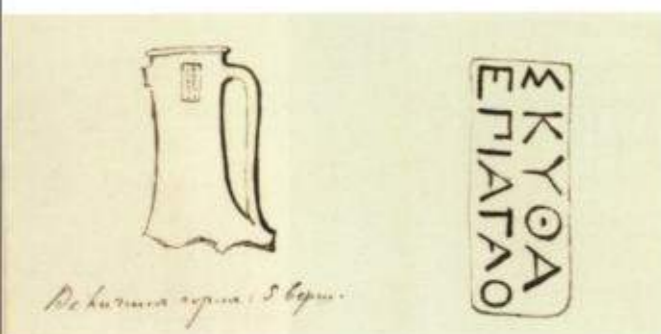

Рис. 16. К.К. Гёрц. Рисунок амфорного гераклейского горла с клеймом ΣΚΥΘ ΕΠΙ ΑΓΑΘΩΝ [ΩΝ] ок. 350–340-х годов из раскопок в кургане некрополя Фанагории. 1859 г. НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1859. Д. 11. Л. 74. Публикуется впервые

Гёрц провел также раскопки в 34 курганах вне Фанагории, вдоль берега Таманского залива от почтовой станции Сенной к хут. Артюховского⁷⁴, в курганах на Солонцах в окрестностях сопки Блеваки (Майской горе)⁷⁵, в курганах вдоль берега Таманского залива, тянувшихся от хуторов Чижевского и Боровика к Шимарданской бухте (рис. 16, 17)⁷⁶. В отчете упомянуты находки бронзовой гидрии, двух краснофигурных ваз второй половины IV в.⁷⁷, фрагментов шерстяной одежды и скифской шапки (башлыка), найденной в катакомбе с тремя деревянными саркофагами⁷⁸ в так называемом

Змеином или Скифском кургане (рис. 18) на берегу Таманского залива⁷⁹. Часть находок из раскопок 1859 г. была передана в Археолого-нумизматический кабинет Московского университета, которым заведовал Гёрц (ныне в ГМИИ им. А.С. Пушкина и ГИМ). Младший брат археолога, художник-пейзажист Константин Карлович Гёрц (1826–1879)

Рис. 17. Вид на городище Фанагории: 1 – Нижнее плато и место раскопок К.К. Гёрца в 1859 г. Акварель Конст. К. Гёрца. 1859 г. НА ИИМК. Р. 1. Д. 563. Л. 2; 2 – Вид с берега Таманского залива близ хутора Чижевского. Акварель Конст. К. Гёрца. 1859 г. НА ИИМК. Р. 1. Д. 563. Л. 3

зарисовал карандашом и акварелью виды раскопок и найденные древности. Профессору Гёрцу принадлежат две широко известные книги по археологии азиатского Боспора⁸⁰, где впервые были опубликованы археологические карты Таманского полуострова и окрестностей Фанагории (рис. 19, 20).

Лишь в 1864 г. раскопки на Таманском полуострове были возобновлены⁸¹. Блестящие археологические открытия выпали на долю членов Археологической комиссии И.Е. Забелина (1820–1908)⁸², В.Г. Тизенгаузена (1825–1902) (рис. 21)⁸³, Н.П. Кондакова (1844–1925) (рис. 22). Столичным археологам помогали директора Керченского музея: в 1853–1878 гг. – Люценко, в 1879–1884 гг. – С.И. Вереврюсов (?–1884), в 1879–1884 гг. – Ф.И. Гросс (1822–1896), в 1891–1901 гг. – К.Е. Думберг (1862–1931), в 1901–1918 гг. – В.В. Шкорпил (1853–1918).

Забелин, получивший опыт полевой работы при исследовании скифских курганов Поднепровья, в частности в 1862–1863 гг. знаменитого Чертомлыка, в 1864 г. исследовал 9 курганов на берегу Таманского залива, из них только один оказался «неразоренным»⁸⁴. Его внимание привлек восточный, бо́льший из двух самых значительных по величине курганов, именуемых Близнецами или Двумя Братьями, находившихся близ сел. Стеблеевки к югу от Фанагории (рис. 23)⁸⁵. В западной стороне насыпи, почти у самой подошвы, археологи открыли «жженую гробницу» («жженный точок»). В слоях пепла могилы с кремацией были найдены: золотые лавровый венок, перстень со скарабеем и изображением оленя, литая статуя танцовщицы, бляшки и бусы, бронзовые зеркало, ложечка, гвозди, мелкие костяные украшения, золотой статер Александра Македонского и др. Восточнее был открыт каменный склеп с уступчатым перекрытием и коротким коридором, сложенным из штучных камней (склеп № 1. 1864 г.). В середине склепа стоял кипарисовый саркофаг, украшенный художественной резьбой с инкрустацией из слоновой кости и цветами из золота по красному полю. В нем покоилась женщина в золотых украшениях – калаф с чеканными изображениями борьбы варваров с грифонами, височные привески с изображениями nereid, плывущих на гиппокампах, начельник – налобная повязка-пластина (стленгида) (рис. 24, 25), ожерелье, бусы, браслеты, серьги, четыре перстня, пуговицы, большое число нашивных бляшек одежды с изображениями Деметры, Коры, Геракла,

Рис. 18. Раскопки К.К. Гёрца 1859 г. некрополя Фанагории. Курган № 27 («Скифский») с ЮЗ стороны. Акварель Конст. К. Гёрца. 1859 г. НА ИИМК. Р. 1. Д. 563. Л. 12

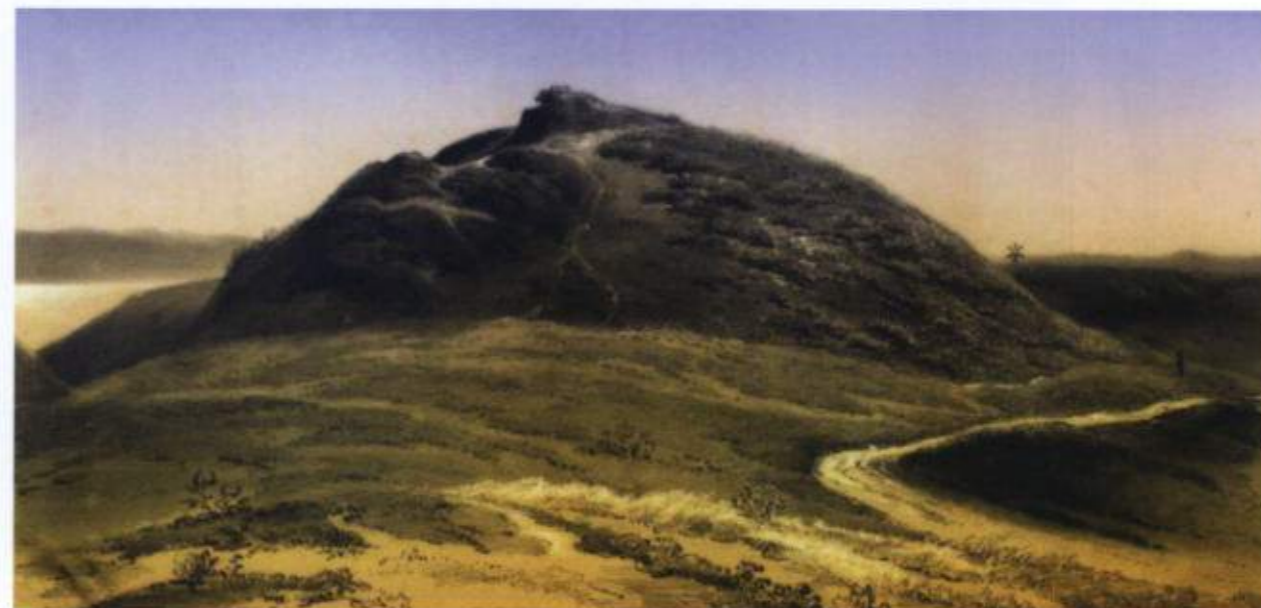

Рис. 19. Герц К.К. Археологическая карта Таманского полуострова. Опул. в кн.: Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898

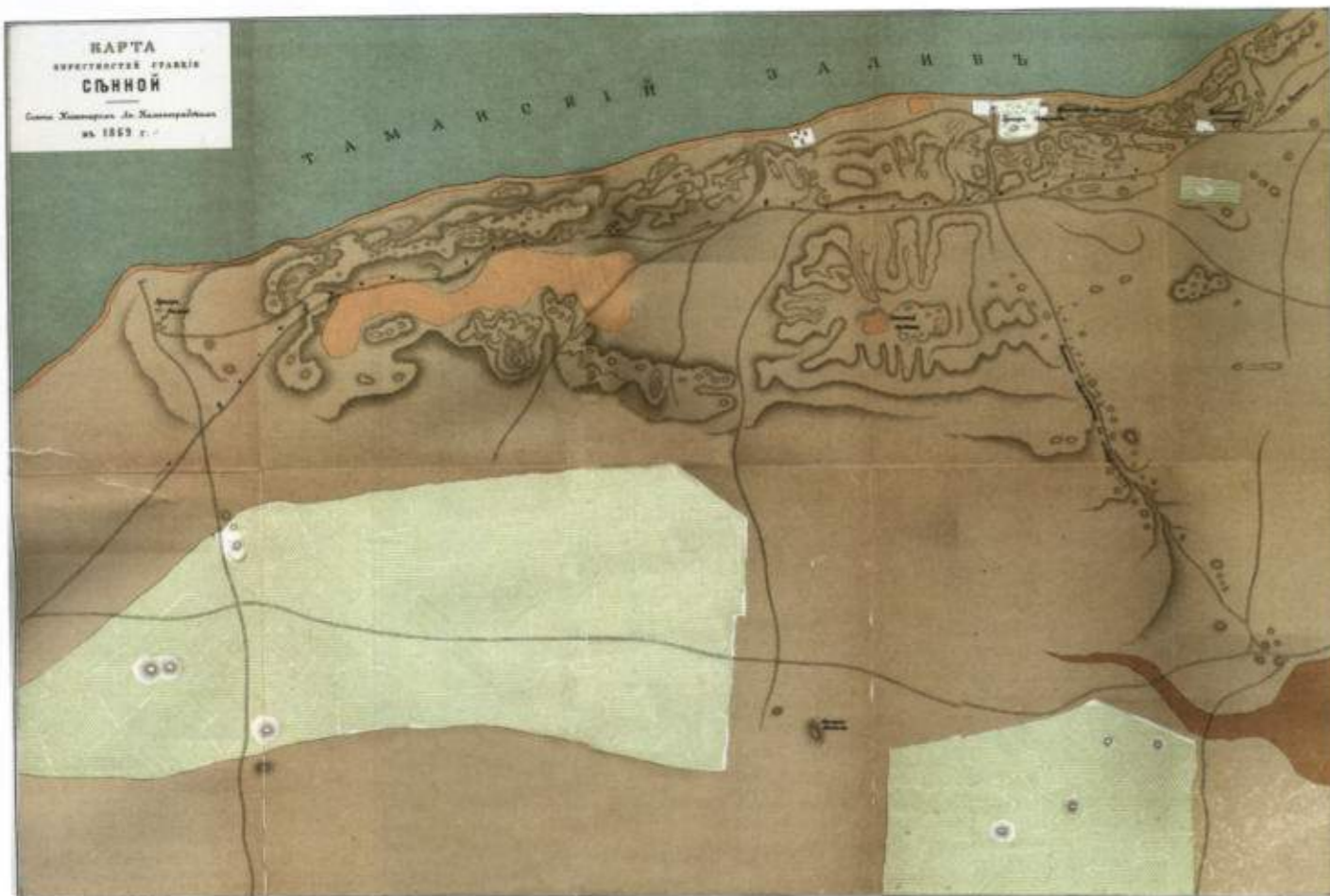

Рис. 22. Никодим Павлович Кондаков (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства, археолог, член-корреспондент (1892), действительный член (1898) Петербургской АН, ПФА РАН. Р. X. Оп. 1-К. Д. 391. Л. 1

Рис. 23. Раскопки И.Е. Забелина и А.Е. Люценко кургана Большая Близица 1864 г. «Курган Большая Близица на Таманском полуострове с показанием произведенного в нем раскопа с западной стороны в 1864 г.: 1. Каменный склеп № 1, открытый г. Забелиным. 2–4. Мины, проложенные через центр кургана, также г. Забелиным. 5. Расположение амфор в курганной насыпи. 6. Мина г. Люценко». Рис. Ф.И. Гросса. 1864 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 564. Л. 21

Рис. 20. Герц К.К. Карта окрестностей ст. Сенной. Опубл. в кн.: Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898

Рис. 21. Владимир Густавович Тизенгаузен (1825–1902), востоковед-тюрколог, археолог, нумизмат, член-корреспондент Петербургской АН (1893), товарищ председателя Имп. Археологической комиссии. ПФА РАН. Р. X. Оп. 1-Т. Д. 3. Л. 1

Горгоны, Афины и др. У стены склепа лежал бронзовый футляр для зеркала, украшенный рельефными фигурами Афродиты и Эрота. В головах погребенной стояла краснофигурная пелика с изображением битвы Геракла с кентавром. В углу склепа были сложены четыре богатых конских убора, в состав которых входили фалары с изображением сцен борьбы Посейдона с гигантом и греков с амазонками. Забелин предположил, что эта гробница присыпная, а главная должна находиться в центре кургана.

В 1864, 1865 и 1868 гг. были исследованы кострища и остатки погребальных триз в разных частях насыпи кургана. Кострища оказались устроены в виде прямоугольника, окруженного стенками из сырцовых кирпичей; рядом были открыты воронкообразные ямы с плитами для возлияний (одна имела вид квадратного алтаря). К юго-западу от склепа была найдена другая каменная гробница, но полностью ограбленная. Дромос с «призматическим» сводом вел в склеп с «пирамидальным» сводом (склеп № 2. 1864 г.), расписанный фризами с цветочными орнаментами и фреской с гигантским портретным изображением адорирующей богини (Деметры, Коры-Персефоны или Великой местной богини)⁸⁶ на плите, завершающей пирамидальное перекрытие камеры (рис. 26, 27)⁸⁷.

Курган Большая Близица доследовался в 1868 г. Тизенгаузеном, в 1865–1868 гг. Люценко (рис. 28–31), в 1883 г. Верebrюсовым и в 1884–1885 гг. Гроссом⁸⁸ (рис. 32). В Большой Близице Тизенгаузен обнаружил плитовую могилу (погребение № 4. 1868 г.), возведенную в насыпи кургана, где были найдены два наряда женских украшений, в том числе калаф, начельник, ушные подвески, ожерелья, браслет, перстни, кольца, пластины и бляшки, а

Рис. 24–25. Калаф, стленгида и височные привески с изображением Фетиды, плывущей на гиппокампе, из погребения жрицы. Раскопки И.Е. Забелина и А.Е. Люценко кургана Большая Близица 1864 г. ФА ИИМК О-1611-49; О-1611-46

Рис. 26. Раскопки И.Е. Забелина и А.Е. Люценко 1864 г. Курган Большая Близица. «Коридор, ведущий в погребальную комнату каменного склепа № 2-й, открытого в кургане Большая Близица». Рис. Ф.И. Гросса. 1864 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 564. Л. 22

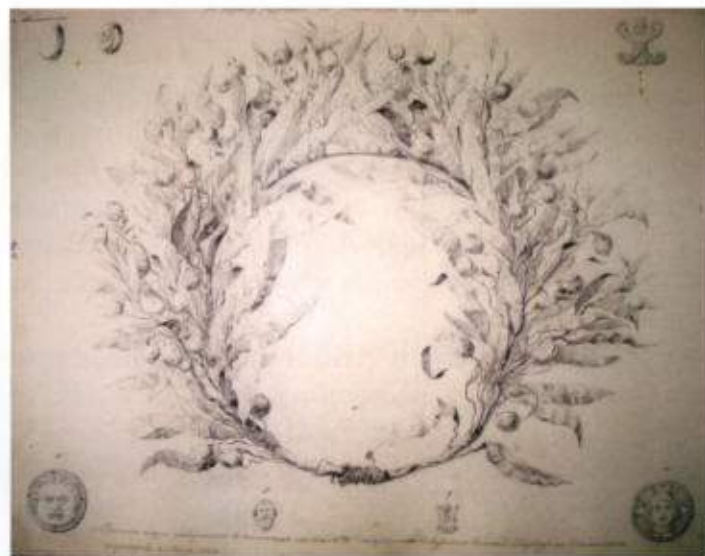

Рис. 27. Раскопки И.Е. Забелина и А.Е. Люценко 1864 г. Курган Большая Близица. «Внутренний вид погребальной комнаты в каменном склепе № 2-й». Рис. Ф.И. Гросса. 1864 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 564. Л. 22

Рис. 28. Раскопки А.Е. Люценко кургана Большая Близица 1865 г. «Раскоп, произведенный в юго-западной части кургана Большой Близицец на Таманском полуострове, с показанием в нем двух каменных склепов: № 2 разоренного склепа, открытого осенью в 1864 г.; № 3 неразоренного, открытого 20 июля 1865 г.». Рис. Ф.И. Гросса. 1865 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 692. Л. 3

Рис. 29. Раскопки А.Е. Люценко кургана Большая Близица 1865 г. «Золотые вещи, найденные в каменном склепе № 3, открытом в кургане Большой Близицец на Таманском полуострове 20 июля 1865 г.». Рис. Ф.И. Гросса. 1865 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 692. Л. 5

также бронзовые зеркало⁸⁹ и сосуды, костяные женские статуэтки и терракоты. В юго-восточной стороне кургана, где была открыта плитовая могила (погребение № 5. 1883 г.) с остатками деревянного гроба, были обнаружены золотой венок, серьги в виде круглой розетки с подвесками, ожерелье, два браслета, семь терракотовых статуэток, костяное веретено и бронзовое зеркало. У ног скелета стояла расписная ваза; к правой стороне саркофага была прислонена каменная овальная погребальная плитка. В том же кургане было открыто мужское погребение в каменном склепе с уступчатым перекрытием (склеп № 3. 1865 г.), сооруженном в насыпи близ первого погребения жрицы. Обломки деревянного саркофага украшали вставки из слоновой кости с гравированными изображениями, бронзовый позолоченный шлем, похожий на фригийскую шапку, золотой лавровый венок, части панциря, меча, ножей, наконечники стрел и копий, золотые нашивные бляшки одежды, два золотых перстня. Курган представлял собой семейную усыпальницу знатной, возможно, синдской семьи второй половины или конца IV — начала III в. до н.э., женщины которой были жрицами элевсинских культов или Великой местной богини⁹⁰.

Рис. 30. Раскопки А.Е. Люценко кургана Большая Близница 1865 г. «Вещи, найденные в каменном склепе № 3, открытом в кургане Большой Близнец на Таманском полуострове 20 июля 1865 г.». Рис. Ф.И. Гросса. 1865 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 692. Л. 6

Рис. 31. Раскопки А.Е. Люценко кургана Большая Близница. 1868 г. «Верхняя пластинка бронзового зеркального футляра из каменной гробницы № 4 кургана Большая Близница». Рис. Ф.И. Гросса. 1868 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 565. Л. 6 об.

В Малой Близнице раскопками Люценко в 1864–1865, 1868 гг., Верещурикова в 1881–1883 гг. (рис. 33) и Шкорпила в 1907, 1915 гг. были открыты остатки тризн, «земляная» (обложенная сырцовыми кирпичами) гробница (1864) с истлевшим прахом ребенка, в ногах которого стояли краснофигурный лекиф с изображением крылатого сфинкса и два кувшинчика, датируемые не позднее середины IV в. до н.э.; детская гробница из отесанных каменных плит на поверхности материка с краснофигурным гуттусом (1865); два детских захоронения в насыпи кургана (1883) с сетчатыми лекифами третьей четверти IV в. до н.э.; богатое погребение (кремация) в грунтовой яме, перекрытой войлоком, не позднее середины IV в. до н.э. (1882), в сопровождении погребения (жертвоприношения?) пяти коней в уздечных наборах. Здесь были обнаружены золотая маска с изображением Афины в шлеме, золотой погребальный венок, часть золотой шейной гривны, оселок (точильный камень) в золотой оправе, фрагменты двух диадем, золотые нашивные бляшки с изображениями горгонейонов, кентавров и пр., перстень и т.п., а также остатки

Рис. 32. Раскопки Ф.И. Гросса кургана Большая Близница. Рис. Ф.И. Гросса. 1884 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 570. Л. 5

погребальных костров (1864, 1913)⁹¹. Ю.А. Виноградов полагает, что Малая Близница является погребальным памятником IV, а не III в. до н.э., как считал Ростовцев, и характеризуется более варваризированным погребальным обрядом по сравнению с Большой Близницей⁹².

В 1869 г. Забелин исследовал 21 курган — группу курганов к юго-западу от Фанагории⁹³, раскопал Долгий курган к востоку от городища, где была обнаружена каменная гробница с остатками деревянного саркофага⁹⁴ (рис. 34), и свыше десяти курганов «по направлению почтовой дороги из Тамани на станцию Сенную» и к северу на берегу Таманского залива. В 1870–1871 гг. он траншеями раскопал Буерову могилу (Бююр-гора, доследована Кондаковым в 1885 г.⁹⁵) — большой курган к северу от ст. Вышестеблиевская, с каменным уступчатым склепом и мужским погребением эллинистической эпохи, остатками деревянного саркофага, конским погребением и уздечным набором. Среди находок — фрагменты золотых обивок ножен мечей, широкая золотая гривна с головами оленей и астрагалами на концах, части разбитых серебряных сосудов и т.п., которые частично попали в Эрмитаж⁹⁶. По мнению Виноградова, этот сильно варваризованный комплекс характерен для погребений синдо-меотской племенной аристократии эпохи сарматизации Азиатского Боспора⁹⁷. В 1870 г. к востоку от городища Фанагории Забелин обнаружил «кладбище макрокефалов» в 16 «земляных гробницах»⁹⁸, т.е. погребения сарматской эпохи, содержавшие разбитые стеклянные сосуды и сероглиняные кувшинчики, фрагменты головных уборов, бронзовые браслеты, пряжечные кольца и железные ножи.

В 1865–1866 гг. Люценко раскопал «нетронутые» курганы близ Сенной⁹⁹, начав исследования в Остром кургане, где были вскрыты две земляные катакомбы: одна оказалась с двумя ограбленными «гробами», вторая содержала 4 костяка. Инвентарь включал листики от погребального венка, сердоликовые и хрустальные бусы, золотой медальон, стеклянные сосуды, медные зеркала, фрагменты «гробовых» украшений. Другой Острый курган близ Лысой горы, принадлежащий некрополю Гермонассы, был исследован

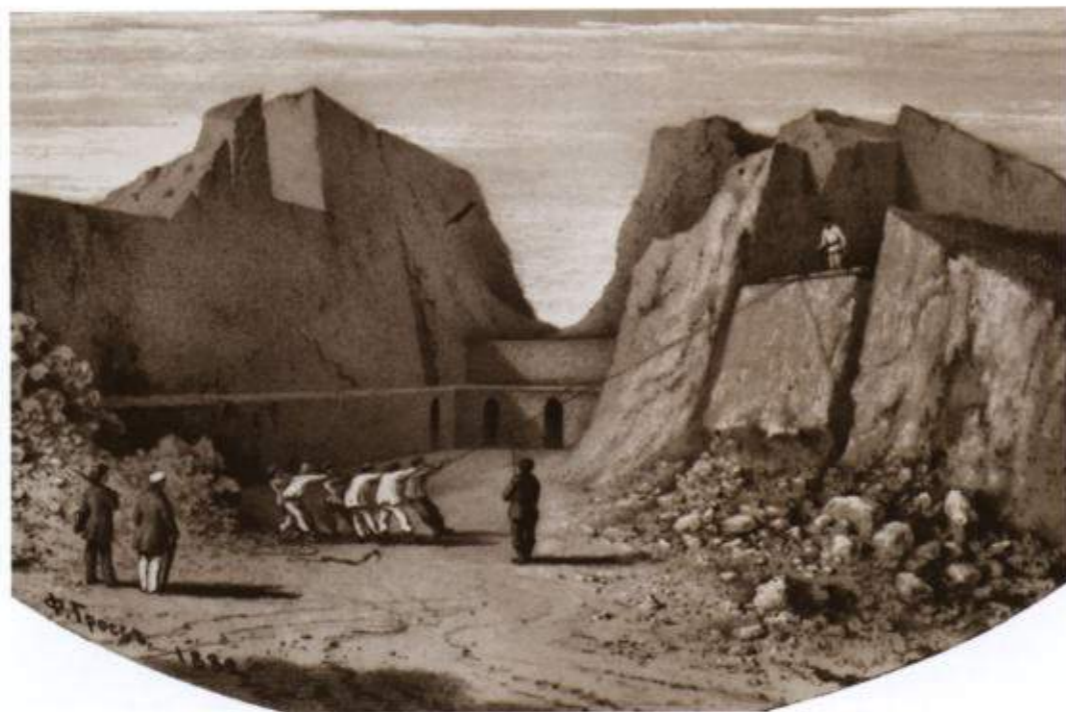
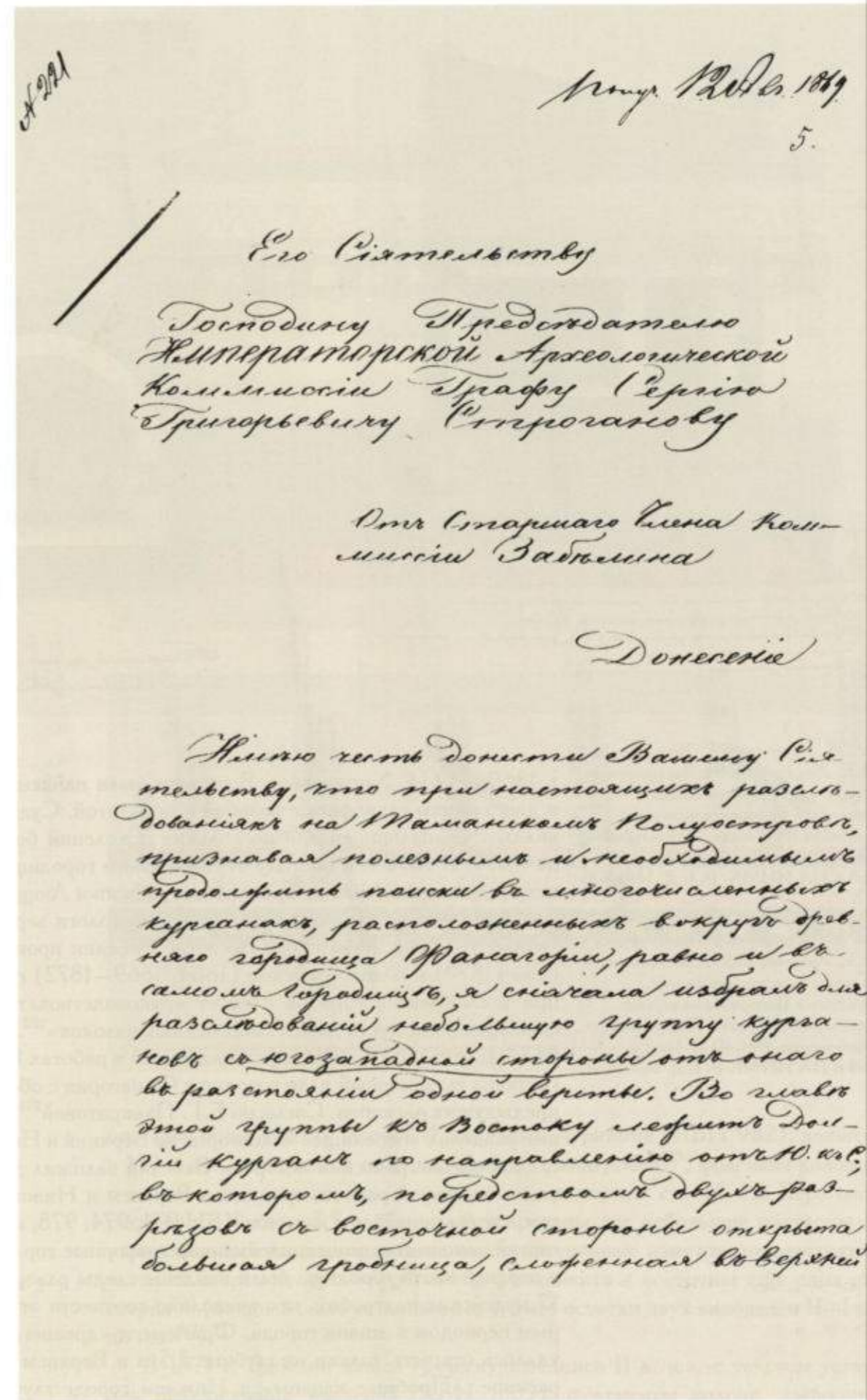

Рис. 33. Раскопки директора Керченского музея С.И. Верейского на Таманском полуострове. Исследование кургана Малая Близница в 1882 г. Акварель Ф.И. Гросса. 1882 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 569. Л. 4

Рис. 34. Донесение И.Е. Забелина председателю Императорской Археологической комиссии о раскопках в курганах близ древней Фанагории. Керчь, 27 июня 1869 г. № 9. НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1869. Д. 4. Л. 5

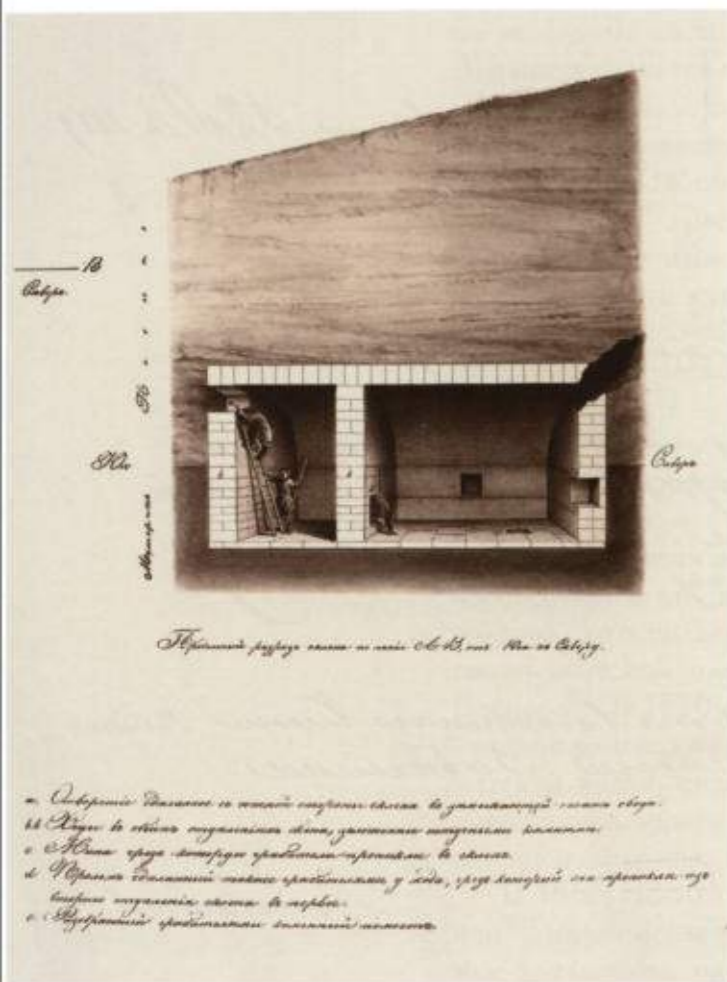
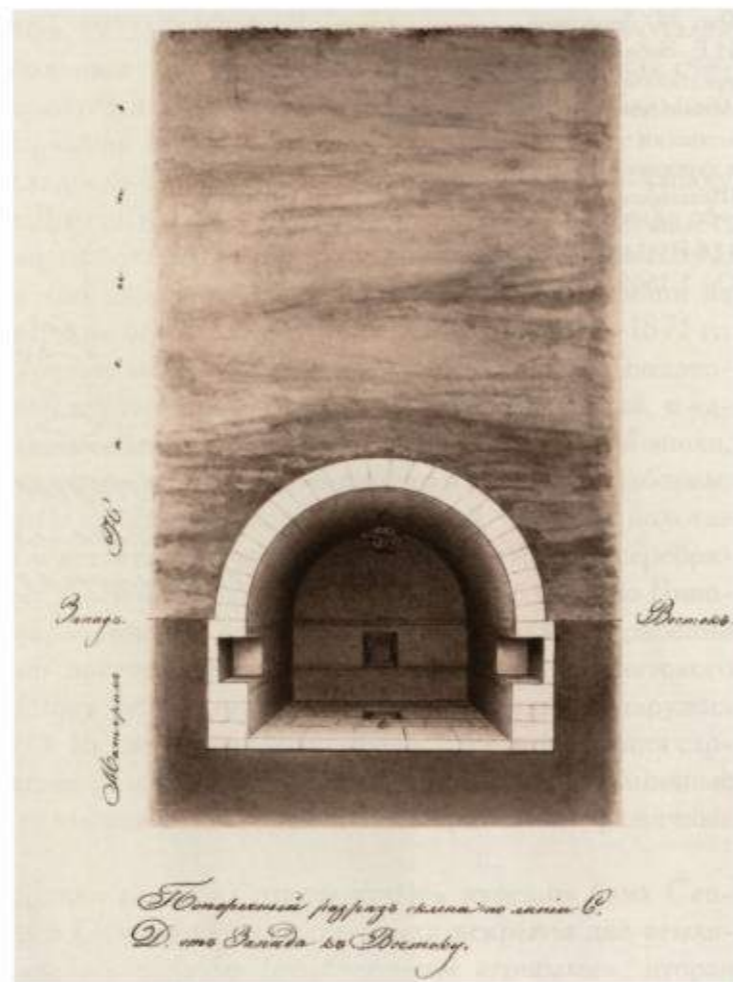

Рис. 35. Раскопки В.Г. Тизенгаузена и А.Е. Люценко 1868 г. Васюринского кургана. «Конструкция склепа, открытого в Васюринском кургане 12 октября 1868 года». Продольный разрез склепа. Рис. Ф.И. Гросса. 1868 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 565. Л. 8

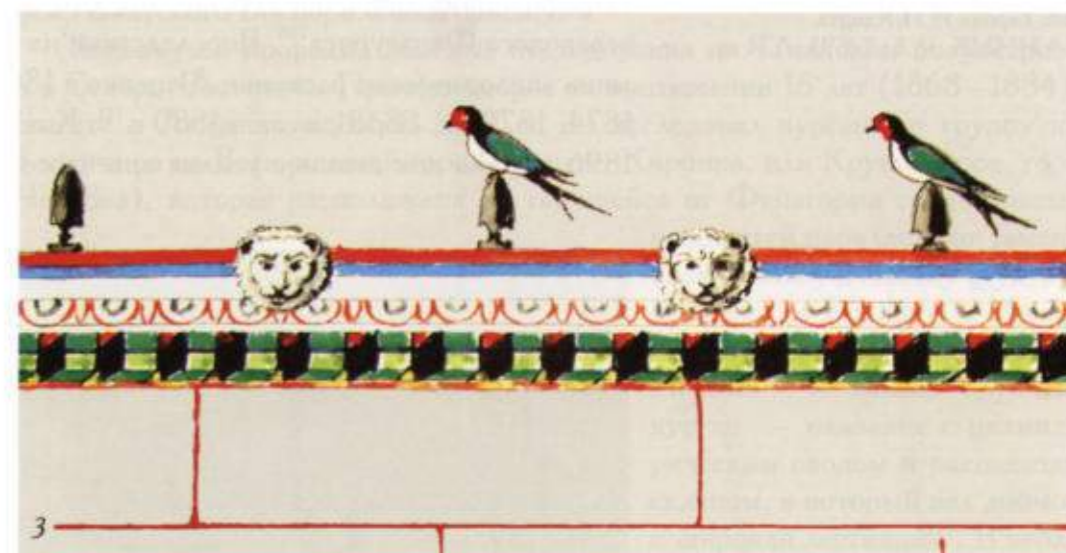
Рис. 36. Раскопки В.Г. Тизенгаузена и А.Е. Люценко 1868 г. Васюринского кургана. «Конструкция склепа, открытого в Васюринском кургане 12 октября 1868 года». Поперечный разрез склепа. Рис. Ф.И. Гросса. 1868 г. НА ИИМК Р. I. Д. 565. Л. 8

в 1869 г. П.И. Хицуновым. В насыпи были найдены фрагменты керамики и деревянного саркофага с резьбой и позолотой. Судя по инвентарю, курган являлся усыпальницей для нескольких поколений богатой семьи IV–II вв. до н.э.¹⁰⁰ В 1870 г. к востоку от Таманского городища близ Лысой горы на некрополе «христианских времен» вел раскопки Люценко¹⁰¹.

Пять лет спустя после работ Гёрца археологи вернулись к изучению античных городищ Азиатского Боспора. Забелин провел раскопки на Таманском (1870) и Фанагорийском (1864, 1869–1872) городищах, полагая, что при исследовании городов следует «руководствоваться... необходимостью фиксации всех, пусть даже самых бедных находок»¹⁰². Художник экспедиции М.П. Клодт (1835–1914), участвовавший в работах 1869–1871 гг., в 1870 г. составил глазомерный план городища Фанагории с обозначением на нем мест предыдущих раскопок. Согласно Е.Г. Панкратовой¹⁰³, именно Забелин впервые разделил «пепелище» Фанагории на Верхний и Нижний город. В поисках следов древнегреческих построек Забелин заложил десятки траншей, в том числе береговой раскоп, траншеи в Верхнем и Нижнем городе, в частности там, где были найдены надписи КБН 971, 974, 978, и обнаружил фрагменты статуй, множество монет, клейменные амфорные горла и ручки¹⁰⁴. В 1870 г. в верхней части городища были найдены следы разорванных фундаментов и 17 иудейских надгробий, что позволило соотнести этот слой с позднеантичным периодом в жизни города. Фрагменты «древнегреческих» фундаментов удалось открыть только на глубине 3,5 м в Верхнем городе и на Береговом раскопе. «Пробные канавы» в Нижнем городе глубиной 1 м обнаружили

Рис. 37. Раскопки В.Г. Тизенгаузена и А.Е. Люценко 1868 г. Васюринского кургана. «Фрагменты росписи на оштукатуренных стенах Васюринского склепа». Рис. Ф.И. Гросса. НА ИИМК. Р. I. Д. 565. Л. 9
1 – Бордюры в первом и втором отделениях склепа; 2 – бордюры только во втором отделении склепа; 3 – живопись на стенах первого отделения склепа

постановление в честь Котиса II жителями Агриппии (КБН 982), выбитое в 130 г. н.э. на обратной стороне греческого надгробия¹⁰⁵, фрагмент колонны с капителью, части карниза и фрагменты мраморных статуй. На Береговом раскопе на глубине 3,5 м были зафиксированы две небольшие цистерны из известнякового камня, тщательно выштукатуренные изнутри, на расстоянии четырех метров от них — фрагменты фундамента и восточнее еще одна цистерна¹⁰⁶ (позднее было установлено, что это остатки двух виноделен II–I вв. до н.э.¹⁰⁷).

В 1871 г. Забелин нашел греческую надпись II в. н.э. с текстом устава для празднования мистерий (КБН 1005), фрагменты колонн, амфорных

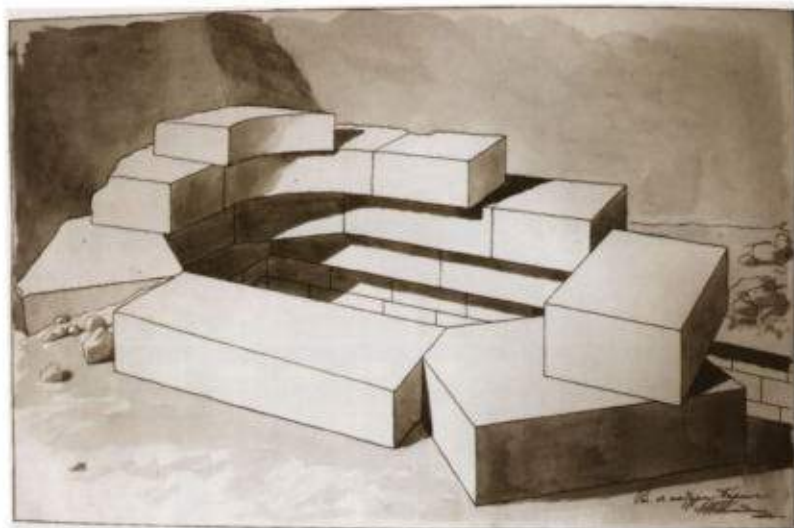

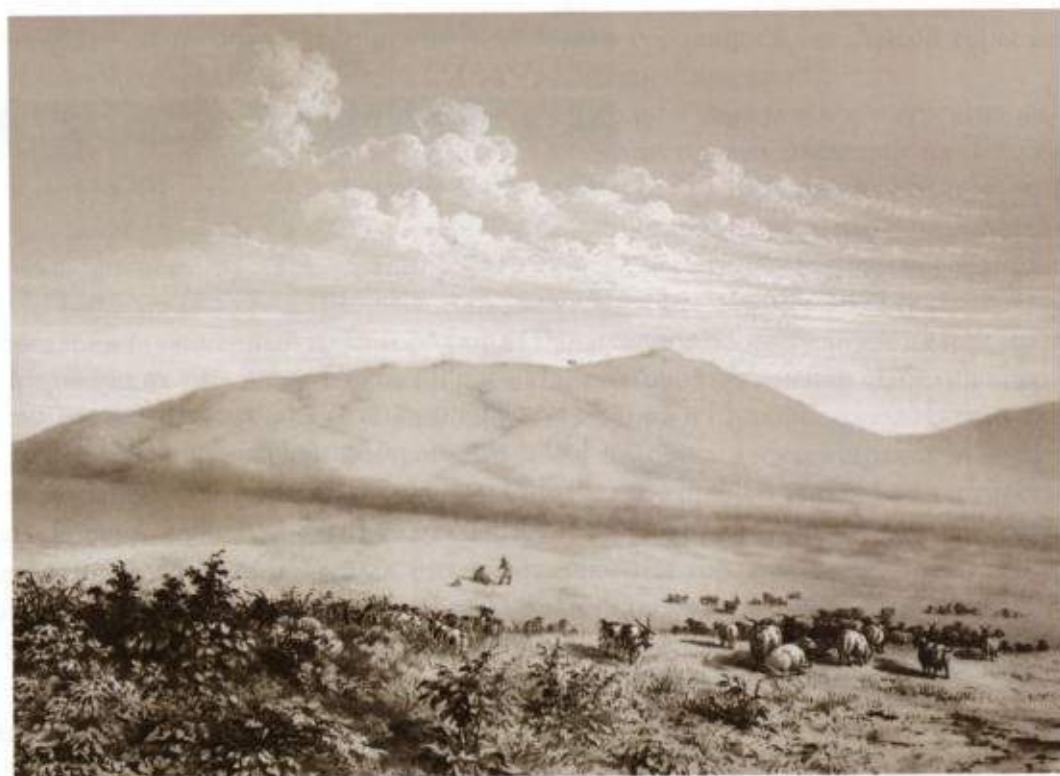
Рис. 38. Васюринский склеп близ станции Сенной на Таманском полуострове. Раскопки В.Г. Тизенгаузена на Таманском полуострове в 1869 г. Рис. барона И.П.Клодта. НА ИИМК. Р. I. Д. 693. Л. 4

Рис. 39. «Разоренный склеп в Васюринском кургане на Таманском полуострове». Раскопки В.Г. Тизенгаузена в 1869 г. Рис. барона И.П.Клодта. НА ИИМК. Р. I. Д. 693. Л. 4 об.

горл и черепиц с клеймами, сосудов, множество грузил и т.п. В следующем году археологом были открыты остатки четырехугольного фундамента «храма»¹⁰⁸. Среди находок на городище — плиты с фрагментарными списками имен I—II вв. н.э. (КБН 989, 990), два амфорных горла с дипинти красной краской, фрагменты расписной чернофигурной посуды и черепиц с клеймами, светильники с изображениями креста, фрагменты терракот, барабаны колонн и другие архитектурные детали¹⁰⁹. Именно Забелин намечил примерную стратиграфию памятника, показав наличие слоев от античной Фанагории до средневекового Фанагуриса¹¹⁰. Впоследствии на территории городища проводили лишь эпизодические раскопки Люценко в 1866, 1868, 1872 гг., Тизенгаузен в 1874, 1879 гг., Вереврюсов в 1880 г.¹¹¹, Кондаков в 1885 г., Думберг в 1893, 1896 гг., так как главные усилия археологов были направлены на изучение

Рис. 40. «Васюринская гора на Таманском полуострове. Вид, снятый 15 октября 1871 г. с кургана, находящегося на берегу Цукурского лимана с западной стороны возле бывшего хутора г-жи Грелевой». Раскопки А.Е. Люценко на Таманском полуострове в 1871 г. Рис. Ф.И. Гросса. НА ИИМК. Р. I. Д. 693. Л. 17

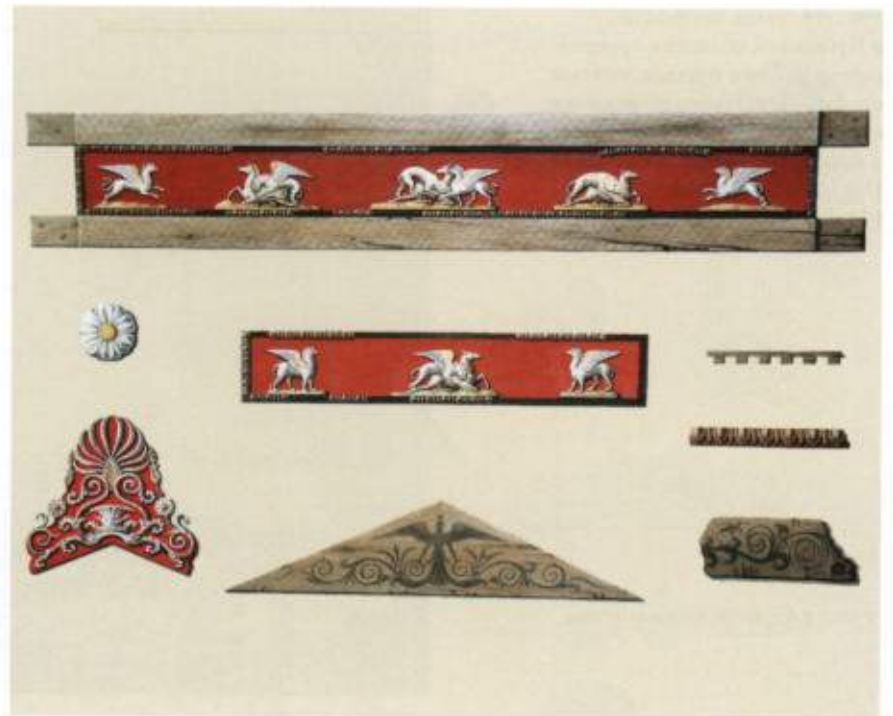
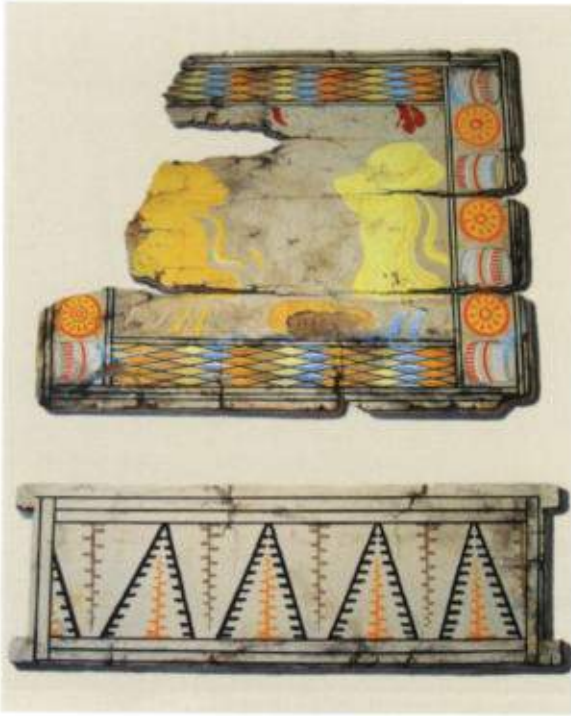

Рис. 41. Раскопки В.Г. Тизенгаузена 1868 г. кургана, находящегося в 2-х верстах к западу от ст. Тамань по дороге в Тузлу. «Живопись на развалившейся коробочке, найденной в каменной гробнице, открытой 11 июля 1868 г., находящейся к западу от Тамани по дороге в Тузлу». Рис. Ф.И. Гросса. 1868 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 565. Л. 4

курганов. Находка в 1896 г. надписи Аполлодора, сына Фанагора, с посвящением Афродите Урании (КБН 971) эпохи Перисада I, явилась косвенным подтверждением правильности отождествления городища у Сенной со столицей Азиатского Боспора Фанагорией.

Рис. 42. Раскопки В.Г. Тизенгаузена 1868 г. кургана, находящегося в 2-х верстах к западу от ст. Тамань по дороге в Тузлу. «Фрагменты от развалившегося деревянного саркофага с барельефными из дерева изображениями и инкрустацией, найденные в каменной гробнице, открытой 11 июля 1868 г. в кургане, находящемся к западу от Тамани по дороге в Тузлу». Рис. Ф.И. Гросса. 1868 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 565. Л. 5

Тизенгаузен проводил полевые исследования на Таманском полуострове и в Северо-Восточном Причерноморье на протяжении 16 лет (1868–1884). Вместе с Люценко в 1868–1872 гг. он исследовал курганную группу из 5 курганов на Васюринской горе (Ассодаг, Кирпина, или Круглая гора, гора Черкова), которая расположена на тянущейся от Фанагории гряде возвышенностей параллельно Таманскому заливу и лиману Цукуру, недалеко от Большой и Малой Близиц (рис. 35–40)¹¹².

Рис. 43. Раскопки В.Г. Тизенгаузена 1868 г. кургана, находящегося в 2-х верстах к западу от ст. Тамань по дороге в Тузлу. «Передний фасад саркофага, найденного в каменной гробнице, открытой 1 июля 1868 г. в кургане, находящемся к западу от Тамани по дороге в Тузлу». Рис. Ф.И. Гросса. 1868 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 565. Л. 6

Первый — самый крупный курган — оказался с цилиндрическим сводом и расписным склепом, в который вел дромос и широкая лестница¹¹³. В верхней части лестницы по бокам были устроены две каменные гробницы (ящика) с четырьмя погребениями коней, одно из которых оказалось нетронутым (по предположению Ростовцева, это совместное погребение лошадей квадриги, везшей погребальную колесницу усопшего)¹¹⁴. В расписном склепе было найдено мужское погребение, содержавшее деревянный сар-

Рис. 44. «Вид местности в Кубанской области с группой курганов Семь братьев, снятый с вершины главного по величине кургана, находящегося на западе в начале этой группы под № 1». Рис. Ф.И. Гросса. 1875 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 567. Л. 19

кофаг с инкрустацией, два беломраморных стола с ножками в виде львиных лап, со следами на столешницах стоявших на них соответственно 20-ти и 5-ти бронзовых сосудов, фрагменты чернолаковых кратеров, леканы, пиксиды с позолоченными гирляндами, железного оружия и др.

Рис. 45. «Вид местности в Кубанской области с группой курганов Семь братьев, снятый с вершины крайнего кургана на восток под № 7». Рис. Ф.И. Гросса. 1875 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 567. Л. 20

Золотые вещи, случайно найденные в каменной плитовой гробнице у подошвы второго, меньшего кургана в 1870 г., побудили Люценко провести его обследование, и в 1871 г. был открыт склеп, аналогичный первому, но без росписи и меньших размеров, с лестницей и как минимум тремя конскими погребениями.

В одном из них была обнаружена железная колесница со сложной орнаментацией и набор украшений конской узды в виде фаларов со стеклянными вставками. В насыпи у подошвы и около центра кургана были найдены мраморные фрагменты разбитых колонн, столов с львиными ножками и двух погребальных статуй, украшавших, по мнению Ростовцева, женскую усыпальницу матери и дочери, возможно, членов того же знатного рода, что и в первом кургане Васюринской горы, датируемую им не позднее второй половины III в. до н.э.¹¹⁵

Тизенгаузен обследовал места случайных находок на Таманском городище и в 1868 г. раскапывал курганы некрополя Гермонассы¹¹⁶ (рис. 41–43),

Рис. 46. «Железные удила и бронзовые уздечные украшения, найденные в конской гробнице, открытой 16 июля 1875 года в кургане из группы Семь братьев под № 5». Рис. Ф.И. Гросса, 1875 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 567. Л. 30

изучал памятники в разных местах Таманского полуострова¹¹⁷, в том числе на западном берегу лимана Цукур¹¹⁸. В 1869 г. на некрополе Фанагории он исследовал большой курган на берегу Таманского залива, содержащий женское погребение рубежа первой — второй четверти IV в. до н.э. с шестью полихромными аттическими фигурными сосудами — двух ойнохой, ритона, арибаллических лекифов в виде сидящего Сфинкса, Афродиты, Сирены и т.п. Сосуды — шедевры античного искусства Северного Причерноморья — украсили Эрмитаж¹¹⁹.

В 1870 и 1872 гг. Тизенгаузен обследовал городища, курганы и грунтовые некрополи северо-западной (в то время археологически почти неизученной) части Таманского полуострова — городища и курганы у Северной косы

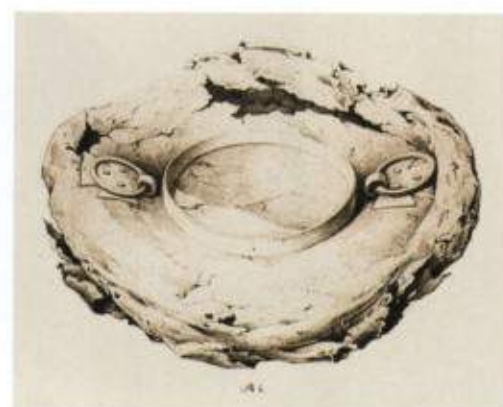
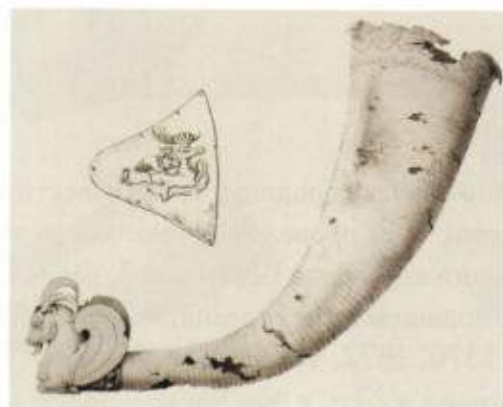
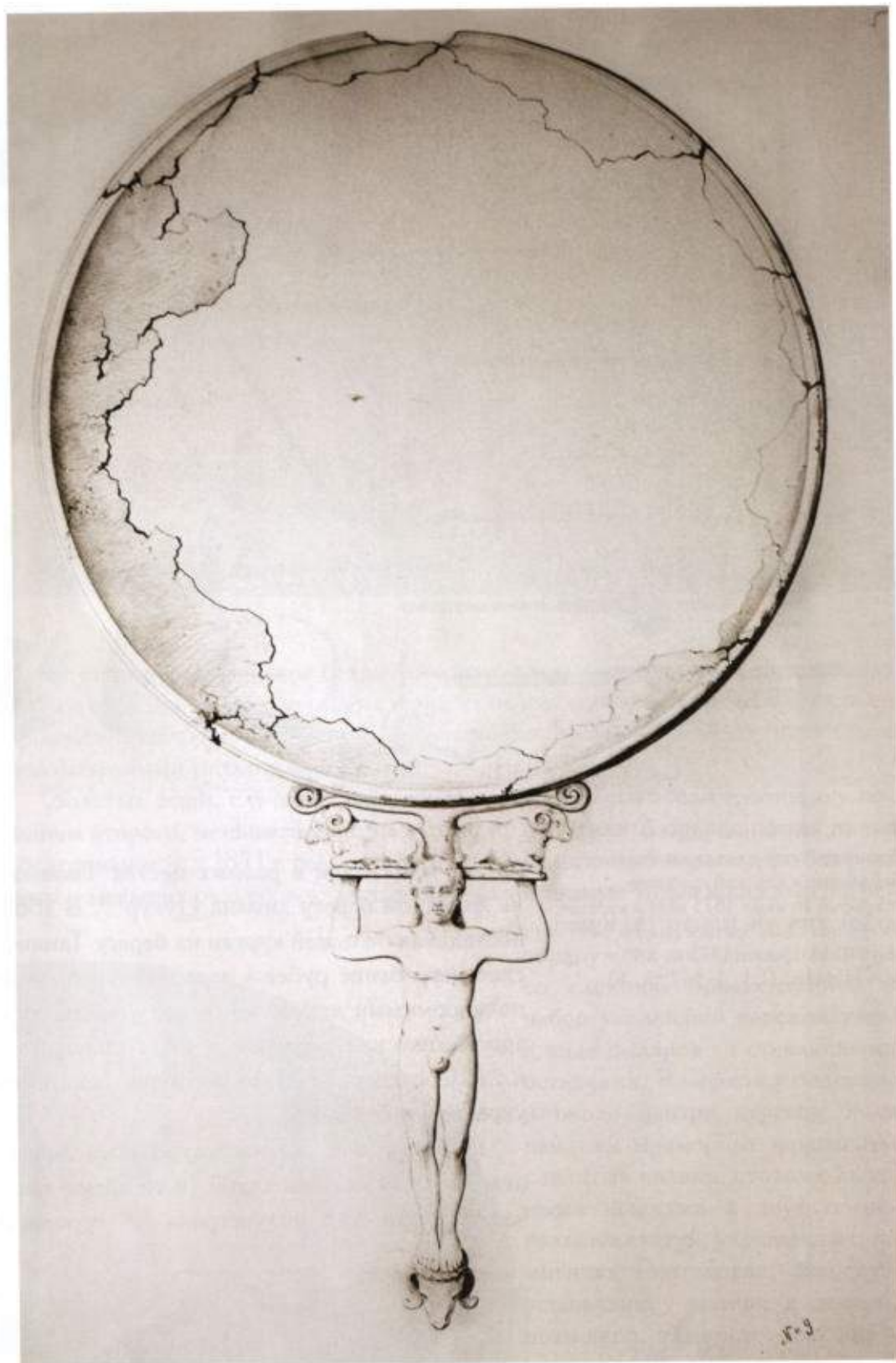

Рис. 47, 48. «Золотые и серебряные вещи» и бронзовый сосуд, найденные в Больших Семибратних курганах, в кургане № 4. Раскопки В.Г. Тизенгаузена. Рис. Ф.И. Гросса. НА ИИМК. Р. I. Д. 568. Л. 3, 4

Рис. 49. Бронзовое зеркало греческой работы, найденное в Больших Семибратних курганах, в кургане № 4. Раскопки В.Г. Тизенгаузена. Рис. Ф.И. Гросса. НА ИИМК. Р. 1. Д. 568. Л. 5

Рис. 50. Бронзовый канделябр V в. до н.э. (высокий стержень на треножнике-подставке и чашей-светильником сверху) из Семибратних курганов. Раскопки В.Г. Тизенгаузена. Фотография. НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1875. Д. 3. Л. 91

(Чушки), включая городище, ныне известное как Ильич ¹²⁰. В поисках могилы Сатира ¹²¹ он провел раскопки так называемой «Каменной батареи» — укрепленного поселения Береговой 3, расположенного к северу от Таманского залива, у подошвы горы Горелой, или Куку-Оба, и кургана у хут. Панабака ¹²². В 1869, 1870, 1872, 1874, 1878, 1879 гг. Тизенгаузен исследовал некрополи Фанагории и Кеп, в том числе «Аллею курганов», обследовал городища,

Рис. 51. Краснофигурный аск, найденный в Большом Семибратнем кургане № 6. Фотография. ФА ИИМК. О-1611-5

Рис. 52. Бронзовое уздечное украшение из раскопок В.Г. Тизенгаузена Больших Семибратних курганов, курган № 4. Фотография. ФА ИИМК. П-38026

Рис. 53. Ритоны, найденные В.Г. Тизенгаузеном при раскопках Больших Семибратних курганов, курган № 4. Фотография. ФА ИИМК. П-37979

Рис. 54. Фрагмент ритона, найденного В.Г. Тизенгаузеном при раскопках Больших Семибратних курганов, курган № 4. Фотография. ФА ИИМК. П-37974

расположенные между хуторами Семеняки и Шапирова, где раскопал десятки насыпей и грунтовых погребений¹²³.

С именем Тизенгаузена связаны раскопки в 1875, 1876, 1878 гг. большой группы синдо-меотских курганов в низовьях р. Кубань к северо-востоку от Анапы, известных под именем Семибратних¹²⁴ (согласно местной легенде, в них якобы были похоронены семь братьев, рис. 44–54). Курганы, расположенные группами, отличались размерами — это группа из 7 Больших и 15 Малых Семибратних курганов. Большие курганы, за исключением № 5, раскапывались «минами» и разрезами (траншеями) в течение двух полевых сезонов: в 1875 г. были открыты центральные гробницы и погребения, в 1876 г. насыпи доследовались с помощью дополнительных разрезов.

Рис. 55. «Бронзовое складное зеркало с рельефным изображением, найденное в склепе Артюховского кургана, открытого 28 июня 1879 г.». Рис. Ф.И. Гросса. 1879 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 568. Л. 18

Во всех курганах были обнаружены погребения лошадей — от двух (в кургане № 1) до тринадцати (в кургане № 5) костяков, с упряжью в зверином стиле. В кургане № 1 находилась каменная гробница, в остальных — сырцовые с деревянными перекрытиями из двух или нескольких отделений. Погребенный в кургане № 6 лежал в саркофаге, где были найдены остатки покрывала. Ряд курганов оказался ограблен еще в древности; в первом была найдена крытая бревнами могила с каменными оштукатуренными стенами, в пятом и седьмом были исследованы только конские могилы. В кургане № 2 с насыпью высотой 18 м был открыт склеп из сырцовых кирпичей, основное пространство которого занимали скелеты 13 лошадей с сохранившимися бронзовыми деталями упряжи и мужское погребение в углу на особом помосте. В курганах № 4–5 также оказались мужские погребения и могилы лошадей; в кургане № 6 — большая могила, обложенная по стенкам сырцовым кирпичом и перекрытая деревянными брусьями, разделенная стенками на три части, с впущенной

гробницей из каменных плит, в которой стояли деревянный резной саркофаг и погребальный инвентарь; здесь же были найдены скелеты 7 лошадей. Инвентарь включал множество вещей: оружие и доспехи, керамику, украшения и торевтику аттического, ионийского и местного производства, в том числе золотые, серебряные и бронзовые украшения и сосуды, ахеменидский

Рис. 56. Раскопки В.Г. Тизенгаузена Большого анапского кургана у ст. Благовещенской к СЗ от Анапы в 1882 г. Вид с СЗ стороны. Акварель Ф.И. Гросса. 1882 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 569. Л. 1

Рис. 57. Раскопки В.Г. Тизенгаузена в окрестностях Анапы в 1882 г. Раскоп с южной Стороны Большого анапского кургана у ст. Благовещенской, под которым обнаружен склеп 1 июля 1882 г. Акварель Ф.И. Гросса. 1882 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 569. Л. 2

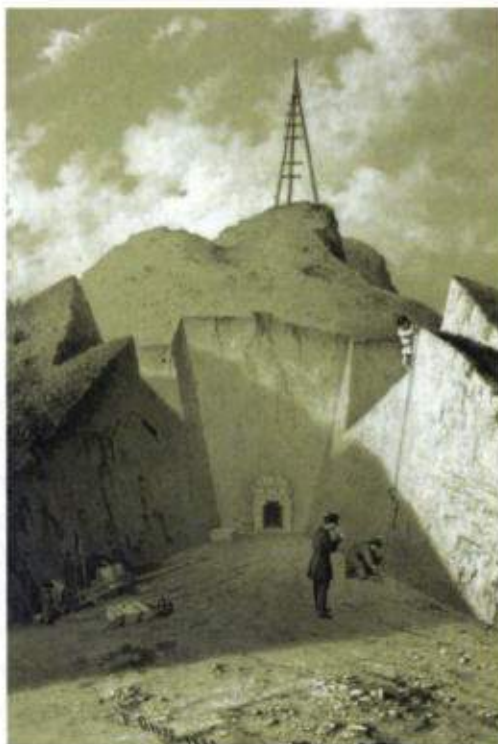
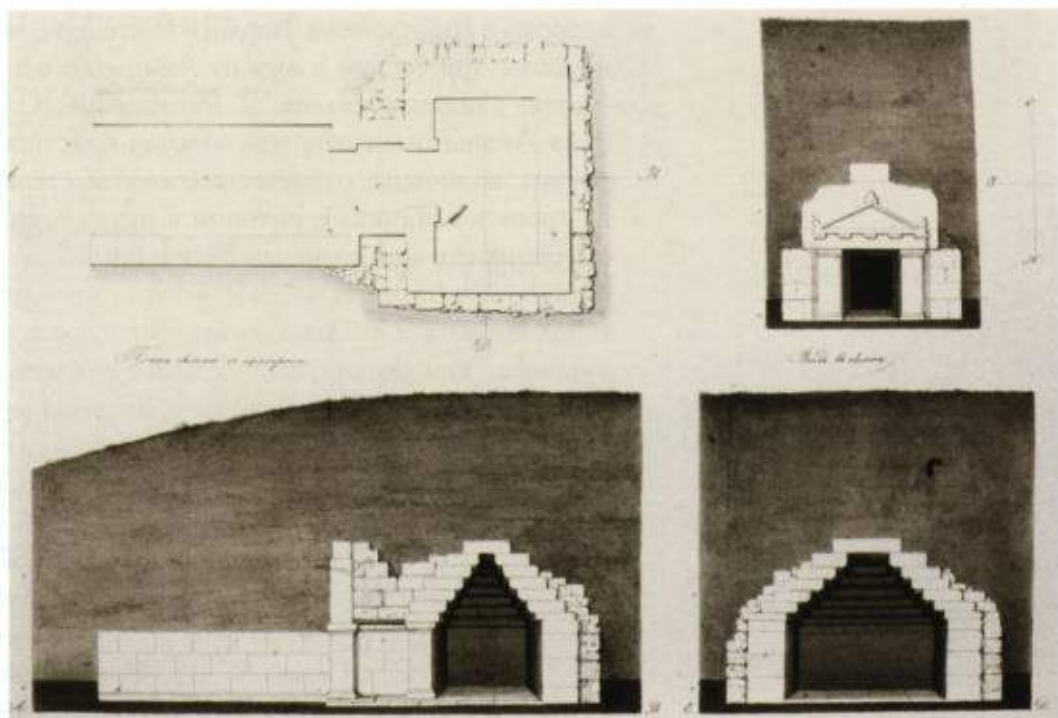

Рис. 58. Раскопки В.Г. Тизенгаузена в окрестностях Анапы в 1882 г. Внутренний вид склепа Большого анапского кургана у ст. Благовещенской, открытого 1 июля 1882 г., с полуразвалившимся деревянным саркофагом. Размеры склепа — длина 5 аршин 5 вершков, ширина 3 аршина 13 вершков, высота $5\frac{3}{4}$ аршина. Акварель Ф.И. Гросса. 1882 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 569. Л. 3

серебряный ритон, золотые ритоны, серебряные килики, пластину с изображением оленицы, кормящей теленка и др., фрагменты расписных тканей и обшитой мехом одежды и т.п. Рисунки находок и планы Больших Семибратних курганов принадлежат Гроссу (рис. 44–49). Сами находки поступили в Эрмитаж. Современные ученые полагают, что Большие и Малые Семибратние курганы были сооружены в середине V — первой четверти IV в. до н.э. и принадлежали разным поколениям сильно эллинизированной правящей династии синдов¹²⁵.

Рис. 59. Раскопки В.Г. Тизенгаузена в окрестностях Анапы в 1883 г. План и разрез дромоса и «разоренного» склепа, открытого в Первом Тарасовском кургане с Э на В по линии АВ. Чертеж Ф.И. Гросса. НА ИИМК. Р. I. Д. 569. Л. 16

В 1878 г. Тизенгаузен исследовал также грунтовый могильник у Семибратних курганов с 12 ограбленными погребениями. На Семибратнем городище, расположенном к востоку от Больших Семибратних курганов, рядом с Восточной группой Малых курганов¹²⁶, он провел раскопки и определил его размеры. Заложенные по краям городища «пробные канавы» открыли в северной части городскую оборонительную стену высотой более 3 метров, а с внутренней стороны выявили каменные фундаменты построек. В центре городища было обнаружено большое четырехугольное каменное сооружение с уступами в три ряда, которое Тизенгаузен интерпретировал как алтарь¹²⁷. После Тизенгаузена о Семибратнем городище надолго забыли. Ростовцев с сожалением писал, что к 1918 г. не было «расследовано ни одно из городищ Кубани. Поверхностные разведки в одном из них, расположенном около Семибратних курганов, показали, сколько свету пролило бы серьезное расследование на быт и культуру синдов и какую реальную основу подвело бы оно под краткие сообщения Диодора и Тацита. Очередной задачей будущих исследователей является переход от раскопки курганов к раскопкам древних городских поселений местного населения по течению великих русских рек»¹²⁸.

В 1879 г. Тизенгаузен и в 1879–1884 гг. Вереврюсов провели раскопки курганов в станице Абинской близ малого Ахтанизовского лимана в окрестностях Титоровки¹²⁹ и Фанагорийского городища, и в так называемом большом Артиуховском кургане некрополя древних Кеп¹³⁰. Здесь в 1879 г. нашли три богатых погребения в каменных ящиках, впоследствии датированных М.И. Максимовой 140–125 гг. до н.э., с золотыми украшениями полихромного стиля, серебряной и глиняной посудой, зеркалами (рис. 55), бусами и пр., частично поступившими в Эрмитаж. Курган был окончательно доследован Вереврюсовым в 1880 г.; Гросс составил его план¹³¹. Артиуховский курган ныне атрибутируется как коллективное захоронение синдской аристократической семьи III в. до н.э. — I в. н.э.¹³²

В 1881–1884 гг. Тизенгаузен исследовал погребальные памятники Анапы и ее окрестностей, главным образом относящиеся к эпохе поздней классики и раннего эллинизма. Еще в 1852 и 1859 гг. на некрополе Горгипсии работал князь А.А. Сибирский, в 1876 г. — директор Музея при Кавказском обществе истории и археологии в Тифлисе Р. Байерн, который исследовал самые высокие курганы Три сестры к югу от Анапы по направлению к ст. Раевской, заключающие каменные склепы¹³³. Раскопками К. Спиро в 1876 г. у дер. Мерджаны близ Анапы была открыта золотая пластина — часть сильно поврежденного ритона, возможно, работы синдского мастера, с изображением Великой богини на троне и всадника с ритоном в руке¹³⁴. Тизенгаузен продолжил раскопки: в окрестностях и в черте Горгипсии в 1881 г. он исследовал грунтовый и курганный некрополи, в частности курганную цепочку из 8 курганов к востоку от города (в одном найдено богатое женское погребение)¹³⁵; в 1882 г. раскапывал курганы с каменными, сырцовыми и земляными гробницами к востоку от Анапы и курган у хут. Алексеевского, оказавшиеся большей частью ограбленными. К северу от города в 10 верстах (10,6 км) от ст. Благовещенской он исследовал семь курганов, шесть из которых также оказались ограбленными. В Большом анапском кургане (рис. 56–58) широкой траншеей был вскрыт каменный склеп с полукруглым сводом, с грабительской пробоиной, заложенной камнем. В склепе археологи обнаружили деревянный саркофаг, богато украшенный позолоченными фигурками nereid и воинов (ныне в ГЭ)¹³⁶, с женским погребением, содержащим золотые украшения с цветными эмалями и камнями, бусы из золота и стекла, золотые нашивные пластины и др.¹³⁷

Рис. 60. Раскопки В.Г. Тизенгаузена в окрестностях Анапы в 1883 г. Вид Третьего Тарасовского кургана с западной стороны. Акварель Ф.И. Гросса. 1883 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 569. Л. 18

В 1883–1884 гг. вблизи Анапы у ст. Николаевской Тизенгаузенем была раскопана группа из 10 курганов, оказавшихся ограбленными, в том числе три Тарасовских кургана с дромосами и уступчатыми склепами (рис. 59–61). Входы в погребальные камеры были обрамлены фронтонами на приземистых антах с базами и капителями, напоминающих архитектуру склепов Большой Близицы и Васюринской горы¹³⁸ (В.С. Долгоруков датировал их первой половиной III в. до н.э.¹³⁹). Султан-курган (Султан-гора) с тремя гробницами — каменной, сырцовой и земляной — также содержал каменный склеп с уступчатым перекрытием, состоявший из дромоса и двух оштукатуренных камер, относящийся к раннеэллинистическому времени; в первой камере находилось погребение лошади, в третьей, имевшей нишу в одной из стен, от задней стены ко входной шли

Рис. 61. Раскопки В.Г. Тизенгаузена в окрестностях Анапы в 1883 г. Общий вид трех Тарасовских курганов, исследованных в 1883 г. Акварель Ф.И. Гросса. 1883 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 569. Л. 20

параллельные перекладыны, на которых, по предположению Ростовцева, лежал ковер, «осеивающий стоявший в центре камеры гроб»¹⁴⁰. Лишь десятилетие спустя, в 1894 г. незначительные раскопки курганов близ Анапы и у ст. Раевской по поручению Археологической комиссии провели Ю.А. Кулаковский и Н.И. Новосадский, пытавшиеся «дополнить имеющийся уже материал для суждения об особом типе местных курганов»¹⁴¹. В том же году памятники Анапы и ее окрестностей начал исследовать Н.И. Веселовский (1848–1918), имевший в городе дом и работавший здесь в 1894–1895, 1903, 1908 гг.¹⁴²

В начале 1880-х годов по поручению Археологической комиссии Ве-ребрюсов и Кондаков разработали план дальнейшего археологического исследования памятников Боспора, в том числе Азиатского¹⁴³. Ученик Герца Кондаков в 1878 г. проводил разведки и раскопки на Таманском полуострове, изучая валы и «возвышенности» близ ст. Сенной, в так называемой «Алее курганов», затем провел раскопки нескольких курганов и «возвышенностей», расположенных на восток от нее к берегу от Ахтанизовского лимана, и цепь курганов на берегу Таманского залива¹⁴⁴. В 1879 г. в одном из курганов близ ст. Сенной им было найдено «погребальное ложе» из дерева с бронзовыми ножками и элементами декора¹⁴⁵. Летом 1880 г. Кондаков провел раскопки у Курчанской станицы Кубанской области, в курганах, окаймляющих дорогу, ведущую из Темрюка в Екатеринодар, и двух больших курганов — первого на юг от Блеваки (Майской горы) и на запад от Орловой могилы, второго — к северу от Большой Близницы¹⁴⁶.

В 1885 г. Кондаков исследовал все важнейшие курганные насыпи в окрестности ст. Старотиторовской: 1) двух курганов на холмистой возвышенности вдоль Ахтанизовского лимана; 2) трех курганов, расположенных на холмистой возвышенности от Цукурского лимана и моря к горе Нефтяной; 3) в долине между этими возвышенностями на запад от ст. Титоровской. Он провел разведки у Буеровой могилы и у кургана над Соленым лиманом, провел исследование курганов на горе Блевака (Майской горе) «против станции Сенной»¹⁴⁷. Материалы этих раскопок лишь частично нашли отражение в археологической энциклопедии той эпохи — шеститомных «Русских древностях в памятниках искусства» Кондакова и И.И. Толстого (старшего), где был суммирован весь объем знаний о памятниках античности и раннего средневековья, накопленный к концу XIX в.¹⁴⁸ В этом труде Кондаков впервые показал последовательную смену культур на территории Восточной Европы на протяжении тысячелетий, причем этот сложный процесс был представлен с точки зрения изучения его происхождения и выявления взаимосвязей с цивилизациями Запада и Востока. Носителями культурных типов в контактных зонах античности и раннего Средневековья, по Кондакову, были кочевнические народы Передней и Центральной Азии, Южной России, Сибири и Китая: «Кочевые народы принесли в Европу шаблоны древнеазиатских культур и сообщили их славянам и ближайшим германским народам. Эта восточная половина Европы варваризировала, в свою очередь, Византию и способствовала образованию характерной восточной, полуварварской культуры, которая лишь внешне влияла на западную романо-германскую»¹⁴⁹. То, что было сказано на страницах трудов и писем Кондакова, полвека спустя получило детальную разработку в исследованиях его учеников и последователей, в частности в трудах Ростовцева.

В 1884 г. Гросс исследовал курганы на хут. Посполитаки, в 1885 г. провел раскопки курганов к востоку от Тамани (Царенникова, Чабарника, Плоского) и небольшого кургана недалеко от ст. Тамань¹⁵⁰, а в 1886 г. — 11 курганов

на Тузлинском некрополе¹⁵¹. Думберг в 1893 и 1900 гг. осмотрел древности Таманского полуострова — близ ст. Ахтанизовской, на ст. Сенной и на южном кордоне¹⁵², в 1896 г. провел раскопки близ ст. Сенной. В 1900 г. при добыче песка у ст. Ахтанизовской был случайно открыт так называемый Ахтанизовский клад — плитовая гробница с золотыми и серебряными вещами, в том числе серебряными бляхами-фаларами с апотропеическими изображениями голов медуз от четырех конских наборов, тремя шейными гривнами из дутых трубочек на шарнирах, фибулами, золотым погребальным венком, шлемом с наушниками, аналогичным шлему из Мерджан близ Анапы, точильным камнем, нашивными бляшками, двумя серебряными и одним стеклянным сосудами, которые датируются в пределах конца III в. до н.э. — I в. до н.э.¹⁵³ Часть находок была приобретена Археологической комиссией и поступила в Эрмитаж¹⁵⁴.

В конце XIX в. в Закубанье, в 13 км к северо-западу от ст. Северской в большом кургане была случайно открыта частично ограбленная «царская» гробница, исследованная В.И. Сизовым (1840—1904); комплекс этого кургана много лет спустя был изучен и введен в научный оборот К.Ф. Смирновым (1917—1980)¹⁵⁵. В кургане были открыты: каменный ящик из известняковых плит с захоронением лошади с уздечным набором, мужское погребение с богатым инвентарем полихромного стиля — стеклянными чашами в золотой оправе и золотые оправы сосудов, золотая фибула-брошь в бронзовой оправе, серебряные и железные изделия и пр.; в насыпи найдены золотые фалары с чеканным рельефным изображением Диониса и бляшки от конской сбруи с грифоном, статеры боспорского царя Перисада V конца II в. до н.э. и др.¹⁵⁶

Большую роль в интенсификации изучения античных и «варварских» памятников Кубани в дореволюционный период сыграли всероссийские археологические съезды, организованные МАО: V в Тифлисе (1881)¹⁵⁷ и VI в Одессе (1884)¹⁵⁸, в ходе подготовки к которым местными краеведами и столичными учеными была развернута программа обследования и картографирования археологических памятников Северо-Западного Кавказа. МАО организовало ряд научных экспедиций и стало издавать серию «Материалы по археологии Кавказа» (1888—1916. Вып. 1—14), в которой отражены их результаты. Наконец в Тифлисе в 1901 г. было открыто Кавказское отделение МАО, издававшее «Известия» (1904—1921. Вып. 1—6).

Еще в 1873 г. было создано Общество любителей кавказской археологии в Тифлисе, проводившее раскопки и осуществлявшее охрану древних памятников Кавказа. Общество издавало «Записки» (с 1875 г.) и «Известия» (с 1877 г.). В 1879 г. был основан Этнографический и естественно-исторический музей Кубанского статистического комитета. Первым секретарем комитета и создателем музея был историк-краевед и археолог Е.Д. Фелицын (1848—1903), который составил программу для описания местных древностей и издал «Археологическую карту Кубанской области»¹⁵⁹. В 1891 г. под редакцией Фелицына было опубликовано исследование М.О. Поночевного «Географический очерк Босфорского царства», ставшее итогом изучения Таманского полуострова, собственных переводов и анализа текстов античных источников, главным образом свидетельств Страбона¹⁶⁰. Именно Поночевный первым связал Таманское городище с античной Гермонассой.

В историю археологии Фелицын вошел и как первооткрыватель «царского» погребения в Карагодеуашском кургане в 1886 и 1888 г., расположенном близ станицы Крымской (ныне г. Крымск) в бассейне нижнего течения

Кубани¹⁶¹. В насыпи кургана было обнаружено каменное сооружение из четырех помещений в 20,5 м длины, возведенное из оштукатуренных каменных плит на извести, перекрытых бревнами. В первой камере находились части погребальной колесницы, кости лошадей, а также остатки жертвенного костра. Вдоль левой боковой стены были найдены остатки деревянного саркофага с богатым женским погребением. Среди украшений — серебряная, бронзовая, чернолаковая посуда, бусы и медальоны ожерелья, а также тонкая треугольная золотая пластина головного убора с культовыми изображениями в три ряда, в нижнем ряду которой изображена сидящая богиня в высоком конусообразном головном уборе с фигурами предстоящих, протягивающих ей ритон и шаровидный сосуд. Вторая камера оказалась пустой, третья (дромос главного погребения) была украшена фресками с изображением пасущегося оленя и орнаментом; в четвертой камере, стены которой также были покрыты росписью, оказалось мужское погребение в саркофаге и богатым погребальным инвентарем, включавшим оружие, украшения одежды, керамическую, бронзовую и серебряную посуду (в частности три ритона), бронзовые уздечные бляхи и т.п.¹⁶²

Материалы этих раскопок были изучены и опубликованы членами Археологической комиссии А.С. Лаппо-Данилевским (1863–1919) (рис. 62) и В.К. Мальмбергом (1860–1921) (рис. 63)¹⁶³. Издание стало образцовой для своего времени публикацией курганных находок, которая доказывала необходимость полевой фиксации местоположения погребального инвентаря в гробнице, его изучения во взаимосвязи с конструкцией погребального сооружения¹⁶⁴. По античным хроноиндикаторам погребения кургана Карагодеуашх сегодня датируются третьей четвертью IV в. до н.э.¹⁶⁵

Печальной оказалась судьба ограбленного еще в древности Курджипского кургана на северном склоне Раскопанной горы в Закубанье, расположенного в 22 км к югу от Майкопа на берегу р. Курджипс, левого притока р. Белой. В конце XIX в. он подвергся кладоискательским раскопкам и был исследован, хотя без должной фиксации, в 1895–1896 гг. краеведом-любителем В.М. Сысоевым¹⁶⁶. Комплексы оказались нарушенными; некоторые вещи попали в Эрмитаж, другие — в Исторический музей в Москву и в Екатеринодарский областной музей (последние ныне утрачены). Опираясь на дошедший до нас архивный материал и анализ самих артефактов, Л.К. Галанина пришла к выводу, что основная могила Курджипского кургана датируется последней четвертью IV в. до н.э., а впускное погребение относится к первой половине — середине I в. н.э.¹⁶⁷

В Императорский Эрмитаж попадали материалы не только из кладоискательских раскопок, но и случайные находки древностей из Кубанской области, в частности клад золотых предметов из ущелья Широкая балка в 14 км к северо-западу от Новороссийска¹⁶⁸. Там же близ фундаментов древней постройки¹⁶⁹ при рытье плантажа под виноградник был найден комплекс бронзовых предметов — небольшой бронзовый бюст боспорской царицы, инкрустированный серебром и медью, возможно, портрет Динамии¹⁷⁰ или Гепепирии¹⁷¹ рубежа эр или I в. н.э., бронзовый треножник и ручка от сосуда с головой силена и др., попавшие в частные руки и в 1898 г. приобретенные у помещика И.П. Кулешевича в Новороссийске¹⁷². Многие случайно найденные памятники и вещи, открытые в ходе грабительских раскопок, оказались в частных собраниях коллекционеров как в России, так и за рубежом: например, известный «Майкопский клад» из коллекции А. Мерля де Массино, рассредоточенный по музеям Германии и США.

Рис. 62. Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919). ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 40. Л. 1

Рис. 63. Владимир Константинович Мальмберг (1860–1921), историк искусства, специалист по античной пластике, профессор Юрьевского (1890–1907) и Московского (1907–1921) университетов, директор Музея изобразительных искусств в Москве (1913–1921). ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 92. Л. 4

Рис. 64. Николай Иванович Веселовский (1848–1918), археолог, востоковед-арабист, тюрколог, член-корреспондент Петербургской АН (1914), профессор факультета восточных языков Петербургского-Петроградского университета

Традиционная для XIX в. методика полевых работ сотрудников Керченского музея и членов Археологической комиссии во многом сохранялась и в начале XX столетия в исследованиях Веселовского (рис. 64). По заданию Археологической комиссии он проводил раскопки ежегодно, начиная с 1887 г. и вплоть до 1917 г., в том числе в Крыму, на Кубани (1894–1917) и в Ставрополье. Огромный полевой опыт и прекрасная интуиция редко подводили археолога¹⁷³, которому посчастливилось сделать выдающиеся археологические открытия¹⁷⁴. Результаты раскопок оказались поразительны по археологическому и художественному значению находок и составили целую эпоху в изучении памятников Северо-Западного Кавказа. Так, раскопанный Веселовским Майкопский курган, ставший эпонимным памятником для майкопской археологической культуры (современная датировка: конец IV – середина III тыс. до н.э.¹⁷⁵), включал богатый погребальный инвентарь захоронения племенного вождя и его двух жен (ныне хранится в Эрмитаже) – золотые, серебряные и медные сосуды, фигурки бычков, украшения, бронзовые орудия труда и характерную керамику¹⁷⁶.

К эпохе бронзы и к «киммерийской» эпохе относятся материалы раскопок Веселовского в курганах Армавира (1903), станицах Бесленевской (1895), Воронежской (1903), Губской (1897), Келермесской (1904), Костромской (1897), Крымской (1895), в Майкопе (1906), станице Тифлисской (ныне Тбилисская, 1908), Ульском ауле (1898, 1908, 1909, 1910), станицах Усть-Лабинской (1903) и Царской (ныне ст. Новосвободная, 1898), включавшие не только произведения ассирийских, ионийских и аттических художественных центров, Ванского царства, но и местные изделия, в которых, по словам Фармаковского, «скрещиваются формы греческой архаики, восточного искусства и местного варварства»¹⁷⁷. Так, раскопки 1897 г. недалеко от ст. Костромской (ныне Мостовской район) пяти так называемых Разменных курганов дали поразительные результаты. В 1-м Разменном (Костромском) кургане была обнаружена деревянная гробница, обложенная камышевыми матами, обмазанными глиной, возведенная в насыпи кургана эпохи бронзы. Снаружи ее окружали 22 конских захоронения с удилами. Здесь были найдены чешуйчатые пластинки панциря, два кожаных колчана со стрелами, один из которых украшала золотая бляха в виде оленя, выполненная в скифском зверином стиле, круглый железный щит, бронзовые наконечники стрел, четыре железных наконечника копий, удила, пронизи,

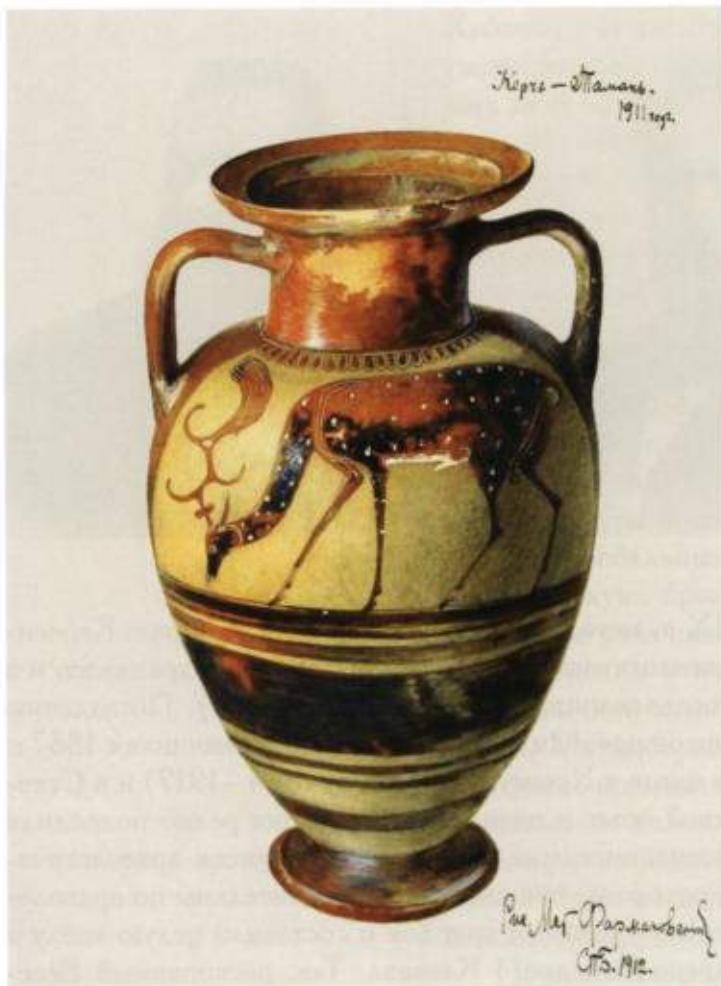

Рис. 65. Амфора с росписью клазоменского стиля с изображением на обеих сторонах чубарого оленя, найденная казаками в западном некрополе Гермонассы в 1911 г. Рис. М. В. Фармаковского. 1912 г. НА ИИМК. Р. I. Д. 725. Л. 3

Рис. 66. Акварельная пелика, приобретенная В. В. Шкорпилом в 1916 г. у казаков станицы Таманской. Рис. Н. Эрман. На обратной стороне надпись — «Рисунок выполнен удовлетворительно. Фармаковский. 04.IX.1918 г.». НА ИИМК. Р. I. Д. 725. Л. 1

Н. Эрман

керамические сосуды, пастовые бусины¹⁷⁸. Из-за отсутствия останков погребенного памятник рядом исследователей интерпретируется как курган-кенотаф¹⁷⁹.

Горный техник Д. Г. Шульц в 1903 г. раскопал 4 «царских» кургана скифской архаики из 34 Келермесских курганов в Прикубанье (Адыгея, ст. Келермесская Гиагинского района близ г. Майкопа), в которых были найдены богатейшие мужские и женские погребения с разнообразным и богатым ассортиментом импортных предметов ближневосточной торевики — вещей, составлявших вооружение и погребальные уборы, — меч с обложенным золотом ножнами, железный топорик с обложенными золотом и втулкой рукоятью, золотую пластину от обивки горита, украшавшую горит золотую бляху в виде пантеры, три золотых диадемы с розетками, серебряные зеркало и ритон, серебряную чашу, бусы, бронзовые котлы, множество предметов вооружения, конского снаряжения и т. п.¹⁸⁰

В 1904 г. Веселовский раскопал еще два кургана той же группы, оказавшихся ограбленными и разрушенными, но которые давали представление об их устройстве. Оба кургана содержали грунтовые одиночные могилы в виде прямоугольной ямы, а также массовые конские жертвоприношения — скелеты верховых коней с уздечным убранством: 24 лошади в первом и 18 во втором курганах. Уздечные наборы содержали золотые орнаментированные бляхи, серебряные нащечные фалары, железные и бронзовые удила, костяные бляшки-пронизи в зверином стиле, шумящие наверхия; погребальный инвентарь человеческих захоронений включал остатки медного котла, об-

Рис. 67. Золотое ожерелье из пронизей в форме ласточкиного хвоста, украшенных тисненными головками, филигранным декором и инкрустацией.

III—II вв. до н.э. Найдено таманскими кладоискателями где-то на берегах Чугурского лимана в 1913 г. Приобретено Шкорпиллом для Археологической комиссии. Рис. Е. Барсуковой. НА ИИМК. Р. I. Д. 725. Л. 3

ломки глиняных и бронзовых сосудов, два бронзовых шлема, серебряный наконечник от скипетра или секиры, наконечники стрел, зеркало, разрозненные стеклянные бусы и т.п.¹⁸¹ Эти уникальные находки дали импульс научной дискуссии о датировке и интерпретации памятников (часть исследователей считают некоторые из курганов Кубани святилищами или кенотрофами), ныне большинством исследователей относимых ко второй половине VII — началу VI в. до н.э., о происхождении скифского звериного стиля, определения мест производства предметов торевтики, характере их использования¹⁸².

Ульские курганы на восточной и западной окраине аула Уляп (Адыгея) середины VI — рубежа VI—V вв. также содержали шатровые конструкции на материке и конские захоронения. Большой Ульский курган (1898) имел 15-метровую насыпь, под которой, вокруг деревянных коновязей, покоилось свыше 400 лошадей. Все 10 курганов, 9 из которых раскапывались Веселовским (1898, 1908, 1909, 1910), были ограблены еще в древности¹⁸³. Аналогичные погребальные деревянные конструкции и захоронения коней оказались в ограбленных курганах Усть-Лабинской (1903)¹⁸⁴ и Воронежской (1903)¹⁸⁵ станиц, где также были найдены остатки предметов вооружения, золотых украшений, древнегреческих и местных сосудов и т.п.

К эпохе античной классики и раннего эллинизма относятся материалы раскопок Веселовского в станицах Бесленевской (1895), Келермесской (1913—1915), Гурийской (1914) и в юрте аула Хатажукаевского (1899), к эллинизму — в станицах Бесленевской (1895), Гиагинской (1906), Елизаветинской (1912), Марьевской (1912), в Майкопском отделе (1900), в ст. Ярославской (1886). Веселовским также был открыт расписной склеп с полуцилиндрическим сводом и дромосом в кургане недалеко от Анапы (1908)¹⁸⁶, и ряд памятников некрополя Горгииппии (1894—1895, 1903, 1908)¹⁸⁷.

Рис. 68. Горло панафинейской амфоры, найденное в Зеленском кургане. Раскопки В.В. Шкорпила Зеленского кургана на Таманском полуострове в 1912 г. ФА ИИМК. П-34403

Рис. 69. Расписная чернофигурная пиксида. Раскопки В.В. Шкорпила Зеленского кургана на Таманском полуострове в 1912 г. Фотография ФА ИИМК. Q-637-67-68

Курганы на юго-восточной окраине ст. Елизаветинской в 19 км от современного Краснодара, состоявшие из 30 насыпей, и 5 наиболее крупных, ограбленных еще в древности, были раскопаны Веселовским в 1912–1915, 1917 гг. В глубокой прямоугольной яме, в которую вел крытый деревом дромос, сооружался бревенчатый навес на толстых столбах, а в центре находился каменный склеп, крытый деревом. При раскопках были открыты фрагменты колесниц, захоронения до 200 лошадей и человеческие погребения. В южном кургане (по современной нумерации курган № 4, 1913 г.) была найдена целая панафинейская амфора с изображением Афины и кулачного боя, датируемая ок. 420 г. до н.э.¹⁸⁸, чешуйчатый панцирь и меч, щит из железных полос и пр. В грабительской яме третьего кургана (по современной нумерации курган № 6, 1914 г.) были найдены бронзовый нагрудник позднеархаического панциря с ликом медузы¹⁸⁹ и три золотые пластинки с изображением Ники. В четвертом кургане в 1917 г. была открыта каменная облицовка (перибол) с двумя проходами, окружавшая склеп из монументальных квадров¹⁹⁰.

Меотские и сармато-аланские памятники позднеэллинистической и римской эпохи исследовались Веселовским в Анапе (1903), Армавире (1902), станицах Афинской (1906), Гастагаевской (1903), Казанской (1901), Кубанской (1902), Абадзехской (1905), Некрасовской (1905, 1906), Ладожской (1901), в Майкопе (1906), станицах Северской (1907), Тифлисской (1901, 1902, 1908), Урупской (1903), Усть-Лабинской (1902), в окрестностях Ульского аула (1909) и др.¹⁹¹ Часть находок по полихромному стилю украшений являются предшественниками известного Новочеркасского клада из кургана Хохлач (1864) I–II вв. н.э. и, по убеждению Б.В. Фармаковского (1870–1928), дают важный материал для решения вопроса о происхождении и эволюции местного искусства римского времени и эпохи Великого переселения народов¹⁹².

Веселовский ставил задачу систематически исследовать Кубанскую область — в 1896 г. он раскопал 53 кургана в Белореченской станице, 14 курганов в ст. Андрюковской, один в ст. Ярославской и один в ст. Костромской; в 1897 г. исследовал Майкопский курган, пять курганов в ст. Костромской, 9 курганов в ст. Семиреченской, один курган в ст. Губской, один в Анапе, в 1906 г. около 10 курганов в Закубанье в районе ст. Некрасовской¹⁹³, а в 1896, 1901–1903, 1905 гг. раскопал 103 кургана с катакомбными могилами по правобережью р. Кубани между станицами Казанской и Воронежской (так называемое «Золотое кладбище» римской эпохи¹⁹⁴).

Случайные находки керамики из окрестностей ст. Тамань (рис. 65–66)¹⁹⁵, как и другие древности (рис. 67), скупались для Археологической комиссии и активно вводились в научный оборот Шкорпиллом. В 1913 г. им были приобретены находки из скифского воинского погребения на западном берегу Стеблеевского лимана (Цукур-лиман, курган Прогресс 2), в инвентарь которого входили изделия из бронзы, эолийская ойнохоя первой половины VI в. до н.э. и др.¹⁹⁶ В 1911–1912 гг. Шкорпил доследовал курган Зеленская гора (Зеленский) в 7,5 км к юго-западу от ст. Тамань и в 3,2 км к северо-востоку от мыса Панагия (рис. 68–69, 1, 2)¹⁹⁷. Еще в 1866 г. в этом кургане атаман Зеленский открыл склеп с уступчатым перекрытием¹⁹⁸, а в ноябре–декабре 1911 г. казаки «разорили» кремацию и тризну в центре кургана с золотыми и серебряными вещами. Часть древностей Шкорпил сумел приобрести и отправить в Археологическую комиссию (последние поступили в Эрмитаж). В 1912 г. Шкорпил исследовал в Зеленском кургане ограбленный каменный склеп, конское захо-

ронение и рядом с ним каменную плитовую гробницу с погребением воина с оружием и золотым венком, погребальную камеру с бревенчатым перекрытием, с коротким дромосом и ямой перед ним, заключавшую женское погребение. В чернолаковой гидрии, украшенной по горлышку золоченым венком, среди кальцинированных костей и пепла, был найден погребальный инвентарь со следами огня — золотой статер Александра Македонского, фрагмент золотого лаврового венка, детали ожерелья, подвески в форме гранатовых плодов, позолоченный медный перстенок и подвеска от серьги в форме фигурки сирены. Вдоль одной стены камеры стоял набор серебряных сосудов, вдоль другой — бронзовый кувшин, фрагментарный бронзовый сосуд и алебастровый алабастр, на полу лежали фрагменты алебастровых алабастров, детали конской упряжи и предметов вооружения. В насыпи были обнаружены куски черепиц и амфор с клеймами¹⁹⁹ и два фрагмента аттической панафинейской призовой амфоры²⁰⁰. Эти находки дали основание М.Ю. Трейстеру датировать комплексы Зеленского кургана в пределах последней четверти IV в. до н.э.²⁰¹

В 1911 и 1913 гг. Шкорпил провел раскопки на некрополе у мыса Тузла²⁰², который в 1852 г. исследовался Бегичевым, в 1885—1886 гг. Гроссом, в 1900 г. Думбергом; в 1913 г. Шкорпил работал на некрополе у мыса Панатия у бывшего хут. Кротенко²⁰³, в 1913—1914 гг. исследовал памятники близ ст. Тамань и в окрестностях древней Фанагории²⁰⁴. В 1914 г. подъесаул Кубанского казачьего войска В.В. Соколов провел раскопки грунтового могильника Гермонассы²⁰⁵ и некрополя на Тузле, который в 1913 и 1916 гг. параллельно исследовал В.Н. Глазов²⁰⁶. В 1919 г. Соколов издал археологическую карту окрестностей ст. Тамань (рис. 70), зафиксировавшую места раскопок и показавшую взаимосвязь древних городищ и могильников этого региона²⁰⁷. В 1916 г. в кургане, расположенном недалеко от ст. Тамань по направлению к Лысой горе, в каменной гробнице был найден мраморный саркофаг конца IV — начала III в. до н.э. весом ок. 4,8 т²⁰⁸. Место находки было доследовано Шкорпилем и Соколовым: внутри саркофага лежали кости двух скелетов, золотая подвеска в виде кисточки, золотая звездочка, костяная рукоятка ножа, глиняная позолоченная бусина; были обнаружены также кости двух скелетов, положенных вдоль стен гробницы. Видимо, из того же погребения происходят чернолаковая рифленая пелика с гирляндами из накладной глины по горлу и акварельная пелика с изображениями двух сирен по сторонам высокого треножника, со следами красной и розовой красок (рис. 66). При доследовании кургана, использовавшегося как семейная усыпальница на протяжении IV—III вв. до н.э., были найдены краснофигурное рыбное блюдо, известняковое надгробие с надписью (КБН 1065), бронзовая пантикапейская монета конца III в. до н.э. По настоянию Шкорпила саркофаг был перевезен в ограду Таманской церкви и помещен под закрытым деревянным навесом²⁰⁹. Лишь в 1944 г. он был отправлен на реставрацию, хранение и экспонирование в ГИМ в Москву²¹⁰.

Рис. 70. В.В. Соколов. Карта поселений и могильников в районе ст. Таманской. 1915 г.

3. ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ XIX – НАЧАЛА XX в.

В течение XIX в. археологами были раскопаны сотни курганов на Таманском полуострове, в различных районах Прикубанья и частично Закубанья, собран огромный фактический материал, обогативший мировую науку новыми данными об истории и культуре античных городов Азиатского Боспора и местных племен Кубани. Преимущественное внимание к погребальным памятникам в ту эпоху вполне объяснимо: именно в курганах, а не в слоях поселений было больше шансов найти эффектные вещи, заслуживающие место в экспозиции Эрмитажа. «Эстетический» критерий в определении целей, методов и результатов исследований в классической археологии оставался доминирующим на протяжении конца XVIII, XIX и даже в начале XX в. Раскопки, не увенчавшиеся находками золота или художественных памятников античности, археологами той эпохи расценивались как неудачные.

С 1831 г. раскопки траншеями как поселений, так и могильников оставались традиционными для русской классической археологии вплоть до начала XX в. О методике «археологических практик», применявшейся в то время, нередко говорили и говорят как о ненаучной, кладонскательской²¹¹, но необходимо помнить, что она выработывалась эмпирическим путем. Еще с 1830-х годов археологи научились находить древние грабительские ходы («мины») в насыпях курганов, дифференцировать различные конструкции погребальных сооружений, правильно намечать последовательность и относительную хронологию захоронений. При раскопках курганов закладывали боковые шурфы вплоть до материка и «прорезали» насыпь сквозной или глухой траншеями, причем в разведочных целях широко использовали бур с двумя загнутыми краями, который «завинчивали» в курган для определения характера стратиграфии насыпи. Лишь с 1860-х годов начали использовать конные подводы для вывоза земли, что существенно облегчило раскопки больших курганных насыпей. Археологи XIX – начала XX в. стремились не только найти эффектные находки, но и пытались разобраться в структуре могильных сооружений, используя полученные результаты для исторических реконструкций.

В полевых отчетах того времени массовый археологический материал не фиксировался, после описания земляных работ артефакты перечислялись общим списком, без привязки к конкретному комплексу. Тип гробницы или катакомбы описывался суммарно, не всегда указывалась глубина их залегания. Приводимые в отчетах топографические ориентиры достаточно противоречивы и не всегда дают возможность нанесения на карту раскопанных в ту эпоху объектов. Многие важнейшие комплексы, в частности ряд античных расписных склепов, впоследствии оказались утрачены, на что справедливо сетовал Ростовцев при работе над сводом «Античной декоративной живописи»²¹². Городища также раскапывались узкими траншеями, что не могло дать представление о размерах и времени существования памятника, а лишь указывало на местонахождение фрагментов сырцовых стен и каменных фундаментов отдельных сооружений и зданий. К пониманию необходимости планомерных раскопок античных городищ и некрополей широкими площадями и тщательной фиксации всех без исключения объектов русская наука пришла только в первой четверти XX в.

Уровень развития археологии той эпохи определяется тем, что памятники эпохи бронзы и раннего Средневековья полевыми археологами вплоть до начала XX в. практически не выделялись²¹³. Результаты раскопок наглядно

Рис. 71. Академик Василий Васильевич Латышев (1855–1921), филолог-классик, историк античности, эпиграфист. ПФА РАН. Р. X. Оп. 1-Л. Д. 302

Рис. 72. Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928), историк античности, археолог, член-корреспондент Петербургской АН (1914). ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 92. Л. 15

показали, что курганы одной эпохи нередко расположены группами (кустами, цепочками), причем курганы эпохи бронзы в античное время нивелировались и в них делались впускные погребения с подсыпкой насыпи²¹⁴. С современных позиций ни один из раскопанных в XIX в. курганов не может считаться до конца исследованным, так как курганные насыпи не сносились до материка и лишь частично затрагивались колодцами, глухими траншеями и продольными разрезами, так что боковые стороны насыпи и уровень погребенной почвы, как правило, оставались не вскрытыми.

Несовершенная методика раскопок, поверхностная полевая документация, невнимание к массовому археологическому материалу снижали значение полученных результатов, хотя раскопки XIX – начала XX в. спасли для науки огромное количество памятников, в том числе высокохудожественных произведений античного искусства и ремесла. Их итоги вписали новые страницы в историю культуры южных территорий России. Открытиями мирового значения стали результаты раскопок курганов Большая Близница, Семибратних, Майкопского, Келермесских, Ульских и др.

Практика введения в научный оборот археологического материала не полевыми археологами, а кабинетными учеными-антиковедами, характерная для второй половины XIX в., негативно сказалась на отношении самих археологов к предмету и объекту исследования. Ежегодный «Отчет Императорской Археологической комиссии»²¹⁵ состоял из двух частей — в первой давалась информация о проводимых раскопках по материалам полевых отчетов, второй включал описание и классификацию находок, а также оценку их исторической значимости. Статьи второй части вплоть до 1883 г. составлялись Стефани. Его очерки включали публикацию древнегреческих и латинских надписей, монет, интерпретацию находок, а также обширные экскурсии по древнегреческой истории, мифологии и искусству. Труды Стефани и его последователей свидетельствуют о том, что классическая археология в то время рассматривалась как раздел античной истории искусств. Как правило, находки из одних памятников, присылавшиеся в Археологическую комиссию, распределялись по разным музеям — в Эрмитаж, Российский исторический музей, Керченский и Одесский музеи древностей и др., и восстановить состав многих археологических комплексов чрезвычайно сложно.

Подобное отношение к предмету и объекту исследования к рубежу XIX—XX вв. вступило в противоречие с внутренней логикой развития науки — все виды источников и добытые более чем 100-летними исследованиями артефакты требовали комплексного осмысления. В первой четверти XX в. в мировой археологии произошла «научная революция», проявившаяся во внедрении типологического метода О. Монтелюса (прием относительной датировки, основанный на идее эволюции стандартов) и в появлении теории археологических культурных провинций (археологических культур) как комплекса особенностей, характеризующих ту или иную древнюю группу населения. Выделение конкретных археологических культур позволяло проводить маркировку расселения древних племен по типам артефактов и привело к осознанию важности изучения рядовых археологических памятников и культур «варварских» племен. Стало очевидно, что без анализа артефактов невозможно проследить общие тенденции эволюции культур разных исторических эпох и взаимовлияние культур, синхронных друг другу. Изменения в теоретических основах науки нашли отражение и в области полевых практик, что проявилось в значительном улучшении методики раскопок и фиксации материала, в постепенном вводе в археологические исследования методов естественных наук. Следует напомнить, что лишь к 1910-м годам были изданы первые руководства по разведкам и раскопкам на русском языке²¹⁶.

Новые задачи решало уже другое поколение представителей русской историко-филологической школы, синтезировавшее достижения европейского антиковедения с успехами мировой и отечественной археологии. С деятельностью учеников Кондакова Ростовцева и Фармаковского (рис. 72) связана новая эпоха в разработке проблем античной истории и классической археологии Северного Причерноморья.

К этому времени в России была создана прочная основа для появления сводных фундаментальных корпусов севернопричерноморских письменных, эпиграфических, нумизматических и археологических источников. По заданию и под эгидой РАО И.В. Помяловский (1845—1916) издал свод греческих и латинских надписей Кавказа²¹⁷, вышедший к V Археологическому съезду в Тифлисе, а В.В. Латышев (1855—1921)²¹⁸ (рис. 71) многие годы посвятил составлению фундаментальных сводов письменных источников — корпусов античных (древнегреческих и латинских) и греческих надписей византийской эпохи северного берега Понта²¹⁹. Латышев опубликовал также двухтомный свод известий античной литературной традиции о Скифии и Кавказе²²⁰. Изданием этих сводов в России была создана солидная источниковая база письменных источников по античной истории юга России, что способствовало развитию исследований в области античной истории Северного Причерноморья.

Большое внимание специалистов обратили на себя памятники боспорской нумизматики. Иллюстрированный корпус античных монет Северного Причерноморья составил и издал к VI Археологическому съезду в Одессе П.О. Бурачков (1818—1894), затем этот труд откорректировал А.Л. Бертье-Делагард (1842—1920)²²¹. Последний является автором ряда исследований о развитии монетного дела Боспорского царства²²², в котором подчеркивалось, что изучение денежного обращения античных полисов Северного Причерноморья имеет важнейшее значение для изучения их экономики. Значительный вклад в разработку хронологии и типологии боспорских монет римского времени внесли публикации А.В. Орешникова (1855—1933)²²³ и Ростовцева²²⁴. В начале XX в. Нумизматическое отделение РАО поставило задачей созда-

ние полных каталогов монет отдельных греческих городов-колоний и корпуса всех античных монет Северного Причерноморья — «Corpus nummorum Russiae meridionalis». Но сводный иллюстрированный нумизматический каталог «Монеты Пантикапея и Боспорского царства, Фанагории, Нимфея, Феодосии, Фасиса, Диоскуриады», составленный О.Ф. Ретовским (1849—1925) и Ростовцевым, из-за событий 1917—1918 гг. остался неизданным²²⁵.

Особое внимание проблеме выделения древних культур «варварских» племен и изучения феномена «припонтийского» культурного синтеза уделял Ростовцев²²⁶, который готовил к изданию «Corpus tumulorum Russiae meridionalis», т.е. корпус погребений юга России. Одной из задач археологии он считал «систематическое издание отдельных крупных находок, особенно отдельных больших курганов и групп курганов, сопровождаемое их тщательным исследованием» и «систематическое опубликование археологического материала отдельных некрополей греческих городов»²²⁷.

Труды Ростовцева стали высшим достижением дореволюционного русского антиковедения. Ему принадлежат такие блестящие монументальные исследования, как «Античная декоративная живопись на юге России»²²⁸ и «Скифия и Боспор», изданная уже после эмиграции автора²²⁹. В последней содержится обстоятельный анализ письменных и археологических источников о Причерноморье античной эпохи, выделены хронологические пласты в истории и культуре Боспорского царства и его «варварского» окружения. Ростовцевым была разработана периодизация эпохи расцвета античной культуры в Причерноморье и намечена динамика исторического развития греческих государств. Ученый предложил оригинальную концепцию роли скифов в истории Боспора и влиянии Боспора на исторические процессы, протекавшие в Скифии, т.е. о взаимоотношениях греческой и «варварской» культур. Ростовцев не ограничивался анализом результатов раскопок греческих городов и их некрополей, а обратился к памятникам отдаленных территорий «варварского» хинтерланда. Автор попытался дифференцировать локальные варианты культур скифской эпохи и памятники «смешанного типа», которые можно связать с местным эллинизированным населением. Перу Ростовцева принадлежат также исследования о скифском зверином стиле²³⁰ и научно-популярные книги о «припонтийском» мире античной эпохи²³¹.

Именно Ростовцев поставил под сомнение методику полевых исследований и цели работ своих предшественников. Он считал, что результаты раскопок древних могильников заслонили необходимость систематических исследований городов и поселений²³². Полемизируя с Ростовцевым, Веселовский в статье «В защиту русских археологов» писал: «Едва ли справедливо требовать от лиц, производивших раскопки в 60-х и 70-х годах, а тем более в 40-х (Ашик), чтобы они удовлетворяли приемам и методам, которые выработаны в последнее время»²³³. На защиту Веселовского встал Фармаковский²³⁴, утверждавший, что основной задачей археолога было спасение археологических источников, которым «грозило уничтожение от руки хищников». По убеждению Фармаковского, точности наблюдений и фиксации в полевой археологии XIX в. не было ни у одного исследователя. Главными причинами разграбления древностей в России Веселовский считал отсутствие надлежащего законодательства об охране памятников и существующее право собственников земли на археологические находки. Веселовский предлагал возложить функции охраны памятников не на Археологическую комиссию, которая не имела для этого ни соответствующих полномочий, ни штата, ни средств, а на разветвленную структуру МВД, полагая, что «обладая изуми-

тельным археологическим наследством», Россия его губит «самым возмутительным образом». Он предлагал объявить все исторические древности государственной собственностью.

В своем очерке «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» (1918) Ростовцев призывал к изменению методов и целей археологических исследований — сосредоточить усилия на систематических раскопках античных городов и поселений; исследовать «догреческие поселения в местах, позднее занятых греками»; найти и раскопать «руины древних храмов, находившихся вне городов, преимущественно на Тамани»; изучить негреческие городища по р. Кубани; подвергнуть «сплошному расследованию» греческие некрополи и «варварские» могильники, прекратить бессистемные раскопки, «направленные только на добывание вещей»; систематически доследовать большие курганы, «частью разграбленные кладоискателями, частью не окончательно расследованные археологами»; вести археологические исследования «не иначе, как при содействии опытных техников, с широким применением фотографии и с составлением точных топографических и детальных планов и чертежей, с обращением особого внимания на структуру и характер погребального или иного расследуемого сооружения», а также «сохранение всего добытого при раскопках археологического материала»²³⁵. Однако эти коренные изменения в археологических исследованиях памятников Северного Причерноморья произошли уже в другую историческую эпоху.

4. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

После двух революций 1917 г. и гражданской войны археологические исследования на юге России пережили тяжелый кризис, вызванный гибелью от голода (Веселовский, Латышев) и вынужденной эмиграцией (Кондаков, Ростовцев) ряда выдающихся представителей русской историко-археологической мысли. Ученые, оставшиеся в Советской России (Н.Я. Марр, С.А. Жебелёв, А.А. Спицын, Б.В. Фармаковский и др.), создали в 1919 г. в Петрограде на базе Российской государственной археологической комиссии научно-исследовательское учреждение с широким кругом исследовательских задач — Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК)²³⁶ (с 1926 г. — Государственная Академия истории материальной культуры, с 1932 г. с отделением в Москве — МО ГАИМК). РАИМК было поручено общее наблюдение за всеми полевыми археологическими работами в стране и разработка инструкций по проведению полевых работ. В 1937 г. ГАИМК была реорганизована и включена в состав АН СССР под названием Институт истории материальной культуры (ИИМК) им. Н.Я. Марра в Ленинграде с отделением в Москве.

Значительную роль в деле изучения археологических памятников юга СССР сыграли преподаватели столичных вузов (МГУ, МГПИ, МИФЛИ, ПУ-ЛГУ, ЛИФЛИ, ЛГПИ) и сотрудники музейных учреждений, возглавившие археологические экспедиции, направленные на Кубань Государственным Историческим музеем, Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Государственным музеем искусств народов Востока (ныне Государственный музей Востока) в Москве, Государственным Эрмитажем, Государственным Русским музеем, Музеем антропологии

и этнографии (Кунсткамерой) АН СССР в Ленинграде. В советское время древности Таманского полуострова традиционно оставались и в поле зрения Керченского историко-археологического музея, бывшего Музея древностей (ныне в составе Керченского историко-культурного заповедника).

В послереволюционные годы глубокие изменения в структуре научных и музейных организаций произошли и на местах. Созданные в начале 1920-х годов Северо-Кавказское бюро краеведения, Северо-Кавказское общество археологии, истории и этнографии, Общество любителей истории Кубанской области способствовали организации сети местных краеведческих и историко-археологических музеев на Кубани²³⁷, но к середине 1920-х — началу 1930-х годов археологические и краеведческие общества были закрыты, как и обслуживающие их печатные издания. Многие краеведы нашли прибежище в провинциальных музеях, средних и высших учебных заведениях и органах охраны памятников Крыма, Азово-Черноморской области, Кубанского и Черноморского округов Северо-Кавказского (Краснодарского) края, в частности В.В. Веселов (1892?–1966)²³⁸, С.Ф. Войцеховский (1885–1931?)²³⁹, И.Е. Гладкий, Н.А. Захаров (1883–1938?), А.Ф. Лещенко (1880–?), Б.В. Лунин (1906–2001)²⁴⁰, А.Г. Остроумов (1893–?)²⁴¹, Г.Ф. Чайковский (1860–?)²⁴², М.В. Покровский (1897–1959)²⁴³ и Н.В. Анфимов (1909–1998)²⁴⁴. Последние два ученых сумели воспитать несколько поколений музейщиков и археологов в Краснодарском музее и Краснодарском пединституте (создан в 1920 г., с 1970 г. — Кубанский госуниверситет). Краеведы и местные археологи внесли значительный вклад в изучение восточных окраин Боспора и Закубанья, вели работу по картографированию²⁴⁵ и охране памятников, организовали наблюдения над строительными работами, затронувшими различные кубанские городища и могильники, вели сбор подъемного материала и охранные новостроечные раскопки²⁴⁶.

К 1900-м — середине 1920-х годов относится создание сети местных историко-археологических музеев на Кубани — Анапского краеведческого музея (открыт в 1910 г. по инициативе Веселовского, с 1932 г. краеведческий, с 1977 г. археологический музей-заповедник), Геленджикского историко-краеведческого музея (создан в 1909 г.), объединенного Кубано-Черноморского областного музея, расформированного в 1927 г., фонды которого стали в 1936 г. базой для создания Краснодарского историко-краеведческого музея (с 1977 г. — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, КГИАМЗ), Музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа в Новороссийске (создан в 1916 г., с 1987 г. — Новороссийский государственный исторический музей-заповедник), Сочинского естественно-исторического музея (открыт в 1920 г., ныне музей истории города-курорта), Темрюкского естественно-педагогического музея (создан в 1917 г., с 1924 г. естественно-исторический краеведческий, впоследствии историко-краеведческий, ныне историко-археологический музей), Таманского археологического (краеведческого) музея (1921–1942). Специализированный Археологический музей в ст. Тамань был открыт лишь в 1977 г. и вошел в состав Таманского музейного комплекса. В фондах столичных музеев и музеев Краснодарского края хранятся памятники, известные с дореволюционных времен, случайные находки, материалы раскопок XX в. как местных археологов, так и экспедиций, организованных вузами, научными и музейными учреждениями страны²⁴⁷.

В советский период цели и задачи исследований в области археологии Северного Причерноморья античной эпохи были направлены на систематическое

Рис. 73. Александр Александрович Миллер (1875–1935), археолог, кавказовед, действительный член РАИМК (1919), начальник Северо-Кавказской и Таманской экспедиций РАИМК–ГАИМК, профессор Петроградского-Ленинградского университета, директор Государственного Русского музея (1917–1921)

и широкомасштабное исследование городов, поселений и грунтовых некрополей Азиатского Боспора, на выделение и изучение археологических культур древнего населения юга СССР — майкопской, кобанской, скифской, меотской, сарматской и др. Большое внимание стало уделяться археолого-топографическим исследованиям на местности с целью фиксации городищ и могильников, которые должны были подвергнуться дальнейшему изучению. Эти задачи, сформулированные еще Ростовцевым, были впервые поставлены на 1-й Керченской конференции археологов СССР (1926)²⁴⁸. Методологическая перестройка и «внедрение» марксистского подхода в археологию привлекло внимание нового поколения исследователей к социально-экономической проблематике, к истории «производительных сил», что при раскопках городов и поселений обусловило приоритетность изучения различных видов производственных комплексов (виноделен, рыбозасолочных комплексов, керамических мастерских и пр.), а в послевоенный период — к исследованию сельских поселений и земельных наделов. Этому способствовала все расширяющаяся источниковая база, обеспечиваемая значительным ростом числа стационарных и новостроечных археологических экспедиций.

Сохранение традиций дореволюционного антиковедения происходило в рамках ряда экспедиций РАИМК–ГАИМК и РАНИОН, прежде всего Ольвийской под руководством Фармаковского (1924–1926). Именно Фармаковский впервые в России осознал и осуществил на практике решение комплексной задачи широкомасштабного археологического исследования античного города широкими площадями²⁴⁹.

На Таманском полуострове в 1926–1927 гг. группой археологов Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН) и МГУ под руководством А.С. Башкирова (1885–1963) было проведено археолого-топографическое обследование городища Фанагории, включая топографические и раскопные работы, и обследование с зачистками и зондажами курганов и городищ Таманского полуострова от Анапы до мыса Тузла и от Темрюка до косы Чушки²⁵⁰. В 1928–1930 гг. разведки и работы по составлению археологической карты района Фанагории проводились экспедицией ГМИИ под руководством Л.П. Харко²⁵¹. Составленная экспедицией карта зафиксировала несколько сотен памятников курганного некрополя Фанагории²⁵².

Созданные палеознотологом А.А. Миллером (1875–1935)²⁵³ (рис. 73) Северо-Кавказская (1923–1930, 1932–1933) и Таманская (1930–1931) экспедиции РАИМК–ГАИМК стали школой полевой археологии для многих известных советских археологов старшего поколения. Обе экспедиции проводили разведки, картографирование и раскопки античных и «варварских» памятников Северо-Западного Кавказа всех исторических эпох²⁵⁴. В 1925 г. Северо-Кавказская экспедиция РАИМК–ГАИМК и Этнологического отдела ГРМ Миллера провела разведки по р. Лабе и правому берегу Кубани от устья Лабы до Кубани, открыв ряд городищ сарматской эпохи, провела раскопки 10 погребений сарматского времени в Усть-Лабинском I могильнике²⁵⁵. Таманская экспедиция ГАИМК, Государственного Эрмитажа, Керченского, Темрюкского, Таманского музеев под руководством Миллера в составе А.А. Иессена (рис. 74), М.И. Артамонова (рис. 75), Г.И. Боровки, Т.Н. Книпович, Ю.В. Подгаецкого, А.П. Круглова, Е.И. Леви, А.Н. Карасева, Б.Б. Пиотровского, С.Ф. Войцеховского и др. провела обследования и раскопки в различных частях Таманского полуострова. В 1930–1931 гг. Разведочный отряд экспедиции под руководством Иессена провел обследование

Рис. 74. Александр Александрович Иессен (1896–1964), археолог-кавказовед, заведующий Отделом доклассового общества (с 1940 г. — истории первобытной культуры) Государственного Эрмитажа (1936–1955). Азербайджан, 1950-е гг. Съемка К.А. Кушнаревой

Рис. 75. Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972), археолог, проректор ЛГУ, действительный член Польской АН, директор Государственного Эрмитажа (1951–1964) в рабочем кабинете в ГЭ. Между 1951–1964 гг.

Рис. 76. Виктор Францевич Гайдукевич (1904–1966), археолог, руководитель Боспорской экспедиции (с 1935) и заведующий сектором Древнего Причерноморья ЛОИИМК – ЛОИА АН СССР (с 1946)

древних поселений западной части полуострова вплоть до Ахтанизовского и Кизилташского лиманов и в восточной части вплоть до ст. Варенниковой и Анапы. Собранный подъемный материал позволил нанести на отдельные планшеты и одноверстную карту Таманского полуострова более 100 поселений античной и средневековой эпох для выявления связей памятников с элементами древнего ландшафта по разным историческим периодам²⁵⁶. В береговой части городища у ст. Тамань (Гермонасса) в 1930–1931 гг. Миллером и Артамоновым был заложен разведочный раскоп, который дал стратиграфический разрез культурных напластований до 9 м глубины от VI в. до н.э. до XI–XV вв. н.э.²⁵⁷ Экспедиция установила, что античная Гермонасса возникла во второй половине VI в. до н.э., причем жизнь на памятнике развивалась на протяжении нескольких эпох; в 1931 г. на более широкой площади исследовались средневековые слои VI–XII вв.²⁵⁸ Отряд под руководством Круглова в 1930 г. провел небольшие раскопки на городище Патрея (городище Гаркуша 1 у хут. Гаркуша Темрюкского района), открыв остатки винодельни римского времени²⁵⁹; отряд под руководством директора Керченского музея Марти²⁶⁰ в 1931 г. провел работы на юго-восточной окраине городища Фанагории, где на раскопе «Керамик» В.Ф. Гайдукевичем (1904–1966) была обследована большая гончарная печь IV в. н.э., найденная в 1930 г. К.Э. Гриневичем и Харко²⁶¹. Археологические материалы экспедиции хранятся в Государственном Эрмитаже²⁶².

В 1938 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством Гайдукевича (рис. 76)²⁶³, совместно с Таманским музеем возобновила раскопки грунтового некрополя Гермонассы, начатые еще в 1930–1931 г. Таманской экспедицией Миллера и продолженные в 1936 г. Н.И. Репниковым. В 1938 г. под руководством А.Г. Остроумова и Е.Г. Кастанаян проводились раскопки на площади западного Таманского могильника, где в 1926 г. кладоискателями были найдены две клазоменские вазы VI в. до н.э., поступившие на хранение в Темрюкский музей²⁶⁴. Экспедицией вскрыто 28 погребений, в том числе несколько античных VI–V вв. до н.э. с ионийской и аттической керамикой²⁶⁵.

В 1936–1937 гг. Фанагорийской экспедицией ГМИИ и ГИМ при участии Академии архитектуры, МГУ и МИФЛИ под руководством А.П. Смирнова и В.Д. Блаватского (рис. 77) были начаты систематические раскопки на

Рис. 77. Владимир Дмитриевич Блаватский (1899–1980), Член-корреспондент Академии архитектуры (1944) и Германского археологического института (1966), зав. сектором античной археологии (1944–1971), руководитель Фанагорийского отдела Боспорской (1936–1940), Синдской / Таманской (1950–1954) и подводной Азово-Черноморской (1958–1960) экспедиций ИИМК–ИА АН СССР

городище и некрополе Фанагории (рис. 78), продолженные в 1938–1940 гг. Фанагорийским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР во главе с Блаватским. Экспедиция исследовала береговую полосу городища, западный и восточный некрополи античной и средневековой Фанагории — Фанагуриса, установила западные и восточные границы города и стратиграфию городских напластований, которые в северо-западной и северной частях городища образовывали 14 слоев мощностью до 6 м (8 нижних античного времени, 6 средневековых). На «Северном раскопе» были открыты развалины хозяйственного помещения V в. до н.э., фундамент большого общественного здания IV в. до н.э., остатки монументального жилого дома II в. до н.э. со стенами, облицованными полихромной штукатуркой и украшенными росписью, развалины винодельни III в. н.э. В северо-западной части городища открыты полы из гальки V–IV вв. до н.э., часть большого общественного здания, вероятно, гимнасия конца IV — начала II в. до н.э., развалины дома конца I в. до н.э. — I в. н.э. и другие сооружения. В общей сложности на некрополе Фанагории экспедицией была вскрыта 151 могила с середины VI в. до н.э. вплоть до Средневековья, главным образом труположения в грунтовых могилах, реже — в земляных склепах с одной или двумя камерами. В восточной части некрополя открыта большая керамическая свалка, а на одном из западных некрополей найдены развалины здания, вероятно, героона III в. до н.э.²⁶⁶ Материалы экспедиции хранятся в ГИМ.

В 1920-х годах результаты работ экспедиций Миллера на Усть-Лабинском I могильнике (1925), Захарова (1927)²⁶⁷ и Покровского (1929) на Краснодарском городище и могильнике позволили связать эти памятники с меотами²⁶⁸. В 1930-х годах Анфимов провел исследования ряда городищ и могильников скифской эпохи на правобережье Кубани. Материалы раскопок Усть-Лабинского II могильника в 1936–1938 гг. помогли ему разработать периодизацию меотской культуры, реконструировать процесс ее сложения и развития, выявить своеобразие черт культуры Прикубанья скифской и сарматской эпохи, высказать дискуссионное предположение, что в раннескифское время в Прикубанье обитали не киммерийские, а протомеотские племена²⁶⁹, доказать, что возникновение большей части поселений в береговой полосе среднего Прикубанья относится к концу IV — III в. до н.э., т.е. к периоду наивысшего экономического расцвета Боспорского царства²⁷⁰.

В 1934–1935 гг. Кубанской экспедицией Института антропологии и этнографии АН СССР под руководством В.А. Городцова (1860–1945), совместно со специалистами МО ГАИМК проводились исследования крупнейшего меотского поселения VI–I вв. до н.э., грунтового и курганного могильника у ст. Елизаветинской в Среднем Прикубанье (Прикубанский район, в 18 км к западу от г. Краснодара) площадью свыше 100 тыс. кв. м²⁷¹, известных еще Фелицыну и Веселовскому (1912–1915, 1917). Небольшие раскопки городища ранее провели Ю.С. Крушкол в 1928–1929 гг. и Покровский в 1928–1934 гг., причем последний и Городцов локализовали здесь древнюю Гаргазу. Экспедицией Городцова были обследованы рвы и валы городища, открыты развалины глинобитных жилищ, гончарные печи, колодцы, найдена керамика, производственные и бытовые вещи. В могильнике было вскрыто 95 погребений IV в. до н.э. — I в. н.э. Неизданные материалы раскопок хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН.

Археологическое изучение памятников Краснодарского края особенно интенсифицировалось в послевоенный период в связи с большим размахом

Рис. 78. Фанагорийская экспедиция под руководством В.Д. Блаватского 1937 г. Некрополь. Общий вид раскопа. ФА ИИМК. Q-630-70

восстановительных, строительных и мелиоративных работ на юге СССР. Значительный вклад в изучение кубанских древностей внесла академическая наука. В 1945 г. администрация центрального археологического учреждения страны была переведена из Ленинграда в Москву. В 1959 г. ИИМК был переименован в Институт археологии (ИА) АН СССР, который в 1991 г. был разделен на два самостоятельных учреждения – ИА РАН в Москве и ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. Еще в 1944 г. в ИИМК АН СССР был открыт Сектор античной археологии (ныне отдел классической археологии), приоритетной тематикой которого стало изучение памятников Азиатского Боспора²⁷². Интенсификация землеустройства и необходимость выявления, государственного учета и охраны памятников привела к созданию в 1972 г. в ИА АН СССР сектора новостроечных и хоздоговорных экспедиций, в 1987 г. преобразованный в отдел охранных раскопок. Его сотрудники провели десятки новостроечных экспедиций, включая Анапскую, Фанагорийскую, Северо-Кавказскую, сыгравших значительную роль в изучении памятников Кубани.

В послевоенные годы систематические раскопки городища и некрополя Фанагории широкими площадями проводились экспедицией ИИМК–ИА АН СССР и ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством М.М. Кобылиной (рис. 79) в 1947–1975 гг.²⁷³, затем Фанагорийской (Таманской) экспедицией ИА АН СССР–РАН в 1975–1988, 1992 гг. во главе с В.С. Долгоруковым (1940–2001), в 1989–1991 гг. А.А. Завойкиным и с 1993 г. В.Д. Кузнецовым²⁷⁴. Средневековые слои Фанагории в 1982–1986 гг. на береговом раскопе исследовал отряд под руководством А.Г. Атавина²⁷⁵.

Рис. 79. Мария Михайловна Кобылина (1898–1988), археолог, доктор исторических наук, профессор, руководитель Фанагорийской экспедиции ИИМК–ИА АН СССР в 1947–1975 гг.

Раскопки открыли культурные напластования толщиной до 6–7 м с середины VI в. до н.э. до рубежа X–XI вв. н.э., в том числе фортификационные сооружения, жилые кварталы и ранние жилища (глиняно-плетневые постройки), остатки культовых и общественных зданий — терм, водостоков, мощеных дорог и площадей, хозяйственных комплексов и виноделен, обнаружен целый район гончаров — «Керамик», а также выброс мастерской коропласта (обжигательные печи, производство из глины). Открыты слои пожара конца V в. и I в. до н.э. Уточнена восточная граница Фанагории, прослежено изменение городской черты и линии обороны (крепостных стен) во времени, определена примерная площадь городища — от 60 до 65 га²⁷⁶. Раскоп «Южный город» общей площадью 2850 кв. м, исследованный в 1979–1991 гг., выявил городские слои начала V в. до н.э. — III–IV вв. н.э., слой позднеантичного—ранневизантийского времени V–VI вв. Здесь же был впервые открыт участок архаического некрополя, найдены ранние глиняно-плетневые жилища, остатки общественного монументального здания с полихромной штукатуркой и культового комплекса IV–I вв. до н.э. с постройкой типа «храма в антах»²⁷⁷. Установлено, что после захвата Синдики Спартокидами и военного разгрома, сопровождавшегося пожаром и разрушениями южной окраины Фанагории в конце V в.²⁷⁸, расцвет столицы Азиатского Боспора падает на IV–II вв. до н.э.

Важные открытия были сделаны в затопленной части городища Фанагории подводными экспедициями под руководством Блаватского (1958, 1959)²⁷⁹ и Кузнецова (1999–2008)²⁸⁰, давшие науке замечательные находки эпитафических памятников и античной скульптуры²⁸¹.

На вершине горы Блеваки (Майская гора), возвышающейся над Фанагорией с юга, Боспорской экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством И.Д. Марченко (1909–1978) в конце 1950-х — начале 1960-х годов исследовано святилище женских богинь середины V — первой половины II в. до н.э., в котором обнаружено большое число терракот²⁸².

Одновременно было продолжено изучение некрополя Фанагории. В кургане близ хут. Трактового был открыт каменный склеп IV в. н.э.²⁸³, на южном некрополе исследованы кремации и тризны IV–III вв. до н.э. и могильник III–IV вв. н.э., на восточном некрополе вскрыты более 160 погребений III в. до н.э. — IV в. н.э., на западном некрополе в кургане открыты две могилы IV–III вв. до н.э.²⁸⁴ В 1960 г. были раскопаны 16 курганов на землях винсовхоза Фанагорийский, в 1964–1965 гг. под руководством Коровиной проведены широкомасштабные исследования юго-восточного некрополя Фанагории, открывшие на площади 2340 кв. м 331 погребения эллинистического и римского времени, характеризующие погребальный обряд и этнический состав рядового населения города той эпохи²⁸⁵. Западный некрополь Фанагории с захоронениями второй половины IV в. до н.э., II в. до н.э. — III в. н.э. исследовался Т.Г. Шавыриной²⁸⁶, восточный с погребениями III в. до н.э. — конца IV — V в. н.э. изучался Некропольским отрядом Фанагорийской экспедиции под руководством Н.И. Сударева²⁸⁷, а с 2005 г. Воронежским отрядом Таманской экспедиции ИА РАН под руководством А.П. Медведева²⁸⁸. В 2003 г. на южном некрополе в «Алее курганов» был открыт ограбленный в древности каменный склеп с уступчатым перекрытием IV в. до н.э.²⁸⁹

Таманская экспедиция ГИМ в 1950 г. под руководством А.П. Смирнова провела разведки на Таманском городище у ст. Таманской Темрюкского района, собрав подъемный материал VI в. до н.э. — XIV в. н.э.²⁹⁰ Систематические раскопки городища Гермонассы—Таматархи—Тмутаракани

Рис. 80. Борис Александрович Рыбаков (1908–2001), академик, руководитель Таманской экспедиции в 1952–1955 гг.

Рис. 81. Ираида Борисовна Зеест (1902–1981), археолог, доктор исторических наук, начальник античного отряда (1952–1955), руководитель Таманской экспедиции ИИМК–ИА АН СССР, ГИМ и ГМИИ (1956–1971)

и ее некрополя осуществляла Таманская экспедиция ИИМК АН СССР, ГИМ, МГУ, Керченского музея в 1952–1955 гг. под руководством академика Б.А. Рыбакова (рис. 80), затем И.Б. Зеест (рис. 81) (руководитель античного отряда в 1952–1955 гг., с 1956 по 1971 гг. начальник Таманской экспедиции ИИМК, ГИМ и ГМИИ им. А.С. Пушкина)²⁹¹, с 1971 г. Гермо-насская экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина во главе с Коровиной (1918–2000)²⁹², а с 1988 г. С.И. Финогеновой. На четырех раскопах – Нагорном (Центральном), Юго-Восточном, Северном, Северо-Восточном – открыты слои со второй четверти VI в. до н.э. до современности, установлена стратиграфия слоев и границы города в античную эпоху, исследованы остатки общественных, жилых и хозяйственных построек, улицы IV–I вв. до н.э., а также загородный участок IV–III вв. до н.э.²⁹³ Таманское городище – «единственное на европейской части России имеет толщину культурного слоя 13 метров», где античные слои перекрыты средневековыми напластованиями толщиной от 4 до 6 м, причем до материка удалось дойти только на трех участках²⁹⁴. Работы на городище Гермо-насы проводят также Таманская археологическая экспедиция КГИАМЗ под руководством главного хранителя Таманского музейного комплекса Э.Р. Устаевой. На некрополях Гермо-насы, где с 1955 г. отрядом руководила Н.П. Сорокина (1922–2002), исследованы погребения VI в. до н.э. вплоть до III в. до н.э.²⁹⁵ и эпохи Средневековья²⁹⁶. В 2007 г. небольшие охранные работы на некрополе были проведены Восточно-Боспорской экспедицией ИА РАН под руководством Сударева.

Синдская экспедиция ИИМК АН СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова, Новороссийского музея (1950–1954), с 1952 г. носившая название Синдский отряд Таманской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством Блаватского²⁹⁷, ставила своей целью изучение сельскохозяйственной территории и сельских поселений юго-западной части Таманского полуострова в окрестностях ст. Тамань. Сотрудники экспедиции составили археологическую карту района, впервые провели раскопки 16 античных сельских поселений (4 из них исследовались в комплексе с могильниками) и античного могильника у мыса Тузла (Темрюкский район), относимого Сорокиной к некрополю Корокондамы²⁹⁸. Открытые материалы помогли составить общее представление о хозяйственной и культурной жизни сельских поселений, 10 из которых расположены на берегу моря или лимана, в устьях ныне высохших ручьев. Раскопки показали, что общий состав находок на сельских поселениях близок к находкам в боспорских городах, но значительно беднее (артефакты из разведок и раскопок экспедиции хранятся в ГИМ). Уточнению датировок памятников помог стремительный прогресс в изучении амфор и керамической эпиграфики, существенный вклад в которую внесла И.Б. Зеест²⁹⁹, благодаря чему стало ясно, что более половины из 16 исследованных поселений были основаны во второй половине VI в. до н.э.³⁰⁰ Охранно-спасательные исследования грунтового Тузлинского могильника, разрушаемого абразией берега, с 1995 г. продолжила экспедиция КГИАМЗ под руководством А.В. Кондрашева³⁰¹.

Многолетние работы Н.И. Сокольского (рис. 82) по изучению северо-западной части Таманского полуострова включали открытие и исследование ряда античных городищ и сельских поселений³⁰² (материалы разведок и раскопок поступили в ГИМ). В 1957–1973 гг. Сокольский провел исследования памятника, известного еще Кларку и Гёрцу как городище близ хуторов Артюхова и Пивнева³⁰³, со времен Тизенгаузена отождествляемого большинством исследователей с античным городом Кепы, ныне входящего в границы

Рис. 82. Николай Иванович Сокольский (1916–1973), археолог, доктор исторических наук, организатор и руководитель Таманской экспедиции (1959–1973), зав. сектором античной археологии ИА АН СССР (1971–1973)

современного пос. Сенной Темрюкского района (Ростовцев считал такую локализацию «весьма сомнительной»³⁰⁴). Здесь было заложено 12 раскопов и открыто 12 культурных напластований со второй четверти VI в. до н.э. до третьей четверти IV в. н.э., а также средневековые слои³⁰⁵. Раскопками Сокольского открыты статуя кургана³⁰⁶ и руины храма Афродиты, где в 1963 г. была найдена мраморная статуэтка богини Афродиты, получившей название «Афродита Таманская» (хранится в ГИМ)³⁰⁷. Параллельно отряд той же экспедиции из ГИМ (1959–1968) во главе с Н.П. Сорокиной совместно с Сокольским исследовал курганный и грунтовый некрополь Кеп VI в. до н.э. — III в. н.э. на восточном берегу Таманского залива в 2 км к северу от пос. Сенной, вскрыв 17 курганов и свыше 400 погребений грунтового могильника³⁰⁸. Исследования городища были продолжены Кепским отрядом Таманской экспедиции ИА АН СССР под руководством Э.Я. Николаевой в 1972–1973 гг.³⁰⁹, открывшей остатки терм I в. н.э., и Кузнецова в 1984–1989 гг.³¹⁰ Некрополь впоследствии изучался экспедицией ИА АН СССР и ГИМ под руководством Долгорукова и Сорокиной (1976–1978)³¹¹. В 2002 г. Таманская экспедиция ИА РАН исследовала 6-метровый курган некрополя Кеп. Подводные исследования акватории Таманского городища, прилегающего к городищу Кепы, в 2006 г. провела Таманская подводная археологическая экспедиция Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова³¹².

Расположенный на месте современной Анапы город Горгиппия и находящийся к востоку, юго-востоку и югу от него некрополь в послевоенный период изучались Анапской экспедицией ИИМК–ИА АН СССР/РАН. Еще в 1939–1940 гг. в центре Анапы сотрудниками ГМИИ им. А.С. Пушкина была обнаружена мраморная портретная статуя наместника Горгиппии Неокла, сына Геродора, и надпись на мраморной плите 187 г. н.э. (КБН 1119)³¹³. В 1949 г. Блаватский выявил стратиграфию культурных слоев и наметил границы античного города, занимавшего площадь ок. 35–40 га³¹⁴. И.В. Поздеева в 1954–1956 гг. провела охранные раскопки грунтового могильника. Систематические раскопки городища начались с 1960 г. экспедицией ИА АН СССР под руководством И.Т. Кругликовой³¹⁵, а с 1973 г. Е.М. Алексеевой³¹⁶. Несмотря на то что остатки вытянутой вдоль моря Горгиппии полностью перекрыты современной городской застройкой, в ходе раскопок были открыты остатки рва и полуземлянок, ордерных сооружений, жилых и хозяйственных построек, керамические мастерские, остатки гончарных печей, литейного производства, виноделен, рыбозасолочных цистерн и т.п., фрагменты значительного числа надписей и скульптур. Представительный набор обломков протом Деметры и Коры свидетельствует о существовании рядом с Горгиппией пригородного святилища Деметры³¹⁷. Раскопки 1982, 1989–1991 гг. на раскопе «Океан» на площади свыше 2400 кв.м позволили Алексеевой выделить и датировать отдельные строительные периоды, отнести начало жизни на городище ко второй половине VI в. до н.э., датировать застройку города по единой планировочной системе второй четвертью IV в. до н.э. и окончательную гибель Горгиппии в пожаре 239/240 гг. н.э. При этом, по справедливому замечанию автора раскопок, непо потревоженные комплексы находок в подвалах погибших в пожаре зданий являются эталонными для всего Северного Причерноморья 30-х годов III в. н.э. В 1960–1980-х годах активно изучался курганный и грунтовый некрополь Горгиппии и сельскохозяйственная территория³¹⁸. В 2006 г. участок раннего некрополя Горгиппии исследован Восточно-Боспорской экспедицией ИА РАН под руководством Сударева.

Таманской экспедицией ИИМК–ИА АН СССР Блаватского с 1954 г. проводилось обследование Раевского городища к северу от ст. Раевской Анапского района, установлен характер оборонительных сооружений и жилых построек, уточнена датировка памятника — конец IV–III в. до н.э., не позднее XIII–XIV вв.³¹⁹ С 1955 г. раскопки Раевского городища³²⁰, окружающих его некрополей и хоры осуществляла Новороссийская экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Н.А. Онайко (1921–1983), позднее ставшая во главе Новороссийско-Геленджикской экспедиции ИА и исследовавшей другие памятники античной эпохи на юго-восточной окраине Боспора, в частности, могильники в Лобановой щели и Широкой балке. Впоследствии экспедицию возглавили А.В. Дмитриев в 1984–1987 гг. и А.А. Малышев с 1998 г.³²¹ Та же экспедиция в 1971–1974 гг. провела раскопки погибшего в пожаре античного города второй половины VI — середины V в. до н.э. на Тонком мысу в Геленджикской бухте, отождествляемого с античным Ториком³²². В 1960–1970-х годах разведки античных памятников в районе Новороссийско-Геленджика проводили Онайко и И.Б. Брашинский. В 1970–1990-х годах Онайко и Дмитриев исследовали памятники Новороссийского района, Малышев в 1990–2000-х годах проводил раскопки разновременных могильников в Цемесской долине в окрестностях Новороссийска³²³. Исследованиями Онайко в 1969 г., Дмитриева в 1979 г., А.Н. Гея и Е.И. Савченко в 1990–1991, 2000 гг.³²⁴ на многослойном поселении Мысхако I («Восточный холм») в районе г. Новороссийска, которое рядом ученых отождествляется с Батами³²⁵, вскрыта площадь свыше 1500 кв. м. Это наиболее крупное и полно изученное античное поселение первых веков нашей эры от Анапы до Геленджика. Параллельно изучался открытый в 1978 г. могильник³²⁶. Экспедиция Новороссийского музея-заповедника и Краснодарского краевого комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей под руководством А.В. Шишлова проводила охранные раскопки с целью исследования античного и византийского грунтового могильника в 10 км к юго-западу от Новороссийска у пос. Южная Озереевка³²⁷.

Еще в 1949 г. экспедиция ЛГПИ им. А.И. Герцена под руководством М.М. Кубланова (1914–1998) проводила разведки и незначительные раскопки на Фонталовском полуострове в северо-западной части Таманского полуострова, главным образом в районе пос. Кучугуры Темрюкского района и Киммерийского вала³²⁸. В 1949 г. отряд МГПИ им. В.И. Ленина под руководством Д.Б. Шелова (1919–1993) провел разведочные раскопки рядом с крепостью I–VI вв. н.э. Ильич 1 близ пос. Ильич, к востоку от основания косы Чушка³²⁹, с 1964 г. продолженные Сокольским, затем в 1974–1996 гг. Николаевой, которая идентифицировала это городище с Трапезунтой Иордана³³⁰. В составе экспедиции Николаевой принимал участие отряд Таманского археологического музея под руководством Устаевой³³¹. Сам памятник и материалы его раскопок (исследованы оборонительные сооружения и три четверти внутреннего пространства крепости площадью 2000 кв. м.) стали эталонными для ранневизантийского времени на Боспоре (материалы хранятся в ГИМ и Таманском музее). Охранные раскопки «усадьбы» первой половины I в. н.э. в прибрежной части в 1996–1997 гг. проводились Ильичевским отрядом Таманской экспедиции ИА РАН под руководством Завойкина³³².

Сокольским была выявлена единая оборонительная система укрепленного района на Фонталовском полуострове — особого военно-административного округа азиатского Боспора (один из островов дельты Кубани³³³, известный, как считал Сокольский, по эпиграфическим источникам — КБН 40, 697, 982,

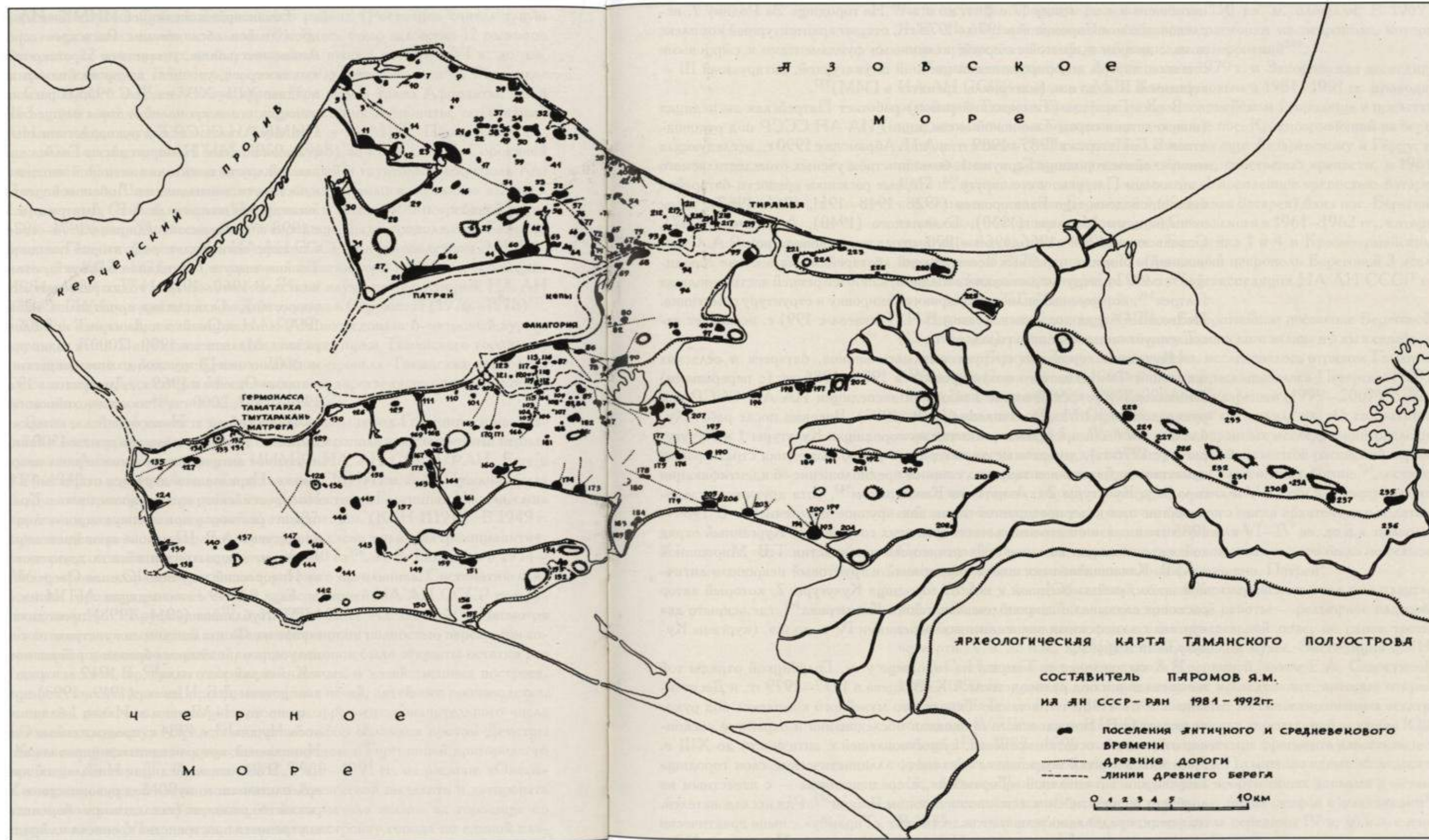

Рис. 83. Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. 1981–1992 гг. Архив Я.М. Паромова

1000). Согласно его выводам, в систему обороны входили Киммерийский вал, вал в Кепах и 10 (ныне их известно уже 12³³⁴) небольших крепостей-батареек из сырцового кирпича, возведенных во второй половине I в. до н.э. — начале I в. н.э. и существовавших вплоть до начала II в.³³⁵ На укрепленном валом и рвом поселении За Родину 4 (Румынский) Сокольским в 1971–1972 гг. и С.А. Беляевым в 1973 г. было исследовано святилище эллинистического

времени и открыты архитектурные остатки круглого в плане здания — толоса III в. до н.э. с внутренними колоннами дорийского ордера, стоявшего в центре большого перистильного двора неправильной четырехугольной формы. Хорошая сохранность фрагментов архитектурно-строительных остатков позволила восстановить план комплекса, а также выполнить реконструкцию возведенного позднее укрепленного дома Хрисалиска конца II — конца I в. до н.э.,

погибшего в огне между 17 и 8 гг. до н.э.³³⁶ На городище За Родину 7, исследовавшемся Сорокиной в 1976–1978 гг., открыт архитектурный комплекс дома с двором и крытой галереей, каменными фундаментами и сырцовыми стенами, внутри декорированными цветной штукатуркой, датируемый III – серединой II в. до н.э. (материалы хранятся в ГИМ)³³⁷.

В пос. Гаркуша (Темрюкский район) работает Патрейская экспедиция (впоследствии отряд Таманской экспедиции) ИА АН СССР под руководством Б.Г. Петерса в 1985–1989 гг. и А.П. Абрамова с 1990 г., исследующая многослойное городище Гаркуша 1, большинством ученых отождествляемого с античным Патреем, и его округу³³⁸. Первые раскопки крепости-батарейки были проведены еще Башкировым (1928, 1948–1951, 1961–1962), затем экспедициями Миллера (1930), Блаватского (1940), Анфимова (1947), Сокольского (1964–1966, 1968–1970, отряд под руководством Р.А. Стручалиной). Помимо охранных исследований «батарейки» на востоке городища³³⁹, с 1992 г. ведутся раскопки в западной, наиболее ранней части городища Патрея³⁴⁰, которые выявили топографию, планировку и структуру памятника. Подводный отряд под руководством В.Н. Таскаева с 1991 г. исследует затопленную часть «нижнего города»³⁴¹.

Изучением курганных и грунтовых могильников, батареек и сельских поселений Фонталовского полуострова³⁴² в 1976–1986 гг. (с перерывами) занимался Кучугурский отряд Таманской экспедиции ИА АН СССР под руководством Ю.М. Десятчикова (1940–1995). Впервые после работ Кубланова им были проведены раскопки на городищах Кучугуры 1 и Кучугуры 2 (с 1976 г.), доведенные до материка с целью выяснения стратиграфии памятников. Десятчиков высказал спорное предположение об идентификации городища Кучугуры 2 с Азиатским Киммериком³⁴³, хотя другими исследователями оно интерпретируется лишь как крупное поселение³⁴⁴. В 1984–1986 гг. в связи со строительством очистных сооружений Курганский отряд той же экспедиции во главе с Десятчиковым при участии Т.В. Мирошиной и М.В. Калашникова исследовал курганный и грунтовый некрополь античной эпохи, расположенный к югу от городища Кучугуры 2, который автор раскопок связывал с некрополем Азиатского Киммерика³⁴⁵, где вскрыто два кургана со скифскими воинскими захоронениями IV в. до н.э. (курганы Кучугуры 15 и 16)³⁴⁶.

В 8 км западнее г. Темрюк на городище у ст. Голубицкой отряды той же экспедиции под руководством А.К. Зайцева в 1977–1979 гг. и Десятчикова в 1985–1986 гг., а также Таманского музейного комплекса под руководством О.В. Богословского проводили обследования и охранные раскопки, открывшие остатки крепости, существовавшей с античности до XIII в. Десятчиков считал возможным связывать эллинистические слои городища Голубицкая 1 с античной «Тирамбой», а средневековые – с известным из арабских и византийских источников городом Россия³⁴⁷. Ряд исследователей, напротив, предположительно отождествляют «Тирамбу» с ныне практически уничтоженным морем городищем Пересыпь 1 вблизи пос. Пересыпь в 100 м к западу от Пересыпного (Кубанского) гирла на южном берегу Азовского моря³⁴⁸. Городище Пересыпь 1 было обследовано еще Башкировым в 1926 г., затем в 1940, 1947, 1951 гг. охранные раскопки некрополя провел отряд под руководством Анфимова, работавший в составе экспедиции Блаватского. Исследования были продолжены экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством Коровиной (в 1959–1970 гг., с перерывами), выявившей культурные напластования конца VI в. до н.э. – III в. н.э. В центральной

части останца городища раскопано лишь 150 кв. м. площади. В 1989 г. Я.М. Паромовым проведены небольшие раскопки на некрополе, который характеризуется высокой долей воинских захоронений³⁴⁹.

Таманская экспедиция Десятчикова в 1979 г. и Запорожская экспедиция ИА АН СССР во главе с М.В. Калашниковым в 1981–1991 гг. проводили раскопки в Темрюкском районе на Красноармейском 1 городище и прилегающем могильнике, расположенном на окраине пос. Красноармейский на берегу Динского залива³⁵⁰. Памятник был известен еще Лазаревскому и Гёрцу; его обследование и раскопки, главным образом, собственно крепости, в 1961–1962 гг. провела экспедиция Сокольского. Укрепленное крепостью-батареикой сельское поселение Береговой 3 (Каменная батарея) близ пос. Береговой также было обследовано экспедицией Сокольского в 1961–1962 гг., который отметил его сходство с поселениями Батарейка 1 и 4 и Красноармейским 1 городищем. В 1979 г. поселение и грунтовый некрополь Береговой 3 исследовался Запорожским отрядом Таманской экспедиции ИА АН СССР под руководством Т.Г. Шавыриной.

Зафиксированное в конце XVIII в. Биберштейном поселение Береговой 4 (Саратовское), расположенное на берегу Таманского залива в 5 км к северо-западу от пос. Гаркуши Темрюкского района, исследовалось отрядом Таманской экспедиции Сокольского в 1963 г.³⁵¹, затем раскапывалось Петерсом (1985–1988), Завойкиным (1999–2002, 2004) и Сударевым (1999–2007)³⁵². Было установлено, что общая площадь поселения составляла ок. 45 га, размывтая морем часть – ок. 12,5 га³⁵³. Материалы охранных исследований последних лет, в частности находки значительного числа фрагментов расписной керамики, монет, граффити и открытие святилища элевсинских богинь³⁵⁴, остатков толоса из сырцовых кирпичей конца VI – начала V в. до н.э. и сырцовых зданий значительных размеров, наличие большого числа архитектурных деталей во вторичном использовании, а также некрополя VI–IV вв. до н.э. позволило Судареву высказать дискуссионное предположение, что это было не сельское поселение, а одна из ионийских колоний, возможно, Патрей³⁵⁵.

В 1982 г. у пос. Юбилейный вблизи Киммерийского вала при плантажной распахке была найдена стела греческой работы – рельефное надгробие с изображением молодого воина в наступательной позе, не ранее третьей четверти IV в. до н.э., хранящееся в Таманском музее. Экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством Коровиной, затем Е.А. Савостиной в 1983–1993 гг. провела здесь планомерные исследования, которые открыли две усадьбы I в. до н.э. – I в. н.э., возведенные на сnivelированных остатках поселения IV–II вв. до н.э. В различных местах укрепленной усадьбы Юбилейный 1³⁵⁶ в 1983 и 1990 гг. были найдены четыре фрагмента известнякового фриза с батальной сценой не ранее II в. до н.э. По мнению одних исследователей, здесь изображена битва пеших скифов, вооруженных копьями и мечами, с конными сарматами³⁵⁷, согласно другим, – битва скифов с амазонками³⁵⁸. В 1985 г. в вымостке пола была открыта стела середины IV в. до н.э. с изображением двух воинов³⁵⁹.

Охранно-спасательные раскопки на памятниках в окрестностях Фанатории по трассе строящейся железной дороги к базе СУГ нефтеналивного терминала недалеко от пос. Приморский проводили в 1992 г. отряд во главе с А.Б. Колесниковым (Приморский 1) и Краснодарская экспедиция Кубанского ГУ под руководством И.И. Марченко, которая в 1993, 2005–2006 гг. исследовала курганный некрополь второй половины IV в. до н.э. – первой половины II в. н.э. сельского поселения Виноградный 7³⁶⁰.

В 1981 г. при обследовании античного поселения Приазовский 1 Атавиным была найдена женская головка из пентелийского мрамора I в. н.э., возможно, изображение Афродиты, которая была в 1983 г. передана в Таманский музей³⁶¹. На том же памятнике в 2000–2003 гг. Сударевым проведены охранные работы и исследована эллинистическая усадьба³⁶². Приазовский отряд Таманской экспедиции ИА РАН под руководством Калашникова и Ю.В. Горлова в 1992 г., Завойкина и Сударева в 1998 г.³⁶³ провел исследования античного сельского поселения Приазовский 4 близ мыса Каменный к востоку от пос. Приазовский на высоком берегу Азовского моря, обследованного еще Таманской экспедицией Миллера и в 1977 г. Кучугурским отрядом Таманской экспедиции под руководством Десятчикова³⁶⁴.

Спустя полвека после работ Блаватского исследовались сельские поселения близ пос. Волна Темрюкского района у северного подножия горы Зеленского, находящиеся в зоне строительства железной дороги и объектов нефтеналивного терминала³⁶⁵. Панагийская археологическая экспедиция Таманского музея под руководством И.Н. Богословской в 1993–1994 гг., Южно-Таманская комплексная археологическая экспедиция ГЭ под руководством С.Л. Соловьева в 1996–2001 гг.³⁶⁶, экспедиция Комитета по охране памятников и ГУП «Наследие Кубани», НП ИТЦ «Кубань-Юг» Краснодарского края под руководством В.Г. Житникова и А.В. Дмитриева в 2001–2002 гг. работали на поселении Волна 1 (Северо-Зеленское), отмеченном еще на картах Соколова, Миллера и в 1954 г. обследованного Синдской экспедицией Блаватского. Восточно-Боспорская экспедиция ИА РАН под руководством Сударева с 2006 г. исследует поселение Волна 4 (Западно-Зеленское). Расположенные в окрестностях пос. Волна курганные могильники изучались экспедицией Кубанского университета под руководством Марченко и Н.Ю. Лимберис (материалы раскопок поступили в Таманский музей).

С 1998 г. благодаря финансовой поддержке администрации Краснодарского края, на средства грантов и академических программ отряды Боспорской экспедиции отдела истории античной культуры ИИМК РАН приступили к раскопкам поселений и могильников античной эпохи — Бугазский отряд под руководством Ю.А. Виноградова с 1998 г. исследует поселение Артющенко 1 (Бугазское)³⁶⁷, Таманский отряд под руководством сначала Е.Я. Рогова в 1998–2000 гг., а затем С.В. Кашаева с 2001 г. проводит спасательные работы на двух сельских памятниках — поселении и могильнике Артющенко 2 и поселении Вышестеблиевская 11³⁶⁸. Материалы раскопок поступили в Таманский музей.

С 2004 г. Таманская экспедиция ГИМ под руководством Г.А. Ломтадзе ведет раскопки крепости-батареи, укрепленной валом и рвом, и поселения Ахтанизовская 4 в северо-восточной части ст. Ахтанизовская, расположенном на берегу Ахтанизовского лимана на мысу у Пересыпного гирла. Памятник был зафиксирован на карте Войцеховского и в сводке Веселова³⁶⁹. Боспорская экспедиция ГИМ совместно с Евразийским отделом Германского археологического института под руководством Д.В. Журавлева и У. Шлотцауера с 2006 г. исследует городище Голубицкая 2 на западной оконечности древнего Голубицкого острова. Та же экспедиция проводила разведочные работы в районе Ахтанизовского лимана, в том числе на вершине горы Бориса и Глеба³⁷⁰. Некрополь первых веков нашей эры у ст. Голубицкая с 2007 г. исследует Восточно-Боспорская экспедиция ИА РАН под руководством Сударева.

Во второй половине XX в. мировое антиковедение приступило к изучению пространственной организации территорий и систем расселения в древности

с использованием картографии и аэрофотосъемки. На новом витке развития науки археология вернулась к разработанному на зачаточном уровне еще в конце XVIII — первой трети XIX в. (Паллас, Маршал фон Биберштейн, Габлиц, Дюбуа де Монпере) междисциплинарному по своей природе «эко-системному» подходу, т.е. к изучению недвижимых памятников античности в контексте древнего природного и антропогенного ландшафта. Это одно из наиболее динамично развивающихся сейчас направлений антиковедения, в частности, изучает пространственную организацию (структуру) хоры греческого полиса с целью выявления систем расселения в древности, едиными составными элементами которых является триада — городские и сельские поселения, дорожные сети, земельные наделы.

Основополагающие работы в этой области для памятников Таманского полуострова принадлежали перу Войцеховского, Миллера, Блаватского и особенно Сокольского, который «впервые в отечественной науке подошел к комплексному рассмотрению целостной системы расселения на полуострове» и «сумел увидеть в расположении отдельных поселений... закономерности, которые дают основание говорить о сознательной организации пространства»³⁷¹. В том же русле написаны ряд статей и обстоятельные очерки истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова Я.М. Паромова³⁷², руководителя Разведочного отряда Фанагорийской (Таманской) экспедиции ИА АН СССР (1981–1985, 1989, 1993). До сих пор не опубликована его фундаментальная работа, созданная на оригинальной методической базе археологическая карта Таманского полуострова³⁷³, содержащая номенклатуру археологических объектов, ныне так или иначе используемую всеми археологами, изучающими этот регион, сведения по истории открытия и раскопок конкретных памятников. Паромовым нанесено на карту (рис. 83) местонахождение большинства курганов и мест раскопок на городищах Таманского полуострова XIX–XX вв.³⁷⁴ Им установлен факт сплошного освоения территории Таманского полуострова в античности и прослежены его хронологические этапы, открыто и описано 267 поселений античного и средневекового времени, половина которых ранее не фиксировалась, 1332 кургана, обследованы древние дороги, прослежены античные земельные наделы на площади около 600 кв. км. Согласно Паромову, величина стандартного земельного участка (модуля) на Азиатском Боспоре составляет 2,51 га, причем средним наделом являлся участок, равный трем модулям или 7,52 га. По его расчетам, хора Азиатского и Европейского Боспора занимала территорию свыше 1000 кв. км и намного превышала исследованный земельный кадастр других античных центров Северного Причерноморья — Ольвии и Херсонеса³⁷⁵.

Задачу реконструкции природных условий Таманского полуострова в античный период и комплексного изучения сельской округи (хоры) античных городов со времен греческой колонизации вплоть до раннего Средневековья поставили перед собой участники российско-французского Таманского регионального археологического проекта (ТРАП), осуществлявшегося в 1997–2000 гг. отделом классической археологии ИА РАН и Французской археологической школой в Афинах, с участием специалистов географического факультета МГУ и Университета Париж-4. Работы проводились с использованием технологии геоинформационных систем (ГИС), под которыми понимается «интеграция фактографических электронных баз данных... и геоизображений», позволяющая проводить комплексный анализ всей географической и археологической информации в интерактивной форме³⁷⁶.

Во время археологической разведки на площади ок. 1800 кв. м, информационную основу которой составили работы Миллера, Паромова и др., дистанционного зондирования земли (анализа данных аэрофотосъемки и снимков из космоса), было определено местоположение более 300 археологических памятников с помощью простейших спутниковых навигационных приемников GPS³⁷⁷. Обследованные памятники описаны по единой методике и внесены в компьютерную базу данных, составлена предварительная геоморфологическая карта Таманского полуострова с палеогеографической реконструкцией для середины 1 тыс. до н.э.³⁷⁸ Интересные результаты дало изучение сельской округи Фанагории, в ходе которого были проверены и уточнены данные археологической карты Паромова (рис. 83)³⁷⁹. На основе анализа аэрофото- и космоснимков Г.П. Гарбузов попытался выявить фотопризнаки следов античного нелинейного межевания в ряде районов Тамани, проверив свои выводы тестовыми раскопками и сопоставив их с картой почвенного покрова исследуемых территорий Фонталовского полуострова³⁸⁰.

Изучение эволюции систем расселения по памятникам Новороссийского района ставила перед собой Северокавказская экспедиция ИА РАН под руководством А.А. Малышева³⁸¹. Комплексные археолого-палеогеографические исследования с целью выявления взаимосвязей между палеогеографическим и историческим развитием территории более обширного региона — Кавказского побережья Черного моря и черноморского устья Кубани в целом с 2001 г. проводила Черноморская экспедиция ИА РАН под руководством Ю.В. Горлова совместно с географическим факультетом МГУ. Результаты исследований, в том числе по реконструкции изменений береговой линии Таманского полуострова за последние 3 тыс. лет, и исторического моделирования организации обороны Тамани во второй четверти — середине III в. н.э. на основе ГИС-технологий, нашли отражение в ряде статей³⁸².

Разновременные памятники аборигенного населения Кубани античной эпохи интенсивно изучались в советское время, особенно в послевоенный период. Еще в 1938 г. Краснодарским музеем была создана экспедиция под руководством Анфимова, которая, с перерывами, в течение девяти полевых сезонов в 1938—1940, 1949—1952, 1954—1955 гг. вела раскопки Семибратнего городища, расположенного в 28 км к северо-востоку от современного г. Анапа³⁸³. В 1927 и 1932 гг. городище обследовалось экспедициями РАНИОН и ГАИМК. Раскопки в северной и северо-восточной частях городища на площади свыше 2000 кв. м. зафиксировали слои VI—II вв. до н.э. и оборонительные стены первой четверти IV в. до н.э.³⁸⁴, остатки монументального жилого здания-крепости с внешними стенами толщиной 1,7 м площадью свыше 400 кв. м. с внутренним двором и колодцем, возведенного на рубеже IV—III вв. до н.э. и просуществовавшего почти два столетия. Раскопки Анфимова установили, что в эпоху, когда Боспор вошел в состав Понтийской державы Митридата VI Евпатора, город прекратил существование и на его развалинах возникло небольшое поселение местного племени, просуществовавшее с конца I в. до н.э. до конца I в. н.э.³⁸⁵ Название города, скорее всего, столицы Синдики и резиденции синдских царей, можно реконструировать как Лабрис или Лабрит; оно стало известно лишь в начале 1990-х годов после случайной находки уникального источника по ранней истории Боспора и сопредельных земель, ныне хранящегося в Анапском музее, — надписи боспорского царя Левкона I, в которой повествуется о том, что он посвятил здесь статую Фебу Аполлону после сражения с Октамасадом, сыном царя синдов Гекатея, и изгнания его из земли синдов (в надписи упомянуты жители города — лабритяне)³⁸⁶.

С 2001 г. ежегодные спасательные археологические исследования на территории южной части города были возобновлены Семибратним отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН во главе с В.А. Горончаровским. Были обнаружены остатки оборонительной стены второй четверти V в. до н.э. с проездной башней и лестницей на стену, разрушенные в начале второй четверти IV в., и остатки теменоса с двуступенчатым алтарем III в. до н.э.³⁸⁷ Анапский отряд той же экспедиции под руководством О.В. Шарова в 2004 г. провел разведочные работы по маршруту Анапа—Чекон—Семибратнее городище³⁸⁸.

Анфимов возобновил исследования на Кубани в 1943 г., доследовав погребения на Усть-Лабинском 4-м могильнике, в 1944 г. обследовал меотские городища и могильники у ст. Ладожской, в 1948 г. — у ст. Воронежской. Руководимая им Усть-Лабинская экспедиция ИИМК АН СССР и Краснодарского музея в 1946 г. провела разведки по р. Лабе между ст. Некрасовской и Темиргоевской и обследовала городища V в. до н.э. — III в. н.э. Нижнее-Лабинское, Некрасовское и Темиргоевское. С именем Анфимова связаны важные открытия на меотских городищах и могильниках в 1944—1965 гг.³⁸⁹, в том числе на прото- и древнемеотских могильниках — Николаевском (1958—1959), где было вскрыто 157 погребений, и Кубанском (1965), включавшем 56 погребений³⁹⁰. В 1960-е годы Анфимов вел раскопки городищ Закубанья (Республика Адыгея), доказывавших преемственность позднемеотского и раннесредневекового периодов; в конце 1960 — начале 1970-х годов им проведены исследования городищ и могильников правобережья Кубани и Закубанья в зоне строительства Краснодарского водохранилища, курганных могильников в Тимашевском районе, в 1980-х — охранные работы на селище второй половины IV — начала III в. до н.э. и курганном могильнике эпохи бронзы у ст. Старонижестеблиевская Красноармейского района³⁹¹. Краснодарским археологом были обнаружены и описаны сотни археологических памятников Кубанского края, собрана богатая археологическая коллекция КГИАМЗ³⁹².

Кубанская экспедиция ИИМК АН СССР и ГИМ в 1947—1949 гг. под руководством К.Ф. Смирнова (1917—1980) провела раскопки грунтового меотского Пашковского 3-го могильника на правом берегу р. Кубани в 3 км к юго-востоку от ст. Пашковской Краснодарского края (ныне окраина Краснодара), вскрыв 34 погребения, большинство которых датируются V—III вв. до н.э., и позднеантичного и раннесредневекового грунтового Пашковского 1-го могильника, открыв 29 погребений IV—VI вв. н.э.³⁹³

В 1947 г. обследование памятников Краснодара, Майкопа, ст. Новосвободной, Сочи, Гудауты и Анапы провел Иессен³⁹⁴, в 1950 г. возглавивший Кубанскую экспедицию ИИМК АН СССР и ГЭ. Экспедиция обследовала памятники Краснодарского края разных эпох, представленных в собрании Эрмитажа — могильник Мошевая балка на Большой Лабе, курганы и поселения скифского времени у сел. Уляп (Ульский аул), ст. Келермесской и ст. Елизаветинской, поселений эпохи бронзы близ Геленджика, курганов, дольменов и других памятников в районе Майкоп — Богатырская дорога — ст. Новосвободная, где провела контрольные раскопки³⁹⁵. Кубанский отряд Таманской экспедиции ИИМК АН СССР во главе с А.Л. Монгайтом (1915—1974) в 1952 г. провел разведки селищ на р. Кубани близ Краснодара³⁹⁶.

В 1952 г. исследование Елизаветинского грунтового могильника IV—I вв. до н.э. и городища продолжил отряд Северо-Кавказской экспедиции ИИМК АН СССР и Краснодарского музея под руководством В.П. Шилова (1917—1995)³⁹⁷. Открытые остатки гончарных печей представили материал по техни-

ке местного керамического производства (в том числе формы для изготовления терракотовых статуэток), жилых и хозяйственных построек из сырцового кирпича. Ряд находок подтвердил большую роль ремесла и торговли, земледелия, скотоводства и рыболовства в жизни древних обитателей городища. Обилие клейменных греческих амфор и других изделий греческого импорта, монет пантикапейской чеканки свидетельствовало о важной торговой роли поселения в товарообмене с местным населением. Этот важный сельскохозяйственный и торгово-промышленный пункт, интерпретированный Анфимовым как торговая фактория (эмпорий) Боспорского царства с конца IV по I в. до н.э., являлся центральным на территории, которая рассматривалась как богатейшая сельскохозяйственная житница, что подтверждено находками жерновов, хлебных зерен (пшеница, просо) в напластованиях городища и серпов в Елизаветинском I могильнике, исследование которого было продолжено И.Н. Анфимовым в 1986 г.³⁹⁸ И.Г. Волков в 1978 г. провел раскопки расположенного рядом меотского Елизаветинского II могильника³⁹⁹.

В конце 1960-х — 1980-х годов начинается новый период изучения памятников Северо-Западного Кавказа, связанный с постановкой на государственный учет памятников истории и культуры⁴⁰⁰ и резким увеличением объема новооткрытых работ, проводимых археологическими экспедициями из разных академических, научно-образовательных и музейных учреждений страны, прежде всего сотрудниками ККМ—КГИАМЗ, Краснодарского педагогического института — Кубанского университета и др. В 1970-е годы стали строить Краснодарское водохранилище и оросительные системы по всему краю, и местные археологи предпринимали максимальные усилия к спасению гибнущих памятников. Так, Ивановский курган в 45 км к западу от Краснодара был исследован в 1967 г. при строительстве ирригационных сооружений (находки поступили в КГИАМЗ). Курган высотой ок. 5 м с разрушенным погребением IV в. до н.э. содержал обломки четырех бронзовых котлов, амфор, сероглиняных сосудов, золотой наконечник ритона с головкой льва, золотые пластинки треугольной формы с головой лошади (возможно, обкладку деревянной чаши), золотую застежку в виде крыльев бабочки, золотые штампованные нашивные бляшки с головой Медузы Горгоны, женской головкой, стоящей фигурой Геракла с палицей, мужской бородатой головой, двумя стилизованными лошадиными головами. Здесь же были найдены золотые бляшки с изображением змееногой крылатой богини с кинжалом в одной руке и бородатой головой в другой, аналогичные открытым в Куль-Обе⁴⁰¹.

В 1974 г. был открыт богатый курган с погребением «жрицы» сарматской эпохи у ст. Новоджерелиевской⁴⁰². Курганы того же времени близ хут. Бойко-Понура (1972), у ст. Динской (в 1973 г., совместно с Н.В. Анфимовым)⁴⁰³, а также погребальные памятники Абинского могильника (1974)⁴⁰⁴ исследовала Е.А. Хачатурова. А.А. Нехаев раскапывал курганы у ст. Раздольной (1977) и у хут. Верхний Динского района (1978)⁴⁰⁵, а также два курганных могильника скифского времени у хут. Говердовский и у ст. Кужорской. И.Н. Анфимов в 1977 г. доисследовал богатый курган сарматской эпохи у хут. Элитный Красноармейского района⁴⁰⁶. В зоне строительства Краснодарского водохранилища А.М. Ждановский в 1975 г. изучал грунтовый могильник у аула Лениныхабль на левом берегу р. Пшиш⁴⁰⁷, вместе с П.А. Дитлером в 1976 г. открыл курганный и грунтовый могильник у аула Начерзий⁴⁰⁸, совместно с В.П. Скрипкиным в 1976—1978 гг. исследовал грунтовый могильник и курганы «Золотого кладбища» у ст. Тбилисской, в 1979 г. — богатый курган III—II вв. до н.э. у хут. Песчаного Тбилисского района⁴⁰⁹. Доследование

«Золотого кладбища», раскопанного еще Веселовским, и открытие новых ярких комплексов сарматской эпохи на Кубани породило дискуссию об этнической принадлежности его захоронений I в. до н.э. — начала III в. н.э. Одни исследователи интерпретируют их обобщенно как погребения «романизованных» варварских дружинников римской армии⁴¹⁰, другие — как погребения сиракских дружинников («меотизированных» сарматов), участвовавших в походах алан⁴¹¹, третьи считают их могильником высшей воинской знати северокавказских алан, как и культурно близкие и тесно связанные с ними памятники зубовско-воздвиженской группы⁴¹², четвертые — как погребения меотской знати, в которую входили представители сираков, а позднее и алан⁴¹³.

Крупными новооткрытыми проектами Краснодарского краеведческого музея — КГИАМЗ и Кубанского университета в 1970—1990-х годов стали исследования памятников в зоне затопления и на берегах Краснодарского водохранилища, в частности меотских городищ и прилегающих могильников у ст. Старокорсунской Динского района⁴¹⁴, памятников у хут. им. Ленина в Краснодаре и др.⁴¹⁵ В 1980—2000-х годах краснодарские археологи раскапывали курганы на средней Кубани (1983)⁴¹⁶, курганы на землях колхоза им. Мичурина Красноармейского района⁴¹⁷, у ст. Воронцовской (1998)⁴¹⁸, у хут. Северного Калининского района (1981)⁴¹⁹, памятники сарматской и аланской эпох у хут. Городского Теучежского района Адыгеи⁴²⁰, хут. Пролетарского⁴²¹, ст. Хоперской⁴²², грунтовые и курганные могильники у ст. Михайловская Курганинского района (1985)⁴²³, курганов у г. Курганинск (1986)⁴²⁴, у пос. Мезмай, курганы эпохи бронзы с впушенными сарматскими погребениями у ст. Новокорсунской Тимашевского района (1985)⁴²⁵, Тимашевские курганы в степном Прикубанье (1984—1985)⁴²⁶, курган у ст. Спокойной Отрадненского района (1993)⁴²⁷ и др. Не менее интенсивно изучались памятники Адыгеи. Дитлер раскапывал меотский могильник в Майкопе⁴²⁸, экспедиция Адыгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории под руководством Н.Г. Ловпаче изучала Псекупские могильники раннего и позднего железного века в устье р. Псекупс на окраине бывшего аула Новый Казанукай Теучежского района⁴²⁹, А.А. Сазонов — памятники сармато-аланской эпохи у хут. Городского в том же районе⁴³⁰, и т.п.

Северо-Кавказская экспедиция ИА АН СССР под руководством И.С. Каменецкого (1975—1980) и А.Н. Гея (с 1981 г.) в составе многих отрядов исследовала курганные могильники, включающие сарматские и меотские погребения, в том числе Мингрельские I и II курганные могильники (1985—1986)⁴³¹. Меотский отряд той же экспедиции во главе с Каменецким провел разведки меотских памятников в бассейне р. Кубани, оказавшихся под угрозой затопления в связи с увеличением емкости Краснодарского водохранилища, в Крымском, Абинском, Славянском и Северском районах (1979, 1981—1983, 1989, 1990, 1995)⁴³², провел работу по составлению археологической карты Усть-Лабинского района и вел топографическую съемку, в частности обследовал городища Васюринско-Воронежские I—II, Воздвиженские I—III, Воронежские I—IV, Ладожские I—IV, Старо-Корсунское IV, Тбилисское X⁴³³, Генгинское III, Усть-Лабинские I—III и др. для выяснения локальных вариантов меотской культуры, провел раскопки Пашковского 6-го городища и могильника, грунтового могильника IV в. до н.э. Лебеди III у хут. Лебеди Калининского района (1979—1981)⁴³⁴. Предгорный (Ново-Титаровский) отряд той же экспедиции провел раскопки могильника у ст. Ново-Титаровская в степной части Прикубанья⁴³⁵, Курганинский отряд вел раскопки поселения Усть-Синюха II и курганов Большого Петропавловского

могильника эпохи бронзы с погребениями сарматского времени у ст. Петропавловской Курганинского района⁴³⁶.

Экспедиция Кубанского ГУ под руководством Лимберис и Марченко работала в зоне строительства нефтепровода Каспийского трубного консорциума. С 1998 г. изучался ряд памятников, в том числе грунтовый меотский Прикубанский могильник IV в. до н.э. у хут. Прикубанский на правом берегу Кубани в Красноармейском районе, где исследовано более 400 погребений⁴³⁷. Во время разведок по трассе нефтепровода КТК-Р в 1997 г. было открыто и обследовано слабо укрепленное поселение Виноградный 1 в 2 км к западу от г. Крымска, вероятно, торговая фактория Боспора середины IV — середины III в. до н.э. на границе расселения меотских племен, по мнению Шевченко, погибшее в пожаре в ходе военных действий, связанных с внутригосударственными усобицами, а не с нападением варваров⁴³⁸. Отдел археологии Новороссийского музея-заповедника с 1997 г. проводил исследование памятников, попадающих в зону строительства трубопровода, в частности могильника раннего железного века с античными импортами у с. Владимировка на левом берегу р. Цемесс недалеко от Новороссийска и позднеантичного и средневекового поселения у балки Лисовицкого в 4,5 км к северо-востоку от ст. Тамань в зоне строительства железной дороги⁴³⁹.

В 1980-х годах археологи из ведущих археологических учреждений СССР провели исследование ключевых памятников Кубани, раскопанных еще Фелицыным и Веселовским, благодаря чему ряд комплексов был передатирован. Келермесская экспедиция Государственного Эрмитажа (1980—1990) под руководством Галаниной (1980—1984) и А.Ю. Алексеева (1985—1990) совместно с Гиагинской экспедицией ИА АН СССР под руководством Т.М. Кузнецовой (1989—1990) провела исследование Келермесских курганов Шульца и Веселовского и раскопала другие курганы той же группы. Часть из них оказалась погребальными сооружениями эпохи ранней и средней бронзы; здесь же был выявлен меотский грунтовый могильник, синхронный курганам раннескифским захоронениям и рядовым воинским погребениям, которые делятся на «старшую» и «младшую» группы, датируемые в пределах второй половины VII — начала VI в. до н.э. (660/650—590/580 гг. до н.э.)⁴⁴⁰. В 1988 г. был доисследован Карагодеуашский курган, в ходе раскопок которого открыты конские захоронения⁴⁴¹.

Кавказская археологическая экспедиция ГМИНВ под руководством А.М. Лескова в 1981—1984 гг. провела охранно-спасательные раскопки курганов близ аула Уляп (бывший Ульский) в Закубанье (Адыгея), исследовавшихся Веселовским в 1898, 1908—1910 гг.⁴⁴² Наряду с 10-м Ульским курганом V в. до н.э. (1982), была раскопана группа примерно из 30 насыпей в 1 км к востоку от Ульских курганов, получившая название Уляпских курганов, в том числе 7 курганов с ритуальными комплексами, между которыми открыто два меотских грунтовых могильника — первый почти из 200 погребений VI—IV вв. до н.э., второй включал ок. 60 погребений IV в. до н.э. Курган № 1 (1981), относящийся к эпохе бронзы, содержал частично нарушенные впускные захоронения (жертвоприношения?) людей, лошадей и коровы, шесть древнегреческих амфор, глиняные меотские сосуды, два бронзовых котла, греческие бронзовые двуручный таз и кувшин с витой ручкой, серебряный кубок с растительным гравированным орнаментом, многочисленные золотые бляшки, скульптурные навершия в виде золотой протомы лежащего оленя с серебряными рогами и серебряного ле-

жащего кабана с золотой инкрустацией, золотые пластины в зверином стиле с изображением оленя, рога которого украшены стилизованными головками грифонов, предметы вооружения⁴⁴³.

В Уляпском кургане № 4 (1982) в богатом комплексе были обнаружены вещи, подвергшиеся ритуальной порче — ритоны из золота и серебра (первый позолоченный с протомой Пегаса и изображением битвы богов и гигантов, второй из золота со скульптурной головкой льва на конце⁴⁴⁴), орнаментированная цветами и бутонами лотоса серебряная фиала, два бронзовых сосуда, золотые литая гривна и более двух десятков бляшек, а также в курганной насыпи — фрагменты двух панафинейских амфор работы мастера Ахиллеса не ранее 440 г. до н.э.⁴⁴⁵ Уляпские курганы датируются в пределах первой половины IV в. до н.э., причем ряд вещей выполнен в зверином стиле, аналогичном артефактам из Семибратних курганов. Установлено, что большинство импортов происходит из Аттики и Средиземноморья и относятся ко второй половине V — середине IV в. до н.э.⁴⁴⁶

Кавказская археологическая экспедиция исследовала также разновременные памятники на правом берегу Кубани у ст. Пашковская и на левом берегу, в Адыгее, где в 1981—1983, 1986 гг. исследовался предскифский могильник Фарс/Клады у ст. Новосвободной⁴⁴⁷, в 1988 и 2005 гг. курганный протомеотский могильник Уашхиту I у аула Кабехабль⁴⁴⁸, курганы у аула Шенджий, у с. Четук, ряд могильников сарматской эпохи, вскрыв более тысячи погребений раннего железного века⁴⁴⁹. Та же экспедиция под руководством Л.М. Носковой в 1984 г. изучала Ново-Вочепшійское городище⁴⁵⁰ и проводила разведки на размываемом Краснодарским водохранилищем левом берегу р. Пшиш в Теучежском районе Адыгеи, где были открыты Псекупский и Пшишский могильники. В эталонном протомеотском могильнике Пшиш I VIII—VII вв. до н.э. в 1986, 1988, 1990—1996 гг. В.Р. Эрлихом и А.А. Сазоновым вскрыты сотни человеческих погребений и ритуальные захоронения коней. В расположенном юго-западнее урочище Ленинхабль (Ленинохабль) на р. Пшиш найден жертвенник со скоплениями жертвенных вещей и костей под насыпью⁴⁵¹. Совместной Кавказской археологической экспедицией ГМВ и ИА РАН под руководством Эрлиха в 1994—1997, 2000—2002 гг. обследованы меотское II Тенгинское городище конца VI—IV в. до н.э. площадью 13 га и прилегающий к нему грунтовый и курганный могильники у ст. Тенгинской Усть-Лабинского района⁴⁵². Открыты два меотских святилища (курганы-святилища 1 и 2), на ритуальных площадках которых найдены жертвоприношения лошадей в уздечных наборах, разновременные (начиная с IV в. до н.э.) фрагменты керамики (включая сетчатые лекифы), наконечники стрел, фрагменты металлических панцирей, украшения из стекла, серьги, бусы, малоазиатские терракотовые золоченые медальоны, золотые нашивные бляшки с «личинами людей» и в зверином стиле, подвеска, ажурная диадема с геральдическим изображением птиц у «древа жизни», выполненные малоазиатскими, боспорскими и местными мастерами⁴⁵³. Автор раскопок датирует Тенгинские курганы-святилища второй половиной IV — началом III в. до н.э., а находки относит к периоду расцвета прикубанского звериного стиля Елизаветинских курганов⁴⁵⁴. В 2004 г. экспедиция провела работы по спасению размываемых Краснодарским водохранилищем памятников у хут. Городского, аулов Тауйхабль, Начерзий, Казазово, могильников Пшиш I и II⁴⁵⁵. С 2004 г. Кавказская экспедиция начала также исследование могильника сарматской эпохи Садовый на северо-восточной окраине ст. Воздвиженской Курганинского района, где в 1899 г. Веселовский исследовал Большой Воз-

движенский курган — эпонимный памятник так называемой зубовско-воздвиженской группы⁴⁵⁶.

В кратком обзоре невозможно отметить все археологические исследования на Кубани в последние десятилетия, но, на мой взгляд, наиболее значимые из них учтены в приведенной хронике.

5. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Источники по истории Азиатского Боспора «разнообразны, но неравнозначны как по своему количеству, так и по уровню информативности»⁴⁵⁷. Нарративные источники, внимательно проанализированные еще Латышевым⁴⁵⁸, Ростовцевым⁴⁵⁹, Жебелёвым⁴⁶⁰ и их последователями, достаточно скудны, отрывочны и разрознены, и хотя они крайне дискретно освещают события политической истории Боспора, но приводят важную информацию по географии и природным условиям региона в античную эпоху, дают сведения о местных племенах Северо-Западного Кавказа. До сих пор дискуссионными остаются проблемы локализации отдельных городов и святилищ Азиатского Боспора, упоминаемых в письменной традиции⁴⁶¹, но располагая данными только письменных источников окончательно решить спорные вопросы исторической географии Северного Причерноморья невозможно — необходимы планомерные археологические раскопки.

Из-за скудности письменных источников роль эпиграфических памятников в реконструкции многих аспектов жизни Боспорского царства переоценить невозможно. Еще при жизни академик Латышев подготовил рукопись второго тома IOSPE с корпусом боспорских надписей к переизданию, которая после смерти ученого была взята Жебелёвым на доработку⁴⁶². В послевоенные годы работа над сводом была продолжена в 1940-х—1960-х годах учеными ИА, ЛОИА и ЛОИИ АН СССР и вышла на русском языке под названием «Корпус боспорских надписей» (М.; Л., 1965). Сенсационными открытиями последних десятилетий стали надписи Левкона I у Семибратнего городища⁴⁶³, нимфейское посвящение 2000 г.⁴⁶⁴, надписи из подводных раскопок в Фанагории⁴⁶⁵, существенно изменившие представления о ряде аспектов политической и династической истории Боспора. Настоятельной потребностью современного этапа развития науки стала подготовка дополненного переиздания КБН.

Другим важнейшим историческим источником по истории Боспора являются монеты. В советское время вышли фундаментальные труды по нумизматике Боспорского царства, в том числе монография А.Н. Зографа «Античные монеты» (посмертное издание 1959 г., английский перевод 1977 г.)⁴⁶⁶, книги Шелова, Н.А. Фроловой, В.А. Анохина⁴⁶⁷ и др. Тем не менее спорными остаются многие вопросы монетного дела Боспора⁴⁶⁸. Зографом, Е.В. Паховым, В.В. Кропоткиным были составлены своды находок античных монет на Северном Кавказе⁴⁶⁹, что позволило проследить изменения восточных границ Боспорского царства на протяжении тысячелетия, масштаб и глубину его экономических контактов с «варварским» хинтерландом. Так, по наблюдениям А.Э. Аптекарева в эпоху эллинизма граница проходила по линии Славянск—Новороссийск⁴⁷⁰. Топография и состав монетных кладов античной эпохи с территории азиатского Боспора недавно вновь были переисследованы Фроловой, М.Г. Абрамзоном, Горловым⁴⁷¹.

Самым массовым видом источников по истории Боспора и его «варварского» окружения остаются археологические, значение которых год от года

возрастает. Археологические материалы служат критерием достоверности античных письменных свидетельств, дополняют информацию и взаимно датируются с эпиграфическими и нумизматическими источниками. На протяжении XX в. в мировой археологии прослеживаются тенденции к прогрессирующей специализации и к расширению использования методов естественных наук в области полевых и кабинетных практик. Наряду с античной (классической) археологией, со второй трети XX в. стали стремительно развиваться отдельные субдисциплины или направления археологии, такие, как скифология⁴⁷², сарматология⁴⁷³, меотоведение⁴⁷⁴ и пр.

Значительное внимание стало уделяться изучению этногенеза отдельных племен. Еще в 1930—1950-х годах ученые пытались решить проблемы археологической идентификации аборигенных племен, известных по письменным источникам, однако теоретические дискуссии последней трети XX столетия привели к осознанию того факта, что не всегда следует однозначно отождествлять археологические культуры с этнонимами, известными по нарративной традиции, что разные племенные объединения могут являться носителями одной материальной культуры. Так, процессы культурогенеза в предскифскую и раннескифскую эпохи, связанные с появлением на исторической арене кочевников в начале I тысячелетия до н.э., стали ключевыми для исследователей «киммерийско-скифской проблемы»⁴⁷⁵. Значительный интерес скифологов вызвал феномен распространения культур скифского типа на огромных пространствах Евразии⁴⁷⁶, в том числе ее локального варианта на Кубани. Памятники раннескифской эпохи из Келермесских, Костромского и Ульских курганов одни ученые относили к скифам (Веселовский, Ростовцев, Иессен, К.Ф. Смирнов, Е.И. Крупнов, А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская и др.), другие к киммерийцам (Артамонов⁴⁷⁷), третьи к меотам (Б.Н. Граков, Анфимов и др.)⁴⁷⁸. Общую оценку раннескифских памятников Северного Кавказа дал Иессен⁴⁷⁹, который выявил древнейшие археологические памятники степного Предкавказья типа Новочеркасского клада 1939 г., отнеся их к предкам как скифов, так и киммерийцев⁴⁸⁰.

Широко применяющиеся в археологической практике с середины XX в. естественнонаучные методы, в частности радиоактивные (радиоуглеродный, калий-аргоновый), дендрохронологический, археомагнитный, термолюминесцентный методы датирования, а также внедрение компьютерных технологий в историко-археологические исследования дали в руки ученых мощнейший научно-исследовательский инструмент, существенно корректирующий теоретические обобщения археологического материала, например, периодизацию археологических культур и отдельных памятников.

В последние десятилетия практически во всех субдисциплинах археологии прослеживается общая тенденция к пересмотру относительной хронологии ключевых комплексов, попытки корреляции хроноколонок древностей Евразии с передневносточной, центральноазиатской и европейской абсолютной хроношкалой эпох гальштата и латена. При этом неуклонно возрастает роль и значение изучения массового археологического материала, его систематизации и классификации, которые позволяют значительно продвинуться в области уточнения хронологии. Это прежде всего относится к основным хроноиндикаторам — античным надписям, монетам, ювелирным изделиям и предметам торевтики⁴⁸¹, керамической таре⁴⁸², чернолаковой и расписной керамике⁴⁸³, стеклу⁴⁸⁴, предметам вооружения⁴⁸⁵ и т.п., причем не только для памятников Азиатского Боспора, но и «варварского» хинтерланда. Для уточнения хронологии скифских, синдо-меотских, сарматских и др. комплексов традиционно

- ¹ Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова // Герц К.К. Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 1; Он же. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. преимущественно по неизданным источникам // Герц К.К. Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 2.
- ² АДЖЮР; Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России: Общий очерк. Пг., 1918 (перизд.: М., 2003); Он же. Скифия и Боспор. Пг., 1925. Т. 1: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. С. 259–302, 310–376, 545–580; Он же. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / Подгот. текста, публ. и коммент. И.В. Тункиной // ПАВ. 1993. № 5: ЭКУЭКА: Избранные труды академика М.И. Ростовцева. С. 25–38; Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
- ³ Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л., 1940; Каменецкий И.С. Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С. 127–136; Он же. Археологические памятники на старых картах Прикубанья // Очерки истории... М., 2002. Вып. 3. С. 8–61; Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века). Симферополь, 2000; Тункина И.В. К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII – первой четверти XIX в. // БС. 1993. № 2. С. 6–24; Она же. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 558–587.
- ⁴ В главе использованы материалы дипломной работы Е.Г. Панкратовой «История дореволюционного изучения Фанагории» (Саратовский университет, 2007), написанной на материалах НА ИИМК РАН. Приношу Панкратовой благодарность за разрешение использовать ее материалы.
- ⁵ Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1896. Т. 2: 1787–1795. С. 609–610.
- ⁶ Подробнее см.: Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. 1992. № 1. С. 109–115; Тункина И.В. Русская наука... С. 42–103, 558–578.
- ⁷ Тункина И.В. Забытый исследователь древностей Боспора конца XVIII в. – Ф.К. Биберштейн // Scripta Gregoriana: Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 340–352.
- ⁸ Работа опубликована анонимно: О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива // Месяцеслов исторический и географический на 1797 год. СПб., 1797. С. 35–50.
- ⁹ ПФА РАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44.
- ¹⁰ ПФА РАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 47.
- ¹¹ Тункина И.В. Забытый исследователь... С. 340–352.
- ¹² См. о нем: Бобкова О.М. А.Я. Фабр: Портрет администратора на фоне эпохи. Киев, 2007.
- ¹³ См.: Фабр А.Я. Древний быт Эйоны, нынешнего полуострова Тамани, с картой. Одесса, 1861.
- ¹⁴ Подробнее см.: Тункина И.В. Русская наука... С. 342, 364–370.
- ¹⁵ Тохтасьев С.Р. Вотив царицы Комосарии // ПАВ. 1994. № 8. С. 81–84.
- ¹⁶ Köhler H.K.E. Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. СПб., 1805. Рус. пер.: Келер Г.К.Э. Рассуждение о памятнике царицы Комосарии // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно, изданный Г.И. Спасским. М., 1850. С. 99–132.
- ¹⁷ Тункина И.В. Русская наука... С. 80.
- ¹⁸ НА ИИМК. Ф. 63. Д. 5. Л. 134 об.
- ¹⁹ Тункина И.В. Русская наука... С. 559–560, 562–564, 572–576, 578, 584–585.
- ²⁰ Körpen P. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823. Рус. пер.: Кёппен П.И. Древности северного берега Понта. М., 1828.
- ²¹ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 145. Л. 47.
- ²² Кёппен П.И. Древности северного берега Понта. С. 78–79, 102–123.
- ²³ [Муханов П.А.]. О развалинах храма Дианы ловитвы (ауротера) на острове Тамане // Московский телеграф / Изд. Н. Полевой. 1826. Ч. 9, № 9. Отд. 1. С. 7–8.
- ²⁴ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 475. Л. 102–148 об.
- ²⁵ Кёппен П.И. Древности северного берега Понта. С. 81.
- ²⁶ Лишь век спустя, в 1955 г. на вершине горы Бориса и Глеба Н.И. Сокольским были открыты сохранившаяся часть фундамента часовни XIX в., несколько рустованных блоков, известняковые барабаны колонны дорического ордера с 16 каннелюрами, капитель и база пилястр. Сокольский, основываясь на близости пропорций архитектурных деталей, высказал предположение об их принадлежности одному зданию, вероятно, поздней постройке храма Артемиды Агротеры, и датировал их I в. до н.э. – I в. н.э. См.: Сокольский Н.И. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове // СА. 1957. № 1. С. 244–246.
- ²⁷ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 145. Л. 56 об.
- ²⁸ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. P., 1843. Vol. 5–6; Idem. Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée: Atlas. Neuchâtel; Paris, 1843. IV: Série archéologie.
- ²⁹ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 55, 64–65.
- ³⁰ Motraye A. de la. Voyages en Europe, Asie et Afrique. La Haye, 1727. Vol. 2. P. 61.
- ³¹ Подробнее см.: Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII – начало XX в.: Сб. документов. М., 1978; Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990.
- ³² Стемпковский И.А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. 1827. Ч. 29, № 8. С. 40–72.
- ³³ См.: Тункина И.В. Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии // ΣΥΣΤΙΠΑ: памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 357–379.
- ³⁴ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 3.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 534. С. 213–215 (пер. с фр. Н.Л. Сухачева).
- ³⁶ Капитан-лейтенант Черноморского флота А.Г. Бибигов в 1823 и 1824 гг. пробовал вытащить одну из колонн из

- воды, но из-за недостатка средств вынужден был отказаться от этой мысли. Поиски этих колонн в последующее время оказались безуспешными. См.: Герц К.К. Археологическая топография... С. 144–145; Блаватский В.Д. Подводные археологические работы в северной части Черного моря // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 221; Азбунов М.В. Античная лодия Черного моря. М., 1987. С. 99.
- ³⁷ Ашик А.Б. Керченские древности: О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845. С. 38.
- ³⁸ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 145. Л. 44.
- ³⁹ St[empkovsky] J. Mélanges archéologie: Nouvelles découvertes numismatiques // Journal d'Odessa. 1829. № 77. 25 sept./7 oct. P. 337–338; Ст[емповский] И. Археология: Новые нумизматические открытия // Одесский вестник. 1829. № 79. 2/14 октября. С. 341.
- ⁴⁰ Köhler H.K.E. Médailles Grecques. СПб., 1822. P. 12.
- ⁴¹ НА КРКМ. Ф. Бертье-Делагарда. Д. 63. Л. 5–5 об.
- ⁴² РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2075. Л. 1–8; НА ИИМК. Ф. 6. Д. 58.
- ⁴³ Ашик А.Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. В 3 ч. Одесса, 1848–1849. Ч. 2. С. 12; АВ ИВР. Ф. 52. Оп. 1. Д. 82. Л. 1, 4 об.; ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 43. Л. 23–50.
- ⁴⁴ См. перевод этой работы на фр.: АГЭ. Ф. I. Оп. VI. М. № 6. С. 17–36: «Ouvrage de Mr Aschik traduit du russe en française "Recherches sur l'emplacement des anciennes colonies grecques dans la presque ile de Tapan"».
- ⁴⁵ Подробнее см.: Археологические розыскания на Таманском полуострове (извлечено из отчета за прошлый год, представленного директором Керченского музея древностей А.Б. Ашиком) // ЖМВД. 1847. Ч. 17, № 3. С. 450–453.
- ⁴⁶ ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 47. Л. 36–36 об.
- ⁴⁷ НА ИИМК. Ф. 6. Оп. 1 (1838 г.). Д. 58; Ф. 7. Д. 11. Л. 269–275 об., 286–287, 294–295; Ф. 63. Д. 5. Л. 102–103 об.; АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1848. Д. 8. Л. 3–5. См.:

- Карейша Д.В. Разрытия курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 года // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 609–620; Он же. Археологические разыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсониса (1845–1846): Извлечения из отчета Д.В. Карейши // ЖМВД. 1846. Ч. 16, № 11. С. 284–309; Он же. Археологические исследования вокруг Керчи, Севастополя и на Таманском полуострове // Там же. 1848. Ч. 21, № 3. С. 425–450.
- ⁴⁸ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 558.
- ⁴⁹ Герц К.К. Исторический обзор... С. 32–36; Спасский Г.И. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846. С. 147–148; Тункина И.В. Археологические исследования А.Б. Ашика и Д.В. Карейши на Таманском полуострове в 1920-х – 1940-х годах // Лукоморье: Археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2008. Вып. 2. С. 60–63.
- ⁵⁰ Подробнее см.: Тункина И.В. Русская наука... С. 256–280, 585–587.
- ⁵¹ Тетбу де Мариньи Э.В. Находки древности на Абхазском берегу и около Кубани // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 628–630.
- ⁵² Беккер П.В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. // Пропилеи. М., 1853. Кн. 3. С. 376–382.
- ⁵³ Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // ЗРАО. 1857. Т. 9. С. 371–405 (описание греческих надписей Таманской церкви: С. 372–376).
- ⁵⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 17. Л. 69 об.–74 (путевые заметки). Д. 206 (материалы к гл. 7-й «Исследований...»).
- ⁵⁵ Спасский Г.И. Босфор Киммерийский...; Ашик А.Б. Воспорское царство; Сабатье П. Керчь и Воспор: Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского. СПб., 1851; Григорьев В.В. Цари Воспора Киммерийского, преимущественно по современным им памятникам и монетам. СПб., 1851.
- ⁵⁶ Кёне Б.В. Описание музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского. В 2-х ч. СПб., 1857.
- ⁵⁷ Ростовцев М.И. Классические и скифские древности... С. 32.
- ⁵⁸ См.: Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. С. 21, 33.
- ⁵⁹ Герц К.К. Исторический обзор... С. 59–61.
- ⁶⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1852. Д. 30. Л. 27–33.
- ⁶¹ Паромов Я.М. Скифские погребения на Таманском полуострове // ТС. 2000. Вып. 3. С. 73–74.
- ⁶² Герц К.К. Исторический обзор... С. 48–51; Харко Л.П. Фрагменты фриза с изображением гигантов из ст. Таманской // СА. 1941. № 7. С. 81.
- ⁶³ АДЖЮР. С. 94–95; Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. С. 63.
- ⁶⁴ Герц К.К. Исторический обзор... С. 85–90. Подробнее см.: Паромов Я.М. Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2003. С. 396–404; Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. Погребения с фигурными сосудами из некрополя Фанагории // БФ. 2007. Ч. 1. С. 220–224.
- ⁶⁵ Герц К.К. Исторический обзор... С. 99–100.
- ⁶⁶ Лазаревский Я.М. Курганы Таманского полуострова // ИРАО. 1861. Вып. 2. С. 28–32.
- ⁶⁷ АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1852. Д. 30. Л. 125–125 об.
- ⁶⁸ Герц К.К. Исторический обзор... С. 107.
- ⁶⁹ Он же. Археологическая топография... С. 141–142; Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото: Ювелирное искусство классической эпохи V–IV веков до н.э. СПб., 1995. С. 172.
- ⁷⁰ О раскопках Бегичева см.: Паромов Я.М. Археолого-топографический план Фанагории // БС. 1993. № 2. С. 116–120.
- ⁷¹ См. о нем: Малейн А.И. Карл Карлович Герц (1820–1883): Биографический очерк. СПб., 1912.
- ⁷² НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 11. Л. 1–140.
- ⁷³ Там же. Л. 49–64, 95–109.
- ⁷⁴ Там же. Л. 65–77.
- ⁷⁵ Там же. Л. 78–94.
- ⁷⁶ Там же. Л. 110–140.
- ⁷⁷ ОАК за 1859 г. С. 93 сл. Табл. V.
- ⁷⁸ Малейн А.И. Карл Карлович Герц... С. 83–84.
- ⁷⁹ Подробнее о раскопках Герца 1859 г. см.: ОАК за 1859 г. С. XII–XIV;

- Гёрг К.К. Археологическая топография... С. 95–99, 106–107, 111–116, 119–123; *Малеин А.И.* Карл Карлович Гёрг... С. 83–86; *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории. С. 120.
- ⁸⁰ Гёрг К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870 (переизд. под ред. В.В. Латышева: *Гёрг К.К.* Собр. соч. Вып. 1. СПб., 1898); *Он же.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Труды МАО. 1876. Т. 6 (переизд. под ред. В.В. Латышева: *Гёрг К.К.* Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 2).
- ⁸¹ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1864. Д. 14.
- ⁸² *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984; *Алексеев А.Ю.* К портрету И.Е. Забелина на фоне скифологии // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 37–48.
- ⁸³ *Тихонов И.Л.* Русский востоковед, нумизмат, археолог Владимир Густавович Тизенгаузен // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 220–244.
- ⁸⁴ ОАК за 1864 г. С. XI.
- ⁸⁵ НА ИИМК. Р. I. Д. 564. Л. 19 об. –23.
- ⁸⁶ Историю дискуссии о смысле изображений см.: *Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007. С. 53–54, 56, 359, 370–385.
- ⁸⁷ НА ИИМК. Р. I. Д. 692. Л. 2–8 об., 10–11; Из архива Керченского музея древностей. V. Склеп в Большой Близнице / Публ. В.В. Шкорпила // ИТУАК. 1908. Т. 42. С. 67–69.
- ⁸⁸ НА ИИМК. Р. I. Д. 883. Л. 1; ОАК за 1864 г. С. IV–X; ОАК за 1865 г. С. III. Прил. С. 5 сл. Табл. I–VI; ОАК за 1866 г. Прилож. С. 5 сл. Табл. I–II; ОАК за 1868 г. С. V сл.; ОАК за 1882–1888 гг. С. XXXVIII, LXXXVI; *Стефани Л.Э.* Керченские древности в Императорском Эрмитаже. СПб., 1873. Вып. 1: Гробница жрицы Деметры; *Гёрг К.К.* Археологическая топография... С. 81–85; Из архива Керченского музея древностей. V: Два склепа со стенною живописью, открытые в 1864 и 1868 годах на Таманском полуострове / Публ. В.В. Шкорпила // ИТУАК. 1908. Т. 42. С. 67–68; *АДЖЮР.* С. 10–29. Рис. 1–5. Табл. IV–VI, VII, 2, 4; VIII–X; XI, 1; *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966. С. 68–74.
- ⁸⁹ НА ИИМК. Р. I. Д. 565. Л. 6 об.
- ⁹⁰ *Пругло В.И.* К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. 1974. № 3. С. 64–77; *Шауб И.Ю.* Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 27–33; *Уильямс Д., Огден Дж.* Греческое золото... С. 180–195, 267–271; *Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати эллинистической эпохи в районе Боспора Киммерийского // БФ. 1999. С. 196; *Он же.* О датировке центрального погребения в кургане Малая Близница // БФ. 2002. Ч. 2. С. 177–179; *Он же.* Хронология кургана Малая Близница // БФ. 2004. Ч. 1. С. 272–275.
- ⁹¹ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор... С. 374–376.
- ⁹² *Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати... С. 196–197; *Он же.* Хронология кургана Малая Близница. С. 272–275; *Он же.* Курган Малая Близница: (история изучения и датировка) // БИ. 2004. Вып. 7. С. 89–111.
- ⁹³ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1869. Д. 4. Л. 5; ОАК за 1869 г. С. V.
- ⁹⁴ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1869. Д. 4. Л. 5 об. См.: *Сокольский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969. С. 41. № 45.
- ⁹⁵ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1885. Д. 23. Л. 7; ОАК за 1882–1888 гг. С. LXXXII.
- ⁹⁶ ОАК за 1870–1871 гг. С. IX–XII, XXXI–XXXIII; ОАК за 1882–1888 гг. С. LXXXII; *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор... С. 550–551.
- ⁹⁷ *Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати... С. 197.
- ⁹⁸ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1870. Д. 19. Л. 6; ОАК за 1870 г. С. VII.
- ⁹⁹ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1865. Д. 9. Л. 7, 23, 28 об., 29; Ф. 1. Оп. 1–1866. Д. 1. Л. 37; ОАК за 1865 г. С. VI; ОАК за 1866 г. С. XII; *Гёрг К.К.* Археологическая топография... С. 98.
- ¹⁰⁰ ОАК за 1869 г. С. IX; *Паромов Я.М.* Курганный некрополь Гермонассы // ДБ. 2002. № 5. С. 195.
- ¹⁰¹ НА ИИМК. Р. I. Д. 693. Л. 10–10 об.
- ¹⁰² НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1864. Д. 14. Л. 4.
- ¹⁰³ *Панкратова Е.Г.* И.Е. Забелин как исследователь городища Фанагории // Лукоморье: Археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2008. Вып. 2. С. 36–39.
- ¹⁰⁴ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1869. Д. 4. Л. 5, 7, 11.
- ¹⁰⁵ ОАК за 1870–1871 гг. С. IV, VI, 272. № 28.
- ¹⁰⁶ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1870. Д. 19. Л. 5.
- ¹⁰⁷ *Долгоруков В.С.* Фанагорийская винодельня I–II вв. н.э. // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 78 (Ф-2 и Ф-3); *Винокуров Н.И.* Виноделие античного Боспора. М., 1999. С. 133.
- ¹⁰⁸ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1872. Д. 15. Л. 3. А.Н. Карасев датировал постройку V–IV вв. до н.э. См.: *Карасев А.Н.* Развитие строительно-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья (VII–I вв. до н.э.) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 130. Е.Г. Панкратова, проанализировав найденные в заполнении амфорные гераклейские и синопские клейма, отнесла ее ко второй половине IV в. до н.э.
- ¹⁰⁹ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1872. Д. 15. Л. 6; ОАК за 1872 г. С. III–VI.
- ¹¹⁰ *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 9.
- ¹¹¹ НА ИИМК. Р. I. Д. 568. Л. 21–21 об.
- ¹¹² НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1871. Д. 16; Р. I. Д. 565. Л. 8–10; Д. 693. Л. 4–4 об.; ОАК за 1868 г. С. III–VI, XIII–XIV; ОАК за 1869 г. Прилож. С. 174–176; ОАК за 1870–1871 гг. С. XVII–XVIII, XXXIV–XXXVIII; ИАК. 1910. Вып. 35. С. 34–36; Из архива Керченского музея древностей. V. Склеп в Васюринской горе / Публ. В.В. Шкорпила // ИТУАК. 1908. Т. 42. С. 69–72; *Власова Е.В.* Курганы Васюринской горы // БФ. 2004. Ч. 1. С. 275–287; *Она же.* Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004. С. 158–174.
- ¹¹³ Склеп был разрушен местными жителями в 1927 г.

- ¹¹⁴ АДЖЮР. С. 30–69. Табл. XI, 2 – XXIV.
- ¹¹⁵ АДЖЮР. С. 51–55. Недавно М.Ю. Трейстер передатировал декор колесницы в пределах первой половины II в., найдя параллели ей в мелкой пластике Малой Азии; парадную конскую сбрую он отнес частью к произведениям южноиталийских или восточносредиземноморских мастерских, частью к изделиям, привезенным из птоломеевского Египта в конце III – начале II в. до н.э.; один большой и шесть малых круглых золотых фаларов на бронзовой основе, украшенных вихревыми розетками, Трейстер отнес к артефактам севернопричерноморского происхождения II в. до н.э. По его мнению, находка птоломеевского парадного конского набора свидетельствует о дипломатических связях Боспора с Египтом во второй половине III в. до н.э. См.: *Трейстер М.Ю.* Колесница из 1-го среднего кургана Васюриной горы: (еще раз к вопросу о боспоро-египетских отношениях в эллинистическую эпоху) // БЧ. 2005. VI. С. 306–313.
- ¹¹⁶ НА ИИМК. Р. I. Д. 565. Л. 2 об. – 7; ОАК за 1868 г. С. X–XII; ОАК за 1869 г. Прилож. С. 177; *Паромов Я.М.* Курганный некрополь Гермоны // ДБ. 2002. № 5. С. 195.
- ¹¹⁷ НА ИИМК. Р. I. Д. 693. Л. 1.
- ¹¹⁸ *Паромов Я.М.* Скифские погребения... С. 72, 74.
- ¹¹⁹ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1869. Д. 4. Л. 84–85; Р. I. Д. 693. Л. 5; ОАК за 1869 г. С. III–VII. Подробнее см.: *Фармаковский Б.В.* Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // ЗРАИМК. 1921. № 1. С. 1–45; *Передольская А.А.* Фанагорийские фигурные вазы. Л., 1937; *Паромов Я.М.* Фанагорийские курганы... С. 396–403; *Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю.* Погребения с фигурными сосудами... С. 220–224.
- ¹²⁰ ОАК за 1870–1871 гг. С. XIII–XVI. Здесь и далее номенклатура этих памятников приведена по работе: *Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. Деп. в ИНИОН РАН 1.10.1992. № 47103.
- ¹²¹ Литературу см.: *Завойкин А.А.* Памятник Сатиры I на Азиатском Боспоре (Strab. XI, 2, 7) // ДБ. 2000. № 3. С. 47–62.
- ¹²² ОАК за 1872 г. С. XI–XIV.
- ¹²³ НА ИИМК. Р. I. Д. 693. Л. 5; ОАК за 1872 г. С. III, XI–XII; ОАК за 1874 г. С. XVII–XX; ОАК за 1878–1879 гг. С. XLII–XLVIII; *Паромов Я.М.* Курганный некрополь Кеп // ДБ. 2003. № 6. С. 239–240, 243–247, 248–249.
- ¹²⁴ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1875. Д. 3.
- ¹²⁵ *Коровина А.К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2. С. 174–187; *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа... С. 36–39; *Горбунова К.С.* Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 18–38; *Черненко Е.В.* Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. Киев, 1973. С. 64–81; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 92–98; *Уильямс Д., Огден Дж.* Греческое золото... С. 128–131; *Власова Е.В.* Семибратние курганы // БФ. 2001. Ч. 2. С. 127–132; *Она же.* Семибратние курганы: Синды // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья: Материалы науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.Ф. Гайдукевича. СПб., 2005. С. 70–74; *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003. С. 296; *Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 252–254.
- ¹²⁶ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1875. Д. 3. Л. 19.
- ¹²⁷ ОАК за 1878–1879 гг. С. VIII–IX.
- ¹²⁸ *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России... С. 127.
- ¹²⁹ ОАК за 1881 г. С. XVIII–XIX.
- ¹³⁰ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1879. Д. 4. Л. 1–49; Д. 6. Л. 40–44; Р. I. Д. 568. Л. 17 об. – 18; ОАК за 1878–1879 гг. С. XI, XLIV–LI; ОАК за 1880 г. С. XI, I; *Стефани Л.* Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в южной России в 1878 и 1879 гг. // ОАК за 1880 г. С. 5–92; *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор... С. 273–275.
- ¹³¹ ОАК за 1880 г. С. XI.
- ¹³² См.: *Максимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979.
- ¹³³ Catalogue des médailles du Bospore Cimmérien précédé d'études sur l'histoire et les antiquités de ce pays par le prince A.A. Sibirsky. SPb., 1859. Vol. 1. P. 237. Not. 7; ОАК за 1881 г. С. 111; *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор... С. 296; *Кругликова И.Т.* История исследования Горгиппии и ее некрополя // Горгиппия. Краснодар, 1980. С. 6.
- ¹³⁴ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1877. Д. 6; *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 133–140. Табл. X–XIII; *Виноградов Ю.А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // ТС. 1998. Вып. 1. С. 62–70.
- ¹³⁵ ОАК за 1881 г. С. I–XII; ОАК за 1882–1888 гг. С. 31–36, 39–45, 47–68. Табл. I–V, VI, 5.
- ¹³⁶ *Сокольский Н.И.* Античные деревянные саркофаги... С. 29–31; *Он же.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 280.
- ¹³⁷ ОАК за 1882–1888 гг. С. XX–XXXI, 47–73. Табл. III–V, VI, 5.
- ¹³⁸ АДЖЮР. С. 109–111. Атлас. Табл. XXXV–XXXVI.
- ¹³⁹ *Долгоруков В.С.* Курганы Боспора // АГСП. С. 97.
- ¹⁴⁰ ОАК за 1882–1888 гг. С. XIX–XXII, XXVII–XXIX; АДЖЮР. С. 64, 80, 111.
- ¹⁴¹ ОАК за 1894 г. С. 14; *Кулаковский Ю.А.* Раскопки в Керчи и Анапе летом 1894 г. // Чтения в Историческом обществе Нестор летописца. Киев, 1895. Кн. 9. Отд. 1. С. 42–44.
- ¹⁴² *Кругликова И.Т.* История исследования Горгиппии... С. 8.
- ¹⁴³ *Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея. С. 30–31; *Федосеев Н.Ф.* Керченский музей // ВДИ. 2002. № 1. С. 164.
- ¹⁴⁴ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1878. Д. 11. Л. 7–7 об.; ОАК за 1878 и 1879 гг. СПб., 1881. С. XI.
- ¹⁴⁵ *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Вып. 1: Классические древности Юга России. С. 39.
- ¹⁴⁶ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1880. Д. 11. Л. 9–14.
- ¹⁴⁷ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1885. Д. 23. Л. 6–9; Д. 64. Л. 24–27 об.

- ¹⁴⁸ Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2: Древности скифо-сарматские. СПб., 1889; Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб., 1890; Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1892.
- ¹⁴⁹ См.: Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: Последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 650–652, 682, 685, 693, 697–698, 710, 724–726.
- ¹⁵⁰ НА ИИМК. Р. I. Д. 570. Л. 13; ОАК за 1882–1888 гг. С. LXXXIV–LXXXVI.
- ¹⁵¹ ОАК за 1882–1888 гг. С. СIII–CV.
- ¹⁵² ОАК за 1893 г. С. 9; ОАК за 1896 г. С. 64–65, 124–125; ОАК за 1900 г. С. 46–47, 104–109.
- ¹⁵³ Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати... С. 198.
- ¹⁵⁴ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1900. Д. 194; Оп. 1–1895. Д. 293. Л. 210 об.–211; ОАК за 1900 г. С. 104–109. Рис. 190–214; Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 18–53; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 555–557; Максимова М.И. Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 55–58.
- ¹⁵⁵ Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953.
- ¹⁵⁶ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 183–186.
- ¹⁵⁷ Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета / изданные под ред. И.Д. Мансветова. М., 1879; Пятый археологический съезд в Тифлисе. Труды Подготовительного комитета. Тифлис, 1882; Труды V AC в Тифлисе. М., 1887.
- ¹⁵⁸ Труды VI AC в Одессе в 1884 г. В 4-х т. Одесса, 1886–1889.
- ¹⁵⁹ Археологическая карта Кубанской области / Сост. Е.Д. Фелицын, член-сотрудник Имп. Русского и член-корреспондент Имп. Московского археологических обществ. Сост. в 1882 г. Масштаб: в английском дюйме 20 верст. М., 1882. О нем см.: Сысоев В.М. Евгений Дмитриевич Фелицын // Материалы по археологии Кавказа. 1904. Вып. 9. С. 1–VII; Шамрай В.С. Е.Д. Фелицын: Биографический очерк // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. 1907. Т. 19, вып. 1. С. 71–88.
- ¹⁶⁰ Поночевный М.О. Географический очерк Босфорского царства // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. 2. С. I–VI, 1–60.
- ¹⁶¹ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1886. Д. 16.
- ¹⁶² ОАК за 1882–1888 гг. С. ССXVI–ССXX; АДЖЮР. С. 87–90; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 363–370; Манцевич А.П. О пластине из кургана Карагодеуаш // АСГЭ. 1964. Вып. 6. С. 128–138; Блаватский В.Д. Сцена инвентуры на Карагодеуашском ритоне // СА. 1974. № 1. С. 38–44; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 129–135; Виноградов Ю.А. О ритонах из кургана Карагодеуаш // ПАВ. 1993. № 6. С. 66–71; Вахтина М.Ю. О некоторых греческих элементах женского погребения в кургане Карагодеуаш // БФ. 1999. С. 204–208.
- ¹⁶³ Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К. Древности Южной России: Курган Карагодеуаш. СПб., 1894. См. также: Фармаковский Б.В. Новейшая датировка Карагодеуашского кургана // ИТУАК. 1913. Т. 50. С. 179–190; Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... С. 74–77.
- ¹⁶⁴ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историко-географические очерки. СПб., 2003. С. 51–52.
- ¹⁶⁵ Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии... С. 247.
- ¹⁶⁶ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 278–279, 328–329.
- ¹⁶⁷ Галанина Л.К. Курджипский курган: Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л., 1980; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 136–138.
- ¹⁶⁸ Ростовцев М.И. Медь Динамии и Аспурга // ИТУАК. 1918. Т. 54. С. 47.
- ¹⁶⁹ Ростовцев считал памятник храмом, Н.А. Онайко, доследовавшая его остатки в 1967 и 1969 гг., охарактеризовала его как богатую виллу. См.: Онайко Н.А. Бронзовый бюст-гирия из раскопок античного поселения в Широкой балке // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 73–77.
- ¹⁷⁰ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы Динамии и история Боспора в эпоху Августа // Древности: Труды МАО. 1916. Т. 25. С. 1–26; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 221.
- ¹⁷¹ Молчанов А.А. Искусство портрета на античном Боспоре: (По нумизматическим материалам) // Вестник МГУ. 1971. Сер. 8: История. № 4. С. 98–104.
- ¹⁷² Бюст ныне хранится в ГЭ (инв. Пан. 1726), бронзовые вещи в советское время были переданы из ГЭ в фонды Новороссийского государственного исторического музея-заповедника.
- ¹⁷³ Галанина Л.К. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа: Келермесские курганы. СПб., 2006. С. 28.
- ¹⁷⁴ См.: Фармаковский Б.В. Н.И. Веселовский — археолог // ЗВОРАО. 1921. Т. 25. С. 359–386; Список трудов Н.И. Веселовского / Сост. В.В. Латышев // Там же. С. 387–398.
- ¹⁷⁵ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975; Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003; Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop Kultur in Nordwestkaukasien. В., 2000.
- ¹⁷⁶ Подробнее см.: Фармаковский Б.В. Архаический период в России // МАР. 1914. № 34. С. 15–78.
- ¹⁷⁷ Фармаковский Б.В. Н.И. Веселовский — археолог. С. 366–367.
- ¹⁷⁸ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1896. Д. 204; ОАК за 1897 г. С. 11–15. Рис. 42–48. Табл. IV; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 51–52.
- ¹⁷⁹ Ольховский В.С. Первый Разменный курган у ст. Костромской // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 1995. С. 85–98.
- ¹⁸⁰ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1904. Д. 9; ОАК за 1903 г. С. 168. См. также: Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... С. 18–22.
- ¹⁸¹ Подробнее см.: ОАК за 1904 г. С. 85 сл. Рис. 134–160.
- ¹⁸² Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 46–51; Галанина Л.К. Келермесские курганы: «Царские»

- погребения раннескифской эпохи. М., 1997; Она же. Скифские древности Северного Кавказа...; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии...; Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из раннескифских курганов. СПб., 2003; Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. С. 146–148.
- ¹⁸³ ОАК за 1898 г. С. 29 сл. Рис. 42–47. Табл. к с. 32; ОАК за 1908 г. С. 118. Рис. 166–169; ОАК за 1909–1910 гг. С. 147 сл. Рис. 211–219; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 52–54; Балонов Ф.Р. Святилища скифской эпохи в Адыгее: (Интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 38–45; Галанина Л.К. Ульский курган: (раскопки Н.И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. 1999. Вып. 34. С. 58–67; Эрлих В.Р. Относительная и абсолютная хронология Ульских курганов // ТС. 2000. С. 77–78; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 157.
- ¹⁸⁴ ОАК за 1903 г. С. 69. Рис. 127.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 75. Рис. 139–153.
- ¹⁸⁶ АДЖЮР. С. 83–86. Атлас. Табл. XXVII, 1; XXIX–XXXI.
- ¹⁸⁷ ОАК за 1894 г. С. 12 сл., 82 сл.; ОАК за 1895 г. С. 135 сл.; ОАК за 1897 г. С. 22 сл.; ОАК за 1903 г. С. 77 сл.
- ¹⁸⁸ Пиотровский А.И. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана // ИРАИМК. 1924. Вып. 3. С. 81–105.
- ¹⁸⁹ Веселовский Н.И. Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 1–8; Виноградов Ю.А. Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // БФ. 2005. С. 264–271.
- ¹⁹⁰ ОАК за 1912 г. С. 57–59; ОАК за 1913–1915 гг. С. 148–157; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 319–326; Галанина Л.К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 89–99. По мнению Н.В. Анфимова, Елизаветинские курганы являются погребениями местных родовых вождей IV в. до н.э. с богатым инвентарем, а также социально зависимых людей (оруженосцев и слуг) и десятков, а иногда и сотен лошадей. См.: Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 125–128.
- ¹⁹¹ Безуглов С.И. О степных связях населения Закубанья в позднесарматскую эпоху (по материалам раскопок Н.И. Веселовского 1909 г.) // БФ. 2002. Ч. 2. С. 218–220.
- ¹⁹² Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области в период римского владычества на северном Кавказе // Труды XII АС. М., 1905. Т. 1. С. 341–373; Фармаковский Б.В. Н.И. Веселовский — археолог. С. 371–372.
- ¹⁹³ Фармаковский Б.В. Н.И. Веселовский — археолог. С. 382–383; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 214.
- ¹⁹⁴ Гущина И.И., Засеукая И.П. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — I в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 71–141; Они же. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994; Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: Сб. памяти М.П. Абрамовой. М., 2007. С. 11–188.
- ¹⁹⁵ НА ИИМК. Р. I. Д. 725. Л. 1, 4; Эрман Н.А. Ионийская амфора с Таманского полуострова // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 92–103; Руднева С.Д. Амфора милетского стиля из окрестностей ст. Таманской // Там же. С. 104–110; Книпович Т.Н. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря // ИГАИМК. 1927. Вып. 5. С. 85–101.
- ¹⁹⁶ Определение и датировка Ю.И. Ильиной (ОАМ ГЭ). См.: ОАК за 1913–1915 гг. С. 145. № 2–5; Прушевская Е.О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 31–58; Вахтина М.Ю. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 7; Паромов Я.М. Скифские погребения Таманского полуострова. С. 72.
- ¹⁹⁷ Раскопки В.В. Шкорпила на Таманском полуострове // ОАК за 1911 г. С. 37–43; Раскопки В.В. Шкорпила на Таманском полуострове // ОАК за 1912 г. С. 48–50; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 1–74; Он же. Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 22–33; Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото... С. 178–179.
- ¹⁹⁸ НА ИИМК. Р. I. Д. 548. Л. 1–2.
- ¹⁹⁹ НА ИИМК. Р. I. Д. 158. Л. 1–2; Д. 725. Л. 1–3; Шкорпил В.В. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана // ИАК. 1914. Вып. 51. С. 119–128.
- ²⁰⁰ Максимова М.И. Панафинейская амфора из Зеленского кургана // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 15–20.
- ²⁰¹ Трейстер М.Ю. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха: (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н.э.) // БФ. 2002. Ч. 2. С. 180–186.
- ²⁰² Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи... С. 21–58; ОАК за 1913–1915 гг. С. 140–146.
- ²⁰³ Там же. С. 58–71.
- ²⁰⁴ ОАК за 1913–1915 гг. С. 140–148; Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1914 г. // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 17–27; Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. С. 86–87.
- ²⁰⁵ Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. С. 43. Примеч. 1; Соколов В.В. Тамань в прошлом и настоящем // ИТУАК. 1908. Т. 42. С. 70–71; Он же. Курганы Лысой горы близ Тамани и находки в них // Там же. С. 60–63.
- ²⁰⁶ Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 6.
- ²⁰⁷ Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. 1919. Т. 56. С. 39–59; Паромов Я.М. Курганный некрополь Гермонассы. С. 202.
- ²⁰⁸ Пятыева Н.В. Таманский саркофаг. М., 1949 (Отд. отт. из кн.: Труды ГИМ. 1949. Вып. 2: Памятники культуры).
- ²⁰⁹ Соколов В.В. Курганы Лысой горы близ Тамани и находки в них; Гладкий И. Хищнические раскопки близ станицы Таманской. Екатеринодар, 1916; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 289–290; Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. С. 88;

- Паромов Я.М. Курганный некрополь Гермонассы. С. 195–196.
- ²¹⁰ Воронов А.А., Михайлова М.Б. Боспор Киммерийский. М., 1983. С. 171.
- ²¹¹ Беккер П.В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. // Прописки. 1853. Кн. 3. С. 362–363; Кругликова И.Т. Античная археология. М., 1984. С. 13.
- ²¹² Положение еще более усугубилось в советское время. См.: Яковенко Э.В. К истории исследования античных расписных склепов // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конф. памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 45–46.
- ²¹³ «Система трех веков» Кристиана Томсена (1836) была изложена в предисловии акад. К.М. Бэра к русскому переводу книги И.Я. Ворсо (J.J. Worsae) «Северные древности королевского музея в Копенгагене» (СПб., 1861). Однако основная масса отечественных археологов стала выделять материалы эпохи бронзы после публикации статьи члена Археологической комиссии А.А. Спицына «Курганы с окрашенными костяками» (ЗРАО НС. 1899. Т. 11, вып. 1–2. С. 53–134).
- ²¹⁴ Веселовский Н.И. Записка по вопросу о приемах при производстве раскопок // Труды XIV АС в Чернигове. М., 1911. Т. 3: Протоколы. С. 99–104.
- ²¹⁵ Compte Rendu de la Commission Impériale archéologique pour les années 1859–1881. SPb., 1860–1883.
- ²¹⁶ Спицын А.А. Археологические разведки. СПб., 1908; Он же. Археологические раскопки. СПб., 1910; Городцов В.А. Руководство для археологических раскопок. М., 1914.
- ²¹⁷ Помяловский И.В. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.
- ²¹⁸ О нем см.: Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 172–288.
- ²¹⁹ IOSPE. Второй том, подготовленный Латышевым к переизданию, хранится в рукописи: ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 34/1–11; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
- ²²⁰ SC I–II.
- ²²¹ Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней южной России / Сост. по монетам, принадлежавшим собственному собранию и отчасти по рисункам из других собраний П. Бурачкова. Одесса, 1884. Ч. 1. 321 с. (Сборник материалов для изучения искусства и монетного производства у народов, живших в древности на юге нынешней России в период пребывания там эллинов); Бертъе-Делагард А.А. Поправки «Общего каталога монет П.О. Бурачкова». М., 1907.
- ²²² Бертъе-Делагард А.А. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1911. Т. 29. Отд. 1. С. 117–232; Он же. Стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в середине IV в. до н.э. // Нумизматический сборник. М., 1911. Т. 1. С. 1–100; Он же. Дифференцы на царских боспорских монетах римского времени // Там же. С. 306 сл. Отд. отд.: М., 1911; Он же. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник. М., 1913. Т. 2. С. 49–134.
- ²²³ Орешников А.В. Каталог собрания древностей гр. А.С. Уварова. М., 1887. Вып. 7: Монеты Веспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России; Он же. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892; Он же. Монеты Херсонеса Таврического, царей Веспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // Нумизматический сборник. М., 1913. Т. 2. С. 1–48; Он же. Дополнения к нумизматике Ольвии, Херсонеса и Понта. М., 1914; Он же. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // Нумизматический сборник. М., 1915. Т. 3. С. 1–68.
- ²²⁴ Ростовцев М.И. Представление о монархической власти... С. 1–62, 133–140; Он же. Медь Динамии и Аспурга. С. 47–53.
- ²²⁵ Ростовцев М.И. Классические и скифские древности... С. 29, 37; Скифский роман. М., 1997. С. 90–91, 92; Тункина И.В. М.И. Ростовцев как политический публицист // Ростовцев М.И. Избранные публицистические статьи, 1906–1923 / Подгот. текста, предисл., коммент. и биографич. словарь И.В. Тункиной. М., 2002. С. 5, 6. Первые пять таблиц к корпусу сохранились в составе библиотеки и архива М.И. Ростовцева из коллекции американского папиролога Дж.Ф. Гиллама, приобретенной в 1990 г. университетом г. Трир (ФРГ). См.: Universität Trier. Arbeitsstelle 'Mare Ponticum'. Nachlass Michael I. Rostovtzeff. Rostovtzeff M. South Russia (in Russian). Omnibus volume 9 / Konvolut 9: Articles on South Russia (in Russian, 1913–1930). N 17.
- ²²⁶ Подробнее см.: Скифский роман; Парфянский выстрел. М., 2003.
- ²²⁷ Ростовцев М.И. Классические и скифские древности... С. 29.
- ²²⁸ АДЖЮР.
- ²²⁹ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор...
²³⁰ Подробнее см.: Скифский роман. С. 200–230; Парфянский выстрел. С. 721–727 (биобиблиография М.И. Ростовцева).
- ²³¹ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство... Английское переработанное издание: Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922.
- ²³² Ростовцев М.И. Гибель памятников // ИАК. 1907. Вып. 21. Прибавл. С. 65–68.
- ²³³ Веселовский Н.И. В защиту русских археологов // Там же. С. 68; Он же. В защиту русской археологии // Там же. С. 63–65.
- ²³⁴ О нем см.: Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988.
- ²³⁵ Ростовцев М.И. Классические и скифские древности... С. 28.
- ²³⁶ Платонова Н.И. Российская академия истории материальной культуры: Этапы становления (1918–1919) // СА. 1989. № 4. С. 5–16.
- ²³⁷ Ямпольский М.Л. Краеведческие организации Северо-Кавказского края: (По анкетным материалам) // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1–2. С. 108–112; Крупнов Е.И. Музеи Северо-Кавказского края // Советский музей. 1936. № 1. С. 106–111.
- ²³⁸ Веселов В.В. О «Киммерийском вале» на Таманском полуострове // СА. 1957. № 3. С. 252–254; Он

- же. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М., 2005.
- ²³⁹ *Войцеховский С.Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону, 1929–1930. Т. 3, кн. 1, вып. 5–6. С. 4–9. См. о нем: ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 134. Л. 15–16.
- ²⁴⁰ *Лунин Б.В.* Дольмены Черноморья. Ростов-на-Дону, 1924; *Он же.* Новые археологические находки на Тамани // Советский Северный Кавказ. 1930. № 10–11. С. 62–63; *Он же.* «Отпускная грамота» двухтысячелетней давности: (Археологическая находка на Тамани) // Вестник знания. 1935. № 4. С. 310–311; *Он же.* Археологическая находка на Тамани // Наука и жизнь. 1936. № 10. С. 41–42; *Он же.* Даховское погребение // Наука и жизнь. 1937. № 10. С. 39–40; *Он же.* Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 1939. № 3. С. 210–223; *Он же.* Серебряная чаша с рельефным изображением и греческой надписью и стеклянная чаша из находок у станицы Даховской // Известия Ростовского областного музея краеведения. 1940. Вып. 2. С. 27–49. О нем см.: Борис Владимирович Лунин / Вступ. статья Д.А. Алимовой, Л.С. Ивановой. Сост. Ж.А. Белоусова и др.; АН УзССР, Ин-т ист., Фундам. б-ка. Ташкент, 1986 (со списком публикаций).
- ²⁴¹ *Остроумов А.Г.* Археологическая станция и музей Таманского полуострова // Краеведение на Северном Кавказе. 1924. № 1. С. 72–75.
- ²⁴² *Чайковский Г.Ф.* О найденном в станице Анапской близ гор. Анапы обломке мраморной орнаментированной плиты // Бюл. конф. археологов СССР в Керчи. 1926. № 5. С. 5.
- ²⁴³ См.: *Черников В.Н.* Путь историка: Очерк о жизни и деятельности М.В. Покровского. Краснодар, 1997.
- ²⁴⁴ См.: *Хачатурова Е.А.* Памяти Н.В. Анфимова // РА. 1999. № 4. С. 247–252.
- ²⁴⁵ *Покровский М.В., Анфимов Н.В.* Карта древних поселений и могильников Прикубанья. С IV века до н.э. по III в. н.э. // СА. 1936. № 4. С. 265–275.
- ²⁴⁶ *Покровский М.В.* Пашковский могильник на Кубани // Наука и техника. 1930. № 35. С. 21; *Он же.* Могильник станицы Пашковской (близ г. Краснодара) // ПИДО. 1935. № 5–6. С. 150; *Он же.* Пашковский могильник № 1 // СА. 1936. № 1. С. 159–169; Археологические памятники Кубани // Наука и техника. 1930. № 36. С. 20 (экспедиция М.В. Покровского по нижнему течению р. Кирпели 1929 г.); *Анфимов И.Н., Хачатурова Е.А.* Дневники Н.В. Анфимова 1928–1934 гг.: Экскурсии в Закубанье // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 328–343.
- ²⁴⁷ К сожалению, изданы лишь отдельные коллекции. См., например: *Морган К.* Каталог аттической керамики из коллекции Таманского музея. СПб., 1999 (ТС. 1999; № 2).
- ²⁴⁸ Резолюции Пленума Конференции археологов СССР в Керчи, принятые на заседании конференции 10.09.1926 г. // Бюл. конф. археологов СССР в Керчи. 1926. № 6. С. 7–11; *Бузескул В.П.* Изучение древностей северного побережья Черного моря с точки зрения греческой и мировой истории. Киев, 1927.
- ²⁴⁹ *Блаватский В.Д.* Б.В. Фармаковский – исследователь античного мира // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 8–13; *Он же.* Античная полевая археология. М., 1967. С. 70–76.
- ²⁵⁰ *Башикиров А.С.* Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. // Труды Этнографо-археологического музея I МГУ. М., 1927. С. 26–40; *Он же.* Искусственный акрополь Таманского полуострова // Труды Кабинета истории материальной культуры I МГУ. М., 1930. Вып. 5. С. 51–59; Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг.: Указатель. М., 1962. С. 43–44, 53; *Паромов Я.М.* Очерк истории... С. 119–120.
- ²⁵¹ *Харко Л.П.* Экспедиционная деятельность ГМИИ // Жизнь музея. 1930. Август. С. 77–79. 1 карта.
- ²⁵² *Паромов Я.М.* Очерк истории... С. 120–121.
- ²⁵³ См.: *Платонова Н.И.* Александр Александрович Миллер – археолог // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.). СПб., 2003. Вып. 1. С. 155–161.
- ²⁵⁴ Археологические экспедиции... С. 21–23, 65.
- ²⁵⁵ *Адаменко П.* Памятники старины Усть-Лабинского района Северо-Кавказского края. Усть-Лабинская, 1932 (о раскопках Веселовского (1901–1902 гг.) и Миллера (1925 г.) курганов у ст. Усть-Лабинской); Археологические экспедиции... С. 21–23.
- ²⁵⁶ НА ИИМК. Р. 1. Д. 158 а-ж (археологическая карта Таманского полуострова 1930–1931 гг.). Л. 3 (карта окрестностей Фанагории). Л. 11 (А.А. Иессен. «Городище на северо-западной оконечности Фонталовского полуострова – так называемый Ахиллейон», 1930 г.); Д. 160. Л. 69–72 (планы этапов заселения Таманского полуострова по историческим эпохам), л. 91 (поселение у крепости Фанагория, 1931 г.); *Миллер А.А.* Таманская экспедиция ГАИМК // СГАИМК. 1931. № 1. С. 26–29; *Он же.* Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // СГАИМК. 1932. № 3–4. С. 58–60; № 7–8. С. 67–68; *Он же.* Выставка работ экспедиций Государственной Академии истории материальной культуры // СГАИМК. 1932. № 7–8. С. 45; *Иессен А.А., Миллер А.А.* Таманская экспедиция 1931 г. // СГАИМК. 1932. № 11–12. С. 58–61; *Паромов Я.М.* Очерк истории... С. 124–125.
- ²⁵⁷ НА ИИМК. Р. 1. Д. 158. Л. 13–13 об.; Д. 160. Л. 87, 89.
- ²⁵⁸ НА ИИМК. Р. 1. Д. 724. Л. 2; Д. 160. Л. 79, 82.
- ²⁵⁹ НА ИИМК. Р. 1. Д. 723. Л. 1, 7 (схемы и полевые чертежи раскопок на хут. Гаркуши. Карандашные рисунки А.Н. Карасева); Д. 1287. Л. 1 (остатки винодельни, 1931 г.); *Миллер А.А.* Таманская экспедиция ГАИМК. С. 26; *Он же.* Таманская экспедиция в 1931 г. // СГАИМК. 1932. № 7–8. С. 67–68; *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Патрея. С. 136. № 30.
- ²⁶⁰ *Иессен А.А., Миллер А.А.* Таманская экспедиция 1931 г. С. 61.

- ²⁶¹ *Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи: По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // ИГАИМК. 1934. Вып. 80. С. 52–55, 108–111; *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории. С. 125. № 30.
- ²⁶² Археологические экспедиции... С. 65.
- ²⁶³ См. о нем: *Виноградов Ю.А.* К 100-летию со дня рождения В.Ф. Гайдукевича // АВ. 2005. № 12. С. 323–330; *Он же.* Памяти В.Ф. Гайдукевича // БИ. 2006. Вып. 13. С. 3–15.
- ²⁶⁴ *Книпович Т.Н.* Ионийская ваза... С. 85–101; *Lossewa N.M.* Zwei klazomenische Vasen // *Archaeologischer Anzeiger.* 1929. Bd. 44. № 1–2. S. 43–47. Abb. 2. ГППАЭ. С. 74.
- ²⁶⁵ *Блаватский В.Д.* Раскопки на Таманском полуострове [в 1936 г.] // *Искусство.* 1937. № 1. С. 161–162; *Он же.* Раскопки на Таманском полуострове в 1937 г. // *Искусство.* 1938. № 3. С. 135–137; *Он же.* Раскопки в Фанагории 1938–1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 287–300; *Он же.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 гг. // *Труды ГИМ.* 1941 (1943). Вып. 16. С. 5–74; *Он же.* Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941. № 1. С. 220–222; *Он же.* Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19. С. 189–226; Археологические экспедиции... С. 106–107.
- ²⁶⁷ *Захаров Н.А.* Первые шаги изучения Кубанских городищ // Сборник статей по экономике и культуре. Краснодар, 1927. Вып. 1. С. 107–119; *Он же.* Первые шаги систематического изучения городищ Северо-Западного Кавказа // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927. С. 57–58; *Он же.* Общий обзор обследования и работ на городище в г. Краснодаре // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. 1928. Т. 3, кн. 1, вып. 3–4. С. 23–32; *Крушкол Ю.С.* Археологические работы на Кубани и Черноморье // *Наука и техника.* 1930. № 38. С. 19–20 (о раскопках Краснодарского и Елизаветинского городищ).
- ²⁶⁸ *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 224 (Археология СССР: В 20 т.).
- ²⁶⁹ *Анфимов Н.В.* Основные этапы развития меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; *Он же.* Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953; *Он же.* Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958; *Он же.* Протомеотский могильник с Николаевского // Сб. материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. 2. С. 103–126; *Он же.* Синдика в VI–IV вв. до н.э. // *Труды Краснодарского государственного педагогического института.* 1963. Вып. 33. С. 181–197; *Он же.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 170–177; *Он же.* Археологические памятники нижнего течения рек Марта, Пчаса и Псекупса: (По материалам экспедиции Адыгейского НИИ 1954 и 1955 гг.) // Сб. материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1972. Т. 3. С. 79–98; *Он же.* Новые памятники древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского) // Скифский мир. Киев, 1975. С. 35–51; *Он же.* Сельское хозяйство у синдов // История и культура античного мира. М., 1977. С. 6–12; *Он же.* Меотские городища аулов Октябрьский и Шенджия // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. С. 112–127.
- ²⁷⁰ *Покровский М.В.* Городища и могильники среднего Прикубанья. Краснодар, 1937 (отд. отт. из кн.: Труды Краснодарского гос. пед. ин-та. 1937. Т. 6, вып. 1. С. 3–38, 28 илл.).
- ²⁷¹ *Городцов В.А.* О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г.: (Предварительное сообщение) // СЭ. 1935. № 3. С. 71–76; *Он же.* Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г.: (Предварительное сообщение) // СА. 1936. № 1. С. 171–186; *Он же.* Раскопки Елизаветинского городища // Экспедиции Академии наук СССР 1935 г. М.; Л., 1937. С. 287–290.
- ²⁷² *Сокольский Н.И.* 25 лет работы сектора античной археологии Института археологии АН СССР (1943–1968 гг.) // ВДИ. 1969. № 1. С. 227–231.
- ²⁷³ *Кобылина М.М.* Фанагория. М.; Л., 1956.
- ²⁷⁴ *Кузнецов В.Д.* Фанагория: История исследований и новые находки // РА. 2007. № 2. С. 5–15.
- ²⁷⁵ *Атавин А.Г.* Работы средневекового отряда в Фанагории // АО 1982 г. М., 1984. С. 107–108; *Он же.* Раскопки в Фанагории // АО 1984 г. М., 1986. С. 90–91; *Он же.* Работы Фанагорийского отряда // АО 1985 г. М., 1987. С. 126; *Он же.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. 1992. № 1. С. 173–211; *Он же.* Краснолаковая керамика IV–VI вв. из Фанагории // БС. 1993. № 2. С. 149–171.
- ²⁷⁶ ГППАЭ. С. 284–288; АГСП. С. 77–81; *Долгоруков В.С.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 30–37; *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории // БС. 1993. № 2. С. 111–148; *Кузнецов В.Д.* Уникальные открытия на Таманском полуострове // ВИЛИ. 2005. Т. 1. С. 51–66.
- ²⁷⁷ *Кобылина М.М.* Фанагорийская экспедиция [1947 г.] // КСИИМК. 1949. Вып. 27. С. 46–51; *Она же.* Раскопки Фанагории [1948 г.] // КСИИМК. 1950. Вып. 33. С. 89–95; *Она же.* Раскопки Фанагории [1949 г.] // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 232–237; *Она же.* Раскопки Фанагории [1951 г.] // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 122–127; *Она же.* Терракоты Фанагории местного производства // ВДИ. 1949. № 2. С. 107–113; *Она же.* Новые данные о фанагорийских винодельнях // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 20–24; *Она же.* Черты эолийской культуры в архаической Фанагории // СА. 1961. № 4. С. 271–274; *Она же.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961; *Долгоруков В.С.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // Проблемы исследований античных городов: (Материалы III науч. чтений памяти В.Д. Блаватского, январь 1987 г.): Тезисы. М., 1989. С. 30–37; *Долгоруков В.С., Колесников А.Б.* Новый тип строительных комплексов Фанагории //

- РА. 1993. № 1. С. 113–127; Кузнецов В.Д. Фанагория и ее метрополия // ТС. 2000. Вып. 3. С. 30–32; Он же. Полис на Боспоре: (эпоха архаики) // ДБ. 2001. № 4. С. 237–248; Он же. Метрополия Фанагории // Там же. С. 227–236; Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»). М., 2004.
- ²⁷⁸ Завойкин А.А. Фанагория... С. 114–115 (раскопки 1979–1988, 1990–1991).
- ²⁷⁹ Блаватский В.Д. Подводные раскопки в Фанагории в 1959 г. // СА. 1961. № 1. С. 277–279; Блаватский В.Д., Кузищин В.И. Подводные разведки в 1958 г. // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 136–138; Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А. Открытие затонувшего мира. М., 1963.
- ²⁸⁰ Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Колесников А.Б. Предварительные замечания о портовых сооружениях Фанагории // ДБ. 2006. № 9. С. 260–269.
- ²⁸¹ Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О. Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // ДБ. 2003. № 6. С. 152–175; Кузнецов В.Д. Уникальные открытия на Таманском полуострове. С. 61–65; Он же. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 155–172; 2007. № 1. С. 227–243.
- ²⁸² Марченко И.Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 86–90; Она же. Терракоты из святилища на Майской горе // Терракотовые статуэтки: Подонье и Таманский полуостров. М., 1974. С. 31–35; Егорова Т.В., Ильина Т.А., Кутинова Т.М. К вопросу о датировании культового комплекса на Майской горе // БФ. 2007. Ч. 1. С. 237–243.
- ²⁸³ Кобылина М.М. Фанагорийский склеп // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 143–146.
- ²⁸⁴ Она же. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // МИА. 1951. № 19. С. 241–249; Она же. Раскопки «Южного» некрополя Фанагории в 1947 г. // Там же. С. 236–240; Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 1956. № 57. С. 102–127; Коровина А.К. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.) // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 71–109.
- ²⁸⁵ Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964; Паромов Я.М. Краткий обзор новостроечных и хозяйственных исследований на Таманском полуострове // 30 лет Отделу охранных раскопок. Тула, 2004. С. 105.
- ²⁸⁶ Шавырина Т.Г. Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 69–73; Она же. Западный некрополь Фанагории (раскопки 1991–1999 гг. Общий обзор) // ДБ. 2000. № 3. С. 355–366.
- ²⁸⁷ Сударев Н.И., Шавырина Т.Г. Работы некропольского отряда Фанагорийской экспедиции // АО 2003 г. М., 2004. С. 287–288.
- ²⁸⁸ Медведев А.П. Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) // БФ. 2007. Ч. 1. С. 224–229.
- ²⁸⁹ Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 94–123.
- ²⁹⁰ Археологические экспедиции... С. 178.
- ²⁹¹ Зеест И.Б. Раскопки Гермонысы // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 114–121; 1959. Вып. 74. С. 58–63; Она же. Архаические слои Гермонысы // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 53–58; Она же. Возникновение и первый расцвет Гермонысы // СА. 1974. № 4. С. 82–97; Она же. Поиск восточной границы архаической Гермонысы // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 60–62; Она же. К вопросу о городской планировке Гермонысы // История и культура античного мира. М., 1977. С. 54–57.
- ²⁹² Коровина А.К. История исследования Таманского городища // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 7–40.
- ²⁹³ Коровина А.К. Гермоныса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.
- ²⁹⁴ Финогенова С.И. Стратиграфия античных слоев Таманского городища // БФ. 1999. С. 157–158; Она же. К вопросу о границах и планировке античной Гермонысы // ТС. 2000. Вып. 3. С. 48–49; Она же. Архаические слои Гермонысы (по материалам раскопок последних лет) // БФ. 2005. С. 146–148; Она же. К вопросу о границах и планировке античной Гермонысы // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 191–193; Чухидзе В.Н. Гермоныса–Томы–Таматарха: Позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре // АВ. 2007. № 14. С. 141–144.
- ²⁹⁵ Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонысы в 1956–1957 гг. // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 46–52; Археологические экспедиции... С. 192–193, 215; АГСП. С. 81–82.
- ²⁹⁶ Чухидзе В.Н. Средневековые погребения Таманского городища // ДБ. 2004. № 7. С. 404–424.
- ²⁹⁷ Блаватский В.Д. Первый год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. 1952. Вып. 42. С. 71–79; Он же. Второй год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 149–155; Он же. Третий год работы в Синдике // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 88–95; Он же. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 118–129; Он же. Пятый год работы в Синдике // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 44–48; Шелов Д.Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 150–165; Он же. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 96–99; Паромов Я.М. Опыт истории... С. 132–133.
- ²⁹⁸ Зеест И.Б. Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 156–158; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь / Науч. ред. А.П. Смирнов. М., 1957.
- ²⁹⁹ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М.; Л., 1960.
- ³⁰⁰ Паромов Я.М. Опыт истории... С. 133.
- ³⁰¹ Кондрашев А.В. Мыс Тузла: Раскопки на суше и разведки под водой // АО 1995 г. М., 1996. С. 221–223; Он же. Исследования у мыса Тузла // АО 1996 г. М., 1997. С. 206–208; Он же. Исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // АО 1997 г. М., 1999. С. 172–173; Он же. Корабельная стоянка у мыса Тузла в Керченском проливе // ТС. 2000. Вып. 3. С. 159–160.
- ³⁰² Сокольский Н.И. Раскопки античного поселения около станицы Таманской // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 49–57; Стручалина Р.А. Поселение на Фонталовском полуострове

- (Саратовское) // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 116–130; Николаева Э.Я. Поселение Водопроводное на Таманском полуострове // КСИА. 1973. Вып. 133. С. 97–102.
- ³⁰³ Сокольский Н.И. Кепы // Античный город. М., 1963. С. 52–59; АГСП. С. 84–86; ГППАЭ. С. 125–127.
- ³⁰⁴ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор... С. 555.
- ³⁰⁵ Сокольский Н.И. Раскопки в Кепях в 1957 г. // КСИИМК. 1960. Вып. 78. С. 53–56; Он же. Раскопки в Кепях в 1958 г. // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 66–72; Он же. Раскопки в Кепях в 1959 г. // КСИА. 1961. Вып. 86. С. 55–65; Он же. Раскопки в Кепях в 1960 г. // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 83–91; Он же. Раскопки городища Кепы в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 52–95; Он же. Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 108–118; Чхаидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. 2006. № 10. С. 487–517.
- ³⁰⁶ Сокольский Н.И. Курсы из Кеп // СА. 1962. № 2. С. 134–141.
- ³⁰⁷ Он же. Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964. № 4. С. 101–118. Рис. 10, 10а; Он же. Афродита Таманская // Искусство. 1964. № 7. С. 68–72; Он же. Культ Афродиты в Кепях конца VI – V вв. до н.э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 88–92.
- ³⁰⁸ Он же. Погребение V в. в Кепях // СА. 1964. № 4. С. 207–209; Он же. Надгробие синдского воина из Кеп // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 179–182; Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ. 1963–1964 (1966). С. 28–49; Сорокина Н.П. Раскопки некрополя в Кепях в 1959–1960 гг. // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 98–106; Она же. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 60–65; Она же. Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 101–107; Сорокина Н.П., Усачева О.Н. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Погребальный обряд. М., 1997. С. 47–61.
- ³⁰⁹ Николаева Э.Я. Раскопки в Кепях // АО 1972 г. М., 1973. С. 142–143; Она же. Раскопки в Кепях // АО 1973 г. М., 1974. С. 120–121; Она же. Раскопки терм в Кепях // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 77–81.
- ³¹⁰ Кузнецов В.Д. Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 28–45.
- ³¹¹ Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // БФ. 2002. Ч. 1. С. 274–279; Он же. Курганный некрополь Кеп // ДБ. 2003. № 6. С. 239–265; Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Некоторые особенности некрополя Кеп в VI–V вв. до н.э. // ТС. 2000. Вып. 3. С. 45–48; Они же. Способы обращения с телами погребаемых в некрополе Кеп // БФ. 2002. Ч. 1. С. 279–284; Они же. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н.э. // В БЧ. 2004. С. 15–18; Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Комплекс кургана 17(18) некрополя Кеп // БФ. 2005. С. 130–140.
- ³¹² Чхаидзе В.Н., Таскаев В.Н., Толстыкин П.В. Памятники подводной археологии из городища Кепы // Патрей: Материалы исследования. М., 2007. С. 33–36.
- ³¹³ Кобылина М.М. Новейшие открытия в области античной скульптуры // Искусство. 1941. № 2. С. 74–79; Античная скульптура из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина, М., 1987. С. 116–117.
- ³¹⁴ Блаватский В.Д. Разведки в Анапе [1949 г.] // КСИИМК. 1951. Вып. 37. 245–248.
- ³¹⁵ Кругликова И.Т. История исследования Горгиппии и ее некрополя // Горгиппия. Краснодар, 1980. Т. 1. С. 5–17; Она же. Синдская Гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1975.
- ³¹⁶ Алексеева Е.М. Анапская экспедиция в 1973–1984 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 61–69.
- ³¹⁷ Цветаева Г.А. Новые данные об античном святилище в Горгиппии // ВДИ. 1968. № 1. С. 138–148.
- ³¹⁸ Она же. Раскопки некрополя Горгиппии в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 136–139; Кругликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия: Материалы анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1982. Кн. 2. С. 117–149; Алексеева Е.М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия: Материалы анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1980. Кн. 1. С. 18–50; Она же. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Кн. 2. С. 5–116; Она же. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991; Она же. Античный город Горгиппия. М., 1997; Она же. Центральная часть Горгиппии в первые века нашей эры // ДБ. 2002. № 5. С. 27–53; Она же. Анапа: Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // ДБ. 2003. № 6. С. 18–43; Она же. Анапская экспедиция // 30 лет отряду охранных раскопок / ИА РАН, Тула, 2004. С. 60–63; АГСП. С. 82–84; ГППАЭ. С. 78–81.
- ³¹⁹ Блаватский В.Д. Исследования Раевского городища в 1954 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 77. С. 42–50; Археологические экспедиции... С. 178–179.
- ³²⁰ Онайко Н.А. Раскопки Раевского городища в 1955–1956 гг. // КСИИМК. 1959. Вып. 77. С. 51–61.
- ³²¹ Малышев А.А., Александровский А.А., Вязкова О.Е., Малышева Н.Н., Смекалова Т.Н. Исследования Раевского городища и его хоры // АО 1998 г. М., 2000. С. 198–200.
- ³²² АГСП. С. 91–93; Онайко Н.А. Архаический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- ³²³ Дмитриев А.В. Охранные раскопки могильников в районе Новороссийска и Геленджика // АО 1978 г. М., 1979. С. 123–124; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Раскопки укрепленного здания на античном поселении Цемдолинское // Там же. С. 140; Онайко Н.А. Раскопки некрополя в Широкой балке // АО 1980 г. М., 1981. С. 114; Она же. Раскопки в Широкой балке // АО 1982 г. М., 1984. С. 131–132; Малышев А.А., Дмитриев А.В. Археологические исследования в Цемесской долине // АО 1995 г. М., 1996. С. 228–230; Малышев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Терехова Н.Н. Широкая балка в античную эпоху: Итоги и перспективы исследования // ДБ. 2004. № 7. С. 272–301.
- ³²⁴ Антипина Е.А., Армарчук Е.А., Гей А.Н., Лебедева Е.Ю., Малышев А.А., Александровский А.А.,

- Гольева А.А., Вязкова О.Е. Междисциплинарные исследования археологических памятников предгорий Северо-Западного Кавказа // ДБ. 2001. № 4. С. 17–43.
- ³²⁵ Поночевный М.О. Географический очерк Босфорского царства. С. 39; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 220; Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А. Мысхако – форпост Боспора на юго-востоке // ПИФК. 2002. Вып. 9. С. 205.
- ³²⁶ Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Раскопки античного могильника у пос. Мысхако // АО 1979 г. М., 1980. С. 121–122.
- ³²⁷ Шишлов А.В. Раскопки могильника античного времени в пос. Южная Озереевка близ Новороссийска // АО 1995 г. М., 1996. С. 247–248.
- ³²⁸ Кубланов М.М. К истории азиатского Боспора: (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан) // СА. 1959. № 29–30. С. 203–226; Паромов Я.М. Опыт истории... С. 132.
- ³²⁹ Шелов Д.Б. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 228–231; Археологические экспедиции... С. 174.
- ³³⁰ Сокольский Н.И. Ильичевское городище // СА. 1966. № 4. С. 125–140; Николаева Э.Я. Работы Ильичевского отряда Таманской экспедиции // АО 1977 г. М., 1978. С. 133; Она же. Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Она же. Ильичевское городище // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани: Сб. статей: Таманский музейный комплекс. Тамань, 1996. Раздел II: Тамань археологическая. С. 29–33.
- ³³¹ Устаева Э.Р. Ильичевское городище // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Раздел II. С. 58–60.
- ³³² Завойкин А.А. Раскопки в прибрежной части Ильичевского городища // АО 1996 г. М., 1997. С. 204–205.
- ³³³ Сокольский Н.И. Раскопки античного поселения около станицы Таманской // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 49–57; Она же. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1. С. 179–191; Она же. Город Кепы и крепости Фанталовского полуострова // Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964. С. 48–50; Она же. Ильичевское городище // СА. 1966. № 4. С. 125–140; Она же. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 108–115; Она же. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 21–30.
- ³³⁴ Десятчиков Ю.М. Фанталовские батарейки // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Раздел II. С. 41–44.
- ³³⁵ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976; Толстиков В.П. Фортификация античного Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; Она же. Фанталовский укрепленный район в истории Боспорского царства // Археология. 1989. № 1. С. 52–65; Она же. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 46; Паромов Я.М. К вопросу о пространственном размещении крепостей Фанталовского полуострова // ДБ. 2003. № 6. С. 95–103.
- ³³⁶ Сокольский Н.И. Таманский толос...; Паромов Я.М. Укрепленные дома Азиатского Боспора // БФ. 2001. Ч. 1. С. 80.
- ³³⁷ Сорокина Н.П., Воронов А.А., Мелкумян Л.М., Стручалина Р.А. Раскопки второго городища у пос. «За Родину» Темрюкского района Краснодарского края // АО 1977 г. М., 1978. С. 143–144; Сорокина Н.П. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на Азиатском Боспоре // Причерноморье в эллинистическую эпоху: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1982 г.). Тбилиси, 1985. С. 374–382.
- ³³⁸ Патрей: Материалы и исследования. М., 1999. Вып. 1; М., 2005. Вып. 2; М., 2001. Вып. 3; М., 2007. Вып. 4.
- ³³⁹ Акимов В.О. Предварительные итоги охранных раскопок «батарейки» городища Патрей // АО 2001 г. М., 2002. С. 247, 249; АО 2003 г. М., 2004. С. 239–241; Абрамов А.П., Акимов В.О., Васильев А.Г., Гуленко К.А. Исследования Патрейского отряда Таманской экспедиции // АО 2002 г. М., 2003. С. 223–225.
- ³⁴⁰ Паромов Я.М. Археолого-топографический план Патрея // БС. 1993. № 3. С. 136–162; Абрамов А.П. Патрей, раскопки 1990–1991 гг. // БС. 1994. № 4. С. 125–140; Она же. Городище Патрей. Периодизация и топография // Патрей... Вып. 1. С. 3–32; Она же. Патрей // Патрей... Вып. 2. С. 7–53.
- ³⁴¹ Таскаев В.Н. Подводные исследования в Таманском заливе // АО 1995 г. М., 1996. С. 244–245; Она же. Подводные исследования на затопленной части «нижнего города» Патрея // АО 1998 г. М., 2000. С. 213–215; Она же. Подводная археология и палеографическая реконструкция древнего Патрея // Патрей... Вып. 1. С. 50–63; Таскаев В.Н., Османова С.Р. Античный Патрей: Итоги подводных исследований. М., 2001.
- ³⁴² Десятчиков Ю.М., Чернов Ю.В. Раскопки городища Кучугуры // АО 1976 г. М., 1977. С. 95–96; Десятчиков Ю.М., Зайцев А.К., Чернов Ю.В. Разведки Кучугурского отряда // АО 1977 г. М., 1978. С. 117; Десятчиков Ю.М., Мирошина Т.В. Работы Таманской экспедиции // АО 1986 г. М., 1988. С. 123–124.
- ³⁴³ Десятчиков Ю.М., Чернов Ю.В. Раскопки городища Кучугуры. С. 95–96; Десятчиков Ю.М. Азиатский Киммерик // Всесоюзная археологическая конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку, 1985. С. 131–132; Она же. К истории Азиатского Киммерика // I Кубанская археологическая конф.: Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 58–59; Она же. Некоторые аспекты внутрибоспорской колонизации // II Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 32; Бонин А.В. Античное сельское поселение Кучугуры 2 на Таманском полуострове // ДБ. 2005. № 8. С. 25–38.
- ³⁴⁴ Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // ДБ. 2006. № 10. С. 380.
- ³⁴⁵ Ср.: Завойкин А.А. Киммерика – полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. 1997. Т. 4, ч. 1. С. 130–136.
- ³⁴⁶ Мирошина Т.В. Раскопки некрополя у пос. Кучугуры // АО 1985 г. М., 1987. С. 147–148; Десятчиков Ю.М., Мирошина Т.В. Работы Таманской экспедиции. С. 123–124; Паромов Я.М. Скифские погребения

- на Таманском полуострове. С. 72–73.
- ³⁴⁷ Десятчиков Ю.М. Ст. Голубицкая // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Раздел II. С. 8–9.
- ³⁴⁸ Ср.: Сударев Н.И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея // ДБ. 1998. № 1. С. 237–249 (автор отождествляет Пересыпное городище с Герусой Птолемея).
- ³⁴⁹ Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 году // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 70–73; Она же. Древняя Тирамба // ВДИ. 1963. № 3. С. 126–131; Она же. Тирамба (городище и некрополь): Итоги археологических работ экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 гг. // СГМИИ. 1968. Вып. 4. С. 54–84; Она же. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 3–70; АГСП. С. 87; ГППАЭ. С. 271–272; Паромов Я.М., Сударев Н.И. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба») // ДБ. 2000. № 3. С. 201–220.
- ³⁵⁰ Калашиников М.В. Археологические исследования на комплексе памятников Красноармейский I // I Кубанская археологическая конф. С. 59–60; Он же. Раскопки поселения Красноармейское В // Древности Кубани. Краснодар, 1991. С. 48–50; Он же. Работа Запорожской экспедиции ИА АН СССР в 1989–1990 гг. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992. С. 25–29; Чхаидзе В.Н. Позднеантичные склепы у пос. Красноармейское на Таманском полуострове // БФ. 2007. Ч. 1. С. 247–253.
- ³⁵¹ См.: Стручалина Р.А. Поселение на Фонталовском полуострове... С. 116–130.
- ³⁵² Завойкин А.А., Сударев Н.И. Итоги исследований на памятнике «Береговой 4» в 1999–2000 гг.: (Предварительная информация) // Патрей... Вып. 2. С. 61–75; Сударев Н.И. Археологические исследования Северо-Таманской экспедиции на поселениях и некрополях Береговой 4, Голубицкая, Ильичевская крепость // АО 2005 г. М., 2007. С. 338–341.
- ³⁵³ Сударев Н.И., Шамрай А.Н. Результаты археологических разведок под водой у поселения «Береговой-4» на Таманском полуострове (2002–2004 гг.) // VI БЧ. 2005. С. 284–294.
- ³⁵⁴ Завойкин А.А. Святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове: Природная среда и сакральная топография // ВДИ. 2006. № 3. С. 61–76.
- ³⁵⁵ Сударев Н.И. Поселение и некрополь «Береговой 4»: (Итоги исследований в 1999–2005 г.) // VII БЧ. 2006. С. 271–281.
- ³⁵⁶ Савостина Е.А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани // СА. 1987. № 1. С. 58–71.
- ³⁵⁷ Яценко С.А. Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья конца IV – I половины III в. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир: (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989. С. 124–125; Он же. Образы сармато-аланов в искусстве северопонтийских греков // БФ. 2004. Ч. 2. С. 322.
- ³⁵⁸ Античная скульптура из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1987. С. 186–189; Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М., 2001.
- ³⁵⁹ Таманский рельеф: Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. М., 1999.
- ³⁶⁰ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганного некрополя у поселения «Виноградное 7» в окрестностях Фанагории // БФ. 2007. Ч. 1. С. 229–236.
- ³⁶¹ Николаенко Т.Д. Женская мраморная головка с Таманского полуострова // БС. 1993. № 2. С. 99–110.
- ³⁶² Сударев Н.И. Работы Некропольского отряда Фанагорийской экспедиции // АО 2003 г. М., 2004. С. 288.
- ³⁶³ Завойкин А.А., Сударев Н.И. Исследования на поселении Приазовский 4 // АО 1998 г. М., 2000. С. 188–190; Они же. Археологические исследования на поселении Приазовский 4 // ПИФК. 1999. Вып. 7. С. 388–391.
- ³⁶⁴ Десятчиков Ю.М., Зайцев А.К., Чернов Ю.В. Разведки Кучугурского отряда. С. 117.
- ³⁶⁵ Паромов Я.М. Краткий обзор новостроечных и хозяйственных исследований на Таманском полуострове. С. 107.
- ³⁶⁶ Соловьев С.Л., Бутягин А.М., Вахтина М.Ю., Рогов Е.Я. Сельские памятники окрестностей Гермонассы: поселение Волна 1 // АО 1996 г. М., 1997. С. 227–228; Соловьев С.Л., Бутягин А.М., Власова Е.В. Исследования некрополя Нимфея и сельских памятников Гермонассы // Отчетная археологическая сессия за 1996 г.: Тез. докл. / ГЭ. СПб., 1997. С. 16–22; Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Комплексная научно-исследовательская программа «Синдский остров»: Краткие итоги кампаний 1996–1997 гг. // ТС. 1998. Вып. 1. С. 37–47; Они же. Южно-Таманская комплексная археологическая экспедиция в 1998 г. // Отчетная археологическая сессия за 1998 г.: Тез. докл. / ГЭ. СПб., 1999. С. 19–20; Они же. Южно-Таманская комплексная археологическая экспедиция // АО 1998 г. М., 2000. С. 212–213; Соловьев С.Л., Рогов Е.Я., Бутягин А.М. Южно-Таманская античная комплексная экспедиция // АО 1997 г. М., 1999. С. 190–192; Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Южно-Таманская комплексная археологическая экспедиция в 1999 г. // Отчетная археологическая сессия за 1999 г.: Тез. докл. / ГЭ. СПб., 2000. С. 20–23; Они же. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // ТС. 2002. Вып. 4. С. 67–80; Соловьев С.Л. Хора Борисфена, Ольвии, Нимфея и Гермонассы: Результаты исследований и сравнительный анализ // ТС. 2000. Вып. 3. С. 163–166; Он же. Южно-Таманская античная комплексная археологическая экспедиция в 2000 г. // Отчетная археологическая сессия за 2000 г.: Тез. докл. / ГЭ. СПб., 2001. С. 16–17; Он же. Южно-Таманская античная комплексная археологическая экспедиция в 2001 г. // Отчетная археологическая сессия за 2001 г.: Тез. докл. / ГЭ. СПб., 2002. С. 20–24; Он же. Хора Гермонассы: Итоги исследования // ТС. 2002. Вып. 4. С. 33–60.
- ³⁶⁷ Виноградов Ю.А. Раскопки поселения Артющенко I // АО 2000 г. М., 2001. С. 122–123; Он же. Архаические комплексы поселения Артющенко I // ТС. 2002. Вып. 4. С. 61–66.
- ³⁶⁸ Кашаев С.В. Раскопки поселения Артющенко-2 // АО 2000 г. М., 2001. С. 131–132; Он же. Работы Российско-германского отряда на

- поселении Вышестеблиевская-11 // АО 2001 г. М., 2002. С. 275–276; *Он же*. Несколько комплексов римского времени из раскопок поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // III БЧ. 2002. С. 122–131; *Он же*. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН (1998–2004 гг.) // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья: Материалы науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.Ф. Гайдукевича. СПб., 2005. С. 64–70; *Он же*. Погребальный обряд некрополя Артющенко-2 // БФ. 2007. Ч. 1. С. 211–217; *Рогов Е.Я., Кашаев С.В.* Работы Российско-германского отряда на поселении Вышестеблиевская-11 // АО 2000 г. М., 2001. С. 139–141; *Они же*. Комплекс чернолаковой керамики из раскопок поселения Вышестеблиевская-11 // АВ. 2002. № 9. С. 124–135; *Кашаев С.В., Виноградов Ю.А.* Боспорская экспедиция ИИМК РАН // АО 2002 г. М., 2003. С. 233–235; *Рогов Е.Я., Кашаев С.В., Форназир Й.* Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // БИ. 2005. Вып. 8. С. 177–217; *Кашаев С.В., Андреева О.В.* Работы Таманского отряда // АО 2004 г. М., 2005. С. 297–300; *Кашаев С.В., Павлова М.С., Цинько А.С.* Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК // АО 2005 г. М., 2007. С. 316–319.
- ³⁶⁹ *Ломтадзе Г.А.* Поселение «Ахтанизовская 4» // АО 2006 г. М., 2009.
- ³⁷⁰ *Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Паромов Я.М., Штюмпель Х.* Разведки на Таманском полуострове // АО 2006 г. М., 2009; *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* Работы российско-германской экспедиции на Таманском полуострове // АО 2007 г. М. (в печати).
- ³⁷¹ *Воронов А.А., Михайлова М.Б.* Боспор Киммерийский. С. 125.
- ³⁷² *Паромов Я.М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 69–76; *Он же*. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 72–78; *Он же*. Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани: Мат-лы семинара. Краснодар, 1990. С. 56–69.
- ³⁷³ *Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова; *Он же*. Методика разработки современной археологической карты Таманского полуострова // Древности юга России: Сб. статей памяти А.Г. Атавина. М., 2008. С. 198–210. Далеко не все специалисты восприняли методику и результаты исследований, лежащих в основе археологической карты, и исторические выводы, опубликованные Паромовым (см. например: *Горлов Ю.В.* К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 2007. № 11. С. 88–89). Археологический факт – критерий истины, поэтому лишь раскопки смогут доказать правоту одной из сторон в спорах при определении размеров, структуры, датировки конкретных поселений.
- ³⁷⁴ *Паромов Я.М.* Главные дороги Таманского полуострова // ДБ. 1998. № 1. С. 216–225; *Он же*. Таманский полуостров: Введение. Памятники ранневизантийской эпохи (IV–VII вв.). Историографический очерк // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 146–152.
- ³⁷⁵ *Паромов Я.М.* О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // АВ. 2000. № 7. С. 309–319; *Он же*. Пространственная организация античной системы расселения на Таманском полуострове (селитебные зоны) // ТС. 2000. Вып. 3. С. 39–42.
- ³⁷⁶ *Требелева Г.В., Горлов Ю.В.* Применение геоинформационных систем-технологий в комплексных палеогеографических и археологических исследованиях на Тамани и Абхазском побережье // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 434–441.
- ³⁷⁷ *Гарбузов Г.П., Мюллер К., Горлов Ю.В.* Использование геоинформационных технологий в Таманском региональном археологическом проекте // БФ. 2001. Ч. 2. С. 246–249.
- ³⁷⁸ *Горлов Ю.В.* Исследования в рамках Таманского регионального археологического проекта (ТРАП) в 1998 г. // ПИФК. 1999. Вып. 7. С. 365–367; *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаи Э., Мюллер К.* К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 248–257.
- ³⁷⁹ *Горлов Ю.В.* К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 2007. № 11. С. 86–105.
- ³⁸⁰ *Гарбузов Г.П., Лисецкий Ф.Н., Голусов П.В.* Древняя система землеустройства у пос. Гаркуша (Таманский полуостров) // ДБ. 2004. № 7. С. 100–116; *Гарбузов Г.П.* Структура древнего землеустройства Таманского полуострова // РА. 2003. № 3. С. 61–70; *Он же*. Древнее землеустройство нелинейного типа и характеристики современного ландшафта Таманского полуострова // ДБ. 2006. № 9. С. 36–66; *Он же*. Геоинформационные системы и дистанционное зондирование Земли в археологических исследованиях (на примере Таманского полуострова): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; *Он же*. Краткий обзор древнего землеустройства Таманского полуострова // ДБ. 2007. № 11. С. 59–85.
- ³⁸¹ *Армарчук Е.А., Мальшев А.А.* Изучение эволюции систем расселения на Северо-Западном Кавказе на примере памятников Черноморья // АО 2000 г. М., 2001. С. 118–120.
- ³⁸² *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Требелева Г.В.* Юго-западное побережье Таманского полуострова в античную эпоху // ДБ. 2006. № 9. С. 67–76; *Требелева Г.В.* Организация обороны Тамани во II – середине III в. н.э.: Историческое моделирование на основе ГИС-технологий // ПИФК. 2006. Вып. 16/1. С. 88–97.
- ³⁸³ *Анфимов Н.В.* Новые данные к истории Азиатского Боспора // СА. 1941. № 7. С. 258–267; *Он же*. Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 238–244; *Он же*. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 99–111; *Он же*. Терракоты Семибратнего городища // Тайны терракоты. Краснодар, 1987. С. 177–199; *Вдовиченко И.И.* Расписная керамика Семибратнего городища (из раскопок Н.В. Анфимова. – И.Т.) // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 32–35.
- ³⁸⁴ *Толстиков В.П.* Эллинистические элементы в фортификационных си-

- стемах Боспора // Причерноморье в эллинистическую эпоху: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1982). Тбилиси, 1985. С. 356–359; ГППАЭ. С. 64–65.
- ³⁸⁵ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 99–100.
- ³⁸⁶ Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 34–48; Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвячительной надписи Левкона I с Семибратнего городища // Hyperboreus. 1998. Vol. 4, Fasc. 2. С. 286–302; Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп: (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) // ВДИ. 2002. № 3. С. 3–22; Яйленко В.П. Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. 2004. № 7. С. 425–445.
- ³⁸⁷ Горончаровский В.А. Новые данные о Семибратнем городище на Кубани // Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 65–67; Он же. Проблемы хронологии Семибратнего городища // БФ. 2004. Ч. 2. С. 56–60; Он же. Исследование южной части Семибратнего городища (Лабриса) в 2001–2005 гг. // EYXAPICTHPION: Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 50–56.
- ³⁸⁸ Виноградов Ю.А., Кашаев С.В. Отдел истории античной культуры // Записки ИИМК РАН. 2006. № 1. С. 144.
- ³⁸⁹ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. С. 224.
- ³⁹⁰ Анфимов Н.В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 170–177; Он же. Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского) // Скифский мир. Киев, 1975. С. 35–51.
- ³⁹¹ Он же. Раскопки близ станицы Старонижестеблиевская // АО 1986 г. М., 1988. С. 107.
- ³⁹² Хачатурова Е.А. Памяти Н.В. Анфимова // РА. 1999. № 4. С. 247–252.
- ³⁹³ Смирнов К.Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской // МИА. 1958. № 64. С. 272–312.
- ³⁹⁴ Археологические экспедиции... С. 150–151, 159–160.
- ³⁹⁵ Там же. С. 179.
- ³⁹⁶ Там же. С. 192.
- ³⁹⁷ Шилов В.П. О расселении меотских племен // СА. 1950. № 14. С. 102–123; Он же. Население Прикубанья конца VII – середины IV в. до н.э. по материалам городищ и грунтовых могильников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Л., 1951; Он же. Синдские монеты // СА. 1951. № 15. С. 204–215; Он же. Новые данные о Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. // СА. 1955. № 23. С. 228–249.
- ³⁹⁸ Анфимов Н.В. Денежное обращение на Елизаветинском городище – эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2. С. 157–165; ГППАЭ. С. 63–64.
- ³⁹⁹ Волков И.Г. Раскопки Елизаветинского 2-го могильника // АО 1978 г. М., 1979. С. 119; Анфимов И.Н. Меотский могильник I–II вв. н.э. близ ст. Елизаветинской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. С. 83–111.
- ⁴⁰⁰ Каталог памятников старины и культуры Краснодарского края. Краснодар, 1986.
- ⁴⁰¹ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 128–129.
- ⁴⁰² Он же. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 183–190.
- ⁴⁰³ Он же. Древнее золото Кубани. С. 178–179.
- ⁴⁰⁴ Анфимов И.Н. Древнемеотский могильник близ г. Абинска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981. С. 48–59; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 180–181, 186.
- ⁴⁰⁵ Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 79.
- ⁴⁰⁶ Анфимов Н.В. Курганный комплекс сарматского времени с р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 194; Он же. Древнее золото Кубани. С. 180–181; Анфимов И.Н. Погребальный комплекс II в. до н.э. у хут. Элитный // Новое в археологии Северного Кавказа. С. 190–197; Марченко И.И. К вопросу о датировке Элитного и Новоджерелиевского комплексов // Древности Кубани. Краснодар, 1987. С. 49–50.
- ⁴⁰⁷ Ждановский А.М., Тарабанов В.А. Раскопки могильника в ауле Ленинахабль // АО 1975 г. М., 1976. С. 121.
- ⁴⁰⁸ Ждановский А.М., Дитлер П.А. Курганный могильник близ аула Начерзий // АО 1976 г. М., 1977. С. 97–98.
- ⁴⁰⁹ Ждановский А.М., Скрипкин В.П. Новые данные о Золотом кладбище // АО 1977 г. М., 1978. С. 119–120; Ждановский А.М. Грунтовый могильник начала н.э. у станицы Тбилисской // Крупновские чтения-9. Элиста, 1979. С. 35; Он же. Исследования в Тбилисском районе Краснодарского края // АО 1979 г. М., 1980. С. 106–107 (курган у хут. Песчаного); Он же. Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотого кладбища» // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 38–45; Он же. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков н.э. // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 72–99; Он же. Новое погребение кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 102–116; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 182–183.
- ⁴¹⁰ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. С. 38.
- ⁴¹¹ Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 52; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 138.
- ⁴¹² Щукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1992. Ч. 1. С. 112.
- ⁴¹³ Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры. С. 51.
- ⁴¹⁴ Анфимов Н.В. Раскопки на Кубани // АО 1971 г. М., 1972. С. 140–142; Он же. Раскопки на правом берегу р. Кубань // АО 1972 г. М., 1973. С. 109–110; Он же. Гончарные печи Старо-Корсунского второго городища // АО 1974 г. М., 1975.

- С. 95–96; *Анфимов И.Н.* Меотские гончарные печи I–III вв. н.э.: (Старокорсунское городище № 2) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 65–91; *Лимберис Н.Ю.* Охранные раскопки на берегу Краснодарского водохранилища // АО 1982 г. М., 1984. С. 127–128; *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Исследование могильников городищ № 1 и № 3 в районе Краснодарского водохранилища // Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985. С. 51–53; *Аптекарев А.З.* Комплекс вещей V в. до н.э. из станции Старокорсунской // СА. 1986. № 4. С. 245–249; *Каминский В.Н.* Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара // СА. 1987. № 2. С. 254–259; *Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В.* Результаты работ Краснодарской экспедиции // АО 1995 г. М., 1996. С. 226–228; *Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В., Марченко И.И.* Охранные раскопки Краснодарской экспедиции // АО 1996 г. М., 1997. С. 215–216; *Они же.* Раскопки Краснодарской археологической экспедиции // АО 1997 г. М., 1999. С. 175–178 (могильники Старокорсунского 2 городища); *Лимберис Н.Ю.* Охранные раскопки на северном берегу Краснодарского водохранилища // АО 1998 г. М., 2000. С. 195–196; *Ловпаче Н.Г.* Проблема исследования археологических памятников на южном побережье Краснодарского водохранилища // Материалы к научно-практическому семинару археологов. Краснодар, 1984. С. 16–18.
- ⁴¹⁵ *Куликова О.П.* Исследование меотского могильника у хутора им. Ленина // АО 1980 г. М., 1981. С. 107; *Ждановский А.М.* Работы на городище II у хутора им. Ленина // АО 1980 г. М., 1981. С. 102–103; *Лимберис Н.Ю.* Охранные раскопки на берегу Краснодарского водохранилища // АО 1982 г. М., 1984. С. 127–128; *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Исследование городищ у хутора Ленина в 1982–1983 гг. // Материалы к научно-практическому семинару археологов. Краснодар, 1984. С. 15–16; *Они же.* Исследование могильников городищ № 1 и № 3 у хутора Ленина // Там же. С. 13–15; *Аптекарев А.З.* Раскопки могильника городища II у хутора им. Ленина // АО 1980 г. М., 1981. С. 95; *Он же.* Античный керамический импорт IV–III вв. до н.э. из Среднего Прикубанья // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М., 1981. С. 13–14.
- ⁴¹⁶ *Скрипкин А.С.* Археологические раскопки в Кавказском районе Краснодарского края // Материалы к научно-практическому семинару археологов. Краснодар, 1984. С. 21–22; *Игнатов В.Н., Скрипкин А.С.* Исследование курганов на средней Кубани // АО 1983 г. М., 1985. С. 118–119.
- ⁴¹⁷ *Аптекарев А.З.* Шлем – подражание из Прикубанья // Древности Кубани: Материалы к семинару. Краснодар, 1986. С. 7–8.
- ⁴¹⁸ *Raev B.A., Bepalyi E.L.* The «Vorontsovski 3» Kurgan, Krasnodar Region // ADALYA. 1998. Vol. 3. P. 129–148.
- ⁴¹⁹ *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. С. 179–180.
- ⁴²⁰ *Сазонов А.А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 244–274.
- ⁴²¹ *Шевченко Н.Ф.* Погребения сарматского времени из курганов на окраине хут. Пролетарского Краснодарского края // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Баку, 1985. С. 369–371.
- ⁴²² *Игнатов В.Н.* Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 65–68.
- ⁴²³ *Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В.* Сарматское погребение у ст. Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. С. 228–234; *Каминский В.Н.* Раскопки курганов у ст. Михайловской в Закубанье // АО 1985 г. М., 1987. С. 139–140; *Он же.* Сарматские погребения в курганах эпохи бронзы у ст. Михайловской // Задачи советской археологии в свете решений XVII съезда КПСС. М., 1987. С. 108–109.
- ⁴²⁴ *Каминский В.Н., Берлизов Н.Е.* Исследование курганов в Закубанье // АО 1986 г. М., 1988. С. 127.
- ⁴²⁵ *Тарабанов В.А., Кондрашев А.В.* Раскопки курганов в станице Новокорсунской // АО 1985 г. М., 1987. С. 154–156.
- ⁴²⁶ *Шаталин Ю.А.* Раскопки курганов в г. Тимашевске Краснодарского края // АО 1985 г. М., 1987. С. 160–161; *Каминский В.Н.* Сарматские погребения из Тимашевского кургана в Степном Прикубанье // Древности Кубани: (Материалы к семинару). Краснодар, 1986. С. 25–26.
- ⁴²⁷ *Лопатин А.П.* Раскопки кургана у ст. Спокойной Отрадненского района Краснодарского края // АО 1993 г. М., 1994. С. 115.
- ⁴²⁸ *Дитлер П.А.* Меотский могильник в карьере Майкопского кирпичного завода № 2 // Сборник трудов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1977. С. 68–110.
- ⁴²⁹ *Ловпаче Н.Г.* Раскопки Псекупского могильника // АО 1982 г. М., 1984. С. 128–129; *Ловпаче Н.Г., Тов А.А.* Некоторые материалы из Псекупского могильника эпохи железа и средневековья // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983. С. 33–47.
- ⁴³⁰ *Сазонов А.А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 244–274.
- ⁴³¹ *Сорокина И.А.* Курганные могильники Закубанья. Краснодар, 2001.
- ⁴³² *Каменецкий И.С.* Работы в Краснодарском крае // АО 1979 г. М., 1980. С. 108–110; *Он же.* Могильник Лебеди III // АО 1980 г. М., 1981. С. 103; *Он же.* Разведки и раскопки в бассейне Кубани // АО 1982 г. М., 1984. С. 121–122; *Мелешко Б.В., Гей А.Н., Каменецкий И.С.* Разведки в Краснодарском крае // АО 1995 г. М., 1996. С. 232–234.
- ⁴³³ *Каменецкий И.С.* Тбилиское X городище // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 192–204.
- ⁴³⁴ *Он же.* Датировка Пашковского городища 6 на Кубани // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 94–99; *Он же.* Меотские городища на Кубани // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 194–208.
- ⁴³⁵ *Козенкова В.И.* Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровская (Краснодарский край) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 72–91.
- ⁴³⁶ *Гей А.Н., Ульянова О.А.* Раскопки курганов в степном Закубанье // АО 1982 г. М., 1984. С. 114.
- ⁴³⁷ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Бочковой В.В.* Новостроечные рабо-

- ты Краснодарской археологической экспедиции // АО 1998 г. М., 2000. С. 196–198; *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Импортная и местная керамика из погребений нового меотского могильника в Прикубанье // БФ. 2001. Ч. 2. С. 153–160; *Они же.* О назначении некоторых предметов инвентаря и роли жертвенных животных в погребальном ритуале меотов IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника) // БФ. 2002. Ч. 2. С. 173–177.
- ⁴³⁸ *Шевченко Н.Ф.* Виноградный 1 – поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // В БЧ. 2004. С. 414–419.
- ⁴³⁹ *Шишлов А.В., Колпаков А.В., Федоренко Н.В.* Работы Новороссийского музея-заповедника // АО 2000 г. М., 2001. С. 143–145; *Они же.* Работы Новороссийского государственного исторического музея-заповедника // АО 2002 г. М., 2003. С. 263–264.
- ⁴⁴⁰ *Галанина Л.К.* Келермесские курганы...; *Она же.* К проблеме хронологии келермесских курганов // РА. 1994. № 1. С. 92–107; *Она же.* Скифские гробницы в Келермесе // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 140–159; *Она же.* Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа: Келермесские курганы. СПб., 2006.
- ⁴⁴¹ *Сатеев О.И., Ульянов О.А.* Работы Карагодеуашхского отряда в 1988–1989 гг. // КСИА. 1993. Вып. 210. С. 85–89.
- ⁴⁴² *Эрлих В.Р.* Относительная и абсолютная хронология Ульских курганов. С. 77–78; *Галанина Л.К., Лесков А.М., Ксенофонтова И.В., Переводчикова Е.В., Эрлих В.Р.* Ульские курганы (в печати).
- ⁴⁴³ *Лесков А.М.* Трехлетние раскопки Кавказской экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в Адыгейской автономной области // Крупновские чтения–13. Майкоп, 1984. С. 11–13; Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985; *Leskov A.M.* Grabschätze der Adugeen: Neue Entdeckungen im Nordkaukasus. München, 1990; *Ксенофонтова И.В.* Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульских) курганов // РА. 1992. № 4. С. 163–169; *L'or des Amazones: Peuples nomads entre Asie et Europe (VI siècle av. J.-C. – IV siècle apr. J.-C.).* Р., 2001; *Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Бронзолитейное искусство VIII–III вв. до н.э. из курганов Адыгеи. М., 2006.
- ⁴⁴⁴ *Ксенофонтова И.В.* Серебряный ритон с протомай Пегаса из IV Уляпского кургана // ВДИ. 1997. № 2. С. 60–78; *Власова Е.В.* О рогах для питья из Уляпского кургана № 4 // ТС. 2002. Вып. 4. С. 139–152.
- ⁴⁴⁵ *Ксенофонтова И.В.* Панафинейские амфоры из коллекции Государственного музея Востока // ВДИ. 2000. № 4. С. 181–185; *Она же.* Античные импорты Уляпских святилищ // БФ. 2001. Ч. 2. С. 119–124.
- ⁴⁴⁶ *Она же.* Античные импорты Уляпских святилищ. С. 124.
- ⁴⁴⁷ *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М., 1994; *Лесков А.М., Эрлих В.Р.* Могильник Фарс / Клады: Памятник перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. М., 1999.
- ⁴⁴⁸ *Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е.* Исследование кургана 2 могильника Уашиху I в Адыгее // АО 2005 г. М., 2007. С. 350–354.
- ⁴⁴⁹ *Носкова Л.М., Эрлих В.Р., Мкртычев Т.К., Днепровский К.А.* Археология в Государственном музее Востока // РА. 2000. № 3. С. 154–169; *Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н.э.: Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М., 2005. С. 5.
- ⁴⁵⁰ *Носкова Л.М.* Раскопки на Нововочепшійском городище // Крупновские чтения–13. С. 13–14.
- ⁴⁵¹ *Сазонов А.А.* Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 84–107; *Он же.* Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинхабль на р. Пшиш // Там же. С. 73–83.
- ⁴⁵² *Беглова Е.А., Эрлих В.Р.* Исследование Тенгинского грунтового могильника // АО 1997 г. М., 1999. С. 161–162; *Беглова Е.А.* Ритуальный комплекс Тенгинского могильника // ТС. 2000. Вып. 3. С. 79–81; *Ксенофонтова И.В.* Античные импорты Тенгинского могильника и Ульских курганов // Там же. С. 81–84; *Эрлих В.Р.* Работы на некрополе Тенгинского II городища // АО 2000 г. М., 2001. С. 145–147; *Он же.* Святилища некрополя II Тенгинского городища в Краснодарском крае // Вестник РГНФ. 2006. № 3. С. 37–49; *Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Уникальные навершия из святилища у станции Тенгинской // КСИА. 2005. Вып. 219. С. 51–58.
- ⁴⁵³ *Эрлих В.Р.* Святилища в меотской культуре Закубанья скифского времени: (к постановке проблемы) // БФ. 2001. Ч. 2. С. 115–119; *Он же.* Украшения из тенгинских святилищ // БФ. 2002. Ч. 2. С. 232–236; *Он же.* Исследование святилища на некрополе Тенгинского городища II (предварительная публикация) // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском... С. 216–226; *Беглова Е.А.* Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. М., 2005. Вып. 4. С. 166–181.
- ⁴⁵⁴ *Эрлих В.Р.* Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. № 1. С. 170.
- ⁴⁵⁵ *Эрлих В.Р., Вальчак С.Б.* Протомеотские погребения могильника Пшиш I // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 85–123; *Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). М., 2007.
- ⁴⁵⁶ *Беглова Е.А.* Погребения зубовско-воздвиженской группы из ст. Воздвиженской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007. С. 376–400.
- ⁴⁵⁷ *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 17.
- ⁴⁵⁸ *Латышев В.В.* ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 60–128, 171–178, 201–217, 244–258, 279–283, 298–302, 335–357, 376–415.
- ⁴⁵⁹ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор... С. 1–156.
- ⁴⁶⁰ *Жебелёв С.А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 21–37, 48–73, 82–216, 254–290, 303–359.
- ⁴⁶¹ ГПСПАЭ; *Зубарев В.Г.* Античная география Европейского Боспора по Клавдию Птоломею // ДБ. 1998. № 1. С. 105–124; *Он же.* Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // ДБ. 1999. № 2. С. 123–146; *Он же.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.

- ⁴⁶² Рукопись 2-го тома IOSPE см.: ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 34/1–11.
- ⁴⁶³ Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I. С. 34–48; Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации... С. 286–302; Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп... С. 3–22; Яйленко В.П. Вотив Левкона I из Лабриса... С. 425–445.
- ⁴⁶⁴ Соколова О.Ю. Новая надпись из Нимфея (предварительное сообщение) // ДБ. 2001. № 4. С. 368–376; Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Nyrboreus*. 2002. Vol. 8, Fasc. 1. С. 99–121.
- ⁴⁶⁵ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 155–172; Он же. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 227–243.
- ⁴⁶⁶ Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951.
- ⁴⁶⁷ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Т. I–II.
- ⁴⁶⁸ Обзор дискуссий см.: Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. в свете новых исследований // *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 1992. С. 187–247.
- ⁴⁶⁹ Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1926–1966. Вып. 1–9; Зограф А.Н. Античные золотые монеты Кавказа // *Археологические работы академии на ново-стройках / ИГАИМК*. М.; Л., 1935. С. 178–192; Он же. Распространение находок античных монет на Кавказе // *Труды Отдела нумизматики ГЭ*. Л., 1945. Т. 1. С. 29–86; Кропоткин В.В. Римские монеты на территории СССР. М., 1961.
- ⁴⁷⁰ Аптекарев А.Э. К вопросу о восточной границе Боспорского царства во 2-й половине IV – 1-й половине III в. до н.э. // *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье*. Новочеркасск, 1987. С. 29–30.
- ⁴⁷¹ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет на Юге России (по материалам Краснодарского края). М., 2002. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Симферополь; Керчь, 2007–2008. Т. 1: 1834–2005 гг.
- ⁴⁷² Смирнов А.П. Скифы. М., 1966; Граков Б.Н. Скифы. М., 1971; Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л., 1974; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975; Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984; Он же. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990; Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992; Алексеев А.Ю. Скифская хроника: (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: Историко-археологический очерк). СПб., 1992; Он же. Хронография Европейской Скифии...; Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994; Брумяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до н.э.). Кишинев, 2005.
- ⁴⁷³ Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М., 1964; Он же. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990; Он же. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997.
- ⁴⁷⁴ Каменецкий И.С. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар, 2000; Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2005.
- ⁴⁷⁵ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: Этнокультурная принадлежность. СПб., 1993; Тохтасьев С.Р. Источниковедческие проблемы истории киммерийцев: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999; Иванчик А.И. Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996; Он же. Киммерийцы и скифы. М., 2001; Он же. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной традиции. М., 2005; Рябкова Т.В. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- ⁴⁷⁶ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии: Загадки истории древних Ариев. М., 1974; Они же. От Скифии до Индии: Древние арии: Мифы и история. 2-е изд. М., 1983; Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977; Он же. Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985. Переизданы в кн.: Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006; Он же. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992; Raevskiy D. Scythian Mythology. Sofia, 1993; Schiltz V. Die Skythen und andere Steppenvölker. München, 1994; Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983; Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М., 2002.
- ⁴⁷⁷ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... С. 18; Он же. Киммерийцы и скифы. С. 61–63.
- ⁴⁷⁸ Подробнее см.: Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 70–72; Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 1989. С. 216–217. (Археология СССР: В 20 т.)
- ⁴⁷⁹ Иессен А.А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // *Вопросы скифо-сарматской археологии*. М.; Л., 1954. С. 112–132.
- ⁴⁸⁰ Он же. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР: (Новочеркасский клад 1939 г.) // *СА*. 1953. № 18. С. 49–110.
- ⁴⁸¹ Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М., 1970; Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973; Неверов О.Я. Античные камни в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1973; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie Früh- und Hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen, 1990; Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото...; Mordvineva V.I. Sarmatische Phaleren. Rahden, 2001 (Archäologie in Eurasien; Bd. 11);

- Treister M. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics. Leiden; Köln; Boston, 2001 (Colloquia Pontica; Vol. 8); Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье (2 в. до н.э. — 2 в. н.э.). В 3 т. Симферополь; Бонн, 2007.*
- ⁴⁸² *Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора; Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984; Греческие амфоры. Саратов, 1992; Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н.э. Саратов, 1989; Он же. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э. Саратов, 1999; Он же. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003; Абрамов А.П. Античные амфоры: Периодизация и хронология // БС. 1993. № 3; Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э.: (Морфология). М., 2003.*
- ⁴⁸³ См. например, давно устаревший по датировкам сводный труд: *Schefold K. Untersuchungen zu den kertscher Vasen. В.; Lpz., 1934.*
- ⁴⁸⁴ *Купина Н.Э. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья. Краснодар, 2003.*
- ⁴⁸⁵ *Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н.э. М., 1966; Она же. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н.э. М., 1970; Кропоткин В.В. Римские импортные изделия...*
- ⁴⁸⁶ *Кисель В.А. Шедевры ювелиров...*
- ⁴⁸⁷ *Малышев А.А. Античный импорт на Северном Кавказе (по материалам Прикубанья VI—I вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.*
- ⁴⁸⁸ *Он же. Боспор и Прикубанье во второй половине V — середине III в. до н.э. // ДБ. 2000. № 3. С. 104—130; Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII — первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.*
- ⁴⁸⁹ *Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии... С. 15, 25.*
- ⁴⁹⁰ *Беллова Е.А. Об этнической принадлежности Келермесского и Уляпского некрополей: (В свете последних исследований) // Культура и искусство народов Востока. М., 1987. С. 5—6; Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношения скифов с меотами: (По данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156—165.*
- ⁴⁹¹ *Балонов Ф.Р. Святилища скифского времени в Адыгее (Ульские и Уляпские курганы) // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология: Тез. докл. 2-й археологической конф. Кемерово, 1984. С. 12—15; Он же. Святилища скифской эпохи в Адыгее: (Интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 38—45; Сокровища курганов Адыгеи: Материалы Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока 1981—1983 гг.: Каталог выставки. М., 1985; Галанина Л.К., Лесков А.М. Ульские курганы как исторический источник // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1996. С. 13—15; Эрлих В.Р. Святилища в меотской культуре Закубанья скифского времени (к постановке проблемы) // БФ. 2001. Ч. 2. С. 115—119; Он же. Меотское святилище в Абхазии. С. 170—171.*
- ⁴⁹² *Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство; Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. В., 1971; Каллистов Д.П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952; Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956; Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961; Он же. Античная археология и история. М., 1985; Цветаева Г.А. Сокровища причерноморских курганов. М., 1968; Она же. Боспор и Рим. М., 1979; Крушккол Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971; Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973; Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время: (Очерки экономической истории). М., 1966; Она же. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975; Молев Е.А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976; Он же.*
- Боспор в эпоху эллинизма. Нижний Новгород, 1994; Он же. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995; АГСП. 1984; Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н.э. М., 1981; Он же. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI—IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 5—187; ГППАЭ; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора: Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV—V вв.). Белгород, 1996; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998; Русяева А.С., Зубарь В.М. Боспор Киммерийский: История и культура. Николаев, 1998; Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 366—420; Он же. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 1—33; Он же. Херсонес, Боспор и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 130—139; Он же. Очерки военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151—170; Он же. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V в.) // ВДИ. 1998. № 1. С. 233—246; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996; Он же. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002; Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999; Завойкин А.А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007.
- ⁴⁹³ *Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994; Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996; Дударев С.А. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991; Он же. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999; Иванчик А.И. Киммерийцы...;*

- Он же. Киммерийцы и скифы; Он же. Накануне колонизации...; Kazanski M., Mastyrkova A. Les peuples du Caucase du Nord: Le debut de l'histoire (Ier — VIIe siècle apr. J.-C.). P., 2003.
- ⁴⁹⁴ Виноградов Ю.А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 98–128.
- ⁴⁹⁵ Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955.
- ⁴⁹⁶ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. (Археология СССР; В 20 т.)
- ⁴⁹⁷ Качарова Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991.
- ⁴⁹⁸ Греки и варвары...
- ⁴⁹⁹ См., например: Билимович З.А. Античная художественная бронза: Каталог выставки / ГЭ. Л., 1985; Грач Н.Л., Давыдова Л.И., Залеская В.Н., Засецкая И.П., Неверов О.Я. Античное художественное серебро: Каталог выставки ГЭ. Л., 1985; Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки. М., 1987; На краю Ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в Государственном Историческом музее. 30 мая–15 августа 2002 г. М., 2002; Конь и всадник. Взгляд сквозь века: Каталог выставки в ГИМ. М., 2003.
- ⁵⁰⁰ Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // *МИА*. 1959. № 69. С. 257–295; Она же. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- ⁵⁰¹ Жебелёв С.А. Основные линии экономического развития Боспора // Северное Причерноморье. М., 1953. С. 117–118; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 5, 70–71.
- ⁵⁰² Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы... С. 120 сл.; Блаватский В.Д. Архаический Боспор // *МИА*. 1954. № 33. С. 42–43; Масленников А.А. Население Боспорского государства. С. 12.
- ⁵⁰³ Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997; Сударев Н.И. Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н.э.: Типы и хронология // *БФ*. 2004. Ч. 1. С. 208–219; Он же. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Савостина Е.А. Боспорские склепы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Она же. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // *СА*. 1986. № 2. С. 84–99; Она же. Многоярусные стелы Боспора: Семантика и структура // *Археология и искусство Боспора*. М., 1992. С. 357–386; Боспорские надгробные рельефы. Л., 1990; Tsetskhladze G.R. More on Bosporan Chamber Tombs // *ТС*. 1998. Вып. 1. P. 48–61; *Idem*. Who built the Scythian and Thracian Royal and Élite Tombs // *Oxford Journal of Archaeology*. 1998. Vol. 17, N 1. P. 55–92; Кучеревская Н.Л. Типы надгробных памятников античного Боспора и их хронологические рамки // *БФ*. 2004. Ч. 1. С. 219–224.
- ⁵⁰⁴ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966. С. 18–22, 25–28, 36–41, 68–77, 89–92; Хазанов А.М. Золото скифов. М., 1975; Лесков А.М. Курганы, находки, проблемы. Л., 1981; Анфимов Н.В. Курганы рассказывают. Краснодар, 1982; Он же. Древнее золото Кубани.
- ⁵⁰⁵ Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953; Максимова М.И. Артюховский курган. М., 1979; Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980; Она же. Келермесские курганы...
- ⁵⁰⁶ Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993; Она же. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997; Ждановский А.М. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н.э. – III в. н.э.: (По материалам курганных погребений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- ⁵⁰⁷ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954; Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990; Щукин М.Б. На рубеже эр.: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб., 1994; Он же. Готский путь. СПб., 2005.
- ⁵⁰⁸ Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989; Он же. Боспор: Хронология раннесредневековых древностей // *БС*. 1992. № 1. С. 6–108; Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975; Она же. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб., 1994; Она же. Степи Северного Причерноморья в гуннскую эпоху: Автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 1996; Боллов Н.Н. О характере отношений Боспора с гуннами в IV–VI вв. // *Боспор и античный мир*. Нижний Новгород, 1997. С. 21–29.
- ⁵⁰⁹ Литературу см.: Зуев В.Ю. О путях решения «проблемы III в. до н.э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // *Stratum plus*. 1999. Вып. 3: Скифский квадрат. С. 305–324; Он же. К разработке хронологии сарматских древностей II–I вв. до н.э. // *БФ*. 2001. Ч. 2. С. 171–185; Он же. Несколько заметок по ходу сарматской дискуссии // *БФ*. 2002. Ч. 2. С. 197–211; Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Мошкова М.Г. Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // *РА*. 2002. № 1. С. 101–112; Щукин М.Б. Река времени: (Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени) // *БФ*. 2004. Ч. 2. С. 261–276; Мошкова М.Г. Спорные вопросы сарматской археологии // *Древности скифской эпохи*. М., 2006. С. 210–224.
- ⁵¹⁰ Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа...; Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей...; Казанский М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // *МАИЭТ*. 1994/95. Т. 4. С. 238–257; Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999; Яценко С.А., Малашев В.Ю. О полихромном стиле позднеимперского времени на территории Сарматии // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 226–250; Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты

в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 77–91; *Левада М.Е.* «Другие германцы» в Северном Причерноморье // БИ. 2006. Вып. 11. С. 194–251.

⁵¹¹ *Айбабин А.И.* О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет Черняховской культуре. Киев, 1999. С. 242–246.

⁵¹² *Яценко С.А.* Германцы и аланы: О разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. // Stratum plus ПАВ. СПб.; Кишинев, 1997. С. 154–163; *Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного

века и средневековья. Волгоград, 1999. С. 172–212; *Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. 1. С. 194–232; *Он же.* Раннесредневековая керамика могильника Клинья III: Вопросы хронологии. М., 2000; *Безуглов С.И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 169–193; *Власов В.П.* Лепная керамика нижнедонско-прикубанского облика из крымских памятников сарматского времени // МАИЭТ. 2001. Вып. 8.

С. 18–31; *Он же.* Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 98–124.

⁵¹³ Подробнее см.: *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996; *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 41–60; *Он же.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.

⁵¹⁴ *Григорьев В.В.* Цари Веспора Киммерийского, преимущественно по современным им памятникам и монетам. СПб., 1851. С. 3.

Часть II

ДРЕВНИЕ
КУЛЬТУРЫ
КУБАНИ

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ РЕГИОНА

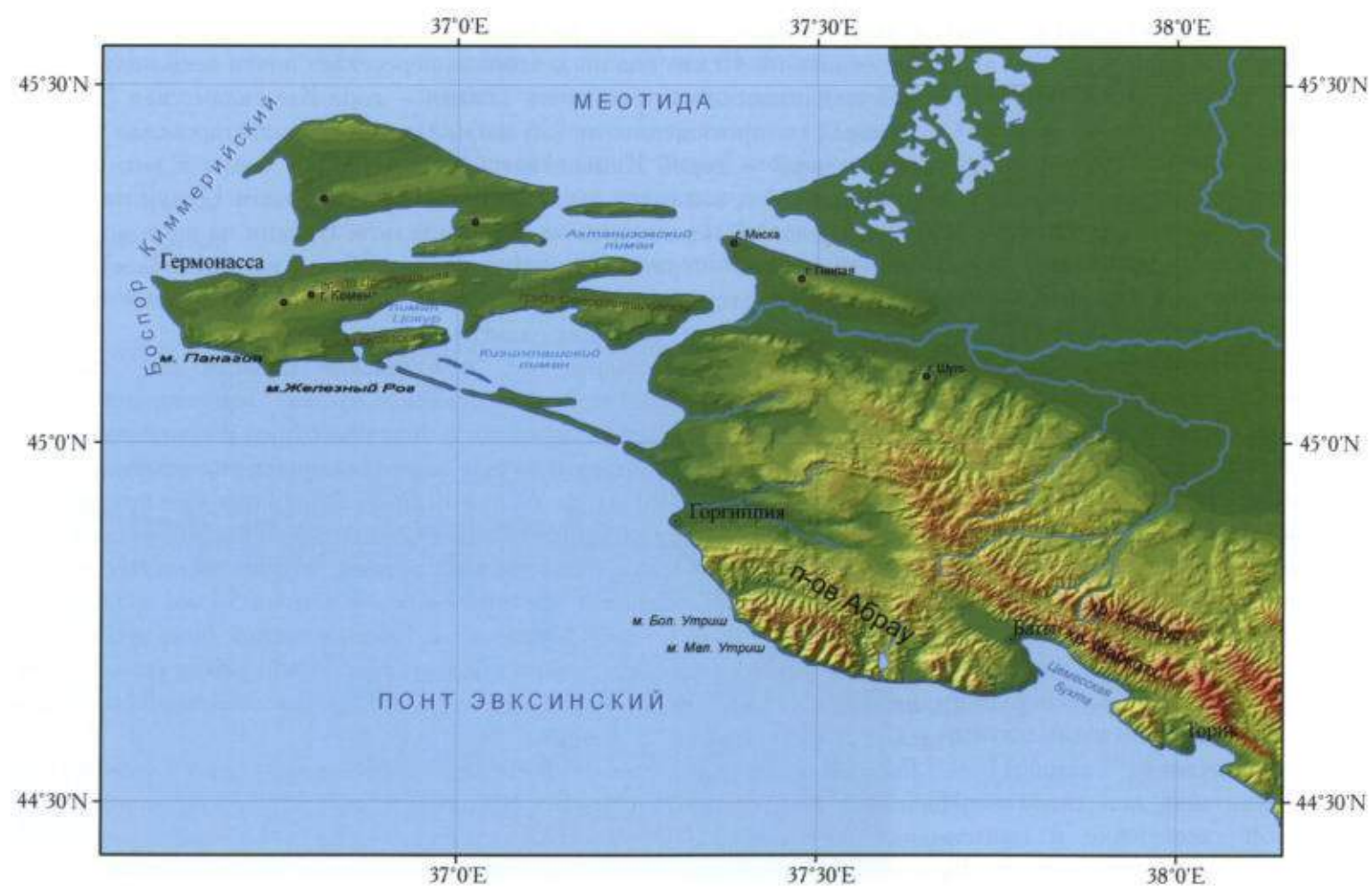
С. П. ЛОЗОВОЙ, Е. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

Азиатский Боспор занимал две рядом расположенные, но сильно отличающиеся друг от друга по природным условиям территории. Первая — архипелаг невысоких островов между Черным (Понт Евксинский) и Азовским (Меотида) морями: это та основа, на которой формировался современный Таманский полуостров. Вторая территория охватывала гористую северную часть черноморского побережья Кавказа на участке от Анапы (Горгиппия времен Боспорского государства) до Геленджика (Торик).

Первые упоминания о том, что азиатские владения Боспора складывались из двух несхожих по своему облику земель, сохранились у античных авторов. Так, Страбон делил эту территорию на азиатскую часть Боспора и Синдскую область, что в общем соответствует современным принципам физико-географического районирования региона. Сейчас в ранге физико-географического района выделяются Таманский полуостров¹ и западная — Маркотхская, или Новороссийская — часть средневысотных гор Черноморского Кавказа². Граница между этими природными районами, которая проходит вблизи Анапы, выражена переходной зоной, включающей в себя геологическую, почвенную, геоботаническую и другие границы природных компонентов.

Облик земель таманской части Боспора определялся динамикой природных процессов: тектонической активностью, создавшей складчатые структуры полуострова; колебаниями уровня моря, состоящими из трансгрессивных и регрессивных фаз; постоянно меняющимся режимом неустойчивой гидрологической системы дельты Кубани. Формирование территории началось в позднем плиоцене, когда в этом районе появились острова, преобразование

Рис. 1. Карта Азиатского Боспора в античное время

которых в Таманский полуостров было завершено уже в историческое время в результате аккумуляции дельтовых отложений Кубани в его восточной части³.

Историки и археологи высказывают разные мнения о количестве существовавших здесь в античное время островов (от одного до десяти). Ю.В. Горлов, который составил обзор публикаций по данному вопросу, считает, что на месте современного Таманского полуострова в середине I тыс. до н.э. существовал лишь один остров⁴. Несколько отвлеченный характер носит дискуссия о том, был ли это остров или архипелаг. Представляется справедливым мнение И.В. Волкова о том, что даже в настоящее время Тамань состоит из трех больших и множества мелких островов⁵. При беглом взгляде на современную топографическую карту крупного масштаба можно увидеть, что и в наше время, когда происходит сокращение площади лиманов и исчезают протоки, таманская земля продолжает оставаться группой больших и малых островов разного генезиса, плотно сложившихся в компактное образование, которое принято называть полуостровом.

Структурное сходство античной и современной Тамани определяется ее геоморфологическими особенностями, которые, судя по расположению боеспорских поселений, оборонительных сооружений и дорог, в основных чертах были близки к современным и определялись чередованием невысоких пологих увалов с плоскими низинами. Эти формы образуют характерный для полуострова грядово-холмистый рельеф с широкими, часто занятыми мелководными лиманами, межгрядовыми понижениями. Возвышенности протягиваются сплошными валами и цепочками. Начиная от зоны раздела Таманского полуострова и Черноморского Кавказа, гряды ориентированы в западном и западно-юго-западном направлениях.

Самая длинная и высокая из таманских гряд называется Центральной. Вытянувшись на 48 км, она по диагонали пересекает почти весь полуостров. На ней поднимается высшая точка Тамани — гора Комендантская (164 м). Следующей по протяженности (26 км) является Старотитаровская гряда с высшей точкой — горой Камышеватой (116 м). Она лежит к юго-востоку от Центральной и занимает пространство между лиманом Цукур на западе и древней долиной черноморского рукава дельты Кубани на востоке. Далее по протяженности — гряды Бугазская (длина 20 км, высота 130 м), Фонталовская (соответственно 18 км и 113 м) и Фанагорийская (16 км и 76 м); остальные увалы имеют меньшие размеры.

К юго-востоку от Тамани, т.е. в Синдской области по Страбону (Н.А. Гвоздецкий называет ее Новороссийской частью Черноморского Кавказа), рельеф резко меняется, переходя в низковысотные и средневысотные горы. На северо-западе, в самом начале зарождающихся гор отметки высот еще небольшие (200–300 м), но на полуострове Абрау они уже превышают полукилометровую отметку, а в районе Геленджика вершины поднимаются до 900 м и даже более. Основу всей горной системы региона образуют хребты Маркотх и Коцехур. Маркотх протянулся более чем на 50 км и достигает высоты 762 м. На участках Цемесской и Геленджикской бухт его южные склоны спускаются непосредственно к берегу моря. Хребт Коцехур — короче (длина около 40 км), но выше (921 м) он располагается севернее Маркотха и отделен от него долиной р. Адербы.

Главный водораздел Северо-Западного Кавказа разделяет бассейны рек Черноморского региона и Кубани. Он начинается на еще незначительных поднятиях горной системы, расположенных севернее ст. Гостагаевской. Далее основную роль водоразделов Новороссийской части Черноморского Кавка-

Рис. 2. Берег клиф —
Абразионный берег п-ва Абрау

за последовательно несут хребты Маркотх и Коцехур. На пониженных до 300–500 м участках главного водораздела лежат удобные для сообщения между северной и южной покатостями гор перевалы Неберджаевский, Маркотх, Андреевский, Кабардинский, Бабича, Папайский.

Рельеф Таманского полуострова формируется на молодых тектонических структурах, выраженных брахиантиклинальными⁶ складками и синклинальными мульдами⁷. Первичные тектонические формы имеют прямое выражение в рельефе: положительным структурам соответствуют увалы⁸, а отрицательным — обширные аккумулятивные низменные участки. Таманский регион сложен мощной (до 6 км) толщей морских отложений палеогена и неогена, среди которых преобладают глины. В значительно меньшем объеме встречаются прослой мергелей, песков, известняков. Особая рельефообразующая роль принадлежит отпрепарированным денудацией мшанковым рифам мзотиса⁹. На юго-западе полуострова они формируют вершины увалов, на берегах выступают мысами, а в море образуют надводные абразионные скалы — кекуры и подводные рифы. Четвертичные отложения представлены в основном толщами лессовидных суглинков, выполняющими днища межгрядовых понижений, супесями и реже террасовыми отложениями на отдельных участках морских берегов. С грязевыми вулканами связаны поля сопочной брекчии.

Горы Новороссийской части региона сложены породами мела и палеогена, среди которых господствуют карбонатные флишевые толщи верхнего мела большой мощности. Наиболее древние нижнемеловые песчано-глинистые отложения образуют днища продольных долин, разделяющих хребты Маркотх и Коцехур. В флишевой формации верхнего мела, слагающих большую часть территории гор, преобладают мергели. Кроме них прослеживаются слои известняков, песчаников, глин и конгломератов. Палеогеновые отложения (глинистые породы, песчаники, мергели) занимают периферию гор на юго-западе (часть полуострова Абрау), северо-западе и северо-востоке. Четвертичная система представлена морскими и континентальными отложениями.

Процесс развития рельефа происходит под действием эндогенных и экзогенных факторов. На позднеальпийском этапе шло

Рис. 3. Мыс Большой
Утриш — фронтальная часть
сейсмогравитационного оползня

формирование сводово-глыбового поднятия Большого Кавказа. Одним из показателей современных движений земной коры, как известно, является сейсмичность. На Северо-Западном Кавказе и в Западном Предкавказье за последние 200–250 лет зарегистрированы землетрясения различной силы, в том числе и значительные (до 6–8 баллов). Палеосейсмологами выявлены следы и более древних разрушительных землетрясений. Установлено, что в IV–II вв. до н.э. на Таманском и Керченском полуостровах произошло два сильных землетрясения¹⁰. О катастрофическом землетрясении античного времени, охватившем Керченско-Таманскую область в 63 г. до н.э., свидетельствуют археологические материалы и античные источники¹¹.

По мнению ряда ученых, в I в. до н.э. многие поселения Тамани подверглись разрушениям и пожарам, которые сопровождалась человеческими жертвами¹². Конечно, разрушения могли быть вызваны набегами варварских племен или междоусобными войнами, однако повсеместный и массовый их характер, а также прямые и косвенные доказательства¹³ свидетельствуют о том, что причиной этой всеобщей катастрофы могло быть сильное землетрясение. Сейсмологи предполагают, что его можно оценить в 8 и даже более баллов¹⁴. Возможно, землетрясение 63 г. до н.э. явилось причиной того, что в середине I в. до н.э. поселение Джемте прекращает свое существование¹⁵. В соседней с Джемте Горгииппии с конца I в. до н.э. до середины I в. н.э. практически замирает строительство¹⁶. В Гермонассе жизнь после землетрясения восстанавливается на протяжении всего I в. н.э.¹⁷ Последствия землетрясения были столь тяжелыми, а инфраструктура региона настолько разрушена, что результаты стихийного бедствия сказывались на протяжении многих десятилетий.

Сильными землетрясениями создается особая морфоскульптурная выраженность рельефа — сейсмогравитационные структуры, которые ярко выражены на полуострове Абрау. Здесь они проявляются расседанием земной коры и выражены на дневной поверхности гигантскими рвами (длиной до 600 м, шириной 100–150 м и глубиной до 90 м), замкнутыми котловинами (длиной до 500 м, глубиной до 30 м), крутыми уступами высотой до 100–120 м, оползневыми цирками, обвалами, оползнями, блоками — отторженцами объемом до 7 млн м³. Огромные участки склонов, оторвавшись от горных массивов и сместившись вниз, образовали мысы на морском берегу (Большой Утриш, Малый Утриш) и естественные плотины поперек речных долин, за которыми сформировались запрудные водоемы (озеро Абрау)¹⁸.

На Таманском полуострове и в низкогорье крайнего северо-западного окончания Черноморского Кавказа широко развит грязевой вулканизм. Грязевые вулканы располагаются на диапировых складках. На дневной поверхности продуктами извержения чаще всего создаются наземные конусовидные постройки. Конусы вулканов имеют разную степень усеченности. На кратерных полях вулканов развивается грязевулканический микрорельеф, состоящий из мелких сопков, сальз и грифонов. Большая часть грязевых вулканов функционирует относительно спокойно, и извержения, как правило, не сопровождаются чрезвычайными явлениями. Однако возможны извержения, сопровождающиеся взрывами и выбросами дыма, пара, огня и огромного количества сопочных продуктов. Такие извержения сопровождались подземным гулом и сотрясанием грунта. Взрывной тип извержений наблюдался у гор Карabetовой, Гнилой, Горелой, Цымбалы, Ахтанисовской, Миска, Шуго¹⁹.

Структурные формы, созданные эндогенными процессами, сразу же после их образования и поднятия выше уровня моря подвергались скульптурной обработке экзогенными силами, к которым относятся деятельность рек, работа

моря и ряд других факторов. Иногда воздействие этих сил бывает настолько глубоким, что можно наблюдать полное преобразование (инверсию) рельефа. Наиболее ярким примером инверсионного рельефа может служить осевая зона гор Новороссийского района, где в ядре Семигорской антиклинали располагается цепочка продольных долин (депрессия), приуроченная к выходам глинистых пород нижнего мела. Демпрессия заключена между хребтами Маркотх и Коцехур, расположенных на крыльях Семигорской антиклинали и сложенных плотными породами верхнемелового карбонатного флиша²⁰. Слабо переработанный прямой тектонический рельеф сохранился на полуостровах Таманском и Абрау.

Основными экзогенными рельефообразующими процессами являются флювиальные. Они распространены практически по всей территории региона. Для Таманского полуострова наиболее характерны молодые формы, созданные водными потоками: промоины, овраги и балки. Они врезаются в склоны гряд полуострова и пересекают уступы морских берегов. Долины горных рек Новороссийского района глубоко врезаются в склоны, создавая резко расчлененный рельеф. Они протягиваются как поперек горной системы, пересекая все ее основные орографические элементы, так и вдоль, совпадая с межгорными депрессиями. В горных долинах развиты плейстоценовые надпойменные террасы. В регионе широко распространены оползневые явления. На полуострове Абрау развит особый тип древних оползней. Вдоль его юго-западного побережья прослеживаются упомянутые выше сейсмогравитационные

Рис. 4. Продукты извержения грязевого вулкана

Рис. 5. Сальза грязевого вулкана Шуго

Рис. 6. Сопочное поле грязевого вулкана Шуго

Рис. 7. Таманский залив. Вдали г. Горелая

блоки отседания и древние оползни с погруженными в море фронтальными частями. Их верхний возрастной предел оценивается в 1,5–2 тыс. лет²¹. Значительной оползневой пораженностью отличается и побережье Азовского моря. На высоком северном берегу Таманского полуострова известен древний оползень площадью в несколько квадратных километров²². На обрывистых берегах морей развиты обвално-осыпные явления. Встречаются они и в лесистых горах Новороссийской части Черноморского Кавказа, но здесь обвално-осыпные накопления встречаются фрагментарно и только у небольших скальных обнажений.

Одни из самых динамичных природных процессов протекают на берегах морей. При развитии трансгрессивно-регрессивных фаз в контактной зоне море–суша появляются коренные изменения ландшафтов вплоть до смены субаэрального режима развития на субаквальный и наоборот. В период, предшествовавший греческой колонизации Причерноморья, северо-западный шельф Черного моря и территория, находящаяся в наше время под водами Азовского моря, представляли собой сушу²³.

Регрессивная фаза сменяется послеледниковой трансгрессией. В голоцене, на фоне общего трансгрессивного подъема уровня, Черное море испытало не менее шести трансгрессивно-регрессивных фаз более низкого порядка²⁴. В максимальную фазу голоценовой трансгрессии (5,5–6 тыс. лет назад) в

пределах азовской дельты Кубани формируется морской залив. Положение его берега соответствует погребенным береговым валам, которые прослеживаются на удалении до 43 км от моря²⁵. Под водой находились, по-видимому, преимущественно те площади, которые в настоящее время заняты лиманами и плавнями. Занимаемое ими пространство представляло единый водоем, связанный с Азовским и Черным морями широкими проливами. Суша среди этого пространства располагалась отдельными островами²⁶. Активизируется абразия морских берегов. Залив и лиманы заполняются наносами Кубани. Зарождаются древние косы.

Рис. 8. Оползень на северном берегу Таманского п-ва

Во второй половине I тыс. до н.э. в результате фанагорийской регрессии происходит понижение уровня моря. Одним из геоморфологических индикаторов положения водной поверхности моря в это время является подводная аккумулятивная форма — Маркитанская банка — реликт Маркитанской косы, отгораживавшей часть Таманского залива от Керченского пролива²⁷. Геоморфологические материалы по изменению уровня моря у берегов Боспора дополняются результатами подводных археологических исследований²⁸. Комплекс археолого-палеогеографических данных позволяет оценить относительное положение уровня моря во второй половине

I тыс. до н.э., составлявшее 5–6 м ниже современного, и выявить относительно позднее начало развития последнего трансгрессивного ритма (нимфейская трансгрессия), которое может быть отнесено к X–XII вв. н.э.²⁹ В западной части Геленджикской бухты проведено картирование останца нимфейской морской террасы с береговой линией на отметке +2,5 м, что подтверждает высокое, выше современного, стояние уровня Черного моря в эпоху нимфейской трансгрессии³⁰. Повышение уровня моря в период последнего трансгрессивного ритма привело к затоплению многих поселений Боспора. При подъеме уровня моря возрастает абразионное разрушение берега. Скорости размыва особо высоки на участках, сложенных глинистыми горными породами. Абразия периода нимфейской трансгрессии стала причиной исчезновения части античных поселений.

В палеогеографической схеме, составленной А.А. Мищенко для региона, выделяется средний (9–3 тыс. лет назад) и поздний голоцен (от 3 тыс. лет назад и меньше)³¹. В среднем голоцене на азиатском Боспоре широко распространялась лесная растительность, и территории вокруг Курчанского и Ахтанизовского лиманов отличались большой облесенностью. Лесные массивы покрывали межлиманные гряды и уходили на юго-восток, на хребты Северо-Западного Кавказа. По долине Кубани распространялись низинные леса, состоявшие из ольхи, клена, дуба, вяза и других пород деревьев. В низкоромье преобладали дубовые леса с примесью граба, клена, липы, изредка встречался бук. В средневысотных горах произрастали сосновые леса. По берегам водоемов распространялись разнотравно-злаковые луга с преобладанием мезофильного разнотравья.

Представленный состав растительности соответствует времени климатического оптимума. Среднегодовые температуры тогда колебались от +10,3 до +12,6 °С. Среднеиюльские изменялись в пределах от +21 до +24 °С. В январе средние температуры имели амплитуду от +3 до –2,5 °С. Годовая сумма осадков в предгорных районах достигала 900 мм.

В эпоху позднего голоцена в прилегающих к предгорьям районах лесные площади сократились. На побережье Черного моря также происходило

сокращение лесных массивов. Причиной их сокращения было уменьшение увлажнения и, возможно, хозяйственная деятельность человека. В районах Курчанского и Ахтанизовского лиманов были распространены злаково-разнотравные луга. Чаше встречались засоленные грунты и песчано-ракушечные пляжи, на которых произрастали маревые, полыни, злаки. Широкое распространение водной и прибрежно-водной растительности в лиманах свидетельствует о большой их опресненности. Особенно сильное зарастание происходило в Курчанском и Ахтанизовском лиманах. Состав растительности позднего голоцена позволяет предположить, что климат того времени отличался большей сухостью. Среднегодовые температуры изменялись от +9,8 до 13,1 °С. Средние температуры июля от +23,3 до +24,7 °С. Среднеянварские — от -3,4 до -4,1 °С. Годовая сумма осадков в этот период снизилась до 490–500 мм³².

На территории Азиатского Боспора наблюдается присутствие флор и фаун Средиземноморья, Малой Азии, Ирана, Афганистана, Восточной Европы, Альп³³. Распределение растительного и, следовательно, животного мира подчинено двум основным закономерностям — общей широтной (горизонтальной) и вертикальной, обусловленной влиянием Кавказских гор. В античное время, как уже отмечалось, Таманский полуостров представлял собой архипелаг островов, и р. Кубань впадала в Черное море. Распределение флоры и фауны охватывало четыре природных комплекса — плавневый, степной, лесостепной и горный. На территории современного Таманского полуострова встречались три первых комплекса с преобладанием лесостепи, в Синдской области — лесостепь и горный комплекс.

Плавневый комплекс распространялся на значительную часть прибрежной полосы Таманского полуострова, которая занята плавнями и лиманами дельты р. Кубани со своеобразной высокотравной болотной растительностью и низинными лесами. Из наиболее часто встречающихся длиннокорневищных растений следует назвать тростник обыкновенный, который образовывал мощный слой дернины и в этом районе достигал высоты 5 м, рогозы (широколиственный и узколиственный), различные виды осок, сусак зонтичный, стрелолист трехлиственный, горчицу морскую, а также плавающие растения и большое количество фитопланктона³⁴. Эти условия позволили сформироваться разнообразной ихтиофауне, представленной несколькими экологическими группами рыб — пресноводные рыбы (лещ, карась, сом, судак, окунь), полупроходные рыбы (рыбец, шема, тарань), проходные рыбы (белуга, осетр, севрюга). Низинные леса состояли из ольхи, различных ив, вяза. Плавни и лиманы также являются местом гнездования, линьки и остановок во время сезонных миграций огромного числа водоплавающих и околоводных птиц. В античные времена численность сезонных мигрантов через территорию Азиатского Боспора составляла порядка 10 млн особей водоплавающих видов. Наиболее многочисленными были утки (кряква, красноголовый нырок, хохлатая чернеть, серая утка и шилохвость), а также серый гусь. Меньшими скоплениями отличались различные виды поганок и лебеди. Этот район играет важную роль и как место зимовок некоторых видов гусеобразных птиц. В раскопках Фанагории и Мысхако неоднократно обнаруживались костные остатки уток, гусей, лебедей и поганок, найден панцирь водной черепахи. При раскопках Патрея в 2007 г. встречен почти целый скелет журавля.

Из млекопитающих, обитающих на данной территории, можно назвать кабанов, тростниковых котов, кавказскую выдру, южнорусскую перевязку, европейскую норку³⁵.

Степной комплекс, занимающий сейчас почти всю территорию Таманского полуострова, в античное время был выражен значительно слабее и представлял собой разнотравно-типчаково-ковыльные степи. Видовой состав растительности: дерновинные злаки (ковыль красивейший, типчак), корневищные злаки (костровик береговой, мятлик узколиственный и луговой, осока приземистая), разнотравье было сформировано мезофильными и ксерофильными степными видами. Значительную роль в растительном покрове степей играли эфемеры и эфемероиды (тюльпан Шренка, резуха ушастая, бурачок пустынный, фиалка Китайбеля, вероника весенняя). Встречались луковичные растения — птицемлечник и некоторые другие. По балкам и понижениям произрастали кустарники терна, бобовника, раkitника, а также встречались небольшие островки леса. В их состав входил дуб летний, клен полевой, ясень, вяз³⁶. Из млекопитающих здесь были наиболее многочисленными норные животные (мышевидные грызуны, суслик малый, слепыш, лисица, также зайцы-русаки, сайгаки, тарпаны, косули, волки). Много обитало хищных птиц, а также дрофы и стрепеты³⁷.

Растительность лесостепного комплекса представляет собой чередование степных и лесных участков. Леса занимали ущелья и пониженные места, степь — плакорные и возвышенные элементы рельефа. В этой зоне степные участки имели богатый флористический травостой, где разнотравье преобладало над злаками. Участки степи чередовались с дубовыми лесами, где господствующей породой являлся дуб летний, или чешуйчатый, с примесью граба, ясеня, ильма, лещины, груши. На луговой площади попадались кустарники (боярышник согнутостолбиковый, шиповник собачий, терн колючий). Полоса лесостепи в античные времена была, видимо, наиболее мощной из всех остальных. На наличие достаточно богатых лесных ресурсов указывают пыльцевые диаграммы Кизилташского лимана. Еще В.Д. Блаватский отмечал присутствие таких древесных видов, как дуб, ясень, клен, тополь, липа³⁸. Археологические материалы дают немало свидетельств наличия лесных ресурсов на территории современного Таманского полуострова³⁹; есть данные, что Боспор импортировал деловую древесину⁴⁰. Из животных здесь по-прежнему было много различных мышевидных грызунов, а также обитали степной хорь, лесная куница, соя-полчек и лесная соя, кабаны, олени, косули. Рога и костные фрагменты оленей, обнаруженные при раскопках Фанагории, подтверждают наличие достаточно больших лесных массивов⁴¹. Среди птиц наиболее распространены были виды отряда воробьиных либо представители некрупных дневных хищников (пустельга, луни). Лесостепной комплекс не имел и не имеет эндемиков⁴².

К югу от лесостепи растительность изменяется уже под влиянием Кавказского горного массива и образует несколько вертикальных поясов, покрытых лесами, горными лугами и в меньшей степени горными степями⁴³. Лесной пояс включает низкогорные и среднегорные леса. Низкогорные смешанные леса отличались большим разнообразием: различные виды дубов, ильмы, клены, буки, грабы, ясени, каштаны, дикие плодовые деревья (груша, яблоня, слива). Подлесок составляли кустарники — кизил, бересклет европейский, рододендрон, лещина. Низкогорные леса южного склона от Анапы до Туапсе в непосредственной близости к морю были представлены сосной пицундской, но больших площадей не образовывали. Здесь были характерны низкорослые ксерофильные леса и кустарниковые заросли. Основными породами являлись кустарниковая форма дуба пушистого, держидерево, грабинник. В районе Новороссийск—Кабардинка был распространен можжевельниковый лес. В его

состав входит можжевельник трех видов (высокий, красный и вонючий). Среднегорные леса в основном состояли из буков, а также из различных каштанников. Здесь также встречались липы, клены, грабы⁴⁴. В этих лесах обитали кавказский подвид бурого медведя, кавказский зубр, кавказская рысь, лесной кот, барсук, лесная куница, кавказская ласка, кавказская выдра, шакал, кабан, благородный олень, косуля, большое количество рукокрылых. К верхней границе лесного пояса в зимний период спускались среднеазиатские леопарды, западные туры и серны. Для орнитофауны этого комплекса наиболее характерны были такие виды, как кавказский тетерев, кавказский улар, белоголовый сип, бородач, много мелких воробьиных птиц. Достаточно широко была также представлена герпетофауна⁴⁵. В раскопках Фанагории и Мысхако неоднократно встречались рога благородных оленей, косуль⁴⁶. В Фанагории в 2005 г. был найден череп детеныша леопарда⁴⁷, в Мысхако в 2001 г. — кости конечностей серны, благородного оленя, зубра⁴⁸.

Отдельно хотелось бы упомянуть о некоторых обитателях моря. По материалам раскопок Фанагории и Мысхако можно сделать однозначный вывод о том, что довольно активно использовались и морские ресурсы, в первую очередь рыба, а также моллюски и дельфины. В раскопках Мысхако из рыбных остатков чаще всего находили шипы скатов⁴⁹. Раковины моллюсков в основном представлены раковинами мидий и устриц, этих моллюсков, видимо, употребляли в пищу. Но и в Фанагории (2 раковины), и в Мысхако (1 шт.) обнаружены раковины брюхоногого моллюска рода *Murex* (*Murex*), из которого добывали пурпур (вид эндемичен для Черного моря).

Таким образом, облик ландшафтов в позднем голоцене был близок к современным. Природные условия (с учетом различий западной и восточной частей Азиатского Боспора) предоставляли населению возможность ведения продуктивного хозяйства, но на границе тысячелетий в этом регионе произошло несколько всеохватывающих крупных стихийных явлений природы (землетрясения, связанные с ними катастрофические изменения рельефа, трансгрессия моря, усиление абразии), которые приводили к столь значительным разрушениям инфраструктуры, что жизнь в этих районах замирала на многие десятки лет.

Если вынужденный уход греков из Эллады был вызван экономическими и политическими причинами, то вектор их эмиграции определялся природными условиями избранного для колонизации региона. Греки, которые стали образовывать многочисленные колонии по Черноморскому и Азовскому побережьям со второй половины VI в. до н.э., столкнулись с богатейшими природными ресурсами и разнообразными ландшафтами⁵⁰. Уровень тогдашних природных ресурсов позволил быстро, видимо, без особых материальных затрат, развить стабильную экономику⁵¹. Об этом свидетельствуют костные остатки животных, обнаруженные при раскопках различных памятников этого времени. Уже с конца V — начала IV в. до н.э. почти не встречаются кости диких животных, что свидетельствует о стабильном скотоводстве. Природные и сельскохозяйственные продукты (зерно, кожа, шерсть, ценные породы рыб и др.) удовлетворяли внутренние потребности и становились предметом экспорта.

Расположенный к северо-востоку от метрополии Боспор находится в условиях более резкого континентального климата, обладает определенными отличиями природных характеристик от западных регионов, однако фрагменты средиземноморских ландшафтов проникают вплоть до северных берегов

Черного моря, что сближает Боспор с метрополией. Вероятно, это сходство (хотя и неполное) и предоставленная природными условиями возможность ведения средиземноморского типа сельского хозяйства послужили еще одной причиной освоения этих земель колонизаторами.

Плотность населения Азиатского Боспора в разных его частях была различной. Если на Таманском полуострове сплошное освоение земель наблюдалось уже в раннем бронзовом веке⁵², то Новороссийская часть Черноморского Кавказа долгое время практически не заселялась боспорянами. Здесь обитало преимущественно редкое аборигенное население⁵³. Археологическими исследованиями установлено, что наиболее благоприятными для обитания и ведения хозяйства были грядовые ландшафты Тамани⁵⁴, где на склонах крутизной до 2° на высотах от 15 до 75 м на лессовидных суглинках сформировались южные карбонатные слабогумусовые мощные средне- или тяжелосуглинистые черноземы⁵⁵. Иная обстановка сложилась в восточной части Азиатского Боспора, где господствует резко расчлененный горный рельеф. Многие долины здесь глубоко врезаются и настолько узки, что русло реки часто занимает практически всю ширину их дна, над которым поднимаются крутые склоны. Не случайно эти формы флювиального рельефа сейчас называются щелями. Только в наиболее крупных долинах (Сукко, Озерейка, Цемес, Адерба) имеются достаточно широкие террасовые площадки, пространство которых позволяло и селиться, и заниматься хозяйством.

Необходимо помнить и о том, что греки-мореходы достигли северо-восточной окраины всей системы внутренних морей. Дальше простирался чуждый для них огромный материк. На морском побережье возводятся Патрей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия, Баты, Торик и другие крупные и мелкие населенные пункты азиатского Боспора. Для них (и для других частей государства) море было источником получения пищевых продуктов и сырья. Оно служило для прокладки водных маршрутов в разные точки системы внутренних морей Атлантического океана⁵⁶.

Особые условия создавались географическим положением Боспора, который располагался в средних широтах, в контактной зоне море—суша. Эти особенности (наряду с другими факторами) способствовали освоению этих земель греками, расцвету Боспора и приобретению им статуса важного политического, экономического и торгового центра древнего мира.

Именно развитие экономики впоследствии и привело к депрессивным процессам в экосистемах — значительному остепнению территорий Таманского полуострова, к засолению почв и к практически полному уничтожению лесных массивов. Экосистемы азиатской части Боспора отличались молодостью биологической эволюции (об этом свидетельствует отсутствие эндемичных видов), это также способствовало быстрому разрушению связей внутри экосистем и их распаду. Скорость и интенсивность антропогенных нарушений совершенно не соответствовали естественным восстановительным процессам. Это и привело к деградации естественных экосистем, результатом которой стало распространение степных и полупустынных ценозов, и к смене фаун.

- ¹ Гвоздецкий Н.А. Физическая география Кавказа. М., 1958. Вып. 2. С. 14.
- ² Он же. Физическая география Кавказа. М., 1954. Вып. 1. С. 160.
- ³ Сафронов И.Н. Геоморфология Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1969. С. 101.
- ⁴ Горлов Ю.В. Палеогеография азиатского Боспора // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани: Сб. статей: Таманский музейный комплекс. Тамань, 1996. Раздел II: Тамань археологическая. С. 71.
- ⁵ Волков И.В. Таманские острова в книге путешествия Эвлии Челеби // Древности Кубани. 1999. Вып. 15. С. 41.
- ⁶ Брахиантиклиналь — короткая складка слоев горных пород, обращенная сводом вверх.
- ⁷ Синклиальная мульда — овалный пологий тектонический прогиб слоев горных пород.
- ⁸ Увал — вытянутая возвышенность с пологими склонами.
- ⁹ Мэотис (мэотический ярус) — верхний ярус верхнего миоцена неогеновой системы.
- ¹⁰ Никонов А.А., Вангейгейм Э.А. Землетрясение «Синяя Балка» // Природа. 1991. № 4. С. 68.
- ¹¹ Там же. С. 66, 68.
- ¹² Солоненко В.П., Хромовских В.С. Мощные землетрясения Большого Кавказа // Природа. 1974. № 6. С. 46.
- ¹³ Финогенова С.И. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 2005. № 8. С. 430–431.
- ¹⁴ Палеосейсмогеология Большого Кавказа. М., 1979. С. 29.
- ¹⁵ Десятчиков Ю.М., Долгоруков В.С., Алексеева Е.М. Сельская территория // АГСП. С. 90.
- ¹⁶ Алексеева Е.М. Анапа: Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. — III в. н.э.) // ДБ. 2005. № 6. С. 25.
- ¹⁷ Финогенова С.И. Очерк... С. 430–431.
- ¹⁸ Палеосейсмогеология... С. 100–112.
- ¹⁹ Шнюков Е.Ф., Шереметьев В.М., Маслаков Н.А., Кутный В.А., Гусakov И.Н., Трофимов В.В. Грязевые вулканы Керченско-Таманского региона. Краснодар, 2005. С. 32–33.
- ²⁰ Муратов В.М. Опыт морфоструктурного анализа рельефа Западного Кавказа // Землеведение. 1971. Новая серия. Т. IX (XLIX). С. 119.
- ²¹ Несмеянов С.А., Шмидт Г.А., Щеглова А.П. Морфоструктурное положение сейсмодислокаций южного склона Западного Кавказа // Геоморфология. 1987. № 3. С. 75.
- ²² Благоволитин Н.С. Геоморфология Керченско-Таманской области. М., 1962. С. 114–115.
- ²³ Щербаков Ф.А., Куприн П.Н., Забелина Э.К., Скиба С.И., Парунин О.Б. Палеогеография Азово-Черноморья в позднем плейстоцене и голоцене // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977. С. 58.
- ²⁴ Островский А.Б., Измайлов Я.А., Балабанов И.П., Скиба С.И., Скрыбина Н.Г., Арсланов Х.А., Гей Н.А., Супрунова Н.И. Новые данные о палеогидрологическом режиме Черного моря в верхнем плейстоцене и голоцене // Палеогеография и отложения... 1977. С. 136.
- ²⁵ Пешков В.М. Береговая зона моря. Краснодар, 2003. С. 63.
- ²⁶ Блажний Е.С. Геоморфология и основные моменты геологической истории низовьев Кубани в позднечетвертичное время // Труды Кубанского сельскохозяйственного института. 1954. Вып. 1 (29). С. 168.
- ²⁷ Горлов Ю.В., Поротов А.В., Столярова Е.В. К оценке изменений уровня Черного моря в античный период по археолого-палеогеографическим данным // ДБ. 2004. № 7. С. 118–119.
- ²⁸ Там же. С. 118–122.
- ²⁹ Там же. С. 119–125.
- ³⁰ Щеглов А.П. История морского и континентального осадконакопления в Геленджикской бухте за последние 20 тыс. лет // Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода. 1994. № 61. С. 49.
- ³¹ Мищенко А.А., Мищенко С.А., Таховская С.А. Палеогеография Восточного Приазовья в голоцене // Вестник Краснодарского регионального отделения Русского географического общества. 2000. Вып. 2, ч. 1. С. 137, 139.
- ³² Там же. С. 135–141.
- ³³ Банников А.Г. По заповедникам Советского Союза. М., 1974. С. 235; Верещагин Н.К. Остатки млекопитающих их нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова // Труды Зоологического института АН СССР. Л., 1957. Т. 22. С. 120; Он же. Млекопитающие Кавказа. М., 1959. С. 320; Герасимов И.П., Марков К.К. Развитие ландшафтов СССР в ледниковый период // Материалы по истории флоры и растительности СССР. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 480; Грузинская И.А. Широколиственные леса предгорий Северо-Западного Кавказа. М., 1953. С. 320; Даревский И.С. О необходимости заповедания реликтовых песчаных массивов Кавказского региона // Заповедники СССР, их настоящее и будущее. Новгород, 1990. С. 390; Исаева-Петрова Я.С., Зеликсон Э.М. Степная флора раннего голоцена // Проблемы раннего голоцена. Тбилиси, 1988. С. 180; Невеская Л.А., Невеский Е.Н. О составе фауны и особенностях развития Азово-Черноморского бассейна в позднечетвертичное время // Доклады АН СССР. 1961. Т. 137, № 3. С. 98.
- ³⁴ Будыко М.И. Климат в прошлом и будущем. Л., 1980. С. 250.; Герасимов И.П., Марков К.К. Развитие ландшафтов СССР... С. 480; Дубына Д.В., Небесный В.Б., Прокопенко В.Ф., Яковченко В.П. Обеспечение стабильности охраняемых болотных экосистем Северного Причерноморья // Заповедники СССР... С. 390; Исаева-Петрова Я.С., Зеликсон Э.М. Степная флора раннего голоцена. С. 180; Кинд Н.В. Палеоклиматы и природная среда голоцена // История биогеоценозов СССР в голоцене. М., 1979. С. 480; Мордкович В.Г. Степные экосистемы. Новосибирск, 1982. С. 460; Пашкевич Г.А. Динамика растительного покрова Северо-Западного Причерноморья в голоцене, его изменения под влиянием человека // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1981. С. 320; Шехов А.Г. Флора и растительность Кубанских лиманов // Биология внутренних вод: Инф. бюл. Л., 1971. № 10. С. 120.
- ³⁵ Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. М., 1959. С. 320; Виноградов В.Г., Скокова И.Н. Охрана местообитаний водно-болотных птиц. М., 1986. С. 240; Даревский И.С. О необходимости заповедания... С. 390; Добролюбов А.Н. Выдра в горах Северо-Западного Кавказа // Охрана и изучение редких и исчезающих видов

- животных в заповедниках. М., 1992. С. 136; *Дубына Д.В., Небесный В.Б., Прокопенко В.Ф., Яковченко В.П.* Обеспечение стабильности... С. 390; Красная книга Краснодарского края: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных // Краснодар, 1994. С. 285; *Кривенко В.Г.* Водоплавающие птицы и их охрана // М., 1991. С. 221; *Левковская Г.М., Зайцева Г.И., Крылов В.И. и др.* Палинологические и радиоуглеродные данные по эталонному памятнику эпохи энеолита — раннего средневековья Северо-Западного Кавказа (Гуамский грот) // Проблемы голоцена. Тбилиси, 1988. С. 180; *Очаповский В.С.* Видовой комплекс птиц Краснодарского края и распространение их по зонам // Сб. статей по зоологии / Краснодарский государственный педагогический институт. Краснодар, 1967. С. 180.
- ³⁶ *Исаева-Петрова Я.С., Зеликсон Э.М.* Степная флора раннего голоцена. С. 180; *Литвинская С.А.* Историческая экология: (региональный очерк). Краснодар, 1997. С. 214; *Мордкович В.Г.* Степные экосистемы. С. 460; *Пашкевич Г.А.* Динамика растительного покрова... С. 320.
- ³⁷ *Верещагин Н.К.* Остатки млекопитающих... С. 120; *Он же.* Млекопитающие Кавказа. С. 320; *Даревский И.С.* О необходимости заповедания... С. 390; *Невеская Л.А., Невеский Е.Н.* О составе фауны... С. 98; Природные ресурсы и производительные силы Северного Кавказа. Ростов, 1982. С. 160.
- ³⁸ *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // Причерноморье в античную эпоху. М., 1953. Вып. 5. С. 125; *Герасимов И.П., Марков К.К.* Развитие ландшафтов СССР... С. 480; *Исаева-Петрова Я.С., Зеликсон Э.М.* Степная флора раннего голоцена. С. 180; *Литвинская С.А.* Историческая экология... С. 214.
- ³⁹ *Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 520.
- ⁴⁰ *Он же.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969. С. 340.
- ⁴¹ Отчет о работе Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН за 2005 г.; Отчет о работе Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН за 2006 г.; Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА РАН за 2001 г.
- ⁴² Эндемик — вид, характеризующийся ограниченным (малым) ареалом обитания, не встречающийся более нигде.
- ⁴³ *Харадзе А.Л.* К ботанико-географическому районированию Большого Кавказа // Проблемы ботаники. М.; Л., 1966. Т. 8. С. 130.
- ⁴⁴ *Грудзинская И.А.* Широколиственные леса предгорий Северо-Западного Кавказа. М., 1953. С. 320; *Зесст И.Б.* Об особенностях экономического развития Гермонассы // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 420; *Кинд Н.В.* Палеоклиматы и природная среда голоцена. С. 480; *Левковская Г.М., Зайцева Г.И., Крылов В.И. и др.* Палинологические и радиоуглеродные данные... С. 180; *Малеев В.П.* Растительность района Новороссийск-Михайловский перевал и ее отношение к Крыму // Записки Никитского ботанического сада. 1931. Т. 8, вып. 2. С. 118; *Он же.* О растительности полей предгорий Северо-Западного Кавказа // Советская ботаника. 1940. № 2. С. 180.
- ⁴⁵ *Верещагин Н.К.* Млекопитающие Кавказа. С. 320; *Добролюбов А.Н.* Выдра в горах Северо-Западного Кавказа. С. 136; Красная книга Краснодарского края... С. 285; *Невеская Л.А., Невеский Е.Н.* О составе фауны... С. 98; *Очаповский В.С.* Видовой комплекс птиц... С. 180; *Придня М.В., Дуров В.В.* Пути сохранения экосистем Кавказского заповедника в окружении антропогенных ландшафтов // Заповедники СССР... С. 390. Природные ресурсы и производительные силы Северного Кавказа. С. 160.
- ⁴⁶ Отчет о работе Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН за 2005 г.; Отчет о работе Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН за 2006 г.; Отчет о работе Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН за 2001 г.
- ⁴⁷ Отчет о работе Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН за 2005 г.
- ⁴⁸ Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА РАН за 2001 г.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Природные ресурсы и производительные силы Северного Кавказа. С. 160.
- ⁵¹ *Баландин Р.К., Бондарев Л.Г.* Природа и цивилизация. М., 1988. С. 190; *Гайдукевич В.Ф.* Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. 1966. № 1. С. 240; Природные ресурсы и производительные силы Северного Кавказа. С. 160.
- ⁵² *Паромов Я.М., Гей А.Н.* Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове // ДБ. 2005. № 8. С. 322.
- ⁵³ *Мальшиев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Равич И.Г.* Широкая Балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // ДБ. 2004. № 7. С. 272, 273.
- ⁵⁴ *Гарбузов Г.П.* Признаки древнего землеустройства в районе Центральной гряды Таманского полуострова // ДБ. 2005. № 8. С. 104.
- ⁵⁵ *Он же.* Древнее землеустройство нелинейного типа и характеристики современного ландшафта Таманского полуострова // ДБ. 2006. № 9. С. 41–45.
- ⁵⁶ *Мальшиев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Равич И.Г.* Широкая Балка... С. 274.

КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ КАМНЯ И БРОНЗЫ

Р. М. МУНЧАЕВ

Прикубанье и Северо-Западный Кавказ в целом — это поистине жемчужина юга России. Его богатое и разнообразное культурное наследие имеет глубокие истоки и восходит к древнейшим этапам исторического развития. Почему первобытные люди еще на заре истории потянулись в северо-западную часть Кавказа, нетрудно объяснить. Это благодатный край, где имелись все необходимые условия для их обитания и прежде всего достаточное количество разнообразных диких животных, за счет охоты на которых они могли существовать.

Много тысячелетий спустя, уже в эпоху нового каменного века, а затем мезолита и энеолита в Прикубанье, как и в других регионах Кавказа, население начинает постепенно переходить от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству. Здесь, хотя и с некоторым отставанием от Закавказья, довольно рано научились культивировать такие злаковые, как пшеница и ячмень, и разводить отдельные виды домашних животных — овец, коз, быков.

Когда же на Северо-Западном Кавказе начался бронзовый век (предположительно с конца IV тыс. до н.э.), здесь, как и на Кавказе в целом, заметно усложнился культурно-исторический процесс, который привел к формированию в данной области Кавказа оригинальных культур III—II тыс. до н.э., в частности такой широко известной и прославленной культуры эпохи ранней бронзы Евразии, как майкопская. Эти культуры складывались и развивались не изолированно, а в тесной связи и взаимодействии с культурами смежных и даже более отдаленных областей.

В первой половине I тыс. до н.э. произошел важный сдвиг, определивший весь дальнейший прогресс в экономическом и общественном развитии. Он был вызван открытием железа и широким внедрением его в быт и производственную деятельность древнего населения. Начался ранний железный век. В эту эпоху на Северном Кавказе продолжали развиваться такие, например, культуры, как кобанская, прикубанская и др., появились скифы. Тогда же (примерно с VI в. до н.э.) кавказское побережье Черного моря, включая и Таманский полуостров, начали осваивать древние греки, построив здесь свои города и развернув оживленные, прежде всего торгово-экономические, связи с местным населением. Но еще задолго до греков на берегах Понта население Северо-Западного Кавказа прошло долгий исторический путь и создало свои яркие и самобытные культурные традиции.

Попытаемся проследить культурно-историческое развитие Северо-Западного Кавказа начиная с древнего каменного века, т.е. времени появления человека на данной территории. Древний каменный век — наиболее продолжительная во времени эпоха в истории человечества. Она, по мнению современных ученых, началась несколько миллионов лет тому назад. Наиболее ранние следы жизни человека, включая и некоторые останки его самого, открыты в Олдувайской долине, в Восточной Африке. Именно оттуда древнейший человек расселился в Аравию, на Ближний и Средний Восток и оттуда, из Передней Азии уже, в другие регионы Старого Света и в первую очередь, видимо, на Кавказ. Действительно, на Кавказе в настоящее время известны чрезвычайно древние памятники, оставленные ранними гоминидами. Об этом убедительно свидетельствуют, например, материалы нижнего слоя пещерной стоянки Азых в Азербайджане и еще более раннего памятника — открытой стоянки Дманиси в Грузии. Согласно новейшим данным, последняя датируется временем около 1,5—1,7 миллиона лет.

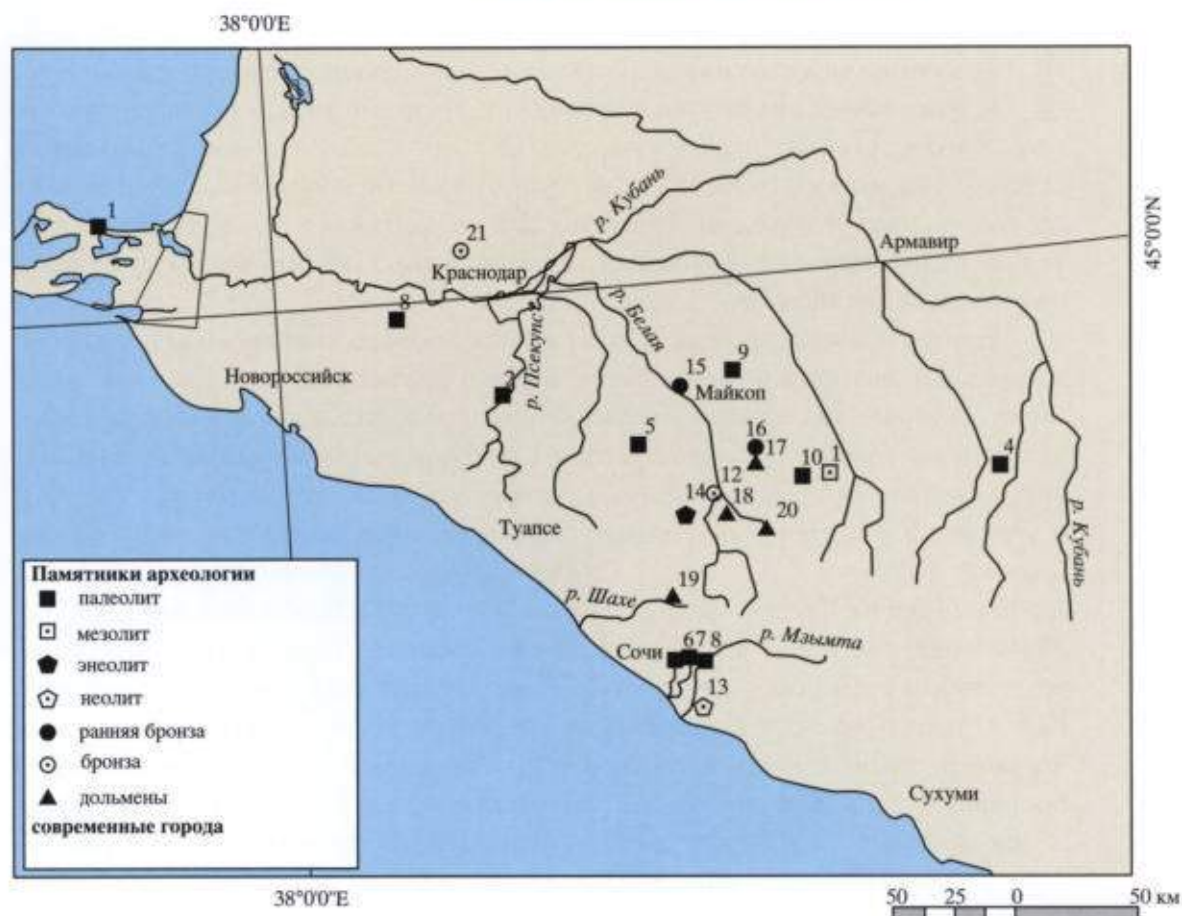

Рис. 1. Карта памятников каменного и бронзового веков Прикубанья

Однако в самое последнее время и на Северном Кавказе открыты довольно ранние памятники (доашельской эпохи), возраст которых приближается к 1 миллиону лет и даже старше. Они открыты в Дагестане и сейчас детально изучаются российскими учеными. Во всяком случае, совершенно очевидно, что и на Северном Кавказе человек появился и стал жить довольно рано, не менее миллиона лет назад. Это касается в одинаковой, а может быть, и в большей степени его северо-западной части. Северные предгорья Западного Кавказа и территория современной Тамани в начале плейстоцена по экологическим условиям, как предполагают ученые, не намного отличались от условий Закавказья и Средиземноморья и были подходящими для обитания раннепалеолитических людей¹. Большой научный интерес представляет открытие здесь целого ряда палеолитических местонахождений, в том числе ашельской эпохи² (к сожалению, они пока слабо изучены). Ученые полагают, что именно с Западного Кавказа началось наиболее раннее заселение людьми Юго-Восточной Европы³.

Самыми древними находками на Северо-Западном Кавказе являются доашельские материалы стоянки Богатыри в Приазовье⁴. К следующей — ашельской эпохе — относятся каменные орудия, обнаруженные в Карачаево-Черкессии, на Тамани и близ ст. Саратовской на р. Псекупсе в Прикубанье⁵. Именно здесь, особенно в среднем течении р. Белой (притока Кубани), сосредоточено подавляющее большинство ашельских памятников всего Северного Кавказа. Почти все они, однако, находятся в переотложенном состоянии, т.е. смещены с первоначального места расположения водными потоками. Обнаруженные на ашельских местонахождениях орудия — это преимущественно ручные рубила и отщепы.

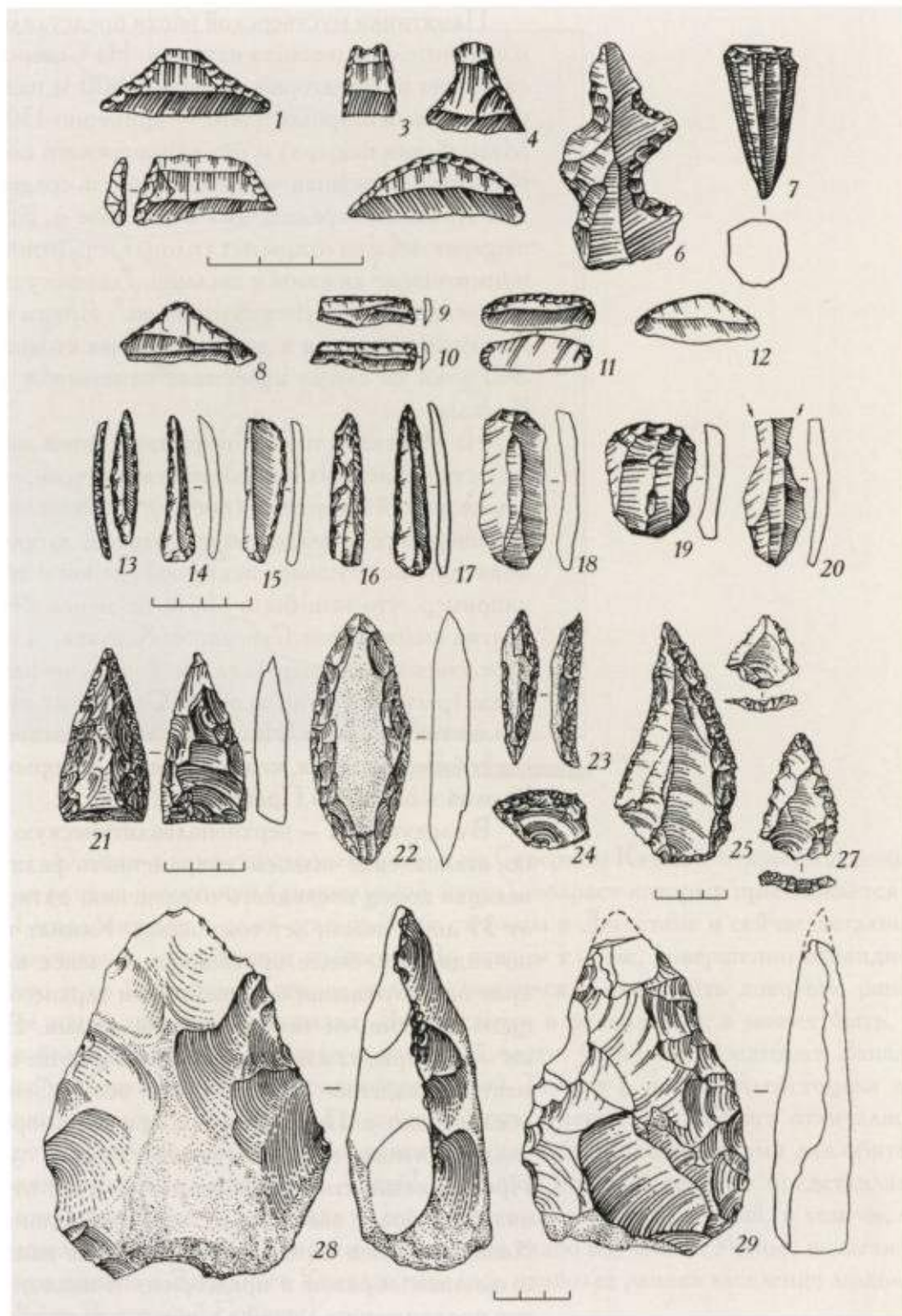
Памятники мустьерской эпохи представлены по всему Северному Кавказу и сравнительно неплохо изучены. На Северо-Западном Кавказе они распространены от предгорий — около 1000 м над уровнем моря (Ильская стоянка) до высокогорных плато — примерно 1300–1500 м (стоянка Баранаха 4, Мезмайская пещера) и от черноморского побережья почти до Центрального Кавказа⁶. Основная часть памятников среднего палеолита на Северо-Западном Кавказе сосредоточена в бассейне р. Кубани. Люди обитали не только в пещерах, но и на открытых склонах гор, речных террасах, сооружая для жилья примитивные хижины и шалаши. Главное условие места обитания — хорошая обогреваемость солнечным теплом⁷. Ярким примером такой открытой стоянки служит большая и долговременная стоянка у ст. Ильской в Прикубанье⁸. Это один из самых известных памятников мустьерской эпохи на Северном Кавказе.

На Ильской стоянке открыты остатки жилища и обнаружено большое количество каменных орудий типа нуклеусов, остроконечников, скребел и др., а также костей животных (рис. 2). Обитатели стоянки охотились на мамонтов, большерогого и благородного оленей, зубров, лошадей, кабанов, пещерных медведей, не гнушась пещерной гиеной и другими животными. Подсчитано, например, что ими было убито не менее 2400 зубров. Судя по материалам других памятников Северного Кавказа, в охотничью добычу мустьерского населения края входили также козлы, муфлонообразные бараны, различные виды грызунов, птиц и рыб⁹. Основу их существования составляла именно коллективная охота. Источником же растительной пищи служили различные съедобные растения, ягоды и плоды, которыми столь богат Северо-Западный Кавказ и особенно Прикубанье.

В следующую — верхнепалеолитическую эпоху — происходит, как известно, становление человека современного физического типа. Эта эпоха, охватывающая конец последнего оледенения, датируется временем приблизительно от 35 до 10 тысяч лет тому назад. Климат тогда на Северном Кавказе был, по-видимому, более прохладным и менее влажным, чем сейчас. Предгорья края на протяжении большей части верхнего палеолита, в отличие от настоящего времени, не были покрыты лесами. Верхнепалеолитические памятники — пещеры, скальные навесы, открытые стоянки, мастерские и отдельные местонахождения — известны по всему Северному Кавказу. Более всего их обследовано в Прикубанье и причерноморских районах¹⁰. Исключительно благоприятные природно-климатические условия северо-западной части Предкавказья способствовали тому, что этот регион уже в каменном веке оказался более заселенным, чем центральная и восточная части Северного Кавказа. Здесь верхнепалеолитические памятники расположены на равнине и главным образом в предгорных и низкогорных районах. Предполагается, что продвижению людей в глубь гор препятствовало значительное оледенение Большого Кавказа.

Из обследованных верхнепалеолитических памятников Северо-Западного Кавказа наибольшую известность получили обжитые пещерные стоянки на р. Хосте в Причерноморье, Наваишинская стоянка на р. Кудепсте, Ахштырская на р. Мзымте, Монашеская стоянка, Губские стоянки и др. в Прикубанье. Основу хозяйственной деятельности обитателей этих стоянок по-прежнему составляли охота на диких зверей и собирательство. Примечательно значительное разнообразие орудий труда в эту эпоху. Среди них представлены различные скребки, резцы, острия, скобели, орудия типа стамески и др. Характерно не только появление самих новых форм орудий, но и

Рис. 2. Каменный век Прикубанья. Навес Сатанай (верхний палеолит) (1–20), Ильская стоянка (мустье) (21–23), губская культура (мустье) (24–27), ручные рубила из ашельских местонахождений (28, 29)

то, что они становятся заметнее меньше по размерам, чем каменные изделия предшествующей эпохи. Тенденция к «микrolитизации» орудий, начавшаяся в верхнем палеолите, приводит к изобретению лука и стрелы, получивших широкое использование в последующие периоды каменного века — мезолите и раннем неолите¹¹.

Следующий этап культурного развития — мезолит датируется в пределах 10–9 тысяч лет назад. В этот период исчезают остатки последнего оледенения, и климат становится теплее. Флора и фауна, как и весь природно-географический фон в целом, приобретают облик, близкий к современному¹².

К сожалению, мезолит и неолит Северо-Западного Кавказа, как и всего Кавказа, изучен слабо. И памятников данных эпох здесь выявлено значительно меньше, чем палеолитических. Из мезолитических памятников, открытых в Прикубанье, особый интерес представляет поселение Сатанай. Здесь обнаружен выразительный набор кремневых орудий, особенно микролитического типа в виде небольших пластин, трапеций и сегментов¹³. Последние вставлялись в деревянную или костяную основу и образовывали лезвие ножа. Составленное из таких «геометрических микролитов» орудие использовалось для разных целей, в том числе и для того, чтобы срезать стебли дикорастущих злаков. Подобные кремневые и обсидиановые орудия весьма характерны и для мезолита других областей Кавказа и очень похожи на соответствующие изделия из мезолитических стоянок и местонахождений Крыма и Подонья. На связи населения, в частности Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа, указывают находки в мезолитических памятниках последнего орудий из обсидиана, добытого в Кабардино-Балкарии¹⁴.

Из-за слабой изученности дать сколько-нибудь полную характеристику неолита Северного Кавказа в целом и отдельных его регионов в частности, пока затруднительно. Наиболее известными памятниками позднего неолита на Северо-Западном Кавказе являются Каменноостская пещера в Прикубанье и стоянка Нижняя Шиловка близ г. Адлера на черноморском побережье¹⁵. В материалах этих памятников представлен богатый набор каменных орудий. Среди них имеется также каменный топор, двусторонне обработанный и хорошо отшлифованный. Найдена здесь и керамика: груболепные плоскодонные сосуды, иногда украшенные прочерченным орнаментом.

Но самым важным для Прикубанья в этот период, несомненно, стало развитие скотоводства. В неолитическом слое Каменноостской пещеры вместе с костями многих диких животных (благородного оленя, косули, медведя, зайца, лесной кошки, барсука, выдры) обнаружены также остатки домашних животных — быка, овцы или козы, свиньи и собаки. Вполне вероятно, что и обитатели Нижнешиловской стоянки разводили домашних животных, но там из-за специфики почв кавказского Причерноморья (кислые почвы) костные остатки не сохранились. В настоящее время уже достаточно очевидно, что в эпоху неолита на Северном Кавказе — от Дагестана на юго-востоке и до Прикубанья на северо-западе — сложилось животноводство — одна из ведущих отраслей древнейшего производящего хозяйства. Не позднее этого периода здесь наряду со скотоводством, вероятно, начинает развиваться и земледелие, но убедительных данных об этом пока крайне мало.

Прогресс в культурно-историческом развитии на протяжении многих тысячелетий привел не только к усовершенствованию каменной индустрии, возникновению гончарного дела — производству глиняной посуды — и расширению межплеменных связей, но и переходу к оседлому образу жизни и развитию земледелия и скотоводства. Освоение производящих форм хозяйства стало революционным сдвигом, определившим все дальнейшее экономическое и культурное развитие Кавказа и значительных регионов Евразии. Началась эпоха энеолита, или медно-каменного века.

Знакомство человека с металлом, прежде всего с медью, произошло на Ближнем Востоке довольно рано, еще в раннем неолите. Первые медные изделия представляли собой, как правило, украшения — бусы, подвески и т.д. На Кавказе, особенно на Северном Кавказе, использование металла началось сравнительно поздно, видимо, не раньше, чем в конце V тыс. до н.э.¹⁶

В Прикубанье открыт целый ряд памятников эпохи раннего металла. Наиболее исследованное из них — поселение Мешоко¹⁷. Оно располагалось на мысу при слиянии ручья Мешоко и р. Белой, его площадь составляла 1,5 га. С напольной стороны поселение было укреплено массивной каменной оборонительной стеной длиной 150 м, шириной до 4 м и высотой не менее 2 м. Это был долговременный оседлый поселок. Дома здесь находились не в центре, а по краю, будучи пристроенными к оборонительной стене. Центральная же часть поселка использовалась как площадь — загон для скота. Жилища представляли собой легкие каркасные постройки прямоугольной формы, различной площади, примерно 12 × 4 м. Стены и пол обмазывались толстым слоем глины. В жилищах были устроены и печи. На поселении производилась и глиняная посуда. Она не отличается высоким качеством и разнообразием форм. Представлены как крупные сосуды, так и небольшие горшки с плоским или реже — округлым дном. Отдельные сосуды украшались различными видами орнамента: в виде рядов округлых выпуклин-жемчужин, других рельефных и резных изображений. Особо следует отметить найденную в Мешоко глиняную антропоморфную статуэтку женщины. Она довольно реалистична и относится к древнейшим образцам мелкой терракотовой пластики Северного Кавказа.

Значительны обнаруженные здесь коллекции каменных, особенно кремневых орудий. Они насчитываются тысячами. Среди них большой набор кремневых изделий неолитического и даже верхнепалеолитического типов, свидетельствующих о несомненной преемственности в развитии каменной индустрии Северо-Западного Кавказа. Это различные скребки, ножевидные пластины и т.д., которые продолжали еще широко использоваться в быту и хозяйстве. Но уже имеются новые типы каменных орудий, особенно плоские тесловидные топоры. Главное, что в составе каменного инвентаря Мешоко присутствуют орудия, связанные с переработкой земледельческой продукции. Обитатели поселения Мешоко не только разводили домашних животных — свиней, коз, овец, быков, — но, по всей вероятности, занимались и земледелием. Они знали также металлургию и металлообработку. Здесь обнаружен и целый ряд мелких изделий из меди и бронзы.

Следует подчеркнуть, что и другие памятники раннеметаллической эпохи Прикубанья, в том числе поселение Свободное, расширяют наши представления о том высоком уровне, которого достигло Прикубанье в этот период.

На заре бронзового века население Северо-Западного Кавказа значительно продвинулось в своем развитии. Здесь уже существовали оседлые поселения, некоторые из них были укреплены каменной оборонительной стеной. Мешоко пока наиболее раннее из подобных укрепленных поселений на Северном Кавказе. Важно в данном случае то, что и в Предкавказье, как и в некоторых других регионах Старого Света, традиция укрепления поселений возникла достаточно рано, хотя и позднее, чем, например, на Ближнем Востоке¹⁸.

Подлинный же расцвет наступает на Северо-Западном Кавказе в эпоху бронзы, когда здесь, как и на значительной территории Предкавказья, складывается и получает развитие так называемая «майкопская культура»¹⁹. Она получила свое название от знаменитого кургана Ошад в г. Майкопе, раскопанного Н.И. Веселовским еще в конце XIX в.²⁰ Уже тогда научный мир России и Европы был удивлен поразительным богатством этого кургана, установленным здесь оригинальным обрядом захоронения и рядом уникальных находок — золотыми и серебряными фигурками быков, золотыми розетками,

Рис. 3. Майкопский курган. Золотая и серебряная фигурки быков

целой серией серебряных сосудов, в том числе украшенных великолепными чеканными изображениями.

Замечательный памятник раннебронзового века Северо-Западного Кавказа представляет собой большой земляной курган высотой 11 м с массивным каменным кромлехом в основании. В центре его находилась огромная могильная яма (5,33 × 3,73 × 1,42 м), разделенная деревянными перегородками на три неравные по размерам камеры и покрытая сверху деревянным настилом. В ней оказались погребенными три человека. В южной — большой камере — на галечном полу находилось мужское захоронение, а в двух других — женские. Все они лежали в скорченном положении, головами на юг и были густо посыпаны красной охрой.

Над мужским погребением, как предполагают, был устроен балдахин, который поддерживался шестью серебряными стержнями длиной 1,03 м, на два из них были насажены по одной золотой, а на остальные по одной серебряной фигурке быка (рис. 3). Покойник был захоронен в богатой одежде и дорогом убранстве. Его скелет был буквально усеян различными украшениями. При нем найдено, в частности, 68 золотых штампованных пластинок в виде изображений львов, 19 таких же пластинок, изображающих быков, 38 штампованных золотых колец, 10 двойных пятилепестковых розеток и множество разнообразных золотых, серебряных, сердоликовых и бирюзовых бусин. Под черепом находились две золотые ленты и две круглые серьги (рис. 4). По всей вероятности, на голову погребенного была надета диадема. Ближе к восточной стене могилы были поставлены в ряд 17 сосудов: два золотых (рис. 5), один каменный с золотой крышкой и 14 серебряных, два из которых украшены крайне любопытными сценами. Первый из них (кубок) весь покрыт рисунками. В верхней его части изображена горная цепь с двумя возвышающимися над ней вершинами (рис. 6). Там, где эта цепь разорвана, изображены два дерева, между которыми стоит на задних лапах медведь. От подножия гор идут две «волнистые» линии в виде змейки, соединяющиеся на дне сосуда. На средней части этого кубка имеются рисунки стоящих в ряд двух быков, лошади и льва с сидящей на нем птицей. Изображение птицы имеется и над лошадью. Там представлена целая сцена из следующих друг за другом кабана, козла, барана и львицы (рис. 7).

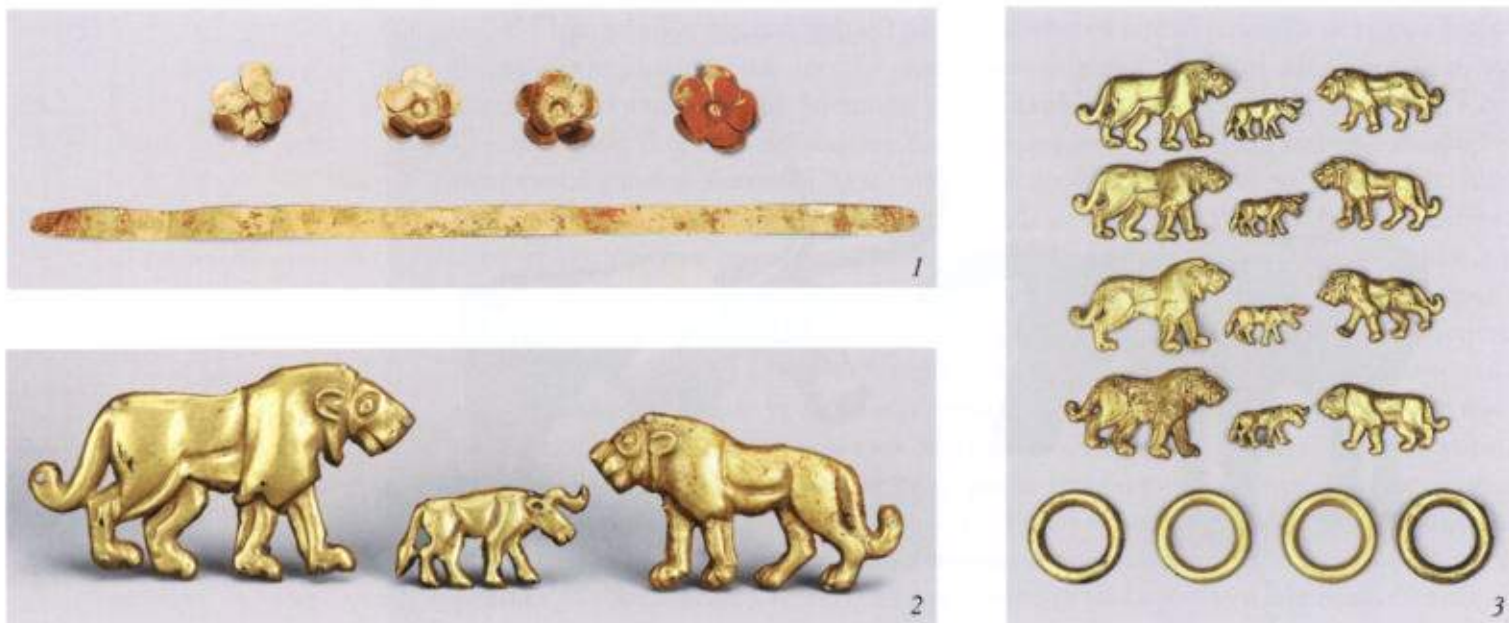

Рис. 4. Майкопский курган. Золотые изделия: диадема и розетки (1), бляшки в виде изображения львов (2, 3) и кольца (3)

Рис. 5. Золотой кувшин из Майкопского кургана

В течение многих лет ученые придерживались мнения о том, что горная цепь, изображенная на данном сосуде, представляет собой панораму центральной части Большого Кавказа с вершинами Эльбруса и Казбека²¹. Волнистые же полосы, спускающиеся с гор, можно рассматривать как любую пару больших рек Северного Кавказа. Мы также полагаем, что эти рисунки, скорее всего, представляют панораму гор Армении с берущими там начало Тигром и Евфратом. Однако недавно было высказано иное и, возможно, более правомерное предположение, что на этом сосуде изображено междуречье Кубани и Ингури с возвышающейся над ним западной частью Большого Кавказа с вершинами Эльбруса и Ушбы²². На втором серебряном сосуде также имеются три ряда изображений (рис. 8). Основание его горловины украшает узкая лента, выполненная гравировкой. Ниже на тулове изображены в один ряд баран, бык, барс и снова баран и барс. Довольно сложный рисунок выполнен на дне сосуда. Он напоминает 12-лепестковый цветок. Это поистине уникальные сосуды, хранящиеся в золотой кладовой Государственного Эрмитажа, являются подлинными шедеврами древнего ювелирного искусства²³. Однако этими предметами не ограничивается весь инвентарь Майкопского кургана²⁴.

В южной камере могилы, в ее юго-восточном углу, находились также два золотых и три серебряных колпачка полушаровидной формы, несколько кремневых наконечников стрел и ряд микролитических орудий, два каменных оселка, каменный топор и десять бронзовых предметов: длинный (30 см) нож-кинжал с остатками рукоятки, нож, шило, пять топоров, в том числе топор-тесло и орудие в виде кирки (рис. 9). Вдоль западной стенки стояли восемь одинаковых по форме глиняных сосудов. Наконец, по всему дну южной половины могилы найдены тонкие полоски из серебра, на некоторых из них сохранились серебряные гвоздики. При женских же погребениях в двух других камерах северной половины могилы было сравнительно мало вещей: золотые и сердоликовые бусы, бронзовые чаша, ведро с дужкой, кувшин и два котла, крупный глиняный сосуд и подобные упомянутым полоски из серебра (рис. 10, 11, 14).

Таков этот уникальный погребальный комплекс. Нигде на территории России и Западной Европы (исключая Грецию) до сих пор не раскопана столь богатая и оригинальная могила бронзового века. Особенности могиль-

Рис. 6. Майкопский курган. Первый серебряный сосуд с изображениями (1). Детали изображений на верхней части сосуда (2, 3)

ного сооружения и исключительное богатство содержащегося в нем инвентаря убедительно указывают на особое положение, которое занимал в «майкопском» обществе погребенный под этим курганом мужчина. Он был, вероятно, вождем (или главным жрецом) родоплеменной знати. Не исключено, что захороненные с ним женщины являлись наложницами.

Майкопский курган — не единственный памятник, указывающий на существование в эпоху ранней бронзы (конец IV — III тыс. до н.э.) на Северо-Западном Кавказе родоплеменной верхушки, обладавшей такими сокровищами. Ко времени сооружения памятника относится также богатый клад, обнаруженный близ ст. Старомышастовской в Прикубанье. Он включал в себя серебряные сосуд, фигурки быка и антилопы; золотые предметы — три розетки, около 40 височных колец и головку льва (рис. 12); кроме того, 2500 золотых и серебряных и более 400 сердоликовых и лазуритовых бусин²⁵. Предметы этого клада, кстати, похожи на соответствующие находки из Майкопского кургана.

Наряду с богатыми захоронениями «майкопцев» учеными было открыто и значительное количество рядовых погребений. К настоящему времени исследовано уже не менее двух сотен таких погребений. Они объединяются в единую культуру раннебронзового века Северного Кавказа, названную майкопской. Границы ее обширны — от Таманского полуострова на северо-западе и до Дагестана на юго-востоке. Отдельные памятники майкопской культуры выявлены и на черноморском побережье (Новороссийский район)²⁶, а также

Рис. 7. Майкопский курган. Серебряные сосуды и изображения на них (1, 2)

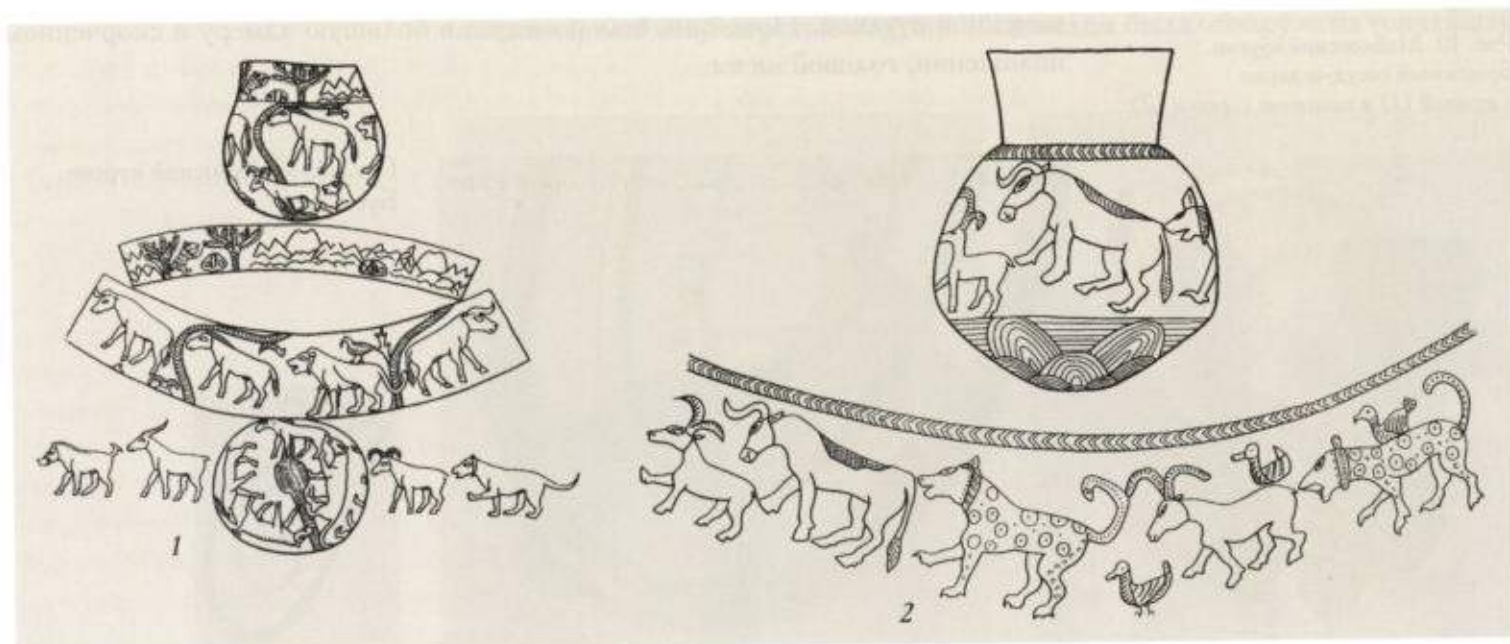

Рис. 8. Майкопский курган. Второй серебряный сосуд с изображениями (1–3)

2

3

Рис. 9. Майкопский курган. Бронзовые топоры (1, 2)

1

2

Рис. 10. Майкопский курган. Бронзовый сосуд-ведерко с дужкой (1) и глиняные горшки (2)

1

2

на востоке — в степях Калмыкии²⁷. Майкопские племена занимали предгорные и примыкающие к ним равнинные районы.

Майкопская культура изучена главным образом по погребениям, но в настоящее время известна и группа майкопских поселений, которые исследованы еще недостаточно²⁸. Наибольшая концентрация памятников данной культуры наблюдается на Северо-Западном Кавказе, в частности в Прикубанье. Здесь открыты как Майкопский курган и другие памятники, относящиеся к раннему этапу, так и сравнительно более поздние комплексы. Среди последних такой знаменитый памятник, как курганный могильник Клады у ст. Новосвободная (бывшая ст. Царская), который начал копать еще в 1898 г. Н.И. Веселовский²⁹, а сейчас ведет работы А.Д. Резепкин³⁰.

Дольмены у ст. Новосвободной находились под большими курганами и были завалены камнями. Первый из них был сложен из шести—семи массивных плит. Кроме того, две плиты, каждая длиной 3,17 м, составляли двускатную крышу могильного сооружения (рис. 13). Дольмен другого кургана при близкой конструкции имел плоское перекрытие. Оба дольмена были разделены поперечной плитой на две неравные камеры. В поперечной плите имелось отверстие (в одном случае прямоугольное, в другом округлое), заложенное каменной втулкой. Покойник был помещен в большую камеру в скорченном положении, головой на юг.

Рис. 11. Майкопский курган. Бусы

Рис. 12. Старомышастовский клад. Золотые кольца (1–6), бусы (7), серебряная фигурка бычка (8), золотая головка льва (9)

Что же было найдено в этих гробницах? В дольмене первого кургана в большой камере рядом с черепом находились две золотые серьги с привесками из лазурита, четыре золотых кольца, множество золотых, серебряных, хрустальных и сердоликовых бус, одна золотая и две серебряные иглы, около груди — три бронзовых долота, три плоских тесловидных топора и девять ножей-кинжалов, три вилообразных предмета с крюками и втулкой, на одном из которых две стоящие человеческие фигурки, а также четыре проушных топора и ложка-черпак с длинным стержнем. У восточной стенки дольмена стояли четыре бронзовых сосуда (в одном из них лежали золотые, хрустальные и сердоликовые бусы) и пять глиняных горшков. Во второй же, меньшей камере находились шесть кремневых наконечника дротика, пять бронзовых шильев, два каменных оселка, костяные бусы и подвески и четыре глиняных сосуда.

Интересные предметы содержал дольмен-гробница и в другом кургане. Это кремневые наконечники стрел, бронзовые топоры, шилья, серебряные булавки, кинжал в медных ножнах, золотые кольца, бусы из золота, серебра, сердолика и кости, глиняные сосуды и пр. Особый интерес представляют остатки одежды, сохранившиеся на погребенном. Найдено, в частности, одеяние на черном меху шерстью наружу. Под мехом была обнаружена тончайшая

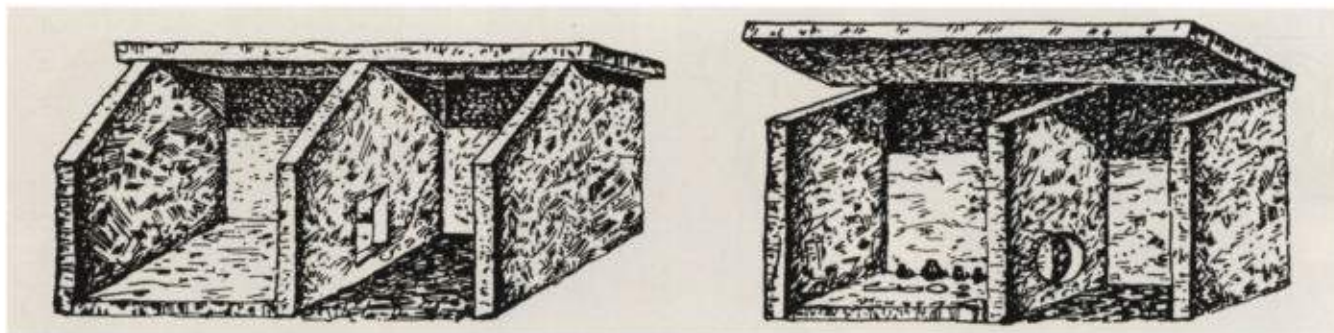

Рис. 13. Дольмены № 1 и № 2
у ст. Новосвободная

шерстяная ткань желтоватого цвета с продольными и поперечными черными полосами, а под ней остатки холщевой ткани, выкрашенной в пурпурный цвет и покрытой красными же нитями в виде кистей³¹.

Интереснейший новый материал обнаружен и в дольменах, раскопанных А.Д. Резепкиным в минувшее тридцатилетие. Он включает также золотые и серебряные украшения, керамику, различные предметы из камня и особенно много бронзовых изделий. В целом они повторяют находки из описанных выше дольменов, но среди них имеются и совершенно уникальные предметы, например, бронзовый меч длиной 63 см. Это самое древнее оружие подобного типа из всех найденных до сих пор где-либо. Оригинален и бронзовый позолоченный топор с деревянной ручкой, обвитой серебряной лентой. Еще более интересен бронзовый предмет в виде круга — колеса с четырьмя спицами и втулками. Возможно, это штандарт, принадлежавший погребенному в дольмене представителю «майкопской» знати. Среди других находок из этих дольменов отметим еще бронзовые фигурки животных (собак — ?) и каменную скульптуру быка или коровы, окрашенную в черный цвет.

Богатые погребения майкопской культуры были обнаружены и в других областях Северного Кавказа, особенно на территории Кабардино-Балкарии, но столь богатых курганов, как в Прикубанье, там пока не открыто.

Майкопская культура — феноменальное явление в древнейшей истории Кавказа и всей Евразии. До сих пор ряд исследователей считает, что местом ее формирования является Прикубанье, где сосредоточено большое количество ее памятников, в том числе относящихся к раннему этапу развития культуры Майкопа³². Однако в настоящее время значительное число памятников этой культуры было обнаружено и исследовано также и в Центральном Предкавказье, причем среди них и достаточно ранние комплексы. Поэтому вопросы о том, где и когда сложилась майкопская культура остаются открытыми, также неясно, откуда она распространилась по всему Предкавказью и каковы были причины ее развития и расцвета. Независимо от решения этих проблем, совершенно ясно, что именно Прикубанье было одним из важнейших очагов развития этой своеобразной и яркой культуры.

Основу экономики племен майкопской культуры составляло скотоводство. Земледелие же у них не было столь высоко развито и не имело такого значения, как у населения, например, Дагестана и Закавказья. На майкопских поселениях представлены остатки серпов, зернотерки и терочники, но в несравненно меньшем количестве, чем на синхронных памятниках Южного Кавказа. Неизвестно точно, какие виды злаков культивировали «майкопцы»; можно лишь предполагать, что это были пшеница и ячмень. «Майкопцы» обладали почти всеми видами домашних животных, но основное значение в их скотоводческом хозяйстве имело свиноводство³³. На втором месте по

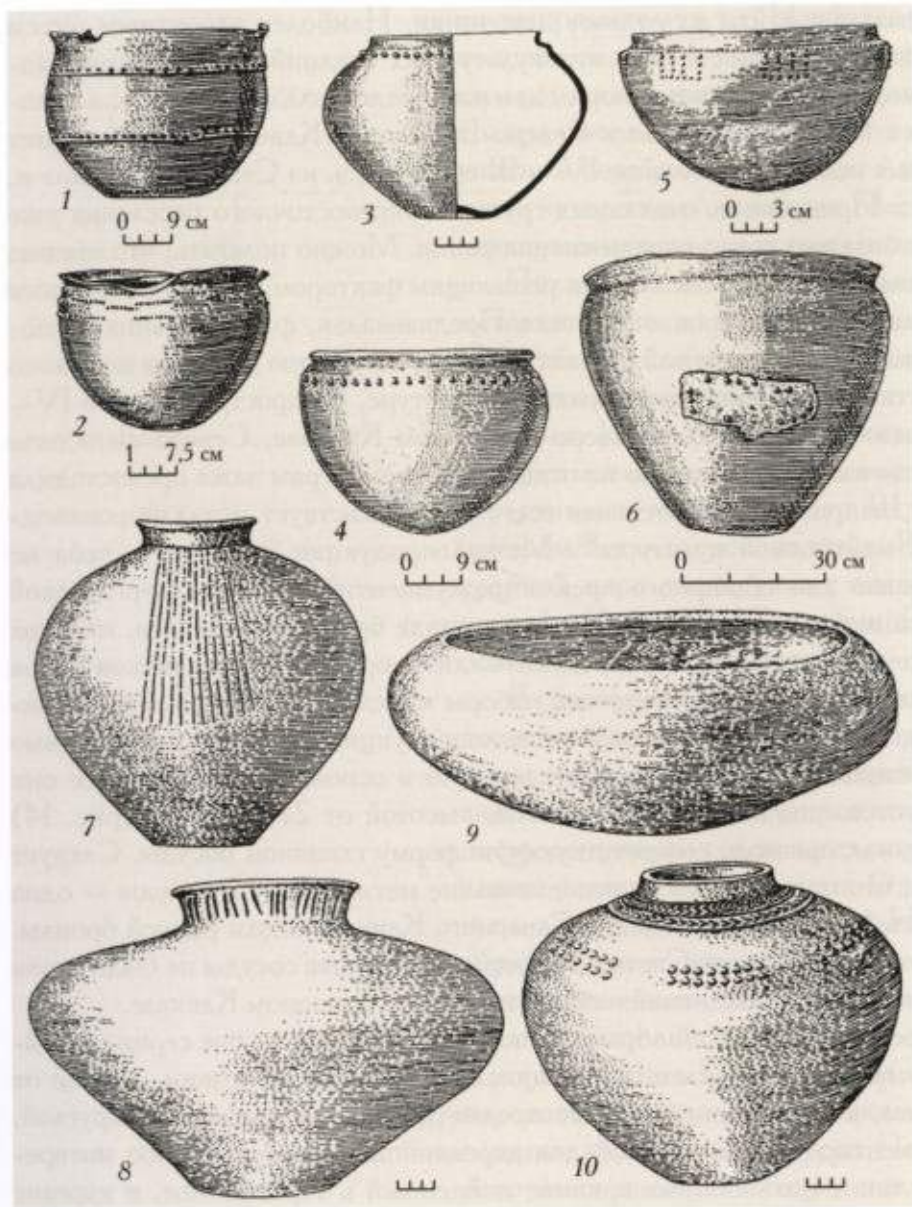

Рис. 14. Майкопская культура.
Бронзовые (1–6) и глиняные (7–10)
сосуды

значению был крупный рогатый скот, а затем овцы. Такое направление в развитии животноводства объясняет, почему майкопские племена обитали на равнине и в предгорьях и не осваивали горные районы. Особо следует подчеркнуть факт появления на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы домашней лошади. Кости ее обнаружены даже в кургане. Вероятно, лошадь уже тогда начали использовать для верховой езды, о чем могут свидетельствовать находки бронзовых псалий в ряде майкопских погребений, в том числе в Прикубанье. Но лошадей было довольно мало, и владела ими, видимо, лишь богатые семьи.

Широкое развитие у майкопских племен получили различные производства, связанные с обработкой камня, гончарным делом, металлообработкой, в том числе изготовлением разнообразных изделий из золота и серебра.

«Майкопцы» создали свою традицию керамического производства, резко отличную, например, от закавказской и характеризующуюся особыми формами посуды и орнамента и специфическими технологическими особенностями. Они начали уже применять при формовке глиняной посуды вращательный инструмент, близкий примитивному гончарному кругу Месопотамии³⁴. Примечательно, что нигде в Восточной Европе использование гончарного круга не зафиксировано.

Раннемайкопские сосуды в виде небольших горшков встречены только в Прикубанье и Центральном Предкавказье. В местных памятниках предшествующего периода таких сосудов не найдено, хотя совершенно аналогичные им горшки представлены в ряде древнейших комплексов Месопотамии и особенно долины Амука в Сирии. Поэтому есть все основания считать, что они имеют переднеазиатское происхождение. Анализ целого ряда других предметов, особенно раннемайкопской металлопродукции, также указывает на то, что их истоки и прототипы следует искать на Ближнем Востоке, включая Месопотамию.

Именно исходя из всех имеющихся данных, ученые пришли к выводу о том, что сложение и развитие майкопской культуры на Северном Кавказе было стимулировано в значительной степени этнокультурными влияниями из ближневосточного региона в период существования там урукской культуры (примерно IV – начало III тыс. до н.э.). К сожалению, пока не изученными в должной степени остаются такие важные вопросы, как причина «интереса» населения Ближнего Востока к Северному Кавказу, пути его проникновения в Предкавказье и др. Однако мы полагаем, что главной причиной явились постоянно возрастающая необходимость в металле — меди, золоте, сереб-

ре — и стремление найти их рудные источники. Наиболее вероятным путем проникновения ближневосточных этнокультурных влияний на Северный Кавказ был не морской по Черному морю, как нам представлялось раньше, а сухопутный: через Иран, Закавказье и Северо-Восточный Кавказ³⁵. Сам же факт проникновения во второй половине IV — III тыс. до н.э. на Северный Кавказ и, в частности в Прикубанье, отдельных групп ближневосточного населения уже не вызывает больших споров среди специалистов. Можно полагать, что именно ближневосточные влияния послужили решающим фактором, способствовавшим расцвету культуры раннебронзового века Предкавказья, формированию феномена Майкопа. Но при этом майкопская культура по уровню развития не только не уступала так называемой куро-аракской культуре, распространенной в IV—III тыс. до н.э. в Закавказье, Северо-Восточном Кавказе, Северо-Западном Иране и Восточной Анатолии, но по отдельным параметрам даже превосходила ее. Об этом, например, убедительнее всего свидетельствует металлопроизводство племен майкопской культуры³⁶. Металлопродукция включает в себя не только обычные для обширного ареала циркумпонтийской металлургической провинции раннебронзового века предметы в виде бронзовых шильев, плоских клиновидных и проушных топоров, долотовидных орудий, наконечников копья и т.д. В ее составе оказываются целые наборы изделий, исключительно характерные только для позднемайкопской металлопродукции. Среди них необходимо отметить прежде всего посуду, представленную в основном котлами. Все они кованые, изготовлены из листовой бронзы, высотой от 21 до 57 см (рис. 14) и повторяют, как правило, соответствующую форму глиняной посуды. Следует подчеркнуть, что производство и использование металлической посуды — одна из особенностей культуры населения Северного Кавказа эпохи ранней бронзы. Ни в одной области Старого Света в эту эпоху бронзовые сосуды не были столь распространены, как у позднемайкопских племен на Северном Кавказе.

Среди бронзовых изделий обращают на себя внимание целые серии ножей-кинжалов с черенком, округленным концом и желобками на лезвии, длиной от 3—4 до 30 см, а также оригинальные предметы с двумя крюками и круглой, иногда орнаментированной втулкой для деревянной рукоятки. Особо интересен один из таких цельнолитых крюков, найденный в Прикубанье, в кургане у ст. Новосвободной. На втулке его помещены две антропоморфные фигурки высотой 3—4 см каждая. Ученые полагают, что эти крюки использовались для вытаскивания мяса из котла³⁷. Особую группу бронзовых изделий составляют отмеченные выше псалы, свернутые из круглого в сечении стержня. Их найдено около 15, и любопытно, что в большинстве случаев они встречаются попарно.

Металл в раннемайкопских памятниках, исключая Майкопский курган и Старомышастовский клад, весьма немногочислен и представлен одной и довольно архаической формой изделий — бронзовыми бесчеренковыми ножами-кинжалами. К тому же значительная часть металлического инвентаря Майкопского кургана не местного производства, а представляет собой предметы ближневосточного импорта. Совершенно иная картина наблюдается на развитом этапе майкопской культуры, когда металлических изделий становится необычайно много. Они изготовлены главным образом из медно-мышьяковистой и медно-никелевой бронзы, удивительно разнообразны по форме и представлены в памятниках всего ареала майкопской культуры значительными сериями.

Самостоятельную отрасль металлообрабатывающего производства составляло ювелирное дело. Оно было связано с изготовлением различных украшений, главным образом из золота. Для этого имелся целый набор инструментов, куда входили специальные тигли, различные молоточки, наковаленки, гладил-

ки-выпрямители и т.д. Наиболее распространенным видом украшений у «майкопцев» были золотые височные кольца округлой формы. Наряду с такими кольцами в некоторых богатых погребениях, например, в Прикубанье, найдены кольца с подвесками из лазурита и спиральные кольца, а также золотые иглы с ушком и серебряные булавки. Аналогичные последним булавки представлены и в некоторых захоронениях Месопотамии, и потому ученые приписывают им переднеазиатское происхождение³⁸. Обнаружены и другие изделия из золота.

Показательно, что наибольшая и, пожалуй, самая выразительная часть металлических изделий памятников майкопской культуры происходит из Прикубанья, составляя ее неотъемлемое культурное наследие. Здесь металла значительно больше, чем в памятниках раннебронзового века Дагестана и Закавказья. Более того, на смежных территориях вообще не известна культура, которая могла бы сравниться с майкопской по количеству и по столь широкому ассортименту металла. Уже в III тыс. до н.э. Северный Кавказ стал крупным центром металлопроизводства. В ареале майкопской культуры сложились по крайней мере два крупных очага металлообработки — один в Прикубанье, второй в Кабардино-Балкарии. Северный Кавказ был в это время, вероятно, основным поставщиком металла для ареала восточно-европейских степей.

В целом можно говорить, что население Прикубанья и всего Предкавказья достигло в эпоху ранней бронзы значительного прогресса в социально-экономическом и культурном развитии. Усиленное развитие хозяйства, особенно скотоводства и металлопроизводства, привело к заметной имущественной дифференциации среди населения, социальному расслоению общества, выделению родоплеменной знати. Однако этот процесс не был здесь столь активным, как, например, в долинах Нила, Тигра и Евфрата, и поэтому не привел к образованию государственности, как в Египте или Месопотамии. Сейчас стало совершенно очевидно, что одним из важнейших факторов, способствовавших столь значительному культурно-историческому прогрессу Северо-Западного Кавказа и всего Предкавказья в раннебронзовом веке, были резко активизировавшиеся связи с Ближним Востоком, и прежде всего разносторонние влияния культурных центров Передней и Малой Азии. Имеются серьезные основания полагать, что не позднее конца IV — начала III тыс. до н.э. на Северный Кавказ начали проникать отдельные группы населения с Ближнего Востока. Какими конкретными причинами было вызвано их «путешествие» столь далеко на север, пока неизвестно. Но мы, как уже отмечалось, знаем: когда началось активное использование металла, а Месопотамия и смежные регионы не имели своей рудной базы, то нужда в металле, включая золото и серебро, стала одной из важнейших причин «интереса» Ближнего Востока к Северному Кавказу. Группы переднеазиатского населения привнесли в Прикубанье и в Предкавказье в целом ряд производственных достижений и многие традиции своей культуры. Они нашли здесь благодатную почву, осели и вместе с местным населением создали в IV—III тыс. до н.э. весьма оригинальную и богатую культуру. Поэтому в формировании майкопской культуры можно видеть взаимодействие двух компонентов — местного и ближневосточного. На протяжении развития этой культуры ее носители поддерживали тесные связи с Передней Азией, а также с населением Северо-Восточного Кавказа, Закавказья и смежных с севера и востока областей.

К сожалению, до сих пор недостаточно изучен палеоантропологический материал раннебронзового века Северо-Западного Кавказа и всего Предкавказья, и потому трудно судить об антропологическом облике северокавказского населения того периода³⁹.

До сих пор неизвестны причины, приведшие к тому, что оригинальная и блестящая майкопская культура, сложившаяся первоначально в Прикубанье и распространившаяся затем по Предкавказью, подобно многим другим древним культурам (куро-аракской, трипольской и т.д.) сошла с исторической арены, и культурный процесс и в Прикубанье, и на всей территории Северного Кавказа развивался уже по иному пути. Заметно ослабевают связи с Ближним Востоком, но резко возрастают взаимоотношения, в том числе Северо-Западного Кавказа, со степным миром Восточной Европы.

Хотя после исчезновения майкопской культуры в Предкавказье и не наблюдается такого своеобразия и разнообразия металлопродукции, но тем не менее металлургия бронзы и металлообработка успешно развивались и во II тыс. до н.э., Северный Кавказ продолжал оставаться одним из крупнейших в Евразии центров металлопроизводства.

С точки зрения изучения культурного наследия Северо-Западного Кавказа большое значение приобретает факт появления здесь обряда захоронения в дольменах. Наиболее ранние дольмены на Кавказе открыты в Прикубанье (в курганах у ст. Новосвободной); они относятся к позднему периоду майкопской культуры — эпохе ранней бронзы. С этого времени, т.е. с III тыс. до н.э., обряд захоронения в дольменах продолжал практиковаться на Западном Кавказе на всем протяжении II тыс. до н.э., до конца бронзового века и даже позднее. Дольмены, выделяемые некоторыми учеными в самостоятельную — дольменную — культуру эпохи бронзы Кавказа⁴⁰, составляют значительный пласт древнего культурного наследия Прикубанья и всего Западного Кавказа. К этим таинственным мегалитическим сооружениям неслучайно приковано пристальное внимание ученых и даже неспециалистов⁴¹.

История изучения западнокавказских дольменов насчитывает уже более 200 лет, начиная с 1794 г., когда академик П.С. Паллас впервые обратил на них внимание⁴². Из дореволюционных исследователей, изучавших дольмены Прикубанья, следует отметить Н.А. Каменева, А.С. Уварова, Е.Д. Фелицына, Н.И. Веселовского и преподавателя Екатеринодарской гимназии В.М. Сысоева, обмерившего около 150 мегалитических сооружений в бассейне р. Кубани⁴³. Большая роль в создании первой сводки о дольменах Западного Кавказа принадлежит Л.И. Лаврову⁴⁴. Однако самый большой вклад в дело изучения западно-кавказских мегалитов-дольменов внес В.И. Марковин. В 60–80-е годы XX в. благодаря его целенаправленным исследованиям, охватившим и кавказское Причерноморье, и особенно Прикубанье, было открыто, обмерено и раскопано значительное число памятников дольменной культуры, включая поселения⁴⁵. В настоящее время исследованием и восстановлением кубанских дольменов занимается В.А. Трифонов⁴⁶.

В результате многолетних исследований зафиксировано более 2300 дольменных сооружений, занимающих территорию вдоль западно-кавказского Причерноморья длиной до 480 км и шириной 30–75 км, включая Абхазию⁴⁷. Значительная часть их, к сожалению, не сохранилась, и всего лишь около 200 из них изучены. Больше всего дольменов открыто в Прикубанье. Они были расположены группами из 10–12 сооружений или составляли иногда целые дольменные поля. Так, на Богатырской дороге близ ст. Новосвободной находилось около 300 дольменов, а у поселка Каменномостский (Хаджох) не менее 210. Крупные местонахождения дольменов имелись на Дегуакской поляне у ст. Даховской и близ речки Кизинки у ст. Баговской⁴⁸.

Дольмены сооружались из местных плотных известняков, песчаников, сланцев и кристаллических пород. Их основная масса занимает склоны гор на

Рис. 15. Дольмены Прикубанья:
1 — у сел. Солох-ауа;
2, 3 — пос. Каменный карьер

уровне 250–400 м (выше 1000 м над уровнем моря дольмены не встречаются). Они разделяются на четыре главных типа: наиболее распространенные — так называемые плиточные дольмены, сложенные из крупных каменных плит; составные дольмены, собранные из сочетания плит и небольших блоков камня; корытообразные и монолитные дольмены, высеченные из одной глыбы камня. Плиточные дольмены представляют собой камеры прямоугольной, трапециевидной и даже многоугольной формы. Размеры их могут быть различными. Например один из дольменов у речки Кизинки достигает 1,80 м длины, 1,30 м ширины и 15 м высоты, а дольмены у ст. Новосвободной, раскопанные Н.И. Веселовским, имеют длину около 3 м при высоте 1,02 м и 1,47 м. Большинство дольменов имеет отверстие округлой формы, расположенное, как правило, в центре входной плиты и обращенное преимущественно в солнечные стороны, к югу и востоку (рис. 15, 16).

Согласно разработанной периодизации, древнейшими среди дольменов Западного Кавказа считаются постройки без лаза, а самыми поздними — сооружения, целиком выбитые в скалах⁴⁹. Погребальный ритуал, практиковавшийся в дольменах, не был единым. Для наиболее ранних дольменов характерны одиночные захоронения в скорченном положении, головой на юг. Со временем же дольмены стали служить для массовых захоронений (до десяти и более умерших), когда покойников усаживали по углам и в центре дольмена. Отмечены и случаи повторных захоронений — при этом обнаруживаются не целые скелеты, а лишь скопления отдельных костей. Погребения в дольменах всегда со-

проводжались инвентарем, прежде всего керамикой в виде однообразных сосудов (горшки, миски, кружки и др.), нередко украшенных орнаментом в виде пальцевых вдавлений и штампов. Металлических изделий мало. Это бронзовые ножи-кинжалы и резе топоры, шилья и орнаментированные литым и пунсонным узором бронзовые крюки. Найдены также колечки из золота и бронзы, каменные терочники, кремневые вкладыши от серпов, топоры из серпентина, булавы, сердоликовые подвески, пастовые бусинки и т.д. Особо отметим находки в дольменах костей лошади, мелкого рогатого скота и свиньи.

Поселений, связанных с дольменами, известно пока немного, и они недостаточно изучены. По материалам поселения Старчики у ст. Новосвободная, можно говорить о том, что основу хозяйства строителей дольменов составляло скотоводство при сравнительно меньшей доли земледелия. Несмотря на значительные успехи в изучении дольменов Прикубанья и Западного Кавказа, ряд важных вопросов, связанных с установлением их подлинной хронологии, генезиса и этнической интерпретации, остается нерешенным в должной мере. Весьма различны предлагаемые датировки: если одни исследователи датируют западнокавказские дольмены в пределах 2400–1400/1300 лет до н.э., то другие значительно удревяняют их — 3200–1800 гг. до н.э.⁵⁰ Не меньшую дискуссию вызывает и вопрос о том, откуда появились на Кавказе погребальные

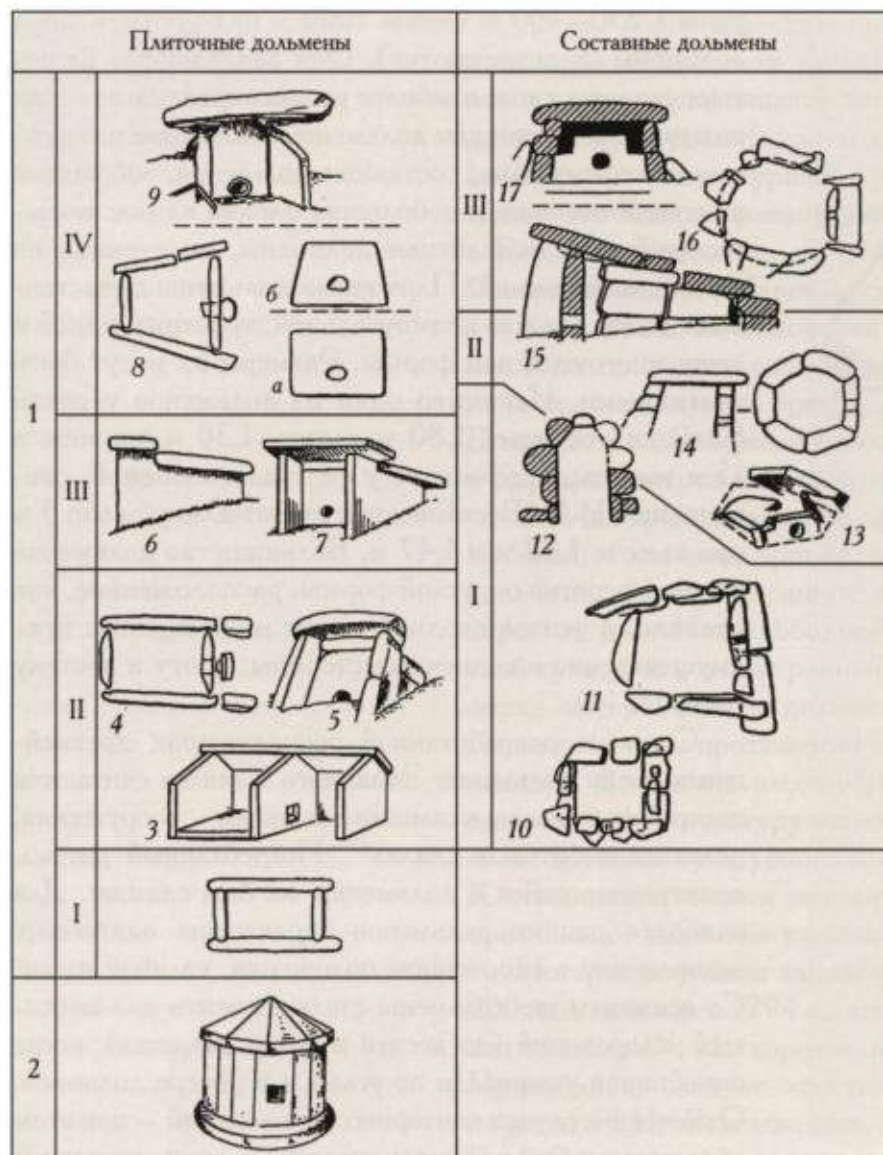

Рис. 16. Плиточные и составные дольмены Прикубанья

сооружения типа дольменов. Многие ученые считают их родиной Средиземноморье⁵¹ (ведь во Франции, и особенно в Испании, дольмены достаточно широко распространены с довольно раннего времени). Независимо от решения вопроса о прародине кавказских дольменов совершенно ясно, что дольмены составляют неотъемлемую часть древнего культурного наследия Прикубанья и Западного Кавказа и их дальнейшее изучение является одной из приоритетных задач кавказоведения.

Если майкопская культура прекратила свое существование на Северном Кавказе около середины III тыс. до н.э., то дольменная культура продолжала свое развитие в Прикубанье. На смену майкопской культуре в Предкавказье пришла, как полагают некоторые исследователи, северокавказская культура эпохи развитой бронзы (вторая половина III—II тыс. до н.э.)⁵², неясно, однако, была ли тогда эта единая культура единственной или на Северном Кавказе в ту эпоху бытовало несколько культур, составлявших северокавказскую культурно-историческую общность⁵³. К настоящему времени в Прикубанье исследована еще одна значительная группа памятников эпохи развитой бронзы: это почти исключительно погребальные комплексы — курганные захоронения. Несмотря на их очевидную

связь с памятниками развитой бронзы других областей Северного Кавказа, они отличаются определенным своеобразием, выражающимся как в обряде погребения, так и в керамике и металле⁵⁴.

Если в предшествующую эпоху Прикубанье и Северный Кавказ активно взаимодействовали с Ближним Востоком и испытывали его заметное влияние, то в период развитой бронзы картина резко меняется. Связи с Передней Азией заметно ослабевают, и в то же время усиливаются контакты с племенами Подонья, Поднепровья и Поволжья. Более того, отдельные группы населения степей Юго-Восточной Европы устремляются в Предкавказье, и прежде всего в его наиболее благодатный край — Прикубанье. И это происходит на всем протяжении III—II тыс. до н.э. Сначала ими были носители так называемой ямной культуры, не без влияния которой на правобережья Кубани, в юго-восточной части Приазовья сложилась недавно открытая культура, названная новотиторовской⁵⁵. К настоящему времени известно уже около 900 курганных захоронений этой культуры, из которых более ста были совершены на деревянных повозках (рис. 17). До сих пор не было известно культур бронзового века, на памятниках которых было бы открыто такое количество повозок, — факт, говорящий о том, что колесный транспорт был довольно развит уже во второй половине III тыс. до н.э. в Предкавказье, и прежде всего в степном Закубанье.

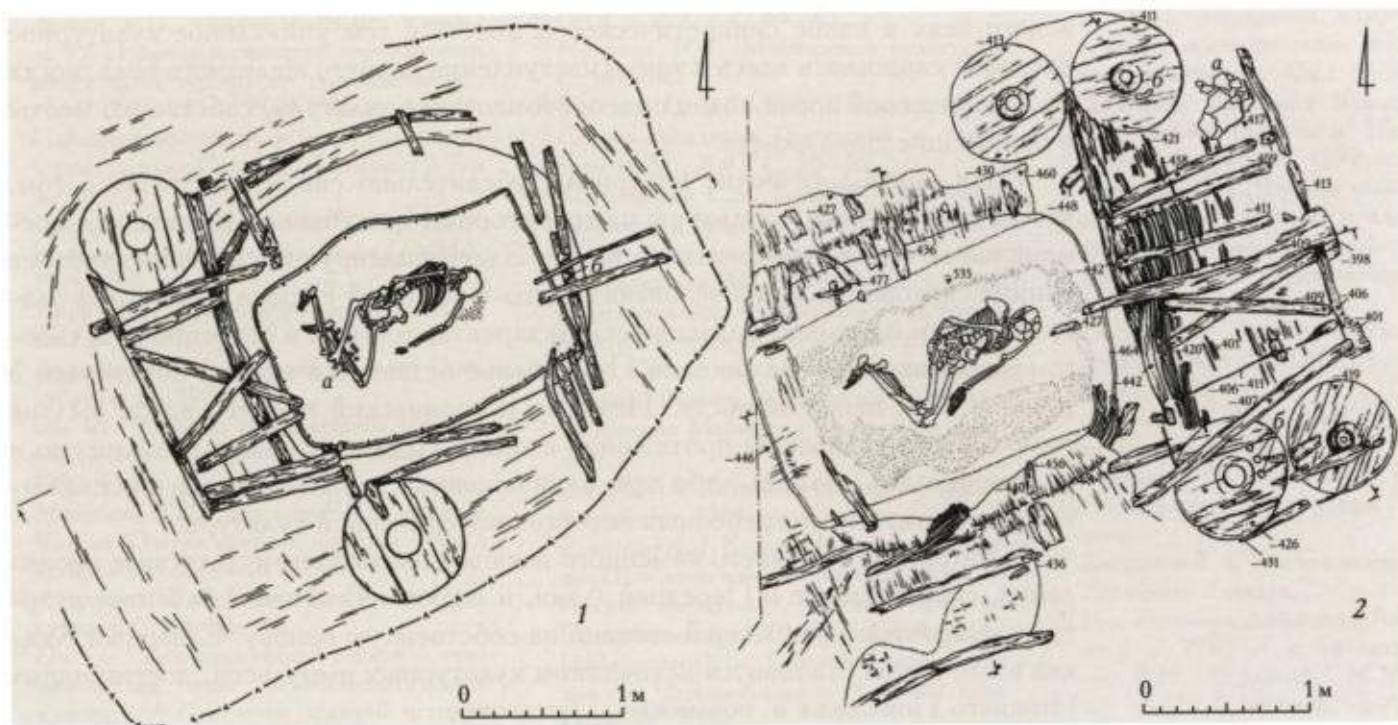

Рис. 17. Новотиторовская культура.
Погребения с повозками (1, 2)

Открытие новотиторовской культуры в Прикубанье неизбежно поставило перед учеными ряд важных вопросов, в том числе о ее связи и соотношении с конкретными кавказскими (включая и закавказские) комплексами.

Что касается последующей за ямной катакомбной культуры, то ее памятники уже давно открыты и изучены на Северном Кавказе, включая Прикубанье⁵⁶. Как нам представляется, инвазия восточноевропейских степных племен в Предкавказье проходила «широким фронтом» и последовательными этапами, и хотя эти племена продвинулись далеко на юг, в район Дербента и некоторые горные районы Северного Кавказа, но основными освоенными ими областями оказались северо-западной части Прикаспия и Прикубанье, т.е. Восточное и Западное Предкавказье. Именно в этих регионах сейчас открыто огромное, исчисляющееся несколькими тысячами количество погребальных комплексов степных культур бронзового века.

Еще сравнительно недавно остро дискутировался вопрос о наличии на Северном Кавказе памятников срубной культуры — наиболее поздней в системе классических культур бронзового века Восточной Европы. В настоящее время только в Прикубанье раскопано более 200 погребений этой культуры, в том числе и захоронения ее самого раннего этапа или непосредственно предшествующего ей — комплексы с так называемой многоваликовой керамикой. Эти памятники выделены в «особый прикубанский вариант срубной культурно-исторической общности»⁵⁷.

Основными причинами, побуждавшими племена степей Восточной Европы к миграции на Кавказ, стали поиск новых пастбищ и стремление к металлу, его источникам и обрабатывающим центрам. Территория же Прикубанья обладала прекрасными условиями для развития скотоводства и металлопроизводства — ведь именно в эпоху позднего бронзового века здесь, как уже отмечалось, сложился один из крупных на Северном Кавказе очагов металлургии и металлообработки⁵⁸.

Совершенно очевидно, насколько сложным и многогранным было этнокультурное развитие Прикубанья и Северного Кавказа в целом в эпоху брон-

зового века и какое синкретическое и вместе с тем уникальное культурное наследие сложилось здесь в канун наступления раннего железного века, когда на исторической арене появились протомеотская культура, собственно меоты и проникшие сюда скифы.

Итак, археологические материалы убедительно свидетельствуют о том, что начало истории и культуры на территории Прикубанья относится ко времени около одного миллиона лет назад. Здесь фиксируются одни из наиболее ранних следов появления человека в Юго-Восточной Европе. Благодаря благоприятным природно-климатическим характеристикам и особенностям своего географического положения Прикубанье оставалось плотно обитаемым в течение всей первобытности. Поэтому исторический процесс здесь был не только неразрывным на протяжении столь продолжительного времени, но и полнее отразил, чем где-либо еще, свои основные характеристики в исключительном богатстве погребенных остатков материальной культуры.

В материалах древнего каменного века мы наблюдаем культурные проявления, свойственные и Передней Азии, и Европе. В неолите развитие культуры опирается в решающей степени на собственную основу. Северный Кавказ в это время становится источником культурных импульсов, достигающих Нижнего Поволжья и, возможно, Приазовья.

Наиболее ярко достижения древнего человека на данной территории проявились в майкопской культуре. С этого периода развитие культуры в Прикубанье, как и на всем Северном Кавказе, шло по магистральному пути (по переднеазиатской модели), ведущему от ранней первобытности к сложению государственности. Но здесь, в отличие от Ближнего Востока, этот путь не был пройден до конца. На раннем этапе периода бронзы Северный Кавказ оказывается в орбите культуры Ближнего Востока, но и сам выступает в качестве своеобразного ретранслятора достижений наступившей эпохи металла в сторону предкавказских степей. В эпоху средней бронзы элементы уже степной культуры проникают достаточно глубоко среди населения гор. В это время прослеживается заметная дезинтеграция культуры, которая к концу этой эпохи приводит к образованию в горных районах Северного Кавказа локальных и достаточно замкнутых образований, и культура приобретает черты наибольшей местной специфики.

Рассмотрение конкретных материалов ясно показывает, что на ход древней истории Прикубанья оказывали воздействие два противоположных по направленности вектора — ближневосточный и юго-восточноевропейский. На разных временных отрезках главенствовал то один из них, то другой. Вместе с тем даже во времена наиболее выраженных внешних влияний сам ход исторического процесса отличался здесь выразительным своеобразием местного культурного колорита, что и определило дальнейшее историко-культурное развитие этого важнейшего региона.

¹ Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. СПб., 2006; Щелинский В.Е. Древнейшие раннепалеолитические местонахождения Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 415.

² Замятнин С.Н. Находка орудий шельвского времени близ ст. Саратовской на р. Псекупсе // Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961. С. 63–66; Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.,

1965. С. 13–20; Он же. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья // КСИА. 1952. Вып. XLVI. С. 31–41.

³ Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Стоянка Богатыри на Таманском полуострове — древнейший памятник раннего палеолита Восточной Европы // Четвертая кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 2005. С. 304–309.

⁴ Bosinski G., Scelinskij V.E., Kulakov S.A., Kindler J. Bogatyri (Sinaja Balka) — ein

altpaläolithischer Fundplatz auf der Taman-Halbinsel (Russland) // Veröffentlichung des Landesamtes für Archäologie. 2003. Bd. 57: Festschrift Dietrich Mania. S. 79–89.

⁵ Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998.

⁶ Голованов Л.В., Дроничев В.Б. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 39.

- ⁷ Любин В.П. Ранний палеолит Кавказа // Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. СПб., 1969; Муратов В.М. Палеогеографические условия палеолитических стоянок Северного Кавказа // Там же.
- ⁸ Городцов В.А. Результаты исследований Ильской палеолитической стоянки // МИА. 1941. № 2.
- ⁹ Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
- ¹⁰ Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М., 1986.
- ¹¹ Он же. История первобытного общества: (Учебно-методическое пособие). М., 1992. С. 39.
- ¹² Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. С. 24–25.
- ¹³ Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. С. 68. Рис. 18.
- ¹⁴ Он же. Северокаспийский регион — специфический очаг мезо-энеолитических культур // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990.
- ¹⁵ Формозов А.А. Нижнепалеолитические местонахождения... С. 54–63.
- ¹⁶ Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- ¹⁷ Формозов А.А. Каменный век... С. 64–103.
- ¹⁸ Укажем для примера на поселение Тель Магазалия в Северной Месопотамии, относящееся к докерамическому неолиту (VIII тыс. до н.э.), которое с одной, напольной стороны было укреплено массивной каменной стеной.
- ¹⁹ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1981. С. 197–335; Он же. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 158–225. (Археология: В 20 т.)
- ²⁰ ОАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 3–11.
- ²¹ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 218.
- ²² Мачинский Д.А. Об образном строе серебряных и золотых художественных изделий из Майкопского кургана // СИЭСИПА: памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 50.
- ²³ Фармаковский Б.В. Архаический период в России // МАР. Пг., 1914. № 34. С. 72–76. Желаям детально разобраться в особенностях композиций и сюжетов двух серебряных сосудов из Майкопского кургана рекомендуем обратиться к вышеотмеченным трудам Б.В. Фармаковского и Д.А. Мачинского.
- ²⁴ Вопрос о том, где были изготовлены эти и другие серебряные сосуды из Майкопского кургана — на месте, на Северо-Западном Кавказе, или где-то на Ближнем Востоке (Месопотамии или Анатолии), остается до сих пор дискуссионным.
- ²⁵ ОАК за 1897 г. С. 64–65.
- ²⁶ Мунчаев Р.М. Майкопская культура... С. 161, 166.
- ²⁷ Там же. С. 167–168; Шишлина Н.Д. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы. М., 2007. С. 50–56.
- ²⁸ Кореневский С.Н. Галогой — поселение майкопской культуры. М., 1995; Он же. Древнейшие скотоводы и земледельцы Предкавказья. М., 2004. Первоначально предполагалось, что Мешоко и ряд других поселений относятся к майкопской культуре. Сейчас же многие исследователи склонны считать, что они предшествуют по времени Майкопу и относятся к энеолиту.
- ²⁹ Попова Т.В. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963.
- ³⁰ Резепкин А.Д. Курган 31 могильника Клады: Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991; Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwest-Kaukasien. В., 2000.
- ³¹ ОАК за 1898 г. СПб., 1901. С. 37; Попова Т.В. Дольмены станицы Новосвободной.
- ³² Мунчаев Р.М. Майкопская культура... С. 166–171. Карта 3.
- ³³ Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- ³⁴ Бобринский А.А., Мунчаев Р.М. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. 1966. Вып. 108.
- ³⁵ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 376; Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Взаимосвязи Кавказа и Месопотамии в VI–IV тыс. до н.э. // Кавказ: Археология и этнология: Материалы конференции. Баку, 2009. С. 41–52.
- ³⁶ Он же. Кавказ на заре бронзового века. С. 390–404; Он же. Майкопская культура... С. 198–213; Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. С. 90–92 и др.
- ³⁷ Илюков Л.С. Металлические «вилки» майкопской культуры // СА. 1979. № 4. С. 145.
- ³⁸ Мунчаев Р.М. Майкопская культура... С. 212.
- ³⁹ Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974; Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ... С. 79.
- ⁴⁰ Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- ⁴¹ Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ... С. 83; Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа: мистика, научные мнения и перспективы дальнейшего его изучения // РА. 2000. № 4. С. 26–28.
- ⁴² История изучения дольменов Западного Кавказа подробно рассмотрена в трудах В.И. Марковина, одного из самых крупных и авторитетных исследователей этих памятников. См.: Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа; Он же. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997; и др., а также: Трифонов В.А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены — современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001.
- ⁴³ Сысов В.М. Археологическая экскурсия по Закубанью // МАК. М., 1904. Т. IX. С. 87–169.
- ⁴⁴ Лавров Л.И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского ИЯЛИ. Сухуми, 1960. Вып. XXXI. С. 101–178.
- ⁴⁵ См. указанные выше труды В.И. Марковина.
- ⁴⁶ Трифонов В.А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа...
- ⁴⁷ Исследования дольменов Абхазии начались с 1930 г. и связаны с именами В.И. Стражева, М.М. Иващенко, Л.Н. Соловьева, Б.А. Куфтина, Ю.Н. Воронова и особенно О.М. Джапаридзе. См.: Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ... С. 83, 103.
- ⁴⁸ Марковин В.И. Дольменные памятники... 1997. С. 46–162.
- ⁴⁹ Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ... С. 85.
- ⁵⁰ Там же. С. 94.
- ⁵¹ Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 251–252. (Археология: В 20 т.)
- ⁵² Он же. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. 1960. № 93; Он же. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы... С. 254–286.
- ⁵³ Нечитайло А.А. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- ⁵⁴ Николаева Н.А. Выделение Кубано-Терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
- ⁵⁵ Гей А.Н. Новотиторская культура. М., 2000.
- ⁵⁶ Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991; Шарафутдинова Э.С. Новые данные о памятниках эпохи бронзы и раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. С. 70–91.
- ⁵⁷ Сорокина И.А. Курганные могильники Закубанья. Краснодар, 2001.
- ⁵⁸ Иссен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. М., 1951. № 23.

КУБАНЬ В НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

В. Р. ЭРЛИХ

Наступление развитого железного века по популярной концепции А. Снодграсса происходит тогда, когда в хозяйственной жизни древних обществ железо начинает выполнять основные режущие и колющие технологические функции¹. В странах Восточного Средиземноморья, где железо, в том числе и металлургическое, было известно на протяжении всего бронзового века, этот период наступает к X в. до н.э.² В освоении человечеством железа Снодграсс выделяет три стадии. 1. Появление железа в качестве украшения. 2. Переходный период, когда уже появляется стальное «рабочее железо», но бронза преобладает. Это долгий период непоследовательного экспериментирования с черным металлом. 3. Железо начинает количественно превосходить бронзу как рабочий металл³.

На Северном Кавказе, как, впрочем, и в Закавказье, являющихся вторичным очагом железообработки, первая стадия, т.е. использование железа в качестве украшений, отсутствует. В позднебронзовых погребениях Прикубанья и Закубанья, относящихся к культуре многоваликовой керамики и позднесрубной (сабатиновской), железные изделия пока не известны. «Периферийность» этих памятников, которая всегда подчеркивается исследователями, отличается чрезвычайно малым количеством изделий из металла⁴. То же самое можно сказать и о пока малочисленных памятниках финальной стадии эпохи бронзы Кубани: белозерских и кобяковских⁵, несмотря на существование на Северо-Западном Кавказе самостоятельного очага металлообработки бронзы⁶. Бронзовые предметы эпохи поздней и финальной бронзы (продукция Прикубанского очага металлообработки) встречаются здесь в виде многочисленных кладов и отдельных находок. Однако неразрешимой загадкой пока остается связь Прикубанского очага металлообработки с конкретной культурой эпохи поздней бронзы⁷.

На фоне пока еще крайне аморфных памятников финала эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа, к которым сейчас относится ряд поселений в Адыгее, таких, как Чишхо, Лесное, Красногвардейские I и II и около десятка впускных погребений⁸, ярко выделяются достаточно многочисленные памятники «протомеотов». Хронологически они относятся к «киммерийской» или предскифской эпохе, т.е. к (IX) VIII — первой половине VII в. до н.э., а в технологическом отношении они являются памятниками перехода к раннему железному веку.

Изделия из бронзы в протомеотских памятниках пока преобладают и выполняют основные технологические функции, а процент железных предметов от общего числа металлических пока еще не велик, от 10% процентов для наиболее ранних могильников, до 33% для наиболее поздних⁹. Выделение этих памятников в качестве особой археологической культуры вряд ли возможно. Слишком велики различия между отдельными локальными группировками памятников. Скорее всего, здесь мы видим археологическую культуру еще в период своего формирования. Поэтому мы предпочитаем пользоваться термином «протомеотская группа» памятников. Ее развитие, взаимодействие различных ее компонентов в конечном итоге и привело к формированию меотской археологической культуры¹⁰.

Еще в 1930–1940-е годы А.А. Иессеном была начата работа по сбору материалов предскифской эпохи на Северном Кавказе¹¹. В музейных собраниях юга России, а также Москвы и Ленинграда им было выделено значительное количество вещей, прежде всего конской узды, по времени предшествующее содержимому знаменитых Келермесских курганов. В этот свод попали и случайные находки, происходящие из протомеотских памятников. Однако сами

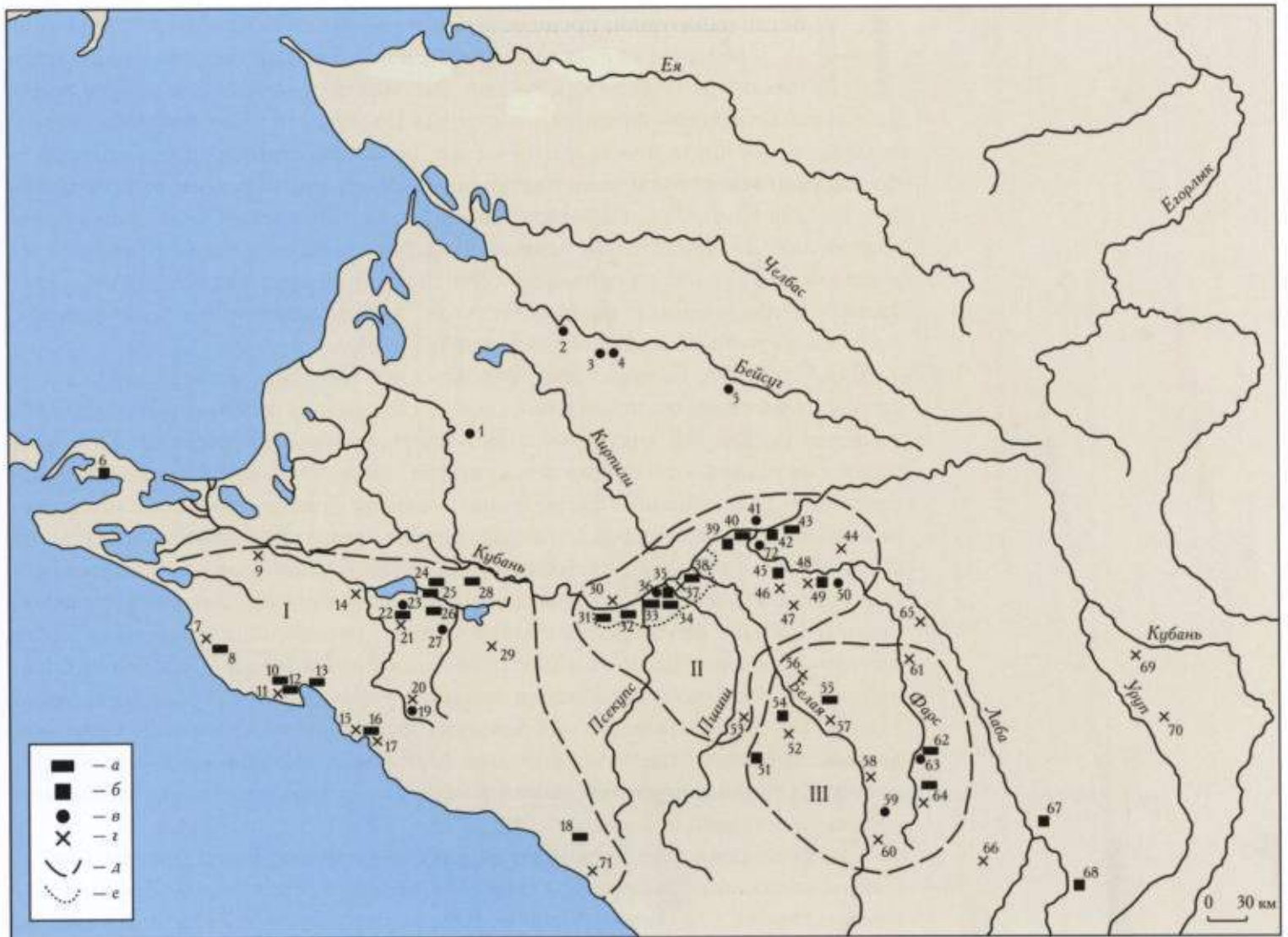

Рис. 1. Карта основных памятников Северо-Западного Кавказа предскифского времени

1 – Новониколаевский II, 2 – Брюховецкая, 3 – Батуринская, 4 – Анапский, 5 – Первомайский, 6 – Патрей, 7 – Шум-речка, 8 – Сукко, 9 – «Семибратнее городище», 10 – Большие хутора, 11 – Абрау-Дюрсо, 12 – Широкая балка, 13 – Шесхарис, 14 – ст. Крымская (Крымск), 15 – Геленджик, 16 – Геленджикские дольмены, 17 – р. Адерби, 18 – Псыбе, 19 – Грузинка VII, 20 – ст. Шапугская, 21 – окрестности Абинска, 22 – Абинский м-к, 23 – Ястребовский, 24 – Мингрельский, 25 – Цеплиевский кут, 26 – Черноклёновский, 27 – Холмский, 28 – Ахтырский лиман, 29 – ст. Ильская; 30 – хутор Ленина, 31 – Казазово III, 32 – Псекупский, 33 – Начерзий, 34 – Ленинохабль, 35 – пос. Тауйхабль, 36 – к.м. Чишко, 37 – Беяевский, 38 – Пшиш-I, 39 – Красногвардейское II, 40 – Николаевский мог., 41 – Усть-Лабинский курган, 42 – Кубанское пос., 43 – Кубанский мог., 44 – х. Зубовский, 45 – Уляпское пос., 46 – аул Уляп, 47 – х. Дукмасов, 48 – х. Чернышев, 49 – Серегинское пос., 50 – Уашхиту, 51 – Гуамский грот, 52 – ст. Дагестанская, 53 – ст. Тверская, 54 – Курджипиское пос., 55 – Кочипэ, 56 – Ханская, 57 – Майкоп, 58 – Абадзехская, 59 – Хаджох, 60 – Каменномоетский, 61 – Махошевская, 62 – Фарс, 63 – Клады, 64 – Ясеновая поляна, 65 – Элит, 66 – ст. Бесленевская, 67 – Каладжинское пос., 68 – Ахметовское пос., 69 – оз. Марьинское, 70 – с. Благодарное.

I – памятники приморско-абинского локального варианта; II – памятники центрального варианта; III – памятники предгорного варианта. а – грунтовые могильники, б – курганы, в – поселения, z – отдельные находки и комплексы, д – граница локальных вариантов; е – граница максимального уровня краснодарского водохранилища

погребальные памятники, предшествующие меотской культуре, были выделены лишь в 1950–1960-е годы Н.В. Анфимовым после открытия в равнинном Закубанье Николаевского и Кубанского могильников¹². В настоящее время памятники «протомеотов» насчитывают около 30 могильников, включающих более 500 погребальных комплексов, а также более 10 бытовых памятников, протянувшихся в Закубанье от берегов Черного моря на западе до среднего течения Кубани на востоке (рис. 1)¹³. Сейчас можно говорить о трех локальных вариантах этой группы памятников: приморско-абинском, центральном (степном) и предгорном. Их краткую характеристику мы дадим несколько ниже.

В то же время, памятники предскифского времени правого берега Кубани представляют собой немногочисленную и пока весьма маловыразительную группу погребений, встречающихся в основном в глубинной степной зоне. К ним можно отнести погребение 3 кургана № 2, погребение 4 кургана № 9, а также погребение 3 кургана № 12 могильника Анапский I¹⁴; погребение 10 кургана № 9 могильника Батурицкий I¹⁵, погребение 1, кургана № 1 могильника Новониколаевский-II¹⁶; погребение 2, кургана № 1 могильника Первомайский¹⁷. Сюда же с определенной долей условности в силу того, что памятник расположен на правом берегу Кубани, можно отнести и курган у ст. Усть-Лабинской. Однако необходимо учитывать, что отнесение этого кургана к предскифскому времени, как и его хронология ввиду неординарности набора обнаруженных здесь железных наконечников стрел, являются дискуссионными¹⁸.

Все эти комплексы, за исключением основной подкурганной могилы из Первомайского, представляют собой впускные погребения в более ранние курганы. Здесь встречены, как правило, вытянутые погребения с восточной (Первомайский) и юго-юго-западной ориентировкой (Новониколаевский-II), либо вытянутые с разворотом на левый бок и западной ориентировкой (Анапский I, курган № 9, погребение 4 и курган № 12, погребение 3). Два скорченных на левом боку погребения (Анапский I, курган № 2/3 и Батурицкий I курган № 9/10) имеют соответственно восточную и юго-восточную ориентировку. Предлагаемая интерпретация и датировка этих погребений различна. Э.С. Шарафутдинова отнесла скорченные погребения из могильников Батурицкий I и Анапский I к рубежу поздней бронзы и раннего железа (белозерский этап — черногоровская ступень)¹⁹. К погребениям северо-восточной зоны черногоровской культуры относит вышеупомянутые погребения О.Р. Дубовская²⁰. Некоторые вытянутые погребения правобережья Кубани (Анапский I, курган № 12, погребение 3; Первомайский, курган № 1, погребение 2) она отнесла к выделенной ею позднечерногоровской группе²¹. С.В. Махортых и С.Н. Дударев включают погребения правого берега Кубани в сводку погребений степняков-номадов на Северном Кавказе²². Действительно, все эти погребения находятся в коренной степной зоне. Помимо исключительно курганного обряда с черногоровскими (степными) памятниками их роднит то, что население, оставившее эти погребения, не создает относительно стабильных кладбищ, что свидетельствует о его подвижности.

Анализ инвентарного набора этих погребений не дает, однако, однозначного ответа о правомерности отнесения этих комплексов либо к степным, либо северокавказским культурам. Керамика включает в себя кувшин (Анапский I курган № 2/3); черпак и горшок (Батурицкий 1, курган № 9/10), корчагу (Анапский 1, курган № 9, погребение 4) — все эти формы находят аналогии как в погребениях финальной бронзы Закубанья, так и в белозерских и черногоровских памятниках степи²³. По подсчетам, приведенным С.И. Лукьяшко,

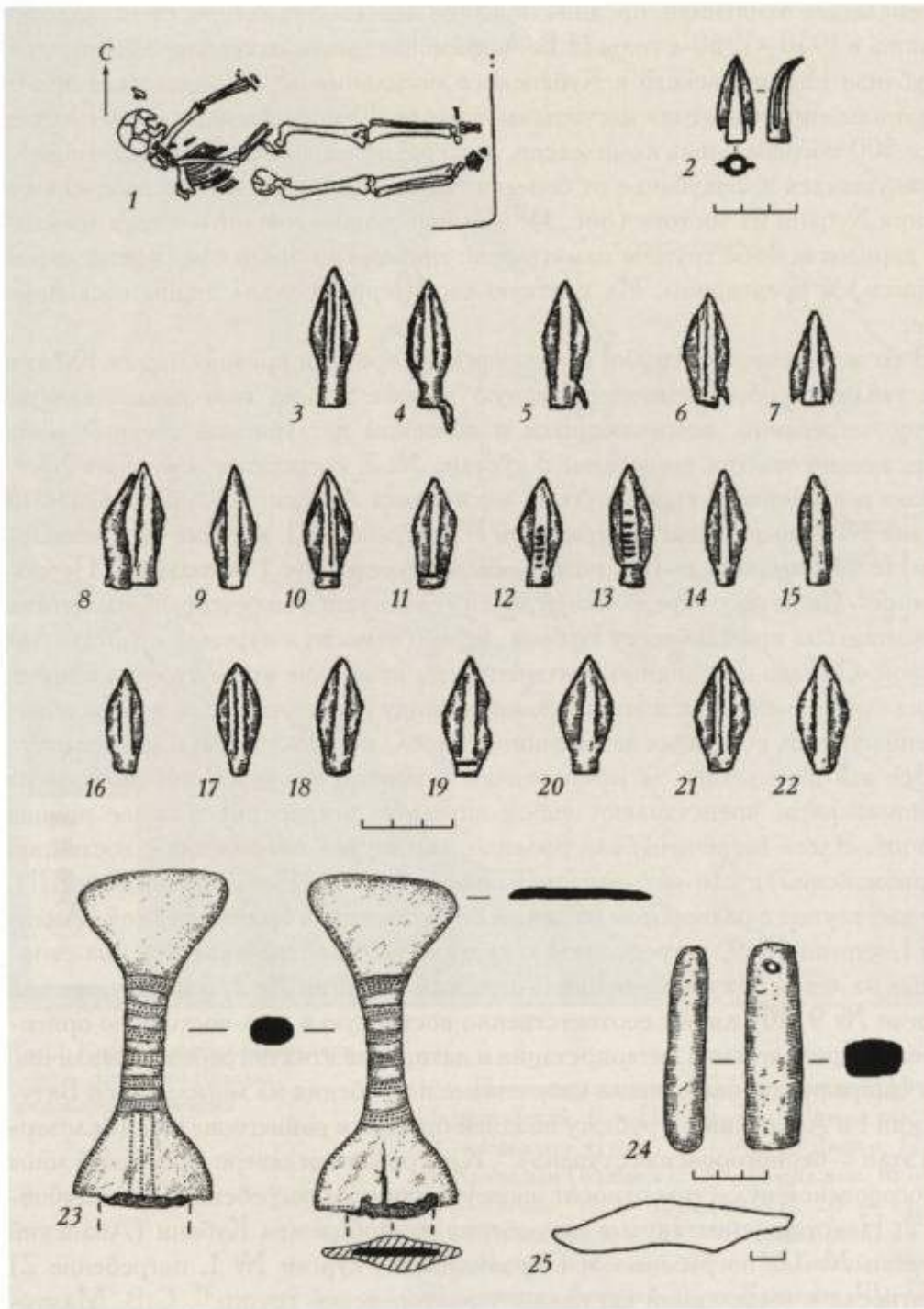

Рис. 2. Памятники Правобережья.
 1, 2 — Анапский I, к. 12, п. 3;
 3—22 — Первомайский, к. 1, п. 2;
 23, 24 — Новониколаевский II, к. 1,
 п. 1; 25 — ст. Брюховецкая. 2—22,
 25 — бронза, 23 — бронза и железо;
 24 — камень

керамика черногоровцев Нижнего Дона на 63% состоит из импортов, как правило, с Северного Кавказа²⁴. Таким образом, памятники правого берега Кубани, если принять их черногоровскую атрибуцию, которая, на наш взгляд, наиболее вероятна, также не будут являться исключением из этого правила. Найденное в этих погребениях оружие также не дает нам четких культурных привязок. Кинжал из Новониколаевского-II могильника (рис. 2, 23) наиболее близок, на наш взгляд, биметаллическому кинжалу из Софиевки (Украинская Лесостепь)²⁵, однако своими прототипами эти два кинжала, скорее всего, имеют закавказские формы²⁶.

Наконечники стрел из Первомайского (рис. 2, 3—22), по-видимому, степных типов. Некоторые имеют аналогии в Малой Цимбалке и Высокой Могиле²⁷. Большая их часть имеет ромбическое очертание контура головки, что сближает их с жаботинским типом. Наконечник стрелы, обнаруженный в бедренной кости покойного из погребения 3, кургана № 12 могильника Анапский I, имеет треугольную головку и опущенные жальца (рис. 2, 1, 2), что дает возможность сопоставить его с двулопастными наконечниками стрел с опущенными жальцами из вышеприведенных «эталонных» степных комплексов.

В целом отсутствие долговременных могильников в правобережье Кубани свидетельствует о том, что в предскифское время здесь не проживало стабильное оседлое население. Отнесение их к черногоровской (и позднечерногоровской) культуре кажется нам вполне оправданным. Все это не позволяет нам причислить предскифские памятники правого берега Кубани к протомеотской группе. Скорее всего, это погребения кочевников, которые в то же время сохраняли свою связь с оседлым населением Закубанья.

Левобережье Кубани в это время уже было заселено оседлым населением протомеотской группы, оставившим долговременные могильники. Мы выделяем три локальных варианта памятников «протомеотов».

Приморско-абинский вариант протомеотских памятников. Этот локальный вариант выделен пока преимущественно по погребальным памятникам, известны также два ритуальных комплекса. Здесь еще не открыты поселения, надежно относящиеся к протомеотскому периоду²⁸.

Могильники этого варианта локализуются двумя «кустами» вдоль черноморского побережья и в районе города Абинска. Отметим, что географические условия двух этих подгрупп памятников весьма различны: приморские памятники располагаются в ущельях и балках прибрежных гор, а абинские — преимущественно в низменной равнине левобережья Кубани, что не могло не сказаться и на характере погребальных сооружений²⁹. Погребальный обряд не стабилен. В приморской и горной зоне имеются как погребения в дольменах, использованных, скорее всего, вторично (Геленджик, Грузинка VII)³⁰, так и в каменных ящиках (Псыбе, Большие Хутора, Шесхарис, Широкая Балка)³¹.

Для более восточных памятников характерны впускные погребения в курганы предшествующих эпох и естественные возвышенности (могильники Абинский, Ахтырский лиман, Циплиевский кут, Мингрельский, Холмский, Чернокленовский)³². Ориентировка погребенных также не стабильна. Особенность приморско-абинского варианта — это парные и коллективные погребения, что совсем не характерно для других вариантов протомеотской группы. Очень редки конские захоронения, хотя в погребениях присутствует конская узда. Известно лишь одно погребение у нефтебазы Шесхарис, в котором обнаружены череп и кости лошади³³.

Помимо погребальных сооружений здесь известны культовые комплексы, или тризны — скопления вещей, иногда со следами огня и ритуальной порчи, — которые являлись своего рода прототипами меотских святилищ: Холмский I, курган № 2, комплекс 2 и комплекс VII кургана I Ястребовского могильника³⁴. Поселений предскифского времени здесь пока не найдено. Однако имеются местонахождения финальной бронзы. Геленджикская стоянка по орнаментации посуды напоминает кобьяковскую и срубную керамику³⁵. Керамика из ям предскифского времени Патрея близка к кизил-кобинским формам³⁶. В целом для керамики этого варианта характерны черпаки с гвоздевидными выступами. Ближайшими аналогиями являются черпаки в памятниках финала поздней бронзы горного Крыма, которые, по мнению В.А. Колотухина, находят прототипы в сабашиновских памятниках поздней бронзы и синхронных памятниках приднестровской культуры Ноа³⁷. Орнаментация керамики для памятников этой группы малохарактерна. Известны только две орнаментальные композиции на черпаках из могильника Ахтырский лиман — сетчатый орнамент и равнобедренные заштрихованные треугольники³⁸. Кроме этого, особенностями материальной культуры этой группы памятников являются булавки типа Сукко³⁹ — листовидные, с выступами или завитками, самые южные находки которых известны в погребении в Гаграх⁴⁰, а северные — в Крыму (могильник Таш-Джарган)⁴¹. Ряд находок таких булавок обнаружен на территории центрального варианта протомеотских могильников — могильники Пшиш и Начерзий.

Для вооружения приморско-абинского варианта характерны железные топоры⁴², появившиеся, вероятно, под влиянием колхидских памятников. Особенностью бронзовых удил этого района являются строгие «шпы» на грызлах, известные на востоке до центральной группы и отсутствующие в предгорьях⁴³ (рис. 3). Для этого региона в меньшей степени характерны детали колесничной упряжи, в большом количестве представленной в предгорных и степных

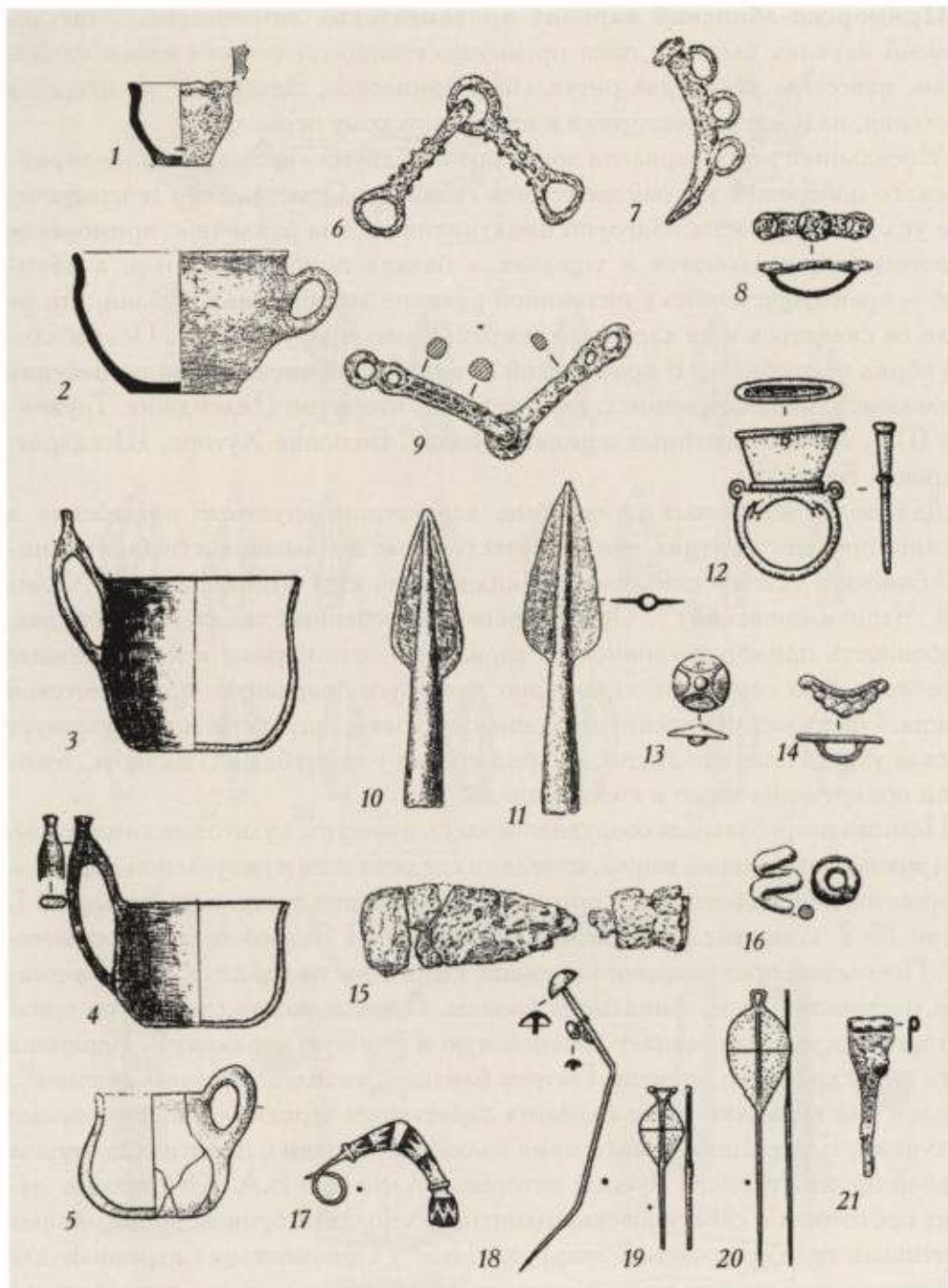

Рис. 3. Основные типы приморско-абинского локального варианта. Масштаб разный. 1, 2, 6-8, 15 - могильник Ахтырский лиман и Мингрельский (по: Беглова и др., 1997); 3, 4 - Абинский могильник (по: Анфимов И.Н., 1981); 5 - могильник Чернокол (по: Анфимов Н.В., Пьянков, 1989); 10 - ст. Крымская, случайная находка (по: Иессен, 1951); 11, 13, 14, 16, 21 - Геленджикские дольмены (по: Аханов, 1961); 12, 17-20 - могильник Сукко (по: Новичихин, 1995). 1-5 - керамика; 6-14, 16-20 - бронза; 15, 21 - железо

протомеотских памятниках. Мы можем упомянуть лишь комплекс колесничной упряжи, обнаруженный у ст. Ильской, два браслетообразных колесничных кольца с Владыкиной горы у г. Абинска и находку детали колесницы в районе Семибратнего городища⁴⁴. Здесь пока не встречены дырчатые псалмы «степных» форм: черноморовские, цимбальские и камышевахские. Связи этого варианта протомеотских памятников, помимо северо-западно-кавказских, можно протянуть в Восточное Причерноморье (булавки и железные топоры) и горный Крым (черпаки, булавки).

Центральный (степной) локальный вариант протомеотских памятников. Памятники этого варианта группируются по левому берегу Кубани, начиная на западе напротив Краснодара, распространяясь до места впадения Лабы в Кубань. При этом самый восточный пункт, который уверенно можно отнести к протомеотским памятникам, - Кубанский могильник (у хут. Кубанского Усть-Лабинского района). Отдельные находки этого времени на востоке Краснодарского края - «киммерийские изваяния», редкие комплексы предскифского времени, а также

поселения Калаждинское и Каменные Столбы пока не дают свидетельств о долговременном проживании населения в данных районах либо в культурном отношении являются уже «буферными памятниками», имея много общего с поселениями западного варианта кобанской культуры.

Имеются данные о возможной миграции (сезонной?) населения этого варианта вверх по р. Пшиш, где в районе ст. Тверской в урочище Табор были обнаружены материалы, близкие могильнику Пшиш-I⁴⁵.

Основные памятники центрального локального варианта - могильники Казазаво, Псекупс, Начерзий, Чишхо, Пшиш, Николаевский, Кубанский, курганный могильник Уашхиту у аула Кабехабль⁴⁶. Известно также поселение Красногвардейское-II, предположительно относящееся к Николаевскому могильнику, а также святилище у аула Ленинохабль⁴⁷.

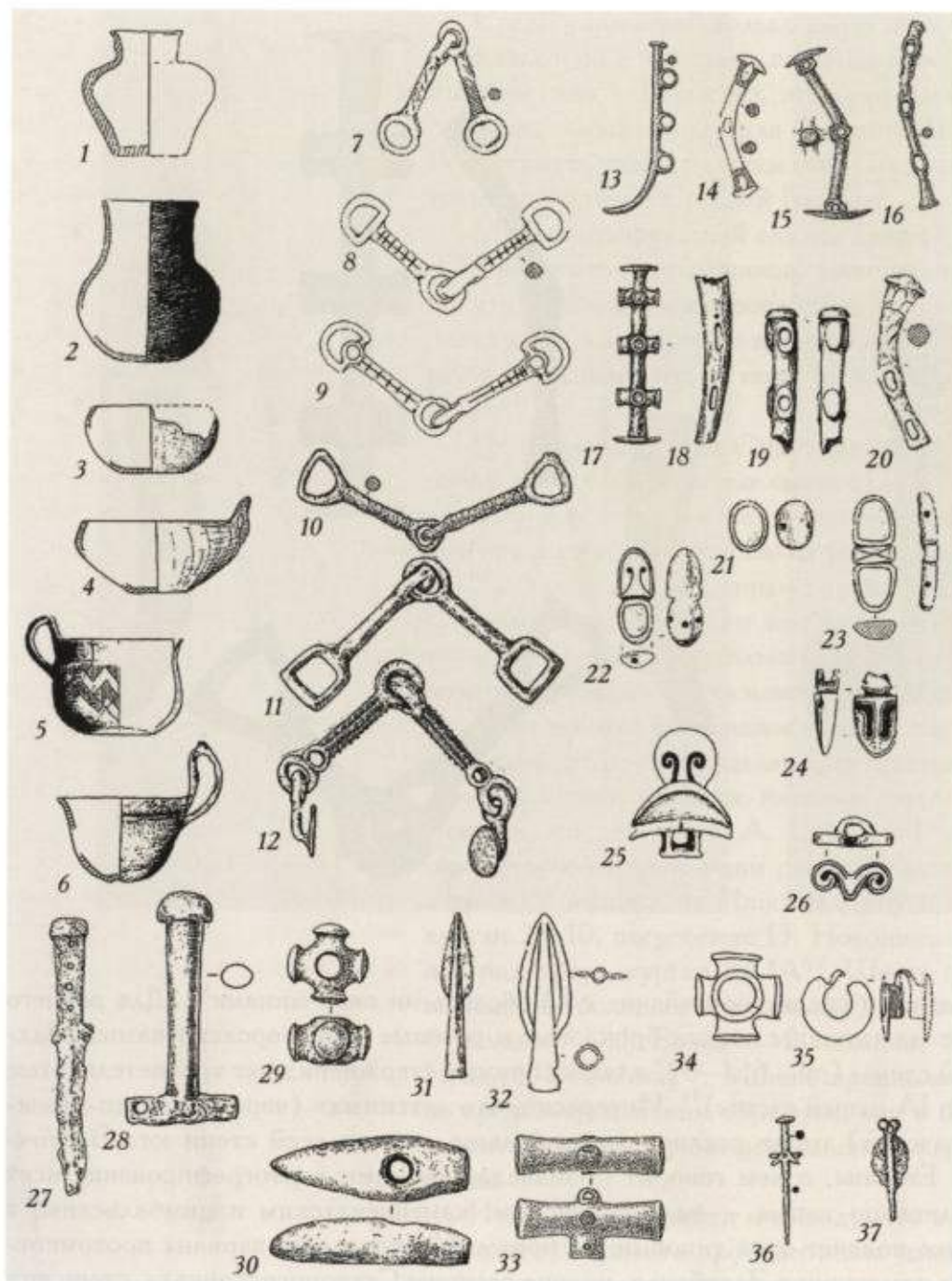

Рис. 4. Центральный вариант протомеотских памятников. Основные типы. Масштаб разный.

1 — Ленинохабль, святилище (по: Сазонов, 1995а); 2, 5, 6, 18, 24 — Николаевский мог. (по: Анфимов Н.В., 1961); 3, 4 — Кубанский мог. (по: Анфимов Н.В., 1964); 7, 8, 9, 14, 20–23, 25, 26, 32, 34, 35 — мог. Пшиш (по: Сазонов, 1995); 11, 17, 29–31, 36, 37 — мог. Пшиш и окрестности а. Тауйхабль (разведки Л.М. Носковой, фонды ГМИНВ); 10, 13, 15, 16, 33 — Казазово (по: Пьянков, Тарабанов, 1997); 12, 27, 28 — Псекупский могильник (сборы, фонды ГМИНВ). 1–6 — глина; 7–17, 25, 26, 28, 29, 31–34, 36, 37 — бронза; 18–24 — кость и рог; 27 — железо; 30 — камень; 35 — золото

Для погребальных памятников этого варианта характерны одиночные грунтовые погребения без внешних признаков. Однако известны и основные подкурганые элитные погребения и погребения, впущенные в курганы предшествующей эпохи (Уашхиту-I, курганы № 1, 2; Чишхо, погребение 1; ст. Некрасовская). Ориентировка погребенных в предскифское время еще не устойчива. Для Кубанского Николаевского и Псекупского могильников характерно преобладание южной и юго-восточной ориентации погребенных, для могильника Пшиш — северо-западной (около 70%)⁴⁸. Поза погребенного, вероятно, коррелируется с социально-половым статусом умершего. Вытянутые костяки присутствуют в могильниках этого варианта в пропорции от одной трети до половины. Как правило, это наиболее богатые погребения, часто включающие оружие, конскую узду и кости лошади⁴⁹. Среди скорченных погребений преобладают скорченные на правом боку.

Кости лошади, находящиеся в могильниках центрального варианта, практически всегда представлены черепами и костями конечностей. Принято считать, что в могилу помещалась шкура — чучело жертвен-

ного коня, набитое травой либо соломой; лишь дважды в могильнике Пшиш были встречены целые скелеты (погребения 100 и 106)⁵⁰. Керамика этого варианта разнообразна: помимо черпаков здесь встречаются горшки, миски, кувшины, однако крупные корчаги отсутствуют. Оружие представлено наконечниками копий — бронзовыми с цельнолитой втулкой, железными, а также биметаллическими⁵¹, железными топорами⁵², биметаллическими, бронзовыми и цельножелезными кинжалами, каменными топорами-молотками птицеголовой формы⁵³ (рис. 4, 5).

Узда — самый примечательный элемент материальной культуры этого локального варианта. Для раннего периода характерны как однокольчатые, так треугольноконечные удила. Кроме того,

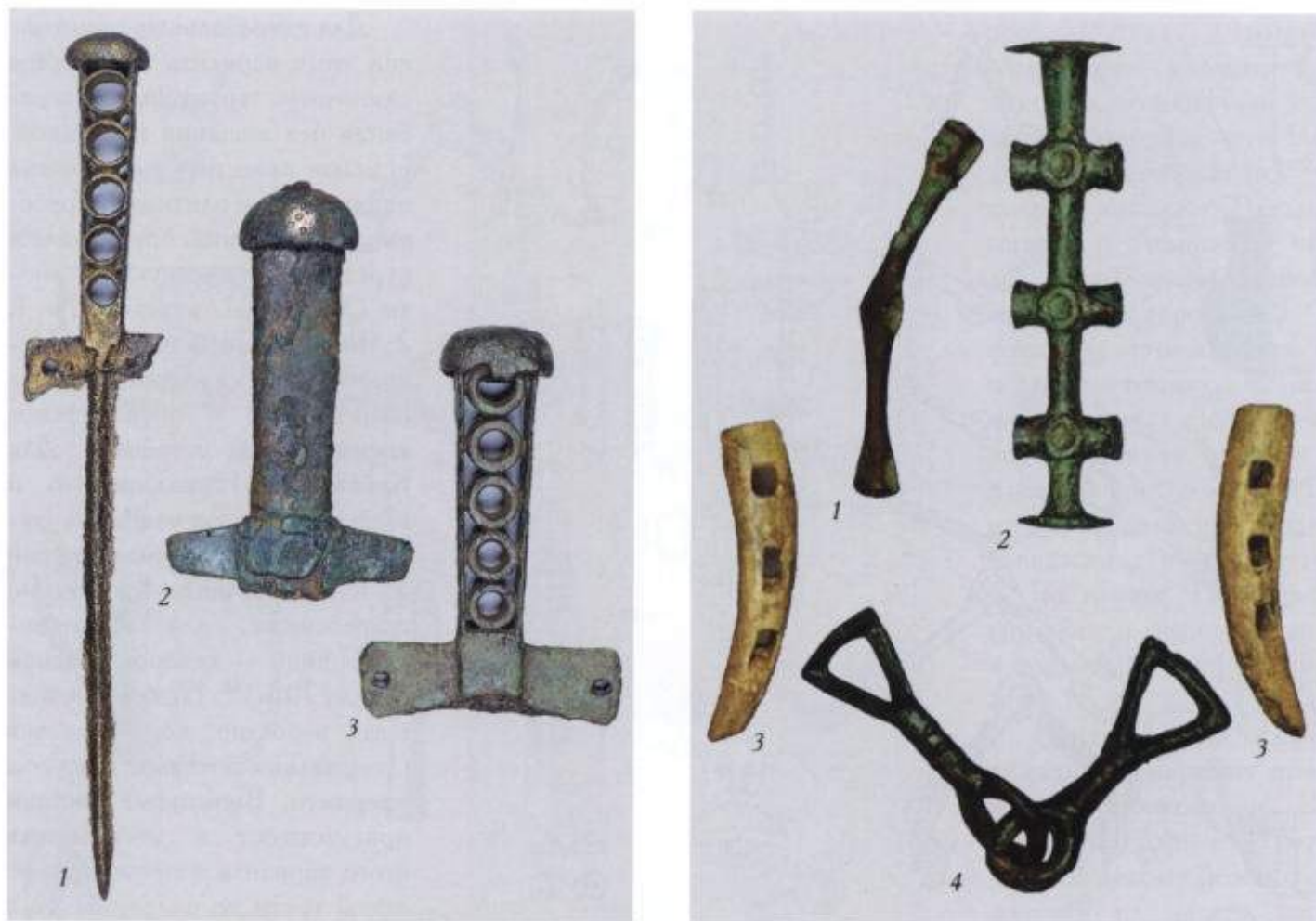

Рис. 5. Бронзовый и биметаллические кинжалы из протомеотских памятников центрального варианта из Фондов Национального музея Республики Адыгея. 1 — бронзовый составной кинжал, Псекупский могильник, разрушенное погребение; 2 — рукоять биметаллического кинжала, Николаевский могильник, п. 83; 3 — рукоять биметаллического кинжала, Псекупский могильник, случайная находка

Рис. 6. Уздечные принадлежности из протомеотских памятников. Фонды ГМИНВ. 1 — бронзовый псалий, устье р. Псекупс, случайная находка; 2 — бронзовый псалий, аул Тауйхабль, случайная находка; 3 — роговые псалии, могильник Фарс, погребение 31; 4 — бронзовые удила, могильник Фарс, погребение 9

имеются и средневропейские с D-образными окончаниями⁵⁴. Для раннего периода типичны псалии бронзовые и роговые черногоровско-камышевахской схемы (рис. 6, 1–3), а также прямые стержневидные трехпетельчатые (тип IA нашей схемы)⁵⁵. Интересно, что «степных» (черногоровско-камышевахских) типов псалиев здесь больше, чем во всей степи юга Восточной Европы, о чем говорит произведенное нами картографирование всех псалиев по типам — черногоровским, камышевахским и цимбальским, а также подсчет этих типов по регионам: Центральный вариант протомеотских памятников Закубанья, прочие регионы Северного Кавказа, степь юга Восточной Европы, Средняя Европа⁵⁶. Наблюдается явный процентный «перевес» дырчатых псалиев «степных» типов, встреченных на территории центрального варианта протомеотских памятников, по сравнению с регионом Степи и остальным Северным Кавказом. Концентрация на небольшом участке этих псалиев позволяет предположить, что именно в этом районе могло находиться производство псалиев «степных» дырчатых форм. Все «степные» типы псалиев встречаются с одними и теми же удилами: треугольноконечными и однокольчатыми с ложновитым рифлением. Интересно, что ранние трехпетельчатые пластинчатые псалии (тип IIА) нашей классификации⁵⁷ здесь чрезвычайно редки, хотя найдены стержневидные трехпетельчатые.

В более позднее время здесь появляются двукольчатые удила с шипастым рифлением⁵⁸, как в абинском варианте, так и с прямоугольным рифлением, и «классические» новочеркасские псалии.

Среди украшений только здесь пока встречены бронзовые булавки с плоской шляпкой и четырьмя шипами, крест накрест выступающими из стержня с отверстием⁵⁹. Вероятно, этот тип происходит от типа булавок с протуберанцами, характерных для позднебронзовых культур Сабатиновки-Ноа⁶⁰. Встречаются также булавки типа Сукко и подвески типа Шаренград, которые также известны в Средней Европе.

Металлографический анализ древнейших железных вещей из Кубанского и Псекупского могильников, выполненный Н.Н. Тереховой, позволяет относить их к восточноевропейской (степной) традиции — здесь чрезвычайно редка для предскифского времени преднамеренная цементация заготовок либо готовых изделий, отсутствует термообработка, используется прием пакетирования⁶¹.

Центральная группа протомеотских памятников демонстрирует устойчивые и продолжительные связи с Центральной Европой. Эти связи проявляются прежде всего в использовании сходной узды: черногоровские, камышевахские и цимбальские псалы (типы VI, VIII и IX по К. Метцнер-Небельсик⁶²). Удила с D-образным окончанием — тип 1 по Метцнер-Небельсик⁶³. Однако эти удила имеют как имитацию плетенки на грызлах (Казазово)⁶⁴, так и двуряднопрямоугольное рифление (Пшиш)⁶⁵, что характерно уже для поздних «классических» новочеркасских и раннескифских удил и, по-видимому, было связано с влиянием востока Евразии⁶⁶.

Кроме этого, в пределах Центрального варианта протомеотских памятников концентрируются находки подвесок типа Шаренград (10 случаев находок, по данным А.А. Сазонова)⁶⁷. На остальном Северном Кавказе они встречены лишь один раз — Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии⁶⁸ и трижды в степи на Нижнем Дону и в Саратовской области: Балабинка, курган № 10, погребение 13; Новониколаевка II, курган № 2, погребение 7 и Фриденберг, курган № 1А⁶⁹. Шесть пунктов находок этих подвесок двух вариантов (больших и маленьких) имеются в Средней Европе (Šarengrad — 6 находок, Dalj Busija — 2 находки; Szeged-Othalom; Sirok-Akasztymály, Hrtkovci-Gomolava)⁷⁰. Можно предположить, что эти подвески, сделанные по среднеевропейским образцам, как и бронзовая узда, производились протомеотскими мастерами центрального варианта и отсюда распространялись в степь.

Итак, можно прийти к выводу, что в основе формирования центрального (степного) варианта протомеотских памятников лежат позднебелозерские и кобяковские памятники, что наглядно демонстрируют поселения Красногвардейское I и особенно Красногвардейское II⁷¹. К финальной бронзе относятся размытое водами Краснодарского водохранилища поселение Чишхо возле аула Тауйхабль⁷², а также поселение, существовавшее на месте могильника Пшиш-I. Поселенческий материал позднесрубного времени (керамика, фрагменты литейных форм) встречен в заполнении могил этого древнего кладбища⁷³.

Вероятно, формирование вещевого комплекса этой группы шло сложным путем. К белозерскому и кобяковским типам, безусловно, восходит керамический комплекс — это черпаки, горшочки-кубки. В украшениях есть как кавказские типы — браслеты, так и степные — булавки с протуберанцами, находящие аналогии в культуре Ноа. Роговые псалы восходят к степным белозерским формам⁷⁴. Интересна серия костяных и роговых изделий — шлемовидных блях, встречающихся в памятниках Центрального варианта⁷⁵. Возможный прототип подобных блях был найден в кургане № 5/1 могильника

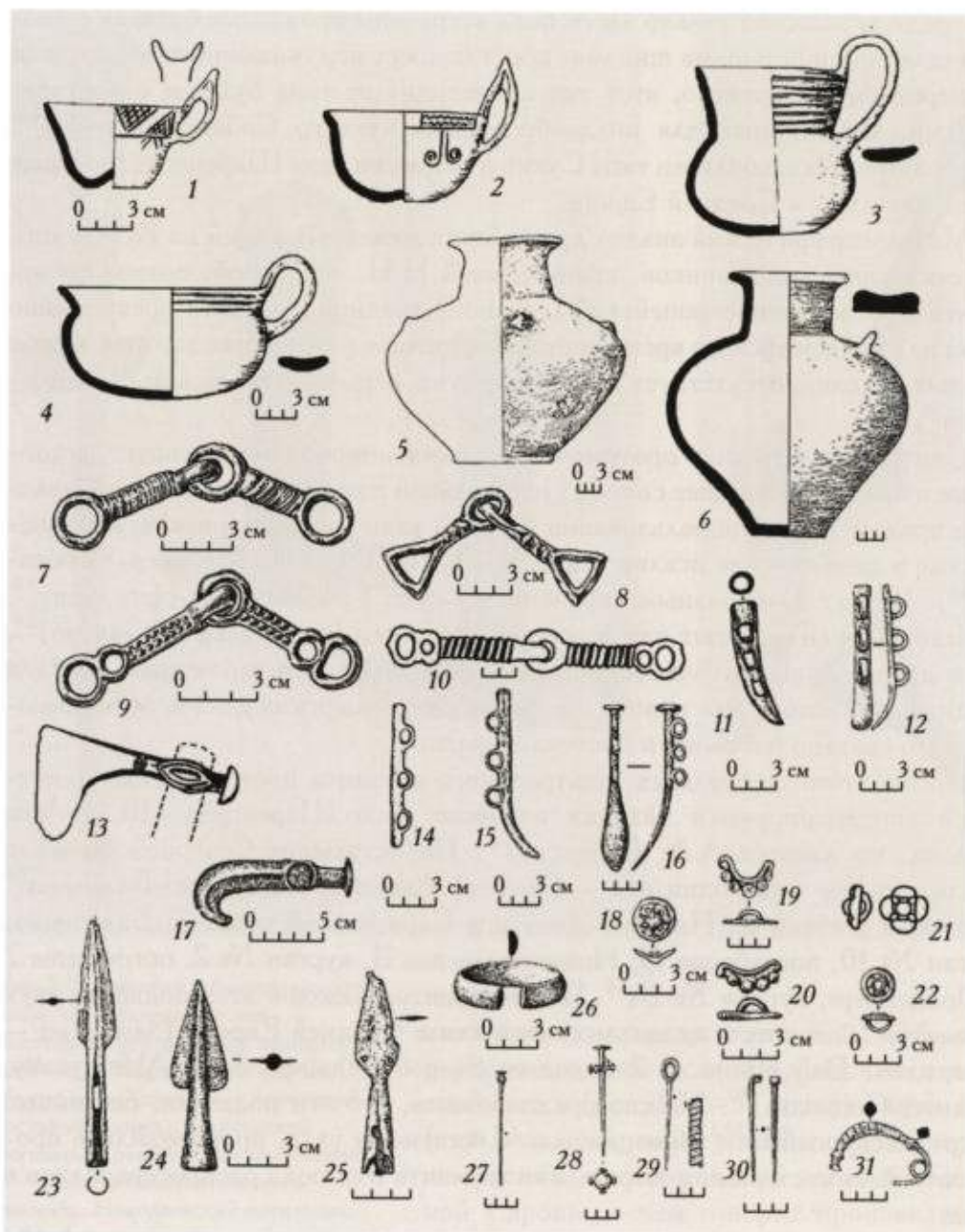

Рис. 7. Предгорный вариант протомеотских памятников. Основные типы. 1–12, 14–20, 22–31 – могильник Фарс/Клады (по: Лесков, Эрлих, 1999). 13, 21 – могильник Кочипэ (по: Ловпаче, 1991). 1–6 – керамика; 7–10, 12–24, 26–31 – бронза; 11 – рог; 25 – железо

ганы появляются лишь на позднем этапе (могильники Клады, Хаджох)⁷⁹. В могильнике Фарс/Клады также встречена серия погребений, впущенных в курганы эпохи бронзы⁸⁰.

Все известные погребения – одиночные, ориентировка их неустойчива, однако преобладает северо-западная – могильник Кочипэ (северный протомеотский участок)⁸¹ и юго-западная – могильник Фарс⁸². Поза погребенного имеет в некоторой степени корреляцию с инвентарным набором. Среди вытянутых погребений преобладают воинские и с мужским инвентарем. Скорченные погребения совершены, как правило, на левом боку и чаще встречены с женским инвентарем. Имеются погребения всадников. В аристократическом могильнике Фарс их процент достаточно высок – около 40%. Здесь преобладает обряд помещения целого костяка лошади в могилу, шкура встречается реже⁸³.

В погребениях достаточно устойчив керамический набор – это черпаки и корчаги (рис. 7, 1–6), другие формы – горшки, миски – менее характерны, а для могильника Фарс/Клады – единичны⁸⁴. Среди оружия преобладают

Гордеевка в Винницкой области, отнесенном авторами публикации к горизонту, синхронизирующемуся с белогрудовской культурой и датирующимся 1300–1200 гг.⁷⁶ Это доказывает типологическую древность роговых и костяных шлемовидных блях по отношению к бронзовым.

Предгорный локальный вариант протомеотских памятников. Памятники этого варианта находятся на границе равнины и предгорий, а также в предгорьях по р. Фарс, Белой и ее притокам. Высота памятников над уровнем моря от 200 до 600 м, исключение составляет лишь поселение Гуамский грот, который, по данным его исследователя В.А. Трифонова, находится на высоте 1200 м над уровнем моря. Этот локальный вариант представлен четырьмя известными могильниками: Колосовский (Ясенова Поляна), Фарс/Клады, Хаджох и Кочипэ⁷⁷, а также поселениями Гуамский грот (протомеотские слои) и Курждипс⁷⁸ (рис. 1, III). Для этого варианта характерны бескурганные могильники, как правило, с присутствием камня в заполнении и иногда с каменной наброской. Кур-

Рис. 8. Украшения из могильника Фарс. 1, 1а — фибулы из погребения 38; 2—6 — булавки из погребений 16, 7, 3, 10; 6 — бусы из погребения 3. 6 — сердолик, остальное — бронза

бронзовые и железные наконечники копий (рис. 7, 23—25). Топоры-молотки (бронзовые и железные), а также кинжалы в погребениях встречаются редко⁸⁵. Узда достаточно устойчива — это удила однокольчатые, треугольноконечные и двукольчатые и исключительно петельчатые типы бронзовых псалиев (рис. 7, 7—10, 12—14). Дырчатые псалии встречены только роговые⁸⁶ (рис. 7, 11). Самый характерный тип ранних псалиев это пластинчатый трехпетельчатый тип II-а нашей схемы или Фарс-2-35 (по схеме С.Б. Вальчака)⁸⁷ (рис. 7, 12), который очень редок в равнинной части. Для предгорного варианта характерны определенные типы булавок — с грибовидным навершием (рис. 7, 27; 8, 2), имеющие аналогии в кобанской культуре, с кольцевидной головкой (рис. 7, 29), восходящие, по-видимому, еще к сабастиновским булавкам типа У-18 (по: Е.Н. Черных)⁸⁸, с грибовидной головкой и четырьмя грибовидными выступами (рис. 7, 28; 8, 4)⁸⁹.

Субстрат, на котором возник предгорный вариант протомеотских памятников, сейчас не вполне ясен. Имеются слои, относимые исследователями к финальной бронзе, на поселениях Старчики и Гуамский грот⁹⁰. К предгорной зоне можно отнести и позднебронзовое поселение Лесное, расположенное чуть севернее Майкопа⁹¹. Очевидно, что формирование этой группы, было вызвано притоком сюда в начале I тыс. до н.э. степного населения — поздне-

сабастиновского — белозерского облика, который, вероятно, и принес сюда основные керамические формы — черпак и корчагу, роговые формы псалиев. К степным прототипам восходят скипетры, булавки, роговые псалии⁹² (рис. 7, 11, 17, 29). На такой приток степного населения вроде бы указывает и керамический комплекс поселения Лесное, где по мнению Е.Н. Черных, присутствуют позднесабастиновские и белозерские формы⁹³.

Для раннего периода прослежены связи памятников предгорного варианта с Закавказьем, особенно Абхазией (это копья с разомкнутой втулкой, молотковидное навершие, фибулы, застёжки)⁹⁴, а также с западным вариантом кобанской культуры (двукольчатые удила с ранним «ложновитым» рифлением, петельчатые псалии, некоторые формы булавок, серия уздечных блях)⁹⁵.

Металлографический анализ железных изделий из могильника Фарс, проведенный Н.Н. Тереховой, показал, что изделия из черного металла ранней хронологической группы были уже изготовлены с применением самых передовых приемов этого времени — преднамеренным получением цементированной стали и ее термической обработки, что позволило сделать вывод о привнесении традиции железообработки в этот регион из Закавказья⁹⁶.

В более поздний период этот регион активно контактирует со Степью и Лесостепью — начинается «новочеркасская» культурная (а возможно, и

Рис. 9. Могильник Уашхиту I, курган 1. Вид на могильную яму с севера

Рис. 10. Набор пристяжной лошади из упряжки колесницы. Могильник Уашхиту I, курган 1. Бронза

страняться в равнинную часть Закубанья и дальше в Степь и Лесостепь юга Восточной Европы⁹⁹. Таким образом, поворотным моментом в истории развития протомеотских памятников явилось начало военных походов в Закавказье и Переднюю Азию, которое, по-видимому, можно отнести к концу VIII в. до н.э. Самыми активными участниками этих походов, вероятнее всего, были жители предгорий, поскольку их «новочеркасская» традиция в конечном итоге победила и распространилась не только на степные памятники Закубанья, но и дальше — в Степь и Лесостепь юга Восточной Европы.

Самыми показательными памятниками эпохи походов являются подкурганые погребения вождей-колесничих и клады колесничной упряжи, имевшие ритуальное назначение. Наибольшая концентрация их находится в Закубанье. Они найдены как в предгорьях — курган 46 в урочище Клады у ст. Новосвободной, курганы № 1 и 2 у пос. Хаджох, так и в зоне степных протомеотских памятников — Уашхиту (курганы № 1 и 2), Чишхо, Пшиш, Псекупс.

Среди этих комплексов особенно выделяется курган № 1 могильника Уашхиту, открытый в 1988 г. Кавказской археологической экспедицией Государственного музея Востока около аула Кабехабль (рис. 9). Под пятиметровой насыпью кургана была обнаружена могильная яма размерами 13 × 7 м и глубиной ок. 2 м, перекрытая деревянным шатром. К сожалению, площадка,

военная) экспансия, отзвуки которой имеются и в Средней Европе⁹⁷. По нашему мнению, предгорная группа, как и западный вариант кобанской культуры, является тем местом, где вызревает комплекс типа «новочеркасского» клада, поскольку именно здесь последовательно развивается традиция петельчатых прототипов «классических» новочеркасских псалиев. В ранней группе погребений могильников Фарс и Кочипэ встречены двукольчатые удила с наиболее архаичным «ложновитым» рифлением⁹⁸.

По-видимому, именно из предгорий Закубанья через систему перевалов в Закавказье пролегла часть дорог древнейших закавказских военных походов. В этот же период походов «новочеркасская» традиция начинает распро-

на которой находился погребенный, была ограблена еще в древности. Однако чешуйки бронзового панциря и золотой фольги свидетельствуют о том, что здесь был погребен богатый воин. К югу от погребальной площадки были обнаружены остатки колесницы, не тронутые грабителями, представляющие собой ямки, в которые были вкопаны деревянные колеса диаметром 90 см, и упряжка из четырех лошадей. На лошадях были обнаружены металлические детали колесничной упряжи, состоящие из колец с привесками и специальных пронизей, служащих для припряжения ярма колесницы к дышлу, а также бляхи и кольца пристяжных лошадей (рис. 10). Все эти детали были созданы на основе местной традиции производства металлической узды. Тем не менее их конструкционные особенности и расположение на костях лошадей свидетельствуют о знакомстве местного населения с ассирийским и урартским способами запряжения колесниц, известного по древним рельефам с изображением царей и военачальников¹⁰⁰. Несомненно, что в условиях предгорий Северо-Западного Кавказа колесницы не имели реального военного значения, а являлись исключительно предметом престижа, атрибутом высшего сословия вождей и воинской аристократии — «колесничих».

В позднейших комплексах периода переднеазиатских походов, таких, как Уашхиту и Хаджох, уже начинают проявляться элементы раннескифского комплекса, приобретаемые в результате походов: бронзовые стремячковидные удила, элементы скифского звериного стиля. Собственного говоря, и курганный обряд возрождается на этой территории как инновация позднейшего предскифского времени. Особенно наглядно это проявилось в могильнике Фарс/Клады — элитном воинском некрополе VIII — начала VII в. до н.э. Здесь позднейшие погребения совершены под курганной насыпью: Клады, курганы 46, 48, 41. Причем курган № 46 содержал упряжь колесницы «новочеркасского» времени, а самый поздний комплекс могильника — курган № 41 — погребение воина-всадника, синхронное уже ранним Келермесским курганам¹⁰¹.

К середине VII в. до н.э. в результате военных контактов и походов сформировался весь комплекс раннескифского конского снаряжения, состоящий из бронзовых стремячковидных либо петельчатых железных удилов, трехпетельчатых псалиев и элементов конского оголовья: пронизей, блях, фаларов. Появляется ряд новых элементов в вооружении: колчаные наборы раннескифского времени, железные топоры-секиры, скифские мечи. Древнейшие раннескифские курганы, открытые в Закубанье, — Келермесский, Костромской, Говердовский курган № 1, а также самые ранние курганы раскопанные Н.И. Веселовским в районе Ульского аула (Уляп), — демонстрируют нам уже развитые элементы раннескифской общности. Появление этих памятников, которые можно отнести ко времени завершения переднеазиатских кампаний, знаменует собой тот рубеж, который отделяет первый этап меотской культуры от последующих¹⁰². В это время чрезвычайно ярко проявилась общность материальной культуры Закубанья с другими культурами раннескифского времени Северного Кавказа и Украины. С этого момента можно начать отсчет уже нового, меото-скифского этапа развития меотской культуры, который продолжался с середины VII — до конца IV в. до н.э.

- ¹ Snodgrass A. Iron and Early Metallurgy in Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Haven; London. P. 336.
- ² Ibid. P. 336; Waldbaum J. From Bronze to Iron. Göteborg, 1978. P. 58.
- ³ Snodgrass A. Iron... P. 337–338.
- ⁴ Сорокина И.А. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. 1985. № 3. С. 136–154; Она же. О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополя. М., 1989. С. 283; Она же. Поздний период бронзового века в Западном Предкавказье // Археология Адыгеи. 1995. С. 54; Шарафутдинова Э.С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 79; Она же. Новые памятники эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Кавказа // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Материалы конф., посвященной 100-летию А.А. Иессена. СПб., 1996. С. 94.
- ⁵ Шарафутдинова Э.С. Новые данные...; Она же. Памятники эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье // СА. 1991. № 1.
- ⁶ Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. 1951. № 23; Шарафутдинова Э.С. Новые данные... С. 91; Бочкарев В.С. Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Кавказа // Между Азией и Европой...
- ⁷ Следует упомянуть и о мнении В.И. Козенковой, высказанной ею в ряде работ, что часть изделий «Прикубанского очага металлообработки следует связывать с Западным вариантом кобанской культуры» (Козенкова В.И. О границах западного варианта кобанской культуры // СА. 1981. № 3. С. 37–41; Аптекарев А.З., Козенкова В.И. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // СА. 1986. № 3. С. 121–136). Однако это не дает ответа на вопрос: с какой из культур можно связывать ряд кладов, найденных на Северо-Западном Кавказе за пределами ареала кобанской культуры.
- ⁸ Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 13–15.
- ⁹ Терехова Н.Н., Эрлих В.Р. Древнейший черный металл на Северо-Западном Кавказе // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000. С. 281.
- ¹⁰ Эрлих В.Р. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе: (К постановке проблемы). Ч. I // РА. 2002. № 3, 4.
- ¹¹ Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // СА. 1935. № XVIII; Он же. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. М., 1954.
- ¹² Анфимов Н.В. Протомеотский могильник с. Николаевского // СМАА. 1961. Т. II.; Он же. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. (МИА. 1971. № 177); Он же. Новый памятник древнемеотской культуры могильник у хут. Кубанского // Скифский мир. Киев, 1974.
- ¹³ Полную сводку всех комплексов на сегодняшний день см. в монографии: Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007.
- ¹⁴ Шарафутдинова Э.С. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье // СА. 1991. № 1. С. 187. Рис. 3, 4–5; Бочкарев В.С., Трифонов В.А., Бестужев Г.А. Отчет о работе Кубанской экспедиции ЛОИА в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9605, 9605а. С. 79. Рис. 277–278. С. 95. Рис. 322–323.
- ¹⁵ Шарафутдинова Э.С. Памятники конца эпохи... С. 187. Рис. 3, 1–3.
- ¹⁶ Гей А.Н. Отчет о работе Понурского отряда в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11597–115976. С. 184–185. Рис. 176–184;
- ¹⁷ Нехаев А.А. Отчет о раскопках в Кореновском и Выселковском районах Краснодарского края в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7551. С. 49–50. Рис. 201–204.
- ¹⁸ Членова Н.А. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984. С. 52. Рис. 22.
- ¹⁹ Шарафутдинова Э.С. Памятники конца эпохи... С. 193.
- ²⁰ Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черноротовской культуры // Археологиче-ский альманах. Донецк, 1993. № 2. С. 150–151. Рис. 72.
- ²¹ Она же. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. 1997. № 6. С. 184–185.
- ²² Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994. С. 41–50; Дударев С.Л. Взаимодействие племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы. Армавир, 1999. С. 38–39.
- ²³ Махортых С.В. Киммерийцы... С. 33, 34.
- ²⁴ Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999. С. 207.
- ²⁵ Тереножкин А.С. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 82. Рис. 47, 1.
- ²⁶ Picchelaury K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgian // Archäologie in Eurasien. B., 1996. Bd. 4. Taf. 50. N 744, 745. Taf. 61. N 949, Taf. 65. N 1051, 1052, 1054. Taf. 67. N 1138, 1140.
- ²⁷ Тереножкин А.С. Киммерийцы. С. 33. Рис. 7, 1–II. С. 54. Рис. 24, 5, 7–9.
- ²⁸ Исключением пока могут являться ямы, открытые А.П. Абрамовым на городище Патрей, культурная атрибуция которых не вполне определена.
- ²⁹ В последнее время открыты протомеотские материалы и в переиспользованных дольменах в предгорьях Абинского района (Грузинка VII), что сближает их с приморскими погребениями (см.: Гей А.Н. Исследования древних памятников Западного Кавказа: (о работах Северо-Кавказской экспедиции в 2003 г.) // КСИА. 2005. Вып. 219.
- ³⁰ Аханов А.А. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. 1961. № 1. С. 139–149; Гей А.Н. Исследования древних памятников... С. 42 сл.
- ³¹ Тешев М.К. Могильник Псыбе — новый памятник поздней бронзы на Северном Кавказе // СА. 1983. № 4. С. 209–213; Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска и в Крымском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 10757, а, б. С. 3–19; Онайко Н.А. Отчет о работе за 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4253.
- ³² Анфимов И.Н. Древнемеотский могильник близ г. Абинска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981;

- Беглова Е.А., Орловская Л.Б., Сорокина И.А. Протоэеотские древности в Закубанье // МИАР. 1997. № 1. С. 71–77; Василенко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья, *Studia Pontocausica*, I. Краснодар, 1993. С. 21–33; Анфимов Н.В., Пьянков А.В. Протоэеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 11–26
- ³³ Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках... С. 27–28.
- ³⁴ Василенко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы... С. 21–27; Гей А.Н. Отчет о работе Абинского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1984 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11062. С. 29–30.
- ³⁵ Аханов А.А. Древняя стоянка в Геленджике // СА. 1961. № 3. С. 276–280.
- ³⁶ Я благодарю А.П. Абрамова, ознакомившего меня с этим комплексом.
- ³⁷ Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев, 1996. С. 39, 53. Рис. 11, 14; 15, II; 16, 9. Отметим, что подобные выступы известны и у черпаков лесостепных памятников времени перехода к железному веку междуречья Днестра и Сирета (культура Козия-Сахарна) и Лесостепной Украины см.: Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // *Stratum-plus*. СПб., 2000. № 3. С. 302. Рис. XVIII, 5–11.
- ³⁸ Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады: Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999. Рис. 50. С. 38–39.
- ³⁹ Новицихин А.М. Материалы первой половины I тыс. до н.э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 1995. № 1. С. 66–67. Рис. 3.
- ⁴⁰ Воронов Ю.Н., Гунба М.М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии // СА. 1978. № 2. С. 257–258. Рис. 1, 2, 3.
- ⁴¹ Колотухин В.А. Горный Крым... С. 148. Рис. 48, 22.
- ⁴² Аханов А.А. Геленджикские подкурганые дольмены. С. 144. Рис. 5, 6, 7; Беглова и др. Протоэеотские древности... С. 73. Рис. 2, II.
- ⁴³ Анфимов И.Н. Древнеэеотский могильник... Рис. 10; Беглова и др. Протоэеотские древности... С. 73. Рис. 2, 10.
- ⁴⁴ Хачатурова Е.А., Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Эрлих В.Р. Новый комплекс предскифского времени из Западного Закубанья // Третья Кубанская археологическая конф.: Тез. док. Краснодар; Анапа, 2001. С. 206–207. Рис. 1; Пьянков А.В., Пономарев В.П. Несколько археологических находок из окрестностей г. Абинска (Западное Закубанье) // Историко-археологический альманах. Москва; Армавир, 2002. Вып. 8. С. 18. Рис. 1, 2, 3; Новицихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 18.
- ⁴⁵ Сазонов А.А. О хронологии протоэеотских погребений Закубанья // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci: Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków, 2004. С. 391.
- ⁴⁶ Анфимов И.Н. Могильник протоэеотской культуры хутора Казазово // Меоты – предки адыгов. С. 27–31; Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могильник протоэеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // МИАР. 1997. № 1. С. 62–70; Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 19–20; Тов А.А. Протоэеотский могильник Чишко близ аула Тауыхабль в Теучежском районе // Меоты – предки адыгов. С. 36–45; Сазонов А.А. Могильник Чишко: поздние протоэеоты и раннескифские древности // XX юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Ставрополь, 1998. С. 114–116; Он же. Относительная и абсолютная хронология протоэеотского могильника Пшиш I // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»): Тез. докл. М., 1996; Эрлих В.Р., Вальчак С.Б. Протоэеотские погребения могильника Пшиш I (раскопки 2004 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6; Анфимов Н.В. Протоэеотский могильник с: Николаевского // СМАА. 1961. Т. II; Анфимов Н.В. Отчет о раскопках Кубанского могильника // Архив ИА РАН. Р-1. № 3174; Вальчак С.Б. Работы Кубанского отряда в Республике Адыгея // АО 2005 г. М., 2006; Эрлих В.Р. Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // РА. 1994. № 2; Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е. Исследование кургана 2 могильника Ушхиту I в Адыгее // АО 2005 г. М., 2006.
- ⁴⁷ Шарфутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа // Меоты – предки адыгов. С. 46–87; Сазонов А.А. Протоэеотский культовый комплекс в урочище Ленинхабль на реке Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 73–83.
- ⁴⁸ Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ... Табл. 5.
- ⁴⁹ Шарфутдинова Э.С. О социальной градации в протоэеотском погребальном обряде // КСИА. 1991. Вып. 203. С. 54 сл.; Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ... Табл. 4.
- ⁵⁰ Сазонов А.А. Отчет об исследовании могильника Пшиш в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18979, 18980.
- ⁵¹ Анфимов Н.В. Протоэеотский могильник... Табл. II, 1–6; Терехова Н.Н., Эрлих В.Р. К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе: Две культурно-исторические традиции // Материальная культура Востока. М., 2002. Рис. 3; Эрлих В.Р., Вальчак С.Б. Протоэеотские погребения... С. 101, 111. Рис. 3, 2.
- ⁵² Сазонов А.А. Могильник Чишко... С. 133; Он же. О хронологии... С. 394. Табл. II.
- ⁵³ Анфимов Н.В. Протоэеотский могильник... Рис. II, 7; Ловпаче Н.Г. Могильники устья р. Псекупс. С. 39–41, 44. Табл. X, 3, 10; XI, 6, 7; XII, 2, 6; XV, 1–3, 5, 6; Эрлих В.Р. «Птицеголовые» скипетры предскифского времени: Новые аргументы к дискуссии // Материальная культура Востока. М., 2005. Вып. 4. С. 158. Рис. 2, 1–5.
- ⁵⁴ Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений протоэеотского могильника Пшиш I // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 100–104. Рис. 3,

- 1; 4, 1; 5, 1; 6, 1; 7, 1; Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могильник... С. 63. Рис. 1; Ловпаче Н.Г. Могильники устья р. Псекупс. С. 40. Рис. XI, 1.
- ⁵⁵ Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 34, 49. Рис. 2; Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могильник... С. 64, рис. 7, 8.
- ⁵⁶ Эрлих В.Р. Переход от бронзового к железному веку... С. 32–33. Рис. 4, 5.
- ⁵⁷ Он же. Бронзовые уздечные наборы... С. 34. Рис. 2.
- ⁵⁸ Ловпаче Н.Г. Могильники устья р. Псекупс. С. 43. Рис. XIV, 2; Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. Табл. 7, 10, 11; Тов А.А. Протомеотский могильник Чишхо... Рис. 3–4а.
- ⁵⁹ Ловпаче Н.Г. Могильники устья р. Псекупс. С. 39. Рис. X, 2; Анфимов Н.В. Протомеотский могильник. Табл. VI, 13.
- ⁶⁰ Petrescu-Dîmbodîța M. Depozitele de bronzuri din România. București, 1977. P. 74, 49; Смирнова Г.И. Новые исследования поселения Магала // АСГЭ. 1972. № 14. С. 23. Рис. 8, 4; Балагурі Е.А. Культура Ноа // Археология Украинской РСР. Киев., 1971. Т. 1. С. 390. Рис. 111, 22; Шарафутдинова И.Н. Бронзовые украшения сабатинской культуры: (К вопросу о контактах) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987. С. 72. Рис. 2, 10.
- ⁶¹ Терехова Н.Н., Эрлих В.Р. К проблеме перехода... С. 139, 140, 143. Табл. 2.
- ⁶² Metzner-Nebelsick C. Die frühzeitliche Tensentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa // Regensburger Beiträge zur Prähistorischen Archäologie, 1994. Bd. 1. S. 387. Abb. 1. S. 391. Abb. 4.
- ⁶³ Ibid. S. 399. Abb. 7.
- ⁶⁴ Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могильник... С. 63. Рис. 1, 1.
- ⁶⁵ Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений... С. 103. Рис. 6, 1; С. 104. Рис. 7, 1.
- ⁶⁶ См.: Вальчак С.Б. К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана // РА. 1994. № 2. С. 132.
- ⁶⁷ Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений... С. 90.
- ⁶⁸ Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3. С. 79. Рис. 8, 30.
- ⁶⁹ Дубовская О.Р., Подобед В.А. Об одном типе украшений черногоровского времени // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): Материалы международной конференции. Донецк, 1996. Ч. II. С. 104. Рис. 1, 1, 2; Потапов В.В. Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона // Донская археология. 1. Ростов-на-Дону, 1999. С. 65. Рис. 3, 4.
- ⁷⁰ Chochorowski J. Ekspansja kimmeryska na tereny Europy Srodkowej. Krakow, 1993. S. 71–72. II. 31B. S. 28. II. 48, 15, 17. S. 233. II. 49, 46, 47; Metzner-Nebelsick C. Die Urnfelder- und Hallstattzeit in Südostranponien – eine Region im Spannungsfeld zwischen Osthallstattkreis, karpatenländisch-balkanischer Eisenzeit und Steppenkultur // Die Osthallstattkultur: Akten des Internationalen Symposiums. Budapesht, 1996. S. 300. Abb. 10.
- ⁷¹ Анфимов Н.В., Шарафутдинова Э.С. Поселение Красногвардейское на Кубани – новый памятник кобьяковской культуры // СА. 1982. № 3; Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II...
- ⁷² Материалы этого поселения хранятся в отделе археологии Государственного музея Востока, частично сборы проводились и Ел.Н. Черных (Черных Ел.Н. Новые памятники бронзы в Закубанье // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»): Тез. докл. М., 1996. С. 156–157.
- ⁷³ Сазонов А.А. Поселение с бронзолитейной индустрией эпохи поздней бронзы на реке Пшиш в Теучежском районе Адыгеи // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. докл. VII Международной науч. конф. Ростов-на-Дону, 1994. С. 12–13.
- ⁷⁴ Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 142. Рис. 43, 14–16; Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 177. С. 84. Рис. 4.
- ⁷⁵ Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. Вып. 2. С. 23–34.
- ⁷⁶ Berezanskaya S., Klochko V. Das Gräberfeld von Hordeevka // Archäologie in Eurasien. B., 1998. Bd. 5. S. 18–19. Taf. 7, 4.
- ⁷⁷ Дитлер П.А. Могильник в районе посела Колосовка на реке Фарс // СМАА. 1961. Т. II; Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады...; Сазонов А.А. Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2000; Ловпаче Н.Г. Могильник Кочипэ (Восточный) в Майкопе // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991.
- ⁷⁸ Трифонов В.А. Отчеты об исследовании поселения Гуамский грот в Апшеронском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 11088, 12394, 12471, 13315, 13737; Сазонов А.А. Поселение Курджипское – новый памятник протомеотской культуры // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск, 1992.
- ⁷⁹ Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 28–30, 68; Сазонов А.А. Хаджохские курганы...
- ⁸⁰ Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 25–27.
- ⁸¹ Ловпаче Н.Г. Отчет об археологической экспедиции на могильнике «Тыгакочипэ» в 1985–1986 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12921.
- ⁸² Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 31.
- ⁸³ Там же. С. 31–35.
- ⁸⁴ Там же. С. 37–43; Ловпаче Н.Г. Могильник Кочипэ... С. 84–85.
- ⁸⁵ Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 44–49; Ловпаче Н.Г. Могильник Кочипэ... С. 81–82.
- ⁸⁶ Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 50–55, 148. Рис. 56; Ловпаче Н.Г. Могильник Кочипэ... С. 83.
- ⁸⁷ Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы... С. 34, 35. Рис. 2; Вальчак С.Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпестельчатыми псалями: (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997. С. 92–93
- ⁸⁸ См.: Эрлих В.Р. Булавки с кольцевидным навершием из Закубанья и их позднесрубные прототипы //

- Древности Кубани. Краснодар, 2000. № 16.
- ⁸⁹ Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 52. Рис. 1–9. С. 62–63.
- ⁹⁰ Трифонов В.А. Отчеты об исследовании поселения... № 11088, 12394, 12471, 13315, 13737; Рысин М.Б. Закубанье в эпоху средней бронзы (по материалам поселений предгорной зоны): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993; Черных Е.Л. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы Закубанья: Хронология и периодизация (по материалам поселений) // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Международная науч. конф., посвященная 100-летию Е.И. Крупнова: Тез. докл. М., 2004. С. 207.
- ⁹¹ Черных Е.Л. Новые памятники бронзы в Закубанье. С. 155–157.
- ⁹² Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 74–76; Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. 1990. № 1. Рис. 1; Он же. Булавки с кольцевидным навершием...
- ⁹³ Черных Е.Л. Новые памятники бронзы в Закубанье. С. 156.
- ⁹⁴ Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 76, 156. Рис. 64; Эрлих В.Р. Связи древней Абхазии с протомеотскими памятниками // Кавказ: история, культура, традиции, языки: По материалам международной науч. конф., посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. Сухум, 2004. С. 206–217.
- ⁹⁵ Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 53–58.
- ⁹⁶ Терехова Н.Н. К вопросу о происхождении черного металла из могильника Фарс/Клады // Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 158–151; Терехова Н.Н., Эрлих В.Р. Древнейший черный металл на Северо-Западном Кавказе // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000; Они же. К проблеме перехода...; Они же. Древнейшие стальные изделия на Северо-Западном Кавказе: (к проблеме культурных контактов в предскифское время) // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci...*
- ⁹⁷ Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. С. 122; Он же. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // МИАР. 1997. № 1. С. 25–30.
- ⁹⁸ Мы не считаем, что ранние двукольчатые удила формируются исключительно в ареале западного варианта кобанской культуры и не характерны для предгорных протомеотских памятников, являясь здесь кобанскими импортами, как полагает В.И. Козенкова (Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры // Археологические памятники раннего железного века юга России // МИАР. 2004. № 6). Они широко представлены в могильниках Фарс и Кочипэ.
- ⁹⁹ Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса... С. 94–95.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 18–35.
- ¹⁰¹ Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады... С. 27–30. Рис. 39–43.
- ¹⁰² Эрлих В.Р., Кожухов С.П. Об основных этапах развития меотской культуры Закубанья // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Ч. I.

МЕОТЫ

Н. Ю. ЛИМБЕРИС, И. И. МАРЧЕНКО

В раннем железном веке основным населением Прикубанья были меоты. Они известны нам по сообщениям античных авторов и по эпиграфическим памятникам. Древнейший источник, где упоминается название одного из меотских племен — «Землеписание» Гекатея Милетского (середина VI — начало V в. до н.э.), который называет дандариев, живущих у Кавказа (Hecat., fr. 161). Этноним «меоты» впервые встречается у Геродота при описании похода Дария в Скифию (Herod. IV. 123). В перипле Псевдо-Скилака, списки которого относятся к третьей четверти IV в. до н.э., меоты помещаются за савроматами: «За женоуправляемыми живут меоты» (Псевдо-Скилак, 71). Страбон уже объединял под этим названием разные племена: «К числу меотов принадлежат сами синды и дандарии, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, досхи и некоторые другие» (Strab. XI. 2. 11). Самое же раннее упоминание меотских племен в эпиграфических памятниках относится ко времени правления Левкона I (КБН 6, 6а, 1037, 1038).

В начале XX в. М.И. Ростовцев высказал предположение, что городища, расположенные в нижнем течении Кубани, принадлежат местному населению, к которому относились «меоты, т.е. племена Приазовья, и племена, населявшие Кубанскую область: дандарии, фатеи, псессы и... синды»¹. Однако в то время приоритет отдавался раскопкам богатых курганов, и М.И. Ростовцев считал изучение городищ «задачей будущих исследователей». Раскопки рядовых археологических памятников (городищ и грунтовых могильников) начались лишь с середины 1920-х годов. В результате была выделена меотская культура. Н.А. Захаров первым связал прикубанские памятники раннежелезного века с «земледельцами-меотами» и «сармато-меотскими племенами»². Новые археологические материалы (в основном из раскопок Усть-Лабинского могильника № 2) дали возможность Н.В. Анфимову создать периодизацию меотской культуры (с небольшими уточнениями она сохраняется до настоящего времени) и разделить ее на два локальных варианта — восточный и западный³. Позднее масштабные разведки и раскопки позволили выделить 10–12 локальных вариантов этой культуры и очертить территорию проживания меотских племен в Прикубанье и на побережье Черного моря⁴ (рис. 1).

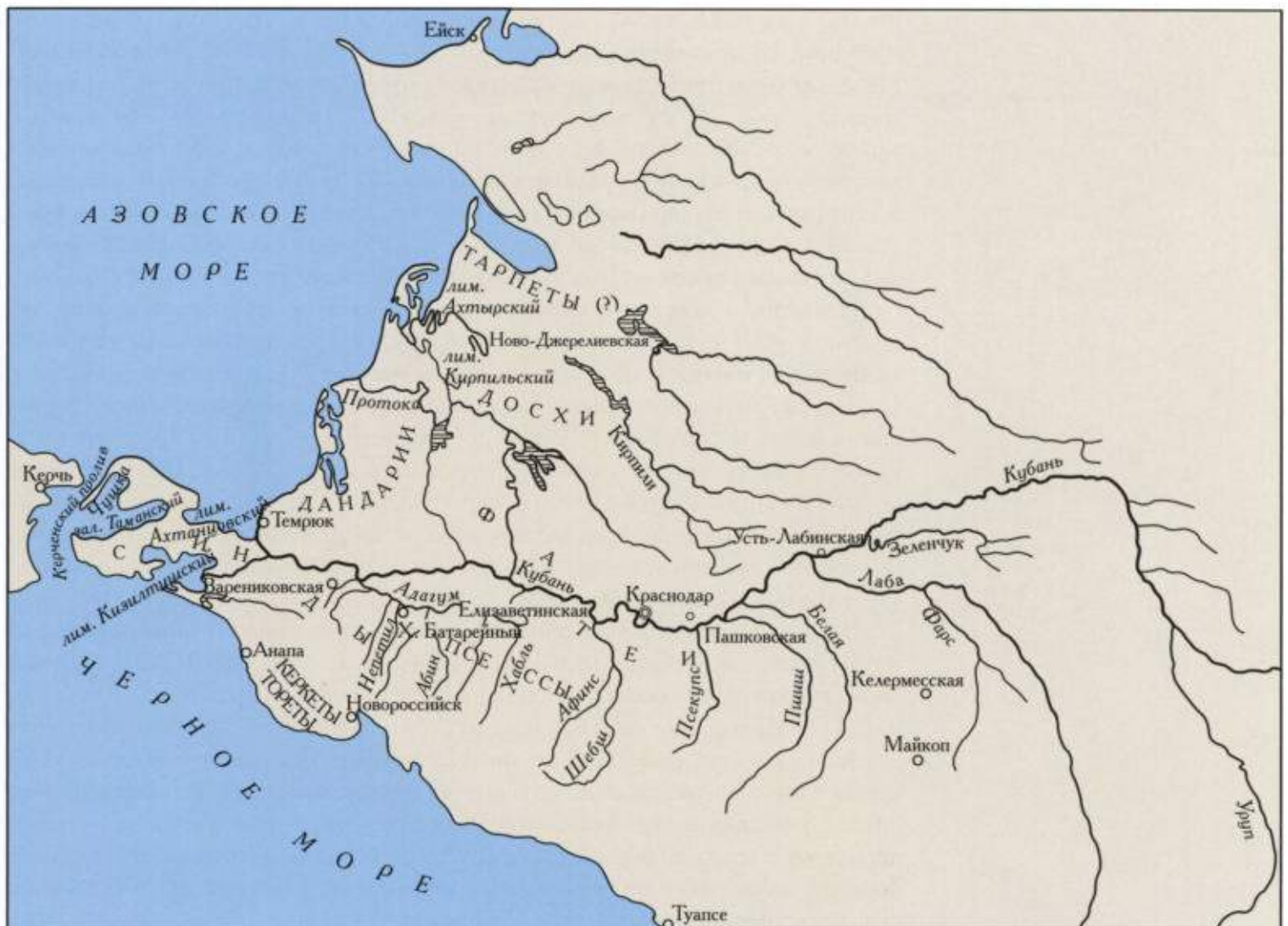
Попытка локализации меотских племен была предпринята еще в первой половине XIX в. Ф. Дюбуа де Монпере. Опираясь на известные ему письменные источники, он поместил меотов на берегах Азовского моря, синдов — на Таманском полуострове и Черноморском побережье до Анапы, керкетов — вдоль побережья от Анапы до Геленджика⁵. Более полную этнокарту Прикубанья античного времени предложил в начале XX в. В.В. Латышев, хотя он не аргументировал локализацию большинства племен⁶. Можно предположить, что он разместил фатеев, псессов, досхов и тарпетов по восточному побережью Меотиды, исходя из факта расширения границ Боспора не вглубь Прикубанья, а вдоль побережья.

В 1950 г., привлекая данные не только письменных и эпиграфических источников, но и археологические материалы, В.П. Шилов предложил свою локализацию меотских племен. Если сравнить карты В.В. Латышева и В.П. Шилова, то можно заметить расширение территории расселения меотских племен на восток, вглубь Прикубанья, в первую очередь за счет переноса на юго-восток псессов и фатеев. Это можно объяснить накоплением археологических источников, выделением меотской культуры и уточнением ареала ее распространения. Так, фатеев В.П. Шилов поместил на правобережье и частично на левобережье Кубани, от Протоки до Усть-Лабинска, поскольку в то время Усть-Лабинский могильник № 2 считался самым

восточным памятником меотской культуры⁷. В настоящее время, на основании известных эпиграфических источников и новых археологических материалов, можно локализовать фатеев на правобережье Кубани от Ангелинского Ерика до ст. Марьянской⁸, а возможно, и до Елизаветинской.

Некоторые соображения о локализации дандариев были высказаны И.С. Каменецким. Он отметил, что от Протоки до побережья Азовского моря меотские городища не выявлены, и поэтому поместил дандариев на территории между реками Кирпили и Кубань. В то же время на его карте границы Приазовской локальной группы памятников, с которой исследователь связывает дандариев, захватывают и территорию левого берега Протоки. На этом же основании (отсутствие археологических памятников между реками Ея и Челбас) И.С. Каменецкий не принял и локализацию тарпетов, предложенную В.В. Латышевым и поддержанную В.П. Шиловым⁹. Позднее И.С. Каменецкий писал о том, что меоты освоили земли между морем и Ангелинским Ериком. Теперь он выделил уже 12–15 локальных групп памятников, считая, что число меотских племен, известных по письменным источникам, было близко к числу локальных групп¹⁰. Однако если согласиться с этим утверждением, то придется отодвинуть границу Боспорского царства вплоть до ст. Прочноокопской, что не согласуется с имеющимися сейчас археологическими материалами.

Рис. 1. Карта расселения меотских племен (по Шилову В.П.)

При локализации меотских племен нужно учитывать расширение владений Боспора на восток за счет присоединения меотских территорий¹¹. Этот процесс нашел отражение в титулатуре боспорских царей, где названия новых племен фиксировались в определенной последовательности: синды, тореты, дандарии, псессы, фатеи, досхи¹² (см. главу «Синды»). Поскольку этнокарта Прикубанья в течение веков менялась, для решения вопроса о локализации конкретных племен необходимо определить максимальную восточную границу Боспора. Картографирование кладов боспорских монет конца IV — середины III в. до н.э. позволяет обозначить границу денежного обращения. Эта граница определяется по линии Раевская—Крымск—Старонижестеблиевская¹³ и, на наш взгляд, очерчивает территорию расселения меотских племен, которые входили в состав Боспорского государства, что и зафиксировано в титулатуре боспорских правителей.

Не существует единой точки зрения и относительно языка меотов (см. главу «Синды»). Наиболее распространено мнение об их принадлежности к кавказской языковой группе¹⁴. Согласно другой гипотезе, меоты по языку относились к иранцам¹⁵. По мнению О.Н. Трубачева, синды и меоты говорили на индоарийском языке¹⁶, однако следует иметь в виду, что меоты не этнос, а собирательное географическое понятие, объединившее все племена, жившие на восточном побережье Меотиды и в нижнем Прикубанье. Поэтому под меотами следует понимать различные по происхождению и языковой принадлежности племена, которые и создали меотскую материальную культуру. Этим и объясняется наличие большого количества локальных вариантов, выделенных И.С. Каменецким.

Хронологические рамки существования меотской культуры (исключая протомеотский период), на основании имеющихся археологических материалов, сейчас определяются концом VII в. до н.э. — серединой III в. н.э.¹⁷ Вопрос о присутствии в Прикубанье постоянного скифского населения еще ждет своего окончательного решения. Н.В. Анфимов считал, «что для помещения собственно скифов на Кубани нет достаточных оснований»¹⁸. Каменные изваяния, по-видимому маркирующие территорию постоянных кочевий скифов, не встречаются западнее р. Уруп¹⁹. Однако богатые Келермесские и Ульские курганы, которые традиционно считаются скифскими, находятся в междуречье рек Лабы и Белой. В.Р. Эрлих, анализируя погребения Келермесских курганов, пришел к выводу, что вряд ли можно говорить о радикальной смене населения в раннескифское время, так как многие черты обряда прослеживаются с протомеотского периода²⁰. Между курганами расположены грунтовые могильники рядового меотского населения. Эти памятники отражают сосуществование и взаимовлияние меотского и скифского этносов. Допустимо, что проникшие сюда дружины скифов могли захватить власть над отдельными меотскими племенами²¹ и какая-то часть территории Закубанья стала зоной их долговременного обитания. Не исключено, что здесь существовало и военное объединение под главенством скифской знати²². Постепенно скифы, скорее всего, были ассимилированы меотами, и «скифский импульс» растворился в местной среде²³, а к IV в. до н.э. меотская культура приобрела свой «классический облик»²⁴.

В степях правобережья Кубани постоянного скифского населения не было. В курганах, расположенных на Азово-Кубанской равнине, известны впускные погребения VII в. до н.э., которые считают раннескифскими²⁵, но их очень мало, поэтому трудно предположить, что оставившая их группа кочевников была многочисленной и проживала на данной территории длитель-

Рис. 2. Меотское городище
(ров городища Спорное)

ное время. По мнению И.С. Каменецкого, скифы могли перегонять на зиму скот в кубанские плавни²⁶. Меоты, переселившиеся из Закубанья, перестали тесно общаться со скифами, но в их материальной культуре, имевшей самобытную основу, в VI–V вв. до н.э. еще сохранялись черты, общие с другими культурами скифского круга (формы керамических сосудов, оружия, конской упряжи). Правящая верхушка меотского общества восприняла от скифов и традицию сооружения «царских» курганов (Марьянские, Елизаветинские).

В процессе своего исторического развития прикубанские племена имели вначале эпизодические, а затем и постоянные (с момента возникновения греческих колоний на Тамани) контакты с греками, а со второй половины IV в. до н.э. — с кочевниками сираками. Эти связи были для меотов очень важны, а в некоторые моменты их истории — жизненно необходимы не только в экономическом, но и в политическом отношении, хотя материальная культура меотов развивалась вполне самостоятельно.

В настоящее время на территории расселения меотских племен известно более 200 городищ (рис. 2). На начальном этапе формирования меотской культуры в Закубанье существовали, вероятно, только неукрепленные поселения. Самые ранние земляные укрепления (ров и вал), открытые на Тенгинском городище № 2, относятся к концу VI — середине V в. до н.э.²⁷ Реальной в это время была угроза со стороны скифов, набегам которых периодически могло подвергаться население городищ. Местные племена также могли воевать друг с другом за пастбища и пахотные земли. Возможно поэтому в VI в. до н.э. начинается процесс освоения меотами новых территорий на правом берегу Нижней и Средней Кубани. Эти события отмечены появлением здесь могильников и поселений. Основные памятники VI в. до н.э. размещаются между Краснодаром и Усть-Лабинском²⁸.

В IV в. до н.э. на меотских поселениях правобережья Кубани появились земляные оборонительные укрепления. Наибольшая плотность городищ отмечается на правом, высоком берегу р. Кубани — главной водной артерией

региона. Городища основывались главным образом на мысах. В центральной части находилась «цитадель», возвышавшаяся в виде холма, вокруг которой располагалось поселение. На Елизаветинском городище было две цитадели. Западный холм имел четырехугольную в плане форму, восточный — округлую²⁹. Площадь городищ различна; укрепления состояли из земляных валов и рвов³⁰. Наиболее характерны городища, на которых ров находился перед валом, с напольной стороны. На некоторых городищах ров располагался с внутренней стороны вала, что можно объяснить тактикой ведения боя против конницы кочевников.

Хорошо изучена оборонительная система городища № 2 хут. им. Ленина первой половины IV в. до н.э. Здесь выявлены две оборонительные линии, каждая из которых состояла из вала, возведенного с напольной стороны, и рва, примыкающего к валу с внутренней стороны. Ров состоял из трех глубоких самостоятельных ровиков, отделенных друг от друга невысокими валами. С внутренней стороны вдоль основания вала имелась узкая дорожка для продвижения защитников городища³¹.

На Старокорсунском городище № 2 выявлено пять разновременных оборонительных рубежей. В середине — второй половине IV в. до н.э. были выстроены две линии обороны, которые функционировали недолго и в конце IV — начале III в. до н.э. оказались засыпанными. В конце III в. до н.э. возводится новая оборонительная система, предназначенная для охраны скота и могил соплеменников. Наибольшую по площади территорию, включавшую грунтовый и курганный могильник городища, огибал широкий напольный ров, дата которого пока остается неясной. Последние укрепления (вал и напольный ров), окружавшие центральную часть городища, были сооружены не ранее II в. н.э., скорее всего, на рубеже II—III вв. н.э., т.е. накануне его гибели³².

В III—II вв. до н.э. густая цепь городищ возникла в Восточном Приазовье на р. Кирпили. Их планировка такая же, как и на городищах правобережья Кубани, хотя встречаются и некоторые отличия. Например, на Новоджерелиевском городище № 3 посад располагался за внутренним рвом, полукольцом окружавшим цитадель³³. Рвы в древности могли заполняться водой, так как городища этой группы расположены на низком берегу реки³⁴.

Для ранних периодов конструкции жилых построек, к сожалению, не известны. Имеются лишь данные начиная с IV в. до н.э. На Елизаветинском городище в слое середины IV—III вв. до н.э. были выявлены архитектурные остатки в виде «обломков саманных обожженных и необожженных полов жилищ, обожженного светлого кирпича, скоплений обожженной крошки самана»³⁵. Раскопками А.В. Городцова в «нижних прослойках культурного слоя» были обнаружены также «руины глинобитных построек» из сырцового и обожженного саманного кирпича, а также домов с деревянным каркасом, переплетенным камышом. Стены обмазывались глиной и выбеливались мелом, полы были глинобитными, крыши некоторых домов перекрывались черепицей³⁶.

На Старокорсунском городище № 2 был обнаружен небольшой участок глинобитного пола жилища, сложенного из фрагментов амфоры Менды IV в. до н.э. Аналогичную конструкцию имел пол сгоревшего жилища, зафиксированного в слое римского времени Краснодарского городища на Дубинке³⁷. Эти находки дают возможным считать, что такая строительная традиция была характерна для меотских памятников Прикубанья и существовала в течение нескольких веков. Этот же прием использовался при строительстве

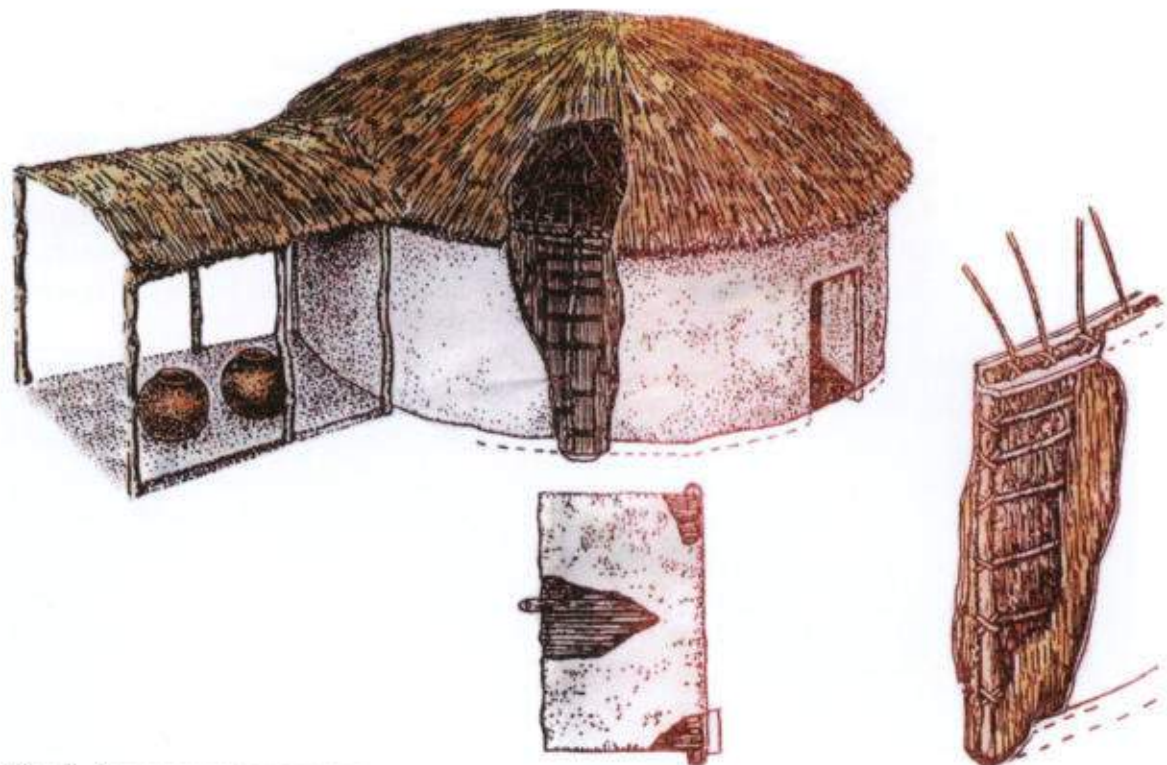

Рис. 3. Реконструкция меотского жилища (Новоджерелиевское городище № 3; по: Шевченко Н.Ф. Строительные традиции у меотов // Армавирский краеведческий музей. Историко-археологический альманах. М., 1995. Вып. 1)

хозяйственных печей, находившихся в доме или рядом с ним³⁸. Таким же образом соорудили поды печей и донские меоты³⁹.

На Роговском городище № 1 и на Новоджерелиевском городище № 3 были выявлены остатки застройки I в. до н.э. и прослежена уличная планировка. Дома располагались плотными рядами по сторонам мостовой, заливавшейся пахсовым раствором, в который утрамбовывали камыш. Жилища размером в среднем $5 \times 3,5$ м и площадью ок. 20 кв. м имели овальную в плане форму. Стены делали из камышовых матов на деревянном каркасе и обмазывали глиной. Основой плетеной камышовой крыши служили прутья. Дверной проем шириной 35–40 см укреплялся боковыми столбами. В одном из домов прослежены остатки деревянной конструкции (мебели?) и земляная часть лежанки. В жилищах были очаги открытого типа и конусовидные, с дымовым отверстием в верхней части и топочным у основания. На цитадели Новоджерелиевского городища № 3 исследована часть жилого комплекса, напоминающего усадьбу, — жилой дом с примыкавшим к нему камышовым навесом, который опирался на столбы. Под навесом стояли зарытые в землю красноглиняные пифосы (рис. 3). Пространство между жилыми домами было заполнено хозяйственными постройками и зерновыми ямами⁴⁰.

Одним из главных составляющих элементов материальной культуры меотов является керамика. Гончарное производство развивалось на протяжении всего периода существования меотской культуры по двум направлениям: совершенствования технологии изготовления керамических изделий и увеличения их ассортимента. Изучение керамики из погребений раннемеотского времени показывает, что с VI в. до н.э. для обработки и заглаживания поверхности сосудов повсеместно использовался поворотный столик, хотя конструирование сосудов осуществлялось еще вручную. Самые ранние примеры использования поворотного столика для формовки сосудов относятся к VII в. до н.э. — это ковши с углублением на дне и выступающим внутрь бугорком от

Рис. 4. Хронологическая таблица инвентаря погребений VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников Старокорсунского городища № 2 и хут. им. Ленина № 3)

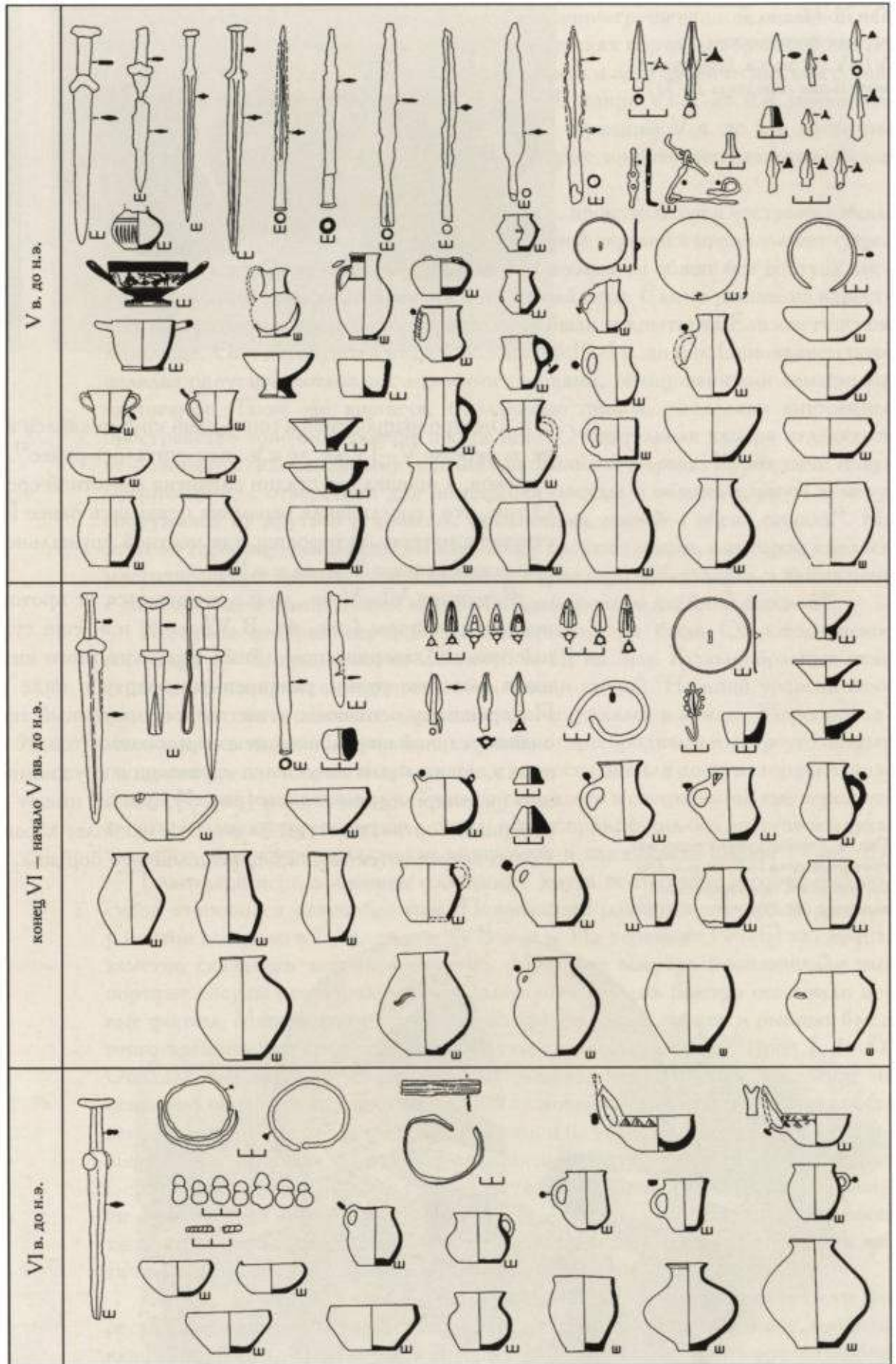

Рис. 5. Меотские керамические сосуды VI–V вв. до н.э. (грунтовый могильник городища № 3)

оси. Быстровращающийся гончарный круг появился в середине V в. до н.э., а не на рубеже V–IV вв. до н.э., как считалось ранее⁴¹. Он не был заимствован у греков, а прошел все стадии развития в местной среде меотских гончаров⁴². О том, что сероглиняная керамика появилась ранее IV в. до н.э., свидетельствуют и материалы городищ, где местной кружальной керамике сопутствует греческий импорт V в. до н.э.⁴³

Керамика VI–V вв. до н.э. отличается от протомеотской большим разнообразием форм (рис. 4). В VI в. до н.э. еще существовали чернолощеные ковши, завершающие линию развития этого вида сосудов. Они сохраняют высокую ручку, раздвоенную сверху в виде «ласточкиного хвоста». По-прежнему основным остается процарапанный геометрический орнамент с обязательной штриховкой некоторых элементов. К концу VI – началу V в. до н.э. ковши были вытеснены кружками и кружками-кувшинчиками с высоким цилиндрическим горлом (рис. 5). Миски имеют округленный или остро-реберный бортик, выступы на венчике наиболее характерны для VI в. до н.э. Редко встречаются миски без выделенного бортика. Чернолощеные корчаги

Рис. 6. Реконструкция меотской гончарной печи I–II вв. н.э. (по материалам Старокорсунского городища № 2)

уступают место более грубым сосудам, в основном грушевидной, овальной или округлой формы, с невысоким горлом. На стенках корчаг и корчагообразных горшков встречаются налепы в виде конических и полусферических выступов, изогнутых и вертикальных ребер (рис. 5). В конце VI в. до н.э. появились кухонные горшки без выделенного горла. С середины V в. до н.э. известны горшки с «воротничковым» венчиком, которые широко распространились в IV в. до н.э.⁴⁴

Обжиг лепной керамики VI—V вв. до н.э. производился в костровых ямах. Появление в середине V в. до н.э. сероглиняной керамики предполагает существование гончарных печей, в которых был возможен обжиг без доступа кислорода, однако печи этого времени пока не найдены. Самые ранние из известных к настоящему времени гончарные печи были открыты на Елизаветинском городище. Они датируются второй половиной II—I в. до н.э. Основанием печи являлся округлый котлован с отлогими стенками, облицованными саманными кирпичами. Такие же кирпичи, обмазанные глиной, разделяли внутреннее пространство топочной камеры посередине. Отопительная камера отделялась от обжигательной саманными лепешками овальной формы. Купол печи полусферический, с отверстием для помещения посуды в обжигательную камеру, сооружался из прутьев и камыша, обмазанных глиной с обеих сторон⁴⁵. На этом же городище были исследованы печи с плоским подом, в котором имелись многочисленные круглые отверстия для доступа горячего воздуха, а также печь с каналом под обжигательной камерой, образованным двойной стенкой⁴⁶.

Крупным центром керамического производства было Старокорсунское городище № 2, где выявлено 20 печей I—III вв. н.э. Куполообразные печи строили из сырцового кирпича и обмазывали глиной. Нижний уровень печи (топка и частично обжигательная камера) заглублялся в землю. Жаропроводные каналы и топка образовывались узкими перегородками или треугольными площадками, на которые опирался под с отверстиями для доступа горячего воздуха в обжигательную камеру. Топливо сжигалось в специальной яме перед отверстием или непосредственно в топке; обжиг происходил без доступа воздуха, топочное отверстие закладывали кирпичами и замазывали глиной⁴⁷ (рис. 6).

Благодаря использованию гончарного круга постепенно ассортимент сосудов становился разнообразней. Наивысшего развития гончарное ремесло у меотов достигло в IV в. до н.э. — II в. н.э. На керамике IV—III вв. до н.э. заметно сказались античное влияние. Меотские мастера использовали импортные сосуды как образцы для подражания и очень быстро осваивали новые формы. Многие типы кувшинов, канфаров, пелик, мисок и рыбных блюд этого времени непосредственно копируют греческие сосуды⁴⁸ (рис. 7, 1—3). Обладая высокоразвитым гончарным производством, местное население не испытывало особой нужды в привозной столовой посуде, тем более, что собственные изделия были значительно дешевле и не уступали по качеству импортным. Красноглиняная керамика представлена продукцией ближайших городов Северного Причерноморья, в количественном отношении ее значительно меньше, чем местной сероглиняной. Во многих комплексах сочетаются одинаковые типы сероглиняной и красноглиняной посуды. Поэтому меотские реплики античных сосудов можно считать синхронными греческим образцам⁴⁹.

Со II в. до н.э. античное влияние на меотскую керамику практически перестает ощущаться. Отмечается большая вариация форм кувшинов, кружек, канфаров (рис. 7, 4), вазочек, в которых уже трудно распознать оригинальные образцы сосудов. Особенно популярными у меотов были миски. Прочные навыки в их изготовлении местные гончары имели еще до контактов с античным

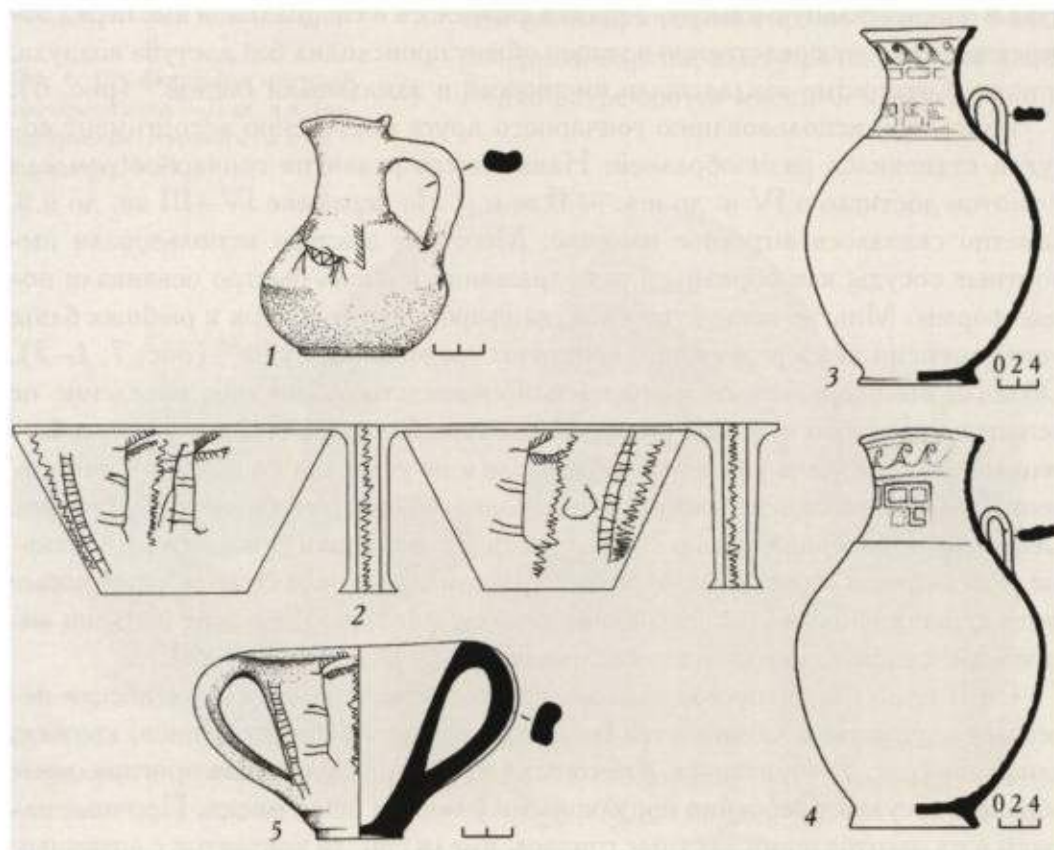
Рис. 7. 1, 2 — меотские кувшины IV в. до н.э.; 3 — канфары III в. до н.э.; 4 — канфары II в. до н.э.

миром, и неслучайно этот вид сосудов отличается большим многообразием типов⁵⁰.

Кухонная же посуда на протяжении IV—I вв. до н.э. не претерпела больших изменений и делалась в основном вручную и, очевидно, в домашних условиях. В конце II в. до н.э. появились серолощенные горшки с широким выделенным горлом, изготовленные на гончарном круге, однако основным типом оставались

Рис. 8. 1, 2 — сосуды с процарапанными рисунками, II в. до н.э. (могильник хут. Ленина № 3); 3, 4 — кувшины с росписью IV в. до н.э. (Старокорсунское городище № 2)

горшки с загнутым внутрь краем, которые часто делали на медленном круге. Просуществовали они вплоть до I в. до н.э., а затем их сменили горшки с отогнутым венчиком, сделанные вручную⁵¹.

На смену лепным корчагам для хранения зерна и других продуктов в III в. до н.э. пришли большие кружальные кувшины без ручек, а позднее — пифосы с наклепными гладкими и ложновитыми валиками на плечиках. К тарной керамике IV в. до н.э. относятся большие двуручные кувшины в форме амфоры (рис. 7, 4) и кувшины с ручкой на плечике, которые могли использоваться для воды и вина⁵².

Для обработки поверхности столовой посуды существовали различные способы

лощения. Костяными ложилами на подсушенную поверхность сосуда вручную наносились вертикальные и горизонтальные полосы; сплошное лощение выполнялось при помощи гончарного круга. Для украшения сосудов применялись различные элементы орнамента (горизонтальные каннелюры, зигзаг, волна, циркульный орнамент), прочерченные по сырой глине, которые иногда сочетаются друг с другом. Редко встречаются сложные орнаменты. Например, на кувшине из кургана у ст. Воронежской наряду с простыми элементами изображены рыбы. Известны рисунки деревьев, оленей (рис. 8, 1, 2) и развернутых сцен охоты, процарапанные после обжига сосуда⁵⁴.

Еще одним способом орнаментации сосудов была роспись. На кувшинах IV в. до н.э. из могильника Старокорсунского городища № 2 выявлен орнамент в виде меандра и бегущей волны, нанесенный красной и черной краской (рис. 8, 3, 4). В I в. до н.э. — I в. н.э. расписывались почти все сосуды, использовавшиеся для погребений. Вертикальные и горизонтальные полосы белой меловой краски имитировали оплетку сосуда соломой или веревкой.

Со второй половины I в. до н.э. в керамическом производстве происходят изменения, вызванные оседанием на меотских городищах кочевников-сарматов и вовлечением их в ремесленное производство. Под влиянием сарматских традиций в большом количестве изготавливались сосуды с зооморфными ручками⁵⁵, но эти изображения, в отличие от сарматских предшествующего периода (II—I вв. до н.э.), носят реалистический характер. Легко распознается облик животного — медведя, волка, кабана, барана и др. (рис. 9), однако со временем изображения вновь становятся условными⁵⁶ (рис. 10, 1). К первым векам нашей эры относятся сосуды в виде птиц⁵⁷ (рис. 10, 1). Для кувшинов «сарматского облика» характерен резной орнамент, состоящий из комбинации простых элементов: сгруппированных косых, горизонтальных и вертикальных линий и отпечатков циркульного штампа⁵⁸ (рис. 34, 3). В первые века нашей эры появились новые формы сосудов, в том числе кувшинчики с цилиндрическим носиком-сливом (рис. 10, 2) и с ручкой в виде трубочки, которые получили дальнейшее развитие в средневековой керамике адыгов⁵⁹.

Гончарное производство не ограничивалось только глиняной посудой. В I в. до н.э. — I в. н.э. были популярны сероглиняные подвесные светильники с крышкой, имеющей отверстие для фитиля. Такие светильники использовались в погребениях и, по-видимому, для освещения жилищ. Для отправления различных ритуалов, в первую очередь погребальных, изготавливались курильницы. Технология их производства, форма и размеры со временем изменялись⁶⁰. На протяжении пяти веков (IV в. до н.э. — I в. н.э.) в погребениях было принято ставить маленькие горшочки круглой формы (рис. 35, 5). Назначение их не совсем понятно, поэтому их условно называют «туалетными» сосудами. Некоторые культовые предметы (курильницы, статуэтки божеств и так называемые «таблетки») могли лепить вручную в каждом доме и обжигать в очагах. В первые века нашей эры в массовом количестве стали производить ткацкие грузики и грузила для рыболовных сетей (рис. 11). На Старокорсунском городище № 2 в печи конца I — начала II в. н.э. осталась готовая продукция — трапециевидные грузила, часть которых была сделана в одной форме⁶¹.

О наличии металлургии свидетельствуют находки в культурных слоях меотских городищ кусков железного шлака. С VI в. до н.э. можно говорить о развитом железоделательном производстве и кузнечном ремесле, что подтверждается появлением и распространением собственно меотских типов вооружения. Как и в предшествующее время, ремесленники работали с

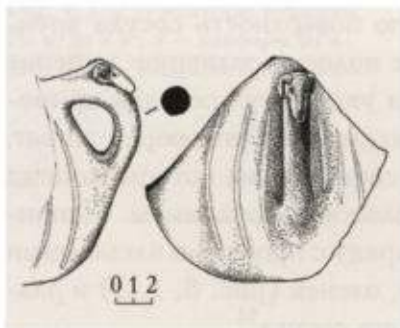

Рис. 9. Зооморфные ручки сосудов

бронзой, совершенствуя литейное мастерство и ковку. Ярким свидетельством этого являются предметы конской упряжи, украшения и зеркала⁶². Предметы косторезного и деревообрабатывающего ремесла представлены костяными гвоздевидными булавками, накладками на рукоятки ножей, остатками деревянных футляров для зеркал.

На протяжении своей истории меоты находились в тесном контакте (в том числе и военном) с племенами кубанской культуры, кочевниками и греческим миром Причерноморья. Это общение, естественно, сказалось и на их военном деле. Период VI–V вв. до н.э. характеризуется скифскими формами оружия: железный акинак, бронзовые наконечники стрел⁶³ (рис. 4), однако развитие комплекса меотского вооружения имеет свои особенности. В Закубанье очень рано, начиная со второй половины VI в. до н.э., появились железные втульчатые наконечники стрел, а с V в. до н.э. они практически полностью заменили бронзовые наконечники⁶⁴. С другой стороны, в Прикубанье (как и на всем Северном Кавказе) втульчатые наконечники стрел стали вытесняться черешковыми только в начале нашей эры, т.е. значительно позже, чем в азиатской Сарматии и Северном Причерноморье.

Рис. 10. Сосуды I–II вв. н.э.

Рис. 11. Ткацкие грузики и рыболовные грузила I–II вв. н.э.

Одним из основных видов вооружения меотских воинов были копья. Важная роль копейщиков в меотском войске отмечена на всех этапах развития

меотской культуры⁶⁵. Характерный набор вооружения меотского воина-пехотинца конца VI—V в. до н.э. составляли короткий меч, 1—3 копья, железные и бронзовые наконечники стрел⁶⁶. Особенно явным преобладание копий становится в погребениях IV в. до н.э. (рис. 30, 18, 19, 22). Комплект вооружения воина-всадника, наряду с мечом и наконечниками стрел, обязательно включал несколько наконечников копий (иногда до 10—12 штук). Нередко в погребениях, не сопровождавшихся конем, оружие представлено только копьями⁶⁷. Во II в. до н.э. одним из основных видов оружия стали метательные дротики, появившиеся еще в конце IV в. до н.э. (рис. 30, 20; 35, 6).

В конце V — начале IV в. до н.э. в Прикубанье складывается особый вид мечей без перекрестия, названный синдо-меотским⁶⁸ (рис. 30, 23; 31, 3). Синдо-меотские мечи имеют самостоятельную линию развития от мечей с брусковидным перекрестием конца V—IV в. до н.э. до мечей с кольцевидным навершием (рис. 35, 11) и мечей с рукоятью-штырем I в. до н.э. — II в. н.э. (рис. 36, 6). Начиная со второй половины IV в. до н.э., мечи синдо-меотского облика берут на вооружение сарматы Прикубанья. Сарматские же мечи на меотских памятниках встречаются эпизодически с III в. до н.э. В первых веках нашей эры частой находкой на грунтовых могильниках Прикубанья являются сарматские мечи с кольцевидным навершием⁶⁹ (рис. 34, 4).

Предметы конской узда в погребениях VI—V вв. до н.э. в могильниках правобережья Кубани встречаются нечасто. По-видимому, институт всадничества здесь в это время еще окончательно не сложился⁷⁰. В IV в. до н.э. получают распространение бронзовые псалии, налобники и наносники, выполненные в прикубанском зверином стиле (рис. 20, 3, 4; 26), который сформировался под скифским влиянием⁷¹. С IV в. до н.э. Прикубанье становится центром по производству удил с крестовидными псалиями⁷² (рис. 31, 7). В I в. до н.э. — II в. н.э. здесь появляется новый тип удил — с колесовидными псалиями (рис. 36, 9). Меотское происхождение имеют и бронзовые пластинчатые налобники (рис. 12). Эти виды конского снаряжения сарматы распространяли из Прикубанья в самые отдаленные регионы⁷³.

Находки защитного вооружения в меотских комплексах Прикубанья очень редки. К наиболее ранним относятся литые бронзовые шлемы так называемого кубанского типа середины VII—VI в. до н.э. (рис. 13). Предполагают, что один из центров их производства находился в Прикубанье⁷⁴. Известны также находки аттических шлемов⁷⁵ (рис. 14). Переделанный шлем этого типа найден в богатом погребении первой половины I в. н.э. могильника городища № 1 у хут. им. Ленина. Прекрасные наборы греческой паноплии происходят из Курджипского и Елизаветинского курганов, в которых исследованы «царские» погребения последней четверти IV в. до н.э.⁷⁶ Эти ценнейшие предметы, в том числе и бронзовый панцирный нагрудник с изображением Медузы Горгоны⁷⁷, могли быть частью даров, при помощи которых правители Боспора гасили военные конфликты с прикубанскими варварами⁷⁸. К IV в. до н.э. относятся и наборные пластинчатые панцири из железа и бронзы (рис. 15). Рядовые меотские воины могли пользоваться защитными доспехами из кожи и щитами из дерева, которые в погребениях не сохраняются.

Уникальные для Прикубанья предметы — железные жезлы — были найдены в воинских погребениях I в. до н.э. могильника городища Спорное⁷⁹. Один из жезлов венчают четыре протомы лошадей. Примечательно, что он происходит из погребения всадника. Эти предметы можно рассматривать как знаки высокого воинского статуса погребенных.

Рис. 12. Бронзовые пластинчатые налобники IV в. до н.э. (Прикубанский могильник, Кореновский курган)

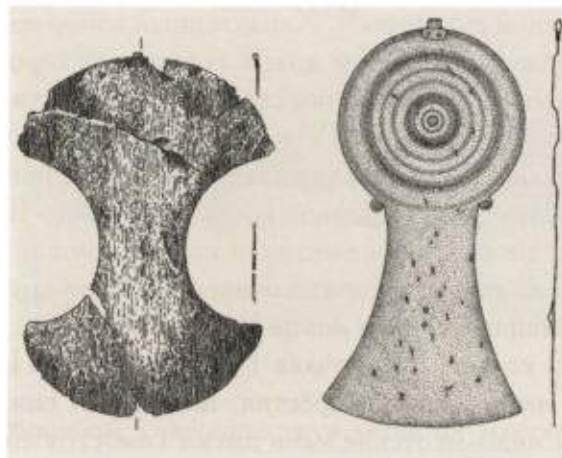

Рис. 13. Бронзовый шлем кубанского типа (Старокорсунское городище № 2)

Археологические данные, позволяющие реконструировать духовную культуру меотов Прикубанья, довольно ограничены и происходят главным образом из погребальных памятников. Многие детали погребального обряда отражают восприятие мира, типичное для племен, основу хозяйства которых составляли земледелие и скотоводство. Эволюция погребального обряда рядового меотского населения прослеживается на протяжении более тысячи лет. С течением времени менялся набор и количество предметов в погребении, происходили изменения в положении погребенных, ориентировке и формах погребальных сооружений, связанные с изменением идеологических воззрений и влиянием соседних племен. На грунтовых могильниках меотских городищ известны два обряда ингумации — скорченное и вытянутое положение скелетов. В раннее время процентное соотношение их на разных памятниках не одинаково. К III в. до н.э. скорченные погребения практически исчезают. Ориентировка также имеет локальные особенности и может кардинально различаться даже на одном памятнике в пределах одного хронологического периода⁸⁰. Преобладающими были южный, юго-восточный и юго-западный секторы. В меото-сарматский период распространяется западная ориентировка погребенных. Обычной формой погребального сооружения была простая грунтовая яма, размеры которой зависели от числа захороненных людей, животных и сопутствующего инвентаря. С сарматским влиянием связано появление на грунтовых могильниках подбоев и катакомб. В разные периоды встречаются парные погребения (рис. 16). Известны и коллективные захоронения в земляных склепах II в. до н.э. — I в. н.э. у станиц Ладожской, Владимирской и Тбилисской⁸¹, а также на грунтовом могильнике городища Спорное в Усть-Лабинском районе.

Рис. 14. Бронзовый шлем аттического типа

Сопутствующий инвентарь грунтовых погребений представлен в основном предметами, имеющими определенное функциональное назначение: амфоры, кухонная и столовая посуда, украшения, орудия труда, оружие, конская упряжь и пр. Главной категорией погребального инвентаря является керамика. Погребения различаются по количеству и качеству сосудов. Некоторые сосуды, изготовленные из необожженной глины, предназначались специально для погребений. Другие имеют признаки длительного использования в быту (следы починки) или преднамеренной порчи. Размещение сосудов в погребении, как правило, было связано с их назначением. В ногах обычно ставились сосуды, предназначенные для пищи и питья (кухонные горшки, кувшины, миски, кружки). Особенно разнообразен и многочислен набор сосудов в погребениях IV — первой половины III в. до н.э. Иногда их количество явно

Рис. 15. Меотский всадник IV в. до н.э. (реконструкция по материалам Прикубанского могильника и Новолабинского кургана)

превышало «потребности» умершего, что могло отражать социальный статус погребенного и зависеть от числа участников тризны. Возможно, по представлению меотов, часть сосудов предназначалась для трапезы в загробном мире совместно с умершими предками и богами.

Иным было назначение сосудов, расположенных в головах. Главным образом это миски, которые ставились на ребро или вверх дном (рис. 16, 17). Положение миски под черепом или за черепом особенно характерно для IV в. до н.э. и было прослежено на грунтовых могильниках Краснодарской группы, а также на памятниках, расположенных западнее. Истоки этого обряда уходят в V в. до н.э.⁸² В донцах мисок и кувшинов, стоявших в головах погребенного, часто пробивались отверстия, что можно трактовать как идею о переходе из мира живых в обитель мертвых. Для ритуальных возлияний использовались вазочки, перевернутые ножкой вверх⁸³. В меото-сарматское время обычай ставить миску в головах и переворачивать сосуды вверх дном постепенно исчезает. На смену приходит обряд помещения кувшина в миску, что могло символизировать двойные сосуды, связанные, вероятно, с сельскохозяйственными ритуалами⁸⁴. Встречается и сарматский обычай, когда в миску клали жертвенное мясо (овцы, свиньи, коровы).

В IV–II вв. до н.э. в погребальном обряде меотов широко использовались различные типы курильниц⁸⁵, в которых сжигали ароматические вещества для очищения могилы (рис. 18). На курильнице III в. до н.э. из могильника городища № 2 у хут. им. Ленина между рядами вертикальных каннелюр прочерчены две антропоморфные фигуры и изображение змеи, которая считалась стражем семьи и домашнего очага⁸⁶. Начиная с I в. до н.э., происходят изменения в идеологических представлениях местного населения, и курильницы исчезают⁸⁷. С этого же времени для обряда очищения широко используется мел, куски которого чаще всего находят внутри сосудов. Возможно, меоты восприняли этот ритуал под влиянием сарматов, хотя единичные случаи применения мела относятся еще к V в. до н.э.⁸⁸ К атрибутам погребального культа относятся также песчаниковые плиты (так называемые «алтари») и гальки, которые встречаются в захоронениях, начиная с протомеотского времени⁸⁹. В богатых воинских погребениях IV в. до н.э.

Рис. 16. Парное погребение конца IV в. до н.э. (могильник Старокорсунского городища № 2)

Рис. 17. Погребение конца IV в. до н.э. (могильник Старокорсунского городища № 2)

«алтари» присутствуют повсеместно, причем каменные плиты часто заменяют фрагменты античных черепиц. Гальки находят по одной и компактными кучками по несколько штук. Этот обряд сохраняется на всем протяжении меотской культуры. В первых веках нашей эры гальки сменяют фрагменты каменных плиток и зернотерок.

В качестве предмета культа богини (или богинь) домашнего очага и плодородия можно рассматривать пряслица (рис. 19), встречающиеся главным образом в женских, но нередко и в мужских, и в детских погребениях. Особенная роль пряслиц хорошо прослеживается на материалах погребений IV в. до н.э. Пряслица часто находятся в группе особо значимых предметов (гальки, цветные камушки, ракушки, мел, отбитые донца сосудов). Помещение пряслица в погребение могло символизировать оборвавшуюся жизненную нить. Сквозное отверстие в пряслице можно также трактовать как «переходный тоннель» для души в царство мертвых и обратно, как и в случае с отверстием в дне сосуда⁹⁰.

Неоднозначная роль отводилась в погребальном обряде домашним животным. Одни из них попадали в могилу в качестве напутственной пищи, другие должны были продолжать служить хозяину в загробном мире или приносились в дар богам. Самой распространенной мясной пищей являлись овца и свинья. Особым почетом пользовалась корова, культ которой своими корнями уходит в протомеотское время⁹¹. В IV—II вв. в богатые захоронения укладывали целые туши и части животных; известны отдельные жертвоприношения священных коров, украшенных ожерельями из бус⁹². Лошади в погребениях редко выступали как заупокойная пища; чаще их находят с принадлежностями конской узды. На грунтовых могильниках рядового населения важное место занимают воинские погребения, сопровождаемые боевым конем (рис. 30, 31). Положение в погребение шкуры лошади или отдельных ее частей известно с протомеотского периода⁹³, но развитый институт всадничества, по нашему мнению, существует с IV в. до н.э. Все лошади в погребениях этого времени представлены целыми скелетами. Иногда всадника сопровождали сразу несколько коней. Среди погребений с оружием и лошадьми есть и женские (рис. 20). Конь не только обозначал высокий статус погребенного, но одновременно рассматривался как средство передвижения в загробном мире. Погребения всадников часто сопровождали собаки. Собака — страж обители усопших и вестница смерти — была проводником в загробный мир. Во II в. до н.э. известны ритуальные захоронения собак с инвентарем и без него⁹⁴.

В период расцвета меотской культуры (IV в. до н.э.) особой сложностью погребальных конструкций, пышностью обряда и богатством инвентаря (золотые украшения, парадное оружие, импортные бронзовые и чернолаковые сосуды и даже панафинейские амфоры) отличаются захоронения родоплеменной знати. Нередко они сопровождались человеческими жертвами и конскими гекатомбами (Ульские, Елизаветинские, Марьянские, Курджицкий курганы).

На многих курганных и грунтовых некрополях как левобережья, так и правобережья Кубани были открыты ритуальные комплексы, относящиеся к VI—II вв. до н.э. Они могли быть единовременными, связанными с конкретным погребением, или функционировать длительный период в качестве святилищ. Обычно святилища представляли собой площадки (земляные или вымощенные речной галькой), на которых совершались жертвоприношения и ритуальные действия. Над некоторыми площадками сооружались деревянные перекрытия. Особенным богатством отличаются святилища VI—V вв. из Уляпских курганов, в которых найдены высокохудожественные предметы и сосуды из бронзы, золота и серебра. Всему миру известен шедевр греческого

мастера — ритон с протомой Пегаса⁹⁵. Святилище Уляпского кургана № 5 связывают с культом бога войны, соответствующего скифскому Аресу⁹⁶. На святилищах IV в. до н.э. некрополя II Тенгинского городища были зафиксированы остатки сгоревших шатровых или полушатровых деревянных конструкций. Черепа и кости взнузданных лошадей лежали вокруг ритуальной площадки, вымощенной галькой, и в полукольцевом рву, перекрытом деревом. Там же впервые была встречена кремация лошадей и других домашних и диких животных⁹⁷. Наряду с животными в жертву приносили и людей⁹⁸.

Жертвоприношения сопровождалась оружием, предметами конской сбруи, керамическими, стеклянными и металлическими сосудами, различными украшениями. Богатое святилище IV в. до н.э. было уничтоже-

Рис. 18. Меотские курильницы IV–II вв. до н.э.

Рис. 19. Глиняные пряслица

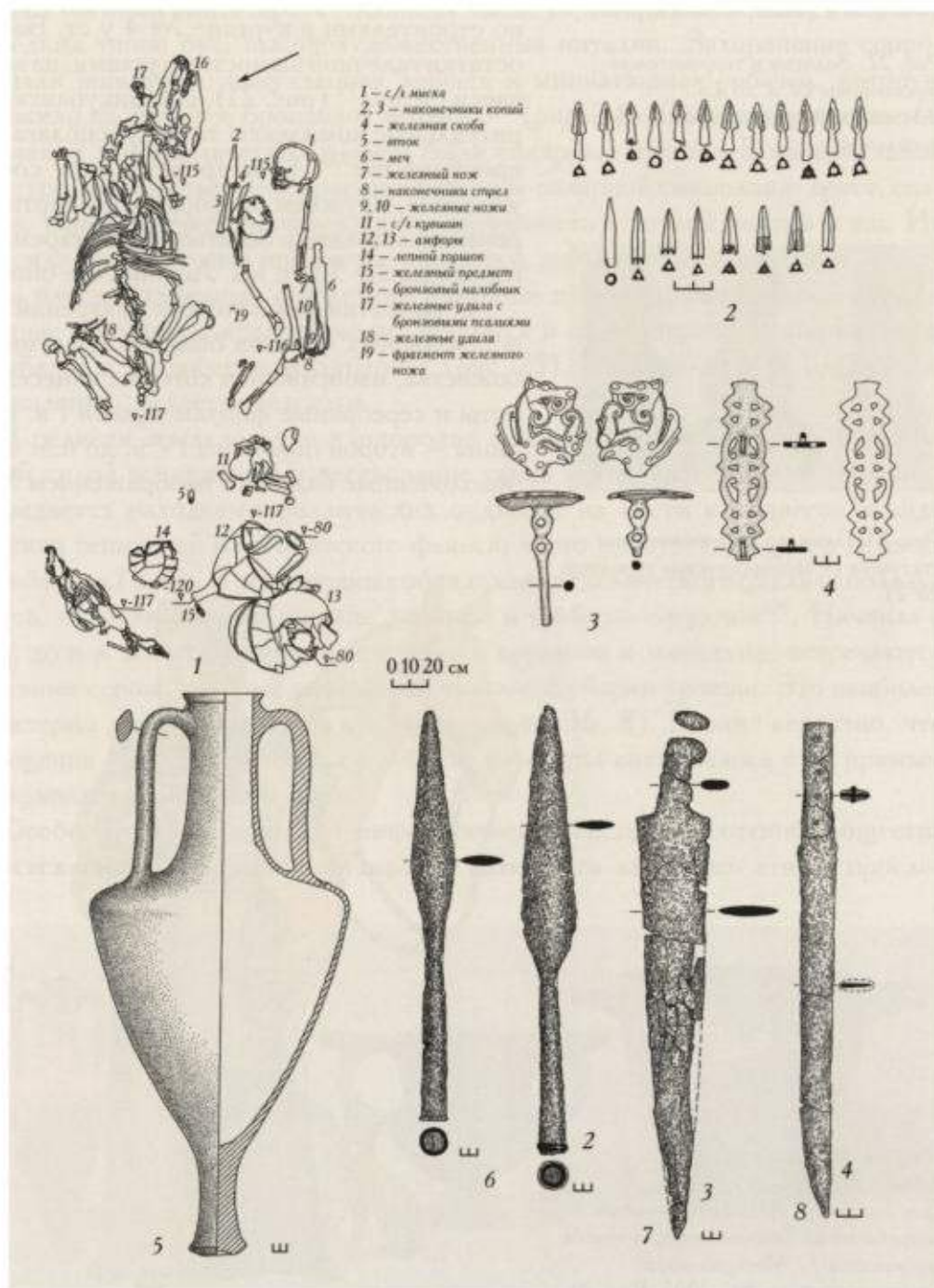

Рис. 20. План и инвентарь погребения женщины в сопровождении лошади и собаки, IV в. до н.э. (Прикубанский могильник)

Рис. 21. Золотая обкладка ритона IV в. до н.э. (Васюринский курган)

Рис. 22. Золотые и терракотовые горгонейоны IV в. до н.э. (Ивановский курган, Елизаветинский могильник)

Рис. 23. Глиняная антропоморфная статуэтка (Старокорсунское городище № 2)

но строителями в кургане № 4 у ст. Васюринской. Здесь были доследованы остатки галечной вымостки с углями, на которой лежала золотая обивка верхней части ритона⁹⁹ (рис. 21). В Прикубанском могильнике IV в. до н.э. подобные ритуальные комплексы также располагались на курганах или в межкурганном пространстве¹⁰⁰. Они представляют собой захоронения лошадей с конской упряжью, оружием, амфорами, импортными и ритуальными сосудами. Захоронения лошадей с богатым инвентарем известны и на грунтовом могильнике городища № 3 хут. им. Ленина, где они относятся ко II в. до н.э.¹⁰¹

О развитии религиозных воззрений говорит формирование у меотов антропоморфных образов божеств. Ведущее место при этом занимали женские божества, изображения которых нанесены на золотые бляшки боспорской работы и серебряные фибулы-броши I в. н.э.¹⁰² В погребениях всадников середины — второй половины IV в. до н.э. часто находят золотые и терракотовые позолоченные бляшки с изображением Медузы Горгоны (рис. 22) и Афины в трехрогом шлеме, которые нашивали на сбрую коня и костюм погребенного. В представлении меотов женские божества были еще слабо дифференцированы. При отсутствии сложившегося образа они часто использовали чужие изображения. О местном представлении образа богини матери-земли или покровительницы домашнего очага свидетельствуют грубые глиняные статуэтки с меотских городищ¹⁰³ (рис. 23).

Рис. 24. Меотская жрица, реконструкция (по: Беллова Е.А. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. М., 2005. Вып. 4)

Почитание женского божества у меотов соответствовало высокому общественному положению женщины: матери, хранительницы домашнего очага, воительницы. Женщина могла исполнять также сакральные функции. На Тенгинском грунтовом могильнике было открыто погребение «жрицы» последней четверти II — рубежа II—I в. до н.э. О высоком социальном статусе погребенной женщины

Рис. 25. Глиняные «таблетки» с меотских городищ

Рис. 26. Бронзовый наносник IV в. до н.э. (Прикубанский могильник)

Рис. 27. Зооморфные ручки сосудов

говорит богатый инвентарь: стеклянная чаша, украшения из золота, ожерелье из редких типов бус, высокохудожественные инталии. Захоронение сопровождали животные: взнузданная лошадь и миниатюрная собачка, которую положили на большое бронзовое зеркало¹⁰⁴ (рис. 24). Составным элементом верований земледельческих племен были солярные культы. В материальной культуре меотов отмечается распространение солярной символики: крест, свастика, концентрические окружности, окружности с точкой внутри и т.п. Их наносили на культовые предметы, керамику, зеркала, конскую сбрую, а также на плоские глиняные «таблетки» и стоячие плитки прямоугольной формы, которые в большом количестве встречаются в слоях первых веков городищ Закубанья и правобережья Кубани¹⁰⁵ (рис. 25). Назначение этих предметов, к сожалению, остается неясным.

В религии земледельцев плодородие земли ассоциировалось с плодотворной силой женщины. Существование таких представлений у меотов подтверждается находками фаллических подвесок из кости и подвесок в виде мужских гениталий из египетского фаянса, часто присутствующих в детских погребениях I в. н.э. В религиозных обрядах земледельческого цикла использовались, по-видимому, маленькие двойные и тройные сосудики¹⁰⁶. Начиная с IV в. до н.э. в погребениях, в том числе с оружием и лошадьми, встречаются железные серпы, которые указывают на способ уборки урожая. Это наиболее характерно для первых веков нашей эры (рис. 36, 8). Вполне вероятно, что помещение этих предметов в погребение не всегда связывалось с их прямым функциональным назначением.

Особенностью религиозно-мифологической системы меотского общества является также прикубанский вариант скифского звериного стиля, просле-

Рис. 28. Амфоры IV в. до н.э. (Прикубанский могильник)

Рис. 29. Чернотаковые сосуды IV в. до н.э. (Прикубанский могильник)

живаемый на протяжении нескольких веков — с середины VII до конца IV в. до н.э.¹⁰⁷ Образцы его находят главным образом в богатых погребениях, и лишь отдельные экземпляры попадали в рядовые могилы. Изображения кошачьих и волчьих хищников, оленя, лося, фантастических грифонов украшают в основном предметы конской упряжи¹⁰⁸ (рис. 26).

Влиянием сарматской религиозной системы можно объяснить появление в меотских погребениях, начиная со второй половины I в. до н.э., сосудов с зооморфными ручками¹⁰⁹. Чаще всего они изображают барана, свинью (кабана), волка или собаку, медведя¹¹⁰ (рис. 9, 27). Подобные ручки выполняли обереговую функцию, защищая содержимое сосуда. Изготовление ручек в виде барана, возможно, связано с общеиранским представлением о фарне — божественной сущности, приносящей богатство, власть и могущество¹¹¹.

С развитием ремесел и религиозных представлений естественным образом было связано искусство меотов. Индивидуальное творчество меотских мастеров особенно ярко проявлялось в бронзолитейном деле, а также в украшении сосудов, орнаментации культовых предметов и в изображении божеств. Очевидно, уже существовала узкая специализация в некоторых группах ремесленников. Например, для изготовления составных литейных форм нужно было создавать восковые модели, бронзовые предметы подвергались шлифовке, дорабатывались ковкой, чеканкой и гравировкой. Ручное лощение сосудов, традиционные узоры, наносимые штампом или вручную, и несложная роспись сосудов белой краской могли выполняться особыми помощниками гончара. Украшение сосудов сложными орнаментами, составленными из нескольких элементов, схематическими рисунками и сюжетными сценами зависело от фантазии мастера и, очевидно, от желания заказчика. Религиозная традиция диктовала набор магических знаков на ритуальных предметах и способ лепки статуэток из одного куска глины. Однако меоты, скорее всего, так и не достигли того этапа в развитии искусства, когда художники выделились из общин ремесленников как самостоятельная профессиональная община.

На начальном этапе своего исторического развития меоты находились на стадии родоплеменного строя. В археологическом аспекте это подтверждается существованием локальных вариантов в их материальной культуре. К VI—V вв. до н.э. большинство меотских поселений представляло собой небольшие родовые поселки, население которых могло составлять от нескольких десятков до сотни человек. В результате естественного прироста поселения разрастались, жители переселялись на новые места. В IV в. до н.э. повсеместно возникают укрепленные городища значительных размеров. О плотной их заселенности в это время свидетельствуют материалы грунтовых некрополей некоторых городищ, где были раскопаны сотни погребений. Поселение в несколько тысяч человек, имеющее к тому же собственную производственную и военную структуру, вряд ли могло управляться родовыми институтами. Начиная с протомеотского периода, на примере погребальных памятников можно проследить рост имущественного и социального расслоения меотского общества. В IV в. до н.э. окончательно сформировались правящая верхушка, состоявшая из вождей племен, и значительная прослойка военной аристократии — профессиональные воины-всадники. По материалам погребений этого времени выделяются рядовые дружинники-пехотинцы и простое население — земледельцы-скотоводы и ремесленники. Такая социальная структура указывает на существование у меотов военной демократии и на развитие процесса, ведущего к возникновению раннего государства. Однако историческая судьба меотов сложилась так, что именно в этот период (конец IV — начало III в.

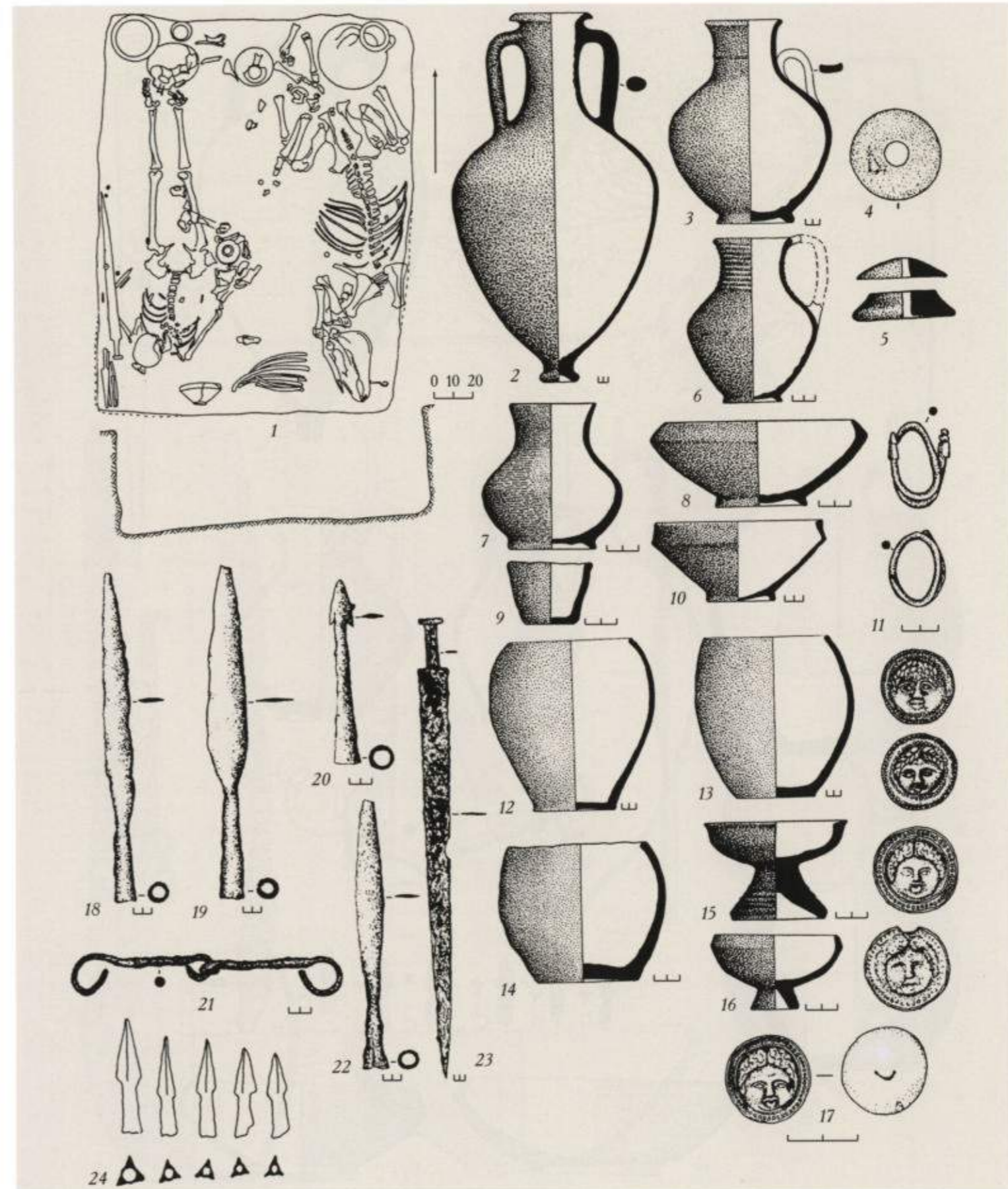

Рис. 30. Погребение IV в. до н.э. (могилище Старокорсунского городища № 2, погребение 93в)

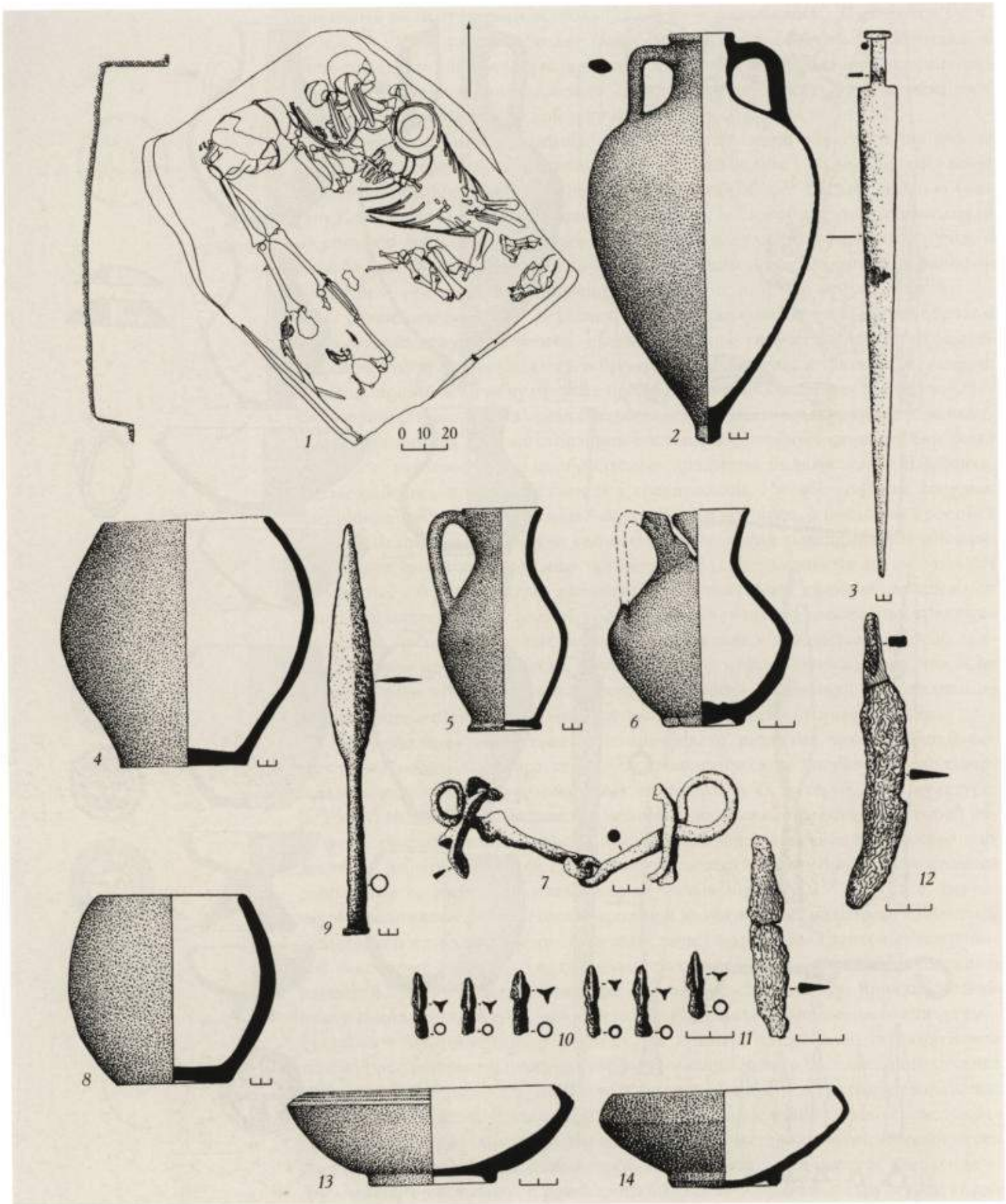

Рис. 31. Погребение начала III в. до н.э. (могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 44в)

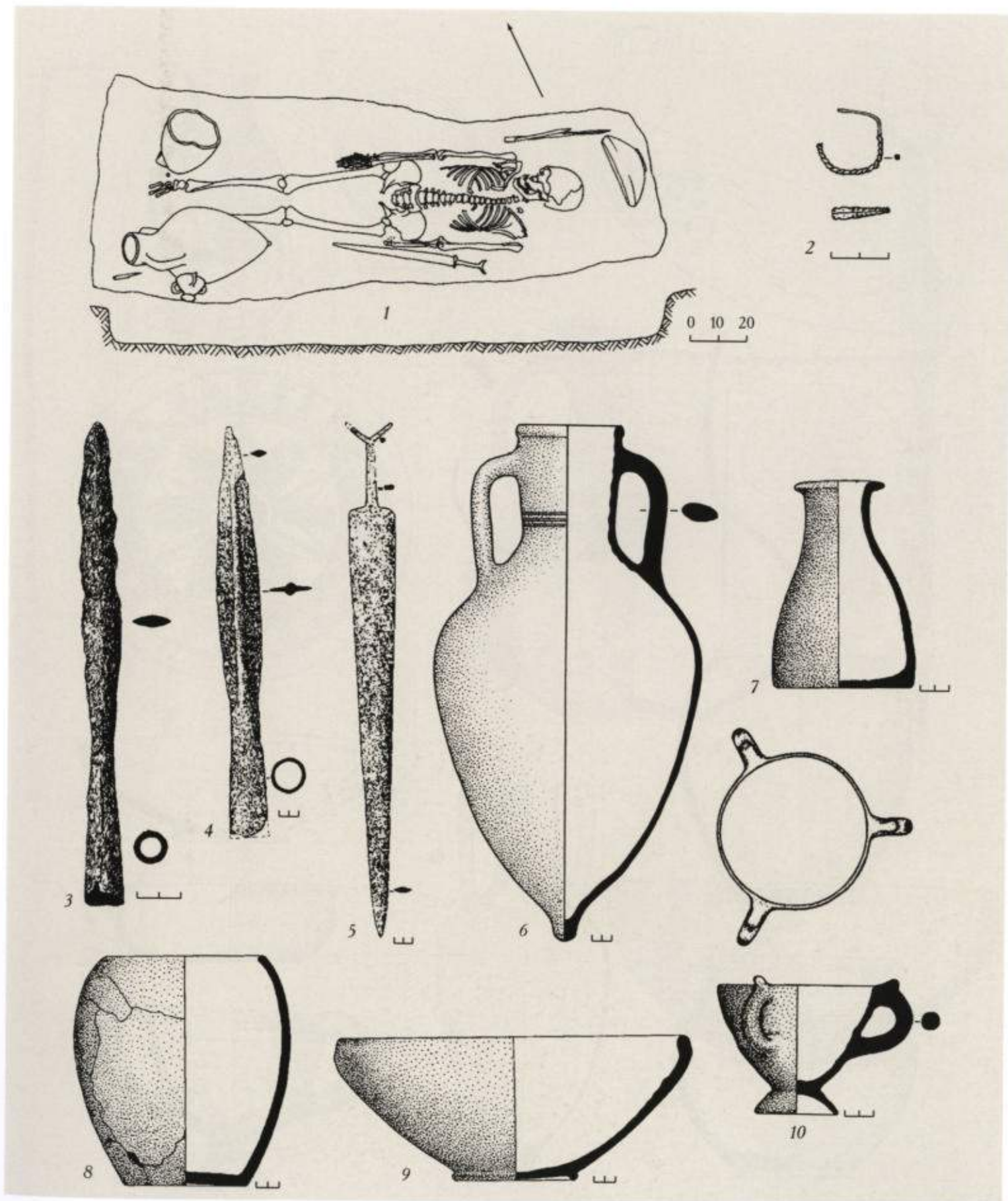

Рис. 32. Погребение II в. до н.э.
(могилище Старокорсунского
городища № 2, погребение 188в)

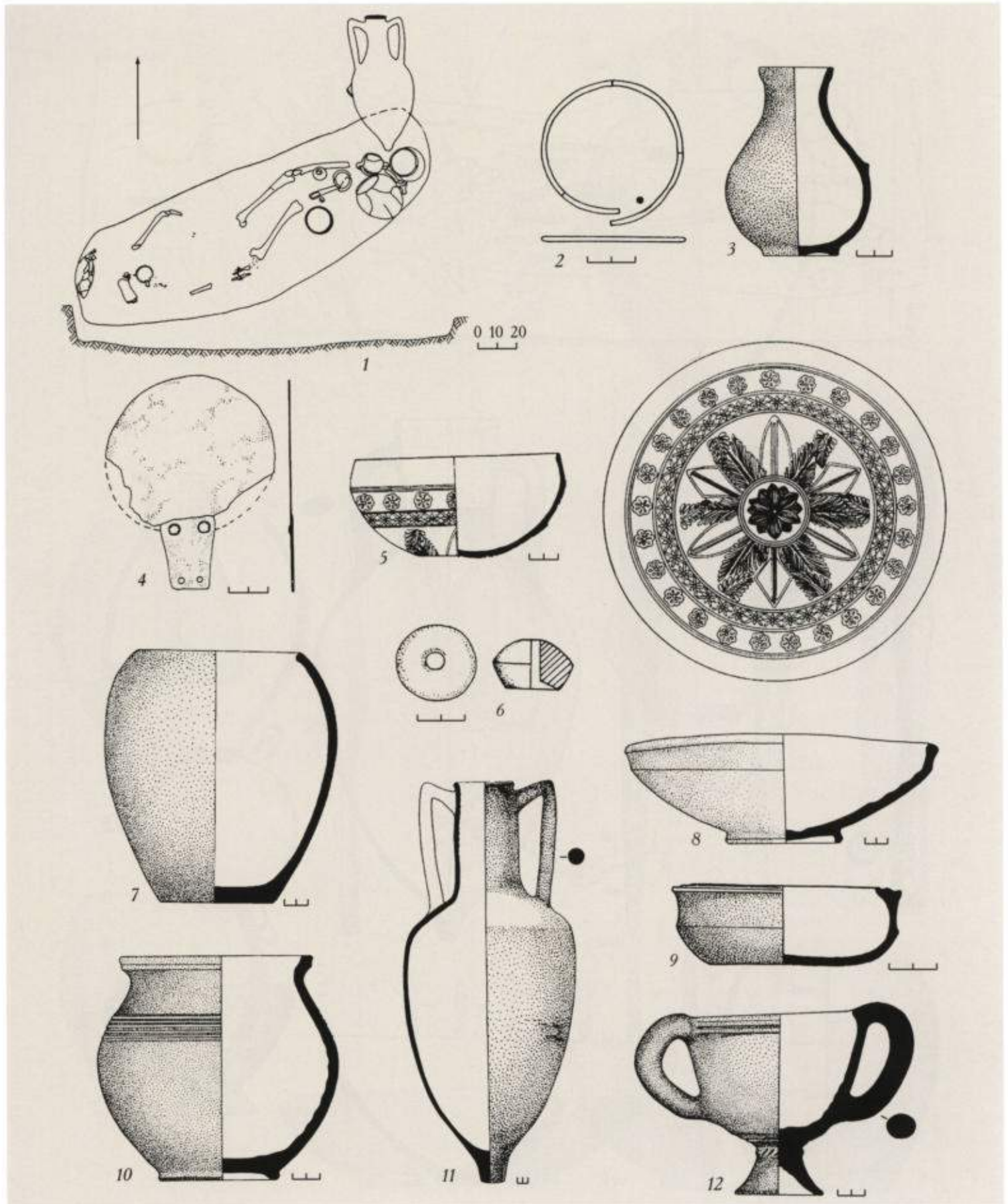

Рис. 33. Погребение II в. до н.э.
(могильник Старокорсунского
городища № 2, погребение 250а)

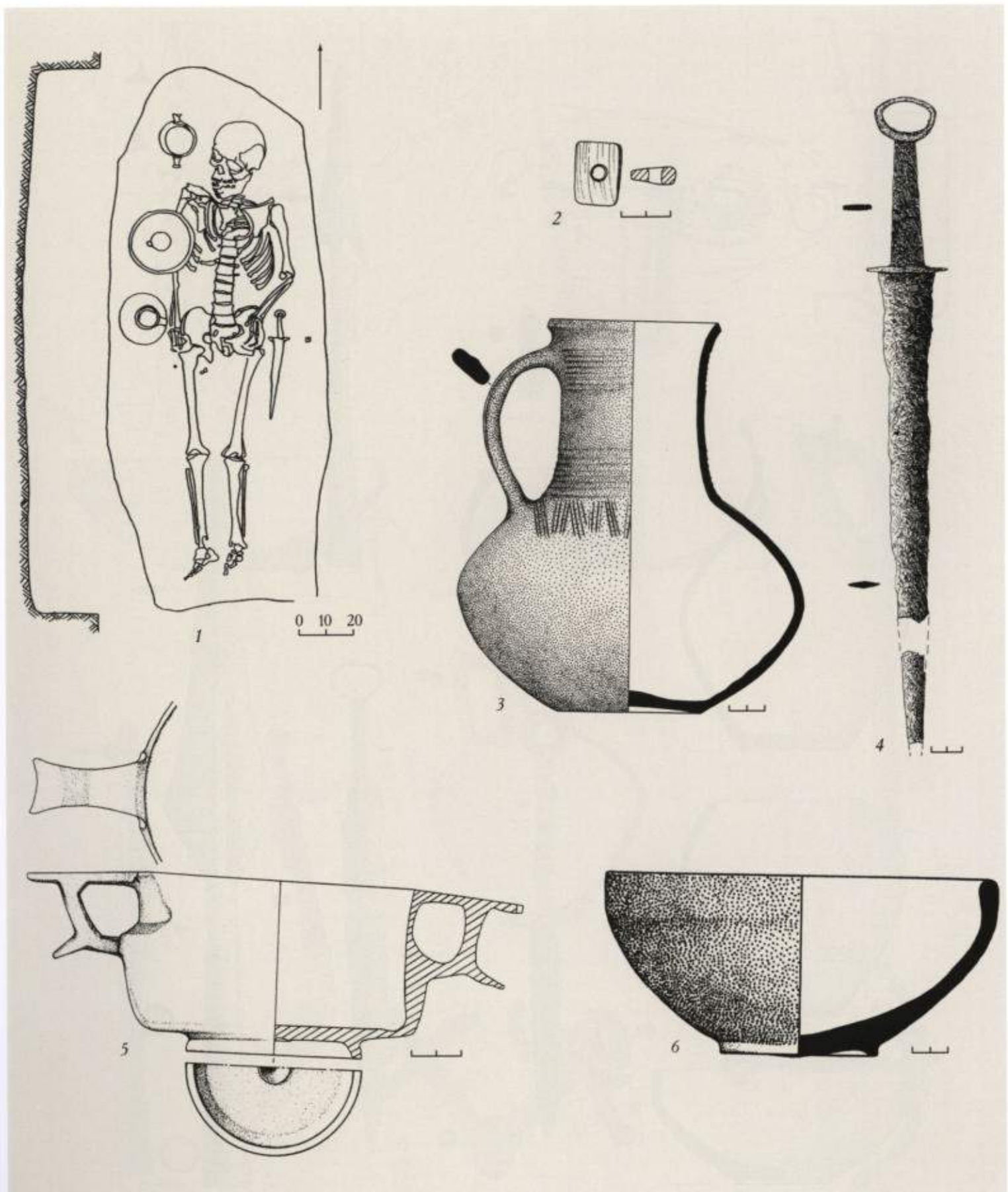

Рис. 34. Погребение I в. н.э.
(могильник Старокорсунского
городища № 2, погребение 28в)

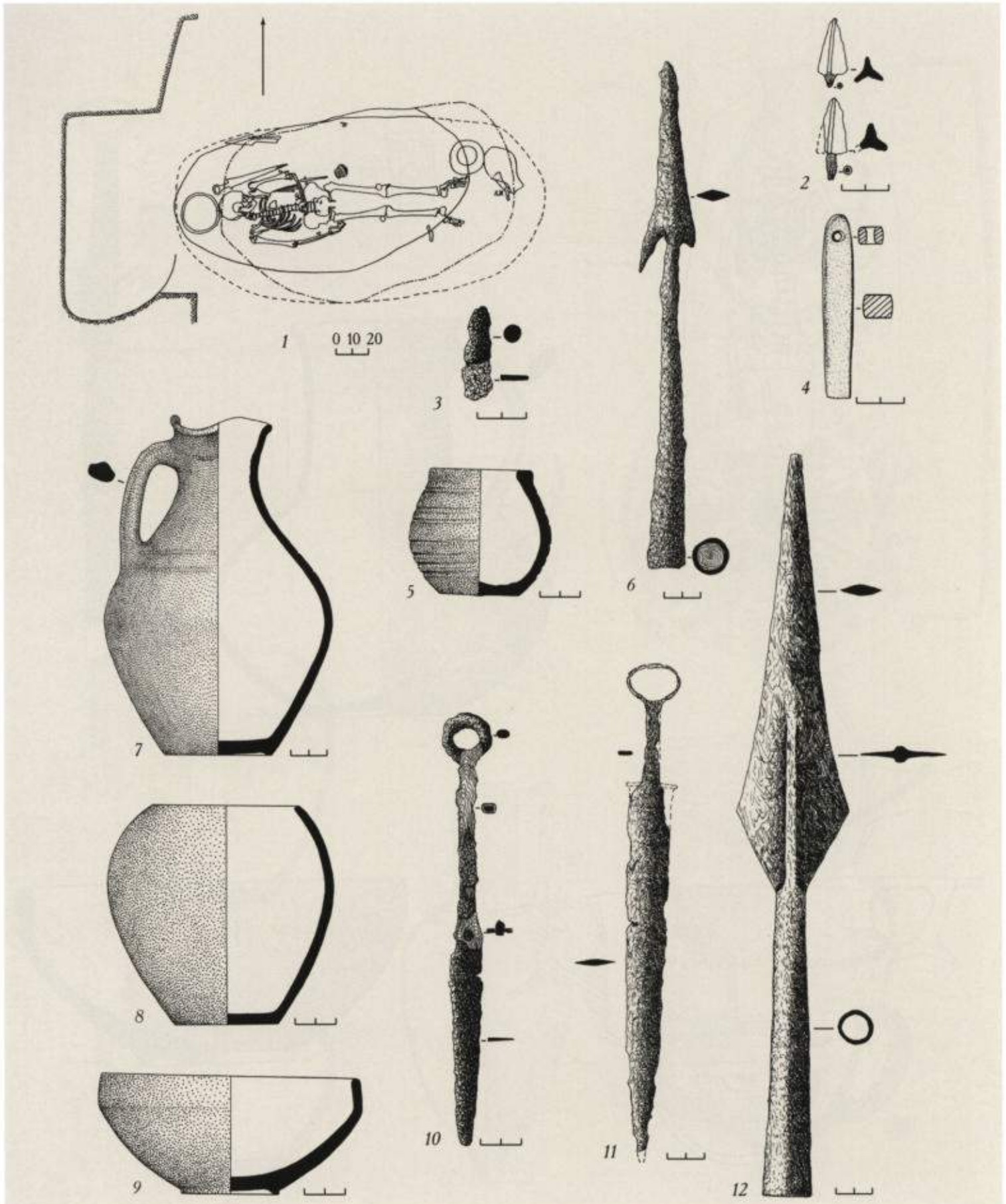

Рис. 35. Погребение I в. н.э.
(могильник Старокорсунского
городища № 2, погребение 32в)

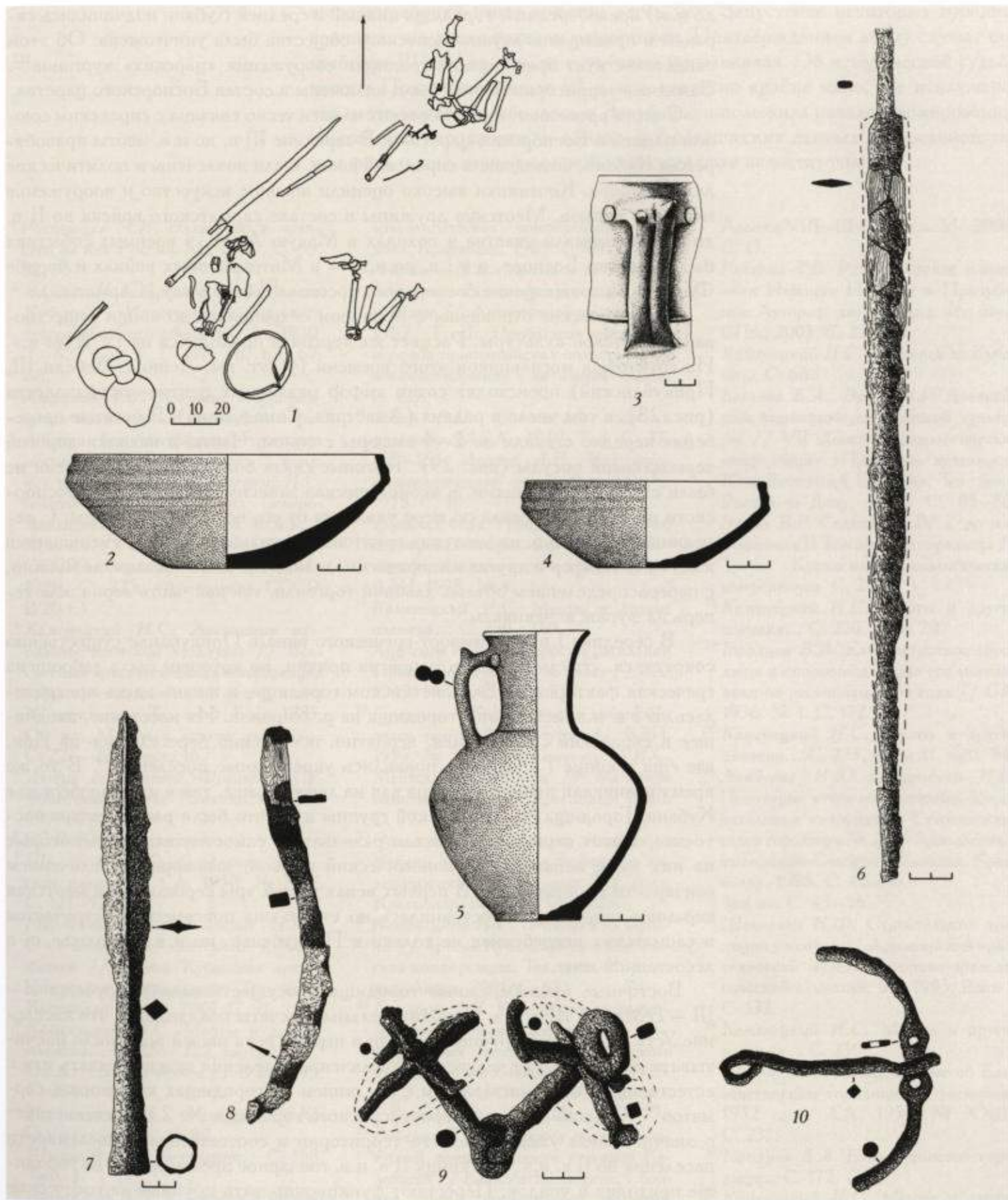

Рис. 36. Погребение I в. н.э.
(могильник Старокорсунского
городища № 2, погребение 33в)

до н.э.) правобережные городища нижней и средней Кубани подчинились сиракам и правящая верхушка меотского общества была уничтожена. Об этом свидетельствует прекращение традиции сооружения «царских» курганов¹¹². Западные территории меотов были включены в состав Боспорского царства.

С этого времени история меотских племен тесно связана с сиракским союзом племен и Боспорским царством. В середине III в. до н.э. меоты правобережья Кубани, вошедшие в сиракский союз, были вовлечены в политические дела Боспора. Кочевники высоко оценили военное искусство и вооружение меотских воинов. Меотские дружины в составе сарматского войска во II в. до н.э. принимали участие в походах в Малую Азию, в военных событиях на Азиатском Боспоре, а в I в. до н.э. — в Митридатых войнах и борьбе Фарнака за возвращение боспорского престола¹¹³ (см. главу «Сарматы»).

Экономические отношения с Боспором сохранялись до конца существования меотской культуры. Расцвет же торговли приходится на IV в. до н.э. Из грунтовых могильников этого времени (у хут. им. Ленина, Лебеди III, Прикубанский) происходят сотни амфор различных центров производства (рис. 28), в том числе и редких (Амастрия, Самофракия). В богатые погребения нередко ставили по 2–4 амфоры с вином. Часты и находки дорогой чернолаковой посуды (рис. 29). Торговые связи более позднего времени не были столь интенсивными, и экономическая зависимость меотов от Боспорского царства ослабевала по мере удаления от его восточной границы. С середины III в. до н.э. на меотских грунтовых могильниках резко уменьшается количество амфор и других импортных изделий, что было связано, возможно, с перераспределением объема хлебной торговли, так как часть зерна шла теперь на фураж кочевникам¹¹⁴.

В середине I в. н.э. импорт греческого вина в Прикубанье существенно сократился. Это могло стать одной из причин, по которым была заброшена греческая фактория на Елизаветинском городище, и жизнь здесь прекратилась. В I в. н.э. исчезают и городища на р. Кирпили. Их население, входившее в сиракский союз племен, вероятно, постепенно переселилось на Дон, где еще в конце I в. до н.э., появились укрепленные поселения¹¹⁵. В то же время возникали новые городища как на левобережье, так и на правобережье Кубани. Городища Краснодарской группы и те, что были расположены восточнее, в этот период продолжали развиваться самостоятельно. Некоторые из них даже испытывали экономический подъем, вызванный увеличением гончарного производства. В первых веках нашей эры сероглиняная меотская керамика широко распространилась по степи: она повсеместно встречается в сарматских погребениях не только в Прикубанье, но и в Поволжье, и в лесостепной зоне.

Восточные правобережные городища просуществовали до рубежа II–III — середины III в. н.э. Приблизительные расчеты показывают, что население Усть-Лабинской группы городищ в первые века нашей эры могло насчитывать десятки тысяч человек¹¹⁶. Увеличение населения можно связать как с естественным приростом, так и с оседанием на городищах кочевников-сарматов¹¹⁷. Однако пример Старокорсунского городища № 2 свидетельствует о значительном уменьшении его территории и соответственно численности населения во II в. н.э.¹¹⁸ К концу II в. н.э. гончарное производство на городище приходит в упадок. Перестают функционировать крупные керамические комплексы, и на месте больших заброшенных печей появляются маленькие¹¹⁹. Сокращение оседлого населения в восточных районах правобережья Кубани раньше связывали с проникновением во II в. н.э. аланских племен¹²⁰, но алан-

ских погребений этого времени здесь нет. Запустение некоторых городищ совпадает по дате с готским нашествием. Подтверждением этому служат погребения III–IV вв. н.э. на грунтовых могильниках. Об исторической судьбе меотов Прикубанья после III в. н.э. известно крайне мало. Не исключено, что часть меотов перебралась в Закубанье и положила начало формированию адыгейской народности¹²¹, однако археологических данных для реконструкции финального этапа меотской культуры пока недостаточно.

¹ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. М., 2003. С. 89, 92, 93.

² Захаров Н.А. Древнее название реки Кубани // Известия Гос. Русского географического общества. Л., 1930. Т. 62, вып. 1. С. 57, 58, 63, 67, 68.

³ Анфимов Н.В. Основные этапы развития меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. — III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 225. (Археология СССР: В 20 т.)

⁴ Каменецкий И.С. Локальные варианты меотской культуры // Все-союзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку, 1985; Он же. Меоты и другие племена... С. 226–228, карта 16.

⁵ Дюбуа де Монпере, Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. С. 15.

⁶ SC II. Карта 17, вклейка.

⁷ Шилов В.П. О расселении меотских племен // СА. 1950. № XIV. С. 121–123.

⁸ Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. О локализации меотского племени фатеев // Третья Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар; Анапа, 2001. С. 91.

⁹ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 226–227, карта 16.

¹⁰ Он же. Греки и меоты // БФ. 1999. С. 234.

¹¹ Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. О локализации... С. 88.

¹² Шилов В.П. О расселении... С. 108. Табл. 1.

¹³ Аптекарев А.З. К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV — первой половине III в. до н.э. // Первая Кубанская

археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 64.

¹⁴ Анфимов Н.В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М., 1967. Т. II: Проблемы этногенеза народов припонтских областей и их взаимоотношения с античным миром. С. 127.

¹⁵ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. I. С. 37, 162–163; Лавров А.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 39.

¹⁶ Трубачев О.Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ. 1978. № 4.

¹⁷ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 230–240.

¹⁸ Анфимов Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // СА. 1949. № XI. С. 258–259.

¹⁹ Галанина Л.К. К вопросу о кубанском очаге меотской культуры // ВДИ. 1997. № 3. С. 125; Каменецкий И.С. Меотская территория // Меотские памятники Кубани. Краснодар, 2000. С. 79.

²⁰ Эрлих В.Р. К дискуссии о скифах на Кубани // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 2005. С. 320–323.

²¹ Каменецкий И.С. О скифах на Кубани // Третья Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар; Анапа, 2001. С. 67.

²² Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. С. 164; Она же. К вопросу о кубанском очаге... С. 131.

²³ Рябкова Т.В. К вопросу об этнокультурной принадлежности курганов Келермеса // Liber Archaeologicae: Сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар, 2006. С. 126.

²⁴ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитное искусство из курганов

Адыгеи VIII–III вв. до н.э. М., 2006. С. 13.

²⁵ Рябкова Т.В. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 22–23.

²⁶ Каменецкий И.С. О скифах на Кубани... С. 66.

²⁷ Беллова Е.А., Эрлих В.Р. Древнейшая фортификация меотской культуры // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы»: Тез. докл. Ростов-на-Дону, 1998. С. 85–86; Эрлих В.Р. Святилище IV в. до н.э. некрополя II Тенгинского городища // Третья Кубанская археологическая конференция. С. 219.

²⁸ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 230, карта 20.

²⁹ Городцов В.А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года // СА. 1936. № 1. С. 172.

³⁰ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 235, карта 21, табл. 94.

³¹ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Некоторые итоги исследования оборонительных сооружений Старокорсунского городища № 2 // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998. С. 42–43.

³² Там же. С. 43–56.

³³ Шевченко Н.Ф. Строительные традиции у меотов // Армавирский краеведческий музей. Историко-археологический альманах. М., 1995. Вып. 1. С. 132.

³⁴ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 239.

³⁵ Шилов В.П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. // СА. 1955. № XXIII. С. 235.

³⁶ Городцов В.А. Елизаветинское городище... С. 172, 173.

³⁷ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 245.

³⁸ Анфимов Н.В. Тахтамукайское первое городище: (По раскопкам экспедиции

- АНИИ 1956, 1958 и 1960 гг.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 95.
- ³⁹ *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена... С. 245.
- ⁴⁰ *Шевченко Н.Ф.* Городище эпохи раннего железного века в Восточном Приазовье // Первая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1989. С. 70–71; Он же. Строительные традиции... С. 134–137, рис. 2.
- ⁴¹ *Анфимов Н.В.* Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 125; *Беглова Е.А.* Погребальный обряд Уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 148–149.
- ⁴² *Лимберис Н.Ю.* Раннемеотские погребения у хутора им. Ленина // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994. С. 38–40.
- ⁴³ *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена... С. 225.
- ⁴⁴ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1. Рис. 1–41.
- ⁴⁵ *Городцов В.А.* Елизаветинское городище... С. 175. Рис. 2; *Шилов В.П.* Новые данные... С. 231–235, рис. 1–3.
- ⁴⁶ *Городцов В.А.* Елизаветинское городище... С. 175–176, рис. 1, 3; *Покровский М.В.* Городища и могильники среднего Прикубанья // Труды Краснодарского государственного педагогического института. Краснодар, 1937. Т. VI, вып. 1. С. 25, рис. 20.
- ⁴⁷ *Анфимов И.Н.* Меотские гончарные печи I–III вв. н.э. (Старокорсунское городище № 2) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 65–91.
- ⁴⁸ *Покровский М.В.* Городища... С. 18; *Анфимов Н.В.* Античное влияние... С. 127–129, табл. 1–3.
- ⁴⁹ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Меотские реплики древнегреческих канфаров // БФ. 1999. С. 238–239; Он же. Импортная и местная керамика из погребений нового меотского могильника в Прикубанье // БФ. 2001. Ч. 2. С. 153–160.
- ⁵⁰ Он же. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 230–239.
- ⁵¹ Там же. С. 240.
- ⁵² *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена... С. 246; *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология керамических комплексов... С. 230.
- ⁵³ *Анфимов Н.В.* Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI. С. 79, рис. 20, 34.
- ⁵⁴ *Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки.* М., 1987. Кат. № 210, 225. Рис. 68, 75, 76.
- ⁵⁵ *Марченко И.И.* Сираки Кубани: Краснодар, 1996. С. 136.
- ⁵⁶ *Шедевры...* Кат. № 224, 230–233. Рис. 74, 79, 80.
- ⁵⁷ *Ловпаче Н.Г.* Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981. С. 91. Табл. 9, 9; *Гущина И.И., Засеукая И.П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 28. Кат. № 305. Табл. 30.
- ⁵⁸ *Ловпаче Н.Г.* Эволюция форм... С. 93–94, 96. Табл. 11, 13, 17–20; 13.
- ⁵⁹ *Покровский М.В.* Городища... С. 20, рис. 16; *Ловпаче Н.Г.* Эволюция форм... С. 92, 95. Табл. 10, 15; 12, 11, 20; *Гущина И.И., Засеукая И.П.* «Золотое кладбище»... Кат. 382. Табл. 43.
- ⁶⁰ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 134–141, рис. 1–9.
- ⁶¹ *Анфимов И.Н.* Новые материалы... С. 68.
- ⁶² *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена... С. 232, 237, 240, 247, 248.
- ⁶³ *Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки.* М., 1985. Кат. № 123–139. Рис. 22.
- ⁶⁴ *Эрлих В.Р.* Бронзовые наконечники стрел и проблема хронологического распределения комплексов раннескифского времени Среднего Закубанья // Материальная культура Востока. М., 1988. Ч. I. С. 113.
- ⁶⁵ *Смирнов К.Ф.* Меотский могильник у станции Пашковской // МИА. 1958. № 64. С. 306.
- ⁶⁶ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребения VI–V вв. до н.э. ... С. 71. Рис. 36, 42 и др.
- ⁶⁷ Он же. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 152; *Сокровища...* Кат. № 189, 192, 196, 199. Рис. 34.
- ⁶⁸ *Сокровища...* Кат. № 186, 187, 188, 191. Рис. 35.
- ⁶⁹ *Марченко И.И.* Сираки Кубани. С. 48–58, рис. 12.
- ⁷⁰ *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребения VI–V вв. до н.э. ... С. 71, рис. 25, 9.
- ⁷¹ *Шедевры...* Кат. № 9–32. Рис. 7–26.
- ⁷² *Смирнов К.Ф.* Северский курган. М., 1953. С. 37; Он же. Меотский могильник... С. 306; *Марченко И.И.* Сираки Кубани. С. 72–75.
- ⁷³ *Марченко И.И.* Сираки Кубани... С. 72–77, рис. 20а; *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 2005. С. 162–167.
- ⁷⁴ *Галанина Л.К.* Келермесские курганы. М., 1997. С. 114, 116; *Марченко И.И.* Шлем «кубанского» типа со Старокорсунского городища № 2 // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Армавир; Москва, 1998. Вып. 4.
- ⁷⁵ *Анфимов И.Н.* Новые находки бронзовых античных шлемов IV–III вв. до н.э. на Северо-Западном Кавказе // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 94–100; На краю Ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002. Кат. № 626.
- ⁷⁶ *Галанина Л.К.* Курджипский курган: памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л., 1980. С. 50–52, 55. Кат. № 66–79; Она же. Золотые украшения из Елизаветинских курганов Прикубанья // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 94.
- ⁷⁷ *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 150.
- ⁷⁸ *Виноградов Ю.А.* Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // Бо-

- спорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 269, 279.
- ⁷⁹ Раскопки Краснодарской археологической экспедиции Кубанского государственного университета.
- ⁸⁰ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения VI–V вв. до н.э. ... С. 69.
- ⁸¹ Анфимов Н.В. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. 1947. Вып. XVI. С. 148–156.
- ⁸² Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения VI–V вв. до н.э. ... С. 71.
- ⁸³ Они же. О назначении некоторых предметов инвентаря и роли жертвенных животных в погребальном обряде меотов IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника) // БФ. 2002. Ч. 2. С. 174–175.
- ⁸⁴ Анфимов Н.В. Религиозные верования у меотов // Сборник трудов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1977. С. 121, 122.
- ⁸⁵ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 134–141, рис. 1–9.
- ⁸⁶ Галанина Л.К. Курджипский курган... С. 58; Шедевры... Кат. № 207. Рис. 4, 65.
- ⁸⁷ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Типология и хронология... С. 141.
- ⁸⁸ Они же. Погребения VI–V вв. до н.э. ... С. 70.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. О назначении некоторых предметов инвентаря... С. 176.
- ⁹¹ Анфимов Н.В. Религиозные верования... С. 116–117.
- ⁹² Могильник Старокорсунского городища № 2, раскопки Краснодарской археологической экспедиции Кубанского государственного университета.
- ⁹³ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 229.
- ⁹⁴ Могильники Старокорсунского городища № 2 и хут. им. Ленина № 3, раскопки Краснодарской археологической экспедиции Кубанского государственного университета.
- ⁹⁵ Шедевры... С. 40–44, рис. XV–XVI. Кат. № 101.
- ⁹⁶ Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985. С. 38; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... С. 20–22.
- ⁹⁷ Эрлих В.Р. Святилище IV в. до н.э. ... С. 219–222; Он же. Украшения из Тенгинских святилищ // БФ. 2002. Ч. 2. С. 232; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... С. 22–26.
- ⁹⁸ Лимберис Н.Ю. Конские погребения из могильника городища № 3 у хутора имени Ленина // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988. С. 51; Беглова Е.А. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // ОРУС: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. С. 105; Она же. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. М., 2005. Вып. 4. С. 10.
- ⁹⁹ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Фото на с. 174.
- ¹⁰⁰ Раскопки Краснодарской археологической экспедиции Кубанского государственного университета.
- ¹⁰¹ Лимберис Н.Ю. Конские погребения...
- ¹⁰² Анфимов Н.В. Религиозные верования... С. 116.
- ¹⁰³ Захаров Н.А. Краснодарское городище: (Общий обзор обследования и работ на нем) // Материалы по археологии юго-востока России. Ростов-на-Дону, 1928. С. 8; Покровский М.В. Городища... Рис. 14; Анфимов Н.В. Религиозные верования... С. 114. Табл. 1, 1–4.
- ¹⁰⁴ Беглова Е.А. Богатое женское погребение... С. 166–173, рис. 1–7.
- ¹⁰⁵ Захаров Н.А. Краснодарское городище... С. 8; Покровский М.В. Городища... С. 11, рис. 10–11; Анфимов Н.В. Религиозные верования... С. 118, табл. 1, 7, 8; 2, 1; Соломоник Э.И. Кубанские керамические плитки // СА. 1979. № 4.
- ¹⁰⁶ Анфимов Н.В. Религиозные верования... С. 117, 118, 120, табл. 2, 2.
- ¹⁰⁷ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... С. 35, 45–104.
- ¹⁰⁸ Переводчикова Е.В. Прикубанский вариант скифского звериного стиля: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 173.
- ¹⁰⁹ Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 135, 136.
- ¹¹⁰ Шедевры... Кат. № 224, 230–233, рис. 74, 79, 80; На краю Ойкумены... Кат. № 624.
- ¹¹¹ См.: Литвинский Б.А. Конгюйско-сарматский фарн: (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.
- ¹¹² Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 118.
- ¹¹³ Там же. С. 119–129.
- ¹¹⁴ Там же. С. 119–120.
- ¹¹⁵ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 249; Он же. Городища донских меотов: Вопросы датировки. М., 1993. С. 5–6.
- ¹¹⁶ Он же. Меоты и другие племена... С. 240, 245, 249.
- ¹¹⁷ Он же. Греки и меоты. С. 42–43; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 134.
- ¹¹⁸ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Некоторые итоги... С. 46–47, 56–57.
- ¹¹⁹ Анфимов И.Н. Меотские гончарные печи... С. 83
- ¹²⁰ Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. 1958. № XXVIII. С. 69.
- ¹²¹ Там же. С. 71; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... С. 14, 108.

СИНДЫ

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, А. И. ИВАНЧИК

В первой половине VI в. до н.э., когда первые греческие колонисты обосновались на азиатской стороне Боспора, их ближайшими соседями оказался местный народ синдов, и неудивительно, что именно с ними греки вступили в контакты в первую очередь. Показательно, что самый ранний текст среди сохранившихся античных источников, связанных с этими территориями, относится именно к синдам — речь идет об упоминании «синдской щели» у Гиппократа (Hippocr. fr. 4 Degani, см.: Ч. IV, гл. 1). Самый ранний сохранившийся источник по географии региона Перипл Псевдо-Скилака, относящийся к третьей четверти IV в. до н.э., но в значительной степени отражающий более раннюю ионийскую традицию (см.: Ч. IV, гл. 1), дает достаточно ясную информацию о территории, занимаемой синдами (72–73). Северо-восточная граница их расселения не определена: сказано лишь, что они живут за меотами и что их территория простирается «и за пределы озера» (Διήκουσι γὰρ οὗτοι καὶ εἰς τὸ ἔξω τῆς λίμνης), из чего можно заключить, что к территории синдов относилась и часть азовского побережья. Южная же граница синдской территории определена точнее — Синдская гавань располагалась еще в ее пределах, а за ней начиналась территория керкетов.

Таким образом, граница между синдами и керкетами помещалась несколько южнее Синдской гавани. Кроме того, по свидетельству Псевдо-Скилака, на синдской территории размещались греческие города Фанагория (город Фанагора), Кепы и Λάτουρ (= Патрей, см.: Ч. IV, гл. 1). Итак, территория синдов или Синдика, примерно соответствует Таманскому полуострову. Более поздние источники не противоречат данным Псевдо-Скилака, хотя они фиксируют появление на прежней территории синдов новых варварских племен, например, аспургин, которых Страбон помещает между Фанагорией и Горгиппией (Strab. XI. 2. 11).

Лингвистическая принадлежность синдов не ясна и вряд ли может быть установлена из-за отсутствия надежных данных. Известные нам имена синдских царей — Гекатей, Октамасад (см. о них ниже) — иноязычные (греческое и скифское), как это часто бывает с именами членов правящей династии. Они могут свидетельствовать о культурных и политических контактах синдов, но не об их этносе. Выдвинутая О.Н. Трубачевым вслед за П. Кречмером¹ гипотеза об индоарийской принадлежности языка синдов, меотов и других народов Северного Причерноморья не может быть принята². На синдов обычно переносятся выводы о лингвистической принадлежности меотов, которая чаще всего определяется как северокавказская (абхазо-адыгская). Однако при решении этого вопроса необходимо учитывать по меньшей мере два существенных обстоятельства. Первое, само название меотов в античной литературе, безусловно, было собирательным: так обозначались народы, населявшие восточное побережье Меотиды. Поэтому среди них могли быть представители различных этнических групп, говорящих как на северокавказских языках, так и на других, например, иранских. К последним, скорее всего, принадлежали язаматы (иксибаты), которых античные авторы причисляют то к меотам, то к савроматам (Ps.-Scymn. 878–880 Diller = F 16 Marcotte; Polyae. VIII. 55). Таким образом, сама постановка вопроса о языковой принадлежности меотов некорректна. К тому же и относящийся к меотам лингвистический материал чрезвычайно скуден и не позволяет сделать надежных выводов.

Вторая проблема связана с установлением соотношения между понятиями «синды» и «меоты». Они принадлежат к двум разным типам этнонимов. Понятие «меоты», как уже отмечалось, географическое и отражает место обитания соответствующей группы племен; оно, очевидно, никогда не было само-

названием, и его применение было ограничено рамками греческой культуры, т.е. речь идет о типичном иноназвании. В то же время название синдов явно применялось самими синдами, о чем свидетельствуют, в частности, надписи на синдских монетах (см. ниже), т.е. это самоназвание, как самоназваниями были и имена некоторых соседей синдов, упоминаемые в надписях и произведениях античных авторов, например, дандариев, псессов и др. В отличие от этих последних, синды, однако, далеко не всегда включались в понятие «меотов».

Различие между синдами и меотами последовательно проводится в титулатуре Спартокидов: они часто именуется «царями синдов и всех меотов (Σινδῶν καὶ Μαιωτῶν πάντων)» (Левкон I и Перисад I: КБН 8, 10, 11, 971, 1039, 1040). В некоторых случаях к ним добавляются фатеи и досхи, также, очевидно, по боспорским представлениям не включавшиеся в состав меотов. Перисад I и Перисад II именуется царями «синдов, всех меотов и фатеев» (КБН 1015, 25) или просто «синдов, меотов и фатеев» (КБН 9, но ср. SEG XXXVI. 695)³, а также синдов, меотов, фатеев и досхов (КБН 972). В некоторых случаях меоты в титулатуре не фигурируют и заменяются на названия конкретных племен, видимо, включавшихся в их состав: Левкон I именуется царем синдов, торетов, дандариев, псессов (КБН 6, 6а, 1037, 1038), а Перисад I — синдов, торетов и дандариев (КБН 1014, ср. 1042). Из этих данных можно заключить, что в состав меотов на Боспоре в IV и первой половине III в. до н.э. не включались синды, фатеи и досхи, но включались тореты, дандарии и псессы. Среди более поздних царей подобная титулатура засвидетельствована лишь у Аспурга: он именуется царем «всего Боспора, Феодосии, синдов, меотов, тарпитов, торетов, псессов и танантов, победителем скифов и тавров» (КБН 40, ср. 39). По-видимому, Аспург попытался восстановить пышную титулатуру Спартокидов, но при этом пожелал включить в нее как можно больше этнонимов, не обращая внимания на тонкости этнических взаимоотношений между упоминаемыми народами, поэтому тореты и псессы, относимые Спартокидами к числу меотов, оказались названы в его списке наряду с ними.

От трудов античных авторов нельзя ожидать той же точности и последовательности, что от официальной титулатуры боспорских правителей. Псевдо-Скилак, как уже упоминалось, различает синдов и меотов (так же у Гелланика: FGrHist 4 F 69), как это делали на Боспоре, но Псевдо-Скимн включает синдов в состав меотов (899 Diller = F 18 Marcotte: Μαιωτῶν τινες Σίνδοι). Так же поступает и Страбон (XI, 2, 11). Он приводит длинный перечень этнонимов, включая в него и досхов (Δόσχοι), также не считавшихся меотами на Боспоре; фатеи же здесь не упоминаются. Кроме того, в отличие от Псевдо-Скилака Страбон не включает в Синдику остров, на котором находились Фанагория и Кепы; по его информации Синдика размещалась по другую сторону Гипаниса от этого острова, и на ее территории он располагает Гермонассу, Апатур, Горгиппию и Абораку (см.: Ч. IV, гл. 1).

В целом, однако, вопрос о включении или не включении синдов в состав меотов имеет второстепенное значение, поскольку, как мы видели, само понятие «меоты» — искусственное и является греческим собирательным названием. Тот факт, что на Боспоре синды не причислялись к меотам, видимо, отражает их особое значение как ближайших соседей собственно греческих территорий Боспора, к тому же, очевидно, наиболее эллинизированных среди местных народов.

В V в. до н.э. синды уже достигли достаточно высокого уровня развития и создали собственное царство, с которым были вынуждены считаться греки, обосновавшиеся на берегах Боспора Киммерийского. Нам известна большая серия серебряных монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ, «синдов» (рис. 1). Несмотря на попытки приписать эти монеты одному из греческих городов или их союзу, в настоящее время вряд ли можно сомневаться в том, что они чеканились от имени народа синдов, т.е. Синдским царством⁴. Датировка этих монет не вполне ясна: Н.А. Фролова, опубликовавшая наиболее полную их сводку, датирует самые ранние выпуски началом V в. до н.э., а самые поздние — его концом⁵, однако другие исследователи предпочитают ограничивать время их чеканки второй половиной или третьей четвертью того же столетия⁶. В любом случае сам факт того, что Синдское царство уже в V в. до н.э. регулярно чеканило собственную серебряную монету, весьма показателен, поскольку даже среди греческих городов на Черном море было немного центров, которые это делали. В то же время монетные типы, связанные с этой чеканкой, свидетельствуют о высокой степени эллинизации синдов (во всяком случае их верхушки).

Синдское царство просуществовало до второй четверти IV в. до н.э. К сожалению, источники, за исключением нумизматических, освещают лишь последний этап существования Синдского царства — накануне его включения в состав Боспорского государства. До недавнего времени чуть ли не единственным источником по этой проблеме был рассказ Полиэна о меотской царице Тиргатао (VIII. 55). Однако характер этого текста таков, что его данным невозможно доверять, если они не подтверждаются независимыми свидетельствами (см.: Там же). Такой параллельный источник был обнаружен на одном из древних городищ в районе современной Анапы, получившем название Семибратнего. Долгое время городище не привлекало должного внимания исследователей и подвергалось активной распашке. При этом разрушалась верхняя часть культурного слоя, откуда плуги вырывали камни, которые складывались в кучи на краю поля. Среди них и оказался каменный блок с надписью, очевидно, служивший постаментом статуи. Лишь благодаря счастливой случайности он был обнаружен инспектором районного отделения ВООПИК А.С. Корытиным, посетившим городище в 1986 г. На постаменте находилось стихотворное посвящение от имени боспорского царя Левкона I (рис. 2). Надпись была предварительно опубликована в 1993 г. Т.В. Блаватской⁷, однако наиболее приемлемый вариант восстановления ее текста и перевода был предложен позднее в статьях Ю.Г. Виноградова и С.Р. Тохтасьева⁸. Текст надписи таков: «Исполнив обет, Левкон, сын Сатира, поставил [это изваяние] Фебу Аполлону, тому, что в Л[абрисе], — владыке сего города лабритян, — [архонт] Б[оспора] и Феодосии, изг[навши] битвой и (военною) силой из земли синдов Октамасада, сына Гек[атея], царя синдов, который (Октамасад), лишая отца [его собственной] власти, на[пал] на этот город».

Эта надпись предоставила в распоряжение исследователей целый ряд новых и важных данных. Выяснилось, что Семибратнее городище носило в древности название Лабрис и что здесь находилась столица Синдского царства. На это недвусмысленно указывают последние строки надписи: мятежник Октамасад, свергая своего отца с престола, напал именно на Лабрис, где, следовательно, находилась царская резиденция, и именно здесь произошла решающая битва, после которой Октамасад был изгнан из Синдики. Кроме того, на территории Синдики не известны сравнимые по масштабу с Лабрисом

Рис. 1. Серебряные монеты синдов

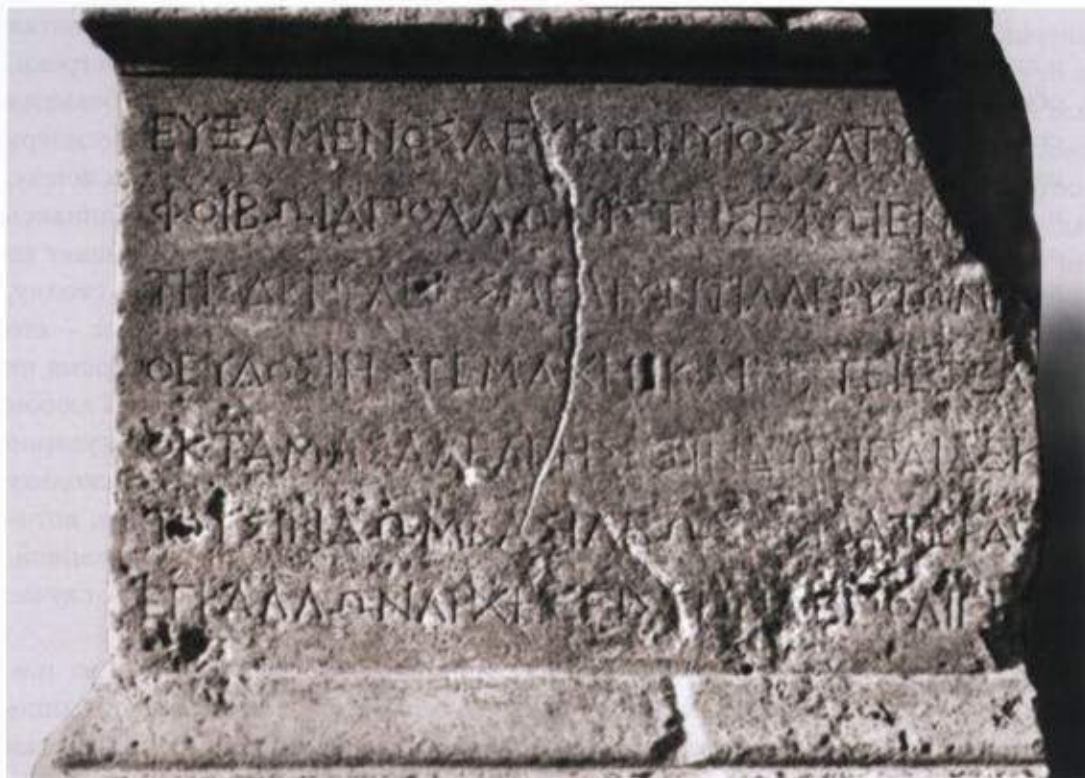

Рис. 2. Постамент с посвяtitельной надписью Левкона I, Семибратнее городище

городища, которые могли бы претендовать на роль синдской столицы. Его столичный статус объясняет и исключительное богатство расположенных рядом (в 3 км к северо-западу) курганов, принадлежащих к группе «Семь братьев», собственно, и давшей название городищу⁹. Надпись также свидетельствует о том, что в последний период своего независимого существования синды поддерживали союзнические отношения с молодым Боспорским государством. Во всяком случае, боспорский правитель Левкон поддержал законного царя Гекатея, когда против него поднял мятеж его собственный сын. Оставался ли Гекатей на престоле еще некоторое время после этих событий, или Синдика была сразу включена в состав Боспорского царства, остается неясным.

Из надписи стали известны имена двух членов синдской правящей семьи: один из них, Гекатей, носит греческое имя, а другой, Октамасад, — иранское, которое носил также один из скифских царей V в. до н.э. (Herod. IV. 80). Это, очевидно, свидетельствует о династических связях синдской правящей фамилии и хорошо соответствует тому, что известно о синдской культуре (или скорее о культуре синдской элиты), находившейся под сильным греческим влиянием, с одной стороны, и скифским — с другой. Гекатей уже был известен по источникам — он является одним из действующих лиц легенды о меотской царевне Тиргатао, изложенной Полиэном (Polyaen. VIII. 55). Таким образом, надпись подтвердила, что в основе этой легенды лежат исторические события. Однако она выявила и существенные расхождения рассказа Полиэна с исторической реальностью (см.: Ч. IV, гл. 1). Кроме того, из надписи выяснилось, что в столице Синдского царства Лабрисе существовал храм Аполлона или идентифицированного с ним местного божества.

Итак, до своего включения в состав Боспора Синдское царство находилась с ним в союзных отношениях; возможно, что его территория и после этого первое время имела особый статус внутри Боспорского государства. Об этом может свидетельствовать титулатура, зафиксированная двумя ранними надписями Левкона I. В первой из них — посвящении Теопротида из

Нимфея — он именуется «архонтом Боспора, Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псессов»¹⁰. От титулатуры, применявшейся Спартокидами позже, этот вариант отличается тем, что Левкон являлся архонтом не только греческих компонентов царства (Боспора и Феодосии), но и варварских, тогда как в более поздних надписях он именуется царем варварских племен. С.Р. Тохтасьев сделал из этого факта вывод, что синды (а также, очевидно, подчиненные примерно одновременно с ними тореты, дандарии и псессы) вошли в состав Боспорского царства по договору, который гарантировал им известную автономию в отличие от покоренной Феодосии¹¹. В принципе это, конечно, возможно, однако такой вывод представляется сугубо гипотетичным. Как бы то ни было, это различие никак не отражается в данной надписи: характер власти Левкона над Феодосией, с одной стороны, и над Синдикой и варварскими племенами, с другой, обозначается одним и тем же термином. На наш взгляд, более вероятно другое предположение: надпись отражает тот момент, когда политическая терминология, используемая в титулатуре, еще не была окончательно разработана. Власть первых Спартокидов вплоть до начала правления Левкона определялась термином «архонт» по отношению ко всем частям их государства. Хотя в нашем распоряжении нет соответствующих источников, вряд ли можно сомневаться в том, что до присоединения Феодосии они официально именовались «архонтами Боспора», а с ее завоеванием название Феодосии было просто добавлено к названию Боспора. Когда с покорением синдов, торетов, дандариев и псессов в состав Боспора впервые вошли варварские территории, их названия были вновь добавлены в существующую титулатуру, в которой использовался традиционный термин «архонт». Разницу же в статусе различных частей Боспорского царства титулатура поначалу не отражала. Различие между синдами и прочими варварами, однако, здесь все же имеется — в приложении к ним используется название территории, «Синдика», тогда как для других племен — этнонимы. Трудно судить уверенно, что скрывается за этим различием, но можно предположить, что под «Синдикой» подразумевается не только территория, занятая синдами, но и расположенные на ней греческие города, например, Синдская гавань, переименованная в Горгиппию (см.: Ч. VI, гл. 2).

Надпись КБН 6а, как справедливо отметил С.Р. Тохтасьев, фиксирует следующий этап развития титулатуры. В ней впервые появляется термин «царь» и соответственно фиксируется различие между властью архонта по отношению к греческим территориям и царя по отношению к варварским племенам. При этом, в отличие от более поздних надписей, Синдика¹² приравнивается к греческим компонентам царства — Боспору и Феодосии. Этот факт можно объяснять по-разному. Речь может идти об автономии в составе Боспора (аналогично автономии Феодосии и боспорских городов, сохранявших статус полисов). Однако не исключено, что Синдика в данном тексте объединяется с Боспором и Феодосией потому, что на ее территории находились греческие города, а не только варварское население. Как бы то ни было, титулатура Левкона вскоре меняется еще раз: из нее исчезает географическое понятие «Синдика», которое заменяется этнонимом «синды». Одновременно синды приравниваются к другим варварам, и ранее обозначавшимся этнонимами, и власть Левкона по отношению к ним начинает определяться как царская. Трудно, конечно, уверенно судить о том, отражает ли это изменение смену статуса (например, утрату синдами автономии) или просто трансформацию административного деления (например, разделение греческих и варварских территорий Синдики, со включением первых в понятие «Боспор» и,

следовательно, расширение этого понятия). В любом случае с этого момента нет оснований говорить об особом положении Синдики или синдов в составе Боспорского царства, хотя они и позже, вероятно, оставались наиболее значимыми варварскими подданными боспорских царей: в царской титулатуре они всегда упоминаются на первом месте.

Таковы свидетельства о синдах в античной литературной традиции и эпиграфических памятниках. Археологическая их характеристика составляет достаточно сложную проблему. В Прикубанье выделяется меотская археологическая культура, развитие которой прослеживается на протяжении более тысячи лет и внутри которой выделяются различные локальные варианты (см.: Ч. II, гл. 4). Разумеется, понятие «меотская археологическая культура» не тождественно понятию «археологическая культура исторических меотов»; она была распространена на территориях более обширных, чем те, которые меотам отводили античные авторы, и тем более боспорские надписи. Обычно считается, что к этой же культуре относились и синды; И.С. Каменецкий даже выделяет специальную синдскую локальную группу среди памятников меотской культуры¹³. Однако на территории Синдики памятники, которые могут быть уверенно связаны с синдами, неизвестны, и потому оказывается невозможным не только охарактеризовать особенности синдских памятников внутри меотской культуры, но даже доказать (или опровергнуть) саму их принадлежность к этой культуре. По сути дела синды с археологической точки зрения являются фантомом.

Судя по картам археологических местонахождений, приведенным И.С. Каменецким, единственным памятником меотской культуры на территории выделенной им синдской локальной группы является Семибратнее городище и его могильники¹⁴. Правда, в другой статье он и этот памятник определяет как «античный город», и хотя отмечает наличие здесь меотского материала, но объясняет его не присутствием меотского населения (за исключением «некоторого количества меотских женщин»), а торговыми контактами с ним¹⁵. При всех сложностях этого вопроса идентификация Семибратнего городища со столицей синдского царства Лабрисом, как указывалось выше, вряд ли может вызывать сомнения. Таким образом, это городище и его могильники оказываются единственным археологическим памятником, который может быть надежно связан с синдами. Поэтому именно здесь следует искать ответ на вопрос об археологической культуре исторических синдов и ее взаимоотношениях с меотской археологической культурой.

Семибратнее городище, находящееся в 28 км к северо-востоку от Анапы (античной Горгииппии), занимает площадь ок. 9 га и своей широкой северной частью протяженностью 360 м развернуто к левому берегу Кубани (рис. 3). Оно располагается на высокой террасе над старым руслом Кубани, которое, несомненно, было в античности судоходным и по которому судоходство было возможным еще в XIX в. История изучения городища насчитывает уже почти 120 лет. Первые небольшие раскопки здесь провел в 1878 г. В.Г. Тизенгаузен, ранее исследовавший расположенные рядом Семибратние курганы. Он же оставил и первое описание находящихся в 3 км к юго-востоку от них руин древнего города. Заложенные по краям городища траншеи выявили остатки оборонительных сооружений «вышиной 4,5 аршина» (т.е. ок. 3,2 м), но никаких суждений по поводу их датировки автором раскопок высказано не было, кроме указаний на то, что были обнаружены ручка греческой амфоры с клеймом и коррозированная медная, скорее всего, боспорская, монета¹⁶. М.И. Ростовцев

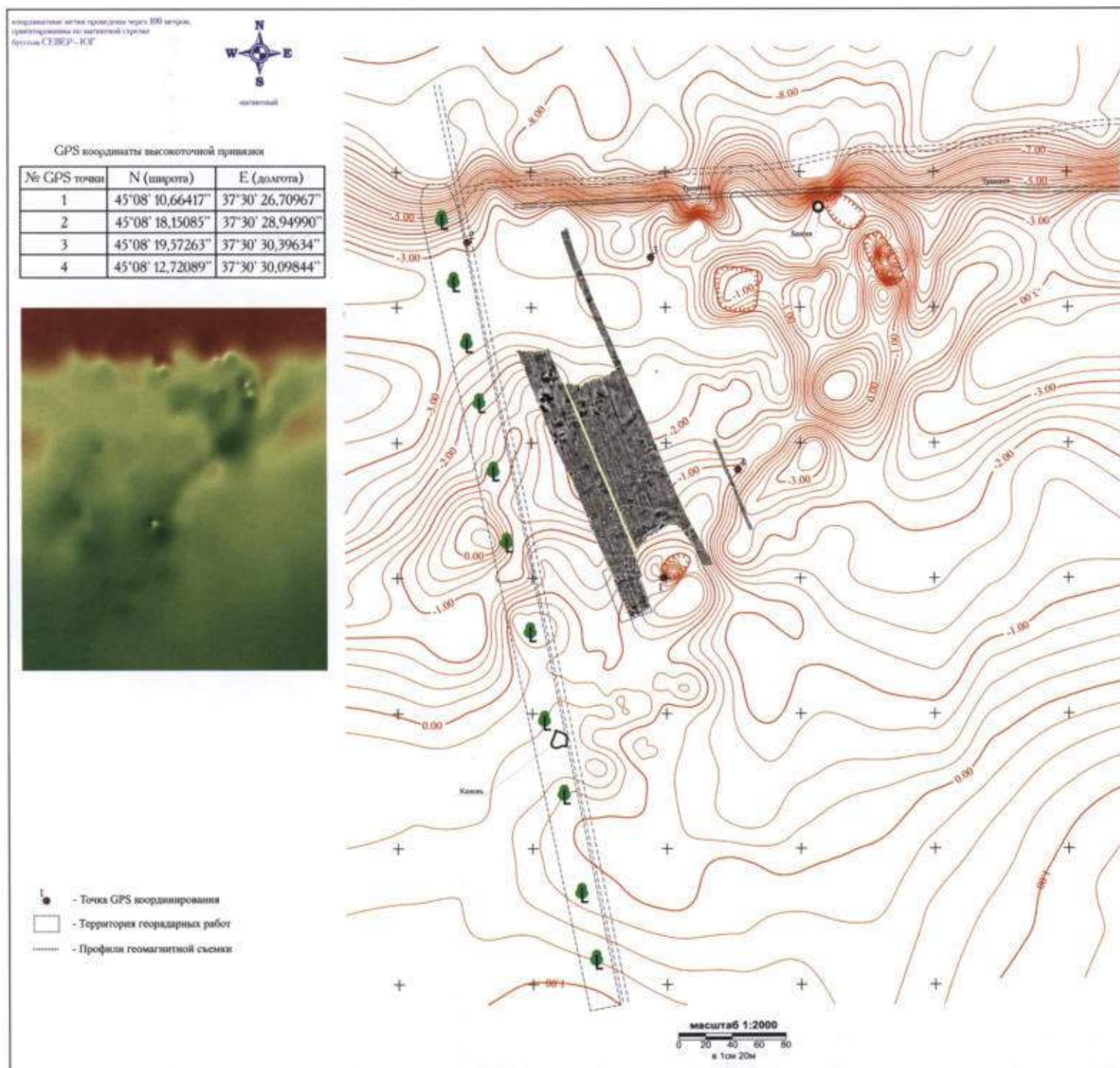

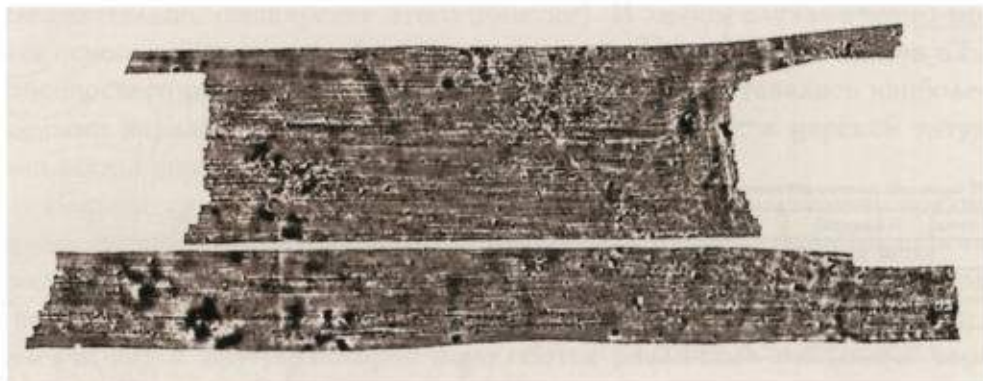
Рис. 3. Топографический план Семибратнего городища. Снят в 2006 г. А.Б. Белинским и А.А. Довгалевым (ГУП «Наследие», Ставрополь)

предполагал связь городища с одноименными курганами и, следовательно, относил его как минимум к V–IV вв. до н.э.¹⁷ Позднее, в 1938 г., здесь начала работу экспедиция Краснодарского музея под руководством Н.В. Анфимова, которая, с перерывами, в течение девяти полевых сезонов, вплоть до 1955 г., вела раскопки этого археологического памятника. К сожалению, результаты этих достаточно масштабных раскопок так и не были полностью изданы: о них можно судить лишь по небольшим опубликованным заметкам¹⁸ и по полевым отчетам, хранящимся в архивах.

Обнаружение посвяtitельной надписи Левкона I, из которой стало известно древнее название Семибратнего городища — Лабрис, вновь оживило интерес к нему, и в 2001 г., после долгого перерыва, раскопки здесь были

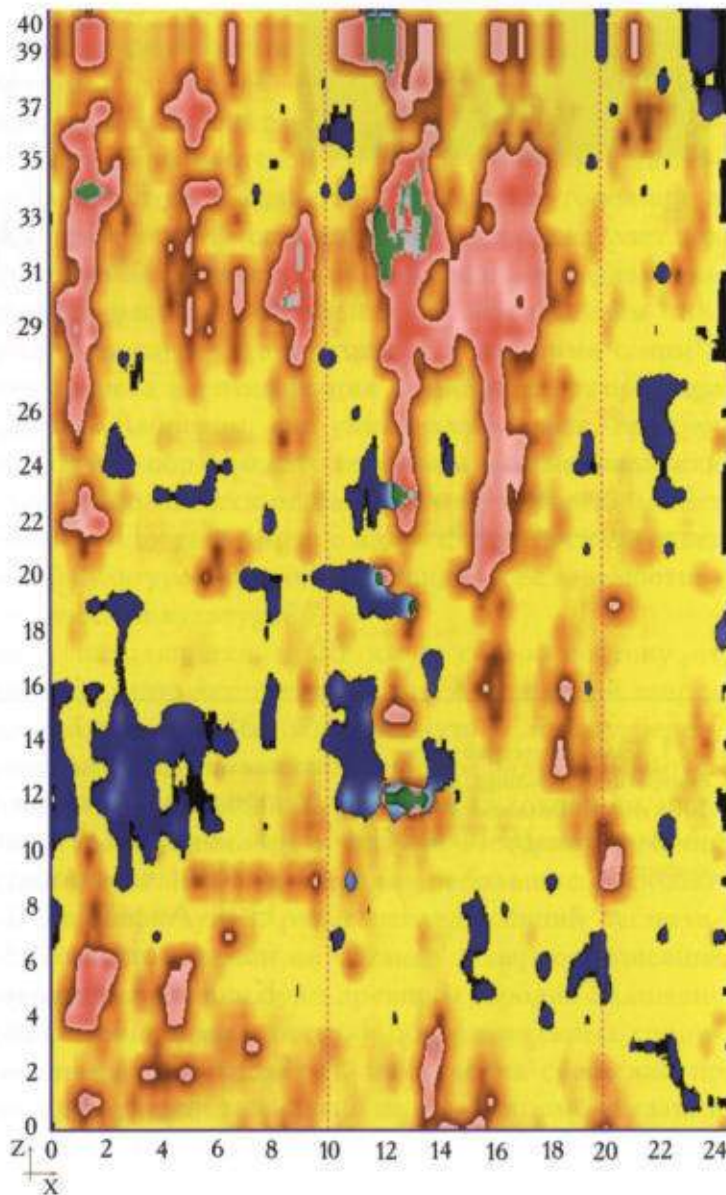
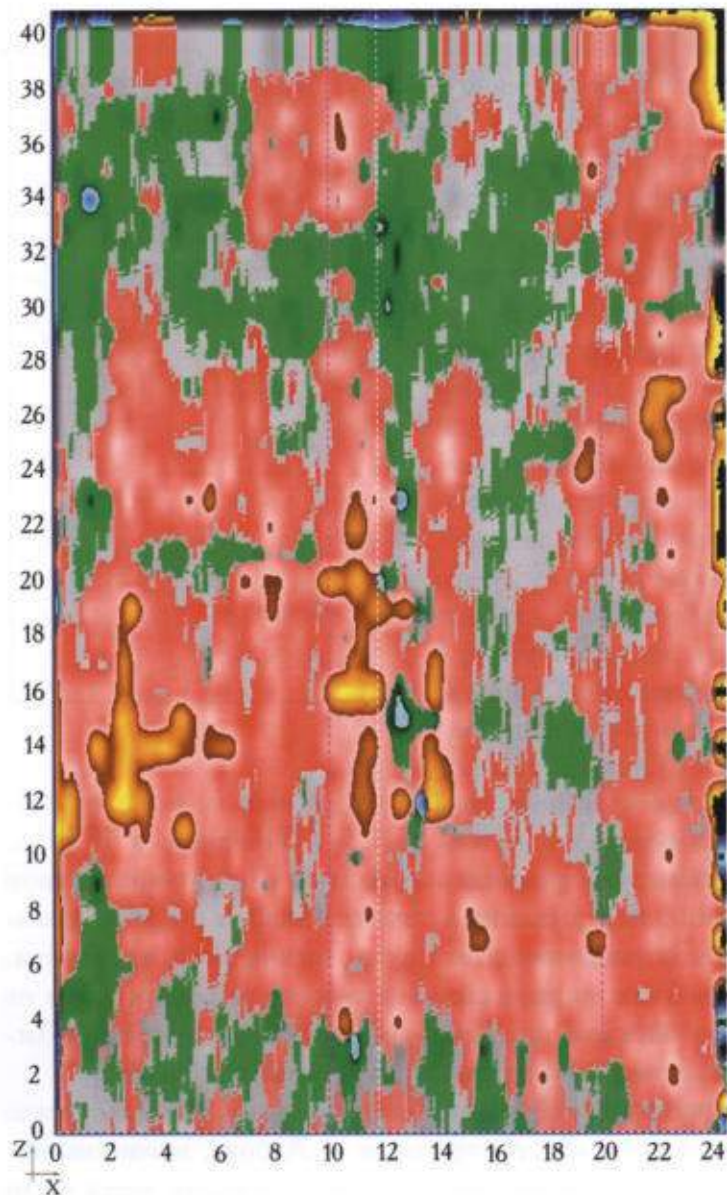

Рис. 4. Результаты геомагнитной разведки Х. Штюмпеля, 2006 г.

возобновлены экспедицией ИИМК РАН под руководством В.А. Горнчаровского. К сожалению, из-за скудного финансирования за шесть сезонов (до 2006 г.) удалось вскрыть участок площадью всего ок. 200 кв.м при мощности культурных напластований более 3 м¹⁹. Тем не менее были получены новые чрезвычайно важные данные о хронологии и стратиграфии ранее неисследованной южной части городища. Результаты этих работ позволяют

Рис. 5. Результаты георадарной разведки С.В. Меркулова, 2006 г.; глубины 1 и 2 м

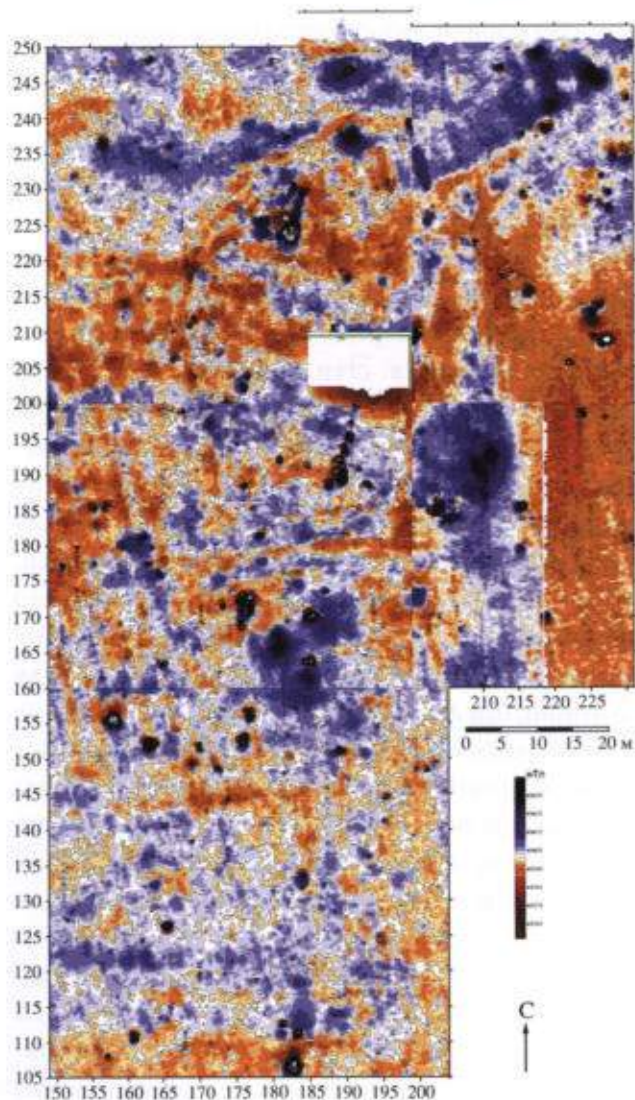

Рис. 6. Результаты геомагнитной разведки Т.Н. Смекаловой, 2006 г. Сечение изолиний 2 нТл

продвинуться и в решении проблемы этнического облика и первоначального статуса Лабриса, хотя до осуществления широкого исследования его ранней городской застройки многие наблюдения и выводы носят предварительный характер и требуют дополнительного обоснования. В 2006 г. на городище были проведены геомагнитные и георадарные разведки, благодаря которым были получены интересные результаты, касающиеся планировки древнего Лабриса (рис. 4–6)²⁰.

Общая мощность культурных напластований на городище достигает 3,3 м. По данным раскопок его северной части Н.В. Анфимов предложил следующие датировки. Самый ранний слой он датировал концом VI–V в. до н.э. и связал с ним остатки крепостной стены начала V в. до н.э. толщиной 2,4–2,45 м с прямоугольными башнями, расположенными на расстоянии 15–18 м друг от друга²¹ (рис. 7). К началу IV в. до н.э. Н.В. Анфимов отнес мощный зольный слой, возникший в результате пожаров и разрушений, которые он сопоставил с событиями, описанными Полиэном в его рассказе о Тиргатао (Polyaen. VIII. 55). В конце того же столетия, по его наблюдениям, произошел еще один разгром Лабриса и окончательное разрушение ранних оборонительных сооружений. Третий строительный период он относил к концу IV – первой половине III в. до н.э., а последний в истории города – ко второй половине III – началу II в. до н.э. В конце I в. до н.э., когда город уже лежал в развалинах, здесь возникло небольшое поселение, просуществовавшее около столетия. Предложенная Н.В. Анфимовым в середине XX в. хронологическая схема сначала не вызвала возражений, но затем

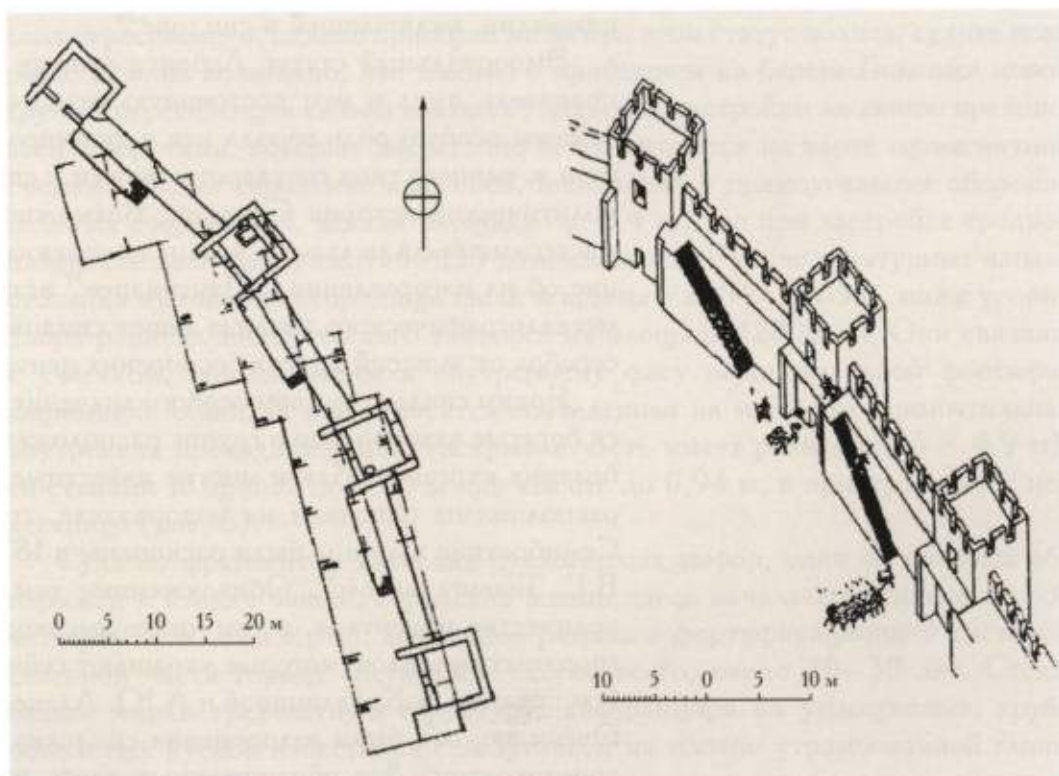

Рис. 7. План и реконструкция оборонительных стен в северной части городища. Раскопки Н.В. Анфимова. Реконструкция В.П. Толстикова

появились сомнения относительно датировки оборонительных сооружений Лабриса (см. т. 2, гл. XIII) и этапов застройки территории города²². Считая этот город на раннем этапе его существования тесно связанным с Синдским царством, Н.В. Анфимов не сомневался в том, что он возник в результате быстрого социально-экономического развития синдов²³, оказавшихся в близком соседстве с греческими апойкиями Боспора Киммерийского.

Работы последних лет связаны прежде всего с практически не исследовавшейся ранее южной частью городища. Она имеет форму прямоугольника размерами ок. 160 × 150 м, тогда как северная часть, обращенная к древнему руслу Гипаниса, — овалы очертания. Эти различия, в условиях достаточно ровной местности (перепад высот на территории городища составляет не более 4 м)²⁴, представляются неслучайными. Форма прибрежной части городской территории, видимо, представляет собой результат первоначальной довольно беспорядочной застройки районов, прилегающих к порту и окруженных впоследствии оборонительными сооружениями. Такой характер застройки северной части городища напоминает тот, что засвидетельствован для греческих эмпориев, поселений преимущественно торгового профиля, основанных на территории туземных обществ для налаживания обмена с ними²⁵. Можно предполагать поэтому, что Лабрис первоначально представлял собой аналогичный эмпорий, не имевший политического статуса²⁶. Датировать возникновение этого эмпория на земле синдов можно на основании керамических материалов, происходящих с территории городища. Наиболее ранние образцы фрагментов амфорной тары и расписной керамики дают одну и ту же дату — не ранее начала V в. до н.э.²⁷ Первые оборонительные стены, которыми вскоре была окружена достаточно большая территория (площадь ок. 6 га), были, вероятно, возведены в период, близкий весьма знаменательной для Боспора дате — 480 г. до н.э., когда к власти в Пантикапее пришли Археанактиды. В связи с этим можно поставить вопрос: а не было ли это строительство одной из первых акций созданной тогда для отражения скифской опасности симмахии, включавшей и синдов?²⁸

Эмпориальный статус Лабриса отнюдь не исключает того, что местный правитель имел в нем постоянную резиденцию, что и обусловило в дальнейшем особую роль города как в формировании не позднее середины V в. до н.э. раннего типа государственности у синдов²⁹, так и в событиях военно-политической истории Синдики. Возможно, именно в Лабрисе греческими мастерами была налажена чеканка синдских монет³⁰: распространенное мнение об их изготовлении в Пантикапее³¹ вступает в противоречие с данными металлографического анализа монет синдов, которые отличаются по составу серебра от эмиссий других боспорских центров³².

Ярким свидетельством особого значения Семибратнего городища являются богатые захоронения в группе расположенных неподалеку Больших Семибратних курганов. Как и многие известные скифские элитные курганы, они расположены цепочкой на водоразделе, господствующем над местностью. Семибратние курганы были раскопаны в 1875—1876 гг. уже упоминавшимся В.Г. Тизенгаузенем³³. Обнаруженные там погребения содержали большое количество инвентаря, в том числе высокохудожественные изделия из благородных металлов, которые украшают сейчас Золотую кладовую Эрмитажа (см.: статью Л.К. Галаниной и А.Ю. Алексеева в III т. настоящего издания). Очевидно, это были захоронения синдских царей и представителей высшей аристократии. Для обнаруженных здесь изделий характерно значительное

влияние, с одной стороны, скифской культуры, а с другой — греческой, что, очевидно, отражает ситуацию, сложившуюся в Синдском царстве, которое находилось на границе двух культурных миров — античной цивилизации и мира ираноязычных кочевников Евразии. Именно такое направление культурных связей, как уже отмечалось, засвидетельствовано известными именами синдских царей: Гекатей, носивший греческое имя, дал своему сыну скифское имя Октамасад. К сожалению, ни сами Семибратние курганы, ни обнаруженные в них находки не были полностью опубликованы³⁴: многократно издавались лишь наиболее яркие вещи, как правило, в художественных альбомах или каталогах выставок. Тем не менее относительная и абсолютная хронология курганов Семибратней группы установлена достаточно надежно.

Самые ранние принадлежащие к ней курганы, № 2 и 4, были сооружены ок. середины V в. до н.э., курган № 5 датируется серединой — третьей четвертью V в. до н.э. Остальные относятся к так называемой младшей группе: курган № 1 датируется концом V — началом IV в. до н.э.; № 6, вероятно, был сооружен в первое десятилетие IV в. до н.э.; а № 3 и 7 — в первой четверти IV в. до н.э. При этом курган № 3, вероятно, был последним по времени сооружением, поскольку строился наспех и был буквально втиснут между курганами № 2 и 4. Недавно были получены радиоуглеродные даты для трех Семибратних курганов — № 4 (старшая группа) и № 6 и 7 (младшая группа). Правда, единственная дата для кургана № 7 неправдоподобно занижена (180 calBC—30 calAD), но для двух других комбинированные радиоуглеродные даты совместимы с археологическими: для кургана № 4 комбинированная дата дает 520—400 гг. до н.э., а для кургана № 6 — 400—200 гг. до н.э.³⁵ Таким образом, хронология Семибратних курганов достаточно точно соответствует периоду существования независимого Синдского царства, что подтверждает предположение о том, что эти курганы представляли собой царский некрополь синдов.

По всей вероятности, в ходе своего развития Лабрис принял новых греческих переселенцев, однако приобрел ли он при этом статус полиса, судить пока рано. Вполне возможно, что именно с прибытием на берега Гипаниса новой группы переселенцев связан выплеск городской застройки за линию прежних стен с воротами, которые достаточно четко читаются на карте геомагнитной съемки. Новые городские кварталы, вписанные в прямоугольник оборонительных сооружений, заняли площадь ок. 2,4 га, что при застройке средней плотности дает цифру ок. 130—150 домовладений. Ранние культурные напластования в этой части городища были вскрыты в 2004—2005 гг. ниже уровня двора раннеэллинистического теменоса на площади 120 кв. м. Они связаны с участком, примыкавшим к внутреннему фасу первоначальной фортификационной линии. К ней относятся возведенная на материке прямоугольная внутренняя проездная башня (вскрытая часть имеет размеры 6,5 × 4,9 м), со стенами толщиной до 0,85 м при высоте до 0,94 м, и пристроенная к ней лестница (рис. 8).

Судя по фрагментам хиосских пухлогорлых амфор, один из которых обнаружен в кладке башни, городская жизнь здесь началась не позже второй четверти V в. до н.э., т.е. временной разрыв с фортификационной системой северной части города составляет, скорее всего, около 20—30 лет. Стены башни имели трехчастную структуру: два панциря из уплощенных, грубо обколотых кусков известняка с забутовкой из плотно утрамбованной глины с примесью мелких камней. Внутреннее помещение, видимо, служило для

Рис. 8. Остатки фортификационных сооружений V–IV вв. до н.э. в южной части городища

размещения постоянной стражи, охранявшей вход в город. О долговременном присутствии здесь небольшой группы людей свидетельствует сохранившееся в юго-западном углу башни на глинобитном полу горелое пятно от двухкамерного очага прямоугольной формы размерами $0,6 \times 0,55 \text{ м}^{36}$. Над уровнем его основания зафиксированы золистые прослойки с примесью угля мощностью до $0,37 \text{ м}$, в которых, помимо обгоревших костей домашних животных, найдены раковины мидий и костяные пластинки осетров. Битая посуда, использовавшаяся для приготовления пищи, и бытовые отходы выбрасывались тут же, за стену, в угол между башней и лестницей.

Отмечена нивелировка рельефа местности под подошву лестницы с помощью слоя плотно утрамбованной достаточно однородной глины светло-

коричневого оттенка толщиной до $0,3 \text{ м}$. Длина основания лестницы $5,4 \text{ м}$, а ширина ок. 2 м . Сохранившиеся четыре нижних ступени имеют угол наклона 30° , что предполагает выход на верхнюю площадку проездной башни на высоте около $3,5 \text{ м}$. Кладка ее — иррегулярная, постелистая, с использованием блоков известняка размерами по фасу от $0,16 \times 0,1 \text{ м}$ до $0,92 \times 0,16 \text{ м}$. Аналогичную конструкцию с невысокой внутренней проездной башней и примыкающей к ней лестницей имеют только ворота в крепостной стене Пистироса, греческого города, основанного в V в. до н.э. во Фракии на берегу реки, более чем в 300 км от морского побережья³⁷. С внешней стороны они были фланкированы всего одной башней, к которой атакующие должны были разворачиваться правым боком, не закрытым щитом. Интересно отметить, что такой же элемент фортификации по данным геомагнитной разведки 2007 г. зафиксирован у южных ворот Лабриса. Я. Боузек, сопоставляя укрепления Пистироса с фортификационными сооружениями Северной Греции, пришел к выводу о том, что они наиболее близки городским стенам Фасоса, а толчком для отправки партии колонистов вглубь варварской территории могло стать поражение восстания жителей острова против власти Афин в 465 г. до н.э.³⁸

Возведение в земле синдов около того же времени аналогичных элементов оборонительной линии представляется не случайным. С некоторой долей вероятности можно предположить участие в строительстве фасосского архитектора, волею судеб оказавшегося на Боспоре, либо присутствие среди новых колонистов группы выходцев из фасосских владений на фракийском побережье. Об этническом облике первоначального поселения судить сложно, но по крайней мере уже со второй четверти V в. до н.э. в городе присутствовало значительное греческое или сильно эллинизированное население. Не случайно И.С. Каменецкий отмечает для Семибратнего городища «специфически античный набор керамики»³⁹. В этом отношении интересны также наблюдения И.И. Вдовиченко, изучившей коллекцию аттической расписной керамики из раскопок Н.В. Анфимова. Она обратила внимание на то, что «основная масса находок относится ко второй половине V в. до н.э.» и что среди них присутствует «очень изысканная посуда, расписанная лучшими аттическими мастерами», а типологически обнаруженные сосуды близки к посуде, характерной для городских центров Боспора⁴⁰.

Анализ находок из раскопок последних лет дает для V в. до н.э. следующую картину: среди них присутствует довольно большое количество фрагментов чернолаковой и расписной керамики (до 7,5% керамического комплекса без учета амфор), несколько однобуквенных граффити, одно двухбуквенное ΘΕ, а также обломки раковин мидий, традиционно входивших в рацион древних греков. До 24% керамического комплекса (также без учета амфорного материала) составляют фрагменты лепных сосудов, что может отражать присутствие в Лабрисе местного населения или контакты с ним. Следует, правда, заметить, что в архаических комплексах боспорских городов эта цифра могла доходить до 35%⁴¹, да и вообще такие данные применимы для характеристики этнического состава населения античных городов лишь в ограниченной мере⁴². Во-первых, имеющаяся выборка пока еще недостаточно велика для статистически достоверных заключений. Во-вторых, лепная посуда, даже при ограниченном использовании ее в быту, дает большое количество обломков в силу ее непрочности и недолгого срока службы, что увеличивает долю лепных фрагментов в составе керамического комплекса по сравнению с целыми сосудами. В-третьих, на начальном этапе развития городской жизни лепная посуда могла изготавливаться в небогатых семьях греческих поселенцев. В пользу последнего предположения может свидетельствовать проведенный И.С. Каменецким анализ находок лепной керамики с Семибратнего городища, демонстрирующей «сознательный выбор форм, близких античным»⁴³. Впрочем, такая ситуация может отражать и глубокую эллинизацию местного населения. Как бы то ни было, в конце V — первой четверти IV в. до н.э. картина коренным образом меняется: доля лепной керамики сокращается до 16% и резко, до 30%, увеличивается процент чернолаковой и расписной посуды.

Ранние оборонительные сооружения на городище просуществовали недолго и подверглись разрушению не позднее середины 60-х годов IV в. до н.э. С этими событиями на участке близ стены связан золистый слой с включениями угля, где часто встречаются округлые морские гальки примерно одного размера и веса, которые могли использоваться как снаряды для пращи. На том же уровне, но в 12 м к западу, найден свинцовый снаряд для пращи чечевицеобразной формы и весом 55,6 г⁴⁴. После вхождения Лабриса и синдских земель в состав Боспорского царства остатки ранних укреплений были использованы как фундамент для возведения новой фортификационной линии⁴⁵. В ходе зачистки восточного борта раскопа I ее внутренний фас был вскрыт на протяжении 5,3 м при сохранности в высоту на 1,6 м. Определенные основания для датировки стены дает впущенная с уровня ее подошвы яма с горлами гераклеийских амфор, на которые нанесены ранние керамические клейма фабрикантов Дионисия, Керкина и Дамофона, датирующиеся 70-ми — первой половиной 60-х годов IV в. до н.э.: одно ромбическое Διονυσι[ο]υ, другое в форме плющевого листа с вписанными в него ретроградно именами Κερκίν[ου] и Δαμοφῶ[ν]⁴⁶.

Связь между двумя строительными периодами засвидетельствована поворотом стены IV в. до н.э. в районе предполагаемых ворот, проем которых читается на аэрофотосъемке и на геомагнитной карте. На пространстве перед ними со стороны города строительные остатки отсутствовали, за исключением фундамента стены шириной 1,28 м, пристроенной к оборонительной линии вскоре после ее возведения. Назначение этой достаточно мощной стены состояло в том, что она сужала подход к воротам со стороны города⁴⁷. Отсутствие на прилегающей к крепостной стене территории жилой застройки

Рис. 9. Двухступенчатый алтарь первой половины III в. до н.э. и ограда священного участка

Рис. 10. Теменос раннеэллинистического времени. Раскопки 2006 г.

свидетельствует о соблюдении принятых в то время принципов фортификации, согласно которым перед оборонительной стеной следовало оставлять пустое пространство, «чтобы беспрепятственно можно было доставлять камни, чтобы был проход для военной подмоги и была возможность в случае нужды выкопать внутренний ров» (Philo. Bell. II. 1). Такую же картину с частью городской территории, свободной от застройки на протяжении 15 м от внутреннего фаса западной оборонительной стены дают последние данные геомагнитной разведки.

Как уже отмечалось, новые фортификационные сооружения были возведены приблизительно на той же линии, но проездная башня с лестницей в новой системе обороны оказалась лишней и была разобрана. В конце IV в. до н.э. оборонительная система Лабриса еще раз пострадала в ходе военных действий. Судя по трехступенчатой лестнице, ведущей на уровень, до которого она была разрушена в южной части городища, в последующий период крепостные сооружения здесь отсутствовали. В первой половине III в. до н.э. здесь существовал теменос, остатки которого были обнаружены при раскопках. Здесь была прослежена на протяжении 18 м внешняя ограда священного участка, состоящая из вытянутых в линию массивных известняковых блоков. В ней выявлен проем ворот шириной более 3 м, а рядом с ним, в центре небольшого дворика — двухступенчатый алтарь размерами ок. 1 × 1 м (рис. 9). К западу от алтаря в ходе работ 2006 г. были обнаружены связанные с ним строительные остатки. Они располагались на небольшой искусственной террасе, врезанной в склон холма, укрепленный крупными бутовыми камнями. В частности, был вскрыт угол постройки, видимо, общественного назначения, с вымосткой из тщательно уложенного мелкого бутового камня. С восточной стороны ее ограничивала плохо сохранившаяся кладка, причем между ней и внешней стеной здания был оставлен промежуток шириной ок. 1 м, возможно, использовавшийся для установки каких-то несущих конструкций. Далее к востоку от этого архитектурного сооружения обнаружен большой алтарь, краем уходящий в южный борт раскопа. Вскрытые размеры его составили 1,67 × 1,6 м при высоте 0,27 м. Пространство между упомянутой постройкой и алтарем было вымощено черепицей боспорского производства (рис. 10).

Полученные в последние годы результаты позволяют надеяться, что в ближайшей перспективе археологическое изучение Лабриса, прежде всего первоначальной городской застройки, может дать существенно новую информацию о ранней стадии греко-синдских взаимодействий, периоде вхождения Синдики в состав Боспорского царства и последующем историко-культурном развитии этого региона.

- ¹ Kretschmer P. Inder am Kuban // Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Klasse. Anzeiger. 1943. 80; Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ. 1978. № 4, и др.
- ² Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984.
- ³ Об употреблении слова *δαῖς* в аналогичном контексте в надписях и у античных авторов см.: Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 164–174.
- ⁴ Он же. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // БФ. СПб., 2001. Ч. 1. С. 63–79, с литературой.
- ⁵ Фролова Н.А. Корпус монет синдов // ВДИ. 2002. № 3. С. 71–84; Frolova N.A. Corpus of the Sindian Coins (First Half of the Vth – Late Vth Century BC) // ACSS. 2002. 8. P. 211–235.
- ⁶ Tokhtas'ev S.R. The Bosphorus and Sindike in the Era of Leukon I: New Epigraphic Publications // ACSS. 2006. 12. P. 51. Not. 139, со ссылкой на неопубликованное мнение А.А. Завойкина и В.Ф. Столбы; последний датирует их 438/7–425 гг. до н.э. Сходные датировки предлагались и раньше: Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 45 (последняя четверть V в. до н.э.); Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 137–138; Он же. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 43 (433–403 гг. до н.э. или 430–400 гг. до н.э.); Терещенко А.Е. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 19 (431/430 г. – начало IV в. до н.э.).
- ⁷ Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 34–47.
- ⁸ См.: Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика... С. 144–180; Tokhtas'ev S.R. Bosphorus and Sindike... P. 1–62, со ссылками на предыдущие публикации.
- Здесь же см. исчерпывающий анализ надписи.
- ⁹ Против предположения о том, что Лабрис был столицей синдов, без всяких оснований возражает И.С. Каменецкий (К датировке Семибратнего городища // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 67).
- ¹⁰ Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hyperboreus. 2002. Т. 8. С. 99–121; Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика... С. 157–179.
- ¹¹ Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика... С. 177.
- ¹² К сожалению, начало пятой строки надписи, где должны упоминаться синды, не сохранилось, из двух вариантов восстановления, *Σινδῶν* или *Σινδικῆς*, предпочтителен второй, особенно в свете посвящения Теопротида, другие аргументы см.: Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика... С. 158–160. Ср.: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М., 1985. С. 130–131.
- ¹³ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Археология СССР. В 20 т. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 224–249, особенно с. 216, карта 16.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Каменецкий И.С. К датировке... С. 67–73.
- ¹⁶ ОАК за 1878–1879 гг. СПб., 1881. С. VIII–IX.
- ¹⁷ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Пг., 1925. С. 352.
- ¹⁸ Анфимов Н.В. Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище) // СА. 1941. № 7. С. 258–267; Он же. Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 238–244; Он же. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 99–111.
- ¹⁹ Горончаровский В.А. Новые данные о Семибратнем городище на Кубани // Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 65–67; Он же. Проблемы хронологии Семибратнего городища // БФ. 2004. Ч. 2. С. 56–60; Он же. Семибратнее городище (Лабрит): итоги и перспективы исследования // Stratum plus. 2003–2004. № 3 (2005). С. 208–219; Goroncharovski V. The Semibratnee City Site (Labrys): Results of Research 2001–2005 // Hyperboreus. 2006. Vol. 12, fasc. 2. С. 184–192; Горончаровский В.А. Исследование южной части Семибратнего городища (Лабриса) в 2001–2005 гг. // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 50–56.
- ²⁰ Эти работы проводились совместно со специалистами из Немецкого археологического института и Университета Киля (У. Шлотцхауэр, Х. Штюмпель), из НИИ физики им. В.А. Фока С.-Петербургского государственного университета (Т.Н. Смекалова) и ГУП «Наследие», Ставрополь (А.Б. Белинский, С.В. Меркулов). Ср.: Смекалова Т.Н., Горончаровский В.А., Дюков Ю.А. Магнитометрическое исследование Семибратнего городища и монеты синдов // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2007. С. 34–36; Иванчик А.И., Горончаровский В.А., Белинский А.Б. Археологическое исследование древнего Лабриса (Семибратнего городища) и перспективы российско-германского сотрудничества // Российско-германское сотрудничество в области археологии и древней истории (в печати).
- ²¹ Анфимов Н.В. Отчет о раскопках Семибратнего городища в 1951 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 622. С. 3.
- ²² Толстиков В.П. Эллинистические элементы в фортификационных системах Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985. С. 356–358; Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Опыт предварительной дешифровки аэрофотоснимков Семибратнего городища // ПИФК. 1999. Вып. 8. С. 172; Горончаровский В.А. Проблемы хронологии... С. 58.
- ²³ Ср.: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора... С. 132–133.
- ²⁴ Еще В.Г. Тизенгаузен отмечал, что южный край городища просто сливается с полем: ОАК за 1878–1879 гг. С. VIII.

- ²⁵ О связи системы застройки периферийных греческих центров с их экономической ориентацией см.: *Martin R. Rapports entre les structures urbaines et les modes de division et d'exploitation du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973. P. 87–112.*
- ²⁶ Ранее А.С. Русяева (Феб Аполлон на Боспоре // *Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 225–228*) высказала предположение, что Лабрис мог быть сндовой терпорским греками на синдской территории под эгидой Феба Аполлона. Судя по посвящению Левкона I, по крайней мере ко времени описываемых в нем событий Феб Аполлон уже был божественным покровителем Лабриса.
- ²⁷ *Каменецкий И.С. К датировке... С. 72; Вдовиченко И.И. Расписная керамика Семибратнего городища // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 32. И.С. Каменецкий отмечает «специфически античный набор керамики» на городище (К датировке... С. 71).*
- ²⁸ *Толстикова В.П. К вопросу об образовании Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 32–39; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора... С. 77.*
- ²⁹ *Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах... С. 66.*
- ³⁰ *Смекалова Т.Н., Горончаровский В.А., Дюков Ю.А. Магнитометрическое исследование... С. 34–36.*
- ³¹ *Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 168. (МИА. № 16); Терещенко А.Е. О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Stratum plus. 1999. № 6. С. 84–89; Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах... С. 68; Терещенко А.Е. Автономная чеканка... С. 18.*
- ³² *Смекалова Т.Н. Значение изучения монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора) // ДБ. 2000. № 3. С. 268.*
- ³³ См. о нем: *Тихонов И.А. Русский востоковед, нумизмат, археолог В.Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ... С. 220–244, о его раскопках Семибратних курганов и городища: С. 234–235.*
- ³⁴ См. о них: *Ильинская В.А., Терноожкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 213–219; Бутягин А.М. Хронология Семибратних курганов и история Синдикки // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции: Труды тематической научной конференции СПб., 1996; Власова Е.В. Семибратние курганы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2001; Она же. Семибратние курганы: Синды // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. СПб., 2005.*
- ³⁵ *Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И. и др. Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. С. 190–191.*
- ³⁶ Остатки глинобитных печей, открытые Н.В. Анфимовым в башнях 1 и 2, также располагались в их юго-западной части. См.: *Анфимов Н.В. Отчет о раскопках Семибратнего городища в 1950 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 486. С. 9–10.*
- ³⁷ *Domaradzki M. An Interim Report on Archaeological Investigations at Vetren-Pistiros, 1988–1994 // Pistiros I: Excavations and Studies. Prague, 1996. P. 18–19. Fig. 1.4; 1.8; 2.2; Боузел Я.Г. Эмпории во Фракии, их значение в системе этнокультурных отношений, и их параллели в других странах периферии греческого мира // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону, 2006. С. 34–35.*
- ³⁸ *Bouzek J. The Position of the Pistiros Fortifications in the Development of the Ancient Poliorcetics and Stonecutting Techniques // Pistiros I: Excavations and Studies. P. 44.*
- ³⁹ *Каменецкий И.С. К датировке... С. 71.*
- ⁴⁰ *Вдовиченко И.И. Расписная керамика... С. 35.*
- ⁴¹ *Бутягин А.М. Колонизация Боспора Киммерийского // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Ф. Гайдукевича. СПб., 2005. С. 83.*
- ⁴² *Крыжицкий С.Д. О критериях присутствия варваров в составе населения ранней Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М., 2006. С. 234.*
- ⁴³ *Каменецкий И.С. К датировке... С. 72.*
- ⁴⁴ В этой связи интересно отметить информацию о случайной находке в районе Семибратнего городища около десятка свинцовых снарядов для пращи без изображений и надписей: *Скобелев Д.А. К вопросу о находках снарядов пращи на юго-западе Краснодарского края // Parabellum. 2003. № 4. С. 102.*
- ⁴⁵ В свое время В.П. Толстикова, исходя из анализа деталей военно-инженерного характера, считал, что самая ранняя оборонительная система Семибратнего городища была возведена не ранее первой четверти IV в. до н.э. (Эллинистические элементы... С. 356–358).
- ⁴⁶ *Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов, 2003. С. 252–253, 307.*
- ⁴⁷ Аналогичная ситуация была зафиксирована при раскопках оборонительной стены IV в. до н.э. в Эмпорионе (Ампуриасе): *Samarti-Grego E., Trilla J. Nuevos datos la historia y topografia de las murallas de Emporion // Madrider Mitteilungen. 1992. 33. S. 102. Abb. 1.*

СКИФЫ

А. Ю. АЛЕКСЕЕВ, Т. В. РЯБКОВА

Единственным древнегреческим источником, как будто бы прямо свидетельствующим о первоначальном освоении скифами именно территории Северного Кавказа¹ является изложение событий древнейшего периода их истории в «Библиотеке» Диодора Сицилийского (ок. 90–30 гг. до н.э.): τὸ μὲν οὖν πρῶτον παρὰ τὸν Ἀράξην ποταμὸν ὀλίγοι κατώκουον παντελῶς καὶ διὰ τὴν ἀδοξίαν καταφρονούμενοι ἕνα δὲ τῶν ἀρχαίων ἔχοντες βασιλέα φιλοπόλεμον, καὶ διαφέροντα στρατηγία προσεκτήσαντο χώραν, τῆς μὲν ὄρεινῆς ἕως πρὸς τὸν Καύκασον, τῆς δὲ πεδινῆς τὰ παρὰ τὸν ὠκεανὸν καὶ τὴν Μαιώτιν λίμνην καὶ τὴν ἄλλην χώραν ἕως Τανάιδος ποταμοῦ (Diod. II. 43. 2). «Сначала они² жили в очень незначительном количестве у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие³; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса» (пер. П.И. Прозорова)⁴.

Однако территория Северо-Западного Кавказа здесь может лишь подразумеваться, учитывая широкие пределы описанной Диодором области: от Предкавказья на юге, до Меотиды и Танаиса на западе и северо-западе и Океана на востоке или севере. Лишь после освоения этих земель скифы распространили свое владычество до Фракии, а затем совершили походы в Переднюю Азию до Нила (Diod. II. 43. 4). При таком понимании текста Диодора можно предполагать, что на Северный Кавказ скифы пришли ранее 670-х годов до н.э. (т.е. времени их первой фиксации ассирийскими источниками)⁵, причем временной интервал от их появления до походов к Нилу мог быть в действительности весьма продолжительным, поскольку был заполнен разными масштабными как мифологическими, так и вполне историческими событиями (появление на их земле девы-прародительницы, рождение Скифа, деление на племена палов и напов, завоевание земель до Фракии).

Для раннескифского времени (VII–VI вв. до н.э.) реальная этнокультурная и этнолингвистическая картина Кубанской области остается темной, хотя нам и известен, в основном по сведениям Гекатея Милетского (ок. 540–480 гг. до н.э.) в сокращенной версии географического словаря Стефана Византийского (527–565 гг.), перечень различных племен, обитавших не позднее рубежа VI–V вв. до н.э. в этой и в соседних областях.

Так, Гекатей в описании Европы упоминает некоторые народы, живущие у Кавказа — дандариев: Δανδάριοι. ἔθνος παρὰ τὸν Καύκασον (FGrHist. 1 F 191)⁶, типаниссов: Τυτανίσσαι, ἔθνος παρὰ τὸν Καύκασον (FGrHist. 1 F 192; вариант Геродиана: Τυτανίσις. ἔθνος παρὰ τὸν Καύκασον. Ἐκαταῖος Εὐρώπῃ, но без указания на их скифскую или какую-либо другую этническую принадлежность. Целый ряд скифских племен ἔθνος Σχυθικόν меланхлены, эды, исеп, матикеты, миргеты (FGrHist. 1 F 185–187, 188, 190) были размещены им также в Европе, но их конкретная локализация остается неустановленной или спорной прежде всего из-за неясности представлений о гекатеевой границе между Азией и Европой, проводимой современными исследователями чаще всего по течению Фасиса или Кубани⁷.

Гекатею были также известны и племена, соседствующие с заведомо кавказскими народами, например, иксібаты, жившие рядом с Синдикой в Азии, но и здесь отсутствует указание на скифскую принадлежность этого народа: Ἰξιβάται. ἔθνος πρὸς τῷ Πόντῳ προσεχὲς τῇ Σινδικῇ (FGrHist. 1 F 216). Известны разнообразные более поздние варианты написания этого этнонима (Ἰαζαβάται, Ἰαζαμάται, Ἰξομάται, Ixamatae, Exomatae и др.)⁸,

который носит вполне определенный иранский облик⁹. И ксисбаты-язабаты-иксаматы-язаматы, и дандарии известны как обитатели Восточного Приазовья-Прикубанья и много позднее VI в. до н.э., что делает затруднительной, если вообще возможной, их скифскую идентификацию, так как археологически собственно скифы на Северо-Западном Кавказе позднее середины V в. до н.э., если не раньше, как будто бы уже неизвестны¹⁰. Впрочем, можно допустить и смену мест обитания местными варварскими племенами. Именно поэтому многие исследователи полагают, что язаматы — «это ираноязычные кочевники, носители скифской или скифоидной археологической культуры, в V в. до н.э. обитавшие в низовьях Кубани (Гипаниса), севернее Синдики, и позднее переселившиеся в низовья Дона»¹¹. А.М. Новичихин связывает с древностями язаматов курганные погребения раннескифского времени, расположенные на левобережье Нижней Кубани, с появлением которых на этой территории исчезают памятники протомеотской культуры, носители которой могли быть уничтожены или вытеснены пришельцами¹².

Эсхил (ок. 525—456 гг. до н.э.)¹³, черпавший свои сведения, возможно, в том числе в «Землеописании» Гекатея и использовавший «скифские» сюжеты в своих произведениях, в «Прометее прикованном» поместил их у Меотиды:

Κολχίδος τε γὰς ἔνοικοι
λαρθένοι, μάχας ἄτρεστοι
καὶ Σκύθης ὄμιλος, οἱ γὰς
ἔσχατον τόπον ἀμφὶ
Μαιώτιν ἔχουσι λίμναν

Aesch. Prom. 414—419

«Бесстрашные в битве девы, обитающие на земле Колхиды, полчища скифов на краю земли около Меотийского озера». Правда, это указание почти ничего не дает для сколько-нибудь уверенного уточнения территории обитания этих скифов, если не считать того, что упоминание их наряду с колхидянками-амазонками (?) позволяет предположить, что и жили они все же где-то вблизи Кавказа.

Источники V—IV вв. до н.э. демонстрируют уже несколько иную картину, но при этом вполне соответствующую археологической. Так, Гелланик (ок. 496—411 гг. до н.э.) упоминает выше (севернее?) синдов «меотов-скифов», или «меотийских скифов», т.е. «скифов, живущих у Меотиды»¹⁴: Βόσπορον διαπλεύσαντι Σίνδοι, ἄνω δὲ τοῦτων Μαιώται Σκύθαι (FGrHist. IV F 69). «Когда проплывешь Боспор, — синды, а выше их меотийские скифы»¹⁵. Возможно, сюда же следует отнести и сообщение Геродота о регулярных зимних военных походах скифов через Боспор Киммерийский на синдов, имевших место, несомненно, не позже середины V в. до н.э.¹⁶:

ἢ δὲ θάλασσα πηγνυται καὶ ὁ Βόσπορος πᾶς ὁ Κιμμέριος, καὶ ἐπὶ τοῦ
κροστάλλου οἱ ἐντὸς <τῆς> τάφρου Σκύθαι κατοικημένοι
στρατεύονται καὶ ἀμάξας ἐλελεύνουσι πέρην ἐς τοὺς Σίνδους

Herod. IV. 28

«Замерзает море и весь Боспор Киммерийский. И скифы, живущие по одну сторону рва, совершают по льду военные походы и перегоняют крытые повозки на противоположный берег, на землю синдов» (пер. И.А. Шишовой).

Говорить о постоянном проживании больших групп скифов-номадов в V в. до н.э. на территории Азиатского Боспора и Прикубанья оснований, кажется, не имеется, за исключением лишь их эпизодического там появления и

установления владыками Скифии определенных политических и, быть может, даже династических контактов с синдами¹⁷. Причем надо иметь в виду, что это уже, скорее всего, были не «старые» кавказские скифы, а новая группа кочевников, появившаяся в Северном Причерноморье в конце VI в. до н.э.¹⁸ Во всяком случае, в перипле Пс.-Скилака IV в. до н.э. скифы уже помещены только на территории к западу от Танаиса-Дона, за которым в Азии — в Восточном Приазовье — жили другие народы — савроматы, меоты, синды, керкеты и др. (SC I: 84, 85).

Так, в 310/9 г. до н.э. скифы оказались на территории нижнего Прикубанья, но уже в качестве наемников, составив тридцатитысячный корпус (более двадцати тысяч пехотинцев и не менее десяти тысяч всадников), сражавшийся вместе с двумя тысячами фракийцев против сираков царя Арифарна на стороне Сатира II в междоусобной войне наследников Перисада (Diod. XX. 22, 23). После окончания войны и победы своего дяди Евмела, Перисад, сын Сатира II, нашел убежище у скифского царя Агара (Diod. XX. 22, 23), ставка которого могла находиться недалеко от Пантикапея на европейской части Боспора¹⁹.

Все это неплохо согласуется с установленным на археологическом материале для V—IV вв. до н.э. факте смешения элементов скифской и местной культур Прикубанья и невозможностью выделения там собственно скифских памятников²⁰.

Таким образом, греческая литературная традиция донесла крайне скудные свидетельства присутствия собственно скифов на Северо-Западном Кавказе, возле Меотиды. Преимущественно эти сведения относятся к периоду архаики. При этом в списке «кавказских» этносов оказались и другие племена, часть из которых, так же, как и скифы, возможно, была ираноязычной, и под именем которых могли скрываться какие-то группы скифов VII—VI вв. до н.э.

Что касается археологических данных, то начало скифской эпохи на Кубани удостоверяется появлением первых древностей, которые могут быть достаточно надежно соотнесены с элементами древнейшей скифской культуры. К ее вещевым компонентам можно причислить новые для этой территории, да и вообще для всего Северного Причерноморья, типы вооружения — акинаки с почковидными перекрестиями и их модификациями, бронзовые втульчатые двух- и трехлопастные наконечники стрел, бронзовые шлемы «кубанского» типа, биметаллические клевцы, детали конской узды — бронзовые удила со стремчовидными окончаниями, трехпетельчатые железные псалии, костяные и металлические зооморфные уздечные пронизи, детали одежды и снаряжения — костяные «столбики» и «кнопки», бытовые и культовые предметы — парные бронзовые культовые ножи, бронзовые литые котлы, дисковидные зеркала с ручкой-петелькой и ручкой в виде бляшки на двух столбиках, каменные блюда, элементы скифского звериного стиля, каменные антропоморфные изваяния²¹. Появляются и характерные новые типы погребальных сооружений — подкурганные гробницы в виде глубоких ям с элементами деревянных конструкций и массовыми конскими захоронениями²². При этом все же следует отметить, что отдельные компоненты раннескифской материальной культуры или даже их группы далеко не всегда могут служить надежными этнокультурными индикаторами, поскольку типологически скифские вещи, и прежде всего оружие, активно и быстро заимствовались соседними со скифа-

ми народами и племенами²³. Именно поэтому вопрос о причислении того или иного памятника к скифским обычно решается в каждом конкретном случае индивидуально, с учетом многих деталей.

При этом необходимо установить «эталонные» погребальные древности, скифская принадлежность которых могла бы быть подтверждена характерными особенностями. Так, например, в отношении хрестоматийных Келермесских курганов такой особенностью можно считать находки в них ближневосточных импортных изделий²⁴. Поскольку же известная древнегреческая историческая традиция только относительно скифских участников переднеазиатских походов VII в. до н.э. сообщает о грабежах, взимании дани с местного населения и, самое главное, о последовавшем затем возвращении в Северное Причерноморье (Herod. I. 106; IV. 1), постольку памятники с вещами древневосточного происхождения на территории к северу от Кавказа могут быть признаны именно скифскими²⁵. Близость этих курганных древностей по составу и типологии вещевого инвентаря, а также и погребальным конструкциям к другим памятникам региона позволяет и на последние перенести в ряде случаев именно скифскую атрибуцию.

Древнейшими комплексами раннескифского времени в археологической литературе обычно считаются те, в которых сочетаются компоненты собственно скифской культуры и так называемые предскифские или «киммерийские» древности; для территории Северного Кавказа это комплексы у Лермонтовского разъезда западнее Пятигорска (акинак с почковидным перекрестием), у хут. Алексеевского на Ставрополье (наконечники стрел, удила), в погребении 21 Каменомостского могильника (клювовидная пронизь), находка в ст. Махосhevской (бронзовые и биметаллические навершия) и др.²⁶ К этому также можно добавить выразительные «протомеотские» комплексы: в кургане Хаджох-1/1 в Адыгее найдены две пары бронзовых удил со стремечковидными окончаниями, имеющими дополнительное отверстие у основания («сибирско-азиатский» тип; из этой же курганной группы происходят и предметы, выполненные в «азиатском» варианте «скифо-сибирского» звериного стиля²⁷. Динамика количественного роста этой группы древнейших памятников прослежена В.Р. Эрлихом²⁸.

Впрочем, подобный подход к хронологии был абсолютно правомерен лишь в то время, когда предскифский пласт древностей рассматривался таковым не только в этнокультурном или в общем периодизационном плане, но и в плане конкретно-хронологическом как заведомо более древний, чем скифский²⁹. В настоящее время для предскифского и раннескифского времени появились основания, вытекающие из результатов применения естественнонаучных методов датирования, допускать более или менее длительное сосуществование разных по происхождению культурных комплексов³⁰.

На территории Кубанской области в настоящее время можно условно выделить три большие зоны распространения скифских погребальных памятников³¹, критерии определения которых обусловлены в большей степени географическими особенностями микрорегионов, а в меньшей — местным этническим окружением: 1) левобережье Кубани (лесостепное и предгорное Закубанье), 2) правобережье Кубани — междуречье Кубани и Нижнего Дона (степное Прикубанье) и 3) таманско-причерноморская группа (рис. 1, 1–43).

Что касается первой территориальной группы, то в нее входят такие классические памятники, как находка у ст. Махосhevской³², Келермесский могильник, Костромской курган, курганы у ст. Бесленевской и Ульского аула (Уляпа) и др.³³. В последние десятилетия стали известны и новые скифские

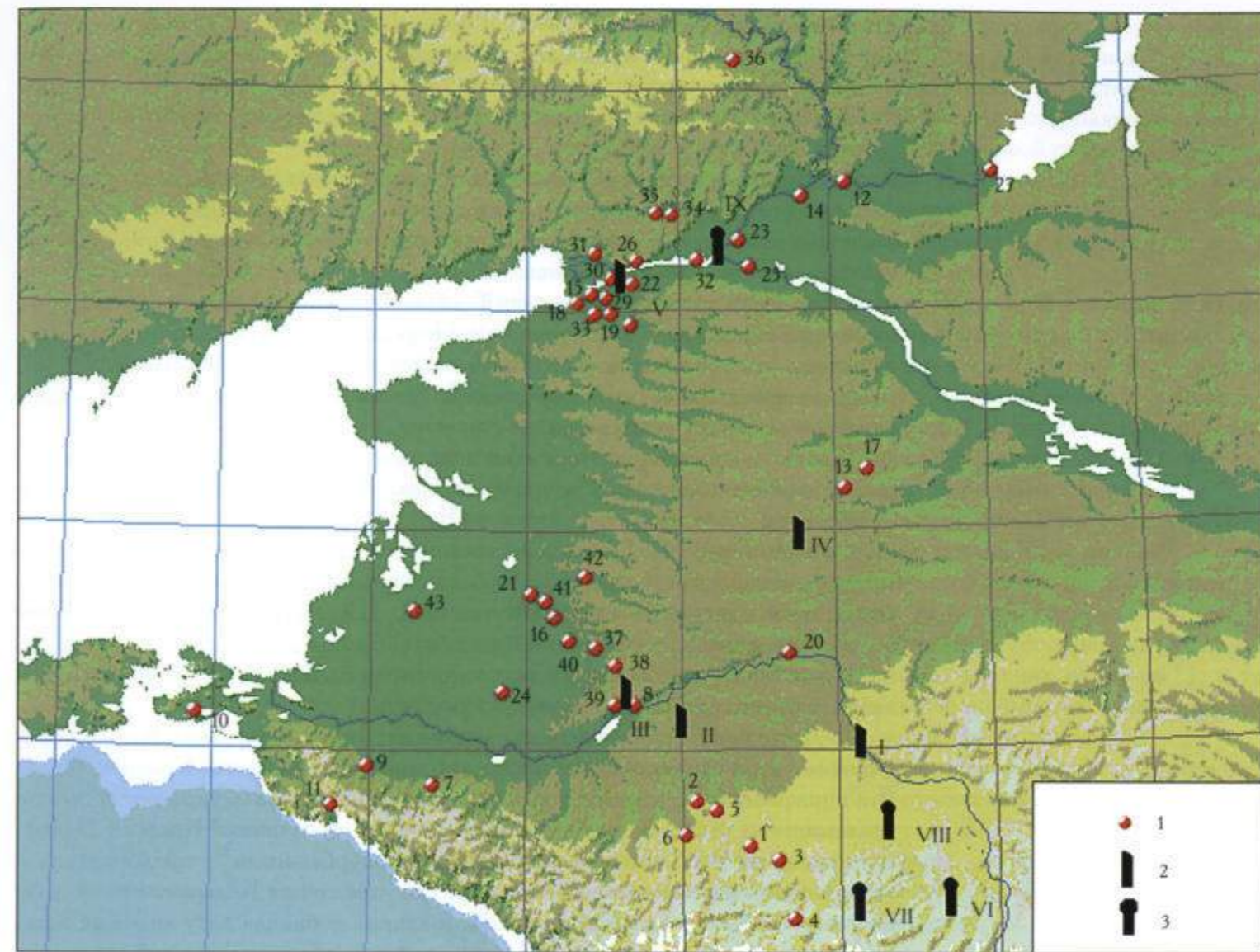

Рис. 1. Карта распространения скифских памятников на территории Прикубанья

Условные обозначения: 1 — погребальные памятники VII–VI вв. до н.э.; 2 — оленные камни «западного ареала»; 3 — скифские каменные изваяния. Номера на карте: 1 — случайная находка у ст. Махосhevской; 2 — могильник у ст. Келермесской; 3 — курган у ст. Костромской; 4 — курганы у ст. Бесленевской; 5 — могильник у Ульского аула (совр. Уляп); 6 — курган у хут. Говердовского; 7 — курган № 5 могильника Холмский-I, курганы № 7, 9 могильника Ципляевский Курт-I; 8 — курган № 2 у ст. Усть-Лабинской (совр. г. Усть-Лабинск); 9 — курганы у ст. Крымской (Воронцовский, Мазепинский); 10 — погребение у Цукур-лимана; 11 — разрушенный курганный могильник в Цемдолине у г. Новороссийска; 12 — погребение у г. Константиновска-на-Дону; 13 — курган № 5 (погр. 1) могильника Новопапестинского-II; 14 — курган № 1 (погр. 24) Донского могильника; 15 — могильники у с. Красногоровка: Красногоровка-I, курган № 4 (погр. 3), курган № 9 (погр. 2), Красногоровка-II, курган № 3 (погр. 4, 5), Красногоровка-III, курган № 14 (погр. 5); 16 — курганы № 1 (погр. 2), № 2 (погр. 3) у ст. Новокорсунской; 17 — курган № 3 (погр. 6) у с. Баранчук; 18 — могильник у с. Займо-Обрыв: Займо-Обрыв-I, курганы № 6 (погр. 4, 5), № 7 (погр. 4, 5), № 16 (погр. 1); 19 — Могильники у с. Высочино: Высочино-I, курганы № 6 (погр. 4), № 7 (погр. 2, 4, 5, 6), Высочино-III, курган № 23 (погр. 4), Высочино-V, курган № 30 (погр. 7, 8, 9), Высочино-VII, курганы № 2 (погр. 2), № 3 (погр. 2), № 8 (погр. 2), № 14 (погр. 2, 5), № 26 (погр. 7), № 29 (погр. 2); 20 — курган № 3 (погр. 2) могильника Кавказский; 21 — курган № 5 (погр. 8) у хут. Кавказского Брюховецкого р-на; 22 — курган № 5 (погр. 3, 9, 10) могильника у с. Койсуг; 23 — Могильник Плоский у ст. Маньчской: Плоский-I, курганы № 5 (погр. 1), № 8 (погр. 4, 6, 9); 24 — курган № 3 (погр. 4) могильника Нововеличковская-II; 25 — курган № 21 (погр. 1) могильника Тулуки; 26 — курган № 5 (погр. 1) могильника в западном микрорайоне г. Ростова-на-Дону; 27 — могильник у хут. Солёный: курган СОЛ-I (погр. 20); 28 — курган № 2 (погр. 3) у могильника Спичаковка; 29 — могильники у с. Новоалександровки: Новоалександровка, курганы № 7 (погр. 8), № 33 (погр. 2, 4, 5), № 34 (погр. 4), Новоалександровка-I, курган № 24 (погр. 5); 30 — курган № 10 (погр. 2) могильника «Пять Братьев»; 31 — курганы № 1 (погр. 25), № 3 (погр. 2) могильника Хапры; 32 — курган № 7 (погр. 3) могильника Алитуб; 33 — курган № 2 (погр. 10) могильника Бушуйка; 34 — курганы № 5 (погр. 4) и № 8 могильника Камышевахского; 35 — курган № 21 (погр. 4) могильника Грушевского; 36 — могильник Божковка I (погр. 2); 37 — курган № 2 (погр. 1) могильника Кореновского-VII; 38 — курганы № 4 (погр. 2) могильника Раздольная, № 9 (погр. 2), № 11 (погр. 4), № 12 (погр. 2) Раздольной у хут. Верхнего; 39 — курганы № 3 (погр. 5), № 4 (погр. 3) могильника Динской-4; 40 — курган № 3 (погр. 3) могильника Пролетарский; 41 — курган № 1 (погр. 1) могильника Красноармейский; 42 — курган № 6 могильника у ст. Батуринской; 43 — курган № 6 (погр. 2) могильника Лебеди-II. I — армавирская стела; II — зубовская стела; III — усть-лабинская стела; IV — новопокровская стела; V — новоалександровская стела; VI — изваяние у х. Зеленчук Мостовой; VII — изваяние у ст. Бесстрашная; VIII — изваяние у ст. Бесскорбная; IX — маньчское изваяние

курганные древности — курган № 1 у хут. Говердовского³⁴, многочисленные случайные находки — бронзовые навершия, зеркала, костяные и бронзовые бутероли ножен меча³⁵, а также курган № 5 могильника Холмский I, курганы № 7 и 9 могильника Циплиевский Кут I, определяющие западную границу группы³⁶.

До сих пор сохраняется значение Келермесского могильника в качестве «эталонного» для раннескифской археологии. При этом важнейшим вопросом в контексте древнейшей истории скифов, естественно, является определение календарного времени сооружения Келермесских курганов, так как именно их дата является опорной для всей раннескифской хронологии и истории, включая и северкавказские древности. Но решая подобную задачу, не следует забывать, что собственными, хоть в какой-то степени надежными, данными, позволяющими плодотворно обсуждать детали и оттенки своей хронологии, скифология все же не располагает³⁷.

Вплоть до настоящего времени историографическими основаниями относительной и абсолютной хронологии Келермесского могильника являются следующие:

1. Выделение Л.К. Галаниной на основании сравнительного анализа предметов конской узды «старшей» (это два кургана, раскопанные Н.И. Веселовским) и «младшей» (четыре кургана Д. Шульца) групп³⁸. С подобным делением в настоящее время как будто бы согласны все скифологи; отличия в подходах заключаются лишь в оценке степени близости или, напротив, удаленности этих групп во времени друг от друга.

2. Даты ближневосточных изделий, найденных в курганах Келермеса и близких им по времени памятниках, например, в могильнике Красное Знамя или в погребении Темир-Горы. Фактически именно деталь украшения дышла колесницы из Южной гробницы кургана № 1 могильника Красное Знамя, датированная В.Г. Петренко временем Ашшурбанапала³⁹, предоставила в свое время самые надежные основания для удревления Келермеса во вторую половину VII в. до н.э. К этому Л.К. Галанина добавила дату колчанной застежки из третьего кургана Шульца, сопоставив ее с застежкой из погребения Темир-Горы, датированного по ионийской ойнохое приблизительно третьей четвертью VII в. до н.э.⁴⁰ Что касается остальных вещей, то следуя анализу В.А. Киселя, возможный хронологический диапазон их изготовления настолько широк, что не позволяет уверенно установить дату совершения того или иного келермесского захоронения⁴¹.

Исключением являются, пожалуй, лишь даты двух восточногреческих парадных предметов — серебряного ритона и серебряного зеркала, украшенного золотой орнаментированной пластиной. После хрестоматийного исследования М.И. Максимовой, отнесшей и зеркало, и ритон к 80–70-м годам VI в. до н.э.⁴², что надолго утвердило датировку Келермесских курганов, в настоящее время обоснованы другие, более ранние, даты. В частности, В.А. Кисель считает, что время их изготовления лежит в интервале второй — последней четверти VII в. до н.э.⁴³

3. Общие представления о времени и продолжительности скифского пребывания в Передней Азии, установленного по клинописным и античным источникам.

4. Время гибели Урарту: штурм Тейшебаини и находки скифских вещей внутри крепости и в ее стенах, которые в свое время позволили датировать древности келермесского типа. Первоначально это событие было отнесено к началу VI в. до н.э.⁴⁴, некоторые исследователи опираются на эту дату и

сейчас⁴⁵, хотя в последние годы гибель государства Урарту и его крепостей относят и к более раннему времени — к 40-м годам VII в. до н.э.⁴⁶

5. Находки предметов «скифского» типа на Ближнем Востоке. На территории Передней Азии как в слоях поселений, так и в погребальных памятниках, относящихся к VII в. до н.э. (в том числе и к первой половине столетия), известно значительное число находок кочевнического облика, прежде всего, разумеется, бронзовых литых втульчатых наконечников стрел, носителями которых в это время могли быть разные народы, но появление которых не могло произойти без изначального скифского влияния⁴⁷.

6. Хронология предскифских древностей Восточной Европы. Учитывая присутствие некоторых доскифских элементов в памятниках собственно раннескифского типа, в том числе и в самом раннем кургане Келермеса — кургане № 2 Веселовского, установление верхней границы доскифских памятников косвенно могло бы указать на дату раннескифских древностей. Именно такой подход стал ключевым для хронологической схемы, предложенной в свое время Г. Коссаком⁴⁸, и так или иначе он остается актуальным до сих пор.

В результате курганы этого могильника до сих пор датируются в широких пределах от первой половины VII в. до н.э. до начала VI в. до н.э.⁴⁹

Наблюдение над топографией могильника позволяет предположить, что курганы Веселовского были, скорее всего, включены/встроены в цепочку курганов эпохи бронзы (курган № 2 был, например, сооружен на месте двух скрытых при строительстве скифской гробницы древних курганов⁵⁰), а три кургана Шульца составляли, видимо, отдельную и самостоятельную маленькую курганный группу, возведенную чуть в стороне от основной.

При этом подавляющая часть изделий ближневосточной торовитики была обнаружена именно в курганах Шульца⁵¹. В отношении же «старшей» группы речь может идти лишь о двух случаях: в кургане № 31 = 2 Веселовского это серебряный наконечник/подток рукояти секиры, а в кургане № 27 = 1 Веселовского — четыре конских фалары с перегородчатой инкрустацией, но их принадлежность именно к ближневосточной категории изделий не является в настоящее время совершенно очевидной. Не исключен и собственно скифский характер этих изделий. Во всяком случае, в сводку предметов ближневосточной торовитики, составленную В.А. Киселем, эти предметы не включены.

Итак, в кургане № 2 Веселовского в одном из двух шлемов «кубанского» типа, лежавших на краю грабительской ямы, был обнаружен серебряный наконечник с золотой плакировкой, который следует признать подтоком (насадкой на нижнюю часть) рукояти кочевнического клеветца (возможно, биметаллического), поскольку близкие по форме подтоки происходят с территории Малой Азии из случайных находок и из достоверных комплексов с раннескифским инвентарем и имели широкое распространение в памятниках Южной Сибири скифского времени⁵². Вероятность признания этого предмета изделием ближневосточного мастера могла бы быть обусловлена лишь техникой декора — плакировка поверхности золотой фольгой, но в настоящее время эта техника и именно для этого времени стала известна и в памятниках Центральной Азии — в кургане Аржан-2, откуда происходит железный акинак, плакированный золотой фольгой⁵³. Таким образом, у нас нет надежных оснований причислять келермесский подток к группе ближневосточных изделий. Никаких других свидетельств того, что в этом кургане были найдены подобные вещи, также нет.

Несколько сложнее ситуация с другим курганом «старшей» группы — № 1. Здесь среди уздечных наборов погребенных лошадей были обнаружены

две пары серебряных нащечных фаларов, изготовленных на бронзовой основе, с крестовидной композицией в центре, выполненной в технике перегородчатой инкрустации с вставками из белого и черного камня (полевого шпата). Л.К. Галанина, вслед за М.И. Ростовцевым признавая уникальный характер этих вещей, все же предположила для них происхождение из какого-то ближневосточного (или скорее закавказского центра)⁵⁴. Помимо этого допускается их вторичное использование в качестве украшения конской узды. Г. Коссак эти фалары относил к новочеркасской традиции, ссылаясь на такие курганы, как Высокая Могила, Квитки⁵⁵.

Композиционно ближайшую аналогию этим фаларам, как подметил Л.С. Марсадолов, представляет орнаментальная композиция на сосуде из тумулуса С могильника Гордиона, датированного Е.Л. Келер приблизительно 730 г. до н.э.⁵⁶. Эта аналогия как будто бы не противоречит переднеазиатскому происхождению келермесских фаларов. Но в настоящее время стала известна, хотя и несколько более отдаленная аналогия по композиции, но зато близкая по технике изготовления (это тоже пуговица с орнаментом в виде пятиконечной звезды, выполненная в технике перегородчатой инкрустации с использованием цветных камней, кости и рога на основе из золота), из недавних раскопок кургана № 1 могильника Чиликты-3, которая все же позволяет усомниться в безусловном ближневосточном и закавказском происхождении келермесских фаларов⁵⁷.

Точный ответ на вопрос о генезисе этих вещей из «старших» келермесских гробниц, к сожалению, так и остается открытым. Но в любом случае сомнительные предметы из «старшей» группы курганов не могут служить прямым указанием на причастность погребенных в этих курганах лиц к скифской переднеазиатской эпопеи.

Ключевыми в обеих группах являются курган № 24 (№ 3 или 4 Шульца), доисследованный Келермесской экспедицией Эрмитажа в 1983 г., и курган № 31 (№ 2 Веселовского), доисследованный совместно с Гиагинской экспедицией Института археологии РАН в 1990 г. Состав уздечных принадлежностей и других предметов из этих курганов, свидетельствует о достаточно очевидных отличиях в наборах (например, присутствие в кургане № 2/В костяных и роговых уздечных пронизей, декоративных элементов предскифского характера⁵⁸, а в кургане 24 = 3/Ш костяных декоративных вставок в какой-то предмет⁵⁹), что позволило И.Н. Медведской отнести их соответственно ко второму (первая половина VII в. до н.э.) и переходному от второго к третьему (начало второй половины VII в. до н.э.) этапу раннескифской культуры (РСК)⁶⁰. Кстати, именно последний набор изделий вкуче с общей близостью предметов конского снаряжения (однотипные удила, близкие псалли) дал основание В.Г. Петренко, В.Е. Маслову и А.Р. Канторовичу для синхронизации Келермесского кургана № 24 с курганом № 16 могильника Новозаведенное-II⁶¹. А поскольку в этом последнем кургане были обнаружены фрагменты двух ионийских сосудов, которые датируются авторами раскопок приблизительно 600 г. до н.э., именно эта дата может послужить опорой для установления поздней границы Келермесского некрополя.

Два Келермесских кургана имеют весьма надежно установленные радиоуглеродные даты: курган № 31/№ 2 Веселовского — 810–540 cal. BC и курган № 24/№ 3 или 4 Шульца — 760–390 cal. BC⁶². Правда, временные интервалы при этом оказались, к сожалению, довольно широкие, поскольку находятся на плоском участке калибровочной кривой — так называемом «галльштаттском плато», но они тем не менее позволяют уверенно констатировать

несовпадение хронологии и временной разрыв между этими двумя курганами, что полностью соответствует представлению о одновременности двух групп келермесских гробниц.

Итак, «старшая» и «младшая» группы курганов Келермесского могильника, возможно, были разделены значительным промежутком времени; курган № 31 (№ 2 Веселовского) — древнейший на Келермесском могильнике, и при этом значительно старше кургана № 24 (№ 3 или 4 Шульца), синхронного кургану № 16 могильника Новозаведенное-II, датированного приблизительно 600 г. до н.э.; в курганах № 1 и 2 Веселовского, в отличие от четырех курганов Шульца, не обнаружено безусловных изделий ближневосточных торевтов; курганы «старшей» группы (прежде всего это относится к кургану № 2 Веселовского) могли быть сооружены еще до начала переднеазиатских походов скифов, т.е. ранее начала 670-х годов до н.э. (при этом совершенно не исключается VIII в. до н.э.), тогда как «младшие» курганы — или после вероятного возвращения на Северный Кавказ скифов поколения царя Бартатуа приблизительно в середине VII в.⁶³, или скифов царя Мадия в самом конце VII в. до н.э.⁶⁴

Еще меньше оснований имеется для установления абсолютных дат других скифских комплексов Закубанья; здесь чаще всего не остается ничего другого, как соотнести те или иные гробницы с одной из двух келермесских хронологических групп. Так, если комплекс находок у ст. Махошевский может быть традиционно признан одним из древнейших среди скифских древностей из-за своего состава, включающего узду «новочеркасского» типа⁶⁵, то, например, курган № 1 1910 г. из Ульского аула (Уляпа), скорее всего, синхронизируется со «старшими» курганами Келермеса, тогда как курган № 1 у хут. Говердовского — с «младшими».

Именно на территории Закубанья, правда, только в ее восточной части (в междуречье Кубани и Лабы), обнаружены скифские каменные изваяния VII–VI вв. до н.э.⁶⁶, которые в литературе рассматриваются как индикаторы скифского присутствия (рис. 1, VI–IX). Отсутствие скифских изваяний по среднему и нижнему течению Кубани, в междуречье Кубани и Дона (за исключением одного в бассейне р. З. Маныч) и очевидное несовпадение их ареала с ареалом погребальных древностей остается загадочным и служит весомым аргументом противникам скифской идентификации кубанских курганов⁶⁷.

Самое непосредственное отношение к этому сюжету имеет история так называемых оленных камней «западного ареала», появление которых на территории Восточной Европы и Северного Кавказа, несомненно, связано с «группами населения, мигрировавшими из центральноазиатского региона далеко на запад» в период от X до начала VII в. до н.э. (предпочтительная дата VIII в. до н.э.)⁶⁸.

В последней по времени сводке этих изваяний, насчитывающей 25 stel, учтено также четыре стелы из Кубанского региона: армавирская, усть-лабинская (двухсторонняя), зубовская (двухсторонняя) и новопокровская, т.е. всего шесть «изобразительных» памятников (рис. 1, I–V)⁶⁹. Более ранними при этом являются, видимо, усть-лабинская и зубовская стелы⁷⁰. Значение этих памятников для раннескифской истории и археологии заключается в том, что частично эти стелы корреспондируются с элементами раннескифской культуры (прежде всего с наконечниками стрел, но также и с зооморфными образами) при сохранении тесной связи с предскифскими древностями⁷¹. Помимо этого вероятно синхронизация и с такими вещами, как бронзовые

котлы «бештаугорского» типа (например, находка в Кызбуруне)⁷². Бытование оленных камней и котлов относится к сравнительно непродолжительному периоду; в VII в. до н.э. они уже окончательно были вытеснены новым типом антропоморфных изваяний и литых котлов. С какой же именно эпохой и этносом следует связывать носителей этой традиции в Предкавказье и Северном Причерноморье? Ответ на этот вопрос мог бы во многом прояснить сложные проблемы раннескифской истории, сейчас же ясно лишь, что в целом оленные камни западного ареала относятся еще к какой-то «доскифской» волне кочевников. Но были ли это, например, киммерийцы или какая-то ранняя группа скифов, сейчас выяснить невозможно.

Следует отметить еще одну важную особенность такого курганного могильника, как Келермесский, — его непосредственное соседство с «меотским» грунтовым могильником, что привело Л.К. Галанину к заключению о существовании в данном регионе в раннескифское время двуэтничного военного объединения под главенством скифской знати (рис. 2), представители которой и были захоронены под курганами в соответствии со своими традициями⁷³. Подобное заключение хорошо согласуется с анализом Д.С. Раевского, согласно которому ранние скифы, в том числе и северокавказские, занимали регионы, плохо приспособленные для ведения кочевого хозяйства, и скорее служили тем обществам, в которые они внедрялись (в нашем случае — «меотское»), в качестве воинов, а не скотоводов-кочевников. Раннескифский же культурный комплекс отражал не этнический, но определенный социальный слой⁷⁴.

Вторая территориальная группа — степное правобережное Прикубанье — до недавнего времени была своеобразным «белым пятном» на карте Скифии, известным лишь по таким классическим скифским памятникам, как курганы у станиц Воронежской⁷⁵ и Усть-Лабинской⁷⁶. Однако археологические исследования 1960–1990-х годов позволили выделить серию захоронений (73 комплекса), погребальный обряд и инвентарные комплексы которых являются инновациями на территории междуречья Дона и Кубани⁷⁷. По ряду признаков эти захоронения могут быть соотнесены с эталонными раннескифскими памятниками Закубанья и других территорий⁷⁸.

Анализ архаических памятников междуречья Дона и Кубани показал, что на протяжении VII–VI вв. до н.э. эта территория была заселена кочевниками, культура которых относится к числу культур скифского мира. Раннескифские памятники в междуречье Дона и Кубани демонстрируют линию последовательного развития на протяжении 90–100 лет, состоящую из трех этапов, в целом типологически укладывающихся во 2-й и 3-й этапы раннескифской культуры (РСК), по Г. Коссаку и И.Н. Медведской⁷⁹.

Практически все исследованные в степи между Доном и Кубанью комплексы бедны инвентарем, основные погребения редки, но тем не менее погребальный обряд характеризуется рядом стабильных признаков, инновационных на данной территории. Планиграфические наблюдения показывают, что для совершения впускных погребений в группах более древних курганов выбирались курганы, расположенные в центре или тяготеющие к западным и северо-западным частям групп. Трудно утверждать с полной определенностью, но, вероятно, мы имеем дело с вариантом традиции, зафиксированной в элитных скифских могильниках, в соответствии с которой курганы сооружались последовательно с запада на восток. Так, старейший курган Келермесского могильника расположен в северо-западной части курганной группы, в Нартанском могильнике прослежена отчетливая тенденция концентрации древнейших насыпей в западной части, а более поздних — в восточной⁸⁰.

Рис. 2. Всадник в скифском парадном вооружении VII в. до н.э. По материалам Келермесского могильника

1 — реконструкция А.М. Бутягина и Д.П. Алексинского (Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С. Всадники войны. Кавалерия Европы. М.: СПб., 2005. Цветная вкладка. Рис. 1); 2 — реконструкция Е.Ф. Корольковой (Королькова Е.Ф. Властители степей. СПб., 2006. С. 21; Королькова Е.Ф. Властители степей: кони и всадники // «Полдарства за коня...» Лошадь в мировой культуре: Произведения из собрания Государственного Эрмитажа: Каталог выставки. СПб., 2006. Рис. 11

Самый древний курган № 9 могильника Красное Знамя также расположен в его западной части⁸¹. Значимость центра, запада и северо-запада подчеркивается и тем, что практически все архаические скифские погребения в междуречье Дона и Кубани впускались в центральную часть, западную или северо-западную полы курганной насыпи.

На протяжении 1-го хронологического этапа древностей междуречья Дона и Кубани, датирующегося ок. 670–660/640 гг. до н.э.⁸², в степях к северо-востоку от дельты Дона, по р. Манычу и на Азово-Кубанской низменности появляются погребения в больших подквадратных и прямоугольных ямах с вытянутыми на спине, расположенными на правом и на левом боку костяками. Ничего общего с обрядом предскифского (черногорского) времени этот обряд не имеет, что объясняют кардинальной сменой идеологии⁸³. Именно в это время в погребениях появляются предметы, атрибутирующие раннескифский вещевой комплекс: каменные блюда, бутероли ножен мечей, секиры с приостренным обухом, костяной панцирь, застежки, костяные столбики⁸⁴, наконечники стрел архаических типов, предметы, оформленные в скифском

зверином стиле⁸⁵. Аналогии большинству из этих предметов представлены на востоке евразийских степей, в Приаралье, что позволяет предположить приток населения с востока, тем более, что погребальный обряд имеет элементы сходства с погребениями восточного пояса евразийских степей (могильники Южный Тагискен, Сакар-Чага 6)⁸⁶. Редкость предметов вооружения и полное отсутствие предметов конской упряжи не позволяют считать эти погребения междуречья Дона и Кубани воинскими. Существование социальной иерархии подтверждается наличием погребений под индивидуальными насыпями и впускных с невыразительным инвентарем.

Погребения 2-го хронологического этапа, датирующиеся ок. 640–620/600 гг. до н.э., появляются в результате развития предшествующей традиции, хотя не исключен и приток новой группы населения, с которой может быть связана практика погребения в узких прямоугольных ямах и ямах со скругленными углами. Погребенные располагались, как правило, вытянуто на спине, головой к западу. В инвентарных наборах появляется наступательное вооружение: мечи, секиры келермесского облика, крупные колчаные наборы, среди наконечников стрел — трехлопастные экземпляры со сводчатыми головками и косо срезанными лопастями. Видимо, в это же время появляются и зеркала с центральными ручками на двух столбиках или петельками, каменные блюда более изящных пропорций, железные ножи, бронзовые культовые ножи. По-прежнему широко распространены костяные столбики и застежки. Предметы, оформленные в скифском зверином стиле, выполнены в технике круглой скульптуры, детали переданы невысоким рельефом. В конце этого этапа в кочевнических погребениях появляются греческие амфоры, представленные древнейшими образцами клазоменской продукции (погребение 25 кургана № 1 у ст. Хапры; погребение 8 кургана № 11 могильника Лебеди-V)⁸⁷. Очевидно, что именно в это время активизировалось участие степняков в военных действиях, что подтверждается появлением воинских захоронений.

Усилившееся на протяжении этого этапа взаимодействие со скифским населением, оставившим памятники Закубанья и Ставрополя, археологически прослеживается в использовании одинаковых типов наконечников стрел, секир, мечей, сходных образах звериного стиля и способах воплощения художественного замысла. Конструктивные отличия погребальных сооружений междуречья Дона и Кубани и Закубанья, видимо, объясняются разным социальным статусом погребенных: элитарные погребения Келермесского могильника, естественно, должны были отличаться от однокультурных рядовых. Тем не менее скупые археологические данные позволяют утверждать, что и на этой территории существовали погребения высшей знати, выполненные с соблюдением требований обрядности, зафиксированной в Закубанье: практически полной аналогией келермесским захоронениям 1-го типа⁸⁸ является погребение 5 кургана № 14 могильника Красногоровка III в Нижнем Подонье. Погребение основное, могильная яма без деревянных конструкций подквадратной формы (4,1 × 3,6 м) была впущена в материк на глубину 2,93 м. До сооружения ямы площадка была устлана камышом, камышовое покрытие заходит на глинистый выкид, по всей южной стенке обнаружены остатки камышового тлена на всю глубину. В северном секторе насыпи на внешнем склоне кольца материкового выкида обнаружен череп лошади. Следы сходных ритуалов наблюдаются и в других курганах под индивидуальными насыпями, где прослежены подкурганые сооружения (погребение у г. Константиновска-на-Дону⁸⁹, погребение 1 кургана № 5 могильника Новопалестинский-II 5/1⁹⁰, погребение 6 кургана № 3 могильника Баранчук⁹¹). По каким-то значимым причинам головы лошадей помещали в северной и западной частях подкурганного пространства и ровика. Аналогичная ситуация отмечена в кургане № 31 Келермесского могильника: комплект конской узды, возможно, замещавший конскую голову по принципу *pars pro toto*, был зафиксирован с северной стороны над внешним склоном выкида⁹². Инвентарный набор ограбленного погребения 5 кургана № 14 могильника Красногоровка III содержал две амфоры хиосского и самосского производства и верхнюю часть сероглиняной ойнохой⁹³, даты которых определяются в пределах конца VII — начала VI в. до н.э.⁹⁴

Погребения 3-го хронологического этапа, датирующиеся ок. 600–550 гг. до н.э. в целом соотносятся с 3-м этапом РСК. Именно в это время, по амфорному материалу милетского производства определяемое первой половиной VI в. до н.э., на Нижнем Дону появляются погребения в подбоях. Преимущественное положение погребенных — вытянуто на спине с западной ориентировкой. Количество предметов вооружения в погребениях резко сокращается, ведущей категорией инвентаря становятся костяные столбики и застежки, двухлопастные и трехлопастные наконечники стрел представлены в незначительном количестве. Наличие керамического импорта может служить доказательством активного взаимодействия кочевников с милетской колонией в районе современного Таганрога⁹⁵. Фактическое отсутствие признаков кубанского и северокавказского влияния, концентрация памятников в Нижнем Подонье позволяет предположить активное самостоятельное развитие региона, продолжавшееся до середины или третьей четверти VI в. до н.э.⁹⁶

В третью, таманско-причерноморскую, группу могут быть включены такие памятники, как курганы у ст. Крымской (г. Крымска), у Цукурского лимана на Таманском полуострове, разрушенный курганный могильник в Цемдолине близ г. Новороссийска⁹⁷. Сведения об этих памятниках отрывочны⁹⁸, однако по наличию предметов типично скифского облика их можно причислить к кругу скифских древностей второй половины VII — начала VI в. до н.э.⁹⁹

В Воронцовском кургане у ст. Крымской, раскопанном И.А. Хойновским в 1886 г.¹⁰⁰, на глубине 2,1 м была обнаружена «похоронная катакомба», с парным захоронением. Воин был погребен в бронзовом шлеме кубанского типа¹⁰¹, с биметаллическим коротким мечом, бронзовым дротиком и железным копьем. Слева от воина находился скелет лошади.

Курган № 1 (Мазепинский) у ст. Крымской, исследованный Н.И. Веселовским в 1895 г., оказался ограбленным. В насыпи были найдены бронзовые наконечники копий, «на точку» — обломки бронзового шлема кубанского типа и бронзовые наконечники стрел; во впускной могиле — остатки железного чешуйчатого панциря и черный глиняный горшок¹⁰².

Погребение у Цукурского лимана на Таманском полуострове было обнаружено случайно в 1913 г., и сведения о нем и о вещах, приобретенных Императорской археологической комиссией, записаны со слов казака-находчика¹⁰³. Из погребения происходят родосская ойнохой, расписанная в полихромной технике по темному фону, килик, бронзовая секира, бронзовые и железный наконечники стрел архаических типов¹⁰⁴, бронзовая бляшка с изображением двух стоящих пантер. Датировка комплекса по античной керамике определяется в границах первой четверти VI в. до н.э.¹⁰⁵, что позволяет отнести его к кругу памятников послепоходного времени¹⁰⁶.

В итоге обзора археологических памятников еще раз подчеркнем, что три рассмотренные территориальные группы скифских древностей имеют во многом условный характер. К тому же наши данные вообще ограничены практически исключительно погребальными памятниками и каменными изваяниями, ареалы которых, во-первых, практически не совпадают и, во-вторых, вовсе не обязательно адекватно очерчивают территории обитания той или иной группы скифов. Тем не менее местные особенности этих памятников очевидны и наглядно свидетельствуют о неоднородности скифского населения Кубанской области.

Почти невозможно представить локальную историю скифов Прикубанья, оторвав ее от истории всего Северного Причерноморья и Северного Кавказа

в скифскую эпоху. Поэтому ограничимся лишь хроникой событий, которые прямо или косвенно были связаны или могли быть связаны со скифским присутствием на Северо-Западном Кавказе.

Несомненно, что ранее 670-х годов до н.э., а скорее всего уже в VIII в. до н.э., не очень многочисленные группы (или группа) номадов-скифов — выходцев из центральноазиатской области — появилась в предгорных районах Кавказа, что стало, если следовать за Диодором, первым этапом освоения Северного Причерноморья. На Кавказе пришельцы столкнулись с различными местными племенами, гораздо более многочисленными и хорошо вооруженными. В районе Прикубанья это были носители прото- и раннемеотской археологической культуры, отношения с которыми у кочевников в разных микрорегионах складывались, видимо, по-разному — от вполне мирных до враждебных. Но в любом случае везде скифам удалось, судя по характеру некоторых могильников, захватить доминирующее положение. Правда, совершенно не исключено, что и между отдельными группами самих скифов или даже внутри этих групп могли возникать конфликты (см. о беглецах в Мидию у Геродота (I. 73), или о скифской молодежи, изгнанной с родины и бежавшей в Каппадокию, у Юстина (II. 4. 1)).

Через какое-то время после своего появления, что составило период жизни не менее одного-двух поколений, скифы начали свои знаменитые переднеазиатские походы, в контексте которых ассирийскими источниками упоминались «цари» Ишпакай (Išpakaī) и Бартатуа/Прототий (Bartatua/Протоθύης). Ишпакай был убит или ок. 675/4 г. до н.э., или даже еще раньше — между 680/79 и 677/76 гг. до н.э.¹⁰⁷, когда ассирийцы, видимо, одержали победы над союзным маннейско-скифским войском¹⁰⁸. Более его имя в источниках не встречается.

К эпохе Асархаддона относится наиболее яркое упоминание скифов. Их вождь Бартатуа (Прототий, отец будущего скифского царя Мадия, Μαθύης у Геродота, Μάδυς у Страбона), сменивший Ишпакай¹⁰⁹ или возглавлявший другую часть скифов, ок. 672 г. до н.э. попытался заключить договор с Ассирией, закрепив его браком с дочерью Асархаддона¹¹⁰. Считается, что фактический переход Бартатуа с его скифами на сторону Ассирии позволил последней несколько упрочить свое положение и одновременно вызвал признание нового объединения — «скифского царства».

Время существования орды Бартатуа в районе к югу и юго-востоку от оз. Урмия на территории маннейских племен и в непосредственной близости от Мидии¹¹¹ приходится на конец 70-х годов VII в. до н.э. В связи с темой «скифского царства» следует вспомнить одну археологическую версию — о нахождении страны Бартатуа на территории Северного Кавказа¹¹². Все имеющиеся варианты ее локализации, включая и северокавказский, построены на понимании ассирийского документа¹¹³ как надежного свидетельства существования стабильного государственного образования, что само по себе ни из запроса к оракулу бога, ни из реальной военно-политической обстановки того времени не следует. Географический перенос явления, включенного в контекст сугубо переднеазиатской истории, далеко за пределы региона, совершенно не возможен¹¹⁴; в этом заставляет сомневаться и древнееврейская этногеографическая номенклатура (Иер. 51, 27), включившая область Ашкеназ (скифов) в географический контекст Передней Азии наряду с областью Арарат (Урарту) и Минни (Манна)¹¹⁵.

Поскольку при Ашшурбанапале упоминание имени скифов в источниках отсутствует, можно предположить, что приблизительно в начале его правления произошел отток части кочевников (прежде всего «маннейских» скифов) на территорию к северу от Кавказа, с чем и следует, видимо, связывать

появление погребений с переднеазиатскими импортными изделиями в таком прикубанском памятнике, как курганы Келермеса. Скорее всего скифы покинули Манну и близлежащие территории между 670 и 660 гг. до н.э., так как кочевники не упоминаются в контексте не вполне удачного маннейского похода ассирийцев ок. 660/659 г. до н.э.¹¹⁶ Можно предположить, что отошли на Северный Кавказ несколько небольших групп кочевников, занявших различные географические и этнические ниши в Закубанье и в Центральном Предкавказье, что подтверждается и определенными локальными отличиями в целом синхронных археологических памятников, известных на этих территориях¹¹⁷.

Следующий период истории скифов был связан уже с именем Мадия, сына Прототия/Бартатуа¹¹⁸, который вторгся в Мидию, преследуя, по Геродоту (Herod. I. 103), киммерийцев, несомненно, с территории Северного Кавказа, скорее всего, в пятнадцатилетие между 640 и 625 гг. до н.э. В битве мидийцы проигрывают и лишаются власти, скифы же, напротив, завладевают всей Азией (Herod. I. 104) и совершают набег до Египта, где их уговорами и дарами остановил фараон Псамметих (Herod. I. 105). На обратном пути часть скифов грабит храм в сирийском городе Аскалоне. К этому времени относится начало двадцативосьмилетнего владычества скифов. Затем Киаксар перебил часть скифов, заманив их на пир, и восстановил свою власть. Все события, связанные со скифской «гегемонией» датируются в пределах 630-х и 610-х годов до н.э.¹¹⁹

У Геродота заключительным эпизодом скифской переднеазиатской эпопеи является красочное описание прибытия скифов на родину, где их ожидали «трудности, не меньшие, чем с мидийцами» — война с потомками их неверных жен и рабов (Herod. IV. 1). Все рассказы о возвращении скифов, основанные на версии Геродота, связывают это событие с территорией собственно Северного Причерноморья; можно лишь допустить, что они проходили через Северо-Западный Кавказ.

Одновременно с завершением переднеазиатской кампании скифов фиксируется проникновение кочевого (и, как считают некоторые исследователи, иранского) этнического компонента в лесостепную зону Причерноморья. В Правобережную днепровскую лесостепь предполагается приход части кочевого населения из Прикубанья и Северного Кавказа¹²⁰. Приблизительно тогда же, вероятно, произошла скифизация лесостепного левобережья Днепра (раньше всего в бассейне Ворсклы, затем на Суле и в левобережной террасовой лесостепи)¹²¹. Один из кочевых импульсов достиг в VII в. до н.э. также территории Средней Европы¹²².

Массовое распространение в Причерноморье кочевнических памятников синхронизируется с проникновением в регион первых греческих колонистов (40–30-е годы VII в. до н.э.) и установлением контактов со скифскими племенами, включая и кубанских варваров, о чем свидетельствуют, хотя и не очень многочисленные, импортные греческие сосуды — клазоменские (могильники Хапры, Лебеди, Циплиевский Кут), хиосские (могильник Красногоровка) и милетские (могильники Новоалександровка и Бушуйка) амфоры конца VII — первой половины VI в. до н.э. и родосско-ионийская ойнохоя (курган у Цукурлимана) того же времени. Причем только клазоменские амфоры, документирующие самые ранние торговые контакты населения Прикубанья с греческим миром¹²³, имеют при этом и самое широкое географическое распространение.

Архаический период истории северопричерноморской Скифии заканчивается войной причерноморских номадов с персидским царем Дарием I ок.

515–512 гг. до н.э. Некоторые исследователи, в частности И.В. Куклина, опираясь на данные Ктесия, Страбона, Павла Оросия, а также некоторые неясности и противоречия в тексте самого Геродота, поддержали высказывавшуюся ранее точку зрения¹²⁴, согласно которой Геродот соединил в одну масштабную военно-эпическую конструкцию сведения о различных военных экспедициях персов. По И.В. Куклиной, первая была направлена в район Дуная, а вторая — на Северный Кавказ, в Прикубанье¹²⁵. Близкая версия предложена и С.Е. Рассадным¹²⁶. Дж. Гардинер-Гарден также отметил в «скифской» политике Персидской империи три военных кампании: против саков в 519 г. до н.э., против скифов в междуречье Дуная и Днестра (ок. 514–512 гг. до н.э.) и каппадокийского сатрапа Ариарамны на Северный Кавказ между 520 и 514 гг. до н.э.¹²⁷ Впрочем, никаких археологических следов этой последней кампании на Кавказе, похоже, нет, если не считать отдельных ахеменидских изделий, таких, как, в частности, серебряный ритон из Семибратних курганов V в. до н.э.¹²⁸

Финал собственно скифской истории в Прикубанье не слишком ясен. Судя по имеющимся данным, уже к концу VI в. до н.э. культура ранних скифов сливается с культурой «меотов», приобретая характерный синкретичный облик, что и позволяет некоторым исследователям называть ее меото-скифской. Тем не менее на Северном Кавказе, так же, как и в степном Северном Причерноморье, появляются элементы новой кочевнической культуры, указывающие на вовлеченность этой территории в общие восточноевропейские процессы. Так, в V в. до н.э. возникает новая иконографическая и стилистическая традиция — так называемое «скифское барокко», в рамках которой изображения животных приобретают ажурность, композиционную усложненность, многоплановость. Пожалуй, именно в искусстве Прикубанья эти особенности проявились в наибольшей степени. Е.В. Переводчикова выделяет «три модификации изобразительной системы звериного стиля»: 1) архаические произведения скифского искусства, 2) материал V в. до н.э., 3) вещи IV в. до н.э.¹²⁹ Ранние образцы здесь характеризуются теми же признаками, что и звериный стиль других областей этого времени. Что касается произведений V в. до н.э. (круга Семибратних курганов), для которых отмечено сходство с вещами из восточных областей Евразии, то они в столь значительной степени отличаются от ранних, что для них предложен особый вариант происхождения — под воздействием ахеменидского искусства, черты которого проявились в это время на чрезвычайно широкой территории, включившей Прикубанье и другие периферийные области¹³⁰.

В V в. до н.э. причерноморские скифы-кочевники следующей волны лишь эпизодически появлялись в низовьях Кубани, в области синдов. Не случайно исследователями давно уже замечена близость между вещевыми комплексами практически одновременных скифских Нимфейских (Крым) и Семибратних курганов (Нижняя Кубань), хотя отмечаются и региональные стилистические особенности, например, в украшениях конского оголовья¹³¹. Этническая принадлежность строителей Семибратних курганов до сих пор не выяснена, но синдская версия является в литературе доминирующей. Предполагается даже, что могильник — родовое кладбище синдских царей, последний из которых — Гекатей, сын которого носил то же имя, что и скифский царь Октамасад¹³², — мог быть погребен в позднейшем из курганов (№ 3), сооруженном в первой четверти IV в. до н.э.¹³³

В IV в. до н.э. скифы на этой территории бывали лишь в качестве наемников (см. выше о междоусобном конфликте сыновей Перисада).

¹ Ясных сведений письменных источников о доскифском населении на этой территории нет, за исключением совмещения уже поздними античными авторами, чему иногда следуют и современные исследователи, представлений о родине киммерийцев с Боспором Киммерийским. Так, например, И.С. Каменецкий считает сообщение Евстафия о киммерийцах, которые «являются народом скифским, незадолго до Гомера или даже в его время, двинувшись с Киммерийского Боспора, прошли большую часть Азии», «через Арриана восходящее к какому-то раннему источнику», первым упоминанием конкретного народа для Прикубанья (Каменецкий И.С. Меоты и греческая колонизация // Каменецкий И.С. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар, 2000. С. 113). На самом деле к Арриану восходит другое сообщение, в котором отсутствует указание на место обитания киммерийцев: «Арриан говорит, что скифское племя киммерийцев, поднявшись со своей родины и вредя всем встречавшимся на пути, дошло до Вифинии» (SC I: 314). В процитированном же фрагменте киммерийцы названы «народом скифским, кочевым и северным, небольшая часть которого, говорят, незадолго до Гомера или даже в его время, двинувшись с Киммерийского Боспора, — назывались они, говорят, трерами, — обошла большую часть Азии, взяла Сарды, уничтожила многих магнетов, живших по реке Меандру, и вторглась даже в Пафлагонию и Фригию» (SC I: 314); здесь несомненно заимствование у Страбона, ср. οἱ τε Κιμμεριοὶ οὖς καὶ Τρήρας ὀνομάζουσιν «киммерийцы, которых называют и трерами...» (Strab. I. 3. 21), где далее также описываются нападения на Пафлагонию, Фригию, взятие Сард; в другом месте в связи с толкованием Гомера Страбон упоминает и киммерийцев у Боспора Киммерийского, вторжение которых относится ко времени Гомера или немного раньше (Strab. I. 2. 9). Очевидно, что данное сообщение Евстафия, да и подобные у других поздних авторов (например, Plut. Mar. XI. 9, где киммерийцы Лигдамиса предстают всего лишь небольшой частью беглецов или мятежников, которых скифы вынудили переселиться с берегов Меотиды в Азию; при этом самая большая часть киммерийцев живет в лесах у Внешнего моря), никак не

могут служить надежным основанием для реконструкции этногеографии доскифской эпохи Северного Кавказа.

О невозможности считать «киммерийские» топонимы свидетельством проживания в тех же местах и киммерийцев, а также об источниках народной традиции северопонтийских греков о киммерийцах см.: Тохтасьев С.Р. Античная литературная традиция о киммерийцах // Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 32 сл.; Тохтасьев С.Р. Die Kimmerier in der antiken Überlieferung // Hyperboreus: Studia classica. Petropoli, 1996. Vol. 2, fasc. 1.

Тем не менее в археологической литературе утвердилось представление, являющееся результатом научных реконструкций, о киммерийцах как обитателях Предкавказья в доскифское время, независимо от того, какие именно археологические памятники с ними при этом связываются — черноморские, новочеркасские, протомеотские, кобанские или другие (из последних работ с историей вопроса и литературой см., например: Махорты С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005. С. 294, сл.).

² Имеются в виду скифы, которые в это время еще, кстати, не могли так называться, так как Скиф, сын Зевса, ставший эпонимом племени, родился, по Диодору, позднее их ухода от Аракса.

³ Здесь под словом 'αδοξία можно понимать и «незнатность» (рода или племени), что, пожалуй, лучше соответствует особенностям социальной организации кочевников.

⁴ SC I: 458. Благодарим С.Р. Тохтасьева за уточнение перевода части этого фрагмента, который в варианте Прохорова оставался несколько туманным: «...они приобрели себе страну, в (на) горной области — до Кавказа, а на плоскости — районы по Океану и Меотийскому озеру и остальную страну до реки Танаиса». При этом С.Р. Тохтасьев считает, что в данном случае речь идет о том же Океане на востоке, что и в Diod. II. 43. 5: «...господство скифов с одной стороны до Океана на севере, с другой до Каспийского моря и Меотийского озера» (ср. пересказ Эратосфена у Страбона — Strab. XI, 6, 2).

В другом месте, посвященном истории аргонавтов, Диодор подразумевает уже Океан на севере, до кото-

рого аргонавты добрались по Танаису, затем спустились по безымянной реке, перетащив корабли по суше, и с севера на запад доплыли до Гадир (Diod. IV. 56. 3). Это указывает на то, что под Танаисом у Диодора подразумевался именно Дон, а под Кавказом — горы между Черным и Каспийским морями.

Тем не менее некоторые исследователи полагают, впрочем, напрасно, что в первом отрывке под Океаном и Меотийским озером подразумевается Каспийское море в качестве залива внешнего Океана и Аральское море, а скифской территорией является Средняя Азия в пределах от Каспийского и Аральского морей вплоть до Океана на востоке (Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 123).

⁵ Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 207; Иванчик А.И. Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VII вв. до н.э. М., 1996. С. 81.

⁶ Судя по этнониму, дандарии могли быть ираноязычным, как и скифы, народом (Абаев В.И. скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979. С. 286). Их территория на протяжении столетий, скорее всего, не оставалась неизменной, и к IV в. до н.э. могла сместиться в низовья Кубани и к побережью Азовского моря, где их обычно и размещают исследователи (Шилов В.П. О расселении меотских племен // СА. 1950. № 14. Рис. 2; Трубочев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4; Масленников А.А. К вопросу о погребениях дандариев // История и культура античного мира. М., 1977. С. 127, сл.).

⁷ Куклина И.В. Этнография Скифии... С. 143, 144, с литературой.

⁸ Каменецкий И.С. О язаматах // Каменецкий И.С. Археологические памятники... С. 220; Тохтасьев С.Р. ΣΑΥΡΟΜΑΤΑΙ — ΣΥΡΜΑΤΑΙ — ΣΑΡΜΑΤΑΙ // Херсонесский сборник. Севастополь, 2005. Вып. XIV. С. 291, сл. Примеч. 5: формы имен с мю С.Р. Тохтасьев считает предпочтительными.

⁹ Пс.-Скимн (SC I: 90), ссылаясь на Деметрия Каллатийского, называет язаматов меотским племенем, а ссылаясь на Эфора, — народом савроматов.

- ¹⁰ *Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991; *Петренко В.Г.* Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 223. Проблемы этнической идентификации возникают уже для таких хрестоматийных и относительно хорошо изученных памятников, как Ульские и Уяльские, Семибратние и Елизаветинские курганы.
- ¹¹ *Новичихин А.М.* Об этнической принадлежности курганных погребений раннескифского времени в Западном Закубанье // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. VII—I вв. до н.э.: Материалы междунар. науч. конф. Тамань, 2000 г. СПб., 2006. С. 137, с предшествующей литературой.
- ¹² Там же. С. 137, 138.
- ¹³ Или автор V в. до н.э., тесно связанный с ним; см.: *Иванчик А.И.* Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история / Pontus Septentrionalis. Москва; Берлин, 2005. III. С. 32, примеч. 49.
- ¹⁴ Вариант перевода см.: *Тохтасьев С.Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I: (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 167, примеч. 95. Автор допускает, что это место у Гелланика может быть первым свидетельством расширительного употребления этнонима «скифы». Сообщения вроде этого, как считает С.Р. Тохтасьев, могли лежать в основе сведений Эратосфена в пересказе Страбона (XI. 6. 2) о скифах где-то севернее Кавказа (находившихся по правую руку вступающего в Каспий с севера и смежных с европейскими скифами): *Тохтасьев С.Р.* ΣΑΥΡΟΜΑΤΑΙ — ΣΥΡΜΑΤΑΙ — ΣΑΡΜΑΤΑΙ. Примеч. 29.
- ¹⁵ И.С. Каменецкий при варианте перевода «...меотов скифов» видит в последних дандариев (Меоты и греческая колонизация... С. 114).
- ¹⁶ Несмотря на то что ряд исследователей на основании этого и других свидетельств реконструирует путь сезонных перекочевок скифов через Керченский пролив в Прикубанье для эпохи архаики, что якобы могло оказать определенное влияние на колонизационные процессы на Боспоре (*Вахтина М.Ю.*, *Виноградов Ю.А.*, *Рогов Е.Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 156—161; *Виноградов Ю.А.* Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI—III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 7), отсутствие ясных хронологических привязок не позволяет безусловно принять эту гипотезу. Картина же, которую демонстрирует приводимый в подтверждение археологический материал, отражает общую хронологическую ситуацию для Северного Причерноморья: памятники периода архаики, цепочкой связывающие район Приднепровья с Кавказом, относятся лишь к середине — второй половине VII в. до н.э. (Мельгуновский курган, Филатовка, Темир-Гора, Келермес) и лучше увязываются в контексте иных событий (начального освоения территории скифами или их возвращения после первого или второго этапа пребывания на Ближнем Востоке). Датировка включенного в эту же цепочку кургана у Цукурского лимана на Тамани в настоящее время остается неопределенной (то ли конец VII, то ли VI в. до н.э., ср.: *Вахтина М.Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 7; *Tsetsckhladze Gocha R.* Greek Colonization of the Black Sea Area, Stages, Models, and Native Population // The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. Gocha R. Tsetsckhladze. Stuttgart, 1998. P. 11), но не сильно нарушает общую картину. Видимо, в наибольшей степени возможность скифских походов в Синдику может быть приурочена именно к V в. до н.э., когда об этом и писал Геродот.
- ¹⁷ Анализ эпиграммы Левкона I на базе статуи, обнаруженной на окраине Семибратнего городища (*Блаватская Т.В.* Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 34, сл.), позволил С.Р. Тохтасьеву высказать предположение, что сын известного синдского царя Гекатея, носивший то же имя, что и скифский царь Октамасад, мог получить его благодаря династическому браку, заключенному кем-то из синдских царей с представителем скифского царского рода, не исключая даже того, что Октамасад, сын Гека-
- тея, мог приходиться внуком Октамасаду, сыну Ариапифа: *Тохтасьев С.Р.* К чтению и интерпретации посвященной надписи Левкона I с Семибратнего городища // Hyperboreus. Studia classica. Petropoli, 1998. Vol. 4. Fasc. 2. С. 300—301; Он же. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I...
- ¹⁸ Если одни исследователи реконструируют перемещение скифов в конце VI в. до н.э. с Кавказа в степи Северного Причерноморья, хотя эта версия плохо объясняет отсутствие в памятниках степного Причерноморья V в. до н.э. ожидаемых признаков раннескифской кавказской культуры (*Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984; *Мозолевский Б.М.* Щодо започаткування у Скифії династії скіфів-царських // Археологія. 1990. № 4. С. 27, 28), то другие объясняют возникновение собственно степной Скифии появлением с востока новой волны номадов — носителей особой археологической культуры (*Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII—IV вв. до н.э. СПб., 2003. С. 168, сл.).
- ¹⁹ *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. С. 199 с литературой; анализ конфликта см.: *Виноградов Ю.А.* Усобица сыновей боспорского царя Перисада I // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 77—92.
- ²⁰ *Петренко В.Г.* Скифы на Северном Кавказе. С. 223.
- ²¹ *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии... С. 39, сл., с литературой.
- ²² Принято считать, что основным критерием выделения собственно скифских древностей из массива синхронных памятников на различных территориях является погребальный обряд (его сохранившиеся материальные останки), относящийся к числу наиболее устойчивых этнографических признаков (*Клейн Л.С.* Происхождение скифов царских по археологическим данным // СА. 1963. № 4. С. 27; *Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. С. 19; *Скорый С.А.* Скифы в днепровской правобережной лесостепи. Киев, 2003. С. 45). Этническую специфику передают следующие черты погребальной обрядности: положение умершего в могиле и ориентировка, характер погребального сооружения, набор вещей сопровождающего

инвентаря, напутственной пищи, их размещение в могиле, ассортимент украшений.

Так, например, применительно к территории Днепровской Правобержной лесостепи С.А. Скорый подчеркивает значение некоторых типов погребальных сооружений и микродеталей обряда (Скорый С.А. Скифы... С. 45). Присутствие типично скифских вещей в погребениях расценивается как критерий выделения собственно скифских памятников (Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. С. 43), хотя надо иметь в виду, что элементы кочевнической культуры быстро распространялись в среде местного населения и предметы скифского облика помещались и в могилы «автохтонов» (Скорый С.А. Скифы... С. 46; Галанина Л.К. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. 1. С. 212).

²³ Характерно это и для территории Северо-Западного Кавказа, где в «меотских» памятниках широко распространены и скифские наконечники стрел, и скифские акинаки: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитнейное искусство из курганов Адыгеи VIII—III века до н.э. М., 2006. С. 17, 18.

²⁴ Подобные аргументы, правда, с легкостью парируются. Так, И.С. Каменецкий, например, допускает, что «трофейные переднеазиатские вещи могли попасть на Кубань и помимо скифов», в частности с меотами — участниками переднеазиатских походов (Каменецкий И.С. О скифах на Кубани // Третья Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар; Анапа, 2001. С. 67). Несмотря на то что литературные источники подобное предположение никак не подтверждают, некоторые основания для него предоставляют именно Келермесские курганы, в частности в том случае, если знаменитое погребение, открытое Д. Шульцем в кургане № 1, не входило в «скифскую группу», а было впускным в курган и принадлежало «меотской» части могильника (Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. Вып. 30. 1990. С. 47). Впрочем, вовсе не сложно допустить существование близких или даже одной причины, по которой в этом

неограбленном в древности комплексе оказались парадные ближневосточные предметы вооружения, а в других «меотских» погребениях могильника такие скифские вещи, как зеркала, шлем «кубанского» типа, наконечники стрел и т.д. (Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы... Рис. 9.; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии... Рис. 15—16.

²⁵ Тем не менее как ранее (историю вопроса см.: Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 194), так и ныне скифская принадлежность даже Келермесских курганов вызывает у некоторых исследователей возражения (Каменецкий И.С. О скифах на Кубани. С. 65—68) или определенную осторожность (Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 44).

²⁶ Виноградов В.Б., Дударев С.А. К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н.э. из Предкавказья // АСГЭ. 1983. Вып. 23. Рис. 1.

²⁷ Сазонов А.А. К вопросу о хронологии протомеотских колесничных наборов в эпоху киммеро-скифских походов // Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы пленума ИИМК РАН 28—30 апреля 1997 г. СПб., 1997. Рис. 14, 13, 15, 18, 19.

²⁸ Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. С. 98—101. По И.Н. Медведской (Периодизация скифской архаики и древний Восток // СА. 1992. № 3), придерживающейся одной из наиболее низких из существующих хронологий, к первому этапу раннескифской культуры (ок. 750—700 гг. до н.э.) относятся 9 памятников на Северном Кавказе (или 10, учитывая наличие переходной фазы ко второму этапу).

²⁹ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. Рис. 97.

³⁰ Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / Под ред. Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, Е.М. Скотта. СПб., 2005.

³¹ В.Г. Петренко около 20 лет назад насчитывала более 20 погребений VII—VI вв. до н.э., которые можно относить к скифским, находившихся в бассейне среднего течения Кубани и

распространявшихся на юг вплоть до предгорий Кавказа (Скифы на Северном Кавказе. С. 221).

³² Исследователями скифского звериного стиля отмечаются особенности скульптурной фигурки оленя на навершии из Махшевской, свидетельствующие о возможном влиянии кобанского искусства, хотя сама категория находок, несомненно, принадлежит скифской культуре: Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. М., 1994. С. 98; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитнейное искусство... С. 34, 35, рис. 7.

³³ Об этих памятниках и находках см. статью Л.К. Галаниной и А.Ю. Алексеева о коллекции древностей скифской эпохи в Государственном Эрмитаже в 3-м т. настоящего издания.

³⁴ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитнейное искусство... Кат. № 44—54 (раскопки А.А. Нехаева).

³⁵ Там же. Кат. № 41—43, 56. В Эрмитаже хранятся коллекции случайных находок, приобретенные Археологической комиссией в разные годы и у разных лиц (например, в Майкопе у Карапетова), в состав которых входят и вещи, находящие аналогии в скифских архаических гробницах: наконечники стрел, бронзовая бутероль ножен меча, навершие (колл. № 2509, 2514). См.: Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2. Рис. 1, 5.

³⁶ Последние памятники А.М. Новичихин (Об этнической принадлежности курганных погребений...) включает в группу погребений Западного Закубанья (по большей части наша таманско-причерноморская группа); Пьянков А.В. Комплекс кургана № 7 могильника Цицелиевский Кут как новое свидетельство этнокультурных связей населения северо-западного Кавказа в раннескифскую эпоху // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века: Резюме докл. XI Международной науч. конф. 31 мая — 5 июня 2003 г. Ростов-на-Дону, 2003.

³⁷ Об отсутствии археологических возможностей установления абсолютной хронологии раннескифской эпохи см., например: Иванчик А.И. Раннескифская хронология в свете древневосточных данных // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 1. С. 146, 147.

- ³⁸ Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
- ³⁹ Петренко В.Г. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье // КСИА. 1980. Вып. 162; Она же. Краснознаменский могильник: Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва; Берлин; Бордо, 2006. С. 109. (Степные народы Евразии. III).
- ⁴⁰ Галанина Л.К. Контакты скифов с ближневосточным миром (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 24.
- ⁴¹ Кисель В.А. Шедевры ювелиров древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003. С. 28, сл.
- ⁴² Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. № 21; Она же. Ритон из Келермеса // СА. 1956. № 25.
- ⁴³ Кисель В.А. Шедевры ювелиров... С. 73–80, 85–99. См. также: Вахтина М.Ю. О североионийских элементах в изобразительной системе электровазовой обкладки келермесского зеркала // БФ. 2001. Ч. 2. С. 108–113.
- ⁴⁴ Пиотровский Б.Б. Скифы и Древний Восток // СА. 1954. № 19; Он же. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
- ⁴⁵ Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Ново-заведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 246.
- ⁴⁶ Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики... С. 100–103; Иванчик А.И. Раннескифская хронология... С. 152, сл., с литературой.
- ⁴⁷ Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). С. 238; Derin Z., Muscarella O.W. Iron and Bronze Arrows // Ayaniş I: Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989–1998 / Ed. Altan Çilingi-rođlu, Mirjo Salvini. Documenta Asiana. VI. Roma, 2001. P. 202, 203; Иванчик А.И. Раннескифская хронология... С. 150.
- ⁴⁸ Kossack G. Von den Anfängen des Skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München, 1987. S. 24–85.
- ⁴⁹ Ibid; Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики...; Кореняко В.А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990; Кузнецова Т.М. Скифы в период архаики // Юбилейные международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Железноводск, 1998; Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 192; Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. С. 51.
- ⁵⁰ Алексеев А.Ю., Кузнецова Т.М. Келермес (1990 г. – курган № 31) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 71–85. (МИА; № 3).
- ⁵¹ Два из четырех курганов Шульца (№ 23 = № 2 Шульца; № 29 = № 4? Шульца) могли быть святилищами (Эрлих В.Р. Святилища в мотской культуре Закубанья скифского времени: (к постановке проблемы) // Боспорский феномен: колонизация региона... С. 115–119) или кенотафами (последнее скорее относится к кургану № 29).
- ⁵² Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы: Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. Рис. 22. (Степные народы Евразии. II).
- ⁵³ Минасян Р.С. Сибирские железные кинжалы скифского времени // АСГЭ. 2004. Вып. 62. С. 68.
- ⁵⁴ Галанина Л.К. Контакты скифов с ближневосточным миром... С. 25.
- ⁵⁵ Kossack G. Von den Anfängen des Skytho-iranischen Tierstils. S. 60.
- ⁵⁶ Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии... С. 106. Примеч. 72. Рис. 2, 4–5; Kohler E.L. The Lesser Phrygian Tumuli. Pt. 1: The Inhumations. 1995. Fig. 17C. (The Gordion Excavations (1950–1973). Final Reports. Vol. II).
- ⁵⁷ Samašev Z. Die Fürstengräber des Siebenstromlandes // Im Zeichen des Goldenen Greifen: Königgräber der Skythen. München; Berlin; London; New York, 2007. S. 165, Abb. 7.
- ⁵⁸ Галанина Л.К. Келермесские курганы... Кат. № 219–303. Табл. 22, 23.
- ⁵⁹ Там же. Кат. № 304–392. Табл. 31.
- ⁶⁰ Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики... Табл. на с. 88–91.
- ⁶¹ Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы... С. 146–148.
- ⁶² Евразия в скифскую эпоху... С. 146–148.
- ⁶³ В литературных источниках отсутствуют прямые указания на возвращение скифов поколения Бартатуа в Северное Причерноморье. Но косвенно об этом может свидетельствовать история скифского царя Мадия, чье вторжение в Мидию с территории, расположенной севернее Кавказа, засвидетельствовано Геродотом (Herod. I. 103, 104). Разрыв между событиями, в которых участвовал Бартатуа, и появлением Мадия в Передней Азии достигал 30–40 лет. И если Мадий, сын Прототия/Бартатуа, повторил поход соратников своего отца, то это означает (независимо от того, где Мадий родился – на Ближнем ли Востоке, например, от матери-ассирийки, или уже позже в Северном Причерноморье), что так или иначе часть скифов поколения Бартатуа вернулась на север.
- ⁶⁴ Не позднее середины 610-х годов до н.э., по Э.А. Грантовскому (Иран и иранцы до Ахеменидов: Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998. С. 182, 183).
- ⁶⁵ Виноградов В.Б., Дударев С.А. К этнокультурной интерпретации... С. 50, 51.
- ⁶⁶ Ольховский В.С., Евдокимов Г.А. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994. Кат. № 120, 149, 150. Табл. 3. На этой же территории известно еще несколько каменных скульптур скифского типа, но все не позднее рубежа V–IV вв. до н.э. (Там же. Кат. № 121, 152).
- ⁶⁷ Каменецкий И.С. О скифах на Кубани. С. 68.
- ⁶⁸ Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005. С. 92, 93.
- ⁶⁹ Там же. С. 30, сл.
- ⁷⁰ Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии... С. 45, с литературой.
- ⁷¹ Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984.
- ⁷² Известно несколько экземпляров котлов этого типа, который в целом является более древним, чем «келермесский». Эти котлы имеют безусловно «азиатское» происхождение и известны как в Минусинской котловине, так и в Казахстане (Членова Н.Л. Про-

- исхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 94; *Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Вып. 2.).
- ⁷³ *Галанина Л.К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3.
- ⁷⁴ *Раевский Д.С.* Ранние скифы, среда обитания и хозяйственно-культурный тип: (материалы к конференции «Древний мир, проблемы экологии», 18–20 сентября 1995 г., г. Москва). М., 1995.
- ⁷⁵ Курган № 17 у ст. Воронежской (ОАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 73. Рис. 138), упомянутый М.И. Артамоновым в перечне кубанских курганов VI–V вв. до н.э., отнесен ко времени, близкому к Келермесским курганам, по находке фрагмента греческой чернофигурной керамики VI в. до н.э. (*Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966. С. 25–26), однако соотнесение погребения с пластом раннескифских древностей проблематично из-за отсутствия атрибутирующих признаков.
- ⁷⁶ ОАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 69. Рис. 127.
- ⁷⁷ *Рябкова Т.В.* Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- ⁷⁸ Часть памятников опубликована (*Беспалый Е.И., Парусимов И.Н.* Комплексы переходного и раннескифского времени на Нижнем Дону // СА. 1991. № 3; *Белинский И.В.* Сосуд с картой из курганной группы Займо-Обрыв-1 // ИАИАНД в 1988 г. Азов, 1989; *Брашинский И.Б.* Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. 1973. Вып. 133; *Дубовская О.Р.* Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // СА. 1990. № 4; *Ильюков Л.С., Лукьяшко С.И.* Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 2; *Кияшко В.Я., Коренько В.А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1976. № 1; *Козюменко Е.В., Парусимов И.Н.* Работы Приморского отряда Новочеркасской экспедиции // ИАИАНД за 1989 год. Азов, 1990. Вып. 9; *Козюменко Е.В., Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., Раев Б.А.* Раскопки курганного могильника «Кавказский 2» // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Краснодар, 2001; *Копылов В.П.* Погребения раннескифского времени в устье Маныча // ИАИАНД в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9; *Копылов В.П., Лукьяшко С.И.* Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала // Донские древности. Азов, 1995. Вып. 4.; *Копылов В.П., Кузнецов В.В.* Исследование курганов в Белокалитвенском районе Ростовской области // ИАИАНД. Азов, 1997. Вып. 14.; *Коренько В.А., Лукьяшко С.И.* Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3; *Коренько В.А., Максименко В.Е.* Погребения раннежелезного века в бассейне Нижнего Дона // СА. 1978. № 3; *Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В., Марченко И.И.* Раскопки курганов у ст. Нововеличковская в 1998 г. // Археологические исследования...; *Максименко В.Е.* Сарматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983; *Нехаев А.А.* Раскопки курганов в Кореновском и Динском районах Краснодарского края // АО за 1977 г. М., 1978; *Парусимов И.Н.* Раннескифский комплекс у г. Азова // Материалы конф., посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой. Ставрополь, 1996; *Парусимов И.Н.* К датировке кургана скифского времени могильника Новопапестинский II // Старожитности степового Причерноморья и Криму. XI. Запоріжжя, 2004), другая же известна только по рукописным отчетам (*Беспалый Е.И.* Отчет о работах Приморского отряда археологической экспедиции АКМ в 1981 г. // Архив АКМ, КВФ 10190/70; 10190/71; *Жупанин О.Ф.* Отчет о работах Прикубанской археологической экспедиции в 1989 г. Рукопись (дневник); *Засецкая И.П.* Альбом иллюстраций к отчету о работах Манычского отряда ВДЭ в 1971 г. // Архив АКМ, КВФ 10190/4; *Рябова В.А.* Отчет о раскопках могильника Лебеди-II Северо-Кавказской археологической экспедицией ИА АН СССР за 1980 г. // Архив КГИАМЗ. № 322. Краснодар, 1982; *Ступак С.Г.* Отчет о раскопках 8-ми курганов в могильнике Динской-4 и Динской-6, попадающих в зону прохождения газопровода Россия–Турция в 2000 г. Краснодар, 2000; *Шевченко Н.Ф.* Отчет о работе Кореновской археологической экспедиции в 1984 г. // Архив КГИАМЗ, № 461. Краснодар, 1986; *Он же.* Отчет о раскопках курганов у х. Кавказского Брюховецкого района в 1992 г. // Архив КГИАМЗ. № 527 (текст), 527–а (альбом). Краснодар, 1998). Именно из-за того, что лишь незначительная часть памятников такого рода введена в научный оборот, возникает неверное представление об их малом количестве.
- ⁷⁹ *Kossack G.* Von den Anfängen des Skytho-Iranischen Tierstils. S. 24–85; *Медведская И.Н.* Периодизация скифской архаики... С. 86–107.
- ⁸⁰ *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии. С. 107.
- ⁸¹ *Петренко В.Г.* Краснознаменский могильник. С. 45, 109.
- ⁸² *Рябкова Т.В.* Раннескифские памятники... С. 17.
- ⁸³ *Лукьяшко С.И.* Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999. С. 207.
- ⁸⁴ Предметы из кости и рога, один конец которых оформлен в виде выпуклой шляпки, другой — в виде клинышка или плоско срезанного стержня, считаются маркерами архаических скифских погребений (*Дубовская О.Р.* О некоторых критериях отбора раннескифских погребений циркуммеотийского региона // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989. С. 115). Нижняя абсолютная дата — середина — третья четверть VII в. до н.э., верхняя — середина VI в. до н.э. Положение их в погребениях позволяет утверждать, что они являлись креплениями кожаных и войлочных деталей костюма и (реже) колчана (*Рябкова Т.В.* Раннескифские памятники... С. 13).
- ⁸⁵ Материал, приемы обработки, подбор образов укладываются в русло развития основной скифской изобразительной традиции, однако предметы, оформленные в зверином стиле, встречаются, как правило, в погребениях без оружия (*Рябкова Т.В.* Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // АСГЭ. 2005. Вып. 37. С. 44).

- ⁸⁶ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. С. 31; Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. М., 1996. С. 18.
- ⁸⁷ Монахов С.Ю. Амфоры Клазомен и «круга Клазомен» // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. докл. конф. Ростов-на-Дону, 1996. С. 40–42; еще одна клазоменская амфора была найдена в кургане № 7 могильника Циплиевский Кут в Западном Закубанье (Пьянков А.В. Комплекс кургана № 7...).
- ⁸⁸ Согласно типологии аристократических усыпальниц Келермесского могильника, к 1-му типу относятся памятники с крупными курганными насыпями и стандартными по форме и размерам могильными ямами, углубленными в материк на глубину 2–2,5 м, с материковым выкидом на древней поверхности, перекрытым тонким травяным слоем, плавно опускавшимся ко дну могилы (Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 68).
- ⁸⁹ Кияшко В.Я., Кореняко В.А. Погребения раннего железного века... С. 170–176.
- ⁹⁰ Парусимов И.Н. К датировке кургана скифского времени... С. 198.
- ⁹¹ Кореняко В.А., Максименко В.Е. Погребения... С. 173.
- ⁹² Алексеев А.Ю., Кузнецова Т.М. Келермес... С. 84.
- ⁹³ Парусимов И.Н. Раннескифский комплекс у г. Азова. С. 31. Похожий сосуд найден в кургане № 7 могильника Новозаведенное-II, отнесенного к келермесскому горизонту скифских древностей (Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004. С. 190, 197).
- ⁹⁴ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 37; Он же. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003. С. 26. Похожий сосуд найден в кургане № 7 могильника Новозаведенное-II, отнесенного к келермесскому горизонту скифских древностей (Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки... С. 190, 197).
- ⁹⁵ Копылов В.П. Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII–VI вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. VII–I вв. до н.э.: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2006. С. 88.
- ⁹⁶ Постепенное развитие этой в целом не воинственной культуры прервалось, по-видимому, по тем же причинам, по которым прекратило существование Таганрогское поселение (Рябкова Т.В. Раннескифские памятники... С. 21).
- ⁹⁷ Новичихин А.М. Об этнической принадлежности... С. 135.
- ⁹⁸ Вероятно, представление о незначительном количестве архаических скифских памятников в этом регионе объясняется тем, что лишь немногие из них введены в научный оборот. Так, в районе Цукурского лимана благодаря раскопкам А.Е. Люценко выявлена серия ограбленных погребений в деревянных срубках, и не исключена возможность того, что среди них могут быть и архаические комплексы (Вахтина М.Ю. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор: Материалы конф. памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 57). В музеях Анапы и Новороссийска хранятся предметы архаических типов из разрушенных курганных погребений (Новичихин А.М. Об этнической принадлежности... С. 137).
- ⁹⁹ Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа: (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 173.
- ¹⁰⁰ Хойновский И.А. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896. Вып. I. С. 60–61.
- ¹⁰¹ По И.А. Хойновскому, шлем был украшен «золотым венцом, от древности ломким». Отсутствие у этого «венца» левого конца и находка отдельного куса позволяют сделать вывод, что пластина не была обнаружена непосредственно на шлеме. По определению Л.А. Мацулевича, этот предмет был скомпонован из различных штампованных пластин не ранее III до н.э. (Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа... С. 173). Ныне этот шлем хранится в музее Войска Польского в Варшаве (Mielczarek M. Armes grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musée de l'Armée Polonaise à Varsovie // Monumenta Antiqua Orae Septentrionalis Ponti Euxini Reperta. Torun, 1995. Vol. I. Fig. 7).
- ¹⁰² ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 27.
- ¹⁰³ Прушевская Е.В. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 31–32.
- ¹⁰⁴ Аналогии наконечникам стрел с шипом, образованным одной из лопастей, происходят из нижнедонского погребения 25 кургана № 1 у ст. Хапры (Максименко В.Е. Савроматы... С. 26) и из Старшей Могилы (Ілліньска В.А. Курган Старша Могила – пам'ятка архаїчної Скіфії // Археологія. Киев, 1951. № 5. С. 201).
- ¹⁰⁵ Вахтина М.Ю. Скифское погребение... С. 57.
- ¹⁰⁶ Из разрушенного курганного могильника в Цемдолине на окраине Новороссийска происходят бронзовые трехмуфтовые псалы, панцирные пластины, наконечники стрел архаических типов (Новичихин А.М. Об этнической принадлежности... С. 137, рис. 3).
- ¹⁰⁷ Иванчик А.И. Киммерийцы... С. 82.
- ¹⁰⁸ Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.; Л., 1956. С. 272.
- ¹⁰⁹ Ишпакай мог быть убит или ок. 675/4 г. до н.э., или даже еще раньше – между 680/79 и 677/76 гг. до н.э. (Иванчик А.И. Киммерийцы... С. 82), когда ассирийцы, видимо, одержали победы над союзным маннейско-скифским войском. Более его имя в источниках не упоминается.
- ¹¹⁰ Starr I. Queries to the Sungod: Divination and Politics in Sargonid Assyria // State Archives of Assyria. Helsinki, 1990. Vol. IV, № 20; Иванчик А.И. Киммерийцы... С. 99.
- ¹¹¹ Здесь известны весьма ранние археологические следы пребывания кочевников: Хасанлу, Зивие, Саккыз, Капланту (Sulimirski T. The Ziwiye Find and the Background of its Significance in the Development of Scythian Art // Bulletin Institute of Archaeology. L., 1978. 15. P. 2; Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы... Рис. 27, 1, 2).
- ¹¹² Литературу см.: Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. Рец. на кн.: Погребо-

- ва М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984 // Историко-филологический журнал АН Арм.ССР. 1985. № 3 (110); Они же. О локализации «Царства Ишкуза» // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тезисы докладов областной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989; Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
- ¹¹³ Starr I. *Queries...* № 20.
- ¹¹⁴ Алексеев А.Ю. «Страна скифов» царя Партатуа на Северном Кавказе? (к хронологии и локализации) // Северная Евразия от древности до средневековья: Тезисы докладов конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992.
- ¹¹⁵ Иванчик А.И. Раннескифская хронология... С. 153–155.
- ¹¹⁶ В этой связи следует иметь в виду и возражения С.Р. Тохтасьева, склонного объяснять отсутствие упоминаний о скифах в данном историческом контексте несколькими возможными причинами: скифы могли покинуть район Манны, сохранять нейтралитет или даже быть союзниками Ассирии. С.Р. Тохтасев также не считает отсутствие свидетельств о скифах в 660–630 гг. до н.э. достаточным основанием для вывода о том, что скифы в это время покинули земли, прилегающие к Ассирии. Объяснить молчание клинописных источников о скифах в эпоху Ашшурбанапала можно и их скудостью, и спецификой освещения событий (Тохтасев С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. 1993. № 2. С. 93–95).
- ¹¹⁷ Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе. С. 216–223.
- ¹¹⁸ Представление о двух больших скифских походах следует в русле гипотезы, предложенной Л.С. Клейном и рядом других исследователей (Клейн Л.С. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // ВДИ. 1975. № 4. С. 15, с литературой). Бартатуа, по Л.С. Клейну, после заключения соглашения с Асархаддоном ушел из Передней Азии в Причерноморье-Приазовье (возражения см.: Хазанов А.М. Социальная история скифов. С. 221, 222; Куклина И.В. Этногеография Скифии... С. 22–26). В древности также была известна традиция о нескольких этапах пребывания скифов в Западной Азии: три похода скифов, по Трогу Помпею в эпитоме Юстина (Just. II. 3–5).
- ¹¹⁹ Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // ВДИ. 1994. № 4. С. 43; Ivantchik A. The Scythian «rule over Asia»: the Classical Tradition and the Historical Reality // Ancient Greeks: West and East / Ed. G.R. Tsatskheladze). Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 516.
- ¹²⁰ Скорый С.А. Про скифский этнокультурный компонент у населения Днепро-Днестровского Правобережья // Археология. 1987. № 60. С. 42 сл.
- ¹²¹ Моруженко А.А. История населения лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1989. С. 17; Григорьев В.П. О времени появления скифов в Левобережной Приднепровской террасовой лесостепи (по материалам раскопок курганов у сс. Гладковщина и Приднепровское) // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: 2-й областной научно-практический семинар: Тез. докл. и сообщ. Полтава, 1989.
- ¹²² Хохоровски Я. Скифские набеги на территорию Средней Европы // РА. 1994. № 3; из последних работ см.: Брюяко И.В. Ранние кочевники в Европе. X–V вв. до н.э. Кишинев, 2005. С. 229, сл.
- ¹²³ Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 11, 12, 20.
- ¹²⁴ Литературу см.: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 368–371.
- ¹²⁵ Куклина И.В. Этногеография Скифии... С. 139.
- ¹²⁶ Рассадин С.Е. Племена и народы «заскифского» Севера и Северо-Востока: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 1999. С. 8–12.
- ¹²⁷ Gardiner-Garden J.R. Dareios' Scythian Expedition and Its Aftermath // Клио. 1987. 69/2. P. 349–350.
- ¹²⁸ Власова Е.В. Семибратние курганы // Боспорский феномен: колонизация... С. 128.
- ¹²⁹ Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. № 4. С. 45.
- ¹³⁰ Там же. С. 56.
- ¹³¹ Власова Е.В. Семибратние курганы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2001. С. 8.
- ¹³² Тохтасев С.Р. К чтению и интерпретации посвяtitельной надписи... С. 300–301.
- ¹³³ Бутягин А.М. Хронология Семибратних курганов и история Синдикки // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции: Тез. докл. тематической науч. конф. СПб., 1996. С. 45; Власова Е.В. Семибратние курганы // Эрмитажные чтения... С. 9.

САРМАТЫ

Н. Ю. ЛИМБЕРИС, И. И. МАРЧЕНКО

На протяжении тысячелетий Прикубанье являлось контактной зоной между оседлыми и кочевыми племенами, а с момента образования древнегреческих колоний на Азиатском Боспоре, племена, обитавшие в этом регионе оказались вовлеченными в орбиту влияния античной культуры. Важную роль в истории Прикубанья играли сарматы.

В научной литературе сложилось две точки зрения о времени начала проникновения в Прикубанье сарматских племен. Сторонники одной точки зрения относят появление здесь сарматов ко второй половине IV в. до н.э. или рубежу IV—III в. до н.э.¹, сторонники другой считают, что сарматы появились в этом регионе во II—I вв. до н.э.² Разногласия вызваны тем, что долгое время для доказательства появления в Прикубанье сарматских племен использовали только косвенные данные, а ранние, собственно сарматские, памятники известны не были.

В конце 1980-х годов в результате многолетних раскопок на правом берегу Кубани были выделены курганные захоронения, самые ранние из которых датируются второй половиной IV — началом III в. до н.э.³ По погребальному обряду, наборам вооружения, керамической посуде эти погребения принадлежат кочевникам савромато-сарматского мира. По отдельным признакам погребального обряда (преобладание западной ориентировки, согнутые в коленях ноги, помещение в могилу жертвенного мяса с ножом) и керамике эти ранние комплексы близки савроматским погребениям⁴.

Наиболее ранним письменным источником, локализирующим в Прикубанье сарматские племена, является сообщение Диодора Сицилийского о борьбе за боспорский престол между наследниками Перисада I (Diod. XX, 22—24). После смерти Перисада I в 310/309 г. до н.э. его сын Евмел восстал против своего старшего брата Сатира. В этой войне союзником Евмела выступал Арифарн, названный царем фракийцев (иранское происхождение имени Арифарн не вызывает сомнений⁵). Так как основные военные действия происходили в Прикубанье, были предложены две конъектуры в тексте Диодора: фатей или сираки. В археологической литературе более столетия шла дискуссия по данной проблеме. Подробный историографический обзор Ю.А. Виноградова, который детально обосновал связь Арифарна с сиракским племенем, подвел итог многолетним спорам⁶. В настоящее время конъектура «сираки» применительно к царю Арифарну в тексте Диодора принята большинством исследователей.

Теперь, когда в Прикубанье выделена ранняя группа сарматских памятников, снимается главный аргумент против размещения здесь сиракских племен в конце IV в. до н.э.⁷ Кроме ранней группы сарматских комплексов, в степной зоне правобережья Кубани выявлены сарматские погребения (рис. 1), которые охватывают время с III в. до н.э. до середины I в. н.э., и лишь отдельные погребения относятся ко II—III вв. н.э. (рис. 2). Важно отметить, что наибольшее количество погребальных комплексов приходится на конец III—II в. до н.э. Причем, на основании изучения элементов погребального обряда была доказана связь погребений отдельных хронологических групп с наиболее ранними комплексами⁸.

Для определения местоположения сираков и путей поиска первоначального места их обитания весьма ценным является сообщение Страбона: «Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса, а сираки — по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду» (Strab. XI, 5, 8. Пер. Г.А. Стратановского). Многие исследователи отождествляют Ахардей с Кубанью⁹.

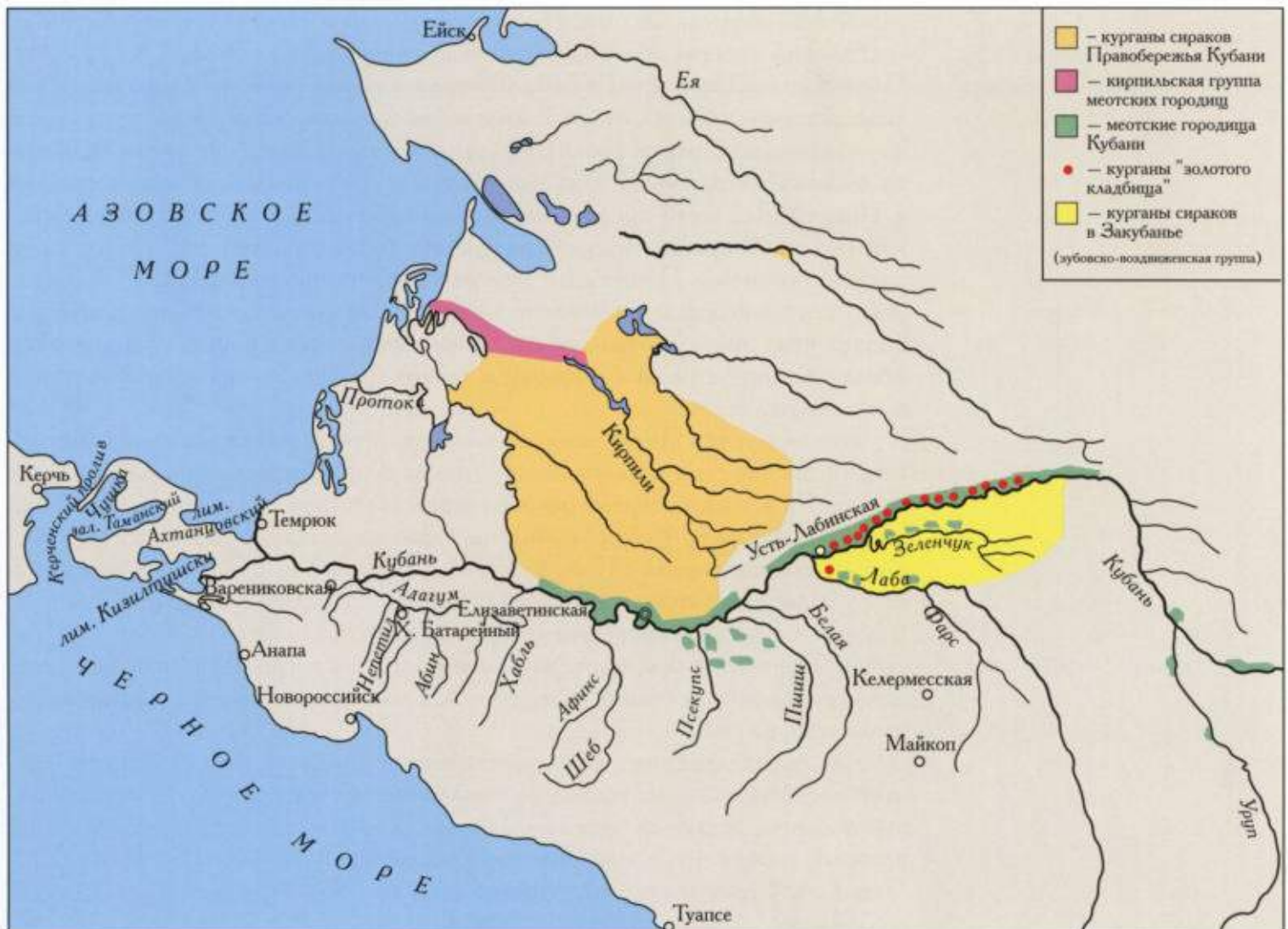

Постоянное пребывание сираков в Прикубанье до середины I в. н.э. подтверждается и сообщением Тацита о войне 49 г. н.э. (Тас. Апп. XII, 15–21. Пер. А.С. Бобовича). Сопоставление локализации сираков по Страбону и Тациту с локализацией сираков царя Арифарна по Диодору Сицилийскому и археологическим данным позволяет говорить о том, что сираки заселяли степи Прикубанья со второй половины IV в. до н.э. по середину I в. н.э.

Страбон писал, что сираки и аорсы «...беглецы из среды живущих выше народов» (Strabo. XI, 5, 8. Пер. Г.А. Стратановского). По сообщению Плиния «...в Кавказских горах живет сарматский народ эпагериты, а за ним савроматы. К последним бежал Митридат при императоре Клавдии. Он рассказывал, что в соседстве с ними живут талы ...» (Плиний, IV, 5. Пер. М.В. Скржинской). Тацит писал, что Митридат бежал к царю сираков Зорсину (Тас. Апп. XII, 15–17. Пер. А.С. Бобовича). Анализируя эти источники, В.Б. Виноградов пришел к выводу, что античные авторы отождествляли савроматов и сираков¹⁰. М.В. Скржинская вслед за М.И. Ростовцевым считает, что Плиний лично беседовал в Риме с плененным Митридатом Боспорским¹¹, поэтому частое упоминание савроматов у Плиния, возможно, связано с тем, что его информатором был Митридат VIII, союзником которого был царь сираков Зорсин.

Курганные захоронения второй половины IV – начала III в. до н.э. по погребальному обряду можно сопоставить с погребениями савроматской культуры¹².

Рис. 1. Карта-схема размещения сарматских и меотских памятников Кубани

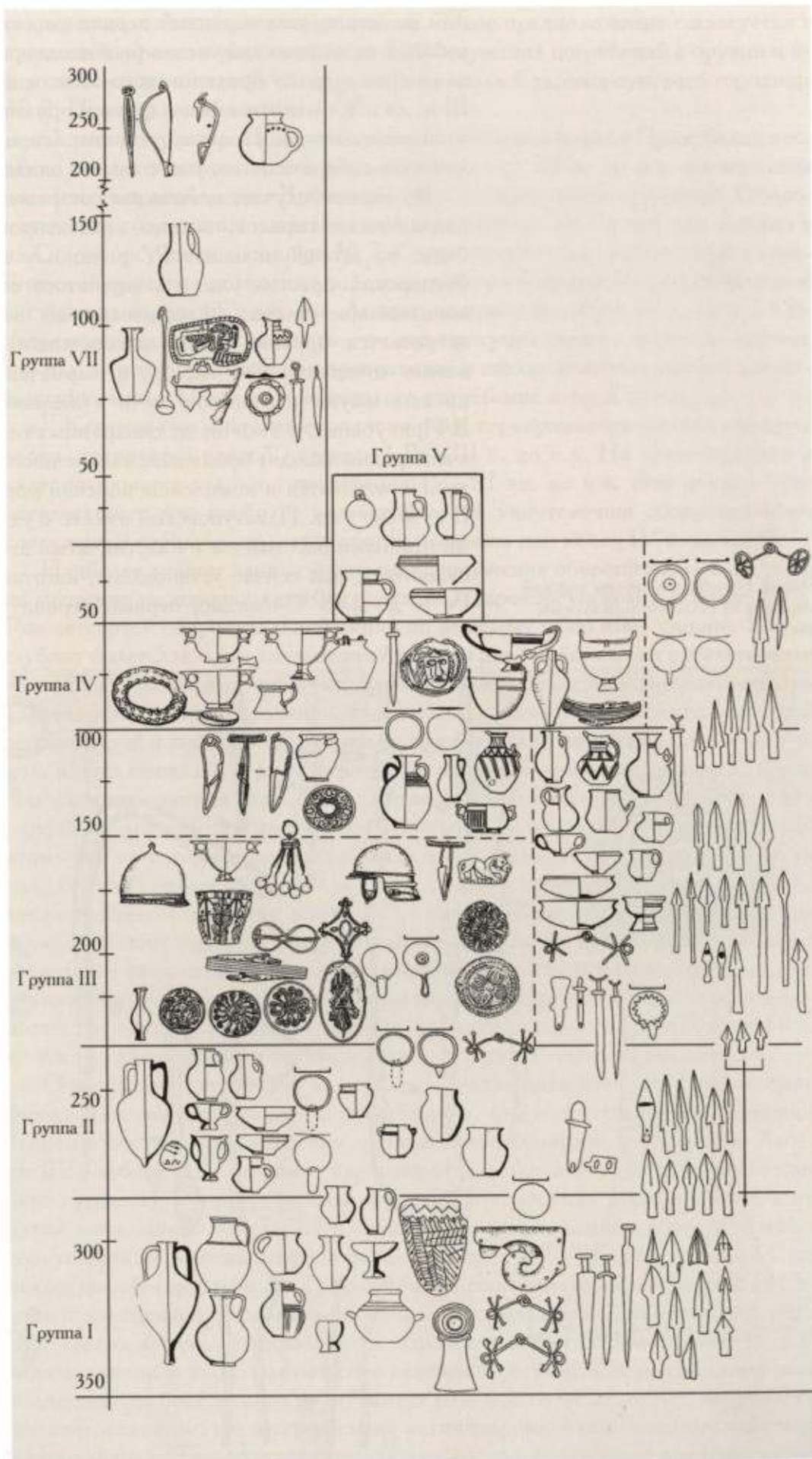
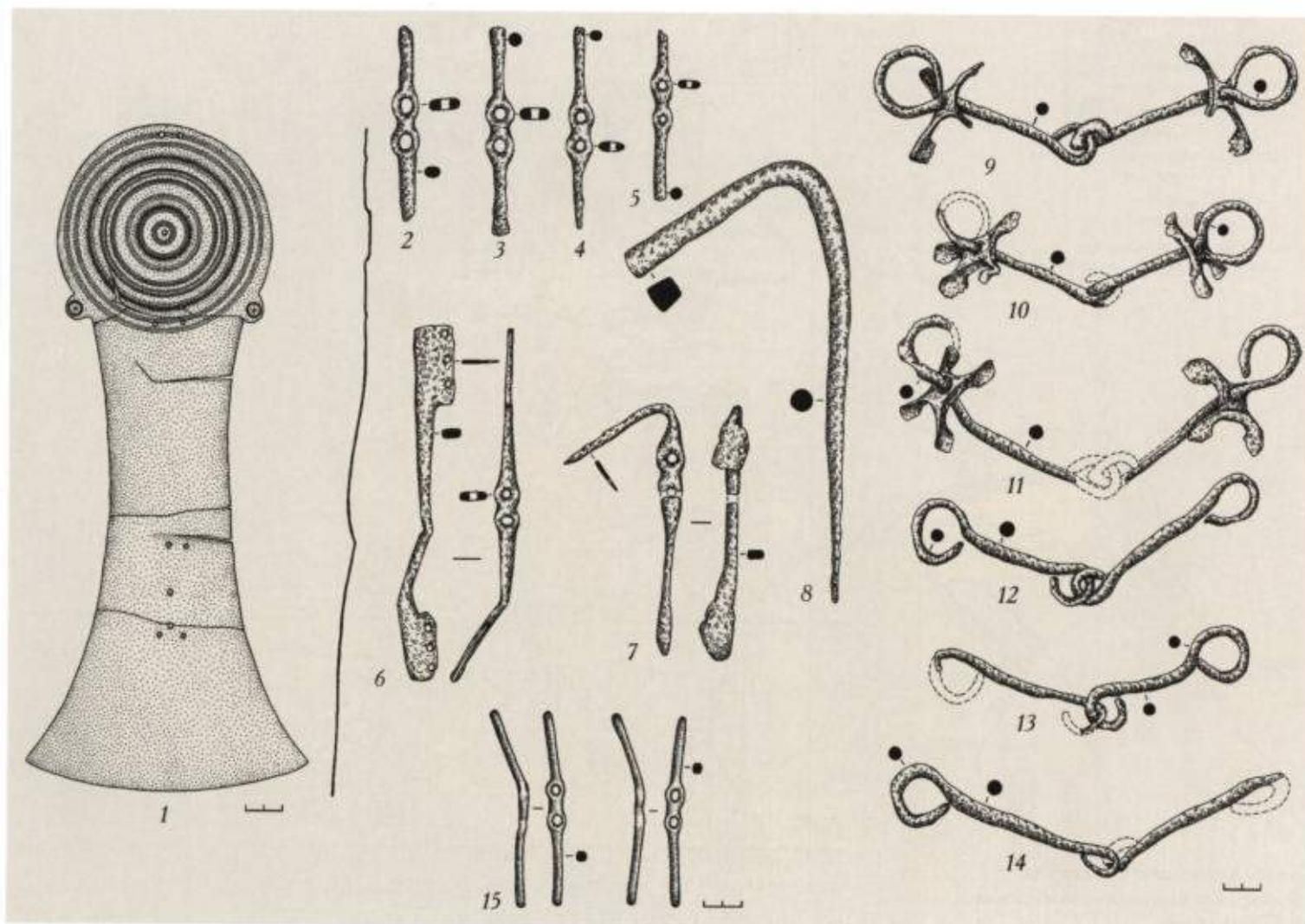

Рис. 2. Хронология сарматских древностей и курганов правобережья Нижней Кубани

Тем не менее, уже в ранний период расселения кочевников в степях Прикубанья их этнический состав был неоднородным. Об этом свидетельствует появление оружия прохоровского типа, а со второй четверти или середины III в. до н.э. — керамических форм и орнамента на сосудах, характерных для этой же культуры. Поэтому этноним «сираки» необходимо рассматривать в качестве собирательного уже с самого начала их истории в Прикубанье.

Во всяком случае, независимо от решения вопроса об этнической принадлежности сираков, можно констатировать их присутствие в Прикубанье во второй половине IV в. до н.э. и активное участие в борьбе за боспорский престол уже в конце этого столетия. Сираки выступали как воинственное племя. Практически во всех погребениях этого времени встречается оружие (мечи, наконечники стрел, режущие копий)¹³. Причем важно отметить, что наряду с сарматскими типами вооружения сираки используют и меотские мечи и железные наконечники стрел (рис. 2). В Прикубанье, в отличие от синхронных сарматских памятников Поволжья, очень редко находят бронзовые наконечники стрел. Ко второй половине IV в. до н.э. относятся и комплексы конской упряжи, зарытые в полах курганов. В кургане у ст. Пластуновской вместе с удилами со строгими крестовидными псалями был найден и пластинчатый конский налобник¹⁴ (рис. 3). Такие налобники, как сейчас установлено, изготавливались меотами и датируются IV в. до н.э.¹⁵ Очевидно, первый период заселения сираками Прикубанья

Рис. 3. Налобник и наборы конской упряжи из Пластуновского кургана № 2

сопровождался военными конфликтами. Такое предположение согласуется и с данными о резком увеличении (до 70%) мужских погребений с оружием на меотских могильниках IV в. до н.э. (некрополь Старокорсунского городища № 2, Прикубанский могильник)¹⁶.

О дате и характере проникновения сарматских племен в Прикубанье косвенно свидетельствует и тот факт, что в начале IV в. до н.э. на меотских поселениях правобережья Кубани возникают укрепленные городища. Оборонительные сооружения исследовались на городище № 2 у хут. им. Ленина и на Старокорсунском городище № 2. Стратиграфические наблюдения и керамический материал позволили определить время сооружения оборонительной системы на городище у хут. им. Ленина — первая половина IV в. до н.э. Одновременно удалось установить, что она просуществовала короткий период, так как в скором времени ров превратился в свалку и использовался для добывания глины. Под валом находилось погребение второй половины V в. до н.э.¹⁷ Керамика из заполнения рва и из слоя, перекрывающего ров в западной части, датируется второй половиной IV—III вв. до н.э. На примыкающем к валу могильнике вскрыты погребения IV—III вв. до н.э. Эти данные свидетельствуют, что наиболее вероятной датой уничтожения оборонительных сооружений городища является вторая половина или конец IV в. до н.э.¹⁸

Наиболее точные данные о времени сооружения оборонительной системы на меотских городищах дают раскопки на Старокорсунском городище № 2. Ров четвертой оборонительной линии по верхнему краю имел ширину 10 м, а глубину более 5 м, в его заполнении (даже на дне) практически отсутствовали находки керамики и другого хозяйственного мусора, столь характерные при длительном функционировании. Небольшое количество фрагментов местной сероглиняной и амфорной керамики из заполнения датируется широко — IV в. до н.э. Как показали стратиграфические исследования этого заполнения, ров был засыпан грунтом вала. В заполнение рва было впущено погребение с коринфской амфорой, датирующееся концом IV — началом III вв. до н.э.¹⁹, поэтому ров не мог быть засыпан раньше этого времени. В заполнении другого рва, который меоты не успели вырыть до дна и вынуждены были засыпать, также найдено погребение конца IV — начала III вв. до н.э. с кидской амфорой²⁰. Таким образом, оборонительная система просуществовала недолго. Появление валов и рвов на меотских городищах красноречиво свидетельствует о военной угрозе, которая нависла над меотами. Они же говорят и о поспешности, с которой возводились защитные сооружения во второй половине IV в. до н.э., а срытие валов и засыпка рвов — о захвате городищ неприятелем.

Очевидно, до конца IV в. до н.э. существенных военных столкновений между меотами и сираками не происходило, что подтверждается существованием в степной зоне меотских грунтовых могильников, в частности, Лебеди III²¹, и богатых «царских» курганов (Курджипиский курган, Елизаветинские курганы). С прекращением возведения «царских» курганов, с верхней датой могильника Лебеди III и, наконец, с уничтожением оборонительных сооружений на меотских городищах (городище № 2 у хут. им. Ленина и Старокорсунское городище № 2) практически совпадает по времени победа Евмела и его союзников сираков-сираков в междоусобной борьбе на Боспоре²². Это дает основание предположить, что после событий 310/309 гг. до н.э. сираки укрепили свое политическое влияние в регионе и, вероятно, получили поддержку от боспорского царя Евмела или, что более вероятно, заручились его нейтралитетом, и с этого времени активизировали свои военные действия в Прикубанье. В результате степи правобережья перешли во владение сира-

ков. Была уничтожена правящая верхушка меотского общества²³, и меотское население городищ правобережья Кубани подчинилось кочевникам-сиракам.

И.Н. Анфимов, опровергая раннюю дату проникновения сарматских племен в Прикубанье, приводит в доказательство тот факт, что в погребальном обряде меотских могильников IV — первой половины III в. до н.э. отсутствуют сарматские черты²⁴. Однако начальной точкой этногенетических процессов обычно выступал не сам момент миграции, которая сопровождалась, как правило, столкновениями с аборигенами²⁵, а период, когда между пришельцами и автохтонными этническими единицами начиналось взаимодействие, в ходе которого у них появлялись общие характерные черты. В ранний период (конец IV — первая половина III в. до н.э.), т.е. до образования сирако-меотского союза, отношения между сарматами и побежденной частью населения могли складываться на основе института данничества. При этом данники и получатели дани, принадлежащие к разным племенам, обычно сохраняют свою экономическую и социальную структуру, хотя и в несколько измененном виде. Поэтому на основании археологического материала невозможно проследить изменения этнических признаков в погребальном обряде меотских племен.

Уже в конце IV — начале III в. до н.э., судя по нумизматическим находкам, граница Боспорского царства проходила по линии станица Старонижестеблиевская — г. Крымск — станица Раевская²⁶. В первой половине III в. до н.э. на Боспоре наблюдаются кризисные явления. Преодолеть этот кризис Боспор мог в том числе и за счет присоединения новых меотских земель. Поэтому консолидация сиракских и меотских племен была вызвана, с одной стороны, необходимостью отражения боспорской экспансии, а с другой — стремлением извлечь большую выгоду от ближайшего соседства с городами Боспора. В результате, в Прикубанье начинает складываться военно-политический сирако-меотский союз племен, в котором ведущая роль принадлежала сиракам²⁷. Уточнить время образования этого союза позволяют материалы из меотских могильников. С середины III в. до н.э. резко уменьшается количество импортных изделий, в частности, амфорного материала, что дает основание говорить о сокращении торговых связей с Боспором уже с середины III в. до н.э. или со второй—третьей четверти этого столетия²⁸. Сокращение импорта было вызвано, в первую очередь, упадком хлебной торговли меотов. Одновременно в степях отмечается увеличение кочевого сарматского населения. Уменьшение объемов торговли с Боспором дает основание для более точного определения времени интеграции меотских племен в сиракский союз, в результате чего происходило перераспределение зерна, часть которого теперь шла на фураж кочевникам²⁹.

Сирако-меотский союз стал западной частью обширного сиракского племенного союза на Северном Кавказе³⁰. Об интеграции меотских племен в сиракский союз свидетельствует появление сарматских черт в их погребальном обряде³¹ и распространение меотских элементов культуры в сарматских памятниках. В сарматских погребениях второй половины III—II в. до н.э. увеличивается количество меотской сероглиняной керамики, мечей синдо-меотского облика, меотских бронзовых зеркал. Сиракский союз с самого начала стал играть важную роль не только в истории племен Северного Кавказа, но и Боспорского царства. Начавшееся в III в. до н.э. передвижение сарматов на запад³² затронуло и прикубанские племена сиракского союза. В Северо-Западном Причерноморье (Великопоское и Нововасильевка Николаевской области³³) известны находки удила с крестовидными псалиями, прикубанское происхождение которых не вызывает сомнений; оба комплекса близки по времени. Попадание «кубанской» сбруи в столь отдаленный от Прикубанья регион вряд ли можно объяснить

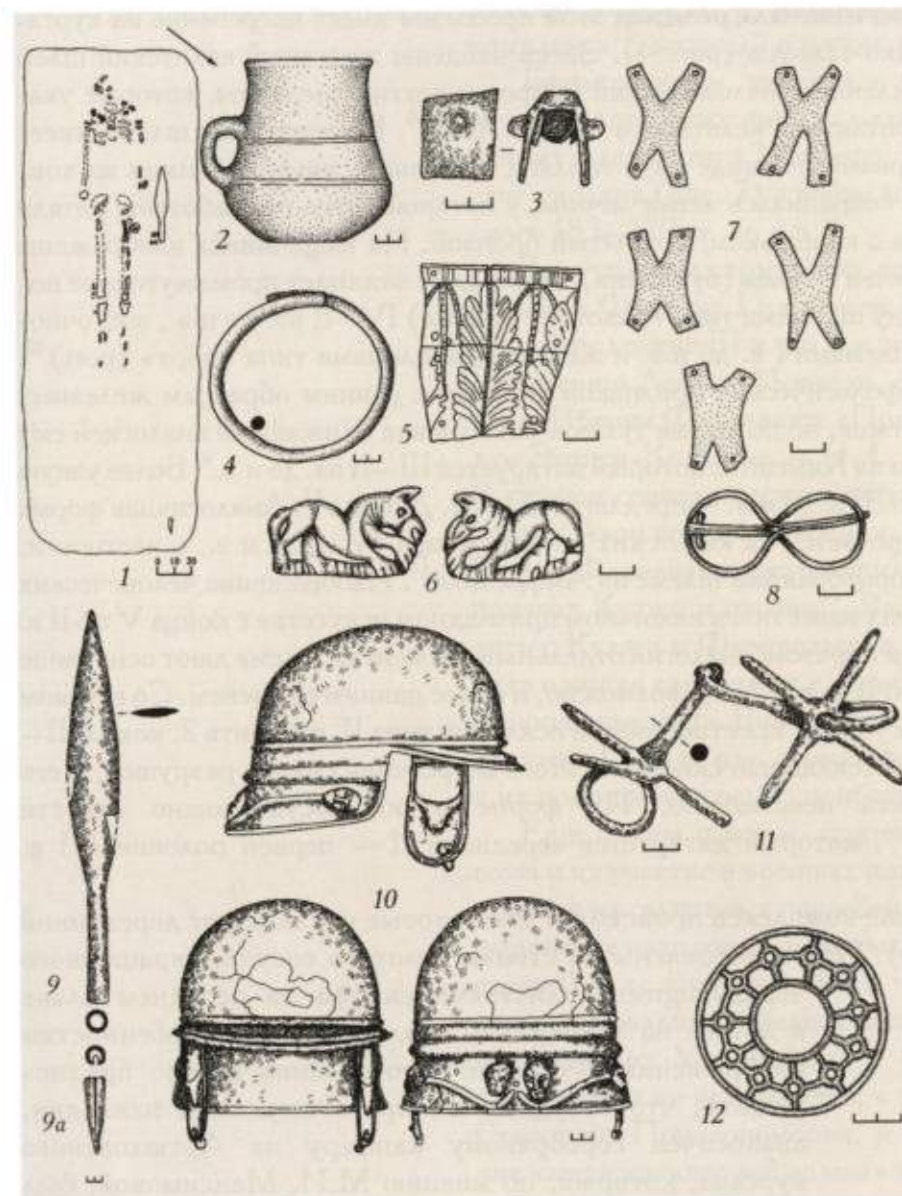

Рис. 4. Чертеж погребения и инвентарь из кургана хут. Бойко-Понура

Рис. 5. Железный шлем из кургана у хут. Бойко-Понура

и прямым перекрестием и керамические сосуды с орнаментом, характерным для прохоровской культуры³⁶. Эта новая волна кочевников интегрируется в союз прикубанских сираков. По основным элементам погребального обряда захоронения в катакомбах и прямоугольных ямах могут быть объединены в одну группу, при этом для катакомбных погребений наиболее характерной становится западная ориентировка погребенных³⁷.

Среди сарматских памятников северокавказских степей, и особенно Прикубанья, выделяется группа погребений с малоазийскими и кельтскими импортными вещами: стеклянными канфарами, кельтскими шлемами, фибулами (ранними копьевидными, среднелатенской схемы, с 8-образными петлями на спинке) и рядом других предметов. Их попадание в сарматские комплексы некоторые исследователи связывают с участием прикубанских сарматов в войне 183—179 гг. до н.э. царя Фарнака I Понтийского с соседними государствами³⁸, так как в памятниках Боспора, основного торгового партнера кочевников и прикубанских меотов, они практически отсутствуют. Но скорее всего, эти вещи оказались в Прикубанье в результате прямых контактов сарматов с малоазийскими государствами и кельтскими (галатскими) племенами.

торговыми связями. Появление здесь таких удила, при полном отсутствии их в Поволжье и в Подонье, позволяет сделать предположение о непосредственном присутствии прикубанских сарматов в Поднепровье во второй половине III в. до н.э. и связать их с рейдами сираков на запад. Возможно, это передвижение нашло отражение в декрете в честь Протогена (IOSPE, I², 32), в котором отмечаются заслуги этого богатого ольвиополита перед полисом. В частности, он неоднократно выделял средства для подарков царю саев Сайтафарну. Сав царя Сайтафарна, который прибыл в Ольвию за дарами, К.Ф. Смирнов отождествлял с «царскими» сарматами Страбона. Союзниками Сайтафарна, по его мнению, были также сарматские племена савдаратов и фисаматов, зафиксированные в том же декрете³⁴. Эти события позволяют связать находки удила с крестовидными псалиями с одним из прикубанских сарматских племен, появившихся под стенами Ольвии в трудный для нее час³⁵.

Новый приток населения в прикубанские степи связан с активизацией племен прохоровской культуры. На последнюю четверть III—II в. до н.э. приходится увеличение количества катакомбных и подбойных погребений, широко распространяются прохоровские зеркала, мечи с серповидным навершием

Рис. 6. Золотые обкладки из кургана хут. Бойко-Понура

Рис. 7. Реконструкция сарматского воина по материалам погребения из Бойко-Понуры и кургана № 7, погребения № 13 у ст-цы Раздольной

Важное значение для решения этой проблемы имеет погребение из кургана у хут. Бойко-Понура (рис. 4). Здесь найдены железный кельтский шлем (рис. 5), стеклянный малоазийский скифос и другие предметы, которые указывают на контакты с кельтами в Малой Азии³⁹. Назатыльник шлема имеет рельефный орнамент в виде двух гирлянд с человеческими личинами на концах. Хорошо сохранилась левая личина, у которой четко проработаны детали и виден шлем с козырьком, покрытый бронзой. На щечниках изображены рельефные бычьи головы (букрании). Этот шлем занимает промежуточное положение между шлемами типа «калотте» (kalotte) IV–II вв. до н.э., восточно-кельтскими шлемами I в. до н.э. и железными шлемами типа «порт» (port)⁴⁰. По ряду морфологических признаков он близок ранним образцам железных кельтских шлемов, но по форме тульи и натыльника ближайшей аналогией ему является шлем из Кимешти, который датируется III–II вв. до н.э.⁴¹ Более узкую дату — начало III в. до н.э. — предлагает П.-М. Дюваль⁴². Аналогичная форма козырька встречается на кельтских шлемах конца IV в. до н.э., в частности, на богато декорированном шлеме из Амфревиля⁴³. Изображения человеческих голов на шлемах известны в кельтском прикладном искусстве с конца V по II в. до н.э.⁴⁴ Таким образом, аналогии отдельным элементам шлема дают основание датировать его II в. до н.э., а, возможно, и более ранним временем. Со шлемом были найдены удила с крестовидными псалями типа II, варианта 2, конца III–II в. до н.э.⁴⁵ Стеклянный скифос из этого погребения сильно разрушен, и его тип установить невозможно. По форме ручки сосуд можно отнести к варианту 1⁴⁶, который датируется серединой II — первой половиной I в. до н.э.⁴⁷

Из этого же комплекса происходят две золотые накладки от деревянной чаши (рис. 6). Они изготовлены из стенки золотого сосуда, украшенного чередующимися листьями аканфа на переднем плане и лотоса на заднем. По стилистическим особенностям изображения и технике изготовления можно предположить, что сосуд, из которого вырезаны накладки, аналогичен серебряному канфару из Артюховского кургана, который, по мнению М.И. Максимовой, был сделан в Пергаме⁴⁸. Это подтверждается тождеством изображения листьев на накладках и на «мегарских» чашах из Пергама⁴⁹. По типу орнамента этим накладкам близка малая золотая пластина из кургана у д. Мерджаны, который Ю.А. Виноградов обосновано передатировал II в. до н.э., возможно, серединой этого столетия⁵⁰. Стилистические особенности изображения листьев аканфа на накладках имеют также ближайшие аналогии на «мегарских» чашах конца III — первой половины II в. до н.э. с афинской Агоры⁵¹. Они разительно отличаются от изображений второй половины II–I в. до н.э. Эти аналогии дают основание считать, что золотой сосуд, из стенок которого вырезаны накладки, был изготовлен не позже первой половины II в. до н.э.

Накладки, изготовленные из разрубленного на куски золотого сосуда, возможно, свидетельствуют о том, что они были сделаны при дележе добычи, награбленной сарматами в Малой Азии. Аналогии среди кельтских

изделий конца III — начала II в. до н.э. имеет и железное копье из этого комплекса⁵², который в целом относится к середине II в. до н.э.⁵³

Таким образом, инвентарь погребения из кургана у хут. Бойко-Понура, находки латенских фибул, малоазийских стеклянных скифосов и канфаров, ранних шлемов типа Монтефортино археологически могут подтверждать участие сираков (рис. 7) в войне малоазийских государств и Фарнака I Понтийского 183—179 гг. до н.э.⁵⁴

Выступление сарматских воинов во главе с царем Гаталом в качестве союзников Фарнака I не кажется странным, так как сарматские вожди еще в первой половине III в. до н.э. вышли на политическую арену Закавказья. По сообщению Леонти Мровели, сарматы оказали военную поддержку первому царю Иберии Фарнавазу: «Пришли к ним (к Фарнавазу и Куджи — правителям Эгриси-Колхиды. — Н.Л., И.М.) овсы и леки, и преумножились войска. В Эгриси созвали бесчисленную рать, и пошли на Азона ... На втором году привел Азон войско из Греции, весьма усилившее его, и пошел на Фарнаваза. Но и у Фарнаваза преумножились всадники картлийские. Он воззвал к ним, призвал Куджи и овсов»⁵⁵. Важно отметить, что сарматы (овсы) объединились с Куджи и Фарнавазом в Колхиде: это может указывать на регион, откуда пришли сарматы, т.е. Северо-Западный Кавказ или, что более вероятно, Прикубанье. В.Б. Виноградов, изучив грузинские летописи, пришел к выводу, что с III в. до н.э. сарматы являлись внушительной силой в Закавказье, и к их помощи постоянно прибегали правители закавказских государств⁵⁶.

Еще одним фактом, подтверждающим интеграцию меотов в сиракский союз и их участие в военных походах, являются находки стеклянных канфаров в меотских грунтовых погребениях с оружием и боевыми конями⁵⁷. Картографирование находок стеклянных канфаров из комплексов второй—третьей четверти II в. до н.э. показывает, что все они происходят из Прикубанья⁵⁸. Данные спектрального анализа подтверждают, что эти сосуды были изготовлены в мастерских Малой Азии⁵⁹. Стеклянные канфары, как отмечалось выше, практически не встречаются в городах Боспора и в других античных центрах Северного Причерноморья, и поэтому наиболее вероятный путь поступления канфаров «первой волны» можно объяснить прямыми контактами племен сирако-меотского союза с малоазийскими государствами во время войны с Фарнаком I⁶⁰.

К середине II в. до н.э. сиракский союз в Прикубанье еще более окреп за счет притока сарматов из Волго-Донских степей и активизировал свою военную политику на Азиатском Боспоре. Наглядным свидетельством его военной экспансии является разрушение в середине II в. до н.э. Таманского толоса⁶¹. Лишь через тридцать лет (в 20-х годах II в. до н.э.), после разрушения и сожжения этого культового сооружения, на его месте был построен «дом Хрисалиска», который, как считал Н.И. Сокольский, являлся резиденцией крупного чиновника или военачальника боспорского государства⁶². Он же предположил, что последний боспорский царь Перисад V, предпринимая отчаянные попытки спасти государство от угрозы вторжения сарматских племен, укрепил восточную часть современного Фонталовского полуострова⁶³. А.А. Масленников на основании изучения погребального обряда некрополей городов Азиатского Боспора пришел к выводу, что к концу II в. до н.э. заметно усиливается новая волна варварского влияния, связанная с сарматами⁶⁴.

Следующий этап внешнеполитической истории племен сиракского союза Прикубанья связан с деятельностью Митридата VI Евпатора. В начале первой войны с Римом (88—85 гг. до н.э.), по сообщению Аппиана, на границе

Понтийского царства с Вифинией передовой отряд Митридата, состоящий из 100 савроматских всадников, разгромил отряд Никомеда численностью в 800 всадников (Арр. Мith. 19). Это сообщение свидетельствует об участии сарматских кочевников в войске понтийского царя⁶⁵. О том, что Митридат долго и тщательно готовился к войне с Римом, свидетельствуют слова Суллы, высказанные Митридату: «У тебя издавна было это предрешено, и, надеясь, что ты будешь господствовать над всей землей, если победишь римлян, придумывал эти поводы, чтобы прикрыть свой план. Доказательством этому служит и то, что, еще не воюя ни с кем, ты заключил союз с фракийцами, скифами, савроматами...» (Арр. Мith. 57. Пер. С.П. Кондратьева).

Готовясь к войне с Римом и своими соседями, Митридат прекрасно понимал, что лучших союзников, чем скифы и сарматы, ему не найти. После присоединения к своему царству Боспора Митридат получил доступ к поистине неисчерпаемому источнику военных ресурсов. Союз с кочевниками как нельзя лучше отвечал стратегическим планам великого царя. Азия входила в сферу влияния Рима, и любая поддержка Митридата соседними правителями, как бы он щедро ни платил, рано или поздно обернулась бы изменой, и расправа со стороны Рима тогда была неминуема. Кочевники евразийских степей этого страха перед Римом не испытывали. А участие в войнах и грабительских

набегах было делом многих поколений номадов. Скифы и сарматы могли сражаться на стороне Митридата по договору с ним, о чем и пишет Аппиан: «Друзьями (Митридата. — Н.Л., И.М.), готовыми на все, что только он прикажет, являются для него скифы, тавры, бастарны, фракийцы, сарматы и все те, кто живет по Танаису, Истру и вокруг Меотийского озера» (Арр. Мith. 15. Пер. С.П. Кондратьева).

Особенно большие надежды на военную мощь племен Прикубанья Митридат Евпатор возлагал в ходе последней, третьей, войны (74–63 гг. до н.э.). Аппиан сообщает, что Митридат, «вступив в область Меотиды, над которой много династов... обменялся многими подарками (с местными вождями. — Н.Л., И.М.); Митридат заключил с ними союз, задумав другие, еще более удивительные планы: идти через Фракию в Македонию, через Македонию в Пэонию, и затем вторгнуться в Италию, перейдя Альпийские горы. Для укрепления этого союза он отдал замуж за наиболее

Рис. 8. Комплекс вещей из кургана у хут. Элитный

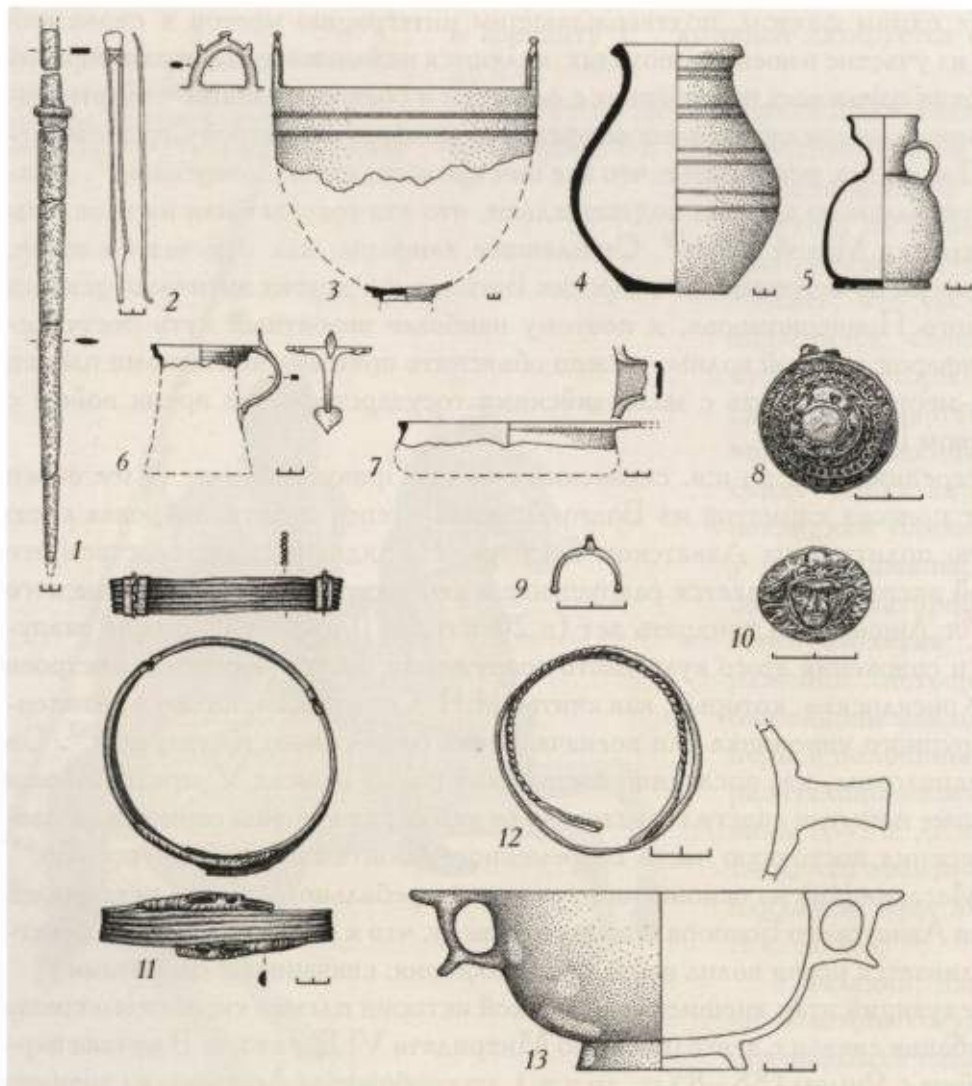

Рис. 9. Золотая гривна из кургана у хут. Элитный

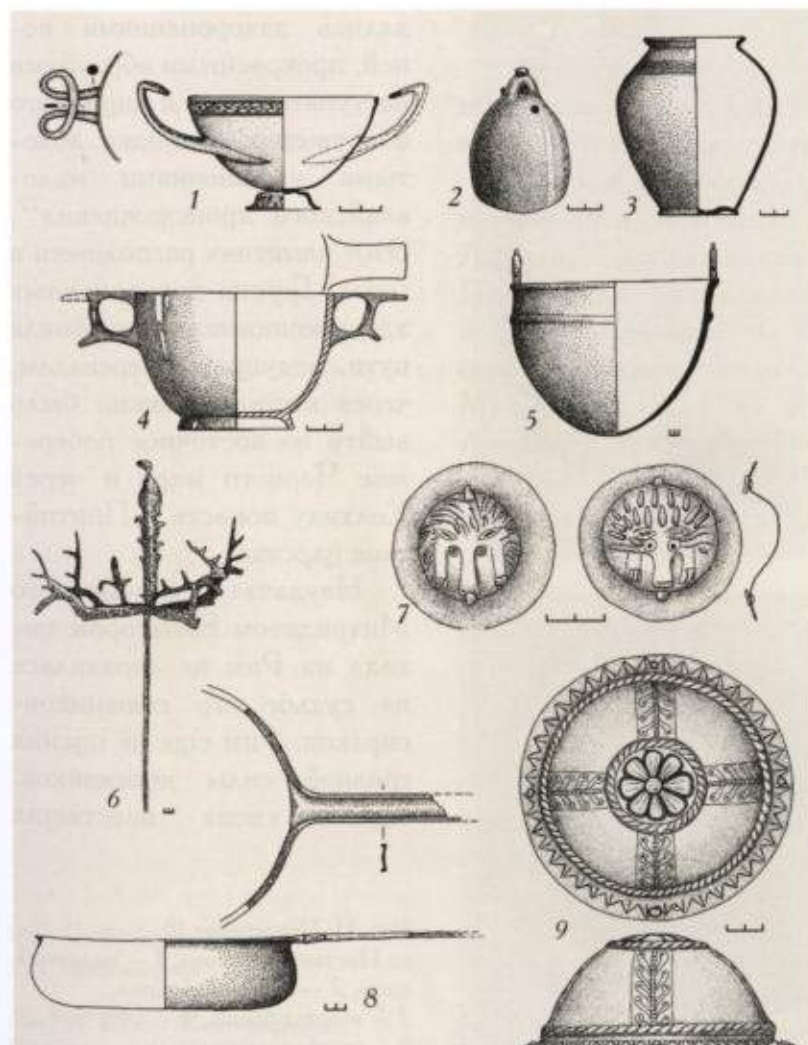

могущественных из них своих дочерей» (App. Mith. 102. Пер. С.П. Кондратьева).

Участие сираков в войнах Митридата VI подтверждается археологическими находками. Так, второй этап поступления стеклянных канфаров в Прикубанье, который датируется концом II — первой половиной I в. до н.э., связан с деятельностью Митридата Евпатора со времени передачи ему Боспорского царства до его гибели⁶⁶.

В Прикубанье выделяется также группа погребений с позднелатенскими импортами («сковородки Айлесфорд», ситулы «бардфельского типа», кружки «типа Идрия», шлемы Монтефортино С). Особый интерес представляют такие погребальные комплексы, как Элитный⁶⁷ (рис. 8; 9), Новоджерелиевский⁶⁸

Рис. 10. Находки из Новоджерелиевского кургана

(рис. 10), Песчаный⁶⁹, Рассвет⁷⁰, где были похоронены представители сиракской знати. О высоком социальном статусе погребенных свидетельствуют не только дорогие предметы, но и находки в ряде погребений так называемых жезлов с изображением протом оленей. Ярким примером является погребение «жрицы» в кургане Песчаный (рис. 11; 12), в котором наряду с золотыми украшениями, серебряными чашами, ритуальной серебряной ложкой, бронзовыми котлами найден и железный жезл (рис. 11, 1). Такой же жезл вместе с серебряными киликами, стеклянным канфаром, серебряными фаларами, «сковородкой Айлесфорд» происходит из богатого погребения в кургане у ст. Новоджерелиевской⁷¹.

Часть стеклянных канфаров и ряд драгоценных украшений, (фибула-брошь с инталией с изображением Ники и роскошное ожерелье из погребения 10 Песчаного кургана (рис. 11, 3, 4), золотая фибула-брошь с инталией с изображением Артемиды Люциферы (рис. 13) из кургана у ст. Брюховецкой⁷²) могли быть подарками местным царькам⁷³. Примером такого дара, по мнению К.Ф. Смирнова, может служить и богато украшенный скифос из Северского кургана⁷⁴. Кружки «типа Идрия», сковородки «типа Айлесфорд», ситулы «бардфельского типа», стеклянные канфары, шлемы типа Монтефортино С (рис. 14) и другие находки

1

2

3

4

5

кельтского и италийского происхождения из курганов Прикубанья, как считают исследователи, являются добычей, которая досталась сиракам во время Митридат-овых войн⁷⁵.

К военным трофеям мож-но отнести и парные серебря-ные фалары с портретными изображениями, найденные в ситале «бартфельдского типа» в разрушенном курга-не в г. Кореновске⁷⁶ (рис. 15, 16).

Об участии сираков в Митридат-овых войнах и, возможно, в походе Фарнака II в Малую Азию (об этом см. ниже) свидетельствуют недавние раскопки богатых воинских погребений в Мез-мае. Погребения сопровож-дались захоронениями ко-ней, прекрасными образцами наступательного и защитного вооружения, а также золо-тыми украшениями мало-азийского происхождения⁷⁷. Этот памятник расположен в горах. Группа похороненных здесь воинов контролировала пути, ведущие к перевалам, через которые можно было выйти на восточное побере-жье Черного моря и через Колхиду попасть в Понтий-ское царство.

Неудача задуманного Митридатом Евпатором по-хода на Рим не отразилась на судьбе его союзников-сираков. Рим еще не оценил грозной силы кочевников. После своих блестящих

Рис. 11. Погребение 10 из Песчаного кургана. 1 – железный жезл, 2 – бронзовый котел, 3 – золотая брошь, 4 – ожерелье, 5 – серебряная фиала

Рис. 12. Жрица. Реконструкция С.А. Яценко по материалам погребения Песчаного кургана

побед на Востоке, Помпей праздновал пышный триумф, а за тысячи миль к востоку от Рима собирался новый мощный кулак закаленных в боях на чужбине воинов-кочевников. Их военный потенциал не мог бездействовать.

Не прошло и 15 лет после трагической смерти Митридата Евпатора, как сираки Кубани вновь оказались втянутыми в войну с Римом в Малой Азии. Сын Митридата Фарнак II, предательство которого погубило отца и сорвало задуманный поход на Италию, и который раньше из всех сил стремился доказать преданность Риму, послав тело царя царей Помпею, в 48 г. до н.э. предпринял попытку восстановить царство отца. Подчинив Фанагорию (App. Mith. 113, 120) и меотское племя дандариев (Strabo. XI, 1, II, 11), Фарнак захватил Колхиду (Dio Cass. XLII, 9, 2, 45), а воспользовавшись отсутствием галатского тетрарха Дейотара — Малую Армению, Синопу и Амис. В битве под Никополем он разбил войско римского наместника Азии Домиция Кальвина (Dio Cass. XLII, 9, 2, 46). Остановить Фарнака смог лишь сам Цезарь, разбив его войско 2 августа 47 г. до н.э. в битве у г. Зелы (Dio Cass. XLII, 9, 2, 47). Фарнак II с 1000

всадников бежал в Синопу, а оттуда на кораблях — на Боспор. При этом его всадникам пришлось убить коней, чтобы взойти на корабли (App. Mith. 120).

Прибыв на Боспор, Фарнак предпринял попытку вернуть себе престол, но потерпел поражение от узурпировавшего власть Асандра. Как пишет Аппиан, «...собрав каких-то скифов и савроматов, он захватил Феодосию и Пантикапей. Когда же Асандр по вражде к нему вновь напал на него, то всадники Фарнака, не имея лошадей и не умея сражаться пешим строем, были побеждены, а сам Фарнак, геройски сражаясь один, был убит...» (App. Mith. 120. Пер. С.П. Кондратьева). Наиболее вероятно, что в описанных Аппианом событиях участвовали одни и те же всадники — те, что перебили своих лошадей в Синопе, т.е. скифы и савроматы, вместе с которыми Фарнак пытался победить Асандра. Иначе непонятно, почему его союзники, которых

Рис. 13. Брошь из кургана у ст. Брюховецкой

Рис. 14. Шлем Монтефортино (курган у ст. Сергиевской)

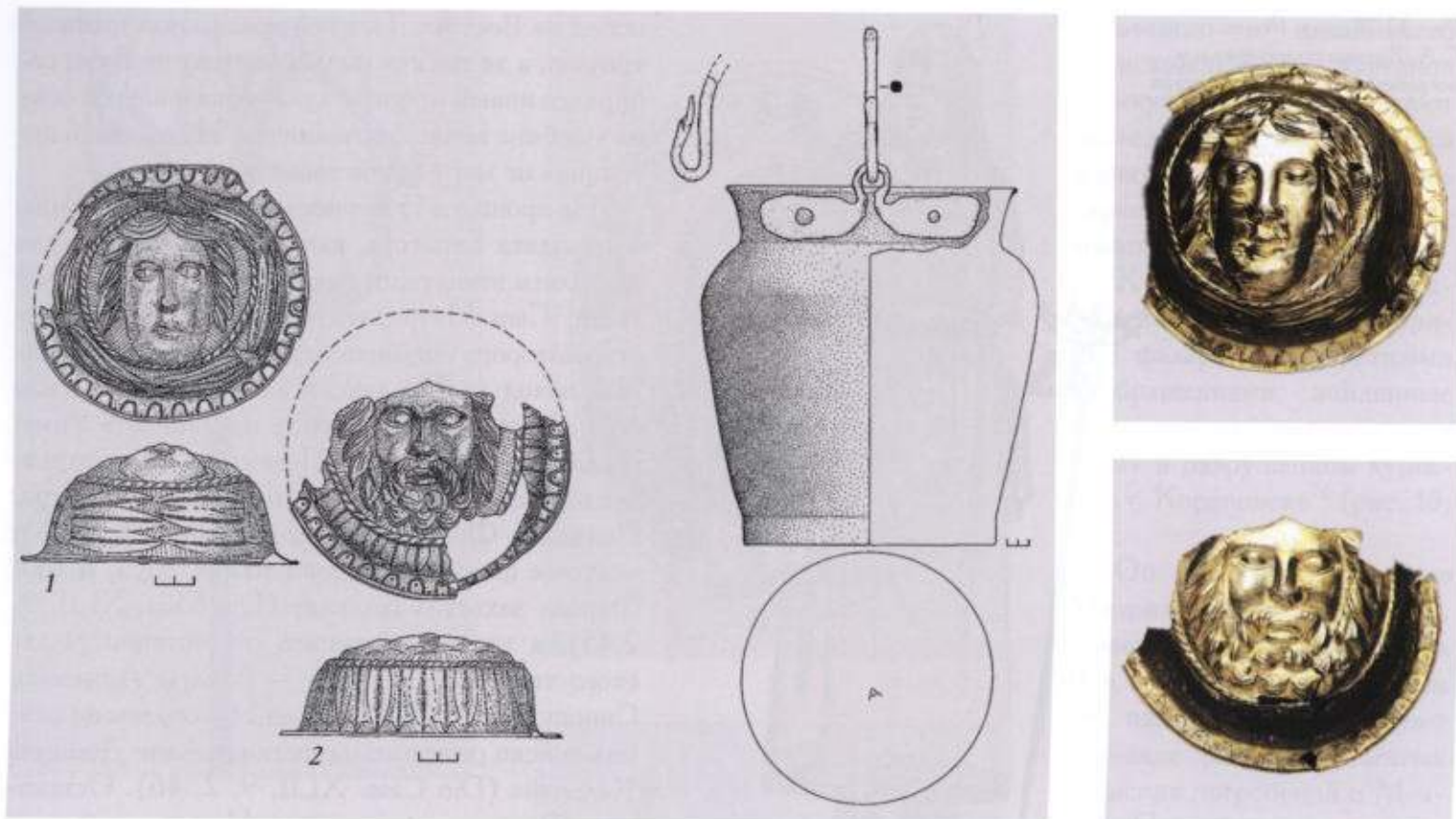

Рис. 15. Серебряные фалары и бронзовая ситупа из Кореновского кургана (прорисовка)

Рис. 16. Фото серебряных фаларов из Кореновского кургана

он собрал на Боспоре, оказались без лошадей. Основной военной силой Фарнака были кочевники — савроматы. Раскрыть содержание этнонима помогает сообщение Страбона о том, что «Абеак, царь сираков, выставил 20 000 всадников (в то время, когда Фарнак владел Боспором), Спадин же, царь аорсов, даже 200 000...» (Strabo. XI, 5, 8. Пер. Г.А. Стратановского). Показательно, что в это время на политической арене северопонтийских степей появляется новая мощная сила — аорский союз племен. Важно отметить, что аорсы были способны выставить конницу в 10 раз большую, чем сираки.

Материальным свидетельством участия сираков в событиях, с которыми связаны приход к власти Асандра и его борьба за трон на Боспоре, являются серебряная фиала с посвятительной надписью: «Я принадлежу Аполлону Предводителю, что в Фасиде», италийская кружка и фибула типа Алезия из Зубовского кургана № 1 (рис. 17, 18), а также находки римского пилума и стеклянного скифоса из Воздвиженского кургана⁷⁸. Фиала, датируется V—IV вв. до н.э., и, как предположил М.Б. Цукин, она могла попасть к сарматам во время разграбления храма в Фасиде (фиала могла храниться только в сокровищнице храма)⁷⁹. Хронологический анализ погребений зубовско-воздвиженской группы из дореволуционных раскопок, проведенный М.Б. Цукиным, позволил установить узкие даты для богатых (элитных) комплексов, которые датированы им в пределах с 60-х — 40-х годов I в. до н.э. по 50-е годы I в. н.э. Он пришел к выводу, что в этих курганах хоронили представителей военизированной группировки населения, знатных дружинников-катафрактариев с их семьями, которые, по его мнению, могли принимать участие в походе Фарнака II в Малую Азию⁸⁰. К.Ф. Смирнов считал погребения зубовско-воздвиженской группы сиракскими⁸¹, и, как сейчас установлено по элементам погребального обряда, погребения этой группы тесно связаны с сиракскими погребениями правобережья нижней Кубани, в том числе и более ранними⁸².

Возможно, поражение Фарнака II и его союзников сираков стало причиной исчезновения во второй половине I в. до н.э. богатых сарматских комплексов на правом берегу нижней Кубани и «перемещения» их в междуречье Лабы и Кубани подальше от Боспора⁸³. По времени это совпадает с активной деятельностью Асандра по укреплению Таманского полуострова, где возводятся оборонительные линии⁸⁴, поскольку Асандр, как считает С.Ю. Сапрыкин, подобно Митридату Евпатору и Фарнаку II, селил отдельных представителей местных племен на царской земле⁸⁵. Такая политика продолжалась и при приемниках Асандра, и она тесным образом связана с появлением на исторической арене аспургиан.

Вопрос об этническом происхождении аспургиан остается спорным, несмотря на обширную историографию по этой проблеме. В.В. Латышевым и М.И. Ростовцевым было предложено видеть в аспургианах не этническое образование, а политическое, которое, по мнению последнего, связано с иранским именем правителя Боспора — Аспургом и представляло собой вооруженные отряды сторонников новой сарматской династии⁸⁶. С.Ю. Сапрыкин убедительно показал, что под термином «аспургиане» следует понимать военных поселенцев-катоиков, выходцев из меото-сарматской среды Прикубанья, которые появились на землях Азиатского Боспора при Митридите Евпаторе, опиравшемся в борьбе с греческими городами на созданные им крепости типа военных колоний с варварским населением. Эти крепости были возрождены Асандром и Аспургом и потому поселенцы-катоики попали в текст Страбона по имени его современника царя Аспурга⁸⁷.

Как отмечает С.Ю. Сапрыкин, появление аспургиан как племени у Страбона, вероятно, связано с тем, что привлечение для охраны границ государства варварских племен создавало у современников впечатление, что происходило переселение варварских племен с одного места на другое. Такое впечатление усиливалось в результате предоставления им определенной территории для поселения⁸⁸. Среди аспургиан ведущее место могли занимать выходцы из сирако-меотского союза. Наиболее мобильной частью племен сирако-меотского союза являлись, конечно же, сираки, которые и были защитниками пограничных крепостей. Подтверждением этого служат раскопки могильника на территории пос. Цемдолина, рядом с укрепленной усадьбой середины I в. до н.э. — середины — второй половины I в. н.э., близ которой проходил «военно-колхидский» путь⁸⁹. Некоторые погребения этого могильника близки сиракским захоронениям зубовско-воздвиженской группы первой половины I в. н.э.

Картографирование крепостей, расположенных на хоре Азиатского Боспора, показывает, что укрепленная Цемдолинская усадьба входила в единую оборонительную систему и связана с аспургианами⁹⁰, так что факт переселения части кочевников на хору Боспора для ее защиты доказывается археологически.

При Асандре, и особенно при Аспурге, главной задачей поселенцев-катоиков становится защита Азиатского Боспора от набегов их же соплеменников — воинов сирако-меотского союза. Именно этими причинами можно объяснить то, что после поражения Фарнака II и его союзников-сираков во второй половине I в. до н.э. на правом берегу Нижней Кубани исчезают богатые сарматские комплексы, которые в это же время появляются в междуречье Лабы и Кубани (зубовско-воздвиженская группа памятников). Восстановление отношений с Азиатским Боспором, очевидно, связано с приходом к власти на Боспоре Аспурга, который, как считает С.Ю. Сапрыкин, был связан родством с местной (сарматской) знатью⁹¹.

При реконструкции этнических процессов, протекавших в среде кочевого и оседлого населения Прикубанья, можно говорить только о полиэтничности

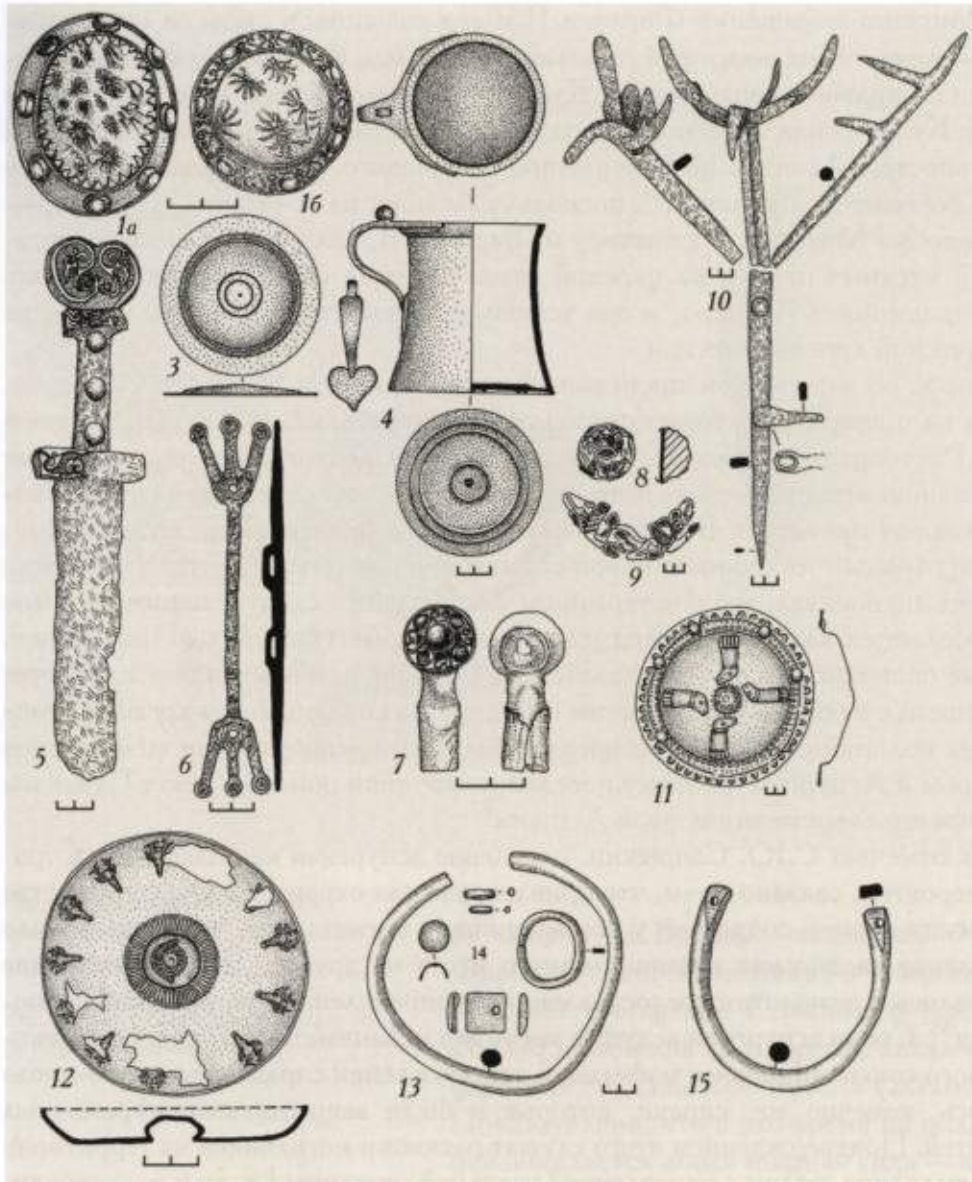

Рис. 17. Комплекс вещей из Zubовского кургана № 1

Рис. 18. Бронзовая кружка типа Идрия из Zubовского кургана № 1

кочевнической среды сиракского союза. Поэтому под этнонимом «сираки», следует понимать кочевые племена сиракского союза савроматского и сарматского происхождения. Реконструировать такие процессы помогает картографирование памятников меотской и сарматской культур. Ранние сарматские комплексы группируются в северных степных районах Прикубанья на значительном удалении от основных скоплений меотских городищ, расположенных по течению р. Кубань. Памятники II—I вв. до н.э. находятся как в степных районах, так и в зоне меотских городищ, а зубовско-воздвиженская группа сарматских памятников вообще окружена городищами. Эти данные свидетельствуют об освоении кочевниками степных просторов Кубани и о непосредственном территориальном сближении двух этнических массивов, что является отражением политической ситуации и межэтнической интеграции внутри сирако-меотского союза племен⁹².

Характер этих процессов до конца не совсем ясен. Учитывая процентное распределение сарматских комплексов по хронологическим группам, характер изменений в погребальном обряде и в материальной культуре грунтовых меотских могильников, можно выделить два периода оседания кочевников-сираков в Прикубанье: ранний (вторая половина III — первая половина I в. до н.э.) и поздний (вторая половина I в. до н.э. — середина I в. н.э.). Начало первого периода практически совпадает по времени с образованием сиракского союза.

На первом этапе седентаризации определяющими были межэтнические процессы, которые развивались по линии этнического сближения сарматов и меотов. Это выразилось в появлении общих элементов в материальной культуре: мечей синдо-меотского облика с серповидным навершием, конской упряжи (удил с крестовидными псалями), широким использованием в погребальном обряде меотской керамики. У меотов под сарматским влиянием распространяются новые формы погребальных сооружений (подбои, катакомбы) и элементы погребального обряда (варианты положения рук, ног, жертвенной пищи, расшивка одежды бусами). Так, на некрополе Ладожского городища исследовано катакомбное погребение II в. до н.э.⁹³, еще несколько катакомб и склепов этого времени раскопано на некрополях городища «Спорное» и Старокорсунского городища № 2⁹⁴. Среди погребального инвентаря выделяются наборы красноглиняной боспорской керамики, которая не характерна для меотских погребений, но находит ближайшие аналогии в сарматских памятниках

сираков, можно выделить два периода оседания кочевников-сираков в Прикубанье: ранний (вторая половина III — первая половина I в. до н.э.) и поздний (вторая половина I в. до н.э. — середина I в. н.э.). Начало первого периода практически совпадает по времени с образованием сиракского союза.

ках. Однако, в целом, как кочевые, так и оседлые племена сохраняют свою самобытную материальную культуру. Процесс оседания сираков в это время фиксируется и по сообщению Страбона: «... Они (сираки. — Н.Л., И.М.) частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (Strab. XI, 2, 1. Пер. Г.А. Стратановского).

Процесс оседания сопровождался и более ускоренными межэтническими процессами консолидации, а в археологическом плане — увеличением памятников оседлого населения. Археологические материалы второй половины III — первой половины I в. до н.э. не позволяют говорить о резком увеличении населения, так как погребения I—II вв. н.э. составляют более половины от всех раскопанных погребений VI в. до н.э. — II в. н.э. на исследованных нами меотских могильниках городищ у хут. им. Ленина и Старокорсунском № 2. Правда, на правом берегу Кубани возникают городища по р. Кирпили. На меотских городищах пока не выявлено увеличение их площадей в это время, но на грунтовом могильнике Старокорсунского городища № 2 раскопаны захоронения, которые по признакам погребального обряда можно отнести к сарматам⁹⁵. В среде осевших на городищах кочевников выделились ремесленники. Для сарматских комплексов конца III—I вв. до н.э. характерны керамические сосуды сарматских форм, в том числе и сосуды с зооморфными ручками, изготовленные на гончарном круге, но по составу теста (применение мелкого песка и толченого известняка, пористая поверхность, неравномерный обжиг) отличающиеся от рецептуры меотских гончаров⁹⁶.

На конец I в. до н.э. — рубеж н.э. приходится резкое сокращение кочевого населения в степях правобережья Кубани (всего 2,5% от всех известных погребений)⁹⁷. Причины оседания огромной массы кочевников на втором этапе следует искать в изменении политической обстановки. Перемены в политической ситуации, выразившиеся в прекращении функционирования в степях правобережья Кубани сарматских курганных могильников в середине I в. н.э., связаны также с поражением сираков от римлян и их союзников аорсов в войне 49 г. н.э. (Тас. Апп. XII, 16, 17). После этого степи Прикубанья переходят под контроль аорсского союза племен. Но эта дата является лишь окончательным этапом борьбы двух племенных союзов за степные просторы Кубани. Логично предположить, что поражению в сирако-аорсской войне предшествовала долгая и, возможно, изнурительная межплеменная борьба.

Тацит, описывая войну 35 г. н.э. между Парфией и Иберией сообщает, что «Фарасман со своей стороны получает поддержку альбанов и поднимает сарматов, скептухи которых, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой. Но иберы — хозяева этой страны — быстро пропустили по каспийской дороге сарматов, двинувшихся против армян, между тем как сарматы, направлявшиеся к парфянам были легко отрезаны, так как враг запер все проходы, кроме единственного — между морем и оконечностями альбанских гор, воспользоваться которым, однако, препятствовало летнее время, ибо из-за постоянно идущих в одном направлении ветров вода в эту пору заливают низкие берега, тогда как зимой южный ветер гонит ее назад, и, после того как она уйдет в море, обнажается береговая полоса мелководья.» (Тас. Апп. IV, 33. Пер. А.С. Бобовича). В.Б. Виноградов, проанализировав это сообщение, пришел к выводу, что сираки выступали на стороне Иберии, а аорсы — на стороне Парфии и Армении, и они были постоянными врагами. В таких условиях северо-кавказские степи становились ареной постоянных стычек между соперниками⁹⁸. Эту точку зрения разделяет и М.Б. Щукин⁹⁹. Вероятно, на рубеже нашей эры нестабильность в степях Прикубанья, т.е. постоянные военные столкновения, интенсифицировали процесс седентаризации. О том, что основная часть сираков правобережья

Кубани к середине I в. н.э. являлась оседлой, свидетельствует и то, что во время войны 49 г. римляне и аорсы сражались с сираками не в степи, в открытом бою, а брали осадой их город Успу (Тас. Апп. XII, 16).

Начиная с I в. н.э. увеличивается численность населения на меотских городищах правобережья Кубани, возникают даже новые поселения. В это время происходит расширение площадей городищ в Усть-Лабинской и Ладожской групп¹⁰⁰. О плотном заселении городищ правобережья в первых веках н.э. свидетельствует большая мощность культурных слоев этого времени. И.С. Каменецкий и Г.П. Романова объясняют увеличение численности населения естественным приростом¹⁰¹. Логично также увязать увеличение численности на меотских городищах с процессом оседания кочевников сиракского союза и резким сокращением курганных погребений в степной зоне. Но часть сарматских племен все же сохранила кочевой образ жизни, о чем свидетельствуют курганные погребения среднего Закубанья¹⁰².

Анализ погребальных комплексов грунтовых могильников второй половины I в. до н.э. — II в. н.э. позволяет говорить о синкретичности материальной и духовной культуры, в которой в равной степени представлены как меотские, так и сарматские элементы. С этого времени в грунтовых могильниках увеличивается количество подбоев и катакомб, в некоторых могильниках западная ориентировка становится преобладающей, в погребальном обряде используется мел, а в качестве жертвенной пищи в основном часть туши овцы (передняя нога и лопатка в миске)¹⁰³. До этого периода в меотских могильниках встречались только меотские зеркала, зато с I в. н.э. широко используются зеркала-подвески, происхождение которых связано с сарматами. Это свидетельствует об образовании новой этнической общности, характеризующейся также единством территории проживания и принадлежностью к одному культурно-хозяйственному типу.

Процессы межэтнической интеграции нашли отражение в материальной культуре. Примером может служить развитие зооморфной керамики. Самые ранние зооморфные сосуды, известные в Прикубанье, происходят из сарматских погребений конца III—II вв. до н.э. Они появляются под влиянием звериного стиля савромато-сарматских племен, который в этот период находился на стадии сильной схематизации, что логично увязывается со схематичностью первых зооморфных ручек¹⁰⁴ (рис. 19). Дальнейшее развитие зооморфная керамика получает в период интенсивной седентаризации сарматов. Поэтому ее следует рассматривать как продукт межэтнической миксации сарматов и меотов. В меотских могильниках такие сосуды появляются со второй половины I в. до н.э., а в I в. н.э. зооморфная керамика становится преобладающей¹⁰⁵.

Рис. 19. Керамические сосуды с зооморфными ручками из сарматских погребений II—I вв. до н.э.

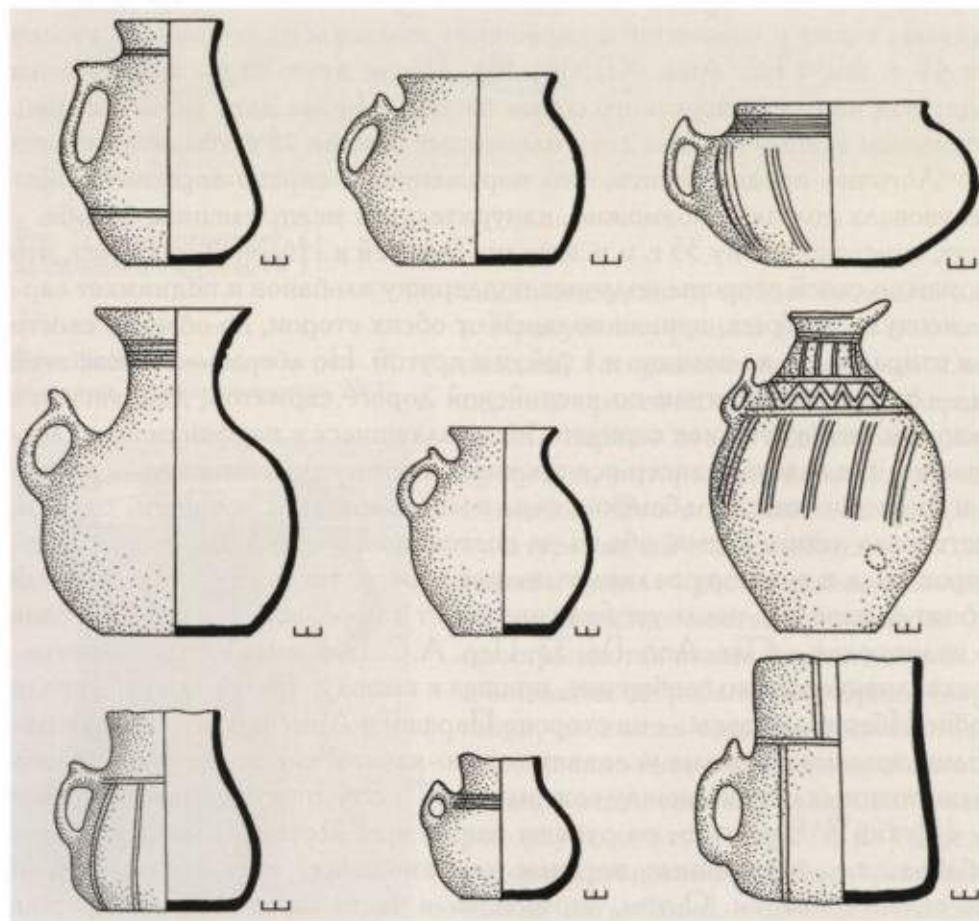

Рис. 20. Бронзовый канделябр
(курган 29, ст. Усть-Лабинская)

Рис. 21. Медальон серебряного таза
из кургана 3 у ст. Некрасовской

Рис. 22. Бронзовое ситечко (курган
41, ст. Усть-Лабинская)

Рис. 23. Ручка от бронзового
кувшина (ст. Некрасовская, курган 4)

На последнем этапе истории сирако-меотского союза, в степях правобережья Кубани, практически исчезают сарматские погребения, генетически связанные с предшествующим временем. Но на правом берегу, в устье Лабы, и по правому берегу Кубани со второй половины I в. н.э. появляются растянутые цепочкой вдоль берега (от г. Усть-Лабинска до ст. Казанской) курганы «Золотого кладбища», как бы рассекающие две прикубанские степные зоны. Эти курганы были раскопаны в начале XX в. Н.И. Веселовским¹⁰⁶ и в 1977–1978 гг. А.М. Ждановским¹⁰⁷. Практически все раскопанные курганы «Золотого кладбища» были ограблены еще в древности, но, несмотря на это, в них сохранились не замеченные грабителями богатые предметы вооружения, серебряная и бронзовая посуда, золотые украшения (рис. 20–23). Обилие золотых предметов в курганах дало название этому памятнику. Всего исследовано 94 катакомбы¹⁰⁸. Время функционирования некрополя установлено в рамках второй половины I — начала III в. н.э.¹⁰⁹

Одно из основных отличий курганов «Золотого кладбища» в том, что над погребениями в катакомбах насыпался курган, тогда как в предшествующее время кочевники сиракского союза хоронили своих соплеменников в курганах, сооруженных еще в эпоху бронзы, впуская могилы в насыпь. Три важных момента характеризуют курганы «Золотого кладбища»: значительные трудовые затраты при сооружении каждого захоронения; богатство сопровождающего инвентаря и обилие импортных предметов (бронзовой и серебряной римской посуды, стеклянных сосудов); в большей части катакомб найдены предметы вооружения и конской упряжи¹¹⁰, в ряде катакомб — кости лошади, а в одном случае — целый скелет лошади с удилами¹¹¹. В курганах захоронены в основном воины (67,6% составляют мужские захоронения, 10% — женщины, 2% — дети; не поддаются определению 20% погребений)¹¹², при этом среди носителей этого обряда резких социальных различий не наблюдается.

Еще один важный археологический факт — в междуречье Кубани и Дона, по современной р. Кирпили, в I в. н.э. прекращают свое существование почти два десятка городищ сирако-меотов, а в дельте Дона появляется значительное население меотского происхождения¹¹³. Создается как бы впечатление «расчистки» степной территории между Доном и Кубанью для установления

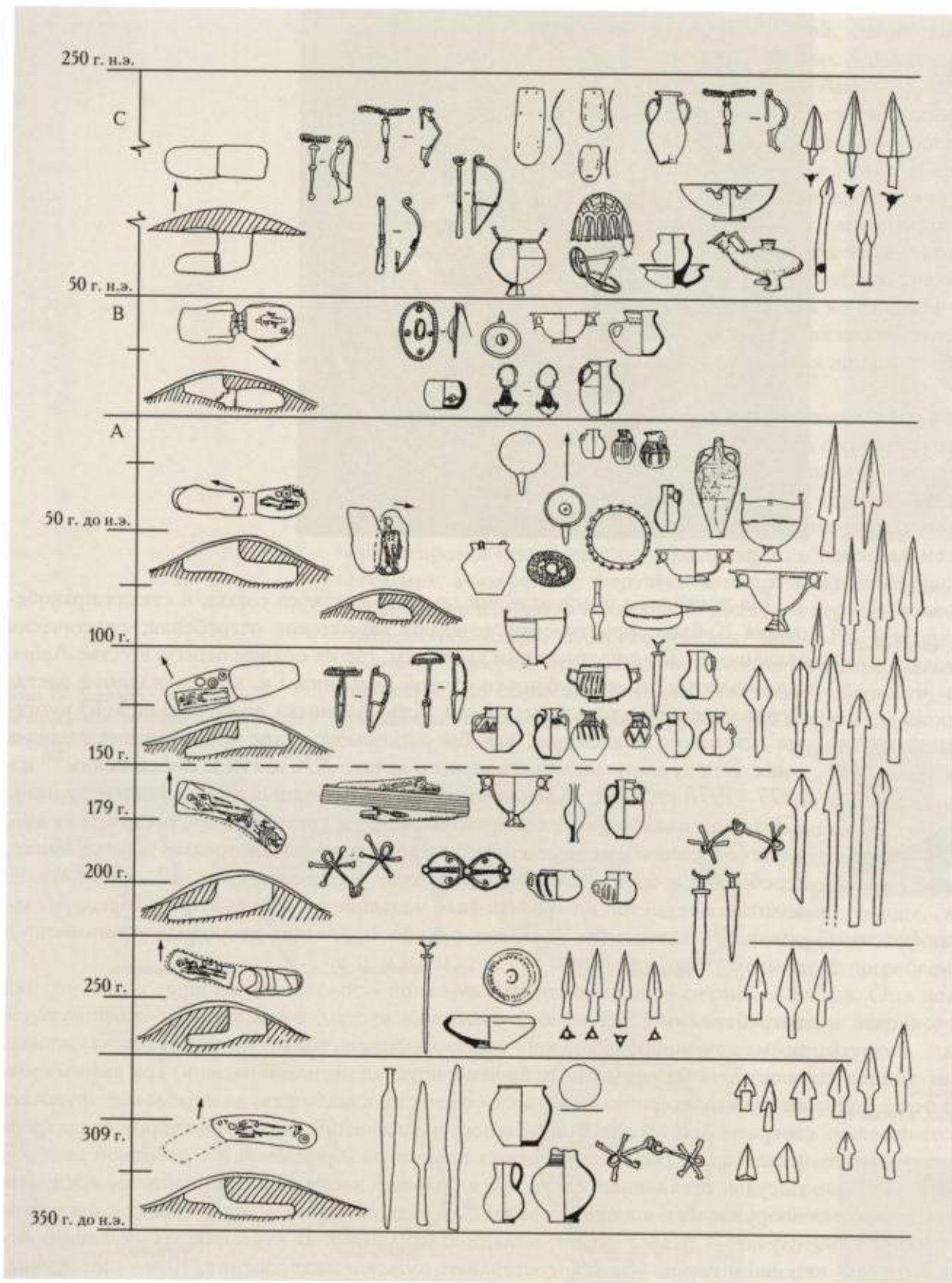

Рис. 24. Схема развития катакомбного обряда погребения в Прикубанье

контроля над прикубанскими степями со стороны кочевников Нижнего Дона после поражения сираков в войне 49 г. н.э.

Вопрос об этнической атрибуции этого памятника связан с развитием катакомбного обряда погребения у сарматских племен Прикубанья (рис. 24). Впервые он фиксируется здесь во второй половине IV в. до н.э., что совпадает

ет по времени с появлением сираков¹¹⁴. Количество погребений в катакомбах резко возрастает в конце III—II в. до н.э. В это же время появляются подбой. Во второй половине I в. до н.э. катакомбный обряд у сарматов правобережья Кубани исчезает. Однако в междуречье Лабы и Кубани количество погребений в катакомбах увеличивается. Это касается и Восточного Закубанья¹¹⁵.

В период существования сиракского союза племен катакомбный обряд захоронения еще не был «канонизирован» для определенной социально-профессиональной группы. Толчком к закреплению этого типа погребального обряда в среде сиракских дружинников послужило изменение политической ситуации в северокавказских степях после аорско-сиракской войны 49 г. Несмотря на то, что в этой войне сираки потерпели поражение, их военный потенциал, несомненно, сохранился. Если вспомнить постоянное участие сираков в войнах в качестве наемников, станет очевидным, что эта группа воинов-дружинников, для которой война и грабительские набеги были основным средством существования, не могла долгое время находиться в стороне от военных конфликтов. Участвовать в новых походах сиракские дружинники могли теперь только подчинившись победителям-аорсам и влившись в их союз, под контроль которого переходят степи правобережья Кубани.

После войны 49 г. на политической сцене появляются аланы. В короткий отрезок времени — между 49 и 72 гг. — формируется новый союз племен во главе с аланами, центр которого находился на Дону. Своей активностью они заставили Рим позаботиться о безопасности своих провинций в Азии. Но смерть Нерона в 68 г. н.э. сорвала задуманный им поход против алан. Аланы, избежав превентивного удара римлян, в 72 г. совершили через кавказские перевалы опустошительный набег на Мидию и Армению (Flav. Ant. Jud. VII, 7, 4). На Кубани с аланами чаще всего отождествляли курганы Золотого кладбища с ярко выраженной воинской принадлежностью погребенных¹¹⁶, ведь оттуда происходит большое количество римского импорта, на основании чего погребенных связывали даже с римскими федератами¹¹⁷. Однако все погребения совершены в катакомбах, которые по своей конструкции генетически соотносятся с катакомбами сираков¹¹⁸.

Таким образом, именно в рамках нового аланского союза племен в среде сиракских воинов-дружинников закрепляется катакомбный обряд, подчеркивающий социально-профессиональный статус погребенных, который усиливается индивидуальной курганной насыпью. В связи с этим не вызывает сомнений, что вместе с аланами в походах 72 и 135 гг. (Dion Cass. 9, LXIX, 15) участвовала сиракская дружина. Именно ей и был поручен контроль над южной границей раннеаланского союза.

Учитывая материал из «Золотого кладбища», мы считаем возможным предположить, что эта группа памятников появляется на Кубани после похода сарматов в 72 г. в Закавказье. Не случайным представляется выбор места — оно занимает очень удобное стратегическое положение и позволяет контролировать районы Нижнего Дона, Азиатского Боспора, перевалы в верховьях Лабы и Кубани, Ставропольское плато и, конечно, обе степные зоны Прикубанья. Под контролем находились и водные артерии — Кубань и Лаба.

Группа, оставившая курганы «Золотого кладбища», несомненно, занимала высокое социальное положение в новом племенном объединении. Одно из главных занятий этой группы — война, о чем свидетельствуют разрушительные походы в Закавказье и археологический материал. Насколько активно новый союз участвовал в событиях того периода, свидетельствует создание в начале III в. н.э. на Боспоре специальной коллегии аланских переводчиков (КБН № 1053). Но II в. н.э. для Боспора — период расцвета, поэтому, он, видимо, мог успешно противостоять варварам. Вот почему грабительские

походы алан были направлены в Закавказье. Археологический материал подчеркивает особенности социального развития многоплеменного союза, находившегося на пути классообразования, на том этапе, когда война становится основным занятием верхушки общества.

В начале III в. н.э. «Золотое кладбище» прекращает существование, так как позднее этой даты там нет ни одного погребения. Видимо, эта группа кочевников покидает территорию Прикубанья, и на этом заканчивается сарматский период в истории племен Северо-Западного Кавказа.

Однако остаются неясными причины и обстоятельства их ухода, поскольку пока еще все суждения на этот счет носят гипотетический характер. В числе факторов можно назвать активизацию политики Боспора в конце II в. н.э. Наиболее вероятное направление ухода — Центральное Предкавказье, ближе к перевалам, откуда не прекращались набеги в Закавказье.

¹ Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 13; Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 108–121; Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 13; Алексеева Е.П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н.э. — IV в. н.э.). Черкесск, 1976; Ждановский А.М. Назревшие проблемы социально-политической истории меотов Прикубанья // Археология и краеведение ВУЗу и школе. Грозный, 1981. С. 31–33; Марченко И.И. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 68.

² Анфимов Н.В. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 183–190; Анфимов И.Н. Об этнических процессах на Средней Кубани в I в. до н.э. — III в. н.э. // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1985. Вып. III. С. 64–70.

³ Марченко И.И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // Краткое содерж. докл. Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1987. С. 7–8.

⁴ Марченко И.И. Сираки Кубани: (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 95–100.

⁵ Rostovtzeff M. The Sarmateans and Partians // САН. 1936. Vol. 11. P. 95; Абаев В.И. Осетинский язык и фольк-

лор. М., 1949. Т. 1. С. 156; Виноградов Ю.А. Усобица сыновей боспорского царя Перисада I // МИАК. 2003. Вып. 3. С. 85.

⁶ Виноградов Ю.А. Усобица сыновей... С. 77–86; см. также: Десятчиков Ю.М. Арифари, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45–48.

⁷ Марченко И.И. Сираки Кубани. ... С. 84, 85.

⁸ Там же. С. 91, 101–105.

⁹ Каменецкий И.С. Ахардей и сираки // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР: Тез. докл. Баку, 1965. С. 99; Галлойти Ю.С. К истории северо-кавказских аорсов и сираков // Известия Южно-Осетинского НИИ. Цхинвали, 1968. Вып. 15. С. 24.

¹⁰ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1963. Т. 4. С. 147; Он же. Локализация Ахардея и сиракского союза племен: (По письменным источникам) // СА, 1966, № 4. С. 48.

¹¹ Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 9; см.: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 56.

¹² Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории: Тез. докл. Азов, 1988; Ждановский А.М. К истории сиракского союза племен: (По материалам курганных погребений среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990; Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 100.

¹³ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 95–96.

¹⁴ Там же. С. 77, рис. 72, 10.

¹⁵ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвертая Кубанская археологическая конф.: Тез. докл. Краснодар, 2005. С. 166.

¹⁶ Раскопки Краснодарской археологической экспедиции КубГУ. Материалы из раскопок этих памятников не опубликованы.

¹⁷ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережья Кубани // МИАК. 2001. Вып. 1. С. 46, 47, 73, рис. 17, 18.

¹⁸ Они же. Некоторые итоги исследования оборонительных сооружений Старокорсунского городища № 2 // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998. С. 42, 43.

¹⁹ Там же; Они же. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 223, рис. 10.

²⁰ Они же. Некоторые итоги ... С. 48–50; Они же. Хронология керамических комплексов ... С. 223, рис. 8.

²¹ Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 42.

²² Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории: (тез. докл. конф.). Азов, 1988. С. 47–48.

²³ Ждановский А.М. Назревшие проблемы... С. 32; Он же. К истории сиракского союза племен: (По материалам курганных погребений среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990. С. 44.

- ²⁴ Анфимов И.Н. Об этнических процессах... С. 68.
- ²⁵ Авербух М.С. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970. С. 26.
- ²⁶ Аптекарев А.Э. К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV — первой половине III в. до н.э. // Первая Кубанская археологическая конф.: Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 64.
- ²⁷ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 119.
- ²⁸ Малышев А.А. Античный импорт на Северном Кавказе (по материалам Прикубанья VI—I вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 6.; Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII — первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 2006. С. 19.
- ²⁹ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 119.
- ³⁰ Там же. С. 120.
- ³¹ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Исследование городищ № 1 и № 3 в районе Краснодарского водохранилища // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985. С. 52, 53.
- ³² Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 112.
- ³³ Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. Рис. 1, 1, 2; Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Древности степей Скифии. Киев, 1982. Рис. 2, 2.
- ³⁴ Смирнов К.Ф. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 3—26; Он же. Сарматы и утверждение... С. 67—69.
- ³⁵ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Сиракский союз племен и Боспор // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 124.
- ³⁶ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 122.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории: (тез. докл. конференции). Азов, 1988. С. 47—48; Полин С.В. Гатал — царь сарматский // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989. С. 123; Марченко И.И. Царь Гатал и Прикубанье // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994. С. 61.
- ³⁹ Марченко И.И. Царь Гатал и Прикубанье ... С. 58, рис. 1—3.
- ⁴⁰ Schaaff U. Keltische Helme // Antike Helme: Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin: Monographien. Mainz. 1988. Bd. 14. Fig. 1.
- ⁴¹ Megaw J.V.S. Art of the European Iron Age. London. 1970. P. 133-134, fig. 211.
- ⁴² Duval P.-M. Les Celtes. Paris, 1977. Fig. 95.
- ⁴³ Megaw J.V.S. Art of the European... Fig. 110.
- ⁴⁴ Ibid. Fig. 49, 106.
- ⁴⁵ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 74, рис. 20а.
- ⁴⁶ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // МИАК. 2003. Вып. 3. С. 121.
- ⁴⁷ Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и римского времени // АСГЭ. 1995. Вып. 32. Рис. 6.
- ⁴⁸ Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 78—79, рис. 24.
- ⁴⁹ Altertümer von Pergamon. Berlin, 1913. Bd. 1, Text 2. S. 274, Taf. 40.
- ⁵⁰ Виноградов Ю.А. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина. СПб., 1998. Вып. 1. С. 65—66.
- ⁵¹ Rotroff S.J. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Moldmade Bowls // The Athenian Agora. Princeton, 1982. Vol. XXII. P. 103, 104, fig. 10, 58; 97, 87; 122.
- ⁵² Vujna J. Spiegelung der Sozialstruktur auf latenezeitlichen Graberfeldern im Karpatenbecken // Památky Archeologické. Ročník 1982. Číslo 2. Taf. 5, 51.
- ⁵³ Марченко И.И. Царь Гатал ... С. 61.
- ⁵⁴ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 123—125.
- ⁵⁵ Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 30.
- ⁵⁶ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1963. Т. 4. С. 140, 141, 153, 154.
- ⁵⁷ Лимберис Н.Ю. Конские погребения из могильника городища № 3 у хутора имени Ленина // Проблемы археологии и этнографии народов Северного Кавказа. Краснодар, 1988. Рис. 14, 1.
- ⁵⁸ Марченко И.И. Сираки Кубани... Рис. 22.
- ⁵⁹ Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров... С. 100.
- ⁶⁰ Там же. С. 101.
- ⁶¹ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 89.
- ⁶² Там же. С. 48—52, 89.
- ⁶³ Там же. С. 107.
- ⁶⁴ Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н.э. М., 1981. С. 78.
- ⁶⁵ Молев Е.А. Митридат Евпатор: Создание Черноморской державы. Саратов, 1976. С. 59.
- ⁶⁶ Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров... С. 101.
- ⁶⁷ Анфимов И.Н. Погребальный комплекс II в. до н.э. у хутора Элитный (Краснодарский край) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
- ⁶⁸ Анфимов Н.В. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Там же.
- ⁶⁹ Ждановский А.М. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- ⁷⁰ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 37, рис. 113.
- ⁷¹ Анфимов Н.В. Курганный комплекс ... Рис. 1.
- ⁷² Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифионов В.А. Раскопки курганов у станции Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. Рис. 36.
- ⁷³ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 128.
- ⁷⁴ Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953. С. 22.
- ⁷⁵ Марченко И.И. К вопросу о датировке Элитного и Новоджерелиевского комплексов // Древности Кубани: (материалы семинара). Краснодар, 1987. С. 49—50; Он же. Сираки Куба-

- ни... С. 36; Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990; Раев Б.А. Бронзовая посуда эпохи латена из Сарматии // Античный мир и археология. Саратов, 1993. Вып. 9. С. 174.
- ⁷⁶ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. Рис. на с. 198, 199; Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 79–81.
- ⁷⁷ Доклад Н.Ф. Шевченко «Раскопки Мезмайского могильника», прочитанный им на 4-й Кубанской археологической конф. в Адлере 4 октября 2005 г.
- ⁷⁸ Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения «зубовского-воздвиженского» типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Труды ГИМ. 1989. Вып. 70. С. 76, табл. XI, XII; Гущина И.И., Попова Т.Б. Воздвиженский курган – памятник III тысячелетия – I в. до н.э. // Ежегодник ГИМ (1965–1966 гг.). 1970. С. 79–81, рис. 17, 2; Щукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1992. Ч. 1. С. 106–109, 112.
- ⁷⁹ Щукин М.Б. Некоторые замечания... С. 107.
- ⁸⁰ Там же. С. 112.
- ⁸¹ Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 14.
- ⁸² Ждановский А.М., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Погребальный обряд сарматов Закубанья: (По раскопкам 1984 г. и дореволуционным материалам) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 113.
- ⁸³ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 129.
- ⁸⁴ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 112.
- ⁸⁵ Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 75–76.
- ⁸⁶ Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства / ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 103; Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1916. Т. XXV. С. 10–17.
- ⁸⁷ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 297, 318–319.
- ⁸⁸ Сапрыкин С.Ю. Аспургиане. С. 76.
- ⁸⁹ Малышев А.А., Трейстер М.Ю. Погребение Зубовско-Воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // БС. М., 1994. № 5. С. 70–71.
- ⁹⁰ Сапрыкин С.Ю. Аспургиане. Рис. 1, 23.
- ⁹¹ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 137, 138.
- ⁹² Ждановский А.М. Назревшие проблемы... С. 31, 32; Марченко И.И. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 69; Марченко И.И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988. С. 74, 75.
- ⁹³ Анфимов Н.В. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 148–157.
- ⁹⁴ Новые раскопки КАЭ, материал не опубликован.
- ⁹⁵ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология и планиграфия грунтового могильника Старокорсунского городища № 2 // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 64.
- ⁹⁶ Марченко И.И. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 86, рис. 2.
- ⁹⁷ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 91.
- ⁹⁸ Виноградов В.Б. Сарматы... С. 161.
- ⁹⁹ Щукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в.н.э. в Восточной и центральной Европе. СПб., 1994. С. 201, 202.
- ¹⁰⁰ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1989. С. 244, 245. (Археология СССР: В. 20 т.)
- ¹⁰¹ Каменецкий И.С., Романова Г.П. Исследования меотских городищ в Краснодарском крае // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985. С. 42, 43.
- ¹⁰² Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н. Сарматские памятники Восточного Закубанья: Хронология и хронография // Проблемы истории и культуры Сарматов: Тез. докл. Волгоград, 1994. С. 42–43.
- ¹⁰³ Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 192; Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 107.
- ¹⁰⁴ Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве Евразии. М., 1976. С. 74–89.
- ¹⁰⁵ Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 194, рис. 16, 2–4, 8, 9; Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 135, 136.
- ¹⁰⁶ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- ¹⁰⁷ Ждановский А.М. Подкурганые катакомбы Среднего Прикубанья первых веков н.э. // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 72–99.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 95.
- ¹⁰⁹ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище»... С. 37.
- ¹¹⁰ Ждановский А.М. Подкурганые катакомбы... С. 95.
- ¹¹¹ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище»... С. 10.
- ¹¹² Там же. С. 37.
- ¹¹³ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена... С. 240, 241.
- ¹¹⁴ Марченко И.И. Сираки Кубани... С. 84, 98, 99.
- ¹¹⁵ Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н. Сарматские памятники... С. 42.
- ¹¹⁶ Историография этого вопроса подробно изложена: Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определении // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 25–31.
- ¹¹⁷ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище»... С. 39; Щукин М.Б. На рубеже эр... С. 208.
- ¹¹⁸ Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы... С. 52, 53.

Часть III

МЕОТО-
СКИФСКОЕ
ИСКУССТВО
ПРИКУБАНЬЯ
(VII — начало III в. до н. э.)

А. Р. КАНТОРОВИЧ

Искусству прикубанских племен, оставивших памятники меотской культуры, в скифскую эпоху присуще особое разнообразие репертуара, сырьевых материалов и производственных технологий. Находящаяся на перекрестке различных культурных влияний, местная художественная система впитывала в себя как мощное скифское влияние, так и влияние древнегреческого и Передне-восточного искусства, а в своих восточных зонах находилась под воздействием искусства кобанской культуры Центрального Предкавказья¹. Вместе с тем в скифскую эпоху на Кубани нашли продолжение геометрическая и зооморфная традиции протомеотской культуры.

В главе «Меоты» уже были охарактеризованы замечательные достижения меотов в керамическом производстве и в орнаментации керамики с помощью прочерчиваний, налепов или раскрашивания (геометрические, реже зооморфные темы декора). Мы же сосредоточимся главным образом на характеристике произведений искусства из металла (золото, серебро, бронза, железо) и кости. При создании металлических изделий применялись техники тиснения,ковки, пайки, литья (в том числе по восковой модели) и др. Свидетельствами местного производства ряда высокохудожественных изделий являются, в частности, находка бронзовых штампов (со следами сработанности) для изготовления золотых бляшек в 5-м Уляпском кургане² (рис. 1), а также результаты трасологического и рентгенофлюоресцентного анализа некоторых сложных бронзовых изделий, отливавшихся по восковой модели³. Высокого исполнительского уровня достигло и местное костерезное мастерство. Особенно яркими были достижения меотской культуры в бронзолитейном деле, в сфере орнаментации предметов вооружения, конского снаряжения и культовых предметов.

Подавляющее большинство образов меотского искусства Прикубанья скифского времени зооморфны. Зооморфизм этого искусства был в известной мере подготовлен предшествующим развитием местной протомеотской изобразительной традиции, в которой широко распространенные геометрические темы сосуществовали с единичными зооморфными образами, запечатленными в бронзе, — такими как фигурки лошадей, в виде которых выполнены трехпестельчатые псалии (Псекупский могильник) (рис. 2), головы баранов и хищных птиц на концах трехдырчатых псалиев (могильник Чишхо, погребение 5; могильник Кубанский, погребение 39), свастические бляхи с головами зверей от колесничного набора (курган 1 могильника Хаджох, находка в урочище Чишхо) (рис. 3), головы хищных птиц, оформляющие бронзовые церемониальные топоры-скипетры (Фарс, находка у станицы Абадзехской⁴) (рис. 4).

Однако важнейшим импульсом для формирования и дальнейшего развития меотского анималистического искусства явилось влияние скифской культуры с ее своеобразным и неповторимым звериным стилем середины VII — начала III в. до н.э. Территория распространения собственно скифского звериного стиля — степь и лесостепь Восточной Европы, а также Северный Кавказ. В широком же смысле данное искусство, именуемое скифо-сибирским звериным стилем, охватывает также степи Поволжья-Приуралья и более восточные степи Азии вплоть до Монголии и Северо-Западного Китая — зону кочевническо-скотоводческих культур скифской эпохи.

В рамках скифского звериного стиля Восточной Европы выделяются три локальных варианта — северопричерноморский степной, северопричерноморский лесостепной и северокавказский. Северокавказский вариант, помимо изображений из Ставрополя и прилегающих территорий, представлен, в ос-

Рис. 1. Пинтадер для штамповки золотых бляшек в виде пантеры из Уляпского 5-го кургана. Бронза

Рис. 2. Псекупские псаали в виде лошадей. Бронза

Рис. 3. Уздечная пронозь для перекрестных ремней из Чишхо. Бронза

новном, многочисленными прикубанскими изображениями, выполненными в соответствующей манере, — невзирая на то, были ли конкретные мастера меотами, скифами или кем-либо еще⁵. Прикубанское зооморфное искусство середины VII — начала III в. до н.э., таким образом, является неотъемлемой составной частью скифо-сибирского звериного стиля, но обнаруживает при этом определенные локальные особенности. На ранней стадии существования звериного стиля и скифской культуры в целом, в VII—VI вв. до н.э. (эпоха «скифской архаики») зооморфное искусство данного региона мало чем отличалось от северопричерноморского и лесостепного днепро-донского районов распространения скифского звериного стиля. Более того, именно на Кубани обнаруживаются эталонные произведения этого художественного направления в его начальной фазе (не всегда, впрочем, созданные местными мастерами). В первую очередь они связаны с Келермесскими, Ульскими и Костромским курганами — усыпальницами полиэтничной племенной аристократии, сформировавшейся в результате проникновения скифов в данный регион и их контактов с местным меотским оседлым населением. Однако в дальнейшем — в течение V в. до н.э. — черты собственно скифской культуры в Прикубанье стираются, — очевидно, вследствие концентрации кочевых скифских групп в северопричерноморской степи или же их ассимиляции меотами. Соответственно в V—IV вв. до н.э. (эпоха «скифской классики») зооморфное искусство Прикубанья существенно обособляется от других локальных вариантов скифского звериного стиля.

Но в целом развитие прикубанского меото-скифского зооморфного искусства соответствует динамике скифского звериного стиля, и ему в полной мере присущи все особенности данного художественного направления.

Прежде всего, искусство скифского звериного стиля имеет ярко выраженный декоративно-прикладной характер. Изображение в зверином стиле почти всегда оформляет или декорирует какую-либо вещь или ее часть — вероятно, не только из эстетических или престижно-знаковых соображений, но и с целью магически наделить вещь и ее обладателя свойствами этих животных, возможно, обращаясь при этом к божествам (не исключено, что какие-то из этих животных ранее могли считаться тотемами), которые ассоциировались с данным зооморфным образом или группой образов.

В меото-скифском искусстве звериного стиля присутствует строго определенный набор декорируемых вещей. По подсчетам Е.В. Переводчиковой — крупнейшего современного исследователя прикубанского варианта скифского звериного стиля — подавляющее большинство изображений этого варианта украшают предметы конского снаряжения. Этот вывод, сделан-

Рис. 4. Скипетр из Фарса. Бронза

Рис. 5. Псалии из Уляпского кургана 2. 1909 г. Бронза

Рис. 6. Псалии с изображениями оленей из Уляпского кургана 2. Бронза

Рис. 7. Уздечная пронизь для перекрестных ремней из Келермеса в виде птичьей головы. Бронза, золото

Рис. 8. Налобник в виде лежащего хищника из Уляпского кургана 2. Бронза

Рис. 9. Наносники в виде «оленекозлов» из кургана 2 некрополя II Тенгинского городища. Бронза

Рис. 10. Фигура лежащего оленя из 2-го Семибратнего кургана. Бронза

ный на основе анализа материалов раскопок до 1980 года⁶, сохраняет свою актуальность и сейчас и подтверждается новыми археологическими материалами. В частности, декорированию в меото-скифском зверином стиле в разное время подвергались такие элементы конского снаряжения, как псалии (рис. 5, 6), крестовидные насадки на псалии, пронизи-распределители уздечных ремней (рис. 7), налобники, наносники (рис. 8, 9) и иные уздечные бляхи (рис. 10).

Изображения в зверином стиле Прикубанья часто помещались и на вещи других категорий: элементы костюма — в основном нашивные золотые бляшки на платье и головной убор (рис. 11), поясные бляхи и др.; бронзовые зеркала, являвшиеся не только предметами туалета, но и элементами культа (рис. 12); рукояти бронзовых котлов (рис. 13), обкладки ритуальных сосудов и др. (рис. 14, 15)⁷. В одном случае углубленное изображение в зверином стиле было непосредственно процерчено на стенке сосуда (рис. 16).

Рис. 11. 1–7. Золотые бляшки из Уяльских курганов

Рис. 12. Зеркало из Келермеса — пантера в центре. Бронза

Рис. 13. Фигурка горного козла на рукояти котла из Келермеса. Бронза

Особое место среди категорий украшаемых вещей занимают так называемые навершия (рис. 17, 18). Эти изделия, чаще всего отлитые в бронзе, предназначались, очевидно, для увенчания шестов, ограничивавших ритуальное пространство и, возможно, в каких-то случаях стоявших по углам погребальной повозки или погребального ложа⁸.

Скифо-сибирский звериный стиль оформлял и декорировал также детали вооружения (мечи, кинжалы, ножны, колчаны (гориты), доспехи и др.), но украшения оружия в собственно меото-скифском стиле немногочисленны — это бутеролы ножен мечей, бляхи горитов и щитов и др. (рис. 19–21)⁹.

Декоративно-прикладной характер данного искусства являлся одной из причин отступления от натуральных пропорций в изображениях, что вызвано стремлением приспособить конкретный образ к фактуре декорируемой вещи. Отсюда же — самозамкнутость, самодостаточность изображений на ранних стадиях скифского искусства и связанная с этим боязнь пустого пространства.

Меото-скифскому зооморфному искусству, как и всему скифскому звериному стилю, были присущи ограничение образного репертуара четырьмя основными тематическими группами: копытные звери, хищные звери, птицы и синкретические животные (грифоны и др.). Прочие темы, находящиеся вне пределов вышеназванных образных групп в меото-скифском искусстве Прикубанья (здесь это образы зайца, гиппокампа и рыбы), крайне непопулярны.

Такой отбор, очевидно, был связан с определенными семантическими предпочтениями¹⁰. Образные темы реализуются как в полнофигурных отображениях, так и в намеренно редуцированных, создаваемых по принципу

Рис. 14. Фигурки «досекозлов» на ритоне из «Майкопского клада». Золото

Рис. 15. Сцена терзания на обкладке ритона из 2-го Семибратнего кургана. Золото

Рис. 16. Керамический сосуд из Уляпского к. 15, п. 48 с изображением обособленного копыта

«часть вместо целого». Популярность намеренно редуцированных изображений — характерная черта меото-скифского искусства, как и всего скифо-сибирского звериного стиля. Во-первых, это мотивы, свойственные и для других художественных направлений: обособленные головы и протомы (передние части с передними ногами). Во-вторых, это специфичная именно для скифо-сибирского звериного стиля манера изображать обособленные уши, рога, конечности в целом или их преувеличенные окончания (копыта, лапы, когти) — иначе говоря, те органы, чья непосредственная функция — восприятие внешних воздействий, движение или поражение противника. Возможно, что здесь мы встречаемся с передачей не только и не столько образов животных, сколько доминирующих в них качеств, абстрагированных и символизируемых соответствующими частями организма.

В указанных репертуарных рамках меото-скифскому звериному стилю Прикубанья присуще значительное тематическое разнообразие, что определялось как канонами скифо-сибирского bestiaria, так и разнородными и разновременными заимствованиями из инокультурных художественных систем (в первую очередь из переднеазиатского и древнегреческого, а также кобанского искусства). Кроме того, богатая фауна Кавказа сама по себе обеспечивала присутствие таких прототипов. Еще в XIX в. известный ставропольский натуралист, географ, гляциолог Н.Я. Динник в своих воспоминаниях о путешествии по Северо-Западному Кавказу отмечал: «...В течение нескольких часов мы видели на небольшом сравнительно пространстве семь оленей, пантеру (леопарда. — А.К.), рысь и более двух десятков серн»¹¹. В частности, образная группа копытных в меото-скифском искусстве весьма многочисленна и разнородна. Разнообразны и их позы. Копытные, как правило, показаны с подогнутыми ногами (передние назад, задние вперед), с нижними частями ног внахлест (рис. 11, 1; 17, 20, 21) или же со сведенными в одну точку окончаниями ног (рис. 10, 15). В иных случаях копытные стоят или идут (Рис. 11, 2, 3, 22, 23); гораздо реже полулежат-полустоят.

Чаще всего изображается благородный олень. Полнофигурное изображение оленей на «архаическом» этапе в Прикубанье предполагает общий трапециевидный контур, строго профильный ракурс, подломленные под туловище

Рис. 17. Навершие из Губской. Бронза

Рис. 18. Навершие в виде птичьей головы из Уляпского кургана 2. 1909 г. Бронза

Рис. 19. Бутероль из хут. Грозного. Кость

ноги, передняя внахлест на задней, с вытянутой наискось вперед шеей и опирающимися на круп преувеличенными рогами, состоящими из сопоставленных S-образных завитков (рис. 20, 21). Эта иконографическая схема (естественно, при наличии стилистических вариаций) распространена по всей зоне скифо-сибирского мира от Северного Причерноморья до Южной Сибири. Поэтому в научной литературе этот сюжет именуется «классическим скифским оленем». Одни исследователи считают, что олень представлен в прыжке, «летающим», хотя данные биологии не допускают подобного положения ног¹²; другие исследователи видят в этом лежащую позу. Действительно, таких оленей можно считать и «напряженно лежащими», учитывая взаиморасположение туловища и шеи; такая поза вполне может трактоваться как жертвенная¹³. Возможно, однако, что здесь не следует искать точного соответствия реальным движениям оленя, ибо эта условная поза могла быть вполне пригодна для создания образа-символа — например, как считает ряд исследователей, символа солнца, движение которого по небосводу могла обозначать линия петлевидных рогов оленя, или же священного дерева, с которым, в свою очередь, ассоциируется отчетливая древовидность рогов «классического скифского оленя» в других его трактовках (рис. 17)¹⁴.

В «классический» период, за редким исключением, олень в меото-скифском искусстве в данном сюжете не представлен. Вместо этого становятся популярными изображения оленей с ногами, хотя и подогнутыми, но не заходящими друг на друга, а соприкасающимися или почти соприкасающимися подошвами копыт, — таких оленей можно назвать «спокойно лежащими», учитывая также взаиморасположение туловища и шеи, придающее фигуре статичный вид. С этими композиционными чертами тесно связан ряд стилистических особенностей (прежде всего, в трактовке рогов — древовидных или пальметовидных), что позволяет говорить об устоявшейся иконографии. При этом если в Северном Причер-

Рис. 20. Обкладка Келермесского кургана. Золото

номорье, где особенно много таких изображений, олени показаны с вертикальной шеей и горизонтально поставленной головой, направленной вперед¹⁵, то в меото-скифском искусстве Прикубанья олени в данном сюжете в основном отображены с повернутой назад головой, с изогнутой назад шеей, с рогами в развороте — они более динамичны (рис. 10). Кроме того, в некоторых случаях в силу фактуры украшаемой вещи мастер, очевидно, не имел возможности и конструктивной необходимости показать подломленные ноги оленей соединенными (рис. 6).

В меото-скифском искусстве, хотя и значительно реже, присутствуют и другие изображения оленя, представляющие это копытное на прямых, немного согнутых ногах — стоящим и идущим (рис. 11, 2, 3; 22, 23).

Редуцированные изображения оленей в основном распространяются на «классическом этапе». Во-первых, это единичные протомы с согнутой перед грудью передней ногой, иногда с многочисленными зооморфными превращениями пышных разложенных рогов и дополнительно приставленными редуцированными головами тех же оленей (рис. 24). Во-вторых, это широко распространенные обособленные головы оленей с рогами, порой со сложными зооморфными превращениями (рис. 25)¹⁶. В результате дальнейшей стилизации этого мотива возникла тема практически обособленных оленьих рогов, тогда как от самой головы оленя остается лишь атавизм в виде узкого дуговидного уха, примыкающего к одному из отростков рогов (рис. 26).

Образ горного козла, далеко не столь популярный в меото-скифском искусстве, как образ оленя, был тем не менее стабильно представлен и в «архаический», и в «классический» периоды¹⁷. Горные

Рис. 21. Бляха с изображением оленя из кургана у ст. Костромской. Золото

Рис. 22. Золотые ажурные пластины из 1-го Уляпского кургана

Рис. 23. Золотые бляшки из «Майкопского клада»

Рис. 24. Бляха из Майкопа. Бронза

козлы показаны стоящими (рис. 13) или лежащими, причем последние как с головой вперед (рис. 27), так и с головой, повернутой назад, — например, на плоскости навершия, выполненного в виде огромной птичьей головы (рис. 18). Известны и изображения редуцированной головы этого копытного — в «архаическую» (рис. 28) и в «классическую» эпохи (рис. 29).

Образ горного барана в меото-скифском зверином стиле реализуется в основном в виде изображений обособленных голов — костяных или роговых насадок на деревянные псалии, и столбиков — распределителей уздечных ремней (рис. 30). В полнофигурном отображении этот образ меото-скифскому искусству Прикубанья практически не свойствен, исключая фигурку лежащего барана на серебряном псалии из Уляпского кургана № 2 раскопок 1909 г.¹⁸

В меото-скифском искусстве разработаны, но малопопулярны темы быка (рис. 31), лошади (рис. 32) и лося. Известны также нереальные копытные, синтезирующие в себе образы нескольких вышеперечисленных видов, — «лосекозлы» (рис. 11, 4, 5; 14) и «оленекозлы» (рис. 9). Наконец, изображаются явно однозначные, но трудноопределимые копытные — то ли «молодые олени», то ли мулы, то ли лошади (рис. 33, 34). Самостоятельно представлены также обособленные удлиненные уши вышеперечисленных копытных.

Рис. 25, 1, 2. Навершие в виде головы оленя из кургана 2 некрополя II Тенгинского городища. Бронза

Рис. 26. Налобник в виде многоярусных рогов оленя из кургана 2 некрополя II Тенгинского городища. Бронза

Рис. 27. Бронзовый нащечник из Уляпского кургана 8

Образ кабана — копытного зверя, сочетающего функции травоядного и хищника и потому семантически обособленного¹⁹ — в скифо-меотском искусстве Прикубанья, в отличие от Северного Причерноморья, малопопулярен и связан лишь с периодом «классики»²⁰. В полнофигурном отображении кабаны представлены лежащими, с ногами, подломленными под туловище, так что их нижние части направлены вперед (рис. 35). Известны в Прикубанье и изображения обособленных кабаньих голов (рис. 36). Встречаются здесь и изображения обособленной задней конечности, которая атрибутируется как кабанья по закинутаю на бедро хвосту с раздвоенным концом, характерным именно для полнофигурных изображений кабанов в Прикубанье, Нижнем Поднепровье и Нижнем Подонье (рис. 37).

Не только кабан, но и другие копытные представлены в меото-скифском искусстве изображениями редуцированных конечностей, в том числе преувеличенных копыт, порой с превращенным в птичий клюв рудиментарным пальцем (рис. 16). Если при профильном отображении конкретная видовая атрибуция этих конечностей затруднена, то при объемной их передаче дифференцируются лошадиные конечности с сердцевидной или треугольно-выемчатой подошвой (широко распространенный мотив, комбинируемый в ряде случаев не только с мотивом головы лошади, но и с другими зооморфными темами) и раздвоенные копыта парнокопытных животных (единичные изображения).

В меото-скифском искусстве многочисленны изображения хищных зверей, среди которых господствуют образы семейства кошачьих, но есть и единичные воспроизведения хищников семейства волчьих (рис. 38).

Хищники чаще показаны с вытянутыми вперед и подогнутыми под туловище ногами (лежат, припав к земле, возможно, к добыче, либо летят в прыжке)

Рис. 28. Костяная насадка на деревянный псалий из кургана 2/В Келермесского могильника

Рис. 29. Налобник из Шунтука. Бронза

Рис. 30. Костяные столбики — распределители уздечных ремней из Келермесских курганов

Рис. 31. Навершие из кургана у аула Четук. Бронза

Рис. 32. Псалий из 2-го Семибратнего кургана. Бронза

(рис. 5, 2), либо с ногами, в верхней части расположенными вертикально, а в нижней — направленными наискось вперед (как бы присев перед прыжком или припав к добыче) (рис. 15, 20, 39). Последний сюжет плавно переходит в малопопулярную в Прикубанье тему стоящего хищника (с относительно распрямленными ногами). Все эти сюжеты известны как в «архаический», так и в «классический» периоды, причем если хищники с поджатыми ногами могут быть представлены не только с головой, направленной вперед, но и с головой, повернутой назад (рис. 40), то стоящие хищники — только впрямь (рис. 11, 6)²¹. Кроме того, только хищники, в отличие от всех других зверей, показаны лежащими, свернувшись в кружок, — позиция, широко распространенная в скифо-сибирском зверином стиле от Причерноморья до Монголии (этот сюжет, но в иной стилистической манере, известен и в Китае) и являющаяся специфическим признаком этого художественного направления (рис. 12, 41). В Прикубанье такой мотив распространен в течение всего периода существо-

Рис. 33. Келермесские навершия.
Бронза

Рис. 34. Навершие из
хут. Городского. Бронза

Рис. 35. Навершие из 1-го Уляпского
кургана. Серебро, золото

Рис. 36. Уздечная бляшка из 4-го
Семибратнего кургана. Бронза

Рис. 37. Обкладки деревянного
сосуда из «Майкопского клада».
Золото

Рис. 38. Наконечник ножен из станицы
Старокорсунской. Бронза

вания меото-скифского искусства²² и известен также впоследствии — в меото-сарматский период (см., например, серебряные фалары II—I вв. до н.э. из станицы Воронежской)²³. Известны и изображения хищников, полустоящих-полуприпавших к земле (рис. 1).

Мастера меото-скифского искусства часто прибегали к изображению лежащих хищников (гораздо реже — копытных) с «перекрученными», т.е. вывернутыми на 180 градусов задней частью туловища и задними ногами. Этот сюжет, практически не известный в северопричерноморском зверином стиле (исключая изображение льва на ножнах меча из Ушаковского кургана у ст. Елизаветовской в Нижнем Подонье) — следствие восточного влияния сако-сибирского звериного стиля, в котором этот композиционный прием практиковался весьма широко при создании образов хищников и копытных и использовался для украшения самых разных категорий вещей и даже для создания самостоятельных скульптур. Использование этого приема усиливает экспрессивность фигуры и создает впечатление подвижности и ловкости животного. В Прикубанье изображения в таком сюжете не столь многочисленны и первоначально, в V в. до н.э., были связаны с образом хищника с откинутыми назад задними ногами (как бы в прыжке?). Такие хищники оформляют бронзовые двудырчатые S-образные псалии, форма которых идеально соответствует композиционным требованиям данного сюжета, а также иные бронзовые уздечные

Рис. 39. Келермесская пантера.
Золото

Рис. 40. Наносник
из Кужорского кургана 1. Бронза

Рис. 41. Уздечная бляха из 4-го
Семибратнего кургана. Бронза

Рис. 42. Псалий из 4-го Семибратнего
кургана. Бронза

Рис. 43. Протома на щитке псалия
из Кужорского кургана 1. Бронза

Рис. 44. Бляшки в виде голов
кошачьих хищников анфас из
Уляпского кургана 2. Бронза

бляхи (рис. 42). Позднее, в IV в. до н.э. мастера на Кубани также прибегают к изображению реального или фантастического хищника с «перекрученными», вывернутыми на 180 градусов задней частью туловища и задними ногами, но последние теперь показаны поджатыми, как и передние, что позволяет квалифицировать это положение как лежащее (рис. 8).

В меото-скифском искусстве очень популярны редуцированные изображения хищников (в основном в эпоху «классики») — протомы — в основном с согнутой ногой, подведенной под пасть (рис. 43), головы хищников — анфас (рис. 44) и в профиль (рис. 45), конечности — одиночные или сдвоенные, иногда с хвостом, иногда в виде преувеличенных лап (рис. 46)²⁴.

Среди птиц наиболее популярны хищные (преимущественно орлы и грифы), гораздо реже представлены другие виды птиц. При этом хищные птицы часто наделены ушами (так называемый «скифский грифон») (рис. 47). Возможно, в качестве ушей древние мастера могли интерпретировать кожные складки в основании головы реальных хищных птиц (в особенности черных грифов, *Aegypius monachus*), что в сочетании со стремлением мастера непременно наделить изображаемое существо явными органами слуха могло стимулировать изображение ушей, не существующих у птиц в природе. Птицы в полнофигурном воспроизведении представлены с расправленными крыльями (летащими) (рис. 48) и с полусложенными или сложенными крыльями (сидящими?) (рис. 49).

Кроме того, в Прикубанье, как и во всем скифо-сибирском зверином стиле, был необыкновенно популярен мотив обособленной птичьей головы (рис. 7; 11, 7; 18). Как уже было сказано, немногочисленные

Рис. 45. Уздечная бляха из станицы Елизаветинской. Бронза

Рис. 46. Уздечные бляхи из Тузлинского некрополя. Бронза

Рис. 47. Укрупненные изображения на выступах наверший из 10-го Уляпского кургана. Бронза

Рис. 48. Золотая бляшка из кургана 2 некрополя II Тенгинского городища

Рис. 49. Нашечник из Шунтука (птица на рыбе). Бронза

изображения такого рода известны еще в протомеотских памятниках, но именно в скифскую эпоху птичья голова в Прикубанье становится господствующим зооморфным мотивом — как самостоятельным, так и дополнительным. В качестве обособленных птичьих головок могут трактоваться уже столбики-пронизи для распределения перекрестных ремней лошадиного оголовья (роль глаза выполняет ременное отверстие), что не противоречит их интерпретации как птичьих когтей (более распространенной в научной литературе), поскольку совокупно эти мотивы составляют начальный и конечный элементы птицы, ее «альфу» и «омегу» и тем самым обозначают птицу в целом. На Северном Кавказе такие пронизи встречаются как в финальных памятниках предскифской эпохи (Каменноостский могильник, курган 1), так и в наиболее ранних курганах скифского времени (в Прикубанье это: курган 41 могильника

Рис. 50. Навершие из Келермеса. Бронза

Рис. 51. Удила и псалий из станицы Кужорской. Железо, бронза

Рис. 52. Псалии и налобник из станицы Кужорской – грифон. Бронза

Рис. 53. Налобник из станицы Кужорской – крылатый лев. Бронза

Рис. 54. Костяные пронизи из Келермеса. Кость

Рис. 55. Навершие из Уляпского кургана 1. 1908 г. Бронза

Рис. 56. Навершие из станицы Говердовской. Бронза

«Фарс-Клады» у станицы Новосвободной и курганы у станицы Келермесской № 1, 2 (раскопки Н.И. Веселовского) и № 24 (раскопки Л.К. Галаниной и А.Ю. Алексеева)) (рис. 7). В дальнейшем же массив изображений головы хищной птицы, в том числе маркирующей анатомические элементы других зооморфных изображений (например, рис. 5, 2; 24, 25, 45, 53, 58, 62), в меото-скифском искусстве, как и во всем скифо-сибирском зверином стиле, численно превосходит любые другие зооморфные темы.

В Прикубанье в «классический» период был известен и мотив обособленных птичьих лап, причем целый ряд таковых, сведенных к четырем гипертрофированным когтям, являются амбивалентными, поскольку одновременно представляют собой отростки оленьих рогов²⁵. Особенно вычурные птичьи лапы оформляют ажурные лопасти S-видных псалиев первой половины IV в. до н.э. и Г-образных псалиев второй половины IV в. до н.э. (рис. 51).

В группе многоликих синкретических образов, фактически сочетающих природные элементы вышеперечисленных образных групп (в различных комбинациях), но наделенных качественно новым значением, выделяются

грифоны разных типов. Грифон — синкретическое существо, необходимыми компонентами которого являются анатомические элементы птицы (голова, крылья, иногда ноги) и хищного зверя (туловище, ноги, уши, хвост), а для определенных периодов и культур — также элементы рептилии (чешуя, перепончатый гребень). Заимствованные из древнегреческого и переднеазиатского искусства и имеющие определенные мифологические параллели у древнегреческих авторов (в частности, у Эсхила, Геродота), помещавших грифонов в баснословных северных областях, эти образы перерабатывались и переосмысливались местными мастерами²⁶. В раннескифском зверином стиле мы наблюдаем, с одной стороны, относительную малочисленность воплощений «настоящего грифона» ориентализирующего и раннегреческого типов, с другой, напротив, наличие значительного массива «квазигрифонов» — производных от основного образа и пересечений с другими синкретическими образами. Следовательно, тема грифона, пришедшая из древнегреческого и переднеазиатского искусства, оказалась в чистом виде недостаточно популярной в скифской среде в VII—VI вв. до н.э., замещаясь синкретическими образами, более соответствующими местной идеологии, в которой такого рода сюжеты, несомненно, должны были уже присутствовать, учитывая наличие индоиранской подосновы в виде легенд об inferнальных зонах и населяющих их фантастических существах²⁷.

Соответственно в прикубанском зверином стиле VII—VI вв. до н.э. образ грифона встречается достаточно редко, в основном в редуцированном виде. Он является переработкой темы раннегреческого, «ионийского грифона» (орлиноголовый грифон с раскрытой пастью и высунутым языком, с вертикально торчащими ушами и, как правило, с шишковидным выступом-рогом на темени²⁸) (рис. 50). Однако впоследствии, в V—IV вв. до н.э. в меото-скифском искусстве становится очень популярным образ грифона, выполненного в духе позднегреческой и ахеменидской иконографии (соответственно представляющих грифонов как орлиноголовых крылатых львов с гребнем и как крылатых львов с козлиными рогами или без оных), но с использованием местных стилистических приемов (рис. 52, 53).

Иконографически и семантически пограничным, но не тождественным по отношению к теме грифона, является в раннескифском искусстве VII—VI вв. до н.э. вообще и на Кубани в частности гораздо более популярный синкретический образ грифобарана/бараноптицы — комбинация хищной птицы и копытного (рис. 54)²⁹. Известно и изображение существа, сочетающего черты бараноптицы и грифона (рис. 55). В том же контексте пограничных с грифоном синкретических существ следует рассматривать и характерные только для периода «архаики» изображения шеи и головы тупорылого зверя с торчащими остроугольными ушами и со свисающим языком (иногда еще и с гребнем) (рис. 56).

Образы меото-скифского искусства, как и всего скифо-сибирского звериного стиля, воспроизводятся не только обособленно, но и в качестве компонентов бифигурных и многофигурных композиций. Однако в период «архаики» такого рода композиции на изделиях собственно прикубанского производства практически отсутствуют³⁰, что соответствует общей картине скифо-сибирского искусства этого времени, когда преобладали одиночные изображения, а композиции из фигур животных были крайне редки³¹. Исключение составляют вышеупомянутые свастические композиции, композиционные истоки которых обнаруживаются еще в местном геометрическом искусстве

Рис. 57. Бляхи с птичьими головками из станицы Кужорской. Бронза

Рис. 58. Налобник из станицы Кужорской. Бронза

протомеотского времени, равно как и в зооморфных свастиках кобанского искусства позднебронзовой эпохи.

Рис. 59. Лопасть псаля из станицы Кужорской. Бронза

Рис. 60. Бляха из Семибратних курганов. Бронза

Напротив, в V в. до н.э. (а затем и в IV в.) в Прикубанье достаточно широко распространяются бифигурные и многофигурные композиции в зверином стиле. Во-первых, это свастические композиции, продолжающие традицию периода «архаики» (рис. 57). Во-вторых, это геральдические сцены предстояния и предлежания пары животных друг другу, восходящие изначально к переднеазиатской традиции их симметричного размещения по двум сторонам «священного дерева» (рис. 58). В-третьих, это сцены терзания, поглощения и преследования одних животных другими, причем иногда эти сцены совпадают с геральдическими. Как правило, отображается терзание копытных хищниками (рис. 15) (хотя бывают и иные сочетания). Особенно популярными

Рис. 61. Бляха из Гюэноса. Бронза

Рис. 62. Лопасть псаля из станицы Кужорской. Бронза

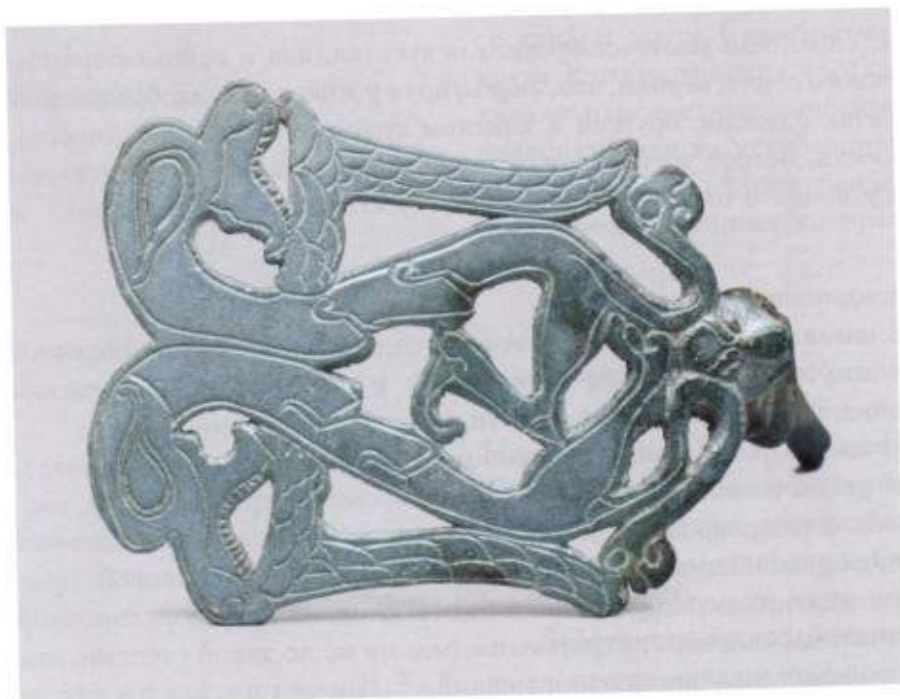
Рис. 63. Наносник из станицы Тенгинской. Бронза

сцены терзания и поглощения стали на «елизаветинской» стадии «классического» периода (см. ниже) — это не только терзание копытных реальными и фантастическими зверями, что характерно для всего скифского искусства, но и терзание хищниками птиц — причем иногда это почти равная борьба хищного зверя и хищной птицы (рис. 59) — и даже терзание хищниками хищников (рис. 60). Такие темы с распространением элементов меотской культуры проникают и в Закавказье, например, в сцене борьбы фантастического рогатого хищника с хищной птицей на бляхе из святилища в Гюэносе (рис. 61). В некоторых случаях хищник кусает собственные лапы (правда, превращенные в птичьи головы), а грифон/крылатый лев — собственные крылья (рис. 62), что является лишь композиционной вариацией терзания головы оленя в других композициях, где эта голова занимает место соответствующих крыльев или лап.

Вариацией сцен терзания является и уникальный для меото-скифского искусства сюжет терзания хищником головы человека, имеющий тематическое, а не стилистическое соответствие в северо-причерноморском скифском искусстве (рис. 63).

Одним из вариантов сцен терзания является и сюжет терзания птицей рыбы или дельфина (рис. 49). Возможно, что сцены терзания передают борьбу антагонистических начал мироздания и конкретных противоположностей в природе³². Кроме того, сцена терзания может интерпретироваться как прием, призванный увеличивать магическую силу этих изображений: одни, поедая других, приобретают их качества, т.е. расширяют свою образность и, следовательно, магические возможности³³.

Меото-скифское зооморфное искусство специфично не только своим репертуаром, но и манерой реализации вышеперечисленных образов и сюжетов. Как и весь скифский звериный стиль, это искусство, с одной стороны, основывается на

реальных природных элементах, а с другой, в нем невозможен реализм в современном понимании. Главная задача скифо-сибирского звериного стиля — обобщенное воспроизведение прообраза, «сведение животного к его наиболее типичным чертам»³⁴. Мастера меото-скифского зооморфного искусства также стремились к этой цели, акцентируя наиболее типичные, по их мнению, свойства животного и той группы, к которой принадлежит этот образ. Именно поэтому столь широко практиковалось воспроизведение образа по принципу «часть вместо целого». Исходя из тех же соображений, художники увеличивали определенные части тела в ущерб другим анатомическим деталям. В первую очередь — это органы чувств: глаза, ноздри, пасть, уши и основные двигательные элементы: лопатка, бедро, крылья; рога и копыта, хвост; органы поражения — зубы, лапы, когти, клюв. В частности, у хищников «подчеркивалось то, что убивало жертву (лапы, когти, рога, пасти, зубы), и то, что помогало выследить ее (глаза, уши, ноздри)»³⁵.

Определенные анатомические детали (в первую очередь глаз, лопатка и бедро) выделялись посредством рельефа, линейного обрамления, контрастного выделения или «зооморфного превращения». Последнее представляет собой особый стилистический прием, предполагающий такое вписывание изображения дополнительного животного (т.е. элемента «превращения») в какую-либо часть тела основного изображаемого животного, при котором учитывается и используется контур и фактура этой анатомической детали или сочетания деталей. В меото-скифском варианте скифского звериного стиля «зооморфные превращения» были необычайно популярны. Рогатые копытные могут изображаться с рогами, завершающимися птичьими или грифонными головками (рис. 25); у хищников в виде тех же птичьих голов могут оформляться лапы, у птиц — когти, у всех зверей (т.е. млекопитающих) — лопатка или хвост, и у зверей, и у птиц — основание головы и т.д. Наряду с птичьей головой — главным элементом зооморфных превращений — в качестве таких субъектов могли выступать и другие зооморфные мотивы (см., например, фигурки свернувшегося кошачьего хищника, в которые трансформированы хвост и лапы знаменитой Келермесской пантеры) (рис. 39)³⁶.

Возможно, создатели меото-скифского искусства, как и всего скифо-сибирского звериного стиля, верили, что, акцентируя у животных, изображаемых ими на предметах одежды, оружия и конском снаряжении, такие качества, как сила, скорость, острое зрение и обоняние, они усиливают соответствующие качества у воина и охотника, равно как и у его главного помощника — лошади³⁷.

Наряду с эволюцией образно-сюжетного содержания меото-скифского зооморфного искусства Прикубанья меняются и способы моделирования изображений, основные композиционно-стилистические приемы.

В VII—VI вв. до н.э. (период «архаики» в скифском зверином стиле), здесь, как и в целом в восточноевропейском скифском зверином стиле, господствовал способ моделировки поверхности тела изображаемых животных с помощью сходящихся плоскостей. По мнению Е.В. Переводчиковой, прикубанские произведения периода архаики отличаются «четкой моделировкой тела сходящимися плоскостями, утрированными, но не до такой степени, как позднее, отдельными признаками изображений»³⁸. Кроме того, как и в других

зонах, в Прикубанье в этот период создавалась круглая скульптура — как в бронзовых отливках, так и в технике резьбы по кости и рогу.

Для уяснения композиционных приемов и особенностей трактовки анатомических деталей меото-скифского искусства Прикубанья «архаического» периода полностью применим вывод Г.А. Федорова-Давыдова, сделанный им в результате изучения скифо-сибирского звериного стиля в целом, о том, что для этого художественного направления в соответствующую эпоху был характерен в высшей степени автономный, самодостаточный анималистический образ, «нарочитая замкнутость линий фигуры или нескольких фигур»³⁹. «Предмет с его функциональным назначением как бы сливается с изображенным на нем животным»⁴⁰.

Ситуация существенно иная в «классический» период — в V—IV вв. до н.э. Меняются не только репертуарные предпочтения, но и композиционно-стилистические приемы и чисто технические способы моделирования изображений. При этом в Прикубанье на этом этапе указанная динамика имела особую интенсивность. Е.В. Переводчикова, развивая более ранние предположения М.И. Ростовцева, специально ввела для этого региона дополнительное деление «классического» периода на два этапа: скифо-меотский звериный стиль типа изображений на предметах из ранней группы Семибратних курганов (V в. до н.э.) и звериный стиль типа изображений на предметах из Елизаветинских курганов (IV в. до н.э.)⁴¹. Позднее Е.С. Масленицына, совершенствуя концепцию Е.В. Переводчиковой на базе новых материалов, выявила связующее звено между «семибратним» и «елизаветинским» стилями — искусство круга Уяпских курганов 1-й половины IV в. до н.э.⁴²

При переходе от архаического периода к классическому архаическая традиция моделировки изображений не исчезает, а модифицируется — в направлении от высокого к низкому рельефу. По мнению Е.В. Переводчиковой, на предметах V в. до н.э., т.е. круга ранней группы Семибратних курганов, «поверхность тела животного независимо от вида передана в низком рельефе, расчлененном на плоскости лишь в изображении отдельных деталей»⁴³. В начале IV в. до н.э. такая моделировка изображений сохраняется (произведения круга Уяпских курганов), хотя ситуация постепенно меняется: если способ моделировки в произведениях уяпского круга еще тесно связан со стилем круга Семибратних курганов, то в зверином стиле памятников круга Елизаветинских курганов второй половины IV в. до н.э. уже возобладала плоскостная изображения, детали которых передаются такими же полосками или же углубленными линиями. Естественно, что в этих условиях в IV в. до н.э. в Прикубанье (как и в Северном Причерноморье в целом) практически изживается практика создания круглой скульптуры из кости и рога.

Обращаясь к композиционно-стилистическим изменениям, отметим, что в V — начале IV в. до н.э. в Прикубанье, как и в других локальных вариантах скифского звериного стиля, все еще продолжают создаваться замкнутые, строго сбалансированные в своей автономности и покое зооморфные образы. Но наряду с этим наблюдается и новая тенденция: по словам Г.А. Федорова-Давыдова, «взаимопроникновение предмета и образа животного, этот симбиоз зверя-божества, зверя-оберега и предмета, предназначенного к практической жизни, заменяется все более и более самостоятельной жизнью предмета, украшенного (только лишь украшенного!) зооморфным мотивом»⁴⁴.

Действительно, тенденция к орнаментальности, существовавшая и ранее, но не всегда находившая достаточное выражение в предшествующие перио-

ды, стала в это время играть ведущую роль и в скифском, и в меото-скифском искусстве. В степном и лесостепном вариантах скифского звериного стиля это изменение началось еще в V в. до н.э. и было во многом обусловлено влиянием древнегреческого искусства, которому в этот период была присуща пышная декоративность. Это влияние проявилось в широком проникновении мотивов греческого искусства, художественных приемов и даже специфических греческих образов. Не случайно ряд исследователей называют скифский звериный стиль V в. до н.э. в степном и лесостепном Причерноморье «скифским барокко»⁴⁵.

Пик этой тенденции в Прикубанье пришелся именно на IV в. до н.э. — время Уляпских и Елизаветинских курганов. Поэтому можно говорить и о меото-скифском зверином стиле этого времени как о «меотском барокко». Во многом именно благодаря этому процессу особенно широко распространились вышеописанные «зооморфные превращения», элементами которых в большинстве являлись редуцированные изображения — в первую очередь головы хищных птиц, иногда служившие просто композиционным, «строительным» элементом. Порой эти превращения становятся крайне усложненными и многостепенными (например, навершие из Тенгинской) (рис. 25, 2).

Можно с уверенностью говорить о зависимости между стилистической эволюцией и изменениями в технике моделировки: именно усиление орнаментальности в IV в. до н.э. в конечном счете привело к господству уплощенных изображений и ажурных фигур. Это отразилось в преобладании декоративных черт над изобразительностью, фигуративностью; в поисках наиболее эффективных композиционных схем мастера создают своего рода растительные мотивы на основе зооморфных — в частности, возникает так называемая «звериная пальметка», сформированная или из сочетания удлиненных шей и голов животных, или из рогов оленя⁴⁶ (рис. 64). По словам Е.Ф. Корольковой, стиль изделий «круга ст. Елизаветинской» отличается «обобщенностью образов, сложными текучими ритмами и плавностью контуров, подчеркнутых зачастую характерным рубчатым кантом; плоскостностью и графичностью решения; вытянутостью пропорций и декоративностью... стилизованных изображений... обилием дополнительных звериных мотивов... сочетанием признаков разных животных в едином образе... зооморфными завершениями отростков рогов»⁴⁷.

Неизбежное в этой ситуации возрастание схематизма порой вело и к утрате видовой определенности, а в крайних случаях — даже к почти полной неразличимости природной тематической основы. Вместе с тем в наиболее качественных произведениях утрата определенного «реализма», присущего скифской архаике, вызванная доминированием декоративности, компенсируется изяществом форм, неповторимостью композиции.

Под греческим влиянием в это время стали использовать растительные мотивы для воплощения образов животных — в первую очередь пальметку, которая задействовалась и самостоятельно, для заполнения пустого пространства, и как средство композиционной организации рогов, крыльев, хвоста и т.д. Гораздо реже использовалась розетка — в основном для передачи птичьего глаза.

Усиление декоративности вело к широкому распространению в этот период сцены терзания и поглощения и, особенно, центральносимметричных и осесимметричных композиционных схем при создании не только парных геральдических сцен, где это вполне закономерно, но и в изображениях единичного животного. Шире, чем прежде, стали использоваться и самостоятельные

Рис. 64. Изображения головы оленя на предметах «елизаветинского» круга:

- 1 — Елизаветинская, лопасть псаля,
- 2 — хутор Прикубанский, лопасть псаля,
- 3 — Семибратние курганы, к. 3, лопасть псаля,
- 4, 5 — Тенгинская, к. 2, лопасти псаля,
- 6 — Анап-курган, навершие,
- 7 — Елизаветинская, к. 1917 г., лопасть псаля,
- 8, 9 — Гюэнос, лопасти псаля,
- 10 — Анап-курган, навершие,
- 11, 13 — Тенгинская, к. 2, навершие,
- 12 — Елизаветинская, курган 7, раскопки 1917 г., лопасть псаля

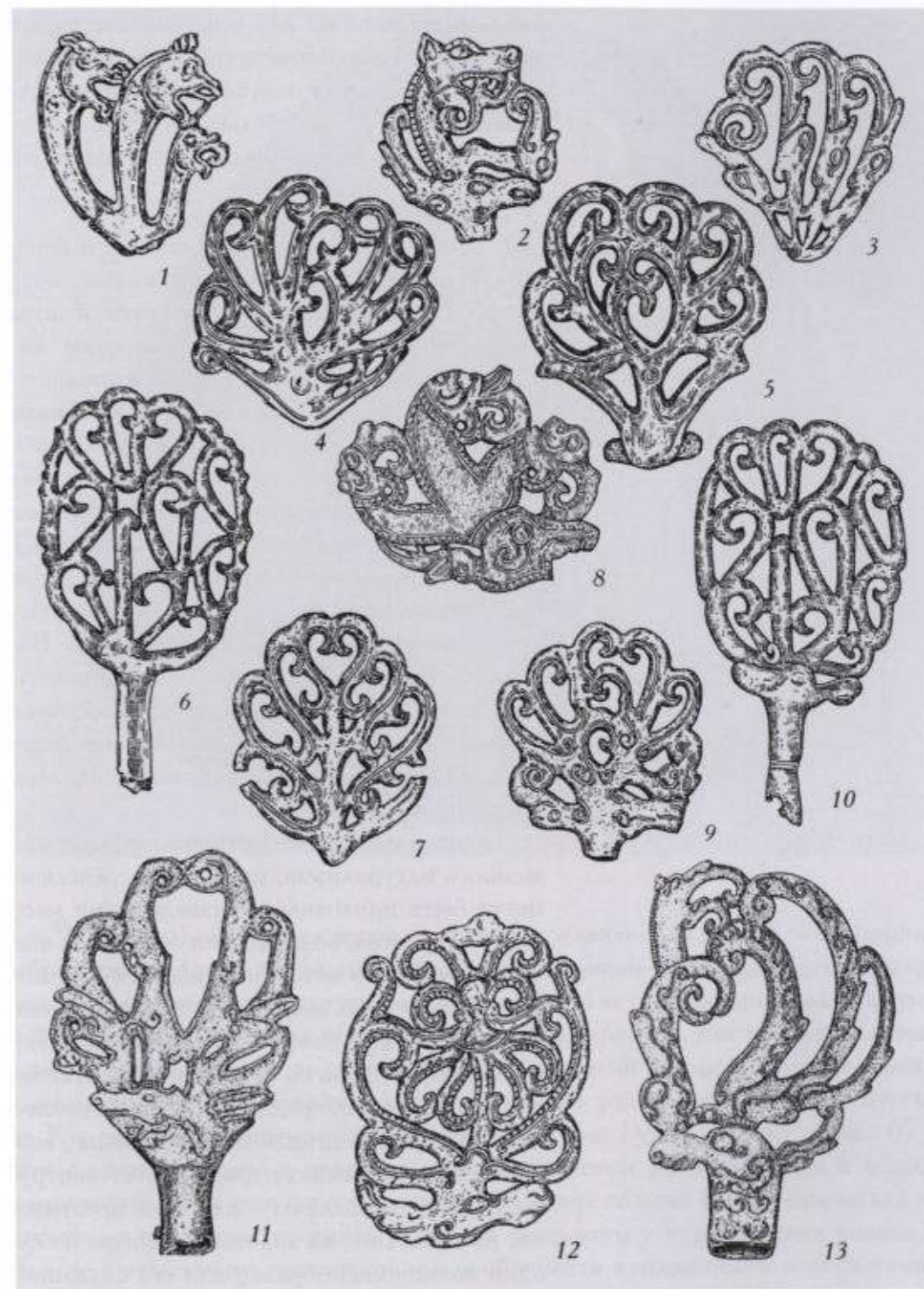

Рис. 65. Конский наносник из кургана 1 станицы Кужорской в виде головы Силена с птицей, сидящей на его темени. Бронза

редуцированные изображения — те же птичьи головы, конечности хищников и копытных, обособленные копыта и лапы.

Прикубанский вариант звериного стиля прекращает свое существование вместе со всем скифо-сибирским звериным стилем. Как художественная тенденция он исчезает в конце IV — начале III в. до н.э. Исследователи продолжают спорить о том, было ли это следствием вырождения стиля под напором инокультурного, прежде всего греческого влияния, его постепенной трансформации в сарматский стиль или просто неожиданным исчезновением (при наличии значительных резервов развития) вместе со всей культурой скифского

типа, сошедшей на нет в результате сарматской экспансии или природных катаклизмов в восточноевропейской степи. Все вышесказанное относится и к меото-скифскому искусству, но лишь с той разницей, что его исчезновение не сопровождалось гибелью меотской культуры, которая, хотя и подвергалась сарматизации, продолжала существовать вплоть до IV в. н.э.

Наряду с зооморфными темами в репертуаре меотского искусства присутствуют, хотя и немногочисленные, антропоморфные образы. При этом часть найденных в ареале меотской культуры бронзовых антропоморфных изображений является импортом из древнегреческих мастерских, о чем свидетельствует их натуралистичность и высокое качество исполнения (например, рукоять зеркала (случайная находка из аула Тауйхабль) в виде колонноподобной скульптурки Кору (вторая половина VI в. до н.э.)). Вместе с тем изделия такого типа могли быть частью меотского конского снаряжения, как, например, уздечная бляха из 5-го Уляпского кургана в виде головы горгоны Медузы (первая половина IV в. до н.э.) и конский наносник из кургана 1 у станицы Кужорской в виде головы Силена с птицей, сидящей на его темени (вторая половина IV в. до н.э.) (рис. 65), причем сама эта птица была выполнена с учетом «варварских» вкусов. Возможно, что ряд вышеназванных изделий (прежде всего, предметы конского снаряжения) происходит из мастерских древнегреческих городов Боспорского царства, а другие — из более отдаленных ремесленных центров, как вышеупомянутая фигурка Кору, ближайшие аналогии которой связаны с производственными центрами Северной Греции или Сицилии⁴⁸.

Однако отдельные антропоморфные изображения, лишенные ярко выраженного натурализма, присущего греческой традиции этого времени, все же могут быть признаны произведениями местного меотского или меото-скифского искусства, возникшими под неким внешним воздействием. Так, человеческая голова, в которую впирается хищник (выполненный вполне в канонах меото-скифского звериного стиля), на конском наноснике второй половины IV в. до н.э. из 1-го кургана некрополя II Тенгинского городища (рис. 63), демонстрирует связь со стилистикой фракийских антропоморфных персонажей и, опосредованно, средневропейских кельтских изображений раннелатенской эпохи. Данное тенгинское изображение, возможно, связано с широко распространенным у разных народов культом отрубленной человеческой головы или же ее использованием в качестве престижного атрибута (ср. нижеупомянутое изображение на золотом колпачке из кургана Курджипс (рис. 67)). Еще один возможный образец для его создания — древнегреческие изображения головы Геракла с накинутой львиной шкурой, в которых голова героя оказывалась в пасти убитого им немейского льва, а передние лапы льва охватывали голову, порой завязываясь на груди Геракла (см., например, атташ серебряного сосуда из «гробницы Филиппа» в Вергине)⁴⁹. Такие композиции, в силу популярности образа Геракла в Северо-Причерноморском регионе не только в греческой, но и в варварской среде, часто служили украшением скифской узды, будучи своеобразным апотропеем.

Уникальное (с точки зрения соотношения тематики и иконографии с характером украшаемого предмета) полнофигурное антропоморфное изображение на конском налобнике из комплекса коня 14 кургана 2 некрополя II Тенгинского городища (рис. 66) находит целый ряд синхронных соответствий в костюме и доспехах на скифских изваяниях мужчин-воинов IV в. до

Рис. 66. Антропоморфное изображение на конском налобнике из комплекса коня 14 кургана 2 некрополя II Тенгинского городища. Бронза

Рис. 67. Колпачок из кургана Курджипс. Золото

н.э.⁵⁰ (треугольный вырез ворота кафтана, трехвитковая гривна, «панцирная юбка» или широкий панцирный пояс, отображенный с помощью шести удлиненно-трапециевидных фигур, разделенных пятью гравированными линиями и занимающих место под поясом)⁵¹. Местный характер, как представляется, присущ и иконографии двух воинов с отрубленными человеческими головами в руках и двух — с мечами, изображенных на золотом колпачке из кургана Курджипс, датируемого последней четвертью IV в. до н.э.⁵² (рис. 67). Эти фигурки сходны с персонажем на тенгинском налобнике как в общей композиции и ракурсе фигуры, так и в передаче головы (лицо, прическа) и, отчасти, в трактовке костюма (типично скифского у курджипских воинов). Вместе с тем данное тенгинское и в особенности курджипские изображения представляются примитивизированным подражанием современным им древнегреческим изображениям скифов. В частности, курджипский колпачок, как указывает Л.К. Галанина, близок таким северопричерноморским варварским подражаниям образцам боспорской торевтики с изображениями скифских воинов, как датируемые IV в. до н.э. золотая Геремесовская пластина и золотые бляшки из впускного погребения кургана 5 (раскопки 1905 г.) у с. Аксютинцы в Приднепровье⁵³.

Таким образом, несмотря на ограниченность антропоморфных образов в меотском искусстве скифской эпохи, данная тема (порой в тесной связи с зооморфными образами) нашла отражение в ярких изображениях и сценах в произведениях местной торевтики IV в. до н.э. Этому способствовало как влияние скифского искусства, так и богатство соответствующих сюжетов в

древнегреческом, фракийском и кельтском искусствах, оказывавших в одних случаях прямое, в других — опосредованное воздействие на культуру меотских племен Прикубанья.

Итак, яркость и самобытность искусства Прикубанья в скифскую эпоху определялись уникальным сочетанием мощного и неизменного влияния скифской изобразительной системы с развитием местной протомеотской традиции в условиях существенного воздействия древнегреческой цивилизации и в меньшей мере искусства Центрального Предкавказья.

¹ Ср.: *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. М., 1994. С. 157–170.

² Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987. С. 46.

³ *Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006. С. 29–31.

⁴ Там же. Кат. № 96.

⁵ Мы не включаем в круг изделий меото-скифского звериного стиля изображения на секире, мече, зеркале и ритоне из Келермесских курганов, кроме тех, что несут в себе элементы скифского звериного стиля, поскольку эти замечательные парадные изделия не являются результатом работы местных меото-скифских мастеров (см.: *Переводчикова Е.В.* Келермесская секира и проблема формирования скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1979; *Кисель В.А.* Священная секира скифов: Об одной находке из Келермеса. СПб., 1997; *Он же.* Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003).

⁶ *Переводчикова Е.В.* Прикубанский вариант скифского звериного стиля: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 139–162, 173.

⁷ Мы исключаем из данного списка изображения на серебряном зеркале и ритоне из Келермеса. Данные предметы были изготовлены, скорее всего, в Малой Азии, в греко-ионийской и лидийской среде; можно допускать, хотя это гораздо менее вероятно, что они изготовлены в другом месте по заказу скифского вождя, но опять же малоазийскими мастерами (*Кисель В.А.* Шедевры ювелиров.... С. 52–56, 85–99).

⁸ *Переводчикова Е.В., Раевский Д.С.* Еще раз о скифских навершиях // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: (история и куль-

тура). М., 1981. С. 44, 46–47, 49–51.

⁹ При этом изображения на мече из Келермеса, как и на его аналоге из Мельгуновского кургана, за единичными исключениями (фигуры оленей), выполнены в ассиро-урартской манере, хотя и с некоторыми отступлениями, связанными, очевидно, с запросами скифов-заказчиков (*Питровский Б.Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 252; *Кисель В.А.* Шедевры ювелиров.... С. 29). Изображения на Келермесской секире представляют собой нечто среднее между переднеазиатской и раннескифской изобразительной традицией (*Переводчикова Е.В.* Келермесская секира...; *Кисель В.А.* Священная секира скифов; *Он же.* Шедевры ювелиров...; *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. С. 67–73) и, во всяком случае, не могут считаться произведениями меото-скифского искусства.

¹⁰ См. обзор теорий семантики образов и сюжетов скифо-сибирского звериного стиля в кн.: *Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. С. 42–45.

¹¹ Цит. по: *Бобринский Н.А.* Животный мир и природа СССР. М., 1960. С. 331.

¹² *Ермолова Н.М.* К вопросу об интерпретации изображений животных // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 258–262.

¹³ См., например: *Вязьмитина М.И.* Ранние памятники скифского звериного стиля // СА, 1963. № 2. С. 163–164; *Артамонов М.И.* Сокровища саков. М., 1973. С. 220.

¹⁴ См., например: *Мартынов А.И.* О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-си-

бирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 14 сл.

¹⁵ *Канторович А.Р.* «Летающие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 1996. Вып. 2.

¹⁶ Специальный анализ данного изображения см.: *Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Уникальные навершия из святилища у ст. Тенгинской // КСИА. М., 2005. Вып. 219; *Он же.* Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. С. 55–66.

¹⁷ *Переводчикова Е.В.* Скифский звериный стиль как изобразительная система (по материалам Прикубанья) // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 102.

¹⁸ Там же; ОАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913. С. 150, рис. 213.

¹⁹ *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. С. 46–48.

²⁰ Там же. С. 102. Мы исключаем изображения кабана на рукояти Келермесской секиры как явно не местные.

²¹ *Переводчикова Е.В.* Скифский звериный стиль как изобразительная система... С. 99–100.

²² *Переводчикова Е.В.* Прикубанский вариант скифского звериного стиля. С. 20–23; *Она же.* Скифский звериный стиль как изобразительная система... С. 99.

²³ Шедевры древнего искусства... Кат. № 134, рис. 52.

²⁴ *Переводчикова Е.В.* Скифский звериный стиль как изобразительная система... С. 100.

²⁵ По мнению Е.В. Переводчиковой, композиция ряда плоскостных изображений обособленных оленьих рогов «принимает сходство с птичьими когтями, и только многочисленность, разнообразие форм рогов и переходные формы между когтевидными и не-

когтевидными изображениями заставляют все же считать их рогами оленей» (Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. С. 163). Возможно, однако, что именно обособленные стилизованные когти птицы или хищника послужили основой для их превращения в обособленные олени рога.

²⁶ В предскифском горизонте древностей степей Евразии конца II — начала I тыс. до н.э. никаких иконографических корней грифона-птицезверя не обнаруживается. Поскольку же наиболее ранние случаи отображения грифона-птицезверя в скифо-сибирском зверином стиле известны лишь в его восточноевропейских локальных вариантах, то в памятниках VII в. до н.э. данная тема могла возникнуть здесь только под переднеазиатским и грекоионийским влияниями, а в конечном счете — на основе длительной переднеазиатской традиции образов монстров, сочетающих черты кошачьего хищника и птицы — традиции, гораздо более ранней, чем греческая, и, очевидно, первичной по отношению к ней.

²⁷ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии: Древние арии: мифы и история. СПб., 2001. С. 25—78. Очевидно, не следует исключать того, что миф о грифонах и о борьбе аримаспов изначально сформировался в самой греческой среде; неправомерно также категорически утверждать, как это делает ряд исследователей (Там же. С. 68—71), исходя из присутствия темы синкретических существ в индоиранской мифологии, что он был заимствован греками из мира культур скифо-сибирской области и затем переработан.

²⁸ Данный выступ, в сущности — гипертрофированный рудимент высокого завитка волос на темени грифонов и антропоморфных существ, переходящего в хохолок и затем в локон на шее, представлен в хеттском, фригийском и урартском искусстве.

²⁹ Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: Сб. памяти М.П. Абрамовой. М., 2007. С. 235—257. (МИАР; Вып. 8).

³⁰ Переводчикова Е.В. Прикубанский вариант скифского звериного стиля. С. 99.

³¹ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды // Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976. С. 17; Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. С. 55.

³² Такое мнение в разных вариациях высказывали С.И. Руденко, Д.С. Раевский, Е.Е. Кузьмина, Б.Н. Мозолевский, С.С. Бессонова, Б.А. Литвинский и др. Так, Е.Е. Кузьмина считает, что у скифов и сако-сибирских народов эта сцена могла символизировать «космогонический акт творения и возрождения через уничтожение» (Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев: (культурологические очерки). М., 2002. С. 38) и, в частности, весеннее возрождение (Она же. Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской эпохи // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 8—9). Д.С. Раевским высказано сходное, но более универсальное предположение, что мотив терзания — метафорическое обозначение смерти «как неперемогимого условия продолжения жизни, в конечном счете — как своего рода жертвоприношения, совершаемого во имя этого продолжения» (Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 153).

³³ Ср.: Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. С. 93.

³⁴ Rostovtzeff M. The Animal Style in South Russia and China. Princeton; N.Y., 1929. P. 29.

³⁵ Яценко И.В. Искусство скифских племен Северного Причерноморья // История искусства народов СССР. М., 1971. Т. 1. С. 132.

³⁶ Несмотря на присутствие определенных элементов переднеазиатской художественной манеры, келермесская пантера все же в целом соответствует канонам скифского звериного стиля (Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2. С. 70; Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. С. 98—99).

³⁷ См., в частности: Schefold K. Der Skythische Tierstil in Südrussland // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1938. XII. S. 64; Граков Б.М.

Скифи. К., 1947. С. 37; Яценко И.В. Искусство скифских племен Северного Причерноморья // История искусства народов СССР. М., 1971. Т. 1. С. 132; Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды; Хазанов А.М., Шкурко А.И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 45 сл.

³⁸ Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль как изобразительная система... С. 98.

³⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. С. 17.

⁴⁰ Он же. Искусство кочевников и Золотой Орды. С. 22.

⁴¹ Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. С. 158—167.

⁴² Масленицына Е.С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V—IV в. до н.э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ. М., 1992.

⁴³ Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. 1994. С. 158.

⁴⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. С. 34.

⁴⁵ См., например: Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. С. 114—116.

⁴⁶ «Нигде, кроме как на Кубани, мы не встретим не только сложного рисунка плоских голов оленей, но и вообще ажурных предметов в зверином стиле, выполненных на плоских гравированных пластинах» (Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. С. 167).

⁴⁷ Королькова Е.Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ. 2001. Вып. 35. С. 91—92, рис. 1, 2, 9; С. 13—16, рис. 2.

⁴⁸ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. С. 121.

⁴⁹ Andronicos M. Vergina: The Royal Tombs. Athens, 1999. P. 155, fig. 120.

⁵⁰ Ср. изваяние № 2 у станицы Преградной в Карачаево-Черкесии и на одной из стел у с. Приветное в Западном Крыму (Шульц П.Н., Навротский Н.И. Прикубанские изваяния скифского времени // СА. 1973. № 4. С. 197; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII—III в. до н.э. М., 1994. С. 31—32. кат. № 105, ил. 34—35; кат. № 124, ил. 62, 75; Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной

части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005. Ил.83, 2, 85). В.С.Ольховский датирует оба эти изваяния второй половиной IV в. до н.э.

⁵¹ В меотских памятниках IV в. до н.э. панцирные пояса прослежены в ряде святилищ у аула Уляп (курганы 1, 2, 5), а также и в кургане 2 некрополя II

Тенгинского городища, откуда и происходит данный налобник (Эрлих В.Р. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 2002. Рис. 2). Полиен (Военные хитрости, VIII, 55), описывавший во II в. н.э. события синдо-меотских войн конца V — начала IV в. до н.э., упоминает

боевой пояс, защитивший меотянку Тиргатао от удара меча подосланного убийцы.

⁵² Подробное описание изображений на Курджипском колпачке, анализ стилистики и семантики см.: Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980. С. 45–47, 93.

⁵³ Там же. С. 47.

Часть IV

АЗИАТСКИЙ БОСПОР В АНТИЧНЫХ ТЕКСТАХ

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

А. И. ИВАНЧИК

Местное население Прикубанья — синды, меоты, скифы и др. — не знали письменности и не оставили письменных текстов, поэтому наши сведения о них, кроме археологических источников, происходят из текстов других народов, контактировавших с ними и обладавших письменной культурой. Для эпохи древности это почти исключительно данные греческих и латинских текстов. Они подразделяются на две большие группы — свидетельства литературных источников, т.е. произведений, написанных греческими и латинскими авторами, и эпиграфические источники, т.е. надписи, составленные в греческих городах Боспора. Те же источники позволяют судить и об истории греческих колоний, существовавших на территории Азиатского Боспора.

Данные античных авторов о Северном Причерноморье весьма обширны. Один из основоположников научного исследования Черноморского региона в древности В.В. Латышев собрал практически все известные свидетельства античных авторов о Северном Причерноморье в хрестоматии «Scythica et Caucasica»¹. В 40-е годы XX в. труд В.В. Латышева был переиздан с расширенными комментариями в качестве приложения к ВДИ; оригиналы античных текстов были, однако, при этом опущены, и в переиздание вошли лишь переводы². С тех пор корпус известных произведений античных авторов, упоминавших Северное Причерноморье, пополнился незначительно, в основном за счет новых папирусных находок. Что касается исследования античной литературной традиции в целом, то лучшей работой остаются первые главы книги М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор»³. Несмотря на то что с тех пор появилось много публикаций, в которых рассматриваются отдельные сведения античных авторов об Азиатском Боспоре и конкретные тексты, античная традиция в целом анализу не подвергалась. В данной главе будут рассматриваться лишь те свидетельства источников, которые освещают древнюю историю Нижнего Прикубанья. Это касается как местных народов (в частности история скифов будет рассматриваться лишь в той мере, в какой она была связана с Прикубаньем), так и городов античного Боспора: в поле рассмотрения войдет лишь Азиатский Боспор.

Ранние представления греков о Боспоре и Нижнем Прикубанье. Греки познакомились с побережьями Таманского полуострова в ходе колонизации Черноморского региона, составлявшего часть Великой греческой колонизации. При этом Черное море стало известно грекам и было ими освоено относительно поздно, несмотря на свою географическую близость к Эгейскому морю, западный и восточный берега которого, а также острова были зоной зарождения и основного распространения греческой цивилизации. Запаздывание колонизации черноморских берегов по сравнению со значительно более удаленными Италией и Сицилией составляет почти 150 лет. Отчасти такое запаздывание объяснялось, вероятно, географическими причинами: Черное море соединено со Средиземноморьем системой узких и достаточно сложных для плавания проливов. Несмотря на то что трудность плавания по проливам в научной литературе иногда преувеличивалась⁴, она все же, вероятно, сыграла свою роль в относительной изоляции Черноморского региона, особенно на раннем этапе.

Однако этот фактор не был главным. В ранний период греки, очевидно, воспринимали водные пространства, лежащие за пределами Босфора, как часть Океана. На это прямо указывает Страбон (Strab. I. 2. 10): «И вообще тогдашние (т.е. современники Гомера) Понтийское море воспринимали как второй некий Океан и думали, что плавающие туда совершенно так же уда-

ляются, как вышедшие намного за (Геракловы) столпы». Кроме того, следы раннего отождествления Черного моря с Океаном сохранились практически во всех связанных с ним легендарных традициях⁵. Соответственно в ранний период греки представляли себе Черное море как залив Океана и не подозревали о существовании его северного и восточного побережий (Западное и Южное Причерноморье им стали известны раньше благодаря контактам, осуществлявшимся по суше). Вероятно, этот фактор и был главной причиной задержки колонизации Причерноморья: Океан ассоциировался у греков с потусторонним миром, а также с хаосом, неорганизованным состоянием материи, и обосноваться на его берегах было сродни добровольному переселению в царство мертвых.

Первые поселения греков на Черном море появились, видимо, в третьей четверти VII в. до н.э. Самыми ранними из них были Истрия, Оргаме, Березань и Таганрогское поселение (Кремны?), основанные примерно одновременно. Возможно, что тогда же или немного позже была основана и Синопа, однако из-за ее крайне слабой археологической исследованности судить об этом пока невозможно; во всяком случае древнейший известный археологический материал из Синопы относится лишь к рубежу VII–VI вв. до н.э.⁶ Обращает на себя внимание тот факт, что одно из первых поселений было основано в наиболее отдаленной точке Черноморского региона — в дальнем углу Азовского моря, неподалеку от устья Дона. Очевидно, греки уже вскоре после проникновения в Черное море убедились, что оно замкнуто и вовсе не имеет прямых выходов в Океан. После этого колонизация его берегов развивалась стремительно: уже во второй четверти VI в. до н.э. они были заселены достаточно густо. Побережья Боспора, как европейский, так и азиатский берег, не привлекли внимания греческих колонистов в ходе первой волны колонизации, хотя греки, безусловно, проходили через пролив для того, чтобы достигнуть устья Дона, где было основано Таганрогское поселение. Освоение Азиатского Боспора греками начинается, по-видимому, лишь во второй четверти VI в. до н.э.⁷

Объяснение названия, которое носил в древности Керченский пролив — Боспор Киммерийский, — представляет собой непростую проблему, причем проблематичны обе его части: как само название, так и эпитет «Киммерийский». Имя Βόσπορος было неясным уже в древности, и для его истолкования была предложена народная этимология, выводившая его из слова Βοῦσπορος, Βοῦσπορος — «коровий брод». Согласно этой этимологии, пролив получил свое название потому, что его переплыла превращенная в корову Ио, преследуемая Герой. Это объяснение содержится уже в самом раннем несомненном упоминании Киммерийского Боспора — у Эсхила (Prom. 729–734; его упоминание Гекатеем, FGrHist 1 F 197 = Amm. Marc. XXII. 8. 13, сомнительно). Такое объяснение названия пролива было очень распространено в древности, иногда в рационализированной форме — пролив якобы был так мелок, что его могли переходить вброд коровы. Широкое распространение оно получило и в Новое время⁸.

Другим вариантом объяснения слова «Боспор» было предположение, что оно было древним названием любого пролива (Etym. Magn. s.v. Βόσπορος); этому объяснению следовали и некоторые современные авторы. Более тщательный анализ заставляет, однако, отказаться от обоих предположений и присоединиться к точке зрения, согласно которой слово является гречизированной формой местного, скорее всего фракийского, названия пролива Босфор⁹.

Таким образом, первоначально «Боспор» было обозначением пролива, соединявшего Мраморное, а через него Эгейское, море с Черным. Впоследствии, в период освоения греками Черного моря, это название было ими перенесено на Керченский пролив. Однако подобное перенесение топонимов в высшей степени нехарактерно для античного мира, и для того, чтобы греки назвали Боспором вновь открытый пролив, были нужны особые причины. Вряд ли единственной такой причиной могло быть простое сходство двух проливов, соединявших два больших морских пространства. Как уже упоминалось, в раннюю эпоху Черное море воспринималось как часть Океана, и соответственно Боспором назывался не просто пролив между двумя морями, а пролив, ведущий в Океан. Вполне возможно, что в период освоения Черного моря название «Боспор» оказалось перенесено на Керченский пролив в тот момент, когда греки уже знали о замкнутом характере Черного моря, но полагали, что начинающееся за проливом Азовское море соединяется с Океаном. Такое представление могло просуществовать в архаическую эпоху довольно долго — ведь единственным греческим поселением на Азовском море за пределами Боспора было Таганрогское поселение, а остальные его берега греками так и не были колонизованы. Когда же выяснилось, что Черное море — не Океан и что оно замкнуто отовсюду, кроме одного пролива, естественно было предположить, что именно за ним находится настоящий Океан, а сам пролив и есть настоящий Βόσπορος, т.е. океаническое устье. В полном соответствии с такими предположениями находилось и представление о Меотиде как «матери Понта», засвидетельствованное уже у Геродота (Herod. IV. 86), которое, вполне возможно, восходит к представлению о водном пространстве за Керченским проливом как «родителе Понта», т.е. Океане. Прямо о Киммерийском Боспоре как выходе в Океан говорит Лукан (Lucan. III. 277–279), римский эпический поэт I в. н.э., опираясь при этом, очевидно, на какое-то географическое сочинение эллинистической эпохи. Таким образом, можно думать, что греки стали называть Керченский пролив Боспором именно потому, что полагали, будто он ведет в Океан.

Однако здесь возникает вопрос: почему Боспор назывался именно «Киммерийским»? Этот эпитет нельзя рассматривать отдельно от целого набора «киммерийских» топонимов, существовавших рядом с Боспором: область Киммерия, Киммерийский перешеек, Киммерийские стены, Киммерийские переправы. Эти названия засвидетельствованы уже Эсхилом (Aesch. Prom. 733) и Геродотом (Herod. IV. 12)¹⁰. Но откуда в среде боспорских греков появилась эта топонимия, предполагавшая ассоциации киммерийцев именно с районом пролива? Наиболее простое объяснение, согласно которому на берегах Боспора в древности жили киммерийцы, с которыми здесь столкнулись греки, приходится отвергнуть. В самом деле, ни во второй половине VII в. до н.э., когда здесь впервые появились греки, ни в первой половине VI в. до н.э., когда они заселили Боспор, в районе пролива нет следов сколько-нибудь значительного присутствия степного предскифского или раннескифского населения, которое можно было бы отождествить с историческими киммерийцами. Какую археологическую культуру ни связывать с киммерийцами, территория, прилегающая к проливу, не входила в зону их основного расселения. Если бы пролив получил название от соседнего варварского народа, то скорее следовало бы ожидать, чтобы греки назвали его «Синдским» или «Таврским» по имени народов, давших название Синдике и Таврике, между которыми находился Керченский пролив; эти народы действительно занимали близкие к проливу территории.

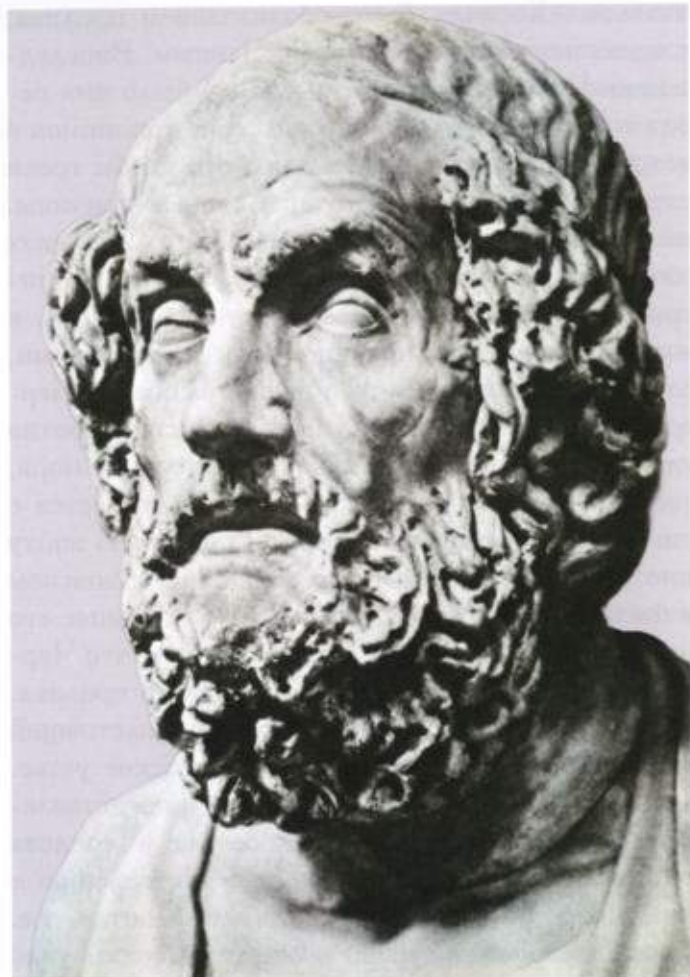

Рис. 1. Гомер. Копия гермы V в. до н.э. (?). Неаполь. Национальный археологический музей

Таким образом, причины появления киммерийской топонимии на Боспоре следует искать не в реальной этногеографии региона. Античная традиция локализовала киммерийцев в разных местах, причем иногда в таких, где их никогда не было. Так, например, очень значительная (если не бóльшая) часть упоминаний киммерийцев античными авторами связана с их локализацией в Италии, у Авернского озера близ Кум; другая традиция помещала их возле Гераклеи Понтийской. Общеизвестно, что эти локализации основывались только на комментариях одного пассажа гомеровской «Одиссеи» (XI, 14), упоминающего киммерийцев¹¹. В этом тексте Гомер говорит о путешествии Одиссея в царство мертвых, предпринятое для того, чтобы узнать от умершего прорицателя Тересия, когда и как он сможет вернуться на Итаку. Описывая вход в Аид, расположенный на берегу Океана, автор «Одиссеи» упоминает, что поблизости от него находились «народ и город» киммерийцев, погруженные в вечный мрак¹². Благодаря огромной популярности гомеровских поэм киммерийцы в античной традиции превратились в один из неперенных атрибутов inferнального пейзажа, аналогичный, например, реке Ахерон. Поэтому в тех местах, где локализовался вход в царство мертвых (а значит, и находились прорицалища мертвых, *νεκρομαντεῖα*), почти автоматически появлялась и локализация киммерийцев, которые для большинства греков были прежде всего жителями преддверья гомеровского Аида, а уже во вторую очередь — полузабытым народом, когда-то совершавшим набеги на малоазийские города. Именно этим и объясняется появление легенд о том, что в древние времена киммерийцы жили возле Авернского озера и возле Гераклеи Понтийской: там находились знаменитые «входы» в подземное царство, возле которых размещались прорицалища мертвых.

Для появления представления о том, что где-то находится вход в Аид, необходимы были соответствующие природные характеристики этого места. Несомненными признаками близкого входа в преисподнюю греки считали наличие глубоких расщелин или провалов в земле, выходов подземных газов или испарений и серных источников, наличие болот. Прилегающие к Керченскому проливу территории имеют все эти характеристики. Район Керченского пролива — одна из самых крупных зон грязе-вулканической активности: на Таманском полуострове находится множество действующих грязевых вулканов различных размеров; в меньшем количестве они известны на Керченском полуострове¹³. Активность этих вулканов характеризуется не только выбросами жидкой грязи, но и выходами горячего пара и газов; рядом с ними расположены серные источники, что несомненно должно было восприниматься греками как признак близости входа в Аид. К тому же ряд районов Таманского полуострова и прилегающих к нему территорий сильно заболочен из-за многочисленных протоков и стариц дельты Кубани, постоянно меняющей свою конфигурацию. Все эти факторы неизбежно должны были привести к локализации здесь входа в подземное царство¹⁴. Действительно, археологические данные подтверждают, что на Таманском полуострове возле

грязевых вулканов уже с самого раннего времени, по меньшей мере с конца VI в. до н.э., создавались святилища, посвященные женским божествам хтонического характера, имевшим непосредственные связи с подземным миром. Одно из таких святилищ было обнаружено в начале XIX в. на горе Бориса и Глеба в результате извержения и оползня¹⁵, другое раскопано между двумя кратерами на горе Майской¹⁶, третье — у подножия Куку-обы¹⁷.

В двух последних случаях (т.е. когда это было возможно проследить археологически) возле святилища находилась глубокая расселина, что в сочетании с расположенным рядом грязевым вулканом, скорее всего, воспринималось как признак входа в Аид. Как показывают сохранившиеся посвятительные надписи, богиня, почитавшаяся в этих святилищах, могла получать имена различных женских божеств: Деметры, Персефоны (Коры), Афродиты, Артемиды и даже Астары (в КБН 1015), т.е. семитской Астарты / Иштар¹⁸. Характерно, что в фависсе святилища на Майской горе обнаружено множество протом VI—II вв. до н.э., изображающих различные иконографические типы всех перечисленных выше богинь, что может свидетельствовать о многообразии религиозного облика почитавшейся здесь женской богини¹⁹. Видимо, именно с этим комплексом представлений связана и особая популярность на Азиатском Боспоре Афродиты Апатуры. В рассматриваемом контексте важна одна деталь сохраненной Страбоном (Strab. XI. 2. 10) легенды о ней. Согласно этой легенде, Афродита, на которую напали гиганты, избавилась от них с помощью хитрости: она спрятала в какой-то пещере или расселине (κευθμόν) Геракла, после чего стала принимать в этой пещере гигантов по одному, а там их убивал Геракл. Даже если согласиться, что источником Страбона здесь был мим и сама легенда не является храмовой²⁰, использованный в этом гипотетическом миме мотив κευθμόν, очевидно, обыгрывает реальный атрибут таманской богини (вообще связь так называемой «Великой богини» с пещерами, расселинами и т.д. засвидетельствована хорошо²¹). Кстати говоря, текст Страбона сам по себе не позволяет с полной уверенностью заключить, с каким из двух упомянутых им святилищ Афродиты связан излагаемый миф, Апатуром или фанагорийским святилищем: легенда излагается им для объяснения эпитета «Апатура» (якобы от ἀλάτῃ — «обман»), который Афродита носила в обоих, однако вряд ли можно сомневаться в том, что главным из них было святилище Апатур²² (ср. ниже) и легенда была в первую очередь привязана именно к нему.

Связь культа женского божества со входом в подземное царство не являлась специфически боспорской чертой. Так, например, в Гиераполе во Фригии, крупнейшем центре культа Великой Матери, существовал оракул типа ψυχομαντεῖον (Strab. XIII. 4. 14; Plin. NH. II. 208), один из входов в Аид помещался и в Элевсине, у святилища Деметры (Paus. I. 38. 5; H. Ogrh. 18. 15). Скорее всего, к святилищу в Гиераполе относятся и сообщения о βόθνος Керβήσιος ἔχων ὀλεθρίους ἀποφοράς — «Кербесийском провале (или пещере), имеющем губительные испарения» (Strab. XII. 8. 21, хотя, может быть, это свидетельство относится и к мийскому святилищу), и Κίμβρος καλούμενος ὁ περὶ Φρυγίαν βόθνος — «провале во Фригии, называемом Кимбрским» (Antigon. Caryst. Mirab. 123 Keller). В названиях этого βόθνος отражены, видимо, два наиболее распространенных в позднеэллинистических гомеровских штудиях толкования имени киммерийцев — восходящее к Кратету Малосскому, главе пергамской филологической школы II в. до н.э. (Κιμμέριοι — Керβέριοι)²³ и Посидонию, знаменитому ученому и философу конца II — первой половины I в. до н.э. (Κιμμέριοι — Κίμβροι, Poseid. apud

Рис. 2. Грязевой вулкан Куку-оба (Горелая) на Таманском полуострове.

Plut. *Maг.* 11). Видимо, эти сообщения сохраняют традицию о локализации здесь киммерийцев (или такие представления возникли вторично в связи с толкованием местного названия βόθυνος). Предполагавшаяся Э. Роде²⁴ связь с корибантами также не исключена и вполне могла существовать, как и указанные выше, в народной этимологии (Κιμμέριοι — Κερβέριοι — Κίμβροι — Κορύβαντες и т.д.). Очевидно, ту же связь женской богини и входов в подземное царство следует иметь в виду, говоря о многочисленных сообщениях о входе в Аид, через который была уведена Кора²⁵ (см. например: Paus. II. 36. 7; Schol. Soph. O.C. 1590, 1893; Diod. V. 3. 3 и др.).

Таким образом, локализацию киммерийцев на Боспоре и возникновение здесь основанной на ней «киммерийской» топонимии, скорее всего, следует связывать с помещением в этих местах входа в преисподнюю, в свою очередь возникшим из-за особенностей здешних природных условий²⁶. Ближайшую аналогию этой локализации дают традиции, помещающие киммерийцев у Авернского озера в Италии и возле Гераклеи Понтийской; все они фиктивны и восходят к локальным преданиям, связанным с толкованием известного гомеровского пассажа.

В подтверждение особой связи между киммерийцами, входом в преисподнюю и культом женского божества, которая отмечается на Боспоре, можно привести одну любопытную глоссу Гесихия: Κιμμερίς θεά ή μήτηρ τῶν θεῶν — «Киммерийская богиня: мать богов». Некая киммерийская богиня здесь определяется как Мать богов. Очевидно, в данном случае, как обычно у Гесихия, имеется в виду какой-то конкретный литературный, возможно, стихотворный текст, к комментарию на который и восходит эта глосса. Конечно, невозможно установить, имел ли этот текст отношение к Боспору, но в любом случае киммерийцы в нем прямо связывались с женским божеством, как это было в реконструируемой нами ситуации на Боспоре.

Итак, появление названия «Боспор Киммерийский» связано с inferнальными ассоциациями с Черным морем и Керченским проливом, которые

существовали у первых греческих колонистов, попавших на эти территории: согласно их представлениям, здесь размещался вход в гомеровский Аид, расположенный на берегу Океана. Именно по этой причине они дали второму Боспору название Киммерийского, которое должно было его отличать от давно известного Фракийского.

Античные литературные тексты, содержащие сведения об Азиатском Боспоре и Прикубанье, весьма скудны. Самое раннее упоминание, связанное с этой территорией, сохранилось в одном фрагменте Гиппонакта, поэта второй половины VI в. до н.э.: *Σινδικὸν διάσφαυρα* — «синдская щель» (Hirpon., fr. 4 Degani). Истолкование его в географическом смысле, как обозначения некой расщелины в Синдике, безосновательно²⁷. Из сообщений лексикографов, в которых сохранился этот фрагмент, ясно, что у Гиппонакта «щель» упоминалась в обценном контексте и обозначала женские половые органы. С.Р. Тохтасьев справедливо сопоставляет с этим фрагментом другую глоссу Гесихия, скорее всего, восходящую к тому же стихотворению Гиппонакта: *Σινδίς ἢ Σκυθίς, καὶ ἡ λόρυνη* — «Синдянка: скифянка, также девка». Скорее всего, Гиппонакт говорил в своем стихотворении о некой девице синдского происхождения, вероятно, невысокого социального статуса, возможно, рабыне. Пожалуй, единственный исторический вывод, который можно сделать из этого фрагмента, состоит в том, что некоторые синды попадали в Ионию (Гиппонакт, уроженец Эфеса, жил в Клазоменах) уже во второй половине VI в. до н.э.; возможно, это были рабы, вывозившиеся из недавно основанных на Азиатском Боспоре греческих колоний.

Ионийская проза. В конце VI в. до н.э. начинает развиваться ионийская проза, ставшая родоначальницей греческой истории и географии. Ионийские прозаики (так называемые логографы) интересовались и Черноморским регионом, в том числе территорией Азиатского Боспора. Вероятно, достаточно подробное его описание содержалось в «Землеописании» — главном сочинении Гекатея Милетского, одного из основоположников ионийской прозы и крупнейшего представителя этой группы писателей (FGrHist 1). К сожалению, само сочинение до нас не дошло, и нам известны только его фрагменты, сохранившиеся в более поздних произведениях, прежде всего у Стефана Византийского, автора написанного в V в. н.э. грамматического сочинения *Ἐθνικά* (оно тоже известно нам не целиком, а в сокращении, сделанном, по-видимому, несколькими эпитоматорами). Как правило, это не дословные цитаты, а крайне лаконичные упоминания о темах, которые затрагивал Гекатей. В этих фрагментах упоминаются варварские народы, бывшие соседями боспорских греков и позже частично вошедшие в состав Боспорского царства: дандарии (Hecat. F 191) и иксибаты (F 216). Кроме того, Гекатей сообщал какие-то сведения о городах Азиатского Боспора, от которых практически ничего не сохранилось: ясно лишь, что ему были известны Гермонасса (F 208), Патрасий — Патрей²⁸ (F 214), «остров Фанагора и Фанагория» (F 212) и залив Апатур (F 211).

В значительной степени к тому же кругу литературы принадлежал и «отец истории», широко использовавший в своем сочинении Гекатея, хотя и часто критиковавший его взгляды. Сочинение Геродота, которое является главным источником по истории Скифии, содержит очень мало сведений о Боспоре, особенно о его азиатской части. По всей видимости, это объясняется тем, что Геродот во время своего путешествия в Черноморский регион из городов Северного Причерноморья посетил только Ольвию и вряд ли продвинулся дальше на восток. Такое предположение объясняет,

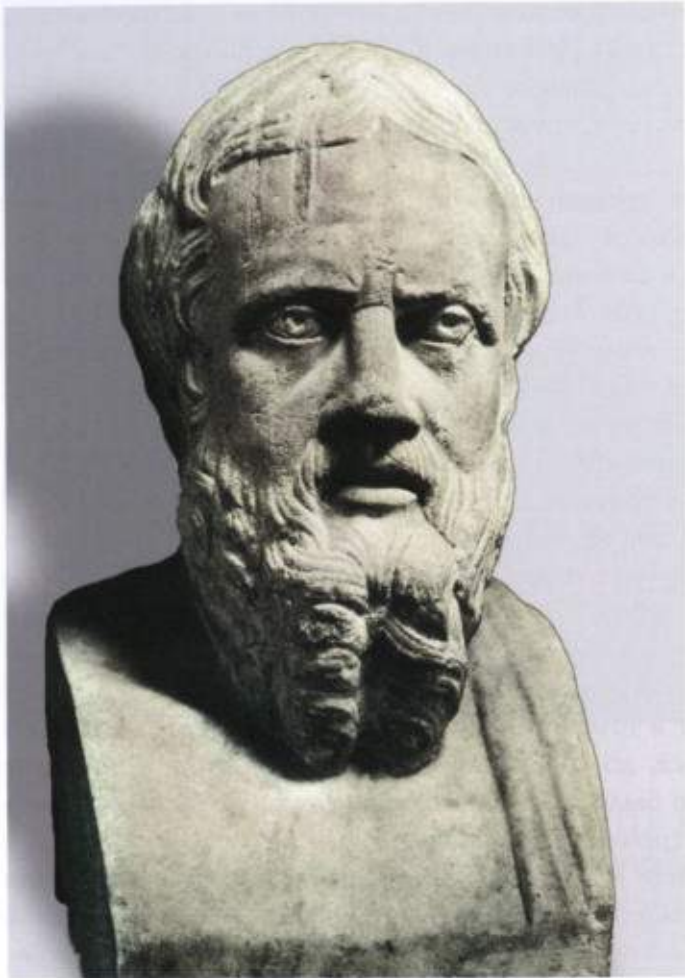

Рис. 3. Геродот. Римская копия греческой гермы IV в. до н.э. Неаполь. Национальный археологический музей

почему его сведения об Ольвии и ее непосредственных окрестностях весьма обильны и точны, а сообщения о Западном Крыме и Боспоре практически отсутствуют.

Чуть ли не единственное свидетельство об Азиатском Боспоре содержится в геродотовском пассаже, посвященном климату Скифии (Herod. IV. 28). Геродот пишет, что климат здесь очень суровый, в течение восьми месяцев в году стоят сильные холода, причем море и Киммерийский Боспор замерзают. Для иллюстрации этого положения он говорит, что скифы по льду отправляются в землю синдов и переправляются туда на повозках. Хотя это сообщение нередко считали отражающим реальность, и на его основе даже была построена гипотеза о том, что через Боспор проходили пути сезонных миграций кочевых скифов из Приднепровья в Прикубанье²⁹, к нему следует относиться с большой осторожностью. Прежде всего, суровость климата Северного Причерноморья здесь сильно преувеличена; если Керченский пролив (но, конечно, не все море) мог замерзать в особенно холодные зимы настолько, что его лед выдерживал скот и повозки, это было редким исключением, а не ежегодным явлением. Соответственно и переправа скифских повозок по льду в Синдику не могла быть ежегодной практикой³⁰. Правда, не исключено, что такое событие могло произойти в особенно суровую зиму, когда пролив покрылся толстым слоем льда. Оно, вероятно, произвело столь сильное впечатление на бо-

спорских греков, что вошло в литературу и даже стало в ней топосом. В этом убеждает один фрагмент Гелланика, современника Геродота, который в своей «Аттиде» (FGrHist 4 F 167) писал, что, когда замерз Боспор Киммерийский, амазонки перешли его и вторглись в Аттику³¹. Тот же топос, наряду с другими сведениями, лежит и в основе сохраненного Страбоном сообщения Эратосфена о крайней суровости климата на Боспоре (Strab. II. 1. 16; VII. 3. 18).

Вопрос о взаимоотношениях трудов Геродота и Гелланика не вполне ясен. Эти авторы писали примерно одновременно, и, вероятно, часть произведений последнего была написана до выхода в свет геродотовского сочинения³², хотя «Аттида», упоминающая битву при Аргинуссах 406 г. до н.э. (FGrHist 4. F 171), опубликована позже³³. По-видимому, Геродот не использовал трудов Гелланика в ранних частях своего сочинения, но Гелланик мог быть источником списка персидской армии в VII книге его труда. Использование геродотовского материала в «Аттиде» также ничем не подтверждается³⁴. Судя по всему, Геродот и Гелланик в рассматриваемом случае не пользовались трудами друг друга, и рассказ о переходе через замерзший Боспор, скорее всего, восходит у обоих к общему более раннему источнику. Итак, образ замерзшего Киммерийского Боспора, по льду которого переправляется войско, в эпоху Геродота уже был литературным топосом, как и связанное с ним описание исключительно суровых скифских зим. Геродотовское описание климата Скифии основывается именно на таком литературном источнике, а не на собственных впечатлениях, и не предполагает сколько-нибудь детального знакомства с ситуацией на Боспоре. Поэтому достоверность сообщения Геродота о пере-

правах по льду с Европейского на Азиатский Боспор крайне сомнительна. Показательно, что это сообщение (и связанный с ним литературный топос) не считали достоверными и многие античные авторы, очевидно, опиравшиеся на реальный опыт. Так, Кальвизий Тавр, автор II в. н.э., которого цитирует его современник Авл Геллий (Aul. Gell. XVII. 8. 16), утверждал, что сообщение Геродота о замерзании Боспора Киммерийского и Скифского моря противоречит мнению почти всех, кто занимался этим вопросом.

Афинские ораторы. Следующая группа свидетельств об Азиатском Боспоре содержится в речах афинских ораторов третьей четверти IV в. до н.э. Эти свидетельства резко отличаются по своему характеру от рассмотренных выше. Если для ионийских прозаиков Черноморский регион, и Боспор в частности, были объектом научного (исторического, географического или этнографического) интереса, то аттические ораторы были от этого далеки: их речи были написаны на злобу дня и относятся к современной им афинской политике. Боспор сам по себе их не интересовал — соответственно упоминания о нем появляются у этих авторов достаточно случайно и лишь тогда, когда он оказывается связанным с внутриафинскими проблемами. Именно благодаря такой случайности мы располагаем рядом свидетельств об одном из эпизодов ранней истории Боспора, в котором оказался замешан Гилон, дед знаменитого афинского оратора и государственного деятеля Демосфена. Поскольку соответствующие события частично были связаны с Азиатским Боспором, эти свидетельства заслуживают здесь специального рассмотрения.

Речь идет прежде всего о сообщении Эсхина (Aeschin. III (Adv. Ctesiph.), 171—172), согласно которому Гилон предал «врагам» контролировавшийся Афинами Нимфей, а затем бежал на Боспор, где получил от боспорских тиранов во владение Кепы. Там он якобы женился на скифянке; дочь от этого брака была матерью Демосфена («происходящим от матери из кочевых скифов» Эсхин называет Демосфена и в речи II (De parapresb.), 78; «скифом» называет Демосфена и другой его противник, Динарх: Dinarch. 1, 15). Главной целью этого пассажа Эсхина было очернить своего политического противника Демосфена, обвинявшего его в государственной измене, так что достоверность этого свидетельства может вызывать сомнения. Свидетельство Эсхина было сопоставлено с сообщениями других источников, говорящих о членстве Нимфея в Афинском морском союзе, и вызвало длительную дискуссию о достоверности как этих источников, так и самого свидетельства Эсхина³⁵. Главным из этих параллельных источников являются списки афинских союзников, обнаруженные в Афинах; первоначально название Нимфея восстанавливалось в одном из них³⁶. Позже, однако, эта гипотеза была отвергнута, но взамен то же восстановление было предложено для утраченной части списка, в которой перечисляются города понтийского региона³⁷. Несмотря на то что название Нимфея на камне не сохранилось, это восстановление подтверждается прямым свидетельством Кратера Македонского, переданного Гарпократионом (fr. 12 Müller = Harpocr. s.v. Νύμφαιον), согласно которому Нимфей платил афинянам талант фороса. Кратер, автор сборника псефизм, очевидно, напрямую копировал документы Афинской державы, и его сообщения заслуживают самого серьезного внимания.

В настоящее время вряд ли можно всерьез сомневаться в том, что Нимфей действительно входил в состав Афинской морской державы. Фактом является и его переход из-под афинского контроля под власть боспорских тиранов, очевидно, на раннем этапе образования Боспорского царства.

Рис. 4. Демосфен. Римская копия статуи Палиекта (ок. 280 г. до н.э.). Рим. Ватикан. Браччио Нуово

Обстоятельства этого перехода не известны, однако вполне можно полагать, что в какой-то момент ответственность за утрату Нимфея в Афинах была возложена на Гилона. Эсхин, конечно, сгустил краски, чтобы очернить Демосфена и его деда, однако это не означает, что его рассказ был простой выдумкой³⁸. Вряд ли Эсхин мог придумать и такую деталь, как передачу Гилону Кеп — города, само существование которого едва ли могло быть известно большинству афинян (за исключением тех, что были связаны с Боспором деловыми интересами и ездили туда). Учитывая специфику источника, трудно судить о том, что именно скрывается за словами Эсхина о передаче тиранами Кеп «в дар» Гилону (назначение наместником? передача доходов от налогов, т.е. кормление?)³⁹: Кепы, несмотря на свои небольшие размеры, все же были полисом, причем одним из самых ранних на Азиатском Боспоре⁴⁰. Впрочем, после включения в состав Боспорского царства город мог утратить свой полисный статус, хотя, вероятно, гражданская община здесь в какой-то форме сохранялась: во всяком случае, этникон Κηλίτης продолжал использоваться в первой половине IV в. до н.э., о чем свидетельствует надгробие из Пантикапея КБН 188.

В любом случае из сообщения Эсхина ясно, что дед Демосфена Гилон имел тесные связи с боспорскими тиранами (хотя, может быть, и не того криминального свойства, которое им приписывается Эсхином) и, вероятно, провел значительную часть своей жизни на Боспоре, в том числе в Кехах. По-видимому, здесь же он женился — но трудно судить, была ли его жена в самом деле богатой (и скорее всего, знатной) скифянкой, как утверждает Эсхин, или, например, синдянкой, что более вероятно с географической точки зрения: синдов часто смешивали со скифами, тем более в подобном контексте, где была важна не этнографическая точность, а указание на варварское происхождение. В такой ситуации нет ничего невозможного: афинские аристократы отнюдь не гнушались браками с дочерьми варварских аристократов и царей. Так, Мильтиад женился на дочери фракийского царя Олора; по-видимому, от этого брака родился Олор, отец Фукидида. Так что оказавшийся на Боспоре Гилон вполне мог жениться на скифской или синдской аристократке, особенно учитывая высокую степень эллинизации непосредственных соседей Боспора. Впрочем, Эсхин вполне мог назвать скифянкой и дочь боспорского эллина, чтобы приписать Демосфену варварское происхождение для его вящего очернения — в судебной полемике были возможны и еще большие передержки. Указывая на варварское, и вообще неафинское, происхождение Демосфена, его оппоненты, очевидно, стремились поставить под сомнение и его права гражданства, однако здесь невозможно углубляться в связанные с этим вопросы детали.

Не исключено, что связи самого Демосфена с Боспором и его тиранами были продолжением семейной традиции. Согласно свидетельству Динарха (1. 43), именно по предложению Демосфена на афинской агоре были поставлены бронзовые статуи Перисада, Сатира и Горгиппа; противник Демосфена

обвиняет его в том, что это предложение было корыстным и что Демосфен ежегодно получал с Боспора тысячу медимнов пшеницы. Учитывая враждебность Динарха по отношению к Демосфену, трудно судить, насколько это обвинение отражало реальность. Однако если Демосфен действительно получал тысячу медимнов зерна с Боспора, то не были ли они доходом от собственности, которую он унаследовал от своего деда Гилона? В любом случае в речи «Против Лептина» (Demosth. XX. 29–40) Демосфен произнес настоящий панегирик отцу Перисада Левкону I, выступив как подлинный лоббист боспорских интересов.

Географическая традиция эллинистического и римского времени. Немало сведений об Азиатском Боспоре сохранилось в географической литературе эллинистического и римского времени. Часть этой литературы — периплы — создавалась с вполне прагматичной целью: они помогали ориентироваться мореходам, плававшим в Черном море, и содержали названия прибрежных племен и городов, а также указания на расстояния между ними. Другие сочинения, часть которых также известна под названием периплов, в действительности ставили перед собой более амбициозные задачи и являлись настоящими литературными произведениями: их авторы, принимая схему описания, заимствованную из периплов, дополняли сухие данные последних сведениями исторического и этнографического характера, иногда создавая настоящие исторические произведения, организованные, однако, не по хронологическому, а по географическому принципу. При этом авторы периплов, как и других географических сочинений, широко пользовались материалами, которые заимствовали у своих предшественников; немалая часть этих сведений восходит еще к ионийской историко-географической прозе. Старые сведения, когда это было возможно, дополнялись более современными, однако сообщения предшественников далеко не всегда подвергались критическому анализу, и зачастую периплы, как и другие географические сочинения, представляют собой компиляции, в которых соседствуют сведения разных эпох, изобилуют противоречия и анахронизмы.

Первым сохранившимся перипломом, содержащим сведения об Азиатском Боспоре, является сочинение, которое циркулировало под именем мореплавателя конца VI в. до н.э. Скилака Кариандского, но в действительности было написано в третьей четверти IV в. до н.э.; в современной литературе оно известно как Перипл Псевдо-Скилака⁴¹. По своему жанру это сочинение близко к периплу в собственном смысле слова — оно не сообщает практически никаких подробностей и дает лишь сухое перечисление народов и городов; сам по себе перипл представляет собой безыскусную компиляцию, в которой сведения, восходящие к ионийским географам, соседствуют с современными автору данными. К тому же его текст подвергся существенным искажениям в рукописной традиции — в нем часто испорчены названия, много лакун.

По сведениям Псевдо-Скилака, за савроматами живут меоты, за меотами — синды, территория которых распространяется и за пределы озера (Меотиды). Из греческих городов, расположенных на территории синдов, Псевдо-Скилак упоминает лишь «город Фанагора», Кепы, Синдскую гавань и Πάτους. За Синдской гаванью, по его сведениям, начинается область керкетов и торетов, в которой расположен город Торик. Единственная деталь в этом пассаже, вызывающая вопросы (кроме отсутствия Гермонассы) — упоминание города Πάτους, неизвестного по другим текстам. Большинство исследователей считали название этого города испорченным, что вполне вероятно,

учитывая общее состояние текста перипла, насыщенного искажениями и ошибками. Предлагалось исправление на Ἀλάτουρος (восходит к Я. Гроновию, 1697 г.) и отождествление Πάτους с Батой в районе Новороссийска (впервые предложено в издании И. Фосса, 1639 г.). Хотя последнее отождествление было принято многими комментаторами, оно невозможно по географическим соображениям: Πάτους Псевдо-Скилака расположен в Синдике, тогда как Баты находятся далеко за ее пределами, значительно южнее Синдской гавани, служившей границей этой области. Наиболее убедительное объяснение этого места предложено С.Р. Тохтасьевым: Πάτους, по его мнению, — искажение первоначально стоявшего здесь Πατραεύς⁴².

Совсем другой характер имеет анонимный перипл, написанный между 133 и 110 гг. до н.э. и известный под именем Перипла Псевдо-Скимна⁴³. Это написанное ямбами сочинение открывается посвящением царю Никомеду, и потому оно иногда именуется Ad Nicomedem regem. Периплом оно было лишь по форме, а в действительности включало множество сведений исторического и этнографического характера, заимствованных в разных источниках, часть из которых Псевдо-Скимн называет. Так, например, он дает краткие сведения о дате и обстоятельствах основания большинства греческих городов западного и южного побережья Черного моря, видимо, заимствуя свою информацию у автора конца III в. до н.э. Деметрия из Каллатиса⁴⁴. Информация, которую Псевдо-Скимн сообщает об Азиатском Боспоре, не столь подробна, как та, что касается Западного и Южного Причерноморья, однако его сочинение является одним из основных источников наших сведений об обстоятельствах основания греческих колоний Азиатского Боспора, в том числе об их метрополиях. Хотя М.И. Ростовцев считал возможным, что эти сведения восходят к Эфору, а через него к одному из ионийских писателей⁴⁵, более вероятно, что и здесь главным источником Псевдо-Скимна был Деметрий из Каллатиса. Характер его сообщений тот же, что и о Западном Причерноморье, а их меньшая подробность, вероятно, объясняется тем, что регион, близкий к его родному Каллатису, был известен Деметрию лучше, чем район Боспора. Эфор же, скорее всего, служил для Псевдо-Скимна дополнительным источником сведений о варварских народах, но не о греческих городах.

Псевдо-Скимн приводит сведения об обстоятельствах основания Фанагории, Синдской гавани, Киммериды и Кеп (F 17a–18 Marcotte = 885–913 Diller). При этом Гермонассу, Фанагорию и Синдскую гавань он помещает на острове, ограниченном с одной стороны болотами, речками и топями, а с другой — морем и озером (Меотидой). Псевдо-Скимн говорит также, что «при выходе из устья» (Боспора) лежит город Киммерида, а также Кепы. О Фанагории сообщается, что она была основана теосцами (ἦν Τητίους λέγουσιν οἰκίσαι τότε). Это свидетельство подтверждается сообщением Арриана (fr. 55 Roos = FGrHist 156 F 71 = Eustath. ad Dion. 549), согласно которому город был основан Файнагором Теосским, бежавшим от «насилия персов». Таким образом, Фанагория (наряду с Гермонассой, см. ниже) — один из редчайших примеров доэллинистической эпохи, когда вновь основанная колония получила название по имени своего основателя⁴⁶. Это предполагает героизацию основателя города и установление в Фанагории его культа — практика, обычная для греческой колонизации. В свою очередь, существование культа ойкиста, в честь которого справлялись ежегодные праздники, было фактором, способствовавшим долговременному сохранению в устной традиции сведений об основании

города. Это позволяет предполагать достоверность традиции об основании Фанагории теосцами во главе с Фанагором, бежавшими от персов; эта традиция, вероятно, была известна уже Гекатею (FGrHist 1 F 212). Косвенным подтверждением ее достоверности является существование не самого распространенного имени Фанагор⁴⁷ в ономастике Фанагории: оно засвидетельствовано посвянительной надписью второй половины IV в. до н.э. (правление Перисада I), сделанной от имени Аполлодора, сына Фанагора (КБН 971). Возможно, семья посвятеля принадлежала к потомкам первых колонистов, в среде которых имя ойкиста продолжало использоваться, если речь не идет о потомках самого ойкиста. Свидетельства Псевдо-Скимна и Арриана традиционно сопоставляются с сообщением Геродота (I. 168), согласно которому теосцы, осажденные полководцем Кира Гарпагом, предпочли покинуть свой город и переселились в Абдеры (ср. Strab. XIV. 1. 30). Основание Фанагории связывается с теми же событиями, что указывает на его дату: завоевание Гарпагом Ионии относится ко времени вскоре после 546 г. до н.э.⁴⁸ Такая датировка подтверждается и археологическими данными⁴⁹.

Вторая колония, об основании которой говорит Псевдо-Скимн, — Синдская гавань. Он сообщает, что она была заселена элинами, пришедшими из ближних местностей (Σινδικὸς λιμὴν, ἔχων οἰκήτορας Ἑλληνας ἀπὸ τῶν ἐγγύς ἤκοντας τόπων), т.е. была основана в ходе внутренней боспорской колонизации. Синдская гавань, несомненно, тождественна Горгиппии⁵⁰; прямо на это указывает Стефан Византийский (St. Byz. s.v. Σινδικός). Можно предполагать, что город был переименован после своего «второго основания» (это было обычной практикой в греческом мире), по-видимому, связанного с созданием Боспорского царства и расширением его территории в Синдике. Город получил свое второе название от Горгиппа, отца боспорской царицы Комосарии, жены Перисада I (КБН 1015). Был ли Горгипп сыном Сатира I и братом Левкона I, как обычно считается, неясно (ср. ниже), но несомненно он играл заметную роль на Боспоре в первой половине IV в. до н.э. Как показывают источники, несмотря на переименование города, старое название «Синдская гавань» продолжало использоваться в литературе и позже (см. ниже).

Псевдо-Скимн (898 Diller = F 17a Marcotte) сообщает также, что Кепы были основаны милетянами; это свидетельство подтверждается и Плинием (VI, 18). Название города упоминается здесь в форме единственного числа Κῆλος, в отличие от обычной формы Κῆλοι. В такой же форме это название стоит и в одном из фрагментов Аполлодора (St. Byz. s.v. Ψησοί), что, вероятно, говорит об общем источнике Аполлодора и Псевдо-Скимна. Оба автора писали примерно одновременно и независимо друг от друга (Псевдо-Скимн знаком с хрониками Аполлодора, но не с его географическим сочинением περίοδος γῆς); вполне возможно, что их общим источником был все тот же Деметрий из Каллатиса, о котором уже шла речь⁵¹.

Псевдо-Скимн упоминает, кроме того, Киммериду, расположенную «при выходе из устья» (Боспора), и указывает, что она была основана боспорскими тиранами (κτίσις δὲ τυράννων οὕσα τῶν ἐν Βοσπόρῳ). Этот городок, основанный, следовательно, не ранее IV в. до н.э. и получивший свое название от Киммерийского Боспора, до сих пор не удалось локализовать⁵².

Псевдо-Скимн упоминает также Гермонассу, но ничего не говорит о ее метрополии и обстоятельствах основания; по-видимому, таких сведений не содержал и его источник. Дионисий Периегет, географ эпохи Адриана (см. ниже) говорит, что Фанагория и Гермонасса населены ионийцами (Dion.

Perieg. 552–553, ср. St. Byz. s.v.). В комментарии Евстафия Фессалоникийского (знаменитый византийский эрудит и комментатор XII в.) на этот текст сообщается, что город Файнагора и Гермонасса были основаны ионийцами под предводительством неких Файнагора и Гермона, от имен которых города и получили свои названия. Однако здесь же Евстафий, ссылаясь на Арриана (fr. 55 Roos = FGrHist 156 F 71), передает и другое предание, согласно которому город получил название от Гермонассы, жены митиленца Семандра, который возглавлял эолийских колонистов, но умер при основании города; в результате власть перешла к его вдове, выполнявшей функции ойкиста и давшей городу свое имя. Вопреки мнению С.А. Жебелева⁵³, две традиции находятся в противоречии и трудно совместимы, как бы ни оценивать их достоверность. Из них большее доверие вызывает вторая. Отражающее ее сообщение содержится в том же фрагменте Арриана, где сохранилось предание об основании Фанагории Фанагором. Можно полагать поэтому, что информация Арриана восходит к некому источнику, хорошо знакомому с локальной боспорской традицией, из которой и происходят в конечном итоге рассказы об основании Фанагории и Гермонассы. В пользу этого предположения говорит и детализация рассказа, и небанальность приписываемой Гермонассе метрополии.

В самом деле, античные авторы, писавшие о колонизации, были склонны приписывать основание тех колоний, метрополия которых им была не известна, Милету (как вариант, вообще ионийцам), который и в самом деле отличался большой колонизационной активностью. Митилена, напротив, не была такой «стандартной» метрополией, и нет никаких причин, по которым именно ей могло быть приписано основание колонии, выведенной неизвестным центром. В то же время, как мы видели, в Перипле Псевдо-Скимна, обычно содержащем сведения о метрополиях упоминаемых им городов, о происхождении жителей Гермонассы не говорится ничего; нет подобных сведений и в других источниках, предшествующих Дионисию Периегету. Поэтому можно предполагать, что традиция, к которой принадлежали известные нам периплы и авторы географических сочинений (Деметрий Каллатийский, Псевдо-Скимн, Аполлодор, Артемидор, Страбон, а также Посидоний, один из главных источников и Страбона, и Дионисия Периегета), не содержала сведений об основании Гермонассы. Очевидно, сообщение об ионийском происхождении Гермонассы Дионисий Периегет не нашел в источниках, а приписал его этому городу заодно с Фанагорией: из всех городов Азиатского Боспора он упоминает только эти два: «Файнагора (Φαίναγορί) и прекрасно основанная Гермонасса, там живут уроженцы ионийской земли».

Комментарий Евстафия содержит дальнейшее развитие этого сообщения по тому же принципу: Файнагора была основана Файнагором, а раз так, то Гермонасса — Гермоном. Скорее всего, этот комментарий принадлежит самому Евстафию, который к тому же путает Таманский полуостров с Крымом и локализует оба города на «острове, называемом Таврикой». Таким образом, можно предполагать, что Гермонасса, в соответствии с локальной традицией, была основана эолийцами из Митилены. Некоторые архаические граффити из Гермонассы позволяют предполагать следы эолийского происхождения или влияния, что могло бы подтвердить достоверность этой традиции⁵⁴. Это, конечно, не исключает того, что город позже подвергся ионизации, поскольку остальные боспорские греки, с которыми жители Гермонассы находились в постоянном контакте, по происхождению были ионийцами.

Наиболее подробные сведения об Азиатском Боспоре сохранились у Страбона, автора самого масштабного из дошедших до нас сочинений антич-

ных географов. Впрочем, тот факт, что труд Страбона был очень популярен в Средневековье, благодаря чему и сохранился, отнюдь не отражает ни масштаба дарования автора, ни реального места, которое его сочинение занимало в античной литературе и науке⁵⁵. Страбон был не очень талантливым компилятором, не способным ни привести в гармонию заимствованные из разных источников сообщения (отчего в его тексте появляются противоречия и анахронизмы), ни затушевать стыки между ними; к тому же он нередко искажал сведения своих предшественников. Несмотря на это, а может быть благодаря этим особенностям, его сочинение сохранило значительные фрагменты исчезнувших произведений крупнейших эллинистических ученых, таких, как Эратосфен, Аполлодор и Посидоний. Поэтому сочинение Страбона позволяет составить представление, пусть и неполное, об эллинистической географической традиции.

Описание Азиатского Боспора дается в начале XI книги сочинения Страбона (Strab. XI. 2. 4–11). Сам Страбон в Северном и Восточном Причерноморье не бывал, и его источники для их описания исключительно книжные. Главным источником для описания Боспора, в том числе его азиатской части, был, по всей видимости, Артемидор Эфесский⁵⁶, сведения которого комбинировались с сообщениями других авторов, в том числе современных Страбону. Сам Артемидор в описании этих территорий зависел от Деметрия Каллатийского, бывшего также главным источником Псевдо-Скимна. Таким образом, Страбон в значительной мере представляет ту же традицию, что Псевдо-Скимн.

Именно страбовское описание Азиатского Боспора, как наиболее подробное, наряду с данными эпиграфики является главным основанием для локализации греческих городов региона. Страбон упоминает Тирамбу, Киммерийское поселение (Киммерик), Ахиллово селение (Ахиллий, упомянут также в VII. 4. 5), надгробный памятник Сатира⁵⁷, Патрей, Корокондаму, Корокондамское озеро, на берегах которого расположены Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур, затем Горгиппию, которую называет столицей синдов, и Абораку.

Истолкование страбовского сообщения о Горгиппии (XI. 2. 10) составляет сложную проблему: город определяется в его тексте как τὸ βασιλείον τῶν Σινδῶν — «царская резиденция (или столица) синдов», что противоречит сведениям остальных источников о Горгиппии как о греческом городе. Предлагались различные решения этой проблемы. На основании того, что в древнейшей рукописи Страбона Ватиканском палимпсесте отсутствуют слова ἔστι δὲ καὶ Γοργυπλία ἐν τῇ Σινδικῇ («есть и Горгиппия в Синдике»), предшествующие в остальных рукописях словам τὸ βασιλείον τῶν Σινδῶν, предлагалось исключать их из текста и считать поздней интерполяцией⁵⁸. Текст в этом случае звучал бы так: «...прочие города — по правую, за Гипанисом в Синдике, царская же резиденция синдов — поблизости от моря». Однако более убедительным представляется объяснение С.Р. Тохтасьева⁵⁹, согласно которому соответствующий пассаж передан большинством рукописей правильно, а ошибка произошла в результате не слишком умелой компиляции Страбона его источников: сообщение о наличии в Горгиппии царской резиденции (принадлежавшей, разумеется, Спартокидам) он истолковал как указание на столичный статус самого города, а уточнение «синдов» добавил сам. В действительности же, конечно, Горгиппия никогда не была столицей синдов.

Несколькими строками ниже Страбон (XI. 2. 14) снова упоминает тот же город, но называет его, в соответствии с более ранней традицией геогра-

фической литературы, Синдской гаванью. Это сообщение, очевидно, восходит к другому источнику, и возможно, что сам Страбон, компилируя свои источники, не осознавал, что речь идет об одном и том же городе. В самом деле, в данном случае контекст сообщения чисто географический — указывается расстояние в стадиях при путешествии по морю между Корокондамой, Синдской гаванью и Батами. Непосредственно за упоминанием Бат следует прямая ссылка на Артемидора (приводимая, как это часто у Страбона, чтобы оспорить его мнение), что указывает на заимствование всего пассажа из его сочинения. Происхождение этого пассажа из Артемидора подтверждается и тем, что в традиции, представленной Псевдо-Скимном и, видимо, Деметрием Каллатийским и Артемидором, город назывался не Горгиппией, а именно Синдской гаванью.

Таким образом, сообщения о Горгиппии у Страбона происходят из источника, отличного от Артемидора и не принадлежавшего стоящей за ним традиции. Упоминания названия Горгиппии и сами по себе отнюдь не банальны — кроме Стефана Византийского этот топоним встречается лишь у Страбона. При этом из трех упоминаний у Стефана одно точно, а другое с большой вероятностью зависят от Страбона (s.vv. Ἀσποურიανοί, Γοργίππεια), третье же — независимо от него. Именно в этом последнем сообщении, где название Горгиппии имеет иную форму (Γοργίππη), содержится прямое ее отождествление с Синдской гаванью, которое у Страбона отсутствует и из его текста не может быть выведено.

У Страбона Горгиппия называется трижды: кроме названного выше текста, это пассаж XI. 2. 11 и начало следующего — XI. 2. 12. Учитывая редкость этого названия, можно предполагать, что все три упоминания происходят из общего источника. В первом пассаже дается необычно подробный перечень меотских племен, часть которых по другим источниками не известна и среди которых специально выделяются аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгиппией. Смысл их особого выделения тут же поясняется — именно аспургиане убили боспорского царя Полемона (ср. ту же информацию: XII. 3. 29)⁶⁰. Таким образом, источник Страбона в данном случае содержал сведения о современных ему событиях и принадлежал перу его современника. Из того же источника, конечно, заимствованы и приведенные здесь же сведения о предыдущих боспорских царях, Фарнаке и Асандре, и их отношениях с местными племенами, а также сообщение о разрушении Полемоном Танаиса, приведенное несколько выше (XI. 2. 3).

Третье упоминание Горгиппии у Страбона служит вступлением к повествованию о жителях кавказского побережья Черного моря: за Синдикой и Горгиппией идет побережье, населенное ахеями, зигами и гениохами. Этот рассказ содержит недвусмысленные указания на позднюю дату своего источника — в него в качестве составных элементов входит сообщение о бегстве Митридата через эти местности на Боспор после поражения 66 г. до н.э., а также упоминание черноморских территорий, подчиненных римлянам (XI. 2. 12–13).

Прямое указание на характер этого источника содержится в следующей главе (XI. 2. 14), где Страбон противопоставляет друг другу две версии географии кавказского побережья. По его словам, Артемидор помещал за Батами керкетов, затем ахеев, потом гениохов, Питиунт и Диоскуриаду. Напротив, историки Митридата (οἱ τὰ Μιθραδικὰ συγγραψάντες), которых Страбон решительно предпочитает, дают другую последовательность народов: ахеи, зиги, гениохи, керкеты, мосхи, колхи, а над ними — фтейрофаги и

соаны. Тому же источнику следует Страбон и в пассаже XI. 2. 1, и в начале параграфа XI. 2. 12⁶¹.

Итак, можно сделать вывод, что упоминания Горгиппии у Страбона восходят к сочинению некоего историка Митридата, которое было написано современником Страбона и включало описание событий, связанных не только с ним, но и с его преемниками на боспорском престоле: сыном Фарнаком и двумя мужьями внучки Динамии, Асандром и Полемоном. Поскольку автору уже было известно о смерти Полемона, это сочинение было написано после 8 г. до н.э. Страбонский источник⁶², очевидно, был хорошо осведомлен о Боспоре, что неудивительно: Боспор играл весьма заметную роль в державе Митридата и стал в конце концов его последним прибежищем. Источник сообщает не только детали современной боспорской истории, но и название города, по-видимому, использовавшееся крайне редко за пределами Боспора: как уже отмечалось, вся литературная традиция продолжала называть Горгиппию Синдиком или Синдской гаванью.

Страбонское описание Азиатского Боспора, таким образом, скомбинировано главным образом из двух источников: географического сочинения Артемидора, писавшего примерно на сто лет раньше Страбона, и исторического сочинения его современника, писавшего о Митридате и его ближайших потомках; справка же о Киммерике (ср. ниже), вероятно, происходит из третьего источника. Скомпилированы эти источники довольно механически, и «швы» между ними различаются легко.

Описание побережья от Танаиса до Киммерийского селения (XI. 2. 4), видимо, заимствовано из Артемидора. Следующий пассаж XI. 2. 5, касающийся Киммерика, происходит из другого источника: краткая справка о Киммерике разрывает предшествующее ей и следующее за ней изложение перипла. Киммерик связывается с киммерийцами, о которых сообщается вполне банальная информация, восходящая к Геродоту. В источнике Страбона этот текст, скорее всего, относился к европейскому Киммеру, и был перемещен им сюда по небрежности⁶³. Затем в главах XI. 2. 6–10 init. Страбон опять следует Артемидору (описание побережья от Ахиллия до Апатура).

Начиная с фразы, где впервые упоминается Горгиппия, источник Страбона меняется — он обращается к упомянутому историку Митридате. Это сразу сказывается на характере рассказа: географическая информация, главная в предыдущем пассаже, отходит на второй план, указания на расстояния исчезают, и, наоборот, на первый план выходят исторические и этнографические описания, в том числе связанные с событиями последнего времени. Использованный Страбон историк, очевидно, опирался на местную боспорскую информацию и хорошо знал Боспор. Он не только использует (возможно, впервые в литературе) местное, боспорское, название Горгиппии, но и упоминает некую Абораку, неизвестную другим источникам. Легенда об Афродите Апатурос, конечно, тоже происходит из местного боспорского источника, как бы его ни определять. Здесь же дается довольно подробная информация о местных народах Азиатского Боспора и кавказского побережья, включая взаимоотношения с ними Митридата и его преемников Фарнака, Асандра и Полемона.

Вставка из митридатского историка заканчивается в конце главы XI. 2. 13, и в начале следующей главы Страбон возвращается к тому месту текста Артемидора, на котором он его оставил в начале главы X: закончив с описанием Корокондамского озера, Артемидор сообщал, что если в него не заходить, а плыть от Корокондамы на восток, то будет Синдская гавань, а

затем Баты. То же повторяет и Страбон, и снова, как и в предыдущем изложении Артемидора, появляются указания на расстояния между называемыми городами. Здесь же Страбон отмечает и противоречие между своими двумя источниками относительно размещения народов на кавказском побережье, хотя он уже описал эти народы, основываясь на тексте одного из них.

С полной уверенностью определить, кем был использованный Страбоном «историк Митридата» (у Страбона во множественном числе), вряд ли возможно. Безусловно, ошибочно предположение, что им был Феофан Митиленский (FGrHist 188)⁶⁴, спутник Помпея в походах 67–63 гг. до н.э., оставивший их описание, хотя этот автор был источником Страбона в других частях его труда и неоднократно им упоминается (Strab. XI. 2. 2; 5. 1; 14. 4; 14. 10 и др.). Сочинение Феофана, по всей видимости, было написано около 62 г. до н.э. и не включало сведений о преемниках Митридата на Боспоре; также нет оснований предполагать у него и того детального знакомства с Боспором, которое обнаруживает страбовский источник⁶⁵. М.И. Ростовцев⁶⁶ привел убедительные аргументы в пользу того, что этим источником мог быть Гипсикрат из Амиса, которого также упоминал Страбон и который писал о Митридите и Асандре (FGrHist 190 F 1–2 = Jos. Ant. XIV. 8. 3; Strab. VII. 4. 6); последний фрагмент показывает, что его сведения о Боспоре и его недавней истории были достаточно детальными. Несмотря на большую вероятность этого предположения, оно все же остается лишь гипотезой, поскольку от сочинения Гипсикрата сохранились лишь крохи, не позволяющие уверенно судить о его содержании в целом.

Кроме городов и поселений Страбон упоминает Апатур, святилище Афродиты (упомянув здесь же существование другого святилища Афродиты Апатуры в Фанагории). Апатур был одним из главных культовых центров всего Боспорского царства, а посвящения «Афродите Урании, владычице Апатура» встречаются на всей его территории⁶⁷. Самые ранние из надежных свидетельств этого культа датируются эпохой Левкона I (КБН 1111) и Перисада I (КБН 971), однако есть одно эпиграфическое свидетельство культа Афродиты в Апатуре, возможно, относящееся еще к началу V в. до н.э., если не к еще более раннему времени. Речь идет о надписи с рельефом, обнаруженной «между Меотидой и р. Кара-Кубанью» и скопированной в 1712 г. путешественником де ля Мотрэ (КБН 1234). Надпись, к сожалению, пропала, а текст ее воспроизведен с явными искажениями, но по начертанию букв ее все же можно датировать. Наиболее вероятное чтение: θε[ᾱ]ι 'Αφροδίτηι Ουρανίηι] 'Απατούρου [μεθεοῦσσι] κτλ.⁶⁸; в таком случае это наиболее раннее свидетельство существования святилища Апатур. Косвенным доказательством древности святилища является упоминание Гекатеем Милетским залива Апатур (FGrHist 1 F 211). Хотя остается неясным, упоминал ли Гекатей собственно святилище, само существование этого топонима может свидетельствовать о том, что оно к концу VI в. до н.э. уже действовало и дало название заливу⁶⁹. Плиний (Plin. NH. VI. 18) сообщает, что Апатур (который он называет *orridum*) в его время (или скорее во время написания его источника) был почти заброшен, однако это запустение было, очевидно, временным: посвящения Афродите Урании, владычице Апатура, известны и во II–III вв. (см. выше). Апатур (возможно, уже просто как населенный пункт, а не святилище) доживает по меньшей мере до VI в.: через него проезжало византийское посольство в 576 г. (Menandr. Prot. Fr. 43 p. 204 de Boor, ср. Ptol. V. 8. 2; Rav. Cosm. V. 10, p. 92)⁷⁰.

Традицию эллинистических географов продолжает латинское сочинение Помпония Мелы, написанное, видимо, в 43/4 г. н.э. Оно представляет собой

компиляцию из источников разного времени, в том числе ранних, например, Геродота, Эфора и Дамаста. При этом более поздних географов Мела использует в меньшей степени, чем Страбон; поэтому и даваемая им информация в ряде случаев отражает более древнюю ситуацию. Сведения Мелы об Азиатском Боспоре (Mel. I. 110–114) небогаты. После перечисления народов, населяющих кавказское побережье (практически все их названия искажены), он сообщает, что у Меотиды живут *Sindones*. Далее Мела пишет, что в их стране местными жителями основан город *Sindos*. Форма названия синдов с суффиксом *-on-* в других источниках не встречается, однако в принципе существование такого этнонимического дублета возможно как в реальности, так и в качестве поэтического новообразования, созданного по метрическим соображениям⁷¹. Тем не менее, учитывая изолированность свидетельства Мелы и плачевное состояние его текста, более вероятным представляется предположение, что такая форма возникла в результате чисто палеографического искажения (*Sindonium* из *Sindorum*). Эта ошибка, скорее всего, была допущена самим Мелой в ходе переработки его источника. Аналогичным образом и сообщение об основании Синды местными жителями является, по всей видимости, передачей свидетельства источника об основании города местными греками (ср. выше о таком же сообщении Псевдо-Скимна, принадлежавшего к той же традиции)⁷².

Далее Мела, в соответствии со сведениями рассмотренных выше периплов, описывает Таманский полуостров как остров, образованный морем, Меотидой и впадающими в них рукавами реки; он также сообщает, что на этом острове находятся четыре города — Гермонасса, Кепы, Фанагория (названия всех трех сильно искажены) и Киммерий. Единственным необычным элементом этого рассказа является упоминание реки Кораканды; судя по контексту, речь идет о Кубани. Это название, вероятно, связано с названием города Корокондамы (впрочем, Меле неизвестного) и, может быть, с названием реки Коракка, упомянутой Птолемеем (Ptol. V. 8. 7), но расположенной значительно южнее (последний гидроним, в свою очередь, скорее всего, связан с названием кораксов, одного из племен кавказского побережья). Учитывая низкое качество компиляции Мелы, не исключено, что упоминание реки Кораканды — следствие ошибки, допущенной им при обработке источников, однако единичность и изолированность этого упоминания не позволяет окончательно решить вопрос.

В следующем параграфе 114 Мела перечисляет народы, живущие от Боспора до Танаиса по побережью Азовского моря: «меотики» (искажено из «меотов»), фаты (*Thatae*, фатеи, см. ниже), сирахи (*Sirachi*, они же сираки), некие фикоры, неизвестные из других источников, и, наконец, иксаматы у устья Танаиса.

Один из крупнейших римских ученых, Гай Плиний Секунд приводит описание Боспора, в ряде случаев сходное с описанием Помпония Мелы (что неудивительно, поскольку Мела был одним из его источников), но в большей мере использует современную ему информацию. Его сочинение «Естественная история» задумывалось как энциклопедическая сводка достижений естественных наук; географии в ней посвящены III–VI книги. Над этим трудом Плиний работал до самой смерти в 79 г., во время извержения Везувия, и издан он был посмертно. Собственно описанию Азиатского Боспора посвящен конец 17-го и 18-й параграф VI книги; в начале следующего параграфа перечисляются народы, живущие на берегу Меотиды до Танаиса. Следующие параграфы занимают длинные и довольно хаотичные списки племен, локали-

зованных в окрестностях Танаиса и частично на Кавказе. Эти списки восходят к разновременным источникам — от ионийских географов до современных Плинию авторов. Здесь иногда сообщаются интересные, хотя и отрывочные, исторические сведения различного происхождения, однако этот регион выходит за пределы нашего рассмотрения.

Параграф, посвященный Нижнему Прикубанью, составляет часть описания южного и восточного побережий Черного моря (Plin. NH. VI. 11–18), видимо, заимствованного Плинием из одного и того же источника. Этот источник был, очевидно, создан незадолго до завершения труда Плиния, уже после 64 г. н.э., и представлял собой итинерарий, написанный для практических целей римской военной и гражданской администрации⁷³. Он включал названия основных населенных пунктов и мест стоянки римских легионов, рек, гор, местных народов, а также расстояния между различными пунктами. Таким образом, Плиний приводит в этом пассаже самую актуальную для своего времени географическую информацию. Кроме того, он сообщает, что использованные им измерения были проведены при его жизни, когда шла война на Боспоре Киммерийском (VI. 3). По всей видимости, имеется в виду война 47–48 гг. между Митридатом III и его братом Котисом, в которой Рим поддержал последнего. Очевидно, полученные тогда сведения о Боспоре были включены в итинерарий, составленный после вхождения Понта в состав империи в 64 г. Но сделал ли это автор источника Плиния или он сам, установить невозможно. Плиний называет и еще один возможный источник свежих и достоверных сведений о Боспоре: он ссылается на сообщение Митридата III, бывшего боспорского царя (VI. 17). Потеряв престол, Митридат последние двадцать лет своей жизни (48–68 гг.) провел в Риме, где и был казнен по приказу Гальбы (Tac. Ann. XII. 15–16; Plut. Galb. 13, 15). Очевидно, Плиний лично общался с Митридатом во время пребывания последнего в Риме и мог получить от него информацию о Боспоре и прилегающих к нему регионах, которую включил в итинерарий, использованный им как канва всего повествования. Кроме того, Плиний дополнял итинерарий сведениями книжного происхождения, почерпнутыми из трудов как эллинистических авторов, так и ионийских прозаиков.

Оригинальные сведения географического характера в этом тексте следующие. Плиний упоминает неизвестную из других источников реку Secheries или Setheries, расположенную в области синдвов (civitas Sindica). Далее, вопреки общему мнению эллинистических географов, он определяет территорию Азиатского Боспора не как остров, а как полуостров, расположенный между Понтом и Меотидой, и дает его название Эон, не засвидетельствованное другими источниками⁷⁴. Из греческих городов он упоминает Гермонассу, Кепы, Стратоклию, Фанагорию, Апатур и Киммерий. О Кепях Плиний пишет, что город был милетским (Серое Milesiogum): информация, известная греческой географической традиции и засвидетельствованная у Псевдо-Скимна (см. выше); скорее всего, она заимствована Плинием из одного из сочинений этого круга. Про Апатур Плиний говорит, что он почти заброшен, что, вероятно, отражает современную ему ситуацию (ср. выше). Наконец, о Киммерии сообщается, что он раньше назывался Керберием. Эта ремарка, вне всякого сомнения, книжного характера и восходит к одному из популярных в эллинистических гомеровских штудиях толкованию названия киммерийцев: название этого народа, поселенного Гомером у входа в Аид, производилось от имени адского пса Кербера (см. выше). Это толкование восходит к Кратету Малосскому и было довольно распространено в гомеровских комментариях⁷⁵,

откуда могло стать известно как самому Плинию, так и автору одного из его источников. Разумеется, боспорский Киммерий в действительности никогда не назывался Керберием — перенос на него этимологического толкования Кратета не выходил за рамки ученой литературы. За Киммерием Плиний помещает меотиков (Maеotici), давая здесь имя меотов в той же форме, что Помпоний Мела; это, вероятно, свидетельствует об использовании в данном пассаже его сочинения.

Очень своеобразна географическая и этнографическая информация, дошедшая до нас в составе эпической поэмы «Аргонавтика», написанной современником Плиния Валерием Флакком. Его поэма была свободным переложением поэмы Варрона Атадинского, латинского подражателя Аполлония Родосского, однако Валерий Флакк добавил в нее много нового материала. Так, в VI песне он решил дать каталог народов и вождей, принявших участие в войне между Ээтом и его братом Персом. Демонстрируя свою эрудицию, ученый поэт включил в каталог чуть ли не все известные ему народы Фракии, Скифии, Сарматии и Центральной Азии. При этом он опирался на географические и этнографические источники, зачастую весьма осведомленные. Так, например, Валерий Флакк сообщал сведения о скифской мифологии, неизвестные другим сохранившимся античным авторам и восходящие в конечном счете к собственно скифской традиции⁷⁶. Среди других варварских народов Валерий Флакк упоминает синдвов (Valer. Flacc. VI. 86), причем называет их *degeneres*, говоря, что они «и ныне боятся плетей из-за отеческого преступления». Это очевидный намек на известную Геродоту и другим античным авторам легенду (Herod. IV. 1–4; Just. II, 5. 2–7 и др.)⁷⁷ о войне скифов с их рабами (или сыновьями рабов), которые завладели имуществом своих господ и их женами во время скифского похода в Переднюю Азию. Таким образом, Валерию Флакку была известна традиция, согласно которой потомками этих скифских рабов были синдвы; ее же отражает и Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXII. 8. 41)⁷⁸. Эта традиция, безусловно, книжного происхождения. Возможно, она основана на толкованиях соответствующего пассажа Геродота, где упоминается вырытый скифскими рабами ров, который должен был защитить их от возвращающихся хозяев. Вопреки указанию Геродота этот ров мог быть помещен одним из географов на Тамани, а не на Керченском полуострове: примеров подобных переносов реалий Европейского Боспора на Азиатский и наоборот немало (см. выше). Поскольку действие легенды переносилось, таким образом, на Азиатский Боспор, потомками скифских рабов был объявлен ближайший варварский народ, т.е. синдвы.

Среди географических сочинений римского времени важное место занимает перипл Черного моря Арриана, написанный в форме послания императору Адриану. Арриан был хорошо знаком с южным побережьем Черного моря: он в 131–137 гг. управлял провинцией Каппадокия и в это время осуществил инспекционную поездку вдоль черноморского побережья до Диоскуриады. Его перипл описывает побережья Понта крайне неравномерно: наибольший интерес представляет описание южного и восточного побережий Черного моря, которые Арриан знал непосредственно, а также святилища Ахилла на Левке (Aeg. Periopl. 32–34). Что же касается Боспора, и в особенности его азиатской части, то о них Арриан не сообщает практически ничего. Правда, один из фрагментов другого его сочинения, «Вифиниака» (fr. 55 Roos = FGrHist 156 F 71, см. выше), показывает, что Арриану были известны весьма подробные сведения о боспорской истории, но он не счел нужным включать их в свой перипл.

Важные сведения о Нижнем Прикубанье содержит географическое сочинение Клавдия Птолемея (Γεωγραφίας Ὑφήγησις), крупнейшего астронома, математика и географа, работавшего во II в. в Александрии. Главной целью Птолемея было создание точной географической карты мира, на которой все пункты были бы нанесены на градусную систему координат. Однако Птолемей обладал географическими координатами, вычисленными на основании астрономических наблюдений, лишь для небольшого числа пунктов, остальные же рассчитывал, опираясь на данные о расстояниях между этими пунктами и пунктами с известными координатами, которые находил в разных сочинениях (периплах, римских итинерариях и т.д.). Разумеется, чем дальше от Александрии и Рима (для которых астрономические координаты были известны) отстоял регион, тем больше были искажения и неточности. Для Боспора и прилегающих территорий они весьма значительны и касаются не только координат, но и взаимного расположения пунктов (например, помещение Апатура между Киммерией и Ахиллием на азовском побережье, удвоение некоторых пунктов, как Синдская гавань и деревня Синда, гавань Бата и деревня Бата и т.д.). Ценность данных Птолемея, таким образом, состоит не столько в приводимых координатах населенных пунктов, сколько в сообщаемых им топонимах; некоторые из них нигде более не засвидетельствованы.

Пункты, находящиеся на побережье Азовского и Черного морей от устья Танаиса до Колхиды, Птолемей перечисляет в пассаже V. 9. 2–10⁷⁹. В параграфах 17–25 той же главы он называет многочисленные народы, помещаемые между Азовским и Каспийским морями, а в параграфах 26–28 — населенные пункты, расположенные на реках, впадавших в Меотиду. В некоторых случаях источники Птолемея поддаются определению. Так, ряд специфических совпадений с пассажем Страбона XI. 2. 4–5, заимствованным из Артемидора, позволяет считать, что эта информация восходит именно к последнему. Это упоминания рек Большого и Малого Ромбита, городов Азара и Азараба, расположенных поблизости друг от друга (один на побережье, а другой на р. Малый Ромбит) и, вероятно, являющихся дублетами (ср. Strab. XI. 14. 3, видимо, ошибочно перенесен сюда из Армении), Аксабитийской косы (ср. Strab. XI. 2. 4, где коса упоминается, но не называется), Тирамбы⁸⁰, р. Аттикит (у Страбона — Антикит), Ахиллеона. Это предположение подтверждается упоминанием Корокондамы у Птолемея и Страбона. Кроме этих авторов и анонимного Перипла Понта Евксинского (см. ниже) Корокондама упоминается лишь у Стефана Византийского (s.v.), причем он дает прямую ссылку на Артемидора.

Часть названных Птолемеем топонимов, таких, как Киммерий, Апатур, Фанагория, Гермонасса, Синдская гавань и ее дублет Σίνδα κόμη, упоминаются в литературе часто, и сведения о них могли быть заимствованы из разных источников. Можно предполагать, однако, что источник Птолемея был близок к нему по времени или же что почерпнутая из него информация была им актуализирована. Так, Киммерий известен Птолемию не как населенный пункт, а как мыс, что, возможно, свидетельствует о запустении этого городка; интересно и отсутствие упоминания Кеп.

Часть птолемеевских топонимов находит параллели только в экскурсе Аммиана Марцеллина, посвященном Понту (Amm. Marc. XXII. 8. 1–48), что вероятнее всего является следствием прямых или опосредованных заимствований из Птолемея, которым пользовался Аммиан Марцеллин⁸¹. Это четыре реки, которые Птолемей локализует между Танаисом и Таманью: он упоминает устья Μαρουβίου/Μαραβίου, Большого и Малого Ромбита, Θεοφανίου,

Οὐαρδάνου, которым у Аммиана соответствуют Maraccus (Marabius corr. Gardthausen), Rhombitus/es, Theophanius, Totordanes (XXII. 8. 29). В остальном экскурс Аммиана Марцеллина не добавляет ничего нового к свидетельствам других источников о Боспоре, лишь повторяя их сведения, зачастую в искаженной форме.

Два топонима из описания Птолемея находят отдаленное соответствие в рассказе Диодора об убоице сыновей Перисада (Diod. XX. 22, см. ниже). Это город Γέρουσα и река Ψάθις, которые традиционно сопоставляются с упомянутыми Диодором Γαρύαζη и рекой Θάτης/Θάψις. Такое отождествление не вполне убедительно, и во всяком случае говорить о единстве источника нет достаточных оснований.

Наконец, в птолемеевском описании этой части региона встречаются и названия, нигде более не упоминаемые: города Паниардис, Патаруе, Матета, а также населенные пункты, расположенные на р. Вардан, которая, судя по своему расположению и протяженности, должна отождествляться с Кубанью: Скопел, Суруба, Корусия, Эбриапа и Серака. По-видимому, все это племенные центры местных народов. Откуда Птолемей получил эти сведения, остается неизвестным⁸².

Из местных народов Птолемей упоминает сиракенов (идентичных сиракам Страбона), которых помещает к югу от яксаматов, затем псессиюв, затем Θερεῖοται. Последние два народа, скорее всего, идентичны псессам и фатеям, многократно упоминаемым в боспорских надписях и в античных литературных текстах. Затем говорится о тирамбах (их название, очевидно, связано с названием Тирамбы), Ἀστούρικανοί, которых обычно сопоставляют с аспургинанами других источников. Их точная локализация не дается, и, вероятно, Птолемей представлял ее лишь в общих чертах.

Современник Птолемея Дионисий Периегет представляет совсем иную тенденцию в развитии географической литературы римского времени, чем Плиний и Птолемей. Его географическая поэма «Описание ойкумены», состоящая из 1187 гекзаметров, была чрезвычайно популярна в поздней Античности и в Средневековье, часто комментировалась (особое значение имеет обширнейший комментарий Евстафия Фессалоникийского) и была переведена на латинский язык Руфием Фестом Авиеном во второй половине IV в. Дионисий практически не включает в свою поэму новый географический материал, зато без разбора смешивает сведения, заимствованные из древних ионийских прозаиков, включая Геродота, и эллинистических географов, а также дополняет их упоминаниями фиктивных гомеровских народов, вроде агавов и гиппемолгов. В результате савроматы и синды оказываются у него соседями киммерийцев, а невры, гелоны и агафирсы — неких гиппоподов. Сочинение Дионисия является чисто литературным упражнением, не имеющим практически никакого отношения к реальной географии, которая его, видимо, весьма мало занимала.

Последним представителем долгой традиции написания периплов Черного моря является анонимное сочинение «Перипл Понта Евксинского», созданное в VI в. н.э. Этот продукт ранневизантийской образованности трудно назвать даже компиляцией: он состоит из дословных цитат, заимствованных из разных географических сочинений, частью сохранившихся, а частью пропавших. Он включает цитаты из периплов Арриана, Мениппа (в сокращении Марциана), Псевдо-Скилака, ямбического Перипла Псевдо-Скимна, а также несохранившегося перипла раннеэллинистического времени, который М.И. Ростовцев был склонен приписывать Эратосфену⁸³. Кроме того, к цитатам из

этих источников время от времени добавляются некоторые современные автору сведения. Анонимному автору не всегда удавалось совладать со своим материалом, в особенности его путало то, что в некоторых из источников описание берегов Понта велось по часовой стрелке, а в других — против. В результате некоторые регионы он описывал дважды, нарушая ход повествования.

В анонимном Перипле описание Азиатского Боспора начинается с параграфа 21 M², заимствованного из Арриана (Arg. Peripl. 28), однако собственное добавление автора гласит, что Синдская гавань ныне называется Евдусией. В следующем параграфе эта информация разворачивается: автор замечает, что от Синдской гавани до Пагры раньше жили керкеты и ториты (Τορίται, обычная форма Τορέται), а теперь живут евдусианы, «говорящие на готском или таврском языке». Таким образом, Синдская гавань (она же Горгиппия) получила название от этих евдусиан. Вероятно, речь здесь идет об упомянутой Прокопием Кесарийским стране Εὐλυσία (Proc. Bel. Got. IV. 4), название, которым обозначалось царство гуннов-утигуров, расположенное по восточному берегу Черного и Азовского морей до Танаиса. В тексте Прокопия, возможно, лямбду следует исправлять на дельту — их смешение обычно в рукописях.

Параграф 23 M² сообщает о Корокондаме, расположенной на узкой полосе земли между морем и Корокондамским озером; здесь же даются размеры этого озера. Видимо, это сообщение заимствовано из неизвестного раннеэллинистического источника, о котором уже упоминалось выше. В сохранившихся текстах Корокондама локализуется иначе (см. выше). Автор Перипла добавляет современное ему название озера — Описсас.

Этим, собственно, и ограничивается неизвестная из других источников информация об Азиатском Боспоре, которую можно почерпнуть из анонимного Перипла. Следующий параграф (описание варварских народов побережья: синдов, керкетов, ахейцев) целиком заимствован из Псевдо-Скимна (899–913 Diller = F 18 Marcotte). В соответствии с ходом описания в этом сочинении автору анонимного Перипла приходится вернуться назад: если раньше он двигался с юга на север, то теперь ему приходится идти в обратном направлении. В следующем параграфе 25 M² автор возвращается к неизвестному нам источнику и к Гермонассе и сообщает расстояние от нее до устья Меотиды и Ахиллеона, а затем (26 M²) добавляет цитату из Арриана (29) о расстоянии между Синдикой и Пантикапеем. Далее анонимный Перипл покидает Азиатский Боспор: он сообщает ширину Боспора Киммерийского между Ахиллеоном и Порфмием (27 M²) и переходит к Танаису (43 = Arg. Peripl. 29; 44 = Ps.-Scyl. 69; 45 = Ps.-Scymn. 875–884 Diller = F 16 Marcotte), однако затем неожиданно вновь возникает Азиатский Боспор: в параграфе 46 (из Ps.-Scyl. 72) сообщается, что «затем следуют город Фанагора и Кепы»; следующий же параграф целиком заимствован из Псевдо-Скимна (884–898 Diller = F 17a, 17b Marcotte). На этом описание Азиатского Боспора окончательно завершается. В целом значение анонимного Перипла для изучения Азиатского Боспора состоит в том, что именно в нем сохранились пропавшие части сочинения Псевдо-Скимна, а также тем, что он в некоторых случаях дает новые названия, очевидно, вошедшие в обиход в IV–V вв. и неизвестные из других источников.

Историческая традиция эллинистической и римской эпох. Наряду с географическими сочинениями Боспор в эллинистическое и римское время рассматривался и в исторических трудах, однако эта историческая традиция (со всеми оговорками об условности ее отделения от географической) сохрани-

лась еще более фрагментарно. Хронология эпохи Спартокидов в значительной степени основывается на данных о длительности правления боспорских тиранов, синхронизированных со списком афинских архонтов, которые приведены у Диодора (Diod. XII. 31. 1: Археанактиды и Спарток I; XII. 36. 1: Спарток I и Селевк; XIV. 93. 1: Сатир I и Левкон I; XVI. 31. 6: Левкон I и Спарток II; XVI. 52. 10: Спарток II и Перисад I; XX. 100. 7: Евмел и Спарток III). В основе этих сообщений, очевидно, лежит официальный список боспорских царей с указанием продолжительности их правления, который был использован (прямо или опосредованно) неким эллинистическим хронографом⁸⁴, соотносившим его со списком афинских архонтов. При этом хронограф основывался на каком-то синхронизме, связывавшем историю Боспора и Афин, от которого и отсчитывались годы правления боспорских правителей. В.В. Латышев⁸⁵, а вслед за ним М.И. Ростовцев⁸⁶, предполагали, что такой отправной точкой был год смерти Перисада I, датировка которой по афинскому архонту была известна традиции, однако опорной датой могло быть и иное событие, в том числе дата смерти или восшествия на престол любого другого царя, правившего после Перисада I. До какого времени доходил этот список, неизвестно (в любом случае до смерти Спартока III, 284/3 г. до н.э.), поскольку труд Диодора после XX книги сохранился лишь во фрагментах.

Кроме этого хронографа в руках Диодора был и другой источник по истории спартокидовского Боспора, имевший совершенно иной характер. Из этого источника происходит детальное описание войны между сыновьями Перисада I, последовавшей за его смертью, а также правления победителя в этой войне Евмела (XX. 22–26). Вне всякого сомнения, этот рассказ восходит (возможно, через посредничество другого автора) к какому-то местному боспорскому историку⁸⁷. Вряд ли в его сочинении излагались события боспорской истории до правления Евмела: в противном случае трудно объяснить, почему они не нашли никакого отражения в сочинении Диодора. Что касается более поздних событий, судить об этом невозможно, поскольку диодоровские книги, следующие за XX, сохранились лишь во фрагментах.

С рассказом Диодора о междуусобице сыновей Перисада связано множество спорных вопросов, в первую очередь относящихся к локализации описываемых событий. Согласно этому тексту, войско законного наследника Перисада Сатира состояло из двух тысяч греческих наемников и такого же числа фракийцев (очевидно, тоже наемников), а также 30 тысяч союзников-скифов. То, что скифы поддерживали именно Сатира, подтверждается тем, что после его смерти сын Сатира Парисад нашел убежище у скифского царя Агара. Очевидно, речь идет о крымских скифах, бывших непосредственными соседями Боспора: Парисад бежал из Пантикапея верхом и смог достаточно быстро добраться до скифских владений. Евмела, младшего брата Сатира, поддержал царь Арифари, который выставил 20 тысяч всадников и 22 тысячи пехотинцев. Здесь и начинаются сложности. В рукописях Диодора Арифари называется царем фракийцев, что, несомненно, является ошибкой — судя по контексту, он правил одним из местных народов: об этом свидетельствует не только численность его войска, но и то, что его царская резиденция находилась поблизости от места событий, на р. Фат. Поэтому φρακῶν рукописей все издатели и комментаторы⁸⁸ считали нужным исправлять. Было предложено две конъектуры: Θατέων⁸⁹ и Σιρακῶν⁹⁰. Однако ни один из аргументов в пользу обеих конъектур нельзя считать решающим. В пользу первой говорит сходство названия народа с названием реки Θάτης, на берегу которой не только произошло решающее сражение войск Сатира и Евмела, но и распо-

лагалась крепость, служившая резиденцией Арифарна. Само наличие хорошо укрепленной крепости поблизости от Боспора скорее свидетельствует о том, что речь здесь идет о народе, довольно глубоко укоренившемся в данном регионе, а не о недавних пришельцах, к тому же с кочевническими традициями, какими были ок. 310 г. до н.э. сираки⁹¹ (если вообще можно датировать их появление на Азиатском Боспоре этим временем: единственным основанием такой датировки является именно исправленный диодоровский текст).

Главный аргумент в пользу восстановления названия сираков, пожалуй, палеографический — искажение Σιρακῶν в Θρακῶν более вероятно, чем возникновение того же чтения из Θατέων (ср. также аналогичное искажение, которое, вероятно, произошло в тексте Strab. XI. 14.14)⁹². Остальные аргументы, собранные и сформулированные Ю.М. Десятчиковым⁹³, а в последнее время Ю.А. Виноградовым⁹⁴ не могут быть приняты безоговорочно. Конечно, тот факт, что «Арифарн» — имя иранское, вовсе не обязательно свидетельствует о том, что его носитель, а тем более его подданные были иранцами. Царские имена, как известно, легко заимствуются в результате династических браков и других контактов. На близких территориях достаточно привести имена царя синдов Гекатея и его сына Октамасада, из которых первое греческое, а второе скифское, что, конечно, не означает, что синды были греками или скифами. Кроме того, о языке фатеев ничего неизвестно, так что нет оснований исключать и возможность их иранской принадлежности. То, что в официальной титулатуре Перисада I фатеи упоминаются в качестве его подданных (КБН 9, 972, 1015, ср. КБН 25, Перисад II), также не доказывает, что они оставались таковыми в течение всего его долгого правления и при его преемниках: хорошо известно, что подчинение варварских народов, перечисленных в титулатуре боспорских тиранов, не было прочным и время от времени эти народы выходили из боспорского подчинения. Поэтому вполне возможно, что фатеи вышли из подчинения Боспора и управлялись в конце правления Перисада I собственным царем, сохраняя при этом связи с Боспором и при случае вмешиваясь в его дела. Третий аргумент в пользу восстановления названия сираков в тексте Диодора касается мощи подданных Арифарна, который смог выставить крупное войско и был главной (а по рассказу Диодора создается впечатление, что и единственной) опорой Евмела. Однако нет серьезных оснований ни отказываться в такой мощи фатеев (о них нам практически ничего неизвестно), ни приписывать ее сиракам, экстраполируя на конец IV в. до н.э. ситуацию I в. до н.э., восстанавливаемую по Страбону (Strab. XI. 5. 8). Сираки упоминаются Страбоном дважды в паре с аорсами (XI. 2. 1; 5. 8), причем локализуются отнюдь не на Боспоре или его границах; независимых свидетельств столь раннего их появления в низовьях Кубани также нет⁹⁵. Учитывая сказанное, представляется более вероятным восстановление в пассаже Диодора имени фатеев, хотя в целом этот вопрос остается открытым.

Что касается локализации описываемых Диодором событий, то наиболее убедительной представляется практически общепринятая точка зрения, согласно которой речь должна идти о Прикубанье⁹⁶. Какую бы конъектуру ни предпочесть для названия подданных Арифарна, в обоих случаях союзники Евмела оказываются соседями Азиатского Боспора, и соответствующие события должны быть привязаны к этому региону. О том же говорит и название реки, очевидно, связанное с названием фатеев, и описание ландшафта (большая река, труднодоступная крепость, окруженная скалами и лесом), и ряд деталей рассказа (например, доставка тела погибшего Сатира в Пантикапей

водным путем). Попытки локализовать описываемые события на Керченском полуострове⁹⁷ или на северном берегу Азовского моря⁹⁸ не представляются обоснованными.

Несмотря на то что в целом место локализации описанных Диодором событий ясно, важнейшие названные им топонимы — река Θάττις (с разночтением Θάψις) и город Гаргаза — не упоминаются в других источниках и не поддаются надежной идентификации. Их отождествление с упомянутыми Птолемеем рекой Ψάθις и особенно городом Γέρουσα (V, 8,2) лишено надежных оснований⁹⁹, хотя не исключено. В любом случае их фиксация, засвидетельствованная у Птолемея, восходит к римской эпохе (см. выше), в то время как источник Диодора, скорее всего, был примерно одновременен описываемым им событиям. Хронологический разрыв двух фиксаций может объяснять разницу их форм, кроме того, не исключено и искажение местного названия в источнике Птолемея.

В сочинении Диодора сохранилось еще одно ценное свидетельство, касающееся Прикубанья — оно связано на этот раз не с Боспором, а со скифами (Diod. II. 43. 1–4). Диодор в этой главе излагает древнейшую легендарную историю скифов, которая была им заимствована из независимого от Геродота источника. Точному определению этот источник не поддается, однако он был, скорее всего, доэллинистическим и содержал сведения, восходящие в конечном итоге к скифской традиции. На это указывает изложение Диодором скифской этногенетической легенды, известной и по другим греческим переказам, в первую очередь геродотовскому (Herod. IV. 5–10)¹⁰⁰. Диодор, однако, приводит совершенно оригинальный вариант, по-видимому, восходящий к другой локальной скифской традиции. Геродотовская версия имеет вполне определенную географическую привязку — она происходит из традиции скифов, живших в V в. до н.э. в окрестностях Ольвии. Напротив, диодоровский вариант легенды, скорее всего, связан с Северным Кавказом или с Придоньем, со средой варваров, находившихся в контакте с греками Азиатского Боспора или Нижнего Дона. На это указывает не только прямая географическая привязка в тексте Диодора, но и то, что в этих местах локализуются упомянутые Плинием напеи и палеи (Plin. NH. VI. 20. 22, ср. VI. 50, с различными вариантами написания в рукописях), скорее всего, идентичные диодоровским напам и палам. Автор диодоровского источника соединил эту скифскую легенду с рассказом о миграции скифов с востока, который в целом соответствует аналогичному рассказу Геродота (IV. 11): скифы, первоначально жившие у Аракса в Центральной Азии, затем двинулись на запад (то же у Геродота). Однако, согласно Геродоту, скифы сразу продвинулись на занимаемую ими в его время территорию, а также предприняли походы в Переднюю Азию, тогда как Диодор представляет дело иначе: сначала скифы завоевали территории до Кавказа, Меотиды и Танаиса и лишь много позднее — через несколько поколений — захватили территории до Фракии (известные как Скифия) и земли до Нила. Сообщение источника Диодора о скифском контроле над степями Северного Кавказа подтверждается археологическими данными: Северный Кавказ в архаическую эпоху был одним из главных, если не главным, центров распространения скифской культуры, и лишь в последующую эпоху этот центр переместился в степную Скифию (см. ч. II, гл. 6). Вероятно, к тому же архаическому периоду восходит часто цитируемое замечание о том, что «в Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны», которое Ксенофонт вложил в уста Сократа (Xen. Mem. II. 1. 10). Откуда Ксенофонт заимствовал эту информацию, неясно. Локализация меотов в Европе может объясняться

или ошибкой, или тем, что в данном случае граница между Европой и Азией проводилась не по Танаису, а по Фасису, как это делали некоторые ранние авторы (Herod. IV. 45; Aesch. Fr. 191 Nauck/Radt); в этом случае меоты, как и Азиатский Боспор, действительно оказывались бы в Европе¹⁰¹.

Конец этой главы диодоровского сочинения (Diod. II. 43. 5–7) явно происходит из другого источника, который описывал владычество скифов над Азией, причем относя его к глубочайшей древности, как «первое» и «второе» владычество скифов в Азии у Помпея Трога¹⁰². Этот пассаж не содержит практически никаких подробностей, связанных со скифским владычеством, за одним исключением: Диодор говорит, что скифские цари переселяли многие народы на другие территории, в том числе ассирийцев — на землю между Пафлагонией и Понтом (очевидно, имеются в виду так называемые левко-сирийцы), а мидийцев — на берега Танаиса, где они дали начало савроматам. Этот рассказ, несомненно, книжного происхождения и принадлежит какому-нибудь эллинистическому эрудиту, стремившемуся объяснить появление на отдаленных территориях двух омонимичных (сирийцы и левко-сирийцы) или родственных (мидийцы и савроматы) народов. Возможно, в основе подобных рассказов лежат сведения о реальной практике новоассирийских и нововавилонских царей, о которой, скорее всего, были осведомлены греки, однако эти рассказы связывались с самыми различными народами и легендарными восточными правителями. Так, аналогичным образом парфяне считались потомками скифов, переселенных в Персию египетским царем Сесострисом (Io. Malal. II. 3 Thurn; Suda, s.vv. Σώστρις, Πάρθοι и др.). Достаточно поздняя дата этого рассказа удостоверяется особым вниманием к савроматам, которые, согласно этому сообщению, захватили значительную часть Скифии. Речь идет, очевидно, о сарматской (отождествление савроматов и сарматов обычно в литературе эллинистического и римского времени) экспансии III в. до н.э. Поздней чертой является и расширительное использование термина «скифы», вошедшее в употребление в эллинистическое время: в число скифов включаются саки, массагеты, аримаспы и другие народы, названные якобы по именам скифских царей. Источник этого пассажа Диодора датируется позже III в. до н.э.; он не дает ничего нового по сравнению с общеизвестными к тому времени сведениями, кроме некоторых чисто книжных ученых теорий (происхождение разных «скифских» народов, происхождение левко-сирийцев и савроматов).

В течение всей эллинистической эпохи история Боспора привлекала интерес в основном местных историков, и лишь изредка информация, почерпнутая из их трудов, попадала в поле зрения авторов, писавших о «большой» истории. Боспор, безусловно, оставался на периферии основного течения греческой исторической традиции. Ситуация изменилась в эпоху Митридата: митридатовские войны были, конечно, центральным событием своей эпохи, и внимание историков к ним было соответствующее. Поскольку Боспор играл в составе Понтийской державы очень важную роль, то резко повысился интерес и к нему. Благодаря этому история Боспора эпохи Митридата и его наследников освещена источниками значительно лучше, чем история других периодов. Информация о нем, содержащаяся у историков Митридата, во многих случаях восходила к непосредственным участникам событий (как со стороны Митридата, так и его противников), что обеспечивает ее высокую достоверность. Разбирая источники Страбона, мы уже говорили о той информации, которой он обязан неизвестному по имени историку Митридата. Историческая традиция о митридатовских войнах нашла отражение и у многих других авторов.

Из этих источников можно почерпнуть важные данные, касающиеся специально Азиатского Боспора. Так, один из рассказов Плутарха (Plut. Luc. 16) свидетельствует о том, что в состав войска Митридата, воевавшего в Малой Азии, входили контингенты, набранные среди варварских племен Азиатского Боспора, которые традиционно подчинялись боспорским царям; их возглавляли собственные вожди. Из этого рассказа выясняется, что Митридата сопровождали, в частности, дандарии, один из вождей которых Олак вызвался убить Лукулла, чтобы отличиться перед своим царем. Аппиан также упоминает его, но называет вождем колхов (App. Mithr. 117); вероятно, то же лицо Аппиан в другом месте называет Олабом, скифом по происхождению (информация, очевидно, происходит из другого источника: App. Mithr. 79, ср. также Frontin. Strat. II, 30).

О том, что Митридат успешно налаживал отношения с варварами, граничившими с Азиатским Боспором и не подчинявшимися боспорским царям, мы узнаем из других сообщений того же историка. Согласно его сведениям (App. Mithr. 102, 108), Митридат, бежав на Боспор после поражения от Помпея, заключил союз со многими династиями, жившими возле Меотиды, и скрепил этот союз династическими браками, выдав за них своих дочерей. Благодаря Аппиану нам известны и некоторые другие подробности боспорской истории при Митридате. В частности, он подробно описывает антимиридатовское восстание в Фанагории (App. Mithr. 108), включая поименное упоминание основных действующих лиц, сообщает о даровании Помпеем автономии этому городу (App. Mithr. 113) в награду за восстание и о последующем подчинении Фанагории Фарнаком, а также и о гибели последнего в борьбе с Асандром (App. Mithr. 120). Эта информация, по всей видимости, восходит в конечном счете к свидетельствам очевидцев.

К рассказу Аппиана близко изложение тех же событий у Павла Орозия, христианского историка V в. н.э. (Oros. VI. 5. 1–7), однако он упоминает некоторые подробности, неизвестные Аппиану. По-видимому, описание этих событий заимствовано им у Тита Ливия, который подробно излагал их в несохранившейся XII книге своего труда. Рассказ о тех же событиях у Диона Кассия менее детален; о фанагорийском восстании он не упоминает (Dio Cass. XXXVII. 10–14), однако сообщает о более поздних событиях: о попытке Скрибония захватить власть на Боспоре и о захвате боспорского трона Полемоном (LIV. 24. 4–6).

Ценнейшим источником по истории Боспора является и крупнейший римский историк Тацит, подробно описывающий борьбу за престол между Митридатом III и Котисом I (Tac. Ann. XII. 15–21), в которую были вовлечены римские вооруженные силы и местные народы Прикубанья (дандарии, сираки, аорсы). Описание событий Тацитом очень детально; он сообщает названия ряда населенных пунктов, не упомянутых в других источниках. Можно полагать, что его информация также восходит к очевидцам событий как со стороны римлян, так и с противоположной стороны. Как уже упоминалось, Митридат III провел последние двадцать лет своей жизни в Риме, и его рассказы были использованы Плинием в качестве источника информации о Боспоре. Более чем вероятно, что Плиний был не единственным римским писателем, с которым общался Митридат, и что труды одного из его собеседников использовал Тацит.

Параисторическая и псевдоисторическая традиция. Немало сведений об Азиатском Боспоре и прилегающих областях сохранилось в произведениях, не являющихся собственно историческими, в которых смешивались в разных

пропорциях историческая информация и вымысел. В своей недавней книге «Fiction as History» Г. Бауэрсокс обратил специальное внимание на сложность отношений между вымыслом и действительностью в античной литературе и, в частности, на тот факт, что между историческим описанием и художественным вымыслом четкие границы отсутствовали даже в позднее время¹⁰³. При этом не только за каждым из них не был закреплен определенный жанр, но даже и понятия далеко не всегда четко разграничивались. Тем не менее, а может быть именно поэтому, проблема разграничения истины и вымысла в описании прошлого и настоящего занимала древних историков с самого момента возникновения греческой прозы. Символично, что собрание фрагментов греческих историков, составленное Ф. Якоби, открывается фразой, посвященной именно этой проблеме (FGrHist 1 F 1): самый ранний известный нам ионийский прозаик, Гекатей Милетский, начал свой труд следующей фразой: *τάδε γράφω ὡς μοι δοκεῖ ἀληθέα εἶναι οἱ γὰρ Ἑλλήνων λόγοι πολλοί τε καὶ γελοιοί, ὡς ἐμοὶ φαίνονται, εἰσὶν* — «Я пишу это согласно тому, что считаю правдой; ведь истории греков многочисленны и смехотворны, как мне кажется». Впрочем, эта декларация не помешала Геродоту, в свою очередь, объявить рассказы Гекатея смехотворными (см., например, Herod. IV. 36), а обвинения самого Геродота в том, что он рассказывает небылицы, в поздней литературе стали почти общим местом. Хотя чуть ли не каждый историк претендовал на то, что он отделяет правду от вымысла, и критиковал своих предшественников как рассказчиков небылиц, ситуация мало изменилась за последующие столетия. Еще император Юлиан, один из последних языческих писателей, вполне в духе Гекатея, призывал читать «истории», описывающие реальные события, и отвергать вымыслы, преподносимые «древними» под видом истории (Epist. 89, 301b). Понятны поэтому замечание Секста Эмпирика о том, что критерии для разделения истины и вымысла в исторических сочинениях отсутствуют (Sext. Adv. Math. I. 263–269) и утверждение Сенеки (Sen. Quaest. natur. VII. 16, 1–2), что все историки, добросовестные и недобросовестные, лжецы: разница лишь в том, что одни, введенные в заблуждение, не могут избежать лжи, а другим она нравится, и они ее ищут¹⁰⁴.

Неудивительно поэтому, что в греческой исторической литературе немалую роль играет псевдоистория, т.е. описания вымышленных событий, зачастую весьма детализированные, которые составляют часть исторического описания и формально от него не отличаются¹⁰⁵. Однако в греческой литературе не существовало четких границ не только между историей и псевдоисторией, но и историей и чистым вымыслом, например, любовными романами¹⁰⁶; обмен материалом между произведениями этих жанров был вполне возможен. Эти особенности греческой литературы необходимо иметь в виду при анализе различных сообщений источников: если древние авторы не всегда отличали историческую традицию от псевдоисторической и от художественных произведений с историческими элементами, то современный исследователь это делать обязан.

Одним из видов параисторической традиции была идеализация реально существующих народов и исторических лиц. Ярким примером такой традиции является восходящая к Эфору идеализация скифов¹⁰⁷. Эфор, вовсе не заботясь об исторической достоверности, приписал скифам созданную им социальную утопию. Разумеется, эфоровское описание скифов должно использоваться как источник сведений об истории греческих социальных идей, а вовсе не о социальном устройстве реальных скифов. Точно так же вряд ли кому-то придет в голову использовать многочисленные рассказы об Анахарсисе, а

также циркулировавшие под его именем письма как источник по скифской истории. Объектом подобной идеализации уже в эпоху раннего эллинизма стал боспорский царь Левкон, видимо, потому, что его имя было хорошо известно за пределами Боспора. Стоик первой половины III в. до н.э. Хрисипп упоминает Левкона, наряду со скифским царем Иданфирсом, как пример добродетельного правителя, при дворе которого может жить мудрец (Plut. De stoic. rep. 20, ср. Strab. VII. 3. 8; Dio Chrys. II. 75–77, fr. 690–692 Arnim). Возможно, эта идеализация началась значительно раньше, еще при жизни Левкона, который, несомненно, был весьма популярен и далеко за границами Боспора. Весьма комплиментарное упоминание о нем содержится уже у Энея Тактика (Aen. Tact. 5. 2), сочинение которого относится к 50-м годам IV в. до н.э.

В более позднее время Боспор и соседние с ним варвары продолжали привлекать внимание авторов сочинений, принадлежавших к разным жанрам греческой словесности, в том числе любовных романов. Авторы античных романов любили помещать их действие в отдаленные экзотические страны и в далекое прошлое: достаточно вспомнить полностью сохранившиеся «Эфиопики» Гелиодора или известные во фрагментах романы о Нине и Семирамиде, о Сесонхосисе или о Кире. При этом некоторые детали, заимствованные из быта народа, о котором шла речь, включались в повествование для создания местного колорита.

Боспор и окружающий его варварский мир были использованы для создания такого экзотического антуража в романе, от которого сохранилось несколько папирусных фрагментов и который по имени своей главной героини получил условное название «романа о Каллигоне»¹⁰⁸. Первые фрагменты, содержащиеся в папирусе PSI 981, были опубликованы в 1927 г., и с тех пор их не раз пытались использовать для реконструкции боспорской истории¹⁰⁹. Данный папирус датируется II в. н.э., что дает *terminus ante quem* написания «романа о Каллигоне». Недавно среди оксиринхских папирусов были обнаружены новые фрагменты того же романа, на этот раз относящиеся к III в. н.э., которые содержат существенно новую информацию о его содержании; к сожалению, до сих пор опубликовано лишь изложение текста этих фрагментов, но не сам текст¹¹⁰. Из сохранившихся отрывков восстанавливается следующая картина. Главная героиня романа Каллигона — гречанка, уроженка милетского города на Борисфене, т.е. Ольвии. Тем не менее она носит оружие и охотится; в частности, на охоте она встречает некоего Эрасина, в которого влюбляется. Кроме того, Каллигона тесно связана с савроматами (является их предводительницей?). Во всяком случае, когда она в полном отчаянии рыдает, разрывает свою одежду и пытается покончить с собой, один из персонажей романа Евбиот объясняет другим, что причиной этого отчаяния являются полученные ею ужасные известия о савроматах. Делает он это, чтобы удалить посторонних из палатки, где он находится вместе с Каллигоной, и это объяснение ее отчаяния оказывается правдоподобным, хотя истинная его причина связана с возлюбленным Каллигоны Эрасином. Неясно, кем являлся Евбиот, но по контексту создается впечатление, что его статус был не ниже статуса Каллигоны, что он был дружественно настроен к ней и что он не был савроматом. Кроме савроматов фрагменты романа упоминают меотов, про которых говорится, что «и ими управляет женщина». Наконец, в романе действуют и амазонки во главе с царицей по имени Темисто, к которым попадает в плен Каллигона после крушения корабля у их берегов. Несмотря на фрагментарность сохранившегося текста, очевидно, что речь идет об обычном греческом

романе, в котором меоты и савроматы выступают наравне с амазонками в виде условных персонажей, придающих повествованию аромат экзотики¹¹¹.

К тематике, связанной с Боспором и его варварскими соседями, обращался и Лукиан из Самосаты, знаменитый сатирик и представитель второй софистики (родился ок. 120 г., умер после 180 г.). Главным из его «скифских» диалогов является «Токсарид, или О дружбе». Два персонажа диалога, грек Мнесипп и скиф Токсарид, спорят о том, какой из двух народов, которые они представляют, больше ценит дружбу, и каждый, чтобы доказать примерами свою правоту, рассказывает пять историй, почерпнутых, по их словам, из недавнего прошлого. Уже давно была отмечена близкая связь этих историй с греческими романами, в которых мужская дружба также является одной из постоянных тем¹¹². Возможно, одним из источников Лукиана был «роман о Каллигоне»¹¹³: один из персонажей, упомянутых в рассказе Токсариды, — Евбиот, боспорский царь, живший до вступления на престол у савроматов. Его тезка фигурирует и в «романе о Каллигоне», и он тоже связан с савроматами (хотя сам савроматом, вероятно, не является — как и лукиановский Евбиот). Предположение, что речь не идет о простом совпадении, подтверждается тем, что «роман о Каллигоне», очевидно, был весьма популярен в лукиановскую эпоху. Об этом свидетельствует не только то, что до нас дошли его фрагменты, принадлежавшие двум разным папирусным спискам, но и то, что фрагменты II в. принадлежат дорогой и высококачественной копии; сам факт изготовления такой копии — свидетельство высокого престижа копируемого произведения.

Для создания скифского местного колорита Лукиан широко использовал этнографические описания скифов. Это прежде всего Геродот, из текста которого были заимствованы сообщения об институте братания (Lucian. Tox. 37, ср. Herod. IV. 70), о культе меча (Lucian. Tox. 38, Scyth. 4, ср. Herod. IV. 62), о поедании родителей (Lucian. Tox. 8, ср. Herod. I. 216, о массагетах, IV. 26, об исседонах) и др. Однако у Лукиана было и другое этнографическое описание, автор которого нам не известен, но которое давало, судя по всему, достоверную и подробную информацию: отсюда происходят, например, сообщения о сборе дружины для похода с помощью шкуры быка (Lucian. Tox. 48) или о социальной структуре Скифии (Lucian. Scyth. 1)¹¹⁴. Однако ценность «скифских» диалогов Лукиана, в том числе «Токсариды», как исторического источника, пожалуй, и ограничивается тем, что он сохранил сведения этого исчезнувшего описания скифов, пусть и в вольной трактовке (как можно заключить из его способа обращения с материалом Геродота).

Если в деталях этнографического описания скифов, использованных Лукианом для создания местного колорита, содержится исторически достоверная информация, то со всем, что относится к сюжету (упомянутые персонажи, отношения между названными народами, событийный ряд), дело обстоит совершенно иначе. Прежде всего лукиановский текст принципиально анахроничен. С одной стороны, в диалоге «Скиф, или Проксен» (1) прямо говорится, что Токсарид был старше знаменитого Анахарсиса, причем оба были современниками Солона; это указывает на VI в. до н.э. как время действия. Этой эпохе могли бы соответствовать могущественные скифы и савроматы, границей между которыми, в соответствии с Геродотом, является Танаис (Tox. 39). С другой стороны, здесь же, в рассказе об Арсакоме и его друзьях — центральном рассказе «Токсариды» — участвуют и современники Лукиана аланы, которые, как известно, появились в Причерноморье не ранее I в. н.э. При этом аланы, согласно Лукиану, — традиционные враги скифов,

однако ничем не отличаются от последних, кроме длины волос, так что скифу, желающему выдать себя за алана, достаточно коротко постричь волосы (Tox. 51). Таким же анахронизмом является и упоминание лазов (Tox. 44), присутствие которых в Колхиде фиксируется не ранее I в. до н.э. В тексте упоминаются и синды, которые якобы первоначально подчинялись скифам, потом отложились от них и перешли к аланам, а затем, в результате победы Арсакома, были вновь возвращены аланами скифам (Tox. 55). Эти сведения абсолютно не соответствуют тому, что известно о синдской истории из других источников.

Кроме упомянутых народов, действительно контактировавших с Боспором, пусть и в разное время, в «Токсариде» важнейшую роль играет и народ, который с ним никогда не был связан. Это некие Μάχλυες, за царя которых, главного соперника Арсакома, боспорский царь выдал свою дочь, что дало ему право претендовать на боспорский престол. В диалоге они выступают как главная сила в регионе и как основные соперники скифов. Их название Лукиан, скорее всего, заимствовал у Геродота, но в сочинении последнего это, хотя и номады, но живущие в Ливии (Herod. IV. 178, 180, ср. Plin. NH. VII. 15)¹¹⁵. Такое заимствование достаточно красноречиво характеризует метод работы Лукиана: для него безразлична не только хронологическая, но и географическая достоверность. В тексте немало и других географических нелепостей¹¹⁶.

Не более исторично и то, что Лукиан сообщает о Боспорском царстве. Оба упомянутых им царя — Левканор и Евбиот — вымышленные персонажи. Возможно, имя первого Лукиан образовал от имени наиболее известного боспорского царя Левкона, второе же, скорее всего, заимствовано из «романа о Каллигоне». Левканор к тому же женат на аланке, а Евбиот — его незаконнорожденный брат, живущий у савроматов. При этом боспорцы, согласно Лукиану, всегда платили дань скифам (Tox. 44). Все эти сведения совершенно не историчны, да и не претендуют на историчность: ведь сам Лукиан ставил перед собой совершенно иные задачи. Извлечь отсюда достоверные сведения об истории Боспора и его отношениях с соседними варварами — дело безнадежное¹¹⁷.

Современником Лукиана был другой представитель Второй софистики, Полиэн, автор сочинения «Стратегемы», написанного в 60-е годы II в. н.э. Подобные тематические сборники, содержавшие почерпнутые из литературы примеры на избранную тему, были весьма популярны в его эпоху. Полиэн задался целью составить нечто вроде универсальной энциклопедии военных хитростей (стратегем), применявшихся разными полководцами (и разными народами) в разные времена. Он был хорошо образованным и начитанным человеком и заимствовал свой материал из самых разнообразных источников, прежде всего из трудов греческих историков, большая часть которых не сохранилась¹¹⁸. Сообщения своих источников Полиэн в случае необходимости сильно сокращал, обычно сохраняя лишь достаточно сухое изложение сюжета.

Вторая половина последней, восьмой, книги «Стратегем» стоит особняком внутри этого сочинения: она посвящена не столько военным хитростям, сколько военным доблестям, проявленным женщинами. Один из этих рассказов посвящен меотской принцессе Тиргатао (Polyaen. VIII. 55); он всегда считался одним из главных источников по ранней истории Боспора и соседних племен. Посвятивший этому рассказу специальную статью М.И. Ростовцев отметил ряд существенных противоречий между ним и данными других источ-

ников о событиях IV в. до н.э. и предположил на этом основании, что рассказ Полиэна должен относиться ко второй половине III в. до н.э., а упоминаемый в нем боспорский царь — не Сатир I, а Сатир III¹¹⁹. Впоследствии он, однако, отказался от этого предположения и отнес описываемые Полиэном события к правлению Сатира I, т.е. к началу IV в. до н.э.¹²⁰ Эта точка зрения ныне является общепринятой, а рассказ Полиэна считается достоверным историческим свидетельством, на основании которого делаются разнообразные выводы о боспорской истории. Между тем М.И. Ростовцев гораздо осторожнее определял характер полиэновского рассказа о Тиргатае: «Это переход от настоящей истории, как мы ее имеем у Диодора, к историко-этнографической новелле, которую мы находим в готовом виде у Лукиана. Амага и Тиргатао вряд ли исторические личности... отдельные сообщаемые факты вряд ли могут претендовать на историческую достоверность»¹²¹.

Такая оценка, безусловно, справедлива. Рассказ Полиэна основан на повествовании, более всего напоминающем греческий роман. За его сухим и кратким изложением легко угадывается характерный романский сюжет. Главная героиня, как и в «романе о Каллигоне», — женщина, в основе сюжета — любовь, предательство и месть за него. Симпатии автора, безусловно, на стороне меотянки Тиргатао; боспорский царь Сатир выступает как вероломный, жестокий и беспринципный итриган, в конце концов наказанный за свое вероломство. Муж Тиргатао синдский царь Гекатей представлен как слабый и безвольный человек, полностью покорный воле злодея-Сатира, предающий под его давлением свою любовь, хотя и не решающийся убить любимую жену. Различные перипетии романного сюжета тоже налицо: здесь и заключение Тиргатао в тюрьму, и бегство из нее, и долгий путь на родину, и завоевание власти в родном царстве, и неудавшаяся попытка вероломного убийства. Как обычно, автор этого романа или новеллы использует исторические реалии для создания местного колорита. По всей видимости, он черпал их из сочинений историков, описывавших эпоху ранних Спартокидов, однако обращался с этим материалом весьма свободно. Так, например, историческая традиция была весьма благоприятна по отношению к первым боспорским царям, что объясняется ее боспорскими истоками¹²². Однако главной героиней «романа о Тиргатае» была противница Боспора, и его автор в соответствии со своими задачами легко поменял проспартокидовскую тенденцию исторической традиции на противоположную.

Для оценки полиэновского рассказа как исторического источника, таким образом, важно определить, что в нем заимствовано из исторической традиции, а что относится к сфере художественного вымысла. Недавно был открыт новый источник, проливающий свет на эту проблему. Речь идет о стихотворном посвящении, сделанном боспорским царем Левконом I в святилище Аполлона в Лабрисе (Семибратнее городище)¹²³. Новая надпись свидетельствует о существовании независимого синдского царства, на что уже указывали и другие источники¹²⁴. Она подтвердила также сообщение Полиэна о том, что над синдами царствовал Гекатей и что он был свергнут с престола. Подтверждается и то, что узурпатор (из новой надписи выясняется, что это был сын Гекатея по имени Октамасад) был изгнан боспорским царем, хотя из текста надписи неясно, восстановил ли он временно Гекатея на престоле или сразу подчинил Синдику себе.

При этом выясняются и существенные расхождения рассказа Полиэна с реальностью. Прежде всего современником Гекатея был не Сатир, а Левкон; если он был современником обоих боспорских царей, то главную роль в его

судьбе сыграл все же последний, что не нашло у Полиэна никакого отражения. Если сведения о синдском царе Гекатее у Полиэна восходят к исторической традиции, имеющей в конце концов боспорское происхождение, автор соответствующего исторического сочинения не мог этого не знать и, безусловно, писал о Левконе, а не о Сатире. Можно думать поэтому, что автор «романа о Тиргатае», использованного Полиэном, намеренно заменил Левкона Сатиром. Причиной этого было, по всей видимости, то, что Левкон был слишком известен в греческой литературе, и его образ был почти идеальным и отнюдь не соответствовал той неблагоприятной роли, которую боспорский царь должен был играть в «романе о Тиргатае» (см. выше)¹²⁵. Что касается общей исторической ситуации, то она также не вполне соответствует реальности: уже вскоре после вмешательства Левкона в дела Синдского царства, он получил власть в Синдике; в официальной титулатуре он именовался сначала архонтом Боспора, Феодосии и Синдики, а затем архонтом Боспора и Феодосии, царем синдов и других покоренных варваров¹²⁶. Очевидно, если Левкон и восстановил Гекатея на престоле после его свержения Октамасадом, тот оставался царем недолго; возможно, что Левкон получил власть над Синдикой непосредственно после победы над Октамасадом. В любом случае Гекатей после событий, зафиксированных надписью с Семибратнего, не оставался у власти так долго, как это предполагает полиэновский рассказ. Далее, нет никаких независимых подтверждений того, что союз меотских племен во главе с иксаматами вел длительные и разрушительные войны с Боспором (и его союзниками синдами) в начале IV в. до н.э.

Обстоятельства гибели Сатира в «романе о Тиргатае» также не соответствуют достоверным сведениям исторической традиции, что было одним из главных обстоятельств, смущавших М.И. Ростовцева, когда он пытался датировать описанные Полиэном события. Сатир I погиб при осаде Феодосии, а вовсе не умер, впад в отчаяние после смерти своего сына Метродора и разорения своего царства меотами. Такой конец жестокого царя хорошо укладывается в рамки романного жанра, но не имеет отношения к исторической реальности. Наконец, Полиэн утверждает, что Сатиру I наследовал не Левкон, а Горгипп, прекративший войну с Тиргатае. Это противоречие между рассказом Полиэна и остальными источниками исследователи, доверявшие ему, пытались объяснить, предполагая, что Горгипп был соправителем Левкона, управлявшим азиатской частью Боспорского царства¹²⁷. Однако такая гипотеза противоречит ряду других данных и не может считаться убедительной. Не объясняет она и полного отсутствия упоминания Левкона у Полиэна. Решение проблемы представляется иным. Единственный Горгипп, известный нам по независимым источникам, это тесть Перисада I, отец его жены Комосарии (КБН 1015); он же, очевидно, упоминается рядом с Перисадом и его старшим сыном Сатиром в речи Динарха «Против Демосфена» (43). Был ли он кровным родственником Спартокидов, неизвестно¹²⁸. Как мы видели, автор «романа о Тиргатае», используя сведения, касающиеся правления Левкона I на Боспоре, стремился не слишком привязывать свой рассказ к известным боспорским царям. Поэтому он, для создания местного колорита, использовал имена членов боспорского правящего дома, но не самых известных, вызывавших вполне определенные литературные ассоциации, как Левкон и Перисад, причем поставил их в случайные родственные связи между собой. Горгипп был известен за пределами Боспора: его статуя, вместе со статуями Перисада и Сатира, стояла на афинской агоре, но вряд ли средний афинянин знал про него больше, чем то, что это какой-то тиран с Понта. То же касается

и Сатира. Так Горгипп превратился в сына и наследника Сатира, который, в свою очередь, заменил исторического Левкона. Что касается второго сына Сатира, Метродора, то был ли он реальным или вымышленным персонажем, судить трудно. Это относится и к самой Тиргатао, хотя более вероятно, что она была просто литературным персонажем. Итак, рассказ Полиэна о Тиргатао нельзя считать надежным историческим источником. Некоторая историческая информация в нем заключена, но отделить ее от художественного вымысла можно только с помощью независимых источников. Если же какое-то лицо или событие засвидетельствовано только этим рассказом, невозможно решить, достоверно ли оно.

¹ SC I–II.

² ВДИ. 1947–1949.

³ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Пг., 1925. Книга вышла без ведома и контроля автора по рукописи, оставшейся в России после его отъезда в 1918 г. В 1931 г. вышел немецкий перевод книги, который М.И. Ростовцев, в отличие от русского издания, смог отредактировать.

⁴ См. например: Carpenter R. The Greek Penetration of the Black Sea // AJA. 1948. 52. Автор считал, что греки не могли выходить из Эгейского моря в Черное до изобретения пентеконтер, поскольку этому препятствовало сильное течение (уровень Черного моря существенно выше Эгейского). Опровержение этой гипотезы см.: Labaree B.W. How the Greeks Sailed into the Black Sea // AJA. 1957. 61; Graham A.J. The Date of the Greek Penetration of the Black Sea // Bulletin of the Institute of Classical Studies (University of London). 1958. 5.

⁵ См. об этом подробно: Иванчик А.И. Накануне колонизации. Москва; Берлин, 2005. С. 67–109.

⁶ Akurgal E. Probleme und Ergebnisse der Grabung und Funde archaischer Zeit // Akurgal E., Budde L., Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope: (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından 5. Seri, № 14). Ankara, 1956. S. 4–5; Boysal Y. Über die älteren Funde von Sinope und die Kolonisationsfrage // AA. 1959. S. 8–20; Akurgal E. Sinope // The Princeton Encyclopedia of Classical Sites. Princeton, 1976. P. 842–843. Ср. Graham A.J. Op. cit. P. 32–33; Drews R. The Earliest Greek Settlements on the Black Sea // JHS. 1976. 46. P. 18.

⁷ Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи

с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 18–19. Ср. главу IV.

⁸ Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg; Paris, 1916. P. 128; Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. I. S. 254; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968. Vol. I. P. 187 и др.

⁹ Анализ различных объяснений топонима и аргументы в пользу его фракийского происхождения см.: Тохтасьев С.Р. Βόσπορος // БФ. 1999. С. 86–92.

¹⁰ Ср.: Тохтасьев С.Р. Киммерийская топонимия. I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 142–148.

¹¹ Об этих традициях см. с литературой: Rohde E. Studien zur Chronologie der griechischen Literaturgeschichte // Rohde E. Kleine Schriften. Tübingen; Leipzig, 1901. Bd. I. S. 91–92; Geffcken J. Timaios' Geographie des Westen. B., 1892. S. 30; Corssen P. Die Sybille in VI. Buch der Aeneis // Sokrates. N.F. 1. 1913. S. 438; Тохтасьев С.Р. Источниковедческие проблемы истории киммерийцев: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999; Ogden D. Greek and Roman Necromancy. Princeton; Oxf., 2001. P. 61–74; Иванчик А.И. Накануне колонизации. С. 127–134.

¹² См. об этом пассаже: Иванчик А.И. Накануне колонизации. С. 53–66, с литературой.

¹³ Шнюков Е.Ф., Соболевский Ю.В., Гнатенко Г.И., Науменко П.И., Кутный В.А. Грязевые вулканы керченско-таманской области. Киев, 1986; Никонов А.А. Гора Бориса и

Глеба на Тамани // Геоморфология. 2002. № 3. С. 73–78.

¹⁴ Интересно, что аналогичные ассоциации вызвали эти места у казаков, переселенных сюда в конце XVIII в. главным образом из района Запорожья. Посетивший Тамань в 1794 г. П.-С. Паллас писал, что черноморские казаки называют самый крупный в районе грязевой вулкан Куку-оба «Пекла», т.е. «Ад», и считают его адским дымоходом: Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südliche Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1803. Bd. II. S. 279. Здесь же он дает подробное описание, со слов очевидцев и по личным впечатлениям, сильнейшего извержения этого вулкана, случившегося в том же 1794 г., а также его последствий (Ibid. S. 279–289).

¹⁵ Гери К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898. С. 153–156; Тункина И.В. К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII – первой четверти XIX в. // БС. 1993. № 2. С. 12–13, 18–21, проч. литературу см. в леммах к КБН 1014, 1015.

¹⁶ Марченко И.Д. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1962; Она же. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. Вып. 95.

¹⁷ Завойкин А.А. Святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография // ВДИ. 2006. № 3. С. 61–76, со ссылками на предыдущие публикации.

¹⁸ Последняя публикация этой надписи, основанная на автопсии: Тохтасьев С.Р. Вотив царицы Комосарии //

- ПАВ. 1994. № 8. С. 80–83, здесь же см. о форме имени богини.
- ¹⁹ Марченко И.Д. К вопросу о культах Азиатского Боспора // ВДИ. 1960. № 2. С. 101; Она же. Новые данные... С. 121; Она же. Некоторые итоги... С. 86; Она же. О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М., 1977. С. 122.
- ²⁰ Тохтасьев С.Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурс // ВДИ. 1983. № 2. С. 115–117. Иную точку зрения, согласно которой изложенная Страбоном легенда является одним из вариантов колониального мифа, см.: Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // ДБ. 1999. № 2. С. 147–160. Представляется, что гипотеза С.Р. Тохтасьева лучше объясняет особенности страбоновского текста (в частности, очевидный сексуальный подтекст легенды), хотя по пересказу Страбона трудно судить о характере первоисточника, и любое объяснение в данном случае будет гипотетичным. Впрочем, обе интерпретации не являются несовместимыми: предполагаемый С.Р. Тохтасьевым мим вполне мог (и даже должен был) обыгрывать и пародировать элементы местной храмовой легенды, например, участие в ней Геракла. Однако сопоставление страбоновской легенды с известным в разных вариантах мифом о Геракле как прародителе скифов, привязанном к окрестностям Ольвии (наиболее подробное изложение: Herod. IV. 8–10), выглядит натянутым, как правильно отметил С.Р. Тохтасьев.
- ²¹ Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906. Bd. II. S. 1525 ff.
- ²² Г.А. Кошеленко (Боспорский вариант... С. 148–149) считает, что на Тамани было единственное святилище Афродиты Апатуры и помещает его на «хоре Фанагории». Однако текст Страбона этому противоречит: Апатур локализован поблизости от Гермонассы, направо по отношению к вливающимся в Корокондамитиду, в Синдике, тогда как Фанагория — налево, на особом острове, отделенном от Синдики Гипанисом. Кроме того, данные эпиграфики (см. ниже) также свидетельствуют о том, что святилища, где почиталась «Афродита Урания, владычица Апатура», или Афродита Апатурия, существовали за пределами Апатура в основных боспорских городах (Пантикапей, Фанагория, Танаис). Речь идет, по-видимому, о своеобразных «филиалах» основного святилища в Апатуре. Указание В.Д. Кузнецова, что, «по сведениям Страбона, в Фанагории находилось знаменитое святилище этой богини, Апатур» (Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 157) — простая ошибка, страбоновский текст, как мы видели, локализует Апатур отнюдь не в Фанагории.
- ²³ Mette H.J. Sphairopoiia: Untersuchungen zur Kosmologie des Krates von Pergamon. München, 1936. S. 88, 92 ff.
- ²⁴ Rohde E. Psyche: Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. 3. Aufl. Bd. I. Tübingen; Leipzig, 1903. S. 213, Anm. 3.
- ²⁵ О слиянии двух образов см.: Gruppe O. Griechische Mythologie... S. 868, Anm. 1. S. 1521.
- ²⁶ Ср.: Иванчик А.И. О происхождении «киммерийской» топонимии Боспора // V Международный конгресс по фракологии: (Античная балканистика. 6): Тез. докл. М., 1988. С. 14–15; Завойкин А.А. Святилище Деметры... С. 70, примеч. 46.
- ²⁷ Например: Блаватский В.Д. Древнейшее упоминание о Синдике // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 55–58 (= Исследования в честь академика Д. Дечев. София, 1958. С. 703–706); Зубарев В.Г. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // ДБ. 1999. № 2. С. 141; Никонов А.А. Синдская расщелина // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII – I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 124–133 и др. Исчерпывающую критику см.: Тохтасьев С.Р. ΣΙΝΔΙΚΑ // ТС. СПб., 2002. Вып. 4. С. 23–24, ср.: Braund D. The Sindians of the Taman Peninsula c. 400 BC: Polyaeus' Tigris, Numismatics and Demosthenes' Grandfather // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII – I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 20.
- ²⁸ О форме этого топонима см.: Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. I: ΠΑΤΟΥΣ, ΠΑΤΡΑΣΥΣ, ΠΑΤΡΑΕΥΣ // Проблемы античного источниковедения. М.: Л., 1986. С. 69–87.
- ²⁹ Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–160; Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 214–220.
- ³⁰ Ср.: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984 г. М., 1985. С. 66–67; Паромов Я.М. Ледовые походы скифов // БФ. 2005. С. 247–250; Он же. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // ДБ. 2006. № 10. С. 375–376.
- ³¹ По-видимому, здесь отражается локализация амазонок на побережье Меотиды, которая появляется относительно поздно в связи с их отождествлением с савроматами (Herod. IV. 110–117, ср.: Eur. Her. 408–410 и др.), ср.: Gutschmid A. von. Die beiden ersten Bücher des Pompejus Trogus // Kleine Schriften. Leipzig, 1894. Bd. V. S. 113. Образ амазонок, хорошо известный уже автору «Илиады» (III, 189; VII, 186, ср. II, 814), первоначально связывался с Малой Азией и не имел никакого отношения к Северному Причерноморью. Об амазонках см.: Tyrrell W.B. Amazons: A Study in Athenian Mythmaking. Baltimore; London, 1984; Blok J.H. The Early Amazons: Modern and Ancient Perspectives of a Persistent Myth. Leiden; New York; Köln, 1995 (Religions in the Graeco-Roman World. 120), специально о поздней связи со Скифией: P. 410–419.
- ³² Jacoby F. Hellanikos // RE. 1912. 8. Sp. 110; Pearson L. Early Ionian Historians. Oxf., 1939. P. 155 ff.; Drews R. The Greek Accounts of Eastern History. Washington, 1973. P. 23–24; Gardiner-Garden J.R. Herodotus' Contemporaries on Skythian Geography and Ethnography. Bloomington, 1987. P. 3 ff. (Papers on Inner Asia. 10).
- ³³ Неубедительны попытки опровергнуть эту датировку, так или иначе изменяя текст аристофановского схолия, и считать, что Гелланик не дожил до 406 г. до н.э. (Schol. Aristoph. Ranae, 694 / Ed. W. Rutherford; Diels H. Chronologische Untersuchungen über Apollodors Chronika // RhM. 1876. 31. S. 47–54; Rizzo F.P. Sulla Chronologia della vita di Ellanico // Athe-

- paum. 1965. 43. P. 369–384). Эта дата остается единственным надежным основанием для определения времени жизни Гелланика, ср.: *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Memoriae obliteratae // Hermes. 1876. 11. S. 291–294; Pearson L. Early Ionian Historians. P. 154 ff.*
- ³⁴ О взаимоотношениях между трудами Геродота и Гелланика см.: *Иванчик А.И. Скифский фольклор и античная литература: (К источникам Herod. I. 103–104; IV. 11–12) // Studia iranica et alana: Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday. Rome, 1998. С. 176–180, с литературой.*
- ³⁵ Историю этой проблемы, с изложением и критическим разбором разных точек зрения, см.: *Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора... С. 89–115, ср. Braund D. The Bosphoran Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3.171–172; [Dem.] 34.36) // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 197–208.*
- ³⁶ *Köhler U. Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes // Abh. B., 1869. H. 2. S. 74.*
- ³⁷ *Meritt B.D., West A.B. The Athenian Assessment of 425 B.C. Ann Arbor, 1934. P. 26, 28, 87, 97; Meritt B.D., Wade-Gary H.T., McGregor M.F. The Athenian Tribute Lists. Camb. (Mass.), 1939. Vol. 1. P. 116, 157, 159, 359, 527–528 (A9, IV, 126–172).*
- ³⁸ С.А. Жебелев отмечал, что сведения о Гилоне, приводимые Эсхином, и сведения о своем деде, даваемые Демосфеном в речи против Афоба (28, 2–3), несовместимы друг с другом. Поэтому он делал вывод о том, что сведения первого недостоверны и что Гилон никогда не совершал государственной измены: *Жебелев С.А. Боспорские этюды. II: Афины, Нимфей и измена Гилона // Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 188–195. Ф.В. Шелов-Коведяев, однако, отводит это возражение, вполне основательно полагая, что во втором случае речь идет о деде Демосфена с отцовской стороны, а не о Гилоне, деде с материнской стороны, и, следовательно, никакого противоре-*
- чия между двумя свидетельствами нет (История Боспора... С. 109–110).*
- ³⁹ Аналогичная практика «дарения» царем города за заслуги засвидетельствована посвятительной надписью из Приены, сделанной на египетской статуе. Посвятитель статуи грек Педон получил от египетского царя Псамметиха за доблесть город: *Şahin Ç. Zwei Inschriften aus dem südwestlichen Kleinasien // Epigraphia Anatolica. 1987. 10. S. 1–2; Masson O., Yoyotte J. Une inscription ionienne mentionnant Psammétique Ier // Epigraphia Anatolica. 1988. 11. P. 171–179, аналогия указана С.Р. Тохтасьевым.*
- ⁴⁰ Ср.: *Кошеленко Г.А., Усачова О.М. Гилон і Кепи // Археологія. 1992. № 2. С. 51–57. Авторы предполагают существование на Боспоре практики, аналогичной той, что засвидетельствована в державе Ахеменидов: Кепы, по их мнению, были переданы под административное управление Гилону, который также собирал с города налоги в свою пользу.*
- ⁴¹ Последнее издание черноморской части перипла с обширным комментарием: *Counillon P. Pseudo-Skylax: le Périphe du Pont-Euxin: Texte, traduction, commentaire philologique et historique. Bordeaux, 2004. (Ausonius – Scripta Antiqua. 8).*
- ⁴² *Тохтасьев С.Р. Из ономастики... С. 69–87, здесь же подробное критическое рассмотрение других точек зрения.*
- ⁴³ Издания: *Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster; Oxford, 1952; Marcotte D. Ps.-Scymnos, Circuit de la Terre. Géographes grecs. P., 2000. Vol. I. Последняя монография: Boshnakov K. Pseudo-Skymnos (Semos von Delos?) Stuttgart, 2004 (Palingenesia. 82), посвящена исключительно описанию западного побережья Понта.*
- ⁴⁴ *Иванчик А.И. Накануне колонизации. С. 154–155, с литературой, см. также: Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 27–29, 32–33.*
- ⁴⁵ *Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 29.*
- ⁴⁶ См.: *Malkin I. What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Atheneum. N.S. 1985. 63. P. 114–130.*
- ⁴⁷ Ср. его фиксации на эгейских островах: *LGPN I (1987). P. 453, s.v.*
- ⁴⁸ *Boffo L. La conquista persiana della città greche d'Asia Minore // Rendiconti dell'Accademia dei Lincei. 1983. Ser. VII. 26/1. P. 6–70.*
- ⁴⁹ *Завойкин А.А. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI–V в. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 260–261; Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. № 4. С. 233. Автор предполагает, что Фанагория была основана теосцами, не непосредственно прибывшими из метрополии, а прошедшими некоторое время в Абдерах. Такую возможность нельзя исключать, однако приведенные соображения недостаточны, чтобы доказать это предположение.*
- ⁵⁰ Вопреки мнению В.Г. Зубарева (Азиатский Боспор... С. 136–143). Предпринятая в этой статье попытка пересмотра общепринятых представлений о древней географии Тамани несостоятельна. Ср.: *Завойкин А.А. Синдская гавань (Синдик) – Горгипсия // ВДИ. 1998. № 3. С. 134–145; Тохтасьев С.Р. ΣΙΝΔΙΚΑ. С. 20–23.*
- ⁵¹ Ср. *Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 37–38.*
- ⁵² *Завойкин А.А. Проблема локализации Киммериды // Древнейшее государство Восточной Европы. 1996–1997 гг.: Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 220–236, ср. обзор скудных источников о нем: Тохтасьев С.Р. Киммерийская топонимия. I. С. 145–146; Завойкин А.А. Киммериды – полис на Киммерийском Боспоре // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск. 1997. Т. 4, ч. 1. С. 130–136.*
- ⁵³ *Жебелев С.А. Возникновение Боспорского государства // Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С. 66–68.*
- ⁵⁴ *Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция: Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1: Становление и развитие полиса. С. 369, примеч. 20, однако см. аргументы против такой интерпретации: Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Новые посвятительные граффити из Мирмекия // Hyperboreus. 1998. 4,1. С. 39–40, примеч. 45; Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. X–XVII // Hyperboreus. 2000. 6,1. С. 136–137.*

- ⁵⁵ О крайне малой популярности сочинения Страбона в первые пять столетий после его написания см.: *Грацианская Л.И.* «География» Страбона: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986 год. М., 1988. С. 30–31.
- ⁵⁶ Ср. Там же. С. 63–66. Автор стремится смягчить категоричность этого общепринятого мнения, но в целом все же с ним соглашается.
- ⁵⁷ О том, что речь идет именно о кургане над могилой Сатира (или о том, что таковым считалось), см.: *Тохтасьев С.Р.* Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // БФ. 2001. Ч. 1. С. 75–76, примеч. 14. О памятнике Сатира и его вероятной локализации см.: *Завойкин А.А.* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo XI. 2, 7) // ДБ. 2000. № 3. С. 47–62.
- ⁵⁸ *Грацианская Л.И.* К Strab. XI, 2, 10 // Классические языки и индоевропейское языкознание: Материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения проф. И.М. Тронского. СПб., 1997. С. 7.
- ⁵⁹ *Тохтасьев С.Р.* ΣΙΝΔΙΚΑ. С. 10–18.
- ⁶⁰ Аспургиане упоминаются и в боспорских надписях: КБН 36, 1246, 1248. Согласно их данным, в III в. н.э. на Боспоре существовала специальная должность начальника над аспургианами, что, вероятно, свидетельствует об их особом положении.
- ⁶¹ Попытка приписать Посидонию страбоновскую информацию о народах кавказского побережья, как и об Иберии (*Болтунова А.И.* Описание Иберии в «Географии» Страбона // ВДИ. 1947. № 4. С. 142–160), не выдерживает критики, см.: *Грацианская Л.И.* «География» Страбона... С. 85–86.
- ⁶² Л.И. Грацианская (Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975 г. М., 1976. С. 17–20) считает, что сведения о Фарнаке и Асандре, с одной стороны, и о Полемоне, с другой, происходят из разных источников. Она полагает, что первые были заимствованы у некоего предшественника Страбона (не определяя его конкретно), а вторые принадлежат самому Страбону. Приведенные ею аргументы не представляются достаточно убедительными.
- ⁶³ См.: *Тохтасьев С.Р.* Киммерийская топонимия. I. С. 145–146.
- ⁶⁴ *Fabricius W.* Theophanes von Mytilene und Quintus Delius als Quellen der Geographie des Strabon. Straßburg, 1888. S. 173–175.
- ⁶⁵ Ср.: *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. С. 142–143; *Грацианская Л.И.* «География» Страбона... С. 86–88.
- ⁶⁶ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. С. 143. Ср.: *Aly W.* Strabon von Amaseia: Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographika. Bonn, 1957. S. 89.
- ⁶⁷ Пантикапей: КБН 31 (рубеж нашей эры), 35 (243 г. н.э.), 75 (ок. 150–125 гг. до н.э.), Фанагория: КБН 971 (344–311 гг. до н.э.); *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории. С. 156–161 (16–23 гг.); на берегу Цукурского лимана: КБН 1111 (первая половина IV в. до н.э.), Танаис: *Arsen'eva T.M., Böttger B., Vinogradov Ju.G.* Griechen am Don: Die Grabungen in Tanais 1994 // Eurasia Antiqua. 1995. S. 219. Abb. 4; *Арсеньева Т.М., Бетгер Б., Виноградов Ю.Г.* Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 1. С. 66. Рис. 7 (только фотография) (II в. н.э.). Ср.: [Ἰ]Ἀφρο[δ]εῖτις Ἀλατοῦριάδι в надписи КБН 1045 из Гемонассы (105 г. н.э.).
- ⁶⁸ *Толстой И.И.* АПАТОРО на памятнике de la Motraye // ЖМНП. 1909. Май. С. 216–221; *Тохтасьев С.Р.* Апатур: История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2. С. 138.
- ⁶⁹ Ср.: *Тохтасьев С.Р.* Апатур... С. 142.
- ⁷⁰ Ср.: Там же. С. 142–143.
- ⁷¹ Ср. аналогичные дублеты: *Тохтасьев С.Р.* Еще раз о синдских монетах... С. 69–70.
- ⁷² Там же. С. 70–72.
- ⁷³ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. С. 54–55. Ср. также обозначение Трапезунда civitas libera (VI. 11), статус, который город получил после 64 г.
- ⁷⁴ О вероятном происхождении этого названия и причинах путаницы, которую содержит этот пассаж Плиния, см. *Тохтасьев С.Р.* ΣΙΝΔΙΚΑ. С. 25–26, примеч. 4.
- ⁷⁵ См.: *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. С. 54, с литературой.
- ⁷⁶ *Грантовский Э.А.* Индоиранские касты у скифов // XXV Международ-
- ный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960. С. 5–6, 18; *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 22–24.
- ⁷⁷ См.: *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. С. 224–229, с литературой и источниками.
- ⁷⁸ Напротив, нет достаточных оснований считать, что с ней был знаком и Плиний, как предполагает М.И. Ростовцев (Скифия и Боспор. С. 59).
- ⁷⁹ См. теперь новое издание с немецким переводом и кратким комментарием: *Klaudios Ptolemaios.* Handbuch der Geographie Griechisch und Deutsch / Hrsg. von A. Stückelberger und G. Graßhoff. Basel, 2006. Teil 1–2. S. 532–539.
- ⁸⁰ О Тирамбе и ее вероятной локализации см.: *Сударев Н.И.* К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея // ДБ. 1998. № 1. С. 237–252.
- ⁸¹ Ср.: *Schmidt M.G.* Die Nebenüberlieferung des 6. Buches der Geographie des Ptolemaios. Wiesbaden, 1999.
- ⁸² М.И. Ростовцев (Скифия и Боспор. С. 79) полагал, что из сочинений «римских статистиков», однако римская администрация вряд ли играла какую-то роль на Боспоре, пусть и зависимом, но не входившем в состав империи. Скорее можно думать об итинерариях, поздняя дата которых, близкая ко времени жизни Птолемея, вряд ли может вызывать сомнения.
- ⁸³ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. С. 73.
- ⁸⁴ Кем был этот хронограф, определить вряд ли возможно; М.И. Ростовцев предполагал, без всякой, впрочем, уверенности, что это мог быть Кастор Родосский, может быть идентичный современнику Митридата, предавшему Фанагорию римлянам (Скифия и Боспор. С. 123).
- ⁸⁵ SC I. С. 437 сл.
- ⁸⁶ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. С. 124–125.
- ⁸⁷ Ср.: Там же. С. 126. Попытки идентифицировать этого автора (*Струве В.В.* Древнейший историк СССР // Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 181–183; *Блаватский В.Д.* Воззрения анонимного боспорского историографа IV в. до н.э. // Блаватский В.Д. Античная археология и

- история. С. 203–207 и др.) не привели к убедительным результатам.
- ⁸⁸ Единственное исключение, пожалуй: Петерс Б.Г. О работах Михайловской экспедиции (1963–1983 гг.) // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 24–25. Его попытка локализовать описанные Диодором события на Керченском полуострове, в окрестностях поселения у с. Михайловка, где он к тому же предполагает наличие переселенных из Западного Причерноморья фракийцев, неубедительна.
- ⁸⁹ *Voekh A.* SIG. Vol. II. P. 102–105; IOSPE. II. P. XIV; *Латышев В.В.* ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 388; *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 373; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. Л., 1949. С. 497; *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 85–88; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора... С. 150 и др.
- ⁹⁰ *Tomaschek.* *Agipharnes* // RE II. 1895. Sp. 845; *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. С. 112, примеч. 2; *Жебелев С.А.* Боспорские этюды. I: Образование Боспорского царства // *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. С. 177–178; *Струве В.В.* Древнейший историк СССР. С. 151; *Десятчиков Ю.М.* Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45–48; *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 113–114; *Виноградов Ю.А.* Усобица сыновей боспорского царя Перисада I // *Материалы и исследования по археологии Кубани.* Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 83–86; *Он же.* Боспор Киммерийский. С. 279–280; *Тохтасьев С.Р.* Боспор и Синдика... С. 178, примеч. 144 и др.
- ⁹¹ Ю.А. Виноградов (*Усобица...* С. 84) видит эту сложность, но предполагает, что речь идет о крепости местного народа, в которой недавно установившие над ним свою власть сираки разместили царскую резиденцию.
- ⁹² *Тохтасьев С.Р.* Боспор и Синдика... С. 178, примеч. 144.
- ⁹³ *Десятчиков Ю.М.* Арифарн...
- ⁹⁴ *Виноградов Ю.А.* Усобица... С. 82–86.
- ⁹⁵ О позднем появлении сираков в Прикубанье см.: *Harmatta J.* Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970. P. 31–32; *Olbrycht M.J.* Die Aorser, die Oberen Aorser und die Siraker bei Strabon: Zur Geschichte und Eigenart der Völker in nordostpontischen und nordkaukasischen Raum in 2. – 1. Jh. v. Chr. // *Klio.* 2001. 83. S. 446–448.
- ⁹⁶ Ср.: *Виноградов Ю.А.* Усобица... С. 79–82, с обзором различных точек зрения.
- ⁹⁷ *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского // ЗООИД. 1858. Т. 4. С. 62; *Петерс Б.Г.* О работах... С. 24.
- ⁹⁸ *Струве В.В.* Этюды... С. 160.
- ⁹⁹ Ср.: *Kiessling.* Op. cit.
- ¹⁰⁰ Ср.: *Раевский Д.С.* Очерки...; *Ivantchik A.* Une légende sur l'origine des Scythes (Hdt. IV, 5–7) et le problème des sources du *Scythikos logos* d'Hérodote // *Revue des études grecques.* 1999. 112. P. 141–192, с дальнейшей литературой.
- ¹⁰¹ С.Р. Тохтасьев (Боспор и Синдика... С. 167, примеч. 97) предполагает, впрочем, что название «меоты» могло распространяться и на какую-то часть населения, жившего на европейском побережье Меотиды, т.е. к западу от Танаиса.
- ¹⁰² См. об этой традиции: *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. С. 190–224. Здесь же см. об изложении скифской истории у Помпея Трога (Iust. II. 2–5); поскольку этот текст непосредственно не касается Прикубанья, здесь он не рассматривается.
- ¹⁰³ *Bowersock G.W.* Fiction as History: Nero to Julian. Berkeley; Los Angeles; London, 1994. P. 1–27. См. также статьи в сборнике: *Lies and Fiction in the Ancient World* / Ed. C. Gill, T.P. Wiseman. Austin, 1993, с указанной здесь литературой.
- ¹⁰⁴ Об «историках-лжецах» и трактовке этой темы в эллинистическое и римское время см.: *Wiseman T.P.* Lying Historians: Seven Types of Mendacity // *Lies and Fiction...* P. 122–146.
- ¹⁰⁵ О развитии одной такой «псевдонсторической» традиции, рассказа о войне египетского фараона Сесостриса со скифами, см.: *Иванчик А.И.* Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 1999. № 4. С. 4–36.
- ¹⁰⁶ О связи греческого романа с историографической традицией см.: *Hägg T.* The Novel in Antiquity. Oxf., 1983. P. 111–114; *Reardon B.P.* The Form of Greek Romance. Princeton, 1991. P. 59–61, 142–144; *Morgan J.R.* Make-believe and Make Believe: The Fictionality of the Greek Novels // *Lies and Fiction...* P. 184–187, 197–215; *Ruiz-Montero C.* The Rise of the Greek Novel // *The Novel in the Ancient World* / Ed. G. Schmeling. Mnemosyne. Leiden; New York; Köln, 1996. Suppl. 159. P. 42–48, с литературой.
- ¹⁰⁷ См.: *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. С. 18–49, с литературой.
- ¹⁰⁸ Видимо, «роман о Каллигоне» не был первым греческим романом, действие которого происходило в Скифии. Афиней (Athen. XIII. 575a) сохранил пересказ настоящего романа о любви царевича Зариадра, младшего брата мидийского царя, владевшего областью между Каспийскими воротами и Танаисом, и Одатидой, отец которой был царем неких маратов (сарматов?), живших за Танаисом. Роман приписывается современнику Александра Харету Митиленскому, но, возможно, написан позже. Варвары в нем совершенно условны и никакой исторической информации он не содержит.
- ¹⁰⁹ См., например: *Виноградов Ю.А.* Усобица... С. 88. Напротив, Т.В. Блаватская (Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 143–146) выступает против такого использования папирусного фрагмента.
- ¹¹⁰ *Stephens S.A., Winkler J.J.* Ancient Greek Novels: The Fragments. Princeton, 1995. P. 267–276.
- ¹¹¹ Ср. попытку реконструировать возможное содержание романа: *Braund D.* Neglected Slaves // ВДИ. 2005. № 4. С. 38–43.
- ¹¹² Ср.: *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. С. 107, примеч. 7: «Рассказ об Арсакоме — настоящий маленький роман», ср.: *Jones C.P.* Culture and Society in Lucian. Cambridge, 1986. P. 56–58; *Bowersock G.W.* Fiction as History... P. 44–45.
- ¹¹³ Ср.: *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. B., 1931. Bd. I. S. 98–99; *Bowersock G.W.* Fiction as History... P. 45; *Braund D.* Neglected Slaves. P. 42–43.
- ¹¹⁴ Ср.: *Грантовский Э.А.* О некоторых материалах по общественному строю скифов: «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в

- древности и средневековье: (история и культура). М., 1981. С. 59–79.
- ¹¹⁵ М.И. Ростовцев отождествлял их без достаточных оснований с меотами (Скифия и Боспор. С. 108).
- ¹¹⁶ Примеры см.: Там же.
- ¹¹⁷ Такие попытки предпринимались не раз, в последнее время см.: *Виноградов Ю.А. Усобица...* С. 86–88.
- ¹¹⁸ Лучшим исследованием источников Полиэна по-прежнему остается статья: *Melber J. Über die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyäns // Jahrbücher für classische Philologie. 1885. Suppl. 14. S. 417–688, ср.: Phillips R.J. The Sources and Method of Polyænus: Diss. Boston, 1970.*
- ¹¹⁹ *Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. Т. 32. С. 58–77.*
- ¹²⁰ *Он же. Скифия и Боспор. С. 132–133.*
- ¹²¹ Там же. С. 138. О возможной связи рассказа Полиэна с «романом о Каллигоне» см.: *Braund D. Neglected Slaves. P. 42.*
- ¹²² См. об этом: *Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 128, 133.*
- ¹²³ *Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I: (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180; Tokhtas'ev S.R. The Bosphorus and Sindike in the Era of Leukon I: New Epigraphic Publications // ACSS. 2006. 12. P. 1–62, здесь же см. предыдущие публикации.*
- ¹²⁴ Например, серебряные монеты V в. до н.э., чеканившиеся от имени народа синдов, см.: *Фролова Н.А. Корпус монет синдов // ВДИ. 2002. № 3. С. 71–84; Frolova N.A. Corpus of the Sindian Coins: (First Half of the Vth – Late Vth Century BC) // ACSS. 2002. 8. P. 211–235; ср.: Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах. С. 63–79.*
- ¹²⁵ Анекдоты о Левконе, засвидетельствованные Полиэном (Polyæn. VI. 9. 1–4, ср. V. 44) и, по-видимому, происходящие из исторической литературы (из Дуриса?; *Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 128–130, 134–136*), дают более реальный образ этого царя, но и здесь он предстает изобретательным и удачливым политиком и решительным полководцем. Ср.: *Athen. VI. 257e*, где излагается анекдот о Левконе, также представляющий его в весьма выгодном свете.
- ¹²⁶ См. об этом подробно: *Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика...*
- ¹²⁷ Например: *Латышев В.В. ПОНТИКА. С. 75–77, 125; Minns E. Scythians... P. 573; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 215–216; Брашинский И.Б. О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов // ВДИ. 1965. № 1. С. 121; Грач Н.Л. О Горгиипе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 108–114; Шелов-Коведяев В.Ф. История Боспора... С. 134 и др.*
- ¹²⁸ М.И. Ростовцев предполагал, что он мог быть вассальным синдским царем, носившим греческое имя, как Гекатей (*Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао. С. 66*), или сыном Гекатея от брака с дочерью Сатира (*Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 133*), а В.Д. Блаватский (Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 63–64) называл его «синдским правителем». Все эти предположения умозрительны и не имеют опоры в источниках.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

А. И. ИВАНЧИК

Древние надписи представляют собой особую категорию письменных источников, существенно отличающуюся от нарративных текстов и требующую специальных методов анализа. Большая часть надписей — документы, в отличие от текстов античных авторов, которые в большей или меньшей мере являются плодом литературного творчества. Литературные тексты, сохранившиеся в надписях, как правило, написаны по случаю (посвящения божествам, надгробия, застольные надписи и т.д.) и не принадлежат к образцам высокой культуры. В подавляющем большинстве случаев надписи примерно одновременны тем событиям, о которых они говорят, и потому их достоверность в целом выше, чем нарративных текстов. Кроме того, они являются главным источником для изучения диалектов греческого языка и истории его развития: надписи часто отражают локальные особенности разговорного языка, которые нам остались бы не известны, если бы мы опирались лишь на литературные тексты. Именно потому, что надписи в большой мере отражают особенности разговорного языка, по их данным мы можем проследить появление новых явлений в языке, которые долгое время остаются незаметными в литературных текстах¹. Еще одним достоинством эпиграфических текстов является то, что именно за счет этой категории источников происходит прирост доступной нам информации. Практически все дошедшие до нас античные тексты уже давно изданы и в той или иной мере изучены, и пополнение этого сформировавшегося корпуса текстов — редчайшее событие; практически все новые литературные тексты — небольшие фрагменты, сохранившиеся на египетских папирусах. Напротив, новые надписи обнаруживаются ежегодно: их находят как в ходе археологических раскопок, так и случайно. Большая часть новых находок представляет собой небольшие фрагменты или стандартные тексты, содержащие немного новых сведений, однако нередко встречаются и ценные источники, существенно дополняющие наши знания о древнем Боспоре.

Собирание, публикация и изучение надписей Азиатского Боспора начались в XVIII в., еще до присоединения этих территорий к России: копии с них снимали немногочисленные европейские путешественники, посещавшие регион. После присоединения Таманского полуострова и Прикубанья к России эта антикварная деятельность стала систематической; тогда же предпринимались и первые раскопки, из которых происходили эпиграфические памятники (см. ч. I). Одновременно с этим шло становление эпиграфики как науки. История современной эпиграфики начинается с *Corpus Inscriptionum Graecarum*, грандиозного издания, предпринятого в Берлине Августом Бёком. Его задачей было создание полного свода (тезауруса) всех известных греческих надписей, включающего их тексты и комментарии. В 1843 г. был опубликован второй том корпуса, в котором часть XI составили надписи Северного Причерноморья; сюда вошли все известные к тому времени эпиграфические памятники Боспора. Следующей крупной вехой в истории причерноморской эпиграфики стало издание В.В. Латышевым корпуса IOSPE, фундаментального труда, до сих пор не утратившего своего значения. Второй том корпуса, содержащий боспорские надписи, вышел в свет в 1890 г., в 1901 г. был опубликован четвертый том, в который были включены вновь найденные надписи и исправления к уже изданным. Благодаря интенсивным раскопкам количество известных надписей быстро росло, и вскоре В.В. Латышев счел необходимым подготовить новое издание своего корпуса. Первый его том был опубликован в 1916 г., однако второму, боспорскому, тому повезло меньше: в 1918 г. он был набран, однако тираж так и не был напечатан. После смерти В.В. Латы-

шева работу над новым изданием продолжали разные ученые (С.А. Жебелев, С.Я. Лурье, И.И. Толстой, А.И. Доватур, Д.П. Каллистов, В.Ф. Гайдукевич, Т.Н. Книпович, А.И. Болтунова, Н.С. Белова и др.), однако завершена она была лишь в 1965 г. Новый «Корпус боспорских надписей» (КБН) в значительной степени основывался на втором томе IOSPE (как опубликованном первом издании, так и рукописи второго), однако включал почти в два раза больше надписей, что отражает рост известного эпиграфического материала по сравнению с началом XX в. К сожалению, КБН вышел в усеченной форме: запланированный том иллюстраций так и не был опубликован². С момента выхода в свет КБН число известных боспорских надписей значительно выросло; их публикации разного качества и к тому же рассеяны в различных, иногда трудно доступных изданиях, так что необходимость подготовки нового издания корпуса боспорских надписей совершенно очевидна. Работу по его подготовке в настоящее время ведут С.Р. Тохтасьев, А.П. Бехтер, И.А. Левинская при участии других исследователей.

Большая часть надписей Азиатского Боспора происходит из трех его главных городских центров — Горгииппии, Гермонассы и Фанагории. Несмотря на то что Фанагория была столицей Азиатского Боспора и самым крупным городом региона, надписей здесь найдено меньше, чем в двух других городах; это объясняется, по-видимому, тем, что на его территории в Новое время велось меньше земляных работ (не только археологических, но и строительных). В «малых городах» Азиатского Боспора (Патрей, Кепы) обнаружены лишь единичные надписи; часть находок не связана с определенными городскими центрами: вероятно, камни, на которые они были нанесены, были перемещены в средневековые или Новое время.

Большая часть надписей Азиатского Боспора относится к римскому времени (I—III вв. н.э.); довольно значительная группа датируется эпохой Левкона I и Перисада I (IV в. до н.э.). Надписи, относящиеся к другим периодам, также встречаются (самые ранние: надгробия первой половины V в. до н.э.), но значительно реже.

Обнаруженные на Азиатском Боспоре надписи принадлежат разным жанрам. Надписи, поставленные от имени боспорских царей династии Спартокидов, относительно редки. Это прежде всего проксенические декреты, действие которых распространялось на всю территорию Боспорского царства. Большая часть этих декретов обнаружена, естественно, в столице царства Пантикапее, однако два фрагмента эпохи правления Левкона I или Перисада I найдены и в Фанагории³. Еще один фрагмент проксении (имя царя сохранилось на надписи лишь частично) обнаружен в Горгииппии⁴. По-видимому, копии этих декретов устанавливались не только в Пантикапее, но и в главных городах азиатской части Боспора. Особый интерес представляет стихотворная посвятельная надпись Левкона I в святилище Аполлона в Лабрисе, столице Синдского царства, случайно найденная на территории Семибратнего городища. Об исключительном историческом значении этой надписи, проливающей новый свет на проблему формирования Боспорского царства и его взаимоотношений с Синдским царством, уже говорилось (ср. ч. IV, гл. 1).

Надписи, поставленные от имени боспорских царей римского времени, встречаются чаще, однако в них цари обычно выступают скорее в роли частных лиц, чем глав государства. Так, царица Динамия поставила статую Августа (КБН 1046) и его жены Ливии (КБН 978), своих благодетелей, сопроводив их соответствующими надписями; политическое значение этих посвящений очевидно, но выражают они, по меньшей мере по форме, личные

Рис. 1. Посвящение Афродите Апатуриаде эпохи Савромата I из Гермонассы (КБН 1045)

Рис. 2. Посвящение храму земли эпохи Реметалка из Фанагории (КБН 976)

отношения между Динамией и императорской семьей, а не межгосударственные связи. Статую Ливии с аналогичной надписью поставила в Гермонассе и Пифодорида, соперница Динамии (SEG XXXIX. 695). Известна также надпись на постаменте статуи императора Веспасиана (КБН 1047), однако кем она была поставлена, остается неясным из-за поврежденности камня. В надписях Савромата I КБН 1045 (рис. 1) из Гермонассы (посвящение Афродите Апатуриаде портиков, окружающих ее храм) и Реметалка КБН 976

(рис. 2) из Фанагории (посвящение не названной по имени богине, видимо, Афродите, земли с прикрепленными к ней пелатами) цари также выступают скорее в роли частных лиц, совершающих приношение в храм из своих средств. Тем не менее встречаются и официальные документы, составленные от имени царя. Особое значение имеют два послания Аспурга горгииппийцам (формально они адресованы неким Панталеонту и Теангелу, видимо, представлявшим местные власти); текст обоих был высечен горгииппийцами на стеле, поставленной в храме Зевса Сотера⁵. Из Горгииппии происходит и фрагмент письма Савромата II совету и народу горгииппийцев, однако, к сожалению, он настолько невелик, что судить о содержании письма крайне сложно (SEG XXXVI. 699).

Надписи, поставленные от имени городских общин или органов их самоуправления, в эпоху Спартокидов неизвестны: по-видимому, в это время цари не поощряли проявлений пережитков полисных институтов. Самой ранней надписью такого характера является постановление совета и народа

Рис. 3. Надгробная стела начальника царской резиденции и его сына лохага 307 г. н.э. из Горгиппии (КБН 1051)

Фанагории относительно иностранных наемников, принятое в 88/87 г. до н.э., при Митридате Евпаторе (SEG XLI. 625)⁶. Надпись является важным источником, освещающим отношения между городами и царской властью на Боспоре в эпоху Митридата, а также другие проблемы внутренней политики этой эпохи. Более поздние надписи, составленные от имени «совета и народа» или просто «народа», не были декретами в собственном смысле слова, а почетными надписями на постаментах статуй царей. Это надписи в честь царицы Динамии, царя Котиса II и неизвестного царя, поставленные народом Агриппии (Фанагории) (КБН 979, 982, 983), а также в честь Рескупорида II, поставленные народом Горгиппии (КБН 1118). Фрагмент КБН 1100 из Гермонассы, вероятно, принадлежит аналогичной надписи. Кроме того, от имени архонтов Агриппии (Фанагории) и Кесарии (Пантикапея) была поставлена найденная в Гермонассе надгробная стела двух крупных сановников: бывшего начальника царской резиденции и его сына лохага (КБН 1051 (рис. 3)). Совет упоминается также на фрагменте надписи из Патрея, однако он слишком мал, чтобы можно было судить о содержании текста⁷.

К надписям этой группы примыкают почетные надписи на постаментах статуй боспорских царей, которые составлялись не от имени городских общин, а отдельных лиц, обычно занимавших достаточно высокие государственные посты. Соответственно и изготовление, и установка статуй в этом случае оплачивалась не городской общиной, а этими лицами. Известны такие надписи в честь Савромата I (КБН 1048) и Савромата II (КБН 1049 (рис. 4)). Особый случай представляет собой надпись 186 г. из Горгиппии: статую бывшего ее наместника поставил его сын, действующий наместник (КБН 1119).

Подавляющее большинство надписей Азиатского Боспора имеет частный характер. Однако и эти надписи часто дают ценную информацию о политической истории. Так, многие частные надписи (посвящения, манумиссии) содержат квазидатировочную формулу, упоминающую боспорского царя и его титулатуру («при таком-то, архонте Боспора и Феодосии, и т.д.»). По-видимому, в Боспорском царстве упоминание правящего тирана в надписях такого рода было обязательным. Титулатура боспорских царей изменялась в соответствии с реальностью, так что ее изучение является эффективным способом для исследования политической истории Боспора, в частности для установления его границ в различные эпохи. Особенно это важно для Азиатского Боспора, где границы царства, видимо, были достаточно подвижными, в зависимости от того, какие из варварских народов боспорским царям удавалось покорить, а какие выходили из повиновения.

Рис. 4. Надпись на базе статуи Савромата II, поставленной хиллархом Юлием Менестратом, из Гермонассы (КБН 1049)

Среди частных надписей выделяются посвящения на постаментах статуй, сделанные частными лицами (хотя, разумеется, не рядовыми гражданами: позволить себе посвятить статую в храм мог не каждый). Известны посвящения Афродите (КБН 1041, 1043⁸, Урании, владычице Апатура КБН 971, 972, 1111, Навархиде КБН 1115 (рис. 5)), Гераклу (КБН 973, 1036), Аполлону (КБН 1039, Врачу КБН 974, 1037, 1044, Дельфинию КБН 1038, Вечному КБН 975), Артемиде (Агротере КБН 1014, Эфесской КБН 1039, 1114), «Богу справедливому» (КБН 1116), «Богу высочайшему» (SEG XXXII. 720). Особенно интересно посвящение царицы Комосарии Санергу и Астаре (КБН 1015, ср. выше); однако и в этом случае Комосария действовала как частное

Рис. 5. Посвящение храма Афродите Навархиде Фарнакионом, сыном Пофа, наместником Горгииппии, 110 г. н.э. (КБН 1115)

Рис. 6. Священный закон II в. н.э. из Фанагории (КБН 1005)

Рис. 7. Строительная надпись Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов, 208 г. н.э. из Гермонассы (КБН 1053)

Рис. 8. Манумиссия с посвящением Богу Высочайшему 41 г. н.э. из Горгиппии (КБН 1123)

лицо, поставившее посвящение по обету. Кроме посвятительных надписей, непосредственное отношение к религиозной истории имеет уникальная надпись II в. н.э. из Фанагории (КБН 1005 (рис. 6))⁹. Она представляет собой священный закон, регламентирующий обряды, связанные с культом женского божества, имя которого не сохранилось, и, возможно, включавшие в себя мистерии. К сожалению, надпись дошла до нас в сильно поврежденном виде, и ее полное восстановление невозможно.

Ряд надписей сообщает о строительстве или восстановлении построек, как правило, стен или башен. Наиболее любопытная из них, видимо, надпись КБН 1053 (рис. 7), датированная 208 г. н.э. и происходящая из Гермонассы; она упоминает «главного переводчика аланов». Кроме греческой надписи на нее нанесен тамгообразный знак, как это часто делалось на Боспоре.

Особую группу частных документов составляют манумиссии — документы об отпуске на волю рабов. Как правило, они оформлялись в виде посвящения отпускаемого раба какому-либо храму или божеству, например, Аполлону или Зевсу и Гере Килидов (КБН 985, 986, 1021, I—II в. н.э.). Среди манумиссий выделяется группа посвящений Богу Высочайшему, которые, видимо, принадлежат общине иудеев и (квази)прозелитов¹⁰; в некоторых из них иудеи упоминаются прямо (КБН 1123—1126 (рис. 8)); συναγωγή τῶν Ἰουδαίων упоминает и недавно обнаруженная фанагорийская надпись, датированная 51 г. н.э.¹¹ Эти надписи свидетельствуют о существовании крупной иудейской общины в ряде городов Азиатского Боспора (Горгиппии, Фанагории) в первые века нашей эры. Здесь известны и иудейские надгробия (КБН 1225) как с надписями (на греческом или на древнееврейском), так и без них (с изображениями семисвечников)¹².

В городах Боспора, в том числе в его азиатской части, большую роль играли фиасы — частные религиозные объединения, создававшиеся вокруг культа определенного божества. Этими ассоциациями руководили выборные лица, их члены были равны между собой независимо от своего социального статуса и связаны неформальными связями, подразумевавшими, в частности, взаимопомощь. Вполне возможно, что популярность фиасов на Боспоре объясняется тем, что они в определенной мере заменяли полисные структуры, функционировавшие в условиях наследственной монархии в сильно урезанном виде. Отражением их популярности является большое число составленных ими надписей. Это могут быть надгробия, поставленные фиасами для своих умерших членов (КБН 987, 1016), их постановления, формулы которых часто воспроизводят формулы городских постановлений (КБН 988, 1054, 1129–1136), и другие документы. Все сохранившиеся надписи фиасов датируются римским временем (I–IV вв.), однако не исключено, что такие ассоциации появились на Боспоре еще в эллинистическую эпоху. В пользу этого говорит существование фиасов в Танаисе во II–I вв. до н.э.¹³

Имена божеств, с культом которых связан фиас, в надписях содержатся достаточно редко (в основном они обозначаются как «фиас при жреце таком-то»), однако такие случаи известны: это, например, синод Афродиты из Гермонассы (КБН 1055). Одним из таких исключений является и необычная надпись фиаса навклеров (т.е. судовладельцев) конца II — начала III в. (КБН 1134) из Горгиппии (рис. 9), сообщающая о восстановлении храма Посейдона и посвящении в него статуй на средства ассоциации. Надпись свидетельствует о существовании в городах Азиатского Боспора фиасов, формировавшихся не только по религиозному, но и по профессиональному принципу. Учитывая характер этой профессии, подразумевавшей немалое личное богатство, неудивительно, что руководство фиаса состояло из высокопоставленных сановников (управляющий царской резиденции, наместник Горгиппии), да и его члены — люди не простые (стратеги, откупщики). Известна и еще одна надпись того же фиаса близкого времени, к сожалению, сильно фрагментированная (SEG XXXVI. 700). Надписи фиасов часто содержат, наряду с именами его руководства (жреца, филагата и др.), длинные списки своих членов. Изучение имеющихся в этих надписях имен позволяет сделать важные выводы о просопографии греческих городов азиатского Боспора и об этническом происхождении их жителей. Списки имен, особенно римского времени, изобилуют негреческими именами. Особенно много среди них имен иранского (в основном сарматского, но также персидского) происхождения, однако встречаются и другие иноэтнические имена (малоазийские, фракийские, еврейские и др.). Анализ этих имен является главным источником наших сведений о языке народов варварской периферии Боспора: так, большая часть нашей информации о сарматском языке происходит из ономастического материала, содержащегося в греческих надписях (в основном Боспора, включая Танаис, и Ольвии). Что касается самих греческих городов, то эти имена являются важным источником для изучения происходивших в них демографических процессов, а также проблемы греко-варварских взаимоотношений. Видимо, значительная часть фрагментарно сохранившихся списков имен римского времени (особенно много их найдено в Горгиппии) принадлежала надписям фиасов. Однако назначение этих списков, иногда очень длинных, могло быть и иным, и его трудно определить в том случае, когда надпись сохранилась неполностью. Так, одна из надписей этого типа, найденная в Горгиппии и относящаяся к первой половине III в. до н.э., представляет собой список победителей в

Рис. 9. Посвятительная надпись фиаса навклеров конца II — начала III в. н.э. из Горгиппии (КБН 1134)

спортивных состязаниях: на ней сохранилось упоминание о состязаниях в беге на празднике в честь Гермеса (КБН 1137 (рис. 10)).

Наиболее многочисленную категорию надписей составляют надгробия. Большая часть из них — простые надгробия, содержащие имя, чаще всего с отчеством, погребенных, иногда имена других родственников (мужа), часто слово χαίρε — «прощай» (или его множественное число). В некоторых случаях в них имеются и имена тех, кто поставил надгробие. Самые ранние из них датируются первой половиной V в. до н.э., основная часть — эллинистическим и римским временем. Несмотря на то что такие надгробия, казалось бы, дают мало информации, и они могут служить важным историческим источником. Так, анализ сохранившихся на надгробиях имен позволяет сделать выводы об этническом составе (или скорее происхождении) населения боспорских городов; существенные данные они содержат и о языке соответствующей эпохи.

Рис. 10. Фрагмент списка победителей в спортивных состязаниях первой половины III в. до н.э. из Горгиппии (КБН 1137)

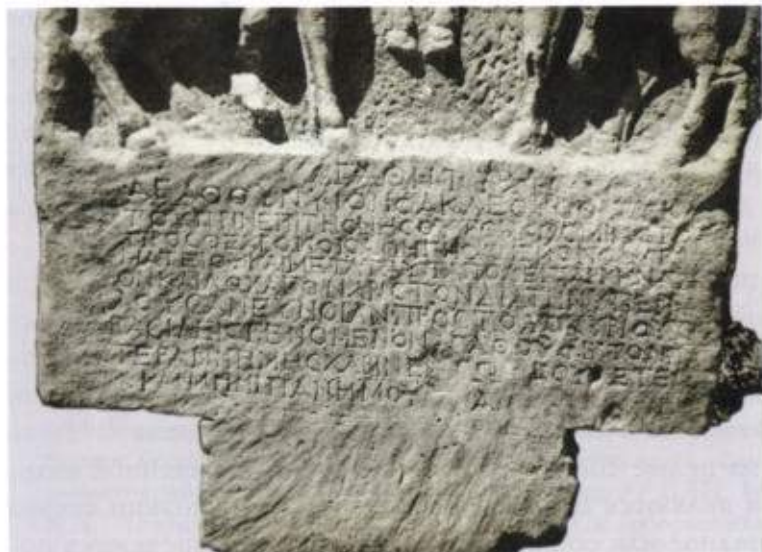

Рис. 11. Надгробие Агафусы, сына Сакла, 179 г. н.э. из Фанагории (КБН 1000)

Рис. 12. Надгробие Матиана, сына Заидара, поставленное царицей Динамией (Темрюкский музей)

В редких случаях надгробия римского времени более пространны и сообщают, например, о должностях, которые занимал умерший (КБН 1000 (рис. 11)). Такие надписи дают очень ценную информацию о внутренней политике и общественных, и государственных структурах Боспорского царства. Во второй половине I в. до н.э. — I в. н.э. на Боспоре распространилась мода ставить надгробия со стихотворной надписью, обычно написанной элегическими дистихами. Эпиграммы этой группы весьма непритязательны с литературной точки зрения и похожи друг на друга; по-видимому, они принадлежат перу одной группы авторов, работавших в Пантикапее¹⁴. Несмотря на то что они наполнены общими местами и литературными клише, эпиграммы этой группы позволяют составить представление о бытовой культуре боспорцев, в частности о расхожих представлениях о загробном мире. Большая часть эпиграмм данной группы происходит из Пантикапея, однако некоторые из них попадали и на Азиатский Боспор (КБН 992: Фанагория; КБН 1057: Гермонасса; КБН 1192: Горгиппия). Известны и стихотворные надгробия IV в. до н.э. (КБН 1017, 1113).

Особое значение имеют надгробия, поставленные от имени боспорских царей: в этом случае речь идет, разумеется, не о простых людях, а о лицах, особо приближенных к царям. Одно такое надгробие недавно обнаружено в Фанагории: оно было поставлено на могиле наложницы (в надписи она названа женой) Митридата Евпатора Гипсикратии, упомянутой Плутархом (Plut. Rom. 32. 8)¹⁵. Другой пример — надгробие, поставленное Динамией для некоего Матиана, сына Заидара (рис. 12)¹⁶. Судя по имени и отчеству, он был сарматом; учитывая его близость Динамии, В.А. Горончаровский предположил, что Матиан был вождем сарматского племени аспургиан, на которых опиралась Динамия в ходе своей борьбы за престол с Полемоном¹⁷.

Кроме лапидарных (т.е. написанных на камне) надписей ценным источником является и так называемая «малая эпиграфика», т.е. надписи на других материалах, прежде всего на керамике и металле. Среди надписей на металле особенно часто встречаются тексты, нанесенные на свинцовые пластинки¹⁸. Наиболее распространенная категория таких текстов — магические заклятия (defixiones), использовавшиеся для наведения порчи. По греческим представлениям, эти пластинки с именами проклинаемых лиц следовало

поместить в могилу или в заброшенный колодец, поэтому их часто находят в некрополях или при расчистке колодцев. Значительно реже встречаются частные письма, написанные на свинце. Одна из таких уникальных находок происходит из Фанагории, причем письмо датируется 30–10-ми годами VI в. до н.э., т.е. было написано вскоре после основания города; этот документ дает ценную информацию о торговых связях Боспора с Ольвией¹⁹.

Если находки надписей на металле относительно большая редкость, то надписи, процарапанные на керамике (граффити), распространены повсеместно, поскольку этот материал был дешев и легко доступен. При раскопках практически любого античного поселения граффити находят десятками, если не сотнями; при этом лишь небольшая их часть опубликована²⁰. Часть надписей наносилась на целые сосуды. Наиболее распространенной категорией таких надписей являются надписи владельческие — хозяин сосуда наносил на него свое полное или сокращенное имя. Часто встречаются посвященные надписи: посвящая сосуд (вероятно, вместе с содержимым) в святилище, посвятивший наносил на него имя божества, которому предназначался дар, и часто свое имя. Посвященные граффити являются ценным источником по истории религии, и во многих случаях именно благодаря им удается идентифицировать раскрытые археологическими раскопками постройки. Кроме того, достаточно распространены застольные надписи, наносившиеся на сосуды во время симпозию: они очень разнообразны и могут варьировать от простых призывов («пей», «радуйся» и пр.) до целых стихотворных произведений. Иногда эти надписи носят обшечный характер.

Значительное число надписей наносилось уже на разбитые сосуды; в этом случае черепки использовались в качестве дешевого писчего материала. Надписи такого рода крайне разнообразны: это и школьные упражнения, и письма, и заметки, сделанные для памяти, и хозяйственные надписи (ср. ч. VI, гл. 2). Писались они достаточно небрежно, и их восстановление особенно трудно, если они сохраняются во фрагментарном виде: в надписях подобного рода отсутствовали формулы, почти все они индивидуальны, что делает дополнение пропавшего текста гипотетическим.

Кроме граффити к числу надписей на керамике относятся надписи краской, которые обычно называют дипинти. Особенно часто они наносились на амфоры римского времени. Все надписи этого рода представляют собой сокращения, и их толкование часто служит предметом споров. Последние исследования надписей краской показывают, что в большинстве случаев они представляют собой сокращенные имена и связаны с торговлей вином и другими товарами, перевозившимися в амфорах²¹.

Наконец, к особой категории объектов «малой эпиграфики» относятся клейма, наносившиеся на амфоры и черепицу в ряде греческих центров в эллинистическую, и реже в римскую, эпоху. Изучение этих клейм благодаря Б.Н. Гракову²² превратилось в самостоятельную научную дисциплину. Благодаря исследованиям последних десятилетий хронология клейм многих центров (Синопы, Фасоса, Родоса, Херсонеса) разработана весьма детально, и они в силу своей массовости являются одним из основных датирующих материалов при раскопках всех античных памятников. Особый интерес представляют клейма, наносившиеся на местную боспорскую черепицу, в частности, производившуюся в Фанагории и Горгиппии²³.

¹ Краткий очерк языковых особенностей боспорских надписей см.: Доватур А.И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН. С. 797–831; ср. Тохтасьев С.Р. Новые материалы по истории койне // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., 2006. X: Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Троицкого. С. 294–305.

² В 2004 г. был издан альбом иллюстраций, который, по замыслу его издателей, должен заменить этот так и не опубликованный иллюстративный том: Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций (КБН-альбом) / Ред. А.К. Гаврилов, Н.А. Павличенко, Д.В. Кейер, А.В. Карлин. СПб., 2004. Об обстоятельствах подготовки этого издания, а также о его достоинствах и недостатках см.: Левинская И.А., Тохтасьев С.Р. Из новейшей истории боспорской эпиграфики // ВДИ. 2005. № 4. С. 179–198. *Levinskaya I., Tokhtasiev S.* The Album of Bosporan Inscriptions on Trial: A Further Indictment // *Bryn Mawr Classical Review*. 2006. 10. 16: <http://ccat.sas.upenn.edu/bmcr/>; Тохтасьев С.Р. О подготовке нового издания свода лапидарных надписей Боспора античной эпохи // Вестник РГНФ. 2008 (в печати).

³ SEG XXXIV. 774; Яйленко В.П. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 219–222; *Он же*. Вторая фанагорийская проксения // ДБ. 2001. № 4. С. 474–484.

⁴ КБН. Add. 4; SEG XL. 623; Яйленко В.П. Новые надписи Горгиппии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 153–157.

⁵ Публикацию и анализ этого важнейшего исторического источника см.: Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197–209; *Heinen H.* Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos // *ZPE*. 1999. 124. S. 133 ff.

⁶ *Виноградов Ю.Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14–33; *Vinogradov Ju.G., Wörrle M.* Die Söldner von Phanagoreia // *Chiron*. 22. 1992. S. 159–170.

⁷ *Смирнова Н.В.* Новые надписи из Горгиппии и Патрея // ДБ. 2002. № 5. С. 228–229.

⁸ Новое посвящение Афродите второй четверти — середины IV в. до н.э. было недавно обнаружено в Гермонассе. Оно сделано на маленьком постаменте статуи от имени уроженца Гераклеи Гераклида, см.: *Финогорова С.И., Тохтасьев С.Р.* Новые данные о культе Афродиты в Гермонассе // *Hyperboreus*. 2003. 9. С. 83–88.

⁹ Дополнительный фрагмент этой надписи см.: *Белова Н.С.* Эпиграфические материалы фанагорийской экспедиции // ВДИ. 1977. № 3. С. 110 сл.

¹⁰ См. обоснование этой точки зрения: *Левинская И.А.* Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000. С. 199–214, с литературой, ср. *Levinskaya I.A., Tokhtasiev S.R.* Inscriptions from the Bosporan Kingdom // *Levinskaya I.* The Book of Acts in Its Diaspora Setting. Grand Rapids (Michigan), Carlisle, 1996. P. 227–246.

¹¹ *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 59–72; *Levinskaya I.A., Tokhtasiev S.R.* A New Jewish Manumission from Phanagoria // *Bulletin of Judeo-Greek Studies*. 1993. 13. P. 27–28.

¹² *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община иудеев. С. 65–68; *Кашовская Н.В., Кашаев С.В.* Новые иудейские надгробия с Таманского полуострова // Материалы Восьмой ежегодной Международной междисциплинарной конф. по иудаике. М., 2001. Ч. 1. С. 137–148; *Он же*. О еврейской надгробной надписи из архива ИИМК // Материалы Тринадцатой ежегодной Международной междисциплинарной конф. по иудаике. М., 2006. С. 312–318, ср. *Левинская И.А., Тохтасьев С.Р.* Древнееврейские имена на Боспоре // *Acta Associationis internationalis 'Terra antiqua balcanica'*. Serdicae, 1991. 6. С. 118–128; *Levinskaya I.A., Tokhtasiev S.R.* Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom // *Te'uda*. Tel-Aviv, 1996. 12: Studies on the Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman Periods. P. 55–73.

¹³ *Иванчик А.И.* Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса // ВДИ. 2008. № 2. С. 57–72.

¹⁴ Сводку материала и публикацию новой надписи этой группы см.: *Иван-*

чик А.И., Толстикова В.П., Ковальчук А.В. Новая надгробная эпиграмма из Пантикапея // ВДИ. 2007. № 1. С. 107–117.

¹⁵ *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 238–243.

¹⁶ *Яйленко В.П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 220–224.

¹⁷ *Горончаровский В.А.* Аспургияне и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. СПб., 2006. С. 44–45.

¹⁸ *Audollent A.* Defixionum tabellae. P., 1904; *Preisendanz K.* Die griechischen und lateinischen Zaubertafeln // *Archiv für Papyrusforschung*. 1928. 9; 1935. 11; *Jordan D.R.* A Survey of Greek Defixiones not Included in the Special Corpora // *GRBS*. 1985. 26. Находки свинцовых заклятий известны главным образом из Пантикапея, однако такая практика, безусловно, была распространена и на Азиатском Боспоре, см. статью А.А. Масленникова и С.Ю. Сапрыкина в ВДИ (2007. № 4. С. 50–61). Сводку магических надписей Боспора как на металле, так и на керамике см.: *Яйленко В.П.* Магические надписи Боспора // Древности Боспора. 2005. 8. С. 465–514.

¹⁹ *Vinogradov Yu.G.* The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology*. Stuttgart, 1998 (Historia Einzelschriften. 121). P. 160–163.

²⁰ См., например: *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, 2007. С. 179–224 (Часть II).

²¹ *Ильиашенко С.М.* Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах III–IV вв. н.э. (по материалам Танаиса и Нижнего Дона): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

²² *Граков Б.Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

²³ См.: *Ковальчук А.В.* Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма: (типология и хронология боспорских черепичных клейм): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 7–21, особенно 12–15.

ТАМАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В АНТИЧНОЙ КАРТОГРАФИИ

А. В. ПОДОСИНОВ

Памятников античной картографии, о которой известно из свидетельств античных авторов, сохранилось очень немного — практически две—три карты¹, но на них «присутствует» территория Северного Причерноморья. Более того, на них изображена территория Таманского полуострова и Западного Предкавказья: это — карты Птолемея, карта из Дура-Европос и так называемая Певтингерова карта.

КАРТЫ ПТОЛЕМЕЯ

О «Географии» Птолемея, александрийского ученого II в. н.э., как о важном историческом источнике уже говорилось выше (см. предыдущую главу). Там был проведен анализ топонимической номенклатуры его данных и их источников. В этой главе мы рассмотрим, как выглядела конфигурация Таманского полуострова на карте мира, создание которой было целью и содержанием его литературного произведения.

Заслуга Птолемея как географа и картографа заключается в расположении известной к его времени географической номенклатуры на картографической основе с применением наиболее точных методов картографирования. Принципы составления географической карты, изложенные в его «Географическом руководстве», основывались на методах, разработанных Эратосфеном, Гиппархом, Марином Тирским. «Руководство» представляет собой творческую переработку соответствующего труда Марина, непосредственного предшественника Птолемея. Все известные античности географические реалии Птолемея вводит в систему географических координат, или научно рассчитанных (для некоторых пунктов земной поверхности), или вычисленных с помощью привязки данных литературных текстов к пунктам, установленным астрономически. Впервые в истории античной географии и картографии было дано столь подробное описание Восточной Европы от Балтийского до Черного моря².

Сами карты дошли до нас лишь в позднем исполнении, в рукописях начиная с конца XIII в. До сих пор остается не решенным вопрос: начертил ли сам Птолемей карты в соответствии со своим каталогом координат или это сделал неизвестный нам ближе александрийский картограф Агатодемон, чье имя указано на приписке к некоторым рукописям. Неясно также: восходят ли дошедшие до нас поздние карты к эпохе античности или являются плодом самостоятельного построения по тексту. От самого Птолемея дошел только текст, инструктирующий, как создать карту мира, и «увидеть» его карту можно, только реконструируя ее.

Последняя попытка воссоздать карты Птолемея в согласии с его описанием была сделана швейцарскими и немецкими исследователями в издании 2006 г.³ Карты выполнены в цвете, на них нанесена градусная сетка, в соответствии с которой расположены все объекты Птолемея описания. Карты дают ясное представление о том, как могли выглядеть оригинальные карты, которые изготовил сам Птолемей или Агатодемон. Даже внешний вид карт и их цветовое решение воспроизводят соответствующие карты, сохранившиеся в древнейших рукописях (U и K)⁴.

Одна из этих карт-реконструкций посвящена территории Таманского полуострова (рис. 1). Что же это за карта? Помимо общей карты мира, на которой этот регион представлен довольно схематично (рис. 2), «География» Птолемея предусматривала и изготовление 26 региональных карт. Поскольку

Часть IV. Азиатский Боспор в античных текстах

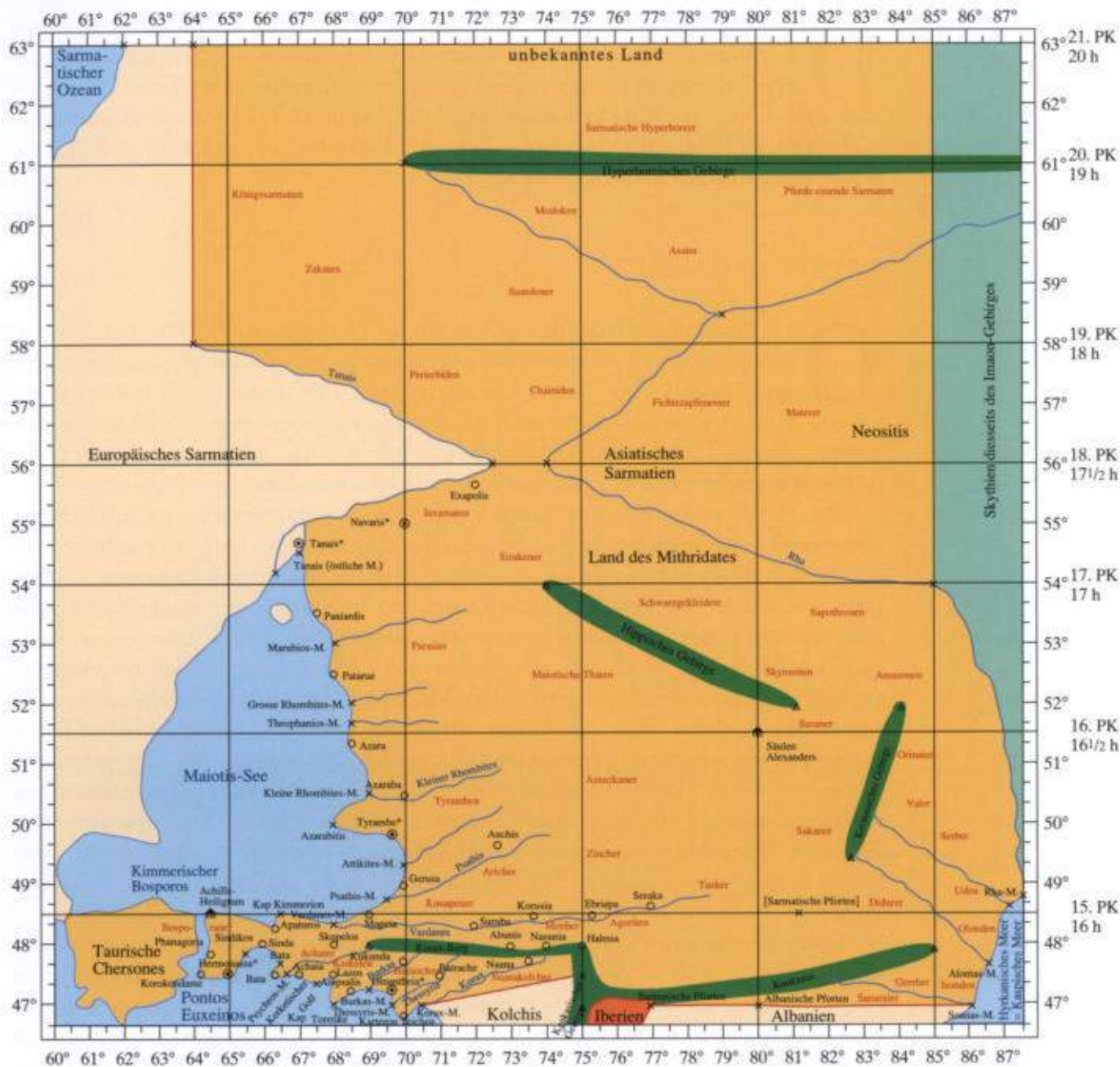

Рис. 1. Реконструкция карты Азиатской Сарматии по Птолемию

границей между Европой и Азией считался Дон (Танаис), то Таманский полуостров попал в раздел азиатских карт – «Карта Азии 2» – или «Азиатская Сарматия».

В описании этой карты Птолемей (V. 9. 1–12) указывает на следующие границы «Азиатской Сарматии»⁵: «Азиатская Сарматия ограничивается с севера неизвестной землей; с запада – Европейской Сарматией до истоков реки Танаиса⁶ и самой рекой Танаисом до впадения его в Меотийское озеро⁷, а также восточной частью Меотийского озера, от Танаиса до Киммерийского Боспора⁸... 7. С юга – частью Эвксинского Понта, [простирающейся] отсюда до реки Корака⁹, и пограничной чертой Колхиды, Иберии и Албании, [идушей] отсюда до Гирканского, или Каспийского, моря... 12. С востока [Азиатская Сарматия ограничивается начинающейся] отсюда частью Гирканского моря... и Скифией, [простирающейся] вдоль реки Ра¹⁰ до поворота, находящегося под 85°–54°, и вдоль [идущего] отсюда меридиана до неизвестной земли...». Таким образом, в территорию Азиатской Сарматии

Рис. 2. Карта мира по Птолемею (Cod. Seragliensis graec. 57)

входит, наряду с некоторыми другими территориями (Ставропольским краем, Калмыкией), весь современный Краснодарский край. Почти все географические объекты этой карты имеют координаты, и поэтому они сравнительно легко локализируются.

Конечно, в столь отдаленной части ойкумены, как Боспорское царство, едва ли были сделаны точные астрономические измерения, которые позволили бы адекватно отразить контуры суши и моря, а также географическое расположение населенных пунктов, устьев рек и гор. Большая часть информации должна была происходить из письменных сообщений о расположении отдельных географических объектов и значит — необходим был перерасчет указанных расстояний и направлений по странам света, чтобы трансформировать информацию итинерариев и периплов в картографические данные. Хотя такой перерасчет должен был неизбежно привести к неточностям и искажениям, карта, которая реконструируется на основе списков координат различных пунктов, дает вполне реалистические очертания полуострова и его объектов. К искажениям следует отнести слишком большие размеры Азовского моря в меридиональном отношении, расположение некоторых гор, очертания некоторых заливов на Черноморском побережье.

Таким образом, карта Птолемея дает первую в истории картографическую репрезентацию Таманского полуострова и Прикубанья, которая была превзойдена только в XIII—XV вв. в итальянских и каталонских картах-портоланах¹¹.

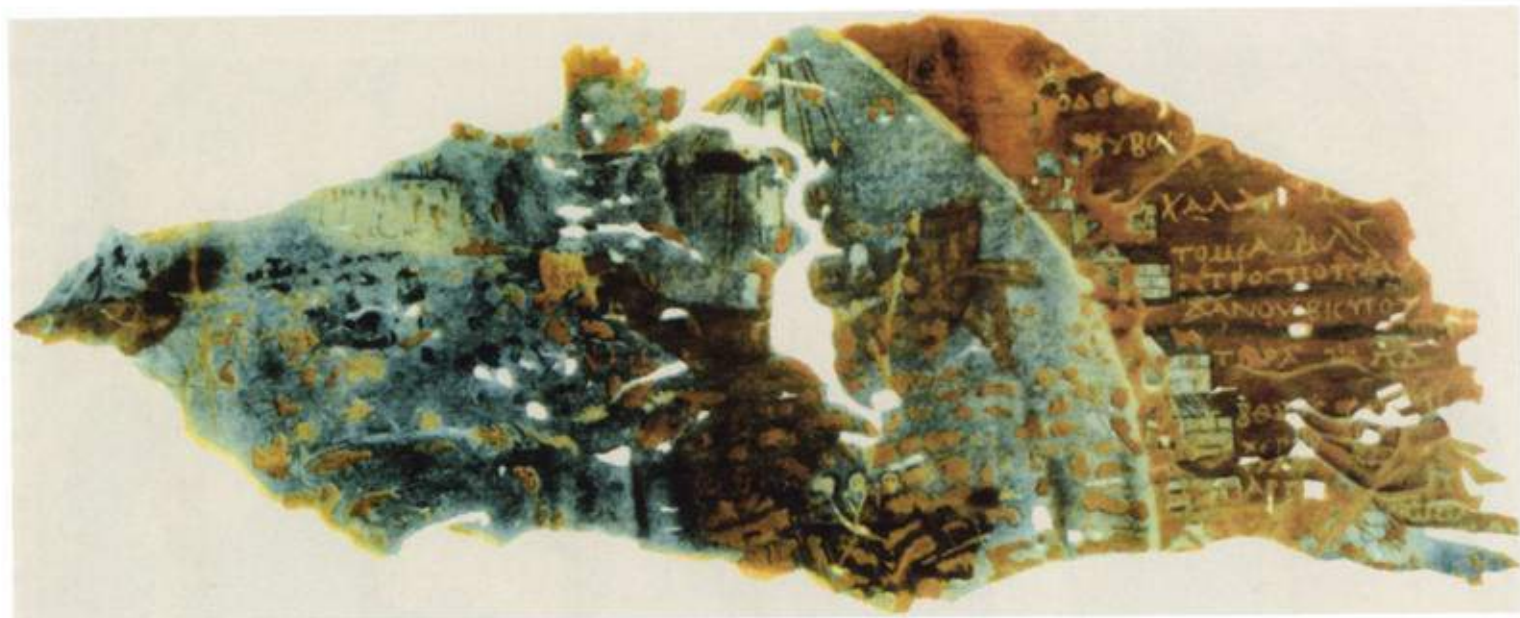

Рис. 3. Карта из Дура-Эвропос
(акварельная копия)

КАРТА ИЗ ДУРА-ЕВРОПОС

В 1923 г. при раскопках в Сирии античного города Дура-Европос археологическая экспедиция под руководством известного бельгийского ученого Фр. Кюмона обнаружила в так называемой Башне лучников кожаную обшивку парадного щита, на которую была нанесена нарисованная краской карта. Это практически единственная аутентичная карта, дошедшая до нас от эпохи античности. Пергаменный фрагмент размером 45 × 18 см хранится в настоящее время в Париже в отделе рукописей Национальной библиотеки (Bibliothèque Nationale, Gr. Suppl. 1354², V). Первые публикации карты были выполнены Фр. Кюмоном¹².

Поскольку Башня лучников находилась в расположении казармы воинов XX когорты пальмирских лучников (Cohors XX Palmyrenorum sagittariorum), расквартированной в 230–235 гг. в гарнизоне Дура-Европос, предполагается, что щит принадлежал римскому воину из этой когорты. Этим временем, очевидно, и следует датировать карту¹³, хотя *terminus ante quem* создания карты — 253 г., когда город, находившийся на границе между Римской империей и царством Сасанидов, был оставлен римлянами.

На карте (сохранился только ее фрагмент, рис. 3) изображена — в виде слабо изогнутой линии, идущей сверху вниз, — часть Черноморского побережья, на которой по-гречески надписаны названия городов (от западно-понтийского Одесса до Трапезунта (?)) и нескольких рек (всего читается 12 названий) и даны расстояния между ними (сохранились лишь в трех местах). Судя по названиям, здесь описаны в основном западнопонтийское (фракийское) и северночерноморское побережья. Рядом с надписями, расположенными правее линии, изображающей побережье Черного моря, нарисованы виньетки каменных зданий с двускатной крышей, которые были традиционными для рисованных дорожников типа Певтингеровой карты (см. ниже). Устья рек показаны линиями, впадающими в море. Море и устья рек закрашены голубовато-зеленоватой краской, линия побережья — светлой краской, суша — коричнево-красной; надписи на побережье и дома даны светлой, почти белой краской, корабли в море нарисованы красно-коричневой краской. Надписи выполнены греческим майускулом. Чтение их

сопряжено со значительными трудностями, связанными с плохой сохранностью.

Карта ориентирована, судя по расположению надписей, на запад, т.е. наверху находился запад¹⁴. По мнению большинства исследователей, карта, хотя и надписана по-гречески, представляет собой греческий список (сокращенный перевод) карты, изначально составленной на латинском языке¹⁵.

Карта вряд ли представляла собой единичный уникальный артефакт. Фр. Кюмон, Л.А. Ельницкий, А. и М.А. Леви и О. Дилке видят в ней одну из разновидностей «рисованных дорожников» (*itineraria picta*), которые, возможно, были распространены в римской армии¹⁶. Картограф, очевидно, использовал в качестве образца одну из доступных ему римских карт. Сравнив особенности карты (обозначение городов и дистанций между пунктами и т.д.) с характером сохранившихся дорожных карт или их литературных версий («Итинерарий Антонина», Певтингерова карта, «Космография» Равеннского Анонима), Фр. Кюмон пришел к выводу, что карта из Дура-Европос восходит к той же карте, изготовленной (или обновленной) при Каракалле, что и названные выше памятники, занимая промежуточное положение между «Итинерарием Антонина» и Певтингеровой картой¹⁷.

По мнению французского исследователя П. Арно, карта вообще никогда не была частью солдатского щита, а представляла собой чисто картографический объект, возможно даже, фрагмент монументальной (от 6 до 9 кв. м) *parra mundi*¹⁸ (рис. 4). Эта точка зрения не представляется достаточно убедительной¹⁹. Вместе с тем все изложенные выше соображения дают основание рассматривать карту из Дура-Европос не как единичное явление, а как одно из звеньев длительной картографической традиции, существовавшей в древнем Риме.

Какие же топонимы содержит рассматриваемая карта?

С западного побережья Черного моря через северное следуют названия²⁰:

[Π]αν[υρὸς ποτ(αμὸς) μί(λια)...]	Панис река, миль...
Ὀδεσ[σὸς μί(λια)...]	Одесс, миль...
Βυβόν[α μί(λια)...]	Бибона, миль...
Κάλλ[α]ντ(ις) μί(λια) [...]	Каллантис, миль...
Τομέα μί(λια) λγ'	Томеа, 33 мили
Ἰστρος ποτ(αμὸς)μί(λια) μ'	Истр река, 40 миль
Δάνουβις ποτ(αμὸς) [μί(λια)...]	Данубис река, миль...
Τύρα μί(λια)πδ'	Тира, 84 мили
Βορ[υ]σ[θέν]ης [μί(λια)...]	Борисфен, миль...
Χερ[σ]όν[ησος]	Херсонес
Τραπε[ζοῦς]	Трапе[зунт?]
Ἄρτα	Арта[ксата?]

Идентификация первых десяти названий не представляет особых трудностей, поскольку они были хорошо известны в античности: река Панис — совр. река Провадия Дерве, Одесс — античный город (совр. Варна), Бибона (обычно Бизона) — античный город (совр. Каварна), Каллантис (обычно Каллатис) — античный город на месте совр. Мангалии, Томеа — греч. город (совр. Констанца), река Истр — так, скорее всего, ошибочно обозначен город Истрия (Истрополис из Истрос потамос) в низовьях Дуная, река Данубис — совр. Дунай, Тира — греч. город в совр. Белгороде Днестровском, Борисфен — античный город Ольвия в Бугско-Днепровском лимане, Херсонес —

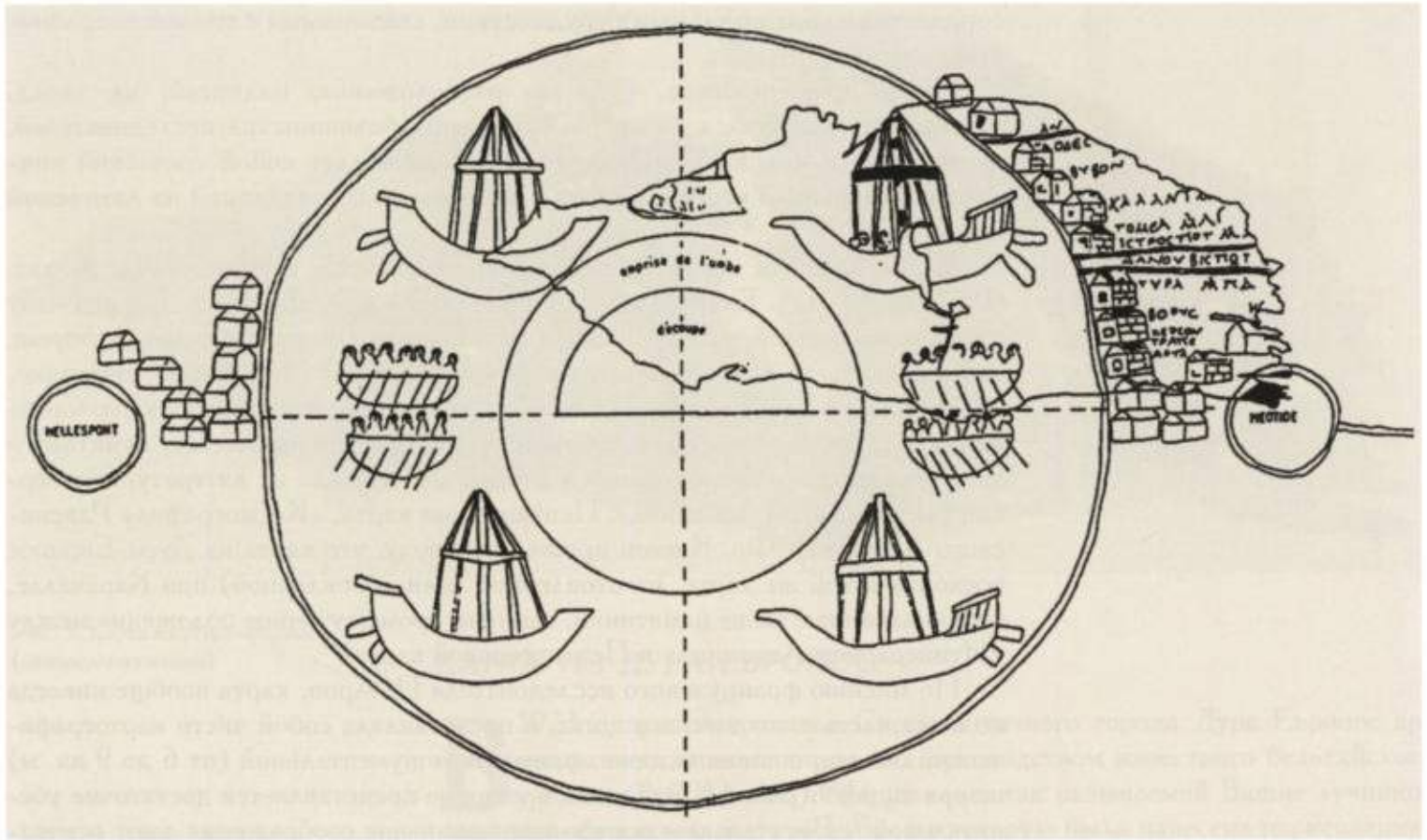

Рис. 4. Реконструкция карты из Дура-Эвропос (по: Arnaud P. Une deuxième lecture. P. 375)

античный город на окраине совр. Севастополя. Все эти топонимы следуют друг за другом с запада на восток.

Самые большие сложности представляет чтение и истолкование двух последних названий, от которых сохранились начальные 4–5 букв – Τραλε и Ἄρτα.

Существуют две точки зрения на значение этих топонимов. Первый издатель карты Фр. Кюмон видел в Τραλε начало названия южнопонтийского города Трапезунта (Τραλεζούς, Trapezus, совр. Trabzon в Турции), а в Ἄρτα – первые буквы названия города Артаксаты (Ἄρταξάτα, Artaxata), столицы Армении²¹. Такого же мнения придерживался и Л.А. Ельницкий²², полагая, что Трапезунт и Артаксата были крупнейшими стоянками римских войск (Трапезунт – на юго-восточном побережье Черного моря, Артаксата – на перекрестке путей, соединявших Черное и Каспийское моря). Р. Ребюффа²³ также не сомневается в южнопонтийской локализации Трапезунта и армянской – Артаксаты.

Однако при этом толковании возникает сложная проблема. Береговая линия изображена на карте равномерной слабо выгнутой дугой; в то же время Трапезунт и Артаксата находятся на юго-восточном побережье Черного моря, к тому же Артаксата вовсе не на побережье, а к востоку от Понта в глубине материка. Это обстоятельство привело к попыткам локализовать эти топонимы иначе.

Так, уже в 1932 г. Р. Уден²⁴ предложил рассматривать Τραλε не как город в Малой Азии, а как находящуюся в Крыму между Херсонесом и Феодосией гору Τραλεζούς (собственно «Столовая гора», возможно, нынешний Чатыр-даг), о которой упоминал Страбон (VII. 4. 3): «В гористой области

тавров есть также гора Трапезунт, одноименная городу, расположенному поблизости от Тибарании и Колхиды». С этим мнением согласны также П. Арно²⁵ и К. Бродерзен²⁶. В названии Ἀρτα Ρ. Уден предлагал видеть не армянскую Артаксату, а Ардабду (Ἀρδάβδα) — название, встречающееся в анонимном «Перипле Понта Эвксинского» как алано-таврское наименование для Феодосии (Аноп. Periplus Pont. Eux. 77: «Нынче же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, т.е. “Семибожный”»).

В 1987 г. крупнейший исследователь античной картографии О. Дилке, присоединившись к мнению Р. Удена о локализации (горы) Трапезунт в Крыму, предложил понимать Ἀρτα как транслитерацию греческими буквами латинского слова *arcta* — «теснины, узкие места»; это наименование, согласно О. Дилке, должно прилагаться к Керченскому проливу²⁷. В пользу такого понимания топонима Ἀρτα может свидетельствовать отсутствие на карте продолжения этого слова, а также и тот факт, что правее и ниже надписи Ἀρτα на карте среди красновато-коричневого фона суши видно пятно голубовато-зеленого цвета, которое может быть изображением части Меотиды (рис. 3).

Среди плохо читаемых надписей можно отметить два ряда букв справа от *Трапе* и *Арта*, которые восстанавливаются как ХΛΙ или ΑΛΙ или ΑΜ или ΑΝ (первый ряд) и как ΜΣΝ или ΜΕΤ или ΜΗΤ (второй ряд). Р. Уден считал возможным читать здесь [Π]αν[τικάσιον] μητ[ρόπολις] — «столица Пантикапей»²⁸. В этом случае на самой древней и, возможно, единственной аутентичной античной карте мог быть зафиксирован Керченский пролив. К сожалению, здесь заканчивается фрагмент карты; в противном случае мы, возможно, встретили бы знакомые нам по другим источникам города и реки Таманского полуострова.

ПЕВТИНГЕРОВА КАРТА

Так называемая Певтингерова карта (*Tabula Peutingeriana*, далее — ТР) — латиноязычная карта мира, которая, судя по палеографическим данным, была изготовлена в конце XII — начале XIII в., хотя по своей форме и содержанию она восходит к первым векам нашей эры²⁹.

Карта размещается на 11 листах пергамена, которые первоначально были склеены друг с другом, образуя узкую длинную ленту длиной 6,75 м и шириной ок. 34 см. Карта охватывает весь мир, каким он был известен в позднеантичную эпоху — от Атлантики на западе до Восточного океана, Цейлона и Индии на востоке, от Северного океана на севере до гор в Южной Африке и океана в Южной Азии. Один или два первых сегмента, на которых изображены большая часть Британии, почти весь Иберийский полуостров и Западная Африка, были утрачены уже к моменту составления дошедшей до нас копии.

Ориентация ТР — северная. Соотношение ее длины и ширины (примерно 20:1) обусловило сильную растянутость стран и континентов в широтном направлении и, наоборот, их сужение по вертикали север—юг. При этом моря, включая Средиземное и Черное, сведены до узких полосок, разграничивающих сушу, что свидетельствует об отсутствии у составителя карты интереса к морским коммуникациям.

Основное содержание карты составляют сухопутные дороги, покрывающие своей сетью почти все пространство карты; при этом отмечены не только основные дороги и соединяющие их поперечные пути, но и находящиеся на них крупнейшие города, остановки, узловые пункты, переправы и расстояния между ними. Многие населенные пункты (или самые крупные, или те, что

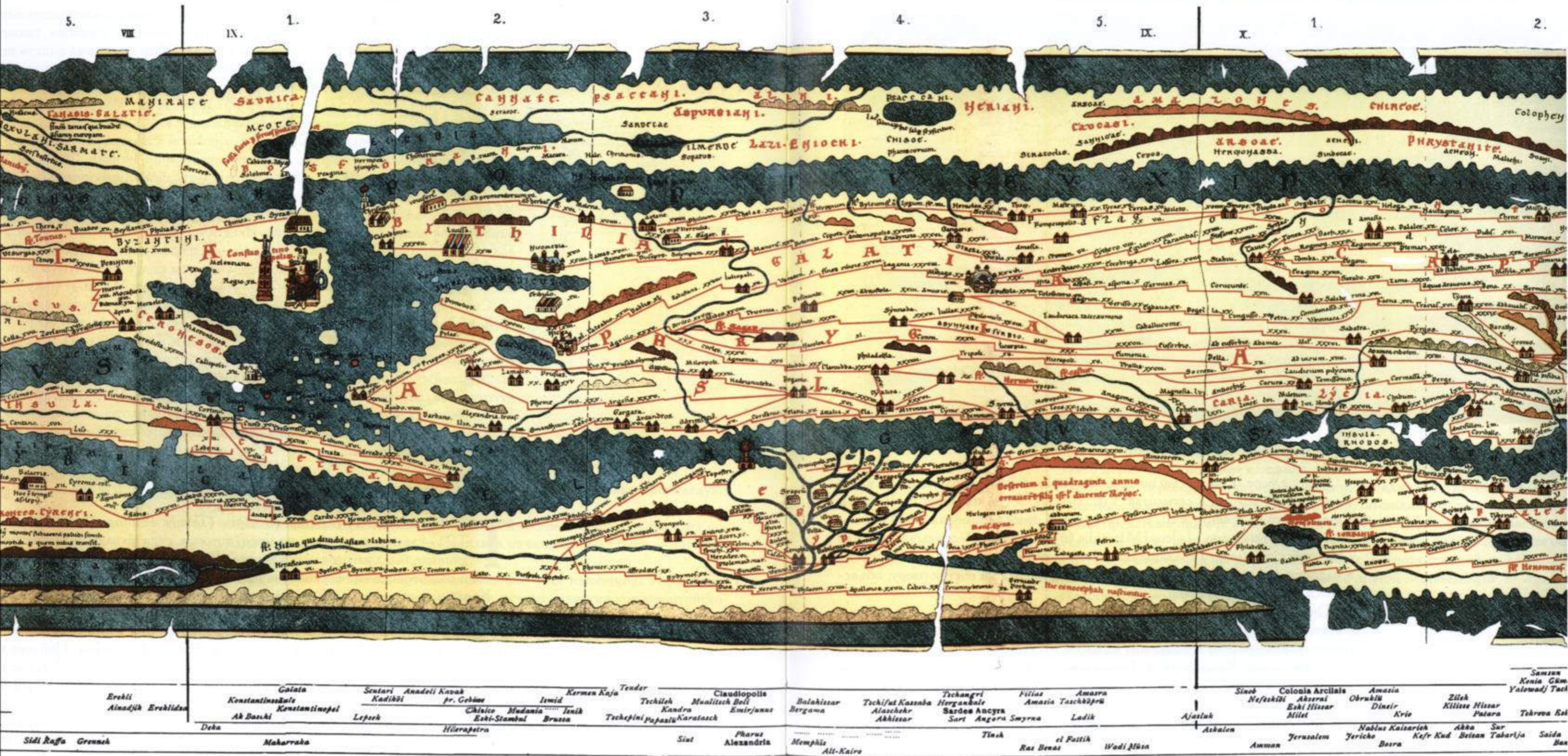

Рис. 5. Певтингерова карта, сегменты VIII, IX, X, 2 (цветная прорисовка)

имеют значение для путешественников) выделены с помощью так называемых *виньеток* — рисунков башен, зданий, гаваней, алтарей, храмов и т.д. (всего 555 виньеток). На карту нанесены также некоторые горы и реки, даются названия народов и провинций (всего ТР содержит ок. 3500 наименований).

Сложнейшим вопросом для исторической интерпретации карты является ее датировка. Свидетельством древности архетипа карты является прежде всего ее содержание. Карта воспроизводит дорожную сеть, существовавшую в первые века нашей эры в границах Римской империи. Топонимическая

номенклатура, границы империи и ее провинций восходят частично ко времени Августа, хотя содержат и более поздние элементы, вплоть до V в.

По мнению большинства исследователей, ТР в своей основе представляла официальный справочник дорог Римской империи, предназначенный для удовлетворения потребностей государственных служащих³⁰. Одной из копий, снимавшихся с такого рода справочников, по-видимому, и была ТР.

Территория Таманского полуострова также нашла свое отражение на ТР (рис. 5–6).

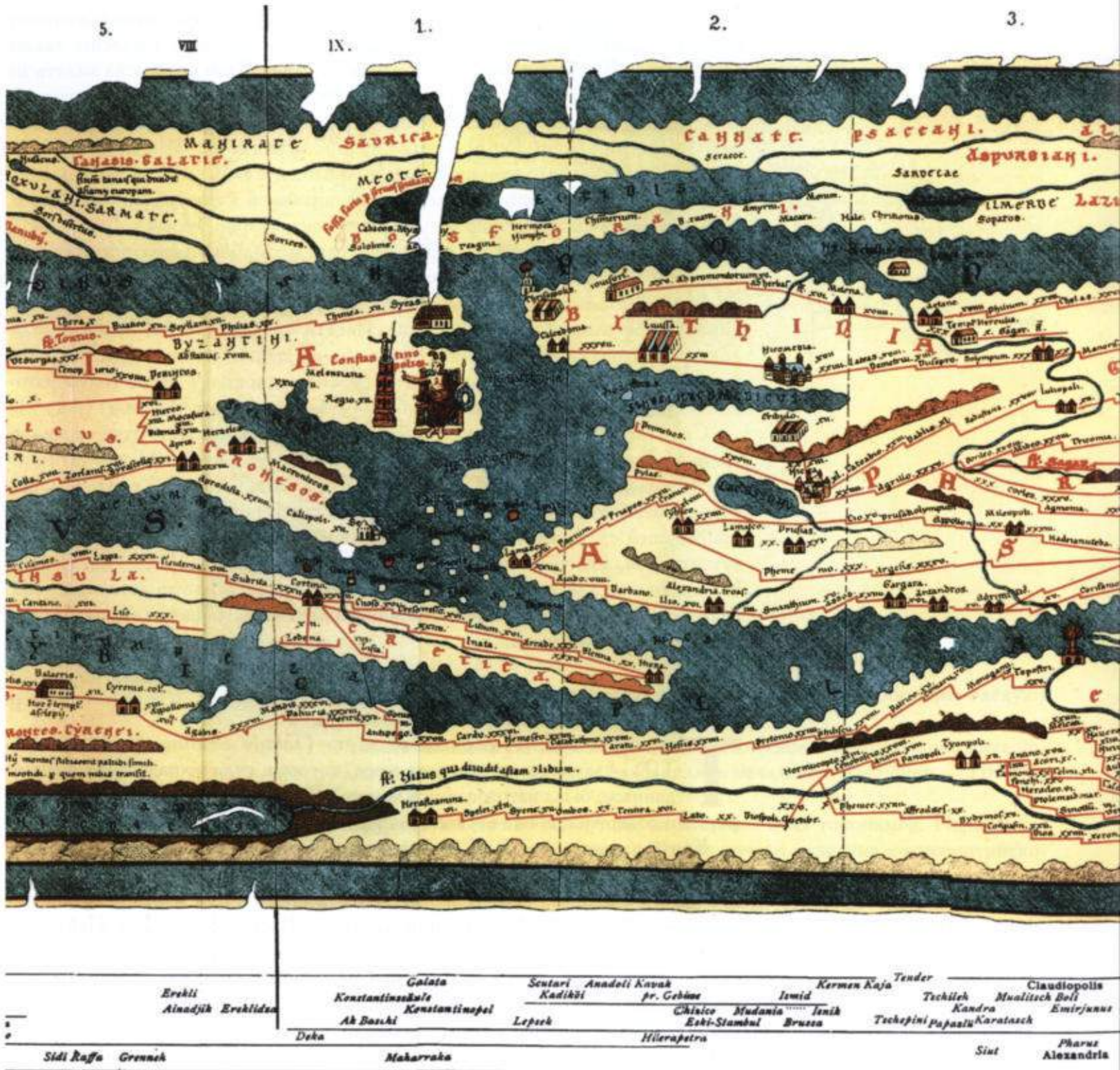
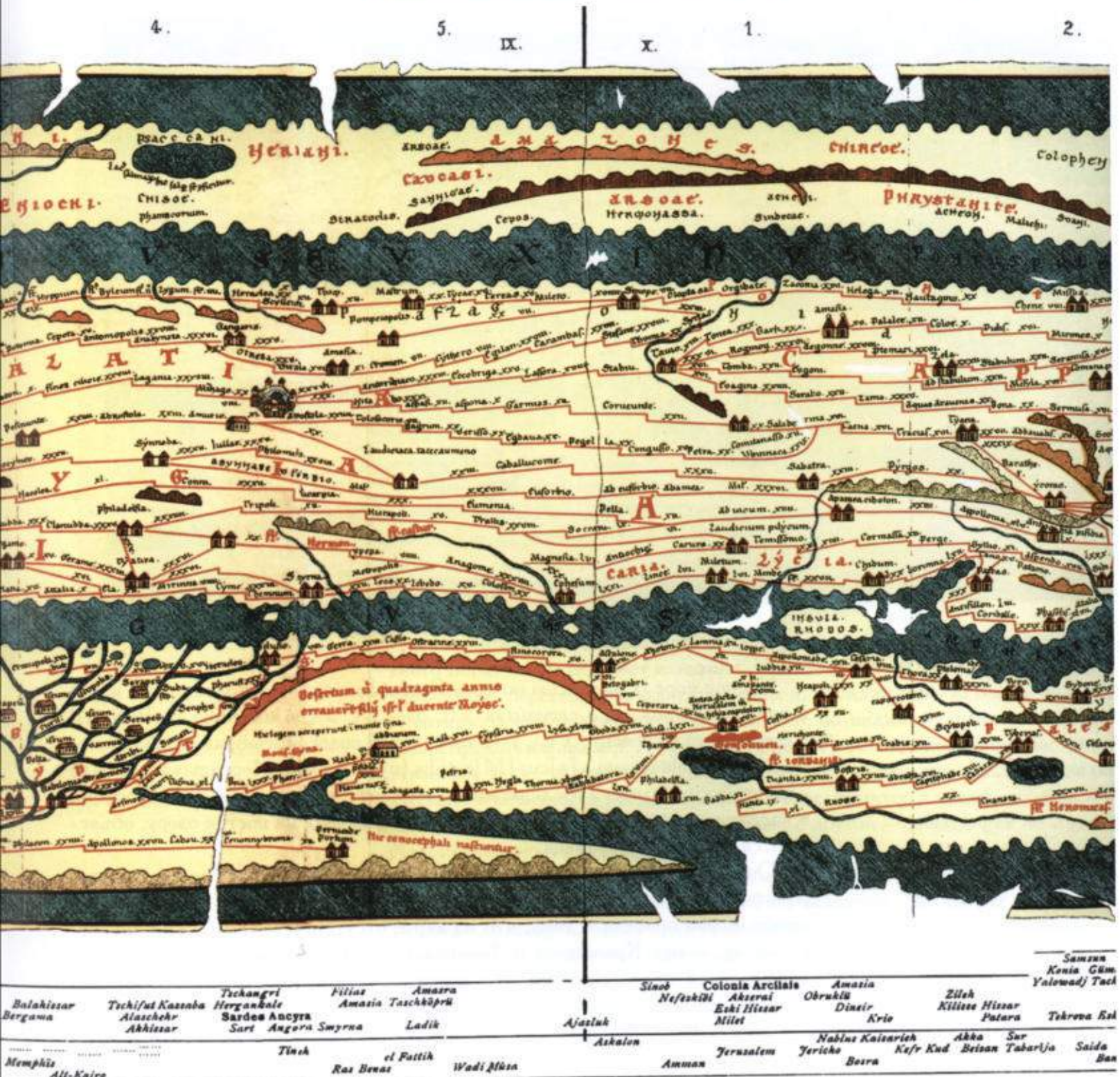

Рис. 5. Певтингерова карта, сегменты VIII, 5–X, 2 (цветная прорисовка)

имеют значение для путешественников) выделены с помощью так называемых *виньеток* — рисунков башен, зданий, гаваней, алтарей, храмов и т.д. (всего 555 виньеток). На карту нанесены также некоторые горы и реки, даются названия народов и провинций (всего ТР содержит ок. 3500 наименований).

Сложнейшим вопросом для исторической интерпретации карты является ее датировка. Свидетельством древности архетипа карты является прежде всего ее содержание. Карта воспроизводит дорожную сеть, существовавшую в первые века нашей эры в границах Римской империи. Топонимическая

номенклатура, границы империи и ее провинций восходят частично ко времени Августа, хотя содержат и более поздние элементы, вплоть до V в.

По мнению большинства исследователей, ТР в своей основе представляла официальный справочник дорог Римской империи, предназначенный для удовлетворения потребностей государственных служащих³⁰. Одной из копий, снимавшихся с такого рода справочников, по-видимому, и была ТР.

Территория Таманского полуострова также нашла свое отражение на ТР (рис. 5–6).

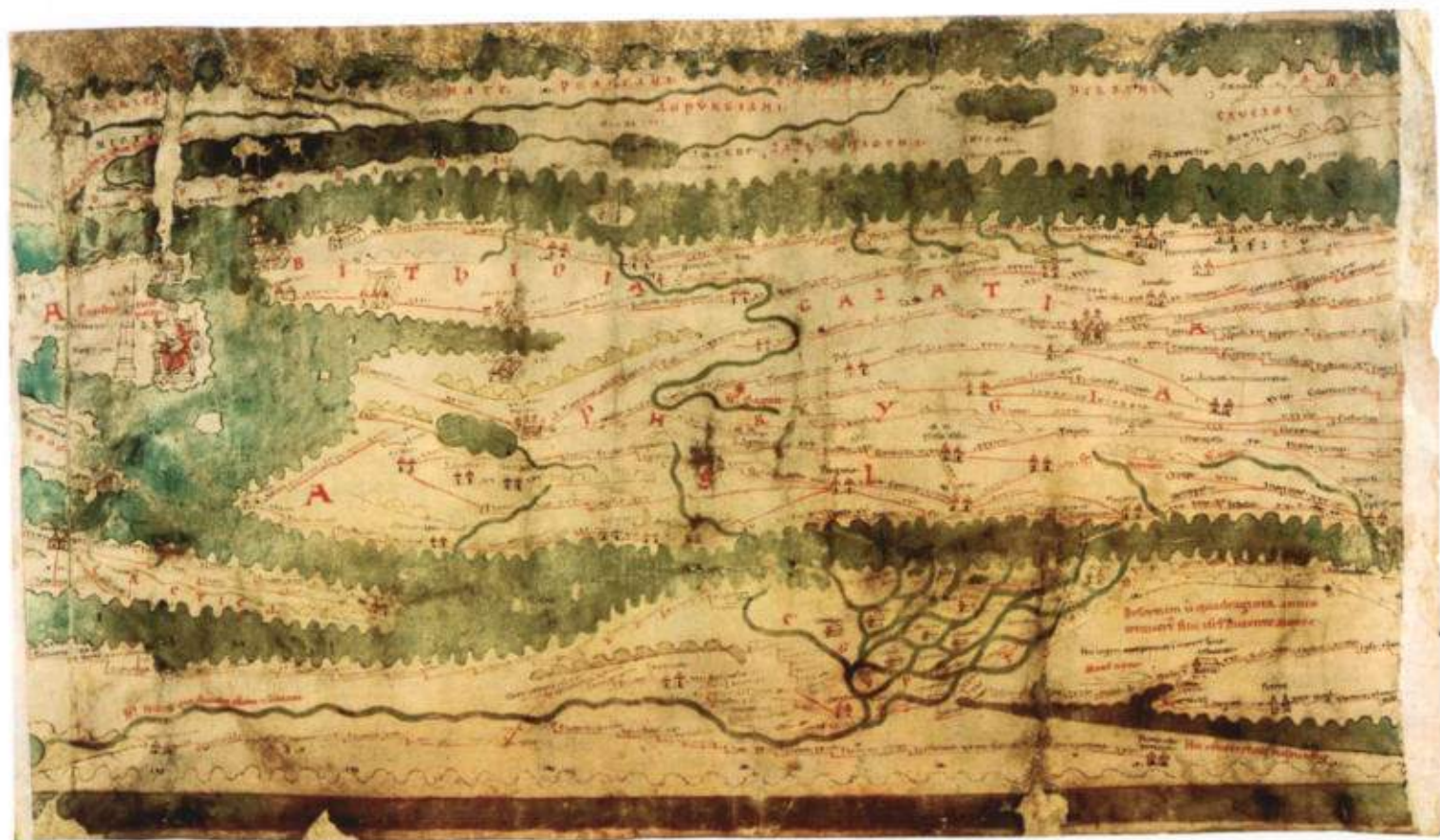

Рис. 6. Певтингерова карта, сегменты IX,1–X,1 (фото оригинала, Вена)

Черное море (с надписью по нему Pontus Euxinus) располагается на карте в виде узкой полосы в сегментах VII. 3 – IX. 3 (по изданию Е. Вебера). Севернее его в сегменте VIII. 1–2 тоже узкой полосой изображено Азовское море, которое названо L[a]cus [M]eotidis (букв. «озеро Меотиды»); так (или «Меотийские болота») традиционно назывался в античности Азов. Пропуски в надписи, сделанной прямо по вытянутому с запада на восток озеру, объясняются дефектом пергамента.

Очевидно, автор карты буквально понял название «озеро» и оставил Меотиду как замкнутый бассейн без соединения с Черным морем. Это обстоятельство привело к тому, что на карте отсутствует Керченский пролив, а потому — нет Крымского и Таманского полуостровов. Оба полуострова оказываются полоской суши, отделяющей Азовское море от Черного. По ней большими красными буквами, как это часто бывает с этнонимами, идет надпись — Bosforani (букв. «босфорцы, жители Босфора»), т.е. речь идет о жителях Боспорского царства, расположенного по обоим берегам Керченского пролива. Боспорцами (Bosporani) их называли уже Цицерон, Страбон и Тацит. Страбон (XI. 2. 10) прямо сообщал, что «все [народы], подвластные боспорским правителям, называются боспорцами (Βοσποροῖσι)». Также и Птолемей (V. 8. 24) считает, что «по обеим сторонам Киммерийского Боспора живут боспорцы (Βοσποροῖσι)». Равеннский Аноним называл эту страну patria Bosforania (Анон. Rav. Cosm. IV. 3) и patria Bosphorana (IV. 5), располагая ее «возле Понтийского моря» и перечисляя в ней многие города, часть которых запечатлена и на ТР. Написание Βόσφορος, от которого происходит современное *Босфор*, в раннее Средневековье заменило собой более древнее Βόσπορος³¹.

Несмотря на отсутствие Таврического полуострова, на суше над Азовским морем есть надпись *Saugica*, которую исследователи рассматривают как ошибочное написание слова *Taurica*³². В самом деле, страны «Саврика» в этой части Северного Причерноморья не зафиксировано, а известный топоним «Таврика» пропущен. Само название *Saugica* оказывается в непосредственной близости к таким легендам карты, как «меоты», «Рвы, вырытые рабами скифов» (совр. Перекоп), «Салолиме» (= Калослимен в Северо-Западном Крыму), «Нимфы» (= Нимфей в Восточном Крыму) и некоторым другим, связанным с Крымом.

Необычна и гидрография приазовской территории. В Меотиду на ТР впадают четыре реки. Самая западная река называется Танаисом (совр. Дон) и имеет свои истоки далеко на северо-западе в горах (сегм. VII. 5), возможно, Рипейских³³. Около истоков реки написано *Flum[en] Tanais qui dividit Asiam et Euroram* («река Танаис, которая разделяет Азию и Европу»). Это традиционная для античной географии характеристика Танаиса.

Следующая к востоку река, впадающая в Меотиду, не имеет названия и начинается в Северном океане. Около ее устья нанесена надпись *Seracoe* — обозначение сираков (*Σίρακες*, *Siraces*, *Siraci*, *Siraceni*) — народа, традиционно относимого к меото-сарматским племенам, жившим восточнее Азовского моря. Третья река к востоку также безымянна; она начинается в безымянных горах северо-восточнее Меотиды, над которыми есть надпись *Alani*. Их помещение здесь указывает, очевидно, на то, что под горами подразумеваются Кавказские (Аланские) горы, которые восточнее обозначены как *Caucasi* (в сегменте VIII. 5).

Четвертая безымянная река, впадающая в восточную оконечность Азовского моря, также не имеет названия. Начинается она, как и вторая, в Северном океане, пересекает «Аланские» горы и, пройдя какое-то озеро, впадает в Меотиду. В изображении этой реки можно, по-видимому, усматривать отголоски представлений о р. Кубань (античный Гипанис), впадавшей частично в Азовское море, частично в Черное. Возможно также, что здесь отразились смутные в античности представления о Волге, которая, с одной стороны, считалась вытекающей из Северного океана, с другой — впадающей не только в Каспийское, но и в Азовское море³⁴.

Отметим еще одну примету ландшафта Восточного Приазовья — озеро, возле которого имеется надпись *Lac[us] salinarum, hic sal per se conficitur* («Озеро солеварен, здесь соль производится сама по себе»). Изображение озера со столь необычной надписью свидетельствует о широкой известности в античности добычи соли в Северном Причерноморье, которая шла также на засолку азовской и черноморской рыбы, высоко ценившейся в античности. Вспомним, что и Страбон (IX. 5. 6) упоминает о существовании на восточном берегу Меотиды, южнее устья Танаиса, Большого и Малого Ромбитов, где занимались преимущественно ловлей рыбы для ее соления. Согласно Геродоту (IV. 53), «у устья Борисфена сами собой (*αὐτοῦ αὐτόματοι*) отлагаются огромные запасы соли; здесь водятся огромные бескостные рыбы, которые называются антакаями; их доставляют для засаливания». Надпись на нашей карте практически воспроизводит эту информацию.

На рассматриваемой территории есть еще одно озеро, через которое проходит самая восточная река, впадающая в Меотиду. Недалеко от него помещено племя аспургиан. Плохо читаемая надпись на озере может быть восстановлена как *Lacus Dor...* По-видимому, под «озером Дор...» скрывается несколько искаженное название Корокондамского озера (*Corocondamitis*, при

этом Сог = Dor), часто описываемого античными авторами и образованного рукавами нижнего течения Кубани (см. его описание, например: *Strab.* XI. 2. 9–10).

Поскольку, как уже отмечалось, на ТР наблюдаются большие деформации, связанные с вытянутостью карты по оси запад–восток и сжатости ее по оси север–юг, понятно, что богатая топо- и этнонимика кубанской земли не могла уместиться только южнее Азовского моря, а вытянулась далеко на восток от него.

Помимо уже упомянутых аланов и сираков на карте обозначены более или менее известные из других авторов этнонимы *Psaccani* (дважды), *Aspurgiani*, *[H]eniuchi*, *Arsoae* (= *Aorsae*; дважды), *Sannigae*, *Achaei* (дважды), а также менее известные или нигде в других источниках не встречающиеся названия *Cannate*, *B[.]ruani*, *Amyrni*, *Hal[i]*, *Sardetae*, *Chisoe*, *Nerdani*, *Colopheni*, *Parnaci*, *Malichi*. При этом не следует относиться скептически к последнему списку, который мог содержать и ошибки переписчика (правда, иногда некоторые названия исправляются с помощью конъектуры, например, *Colopheni* могут быть испорченным вариантом птолемеевых *Κοναψηνοί*).

Некоторые этнонимы, не отождествляемые пока, со временем могут оказаться названием реального народа. Так, например, этноним *Psaccani* долгое время считался испорченным вариантом «правильного» этнонима *Psessi* (*Psessii*, *Ψήσσιοι*, *Ψεσσοί*), зафиксированным Птолемеем, Стефаном Византийским и другими античными авторами, а также некоторыми боспорскими надписями³⁵. Однако благодаря находкам новых боспорских надписей³⁶ стал известен этноним *Ψεχανοί*; в частности, с псаханами, жившими на азиатской части Боспора, в конце II в. до н.э. сражался боспорский царь Савромат I³⁷.

На карте встречается также название местного народа — меотов (*Meote*), правда, помещены они на северо-западном побережье Меотиды, хотя, по данным античных авторов и боспорской эпиграфики, известно, что они жили на территории правобережья Кубани вплоть до Азовского моря, т.е. с противоположной стороны моря³⁸. Есть на ТР и названия греческих городов Тамани. Это город (или мыс?) Киммерий (*Chimerium*), Фанагория (*Phamacorium*), Стратоклия (*Stratoclis*), Кепы (*Ceros*), Гермонасса (*Hermonassa*), Синдика (*Sindecae*). Перечисленные города хорошо известны античным авторам; особо отметим, что в этот список вошли самые значительные города Таманского полуострова. Несколько названий городов — *Macara*, *Chritionis*, *Sopatos* — не известны из других источников.

В целом можно утверждать, что на Певтингеровой карте широко представлена ономастика Таманского полуострова, хотя особенности карты не позволили передать реалистическое изображение его ландшафта.

¹ Недавно стало известно о существовании еще одной античной (греческой) карты I в. до н.э., нарисованной на папирусе, с изображением — предположительно — Испании (см. первое сообщение об этой карте: *Galazzi C., Kramer B. Artemidor im Zeichensaal: Eine Papyrusrolle mit Text, Landkarte und Skizzenbüchern aus späthellenistischer Zeit // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 1998.*

*Vd. 44. S. 189–208; см. отклик на это событие в России: Подосинов А.В. К находке древнейшей географической карты античности // ВДИ. 2000. № 3. С. 122–125). Сейчас, правда, ставится под сомнение подлинность этого папируса, который объявляется фальшивкой XIX в. (см.: *Canfora L. The True History of the so-called Artemidorus Papyrus. Bari, 2007; Idem. Il papiro di Artemidoro. Bari, 2008).**

² См. последнее издание текста Птолемея с немецким переводом: *Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch: Einleitung, Text und Übersetzung, Index / Hrsg. von A. Stückelberger, G. Graßhoff. Basel, 2006. Teil 1–2. Ср. рецензию на это издание: Подосинов А.В. // ВДИ. 2008. № 1. С. 218–222. Отечественная литература о Птолемеи и его труде немногочисленна, см: *Ky-**

- лаковский Ю.А. Карта Европейской Сарматии по Птолемею: Приветствие XI Археологическому съезду. Киев, 1899; Романовская М.А., Шелов-Коведяев Ф.В., Щеглов А.Н. Горолице Рудь — Метоний Птолемея? // ВДИ. 1981. № 4. С. 121—137; Зубарев В.Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998; Он же. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005; Шувалов П.В. «География» Птолемея: карты и рукописная традиция // Жебелевские чтения—3. СПб., 2001. С. 46—54; Щеглов Д.А. Научная география периода между Гиппархом и Птолемеем в отражении римских источников // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2004. Вып. 3. С. 429—452. Он же. Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена // ВДИ. 2005. № 3. С. 243—256; Фалилеев А.И. Восточные Балканы на карте Птолемея: Критико-библиографические изыскания. München, 2006; Schcheglov D.A. Ptolemy's Latitude of Thule and the Map Projection in the pre-Ptolemaic Geography // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption. 2007. Bd. XVII. P. 121—151. См. также: Стрижак О.С. Етнонімія Птолемеєвої Сарматії: У пошуках Русі. Київ, 1991.
- ³ *Klaudios Ptolemaios*. Handbuch der Geographie... T. 2.
- ⁴ Сравнение с картой Европейской Сарматии Птолемея, составленной и опубликованной Ю.А. Кулаковским в 1899 г. (Карта Европейской Сарматии), показывает, что при довольно близком соответствии тех данных, которые основаны на географических координатах, наибольшее число расхождений между картой Кулаковского и картой швейцарского издания наблюдается в локализации восточноевропейских народов, чье местоположение на карте Птолемея не имело привязки к координатам. Как показывает сравнение, последняя карта выполнена на более высоком техническом уровне и более строго соответствует данным Птолемея.
- ⁵ SC I. С. 236—238. Пер. П.И. Прохорова.
- ⁶ Совр. р. Дон.
- ⁷ Совр. Азовское море.
- ⁸ Совр. Керченский пролив.
- ⁹ Вероятно, эту реку следует отождествить с совр. р. Кодор или Бзыбь.
- ¹⁰ Имеется в виду р. Волга.
- ¹¹ О портоланах см. подробнее: The History of Cartography / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London. 1987. Vol. I: Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and Mediterranean. P. 371—456. Из ранних портоланов, на которых весьма реалистично изображены Черное море, Керченский пролив и Азовское море, см., например, портоланы Дживанни да Кариквано начала XIV в., Пьетро Веконте 1311 г., Паулина Минориты 1320 г., Марино Санудо 1321 г., Анджелино де Далорто 1325 г., Опицина де Канистрис 1336 г. и многих других, в издании: *Kamal Youssouf*. Monumenta cartographica Africae et Aegypti. Cairo. T. IV. Fasc. 1. 1936. P. 1138, 1140, 1160, 1169, 1172, 1174; Fasc. 2. 1937. P. 1197, 1205, 1216; Fasc. 3. 1938. P. 1331, 1333, 1334, 1350, 1368 et al.; Fasc. 4. 1939. P. 1396, 1417, 1457, 1463 et al.; T. V. Fasc. 1. 1951. P. 1491, 1493—1496, 1498, 1503, 1506—1508, 1513 и др.
- ¹² *Cumont F.* Un extrait d'une carte romaine d'étapes // Géographie. 1925. 43. P. 1—15; *Idem.* Fragment de bouclier portant une liste d'étapes // Syria: Revue d'art oriental et d'archéologie. 1925. 6. P. 1—15; *Idem.* Fouilles de Doura Europos (1922—1923). P., 1926. P. 323—337.
- ¹³ См.: *Idem.* Un extrait... P. 3; первая половина III в. н.э.
- ¹⁴ См.: *Uhdén R.* Bemerkungen zu dem römischen Kartenfragment von Dura Europos // Hermes. 1932. 67. S. 121; *Dilke O.A.W.* Itineraries and Geographical Maps in the Early and Late Roman Empires // The History of Cartography. P. 249; *Stückelberger A.* Bild und Wort: Das illustrierte Fachbuch in der antiken Naturwissenschaft, Medizin und Technik. Mainz, 1994 (Kulturgeschichte der antiken Welt. 62). S. 72; *Brodersen K.* Terra Cognita. Studien zur römischen Raumerfassung. Hildesheim; Zürich; New York, 1995 (Spudasmata. 59). S. 147. Anm. 3.
- ¹⁵ *Cumont F.* Fouilles... P. 335—336; *Uhdén R.* Bemerkungen... S. 124—125; *Ельницкий Л.А.* Новый источник географии древнего Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. № 1. С. 243.
- ¹⁶ *Cumont F.* Fragment... P. 7—8; *Idem.* Fouilles... P. 335; *Ельницкий Л.А.* Новый источник... С. 246; *Levi Annalina e Mario.* Itineraria picta: Contributo allo studio della Tabula Peutingeriana. Roma, 1967. P. 143; *Dilke O.A.W.* Itineraries and Geographical Maps in the Early and Late Roman Empires // The History of Cartography. P. 249; ср.: *Rebuffat R.* Le Bouclier de Doura // Syria: Revue d'art oriental et d'archéologie. 1986. 63. P. 91; *Brodersen K.* Terra Cognita... S. 147.
- ¹⁷ *Cumont F.* Fouilles... P. 336—337. Ср. стемму, которую рисует для карты на щите Р. Ребюффа (*Rebuffat R.* Le Bouclier... P. 92, 102), и сравнение с данными Певтингеровой карты у Л.А. Ельницкого (Новый источник... С. 243) и М. Попеску-Спинени (*Popescu-Spineni M.* Rumänien in seinem geographischen und kartographischen Quellen: Vom Altertum bis an die Schwelle unseres Jahrhunderts. Wiesbaden, 1987. S. 111).
- ¹⁸ *Arnaud P.* Observations sur l'original du fragment de carte du pseudo-bouclier de Dura-Europos // Revue des études anciennes. 1988. 90. P. 158—160; *Idem.* Une deuxième lecture du 'bouclier' de Doura-Europos // Académie des inscriptions and belles-lettres: Comptes rendus, 1989, av.—juin. P., 1989. P. 387.
- ¹⁹ Ср. скепсис относительно предположения о карте как о фрагменте большой карты: *Brodersen K.* Terra Cognita... S. 148. Anm. 1; *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 83—84.
- ²⁰ Цит. по: *Arnaud P.* Une deuxième lecture... P. 378. См. также издание и исследование карты в: *Подосинов А.В.* Восточная Европа... С. 77—99.
- ²¹ *Cumont F.* Fragment... P. 7—8; *Idem.* Fouilles... P. 329—331.
- ²² *Ельницкий Л.А.* Новый источник... С. 244—246.
- ²³ *Rebuffat R.* Le Bouclier... Passim.
- ²⁴ *Uhdén R.* Bemerkungen... S. 117—119.
- ²⁵ *Arnaud P.* Observations... P. 154—155; *Idem.* Un deuxième lecture... P. 377.
- ²⁶ См.: *Brodersen K.* Terra Cognita... S. 147. Anm. 1.
- ²⁷ *Dilke O.A.W.* Greek and Roman Maps. L., 1985. P. 120; *Idem.* Itineraries and Geographical Maps in the Early and Late Roman Empires // The History of Cartography. P. 249.

- ²⁸ Uhden R. Bemerkungen... S. 121; также: Arnaud P. Observations... P. 154. Not. 14.
- ²⁹ См. издание карты: Weber E. Tabula Peutingeriana: Codex Vindobonensis 324, vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat. Graz, 1976. S. 11; Подосинов А.В. Восточная Европа... С. 287–378.
- ³⁰ Weber E. Tabula Peutingeriana... S. 21; Dilke O.A.W. Greek and Roman Maps. P. 115.
- ³¹ Подробнее об истории названия «Боспор» см.: Тохтасьев С.Р. ВОСПОРОΣ // БФ. 1999. С. 86–92.
- ³² Miller K. Itineraria Romana: Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. 2. Ausg. Stuttgart, 1916. S. 618; Weber E. Tabula Peutingeriana... S. 65.
- ³³ См.: Подосинов А.В. Восточная Европа... С. 338.
- ³⁴ Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 377–379; Подосинов А.В. Восточная Европа... С. 353; Он же. Волга в геокартографии античности и средневековья // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 70–97. О соединении трех рек — Кубани, Дона и Волги — в образ одной реки (Сакир) в арабской географии, и в частности у ал-Идриси, см.: Коновалова И.Г. Река Саир как олицетворение Волго-Донского пути // Там же. С. 197–206.
- ³⁵ Miller K. Itineraria Romana... S. 620.
- ³⁶ КБН 1048, 1240 и некоторые другие.
- ³⁷ См. подробнее: Яйленко В.П. Поход Савромата I на Азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 219–221; Левченко Н.В. Эпизод правления Савромата I // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. М., 1999. С. 214–219.
- ³⁸ Впрочем, какая-то традиция помещения меотв также на «европейской» стороне Северного Причерноморья существовала и в античности, см. об этом в предыдущем разделе.

Часть V

КУБАНЬ
НА
СРЕДНЕВЕКОВЫХ
КАРТАХ

Рис. 1. Рукописный Каталонский атлас 1375 г. Абрахама Креска. Парижская Национальная Библиотека. Ms. esagnol 30

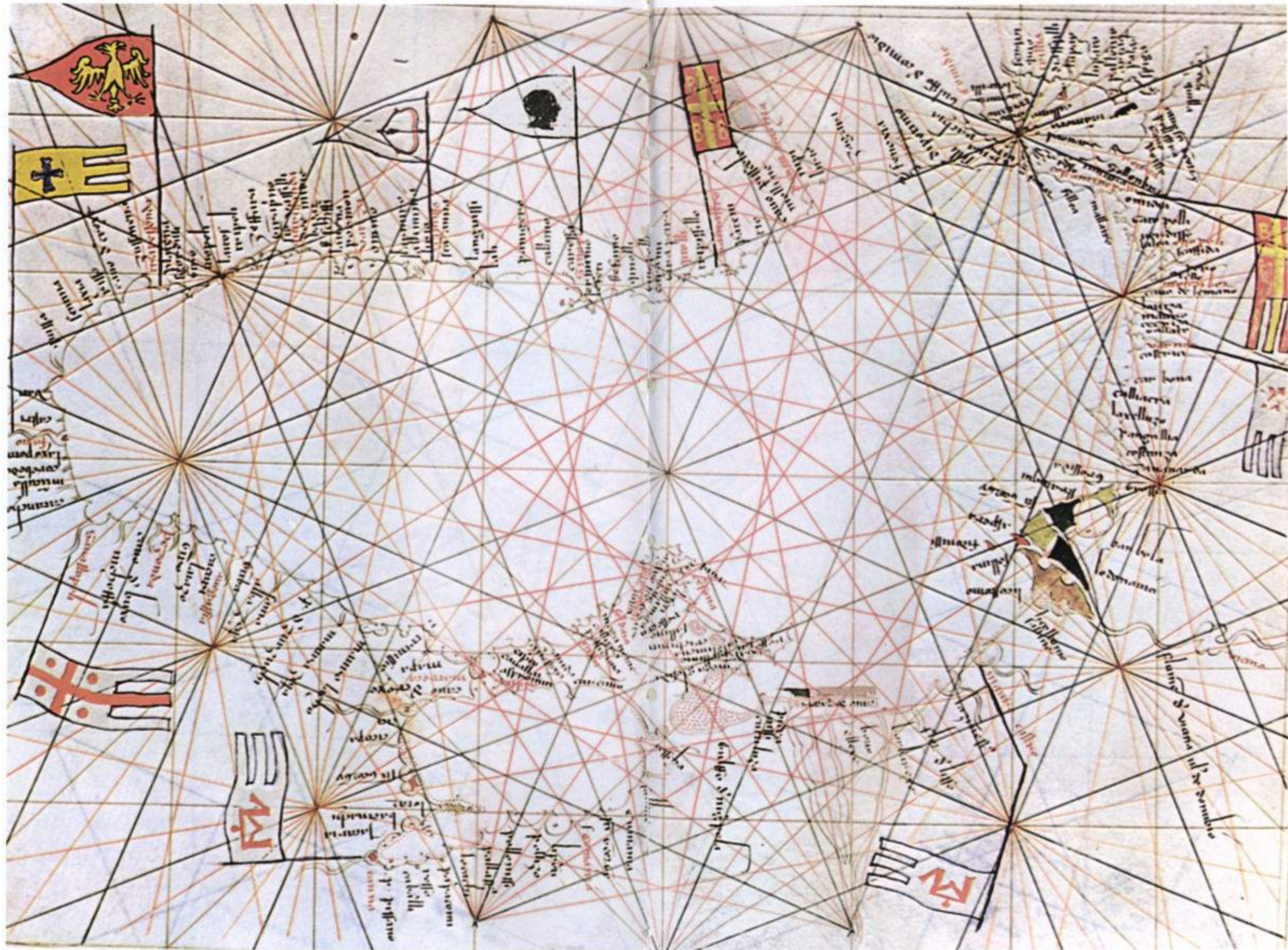

Рис. 2. Рукописный портолан Черного моря Пьетро Веконте 1320/1321 г. из книги Марино Санудо Старшего, на страницах которой Санудо повествует о землях Ближнего Востока, а заодно и призывает христианскую Европу к освобождению Иерусалима от мусульман. Ватиканская Апостолическая Библиотека; Cod. Palat. Lat. 1362 A, f. 2v-3r

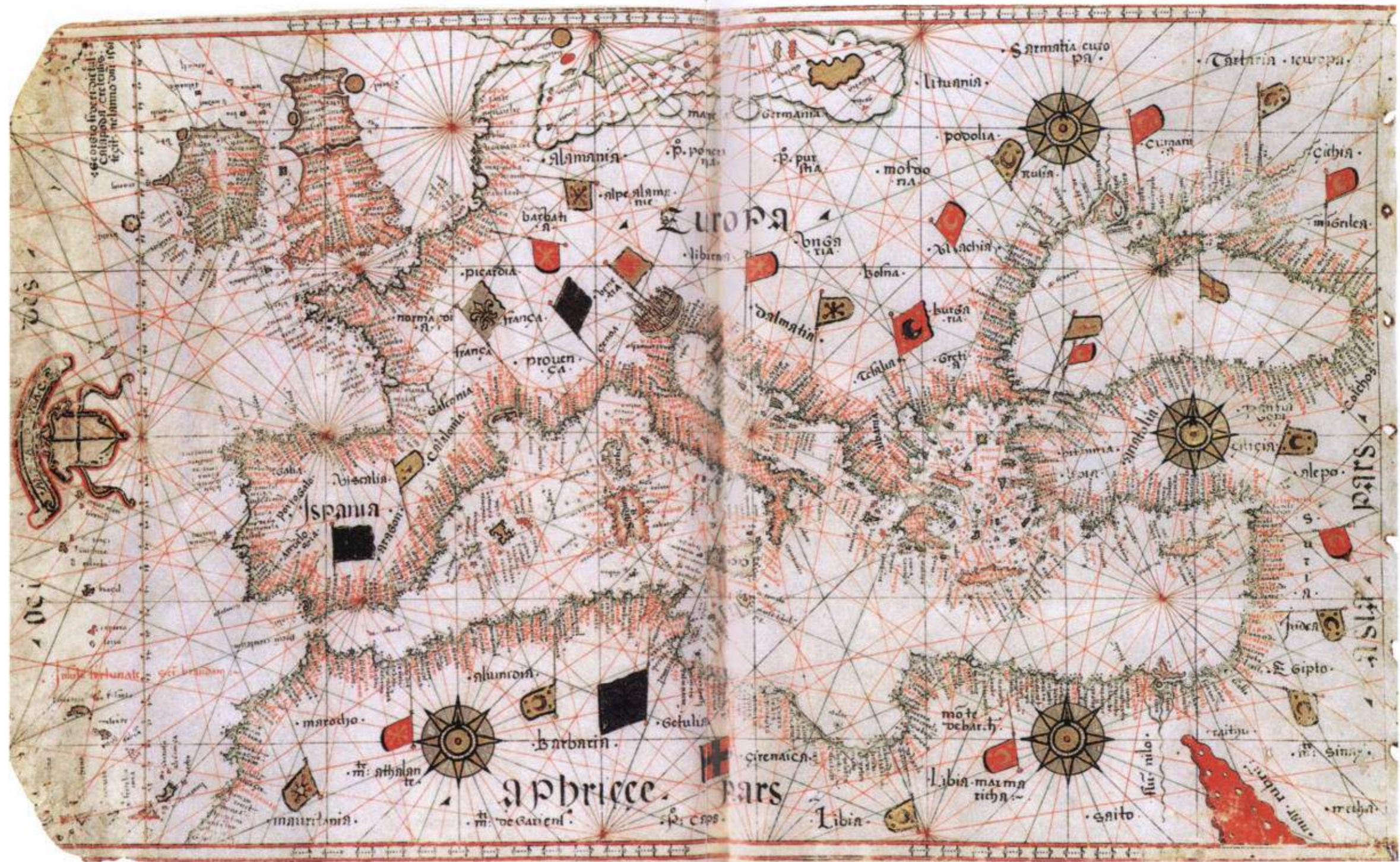

Рис. 3. Рукописный портолан Джорджо Сидери по прозвищу «Каллапода из Кандии» 1561 г. Венеция, Museo Correr Port. 8

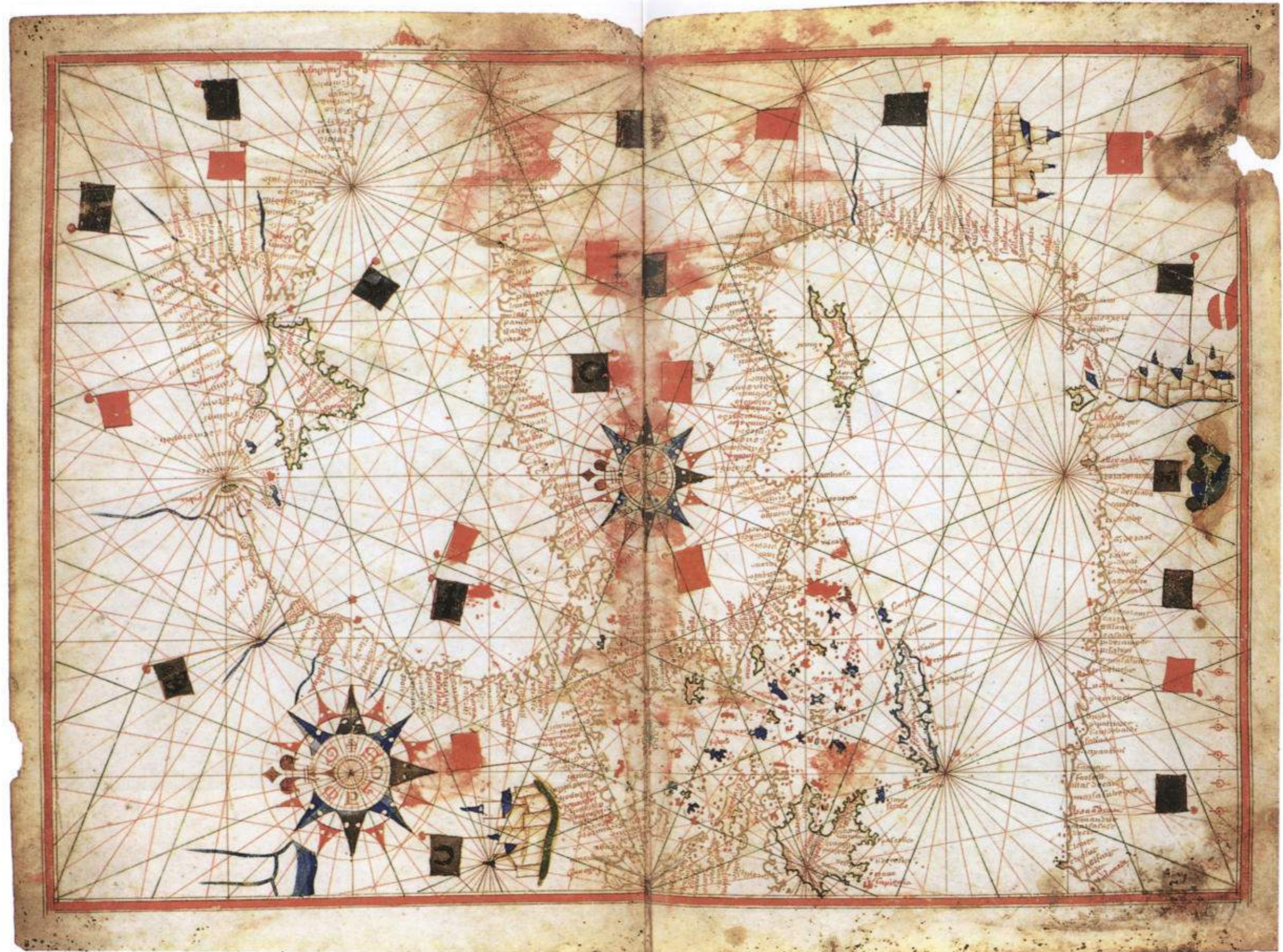

Рис. 4. Рукописный портолан Жома Олива. Неаполь. 1564 г. Венеция, Museo Correr Port. 17

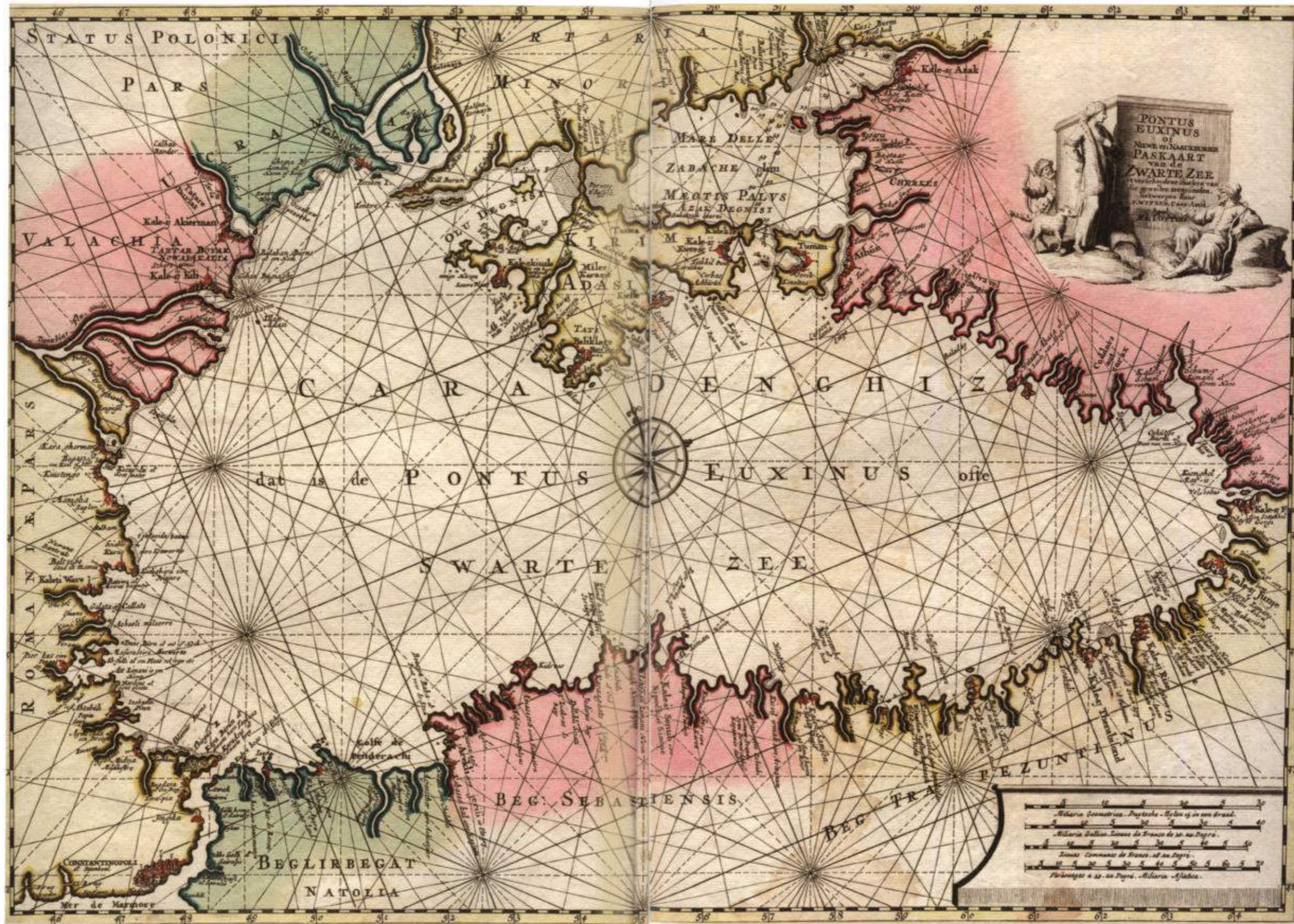

Рис. 5. Морская карта Черного моря Николааса Витцена. Изготовлена карта была в мастерской Конрада Лоттера. Иллюминированная гравюра, середина XVIII в. ГИМ, Москва. ГИМ 61954; GO 3138

Рис. 6. Перипл Понта Эвксинского. Никола Сансон. Издание Питера Мортъе. Иллюминированная гравюра. Амстердам, вторая половина XVII – начало XVIII в. Частное собрание. Москва

Рис. 7. Таврика Херсонесская. Герард Меркатор. 1595 г. Иллюминированная гравюра. Амстердам. Частное собрание. Москва

Рис. 8. Изображение Турецкой империи. В художественном картуше помещена миниатюра турецкого султана Мехмета III. Атлас Меркатори, первая четверть XVII в. Иллюминированная гравюра. Частное собрание. Москва

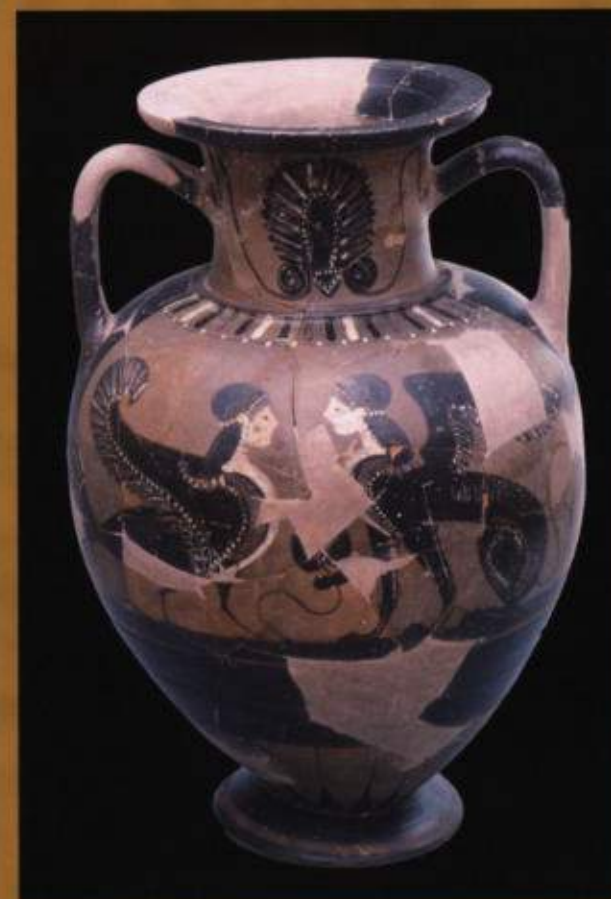

Часть VI

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

Г. А. КОШЕЛЕНКО, В. Д. КУЗНЕЦОВ

Одним из важнейших явлений в истории древнегреческой цивилизации была так называемая «Великая греческая колонизация». В период VIII—VI вв. до н.э. происходило переселение эллинов из старых городов, расположенных на юге Балканского полуострова, островах Эгейского моря и западном побережье Малой Азии, во вновь основывавшиеся полисы, которые заняли значительную часть побережий Средиземноморского бассейна: от Сирии до Испании и от Ливии до северных берегов Черного моря. Греки-переселенцы освоили огромные пространства и вступили в контакты со многими местными племенами и государствами. «Великая греческая колонизация» сыграла большую историческую роль в развитии истории и культуры не только Средиземноморья, но и мировой культуры. Выдающийся русский исследователь античности академик Р.Ю. Виппер так характеризовал это явление: «Не будь колонизации, Греция не имела бы истории»¹.

Необходимо указать, что термины «колонизация» и «колония» несут на себе известный отпечаток модернизации. Сами эллины использовали для обозначения тех населенных пунктов, которые мы теперь называем колониями, термин «апойкия», означающий «(дом) вдали от дома» (см. LSJ, s.v.). Соответственно, переселенцев-колонистов именовали «апойками». Апойки сохраняли определенные связи с метрополией, обладая при этом полным суверенитетом.

Таманский полуостров и прилегающие к нему территории также были одной из тех зон, куда переселялись древние греки и где они основывали свои поселения. Конечно, процесс колонизации в этом регионе имел свои специфические особенности, но они не выходили за границы глобальной «базовой модели», характеризующей все основные черты этого явления. Поэтому, прежде чем конкретно рассматривать процесс основания греческих населенных пунктов на Тамани и прилежащих территориях, необходимо обратиться к более общим проблемам, связанным с изучением «Великой греческой колонизации».

Первый и, соответственно, важнейший вопрос — в чем состояла причина греческой колонизации? Исследователи уже не одно десятилетие пытаются дать на него исчерпывающий ответ². В итоге сформировались две главные точки зрения. В соответствии с одной из них, причиной массового движения эллинов из метрополии была торговля, поиски новых рынков сбыта для товаров метрополии, по другой — аграрной, главная причина заключалась в стенохории, т.е. в недостатке земель, что и заставляло греков покидать историческую родину³.

Торговая и аграрная теории колонизации остаются до сих пор, с теми или иными вариациями, господствующими в современной науке⁴. Сторонники торговли как движущей силы колонизации исходят из очевидных, как им представляется, реалий: переселение эллинов в отдаленные земли вызывалось стремлением получить прибыль от продажи высококачественных товаров аборигенам, стоящим на более низкой ступени развития. Приобретение же необходимых товаров, нередко экзотических, на окраинах ойкумены и продажа их на рынках Эллады сулило купцам огромную прибыль. Одним из важнейших доказательств такой торговли служат находки греческих вещей, прежде всего керамики, на поселениях местных племен.

Не менее логичной внешне выглядит и позиция сторонников аграрной колонизации: нехватка земли при избытке населения в метрополии приводила к тому, что часть населения была вынуждена покинуть свою родину в поисках новых земель. При этом сторонники такой точки зрения выделяют два варианта «стенохории»: абсолютный, когда имеющиеся земельные ресурсы

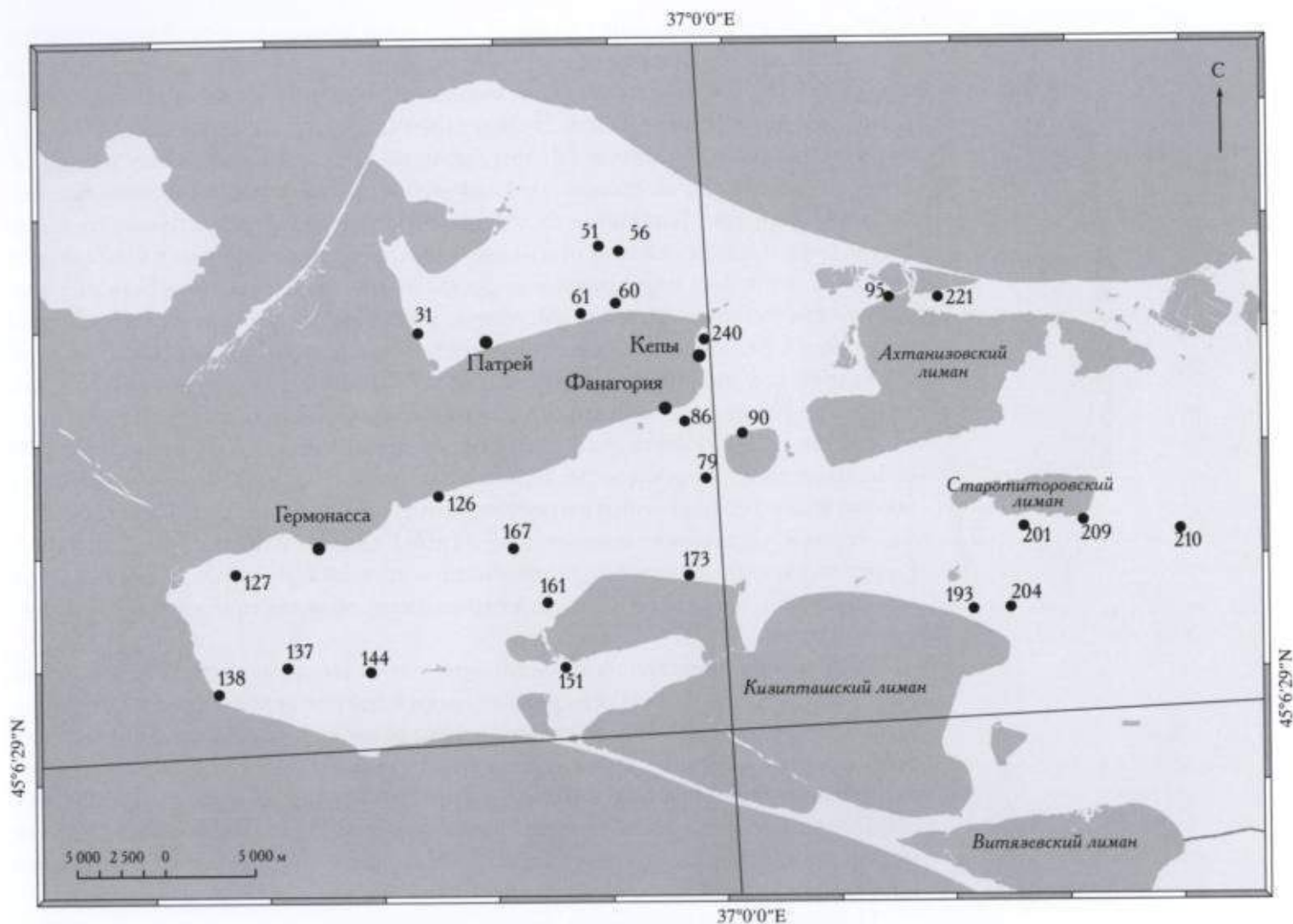

Рис. 1. Города и сельские поселения Таманского полуострова в конце VI — начале V в. до н.э. (нумерация памятников по: Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. М., 1993. № 2)

оказываются недостаточными для того, чтобы прокормить население, и относительный, когда земля оказывается сконцентрированной в руках узкого слоя, приводя к обезземеливанию значительных групп граждан, прежде всего низов общества. На определенном этапе обе теории перестали удовлетворять исследователей, и вскоре появились компромиссные точки зрения, например, гипотеза о причинах колонизации как следствия поисков сырья для метрополии⁵. В настоящее время большинство специалистов полагает, что решение вопроса лежит в анализе ситуации в каждом конкретном районе колонизации.

Представляется, что для решения проблемы о причинах и движущих силах греческой колонизации следует прежде всего обратиться не к политической, экономической и демографической обстановке в колонизируемой зоне, а к той ситуации, которая сложилась в метрополии накануне выведения апойкии и которая вынудила часть ее жителей покинуть родину. Как можно, например, говорить о выведении данной апойкии с торговыми целями, если не выяснены роль и значение торговли в экономике метрополии? Вряд ли можно сомневаться в том, что целью переселения части жителей метрополии было стремление решить внутренние проблемы за счет уменьшения числа граждан⁶.

Основание новой колонии (апойкии) было сложным и трудным предприятием⁷. Прежде всего, необходимо было решение коллектива граждан о необходимости этой меры как жизненно важной для всего полиса. После этого

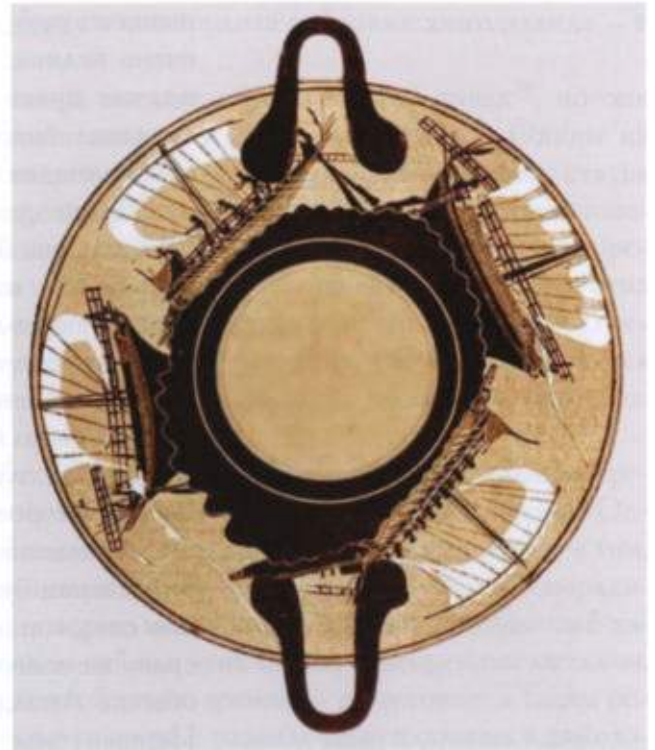
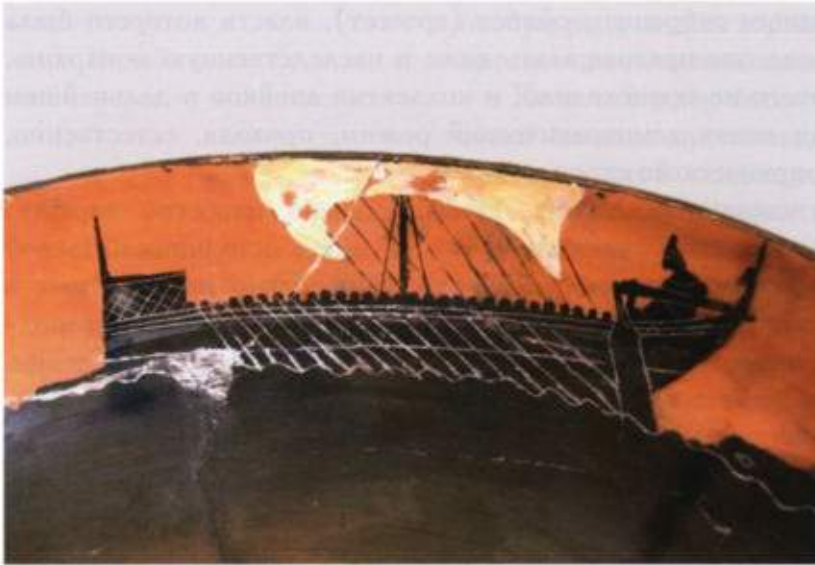

Рис. 2, 3. Изображения боевых и торговых кораблей позднеархаического-раннеклассического времени («Килик кораблей»)

нужно было получить совет и «благословение» оракула. Греки Балканского полуострова обычно обращались к оракулу Аполлона в Дельфах; малоазийские же, как правило, к оракулу того же самого Аполлона, но в святилище в Дидимах (неподалеку от Милета). Решение народного собрания определяло, кто именно из граждан должен был переселиться за море. Киренская «Надпись основателей», например, говорит об одном сыне от каждого домохозяйства. Также оговаривались условия взаимоотношений между метрополией и колонией, те обстоятельства, которые могут заставить апойков вернуться на родину.

На нескольких кораблях с грузом припасов, инструментами и другим имуществом колонисты начинали свое путешествие. Обычно ими руководил

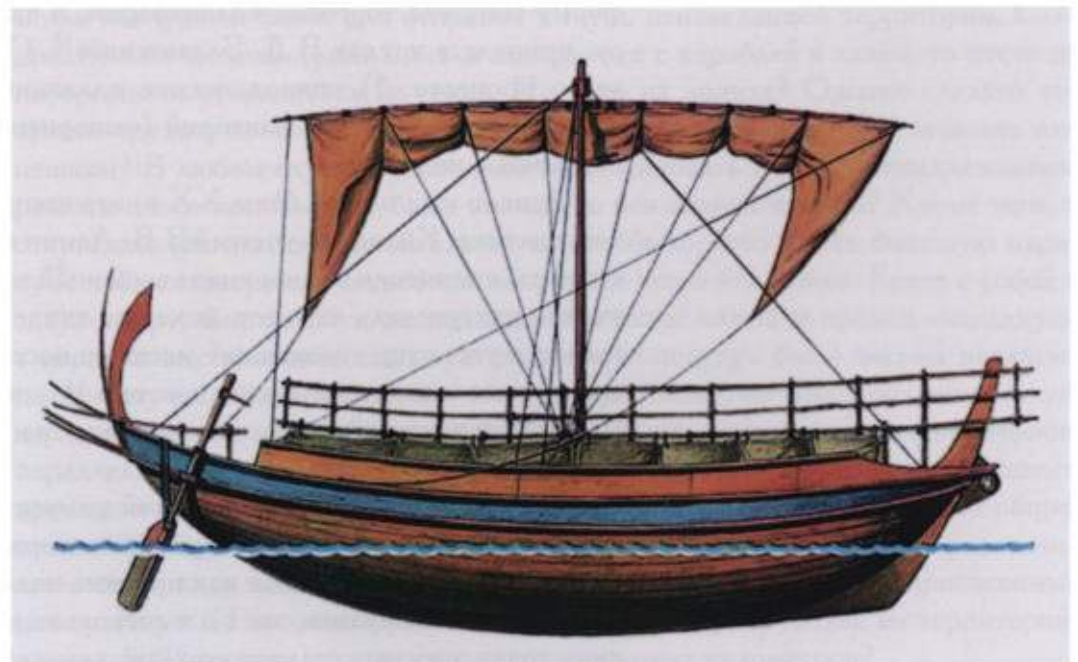

Рис. 4. Реконструкция греческого торгового корабля из Кирены классической эпохи

назначенный народным собранием ойкист (археет), власть которого была очень велика. Иногда она превращалась даже в наследственную монархию, но, как правило, этого не происходило, и коллектив апойков в дальнейшем создавал более или менее демократический режим, проходя, естественно, сквозь стадию олигархического строя.

Место для основания поселения, конечно, было известно заранее. Оно должно было обладать плодородной землей, иметь источники питьевой воды и, по возможности, естественные укрытия, особенно необходимые в первый период жизни на новом месте, когда еще не были возведены городские укрепления. Особое значение приобретал вопрос о местном населении. Иногда грекам приходилось с оружием в руках отвоевывать территорию, контролируемую местными племенами, или — вступать в переговоры. Самым же идеальным случаем было отсутствие (или малочисленность) населения на том месте, которое они выбрали для своего города.

Основание колонии означало, прежде всего, определение границ, раздел территории будущего города и его хоры на равные участки (клеры), выделение специальных мест для святилищ и общественных зданий. Как правило, сразу же возводился алтарь, хотя бы самого примитивного вида, посвященный обычно Аполлону, как главному покровителю самого процесса колонизации. Первые годы существования колонии были трудными, и жители некоторых из них покидали новое место обитания, возвращаясь на родину, либо находили более подходящую территорию в том же регионе.

Проблемы колонизации греками северного побережья Черного моря, включая и Азиатский Боспор, стали предметом исследования российских ученых еще в XIX в. Особой популярностью пользовалась концепция С.А. Жебелева, который в значительной мере основывался на идее о торговле как главной причине колонизации⁸. Его точка зрения была принята целым рядом исследователей, в частности, Д.П. Каллистовым⁹ и В.Ф. Гайдукевичем¹⁰. В рамках этой концепции А.А. Иессен особо развивал тезис о «двустороннем» характере колонизации, подчеркивая заинтересованность местного населения в появлении греческих колонистов и торговом обмене с ними¹¹. Завершенную форму гипотеза торговой колонизации, в частности, в применении к Боспору, приняла в трудах В.Д. Блаватского¹². Он выделял три этапа в развитии этого процесса: 1) эпизодические плавания греческих торговых кораблей, 2) основание торговых факторий (эмпориев), 3) трансформация эмпориев в подлинны полисы.

Однако уже в 60-е годы XX в. эта концепция была подвергнута серьезной критике. Киевский ученый В.В. Лапин категорически отвергал торговые стимулы и всячески подчеркивал аграрный характер колонизации. Он, в частности, утверждал, что нет никаких свидетельств, говорящих о вселении греков в уже существовавшие местные населенные пункты¹³. В дальнейшем многие исследователи пришли к выводу, что греческие колонии в районе Боспора Киммерийского основывались на практически незаселенных территориях.

Дискуссии о характере греческой колонизации Северного Причерноморья в последние годы приобрели еще один совершенно неожиданный поворот. Казалось, что идеи о торговле как причине колонизации полностью ушли в прошлое, но они вернулись, хотя и в несколько неожиданной форме. Мы имеем в виду точку зрения, согласно которой для греков из причерноморских апойкий

особую роль играли торговые связи с отдаленными районами хинтерланда — с местным населением лесостепи.

Хотя эти идеи были высказаны несколько десятилетий назад¹⁴, но они стали активно пропагандироваться именно в последнее время¹⁵. Одним из примеров этой тенденции в современной историографии является статья А.С. Русяевой, которая посвящена причинам первоначального проникновения эллинов в лесостепные районы, удаленные на сотни километров от морского побережья, и возможности непосредственного пребывания греков в этих областях¹⁶. Автор опирается в своих выводах, прежде всего, на находки греческой керамики. Особым аргументом в этой концепции Русяевой является факт находки керамики из Березани и Лесостепи, которую она датирует второй четвертью VII в. до н.э.

Эта датировка позволяет ей говорить о доколониционных плаваниях греков в Северное Причерноморье и проникновении их в глубь территории. Однако поскольку количество этой посуды невелико, Русяева делает вывод о том, что речь идет не о торговом обмене между эллинами и варварами, а о «спорадических визитах (или визите?)», которые могли носить только разведочный характер и были вызваны стремлением найти в этих местах драгоценные металлы. При этом она следует и традиционной точке зрения — о торговле: «Таким образом, — пишет она, — три главные причины: разведочные плавания в доколониционный период в поисках драгоценных металлов; рациональное целенаправленное изучение лесостепной зоны, как с целью ее возможной колонизации, так и установления торгового обмена с ее обитателями, проведение торговых операций с земледельческо-скотоводческими племенами во время расширенной колонизации Северного Причерноморья и значительным увеличением в этом регионе греческого населения — тесно взаимосвязаны между собой»¹⁷.

Главная задача Русяевой — нарисовать максимально грандиозную картину освоения греками широких пространств, весьма удаленных от их родины. Исследовательница, увлеченная масштабными выводами, не задумывается над вопросами, которые могут легко опровергнуть все ее абстрактные рассуждения. Например: каким образом греческие «разведчики» могли проникнуть в места, отстоящие от морского побережья на многие сотни километров? Ведь в доколониционный период здесь еще не было греческих апойкий, которые могли послужить базой для отправки в глубь неизведанной территории. Следовательно, эллины должны были высадиться с кораблей в каком-то месте на побережье и отправиться на север. По реке на лодках? Однако сделать это крайне трудно, поскольку надо было плыть против течения¹⁸. На лошадях или пешком? В любом случае необходимо было миновать земли, принадлежавшие разным племенам. Как это было возможно без знания языков? Кроме того, в отсутствие централизованной власти нужно было либо иметь большую охрану¹⁹, либо договориться о свободном проходе через эти земли. Брать с собой в такую смертельно опасную экспедицию в качестве платы за проход «парадную, а нередко высокохудожественную расписную посуду» было весьма неразумно. К тому же убеждение в том, что туземцы были счастливы получить такую керамику, может не совпадать с мнением самих туземцев. Этнографические параллели торговых экспедиций в Африке показывают, что стоимость такого прохода в течение всего лишь нескольких дней составляет 20–25% от общей стоимости всего перевозимого груза²⁰. В таком случае у греческих «разведчиков» через пару недель должны были закончиться все товары, припасенные для туземцев. И что могла разведать крошечная группа людей на территории, измеряемой многими десятками тысяч квадратных километров?

Если же перейти к более принципиальным вопросам, то можно ли утверждать, что метрополия (Милет или какая-либо другая) строила стратегические планы по освоению территорий, весьма удаленных не только от нее самой, но и от морского побережья? К тому же метрополия выводила колонии по внутренним причинам, и она не была империей, озабоченной захватами территорий, организацией экспедиций по поискам месторождений драгоценных металлов, сырья и т.п. Для таких выводов нет никаких оснований.

Для исследования истории греческой колонизации Азиатского Боспора необходимо рассмотреть свидетельства письменной традиции и археологии о времени создания апойкии и их метрополий²¹. Это позволит понять те причины, которые способствовали переселению греков конкретной метрополии на самую окраину античного мира и обстоятельства, в рамках которых она происходила. Следующим шагом должен стать анализ ситуации на территории, ставшей объектом колонизации.

К числу самых первых апойкии на азиатской стороне Керченского пролива относятся: Кепы («Сады») и Гермонасса. Кепы, как апойкия милетян, упоминаются в Перипле Псевдо-Скилака (Ps.-Scyl. 72). Та же информация содержится у Псевдо-Скимна (V, 896) и Плиния (Nat. Hist. VI, 18). О Гермонассе сохранилась противоречивая информация: у Стефана Византийского (s.v. Ἐρμόνασσα) говорится о полисе на Киммерийском Боспоре как об ионийской апойкии, со ссылкой на Дионисия Периегета и Псевдо-Скимна. Кроме того, у Евстафия (Eustath. 549) сообщается, что ойкистом Гермонассы был некто Гермон и что она была колонизована ионийцами. Этим свидетельствам противоречит сообщение Арриана (Arr. Byzth. fr. 55 Roos): «Гермонасса получила свое имя от Гермонассы, жены некоего Семандра Митиленца. После того как он вывел в колонию некоторых эолийцев и при заселении умер, его жена получила в городе власть и дала ему свое имя». Эти разногласия источников обычно стараются примирить, предполагая, что в мощный поток ионийской колонизации влились и некоторые представители эолийского населения, ссылаясь на некоторые эпиграфические подтверждения²².

Время основания указанных поселений определяется на основании расписной керамики, в первую очередь ионийской, которая является доминирующей в первой половине VI в. до н.э.²³ Наиболее вероятной является дата около 570 г. до н.э. Однако эта керамика встречена не только на этих двух памятниках. Она также присутствует на некрополе неизвестного поселения у мыса Тузла, сейчас полностью разрушенного морем²⁴.

Горгипсия и Патрей были основаны не позднее середины VI в. до н.э.²⁵ Этот список первых апойкии не может считаться исчерпывающим, так как далеко не все греческие поселения этого региона изучены, а некоторые даже и не найдены. Например, на одном из поселений в районе Анапы найден был фрагмент ионийского килика с изображением птицы, который датируется временем не позднее начала VI в. до н.э.²⁶ Однако ничего более конкретно об этом памятнике сказать нельзя, поскольку он до сих пор остается неисследованным.

Таким образом, первый этап освоения греками территории Азиатского Боспора относится ко времени около 570 г., и колонисты прибывают сюда из Ионии, главным центром которой являлся Милет. В связи с этим необходимо, однако, отметить два обстоятельства. Во-первых, следует иметь в виду, что первым апойкиям на азиатской стороне Боспора Киммерийского предшествовало поселение на территории Таганрога (сейчас затоплено морем), которое

было основано во второй половине VII в. до н.э.²⁷. Показательно что греки должны были проплыть мимо берегов Керченского пролива, чтобы основать апойкию на северном берегу Азовского моря. Видимо, именно благодаря населению этого пункта греки Ионии получили некоторые сведения о ситуации в районе Боспора Киммерийского. Во-вторых, ситуация на европейском берегу Боспора принципиально ничем не отличается от того, что происходило на азиатском. В этот же период там были основаны Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Феодосия²⁸. Апойкии, об основании которых сохранились сведения в античных источниках, являлись поселениями ионийцев.

Второй этап колонизации Тамани и прилегающих территорий выявляется значительно более четко. По свидетельству Евстафия (Eustath. Comm. ad Dion. 549), Арриан сообщает, что Фанагория была основана Фанагором Теосским, бежавшим от насилия персов. Сейчас общепринятым является мнение о 540-х годах до н.э., как времени основания Фанагории²⁹. Примерно в это же время был основан и Торик³⁰. Обстоятельства, приведшие ко второй волне колонизации, известны достаточно хорошо — это персидское завоевание западного побережья Малой Азии и подчинение местных греческих полисов. Именно в силу этих причин выходцы из малоазийского города Теоса (возможно, через другую свою апойкию — Абдеру) основали Фанагорию³¹.

Для первого же этапа колонизации такой ясности нет, и необходимо выяснить — по какой же причине ионийские греки выводили свои апойкии в далекое Северное Причерноморье и, в частности, в Прикубанье? Для этого следует анализировать ситуацию, которая сложилась в Ионии в VII—VI вв. до н.э.³² В первой половине VII в. до н.э. начались первые столкновения Лидийского царства с малоазийскими греками. Как сообщает Геродот (1.14), основатель лидийской династии Мермнадов Гиг «выступил походом на Милет и Смирну и завоевал Колофон»³³. Преемник Гига, Ардис, продолжил эту политику. По словам историка (Herod. 1.15), Ардис «завоевал Приену и пошел войной на Милет». Согласно Геродоту (1.17), столкновения с Милетом происходили и при следующем лидийском царе — Садиятте. Его преемник Алиатт завоевал Смирну — колонию Колофона и пошел войной на Клазомены. Продолжал он войну и с Милетом, начатую еще его отцом. События этого противостояния описаны Геродотом довольно подробно. В частности, он сообщает о методах борьбы лидийского царя с греческим городом: «Выступив в поход, он действовал при осаде Милета так. Он начинал поход с войском против Милета в пору созревания хлеба на полях. Шел он под звуки свирелей, пектид, мужских и женских флейт. Прибыв в землю милетян, он не стал разрушать и сжигать дома на полях и взламывать двери, но оставлял в неприкосновенности. Только деревья он срубил и уничтожил хлеб на полях, а затем возвратился домой. Осаждать город было бесполезно, так как милетяне господствовали на море. Дома же лидийский царь не разрушал для того, чтобы милетяне могли, живя в них, оттуда снова засеять и вспахать свои поля и чтобы сам он, когда они вновь обработают землю, мог при следующем набеge опять опустошить их». Геродот сообщает там же, что в ходе войны с Алиаттом милетяне дважды потерпели большие поражения. У историка описывается весьма красочная история об обстоятельствах заключения мирного договора между Алиаттом и тираном Милета Фрасибулом (Herod. 1.18—22). К сожалению, Геродот менее подробен в описании взаимоотношений с греческими городами преемника Алиатта, Креза. Рассказывая о его царствовании, Геродот (1.26—27) отмечает, что этот лидийский царь напал по очереди «на всех ионян и эолийцев», покорил их и заставил платить дань.

Таким образом, общая картина происшедших событий кратко может быть восстановлена следующим образом. Длительная борьба Лидии с ионийскими городами, в первую очередь с Милетом, за земельные владения велась постоянно, принося ущерб малоазийским грекам³⁴. Для Милета в начале VI в. до н.э. она закончилась заключением вынужденного договора, который ограничивал его владения. Это и привело к внутреннему кризису в полисе, одним из методов выхода из которого стала эмиграция.

Такая констатация фактов вызывает у ряда исследователей возражения, поскольку в данном случае под эмиграцией они понимают выселение части жителей полиса специально с целью поисков плодородных земель, а также для обеспечения метрополии продовольствием. Например, А. Брессон считает ошибочным мнение о сокращении территории ионийских полисов в результате лидийского давления. Против этого, по его мнению, свидетельствует процветание малоазийских полисов, которое проявилось, в частности, в осуществлении грандиозных строительных проектов (Артемисий в Эфесе). Милет в это время, по словам Геродота (5.28), был «жемчужиной Ионии». По мнению французского исследователя, греков на северных берегах Черного моря интересовала торговля с племенами лесостепной зоны, показателем чего являются находки греческих вещей, главным образом керамики, на территориях, весьма удаленных от моря³⁵.

К началу освоения северного побережья Понта практически все свободные земли в Средиземноморье, на которых можно было основывать апойкии, были заняты³⁶. Если та или иная метрополия пыталась основать свою апойкию в местах, куда уже были выведены колонии или где проживали местные племена, то это часто приводило к затяжным военным конфликтам. Достаточно будет вспомнить первое основание Абдер под предводительством клазоменца Тимесия (Herod. 1.168) в середине VII в. до н.э. (около 654 г.), которое оказалось неудачным из-за агрессивных действий соседних фракийских племен³⁷. Второе основание Абдер теосцами также не было легким: переселенцам пришлось в течение нескольких десятилетий воевать с фракийским племенем пеонов (Pind. Paе. 2. 59–70), прежде чем они окончательно обосновались на выбранном ими месте³⁸. Поэтому освоение берегов негостеприимного Черного моря стало неизбежной необходимостью для тех колонистов, которые «опоздали» с переселением в более благоприятные местности. Кстати, основание апойкий в наиболее западной части Средиземного моря (южное побережье Франции и северо-восточное побережье Испании), несмотря, казалось бы, на более благоприятный по сравнению с Северным Причерноморьем климат, также было вынужденной мерой, так как этот регион был очень удален от метрополии³⁹.

Таким образом, нет достаточных оснований (в том числе и в виде археологических находок) в пользу активного интереса греков к северному побережью Понта до времени выведения сюда своих первых апойкий. В любом случае, следует считать малообоснованными попытки интерпретировать немногочисленные находки греческих вещей в хинтерланде как отражение продуманной и целенаправленной политики греческих полисов, стремящихся к планомерному освоению, если не к захвату, удаленных регионов ойкумены для эксплуатации их ресурсов и налаживания торговых связей. Нельзя не согласиться с мнением о том, что греческие торговые интересы вне самого греческого мира должны восприниматься с большой долей скептицизма⁴⁰. Упрощенный подход к изучению процесса освоения новых земель эллинами без попытки уяснить всю сложность и многогранность этого явления ведет к появлению легковесных, хотя понятных и внешне заманчивых предположений.

Причиной эмиграции греков со своей исторической родины было возникновение такой ситуации, когда тот уровень развития цивилизации, которого достигли ионийские города, заметно (если не резко) понизился. Это, конечно, не означает, что жители Ионии были полностью лишены земли и умирали от голода. Однако ущерб, нанесенный экономике Ионии, создал в ее полисах такое социальное напряжение, которое не могло быть снято лишь внутренними мероприятиями. Принципиальным решением возникшей проблемы становилось выселение части граждан за пределы родины.

В этой связи следует ответить на возражения ряда исследователей, которые считают, что экономика ионийских полисов практически не пострадала от войн с восточными деспотиями. Выше мы уже приводили мнение А. Брессона. Другой французский специалист П. Дюпон исходит в своих выводах из факта находки амфорной тары и расписной керамики из Ионии. Поскольку в Понт в течение архаического времени из Ионии поступала сельскохозяйственная продукция в амфорах, а малоазийские мастерские продолжали выпускать расписную керамику для экспорта, в том числе и на понтийский рынок, то о стенохории и нехватке продовольствия в Восточной Греции, по его мнению, говорить неправомерно. Отсюда Дюпон делает вывод о том, что колонизация стала следствием не аграрного и демографического кризиса, а результатом духа предпринимательства, поисками новых рынков⁴¹.

Казалось бы, представленный аргумент является вполне весомым для подкрепления идеи о торговой направленности колонизации вообще, и в Северное Причерноморье, в частности. Однако обращение лишь к археологическим материалам для масштабных выводов далеко не всегда выглядит убедительным. Выше приводился рассказ Геродота (I. 17) о разрушении лидийским царем Алиаттом хоры Милета. После этого описания историк добавляет: «Так вел войну лидийский царь одиннадцать лет подряд». Иначе говоря, в течение 11 лет сельская территория полиса подвергалась постоянному опустошению, что не могло не создать критическую ситуацию в государстве. Приведем в связи с этим еще один рассказ Геродота (IV. 151), о выводе апойкии из Феры в Ливию: «После этого бог семь лет не посылал дождя на Феру, и на острове засохли все деревья, кроме одного. Тогда ферейцы спросили об этом оракул, и Пифия вновь повелела выслать колонию (ἀποικίην) в Ливию». Никто из ученых не сомневается в том, что апойкия в Кирену (Ливия) была выведена с «аграрными» целями, т.е. для решения земельного кризиса⁴². Но если на Фере для вывода колонии было достаточно семи лет засухи, то почему разорение в течение 11 лет сельской территории в Милете не могло привести к созданию аналогичной ситуации? Производство оливкового масла в этом полисе играло особую роль, поскольку оливки были одной из трех важнейших сельскохозяйственных культур⁴³. Если принять во внимание, что срубленное оливковое дерево могло восстановить свою продуктивность через пять–восемь лет, а вновь посаженное начинало плодоносить через 12 лет⁴⁴, то становится ясным, что походами лидийских царей экономике Милета был нанесен тяжелейший удар, от которого она могла восстановиться не менее, чем через 15–20 лет. Поэтому есть все основания говорить о том, что причина выведения колоний — не только, а, может быть, и не столько значительная потеря земли ионийскими полисами, сколько тот экономический кризис, который привел к необходимости выселения части граждан в конкретный момент истории полиса. Если в течение VII — VI вв. до н.э. в Милете, ведущем перманентные войны с восточными деспотиями, такие ситуации возникали неоднократно, то это может объяснить причину выведения большого числа апойкий, которые Милету приписывает традиция⁴⁵.

Один из важных вопросов, связанных с освоением греческими переселенцами новых земель, связан и с рассмотрением их взаимоотношений с местным населением. Контакты эмигрантов с «варварскими» племенами в Средиземноморском бассейне могли быть либо мирными, либо военными или отсутствовали вообще, если земли оказывались незанятыми. Последний случай, однако, следует считать скорее исключением. Тем не менее многие специалисты полагают, что приморские районы Прикубанья в момент появления здесь эллинов не были заселены⁴⁶. Согласно распространенному в науке мнению, самыми западными из меотских племен были синды, но никаких археологических свидетельств их присутствия в зоне колонизации обнаружено не было⁴⁷. То же самое можно сказать и о собственно меотах⁴⁸. Местные догреческие населенные пункты не были найдены и на Керченском полуострове.

Таким образом, условия для колонизации на обоих берегах пролива были довольно благоприятными, хотя некоторые исследователи, не отвергая в целом положение о практически полном отсутствии местного населения в тех местах, где греки основывали свои города, ссылаются на фактор скифской угрозы. Так, Ю.А. Виноградов полагает, что предкавказские скифы «без особого труда могли установить контроль над проливом» (имеется в виду Керченский пролив — Г.К., В.К.)⁴⁹. Кроме того, опираясь на свидетельство Геродота (IV. 28), было высказано мнение, что скифская орда регулярно переправлялась через Керченский пролив в процессе сезонных перекочевок из причерноморских степей на зимние пастбища в Прикубанье⁵⁰.

Такого рода утверждения не могут быть приняты. Прежде всего, непонятно для чего скифам был нужен контроль над проливами. Скифское общество архаической эпохи совсем не напоминает Британскую империю времени ее расцвета, когда краеугольным камнем ее стратегии был контроль над проливами (Гибралтарским, Баб-эль-Мандебским, наконец, Суэцким каналом). Кочевникам-скифам контроль над проливом был совершенно не нужен, да и средств для его осуществления у них не имелось, ибо весьма трудно допустить существование у скифов боевых кораблей. Уязвима также и теория об их постоянных перекочевках. Климат Прикубанья не очень сильно отличается от климата Причерноморских степей, и отправляться за сотни километров для того, чтобы оказаться в аналогичных условиях, вряд ли было оправдано. Наконец, переправляться по льду Керченского пролива людям и скоту можно было только тогда, когда лед становится по-настоящему прочным, т.е. зимой. Перекочевка же в разгар зимы — весьма трудно осуществимое предприятие. Поэтому мы склонны поддержать мнение Ю.Г. Виноградова о том, что сообщение Геродота (IV. 28) следует трактовать как свидетельство походов скифов против синдов, но в значительно более позднее время, нежели в период основания греческих городов на берегах Керченского пролива⁵¹. Что касается идеи о скифской угрозе в период греческой колонизации, то появление скифов на северных берегах Черного моря примерно совпадает с началом основания греческих колоний на берегах Керченского пролива⁵². Следовательно, должно было пройти немало времени, чтобы скифы освоились на новой родине, одним из дальних «уголков» которой были территории у пролива.

Греческим переселенцам пришлось, однако, довольно быстро вступить в контакты с местными племенами, хотя до сих пор средиземноморские вещи практически неизвестны в Прикубанье для первой половины—середины VI в. до н.э. Возможно, что результаты таких непростых контактов прослеживаются в тех пожарах, следы которых фиксируются при раскопках наиболее ранних слоев греческих колоний азиатского Боспора. Факт наличия этих

пожаров учитывается исследователями при реконструкции первоначального периода истории апойкий⁵³. На азиатской стороне Боспора Киммерийского следы сильного пожара прослежены в Кепях, — событие, которое датируется третьей четвертью VI в. до н.э.⁵⁴ Он зафиксирован на большой площади, что дает основание предполагать, что речь идет скорее о вражеском нападении на недавно основанное поселение, чем о бытовом пожаре⁵⁵.

В связи с этим возникает вопрос о том, имели ли греческие колонии с самого начала своего пребывания на Боспоре оборонительные сооружения? Обычно исследователи отвечают на него отрицательно, обосновывая это отсутствием при раскопках городских укреплений⁵⁶. Однако находки последних лет в Мирмекии и Порфмии дают основание специалистам считать, что апойкии должны были иметь укрепления уже с момента основания поселений⁵⁷. Действительно, трудно себе представить, чтобы переселенцы были настолько беспечны и беспомощны и не строили стены из сырцовых кирпичей вокруг своих первоначально небольших поселений⁵⁸. Редкость находок остатков стен при проведении раскопок объясняется, прежде всего, крайне плохой сохранностью наиболее древних слоев. Так, в Кепях слои периода основания города были практически полностью уничтожены в более позднее время. Кроме того, нельзя не учитывать и плохую изученность поселений⁵⁹. Периферия раннего поселения Фанагории, где можно ожидать находки остатков оборонительных сооружений, никогда не исследовалась. Еще более сложная ситуация в Гермонассе, мощный культурный слой которой требует огромных усилий для достижения напластований архаического времени. За все время археологических исследований на этом городище вскрыт лишь очень небольшой участок первоначального этапа жизни апойкии⁶⁰. Следует отметить, что наличие или отсутствие оборонительных сооружений в этом городе часто используется в качестве одного из критериев политического статуса греческих колоний, хотя не все ученые с этим согласны⁶¹.

Интерес к проблеме греко-варварских взаимоотношений в районах колонизации в научной литературе не иссякает. До недавнего времени господствующим был совершенно определенный взгляд на контакты между эллинами и местными племенами. Считалось, что соприкосновение с эллинской культурой, как более высокой и привлекательной, автоматически вызывало неистребимое желание местных варварских племен приобщиться к ней, перенять ее достижения. Основная мысль исследований истории контактов греков и варваров сводилась лишь к определению степени влияния греческой культуры на аборигенов⁶², что даже нашло отражение в специальном термине, который широко использовался и используется исследователями, — «эллинизация»⁶³. Малейшее проявление греческого влияния в культуре местного населения давало и дает защитникам этой позиции возможность говорить об «эллинизации варваров». После основания греческих колоний местное население будто бы стремилось как можно быстрее установить тесные отношения с переселенцами, чтобы получать материальные блага в виде различных статей греческого импорта.

Один из специалистов, посвятивших свою работу взаимоотношениям греков и варваров в Северном Причерноморье, так выразил эту идею: «При всей своей идиосинкразии ко всему чуждому скифы и другие варвары не могли не поддаться обаянию гораздо более высокой и столь непохожей на их собственную греческой культуры»⁶⁴. По мнению Л.В. Копейкиной, «Березань служила своеобразным магнитом, который как бы стягивал к себе местное население из глубинных районов материка»⁶⁵. Еще более категоричными выглядят выводы К.К. Марченко, сделанные на основе анализа лепной

керамики, о том, что фракийцы специально переселялись за многие сотни километров в Нижнее Побужье ради торговли с жителями Березани⁶⁶. Для подтверждения тезиса об особой притягательности эллинской культуры для местного населения используются не только общеисторические рассуждения и археологические материалы, но и сведения античных источников. Основываясь на рассказе Геродота о Скиле (IV. 78–80), Ю.В. Андреев считает, что текст демонстрирует «в одно и то же время и тяготение степняков к соблазнам греческой цивилизации, и их отталкивание от нее». И далее: «...учитывая весьма значительный разрыв в уровнях культурного развития и большую открытость греческой культуры, все же приходится признать, что именно греки выступали в этих контактах в роли активных культуртрегеров и доноров»⁶⁷.

Вряд ли есть необходимость и дальше приводить работы, написанные в том же ключе. Правильнее будет задать вопрос — однозначно ли проходил процесс взаимодействия эллинской и многочисленных «варварских» культур на огромных пространствах Средиземноморья и Причерноморья? В последнее время, особенно начиная с 1980-х годов, в научной литературе высказывается неудовлетворенность традиционным подходом к проблеме греко-варварских взаимоотношений и самим употреблением термина «эллинизация». Это объясняется прежде всего тем, что в научный оборот поступают все новые факты, вступающие в противоречие с привычным взглядом на эту проблему. Так, М. Дитлер пишет, что в течение многих лет термин «эллинизация» служил для объяснения «внедрения греческой культуры» в «варварские» общества, хотя сам процесс был естественным и неизбежным. Соответственно, целью многих исследований было объяснение поступательного прогресса в процессе подготовительного этапа перед последующей романизацией варваров. Однако теперь предпринимаются попытки оценить культурные заимствования как активный, избирательный процесс со стороны местных племен, понять сложность взаимоотношений между культурами⁶⁸. Совершенно очевидно, что нельзя современное восхищение греческой культурой, зародившееся в романтической гуманистической традиции Ренессанса, переносить в глубокую древность и приписывать такое же отношение древним «варварам»⁶⁹. Одним из первых, кто поставил этот вопрос, был французский ученый Ж.-П. Морель⁷⁰. Известный английский археолог и искусствовед Д. Бордман справедливо отметил, что жизнь скифов мы видим глазами греков, тогда как их поселения и погребения свидетельствуют о невосприимчивости этими племенами средиземноморского образа жизни⁷¹.

Нам представляется, что продолжение исследований проблемы греко-варварских взаимоотношений в традиционном русле теории «поступательной эллинизации» ойкумены малоперспективно. Трудно не согласиться со словами А. Аврама о том, что греческие переселенцы не были своего рода христианскими миссионерами, которые открывали истину «диким варварам»⁷².

Одна из важных проблем политического статуса греческих апойкий связана с ответом на следующие вопросы: были ли вновь основанные апойкии полисами, независимыми государствами, или они в той или иной степени были зависимы от своей метрополии? Каким образом можно определить их статус? На эти вопросы пытались ответить многие специалисты. В последнее время такие попытки предпринимались учеными Копенгагенского центра по изучению греческого полиса. Они предложили установить критерии, которые могут определить полисный статус конкретного поселения: наличие общественных зданий (например пританей, булеверий), оборонительных укреплений, чеканки монет и т.д.⁷³ Один из важнейших выводов исследований этого

центра состоял в том, что данные археологии не могут помочь в решении вопроса о политической организации того или иного поселения времени ранее середины VI в. до н.э.⁷⁴ Крайняя немногочисленность письменных античных свидетельств также не может помочь в решении этого вопроса. Иначе говоря, необходимо решить следующую дилемму — либо основанные вдали от родины апойкии изначально имели полисный статус, либо они им не обладали и были зависимыми от метрополии поселениями (например, эмпории), приобретая полисный статус в процессе так называемого «становления полиса»⁷⁵.

Многие ученые согласны в том, что основываемые по всему Средиземноморскому бассейну апойкии изначально были полисами, поскольку иной формы политического устройства эллины не знали⁷⁶. Очевидно, что греческая колонизация способствовала развитию и усовершенствованию этой политической формы⁷⁷. К VI в. до н.э. процесс формирования полиса закончился и поэтому можно с уверенностью считать, что ранние греческие апойкии на Боспоре были полисами, т.е. общинами граждан-землевладельцев. Основой экономики боспорских городов было сельское хозяйство, что являлось нормой и для подавляющего большинства эллинских полисов⁷⁸. В частности, на Таманском полуострове для этого были все необходимые природные условия. Здесь, еще в архаическое время, появилось большое количество сельских поселений, которые обеспечивали переселенцев разнообразными продуктами. Не случайно мы имеем письменные свидетельства античных авторов о том, что уже в начале V в. до н.э. существовала транспортировка хлеба из Понта в Средиземноморье (Herod. 7.146). Несколько позднее хлеб становится важнейшей статьей экспорта Боспора⁷⁹. К сожалению, сельская территория Азиатского Боспора крайне плохо изучена⁸⁰. Однако можно с уверенностью говорить о том, что боспорские греки производили основную массу необходимой сельскохозяйственной продукции. Исключение составляла лишь продукция, которая не могла быть выращена в Причерноморье. Именно поэтому в экономике Боспора важное место занимала торговля. Местные греки должны были для продолжения привычного образа жизни импортировать не только вино, оливковое масло и некоторые другие виды сельскохозяйственной продукции, но и ремесленные и другие товары (ткани, ковры, ювелирные украшения, столовую посуду и др.). Раскопки в Фанагории показывают, что уже на самом раннем этапе жизни города в нем работали ремесленники. Здесь были найдены мастерская коропласта, бронзолитейные мастерские, в одной из которых была отлита бронзовая статуя в полный человеческий рост, а также следы ремесленного производства в виде шлаков, льячек, форм для отливки украшений, заготовок из бронзы и т.д.

Весьма сложен вопрос о том, каков был архитектурный облик апойкий, их планировка, общественные здания и жилые дома? Пример Мегары Гиблейской — греческой колонии в Сицилии, территория которой была распланирована еще до начала строительства, дает основание предполагать, что такая практика могла быть характерна и для других колоний⁸¹. Следует учитывать, что регулярную планировку обычно связывают именно с процессом колонизации, когда равенство переселенцев проявлялось в равнозначности размеров участков земли, выделяемых для строительства. К сожалению, в большинстве случаев доказательство обязательности регулярной планировки в апойкиях отсутствует из-за плохой сохранности ранних слоев. В специализированной научной литературе принято считать, что первые колониальные города делились на два типа — построенные хаотично и по регулярному плану⁸². В отношении городов Азиатского Боспора это положение остается во многом

теоретическим. Дело в том, что архаические слои подавляющего большинства поселений этого региона остаются неизученными. На сегодняшний день наиболее исследованной в этом отношении является Фанагория. Раскопки слоев архаического времени были проведены здесь на довольно большой площади — более чем 1000 м². К сожалению, в значительной своей части слой времени основания города (середина VI в. до н.э.) был уничтожен более поздними строительными работами, но в некоторых местах были обнаружены остатки нижних частей наземных зданий из сырцовых кирпичей в виде фрагментов стен, несколько заглубленных в грунт (на один—три кирпича), либо (полу)подвалы. Для последней четверти этого же столетия раскопано полтора десятка жилых домов. Все эти здания VI в. до н.э. имеют одинаковую ориентацию с северо-запада на юго-восток, что дает основание полагать, что Фанагория либо сразу, либо вскоре после своего основания была построена по единому плану. Во всяком случае, это относится к историческому ядру города, находившемуся на краю верхнего плато. На протяжении всей истории жизни города ориентация кварталов на этом месте кардинально не менялась. Следует иметь в виду, что не обязательно эта планировка должна была быть регулярной на всей площади поселения: направления улиц и кварталов могли не совпадать в различных частях города, что было связано и с особенностями рельефа местности. Такая практика была довольно распространенной⁸³. К сожалению, неизвестно, какую площадь занимали апойкии, в том числе Фанагория⁸⁴, на первоначальном этапе своего существования. Однако можно думать, что с самого начала вся территория апойкии была разделена на общественную и жилую зоны⁸⁵. В первой находились культовые сооружения, площади и улицы. Раскопки в Фанагории показали, что жилые дома были сблокированы в кварталы, разделенные улицами.

Практика основания колоний в различных частях греческой ойкумены свидетельствует о том, что переселенцы строили новые города в соответствии со строительными принципами своей родины. Например, характерные особенности строительной техники в фокейской Элее и теосской Абдере, которые были выведены одновременно и по одной и той же причине, переносились из метрополий⁸⁶. Возможно, что таким же образом обстояло дело и в Фанагории, основанной вместе с Абдерой. Несмотря на очевидность этого факта, в научной литературе по археологии Северного Причерноморья широко распространено мнение о том, что на первоначальном этапе своего развития греческие переселенцы жили не в обычных для себя домах, а в заглубленных в грунт землянках и полуземлянках⁸⁷. Причину этого видят в особенностях климатических условий Северного Причерноморья, неразвитости экономической базы и отсутствии производственных возможностей и т.д., что и приводило к заимствованию идеи строительства землянок у местного населения⁸⁸.

Конечно, такие объяснения не выдерживают научной критики. Адаптация эллинов к местным условиям⁸⁹ и заимствование ими местных строительных традиций является своего рода эвфемизмом для обозначения простой, в сущности, мысли о том, что греки научились у местного населения выкапывать в земле ямы, которые не имели стен и нормальной крыши, и жили в них⁹⁰. Умозрительные рассуждения об экономической неразвитости апойкии не подкрепляются никакими научными фактами. Более того, археологические исследования показывают, что с самого начала своего существования в греческих колониях функционировали разнообразные ремесленные мастерские, работали мастера различных профессий. И это естественно: ведь в апойкии переселились люди, которые занимались всеми этими ремеслами на своей родине. Куда

могла исчезнуть квалификация мастеров, которые строили дома, работали по дереву, металлу или глине в Милете, Теосе и других ионийских городах, а затем переселились на берега северного Понта? Что же касается сурового климата, то вряд ли можно думать, что в выкопанной в земле яме без стен и с тростниковой крышей⁹¹ первым переселенцам было теплее и комфортнее, чем в доме, построенном из сырцовых кирпичей⁹². Ведь спустя короткий промежуток времени эти же люди и в том же климате жили в наземных домах греческого типа.

Идея о том, что греки-переселенцы жили в землянках, находит свое объяснение только в одном факте — находках заглубленных в грунт (как правило, в материк) округлых и прямоугольных конструкций. Многие исследователи полагают, что фиксация таких углублений при отсутствии наземных домов является достаточным основанием рассматривать их как жилье греков-переселенцев. Когда гипотеза о землянках только получала свое распространение, уже тогда многие специалисты сомневались в возможности считать эти конструкции жилыми⁹³. Следует обратить внимание на следующий существенный момент: на датировку слоя, который лежит поверх всех этих конструкций-землянок. Как правило, он относится к более позднему времени по сравнению с углубленными в грунт конструкциями. Другими словами, между слоем на материке и объектами, заглубленными в него, существует определенный хронологический hiatus. Именно к этому времени и принадлежал слой, уничтоженный позднее. Соответственно, в этом слое находились и жилые дома первопоселенцев. Поэтому из-за плохой сохранности наиболее ранних слоев эллинских колоний, не только на Понте (об этом пишут почти все специалисты⁹⁴), ожидать массовых находок наземных домов не приходится. Однако остатки домов типично ионийского типа постоянно обнаруживаются при исследовании боспорских городов. Для Азиатского Боспора — это находки в Фанагории, Кехах, Патрее⁹⁵.

Таковы основные проблемы, связанные с изучением греческой колонизации Боспора, в том числе и азиатской его части.

¹ *Vinper P.O.* История Греции в классическую эпоху. М., 1918. С. 87.

² Первые исследования по этой проблеме относятся еще к середине XVIII в.

³ Эти концепции в законченном виде сформировались в конце XIX в., во время становления социально-экономического подхода к исследованию античности. Э. Мейер выступал сторонником торговой теории (*Meyer E.* Geschichte des Alterthums. Stuttgart, 1893. Bd. II. S. 433—484), а Ю. Белох (*Beloch K.J.* Griechische Geschichte. Strassburg, 1912 (первое издание — 1893), S. 229—233) и П. Гиро (*Giraud P.* La propriété foncière en Grèce jusqu' à la conquête romaine. Paris, 1893) — аграрной.

⁴ Обзор литературы до 80-х годов прошлого века см.: *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII — III вв. до н.э.: По данным эпиграфических источников. М., 1982. С. 4—46.

⁵ См. например: *Трейстер М.Ю.* Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации // ВДИ, 1988, № 1.

⁶ Ср.: *Greco E.* Greek Colonisation in Southern Italy: A Methodological Essay //

Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Boston; Leiden, 2006. Vol. 1 / Ed. by G.R.Tsetskhladze. P. 169.

⁷ См.: *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. München, 1926. B. II. S. 1264—1279.

⁸ *Жебелев С.А.* Возникновение Боспорского государства // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 10. С. 799—820. Перевод: Он же. Северное Причерноморье. М.:Л., 1953. С. 48—73.

⁹ *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.

¹⁰ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.:Л., 1949.

¹¹ *Иессен А.А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.

¹² *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 7—44.

¹³ *Лапин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.

¹⁴ *Доманский Я.В.* Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья // АСГЭ. 1970. Вып. 12. С. 52 и сл.

¹⁵ *Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху: Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 148 и сл.; *Русяева А., Одрин А.* Торговые и культурные приоритеты Милета в Северном Причерноморье в VI в. до н.э. // БФ. 2001. Ч. 2. С. 47—48; *Бандуровский А.В.* К вопросу о торгово-обменных связях лесостепных племен Днепро-Донецкого междуречья с античными городами Северного Причерноморья // БФ. 2001. Ч. 2. С. 16; *Вахтина М.Ю.* Греческая столовая керамика VI в. до н.э. из раскопок Немировского городища в Побужье // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: память Ю.В. Андреева. СПб, 2000. С. 209.

¹⁶ *Русяева А.С.* Проникновение эллинов на территорию украинской лесостепи в архаическое время: (К постановке проблемы) // ВДИ. 1999. № 4. С. 84—97.

¹⁷ Не менее традиционен и общий вывод А.С. Русяевой: «С увеличением греческих изделий в Лесостепи началась постепенная эллинизация быта его населения. Греческая посуда, в том числе расписная, бронзовая с рельефными украшениями и

- более дорогая из золота и серебра, поскольку ее количество и ассортимент со временем возрастали, нравилась многим туземцам, способствовала развитию эстетических взглядов в их среде. Они ценили эти сосуды, используя их не только в быту, но и в культовых, а также погребальных обрядах...» (С. 94). Появление в быту туземцев греческих вещей имело «важное значение в развитии общей культуры местного населения, вырабатывали в его мировоззрении стремление к улучшению образа жизни, позволяли глубже познакомиться с более цивилизованным миром, вследствие чего возникала тяга ближе соседствовать с античными городами» (С. 95).
- ¹⁸ Dieller M. Greeks, Etruscans, and Thirsty Barbarians: Early Iron Age Interaction in the Rhône Basin of France // Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology / Ed. by T.C. Champion. London, 1989. P. 131.
- ¹⁹ Arafat K., Morgan C. Athens, Etruria and the Heuneburg: mutual misconceptions in the study of Greek-barbarian relations // Classical Greece: ancient histories and modern archaeologies / Ed. by I. Morris. Camb., 1994. P. 127.
- ²⁰ Dieller M. Greeks, Etruscans, and Thirsty Barbarians... P. 132.
- ²¹ См.: Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992; Koshelenko G.A., Kuznetsov V.D. Greek Colonisation of the Bosphorus // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. by G.R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998.
- ²² Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция: Становление и развитие полиса. М., 1983. Т. 1. С. 371–373.
- ²³ См.: Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 31–37; Он же. Кепы: ионийская керамика // СА. 1991. № 4. С. 36–52.
- ²⁴ Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957.
- ²⁵ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 11–34. Предварительное мнение о времени возникновения Патрея можно составить на основе небольшого количества фрагментов керамики второй четверти—середины VI в. до н.э. (см.: Абрамов А.П. Патрейское городище // Патрей: Материалы исследования. М., 2005. Вып. 2. С. 28–31; Он же. Западная граница Патрейского городища // ДБ. М., 2000. № 3. С. 7).
- ²⁶ Харалдина З.Е., Новичихин А.М. Античные коллекции Анапского музея // ВДИ. 1994. № 2. С. 200.
- ²⁷ Копылов В.П. Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII–VI вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском, VII–I вв. до н.э. СПб, 2006. С. 80–88.
- ²⁸ Относительно Пантикапея Страбон (Strab. VII, 4,4) и Плиний (Nat. Hist. IV, 87) говорят, что он был основан милетянами. Что касается Феодосии, то Перипл Арриана (30) указывает, что это — древний город, основанный ионянами.
- ²⁹ Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация... С. 19.
- ³⁰ Находки из Торика, представленные в книге Н.А. Онайко, не дают оснований, вслед за автором, датировать основание поселения первой половиной VI в. до н.э. (Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 116, 120).
- ³¹ Подробнее см.: Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. № 4. С. 227–236.
- ³² См.: Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация... С. 21–25.
- ³³ Все переводы из Геродота выполнены Г.А.Стратановский. Хронология правления лидийских царей остается крайне запутанной (подробнее см.: Brill's New Pauly: Chronologies of the Ancient World: Names, Dates and Dynasties / Ed. by W. Eder and J. Renger. Leiden; Boston, 2007. P. 86–90).
- ³⁴ См.: Greaves A.M. Miletos. A History. L.; N. Y., 2002. P. 107.
- ³⁵ Bresson A. La construction d'un espace d'approvisionnement: les sites égéennes et le grain de mer Noire // Une koinè pontique: Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.): Textes réunis par A. Bresson, A. Ivantchik et J.-L. Ferrary. Bordeaux, 2007. P. 52–53.
- ³⁶ Hodge A.T. Ancient Greek France. L., 1998. P. 8.
- ³⁷ Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987. P. 54–56; Isaac B. The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986.
- ³⁸ Graham A.J. Abdera and Teos // JHS. 1992. 112. P. 49–51.
- ³⁹ Hodge. Ancient Greek France... P. 8 ff.
- ⁴⁰ Arafat K., Morgan C. Athens, Etruria and the Heuneburg... P. 131.
- ⁴¹ Dupont P. Trafics méditerranéens archaïques: quelques aspects // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer: Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. V. Chr. / Herausgegeben von F. Krinzinger. Wien, 2000. P. 447–448.
- ⁴² Boardman J. The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade. L., 1980. P. 153; Bresson. La construction d'un espace d'approvisionnement... P. 53.
- ⁴³ Arist. Pol. 1.4.5 (рассказ о сдаче философ Фалесом в аренду прессов для давления оливок).
- ⁴⁴ Greaves A.M. Miletos. P. 26.
- ⁴⁵ Gorman V.B. Miletos, the Ornament of Ionia: A History of the City to 400 B.C.T. Ann Arbor, 2001. P. 66–67.
- ⁴⁶ См.: Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье... С. 371–373; Koshelenko G.A., Kuznetsov V.D. Greek Colonisation... P. 261–263. Kačarava D., Kvirkučeliya G., Lordkipanidzé O. Les contacts entre les Grecs et les populations locales de la mer Noire: Chronologie et typologie // La mer Noire: Zone de contacts: Actes du VIIe Symposium de Vani / Ed. par O. Lordkipanidzé et P. Lévêque. Paris, 1999. P. 71; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984. М., 1985. С. 53.
- ⁴⁷ Каменецкий И.С. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар, 2000. С. 87; Алексеева Е.М. Местная среда ранней Горгиппии // ПИФК. 1999. Вып. 8. С. 161.
- ⁴⁸ В протомеотский период (VII в. до н.э.) самое западное меотское поселение располагалось на берегах реки Абинки (на полупути от Краснодара к Тамани), аналогичная картина наблюдается и в следующий период, охватывающий время от VI до начала IV в. до н.э. См.: Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э.—III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 224–231. Однако данный тезис нельзя абсолютизировать. Вполне возможно, что Таманский полуостров входил в орбиту влияния того или иного племени. Отсутствие археологических следов еще не является окончательным доказательством отсутствия какого-либо этноса на данной территории. Подробнее см.: Hall J.M. Ethnic Identity in Greek Antiquity. Cambridge, 1997. P. 129, 142.
- ⁴⁹ Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 213.
- ⁵⁰ Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Розов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161.
- ⁵¹ Vinogradov Ju.G. Die historische Entwicklung der Polis des nördlichen Schwarzen Meer // Chiron. 1980. Bd. 10.

- ⁵² По наиболее авторитетному мнению, прибытие скифов к берегам Днепра имело место приблизительно в 585 г. до н.э. См. Алексеев А.Ю. Скифская хроника: (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: Историко-археологический очерк). СПб., 1992. С. 93, 97; Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 54; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. С. 51–52; Кузнецова Т.М. Припонтный регион в период скифской архаики // БС. 1994. № 4. С. 7–8.
- ⁵³ Толстикова В.П. К проблеме образования Боспорского государства: (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–48. См.: Завойкин А.А. Кризис «первой половины» V в. до н.э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. № 4. С. 102–111, с литературой.
- ⁵⁴ Кузнецов В.Д. Раскопки в Керах 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 32. Следы мощного пожара зафиксированы в раннем слое Гермонассы: *Finogenova S.I. Hermonassa // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. II / Ed. by D.V. Grammenos and E.K. Petropoulos. P. 1015.*
- ⁵⁵ Ср. аналогичную ситуацию в некоторых городах европейского Боспора: *Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский. С. 37; Butyagin A.M. Painted Pottery from the Early Levels of Myrmekion (1992 field season) // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum / Ed. by J. Boardman, S.L. Solovov, G.R. Tsetskhladze. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 180–181.*
- ⁵⁶ *Wasowich A. Le système de défense des cités grecques sur les côtes septentrionales de la mer Noire // La fortification dans l'histoire du monde grec: Actes du Colloque International / Éd. par P. Leriche et H. Tréziny. P., 1986. P. 93; Tolstikov V.P. L'apport de la fortification à l'histoire du Bosphore antique // La fortification dans l'histoire du monde grec. P. 167–168.*
- ⁵⁷ Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ. 2001. Ч. 1. С. 41–42.
- ⁵⁸ Ср.: *Ducrey P. La muraille est-il un élément constitutif d'une cité // Sources for the Ancient Greek City-State. Ed. by M.H. Hansen. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 2. Copenhagen, 1995. P. 251.*
- ⁵⁹ То же самое относится и к западнопонтным городам: *Coja M. Les fortifications grecques dans les colonies de la côte ouest du Pont Euxin // La fortification dans l'histoire du monde grec: Actes du Colloque International / Éd. par P. Leriche et H. Tréziny. P., 1986. P. 97.*
- ⁶⁰ *Зеест И.Б. Архаические слои Гермонассы // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 53–58; Коровина А.И. Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. 30–31.*
- ⁶¹ *Hansen M.H. The Polis as an Urban Centre: The Literary and Epigraphical Evidence // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community / Ed. by M.H. Hansen. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Copenhagen, 1997. Vol. 4. P. 57.*
- ⁶² *Nippel W. The Construction of the «Other» // Greeks and Barbarians / Ed. by Th. Harrison. Edinburgh, 2002. P. 280.*
- ⁶³ См.: *Whitehouse R.D., Wilkins J.B. Greeks and Natives in South-East Italy: Approaches to the Archaeological Evidence // Comparative Studies in Archaeology / Ed. by T.C. Champion. London, 1989. P. 102.*
- ⁶⁴ *Андреев Ю.В. Греки и варвары в Северном Причерноморье: (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1996. № 1. С. 10.*
- ⁶⁵ *Копейкина Л.В. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1981. С. 107.*
- ⁶⁶ *Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л., 1988. С. 114 и сл.*
- ⁶⁷ *Андреев. Греки и варвары... С. 10–11. Ср.: Русяева А.С. Проникновение эллинов на территорию украинской лесостепи в архаическое время: (К постановке проблемы) // ВДИ. 1999. № 4. С. 94.*
- ⁶⁸ *Dietler M. The Iron Age in Mediterranean France: Colonial Encounters, Entanglements, ad Transformations // Journal of World Prehistory. 1997. Vol. 111, No. 3. P. 296.*
- ⁶⁹ *Dietler M. Consumption, Cultural Frontiers, and Identity: Anthropological Approaches to Greek Colonial Encounters // Confini e frontiera nella grecità d'occidente: Atti del trentasettesimo convegno di studi sulla Magna Grecia. Taranto, 1999. P. 477.*
- ⁷⁰ *Morel J.-P. Greek Colonization in Italy and in the West: (Problems of Evidence and Interpretation) // Crossroads of the Mediterranean / Ed. T. Hackens, N.D. Holloway, R.R. Holloway. Louvain-La-Neuve; Providence, 1983.*
- ⁷¹ *Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. L., 1994. P. 217 ff.*
- ⁷² *Avram A. Modes de contacts entre Grecs et Gètes à Histria à l'époque archaïque // Sur les traces des Argonautes: Actes du 6e symposium de Vani / Ed. par O. Lordkipanidzé et P. Lévêque. Besançon, 1996. P. 241–242.*
- ⁷³ *Hansen M.H. ΠΟΛΙΣ ΠΟΛΙΣ ΛΕΓΕΤΑΙ (Arist. Pol. 1276a23): The Copenhagen Inventory of Poleis and the Lex Hafniensis de Civitate // Introduction to an Inventory of Poleis / Ed. by M.H. Hansen. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Copenhagen, 1996. Vol. 3. P. 7–72; Idem. The Copenhagen Inventory of Poleis and the Lex Hafniensis de Civitate // The Development of the Polis in Archaic Greece / Ed. by L.G. Mitchell and P.J. Rhodes. L.; N.Y. P. 9–23; Idem. Introduction // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M.H. Hansen and Th.H. Nielsen. Oxford, 2004. P. 135 ff.*
- ⁷⁴ Подробнее см.: *Кузнецов В.Д. Полис на Боспоре (эпоха архаики) // Древности Боспора. М., 2001. № 4. С. 237–248.*
- ⁷⁵ Некоторые специалисты полагают, что изначально апойки не имели полисного статуса и приобретали его в процессе своего становления как города (*Крыжичук С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 89; Tsetskhladze G.R. A Survey of the Major Urban Settlements in the Kimmerian Bosphoros (with a discussion of their status as poleis) // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. by Th.H. Nielsen Stuttgart, 1997. P. 81. (Papers from the Copenhagen Polis Centre 4).* С этим трудно согласиться, поскольку связь между становлением поселения как города с появлением полисного статуса проследить невозможно (*Morgan C., Coulton J.J. The Polis as Physical Entity // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community / Ed. by M.H. Hansen Copenhagen, 1997. P. 87–88. (Acts of the Copenhagen Polis Centre 4).*
- ⁷⁶ *Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987. P. 12, 203; Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kultischen und Politischen Einrichtung. Frankfurt am Main; Bern; N.Y., 1983. S.70; Hansen M.H. Poleis and City-States, 600–323 B.C.: A Comprehensive Research Programme // From Political Architecture to Stephanus Byzantius: Sources for the Ancient Greek Polis / Ed. by D. Whitehead Stuttgart, 1994. 15. (Papers from the Copenhagen Polis Centre 1).*
- ⁷⁷ *Malkin I. Inside and Outside: Colonisation and the Formation of the Mother City // Apoikia: Scritti in onore di G. Buchner / Ed. By B. d'Agostino e D. Ridgway. Napoli, 1994. P. 1 f; Hansen M.H. Introduction. P. 19.*
- ⁷⁸ *Lohmann H. Agriculture and Country Life in Classical Attica // Agriculture in Ancient*

- Greece: Proceedings of the Seventh International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 16–17 May, 1990 / Ed. by B. Wells. Stockholm, 1992. P. 29–57.
- ⁷⁹ Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1. С. 107–120; Moreno A. Feeding the Democracy: The Athenian Grain Supply in the Fifth and Fourth Centuries BC. Oxford, 2007. P. 144 ff.
- ⁸⁰ См.: Kuznetsov V.D. L'organisation du territoire du Bosphore asiatique // Territoires des cités grecques: Actes de la table ronde internationale / Ed. par M. Brunet. P., 1999. (BCH Suppl. 34). P. 342–343; Saprykin S.Ju. The Chora in the Bosphoran Kingdom // Surveying the Greek Chora: Black Sea Region in a Comparative Perspective / Ed. by P.G. Bilde and V.F. Stolba. Aarhus, 2006. P. 274–275. (Black Sea Studies 4).
- ⁸¹ Gras M., Tréziny H. L'espace urban mégarien, histoire d'une redécouverte // Mégara Hyblaea 5. La ville archaïque. L'espace urban d'une cité grecque de Sicile orientale. MEFRA Suppl. 1/5. Rome, 2004. P. 30 et suiv.
- ⁸² Owens E.J. The City in the Greek and Roman World. London; New York, 1991. P. 35 ff; Lang F. Archaische Siedlungen in Griechenland: Struktur und Entwicklung. Berlin, 1996. S. 72.
- ⁸³ Polignac F. de. Forms and Processes: Some Thoughts on the Meaning of Urbanization in Early Archaic Greece // Mediterranean Urbanization, 800–600 BC / Ed. by R. Osborne and B. Cunliffe. Oxford, 2005. P. 56.
- ⁸⁴ Расчеты В.С. Долгорукова о площади архаической Фанагории в 20–22,5 га следует признать гадательными, поскольку они не основаны на достоверных фактах (Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА, 1990. Вып. 197. С. 30–37).
- ⁸⁵ См.: Danner P. Megara, Megara Hyblaea and Selinus: The Relationship between the Town Planning of a Mother City, a Colony and a Sub-Colony in the Archaic Period // Urbanization in the Mediterranean in the 9th to 6th Centuries BC / Ed. by H.D. Andersen, H.W. Horsnæs, S. Houby-Nielsen, A. Rathje. Copenhagen, 1997. P. 158.
- ⁸⁶ Graham A.J. Abdera and Teos // JHS. 112. 1992. P. 68. В Элее при строительстве общественных и жилых зданий широко использовалась полигональная кладка, характерная для ее метрополии (Cicala L. Le tecniche edilizie ad Elea in età tardo arcaica // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer: Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. V. Chr. / Herausgegeben von F. Krinzinger. Wien, 2000. P. 257; Idem. L'edilizia domestica di Elea in età tardo arcaica: problemi di analisi e definizione // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer. P. 55–65).
- ⁸⁷ Подробнее см.: Кузнецов В.Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. М., 1995. № 6. С. 99–126.
- ⁸⁸ Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 41, 51.
- ⁸⁹ Виноградов Ю.А. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΤΙΤΙΑ: памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 231.
- ⁹⁰ Марченко К.К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 55.
- ⁹¹ Там же. С. 44, рис. 17,2.
- ⁹² См.: Dupont P. L'habitat grec du Pont-Euxin: Quelques pierre d'achoppement // Habitat et urbanisme dans le monde grec de la fin des palais mycéniens à la prise de Milet (494 av. J.-C.). Toulouse, 2002 (Pallas 58). P. 291 et suiv.
- ⁹³ «Недостаточная показательность различных площадей и архитектурно-планировочных схем описанных комплексов (т.е. землянок и полуземлянок. — Г.К., В.К.), отсутствие в них диагностических находок in situ создают непреодолимые трудности на пути определения функционального назначения конкретных построек (курсив наш. — Г.К., В.К.)» (Марченко К.К., Доманский Я.В. Античное поселение Куцуруб 1 // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 53. См. также: Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 63; Мазарати С.Н., Отрешко В.М. Полуземлянки и землянки // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 12).
- ⁹⁴ Например: Толстиков В.П. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 2001. № 4. С. 383; Tréziny H. L'urbanisme archaïque des villes ioniennes: un point de vue occidental // REA. 2006. Tome 108, no. 1. P. 235.
- ⁹⁵ В литературе распространено мнение, что землянки как жилища греков открыты в Фанагории и других городах (Крыжицкий С.Д. Архитектура. С. 41; Виноградов Ю.А. К проблеме становления. С. 229). Ссылка дается на краткую информацию о раскопках в Фанагории (Басовская Н.И., Долгоруков В.С., Кузнецов В.Д., Шавырина Т.Г., Яйленко В.П. Исследования в Фанагории // АО 1977 г. М., 1978. С. 104–105). Автор этой заметки В.С. Долгоруков ошибочно считал землянками две ямы, каждая общей площадью менее 3 м² (см. план: Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 136, табл. XXXVIII, IV А-Б). Следует совершенно определенно сказать, что, по крайней мере, в Кехах и Фанагории в процессе раскопок не обнаружены конструкции, которые можно называть землянками, в которых жили греческие переселенцы. Напротив, здесь найдены эллинистические дома, построенные из сырцовых кирпичей.

Часть VII

АНТИЧНЫЕ ГОРОДА

ФАНАГОРИЯ — СТОЛИЦА АЗИАТСКОГО БОСПОРА

В. Д. КУЗНЕЦОВ

Фанагория, крупнейший античный город на территории России, имеет длительную историю, исчисляемую пятнадцатью веками. Основанная в середине VI в. до н.э., она прекратила свое существование не позднее начала X в. н.э.¹ Город имел отношение к большинству крупных исторических событий, происходивших в Прикубанье в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. В греческий период своей истории Фанагория была сначала независимым полисом, позднее она вошла в состав Боспорского государства, стала важнейшим центром в различных взаимоотношениях боспорских эллинов с местными кубанскими племенами, играла важную роль в исторических событиях, происходивших на Боспоре (в противостоянии греков со скифами и другими племенами, борьбе между наследниками пантикапейского престола, войнах понтийского царя Митридата VI с Римом). В средневековое время Фанагория была одним из важнейших центров Хазарского каганата, столицей протоболгарского государства. В городе была значительная христианская община, а в VI в. н.э. была даже своя епархия. К I в. н.э. относятся упоминания о синагоге в Фанагории (КБН 985). Подтверждение того, что в городе жило значительное количество иудеев, мы находим не только в письменных документах, но и в находках надгробий с изображением семи-свечника (менор)².

Территория будущего Боспорского государства, которое располагалось на обоих берегах Керченского пролива (Керченский и Таманский полуострова), была освоена греческими переселенцами довольно поздно. Первые апойкии здесь появились в первой половине VI в. до н.э.³ На Таманский полуостров было выведено несколько колоний, среди которых наиболее важными были Гермонасса, Кепы и Патрей, основанные в первой половине столетия, и, конечно, Фанагория, относящаяся к несколько более позднему времени. Появление именно здесь апойкии было неслучайным. Оно диктовалось и необходимостью естественной защиты от нападений местных племен. Земли Таманского полуострова известны своим плодородием: можно полагать, что именно эта часть Боспорского государства давала основную массу товарного хлеба для продажи его греческим государствам Средиземноморья (и в частности Афинам) в IV в. до н.э.⁴ На Тамани в изобилии имеется пресная вода, в морях и в р. Кубани водится большое количество рыбы, в том числе ценных пород. Животный мир также богат. Таким образом, Азиатский Боспор был весьма выгодным местом для жизни новых переселенцев.

Античные источники, относящиеся к наиболее раннему периоду существования таманских апойкии, крайне фрагментарны. Не является исключением и Фанагория. Наиболее развернутую характеристику этому полису дает Страбон⁵: «При въезде в Корокондамитиду находятся значительный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур — святилище Афродиты. Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны, а остальные города за Гипанисом в Синдской области... Главным городом европейских боспоранов является Пантикапей, а азиатских — Фанагорий (потому что так называется этот город). Фанагория, по-видимому, является перевалочным пунктом (ἐπιτόριον εἶναι ἢ Φανάγορεα) для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варварской страны, а Пантикапей — для товаров, привозимых туда с моря. Есть в Фанагории знаменитое святилище Афродиты Апатурос». Из этого сообщения следует, что Фанагория была важнейшим городом Азиатского Боспора. Она занимала весьма выгодное географическое положение: находясь практически в центре Таманского

полуострова, среди плодородных земель, город имел удобное сообщение как с греческим миром (по морю), так и с миром местных племен (по р. Гипанису-Кубани и по суше).

Но сохранились и более ранние сведения о Фанагории, которые относятся к VI в. до н.э. Так, Гекатей Милетский (в передаче Стефана Византийского, s.v. Φαναγόρεια) сообщает о том, что город получил свое название от имени некоего Фанагора: *λόλις ἀπὸ Φαναγόρου, ὡς Ἐχάταιος Ἀσία. ἢ νῆσος Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια*⁶. В более позднем сочинении, комментарии Евстафия к Дионисию Периегету, говорится: «Внутри Меотиды расположен огромный остров, который называется Таврика, где (находятся) Фэнагора и Гермонасса, колонии ионийцев, выведенные каким-то Фэнагором и Гермоном, от (имен) которых эти места получили свое название. Арриан так говорит: «Фэнагория, которую основал теосец Фанагор, бежавший от насилия персов»⁷. Анонимные периплы (Псевдо-Арриана и Псевдо-Скимна) также называют Теос метрополией Фанагории⁸. Эти свидетельства не только доводят до нас имя метрополии Фанагории, но и дают возможность датировать время выведения апойкии, которая была основана одновременно с другой теосской колонией — Абдерой (см.: Herod. I. 168; Strab. XIV. 1. 30)⁹. Эти факты ни у кого не вызывают возражений¹⁰.

Однако в действительности не все так обстоит просто. Проблема состоит в том, что два авторитетных автора, которые пишут о решении теосцев в связи с осадой персами их города покинуть родину, сообщают лишь об их переселении в Абдеру и совершенно не упоминают Фанагорию¹¹. Геродот говорит о том, что, как только Гарпаг захватил стены их города, теосцы сели на корабли и отплыли во Фракию, где они основали город Абдеру (*ἐνθαῦτα ἔχτισαν πόλιν Ἀβδῆρα*)¹². Согласно Страбону, жители Теоса оставили свой город и переселились во фракийский полис Абдеру, не желая выносить персидское рабство¹³.

Почему же Геродот и Страбон умалчивают об основании Теосом Фанагории, о чем известно из только что приведенных свидетельств поздних авторов (начиная со II н.э.)? Ответ выглядит в виде альтернативы: либо нужно признать умолчание историка и географа случайностью и считать Фанагорию теосской апойкией, выведенной одновременно с Абдерой, либо исходить из того, что теосцы переселились только во Фракию, но не на Таманский полуостров. Очевидно, что мы должны доверять Геродоту и Страбону в том, что теосцы, покинув родной город, основали одну апойкию — Абдеру. И. Малкин, специально рассмотревший случай с названием Фанагории по имени ойкиста, полагает, что это стало возможным по причине особых обстоятельств, в которых произошел вывод апойкии. Фанагор как лидер беженцев (а не изгнанников) занимал исключительное положение, что и позволило ему назвать город своим именем¹⁴. Абдера же была в иной ситуации, поскольку переселенцы прибыли в уже основанный ранее город¹⁵.

Как же тогда совместить сообщение авторов римского времени, которые опирались на более ранние источники, о Теосе как метрополии Фанагории с предполагаемым фактом ее вывода из Абдеры? Хорошо известно, что греки, переселившись из одного города в другой, в том числе в апойкию, продолжали называть себя по имени своей прежней родины¹⁶. В нашем же случае можно привести слова Геродота (I. 168), который говорит о жителях Абдеры его времени как о «теосцах в Абдере» (*νῦν ὑπὸ Τηρίων τῶν ἐν Ἀβδήροισι*)¹⁷. Можно полагать, что авторы римского времени опирались на недошедший до нас источник, в котором говорилось об основании апойкии

в Фанагории теосцами, хотя она и была выведена из Абдеры. Геродот же и Страбон ничего не говорят о Фанагории потому, что ее основание произошло позднее отплытия теосцев во Фракию и не было напрямую связано с осадой города персами.

Известно, что метрополию и ее апойкии связывали особые отношения. Это проявлялось в разных сферах жизни — от установления аналогичных религиозных культов и праздников до исполнения, от тесных родственных связей до введения схожих культурных и гражданских институтов¹⁸. Может ли прояснить этот вопрос сравнение по этим параметрам Теоса и Абдеры с Фанагорией? К сожалению, сведения о политических, социальных, гражданских, религиозных институтах этих трех полисов весьма ограничены, что связано с фрагментарностью сведений письменной традиции и особенно эпиграфических документов. Однако хорошо известно, что связи Теоса и Абдеры были не только близкими, но и исключительно тесными. Они сохранились вплоть до II в. до н.э., когда для защиты интересов Абдеры Теос послал делегацию в Рим. В Абдеру из Теоса были перенесены политические и религиозные институты (например, богом-покровителем обоих городов был Дионис)¹⁹. Весьма показательно, что чеканка монеты Теоса и Абдеры началась практически одновременно. При этом типы монеты были почти идентичны — на лицевой стороне изображен грифон, который в чеканке метрополии повернут вправо, а колонии — влево²⁰. По мнению К. Христантаки, последней исследовавшей вопрос о времени возникновения чеканки обоих городов, она началась в 520/515 г. до н.э.²¹ На этом основании некоторые исследователи считают даже возможным говорить не только об очень близких отношениях между Теосом и Абдерой, но и об их политическом единстве, что было для них выше политической независимости²². Ярким примером, подтверждающим такие связи метрополии со своей колонией, являются две теосские надписи первой половины V в. до н.э. о так называемом «публичном проклятии» (*Teiogum Dirae*)²³. В них устанавливаются одинаковые для Теоса и Абдеры наказания за определенные государственные преступления.

Совершенно иначе дело обстоит с Фанагорией. Не сохранилось никаких сведений не только об ее особых отношениях с метрополией, но и вообще о каких-либо связях между ними. В Фанагории даже богом-покровителем города был не Дионис, как на Теосе и в Абдере, а Афродита. Город славился знаменитым святилищем Афродиты Урании, владычицы Апатура²⁴. Поскольку в метрополии в архаическое время не зафиксирован культ Афродиты, то его корни некоторые исследователи ищут на местной почве²⁵.

Уже издавна Фанагория письменных источников идентифицируется с большим городищем, расположенным в самом юго-восточном углу Таманского залива, менее чем в 1 км к западу от пос. Сенной. Исследователи опирались на слова Страбона о том, что Фанагория была *μητρόπολις* греков Азиатского Боспора. Действительно, городище у пос. Сенной не имеет себе равных на Таманском полуострове ни по занимаемой площади, ни по мощности культурных напластований античного времени. Более того, исследование аэрофотоснимков Таманского полуострова показывает, что именно это городище является центром всей системы дорожных коммуникаций Таманского полуострова²⁶, что лишний раз подчеркивает его статус как главного города Азиатского Боспора.

Казалось бы, только этих фактов достаточно, чтобы оставить в стороне всякие сомнения в правильности такой идентификации. Однако в научной

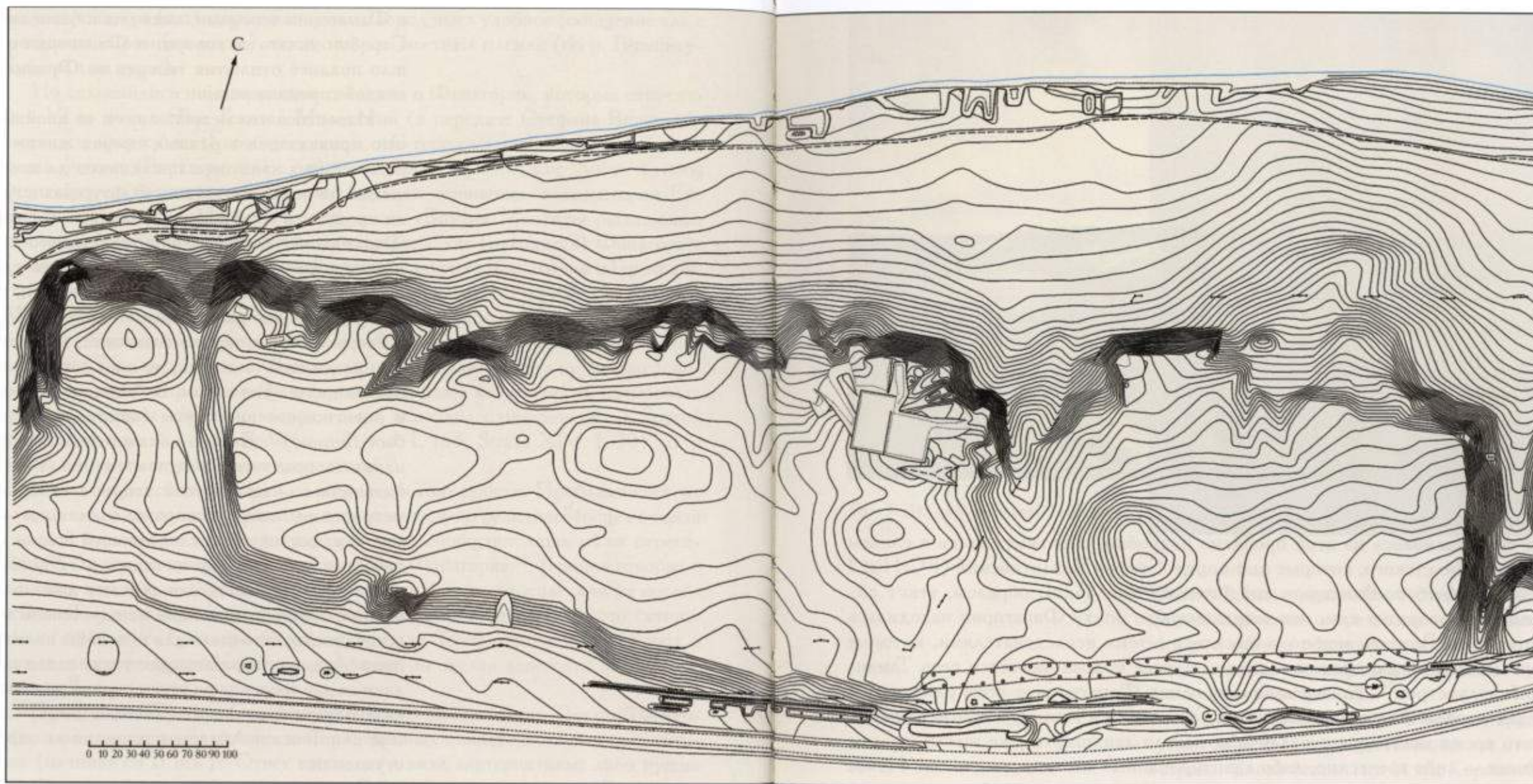

Рис. 1. Топографический план Фанагории

литературе предпринимаются попытки коренного пересмотра традиционной точки зрения. Так, на основе данных Птолема, предлагается считать Фанагорией городище у пос. Гаркуши, которое находится на северном берегу Таманского залива там, где обычно локализуют Патрей²⁷. Данные Птолема, как известно (впрочем, как и других древних географов), весьма запутаны и во многом остаются непонятными современному исследователю. Если учитывать при этом изменения, происшедшие с береговой линией Таманского полуострова, то становится понятным, что нужно быть крайне осторожным в интерпретации местоположения древних населенных пунктов. Правильность традиционной локализации Фанагории у западной окраины пос. Сенной подкрепляется известной надписью в честь Афродиты, найденной на городище (КБН 971: 'Αλ[ολλ]όδο[ρ]ος Φαναγόρεω κτλ.)²⁸. Вполне логичным выглядит популярность имени Фанагор именно в Фанагории, а не где-нибудь в Патрее²⁹. Кроме того, в непосредственной близости к западной окраине городища найдена надпись, в которой говорится о Φαναγορίτων ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος³⁰. Идентификация городища у пос. Гаркуши с Фанагорией опровергается и археологически: Фанагория была основана в 540-е годы до н.э., тогда

как время основания указанного городища относится, скорее всего, ко второй четверти столетия³¹. Напомним и сведение надписи, в которой говорится о святилище Афродиты Урании, владычицы Апатура (КБН 971). Конечно, находки надписей на конкретном археологическом памятнике с упоминанием имени богини сами по себе не могут являться весомым аргументом в пользу существования здесь ее святилища. Однако, как известно из Страбона (XI, 2. 10), в Фанагории находилось знаменитое святилище богини именно с этой эпиклезой. Упомянем еще о находке большого и тяжелого мраморного строительного блока в затопленной части Фанагории с посвятительной надписью Афродите Урании, владычице Апатура, который происходил из какого-то большого здания. При всей осторожности в выводах не исключено, что из храма богини³².

Таким образом, нет достаточных оснований для сомнений в правильности традиционной локализации Фанагории (рис. 1).

Весьма существенным является вопрос о палеогеографии Таманского полуострова. В научной литературе уже давно идут дискуссии о том, была ли Тамань архипелагом островов или представляла собой лишь один остров³³.

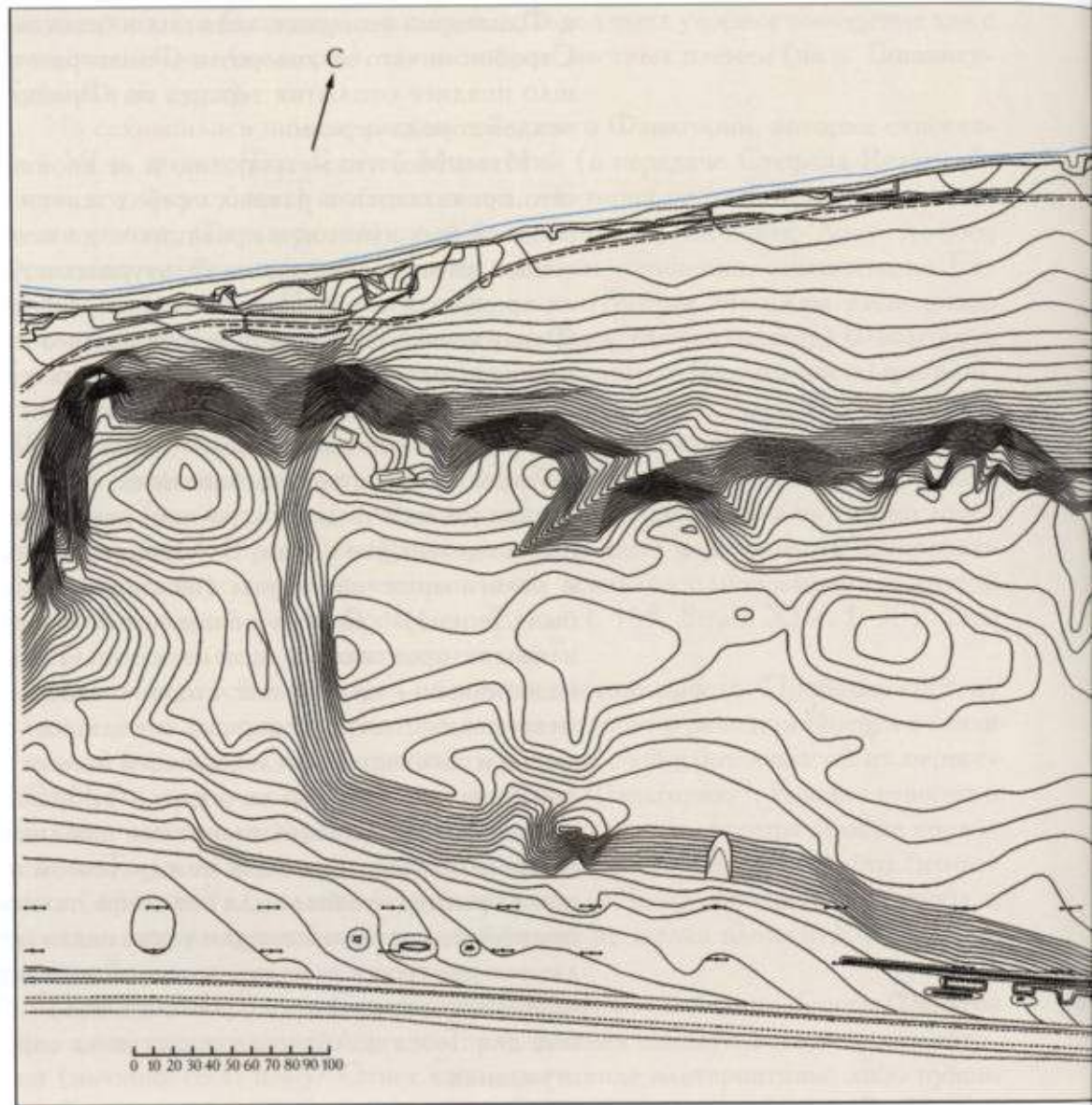
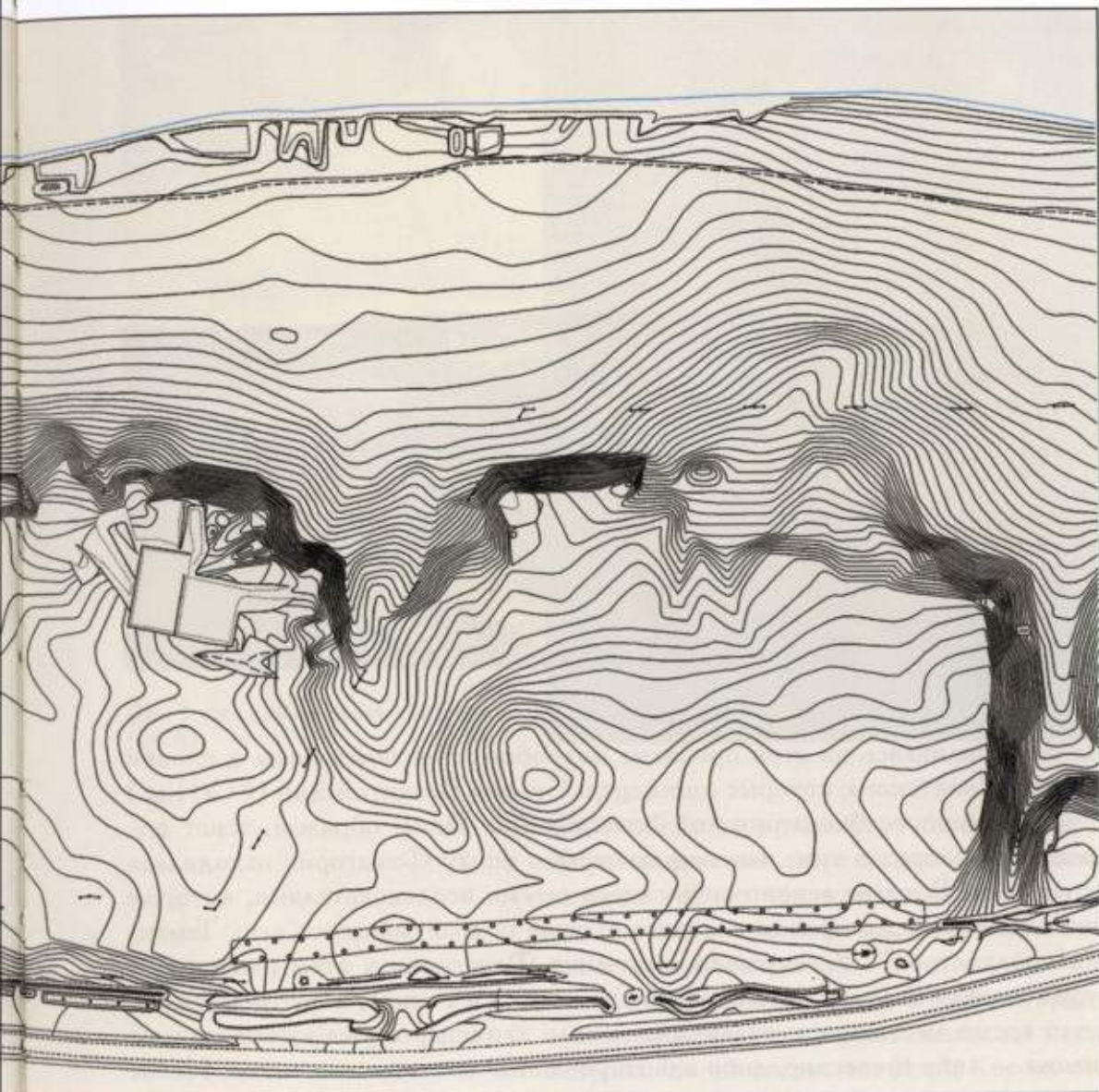

Рис. 1. Топографический план Фанагории

литературе предпринимаются попытки коренного пересмотра традиционной точки зрения. Так, на основе данных Птолемея, предлагается считать Фанагорией городище у пос. Гаркуши, которое находится на северном берегу Таманского залива там, где обычно локализуют Патрей²⁷. Данные Птолемея, как известно (впрочем, как и других древних географов), весьма запутаны и во многом остаются непонятными современному исследователю. Если учитывать при этом изменения, происшедшие с береговой линией Таманского полуострова, то становится понятным, что нужно быть крайне осторожным в интерпретации местоположения древних населенных пунктов. Правильность традиционной локализации Фанагории у западной окраины пос. Сенной подкрепляется известной надписью в честь Афродиты, найденной на городище (КБН 971: 'Αλ[ολλ]όδο[ρος] Φαναγόρεω κτλ.)²⁸. Вполне логичным выглядит популярность имени Фанагор именно в Фанагории, а не где-нибудь в Патрее²⁹. Кроме того, в непосредственной близости к западной окраине городища найдена надпись, в которой говорится о Φαναγοριτῶν ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος³⁰. Идентификация городища у пос. Гаркуши с Фанагорией опровергается и археологически: Фанагория была основана в 540-е годы до н.э., тогда

как время основания указанного городища относится, скорее всего, ко второй четверти столетия³¹. Напомним и сведение надписи, в которой говорится о святилище Афродиты Урании, владычицы Апатура (КБН 971). Конечно, находки надписей на конкретном археологическом памятнике с упоминанием имени богини сами по себе не могут являться весомым аргументом в пользу существования здесь ее святилища. Однако, как известно из Страбона (XI. 2. 10), в Фанагории находилось знаменитое святилище богини именно с этой эпитетом. Упомянем еще о находке большого и тяжелого мраморного строительного блока в затопленной части Фанагории с посвянительной надписью Афродите Урании, владычице Апатура, который происходил из какого-то большого здания. При всей осторожности в выводах не исключено, что из храма богини³².

Таким образом, нет достаточных оснований для сомнений в правильности традиционной локализации Фанагории (рис. 1).

Весьма существенным является вопрос о палеогеографии Таманского полуострова. В научной литературе уже давно идут дискуссии о том, была ли Тамань архипелагом островов или представляла собой лишь один остров³³.

Рис. 2. Вид на восточный некрополь и городище Фанагории в середине XIX в. Акварель

Не останавливаясь на этой проблеме подробно, обратимся лишь к словам Гекатея Милетского, которые цитирует Стефан Византийский (FGrHist 1 F 212): «ἡ νῆσος Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια». Таким образом, текст однозначно говорит о том, что в архаическую эпоху Фанагория находилась на острове. Вряд ли можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что под островом в данном случае подразумевается весь Таманский полуостров³⁴. Ко времени основания Фанагории в этом районе уже существовали апойкии (в частности Гермонасса и Кепы), и соответственно в это время местности и различные детали ландшафта уже имели свои названия — либо греческие, либо адаптированные местные топонимы. Новое имя могла получить только та часть ландшафта, которая была связана с вновь прибывшими переселенцами, т.е. остров, на котором была основана Фанагория, только остров Фанагора, а не отнюдь весь нынешний Таманский полуостров³⁵.

Мнение о том, что Таманский полуостров в древности представлял собой один остров, опирается на две категории письменных источников, тексты античных авторов (Дионисий Периегет, Пс.-Арриан, Плиний, Мела и др.) и эпиграфические материалы. Однако все эти сообщения весьма неопределенны и запутаны: древние авторы сами не посещали описываемые места и опирались в своих трудах на источники разной направленности и часто недостоверные. К тому же нельзя забывать об изменениях в географическом облике региона. В качестве примера вспомним известный пассаж из Страбона (XI. 2. 9): «Над Корокондамой лежит очень большое озеро, называемое от этого селения Корокондамитидой. В 10 стадиях от селения озеро изливается в море. В озеро впадает какой-то рукав реки Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекой» (пер. Г.А. Стратановского). В соответствии с традиционной интерпретацией Корокондаму помещают в районе мыса Тузла³⁶, озером же считается Таманский залив³⁷. Согласно другой точки зрения, под островом, о котором говорит древний географ, следует понимать весь Таманский полуостров³⁸. Слова Страбона «выше

Рис. 3. Вид на Фанагорию с воздуха (с СВ)

Корокондамы» предлагают понимать не как «севернее», а «южнее», а в Корокондамском озере видят не Таманский залив, а водное пространство, которое сейчас образуют несколько кубанских лиманов. Таким образом, свидетельство географа рассматривают как доказательство того, что Тамань была единым островом.

Однако это сообщение Страбона вряд ли можно считать надежным аргументом в пользу существования на месте Таманского полуострова одного острова. Слова *ὑπερκειται δὲ τῆς Короконδάμης* («над (выше) Корокондамой лежит») неправомерно трактовать как «южнее», поскольку карта мира Страбона была северно-ориентированной³⁹. Поэтому выше (или севернее) Корокондамы находился Таманский залив⁴⁰. Фраза же *καὶ ποιεῖ νῆσον περίκλυτον τὴν ταύτην τε τῆ λίμνη καὶ τῆ Μαιώτιδι καὶ τῷ ποταμῷ* не подразумевает под островом всю Тамань. Более того, поскольку, согласно Страбону, один («какой-то») из рукавов Кубани впадает в залив (*ἐμβάλλει δὲ εἰς τὴν λίμνην ἄλτορρῶ τις τοῦ Ἀντιχείτου ποταμοῦ*), то совершенно очевидно, что р. Кубань в древности делила полуостров по крайней мере на два острова. В целом данные Страбона не подтверждают, а скорее опровергают точку зрения о том, что в древности Тамань была одним островом.

Для доказательства того, что Таманский полуостров представлял собой в древности остров, привлекают свидетельства боспорских надписей (КБН 40, 697, 982, 1000), датируемые I–II вв. н.э. В них упоминается должность *ὁ ἐπὶ τῆς νήσου*. Под словом *νήσος* обычно подразумевают Таманский полуостров⁴¹, хотя веские основания для такой трактовки отсутствуют. Находка двух из этих надписей в Фанагрии (КБН 982 и 1000) ставит исследователя перед альтернативой: либо речь идет обо всем полуострове, либо только об о-ве Фанагора. Однако в 2005 г. в затопленной части Фанагории была найдена надпись, в которой впервые встречается термин *νησάρχης*⁴². С моей точки зрения, он эквивалентен выражению *ὁ ἐπὶ τῆς νήσου* и

Рис. 4. Вид на холм «Верхний город» и нижнее плато Фанагории

обозначал должность «начальника острова». Поэтому можно полагать, что штаб-квартира этого боспорского чиновника находилась в Фанагории, откуда происходит большинство документов на эту тему (три из пяти). Таким образом, речь идет об острове, на котором в древности и находилась Фанагория⁴³.

Подведем некоторые итоги. Очевидно, что древние авторы (в основном позднего времени) не имели четкого представления о географии Азиатского Боспора и поэтому они рисуют противоречивую и во многих отношениях запутанную картину. Вполне определенно можно говорить о наличии нескольких островов, составлявших архипелаг или скорее представлявших собой группу островов, которые были расположены близко друг к другу. Достаточно для доказательства привести слова Дионисия Периегета в передаче Стефана Византийского (s.v. Ἐρμόνασσα) (Dion. Perieg. 552): «Гермонасса, маленький остров с городом (νῆσος μικρὰ πόλις ἔχουσα) на Киммерийском Боспоре, ионийская апойкия, как говорит Периегет».

В новое время Таманский полуостров посетило несколько путешественников, которые оставили свои, хотя и скудные, описания увиденных древностей. Среди этих путешественников можно назвать Обри де ля Мотре, Дюбуа де Монпере, Палласа, Кларка, Потоцкого, пытавшихся определить название того древнегреческого города, развалины которого они видели в окрестностях почтовой станции Сенной (рис. 2). Большинство из них правильно считали эти развалины остатками Фанагории. Они также обратили внимание на огромное количество курганов, сосредоточенных вокруг древнего городища, справедливо полагая, что речь идет о самом большом древнегреческом некрополе на Тамани. К сожалению, эти описания не могут дать какой-либо специально интересной информации, поскольку ландшафтная картина изменилась незначительно: городище и сейчас, как и несколько столетий назад, остается свободным от каких-либо строений и прочих сооружений (рис. 3, 4). Что же

касается некрополя, то лишь его восточная оконечность оказалась застроенной домами поселка Сенной. Другое изменение в ландшафте состоит в том, что вдоль южной оконечности городища проложены одноколейная железная дорога и шоссе, ведущее из Сенного в Тамань.

В течение многих веков фанагорийское городище служило своеобразной каменоломней, откуда местные жители, начиная с эпохи раннего Средневековья, добывали камень для строительства, а также мрамор для пережигания на известь. Позднее раскопками курганов фанагорийского некрополя активно занимались генуэзцы. В конце XVIII в. из камня, добытого на городище, была построена суворовская крепость «Фанагория». Вот что писал знаток древностей Таманского полуострова К.К. Герц о строительстве этой крепости: «По словам туземных жителей, на построение этой крепости было привезено множество кусков мрамора с станции Сенной, в насыпях которой всегда находили большое количество строительного материала. Известный всем исследователям Таманского полуострова отставной войсковой старшина П.Д. Семянка указывал нам в окрестностях ему принадлежащего хутора, близ станции Сенной, место, известное под именем «Суворовской печи», где во время сооружения крепости жгли известь из кусков мрамора, добытых в насыпи (т.е. на городище. — В.К.), окружающей его хутор. Возле печи был вырыт колодезь для добывания воды. Сколько pedestалов с надписями и фрагментов мраморных статуй погибло от невежественных рук, трудно угадать»⁴⁴.

В ст. Ахтанизовской, которая находится примерно в 12 км от Фанагории, в первой половине XIX в. камень, добытый в одном из курганов восточного некрополя, использовался при строительстве церкви⁴⁵. В результате таких действий Фанагории, впрочем, как и другим таманским городищам, был нанесен очень большой урон. Однако ради справедливости отметим, что сразу же после присоединения Тамани к России появилось осознание того, что таманские древности являются культурной ценностью, которую следует защищать от разграбления. Так, например, знаменитый русский полководец А.В. Суворов, руководивший завоеванием Тамани, издал приказ, в соответствии с которым запрещалась несанкционированная разборка древних сооружений и торговля древностями. Древние камни могли быть использованы только для строительства новой крепости, что должно было сохранить их (при отсутствии музеев) для будущих поколений⁴⁶.

Во время таких поисков строительного камня в 1853 г., осуществлявшихся хозяином хутора, стоявшего поблизости от городища, П.Д. Семянкой, была найдена база под статую Афродиты (КБН 972). Эта находка привела к началу археологических исследований на городище, которые были предприняты К.К. Герцем в 1859 г.⁴⁷ Однако первые раскопки начались на некрополе.

В конце XVIII в. после присоединения Таманского полуострова к России интерес к местным древностям стал неуклонно возрастать. Особое внимание привлекли многочисленные курганы, которые были разбросаны по всему полуострову. Особенно много их было около почтовой станции Сенная, где находились развалины Фанагории. Вот что писал об этих курганах П.С. Паллас во время своей поездки по Тамани: «Они стоят частью рядами у берега, наравне с курганами, находящимися между рвом, а частью в одиночку, на возвышенной плоскости»⁴⁸. Считается, что военный инженер Вандервейде (Vanderweyde⁴⁹, или Фан-дер-Вейде) первым начал раскопки на фанагорийском некрополе, исследовав один из самых больших курганов еще в конце XVIII в.⁵⁰ В нем он открыл каменный двухкамерный склеп, большая часть вещей которого была разграблена солдатами, которых привлекли для раскопок⁵¹.

В 1836 г. раскопки курганов фанагорийского некрополя продолжил директор Керченского музея древностей А.Б. Ашик, а с 1839 г. Д.В. Карейша⁵². Характеризуя эти работы, К.К. Герц справедливо отмечал, что эти археологи смотрели на раскопки на Тамани как на случайные и второстепенные, поскольку главная их деятельность была сосредоточена на исследованиях в Керчи. Герц пишет, что во время раскопок на Тамани Ашик редко приезжал на место работ, которыми по его поручению руководил «какой-то молодой грек». Эти работы производили «спешно и небрежно, начинали курган и после первой неудачи оставляли его неисследованным вполне; часто не доходили до материка и употребляли самые экспедитивные средства, чтобы скорейшим и дешевлеобразом достичь до гробницы. Раскопками руководила одна жажда к золотым вещам»⁵³. За один сезон могли предприниматься раскопки более чем 30 курганов. Исследования курганов, которые производил в начале 50-х годов XIX в. К.Р. Бегичев, известны прежде всего находкой мраморного саркофага⁵⁴.

В течение второй половины XIX в. раскопки курганов на различных участках фанагорийского некрополя производили К.К. Герц, А.Е. Люценко, В.Г. Тизенгаузен, И.Е. Забелин, Н.П. Кондаков, С.И. Верebrюсов, К.Е. Думберг⁵⁵. В результате были обнаружены различные типы погребений.

Раскопки, проводившиеся в XIX в. на городище, заметно уступают по масштабам и интенсивности работам на некрополе. Они были сосредоточены по преимуществу на склоне верхнего плато, где и сейчас видны многочисленные траншеи, а также на нижнем плато. К сожалению, этими траншеями (не менее одиннадцати) был сильно изуродован самый высокий холм верхнего плато в центре городища, где находятся древнейшие слои Фанагории времени основания города. Этот печальный факт усугубляется еще и тем, что раскопщики не оставили никакой четкой информации о своих работах в этом месте. Поэтому правильнее было бы говорить не об исследованиях, проводившихся на этом холме, а о бессмысленном уничтожении культурного слоя при помощи траншей, длина которых иногда превышала 30 м. Приведем только один пример. В одном из отчетов И.Е. Забелина (за 1872 г.) говорится о находке 77 целых иудейских надгробий с изображением семисвечника и 55 в обломках⁵⁶. Однако автор раскопок не только не зафиксировал графически эти находки, но и просто оставил их в отвале своей траншеи⁵⁷.

Раскопки на городище начались после находки посвященной надписи Кассалии Афродите Урании. В течение второй половины XIX в. их производили К.Р. Бегичев, К.К. Герц, Я.М. Лазоревский, И.Е. Забелин, А.Е. Люценко, В.Г. Тизенгаузен, С.И. Верebrюсов⁵⁸. К сожалению, эти раскопки проводились на крайне низком уровне, без четкой методики и не дали конкретных сведений о характере городища, его стратиграфии, датировках находок и т.д. Представляется вполне справедливой оценка деятельности в Фанагории археологов XIX в., которую дал В.Д. Блаватский: «Раскопки в районе Фанагории... нередко велись в широких масштабах, причем исследованию подвергался главным образом курганный могильник. Большие площади были вскрыты также и на городище, но эти работы проводились без всякой системы, не сопровождалась надлежащими описаниями и чертежами. Поэтому они оказались почти безрезультатными для науки... Сведения об этих работах крайне отрывочны и случайны, так как основным назначением раскопок было не планомерное научное исследование города, а добыча высокохудожественных и материально ценных древностей... Несколько лучше обстояло дело с

исследованием курганов. Здесь отчеты велись более подробно и тщательно, иногда составлялись чертежи и зарисовки, что дает в основных чертах представление о фанагорийском курганном некрополе с его многочисленными сырцовыми, крытыми деревянными брусьями, погребальными сооружениями и монументальными каменными склепами... Прежние раскопки Фанагории, хотя они велись в течение очень продолжительного времени, не дали ответа на основные вопросы, которые следовало прежде всего поставить: о границах города и характере культурных напластований в нем. Задача планомерного исследования Фанагории была в том, чтобы установить границы города (а также и те изменения, которые они претерпевали за время существования города), выяснить характер и время культурных напластований в различных частях города и, наконец, обследовать сплошные могильники и территорию, лежащую за пределами города»⁵⁹.

Начиная с рубежа столетий и до конца 1920-х годов раскопок в Фанагории не проводилось. В 1930—1931 гг. К.Э. Гриневиц и Л.П. Харко произвели небольшие исследования в юго-восточной части городища, в результате которых была обнаружена керамическая обжигательная печь IV в. н.э., исследованная в следующем году В.Ф. Гайдукевичем⁶⁰.

Подлинно научные археологические исследования в Фанагории начались в 1936 г. В этом и затем в 1937 г. была организована совместная экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина и ГИМ (при участии Академии архитектуры, МГУ и ИФЛИ) под руководством А.П. Смирнова и В.Д. Блаватского. В 1938—1940 гг. работами экспедиции ГМИИ руководил В.Д. Блаватский⁶¹, который сосредоточил свое внимание в основном на двух участках древнего памятника — вдоль береговой полосы городища и в меньшей степени на ближайшем к городу западном и восточном некрополях⁶². По мнению автора раскопок, территория вдоль береговой линии была освоена уже в архаическую эпоху⁶³, и жизнь здесь продолжалась до Средневековья (XIII в.). Раскопки в нижней части слоя были затруднены из-за того, что она находится ниже уровня моря (более 2 м). Среди находок в прибрежной части города особо следует указать на остатки фундаментов общественных зданий (в том числе предполагаемого гимназия эллинистической эпохи) и жилых домов (среди них эллинистического дома, стены которого были покрыты расписной штукатуркой⁶⁴), улицы, колодцы, обжигательные керамические печи, жилые кварталы средневекового периода. Исследованиями на некрополе были обнаружены многочисленные рядовые погребения, в основном римского времени. На западном некрополе были найдены остатки сооружения эллинистического периода, которое В.Д. Блаватский определял как героон⁶⁵.

Наиболее важными результатами работ экспедиции под руководством В.Д. Блаватского нужно признать установление западной, восточной и южной границ городища, а также выявление всего спектра культурных слоев и выявление хронологии городища. Всего экспедицией было вскрыто ок. 1500 кв. м на городище и ок. 1000 кв. м на некрополе⁶⁶, хотя исследования проводились в исключительно трудных условиях. Вот что писала М.М. Кобылина об этом времени в одном из своих черновиков: «При малых средствах у экспедиции, при отсутствии транспорта была проделана героическая работа».

После окончания Великой Отечественной войны раскопки в Фанагории были возобновлены Институтом археологии Академии наук СССР и ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством М.М. Кобылиной (1947). На городище основное внимание было сосредоточено на центральной части нижнего

плато под холмом (здесь в середине XIX в. были найдены три надписи), на юго-восточной окраине (так называемый «Керамик»), у берега Таманского залива (в центральной части городища и на его западной окраине (рядом с раскопом В.Д. Блаватского)). Отдельные небольшие раскопы были заложены и в других местах (например, в западной части на верхнем плато, где были обнаружены остатки жилого дома IV в. н.э., погибшего в сильном пожаре).

Главным детищем для М.М. Кобылиной были раскопы «Керамик» и «Центральный». Раскопки «Керамика» привели к открытию на южной окраине Фанагории ремесленного квартала. Здесь было найдено 6 керамических печей III–IV вв. н.э., в которых обжигали амфоры, кувшины, светильники, грузила⁶⁷. Кроме этого были обнаружены следы керамического производства более раннего времени (развалы печей, керамические шлаки, производственный брак, форма для оттискивания светильника)⁶⁸. Вывод М.М. Кобылиной о специализации этого района города как ремесленного квартала⁶⁹ подтвердился во время раскопок на южной окраине городища в 1980-х годах (см. ниже). Помимо следов ремесленной деятельности на юго-восточной окраине городища экспедиция открыла остатки оборонительных сооружений Фанагории. Они представляли собой «каменную подошву» оборонительной стены, а также проезд городских ворот. М.М. Кобылина датирует эту находку V в. до н.э., возможно, его концом. В IV в. до н.э. стена уже была разобрана⁷⁰.

«Центральный раскоп» был расположен на нижнем плато городища под холмом (на котором сейчас разбит раскоп «Верхний город»), примерно в том месте, где в 1853 г. была найдена первая надпись на мраморном пьедестале. Он исследовался М.М. Кобылиной с 1959 по 1975 г. (с перерывами). На площади в 575 кв. м были изучены слои с эпохи архаики до Средневековья (IX–X вв.). Они сохранились, к сожалению, крайне неравномерно: если от последнего этапа существования города великолепно сохранились улица, ведущая к морю, жилые и хозяйственные постройки, то от более ранних периодов, в частности эпохи эллинизма, до нашего времени не дошло никаких строительных остатков⁷¹. Особый интерес представляет хорошо сохранившийся комплекс конца VI — начала V в. до н.э. — V–IV вв. до н.э.⁷² На черепяной субструкции стоял каменный фундамент, нижняя часть которого относится к V в. до н.э., а верхняя — к IV в. до н.э. В V в. стены были построены из сырца на каменном фундаменте. В IV в. до н.э. здание было отремонтировано. По мнению М.М. Кобылиной, оно представляет собой храм в антах. Исследовательница связывает этот храм с надписями, открытыми у подножия высокого холма в XIX в. (КБН 971 и 972), которые относятся ко времени Перисада I (вторая половина IV в. до н.э.) и которые были посвящены Афродите Урании, владычице Апатура. На этом же раскопе в 1974 г. были найдены две фрагментарные статуэтки Афродиты III в. до н.э., что может подтверждать наличие здесь храма. М.М. Кобылина полагала, что в данном месте находилась агора с общественными зданиями и статуями. Именно здесь было найдено много фрагментов архитектурных деталей (например, ионийской капители), отесанных квадров эллинистического времени, что означало, что в это время здесь был построен более монументальный храм, от которого сохранилась часть мощного фундамента⁷³.

В 1975 г. М.М. Кобылиной был заложен раскоп на вершине холма в центральной части верхнего плато городища (раскоп «Верхний город»). Работы на нем продолжаются и сейчас (с перерывом с 1981 по 1989 г.). До 1995 г.

на нем было вскрыто около 300 кв. м. В отношении стратиграфии обращает на себя внимание сохранность слоев римского и средневекового (II–VII вв.) времени. Среди средневековых строительных остатков отметим фундаменты жилых домов хазарского периода. Слои эллинистической эпохи присутствуют неравномерно, поскольку в некоторых местах они были уничтожены перепланировочными работами в более позднее время. Важнейший результат исследований на этом участке городища — открытие археологических материалов, относящихся к древнейшему периоду Фанагории. До раскопок на «Верхнем городе» в Фанагории материалы, которые подтверждали бы дату основания Фанагории в середине VI в. до н.э., еще не были обнаружены (см. об этом ниже).

В течение 1979–1991 гг. были произведены исследования вдоль южной границы Фанагории, где была проведена траншея (шириной 5 м) для трубопровода длиной с востока на запад более 500 м. Раскопки показали, что вновь основанная апойкия росла в течение архаического периода быстрыми темпами. Во второй половине VI в. до н.э. на южной окраине находился некрополь архаического времени. Здесь было обнаружено 12 могил, представляющих собой: 1) детские захоронения в амфорах, 2) труположения в прямоугольных ямах, перекрытых досками, 3) в апсидальных в плане ямах, перекрытых плетнями, 4) ямах под курганной насыпью. Одна из могил, в которой была похоронена женщина примерно 50-ти лет, датируется последней четвертью VI в. до н.э. (эта женщина могла входить в число первых поселенцев в Фанагории). Позднее, в начале V в. до н.э. происходит освоение территории, занятой ранее архаическим некрополем, что было связано с ростом и расширением города. Самыми ранними сооружениями на южной окраине Фанагории были постройки из плетней, обмазанных глиной. В плане они представляли собой вытянутые в два ряда и примыкающие друг к другу «помещения». Постройки ориентированы примерно по сторонам света⁷⁴. Авторы раскопок полагают, что глиняно-плетневые сооружения представляли собой временные жилые дома, построенные новой волной переселенцев, прибывшей в Фанагорию из Ионии⁷⁵. Однако согласиться с мнением о том, что эти сооружения были временными жилыми домами, нельзя⁷⁶. Этому противоречит тот факт, что наряду и по соседству с глиняно-плетневыми постройками существовали обычные для этого времени жилые дома, построенные из сырцового кирпича⁷⁷. Количество времени, необходимое для сооружения глиняно-плетневых построек и сырцовых домов известного в Фанагории типа, было примерно одинаковым. Следовательно, у переселенцев не было необходимости строить временные жилища. Кроме того, на месте некоторых из них после прекращения их функционирования строятся аналогичные новые, а одно из них было построено на развалинах дома из сырцовых кирпичей⁷⁸. В общей сложности глиняно-плетневые конструкции просуществовали на южной окраине Фанагории не менее ста лет (от начала V в. до начала IV в. до н.э.). Поэтому вряд ли можно говорить о временном характере этих «жилищ».

Функциональное назначение глиняно-плетневых сооружений помогает определить состав находок из них. Среди этих находок можно перечислить фрагмент тигля с прикипевшими каплями бронзы, большое количество бронзовых шлаков, различные бронзовые изделия (в том числе пластинки панциря), а также древесный уголь и зола. Все это позволяет говорить о том, что глиняно-плетневые сооружения представляли собой ремесленные мастерские, в которых работали бронзолитейщики. Поэтому «очаги» в центре построек являются остатками бронзолитейных печей. В пользу такой интерпретации свидетельствует и ме-

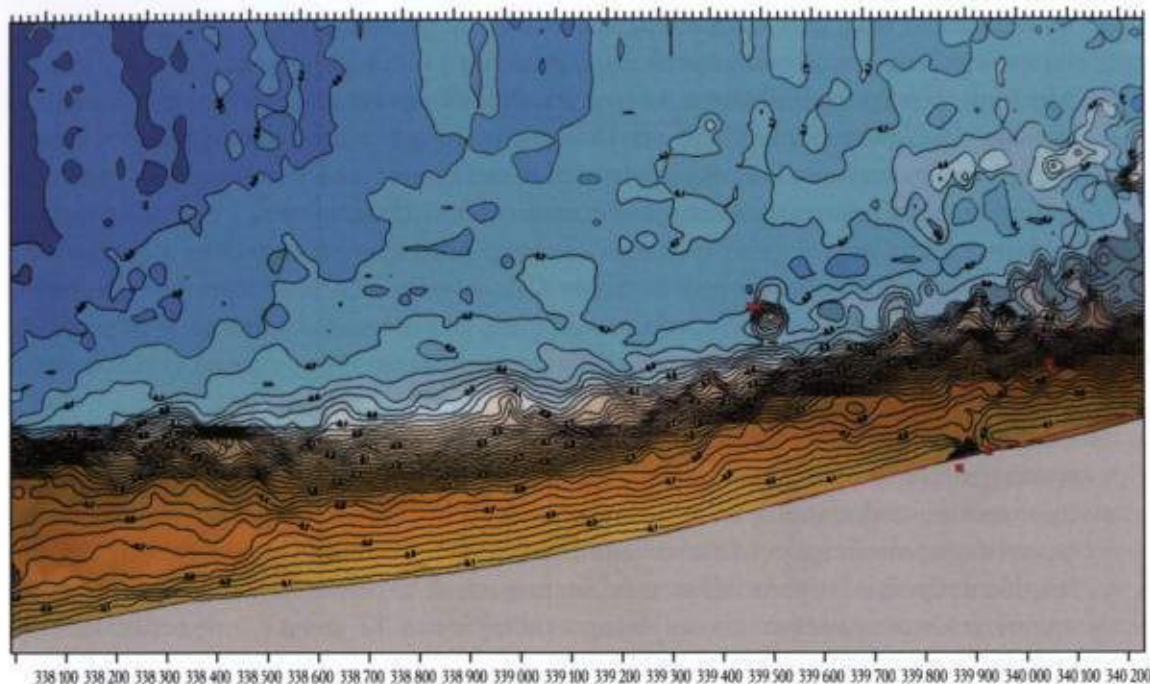

Рис. 5. Батиметрическая карта затопленной части города

стоположение мастерских, которые находились на окраине городища, что вызывалось необходимостью обезопасить город от пожаров. Следы ремесленного производства, и не только бронзолитейного, постоянно встречаются вдоль всей южной окраины города. Именно здесь заложенный в период архаики ремесленный квартал просуществовал до конца античной эпохи, о чем говорят керамические обжигательные печи IV в. н.э., открытые М.М. Кобылиной.

Итак, суммируем основные итоги, полученные в результате исследований Фанагории в течение последних шести десятилетий (с 1936 г. до середины 1990-х годов). Раскопки показали, что город занимал большую площадь. Обычно называется цифра в 50 га⁷⁹. Причем часть территории города, ок. 15–17 га по В.Д. Блаватскому, затоплена водами Таманского залива.

Рис. 6. Подводный фундамент — ряж

Рис. 7. Нижняя часть женской мраморной статуи после подъема со дна моря

Рис. 8. Мраморная голова в момент находки

Рис. 9. Фрагмент мраморного надгробия (?)

Рис. 10. Тамга боспорского царя Савромата II

Толщина культурного слоя местами достигает 6,5–7 м. Археологические материалы показали, что Фанагория была основана во второй половине VI в. до н.э. и просуществовала до IX в. н.э. О районировании города определенно можно сказать только то, что на его южной окраине находился ремесленный квартал. Первые ремесленные мастерские (бронзолитейные, мастерская коропласта) появились здесь еще в первой половине V в. до н.э. Концом античного времени датируются керамические обжигательные печи. В юго-восточном углу городища были найдены плохо сохранившиеся остатки оборонительных сооружений V в. до н.э. К сожалению, о других сооружениях общественного назначения пока ничего не-

известно. Причина этого в крайне плохой сохранности культурных напластований: из-за дефицита камня на Таманском полуострове жители города обычно разбирали кладки предыдущего времени для строительства новых зданий. Очень частыми были перепланировочные работы, в результате чего уничтожались слои. Находки фундаментов, явно относящихся к сооружениям общественного назначения, не дают достоверную информацию об их функциональном назначении. Так, например, обстоит дело с большим зданием IV в. до н.э., явно общественного назначения, на раскопе «Верхний город», площадь которого превышала 130 кв. м. Несмотря на неплохую сохранность (высота одной из стен достигала 1,5 м), определить характер здания не представляется возможным. Естественно, что не может быть сомнений в том,

Рис. 11. Метопы (известняк) с изображением оленя

Рис. 12. Архитектурная деталь после расчистки под водой

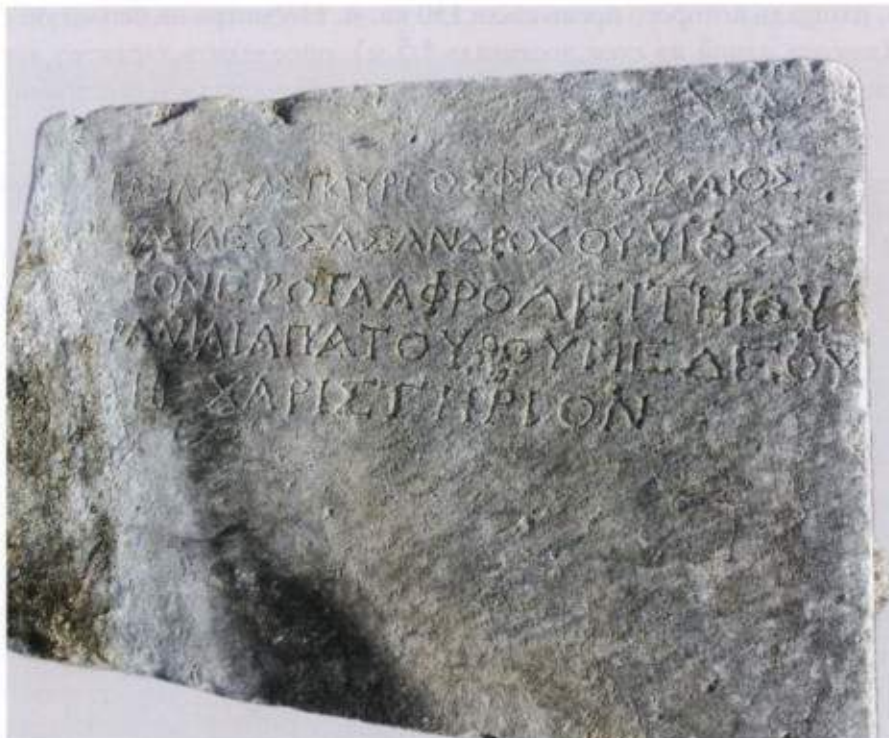

Рис. 13. Посвятительная надпись царя Аспурга

Рис. 14. Мраморный постамент с надписью под статуей царя Савромата II

что в Фанагории находились храмы и другие общественные здания. Свидетельством этого могут служить не только архитектурные детали, найденные в различных частях города, и фундаменты больших зданий, но и данные письменных источников, в том числе надписи (КБН 971–975, 983)⁸⁰. В раннее время в строительстве преимущественно использовался сырцовый кирпич, положенный на каменный фундамент либо прямо на землю. Позднее, особенно начиная с IV в. до н.э., стали активно использовать камень. На протяжении практически всей истории города дома были ориентированы по сторонам света с небольшими отклонениями. Определить размеры не только кварталов, но и в большинстве случаев жилых домов, пока невозможно.

В настоящее время раскопки на Фанагорийском городище сосредоточены в двух местах: в центре верхнего плато на холме, на котором находится раскоп «Верхний город», и в затопленной части памятника. Сначала остановимся на подводных исследованиях. Как уже говорилось, работами экспедиции

В.Д. Блаватского в конце 1950-х годов были установлены границы затопленной части города⁸¹. С тех пор считается, что древняя береговая линия отстоит от современного уреза воды на 220–250 м. В 1999 г. подводные исследования в Фанагории были возобновлены Институтом археологии РАН. По результатам аппаратного обследования морского дна была составлена батиметрическая карта находящейся под водой части Фанагории⁸² (рис. 5). Морское дно обследованного участка покрыто илом, песком и травой. Шурф, заложенный в восточной половине затопленной части городища, в 120 м от уреза воды, показал, что глубина культурного слоя достигает здесь 1,8 м. Слой разбит волнами и переотложен, однако ближе к берегу, на мелководье, он остается непо потревоженным. Здесь видны фундаменты зданий *in situ*. Небольшой раскоп, заложенный в полосе прибоа, позволил обнаружить кладку из крупных тесаных блоков⁸³. Слой толщиной ок. 1 м датируется IV в. до н.э. Находки более раннего времени не обнаружены.

В 2004 г. были предприняты подводные раскопки на западной оконечности акватории затопленной части Фанагории, в результате которых была обнаружена редкая конструкция, сооруженная из бревен и камней, — так называемый «ряж»⁸⁴ (рис. 6). Такие конструкции служили подводным фундаментом при строительстве различных портовых сооружений (о них известно из описания Витрувия, данного им в пятой главе его труда «*De architectura*»)⁸⁵. Фанагорийский ряж был сооружен следующим образом. На участке морского дна, на котором собирались построить подводный фундамент, по периметру будущей конструкции забивали сваи. Между ними уложили параллельно друг другу бревна первого ряда. Пространство между ними заполнили аккуратно уложенными камнями. Поверх них положили второй ряд бревен, перпендикулярных первому. В местах стыков бревна обоих рядов перевязали веревками. Между бревнами снова уложили камни. Такое строительство продолжили до тех пор, пока вся конструкция не достигла нужной высоты. На этом фундаменте было возведено какое-то портовое сооружение (мол, маяк, причал и т.п.).

Ряжи античного времени находят крайне редко. Одно из немногих исключений — портовые сооружения в Кесарии, построенные Геродом Великим в конце I в. до н.э., о чем пишет Иосиф Флавий (*Jos. Bell. Jud. I. 408–411; Ant. XV. 331–339*)⁸⁶. Однако они заметно отличаются от фанагорийских ряжей техникой сооружения. Ряжи из Кесарии представляют собой деревянные ящики с двойными стенками, пространство между которыми заполняли гидравлическим раствором-бетоном на основе *пуццолана*, привозимого из Италии. По мере заполнения ящики опускались на морское дно, после чего на них можно было вести строительство. Фанагорийские ряжи, как уже отмечалось, были нагружены камнями. Из-за дефицита этого строительного материала на Таманском полуострове фанагорийские инженеры были вынуждены, к счастью для нас, использовать вторично не только обработанные строительные блоки, но и архитектурные детали, надгробия, обломки мраморных статуй, надписи на мраморных плитах. Среди находок такого рода наиболее интересными являются четыре полностью сохранившихся надписи, фрагменты статуй (рис. 7), в том числе мужская голова больше натуральной величины (рис. 8), фрагмент мраморного надгробия (?) с изображением сцены терзания грифона быком (рис. 9), мраморная плита с тамгой боспорского царя Савромата II (рис. 10), метопа с изображением оленя (рис. 11), а также многочисленные архитектурные детали от зданий общественного назначения (рис. 12)⁸⁷.

Рис. 15. Строительная надпись
220 г. н.э.

Рис. 16. Верхняя часть мраморного
надгробия с надписью Гипсикратии

Исключительное значение имеют четыре надписи, найденные на морском дне⁸⁸. В первой сообщается о посвящении боспорским царем Аспургом статуи Эрота Афродите Урании, владычице Апатура, чье святилище в Фанагории славилось далеко за пределами Боспора (Strab. XI. 2. 10) (рис. 13)⁸⁹. В ней говорится следующее: «Царь Аспург, друг римлян, сын царя Асандроха, (посвятил статую) Эрота Афродите Урании, владычице Апатура, в качестве благодарственного приношения». Поскольку надпись выбита на большом мраморном строительном блоке, не исключено, что он происходит из стены этого знаменитого храма Афродиты. Документ называет Аспурга сыном царя Асандроха, тем самым снимая все сомнения исследователей в законности его прав на престол⁹⁰. По всей видимости, посвящение царем статуи в широко известное святилище было связано с каким-то важным событием в его жизни. Вторая надпись выбита на большом мраморном постаменте, на котором стояла статуя боспорского царя Савромата II, посвященная одним из его царедворцев (рис. 14): «В добрый час. Происходящего от предков царей, великого царя Тиб(ерия) Юлия Савромата (его статую), сына царя Реметалка, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, любящего свое отечество, пожизненного первосвященника августов, благодетеля отечества и основателя, Юлий Менестрат, *архикойтонит* (постельничий), своего бога и владыку почета ради (поставил)». В ней представлена самая полная титулатура царя, пока-

Рис. 17. Вид на холм «Верхний город»
с раскопом

Рис. 18. Вид на раскоп «Верхний
город» с воздуха

Рис. 19. Здание с водостоком

Рис. 20. Общественные здания V и IV вв. до н.э.

Рис. 21. Храм III в. до н.э.

Рис. 22. Здания VI–IV вв. до н.э. и хозяйственные котлованы VI–V вв. до н.э.

зывающая зависимость Боспора от Рима. Третий документ, который имеет точную дату (220 г. н.э.), важен сообщением о войне, в результате которой в Фанагории был разрушен портик (рис. 15): «В добрый час! В царствование царя Тиберия Юлия Рескупорида, сына великого царя Савромата, друга цезаря и друга римского народа, благочестивого, выстроив от основания разрушенную войной стую, Бейбий, сын Ахемена, внук Бейбия, лохаг, восстановил ее из своих средств для отечества при *несархе* Публии, сыне Антимаха, внуке Деметрия, заботами Гелия, сына Мены, в 517 году, месяце Лое первого числа». Можно полагать, что город незадолго до 220 г. был на некоторое время захвачен каким-то варварским войском. Вскоре он был освобожден, в нем были осуществлены восстановительные работы, в результате чего был заново построен один из портиков.

Весьма необычной является четвертая надпись на надгробном мраморном постаменте под статую жены царя Митридата VI, которая названа мужским именем Гипсикрат: «Гипсикрат, жена царя Митридата Евпатора Диониса, прощай» (рис. 16). Из сообщения Плутарха (Plut. Rom. 32. 8) известно, что так царь называл за мужество и бесстрашие свою наложницу Гипсикратию⁹¹. По всей видимости, она погибла в 63 г. до н.э. во время восстания Фанагории против Митридата VI (App. Mithr. 108)⁹² и была похоронена на фанагорийском некрополе. Этот документ подтверждает аутентичность данных литературной традиции.

Теперь обратимся к исследованиям на холме в центральной части городища (рис. 17–18). Ранее считалось, что Фанагория была основана на берегу моря⁹³. Однако раскопки «Верхнего города» показали, что историческим ядром города был именно этот холм, относительно неплохо укрепленный природой. Жизнь на этом месте продолжалась примерно с середины VI в. до н.э. по IX в. н.э. Сохранность слоев весьма неравномерная. Лучше всего сохранились напластования II–III вв. н.э. и раннесредневекового времени, несравненно хуже состояние слоев архаического и эллинистического времени. Практически полностью отсутствуют слои I в. до н.э. — I в. н.э.

В римское и раннесредневековое время на исследуемом участке располагались жилые кварталы, от которых остались небольшие фрагменты фундаментов (рис. 19). Для позднеархаического, классического и эллинистического периодов здесь зафиксировано несколько зданий общественного назначения. Об этом можно судить прежде всего по большой толщине кладок фундаментов (от 0,8 до 1,1 м) и элементам плана зданий. Выше уже говорилось о здании IV в. до н.э. площадью более 130 кв. м, которое, несомненно, имело общественное назначение (рис. 20). Другое здание, датируемое III в. до н.э., площадью ок. 30 кв. м, построенное из блоков ракушечника вторичного назначения (в том числе архитектурных деталей), являлось, по всей видимости, небольшим храмом (*templum in antis*?) (рис. 21). Для более раннего времени (первая половина V в. до н.э.) на раскопе зафиксирован фундамент здания, длина которого превышает 10 м при ширине 1,1 м. Очевидно, что и оно также было общественным.

Таким образом, с эпохи поздней архаики до эллинизма в центральной части холма находился один из общественных центров Фанагории, хотя в первые десятилетия жизни города дело обстоит иначе — здесь в середине VI в. до н.э. переселенцами из Теоса была основана Фанагория. К сожалению, наиболее ранний слой сохранился крайне плохо, поскольку был сnivelирован, как это было и в других северочерноморских городах. Фиксируются только отдельные его пятна и прослойки, где местами сохранились остатки стен домов, построенных из сырцовых кирпичей (рис. 22). Самыми ранними сооружениями можно считать остатки сырцовой стены и небольшой фрагмент вымостки. От стены сохранилась лишь желтая полоса глины толщиной не более 1 см, ориентированная с востока на запад. Ее ширина 0,45 м, длина ок. 1,3 м. Вымостка, находящаяся в 1,2 м к югу от стены, сложена из небольших камней и обломков амфор. Еще фрагмент одной стены был заглублен в материковый песок на глубину в три ряда кирпичей (рис. 23). Именно поэтому он сохранился. Все эти объекты, очевидно, относятся к первому десятилетию существования города. Такой датировке не противоречат и находки (ионийские килики с розеттами и палочным орнаментом, аттические мелкофигурные килики).

Несколько более поздним временем (второй половиной VI в. до н.э.) датируется еще несколько домов, которые сохранились лучше. Всего зафиксировано около двух десятков таких домов из сырцовых кирпичей. К сожалению, от них сохранились лишь нижние части стен (от одного до восьми рядов кирпичей). Техника строительства была довольно простой: в более раннее время (VI в. до н.э.) кирпичи клали на землю без фундамента. Иногда под стену выкапывалась неглубокая траншея. Любопытно отметить, что далеко не всегда перед началом строительства поверхность земли полностью выравнивалась: зафиксировано несколько случаев, когда кирпичи были положены на неровную поверхность. Количество их рядов становится больше там, где эта поверхность

Рис. 23. Фрагмент сырцовой стены, заглубленный в материковый песок (третья четверть VI в. до н.э.)

Рис. 24. Подвал из сырцовых кирпичей (вторая половина VI в. до н.э.)

понижается. Позднее, в конце VI — начале V в. до н.э. сырцовые стены начинают класть на каменный фундамент, который, как правило, состоит из двух–трех рядов камней. В качестве пола в домах служила утрамбованная золотистая земляная поверхность. В одном из домов пол был сделан из сырцовых кирпичей, положенных плашмя. Вдоль нижней внутренней поверхности стен были орфостатно поставлены кирпичи. Стены имели толщину кирпичей, положенных поперек. Размеры кирпичей варьируются. Например, у дома № 5 они равны 0,52 × 0,45 × 0,07 м, у дома № 9 — 0,46 × 0,42 × 0,05 м, у дома № 6 — 0,57 × 0,42 × 0,7 м⁹⁴. Стены изнутри и снаружи покрыты специальным водоотталкивающим слоем толщиной в 1–2 см. Можно полагать, что он делался по специальной технологии, был весьма прочным и эффективно защищал сырцовые кирпичи от воздействия влаги⁹⁵.

Здания ориентированы с северо-запада на юго-восток. Размеры домов в начальный период жизни города были небольшими — 10–20 кв. м, однако в конце архаического периода появляются дома большей площади. Архаические кварталы разделены улицами и переулками, замощенными камнями или черепками. Ширина улиц достигает 2,5 м, переулков — 0,55–0,6 м. В архаическое время некоторые жилые дома имели подвалы, служившие для хозяйственных целей. Один из таких подвалов был обнаружен на раскопе (рис. 24). Он был заглублен на 1,5 м в материк. Общая площадь подвала более 5 кв. м. Помимо подвалов для хозяйственных и производственных целей служили

Рис. 25. Склад амфор второй четверти V в. до н.э. в одном из котлованов

Рис. 26. Горн из амфор третьей четверти VI в. до н.э.

Рис. 27. Вид на восточный некрополь Фанагории с воздуха

Рис. 28. Вид на западный некрополь Фанагории с воздуха

Рис. 29. Земляной склеп

Рис. 30. Кремация в бронзовой гидрии (IV в. до н.э.)

котлованы, заглубленные в материковый грунт. Котлован, раскопанный в 2006 г., служил складом для амфор (рис. 25). Он датируется второй четвертью V в. до н.э. Ремесленная деятельность в архаическом городе была вполне развита. В 2006–2007 гг. на раскопе «Верхний город» были обнаружены остатки двух небольших бронзолитейных мастерских. К сожалению, они в значительной степени уничтожены ямами более позднего времени. Сохранились лишь небольшие бронзолитейные горны, устроенные довольно примитивно. Каждый из них представлял собой верхнюю часть амфоры, которая была вкопана в грунт в перевернутом виде (рис. 26). В качестве воздуховода, через который в топку нагнетался воздух, выступали три горла амфор, состыкованные одно с другим. Здесь же найдены так называемые «конусовидные предметы», которые обычно связывают с производственной деятельностью. Одна из

Рис. 31. Расчистка надгробия на восточном некрополе

Рис. 32. Женское надгробие

Рис. 33. Гипсовый налест на саркофаге в виде грифона

Рис. 34–36. Ювелирные украшения из богатого склепа

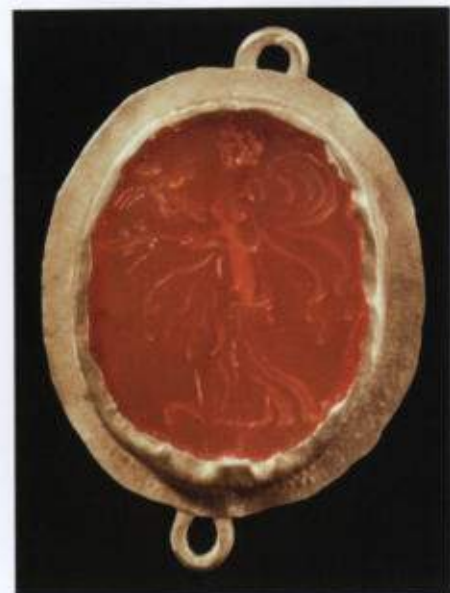

Рис. 37. Вид на склеп с уступчатым перекрытием снаружи

Рис. 38. Вид на склеп сверху через плафон

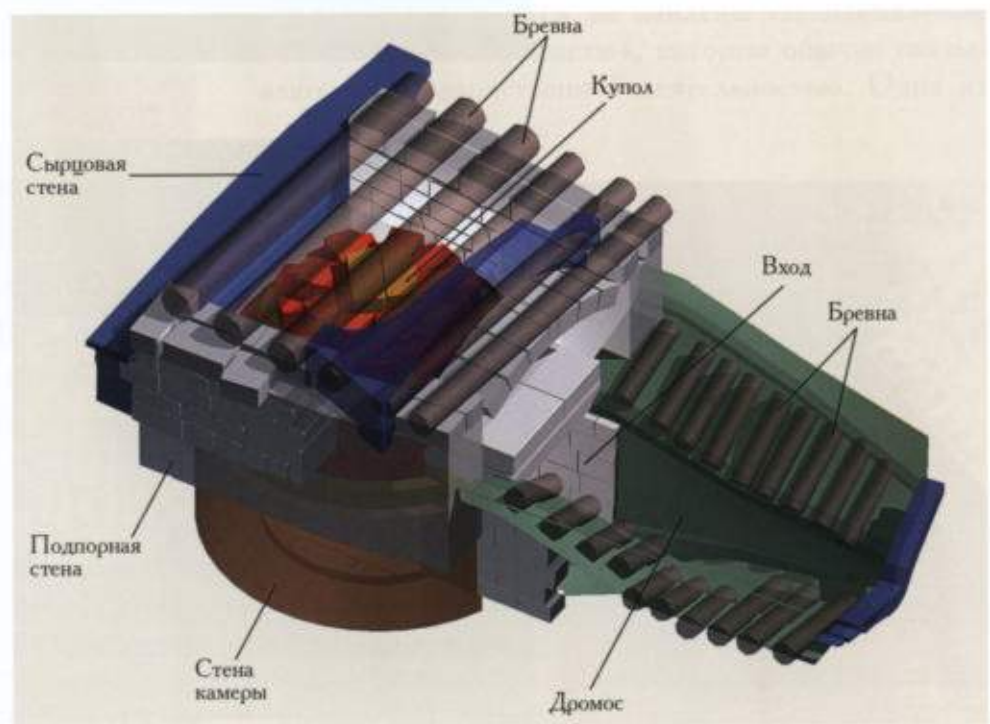
Рис. 39. Вид на склеп изнутри

Рис. 40. Схема устройства склепа с уступчатым перекрытием

этих мастерских датируется серединой — третьей четвертью VI в. до н.э., т.е. практически временем основания Фанагории, вторая же относится ко второй половине этого же столетия.

Самой сложной проблемой, связанной с архаическим слоем на раскопе «Верхний город», является датировка находимых строительных объектов. Дело в том, что в самом нижнем, надматериковом слое обычно находят весьма невыразительные фрагменты керамики, которые, как правило, имеют широкую дату. В частности, это относится к так называемой «ионийской полосатой керамике», которая часто представляет собой лишь мелкие обломки ионийских киликов и закрытых сосудов с простыми полосами. Поэтому особое значение приобретает относительная датировка объектов.

Сейчас еще неизвестно, какую площадь занимало древнейшее поселение⁹⁶. Если исходить из того, что из Теоса выселились сразу все его жители (в Абдери, а затем в Фанагорию), то мы можем предполагать, что первоначальное поселение должно было быть довольно большим. Однако пока мы можем констатировать только следующее: к востоку от холма «Верхний город» (через лощину) и к северу от него (т.е. на нижнем плато) слой третьей четверти VI в. до н.э. не зафиксирован. Раскопки последних лет на южной окраине городища показали, что этот слой отсутствует также и там.

В XIX в. археологи, как уже говорилось, основное внимание уделяли раскопкам некрополя Фанагории (рис. 27, 28). Хотя качество этих работ, как правило, было невысоким, но в ряде случаев были сделаны выдающиеся открытия. Упомянем в качестве примера лишь широко известные раскопки кургана Большая Близница, который относился к некрополю Фанагории. Здесь было обнаружено три каменных склепа, две плитовые могилы и погребения с кремацией. В одном из склепов было, вероятно, погребение жрицы в саркофаге из кипариса, украшенном резьбой по слоновой кости. На погребенной находилось большое количество украшений, в том числе выдающиеся произведения античного ювелирного искусства (калаф, браслеты, перстни с резными камнями, ожерелья и т.д.)⁹⁷.

Исследования некрополей Фанагории показали большое разнообразие погребальных сооружений — от простых земляных могил до богатых каменных склепов с уступчатыми перекрытиями (рис. 29, 40)⁹⁸, в которых найдено большое количество разнообразного погребального инвентаря (рис. 34–36). Среди находок последнего времени необходимо упомянуть каменный склеп, открытый в 2003 г. на южном некрополе, в так называемой «аллее курганов»⁹⁹. Он представляет собой круглую погребальную камеру, на стенах которой лежит уступчатый свод в виде концентрических кругов (рис. 37–40). В камеру вел дромос, перекрытый толстыми бревнами, и каменный коридор. Склеп был полностью ограблен. На полу сохранилась лишь пантикапейская монета IV в. до н.э.

Подведем некоторые итоги. Древнейшие слои, относящиеся ко времени основания Фанагории выходцами из Теоса, находятся на краю верхнего плато в центральной части городища на холме «Верхний город». К востоку от этого холма и к северу от него слой середины VI в. до н.э. не зафиксирован. Пока остается неясным, распространялся ли древнейший город к югу и к западу от холма. Раскопки на холме «Верхний город» показали, что город не был построен хаотично. О наличии определенного плана свидетельствует единая ориентировка домов, их разделяли улицы и переулки. Такая картина не менялась на протяжении всей эпохи архаики: новые дома строились на месте уже прекративших свое существование без изменения ориентации. Однако пока нет достаточных оснований говорить о том, что уже с самого начала город имел регулярный план¹⁰⁰. По приезду на новое место переселенцы построили привычные для себя дома из сырцовых кирпичей, в каких они жили на своей прежней родине. Дома состояли из одной—двух комнат. Часть домов имела полуподвальные помещения. Современные исследования показывают, что во всем греческом мире дома архаического времени были небольшими и неприятельными¹⁰¹. Однако качество строительства фанагорийских домов было высоким: кирпичи изготовлены весьма тщательно, стены сложены аккуратно, покрыты снаружи слоями специальной водоотталкивающей обмазки.

Сразу же после переселения колонисты должны были сами обеспечивать себя необходимыми продуктами и изделиями. Это было вполне реально,

если, с одной стороны, учитывать опыт и квалификацию ремесленников, находившихся среди колонистов (как показывает пример с мастерской, в которой изготавливались различные изделия из бронзы и даже была отлита бронзовая статуя), а с другой — природные ресурсы Тамани. Фанагорийские ремесленники могли обеспечить свою общину предметами первой необходимости. К сожалению, в земле сохраняется лишь ограниченный круг предметов и вещей, использовавшихся греческими переселенцами, тогда как другие (изделия из дерева, тканей, прочих органических веществ, во многих случаях из металлов) со временем безвозвратно исчезли. Это обстоятельство сильно затрудняет решение вопроса о характере фанагорийских ремесел и искусстве ремесленников. Тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что в городе жили и работали кузнецы, плотники и столяры, гончары, камнетесы и другие мастера, так как импортировать все необходимые товары (прежде всего предметы первой необходимости) было невозможно. Тем более, что они должны были быть чем-то оплачены.

Археологические разведки, проведенные на Таманском полуострове, показывают, что уже в архаический период его территория была освоена довольно быстро: к концу архаической эпохи он был покрыт целой сетью сельских поселений¹⁰². Примерно в 1 км к югу от Фанагории, за Майской горой, находится долина с плодородной землей, на которой возможно выращивать все необходимые (и способные произрастать в этой климатической зоне) сельскохозяйственные продукты. Именно здесь располагалась хора Фанагории. Ее размеры пока не известны, и она остается до сих пор практически неизученной. Керамика, собранная с поверхности сельских поселений, окружающих Фанагорию, показывает, что по крайней мере три из них были основаны в третьей четверти VI в. до н.э.¹⁰³ Следовательно, освоение хоры началось сразу же после переселения в эти места теосцев. Археологические и нумизматические материалы позволяют считать сельское хозяйство основой экономики фанагорийского полиса. Многие полисные культы были связаны с божествами, имевшими отношение к земледелию и плодородию. Не случайно и то, что позднее (уже в V в. до н.э.) на первых монетах Фанагории в качестве добавочной эмблемы на оборотной стороне служило изображение хлебного зерна¹⁰⁴.

О роли торговли в экономике архаической Фанагории можно судить лишь на основе археологических данных. Первое место среди них принадлежит керамике, главным образом амфорной таре. Раскопки слоев VI — начала V в. до н.э. на городище дают большое количество обломков амфор, импортированных из различных городов Средиземноморья. Однако реконструкция направлений торговых связей и объема торговли весьма затруднительна на современном этапе наших знаний. Причина состоит как в том, что нам остается неизвестным ряд центров, производивших тару, так и в очень слабой изученности слоев архаического времени.

По крайней мере эти два обстоятельства заставляют нас говорить о торговле товарами в амфорной таре в самом общем виде, без каких-либо конкретных цифр. Наиболее ранним типом амфор, найденных в Фанагории, являются хиосские амфоры с белой облицовкой. К сожалению, речь идет только об амфорных стенках. Эти амфоры, как известно, доживают до третьей четверти VI в. до н.э.¹⁰⁵ К этому же времени относятся хиосские же амфоры с воронкообразным горлом и амфоры *a la brosse*. Наряду с расписной керамикой именно эти типы являются подтверждением факта основания

Рис. 41. Ионийский килик с изображением цветка лотоса

Рис. 42. Ионийский килик с венком лучей вокруг ножки

Рис. 43. Ионийский аск с изображением осьминога

Рис. 44. Клазоменская амфора с изображением сатира

Фанагории временем около середины столетия. Типы тары, которые находят на городище в слоях второй половины VI — первой четверти V в. до н.э., характерны для всех боспорских городов и поселений: хиосские, клазоменские, лесбосские, «протофасосские», самосские, милетские, фасосские и некоторые другие. Ряд центров, производивших эти амфоры, остается до сих пор неизвестным. В отношении других предпринятые в последнее время исследования дали положительный результат. Так, П. Дюпону на основе лабораторных анализов удалось выделить из самосской тары (по классификации В. Грейса¹⁰⁶) милетские амфоры¹⁰⁷. Этот вывод позволяет говорить о преувеличении самосского импорта (прежде всего оливкового масла) в Причерноморье¹⁰⁸ и о недооценке импорта милетского. Не является исключением и Фанагория, для которой самосский импорт в свете новых атрибуций должен теперь считаться весьма ограниченным¹⁰⁹, хотя полностью отрицать его наличие нет никаких оснований. В соответствии с классификацией П. Дюпона самосские (по И.Б. Зеест) и «протофасосские» амфоры составляют две связанные группы тары. Они производились где-то в северной Эгееде, причем «протофасосские» стали заменять (начиная с последней четверти VI в. до н.э.) «самосские»¹¹⁰.

Рис. 45. Ионийская амфора

Рис. 46. Ионийская чаша (тип B2)

В самом общем виде можно говорить о средиземноморских центрах, производивших амфорную тару, которые были важнейшими партнерами в торговле с Фанагорией. В первую очередь — это Хиос. Хотя в настоящий момент мы не можем оперировать статистическими данными, тем не менее совершенно очевидно, что хиосский импорт в архаическую эпоху преобладает над импортом из других регионов Средиземноморья¹¹¹. Важное место в этой торговле принадлежало также Лесбосу (сероглиняные и красноглиняные = «со стаканообразными ножками» амфоры), неизвестным северозегейским центрам («самосские» и «протофасосские» амфоры), в меньшей степени Клазоменам, а также Милету и Самосу¹¹². В целом список фанагорийских торговых контрагентов находится в соответствии с направлением торговых связей прочих боспорских городов¹¹³. Он определенно свидетельствует об ориентации Фанагории и других боспорских апоекий на Ионию. Этот вывод подтверждается и крайне незначительным импортом в таре из городов материковой Греции¹¹⁴. Безусловно, такое положение дел связано с особыми отношениями между ионийскими метрополиями и их апоекиями на северном Понте.

В первой четверти V в. до н.э. ситуация начинает постепенно меняться. Хотя экспорт товаров из ионийских центров в Северное Причерноморье и продолжается, его объемы снижаются. Происходит поступательное проникновение на этот рынок продукции из Северной Греции (прежде всего из Фасоса и его округа)¹¹⁵. В целом эта картина характерна и для Фанагории¹¹⁶.

Восстановление списка товаров, которые импортировались в северопонтийские города (в том числе в Фанагорию), является задачей весьма сложной. Естественно, что кроме вина и оливкового масла сюда завозилась и другая, самая разнообразная продукция, которая не могла быть произведена на месте.

Рис. 47–51. Аггическая чернофигурная керамика

Раскопки архаического слоя Фанагории дают возможность несколько расширить номенклатуру привозимых в город товаров: черепица, пифосы, терракотовые статуэтки, украшения, металлы, различная керамика, в том числе расписная. Не лишены оснований предположения о ввозе тканей, ковров, одежды и т.п. Особое внимание археологи и историки уделяют расписной керамике как одной из важнейших статей импорта. При этом обычно считается, что она была дорогостоящим и «роскошным» товаром. В Фанагории обнаружено довольно большое количество расписной керамики. Поскольку время основания апойкии приходится примерно на середину VI в., когда начинается широкое распространение аттической керамики по всему Средиземноморью и Причерноморью, то в самых ранних слоях встречаются оба типа посуды — ионийская, доминировавшая в Понте в первой половине столетия, и аттическая чернофигурная.

Ионийская керамика представлена небольшим количеством типов посуды, которая постепенно деградирует и сходит со сцены: килики с венком лучей вокруг ножки, килики с тонкими стенками и прямым венчиком, украшенные простыми полосами лака (рис. 41, 42); закрытые сосуды (амфоры, ойнохой, лекифы, аски), несущие на тулове полосы лака и разнообразный орнамент на плечах (волнообразный или S-образный), хиосские кубки с белой облицовкой с полосой лака снаружи; миски; клазоменские расписные амфоры (рис. 43, 44); редкие сосуды стиля «Фикеллура». Вся эта керамика датируется второй половиной VI в. до н.э. Наибольший интерес вызывают те находки керамики, которые позволяют более точно говорить о дате основания Фанагории. Таких находок не так много. Среди них обращают на себя внимание следующие категории материалов восточноионийского происхождения. К первой категории принадлежит керамика позднего стиля «диких козлов» (late wild goat style, по Р. Куку¹¹⁷), которая датируется второй четвертью — серединой VI в. до н.э. За все время работ на раскопе «Верхний город» было найдено всего несколько обломков такой посуды (рис. 45). Вторую категорию керамики представляют ионийские чаши (ionian cups) типов В2 и В3 (по Валле—Вийяру¹¹⁸) (рис. 46). Тип В2 относят к 580—540 гг. до н.э., а тип В3 — к 560—530 гг. до н.э. Эти категории киликов периодически встречаются на раскопе «Верхний город». Помимо этого, довольно часты ранние типы терракотовых статуэток. Таким образом, археологические материалы подтверждают датировку основания Фанагории примерно серединой VI в. до н.э., которая устанавливается на основании письменных источников (540-е годы).

Аттическая чернофигурная керамика заметно многочисленнее ионийской. Естественно, здесь не место перечислять все образцы этой посуды из Фанагории, поскольку она заслуживает специальной публикации¹¹⁹ (рис. 47—51). Отметим лишь, что к числу наиболее ранних фрагментов относятся некоторые из мелкофигурных киликов.

Сейчас многие специалисты отказываются от традиционного взгляда на расписную керамику как на предмет роскоши. Исследования показывают, что эта керамика была весьма дешевой и не являлась важной статьей в торговых операциях¹²⁰. Соответственно снимается вопрос, который нередко ставится в научной литературе, о необходимости северопонтийскими греками оплачивать «обильный»¹²¹ импорт «дорогостоящей» посуды, привозимой из Средиземноморья, в частности из Афин. Тем не менее вопрос об оплате товаров, поступавших в Фанагорию, не может быть обойден вниманием. Он тесно связан с проблемой механизма торговли в архаический период.

Исследователи, интерпретируя те или иные археологические находки, часто пишут о торговых связях между конкретным понтийским городом и тем или иным полисом в Средиземноморье. Например, между Ольвией и Самосом, Пантикапеем и Афинами, Кепами и Хиосом и т.д. Имеем ли мы право именно так ставить вопрос? Скорее всего, мы должны дать отрицательный ответ. Трудно себе представить, чтобы, например, Хиос специально торговал с каждым северопонтийским городом в отдельности. Эта торговля не находилась в сфере компетенции государства, не организовывалась на государственном уровне. Она находилась в руках частных предпринимателей, которые везли товар, бывший в избытке в одном месте, туда, где испытывался в нем недостаток. Причем национальность купца не обязательно совпадала с тем местом, откуда этот товар происходил. Так, преобладание в Фанагории во второй половине VI в. до н.э. среди расписной керамики аттической посуды не означает, что: во-первых, Афины торговали с этим боспорским городом (тем более напрямую) и, во-вторых, эту торговлю осуществляли афинские купцы. Специальные исследования меток на подошвах аттических расписных сосудов показали, что значительное их количество было сделано не на аттическом, а ионийском и других диалектах¹²². Тогда как, например, метки на коринфских вазах делались на коринфском же диалекте¹²³. Видимо, аттические вазы перевозились преимущественно или исключительно неафинянами. Поэтому логичным выглядит мнение об отсутствии в архаическое и раннеклассическое время корреляции между афинскими интересами и регионами, куда импортировалась аттическая расписная керамика¹²⁴.

Купцы, отправлявшиеся в северный Понт, обычно плыли не в конкретный город: они распродавали свои товары по пути следования, тем более, что плавание было каботажным. Не случайно набор импортной расписной керамики (которая в данном случае выступает как index of commerce¹²⁵) и амфорной тары архаического времени примерно одинаков по всему Северному Причерноморью. То же самое мы можем предполагать и для других товаров, которые по тем или иным причинам со временем исчезли или не сохранились в земле.

Но о чем может свидетельствовать увеличение в слоях Фанагории в течение второй половины VI — начале V в. до н.э. доли аттической расписной керамики за счет ионийской при резком преобладании ионийского и северозегейского импорта в таре над импортом из материковой Греции? Вряд ли можно на современном уровне наших знаний дать вполне определенный ответ на этот вопрос, допустимо лишь высказать некоторые соображения. Преобладание в Фанагории аттической расписной керамики над ионийской во второй половине VI в. до н.э. является феноменом, характерным для всего Средиземноморья и Причерноморья. Иначе говоря, здесь не следует искать какую-либо специфику торговых связей Фанагории. Сейчас нет твердо установленных фактов, свидетельствующих о постоянном присутствии афинских торговцев в северном Понте вообще и в боспорских городах (в том числе в Фанагории) в частности¹²⁶. Тем более, нельзя говорить о специальных интересах Афин, в том числе в торговле хлебом¹²⁷. Аттическая столовая посуда могла попадать в Фанагорию (и на северное побережье Черного моря в целом) при посредничестве купцов из других регионов Средиземноморья. Помимо предполагаемого участия в этом процессе ионийцев можно более или менее уверенно говорить о торговцах из Эгины и, возможно, Пелопоннеса.

Хорошо известно, что жители Эгины из-за крайней скудости почвы на острове вынуждены были с ранних времен заниматься торговлей (Strab. VIII. 6. 16)¹²⁸. Важным представляется факт активной деятельности эгинетов в Восточном Средиземноморье: Эгина была единственным не восточно-греческим городом, участвовавшим в торговых операциях в Навкратисе, а тесная связь с Ионией позволила эгинским торговцам освоить морской путь в Понт¹²⁹. Подтверждение этому мы находим в известной фразе Геродота о кораблях, везущих из Понта зерно в Эгину и Пелопоннес (480 г. до н.э.) (Herod. VII. 147. 2). В качестве доказательства, хотя и отнюдь не твердого, присутствия представителей пелопоннесских городов на Боспоре могут служить две категории коринфской керамики — амфорная тара и расписная посуда, хотя ее количество крайне ограничено. В Фанагории образцы коринфской керамики весьма редки¹³⁰, и можно было бы полагать, что торговля между Понтом и Пелопоннесом находилась в руках эгинских купцов. Однако от такой поспешности заставляет отказаться надгробие, найденное в Анапе. Оно гласит: Φιλόξενοϛ Κέλωνοϛ ἐ Πελοποννάσο ἐξ Ἑλίχης («Филоксен, сын Келона, из Пелопоннеса, из Гелики»)¹³¹. Возможно, что прибывший к своему несчастью в Синдику житель пелопоннесской Гелики Филоксен мог быть как-то связан с торговлей. Любопытно, что дата надгробия (80-е годы V в. до н.э.) по времени совпадает со свидетельством Геродота о кораблях с понтийским хлебом¹³². Таким образом, мы можем с большой долей уверенности говорить о том, что торговля с Фанагорией и другими боспорскими городами находилась в руках ионийских¹³³, а также эгинских и, возможно, пелопоннесских торговцев¹³⁴. Нельзя исключать участие в этих операциях и местных купцов.

Какие же товары приезжие торговцы могли купить в Фанагории и других городах, расположенных по берегам Боспора Киммерийского? Большинство исследователей как отечественных, так и зарубежных в понтийской, и в частности в боспорской торговле, на первое место ставят зерно¹³⁵. Но можно ли говорить о производстве товарного зерна на Боспоре в архаическое время?

Фанагорийский полис располагался на плодородных таманских землях, которые позволяли выращивать богатый урожай разнообразных сельскохозяйственных культур, однако хора Фанагории имела довольно ограниченные размеры. Даже если в распоряжении граждан полиса оставались излишки зерна для продажи заморским купцам, все же его не могло быть так много, чтобы уже в VI в. до н.э. бесперебойно обеспечивать им средиземноморских торговцев. То же самое касается и других городов Таманского полуострова (Гермонассы, Кеп, Патрея). По мнению Т. Нунена, торговля понтийским зерном не могла начаться раньше V в. до н.э.¹³⁶ Современные исследования показывают, что Афины, один из крупнейших потребителей импортного зерна классического времени, в архаический период не испытывали острой нужды в этом товаре¹³⁷. Таким образом, хлеб из Боспора мог начать поступать в Грецию в каких-то количествах с начала V в. до н.э., что совпадает в данными Геродота.

Раскопки в Фанагории свидетельствуют о нелегкой жизни первых переселенцев. В архаическом слое городища часто фиксируются следы пожаров. В первом по времени из них (рубеж третьей и последней четвертей VI в. до н.э.) погибли дома № 5 и 9. Второй пожар, в котором погиб дом № 6 и мастерская скульптора-бронзолитейщика, датируется началом второй четверти V в. до н.э. Если в первом случае отсутствует твердая уверенность в

том, что это был локальный пожар, то во втором — такая уверенность есть. В начале второй четверти V в. до н.э. погибают в огне ремесленные мастерские, которые находились на южной окраине города. Более того, следы пожара этого же времени зафиксированы и в центральной части нижнего плато городища. Любопытно, что здесь же найдены обломки меча¹³⁸. Таким образом, следы разрушений, обнаруженные в различных частях города в начале второй четверти V в. до н.э., свидетельствуют о какой-то катастрофе, постигшей Фанагорию. Однако попытки связать этот пожар с образованием Боспорского государства¹³⁹ вызывают возражения. Ведь пожар мог произойти как по причине бытовой, так и в результате внутреннего или внешнего конфликта. Можно лишь предполагать, что фанагорийские пожары начала V в. до н.э. были связаны с внешними или внутренними конфликтами. Но никаких конкретных суждений высказать пока невозможно¹⁴⁰.

Весьма важный и редкий документ о торговых связях Фанагории был случайно найден в 1992 г. на городище. Речь идет о письме на свинцовой табличке, которое было опубликовано Ю.Г. Виноградовым¹⁴¹. Оно гласит (чтение издателя): ὁ παῖϛ : οὗτοϛ ἐ Βορυσθένεοϛ ἐλρήθη : ὄνομα : αὐτῶν : Φαῦλληϛ, πάντα : θέλομεν : [χρηῆ? ἀπο]δ[όσ]θαι («Этот раб был вывезен для продажи из Борисфена, его имя Фаулл. Мы хотим, чтобы все (долги?) были выплачены»). Дата письма — 30–10-е годы VI в. до н.э. Судя по тексту, раб был привезен в Фанагорию из Ольвии и затем куплен здесь. По мнению Ю.Г. Виноградова, привоз раба на такое большое расстояние для продажи можно объяснить тем, что Фаулл был специалистом высокой квалификации в какой-то редкой профессии. Такое объяснение возможно, однако нельзя забывать, что каботажное плавание вдоль северного побережья Черного моря связывало многие города этого региона и позволяло без особых сложностей перевозить необходимые товары. Как бы то ни было, документ приоткрывает завесу, за которой скрывается сложный механизм торговых связей одного из боспорских полисов.

Таким образом, несмотря на многолетние раскопки в Фанагории и важные открытия, это городище остается пока малоизученным. Причин такого положения несколько. Во-первых, до последнего времени раскопки не были масштабными. Во-вторых, исследования, которые проводились до 1936 г., носили по преимуществу варварский характер и после них не осталось документации, содержащей полноценную научную информацию. И наконец, главное: размеры памятника и мощь его культурного слоя таковы, что необходимо значительное количество времени для того, чтобы в распоряжении ученых оказались материалы, достаточные для решения основных проблем истории древней Фанагории.

¹ Плетнева С.А. Фанагория // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–VIII века. М., 2003. С. 180, 182.

² Данышин Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 59–72.

³ Подробнее см.: Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 33–34.

⁴ Он же. Боспор и Афины: хлебная торговля // РА. 2000. № 1. С. 107–119; Маринович Л.П. Об одном источнике по проблеме афино-боспорской торговли // Scripta Gregoriana: Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 232–237.

⁵ Strab. XI. 2. 10.

⁶ FGrHist 1 F 212. Ср.: Ps.-Scymn. 886–889 Diller. Фанагория дает

самый ранний пример для древнегреческой колонизации названия города по имени своего ойкиста (см.: Malkin I. What's Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 1985. 63. P. 121).

⁷ GGM II. 549. P. 324.36–41 = Arr. Bith. fr., 55 Roos.

⁸ GGM I. 886–887. P. 232 = GGM I. 47, p. 412; Diller A. The Tradition of the

- Minor Greek Geographers. Amsterdam, 1986 (reprint 1952). P. 102–117, 165. См.: Скржинская М.В. «Перипл Понта Евксинского» анонимного автора // Исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115–125.
- ⁹ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Л., 1953. С. 61; *Graham A.J.* Abdera and Teos // *JHS*. 1992. 112. P. 48.
- ¹⁰ См., например: *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА. М., 1954. № 33. С. 27; *Долгоруков В.С.* Фанагория // АГСП. С. 77; *Loukoroulou L.D.* Contribution à l'histoire de la Thrace Propontique durant la période archaïque. Athènes, 1989. P. 58. Note 5. Следует, справедливости ради, отметить, что в известной энциклопедии не говорится о Фанагории как апойкии Теоса (RE. V. 1, s.v. Teos, 545; XIX. 2 s.v. Phanagoreia, 1751–1757).
- ¹¹ *Кузнецов В.Д.* Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. № 4. С. 227–236. (= *Kuznetsov V.D.* Phanagoria and its Metropolis // *Talanta*. 2000–2001. Vol. XXXII–XXXIII. P. 67–77.
- ¹² Herod. I. 168.
- ¹³ Strab. XIV. 1. 30 Τήιοι, τὴν πόλιν ἐκλιπόντες, εἰς Ἀβδηρα, ἀπέκησαν, Θρακίαν πόλιν, οὐ φέροντες τὴν τῶν Περσῶν ὄβριν.
- ¹⁴ *Malkin I.* What's Name?... P. 122–123. О роли ойкистра см.: *Leschhorn W.* «Gründer der Stadt»: Studien zu einem politisch-religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, 1984. S. 85 ff.; *Malkin I.* What's Name?... P. 121 ff.; *Jacquemin A.* Oikiste et tyran: fondateur-monarque et monarque-fondateur dans l'Occident grec // *Ktema*. 1993. 18. P. 21.
- ¹⁵ Обычно считается, что первое основание Абдеры клазоменскими переселенцами было неудачным по причине воинственности окружающих племен, с чем позднее пришлось столкнуться теосцам. Однако последние археологические исследования в Абдере показывают, что к моменту прибытия теосцев жизнь в Абдере, по всей видимости, продолжалась, несмотря на постоянное противостояние с фракийцами и малярию, следы которой зафиксированы в результате работ на некрополе (*Skarlatidou E.* The Archaic Cemetery of Abdera // *Thracia Pontica*. Sofia, 1986. III. P. 99–108). Х. Кукули-Хрисантаки полагает, что между теосцами и клазоменцами-абдеритами мог быть заключен договор, в результате которого первые не только вселились в город, но и официально почитали культ основателя Абдеры Тимесия (*Koukouli-Chrysanthaki Ch.* The Archaic City of Abdera // *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony: Proceedings of the International Symposium Held at the Archaeological Museum of Abdera / Ed. A. Moustaka, E. Skarlatidou, V.-C. Tzannes, Y. Ersoy.* Thessaloniki, 2004. P. 241–242).
- ¹⁶ *Graham A.J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. Chicago, 1983. P. 103–105. Например: οἱ δὲ Βορουσθενεῖται οὗτοι λέγουσι σφέας αὐτοὺς εἶναι Μιλησίους («эти борисфениты говорят, что они милетяне») (Herod. IV. 78).
- ¹⁷ *Herrmann P.* Teos und Abdera im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ein neues Fragment der Teiorum Dirae // *Chiron*. 1981. 11. S. 29; *Graham A.J.* Abdera and Teos. P. 57.
- ¹⁸ *Leschhorn W.* «Gründer der Stadt»... S. 95–98.
- ¹⁹ *Chryssanthaki K.* Les trois foundations d'Abdère // *REG*. 2001. 114. P. 390–395.
- ²⁰ *May J.M.F.* The Coinage of Abdera. L., 1966. P. 49.
- ²¹ *Chryssanthaki K.* Les trois foundations d'Abdère. P. 395; *Eadem.* Reconsidering the History of Abdera // *Klazomenai, Teos and Abdera...* P. 311–312. Дж. Мэй полагал, что чеканка могла начаться в 540/530 г. до н.э. (*May J.M.F.* The Coinage of Abdera. P. 4–5, 49).
- ²² *Graham A.J.* Abdera and Teos. P. 59, 68–73. См.: *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1983. S. 234, 240.
- ²³ *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1980. No 30; *Herrmann P.* Teos und Abdera... S. 1–30; *Graham A.J.* Abdera and Teos. P. 53–59.
- ²⁴ Steph. Byz., s.v. Ἀλάτουρον; *Strab.* XI. 2. 10.
- ²⁵ *Ustinova Y.* The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 35.
- ²⁶ *Паромов Я.М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1998. № 1. С. 219, 222.
- ²⁷ *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 343–346; Он же. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным письменной традиции // ДБ. 1999. № 2. С. 129–130.
- ²⁸ Ср.: *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор. С. 23. Примеч. 2.
- ²⁹ Добавим еще находку граффити на стенке хиосской амфоры рубежа VI–V вв. до н.э., сделанную в 2004 г. на раскопе в Фанагории, где читается слово ΦΑΝΑΓΩ.
- ³⁰ *Виноградов Ю.Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 16, стк. 2.
- ³¹ *Кузнецов В.Д.* Ранние апойкии Северного Причерноморья. С. 34. Мне довелось видеть, благодаря любезности А.П. Абрамова, наиболее ранние образцы ионийской керамики из Патрея, которые безусловно относятся ко второй четверти VI в. до н.э. В частности, это относится к ионийским чашам типа В2 по Валле–Вийяру (*Villard G., Vallet F.* Megara Hyblaea V. Lampes du VIIe siècle et chronologie des coupes ioniennes // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 1955. 67. P. 18 et suiv.).
- ³² *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 157.
- ³³ См.: *Паромов Я.М.* Главные дороги... С. 217; *Куликов А.В.* К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // ПИФК. 1995. Т. II. С. 101–102; *Горлов Ю.В.* Палеогео-

- графия азиатского Боспора // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани: Сб. статей. Тамань, 1996. Раздел II: Тамань археологическая. С. 60–74.
- ³⁴ Зубарев В.Г. Азиатский Боспор... С. 123.
- ³⁵ Весьма интересным является тот факт, что территория, пожалованная Екатериной II в 1792 г. Войску черноморских казаков, названа как «остров Фанагория с землями между Кубанью и Азовским морем» (Шишов А.В. Казачьи войска России. М., 2007. С. 149; см.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 559).
- ³⁶ Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С. 212–213; Албунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. С. 212.
- ³⁷ Тохтасьев С.Р. Апатур: История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2. С. 139.
- ³⁸ Горлов Ю.В. Палеогеография... С. 63–64.
- ³⁹ Подосинов А.В. Ориентация древних карт (с древнейших времен до раннего средневековья) // ВДИ. 1992. № 4. С. 66. Ср. слова Страбона (XI. 2. 10) по поводу того, что Фанагория является эмпорием для «товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей (ὑπερκειμένης) варварской страны».
- ⁴⁰ Если бы под Корокондамитидой подразумевался не Таманский залив, а водное пространство нескольких кубанских лиманов, то Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур, которые по Страбону (XI. 2. 10) находятся εἰσαπλευσαντι δ' εἰς τὴν Короконδαμίτιν, должны были располагаться на берегу Кизилташского, Бугазского или какого-либо еще лимана, что совершенно невозможно.
- ⁴¹ См.: Жибелев С.А. Северное Причерноморье. С. 210.
- ⁴² Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 227–238.
- ⁴³ Подробнее см.: Там же. С. 237–238.
- ⁴⁴ Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1870. Т. 2. С. 253.
- ⁴⁵ Тункина И.В. К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII — первой четверти XIX в. // БС. 1993. № 2. С. 19.
- ⁴⁶ Там же. С. 7.
- ⁴⁷ Герц К.К. Археологическая топография... С. 266–276.
- ⁴⁸ Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. 1883. Т. XIII. С. 73.
- ⁴⁹ Так его фамилию пишет Э.-Д. Кларк, а вслед за ним и другие (Clarke E.-D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. P., 1812. I. P. 527).
- ⁵⁰ Формозов А.А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. 1975. № 1. С. 175. И.В. Тункина полагает, что эти раскопки состоялись в самом начале 90-х годов XVIII столетия (до 1793 г.) (К истории... С. 11).
- ⁵¹ Clarke E.-D. Voyages... P. 527–531.
- ⁵² Карейша Д.В. Разрытия курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 года // ЗООИД. 1844. Т. I. С. 619.
- ⁵³ Герц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Древности. М., 1875. Т. 6, вып. 1. С. 13–14.
- ⁵⁴ Там же. С. 38–39; Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 8–9.
- ⁵⁵ ОАК за 1859 г. С. XIII–XIV; ОАК за 1865 г. С. VI–VII; ОАК за 1866 г. С. XII–XIV; ОАК за 1869 г. С. IV–VIII; ОАК за 1874 г. С. XVII–XX; ОАК за 1875 г. С. XV–XVII; Кобылина М.М. Фанагория. С. 9–10.
- ⁵⁶ ОАК за 1872 г. С. VII.
- ⁵⁷ Во время раскопок в течение 1995–2007 гг. многие из этих надгробий были заново обнаружены и сданы в Таманский археологический музей.
- ⁵⁸ См.: Паромов Я.М. Археолого-топографический план Фанагории // БС. 1993. № 2. С. 116–125.
- ⁵⁹ Блаватский В.Д. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 288–289.
- ⁶⁰ Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи: По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // ИГАИМК. 1934. Вып. 80. С. 53–91.
- ⁶¹ Кобылина М.М. Фанагория. С. 10.
- ⁶² Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16.; Он же. Раскопки Фанагории в 1938–1939 гг. С. 287–300; Он же. Раскопки в 1940 г. // ВДИ. 1941. № 1. С. 220–222; Он же. Раскопки некрополя Фанагории в 1938–1939 гг. // МИА. 1951. № 19. С. 189–226.
- ⁶³ Это мнение не подтверждается раскопками в полосе прибоя с использованием отсечной дамбы: здесь на материке зафиксирован слой IV в. до н.э. (Кузнецов В.Д. Фанагория: новые исследования // КСИА. 2005. Вып. 219. С. 82).
- ⁶⁴ Блаватский В.Д. Раскопки Фанагории в 1938–1939 гг. С. 295; Он же. Фанагорийская стенная роспись // Фанагория. М., 1956. С. 168–170; Кобылина М.М. Фанагория. С. 29–32.
- ⁶⁵ Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1951. С. 189–226.
- ⁶⁶ См.: Паромов Я.М. Археолого-топографический план Фанагории. С. 126–130.
- ⁶⁷ Кобылина М.М. Керамическое производство Фанагории в IV в. н.э. // СА. 1966. № 3. С. 172–186.
- ⁶⁸ Она же. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 124–125.
- ⁶⁹ Она же. Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 69–72.
- ⁷⁰ Она же. Раскопки юго-восточного района Фанагории... С. 127; Она же. Сооружения V в. до н.э. на южной окраине Фанагории // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 98–102; Она же. Культура Фанагории досарматского пе-

- риода // Античный город. М., 1963. С. 86–87. Заметим, кстати, что не исключена связь между прекращением существования стены в IV в. до н.э. с высказываемым некоторыми исследователями предположением о насильственном включении Фанагории в державу Спартокидов (см.: *Завойкин А.А.* Наконечники стрел из раскопок городища Фанагории // ДБ. 1998. № 1. С. 79–80.
- ⁷¹ *Кобылина М.М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 97–103; *Она же.* Исследования Фанагории в 1959–1960 и 1962 гг. // СА. 1963. № 4. С. 129–130.
- ⁷² *Она же.* Страницы ранней истории Фанагории // СА. 1983. № 2. С. 51–61.
- ⁷³ С такой интерпретацией описанных строительных остатков не согласен *В.С. Долгоруков*, по мнению которого речь должна идти не о храме, а о каком-то другом сооружении (*Долгоруков В.С., Колесников А.Б.* Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1993. № 1. С. 113).
- ⁷⁴ Там же. С. 117. Рис. 4.
- ⁷⁵ Там же. С. 131.
- ⁷⁶ *Кузнецов В.Д.* Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. № 6. С. 114.
- ⁷⁷ *Долгоруков В.С., Колесников А.Б.* Новый тип строительных комплексов... С. 127.
- ⁷⁸ Там же. С. 127–128.
- ⁷⁹ *Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А.* Открытие затонувшего мира. М., 1963. С. 80; *Долгоруков В.С.* Фанагория // АГСП. С. 77.
- ⁸⁰ *Долгоруков В.С.* Фанагория. С. 78–79. На вершине холма (Майская гора), господствующего над Фанагорией с южной стороны, были исследованы остатки святилища. Судя по многочисленным терракотовым статуэткам, которые были посвящены в это святилище, оно существовало с конца VI в. до н.э. Автор раскопок, основываясь на довольно большом разнообразии типов терракот, полагает, что в святилище были распространены многие культы (Деметры и Керы, кабиров, Афродиты, Артемиды) (*Марченко И.Д.* К вопросу о культах азиатского Боспора // ВДИ. 1960. № 2. С. 101–107; *Она же.* Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет ГМИИ им. А.С. Пушкина: Сб. статей. М., 1962. С. 121–133; *Она же.* Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 86–90; *Она же.* Терракоты из святилища на Майской горе (Блевака) // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. С. 31 (САИ Г 1–11). Однако уверенные атрибуции *И.Д. Марченко* вызывают сомнения. К сожалению, отсутствуют четкие критерии для определения принадлежности архаических терракотовых статуэток, распространенных в Северном Причерноморье, тому или иному женскому божеству (см.: *Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 37–38; *Денисова В.И.* Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л., 1981. С. 24). Говорить определенно о том, какая из богинь греческого пантеона скрывалась под женским божеством, которому поклонялись фанагорийцы, в настоящее время неправомерно.
- ⁸¹ *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 167–173, 221–227; *Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А.* Открытие затонувшего мира. С. 76–85.
- ⁸² *Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амелькин А.О.* Подводные исследования в Фанагории в 1999–2002 гг. // ДБ. 2003. № 6. С. 152–175.
- ⁸³ *Кузнецов В.Д.* Фанагория: новые исследования. С. 91–92.
- ⁸⁴ *Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Колесников А.Б.* Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории // ДБ. 2006. № 9. С. 260–280.
- ⁸⁵ Реконструкцию ряжей по *Витрувию* см.: *Vitruvius. Ten Books on Architecture / Translation by I.D. Rowland. Commentary and Illustrations by Th.N. Howe. Camb., 1999. P. 254. Fig. 89.*
- ⁸⁶ *Raban A.* Καισάρεια ἢ πρὸς Σεβαστῶ λιμένι: Two Harbours for Two Entities // *Caesarea Papers: Sraton's Tower, Herod's Harbour, and Roman and Byzantine Caesarea / Ed. R.L. Vann. JRA. Suppl. 5. 1992. P. 68; Oleson J.P.* Herod and Vitruvius: Preliminary Thoughts on Harbours Engineering at Sebastos, the Harbour of Caesarea Maritima // *Harbour Archaeology: Proceedings of the First International Workshop on Ancient Mediterranean Harbours / Ed. A. Raban. Oxf., 1985. P. 165–172 (BAR. 257); Oleson J.P., Branton G.* The Technology of King Herod's Harbour // *Caesarea Papers...* P. 49–67.
- ⁸⁷ *Кузнецов В.Д.* Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2007. № 2. С. 10–14.
- ⁸⁸ *Он же.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 155–172; *Он же.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 227–243.
- ⁸⁹ «Есть в Фанагории знаменитое святилище Афродиты Апатурос».
- ⁹⁰ См.: *Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.
- ⁹¹ «Сам Митридат в начале сраженья вместе с отрядом из восьмисот всадников прорвался сквозь ряды римлян, однако этот отряд быстро рассеялся, и царь остался всего лишь с тремя спутниками. Среди них находилась его наложница Гипсикратия, всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл ее Гипсикратом. Наложница была одета в мужскую персидскую одежду и ехала верхом; она не чувствовала утомления от долгого пути и не уставала ухаживать за царем и его конем...» (пер. Г.А. Стратановского).
- ⁹² «...он (Митридат) послал часть войска в Фанагорию, другой торговый порт при морском устье, чтобы владеть им с обеих сторон, пока еще Помпей был в Сирии. Однако фанагориец Кастор, когда-то оскорбленный (подвергнутый пыткам) царским евнухом Трифоном, напал на Трифона, когда он входил (в город), убил его и призвал народ к

- свободе. Хотя акрополем уже владели Артаферн и другие сыновья Митридата, жители обложили крепость деревом и подожгли ее, пока Артаферн, а также Дарий, Ксеркс, Оксатр и Евпатра, дети Митридата, испугавшись огня, не сдались и не были пленены. Из них только Артаферну было около сорока лет, остальные же были лишь прекрасными детьми. Клеопатра же, другая дочь Митридата, продолжала оказывать сопротивление; отец, восхищенный ее мужеством, послал множество бирем и освободил ее».
- ⁹³ Блаватский В.Д. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. С. 298; Кобылина М.М. Фанагория. С. 14.
- ⁹⁴ Например, толщина стен жилых домов позднеархаического времени, обнаруженных на Калабактепе в Милете, равнялась 0,4–0,6 м (*Gerkan A. Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung. Milet. Th. Wiegand. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. Bd. I. Ht. 8. V., 1925. S. 78*). О размерах сырцовых кирпичей, использовавшихся в строительстве, см.: *Orlandos A. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens grecs. P., 1966. I. P. 58–59*.
- ⁹⁵ Такое покрытие называлось *ἀλοιφή, χονία* (см.: *Hellmann M.-Ch. Recherches sur le vocabulaire de l'architecture grecque, d'après les inscriptions de Délos. P., 1992. P. 37–42*).
- ⁹⁶ Подсчеты В.С. Долгорукова являются умозрительными и не подтверждаются материалами из раскопок (*Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 30–37*).
- ⁹⁷ АДЖЮР. Т. I. С. 10–29.
- ⁹⁸ Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Фанагория. М., 1956. С. 102–127; Коровина А.К. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 130–135; Она же. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.) // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 71–109; Сокольский Н.И. Фанагорийский склеп // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 115–121; Он же. Земляной склеп в поселке Сенная // КСИА. 1973. Вып. 133. С. 67–71.
- ⁹⁹ Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. Вып. XIV: В честь 70-летия профессора Г.А. Кошеленко. С. 94–123.
- ¹⁰⁰ Ср.: *Guzzo P.G. Case a Sibari // Ricerche sulla casa in Magna Grecia e in Sicilia / A cura di F. D'Andria, K. Mannino. 1996. P. 124. (Universita di Lecce. Archeologia e storia 5)*.
- ¹⁰¹ *Hoepfner W., Schwandner E.-L. Haus und Staat im klassischen Griechenland. B., 1986. S. 270; Hansen M.N., Fischer-Hansen T. Monumental Political Architecture in Archaic and Classical Greek Poleis: Evidence and Historical Significance // From Political Architecture to Stefanus Byzantium: Sources for the Ancient Greek Polis / Ed. D. Whitehead. Stuttgart, 1994. P. 84–85. (Papers from the Copenhagen Polis Centre 1)*.
- ¹⁰² *Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. № 2. С. 73*.
- ¹⁰³ Там же. С. 71–72.
- ¹⁰⁴ *Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора. М., 1956. С. 49*.
- ¹⁰⁵ *Cook R., Dupont P. East Greek Pottery. L.; N.Y., 1998. P. 148*.
- ¹⁰⁶ *Grace V. Samian Amphoras // Hesperia. 1971. 40. P. 52–95*.
- ¹⁰⁷ *Dupont P. Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est // La Parola del Passato. 1982. 37. P. 203–206. Fig. 1D, 6–7; Idem. Classification et détermination de la provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros: Rapport préliminaire // Dacia. NS. 1983. 27. P. 34. Fig. 19; Cook R., Dupont P. East Greek Pottery. P. 170–177. См.: *Рубан В.В. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья // СА. 1991. № 2. С. 182–194; Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VI–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 45–46*.*
- ¹⁰⁸ *Cook R., Dupont P. East Greek Pottery. P. 165, 169*.
- ¹⁰⁹ *Завойкин А.А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА. 1992. № 3. С. 54–55. См.: Cook R., Dupont P. East Greek Pottery. P. 176–177*.
- ¹¹⁰ *Cook R., Dupont P. East Greek Pottery. P. 185. Ср.: Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье... С. 47–48*.
- ¹¹¹ В архаическую эпоху Хиос являлся одним из крупнейших экспортеров не только для бассейна Черного моря, но и для значительной части Средиземноморья (*Lawall M. Ceramics and Positivism Revisited: Greek Transport Amphoras and History // Trade, Traders and the Ancient City / Ed. H. Parkins, Ch. Smith. L.; N.Y., 1998. P. 86*). Это подтверждается широким распространением (в основном в восточной половине Средиземноморья) хиосской расписной керамики, которая в значительной части представляла собой приношения в местные храмы (*Lemos A.A. Archaic Pottery of Chios: The Decorated Style. Oxf., 1991. Vol. I: Text. P. 192–207*). По всей видимости, купцы посвящали ее после благополучного прибытия в данный порт.
- ¹¹² Ср.: *Завойкин А.А. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 260–261*.
- ¹¹³ *Cook R., Dupont P. East Greek Pottery. P. 143; Абрамов А.П. Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. С. 256; Онайко Н.А. Архаический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 73; Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 41; Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л., 1984. С. 92, 126. Рис. 8А; Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье... С. 33–92*.
- ¹¹⁴ *Dupont P. Amphores archaïques de Grèce propre en mer Noire: État de la*

- question // *Il mar Nero*. 1995/96. 2. P. 93. См.: *Келер К.* Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // *Греческие амфоры: Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов, 1992. С. 279.
- ¹¹⁵ *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье... С. 115–116.
- ¹¹⁶ См.: *Завойкин А.А.* Периодизация торговых связей... С. 262.
- ¹¹⁷ *Cook R.* *Greek Painted Pottery*. L., 1972. P. 120 f.
- ¹¹⁸ *Villard G., Vallet F.* *Megara Hyblaea V...* P. 23 et suiv.
- ¹¹⁹ См.: *Morgan C.* *Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagoria*. Leiden; Boston, 2004.
- ¹²⁰ *Gill D.W.J.* *The Distribution of Greek Vases and Long Distance Trade // Proceedings of the 3rd Symposium on Ancient Greek and Related Pottery*. Copenhagen, 1988. P. 175–181; *Idem.* *Pots and Trade: Spacefillers or Objets d'Art? // JHS*. 1991. 111. P. 29–31; *Idem.* *Positivism, Pots and Long-distance Trade // Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies / Ed. I. Morris*. Cambr., 1994. P. 99–102; *Cartledge P.* «Trade and Politics» Revisited: *Archaic Greece // Trade in the Ancient Economy / Ed. P. Garnsey, K. Hopkins, C. Whittaker*. L., 1983. P. 12–14; *Vickers M., Gill D.* *Artful Crafts: Ancient Greek Silverware and Pottery*. Oxf., 1994. Данные о стоимости расписной керамики собраны в следующих работах: *Amix D.A.* *The Attic Stelai*. Pt. III // *Hesperia*. 1958. 27. P. 277; *Webster T.B.L.* *Potter and Patron in Classical Athens*. L., 1972. P. 277; *Johnston A.W.* *Trademarks on Greek Vases*. Warminster, 1979. P. 33; *Idem.* *Greek Vases in the Marketplace // Looking at Greek Vases / Ed. T. Rasmussen, N. Spivey*. Cambr., 1991. P. 224–228. Ср.: *Boardman J.* *Silver is White // RA*. 1987. P. 279–295; *Idem.* *Trade in Greek Decorated Pottery // OJA*. 1988. 7. P. 27–33; *Idem.* *The Trade Figures // OJA*. 1988. 7. P. 371–378.
- ¹²¹ *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. С. 25, 30.
- ¹²² *Johnston A.W.* *Trademarks on Greek Vases*. P. 49–51; *Idem.* *Trademarks on Greek Vases // Greece and Rome*. 1974. 21. P. 143. А. Джонстон замечает, что даже если метка написана на диалекте производителя посуды, то это еще не означает, что покупатель должен был быть его соотечественником, например, коринфский или афинский гончар мог написать имя жителя Ионии на своем диалекте и соответствующим шрифтом (*Johnston A.W.* *Greek Vases in the Marketplace*. P. 221).
- ¹²³ *Arafat K., Morgan C.* *Athens, Etruria and the Heuneburg: Mutual Misconceptions in the Study of Greek–Barbarian Relations // Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies / Ed. I. Morris*. Cambr., 1994. P. 109.
- ¹²⁴ *Ibid.* P. 110.
- ¹²⁵ См.: *Morel J.-P.* *La céramique comme indice du commerce antique: (Réalités et interprétations) // Trade and Famine in Classical Antiquity / Ed. P. Garnsey, C.R. Whittaker*. Cambr., 1983. P. 66–74.
- ¹²⁶ Эта ситуация характерна не только для бассейна Черного моря (*Johnston A.W.* *Greek Vases in the Marketplace*. P. 221).
- ¹²⁷ См.: *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье... С. 22–30. Ср.: *Tsetskhladze G.R.* *Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical Periods: Some Observations // Trade, Traders and the Ancient City / Ed. H. Parkins, C. Smith*. L., N.Y., 1998. P. 55–63; *Bresson A.* *La construction d'un espace d'approvisionnement: les sites égéennes et le grain de mer Noire // Une koinè pontique: Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a.C. — IIIe s. p.C.): Textes réunis par A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary*. Bordeaux, 2007. P. 49–68.
- ¹²⁸ Подробнее: *Figueira T.J.* *Aegina: Society and Politics*. Salem, 1981.
- ¹²⁹ Ср.: *Christien-Trégaro J.* *Les Péloponnésiens et la mer Noire // Sur les traces des Argonautes: Actes du 6e symposium de Vani / Ed. O. Lordkipanidze, P. Lévêque*. P., 1996. P. 147.
- ¹³⁰ *Завойкин А.А.* Периодизация торговых связей... С. 260.
- ¹³¹ *Болтунова А.И.* Надписи Горгиппии (Из находок 1971–1981 гг.) // *ВДИ*. 1986. № 1. С. 60–61.
- ¹³² Об иногородних гражданах, прибывавших на Боспор с теми или иными целями, мы иногда узнаем в результате находок письменных документов. В 1977 г. на раскопе «Верхний город» была найдена надпись, аккуратно процарапанная на дне аттического килика, который датируется первой четвертью V в. до н.э. По мнению Ю.Г. Виноградова, шрифт надписи свидетельствует, что ее автор был жителем Евбеи. Издатель дает следующее чтение и перевод: Σίμων χαρίεσσα εἰμι κάλλος, ἀγαθὴ καὶ μετρίε («Симон, милая! Я сама красота, добрая и умеренная») (*Виноградов Ю.Г.* *Визит эвбейца в Фанагорию // ВДИ*. 2001. № 1. С. 103–104; *Vinogradov Y.G.* *The Visit of an Euboean to Phanagoria // Talanta*. 2000–2001. Vol. XXXII–XXXIII. P. 79–80). Л. Дюбуа (L. Dubois) дает несколько иной перевод: «Ô Simon, je suis pleine de charme par ma beauté, bonne et mesurée» (*SEG LI*. 2001. № 991).
- ¹³³ Напомним две фразы из Геродота (VI. 5. 26) об ионийских торговых судах, плавших из Понта: τὰς ἐκ τοῦ Πόντου ἐκπλεούσας τῶν νεῶν κτλ («идущие из Понта корабли»); ...τὰς Ἴώνων ὀγκάδας ἐκπλεούσας ἐκ τοῦ Πόντου κτλ («...ионийские грузовые корабли, плавшие из Понта»).
- ¹³⁴ По предположению Дж. Дэвиса участие в перевозке аттических товаров могли принимать коринфские суда (*Davies J.K.* *Wealth and the Power of Wealth in Classical Athens*. Salem, 1984. P. 39).
- ¹³⁵ *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор. С. 34; *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье... С. 263; *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского

полиса VII—I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 56; *Марченко К.К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 134; *Will E.* La Grèce archaïque // Deuxième conférence internationale d'histoire économique. P., 1965. Vol. I: Trade and Politics in the Ancient World. P. 57, 69 et suiv.; *Bravo B.* Le commerce des céréales chez les Grecs de l'époque archaïque // Trade and Famine in Classical Antiquity / Ed. P. Garnsey, C.R. Whittaker. Cambr., 1983. P. 19 f.; *Hahn I.* Foreign Trade and Foreign Policy in Archaic Greece // Trade and Famine... P. 34. См.: *Ščeglov A.* Le commerce du blé dans le Pont septentrional (seconde moitié du VIIème — Vème siècle) // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Sources écrites et archéologie. Besançon, 1990. P. 141–144.

- ¹³⁶ *Noonan Th.S.* The Grain Trade of the Northern Black Sea in Antiquity // *AJPh.* 1973. 94. P. 231–242. Ср.: *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса... С. 56, примеч. 112.
- ¹³⁷ *Garnsey P.* Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Cambr., 1988. P. 105–113; *Arafat K., Morgan C.* Athens, Etruria and the Heuneburg... P. 129. Ср.: *Tsetskhladze G.R.* Trade on the Black Sea... P. 55 f. Важным является тот факт, что понтийское зерно представляло собой не ячмень, господствовавший в материковой Греции, а высококачественную пшеницу, которая рассматривалась как деликатес, а не товар первой необходимости (*Foxhall L.* *Cargoes of the Heart's Desire: The Character of Trade in the Archaic Mediterranean World* // *Archaic Greece: New Approaches*

and New Evidence / Ed. N. Fisher, H. van Wees. L., 1998. P. 302 f.).

- ¹³⁸ *Кобылина М.М.* Страницы ранней истории Фанагории. С. 51–53, 60–61.
- ¹³⁹ *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства: (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 30.
- ¹⁴⁰ См.: *Snodgrass A.M.* *An Archaeology of Greece: The Present State and Future Scope of a Discipline.* Berkeley; Los Angeles; London, 1987. P. 41 f.
- ¹⁴¹ *Vinogradov Yu.* The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. G.R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998. P. 160–164. (*Historia Einzelschriften* 121). См.: *SEG XLVIII.* 1998. № 1024.

ГОРГИППИЯ

Е. М. АЛЕКСЕЕВА

Горгиппия локализуется в центре современного курорта Анапа. В 1949 г. о ней писали, что «раскопкам она никогда не подвергалась... и возможности такого рода исследований фактически крайне ограничены»¹. В XIX столетии раскапывались только большие курганы в окрестностях Анапы. Отчеты об этих исследованиях публиковались в серии ОАК, история раскопок анапских курганов описана И.Т. Кругликовой², но научное обобщение по этой теме не подготовлено.

В 1939 г. произведены зачистки на месте обнаружения большой мраморной статуи, известной как статуя наместника города Неокла, которая поступила в ГМИИ им. А.С. Пушкина³. В 1949 г. В.Д. Блаватский осуществил первые разведывательные работы в Анапе с целью выяснения стратиграфии городища⁴. В 1954 г. проведены первые спасательные раскопки при строительных работах на участке горгиппийского некрополя (некоторые материалы были опубликованы И.Т. Кругликовой⁵), в 1950-е годы в строительных котлованах погибли значительные участки древнего города; за земляными работами наблюдал сотрудник Анапского краеведческого музея А.И. Салов, который многие годы собирал сведения для археологической карты Анапы и ее окрестностей, он положил начало экспонированию археологических древностей в Анапском краеведческом музее после Великой Отечественной войны.

В 1960 г. в Анапе начала работать стационарная экспедиция Института археологии АН СССР (до 1973 г. ею руководила И.Т. Кругликова). Материалы экспедиции публиковались в статьях И.Т. Кругликовой, Г.А. Цветаевой и других ее сотрудников; по результатам исследований И.Т. Кругликовой издана научно-популярная книга⁶. В центре Анапы на Набережной был разбит раскоп «Город», впоследствии ставший основой для создания археологического заповедника. Исследованные к началу 1970-х годов 2600 кв. м на территории античного города дали представление о стратиграфии культурных напластований, хронологии, величине города, характере застройки, сохранности древних слоев. В 1960-е годы начаты систематические наблюдения за строительными работами в Анапе.

С 1973 г. в связи с реорганизацией курорта в Анапе развернулось большое строительство, Горгиппия стала раскапываться широкими площадями за счет застройщиков. В 1973 г. руководство Анапской экспедицией ИА АН СССР приняла Е.М. Алексеева. К 2000 г. размер исследованной площади в северо-восточной части Горгиппии (территория археологического заповедника) достиг 7000 кв. м, в юго-западной части античного города раскопаны 2000 кв. м, в центральной — около 3000 кв. м. Нанесение на план Анапы всех раскопов и точек наблюдений за культурным слоем в местах хозяйственных разрытий современного города установило размеры древней Горгиппии — до 40 га (рис. 1). В настоящее время на городище раскопано около 16 000 кв. м.

В 1970—1990-е годы исследовались также погребения горгиппийского некрополя, территория которого превышает размеры городища не менее, чем в 2,5—3 раза. Раскопано свыше 300 погребальных сооружений. Границы некрополя теряются в кварталах современной Анапы, почти достигая ее пределов. В эти годы экспедиция работала и в окрестностях Горгиппии — выявлены укрепления на подступах к городу, определены размеры городской хоры, раскопано несколько усадеб на сельских поселениях, исследовано около 150 погребальных сооружений на грунтовых и курганных некрополях в окрестностях Анапы.

Результатом комплексных исследований Анапской экспедиции ИА РАН в 1970—1990-х годах стало создание в центре курорта археологического заповед-

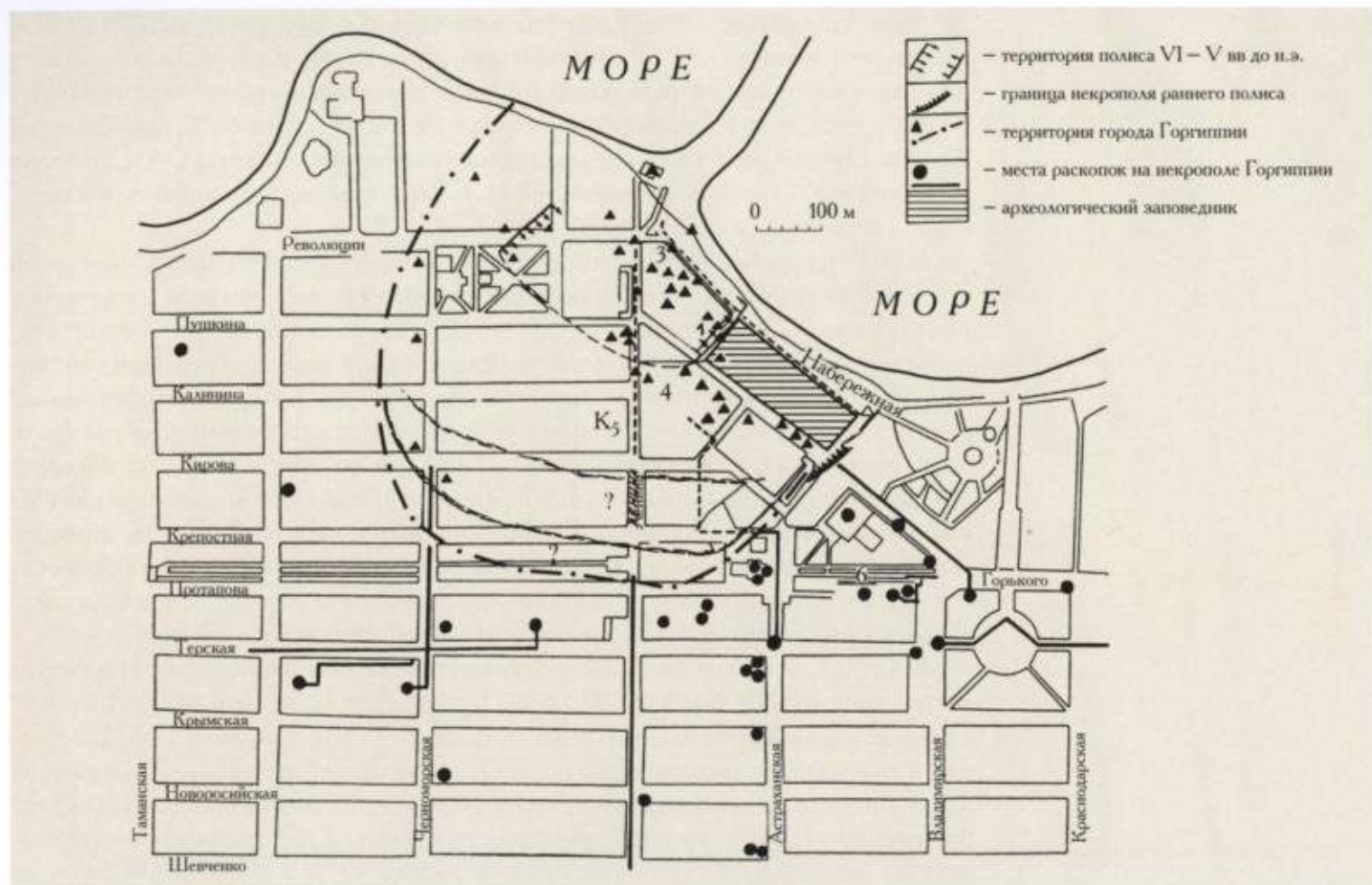

Рис. 1. Горгиппия и ее некрополь на карте Анапы

ника с экспозицией участка древнего города под открытым небом (рис. 2, 3)⁷. Проект этой экспозиции разработан в ИА РАН. Создание научной концепции подобной экспозиции на данном памятнике оказалось довольно сложной и спорной проблемой. В культурном слое Горгиппии на близких глубинах сохранились фрагменты построек нескольких строительных периодов города, развивавшегося на одном месте около 800 лет. Было решено организовать

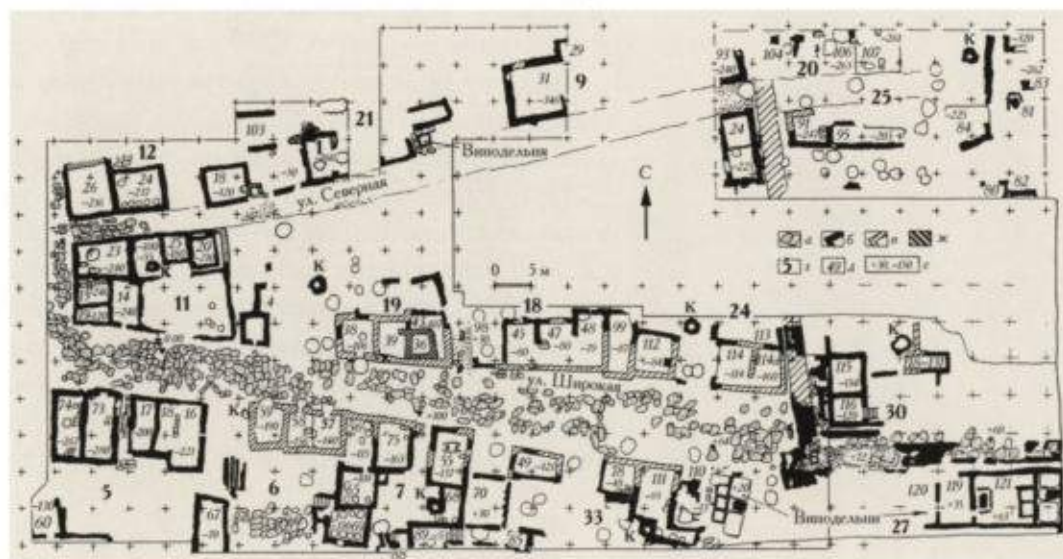

Рис. 2. Археологический заповедник в Анапе. Улицы и подвалы домов II–III вв.

Рис. 3. Археологический заповедник «Горгиппия», реставрация

экспонирование строительных комплексов с акцентом на последовательность застройки⁸.

На базе материалов из раскопок в Анапе создан специализированный археологический музей. Для периода античной культуры Институтом археологии разработана археологическая карта Анапы и предложения по организации охранных зон памятника Горгиппии, которому по результатам многолетних исследований экспедицией Академии наук присвоен статус федерального; составлена карта археологических памятников на территории горгиппийской хоры. Экспедицией издано около 150 научных работ, в том числе три монографии⁹. Все перечисленные работы в Анапе выполнены большим научным коллективом, объединившим исследователей из различных научных учреждений и вузов.

Реорганизация нашей страны в конце 1990-х годов пагубно сказалась на системе охраны и содержания памятника Горгиппия. Огромные площади, преимущественно городского некрополя и объектов археологии в окрестностях Анапы, погибли без исследования в сотнях строительных котлованов в условиях новой системы

землепользования и распродажи дорогой земли в приморской зоне. Только в 2007 г. Институту наконец удалось возобновить (фактически после десятилетнего перерыва) исследование городища в одном из больших строительных котлованов.

ПОЛИС VI–V ВВ. ДО Н.Э. НА МЕСТЕ АНАПЫ

Район современной Анапы греческие мореплаватели посещали в начале и середине VI в. до н.э., о чем свидетельствуют отдельные обломки керамических сосудов этого времени, привезенных из Средиземноморья. Они найдены как в самой Анапе (преимущественно в осыпях берега напротив гостиницы «Анапа»), так и в ее пригородах (в станицах Анапской и Алексеевской вдоль русла речки Анапки). До настоящего времени не открыты комплексы (жилища, погребения, хозяйственные и какие-либо другие сооружения) первой половины и середины VI в. до н.э. Стационарная жизнь древних греков на месте Анапы начинается с последней четверти VI в. до н.э. Культурный слой раннего греческого полиса впервые исследовался в 1982, 1989–1991 гг. на площади ок. 2500 кв. м при строительстве корпусов пансионата «Океан»¹⁰.

Наиболее ранние находки (последней четверти VI в. до н.э.) происходят из небольшого пятна пожара на глинобитном полу в помещении 23, являющемся частью многокамерной постройки (рис. 4). Рядом выявлены еще несколько подобных построек как однокамерных, так и из нескольких помещений площадью до 25 кв. м; в некоторых из них сохранились круглые очаги. Толщина фундаментов этих построек не превышала 0,6 м, в основаниях отмечено преобладание зеленовато-серых «валунчиков» из плотных песчаников, характерных только для раннего строительства (собраны на месте?), выше стены были сложены из сырцовых кирпичей, от которых уцелел «расплыв» желтой глины, сформировавший слой гибели этих жилищ. Во всех помещениях выявлены фрагменты нескольких уровней глинобитных полов (до пяти) на глубинах от –315 до –255 (±0.00 – на поверхности асфальта

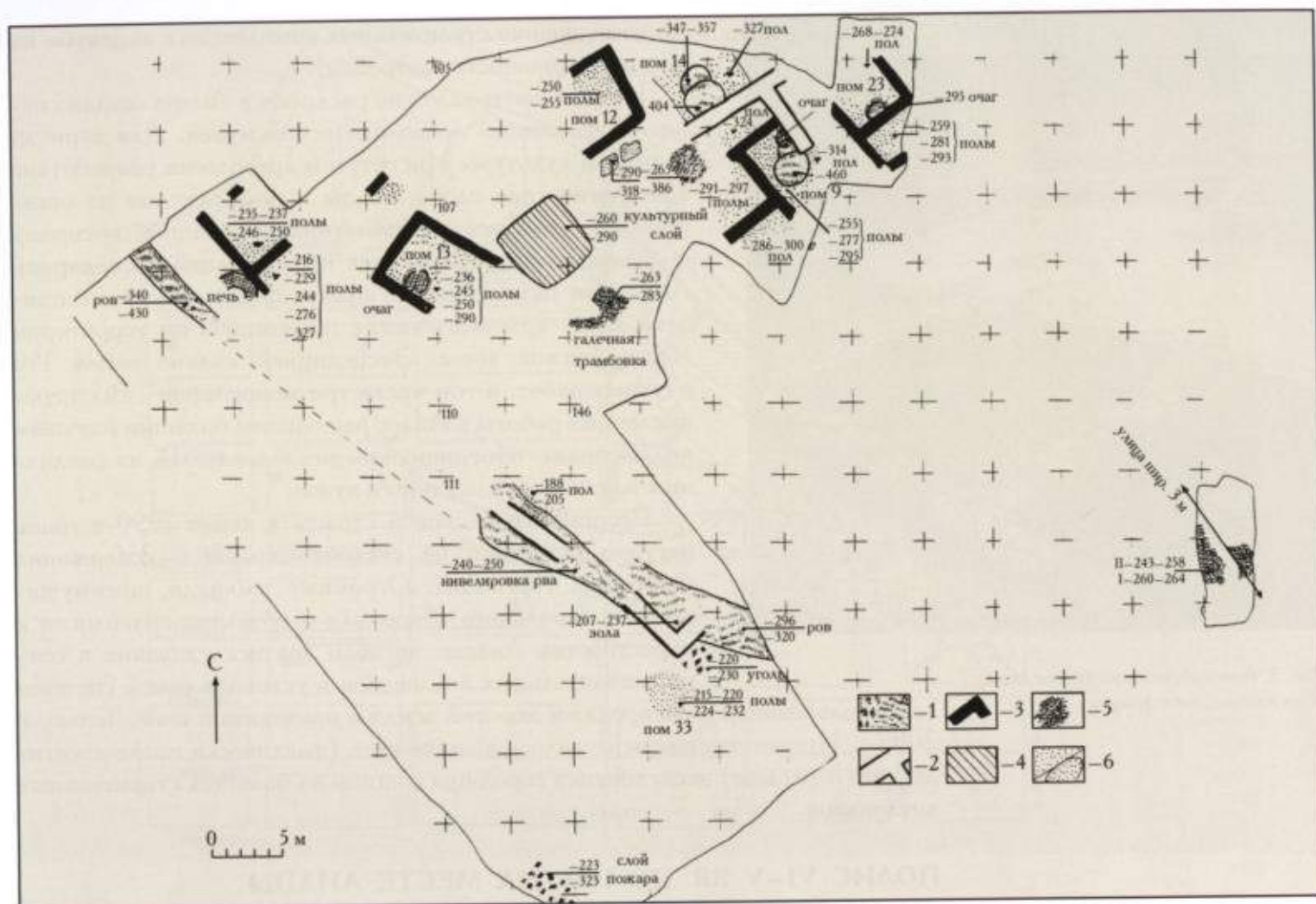

Рис. 4. Раннее греческое поселение в Анапе. План строительных остатков VI—V вв. до н.э. в строительном котловане для пансионата «Океан»
 1 — ров и полуземлянки;
 2 — второй строительный период;
 3 — третий строительный период;
 4 — пятно культурного слоя в материке;
 5 — галечная трамбовка;
 6 — пятна полов

анапской набережной; глубина везде указана в см). Все полы прокалены до черного цвета, что говорит о пожарах и ремонтах после них. Постройки ориентированы углами по сторонам света. Таким же образом ориентирован котлован размером в одно помещение без остатков каких-либо кладок и следов их выборки. На глубинах от -290 до -260 его заполнял золистый слой, из которого извлечено около 10 кг мелких бесформенных кусков меди и коротких искривленных отрезков стержней, предназначенных дляковки и местного бронзолитейного производства.

Под пятнами глинобитных полов обнаружены две округлые полуземлянки с пологим и ступенчатым спусками в них. На дне одной полуземлянки уцелели остатки каменного обклада стен и трамбовка из не крупной гальки. Сопоставление планов на разных уровнях зачистки полуземлянок выявило коническую форму перекрытий (из жердей или тростника). Сажа на полах землянок, зола и угли в слое заполнения, угольная линия сгоревшего каркаса перекрытия говорят о том, что полуземлянки погибли в огне. Полы спусков в полуземлянке выявлены на глубине $-357/-347$, а полы самих полуземлянок лежали на глубине -404 и -460 . Малая площадь полуземлянок (4 и 6 кв. м вместе с каменным обкладом) мешает признать в них полноценные жилища. Это могли быть сооружения хозяйственного назначения либо «убежища» на недолгий срок после одного из пожаров. Обилие пожаров в короткий хронологический период и постоянные восстановительные работы не позволяют

четко определить последовательность ремонта построек. У дна полуземлянок найдена керамика VI в. до н.э., подобная обломкам ранних средиземноморских сосудов из небольшого пятна пожара в помещении 23, однако засыпь верхних частей полуземлянок и пятна пожаров на обрывках верхних полов помещений содержали керамику, охватывающую V в. до н.э. целиком.

Поселение с описанными постройками с юго-запада окружал ров шириной 2,2 м (прослежен в длину на 60 м). Он вырыт до глубины —460 в северной части и до —320 в южной (естественное понижение к морю). К северной части рва со стороны поселения примыкала круглая печь с толщиной стенок ок. 1 м, вероятно, гончарная. Между жилищами выявлены пятна вымосток из мелкой гальки в два слоя на глубинах —240 и —260; одно пятно имело ширину 3 м (улица?). Сырцово-каменные жилища с толщиной стен до 0,6 м, полуземлянки и ров относятся к первому этапу жизни на поселении (последняя четверть VI — первая половина V в. до н.э.). Ритм жизни этого времени постоянно нарушали глобальные пожары, но жилища восстанавливались.

После многократных разрушений однажды была произведена тотальная перепланировка участка: ров снивелировали на глубинах —240/—250 и вдоль засыпки возвели стену шириной 1 м (фундамент из очень крупных камней, выше — сырец). Предполагалось, видимо, что широкие стены примут на себя функцию обороны. Поздние перекопы уничтожили планировку участка на этапе жизни с широкими стенами (во второй половине V в. до н.э.). Широкая стена на месте засыпанного рва не являлась только оборонительной, со стороны поселения к ней примыкали глинобитные полы жилищ. В северной части раскопанного участка сплетение широких стен перекрыло обе полуземлянки и обрезало одну из стен дома с помещением 23. Возможно, постройки с широкими стенами являлись большими укрепленными домами. В верхней части культурного слоя раннего поселения появились фрагменты хиосских амфор с валиком на горле и амфор Менде, обломки краснофигурных ваз.

Таким образом, на месте Анапы выявлено многослойное поселение греков конца VI—V в. до н.э. с различного типа жилищами, укреплениями и постройками производственного назначения. В конце V в. до н.э. поселение укрепляется более серьезно. С оборонительной системой этого времени можно связать двухпанцирную кладку шириной 2,4 м, выявленную на границе жилых кварталов и некрополя раннего греческого поселения (перед бывшим Греческим переулком Анапы). Рядом с этой стеной найдены части хиосских амфор с валиком на горле. Стена возведена до того момента как расширившийся полис поглотил часть своего некрополя. Возможно, став на каком-то этапе существования резиденцией Горгиппа в период его борьбы за Синдику, полис укрепился этой мощной стеной.

Раннее поселение греков на месте современной Анапы тянулось вдоль моря не менее чем на 400 м к западу от Греческого переуллка старой Анапы (от стены шириной 2,4 м с керамикой V в. до н.э.) до мемориала в честь героев Великой Отечественной войны (рядом с ним из скважины минеральных вод извлечены части чернолаковых сосудов V в. до н.э.). Ширина поселения не известна, но территория пансионата «Океан» перекрывает ее целиком. С востока к поселению примыкал некрополь, который тянется до ворот анапской крепости эпохи русско-турецких войн. На его территории исследованы 30 погребений, случайно уцелевшие среди подвалов более поздней Горгиппии и перекопов нового времени¹¹. Были обнаружены одиночные захоронения в грунтовых ямах, иногда в каменном ящике, погребения младенцев в амфорах, выявлен обряд кремации (прах помещен в италийский краснофигурный кратер).

Найдено известняковое надгробие с эпитафией на ионийском диалекте купца из Гелики¹². Погребальный обряд свидетельствует о преобладании греков среди населения полиса, в погребальном инвентаре обильны предметы античной культуры. Только оружие скифского образца и некоторые детали конструкций погребальных сооружений позволяют уловить проникновение местной культуры в быт греческого поселения (не ранее второй половины V в. до н.э.).

В 5 км от открытого в Анапе раннего греческого поселения в бывшем поселке Алексеевском на окраине Анапы в глубине устья речки Анапки обнаружены холмики со средиземноморской керамикой, синхронной находкам из культурного слоя Анапского поселения¹³. Очевидно, этот пункт располагался на хоре Анапского поселения, в целом его хора поглощена кварталами Анапы.

Однотипность построек каждого строительного периода, наличие общегородских укреплений и хоры, обеспечивающей продовольствием, косвенно свидетельствуют о полисном статусе раннего греческого поселения, открытого в Анапе.

Культурный слой Анапского поселения содержит обломки амфор со стаканообразными доньями, относимые к продукции Аттики и Фасоса, части амфор группы протофасос-Самос, амфоры Хиоса (от типов с воронкообразным горлом до экземпляров с валиком на горле), фрагменты сероглиняных лесбосских амфор, собственно самосских и клазоменских с широкими полосами. Среди чернолаковой посуды одинаково обильны обломки ионийских и аттических сосудов, в чернофигурной керамике преобладает продукция Аттики позднеархаического периода и ранней классики. Большая часть краснофигурной керамики происходит также из Аттики и датируется второй половиной и концом V в. до н.э. К этому же времени относятся чернолаковые сосуды со штампованным орнаментом. Роспись ранних чернолаковых сосудов часто дополнена белилами и пурпуром. Поверхность простой столовой посуды окрашена в красный цвет, покрыта бессистемными мазками жидкого лака, полосами и мазками, нанесенными красной краской. Среди лепной керамики популярны горшки и глубокие миски меотского типа без вычлененных венцов; лепные ойнохои подражают античной посуде. Лепной керамики на Анапском поселении мало, ее гораздо больше в некрополях местного населения. В погребениях встречены средиземноморские бусы, фигурные пронизи из египетского фаянса, стеклянные полихромные флаконы, сформованные на песчаниковом сердечнике, сирийско-финикийского или египетского происхождения. В одном из жилищ найдена зернотерка (рис. 5–9).

Итак, исследованиями недавнего времени установлено, что район современной Анапы был включен в орбиту античного мира с середины VI в. до н.э. Массовое заселение греками побережья анапской бухты приходится на завершающий этап ионийской колонизации — последнюю четверть VI в. до н.э. Наиболее значительный пункт античной культуры располагался на месте самой Анапы, а его рынок распространял товары на соседние территории, начиная с момента основания.

Перечисляя пункты Азиатского Боспора, античные авторы называют в их числе Синд, Синдик, Синдику, деревню Синда и Синдскую Гавань¹⁴. Незначительные сведения древних широко привлекались исследователями, стремившимися локализовать эти пункты и отождествить с одним из них более позднюю Горгиппию. Мнения историков здесь не единодушны, как и противоречивые древние свидетельства. А.А. Сибирский и М.И. Ростовцев считали Синдскую Гавань и Горгиппию разными пунктами, полагая, что

Рис. 5. Чернофигурный килик. Некрополь раннего Анапского поселения

Рис. 6. Чернофигурная столовая амфора, Клазомены, сер. VI в. до н.э. Раннее Анапское поселение

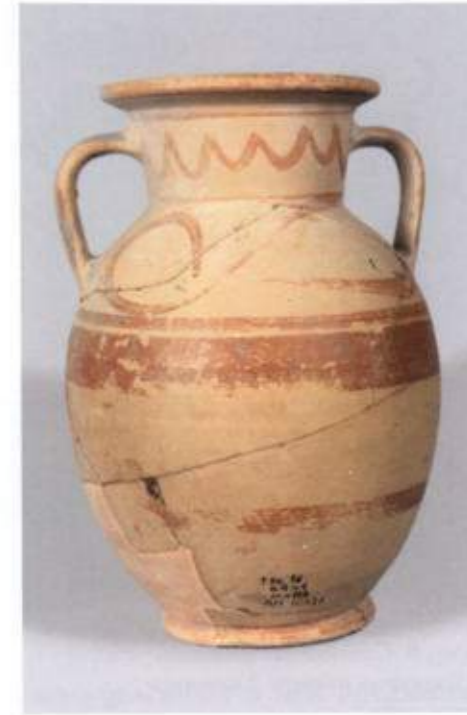

Рис. 7. Ионийская столовая амфора. Некрополь в окрестностях Анапы (пос. Красный Курган)

Горгиппия возникла на месте догреческого Синдика — резиденции царей синдского государства. Синдскую Гавань они предлагали размещать вблизи станиц Витязево и Благовещенской, в районе дельты р. Кубани, в глубине Кизилташского лимана; в последнее время эта точка зрения поддержана М.В. Агбуновым¹⁵. На южном берегу Цукурского лимана, смежного с Кизилташским, мне известно значительное по величине городище с подъемным материалом от VI в. до н.э. (хиосские амфоры с воронкообразным горлом) до Средневековья (ребристые стеклянные браслеты). Это городище удачно укрыто в глубине лиманов, наиболее уязвимая для внешней опасности сторона его укрепленна. Обследование побережья от Анапы до Благовещенской не выявило значительного поселения с подъемным материалом VI–V вв. до н.э. Около ст. Благовещенской есть крупное Бугазское городище, испорченное в новое время. В прибрежной зоне этого поселения выявлены места отдельных находок амфорных обломков, но не ранее IV в. до н.э.

Большинство исследователей (Ф. Брун, А.В. Орешников, А.Н. Зограф, Д.П. Каллистов, В.Д. Блаватский, Д.Б. Шелов, И.Т. Кругликова) отождествляли Синдскую Гавань с Горгиппией¹⁶. В.Ф. Гайдукевич и А.И. Болтунова высказывались за отождествление Синдской Гавани с Синдиком, вместе с Горгиппией все три пункта они размещали в Анапе¹⁷.

К идее разместить Синдскую Гавань в глубине современного Кизилташского лимана недавно вернулся В.Г. Зубарев, а возможным предшественником Горгиппии, вслед за Сибирским и Ростовцевым, он назвал синдское поселение Синдик¹⁸. В свете открытий 1980–1990-х годов в Анапе предположение относительно синдского поселения опровергается археологически. К настоящему времени надежно установлено, что собственно Горгиппии (IV в. до н.э. — III в. н.э.) предшествовал достаточно крупный полис с чисто греческой материальной культурой, существовавший не менее полутора столетий. Никакого местного поселения вблизи Горгиппии разведками не выявлено. Некрополи местного населения со специфическими конструкциями погребальных сооружений отстоят от моря и раннего полиса в Анапе на 15–20 км.

Рис. 8. Стеклянные флаконы. Некрополь раннего Анапского поселения

Рис. 9. Краснофигурный кратер, V в. до н.э.; погребальная урна. Некрополь раннего Анапского поселения

На такое же расстояние удалены от Анапы две жилые полуземлянки с единичными фрагментами пухлогорлых хиосских амфор, обнаруженные в лесу за ст. Гостагаевской, — единственное зафиксированное в регионе место жизни туземного населения.

Лингвистическим анализом имеющихся документов тождественность Горгиппии и Синдской Гавани обосновывает С.Р. Тохтасьев¹⁹. В недавней статье А.А. Завойкина локализация Синдской Гавани в Анапе также признана установленным фактом²⁰. Я полагаю, однако, что только эпиграфическое подтверждение может поставить точку в существующем споре, так как противоречия в свидетельствах древних авторов остаются прежними, а исследователям приходится аргументировать слишком много доводов для нейтрализации каждого из них.

Немаловажную роль в рассмотрении этого вопроса играет локализация самой Синдики в свете археологического аспекта проблемы. В антиковедении Северного Причерноморья общепринято локализовать синдов на Таманском полуострове. В многочисленных работах, посвященных этому народу, рассматриваются вопросы синдской государственности, ранней монетной чеканки, противостояние с Боспором по сведениям новеллы Полиена (VIII. 55), особая восприимчивость к влиянию античной культуры. Справедливости ради отметим, что данные для исторических реконструкций относительно этого народа крайне скудны, а материальная культура синдов вообще не выделена. Недавняя эпиграфическая находка вблизи Семибратнего городища позволяет считать его столицей Синдики²¹. Городище лежит за пределами Таманского полуострова на юго-восточном краю естественного водораздела в виде широкой низины со старым руслом р. Кубани (древнего Гипаниса). Вдоль всего южного края этого водораздела на его высоком коренном берегу от пос. Суворово-Черкесский выявлены места обитания с керамикой античного времени (не ранее IV в. до н.э.) — скорее всего, отдельные усадьбы, но иногда и более широкие по площади. В этой же зоне вблизи пос. Уташ располагалось крупное поселение античной эпохи с гончарными печами, почти полностью уничтоженное рекультивацией (нижняя дата не установлена). На виноградниках вблизи Уташа среди высоких курганных насыпей, часть которых относится к эпохе бронзы, исследована сырцовая гробница рубежа V—IV вв.

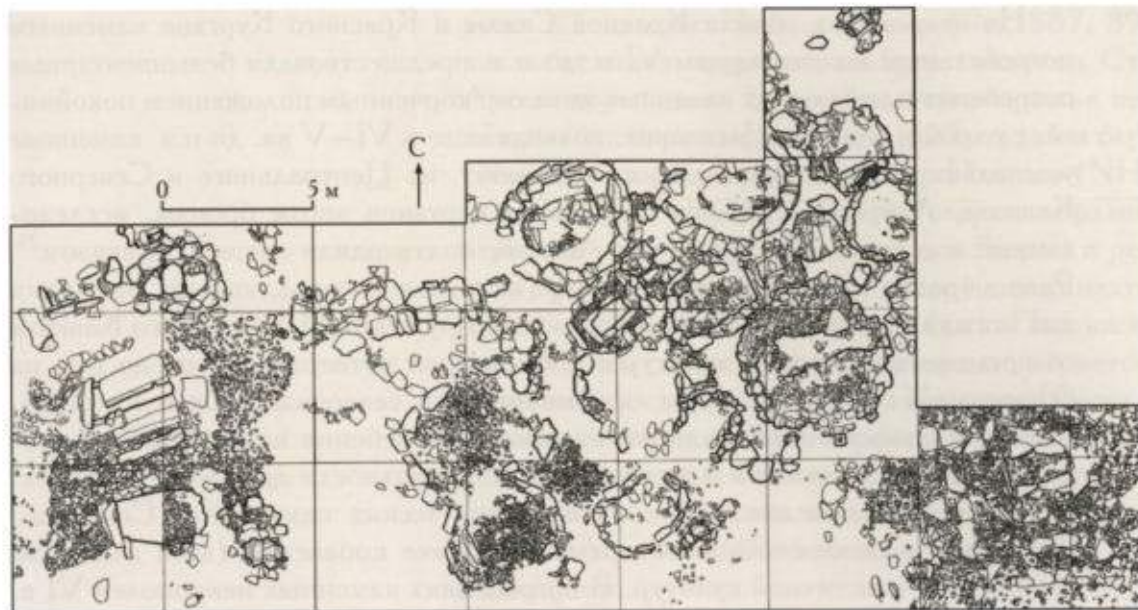

Рис. 10. Некрополь местного населения на хоре Горгияпии (пос. Красная Скала)

до н.э., конструкция которой и некоторые из уцелевших в ней предметов погребального инвентаря находят аналогии в Семибратних курганах²². Все эти памятники лежат на естественной возвышенности шириной 15–20 км, направленной в сторону Семибратнего городища. На этой же возвышенности лежат громадные курганы вблизи Чекона.

Следующим к югу водоразделом является русло ныне маленькой речки Гостагайки, впадающей в восточный край обмелевшего Витязевского лимана. Низина этой речки является своего рода границей между древними этнокультурными общностями. К югу от нее начинаются так называемые «каменные некрополи» местного населения (рис. 10, 11), на которых исследовано не менее 200 погребальных сооружений (в Красном Кургане, Красной Скале, Воскресенском, опытном хозяйстве «Анапа», совхозе «Рассвет»). На них веками варьировали различные каменные конструкции семейных усыпальниц — большие и малые каменные ящики из тесаных или дикарных плит, каменные выкружки по поверхности древнего горизонта, каменные насыпи наподобие

низких курганов. Наиболее ранние погребения этих некрополей в Анапском районе датируются VI–V вв. до н.э. Ничего подобного на Таманском полуострове до сих пор не зафиксировано. Нет таких погребений и на пространстве от старого русла Гипаниса до поймы речки Гостагайки. Экспедиция исследовала здесь отдельные погребения в районе Суворово-Черкесского, Виноградного и на территории свинофермы около Семибратнего городища, случайно обнаруженные во время хозяйственных земляных работ. Это были захоронения в обычных грунтовых могилах или каменных ящиках без обильного использования камня для засыпок и всевозможных «выкружек».

Рис. 11. Горгона Медуза, слоновая кость. Подкурганная сырцовая гробница рубежа V–IV вв. до н.э. в окрестностях Анапы (пос. Уташ)

ахеев и гениохов. Псевдо-Скимн (Per. 887, 898; ок. 100 г. до н.э.) перечисляет синдов, керкетов, ахейцев, гениохов. Страбон (XI. 2. 14), повторяя Артемидора, после Бат называет побережье керкетов длиной 850 стадий, за ним — побережье ахейцев — 500 стадий и берег гениохов — 1000 стадий. Обратный порядок расселения по Плинию (NH. VI. 17; I в. н.э.) выглядит так: «ахейцы, марды, керкеты, серры, кефалотомы... на побережье близ керкетов река Икар, аки с городом Гиером и рекой, затем мыс Круны и от него крутая возвышенность, которую занимают тореты; далее — государство синдов в 67 500 шагах от Гиера». Помпоний Мела (I. 110. 11; I в. н.э.) за Синдом в стране Синдонов называет керкетов, ахейцев, гениохов и далеко на юго-востоке торетов. У Птолемея (Geogr. V. 25; II в. н.э.) за боспоранами названы ахейцы, керкеты, гениохи. Дионисий Периегет (Per. 681; II в. н.э.) отметил, что с савроматами соседствуют синды, киммерийцы, живущие вблизи Эвксина керкеты, тореты и сильные ахейцы. В анонимном перипле V в. н.э. (63, 65) керкеты и тореты отождествлены, они граничат с ахейцами.

Столь разноречивые сведения показывают, что данная местность была мало знакома античному миру, либо многие из перечисленных народов составляли группу слабо отличающихся друг от друга племен. Археологические данные, а именно облик «каменных некрополей», позволяют ставить вопрос о едином массиве культур второй половины I тыс. до н.э. на территории между поймой речки Гостагайки и, по крайней мере, Новороссийском. Несмотря на то что многократно перечисляемые народы вместе с синдами отнесены Страбоном (XI. 2. 11) к группе меотских племен, следует, видимо, признать, что внутри этой группы синды, с одной стороны, и их многочисленные южные соседи — с другой, могли иметь значительные различия. «Каменные некрополи» не одинаковы на всей территории; их облик варьирует в зависимости от свойств местного камня и традиций, присущих тому или иному из родственных народов.

НАЧАЛО ГОРГИППИИ (РУБЕЖ V–IV вв. до н.э.)

Сильные пожары, влекущие за собой перестройки и постоянное усиление укреплений на протяжении всего V в. до н.э., свидетельствуют о нестабильной ситуации в регионе. В равной мере это могло быть связано с угрозой со стороны воинственных соседей, а затем как со стремлением полиса сохранить самостоятельность в период формирования Боспорского государства, так и с процессом завоевания Синдики и сопредельных с ней земель при Сатире I и его сыновьях. Очевидно, после включения в состав Боспора в город, окруженный плодородными землями, начался приток нового населения. Полис разросся и поглотил территорию раннего некрополя: в северо-восточном углу Горгиппии, на территории археологического заповедника в Анапе выявлены следы жизни на рубеже V–IV вв. до н.э. в непосредственной близости к погребениям, располагавшимся на восточной окраине некрополя раннего полиса. Эти постройки вскоре сгорели, но на их месте тотчас развернулось новое строительство. Восстановительные работы после пожара самого начала IV в. до н.э. стали основой новой сетевой планировки большого города. Тотальное обновление зафиксировано и на исконном участке раннего поселения (территория пансионата «Океан»), где на месте ранних построек в начале IV в. до н.э. появились стены новых фундаментальных зданий. Скорее всего, в это время полис был переименован в Горгиппию.

О причастности Горгиппа к городу с его именем свидетельствуют находки в Анапе черепиц с большим круглым клеймом и именем Горгиппа в плющевом венке²⁶. Легенда этих клейм (ГОР|ГП|ΠΟΥ) подтверждает наличие в городе принадлежащего Горгиппу черепичного производства. Впервые такое клеймо, происходящее из Анапы, было опубликовано В.В. Латышевым²⁷. Впоследствии В.Ф. Гайдукевич упомянул два клейма: одно из Анапы, хранящееся в музее Мелек-Чесменского кургана (ныне утраченное), другое — из Новороссийского музея, куда некоторое время поступали находки из Анапы²⁸. Раскопки Горгиппии пополнили коллекцию этих клейм, доведя число их до двух десятков. Устойчивая повторяемость находок клейменных таким образом черепиц только в Горгиппии позволяет локализовать их производство именно здесь. Черепицы сделаны из глины, характерной для керамических изделий, выпускавшихся местным керамиком. Мы располагаем данными о том, что и в III в. до н.э. царская семья владела в этом городе черепичными эргастериями. Только из Анапы происходят черепицы последних десятилетий III в. до н.э., на которых в клеймах с надписью βασιλική сочетаются собственные имена владельцев гончарных мастерских διὰ Βατάκου, διὰ Νουμηνίου. В.Ф. Гайдукевич предполагал, что черепицы с предлогом διὰ в клеймах выпущены в горгиппийских царских эргастериях, отданных на откуп Нумению и Батаку, что и дало им право ставить свои имена рядом со словом βασιλική («царская») в отличие от лишенных этого права обычных управляющих царским производством²⁹. Д.Б. Шелов высказал мнение, что черепицы, сделанные из горгиппийской глины, с клеймом Σπάρτοχου выпущены во времена Спартака IV в горгиппийском филиале его основного предприятия, работавшего в Пантикапее³⁰. В первой половине I в. н.э. кирпичи из местной глины клеймили тамгой царя Аспурга, деятельность которого какое-то время также была связана с городом³¹. Таким образом, в Горгиппии начиная с IV в. до н.э. местное производство кровельных черепиц, а позднее и кирпичей, как наиболее доходное, являлось собственностью царских семей, что подчеркивает высокий статус города и причастность царствующего дома к управлению им.

Одновременно с расширением полиса на берегу Анапской бухты была спланирована и территория его хоры. На ней в радиусе до 15–20 км вокруг города возникли сельские поселения. Изучение некрополей на сельской территории показало, что они веками сохраняли самообытный облик каменных погребальных конструкций. Неизменным оставался и облик городского некрополя. Следовательно, расширение Анапского полиса на рубеже V–IV вв. до н.э. происходило не стихийно, и его рост определялся не притоком местных жителей. Полис заселили греки (скорее всего боспорские) в процессе вторичной колонизации, получив земельные наделы и соответствующие права гражданства. Местное население осталось на обжитых землях, изменив лишь статус. Заселение новых земель являлось прерогативой царствующего дома и частью государственной политики.

Из текста Диодора Сицилийского (XX. 24) известно, что Евмел (310–304 гг. до н.э.), владея обширными землями, расселил тысячу каллатийцев, оказавшихся в бедственном положении вследствие осады их города (современная Добруджа) фракийским полководцем Лисимахом. Высказывалось предположение, основанное на просопографическом анализе горгиппийского агонистического списка гермеев, что каллатийцев расселили вокруг Горгиппии³².

ГОРГИППИЯ В СОСТАВЕ БОСПОРА В IV – СЕРЕДИНЕ III в. до н.э.

Древние авторы только упоминают Горгиппию, ее история целиком воссоздается по материалам археологии. Страбон дважды называет этот центр. Один раз (XI. 2. 12), как отмечалось выше, сообщает, что «после Синдской области и Горгиппии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов». Второе указание (XI. 2. 10) вызвало у исследователей неоднозначное толкование и побудило многих отождествлять Горгиппию и Синдскую Гавань. Эта фраза Страбона по рукописям XIII–XIV вв. (так называемому Кодексу С: *ἔστι δὲ καὶ Γοργίπια ἐν τῇ Σινδικῇ τὸ βασιλείον τῶν Σινδῶν πλησίον θαλάττης, καὶ Ἀβοράκη...*) имеет три близких по смыслу перевода, выполненных Ф.Г. Мищенко, В.В. Латышевым и Г.А. Стратановским³³. Размещение Горгиппии недалеко от моря при бесспорности установленного ныне факта, что она являлась портом, заставило подозревать ошибку в тексте позднего варианта рукописи Страбона. Действительно, в наиболее раннем из ныне известных ее вариантов — ватиканском Кодексе V конца V — начала VI в., изданном в 1975 г., в неповрежденном тексте XI. 2. 10 отсутствует упоминание Горгиппии: *πέραν Ὑπάνιος ἐν Σινδικῇ: τὸ βασιλείον τῶν πλησίον θαλάττης καὶ Ἀβοράκη...* («по ту сторону Гипаниса есть царская резиденция синдов недалеко от моря и Аборака...»)³⁴.

Отсутствует упоминание Горгиппии и в интересующем нас месте Страбоновой «Хрестоматии» (рукопись XI в. = SC. I. C. 169), а в «Географическом словаре» Стефана Византийского (SC I. C. 266; после 400 г.) Горгиппия названа городом в Синдике и сказано, что Горгиппией называют город Синдик — город с гаванью, смежный со Скифией.

Тохтасьев провел сравнительный лингвистический анализ Страбонова текста XI.2.10 по всем сохранившимся на сегодняшний день рукописям, имея целью доказать тождественность Горгиппии и Синдской Гавани. Он признает, что в рукописях Страбона с фразой о Горгиппии «не все благополучно» и кропотливо объясняет череду несоответствий «двусмысленностью терминов», «неосведомленностью» древних, естественностью ошибок переписчиков, подводя выводы к желаемому результату. Эти построения на базе запутанных источников, искажавшихся с течением времени как в древности, так и в средневековье не учитывают результаты археологических исследований в регионе, которые многие десятилетия носили систематический характер. Полученные данные говорят об этнокультурном единстве территории от юго-восточного берега Витязевского лимана до Новороссийска (а возможно, и далее). Горгиппия лежит в центре этой территории, и эта ситуация не согласуется с реконструкциями исторической топографии для Синдики и Горгиппии как ее составляющей, проводимых на базе неоднозначных письменных свидетельств.

Правление Левкона и его сына Перисада и время деятельности Горгиппа — период первого расцвета Горгиппии. Основы планировки большого города закладываются в начале IV в. до н.э., тогда же происходит устройство его хоры. Город и возникшие вблизи него поселения жили в условиях спокойной обстановки вплоть до середины III в. до н.э.

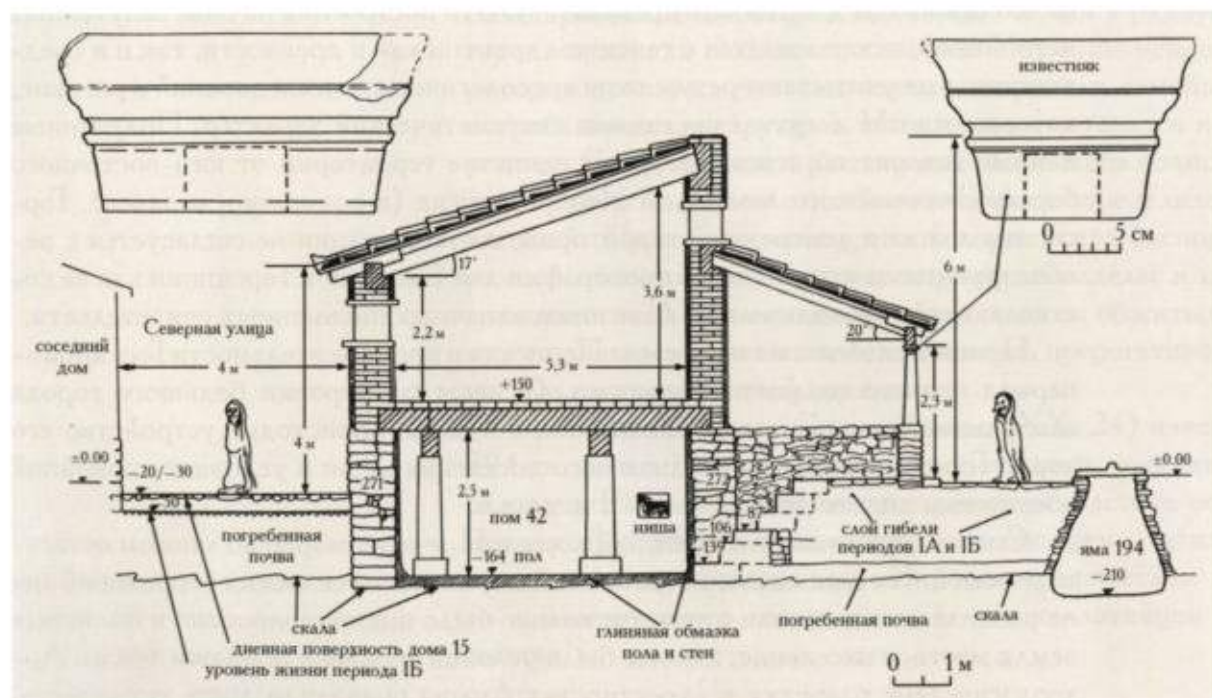
Система организации полисной хоры в Причерноморье во многом остается неясной. К сожалению, из-за плохой изученности сельских территорий мы не располагаем данными о том, насколько было инкорпорировано в полисные земли местное население, каковы были условия аренды и продажи земли. Археологические разведки в окрестностях Анапы позволили лишь установить,

что в первой половине IV в. до н.э. вокруг Горгиппии возникло множество сельских поселений. На некоторых из них дома были вытянуты в линии и разделялись улицей, на других — располагались в шахматном порядке или являлись монолитной постройкой с многочастной планировкой. Так, обширное поселение в Джемете (ближняя хора) объединяет не менее 80 усадеб, но неизвестно, сколько их существовало одновременно. Сельские поселения на горгиппийской хоре переживали катаклизмы вместе с городом, разрушаясь и восстанавливаясь вместе с ним, большинство их существовало многие века.

К сожалению, неизвестно, где располагался и как выглядел общественный центр города. Археологические материалы позволяют говорить о том, что культовые постройки, общественные здания и некоторые богатые жилые дома возводились с применением ордера. В строительстве использовались все три ордера. От эпохи первого расцвета города сохранились блоки известняковых дорийских антаблементов, принадлежащие двум разным зданиям, и барабан каннелированной колонны, высота которой соответствует канону по дорийскому ордеру Витрувия. Блоки антаблементов соединили в одном камне архитрав и фриз. Подобный прием не был широко распространен в греческой архитектуре эпохи эллинизма, но известен на Боспоре (в Мирмекии и Пантикапее³⁵). На основании найденных камней рассчитана длина фасада одного здания (8,25 м) и его высота (6,8 м). Угловой блок с двумя триглифами и гладкой метопой предполагает шестиколонный вариант периптера на трехступенчатом стилобате. Вторая постройка в дорийском ордере была в 1,3 раза меньше и имела высоту 5 м³⁶. Дорийскому ордеру принадлежит скульптурное завершение известнякового водомета, оформленное в виде головы льва. Камни дорийского ордера вместе с огромными пилеными блоками из ракушечника найдены вторично использованными в фундаменте постройки римского времени (рис. 12).

Всего в Горгиппии раскопаны части около 80 жилых домов разных эпох. В различных частях города исследовались остатки 14 жилых домов, относящихся к первому строительному периоду города (IV — первой половине III в. до н.э.). Именно в IV в. до н.э. сложились основные принципы домостроения

Рис. 12. Разрез дома III в. до н.э., реконструкция

тельства, которые в дальнейшем лишь совершенствовались. В IV в. до н.э. начали строить дома с помещениями, заглубленными в грунт до 1,5 м. В плане одного здания таких помещений устраивалось сначала не более двух—трех. Стены подвалов служили каменными фундаментами для наземных кладок из широких плоских сырцовых кирпичей. Камни в кладках этого периода сложены насухо и подогнаны плотно, наиболее крупные размещены в основании и углах. Полы в подвалах глинобитные, в наземных комнатах деревянный настил на балках перекрывал каменные цоколи. Из подвалов на поверхность дворов выводили каменные лестницы из 6—8 ступеней. Кровли крыли черепицей. В слое, относящемся к разрушению одного из домов, найдены разные черепицы: привезенные из Синопы, боспорские из царских эргастериев, городского производства, вторично использованные.

Основу экономики Горгиппии в IV—III вв. до н.э. составляло зерновое земледелие, имевшее торговую направленность. В подвалах домов в больших количествах встречены перегоревшие пшеница и просо. В доме III в. до н.э. найден широкий садовый нож, пригодный и для срезки винограда. Из мешаного слоя в центральной части Горгиппии происходит черепок, судя по глине, от фасосской амфоры с семистрочным граффио. Палеографические признаки позволяют отнести надпись к первой половине правления Перисада I (середине — третьей четверти IV в. до н.э.). Документ представляет собой частную деловую записку, текст нанесен на загородных угодьях Горгиппии, на подручный предмет — черепок, отправленный нарочным в город: «Аполлон (ид — сыну):

Садовничий пелекос
дай этому мальчику.
Когда садовник пришел
помочь по хозяйству,
созрели такие культуры:
виноградные грозди и овощи».

Горгиппийское письмо проливает свет на неясную для исследователей Боспора сферу социально-экономической организации сельского хозяйства в эпоху ранних Спартокидов и позволяет говорить о существовании практики использования свободного наемного труда в сельском хозяйстве (в данном конкретном случае — садовника). Социальный статус мальчика не ясен (раб, слуга?). Ю.Г. Виноградов, опубликовавший это письмо, отметил также долгую жизнь древних традиций ионийского диалекта в живой разговорной среде³⁷.

Уже в ранней Горгиппии были популярны культы плодородия. Культ Деметры носил официальный характер, что подтверждается открытием святылища с десятками вотивных изображений богини, принесенных к священному месту за городской чертой³⁸. В домах найдены терракотовые фигурки малоазийской богини плодородия Кибелы, от IV в. до н.э. сохранилось посвящение Артемиде Эфесской (КБН 1114). В крупном портовом и торговом городе официальным был и культ Гермеса. В первой половине III в. до н.э. здесь ежегодно справлялся праздник Гермей, сопровождавшийся агонами. Регистр победителей в состязаниях по четырем номинациям сохранил 226 имен, список вели не менее 50 лет с 309—304 гг. до н.э. (КБН 1137)³⁹.

Денежный рынок IV в. до н.э. наполняли серебряные и медные монеты, во второй половине IV в. до н.э. он функционировал в полную силу. Типы боспорских монет представлены в Горгиппии большим разнообразием, чем в других городах царства. Наиболее ранними иноземными монетами, найден-

зарытия которого относится к последнему периоду кризиса — третьей четверти III в. до н.э. В 1892 г. в кургане около Анапы обнаружен клад пантикапейских монет, зарытый в первой четверти III в. до н.э. Подобный клад найден в 1977 г. на территории горгиппийского некрополя (ул. Гребенская)⁴⁴.

ГОРОД В СЕРЕДИНЕ III—I в. до н.э.

Восстановительная застройка произведена сразу же после пожара и в пределах прежних планировочных узлов, улицы сохранены, расширены и благоустроены, черепяное мощение ранних мостовых заменено каменным. Новые мостовые легли на специальные трамбовки, основу которых составил перемещенный слой времени гибели предшествующего строительного периода, вынутый из траншей для фундаментов и котлованов для подвалов. Дома выстроены в старых традициях и фундаментально: по-прежнему они имели по два—три подвала, в них найдена разнообразная утварь и капители колонн от внутреннего ордера. В эту эпоху продолжали строить дома из громадных пиленых блоков известняка, которые соединяли железными скрепами. Дворы этих роскошных зданий мостили также огромными плитами ракушечника правильной прямоугольной формы. Остатки таких домов уцелели как в центре древнего города (пансионаты «Океан» и «Кубань» в центре Анапы), так и в его северо-восточной части (территория археологического заповедника). Архитектурные детали и строительные блоки этих домов многократно использовались в постройках поздней Горгиппии, а затем и турецкого города. Определить точную хронологию этих зданий невозможно, так как они не имели подвалов, а «чистый» слой их гибели утрачен при последующем строительстве.

Из больших камней ракушечника построена и оборонительная стена Горгиппии эпохи эллинизма. Основание ее шириной 1,8 м и платформа башни или выездных ворот выявлены в юго-западной части городища при строительстве современного здания Сбербанка на ул. Ленина. Оборонительные сооружения из огромных блоков ракушечника существовали и на северо-восточном краю городища. Вторичное использование этих блоков отмечено во многих домах и оборонительных сооружениях поздней Горгиппии на территории заповедника «Горгиппия». Камни сохранили различные пазы и врезки, которые имели функциональное назначение в первоначальных постройках.

Для каждого строительного периода Горгиппии можно выделить наиболее характерный вид камня. Так, первые переселенцы использовали округлые «валунчики» плотного зеленоватого песчаника, скорее всего, из поверхностных сборов и очень мелкую гальку для всевозможных трамбовок. В IV в. до н.э. возводили стены подвалов из глыб плотных тяжелых песчаников желтоватого и красноватого цвета, слегка окалявая камни на фасах кладок. В IV в. до н.э. начали применять, а в III—II вв. до н.э. перешли к широкому использованию ракушечника. Из пиленых блоков ракушечника возводили ордерные постройки, строили укрепления, сооружали подкурганские склепы в окрестностях города. На рубеже тысячелетий строители вернулись к тяжелым плотным песчаникам. Зеленовато-сероватые камни этого периода имели вид длинных брусов. В кладки стали включать крупную гальку. Во II—III вв. н.э. массово применяли местный слоистый камень «трескун», но для сооружения склепов, изготовления надгробий и саркофагов продолжали пользоваться ракушечником. Каждая последующая эпоха вторично использовала в строительстве все доступные камни предшествующих эпох. Мрамор характерен для построек в коринфском ордере и надгробий первых веков нашей эры.

Рис. 13. Мраморное изваяние Тюхе (богини Судьбы). Горгиппия, слой пожара I в. до н.э.

Рис. 14. Терракота. Горгиппия

Вместе с восстановительной застройкой после катаклизма второй половины III в. до н.э. возродилась и городская хора. В Джемете раскопана усадьба (у хут. Ключева), построенная в последней четверти III в. до н.э.; ее сразу возвели укрепленной в виде дома-башни (210 кв. м) с толщиной стен 1,3 м и огороженным приусадебным участком (7700 кв. м). Эта усадьба входила в цепь подобных ей, вытянутых в линию по обе стороны одной улицы.

Судя по находкам в домах второй половины III—I в. до н.э., торговля в это время была ориентирована на центры северного и западного побережий Малой Азии и Египет. В III в. до н.э. получила распространение продукция собственного керамика. Он располагался на юго-западной окраине города вблизи оборонительных сооружений (под зданием Сбербанка по ул. Ленина) и выпускал продукцию в течение нескольких веков. Печи II—III вв. н.э., лучшей сохранности, перекрыли разрушенные ранние. Самые нижние (под печами эпохи эллинизма) остались неисследованными из-за интенсивного затопления грунтовыми водами. На территории керамика раскопано 400 кв. м, но площадь его была значительно шире. Из обнаруженных печей к эпохе эллинизма относятся пять. Ни брака, ни готовых изделий в печах и вблизи них не обнаружено. Диаметр печей (до 2,7 м) предполагает обжиг в них некрупных предметов — кухонной посуды, светильников, терракот, грузиков для ткачества. Вблизи печей найдены формы для оттиска терракотовых фигурок, сами фигурки с повтором сюжетов, небольшие керамические подставки, на которых размещали продукцию в печах. Среди них — подставка диаметром 38 см, пригодная для формовки, сушки и обжига пифоса или крупной амфоры. Она сделана из глины, которую можно считать местной. Черепицы IV в. до н.э. с клеймами Горгиппа, эллинистические солены с клеймом ГОР и кирпичи первых веков нашей эры, в том числе и с тамгой Аспурга, визуально сделаны из одинаковой глины. Черепицы, наполняющие слой пожара 240 г. н.э., также изготовлены из одинаковой, но гораздо более рыхлой оранжевой глины.

В конце II в. Горгиппия получила право собственного чекана — известна серебряная драхма с именем города. Лицевая сторона ее с головой Гелиоса

Рис. 15. Расписная ойнохоя.
Некрополь Горгиппии

вправо воспроизводит один из постоянных типов серебряных монет Родоса (притом, что торговый потенциал Родоса в экономике Горгиппии, судя по амфорному материалу, был невелик). Монеты превосходят по качеству серебро Пантикапея⁴⁵.

В конце II в. до н.э., когда Перисад V передал власть Митридату VI Евпатору, Горгиппия в числе других городов Боспора более чем на полвека оказалась в составе огромной Понтийской державы. За ней, как и некоторыми другими крупными городами Северного Причерноморья, были закреплены некоторые полисные институты. Горгиппия вместе с Фанагорией и Пантикапеем оказалась в числе городов, которым было дано право осуществлять эмиссию серебряной монеты. Драхмы первой эмиссии (100–90 гг. до н.э.) выпускались только от имени Пантикапея и Горгиппии, причем пантикапейские перечеканивались из драхм Амиса II в., горгиппийские же, как правило, следов перечеканки не имеют и тем самым подтверждают стабильность экономической ситуации города. Вторая серия (90–80 гг.) горгиппийских монет митридатского времени также состояла из крупных номиналов серебра и меди. Горгиппийские монеты были в равном ходу с монетами Фанагории и Пантикапея, но количественно чеканка от имени Фанагории и Горгиппии уступала пантикапейской⁴⁶. В два первых десятилетия власти Митридата наиболее крупным полисам, городские общины которых обладали политической силой, было предоставлено право выпуска монет. Однако унификация монет, сделанных по подобию понтийских, указывает на политический характер мероприятия. К 70-м годам до н.э. политика Митридата меняется в сторону ужесточения, чекан боспорских городов прекращается, поборы на бесконечные войны с Римом возрастают. Всеобщее разорение нашло отражение в зарытии кладов. Найдены они и в окрестностях Горгиппии. В 1976 г. обнаружен клад в ущелье Куматырь, зарытый в 80-х годах до н.э., в 1977 г. — крупный клад (собрано ок. 1700 монет) рядом с хут. Фадееево, зарытый в первой четверти I в. до н.э.⁴⁷

Новый пожар разрушил город в середине I в. до н.э., вскоре после конца митридатской эпохи. Погибли монументальные здания, сгорели жилые дома с подвалами, сохранив утварь и ценные вещи внутри нерасчищенных впоследствии подвалов. В это же время прекратила существование и усадьба в Джемете (рис. 13–15).

РУБЕЖ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

После пожара I в. до н.э. руины сровняли с землей и выстроили новые дома с иной планировкой, но сетевую структуру города по-прежнему сохранили. Наступил один из самых смутных и беспокойных периодов в истории Боспора, отмеченный бесконечными междоусобицами и сложно развивавшимися взаимоотношениями с Римом. В эпоху тридцатилетнего правления Асандра сложная система крепостей опоясала остров, существовавший на месте современного Фонталовского полуострова Тамани. Цепь укреплений тянется и далее на юго-восток, она хорошо прослежена на участке между Горгиппией и Батами⁴⁸. Горгиппия также укреплялась. Подступы к ней с востока прикрывала мощная крепость, исследованная экспедицией на окраине ст. Анапской. Она занимает чрезвычайно выгодное положение на краю водораздела, что позволяло держать под контролем широкую равнину с выходящей из города дорогой и значительную полосу предгорий. Укрепление у ст. Анапской являлось домом-башней с примыкавшим двором, обнесенным каменной оградой.

Планировка этой постройки повторяет план синхронной усадьбы в Джемете, но стены ее значительно толще (2,3 м — здания, 1,7 м — двора). Крепость располагалась на мысу, примыкая к естественному обрыву. Судя по топографии, с противоположной стороны ее защищал ров. Каменные стены башни уцелели на 1,7 м высоты, они сложены из крупных камней, самые большие выведены на углы постройки. Крепость имела не менее двух этажей. В 1960-е годы исследовалась синхронная ей усадьба с аналогичной планировкой в совхозе «Рассвет» (удалена на 2,7 км от крепости в Анапской)⁴⁹. В 1880-е годы вблизи предгорий В.И. Сизов исследовал укрепление в ст. Натухаевской⁵⁰. Укрепления в Анапской, «Рассвете» и Натухаевской находятся в пределах видимости друг друга, далее в предгорьях Кавказа эту цепь продолжают крепости Цемесской долины. В случае опасности каждая крепость могла подать соседней сигнал бедствия. Эти крепости составляли единую систему обороны, сложившуюся в конце I в. до н.э., определявшую границы Боспорского государства этого времени. Они являлись пограничным заслоном земледельческих житниц. Подобное расположение укреплений, позволявшее поддерживать оптическую сигнальную связь, отмечено и для Нижнего Побужья в первые века нашей эры⁵¹. Первое значительное разрушение крепости в Анапской произошло в конце I в. до н.э. В это время гибнут в огне крепости Таманского полуострова, разрушается Танаис и укрепленное здание на Раевском городище вблизи Горгиппии. Исследователи относят эти разрушения к периоду между 14 и 8 гг. до н.э. и к противостоянию с римским ставленником Полемоном⁵².

С Горгиппией связана деятельность Аспурга, основателя новой боспорской династии, правившей государством более трех столетий. Сохранилось официальное благодарение им Горгиппии за верность, проявленную городом, как предполагается, во время его поездки в Рим за утверждением на царствование. Два куска мраморной плиты с рескриптами Аспурга найдены в 1962 г. при строительных работах в Анапе, тексты переведены, опубликованы и интерпретированы Т.В. Блаватской:

Посвятительный текст:

«Горгиппияне воздвигли Зевсу Спасителю».

Письмо А:

«Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Будучи благосклонно расположен к городу горгиппиян и желая воздать им по справедливости, поскольку они проявили себя во многих делах благорасположенными ко мне, особенно, когда соблюли себя в полной безмятежности во время путешествия моего к императору Августу, я определяю сообразно данным мною распоряжениям, что на будущее время правила родственного наследования останутся у них неизменными, согласно наследственному закону Евпатора. Итак, оплатив опубликование, сделайте это постановление для всех известным сообразно нашему решению. Будьте здоровы. 312 года, месяца Дайсия 20-го дня».

Письмо Б:

«Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Так как горгиппиянам [друзьям моим] я дал освобождение от [уплачиваемых] с вина, пшеницы и [ячменя] одной одиннадцатой, с проса же [одной двадцатой], то решил написать [Вам с тем, чтобы Вы устроили?] согласно моему решению]. Будьте здоровы. 312 года, месяца Дайсия...»⁵³.

После смерти Полемона в 8 г. до н.э. претендентом на боспорский престол долгое время оставался Аспург. Горгиппия могла быть его резиденцией,

он имел в этом городе кирпичные эргастерии, клеймившие продукцию его личной тамгой.

Указы Аспурга начала I в. н.э. являются самым ранним эпиграфическим свидетельством определения Горгиппии полисом. Гражданская община горгиппийян — ὁ δῆμος Γοργυπλέων — признавалась правоспособной административной единицей и в конце I в. н.э. (КБН 1118), надпись времени Савромата I упоминает городской Совет — ἡ βουλὴ⁵⁴. Сохранение в первые века нашей эры полисных институтов в рамках Боспорского царства находилось в соответствии с общей традицией, поддерживаемой многими городами Восточного Средиземноморья, включенными к тому времени в состав Римской империи⁵⁵, однако статус полиса Горгиппии был чисто номинальным. Она входила в общую политическую систему Боспора, царь отдавал приказы городу, основное делопроизводство в нем осуществляли направлявшиеся им чиновники, о чем свидетельствуют анапские рескрипты Аспурга. Царские чиновники обеспечивали соблюдение гражданами как коренных законов государства, так и частных постановлений царя. Основной их обязанностью было взимание налогов в царскую казну. Один из рескриптов Аспурга (письмо Б) раскрывает фискальные взаимоотношения города с центральной властью: горгиппийяне вносили в царскую казну пропорциональную поземельную подать, учитывающую колебания урожая, а именно одну одинадцатую с вина, пшеницы, ячменя и одну двадцатую с проса. Анапский рескрипт является единственным для всего Боспора документом о величине полисного фороса. Помимо взимания твердых фискальных сумм (например, Египет) в Средиземноморье известны примеры и пропорционального налогового обложения, главным образом десятиной (Афины, Карфаген, Сардиния, царство Селевкидов, Малая Азия)⁵⁶. Анапские рескрипты Аспурга определяют обязанности царских чиновников по опубликованию распоряжений царя и введению нового права родственного наследования.

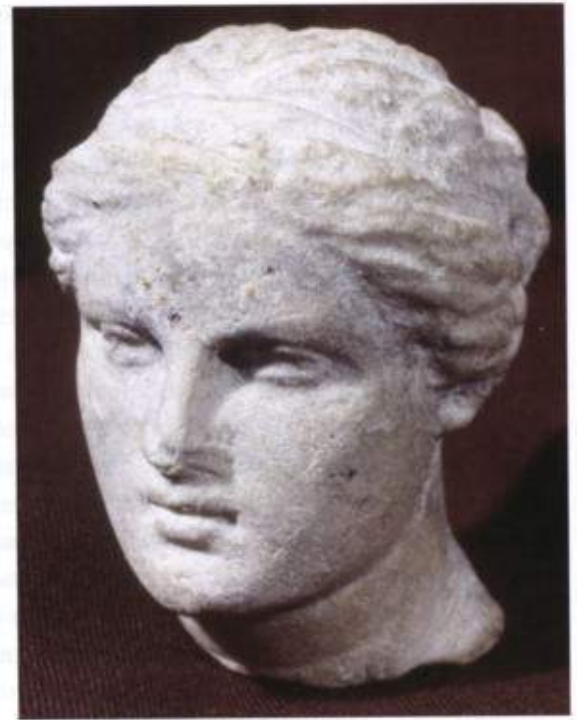
Междоусобицы сыновей Аспурга после его кончины (Тас. Апп. XII. 15–21 = SC II. С. 238–241) не могли не отразиться на жизни Горгиппии, так как военные действия между братьями разворачивались вблизи нее. Видимо, в ходе этой борьбы вторично гибнет крепость в ст. Анапской. В окрестностях Горгиппии (район Сукко) обнаружен клад монет, зарытый в период короткой деятельности Митридата VIII, царствовавшего до 45 г. н.э.⁵⁷ Около середины I в. н.э. на горгиппийском некрополе появляется новый тип погребальных сооружений: глубокие большие гробницы. Дно входных колодцев в них на уровне скалы перекрыто огромными плитами или накатом из толстых бревен. Под перекрытием в скале вырыта яма для одного или двух каменных саркофагов. Дно гробниц лежит на глубине 4–5 м от поверхности анапских улиц. Усыпальницы, судя по наличию в них каменных саркофагов и богатому погребальному инвентарю, принадлежали зажиточному населению; большая часть их ограблена еще в древности. Внезапное появление нового типа гробниц связано с проникновением в город нового населения. Богатство этих гробниц находится в противоречии с отсутствием фундаментальности в городских жилищах этой эпохи. Новые гробницы, скорее всего, принадлежат воинам-победителям, пришедшим с добычей. Возможно, в Горгиппии осела часть дружины аорсов, поддержавших Котиса в его междоусобной войне (Тас. Апп. XII. 15–21).

Облик города «смутной эпохи» мы представляем плохо. После катастрофы I в. до н.э. Горгиппия долго находилась в запустении. Археологически следы жизни этого времени (отдельные находки, обрывки строений, тонкие

Рис. 16. Фигурный сосуд в виде головы Диониса. Некрополь Горгиппии

Рис. 17. Женская мраморная головка. Культурный слой Горгиппии

пятна культурного слоя) прослежены повсеместно, но они не образуют комплексов с ясной планировкой. В это время продолжали пользоваться старыми улицами. Впервые за несколько столетий дома не имели подвалов, поэтому широкое строительство, развернувшееся в городе с конца I в. н.э., уничтожило следы жизни «смутной эпохи». Уцелевшие от этого времени кладки сложены небрежно из любых, «попавшихся под руку» камней, большие лежат на мелких, в кладки стали включать крупную гальку.

Из общей массы разрозненных построек этого времени выделяется дом на юго-западном краю городища (раскопан под зданием Сбербанка на ул. Ленина). Это было укрепленное здание со стенами толщиной 1,1 м из крупных брусообразных камней плотного песчаника в основании фундаментов, что допускает наличие и второго этажа у постройки. Обращает на себя внимание способ укладки камней нижнего ряда, создающий замки прочности — два—три вытянутых вдоль кладки бруса чередуются с размещенными поперек (антисейсмический прием?). На северо-восточном краю городища также встречена подобная кладка. Стены укрепленного здания в юго-западной части Горгиппии сохранились в высоту до 1,6 м. Это был дом-башня в оборонительной системе юго-западного края городища, собравший в компактный прямоугольник несколько помещений, подобный синхронным сельской усадьбе в Джемете и крепости вблизи ст. Анапской. Скорее всего, в этот период город не имел в привычном смысле оборонительной стены. Возможно, стены его были разрушены вместе с фанагорийскими укреплениями еще при Фарнаке. Оборону города держали укрепленные дома по его окружности и подобного типа постройки в пределах хоры. Здание сгорело в сильнейшем огне, пожарище сохранило обильную и богатую утварь — эталонный комплекс рубежа тысячелетий для всего Причерноморья.

С конца I в. до н.э. налаживаются контакты с обширной территорией Римской империи, что совпало с наибольшей активностью римлян в Северном Причерноморье. С этого времени в Горгиппию начинают поступать

Рис. 18. Краснолаковый кувшин с фигурой оленя. Некрополь Горгиппии

италийские, рейнские и галльские бронзы, стекло и краснолаковая посуда как из западных, так и восточных провинций империи (рис. 16–19). Среди изделий нередки и высокохудожественные.

ПОСЛЕДНИЙ РАСЦВЕТ ГОРОДА (КОНЕЦ I – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА III в. н.э.), ГИБЕЛЬ ГОРГИППИИ В 240 г.

На рубеже I–II вв. н.э. наступила стабильная обстановка в государстве, второе столетие явилось для Горгиппии периодом бурного расцвета. Размах строительства в это время подтверждают археология и эпиграфика (рис. 20). Царь Савромат I восстановил снесенные до основания укрепления, расширив границы города (КБН 1112). В 110 г. наместник города воздвиг храм Афродите Навархиде (КБН 1115), во второй половине II – начале III в. н.э. фиас навклеров (судовладельцев) поставил статуи и восстановил храм богу Посейдону (КБН 1134). Эпиграфика этого времени свидетельствует о сооружении в городе памятников боспорским царям (КБН 1118, 1120) и их наместникам (КБН 1119). Рядом с территорией предполагаемой агоры найдена большая мраморная статуя (возможно, наместника города Неокла) и обломки еще двух таких же больших изваяний⁵⁸. Фриз и архитрав с пышным растительным узором, вырезанные из одного камня, мраморные коринфские капители, мраморные кассеты с изображениями рельефных голов Медузы, Пана, Сатира в обрамлении ов свидетельствуют о монументальных постройках (рис. 21, 22). На городском некрополе знатные граждане возводят пышные усыпальницы – каменные склепы с росписью и каменными саркофагами. Город развивает собственные ремесла и продолжает вывоз хлеба (КБН 1134).

Для римской эпохи характерно разнообразие архитектурных решений и использование трех ордеров, что затрудняет создание реконструкций по разобщенным деталям, хотя такие попытки для Горгиппии неоднократно предпринимались⁵⁹. Расчеты показали, что в городе применяли не менее четырех размерных вариантов однотипного ордера с пилястрами, украшенными капителями в коринфском ордере. Максимальная высота пилястры достигала 4,5 м, максимальная высота постройки до верха карниза составляла 3,5 м. Модуль горгиппийского ордера с пилястрами кратен римскому футу⁶⁰. Большинство архитектурных деталей коринфского ордера из Горгиппии сделано из одинакового мрамора – белого с теплым оттенком. В обработке камня заметно использование одинаковых приемов, что в сочетании с индивидуальностью стилистики и ордерного пропорционирования предполагает создание в городе собственной школы художественной обработки камня, работавшей на точных расчетах и глубоком знании достижений архитектуры своего времени. Не случайно и упоминание в одной из надписей городского архитектора⁶¹. Сравнение мраморных надгробий горгиппийского некрополя первых веков нашей эры также указывает на существование собственной школы художественных резчиков по камню.

Великолепная культовая постройка с мраморными кассетами и рельефными ликами божеств в центре каждой является уникальным архитектурным сооружением, равной которой нет в Северном Причерноморье. Части этого сооружения растащены для гашения извести в новое время и найдены в Анапе, Джемете, Гай-Кодзоре. Персонажи найденных кассет – горгона Медуза, Пан, Сатир, Гермес Кадмилос – представляют круг божеств, окружавших

Рис. 19. Гемма на аметисте (Аполлон) в золотом перстне. Некрополь Горгиппии

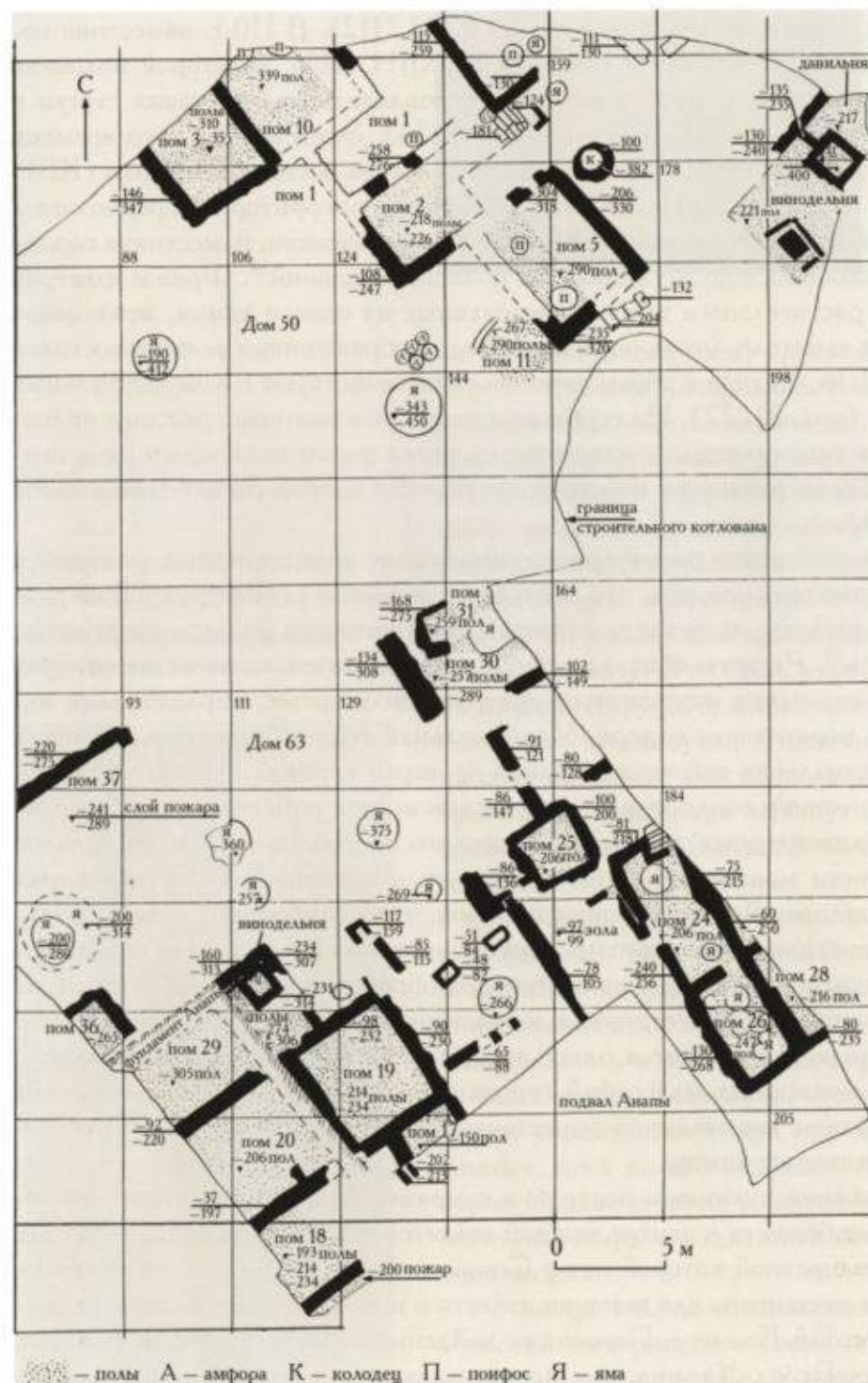
основной персонаж, которому посвящалось сооружение в целом. Медуза Горгона и Гермес подчеркивают его хтоническую сущность; основной фигурой мог быть Дионис-Сабазий. Камни имеют внутреннюю криватуру и принадлежат постройке типа толоса либо апсиды с внутренним диаметром ок. 4,5 м, либо внешне прямоугольной с округлым помещением внутри⁶².

Работы по благоустройству города во II в. н.э. произведены централизованно: заново и единообразно вымощены огромными плитами основные городские магистрали (улицы шириной 8 и 4 м на территории археологического заповедника). Такое мероприятие было под силу только городской общине и осуществлялось, скорее всего, на средства, которыми распоряжался упоминаемый в надписях Совет города.

Домостроительство в этот период достигло невиданного ранее размаха. С конца I в. н.э. вводится практика сооружения домов с глубокими подвалами (до 5–7 в одном доме). При строительстве таких домов перемещались огромные массивы культурных напластований предыдущих эпох. Так поздняя Горгиппия разрушала культурный слой ранней. Этот грунт использовался рядом для устройства трамбовок под новые мостовые и вымостки дворов. Мощность трамбовки под большими плитами Широкой улицы достигает 0,9 м, основу ее составляют перемещенные многовековые напластования Горгиппии. Практика такого строительства получила распространение в связи с потребностью в большом количестве камня — его добывали на месте строительства из подстилающих рыхлых скальных пород. Для этого подвалы впускали в скалу на 0,5–1 м, вырубая породу из скальных гребней. Местный камень «трескун» стал основным строительным камнем эпохи.

Все дома I — первой половины III в. н.э. занимают значительные площади. В различных частях городища исследованы части 24 домов этого времени. Единственный целиком раскопанный дом занимает 400 кв. м, он зажат пересечением трех улиц. Другие дома значительно больше — их раскопанные части занимают 650–800 кв. м, но все они продолжают в борта под анапские улицы. Скорее всего, участки имели два–три стандарта. Планы домов неодинаковы. Здание формировалось вокруг внутреннего двора разными

Рис. 20. Строительные остатки двух домов II—середины III в. в центре Горгиппии (котлован пансионата «Океан»)

способами. Крытые помещения располагались вдоль двух сторон двора или по его периметру; двор занимал около $\frac{1}{5}$ постройки. Наиболее часто он отделялся от улицы частью здания. В плане учитывались возможности наилучшего освещения солнцем и прикрытия от господствующих ветров.

Подвалами в домах занято до 65% участка, площадь подвальных помещений варьирует в пределах 9–30 кв. м. Почти под всеми комнатами здания имелись подвалы, дублирующие величину наземных комнат. Каменные стены подвалов служили фундаментами. В кладках широко использовали камень предшествующих построек. В целом в эпоху такого размаха жилищного строительства ухудшается качество кладок. Над каменными цоколями, как и прежде, возводили стены из саманных кирпичей (наиболее распространенная величина $42 \times 42 \times 7$ см, использовалось несколько стандартов). Органические примеси к глине были хорошими отошителями. При легком обжиге они выгорали, обеспечивая пористость. Такой кирпич хранил тепло и прохладу в зависимости от времени года. Для строительства дома площадью 400 кв. м надо было приготовить не меньше 21 тыс. плоских кирпичей. Окна некоторых домов стеклили. Крыши громадных домов поздней Горгиппии крыли черепицей. Она вся сделана из одинаковой рыхлой оранжевой глины неравномерного обжига с примесью шамота и песка.

В подвалы вели деревянные лестницы от люков в полах наземных комнат. Многие подвалы напрямую сообщались люками с поверхностью улиц или дворов, что было удобно для загрузки в них крупногабаритных предметов. Диаметры таких люков обычно соответствуют диаметру крупных амфор. Этот строительный прием является достопримечательностью Горгиппии; он особенно рационален для торгового района, который находился, как мы полагаем, в северо-восточной части города. Здесь веками параллельно морю тянулась улица шириной 8 м, которая за пределами города превращалась в основную торговую дорогу, связывавшую его с соседними полисами, плодородными землями Прикубанья и торговой дорогой из Крыма к кавказским перевалам. Северная и западная части города соприкасались с морем, южные дороги вели к предгорьям Кавказа с воинственными соседями, и только восточное направление гарантировало свободу передвижения. Именно восточная часть города соприкасалась с наиболее богатой частью некрополя, что также косвенно подтверждает направление главной дороги к нему. Возможно также, что и гавань примыкала к северо-восточной части города, так как в пределах древнего поселения только здесь песчаный берег полого спускается в море, позволяя вытаскивать на берег небольшие суда. Остальная часть побережья занята обрывом в море высокого плато и выходами скальных гребней на

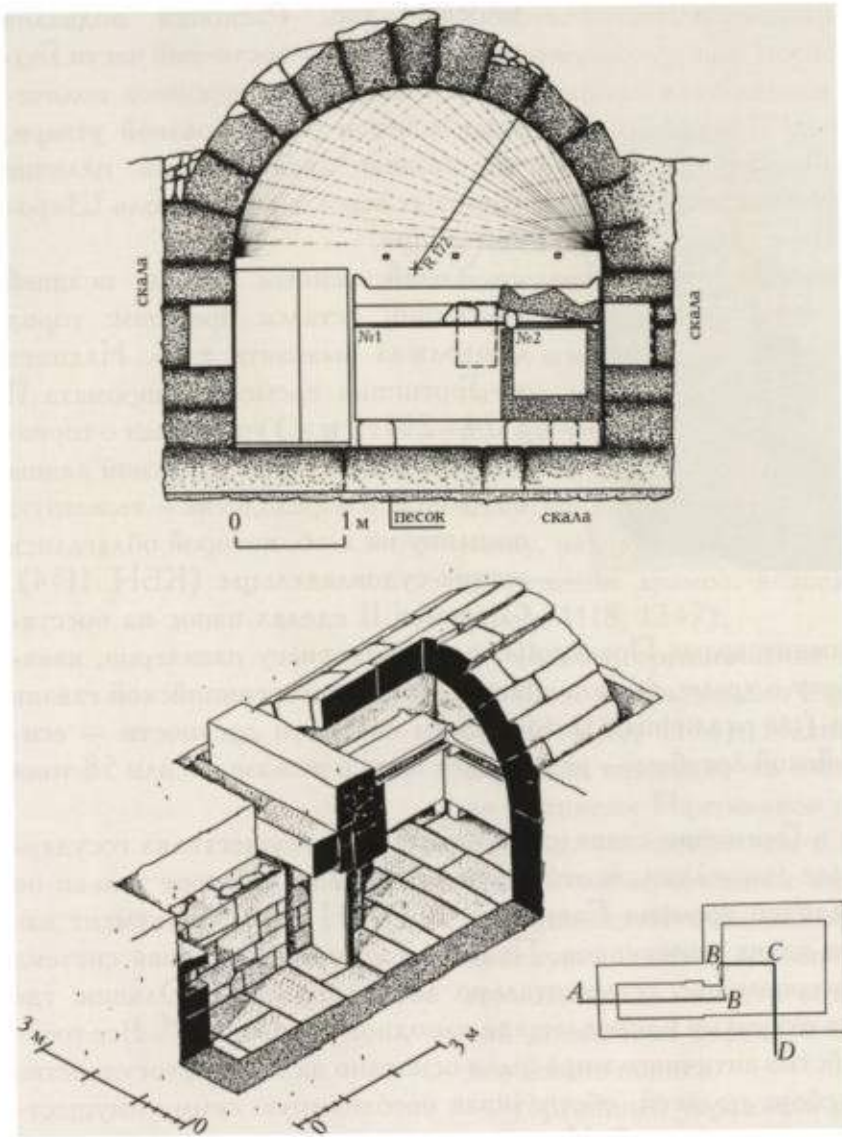

Рис. 21. Склеп с фресковой росписью III в. Некрополь Горгиппии

Рис. 22. Мраморный блок с ликом горгоны Медузы от культовой постройки первых веков. Культурный слой Горгиппии

новление и украшение храма Посейдона, разрешив фиасу навклеров, взявшему на себя заботу о храме, беспошлинный вывоз из горгиппийской гавани 1000 артаб зерна (по различным метрическим системам древности — египетской или мидийской артабам — речь может идти о вывозе 29 или 58 тонн зерна⁶³).

Сбор пошлин в Горгиппии сдавался на откуп. Его осуществлял государственный магистрат *ἐνκυκλίῳν οἰκονόμος*, известный на Боспоре только по горгиппийской надписи времени Савромата II (КБН 1134). Документ называет сразу трех таких чиновников. Помимо Горгиппии откупная система в Северном Причерноморье документально зафиксирована в Ольвии, где право заведования откупами принадлежало народному собранию⁶⁴. Все государственное хозяйство античного мира было основано на откупе; государство продавало право сбора податей, обеспечивая необходимую сумму имуществом откупщиков и их поручителей. Налог на пахотную землю, виноградники, сады и скот, таможенные пошлины, рыночные налоги на куплю-продажу, подушные подати, налоги на ремесло, недвижимое имущество и наследство, сборы на государственных дорогах, плата за отпущение рабов — все эти виды обложения, как и многие неперечисленные, в разные периоды и в различных

Рис. 23. Керамический комплекс из слоя пожара 240 г. в подвале дома в юго-западной части Горгиппии

морское дно. Раскопки подвалов именно в северо-восточной части Горгиппии дали такое огромное количество монет и разнообразной утвари, что можно предположить наличие торговых лавок в домах вдоль Широкой улицы.

Хозяйственный уклад поздней Горгиппии остался прежним: город продолжал вывозить хлеб. Надпись из Горгиппии времени Савромата II (174–210 гг. н.э.) упоминает о торговой пошлине в пользу царской казны с торговли и мореходства — вывозную пошлину на хлеб, которой облагались купцы-судовладельцы (КБН 1134). Савромат II сделал взнос на восста-

вших центрах античного мира взимались посредством откупа; на откупе находились и храмовые доходы⁶⁵. С развитием античного общества система откупа совершенствовалась и усложнялась, ранее свободный откуп отдельных лиц повсеместно перерастал в сложную систему коллегий. Каждый из трех чиновников, упомянутых горгиппийской надписью, мог возглавлять коллегия откупщиков. Даже имеющиеся скудные сведения об откупах очень важны, так как доказывают единый принцип финансовой организации Боспора и многих соседних эллинских государств.

В соответствии с нормами античного общества Горгиппия была интегрирована в систему экономики Боспора.

Горгиппийская надпись середины II в. н.э.⁶⁶ также впервые на Боспоре называет должность $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\acute{\omega}\nu \phi\epsilon\iota\sigma\kappa\omega\nu$. Основываясь на параллелях в Римской империи, где в фиски помещались средства, находившиеся в собственном распоряжении императора в управляемых им провинциях, А.И. Болтунова предположила, что «фиск» на Боспоре означал хранилище средств, которыми распоряжался верховный правитель и царская администрация⁶⁷. Горгиппийские рескрипты Аспурга и надпись навклеров (КБН 1134) сообщают о конкретных доходах, пополнявших казну боспорского царя — пошлинах на сельскохозяйственные продукты, экспортных сборах, конфискациях имущества. Распределением сумм, собиравшихся в фисках, ведали, согласно царскому приказу, царские экономы (подобно Панталеонту и Феангелу, упомянутым в рескриптах Аспурга). Города Боспора имели и свою автономную казну, находившуюся в ведении городских общин, эти средства тратились на сооружение храмов, возведение статуй боспорским царям и другие нужды (КБН 1118, 1247).

Только горгиппийские надписи второй половины II — первой половины III в. н.э. называют еще одну должность — $\acute{\omicron} \rho\acute{\omega}\tau\omicron\varsigma \epsilon\lambda\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\alpha\varsigma$ (КБН 1120, 1134). Назначение ее трактуется неодинаково⁶⁸. Болтунова обратила внимание на множественность чиновников с титулом, известных по надписям Пантикапея и Танаиса (КБН 36, 58, 628, 1249), и предположила, что чиновники с этим титулом управляли в разных районах царства землями, доходы с которых составляли личную собственность царя, а горгиппийский чиновник $\acute{\omicron} \rho\acute{\omega}\tau\omicron\varsigma \epsilon\lambda\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\alpha\varsigma$ возглавлял их горгиппийскую коллегию, являясь одновременно жрецом фиаса навклеров⁶⁹. Такое толкование должности объясняет и существование в городе параллельно с ней должности царского наместника, под контролем которого находилась вся жизнь полиса.

Горгиппией управляли представлявшие верховную власть особые наместники, носившие титул $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\eta\varsigma \Gamma\omicron\rho\upsilon\iota\lambda\lambda\epsilon\iota\alpha\varsigma$. Портовый город, расположенный на плодородных землях, который вел оживленную торговлю хлебом и служил оплотом юго-западных рубежей государства, был особенно важен для государства. Поэтому цари назначали для управления им специальных чиновников подобно тому, как в Феодосию назначался особый наместник ($\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\eta\varsigma \Theta\epsilon\omicron\delta\omicron\varsigma\iota\alpha\varsigma$, КБН 64), а в управление основной частью Таманского полуострова — начальник острова ($\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\eta\varsigma \nu\eta\sigma\omicron\nu$, КБН 40). Должность наместника Горгиппии упоминается в шести надписях II–III вв. н.э. из Анапы (КБН 1115, 1119, 1129, 1132, 1134, 1214). Царские наместники были людьми состоятельными. Один из них воздвиг на собственные средства храм Афродите Навархиде, почитавшейся в портовом городе, очевидно, наравне с Посейдоном. Некоторые наместники совмещали свои обязанности с должностью синогога в фиасах (КБН 1132, 1134).

Наместнические функции и другие наиболее ответственные магистратуры в одном из наиболее крупных городов царства могли исполнять члены царской семьи. В 1975 г. на горгиппийском некрополе исследовалось место захоронения одной из знатных семей города. Погребальный комплекс состоял из двух склепов и монументальной гробницы, объединенных одной курганной насыпью. Склеп с фресковой росписью ограблен в древности, второй склеп и гробница содержали богатый погребальный инвентарь из золотых и высокохудожественных предметов. На фресках склепа с полуциркульным сводом,

сложенного из громадных пиленых блоков ракушечника, изображены подвиги Геракла. Во фризе с подвигами Геракла включен портрет пяти членов семьи. Помимо хтонической сущности образа Геракла важен и другой аспект этого культа — на Боспоре Геракл наряду с Посейдоном и его сыном Эвмолпом признавался родоначальником правившей в первые века нашей эры династии. В период подъема Боспорского государства и политики усиления центральной власти незыблемость божественной генеалогии провозглашалась в почетных надписях и отражалась в монументальном искусстве. Стремление увековечить родословную нашло отражение в выпуске Савроматом II серии монет с изображением канонических подвигов Геракла⁷⁰. Одна из монет этой редкой серии найдена при раскопках Горгиппии (реверс: Геракл держит на плечах эриманфского вепря; Бур. XXXVII. 18)⁷¹. Многочисленные солярные символы в росписи склепа также подчеркивают символику правящей сарматской династии. В двух соседних усыпальницах найдены символы власти: золотая гривна, золотой венок с изображением на центральном щитке Афродиты Урании (Небесной) — покровительницы Боспорского царства, массивный литой золотой перстень с геммой на николо (Афина Парфенос) с дополнительно вырезанной царской тамгой. Парадное оружие из склепа находит аналогии только в царских погребениях (Афганистан, Закавказье, донские и приволжские степи). Можно полагать, что усыпальницы принадлежали семье одного из главных чиновников, представлявших в городе центральную власть, он мог иметь родственные связи с царской семьей. Тамги правителей сарматской боспорской династии персональны и различаются между собой мелкими деталями. Тамга горгиппийского перстня не повторяет известные, но стоит с ними в одном ряду, отличаясь только одним штрихом. Такая тамга могла принадлежать самому близкому родственнику царского дома⁷².

Горгиппийские надписи упоминают некоторые военные магистратуры. В частности, среди списков фиасотов II — начала III в. н.э. шесть раз названа должность стратега (στρατηγός. КБН 1134, 1141, 1179⁷³). Горгиппийский документ навклеров (КБН 1134) упоминает трех стратегов одновременно, еще одна надпись из Анапы перечисляет двух стратегов⁷⁴. Не ясно, имел ли город свою коллегию стратегов, либо она была общегосударственной. В таком стратегически важном центре, как Горгиппия, должность стратега, если рассматривать ее как военную, относилась к разряду государственных. В императорскую эпоху, однако, стратегами повсеместно называли и гражданских магистратов; они занимались финансами, снабжением, сбором пошлин и надзором⁷⁵. Эпиграфические документы из Ольвии безусловно свидетельствуют о том, что стратеги представляли высшее военное начальство⁷⁶. На Боспоре стратеги известны в Пантикапее (I в. н.э. КБН 382, 827) и Танаисе (II — начало III в. н.э.⁷⁷).

Среди списков неизвестных фиасов II — начала III в. н.э. трижды названы лохаги, командиры военного отряда — лоха (λοχαγός. КБН 1136, 1179⁷⁸). На Боспоре должность лохага документально зафиксирована в Пантикапее, Фанагории и Танаисе (КБН 36, 1000, 1051, 1251a). Должность тагматарха (ταγματάρχης. КБН 1213) известна только в Горгиппии, круг обязанностей этого чиновника не известен. Название магистратуры может происходить от военного термина τάγμα — «строй, отряд».

Подобно другим центрам Боспора Горгиппии не был чужд институт эпимелейи — добровольного почетного попечительства о городских делах, преимущественно о строительстве (КБН 1115, 1122). В надписи середины II в. н.э.

Рис. 24. Часть безмена и бронзовые гири из слоя пожара 240 г. Заповедник «Горгиппия», винодельня дома 27

Рис. 25. Бронзовая фигурка эрота, первые века н.э. Культурный слой Горгиппии

назван архитектор (ἀρχι[έ]κτων)⁷⁹. Очевидно, архитектором называлось не должностное лицо, а специалист особой квалификации.

Горгиппийские надписи сохранили названия и ряда синодальных должностей. В городе найдены документы фиасов и множество обломков надписей со списками личных имен, большая часть которых также, по-видимому, относится к эпиграфическим документам этих обществ (КБН 1138–1191)⁸⁰. Всего с фиасами в Горгиппии связано не менее 90 надписей, что значительно превосходит подобные собрания в других городах Боспора (даже в Пантикапее, КБН

75–108). Подобно другим городам Боспора горгиппийские объединения в сохранившихся документах определяются фиасами (θέασος), однажды общество названо синодом (σύνδοος, КБН 1135). Члены фиасов в Горгиппии именуют себя только фиаситами (θεασείτας, КБН 1129, 1132, 1134). Надписи фиасов содержат перечень должностных лиц общества, упоминаемых, как правило, в определенной последовательности. Названия этих должностей полностью не совпадает с терминологией фиасов других центров. Наиболее распространенной является заглавная формула: «фиаситы во главе со жрецом» (θεασείται περὶ ἱερέα, КБН 1132, 1134, 1135, 1136), из которой явствует, что фиасы возглавляли служители культа — жрецы. Вторым лицом в фиасах называется синагог (φροντιστής, КБН 1129, 1131–1136), он мог вести дела и самостоятельно (КБН 1133). Термин «синагог» широко известен в Египте, на Делосе, во Фракии; возможно, что он «председествовал» в союзе и собирал членов на религиозные празднества⁸¹. За жрецом и синагогом горгиппийские надписи обычно называют фронтистов (КБН 1129, 1132, 1134–1136), в составе синодов они множественны. Этот термин трактуется и как «попечитель» фиаса (КБН С.662).

Лица, руководившие горгиппийскими фиасами, совмещали обязанности в фиасах с исполнением общегосударственных должностей. Так, жрец фиаса навклеров был ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας (КБН 1134), синагог того же фиаса являлся наместником Горгиппии. Жрец мог совмещать свою должность с обязанностями лохага (КБН 1136), фронтист был казначеем священных сумм (ἱερῶν οἰκονόμος, КБН 1134). В документе горгиппийских навклеров казначей священных сумм одновременно является фронтистом фиаса. Другой фронтист, упомянутый первым, дополнительной должности не имеет (КБН 1134). Еще две надписи, в которых название этой должности сохранилось не полностью и восстановлено (КБН 1129, 1130), упоминают магистрата среди прочих фиаситов. Место лица в надписи, где строго определен порядок должностного перечисления, позволяет отнести рассматриваемую должность к списку государственных. Вряд ли лицо с большими финансовыми полномочиями в фиасе упоминалось бы среди рядовых членов общества. В то же время, эта магистратура в масштабах полиса не была второстепенной, отчего чиновник и оказался среди руководства союза.

Рис. 26. Схема росписи стены напротив входа склепа III в. Некрополь Горгиппии

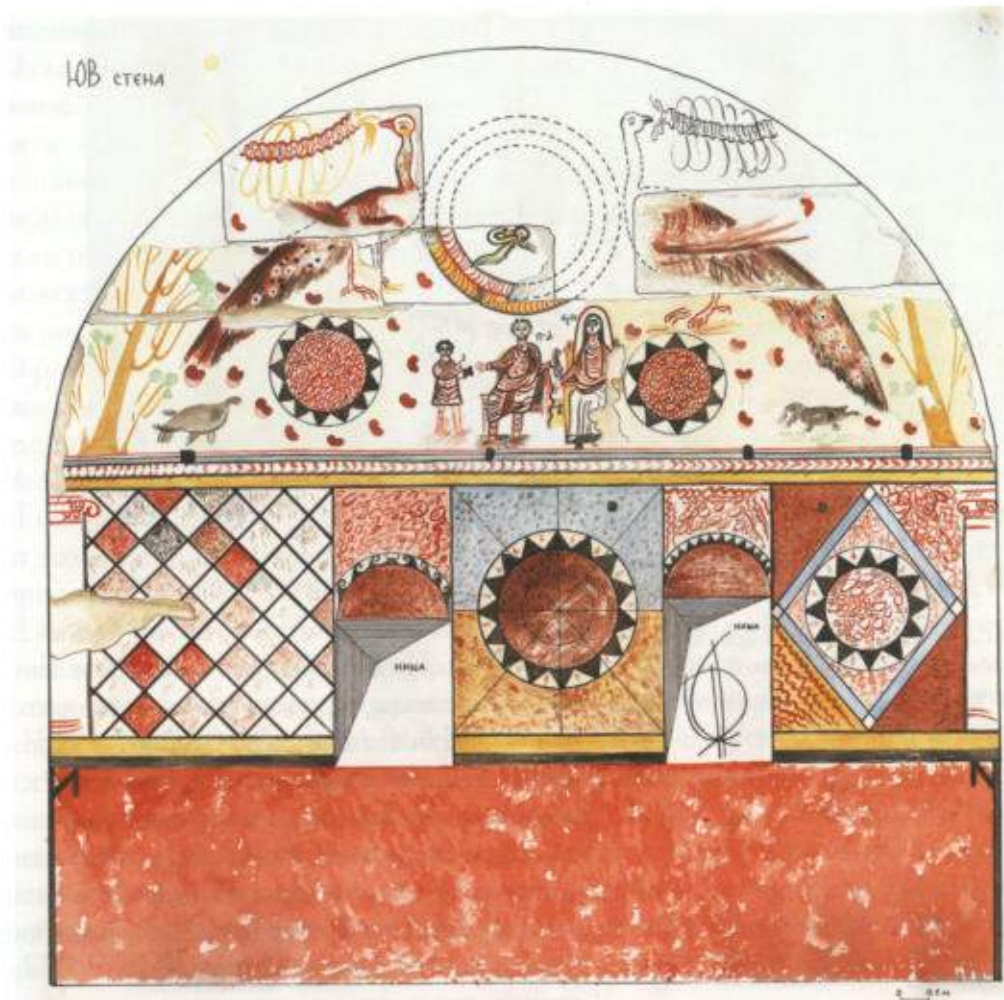
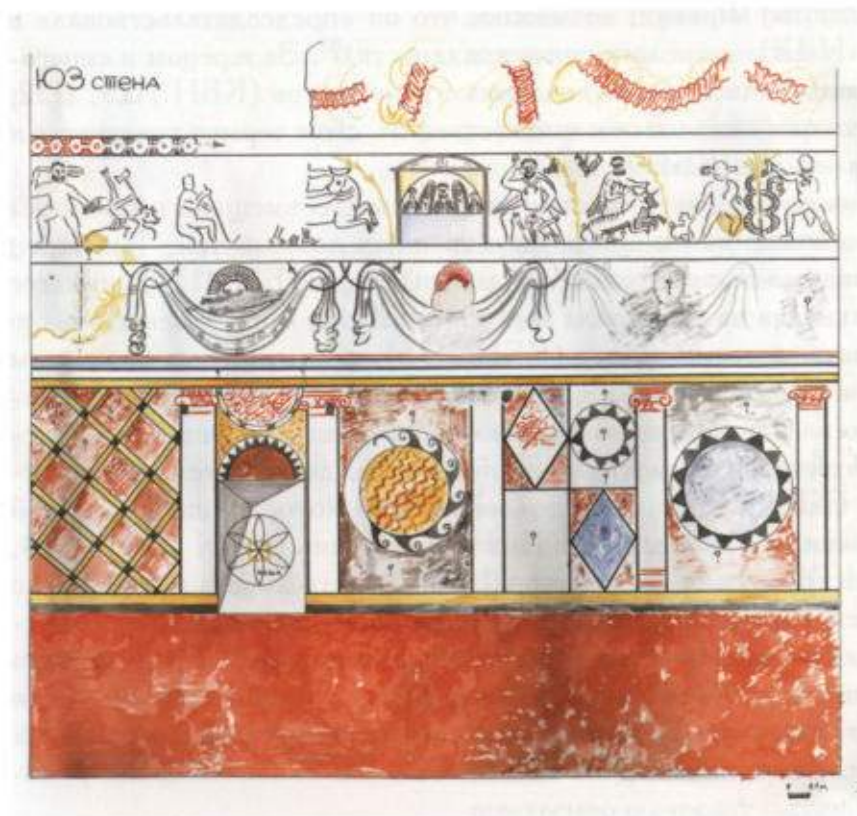

Рис. 27. Схема росписи боковой стены склепа III в. Некрополь Горгиппии

Также и должность «ведающего святынями» (ἐπί τῶν ἱερῶν. КБН 1129) была государственной. На Боспоре она известна в Фанагории и Гермонассе (КБН 976, 1045), в этих двух городах чиновники с таким титулом действуют от лица царя, их попечением восстанавливаются храмы. В Горгиппии эта магистратура упомянута в плохо сохранившейся надписи. По-видимому, лицо с этим титулом в неизвестном горгиппийском фиасе исполняло обязанности синагога, что само по себе подтверждает экстраординарность магистратуры.

Во всех документах за фронтистами всегда перечисляются поименно простые члены общества (фиаситы). Среди них упоминаются стратеги (три одновременно, КБН 1134), ведающие отдачей пошлин на откуп (также три одновременно), казначей священных сумм, ведающий святынями, охранитель сирот (ὄρφανοφύλαξ), гимнасиарх (γυμνασιάρχος. КБН 1140). Должность

охранителя сирот на Боспоре известна только в Горгиппии (КБН 1129, 1130; П в.). Поскольку она названа не среди руководства союза, а в перечне рядовых фиаситов, можно отнести ее к разряду полисных магистратур.

Все документы горгиппийских фиасов относятся ко II и началу III в. Фиасы объединяли только мужчин, число членов обществ близко к 30, фиас навклеров объединял 45 человек. Надпись горгиппийских навклеров (судовладельцев) сообщает об объединении вокруг культа своего покровителя Посейдона (КБН 1134). Среди множества подобных документов как Боспора, так и метрополии эта надпись особенно важна упоминанием навклеров, что говорит о профессиональном характере этого объединения. Объединения навклеров, почитавших Посейдона, существовали на Делосе, в Афинах, Риме, Пальмире, Копте⁸²; в поздней античности известно множество профессиональных объединений. Горгиппийский союз, однако, уникален тем, что ему покровительствовал царь, Савромат II. В Римской империи отношение к профессиональным союзам было настороженным со стороны властей, так как эти общества могли стать центрами оппозиционных идей⁸³. Поэтому горгиппийский союз, покровительствуемый царем, на общем фоне выступает как исключение и пережиток эллинистических традиций в римское время. Впрочем, участие царя в мероприятиях по восстановлению храма Посейдону, проводимых фиасом навклеров, скорее всего, объясняется традицией правящей династии вести генеалогию, в частности от Посейдона. Именно Савромат II, поддержавший навклеров, выпустил, как отмечалось выше, серию монет с изображением канонических подвигов Геракла, еще одного родоначальника династии.

Фиасы Горгиппии, подобно другим боспорским городам, имели большую социальную значимость. Они включали в число своих членов наиболее выдающихся граждан и стоящих у власти лиц. Первые магистраты города занимали высшие должности в фиасах. Однако фиасы Горгиппии, подобно танаисским, не были замкнутыми аристократическими обществами, так как знатные лица города занимали в них небольшой процент, растворяясь в общей массе рядовых членов. Фиасы сплачивали свободных граждан, собственников различных рангов, объединенных общими интересами. Каждое общество имело своего религиозного покровителя, на основе почитания которого делались денежные сборы, сооружались постройки общественного характера, созывались собрания, устраивались трапезы.

Обилие найденных в Горгиппии обрывков синодальных списков свидетельствует о множественности в городе различных обществ. К сожалению, нет никаких данных для частного их определения: выяснения полномочий союзов, длительности существования, принципов объединения жителей, обязанностей членов; нет сведений и о культах, избранных адептами. Болтунова, публикуя фрагменты с эпиграфикой из Горгиппии, предположила, что одна из надписей рубежа II—III вв. н.э. относится к фиасу почитателей Бога Высочайшего (θεὸς ὑψίστος), однако имя самого бога в ней не названо⁸⁴. Эпитет ὑψίστος (всевышний) использовался по отношению к христианскому и иудейскому богам, к верховным божествам греко-римского мира, главным образом Зевсу еще во времена Эсхила и Пиндара, а также к Сабазию, притом с оттенком монотеизма⁸⁵. О существовании этого культа в Горгиппии известно только по надписям. На обломке архитрава от здания ионийского ордера II в. н.э. назван Бог справедливый (θεὸς δίκαιος КБН 1116). В трех манумиссиях I — первой половины II в. н.э. и времени Савромата II Бог Высочайший характеризуется эпитетами «вседержитель» и «благословенный» (παντοκράτορι, εὐλογητῶι.

Рис. 28. Фрагмент фрески склепа III в. (стена напротив входа)

жаровни, оружие, кольчуги и огромное количество гвоздей. В одном из домов обнаружены 16 криц в товарном виде (прямоугольные бруски), рядом — кузнечные клещи. Крицы предназначались для кузнечного производства, оторванного от железоделательных печей. Металлографический анализ железных изделий из Горгиппии выявил их полное соответствие с металлом бруско-

Рис. 29. Фрагмент фрески (Геракл и яблоки Гесперид)

КБН 1123, 1125, 1126). Эти эпитеты, по мнению Э. Шюрера, являются иудейскими и характерны только для библейских текстов⁸⁶. Манумиссии указывают на использование рабского труда в хозяйственной жизни города вплоть до его гибели, однако не могут служить доказательством широкого распространения рабства.

В первые века нашей эры в Горгиппии активно развиваются ремесла. На прежнем месте продолжает функционировать керамик. Открытая печь II—III вв. н.э. имела внешний диаметр $3,2 \times 3,6$ м, рядом с ней вкопан горшок с красной краской. Жизненно необходимым было развитие собственного железоделательного производства. В домах мы находим железные топоры, тесла, ножи, мотыги, серпы, садовые ножи, скрепы, дверные кольца, замки, жаровни, оружие, кольчуги и огромное количество гвоздей. В одном из домов обнаружены 16 криц в товарном виде (прямоугольные бруски), рядом — кузнечные клещи. Крицы предназначались для кузнечного производства, оторванного от железоделательных печей. Металлографический анализ железных изделий из Горгиппии выявил их полное соответствие с металлом бруско-

полуфабрикатов. В римское время одним из поставщиков металла был Уманский центр (около г. Умань на Украине). Кузнечная продукция из городских слоев Горгиппии демонстрирует разнообразие технологических приемов. Рабочая часть инструментов обычно делалась стальной, она дополнительно термообработана, применялась наварка и вварка стальных полос в железную основу. Подобные прогрессивные технологии получили распространение лишь в эпоху Средневековья. Зафиксирован метод пайки железа медью — наиболее раннее свидетельство применения

Рис. 30. Фрагмент фрески (маска Беса ?)

Рис. 31. Парадное оружие из комплекса анапских склепов III в. (орлы, павлины, орлы терзают зайца; золото, гранаты, бирюза; клинок железный, рукоятка из дерева)

метода пайки в технике железообработки Восточной Европы; этот прием был редок и в Средневековье⁸⁷.

Спектральные анализы найденных в Горгиппии бронзовых изделий позволяют говорить о местном производстве в I — начале II в. н.э. смычковых фибул, они изготовлены из латуни (сплава меди с цинком)⁸⁸. Примечательна находка в Горгиппии бронзового светильника, который полностью повторяет форму местных популярных на Боспоре закрытых ламп из серой глины с лощением. Повторение в бронзе формы местной лампы косвенно подтверждает ее

северопричерноморское, возможно, горгиппийское происхождение. Один из великолепных италийских бронзовых светильников из горгиппийских склепов III в. н.э. имеет множество вставок (следы починок), выполненных, очевидно, на месте.

Наблюдения над коллекцией стекла из Горгиппии приводят к выводу о развитии в первой половине III в. н.э. собственного стеклоделия. В погибших домах (как предполагается, торгового района) найдены серии однотипных сосудов; у северо-восточного края города исследована печь, вблизи которой собраны куски стеклянного шлака, части стеклянных трубочек, капли стекла, заготовки для орнаментации, куски спекшейся стеклянной массы, прошедшей первую ступень варки (хальмоза). В той же части города в слое пожара 240 г. собрано около 8 кг осколков самых разнообразных стеклянных сосудов и куски стеклянного шлака. Известно, что стеклянный бой собирали и добавляли в шихту для убыстрения варки стекла и экономии компонентов. Из стихов Марциала, римского поэта I в. н.э., известна профессия сборщика битого стекла:

«Тонким себя ты считаешь, Цецилий.
Верь, не таков ты. Каков же ? Шут пошлый.
Как из-за Тибра бывает разносчик,
Тот, кто на битые стекла меняет
Серные спички...»

Mart. I, 41, 1–5. Пер. А. Фета

Стеклоделие, как огнеопасное производство, подобно керамическому и в соответствии с общепринятой практикой, было развернуто на краю города, вблизи оборонительных сооружений.

Виноделие в Горгиппии относилось к домашним ремеслам. Товарной отраслью хозяйства оно стало с первых веков нашей эры. Раскопками выявлено три винодельни I в. и десять II–III вв. Поздние винодельни — наиболее крупные, их раскапывали в разных частях города при боль-

Рис. 32. Гемма на николо (Афина Парфенос и тамга) в литом золотом перстне. Комплекс анапских склепов III в.

Рис. 33. Золотой венок с Афродитой Уранией на центральном щитке. Комплекс анапских склепов III в.

ших домах. Наилучшим образом сохранились винодельни на территории археологического заповедника. Они имели сортировочные площадки для выгрузки и разборки винограда, две—три давяльные площадки, связанные сливами с двумя—тремя цистернами для отстаивания виноградного сусла из разных сортов винограда. В одном из углов каждой цистерны устроен отстойник. Чтобы сок не бродил, отстаиваясь, цистерны впущены в скалу и облицованы камнем. Так в них поддерживалась низкая температура. Одна из давяльных площадок имела каменное ложе для повторного прессования винограда в пористых емкостях. Для этого использовали рачажный пресс, для приемки гири которого оборудовали специальный отсек. Одна из крупных виноделен не имеет такого приемника — в ней мог использоваться винтовой пресс. Давильные площадки и цистерны обмазаны цемянковым раствором в несколько слоев (в верхний добавлен розовый пигмент). Поверхность промежуточных слоев для лучшего сцепления испещрена сетью бороздок. Под давяльными площадками тщательно устроены трамбовки из поставленного на ребро щебня и галек. Горгипийские винодельни примечательны одной своеобразной деталью: в бродильнях нескольких виноделен зафиксировано огниво — гигантский камень, растрескавшийся под влиянием высокой температуры. Такие камни всегда окружает толстый слой чистой светлой золы. Дымом окуривали пифосы и амфоры перед их заполнением (для дезинфекции). Раскаленный камень поддерживал в бродильне требуемую температуру круглые сутки, что естественно для Северного Причерноморья, где ночи в период сбора винограда недостаточно теплые. Горгипийские винодельни рассчитаны на одновременный прием 6—11 тонн виноградного сусла. В цистерну одной из виноделен в пожаре 240 г. н.э. провалились бронзовая деталь неравноплечных весов-безмена, украшенная геракловым узлом и крыльями Гермеса, и набор бронзовых гирь с художественной гравировкой, вес которых кратен римской весовой единице — либре, равной 327,45 г. (рис. 24). Лицевая сторона гирь отштампована монограммой ΔН, означающей гарантию точного веса (сокращение от δημόσιον — «народное достояние»). Безменом в лавке при доме могли развешивать виноград для столовых нужд. Большие порции винограда взвешивали здесь же при помощи бронзовой плоской круглой гири весом 4500 г. Такую гирию клали на равноплечные двухчашковые весы, низ железной чаши которых был здесь же обнаружен. Вместе с весами найдены металлические части ларца с выручкой — 528-ю боспорскими монетами. В подвалах ряда виноделен обнаружены скопления амфор, в которых хранили готовое вино.

Монетная коллекция из Горгиппии на протяжении многих лет работы Анапской экспедиции обрабатывалась Н.А. Фроловой. Ниже публикуются ее выводы по исследованию этого материала. Денежный рынок Горгиппии римского времени был насыщен монетами всех боспорских царей. Находки чужеземных монет в Горгиппии первых веков нашей эры единичны, в том числе как самой Римской империи, так и провинциального чекана. По регистрации находок единичных монет первых веков нашей эры установлено: развитие

Рис. 34. Бронзовая курильница с цветными эмалями. Комплекс анапских склепов III в.

Рис. 35. Полихромная стеклянная фиала. Комплекс анапских склепов III в.

денежного обращения приходится на конец I в. н.э. (на время правления Савромата I). Во II в. н.э. (при Савромате II) подъем продолжается. Начало III столетия н.э. ознаменовано широким хождением электровых и медных монет Рескупорида III. Кратковременность правления следующих за ним царей Котиса III, Савромата III и Рескупорида IV объясняет малочисленность находок монет их выпусков. Денежное обращение на территории Горгиппии было прервано до конца III в. н.э. сразу после поступлений последних выпусков Иниифимея, помеченных 238/239 г. Этот вывод подтверждается и анализом кладов монет, найденных в Горгиппии (1977 г. — 33 экз., 1984 г. — 105 экз., 1987 г. — 517 экз.). Конец чекана Иниифимея ознаменовал перерыв в выпуске боспорских монет в связи с сильными разрушениями многих городов царства. Вскоре после 238/239 г. была сожжена и Горгиппия. В слое последнего городского пожара наиболее поздними среди десятков монет являются монеты Иниифимея 238/239 г. Из Горгиппии происходит и серебряный статер Рескупорида V, помеченный также 239 г.⁸⁹

К началу III в. н.э. меняется ситуация на границах Боспора. В степях появляются племена, которые античные авторы называли готами. Собственно готами являлись племена германской языковой группы, пришедшие с берегов Балтики; готы возглавили объединения племен различных этнических групп, в том числе сарматских и аланских⁹⁰. Передвижения этих племен нарушили жизненный ритм всех центров античной культуры Северного Причерноморья. В конце первой трети III в. н.э. была разгромлена Ольвия, новые союзы варварских племен придвинулись к восточным границам Боспора. Горгиппия приняла один из первых ударов, вслед за ней в 40-х годах III в. разгромлен Танаис.

Горгиппия погибла в сильнейшем пожаре, сгорели все дома. Деревянные перекрытия в домах рухнули, увлекая за собой на дно глубоких подвалов то, что стояло на полах первых этажей. Разбились амфоры и пифосы, наполнившие подвалы. Глинобитные полы подвалов почернели от сажи и углей. Глиняная обмазка стен и саманные кирпичи от разрушенных наземных стен окрасились в огне в оранжевый цвет, осколки некоторых стеклянных и керамических сосудов оплавившись. Опасность в город пришла внезапно: в подвалах горели полные зерном и рыбой амфоры, брошены бытовые предметы, украшения, деньги. В некоторых подвалах по полу рассыпаны сотни монет. В одном из подвалов горстку монет спрятали за камень в стене. Пожарище не расчищалось, и потому слой последнего пожара Горгиппии сохранил до наших дней великолепные нетронутые комплексы бытовых предметов, являющиеся эталонными для всего Причерноморья.

В отдельных местах после пожара возникли постройки (вероятно, жилые), но они несравнимы с огромными домами, которые им предшествовали. Лачуги прилепились к уцелевшим стенам. Вполне вероятно, что большая часть возродившегося города исчезла в новое время, так как уровень дневной поверхности III в. н.э. подходит вплотную к дневным поверхностям турецкой и современной Анапы. О планировке Горгиппии от момента возникновения до гибели нам известно главным образом по постройкам, впущенным в грунт на значительную глубину (подвалам, фундаментам, нижним горизонтам культурных напластований). На территории археологического заповедника обнаружены только три помещения с позднеантичным материалом, перекрывшие слой последнего пожара. Кривые стены этих помещений возведены наскоро из камней разной величины, которые удалось собрать поблизости. Такие строения не могли быть долговечными.

Рис. 36. Известняковое надгробие варварского типа. Некрополь Горгиппии

Рис. 37. Верхняя часть мраморного надгробия с эпитафией II в. Культурный слой Горгиппии

монеты Рескупорида V (242–276 гг.), Фофорса (285–308 гг.), Рескупорида VI (314–341 гг.). В одной из могил городского некрополя найдено краснолаковое блюдо с крестом V в. н.э., части таких блюд происходят также из перемещенных городских напластований. Все эти находки свидетельствуют о том, что жизнь на месте разгромленной Горгиппии возродилась, но она едва теплилась и некогда цветущий город не восстановился. Вблизи Горгиппии, однако, жизнь продолжалась. Богатый в природном отношении регион не мог пустовать столетия. Из района Джигинки происходят надгробия с широким крестом, в районе селения Гайкодзор найдено несколько крупных денежных кладов, содержащих монеты Фофорса, Радамсада (309–322 гг.), Рескупорида VI⁹¹. Во время глубокого экономического упадка в 341/342 г.

Рис. 38. Фигурный сосуд с лощением. Окрестности Горгиппии

В некоторых поздних пристройках спуски в подвалы сгоревших домов заложены камнями. На последнем этапе существования города на его восточном рубеже возникла цитадель с шириной стен 2,8 м, конструкция которых идентична поздним укреплениям Танаиса. На одном из ее углов сохранился мощный контрфорс. Эта цитадель окружила крайний с востока дом по северной стороне Широкой улицы, перекрыв ее. Состояние поверхностных слоев древних напластований не позволило выяснить, когда соорудили цитадель — перед катастрофой либо сразу после пожара. Вблизи цитадели и внутри нее над слоем пожара найдена керамика конца III — IV в. н.э. (части характерных для этой эпохи амфор, серо-лощеная посуда черняховского типа). В различных частях древнего города периодически встречаются отдельные

отдельные монеты последних серий продолжали использоваться, они встречаются в кладах эпохи гуннского нашествия. Поэтому зарытие кладов вблизи Горгиппии можно отнести как к периоду кризиса, повлекшего за собой прекращение чекана, так и к более позднему времени опустошительного нашествия гуннов. В любом случае наличие этих кладов говорит о продолжении интенсивной жизни в окрестностях погибшей сразу после 239 г. Горгиппии и развитии этого региона вплоть до 70-х годов IV в. н.э.

- ¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 216.
- ² Кругликова И.Т. История исследования Горгиппии и ее некрополя // Горгиппия. Краснодар, 1980. Кн. I. С. 5–17.
- ³ Кобылина М.М. Скульптура Боспора // МИА. 1951. № 19. С. 171.
- ⁴ Блаватский В.Д. Разведки в Анапе // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 245.
- ⁵ Кругликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. Краснодар, 1982. Кн. II. С. 117.
- ⁶ Она же. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1975.
- ⁷ Археологический заповедник «Горгиппия» создан на базе Краснодарского историко-археологического музея-заповедника Постановлением Совета Министров РСФСР от 1977 г. и Приказом Министерства культуры РСФСР. Автор проекта археологической экспозиции под открытым небом — Е.М. Алексеева.
- ⁸ Алексеева Е.М., Арзаманов Г.Ф., Шавырин А.С. Музей-заповедник античной архитектуры // Архитектура СССР. 1988. Май–июнь. С. 96.
- ⁹ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991; Она же. Античный город Горгиппия. М., 1997.
- ¹⁰ Она же. Античный город Горгиппия. С. 11–35.
- ¹¹ Она же. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. С. 51–56 (опубл. 21 погребение); 2 открыты в 1990-е годы у южного края заповедника; 7 — в строительном котловане 2007 г.
- ¹² Болтунова А.И. Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1. Фр. № 18.
- ¹³ Салов А.И. Архаическое поселение на окраине Анапы // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 188–194.
- ¹⁴ Эти сведения собраны И.Т. Кругликовой в статье: Горгиппия в эпоху Спартокидов // ВДИ. 1971. № 1.
- ¹⁵ Sibirsky A.A. Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien. SPb., 1859. P. 237; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 293; Азбунов М.В. Античная лодия Черного моря. М., 1987. С. 90.
- ¹⁶ Брун Ф.К. Черноморье: Исследование по исторической географии Южной России. Одесса, 1880. Т. 2. С. 270; Орешников А.В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. 1922. Вып. 2. С. 122; Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 116; Каллистов Д.П. Северное Причерноморье в античную эпоху // ВДИ. 1953. № 1. С. 102; Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 20; Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. С. 43; Кругликова И.Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа.
- ¹⁷ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 216; Болтунова А.И. Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3. С. 145.
- ¹⁸ Зубарев В.Г. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // БС. 1999. № 2. С. 141.
- ¹⁹ Тохтасьев С.Р. ΣΙΝΔΙΚΑ // ТС. 2002. Вып. 4. С. 10.
- ²⁰ Завойкин А.А. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия // ВДИ. 1998. № 3. С. 134–144.
- ²¹ Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп: (процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиена (VIII. 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) // ВДИ. 2002. № 3. С. 3–22.
- ²² Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. С. 33.
- ²³ Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971. С. 37.
- ²⁴ Марковин В.И. О происхождении северо-кавказской культуры // СА. 1959. № 1. С. 11–12.
- ²⁵ Ковалевская В.Б., Козенкова В.И. О работе Мало-Карачаевского отряда // АО 1978 г. М., 1979. С. 128.
- ²⁶ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 40. Рис. 27.
- ²⁷ Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892 г. // МАР. 1894. 17. С. 14.
- ²⁸ Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 302. № 14.
- ²⁹ Она же. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 24–27.
- ³⁰ Шелов Д.Б. К истории керамического производства на Боспоре // СА. 1954. № XXI. С. 126.
- ³¹ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. Табл. 49, 4.
- ³² Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1954. № XXI. С. 126.
- ³³ Мищенко Ф.Г. География Страбона в семнадцати книгах. М., 1879. С. 506: «...в Синдике есть также город Горгиппия, царская резиденция синдов, расположенная близко от моря»; Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4. С. 271: «В Синдике же недалеко от моря лежит и Горгиппия, столица синдов...»; Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964. С. 407: «В Синдской области есть место Горгиппия — царская столица синдов, недалеко от моря».
- ³⁴ Strabonis Polimpestus Vaticanus, Vat. Graec. 2306 / 2061 A; Aujac—Lassere F. Strabon. Géographie: Texte / établie et traduit par F. Lassere. P., 1975. Vol. VII, Livre 11.
- ³⁵ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 51; Блаватский В.Д. Строительное дело Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 68. Рис. 30, 2; Марченко И.Д. Из истории архитектуры Пантикапея // Культура античного мира. М., 1966. С. 140. Рис. 4.
- ³⁶ Савостина Е.А. Об архитектурных фрагментах из Горгиппии // Горгиппия. С. 126. Кн. I.
- ³⁷ Виноградов Ю.Г. Письмо с горгиппийских наделов // Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. Приложение. С. 543–556.
- ³⁸ Цветаева Г.А. Новые данные об античном святилище в Горгиппии // ВДИ. 1968. № 1. С. 138.
- ³⁹ Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 3.
- ⁴⁰ Монетная коллекция Горгиппии обработана Н.А. Фроловой.
- ⁴¹ Амфоры клейма определены и статистически обработаны в экспедиции В.И. Кацем, выборка профильных частей амфор — С.Ю. Монаховым.
- ⁴² Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог.
- ⁴³ Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 116, сл.

- ⁴⁴ Шелов Д.Б. Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1960. Т. I. С. 208; Прушевская О.Е. Анапский клад пантикапейских монет // Труды отделения нумизматики Гос. Эрмитажа. 1945. Вып. 1. С. 17–27; Нестеренко Н.Д. Клады Горгиипии // КСИА. 1981. 168. С. 85–87.
- ⁴⁵ Зограф А.Н. Античные монеты. С. 182. Табл. XLII, 14; ВМС. 1987. Табл. XL, 1–11.
- ⁴⁶ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 176.
- ⁴⁷ Голенко К.В. Второй патрейский клад монет (1951 г.) // НЭ. 1960. Т. I. С. 35; Он же. Фангаловский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 4. С. 143; Шелов Д.Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 45.
- ⁴⁸ Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С. 112.
- ⁴⁹ Крушккол Ю.С. Античное здание в районе Горгиипии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1978. Рис. 29.
- ⁵⁰ Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии: Отчет // МАК. 1889. Вып. II. С. 105.
- ⁵¹ Буйских С.Б., Иевлев М.М. О топографии городищ Нижнего Побужья первых веков нашей эры // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев., 1986. С. 71.
- ⁵² Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 237; Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 29; Онайко Н.А. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. 1967. № 2. С. 155.
- ⁵³ Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197; Она же. Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 28.
- ⁵⁴ Болтунова А.И. Надписи Горгиипии (из находок 1971–1981 гг.). С. 46–48.
- ⁵⁵ Свенцицкая И.С. Некоторые черты развития Малой Азии в системе Римской империи // ВДИ. 1956. № 2. С. 19; Она же. Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 43.
- ⁵⁶ Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб. 1899. С. 35, 43.
- ⁵⁷ Крушккол Ю.С. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района // ВДИ. 1978. № 4. С. 61.
- ⁵⁸ Блаватский В.Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947. Рис. 61; Грач Н.А. Мраморная скульптура из Горгиипии // СА. 1970. № 1. С. 245.
- ⁵⁹ Сорокина Н.П. Архитектура античных государств Северного Причерноморья // ВИА. 1973. Т. II. С. 377; Пичикян И.Р. Боспорские антаблемнты первых веков нашей эры // СА. 1975. № 1. С. 186; Он же. О методике реконструкций античных фасадов по архитектурным фрагментам // КСИА. 1978. Вып. 152. С. 78; Он же. Малая Азия – Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 243.
- ⁶⁰ Крюкова И.А., Арзаманов Г.Ф. Специфика ордерной композиции в архитектуре первых веков нашей эры (на примере находок из Горгиипии) // СА. 1988. № 2. С. 84.
- ⁶¹ Кругликова И.Т. Новые эпиграфические памятники из Горгиипии // ВДИ. 1967. № 2. Фр. № 9.
- ⁶² Савостина Е.А. Об архитектурных фрагментах из Горгиипии // Горгиипия. Кн. I. С. 69.
- ⁶³ Кругликова И.Т. Синдская гавань. Горгиипия. Анапа. 2-е изд. М., 1977. С. 58; КБН 1134. С. 667, комментарий.
- ⁶⁴ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 248, 287.
- ⁶⁵ Ростовцев М.И. История государственного откупа... С. 35, 43.
- ⁶⁶ Кругликова И.Т. Новые эпиграфические памятники из Горгиипии. Фр. № 9.
- ⁶⁷ Болтунова А.И. Новая надпись из Горгиипии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства // Eirene. Praha, 1968. VII. С. 70.
- ⁶⁸ Латышев В.В. Неизданные горгиипийские надписи // ИАК. 1910. Вып. 37. С. 38; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 210; КБН. Комментар. на с. 65, 66, 654.
- ⁶⁹ Болтунова А.И. Подпись под статуей из Горгиипии // СА. 1958. № XXVIII. С. 115.
- ⁷⁰ Масленников А.А. Геракл Савромата II // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 175.
- ⁷¹ Алексеева Е.М. Античный город Горгиипия. С. 194. Рис. 60.
- ⁷² Она же. Царская тамга на золотом перстне из Горгиипии // Проблемы античной культуры. С. 118.
- ⁷³ Кругликова И.Т. Новые эпиграфические памятники из Горгиипии. Фр. № 1, 5.
- ⁷⁴ Там же. Фр. № 5.
- ⁷⁵ Ростовцев М.И. История государственного откупа... С. 20, 201, 202; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С. 211.
- ⁷⁶ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. С. 277–283.
- ⁷⁷ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 267.
- ⁷⁸ Кругликова И.Т. Новые эпиграфические памятники из Горгиипии. Фр. № 1.
- ⁷⁹ Там же. Фр. № 9.
- ⁸⁰ Алексеева Е.М. Горгиипия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ 1988. № 2. С. 66–88.
- ⁸¹ Poland F. Geschichte des Griechischen Vereinswesens. Lpz., 1909. S. 355.
- ⁸² Колобова К.М. К вопросу о судовладении в древней Греции // ИГАИМК. 1933. Вып. 61. С. 38.
- ⁸³ Свенцицкая И.С. Роль частных обществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времен (по материалам Малой Азии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 43.
- ⁸⁴ Болтунова А.И. Надписи Горгиипии (из находок 1971–1981 гг.). Фр. № 3.
- ⁸⁵ Тачева-Хитова М. О культе ΘΕΟΣ ΥΨΙΣΤΟΣ на Боспоре // ВДИ. 1978. № 1. С. 133, 139.
- ⁸⁶ Schürer E. Die Juden im Bosphorischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεὸν ὑψίστου ebendasselbst // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1887. S. 205.

⁸⁷ Алексеева Е.М., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Горгиппия: продукция железоделательного и железообрабатывающего ремесла // РА. 1994. № 3. С. 157–176.

⁸⁸ Трейстер М.Ю. Фибулы из Горгиппии // Горгиппия. Кн. II. С. 162.

⁸⁹ Фролова Н.А. Уникальный клад боспорских монет III в. до н.э. – 238 г. н.э. из древней Горгиппии (Анапа, 1987) // ВДИ. 1996. № 2. С. 44; Она же. Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. // Горгиппия. Кн. I. С. 131. № 97.

⁹⁰ Шелов Д.Б. История античных государств Северного Причерноморья // АГСП. С. 20.

⁹¹ Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. Т. VII. С. 72–126.

ГЕРМОНАССА

С. И. ФИНОГЕНОВА

На южном берегу Таманского залива (в древности — Корокондамского) в первой половине VI в. до н.э. ионийскими греками было основано небольшое поселение — торговый эмпорий, который позже преобразовался в город, названный ими Гермонассой. В комментариях Евстафия к «Землеописанию» Дионисия приводится ссылка на Арриана, где сообщается, что при ее основании умер предводитель колонистов, некий митиленец Симандр, и правление перешло к жене, именем которой и стал называться город¹. Древние авторы редко упоминают Гермонассу, но их свидетельства не конкретны и на первый взгляд противоречивы. Так, Страбон в своей «Географии» сообщает: «Вступившему в Корокондамитское озеро (Таманский залив. — С.Ф.) представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове по левую руку от врывающегося в озеро, а прочие города по правую, за Гипанисом (второе древнее название р. Кубани. — С.Ф.) в Синдике»². Несмотря на, казалось бы, точное указание Страбоном местоположения города, до сих пор не решен вопрос о точной локализации Гермонассы. Это осложняется еще и тем, что из-за вулканической деятельности, которая продолжается и сейчас, сильно изменилась географическая карта Таманского полуострова. Многочисленные острова, образующие в древности архипелаг, в настоящее время превратились в полуостров с другими очертаниями берега и измененными направлениями течения многочисленных протоков р. Кубани (древняя Антикит). Большинство исследователей, однако, сходятся во мнении о том, что древняя Гермонасса располагалась на месте Таманского городища — сейчас это северная часть ст. Тамань Краснодарского края (рис. 1).

Городище уникально тем, что с ним связана история нескольких народов, некогда живших здесь и давших городу свои имена: греки называли его Гермонассой, жившие здесь после них хазары — Матлукой (или Таматархой), славяне именовали город Тмутараканью, половцы — Матрикой (или Матархой), гунуэзцы — Матрегой, турки в XV—XVII вв. — Таманом, с XVIII в. оно носит название Тамань. С середины VI в. до н.э. по XIX в. на городище вырос мощный культурный слой, достигающий в ряде мест более 10 м, из них античной эпохе принадлежат нижних 5—6 м; все, что лежит выше, относится к средневековому периоду. Этому есть вполне реальное объяснение, связанное с особенностями строительства жилищ. Главным строительным материалом была глина; построенные из нее дома быстро разрушались, наращивая тем самым культурные напластования. В профиле берегового обрыва виден уровень материка, на котором первыми поселенцами были возведены жилища; он находится на 10 м выше современного уровня моря.

Несмотря на большой интерес, который вызывало городище у непрофессиональных любителей древности, путешественников и разного рода авантюристов, доступная для раскопок территория планомерно стала изучаться лишь с 30-х годов XX в. В 1931—1932 гг., т.е. за два полевых сезона, А.А. Миллер обследовал участки, которые позволили наметить стратиграфию городища³, но наиболее значительный вклад в изучение древней Гермонассы внесла И.Б. Зеест, работавшая на городище с 1955 по 1971 г. Она впервые подробно определила последовательное чередование культурных напластований, выделив 18 слоев. С 1968 г. археологические работы в Гермонассе возглавила А.К. Коровина — тогда старший научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. С тех пор ГМИИ ежегодно проводит раскопки на Тамани; в последние пятнадцать лет археологические

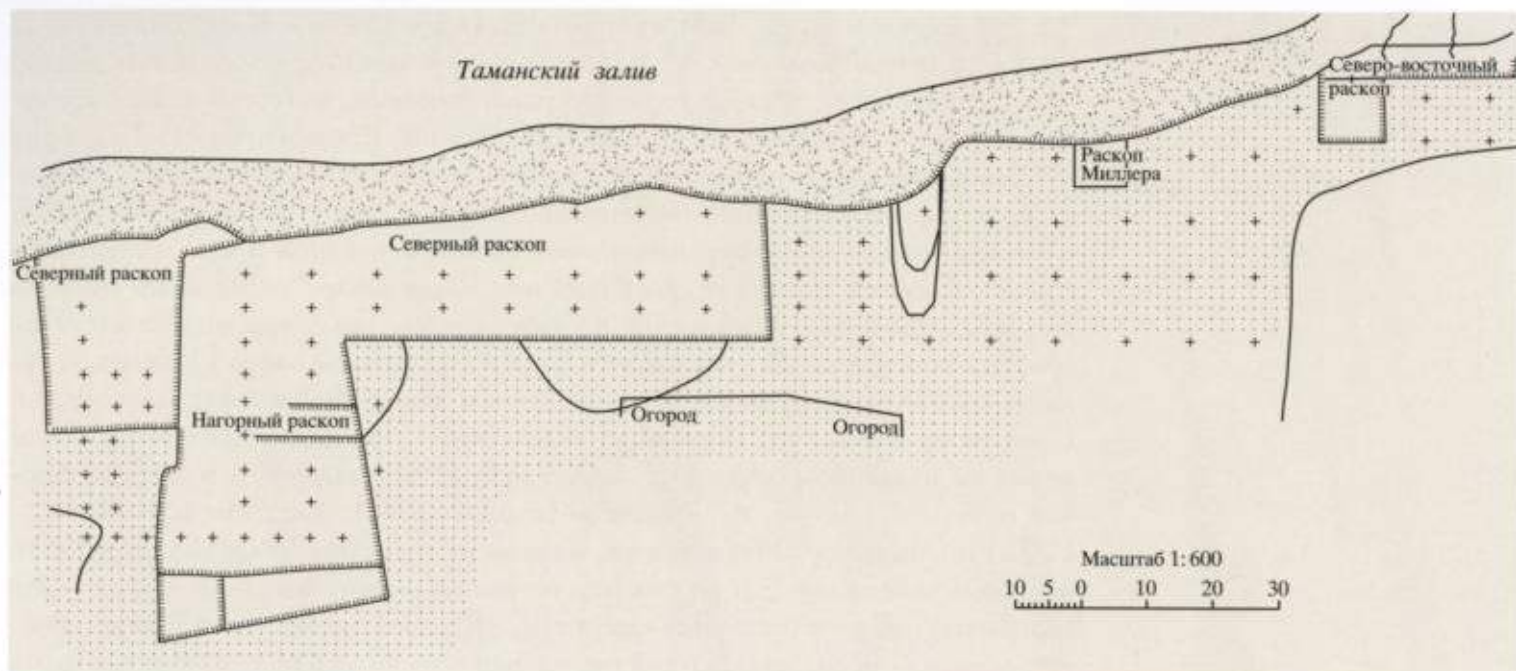

Рис. 1. План городища Тамань с расположенными на нем раскопами

эксспедиции проводятся под руководством старшего научного сотрудника музея С.И. Финогеновой.

Гермонасса располагалась на двух плато: нижнем и верхнем. Нижний город практически не исследовался; были прокопаны три шурфа, в которых самый ранний культурный слой относится к середине VI в. до н.э.⁴ Однако говорить о конкретных строительных остатках невозможно из-за незначительности размеров исследуемой площади. На верхнем плато экспедициями И.Б. Зеест (раскопки 1952–1968 гг.), А.К. Коровиной (раскопки 1968–1987 гг.) и С.И. Финогеновой (раскопки 1988–2006 гг.) полное исследование всех культурных слоев было прослежено на нескольких раскопах, которые располагались на севере, востоке, в центральной части и вдоль береговой линии городища, которая к настоящему времени в значительной степени разрушена морем и обвалами берега, уничтожившими почти треть городища (рис. 2). И.Б. Зеест считала, что античный город располагался на верхнем плато, а на нижнем находились загородные участки⁵.

До недавнего времени все культурные слои городища от его основания до XVIII в. полностью были пройдены лишь на двух участках, расположенных в восточной и северо-восточной его частях, вследствие чего и сведения об архаическом периоде города (середина VI — конец V в. до н.э.) оставались немногочисленными. Поэтому особенно ценны материалы новых раскопок на Северо-Восточном раскопе, в результате которых были открыты ранние постройки первых поселенцев. Одно из них представляло собой полуземлянку, стены которой были построены из тростника и обмазаны глиной⁶ (рис. 3). На глинобитном полу по контуру помещения сохранилась сажа от сгоревших стен, которая дала его очертания, что и позволило высчитать площадь полуземлянки. Она равнялась 16–17 кв. м. В юго-восточной части располагался очаг, от которого сохранилась кучка обгоревшей глины. Каркас кровли был из деревянных брусьев, обгоревшие остатки которых лежали около северо-западной стены. Внутри помещения и в ямах, расположенных рядом, были найдены фрагменты родосско-ионийской керамики, отдельные экземпляры которой датируются первой половиной VI в. до н.э. Это сооружение вряд ли

Рис. 2. Вид на городище с моря

можно считать жилым помещением, поскольку расположение очага, занимавшего его большую часть, не способствовало хозяйственным целям. Судя по имеющимся данным, полуземлянка сгорела в пожаре в конце VI в. до н.э. Остатки небогатых жилых построек с двумя печами-жаровнями и хозяйственными ямами были открыты еще в 1957 г. экспедицией под руководством И.Б. Зеест⁷.

С начала V в. до н.э., как показывают раскопки, городское строительство стало более интенсивным с применением различных строительных приемов. Так, в 1969 г. на Нагорном раскопе была открыта пятиметровая кладка, представлявшая каменный цоколь, сложенный из камней различных пород, которые были плотно пригнаны друг к другу (элементы полигональности); на цоколе лежали остатки сырцовых кирпичей. На месте полуземлянки на Северо-

Рис. 3. Остатки полуземлянки. Середина VI в. до н.э.

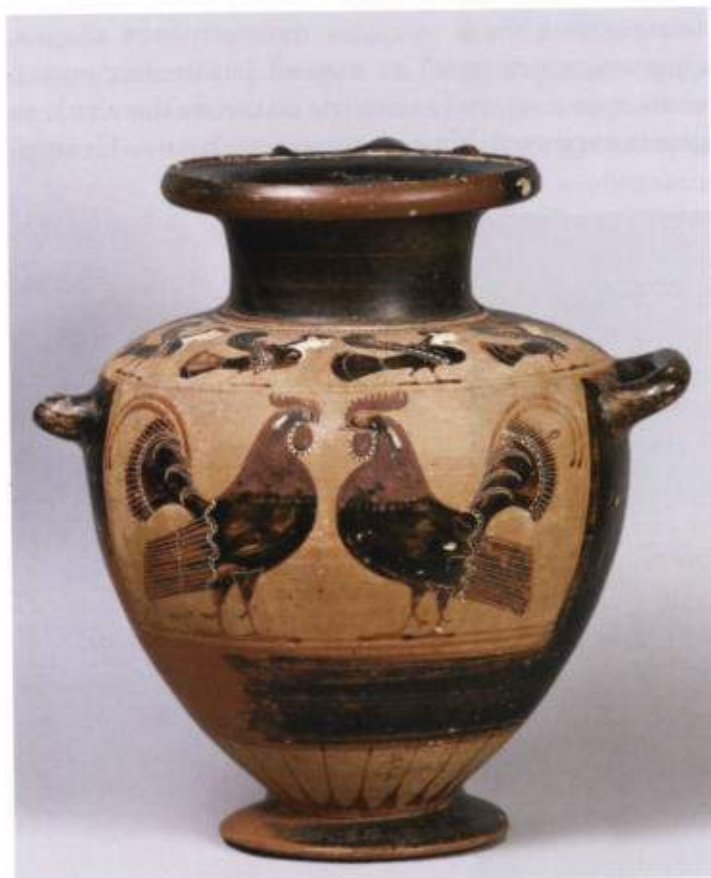

Рис. 4. Фрагмент ионийской амфоры. Середина VI в. до н.э.

Рис. 5. Фрагмент восточно-ионийской тарелки. Середина VI в. до н.э.

Рис. 6. Чернофигурная гидрия с петухами. Вторая половина VI в. до н.э.

Восточном раскопе стали строиться два новых дома, один из которых, судя по оставшимся кладкам, состоял из трех помещений; от второго сохранился только угол. Все сооружения располагались по линии северо-восток — юго-запад. Такое диагональное направление домов и улиц на некоторых участках города сохранялось до IV в. до н.э. И.Б. Зеест справедливо считала, что на ранней стадии своего существования город был тесно связан с морем, и ориентация улиц, а, следовательно, и домов была направлена к причалу, т.е. к северо-востоку от изучаемых ныне участков⁸. Это объяснялось, вероятно, большой зависимостью от импортной торговли. Последнее наглядно прослеживается по находкам. К этому времени, помимо массового аморфного материала, привезенного в Гермонассу с островов Хиоса и Лесбоса, поступала продукция и из Фасоса, Гераклеи, Менды и многих других центров.

Найденная в этом раннем слое расписная керамика (в подавляющем большинстве родосско-ионийского производства) орнаментирована группами вертикальных палочек с концентрическими кругами между ними⁹ (рис. 4). Среди керамики этой группы встречаются тарелки с горизонтальными краями, украшенными полосами простейшего меандра и многолучевой звездой в центре. Целую группу составляют амфоры с изображениями козлов на фоне различных геометрических фигур — сюжеты, характерные для восточноионийских центров (рис. 5). Подобные сосуды в изобилии встречается почти во всех античных колониях Северного Причерноморья, что указывает на ее массовый привоз и в Гермонассу.

Для второй половины VI в. до н.э. характерна также керамика, привезенная из Клазомен (город в Малой Азии). Наряду с сосудами, украшенными чашуйчатым орнаментом, встречено несколько фрагментов с более редкими сюжетными изображениями. Наибольшую известность приобрела чернофигурная гидрия, найденная в 1928 г. в погребении близ станицы Тамань¹⁰ (рис. 6). В центральной части вазы нарисованы два стоящих друг против друга петуха в пышном оперении, раскрашенном пурпуром, белой краской и местами дополненном врезанной линией.

Рис. 7. Фрагменты чернофигурного аттического килика. Вторая половина VI в. до н.э.

Рис. 8. Дно чернолакового килика с головой Медузы Горгоны. 530–520 гг. до н.э.

На раннем этапе существования города связи с Атикой, по-видимому, были не столь активны, как с восточными центрами античного мира, но тем не менее среди расписного материала встречаются изделия и аттических мастеров, расписанные как в чернофигурной, так и в краснофигурной технике. В Гермонассе аттическая керамика второй половины VI в. до н.э. представ-

лена различными типами сосудов, главным образом киликами с мелкофигурными изображениями¹¹. По изяществу росписи выделяется чернофигурный килик; к сожалению, он сохранился в виде ряда мелких фрагментов¹² (рис. 7). Внутренняя сторона килика расписана несколькими орнаментальными поясами с медальоном в центре, в котором изображен воин в момент прощания с женой перед уходом на войну. На внешней стороне представлена сцена сражения. Мастер тонко и тщательно прорисовал все детали фигур воинов и их вооружения. Рисунок столь динамичен и выразителен, что не вызывает сомнения в том, что роспись принадлежит выдающемуся живописцу второй половины VI в. до н.э. Среди находок этого периода необходимо упомянуть и дно чернофигурного килика 530–520 гг. до н.э. с изображением Медузы Горгоны¹³ (рис. 8). Наряду со столь высокохудожественными изделиями в Гермонассу привозились также изделия мастеров, выполненные в небрежной манере. К их числу можно отнести скифосы и лекифы, расписанные вазописцами из мастерской Хаймона¹⁴ (имя условное). Краснофигурные сосуды представлены киликами, скифосами, найдены фрагменты пифоса, ритона. На дне одного килика конца VI в. до н.э. изображена фигура лежащего мужчины, по-видимому, Геракла¹⁵ (рис. 9).

Рис. 9. Дно краснофигурного килика.
Конец VI в. до н.э.

На протяжении V в. до н.э. по-прежнему основным строительным материалом оставалась глина. К этому времени относится дом, открытый на Северо-Восточном раскопе, стены которого сложены из сырцовых кирпичей (раскопки 2001 г.)¹⁶. Внутри него был подвал, также выложенный сырцовыми кирпичами. Площадь дома составляла ок. 56 кв. м. На этом участке направление домов традиционно продолжает сохранять диагональную ориентацию, но западнее, где начинают осваиваться новые территории под застройку, меняется направление улиц и домов: стены ориентированы строго по сторонам света — с севера на юг. Наряду с гражданскими сооружениями можно предполагать появление в городе ордерной архитектуры. На это указывает найденная ионийская капитель¹⁷ (рис. 10) и фрагмент ионийского архитрава, которые могли принадлежать храму, вероятнее всего, Аполлона — верховного божества ионийских греков. В это время Гермонасса занимала одно из ведущих мест на Боспоре. У Дионисия Перизгета она ставится в один ряд с Фанагорией и называется «прекрасно-

строенной»¹⁸. В то время такого определения не удостоивается ни один город на Боспоре. В.Д. Блаватский даже высказал предположение, что один из членов рода Археанактидов проживал в Гермонассе¹⁹.

С приходом к власти династии Спартокидов статус города меняется. Во второй половине V в. до н.э. были разрушены монументальные сооружения. Говорить об экономическом упадке города вряд ли справедливо, но культурные слои IV—III вв. до н.э. значительно уступают напластованиям предыдущего периода, несмотря на то что Гермонасса продолжает быть богатым городом. Раскопки показывают, что в городе стали возводиться монументальные сооружения общественного характера²⁰. Одно из них имело сложную планировку, которая состояла из перестильного двора, окруженного помещениями с севера, запада и востока²¹. Стены отдельных помещений были покрыты изнутри рос-

Рис. 10. Ионийская капитель.
V в. до н.э.

писью, о чем свидетельствуют фрагменты штукатурки красного, белого и желтого цветов. Постройка, просуществовавшая на протяжении IV—III вв. до н.э., несколько раз перестраивалась, достраиваясь новыми помещениями, но в результате мощного пожара погибла. О характере этого комплекса мнения исследователей разошлись: И.Б. Зеест, открывшая только южную часть комплекса, считала его богатым частным домом. Последующие раскопки значительно расширили границы комплекса; в помещениях были обнаружены четыре мерные ойнохои, и на трех из них штампами были обозначены имена начальников рынка — Аполлора и Полуксена. Там же была найдена глиняная печать с монограммой (рис. 11) и монеты IV—III вв. до н.э. Это позволило А.К. Коровиной пересмотреть точку зрения И.Б. Зеест и определить вышеназванный комплекс как одно из общественных городских центров (возможно, пританей)²².

Часть другого архитектурного комплекса была открыта в 1984 г. на Северном раскопе²³. На протяжении

Рис. 11. Глиняная печать с монограммой. IV—III вв. до н.э.

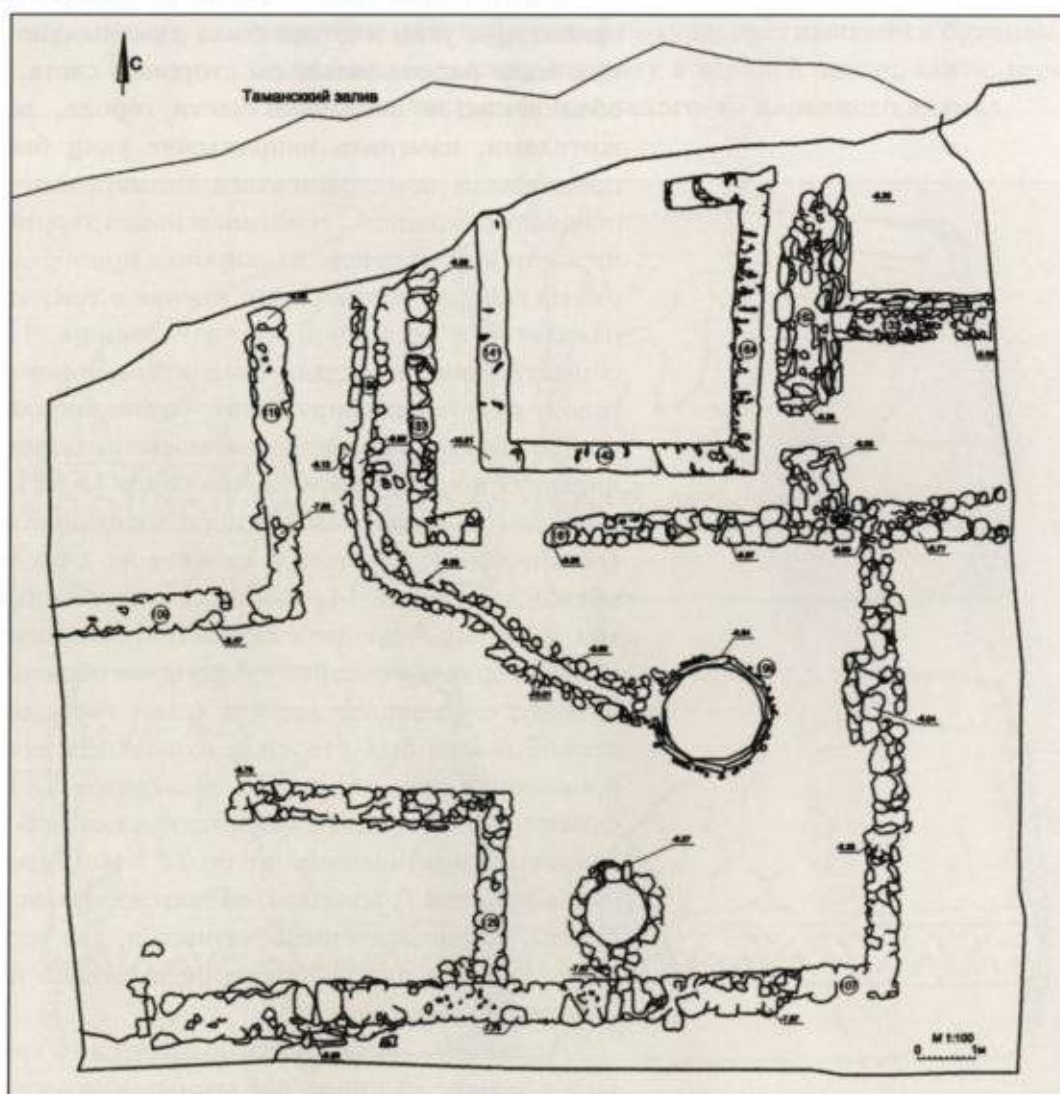

Рис. 12. План архитектурного комплекса. IV—III вв. до н.э.

длительного периода своего существования он неоднократно перестраивался (рис. 12). От него сохранился дворик площадью ок. 50 кв. м, вымощенный фрагментами керамики, среди которых много амфорных ручек с гераклейскими, синопскими, фасосскими клеймами. Через двор проходил водосток к цистерне, предназначенной для сбора дождевой воды. С северной стороны сохранились остатки цокольной части дома, внутри которого находился подвал, площадью 14,7 кв. м, стены которого были обложены сырцовыми кирпичами. С юга дворик ограничивался монументальной стеной высотой ок. 1,2 м и длиной не менее 15 м. Стена сложена из крупных камней неправильной формы, уложенных без связующего раствора. Характер камней в нижнем и верхнем ярусе значительно отличается, что говорит о последующих достройках. О длительном существовании этого комплекса, в котором двор по-прежнему занимал центральное место, свидетельствуют и последующие пристройки, которые были открыты в северной и южной сторонах этой кладки. В одном из помещений был обнаружен небольшой жертвенник четырехугольной формы, сложенный из небольших известняковых плит и покрытый сверху куском черепицы. Внутри, в слое золы лежали пережженные кости птиц и мелкого рогатого скота. Недалеко от жертвенника была найдена протома богини Деметры²⁴ (рис. 13). Во второй половине III в. до н.э. это сооружение сгорело во время пожара. О его назначении также нет однозначного мнения. Скорее всего, это была большая городская усадьба, существовавшая с конца V по III в. до н.э.

Следует отметить, что если на Северо-Восточном и Восточном раскопах ориентация улиц и домов была диагональной, то все сооружения к западу от них были расположены по сторонам света. Этому может быть только одно объяснение: в восточной части города, застроенной изначально первыми жителями, изменить направление улиц было сложно, а потому строители продолжали придерживаться планировки, которая существовала с начала основания города. С освоением новой территории, расположенной западнее и не застроенной ранее, планировка приобрела другое направление. Эти материалы еще раз подтвердили мнение о том, что самые ранние культурные слои находятся в восточной части городища. Помимо архитектурных объектов общественного и частного характера можно предполагать и существование в городе культовых сооружений: святилищ или даже храмов. На это указывают эпиграфические памятники с посвящениями богам. Чаще всего встречаются посвящения Афродите и Аполлону (КБН 1041, 1043). Культ Афродиты, имевший на азиатском Боспоре локальный вариант как Афродиты Апатуры (обманчивой), отражен в сюжете на двух мраморных рельефах, найденных вблизи ст. Тамань²⁵ (рис. 14). На них изображены фигуры змееногих гигантов, которых Афродита хитростью заманивала в пещеру, где их по одиночке убивал Геракл, к которому Афродита обратилась за помощью. Рельеф, по-видимому, служивший фризом храма Афродиты, во время Великой Отечественной войны был утерян. Сохранились его фотографии низкого качества и прорисовки реконструкции, сделанные Л.П. Харко. Согласно его расчетам, фрагменты с гигантами принадлежали небольшому ионийскому храму (или сокровищнице) высотой не более 5 м. Одной из последних находок, связанных с культом Афродиты, является небольшой алтарик IV в. до н.э. из известняка, предназначенный, вероятно, для установки небольшой статуи богини (рис. 15). На одной из сторон вырезано посвящение: «Гераклид гераклеец [посвятил] Афродите»²⁶.

Аполлону — покровителю греческих аристократических родов — посвящены четыре надписи, найденные в окрестностях ст. Тамань: бог выступает

Рис. 13. Протома Деметры.
II в. до н.э.

в ипостасях Врача и Дельфиния. Единственный раз среди эпиграфических памятников названа Артемида Эфесская (КБН 1040). Посвящение ей было вырезано на ножке мраморного кресла, которое могло находиться только в храме: текст составлен от лица некоей служительницы культа Артемиды Эфесской. Богине же Деметре посвящения пока не найдены, однако многочисленные граффити с монограммами, состоящими из начальных букв ее имени, говорят о большой популярности этой богини среди жителей города.

Если амфорный материал богат и разнообразен, то памятники скульптуры, к сожалению, единичны. В качестве памятника боспорской монументальной скульптуры следует упомянуть и о мраморной плите III в. до н.э. с изображением стоящего Геракла со львиной шкурой²⁷ (рис. 16). Вероятно, руке местного мастера принадлежит небольшой женский торс эллинистического времени, выполненный из керченского известняка²⁸ (рис. 17). К памятникам декоративной архитектуры можно отнести небольшую прямоугольную плиту из керченского известняка (найдена в 2001 г. на Северо-Восточном раскопе) с рельефным изображением, сплошь покрывающим ее поверхность²⁹. В центре композиции — цветок арацеи и листья аканфа с круто закрученными побегами и полураспустившимися бутонами. Судя по небольшому карнизу в верхней части, плита, вероятно, была частью фриза какого-то парадного здания.

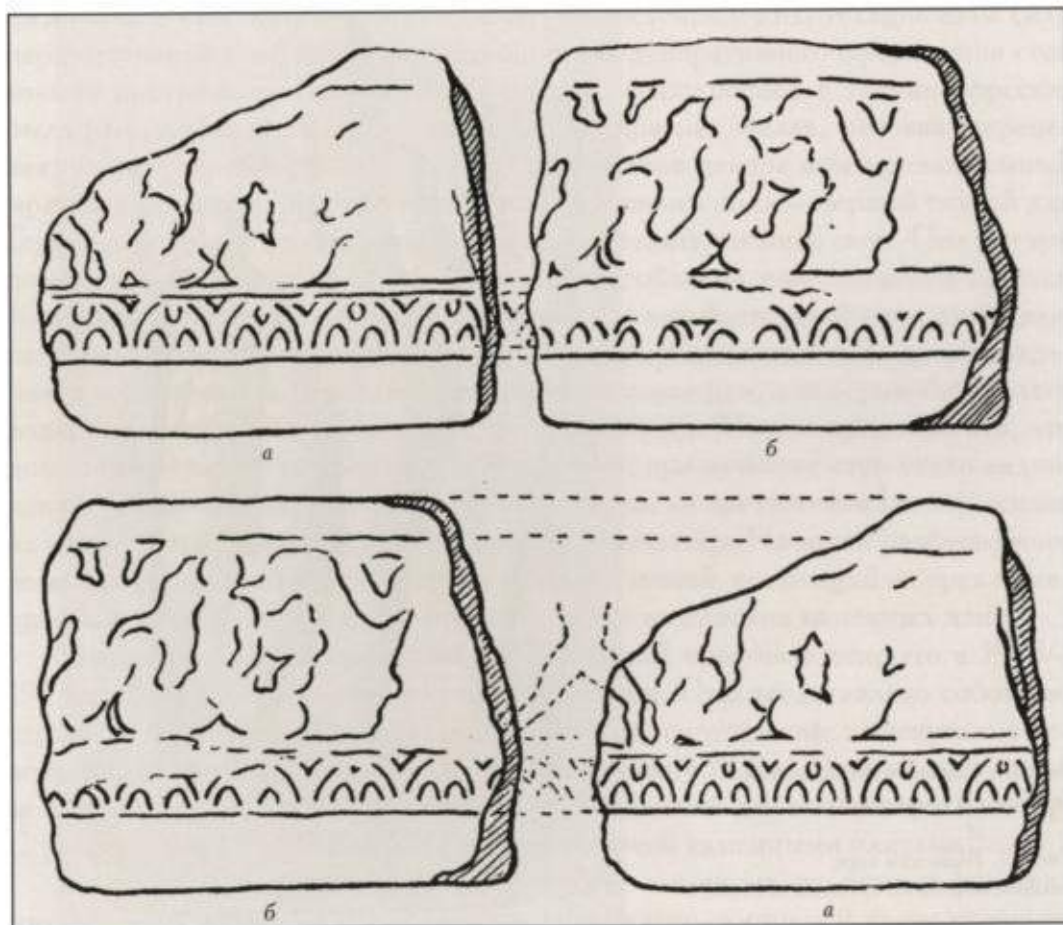

Рис. 14. Часть эллинистического мраморного рельефа с изображением змееногих гигантов. Реконструкция Л.П. Харко. Два варианта

Рис. 15. Алтарь с посвящением Афродите. III в. до н.э.

Спустя более четырех веков после основания города большая часть населения, по-видимому, по-прежнему оставалась греческой. Об этом свидетельствует большой список граждан из 40 имен, высеченный на каменной плите (КБН 1056). Судя по диалектологическим особенностям, они главным образом были выходцами из Ионии³⁰.

Многочисленный археологический материал, обнаруженный в слоях IV—III вв. до н.э., показывает, что Гермонасса в это время оставалась развитым экономическим и культурным центром: судя по многочисленным амфорным клеймам и фрагментам чернолаковой и расписной керамики, активная торговля шла с материковой и островной Грецией, с малоазийскими античными центрами и городами Южного Причерноморья.

С конца III в. до н.э. из-за политической нестабильности, которую переживал Боспор, экономическая жизнь Гермонассы стала клониться к упадку. Толщина культурного слоя этого времени очень мала; такого не наблюдалось ни в один из исторических периодов жизни города³¹. Основной причиной этому была нестабильность, царившая на Боспоре с приходом к власти Митридата Евпатора. Как и многие другие города, Гермонасса была втянута в династическую междоусобную борьбу за власть, не раз прибегая к помощи Римской империи, это можно предположить из текста

Рис. 16. Рельеф с изображением Геракла. III в. до н.э.

Рис. 17. Женский торс эллинистического времени местной работы

надписи I в. н.э., в которой одна из противоборствующих сторон благодарит Рим за помощь (КБН 1045)³². Монументальные комплексы предыдущей эпохи были разрушены, а отдельные архитектурные детали были использованы в более поздних постройках. На Северном раскопе на месте богатой городской усадьбы IV—III вв. до н.э. появилась гончарная печь. Известно, что печи, как правило, сооружались за чертой города, из-за опасений возникновения пожаров. О сужении границ города говорит факт появления склепов в 100—150 м от тех мест, где раньше были общественные здания, что для греков было совершенно необычно, ибо они хоронили покойников за чертой города. Находки из этого слоя относятся к числу рядовых: отсутствует богатая расписная керамика, правда, по-прежнему много фрагментов синопских, родосских, книдских и коссских амфор, что говорит о непрерывности налаженных ранее торговых связей.

Упадок длился до конца I в. до н.э., затем город постепенно восстанавливался. По мнению В.Ф. Гайдукевича, I в. н.э. для городов Боспора (в том числе и для Гермонассы) отмечен экономическим и культурным подъемом³³. Время же середины I—II в. н.э. можно считать вторым расцветом города. Толщина его культурного слоя достигает 1,7 м, он изобилует архитектурными остатками, что говорит об активной строительной деятельности в городе. Восстанавливаются храмы. Так, на одном мраморном постаменте сохранилась надпись 105 г. н.э., свидетельствующая о восстановлении портиков, которые окружали храм в честь одной из самых почитаемых богинь — Афродиты Апатуриады (КБН 1045). Строятся новые дома. Один из них был открыт на Северо-Восточном раскопе в 1996 г.³⁴ Помещение имело площадь ок. 30 кв. м. Остатки каменного цоколя дают в плане четкий прямоугольник, сырцовые стены которого имеют диагональное направление. Внутри помещение было оштукатурено и расписано в простейшем инкрустационном (или первом помпейском) стиле, характерном для декоративного оформления стен многих построек на Боспоре³⁵. В росписи, выполненной в технике фрески, была использована широкая гамма красок: красная, белая, розовая, сиреневая, черная, серебристо-серая. Один из участков декора имитировал темный мрамор с цветными прожилками. Открытие такого рода — первый случай для Гермонассы, когда удалось собрать и восстановить роспись стен. Пол внутри помещения представлял собой слой мелко дробленой известняковой крошки толщиной ок. 3 см. С запада к дому примыкал хозяйственный двор площадью ок. 80 кв. м, также покрытый дробленой крошкой известняка. Во дворе сохранился водосток, завершавшийся неглубоким корытцем, в котором собиралась вода; были найдены и два врытых в землю пифоса. Можно предполагать, что дом погиб во время одного из землетрясений: при зачистке стен стало видно, как штукатурка сползла с них на пол. Но затем, на протяжении I в. н.э. жизнь на этом участке постепенно стала восстанавливаться. На месте разрушенного дома с расписной штукатуркой был возведен новый, состоящий из трех помещений, к одному из них примыкала вымостка из плоских каменных плит.

Монументальное сооружение рубежа нашей эры было открыто в 1973—1975 гг. А.К. Коровиной на Нагорном раскопе. Оно представляло собой постройку, от которой сохранились цоколи стен, окружавшие помещение с севера, юга и востока. Северная кладка имела длину 19,8 м. Четыре выступа на ее северном фасаде, возможно, служили основаниями для колонн или пилястр. С запада к нему примыкал дворик, выложенный каменными плитами³⁶.

При сопоставлении характера построек, открытых на разных участках города, выявляются их различные типы: в северо-восточной части строения

Рис. 18. Краснолаковое блюдо с изображением сидящего сфинкса. III в. н.э.

носят скорее частный характер, в центральной — они более монументальны и, очевидно, имели общественное назначение.

Материал II—III вв. н.э. довольно обилён, хотя и однообразен. Доминируют фрагменты краснолаковой керамики, преобладает повседневная посуда, часто покрытая светлым жидким лаком с небрежными затеками: на тарелках с вертикальными бортиками, конусовидных чашах, мисках со слегка загнутыми вовнутрь краями. По этим признакам керамику, скорее всего, можно отнести к фанагорийскому производству, где традиции изготовления керамических изделий имели глубокие

корни. Парадная посуда встречается редко, но все же были найдены краснолаковые плоские блюда овальной формы с горизонтальными краями и ручками, украшенными рельефными изображениями (рис. 18). В центре в прямоугольном клейме оттиснуто изображение сидящего сфинкса. Судя по характеру глины, — светлой и хорошо отмученной — эти сосуды были привезены с о-ва Родоса. Подобные экземпляры известны и в других городах Северного Причерноморья: в Пантикапее, Ольвии, Мирмекии. По мнению Т.Н. Книпович, они датируются концом II — началом III в. н.э.³⁷

В этот период в экономике города все явственнее намечаются тенденции, которые существовали и в более раннее время: больше становится продукции местных боспорских мастеров. Это особенно заметно по амфорному материалу, представленному фрагментами красноглиняных амфор с массивными ручками, круглыми в сечении. Вполне возможно, что в Гермонассе было свое собственное производство амфор: среди многочисленных фрагментов встречены отдельные экземпляры, отличающиеся характерным, сиреневато-крас-

Рис. 19. Винодельня. III в. н.э.

ным цветом глины, тесто которой довольно пористое с грубыми включениями песка и извести. О существовании обжигательных печей в городе говорят их находки, хотя они и немногочисленны. Одна из печей была открыта в 1952 г. экспедицией И.Б. Зеест³⁸. Печь имела округлые очертания, слегка вытянутые к топочному отверстию, стенки выложены из камня, обложены сырцовыми кирпичами. В центре установлен округлый подпорный столб. И.Б. Зеест обратила внимание на одну особенность: перекрытие было выложено клиновидными кирпичами, что не свойственно греческим приемам; вероятно, эта техника была заимствована у местных племен Прикубанья, в остальном же ее конструкция повторяла устройство боспорских печей.

В 2003 г. при разборке одной из кладок I в. н.э. была найдена свинцовая пластина, сложенная втрое³⁹. На ее внешней стороне просматривалось 12 строк, начертанных очень тонким острием. Предварительное исследование, проведенное С.Р. Тохтасьевым, позволило говорить о том, что пластина с надписью предназначалась для отправки в город Феодосию (это угадывается по обрывочному тексту письма), но по каким-то причинам не была отослана. К сожалению, сохранность письма очень плохая, и общее содержание неясно, но даже по отдельным прочитанным словам, по мнению С.Р. Тохтасьева, можно говорить об ее частном характере.

Во II—III вв. н.э. сооружаются первые в истории города винодельни. К настоящему времени их открыто три⁴⁰ (рис. 19). Все они имели то же устройство, что и винодельни других боспорских городов: давяльные площадки, окружающие три цистерны с отстойниками для сбора сусла⁴¹, отделялись друг от друга перегородками, чтобы сок разных сортов винограда не смешивался. Это позволяет думать, что население изготавливало различные сорта вин. В каждой из виноделен применяли тарапан — давяльный камень для прессы виноградных гроздей. По-видимому, с развитием виноделия в Гермонассе активизировалось производство местной тары для вина. Среди находок встречены куски бракованной керамики и фрагменты от небольших амфор из пористой сиреневато-красной глины с большим количеством песка, которые не известны ни в одном боспорском центре.

В середине III в. н.э., как известно, активизировалось проникновение варварских племен в Северное Причерноморье. К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, как это отразилось на Гермонассе, но открытие виноделен там, где раньше стояли монументальные сооружения, говорит о том, что к III в. н.э. границы города значительно сократились. Слои III—IV вв. н.э. представлены незначительными обрывочными кладками, качество строительных работ снизилось; судя по разнице в глубинах залегания противоположных концов кладок, тщательного выравнивания и нивелировочных работ на строительных площадках не проводилось. Вещественный материал также свидетельствует об изменении уровня жизни населения города. Привозная керамика почти отсутствует, амфорный материал представлен в основном продукцией боспорских керамических мастерских; среди домашней утвари доминирует лепная посуда, что, по мнению исследователей, является верным признаком не только бедности населения и натурализации хозяйства, но и показателем изменения его этнического состава, широкого притока в греческие колонии варваров⁴². Интересы горожан стали в большей степени, чем прежде, ориентированы на сельскохозяйственные территории, располагавшиеся в степных районах. С III в. н.э. появляются первые признаки изменений и в религиозной сфере. Данные эпиграфики свидетельствуют о том, что во многих боспорских фиасах стали почитать «бога высочайшего» (КБН

1286)⁴³, что являлось первым признаком проникновения сюда христианства. Христианские символы в виде штампованных изображений крестов и рыб неоднократно встречаются на внутренней стороне краснолаковых блюдец и тарелок конца III—IV в. н.э. По археологическим данным христианство стало исповедоваться во многих городах Боспора в первой половине IV в. н.э.⁴⁴ Особенно наглядно это видно на памятнике (пос. Ильич), расположенном в северной части Таманского полуострова, в 50 км от Гермонассы⁴⁵.

Скорейшему закату Гермонассы, как античного города, способствовала волна опустошительных набегов гуннов, принесших гибель почти всем греческим городам Северного Причерноморья. В культурных слоях города этого времени не наблюдается следов мощных пожаров и катастрофических разрушений (это лишь исключение на фоне других античных центров), но явная варваризация, начавшаяся еще в предыдущую эпоху, окончательно взяла верх над эллинскими традициями. К сожалению, у нас нет сведений о том, что представлял собой город после гуннского нашествия. Не найдено и эпиграфических свидетельств этого времени, где упоминалась бы Гермонасса. Сохранилось ли за ней прежнее название? Была ли она городом или небольшим поселением? Археологические раскопки показывают, что жизнь в городе, хотя и не процветала, но все же не угасла совсем. Многие элементы раннесредневекового города свидетельствуют о преемственности некоторых традиций и технических приемов античной Гермонассы⁴⁶.

В отличие от городища, некрополям, окружающим Тамань, большое внимание стало уделяться уже с конца XVIII в. На протяжении всего XIX в. предпринимались попытки раскопок тех немногочисленных курганов, которые находились вблизи ст. Тамань⁴⁷. К сожалению, эти раскопки часто носили хищнический характер; естественно, не велись дневники и описи находок. Вещи, добытые при раскопках, бесследно исчезали. В 1917 г. в кургане на Лысой горе, находившейся в двух километрах к западу от городища Гермонассы, в каменном склепе, разграбленном кладоискателями, был найден мраморный саркофаг великолепной работы⁴⁸ (сейчас находится в ГИМе). Изготовленный в Греции или в одной из греческих колоний Малой Азии саркофаг морским путем был привезен на Боспор. По архитектурному декору он напоминает греческий храм с двускатной крышей, с фронтоном, акротериями и изящным карнизом. На гладких стенах в слегка заглубленных полосах высечены рельефные позолоченные розетки.

Исследование грунтового некрополя Гермонассы до начала XX в. не проводилось. Лишь в 1911 и 1913 гг. В.В. Шкорпил начал раскапывать грунтовые могилы, располагавшиеся к югу и западу от Тамани⁴⁹. В 1927 г. в западной части станицы в случайно открытой богатой могиле были найдены две клазоменские вазы VI в. до н.э., переданные тогда же в Темрюкский краеведческий музей. Одна из них, великолепной работы ваза с петухами, о которой было сказано выше, в настоящее время находится в ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Работы по изучению некрополей Гермонассы продолжались, хотя и нерегулярно, до 50-х годов XX в.; вещественный материал, добытый археологами, представлял в основном предметы греческого импорта: в могилах VI в. до н.э. это преимущественно изделия ионийских центров, с V в. до н.э. усиливается ввоз аттической продукции. Однако на примере материалов Западного некрополя выявлена одна особенность: среди погребений чисто греческого характера встречаются могилы (правда, немногочисленные) со скорченными костяками; по мнению ученых, это свидетельствует о том, что в ранний пери-

од в составе городского населения Гермоноссы были жители, которые происходили из местной этнической среды⁵⁰.

Более поздний некрополь был обнаружен к юго-востоку от Гермоноссы. Часть погребений относится к концу эллинистической эпохи, другая — к первым векам нашей эры⁵¹. Сельская округа Гермоноссы стала изучаться лишь в последние годы⁵². Были открыты поселения, которые находились на расстоянии 3–8 км. Они являлись сторожевыми форпостами, охранявшими Гермоноссу с юга, юго-запада, с востока и юго-востока от набегов степных племен⁵³. Одна из самых крупных крепостей располагалась близ впадения в Кизилташский лиман древнего русла р. Антикит. Оно существовало с VI в. до н.э. вплоть до позднего Средневековья и занимало площадь не менее 48 га. На некоторых таких поселениях были открыты остатки фортификационных сооружений.

Таким образом, проведя краткий обзор истории античной Гермоноссы, которая длилась почти тысячу лет, можно отметить, что город развивался по тем же экономическим и социальным законам греческого общества, по которым жили все боспорские города: были периоды упадка и времена расцвета. Наиболее яркими страницами в жизни города было время конца VI — начала V в. до н.э. Это подтверждается не только мощностью его культурного слоя, но и строительством монументальных построек, а также обилием разнообразных находок, свидетельствующих о широких торговых связях города. Нестабильная политическая обстановка на Боспоре в первой половине I в. до н.э. сказалась и на Гермоноссе. Этот период жизни города отмечен маловыразительными археологическими объектами и незначительным культурным слоем. Второй его расцвет приходится на I–II вв. н.э., но в это время он уже не достигает того размаха, который наблюдался на ранних этапах его жизни. Последующее затем гуннское нашествие, по-видимому, не сказалось на Гермоноссе столь губительно, как на других городах Боспора, что, возможно, было связано с удаленностью от основного пути кочевых орд⁵⁴.

¹ Евстафий. Комментарии к землеописанию Дионисия / Пер. И.П. Цветкова // ЗРАО. СПб., 1892. Т. VI, вып. 1, 2. С. 198.

² Страбон. География. Гл. II, 10 / Пер. В.В. Латышева // Там же. 1891. Т. V, вып. 1, 2. С. 132–133.

³ Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК // СГАИМК. 1931. Вып. 1. С. 26; Он же. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // СГАИМК. 1932. Вып. 7–8. С. 68.

⁴ Зеест И.Б. Возникновение и первый расцвет Гермоноссы // СА. 1974. № 4. С. 83. Рис. 1.

⁵ Она же. К вопросу о городской планировке Гермоноссы // История и культура античного мира. М., 1977. С. 54.

⁶ Финогорова С.И. Очерк истории Гермоноссы по материалам раскопок последних лет // Древности Боспора. 2005. № 8. С. 423–424.

⁷ Зеест И.Б. Архаические слои Гермоноссы // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 53–54. Рис. 17.

⁸ Она же. К вопросу о городской планировке Гермоноссы. С. 54–55.

⁹ Финогорова С.И. Архаическая керамика Гермоноссы из раскопок последних лет // Древности Боспора. 2006. № 9. С. 338. Табл. 1, 1–4, 12.

¹⁰ Книпович Т.Н. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря // ИГАИМК. 1927. Вып. 5. С. 98; Lossewa N.M. Zwei klazomenische Vasen // AA. 1929. Bd. 44. № 1/2. S. 46. Abb. 2. Интересна история этой вазы. Вскоре после ее открытия она была передана в музей г. Темрюка. Во время Великой Отечественной войны немецкие оккупанты увезли ее в Германию, где она находилась в частной коллекции. После войны эта гидрия была продана вдовой гитлеровского офицера в дрезденский Альбертинум, а в 1969 г. она была безвозмездно возвращена директором Альбертинума в ГМИИ им.

А.С. Пушкина, где она хранится и по сей день.

¹¹ Финогорова С.И. Архаическая керамика... С. 344–345. Табл. 2, 13–16.

¹² Там же. С. 427. Рис. 4.

¹³ Там же. С. 427. Рис. 3, 3.

¹⁴ Там же. С. 347. Табл. 4.

¹⁵ Ранее не публиковалась.

¹⁶ Финогорова С.И. Очерк истории... С. 427–428. Рис. 2.

¹⁷ Арзаманов Г.Ф. Архаическая капитель из Тамани // ВДИ. 1989. № 4. С. 49–54.

¹⁸ Дионисий Перизгет / Пер. В.В. Латышева. // ЗРАО. 1892. Т. VI, вып. 1, 2. С. 182.

¹⁹ Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 41–44.

²⁰ Коровина А.К. Гермоносса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. 51–64.

²¹ Там же. С. 59–61. Рис. 29.

²² Там же. С. 59.

²³ Там же. С. 51–52.

- ²⁴ *Финогенова С.И.* Терракоты Гермо-
нассы // СГМИИ. 1992. Вып. 10.
С. 264. Рис. 10.
- ²⁵ *Харко А.П.* Фрагмент фриза с изоб-
ражением гигантов из станицы Таман-
ской // СА. 1941. № VII. С. 81–93.
- ²⁶ *Тохтасьев С.Р., Финогенова С.И.*
Новые данные о культе Афродиты в
Гермонассе // *Hyperboreus: Studia
classica. Petropoli*, 2003. Vol. 9, Fasc. 1.
Р. 86–87.
- ²⁷ Античная скульптура из собрания Го-
сударственного музея изобразитель-
ных искусств им. А.С. Пушкина. М.,
1987. С. 52. № 17.
- ²⁸ *Зеест И.Б.* Раскопки Гермо-
нассы // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 61.
- ²⁹ *Финогенова С.И.* Очерк истории...
С. 429. Рис. 6, 2.
- ³⁰ *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи,
найденные в 1913 г. // ИАК. 1914.
Вып. 54. С. 67. № 2.
- ³¹ *Зеест И.Б.* Возникновение... С. 85.
- ³² *Болтунова А.И.* Надпись Пифодори-
ды из раскопок Гермо-
нассы // ВДИ.
1989. № 1. С. 86–92.
- ³³ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство.
М., 1949. С. 320, 336.
- ³⁴ *Финогенова С.И.* Система росписи
помещения I в. до н.э. в Гермо-
нассе // Таманская старина. СПб., 1998.
Вып. 1. С. 13–20.
- ³⁵ *Ростовцев М.И.* АДЖЮР. 1914.
С. 119. Табл. XXXVII–XL; *Бла-
ватский В.Д.* Фанагорийская стен-
ная роспись // МИА. 1956. № 57.
С. 168–170; *Финогенова С.И.* На-
стенные росписи и мозаичные полы
пантикапейского пританея // Про-
блемы античной культуры. М., 1986.
С. 205–209.
- ³⁶ *Коровина А.К.* Гермо-
насса... С. 73–
74.
- ³⁷ *Книпович Т.Н.* Краснолаковая ке-
рамика первых веков нашей эры из
раскопок Боспорской экспедиции
1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
С. 306. Рис. 6, 7.
- ³⁸ *Зеест И.Б.* Раскопки Гермо-
нассы. С. 119–120.
- ³⁹ *Финогенова С.И.* Очерк истории...
С. 428. Рис. 3, 1.
- ⁴⁰ *Коровина А.К.* Винодельни Гермо-
нассы // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 60,
сл.
- ⁴¹ *Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Бос-
поре // МИА. 1958. № 85. С. 412;
Долгоруков В.С. Фанагорийская ви-
нодельня I–II вв. до н.э. // КСИА.
1976. Вып. 145. С. 80, сл.
- ⁴² *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеан-
тичное время. М., 1966. С. 139–140.
- ⁴³ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство.
С. 438.
- ⁴⁴ *Николаева Э.Я.* Краснолаковая ке-
рамика со штампами с Ильичевского
городища // КСИА. 1978. Вып. 156.
С. 113.
- ⁴⁵ Там же. С. 110, сл.
- ⁴⁶ *Коровина А.К.* Гермо-
насса... С. 87.
- ⁴⁷ *Ашик А.Б.* Боспорское царство с его
палеографическими и надгробными

- памятниками, расписанными вазами,
планами, картами и видами. Одесса,
1848. Ч. 2. С. 16; *Гёрг К.К.* Истори-
ческий обзор археологических иссле-
дований на Таманском полуострове.
СПб., 1898. Вып. 2. С. 66, сл.
- ⁴⁸ *Соколов В.В.* Карта древнейших по-
селений и могильников в районе ста-
ницы Таманской // ИТУАК. Сим-
ферополь, 1919. № 56. С. 60–63;
Пятышева Н.В. Таманский сарко-
фаг // ГИМ: Памятники культуры.
М. 1949. Вып. 2. С. 54 сл.
- ⁴⁹ *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи...
С. 1–3, 21, сл.
- ⁵⁰ *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи неко-
торых боспорских городов // МИА.
1959. № 69. С. 186.
- ⁵¹ *Сорокина Н.П.* Раскопки некропо-
ля Гермо-
нассы в 1956–1957 гг. // КСИА.
1961. Вып. 83. С. 46.
- ⁵² *Соловьев С.А.* Хора Гермо-
нассы: итоги и исследования // Таманская
старина. 2002. Вып. 4. С. 33–60;
Абрамов А.П., Паромов Я.М. Ран-
неантичные поселения Таманского
полуострова // Боспорский сборник.
1993. № 2. С. 25–98.
- ⁵³ *Рогов Е.Ю.* Укрепленные поселения
Таманского полуострова // БФ.
1999. С. 154–157.
- ⁵⁴ *Плетнева С.А.* Средневековая кера-
мика Таманского городища // Кера-
мика и стекло древней Тмутаракани.
М., 1963. С. 63.

ПАТРЕЙ

А. П. АБРАМОВ

Поселение Гаркуша I, отождествляемое обычно с античным Патреем¹, находится на западной окраине современного пос. Гаркуша (Темрюкский район, Краснодарский край), на северном берегу Таманского залива. Раскопки на памятнике, начатые в 1928 г., проводились затем с перерывами, но с 1985 г. и до настоящего времени они продолжают ежегодно.

О Патрее упоминают Гекатей Милетский (Гас. 214), Скилак Кариандский (GGM. I. 59) и Страбон (Strab. XI. 2. 8). По сведениям Скилака город располагался на территории Синдики. Опираясь на сообщение Страбона, В.Д. Блаватский считал, что греческий Патрей находился до входа в Корокондамитское озеро (совр. Таманский залив), т.е. на месте поселения Береговой 4². Однако, как уже отмечалось³, его обычно размещают в районе пос. Гаркуша.

На карте Понта Эвксинского, составленной Абрахамом Ортелиусом в 1570 г., Патрей размещается в северо-западной части Таманского полуострова, севернее Фанагории⁴. Первое описание памятника составил Я.М. Лазаревский⁵ еще в 1861 г., затем оно приводилось в сводках К.К. Гёрца⁶ и С.В. Войцеховского⁷. В 1926–1927 гг. Патрейское городище осматривал А.С. Башкиров⁸, а в 1928 г. он провел первые раскопки на Патрейском городище, обнаружив остатки крепости первых веков нашей эры⁹. В 1930–1931 гг. на памятнике работала экспедиция ГАИМК под руководством А.А. Миллера¹⁰. В 1940 г. разведки здесь проводил В.Д. Блаватский¹¹, а через 7 лет Н.В. Анфимов¹² и А.С. Башкиров¹³, которые зафиксировали остатки винодельни в береговом обрыве восточнее «батарейки». В 1948–1952 гг. и 1961–1962 гг. Патрейское городище раскапывал А.С. Башкиров, в 1963 г. памятник изучала В.И. Горемыкина — раскопки кургана ранней бронзы¹⁴. С 1964 по 1970 г. важные исследования проводил Н.И. Сокольский¹⁵. Именно ему принадлежит детально разработанная стратиграфия и планиграфия памятника (особый интерес представляют остатки ворот крепости I в. н.э.). В 1985–1989 гг. на городище работала экспедиция под руководством Б.Г. Петерса¹⁶. С 1990 г. и по настоящее время раскопки на памятнике ведет А.П. Абрамов, а с 1991 г. Нижний город (затопленную часть памятника) исследует В.Н. Таскаев¹⁷. С 2000 г. разведки в Таманском заливе и в акватории Патрея проводил А.Г. Васильев¹⁸. В 2002 г. раскопки на патрейской «батареике» осуществлял В.О. Акимов¹⁹.

Линия северного берега Таманского залива в районе городища вытянута с запада на восток, с небольшим отклонением к северу. Памятник занимает прибрежную полосу шириной ок. 1500 м с учетом местонахождения погребальных комплексов. Подобная протяженность определяется наличием разновременных объектов, перекрывающих друг друга. Протяженность культурного слоя памятника по береговой линии, зафиксированная раскопами, составляет 1040 м (рис. 1). Заглубленные в материк объекты в затопленной части памятника распространяются на 130–150 м от береговой линии. Особенность стратиграфии подводной части памятника — полностью уничтоженный культурный слой (выше уровня материка) в результате экологических факторов; сохранились только объекты, заглубленные в материк.

Главной деталью, определяющей рельеф памятника, является балка, которая берет начало несколько восточнее грязевого вулкана Куку-Оба (г. Горелая) и имеет первоначальное направление по линии север–юг. Затем, приблизительно в одном километре от северного берега Таманского залива, она меняет свое направление и идет с северо-запада на юго-восток и при впадении

в Таманский залив разделяет памятник на две части: восточную и западную. В период обильных дождей эта балка служит водотоком.

В восточной части памятника находится подпрямоугольная возвышенность с крутыми склонами — «Патрейская батарейка». Размеры холма — 100 м по линии запад—восток и 72 м по линии север—юг. Возвышение над уровнем моря ок. 7,0 м. Холм представляет собой остатки поселения эллинистического времени, перекрытые крепостью первых веков нашей эры, с последующими слоями ранневизантийского, хазарского и ордынского периодов.

На западном берегу балки в 320 м от «батарейки» располагается так называемое «Западнопатрейское городище». Это пологий холм, вытянутый с запада на восток на 200 м и на 80 м по линии север—юг. Эта часть представляет собой остатки поселения второй половины VI — начала III в. до н.э. Городище окружено небольшой балкой, которая, вероятно, является остатком древнего рва. Этот объект был зафиксирован в прибрежной восточной части раскопками 1997–1999 гг.²⁰ и георадарной съемкой 2006 г. В своей северо-восточной части ров примыкал к основной балке на удалении 65 м от берега моря.

Наиболее возвышенную часть античного города греки, как правило, называли Верхним городом. Затопленная в настоящее время часть памятника, прилегающая к верхнему городу с юга, в античной терминологии обозначалась как Нижний город. В результате исследований последних лет установлено, что площадь Нижнего города в несколько раз превышала площадь Верхнего города²¹.

Поселение эпохи бронзы и раннего железного века выявлено в центральной и северной частях памятника, на восточном берегу балки. Оно относится к позднему тудоровскому этапу сабастиновской культуры. Между поселением этого периода и античными слоями существовал определенный хронологический разрыв²²; в комплексах сабастиновского периода не была найдена античная керамика. Вероятно, этим временем датируются остатки «Киммерийского вала», который на месте Патрейского городища проходит по дну залива, на расстоянии 40–50 м от берега. Это укрепление защищало Таманский

Рис. 1. Патрей, план

Рис. 2. 1. Фрагмент родосско-ионийского блюда. Первая половина VI в. до н.э.;

2, 3. Фрагменты сосуда стиля Фиккелура. Третья четверть VI в. до н.э.; 4. Фрагмент ионийского сосуда. VI в. до н.э.; 5. Фрагмент сосуда. Первая половина VI в. до н.э.; 6. Фрагмент чернофигурного сосуда. Конец VI — начало V в. до н.э.; 7. Фрагмент чернофигурного сосуда. Мастер виллы Джулия. Последняя четверть VI до н.э.; 8. Фрагмент чернофигурного сосуда. Конец VI — начало V в. до н.э.

света. Стены домов были сделаны из сырцового кирпича и имели ширину от 60 см до 1,2 м. Дома были построены на слое выровненного темно-коричневого суглинка и подсыпке серого плотного суглинка толщиной 6–10 см. Подобный строительный прием прослеживается на всей площади Верхнего города (рис. 3). Иногда к ним пристраивались более легкие конструкции из жердей с глиняной обмазкой. Они фиксируются осветленными линиями на материке (рис. 4). В слое плотного суглинка обнаружены ямки с закругленным дном для сосудов различного диаметра. Близкие конструкции более раннего хронологического периода найдены в Гермонассе. С.И. Финогенова также предполагает их хозяйственное назначение²⁵. Одновременные близкие постройки зафиксированы в Фанагории. В.С. Долгоруков связывал их возникновение с новой волной греков, покинувших Малую Азию в результате Ионийского восстания²⁶. По-видимому, поселение было основано милетянами²⁷, принесшими со своей родины культ Аполлона Врача (рис. 5) и Деметры (рис. 6, 1).

полуостров с востока от Азовского моря до Таманского залива. Далее вал проходит по дну, практически вдоль побережья до косы Чушка²³. Разновременные объекты античного периода на месте античного Патрея находятся по отношению к валу ближе к городу и за ним, а некоторые его перекрывают.

Судя по имеющимся материалам античное поселение возникло еще во второй четверти VI в. до н.э. и располагалось в западной части памятника (рис. 2, 1, 4, 5). Наиболее ранние объекты — три ямы, относящиеся уже к третьей четверти VI в. до н.э. (рис. 2, 2, 3). Расстояние между выявленными объектами вдоль береговой линии составляет не менее 500 м, что свидетельствует о большой площади поселения в этот период, а не о регулярной планировке поселения. Несколько лепных сосудов из этих комплексов указывают на присутствие местного населения, по-видимому, синдского, что соответствует данным античной письменной традиции — Скилак Кариандский (GGM, I, 59).

Для этого периода времени мы вправе констатировать определенный феномен: в Восточном Крыму открыто всего шесть греческих поселений, а на Таманском полуострове — более 31 пункта²⁴. Населенные пункты на Таманском полуострове расположены не вдоль морского побережья; более того, многие из них — в глубинных районах.

Верхний город Патрея в последнюю четверть VI — первую четверть V в. до н.э. занимал пологий холм в западной части памятника. С юга к нему примыкал Нижний город. Поселение имело регулярную планировку с ориентацией домов по сторонам

Рис. 3. Патрей. Раскоп 26. Сырцовые стены последней четверти VI в. до н.э.

Рис. 4. Патрей. Раскоп 38. Временные сооружения конца VI — начала V в. до н.э.

вали у северного берега Корокондамитского озера (Таманский залив). Маневрировать греческим кораблям, имевшим только прямой парус, было затруднительно. И не случайно большое количество каменных штоков якорей обнаружила экспедиция А.В. Кондрашева у Панагии и Тузлы³¹. Видимо, в районе Патрейского городища корабли перегружались на более легкие суда, которые потом следовали по р. Гипанис (р. Кубань) и Меотиде (совр. Азовское море). Аналогичную ситуацию в доставке грузов фиксировал для Испании Страбон (III. 2. 1). По свидетельству Аристотеля, в его время в Меотиду могли входить суда меньшей величины, чем за 60 лет до этого (Arist. Meteor. 353a1–7).

С севера и запада к поселению примыкала обширная хозяйственная зона. Территорию поселения от остальной части отделял ров (зафиксированная ширина 4 м, при глубине 1,4 м)²⁸. Площадь Верхнего города в период от последней четверти VI и до начала III в. до н.э. составляла ок. 1 га, а площадь Нижнего города даже по минимальной оценке была не менее 4,4 га²⁹. В это время общее количество поселений на Таманском полуострове возрастает более чем вдвое — до 71³⁰.

Показательно, что в период последней четверти VI — первой половины IV в. до н.э. значительно возрастает количество комплексов амфор (рис. 7). Это может свидетельствовать о том, что корабли, идущие из Черного моря, приставали у северного берега Корокондамитского озера (Таманский залив). Маневрировать греческим кораблям, имевшим только прямой парус, было затруднительно. И не случайно большое количество каменных штоков якорей обнаружила экспедиция А.В. Кондрашева у Панагии и Тузлы³¹. Видимо, в районе Патрейского городища корабли перегружались на более легкие суда, которые потом следовали по р. Гипанис (р. Кубань) и Меотиде (совр. Азовское море). Аналогичную ситуацию в доставке грузов фиксировал для Испании Страбон (III. 2. 1). По свидетельству Аристотеля, в его время в Меотиду могли входить суда меньшей величины, чем за 60 лет до этого (Arist. Meteor. 353a1–7). Полибий считал Боспор Киммерийский мелководным проливом (Polyb. IV. 39. 3) и даже называл глубину Меотиды — в 5–6 оргий, по его мнению плавание на больших судах без лоцмана было невозможно (IV. 40. 8). Средством оплаты крупных поставок товаров, вероятнее всего, служили кизикины, обнаруженные на Нижнем городе (рис. 6, 4, 5)³² и серебряные монеты Пантикапея (рис. 6, 5, 6) и Аполлонии (рис. 6, 7).

Для 520–500 гг. до н.э. из общего объема поставок вина и оливкового масла на Патрей доля хиосского импорта составляла 21,2%³³, доля эолийских амфор с усеченно-конусовидным дном (Митилена) 21,8%. Импорт в амфорах на сложнопрофилированном кольцевом

Рис. 5. Граффити на ножках чернотаковых киликов. Конец VI — начало V в. до н.э.

на восточном берегу балки³⁴. На раннем этапе второй четверти V в. до н.э. происходят определенные изменения. На полах помещений присутствует зольный или горелый слой, в котором встречаются единичные находки стрел, хотя слоя, как такового, с разрушениями и целыми вещами не обнаружено. Правда, ямы этого периода прорезают остатки сырцовых стен более раннего времени (рис. 3). Складывается впечатление, что дома были покинуты, все ценные в хозяйстве предметы собраны и увезены, а все постройки затем уничтожены пожаром. Можно предполагать временную эвакуацию населения. Очень быстро город восстанавливается и увеличивает свою площадь. При этом общее количество поселений на Таманском полуострове возрастает до 91³⁵. Очевидно, эти явления взаимосвязаны.

Именно в слое ранней второй четверти V в. до н.э. обнаружено уникальное клеймо на стенке, чуть ниже венчика, кувшина. Подобные клейма встречаются только на мерных сосудах, которыми полис контролировал продажу вина в разлив. Изображение на нем виноградной лозы только подтверждает данный

поддоне возрастает до 34%. Маслопроизводящие центры присутствуют на рынке: Клазомены 4,9%, Самос 1,0% и Милет 4,2%. Поступают сероглиняные лесбосские амфоры (1,6%). Появляется керамическая тара Фасоса (6,5%), Халкидики (Менда, 2,2%) и Коринфа (0,8%).

Позднее, в 500–480 гг. до н.э. по годовому коэффициенту общий объем импорта уменьшается в 1,5 раза. При этом относительный объем хиосского импорта возрастает до 36%, а объем импорта в амфорах с усеченноконусовидным дном (Митилена) падает до 3,8%. Процентное соотношение поставок из других центров практически не отличается от более раннего периода. Возможно, подобные изменения связаны с поражением Ионийского восстания. Для этого времени характерны достаточно многочисленные находки аттической чернофигурной керамики (рис. 2, 7, 8; рис. 8; 9, 2, 3). Терракотовая статуэтка собаки, очевидно, являлась детской игрушкой (рис. 6, 2).

Обнаруженное в результате раскопок значительное количество ям для хранения зерна свидетельствует о развитом земледелии, которое, возможно, уже на ранних этапах приобрело товарный характер. Фрагменты сосуда со слоем железа на дне (полное разделение металла и шлака) говорит о производстве металлических орудий на месте.

Верхний город во второй четверти V в. до н.э. сохранил свой план, а Нижний город, как показывает расположение комплексов под водой, увеличил свою площадь. Два погребения данного периода зафиксированы

Рис. 6. 1. Протома Деметры. Конец VI — начало V в. до н.э.; 2. Терракотовая фигурка собаки. V в. до н.э.; 3. Сердоликовая гемма с изображением Артемиды; 4. Электровая монета г. Кизик. Начало V в. до н.э.; 5. Серебряная монета Пантикапея. Начало V в. до н.э.; 6. Серебряная монета Аполлонии. Вторая—третья четверть V в. до н.э.; 7. Серебряная монета Фанагории. Конец II — начало I в. до н.э.

Рис. 7. Патрей. Раскоп 26. Склад амфор последней четверти VI в. до н.э.

факт. Надпись ФА позволяет высказать предположения, что данный населенный пункт уже во второй четверти V в. до н.э. находился под юрисдикцией Фанагории и выполнял функции морского перегрузочного пункта, т.е. являлся своеобразным «Пиреем» (рис. 9, 4).

Около 480–465 гг. до н.э. по годовому коэффициенту общий объем импорта на Патрей увеличивается в 1,2 раза, но при этом исчезают из оборота клазоменские амфоры, амфоры с усеченноконусовидным дном (Митилена). Однако возрастает доля хиосского импорта до 50%, а доля импорта из эолийских центров возрастает до 30%.

В 465–450 гг. до н.э. в связи с прекращением поступления товаров в амфорах на сложнопрофилированных кольцевых поддонах общий объем импорта сокращается в два раза, затем ситуация остается стабильной до конца V в. до н.э. Сохраняется

Рис. 8. Фрагменты чернофигурных сосудов. Вторая половина VI – начало V в. до н.э.

тенденция увеличения доли хиосского импорта, импорт товаров из эолийских центров стабилизируется на уровне 6–13%. Постепенно возрастают поставки товаров из Северной Греции (Фасос и Халкидика). Столь резкое сокращение импорта логично связывать с развитием собственного виноделия³⁶.

Общая планировка города, по-видимому, не претерпела изменений и во второй половине V в. до н.э., об этом свидетельствуют материалы лишь отдельных комплексов, как на Верхнем, так и на Нижнем городе, и их территориального распределения. Исходя из ситуации на Патрее и количества зафиксированных памятников, общая политическая ситуация на Таманском полуострове в это время остается стабильной³⁷.

Около 438 г. до н.э. Патрей вместе с Нимфеем, Киммериком и Гермонассой в результате экспедиции Перикла вошел в состав афинской архэ³⁸. Греческая надпись из Афин называет эти города в составе Эвксинского податного округа в 425/4 г. до н.э. В конце V в. до н.э. Патрей вошел в состав Боспорского государства в результате завоеваний Сатира I³⁹. Четыре подводных комплекса с материалом позднего этапа последней трети V в. до н.э., содержащие целые сосуды и являвшиеся складами амфор, свидетельствуют, что какой-то кризис имел место.

Династия Спартокидов старалась установить строгий контроль над морскими

путями Киммерийского Боспора, и, возможно, эту функцию должны были осуществлять легкие тридцативесельные боевые корабли, засвидетельствованные рисунком на чернолаковом сосуде первой половины IV в. до н.э.⁴⁰

Археологически первая половина IV в. до н.э. отмечена находками керамических комплексов, найденными на суше и под водой, а также одним колодецем из камня. Керамический материал весьма обилен, но остатков строительства в городе, к сожалению, выявить пока не удалось. Во второй половине IV в. до н.э. площадь поселения сохраняется, но планировка и система строительства меняются кардинально. Дома строятся на однорядных каменных цоколях, что для более раннего периода не прослежено. Они ориентированы по линии северо-запад–юго-восток. Среди камней цоколей встречен керамический материал, относящийся к третьей четверти IV в. до н.э. На Верхнем городе зафиксировано несколько остатков таких цоколей, в то время как на Нижнем городе обнаружены остатки двух десятков домов, а также амфоры в ямах, ямы выложенные камнем, прямоугольный колодец и водосборник из прямоугольных каменных блоков⁴¹. Исследования засыпки рва более раннего поселения выявили материал второй половины VI – первой четверти III в. до н.э. Многочисленность комплексов амфор свидетельствует

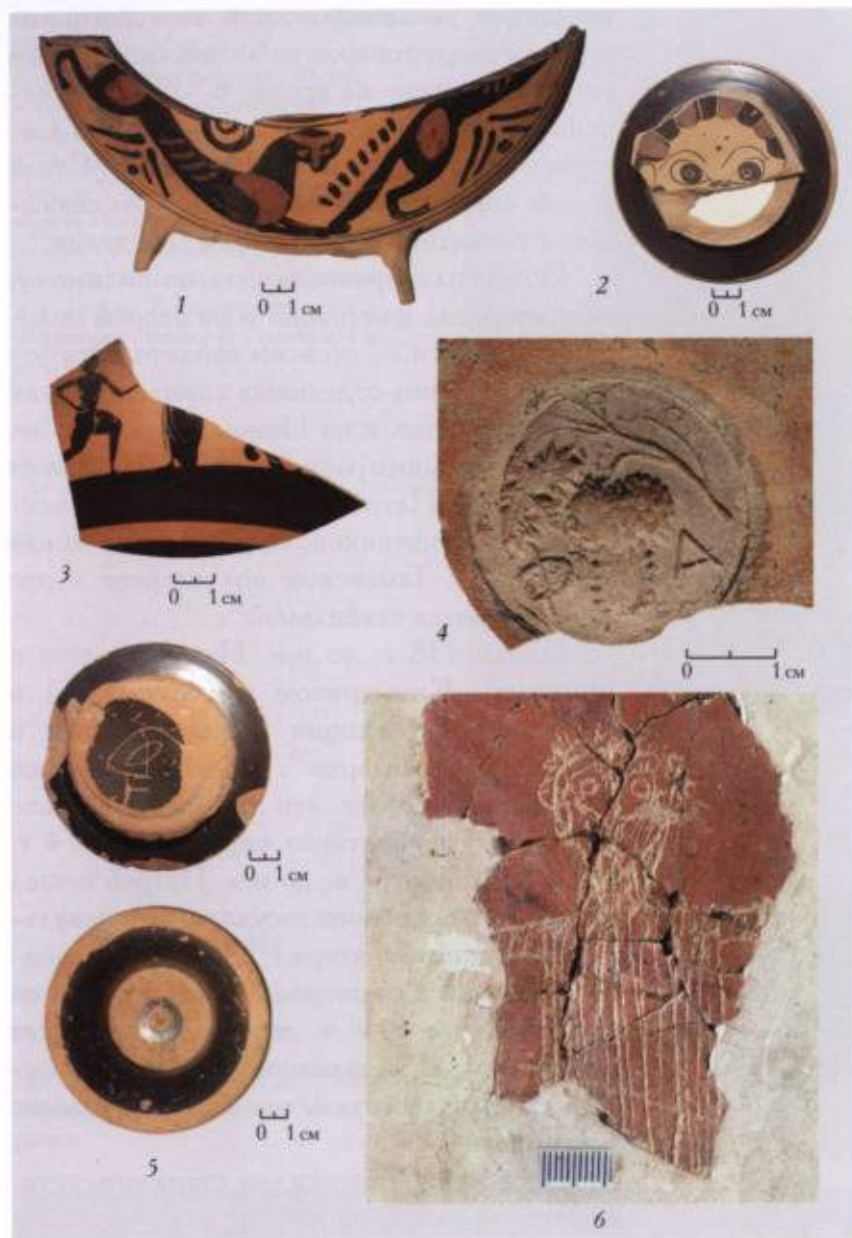

Рис. 9. 1. Крышка леканы. VI в. до н.э.; 2. Фрагмент чернофигурного килика. Последняя четверть VI в. до н.э.; 3. Фрагмент чернофигурного килика. Третья четверть VI в. до н.э.; 4. Клеймо на горле кувшина. Начало V в. до н.э.; 5. Графито на дне чернофигурного килика. Конец VI — начало V в. до н.э.; 6. Графито на штукатурке. Конец II — начало I в. до н.э.

о том, что Патрей продолжал играть роль крупного транзитного центра.

В первой трети III в. до н.э., по неясным пока причинам, город был перенесен на восточный берег балки, туда, где впоследствии возникла крепость римского времени. Еще раскопки А.С. Башкирова⁴² и В.О. Акимова⁴³ засвидетельствовали наличие каменной стены, толщиной до 1,5 м, с примыкающими помещениями. Внутренняя часть стен помещений была покрыта штукатуркой красного цвета, на которой сохранились детские рисунки (рис. 9, 6). Здесь городское поселение просуществовало до конца античной эпохи. На расстоянии до 100 м от поселения в затопленной части было найдено два каменных колодца из известняковых квадров. Есть основание предполагать наличие двух усадеб позднего эллинистического времени в затопленной части памятника. Они располагались в 400–500 м от центральной части памятника. Обнаруженные слои⁴⁴ разрушения говорят о том, что это поселение погибло в последние годы правления Митридата VI Евпатора. Об этом свидетельствуют также два клада монет⁴⁵, которые относятся к 85–65 гг. до н.э.⁴⁶ В этот период некогда крупный транзитный торговый пункт превратился в стандартное поселение.

Аналогичная ситуация, связанная с переносом города на новое место во второй четверти III в. до н.э., наблюдается и на поселении «Волна революции», которое располагается на северном берегу Таманского залива в 7 км восточнее Патрея.

В это же время в дельте Дона возникает Танаис⁴⁷, происходит полная перепланировка Порфмия⁴⁸. Порфмий, контролирующий переправу через пролив, вторично разделяет судьбу Патрея, прекратив свое существование в конце правления Митридата VI Евпатора⁴⁹. Одновременно с этими населенными пунктами погибают греческие святилища на Майской горе, в Кехах, на поселении Береговой 4 и Таманский толос⁵⁰. Возможно, это было связано с появлением на азиатском Боспоре новой политической силы — аспургиан⁵¹.

Несмотря на обилие керамического материала второй половины I в. до н.э. — первой половины I в. н.э. ни одного объекта этого времени выявить пока не удалось. Светлоглиняные амфоры с двустольными ручками, которые являются основной для датировки этого периода, встречаются на всей площади памятника в значительном количестве. В это время на Таманском полуострове появляются памятники нового типа — «резиденция Хрисалиска». При их строительстве в качестве материала используются рельефы, архитектурные детали или надгробия — свидетельство о приходе сюда пришельцев, не связанных с предыдущей культурной традицией⁵².

Когда около середины I в. н.э. самостоятельность аспургиан была сломлена и поставлена под контроль боспорской администрации⁵³, на Таманском полуострове возникает серия стандартных крепостей — так называемая «боспорская реконкиста». В Патрее была открыта крепость римского времени, которая около середины I в. н.э. перекрывает остатки поселения первой половины III — первой половины I в. до н.э. Ее окружали два рва⁵⁴. Первый опоясывал крепость по периметру, второй прикрывал хозяйственную зону, где размещались производственные объекты. Раскопками зафиксированы две винодельни и печь для обжига керамики. Единственное погребение этого времени было зафиксировано в 200 м восточнее «батарейки». Грунтовые склепы этого времени окаймляют памятник на расстоянии до 1–1,5 км от крепости. Ее стены были зафиксированы еще раскопками А.С. Башкирова⁵⁵, а затем георадарной съемкой⁵⁶. К этому времени относится найденная на Верхнем городе сердоликовая вставка для перстня с изображением Артемиды (рис. 6, 3). Раскопками Н.И. Сокольского выявлен первый слой разрушения цитадели⁵⁷, который может быть датирован 93–123 гг. н.э.⁵⁸ Крепость, расположенная на Патрейском городище, разделила судьбу аналогичных памятников на всем Таманском полуострове, что было, очевидно, связано с войной Савромата I с псаханами⁵⁹.

На хозяйственной территории города функционировали винодельни⁶⁰, существовало керамическое производство⁶¹. С первых веков нашей эры на Боспоре появляется собственная керамическая тара, но она скорее была предназначена не для транспортировки по морю, а для хранения или перевозки на малые расстояния. На Патрее она встречается достаточно часто, но следов ее производства выявить пока не удалось.

К первым векам нашей эры относится и основной массив эпиграфических находок Патрея. Наиболее интересной является надпись второй половины II — первой половины III в. н.э. с упоминанием совета (буле) — ясное свидетельство об организации греческого населения в полис, во главе с советом⁶². Одна из подобных надписей сообщает о строительных работах в крепости при Рескупориде III в 221 г. н.э.⁶³

Материалы третьего патрейского монетного клада позволяют датировать 251 г. н.э. второй слой разрушения крепости. Об убийствах в городе свидетельствуют находки трех человеческих черепов при расчистке устья гончарной печи (в 70 м восточнее «батарейки») и погребение убитого, найденного в мусорной яме⁶⁴ (в 150 м восточнее «батарейки»). Эту новую волну катастроф, очевидно, можно связать с движением германских племен готов вдоль восточного побережья Азовского и Черного морей, которые Зосим в своей «Новой истории» обозначил под названием бораны (I. 31–33). 237 годом нашей эры датируются наиболее поздние монеты из слоя разрушения Танаиса⁶⁵, а в 251 г. был разгромлен Патрей, 252 г. н.э. датируется монетный клад из Гермонассы⁶⁶. В 255 г. готы атаковали Питеунт, в 257 г. Фасис, Питеунт и Трапезунд⁶⁷. Из этой последовательной картины разрушения городов выпадает только Горгиппия, разрушение которой следует относить к более раннему времени — 239–240 гг. н.э.⁶⁸

Последние данные, полученные в ходе обработки второго патрейского клада⁶⁹, гибель античного поселения в Патрее может быть отнесена к 341–342 гг. н.э., но это было связано с гуннской экспансией.

Таким образом, греческий Патрей возник во второй четверти VI в. до н.э. на месте поселения эпохи поздней бронзы. Начиная с последней четверти VI до н.э. до конца III в. до н.э. он выполнял функцию крупного транзитного

торгового пункта. Есть основания полагать, что в начале V в. до н.э. он находился под юрисдикцией Фанагории, между 438–400 гг до н.э. попал под контроль Афинской Архэ, а в начале IV в. до н.э. вошел в состав Боспорского государства. С начала III в. до н.э. до конца античной эпохи он был небольшим центром, сохранившим, однако, статус полиса.

- ¹ *Гриневиц К.Э.* Городища Тамани: Опыт методологии исторической науки. Севастополь, 1926. С. 23.
- ² *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 20, 24.
- ³ *Гриневиц К.Э.* Городища Тамани... С. 23.
- ⁴ *Васильев А.Г.* Отчет по археологической разведке 2000 г. северо-западной части Таманского залива. Краснодарский край // Отдел полевых исследований ИА РАН.
- ⁵ *Лазаревский Я.М.* Курганы Таманского полуострова // ИИАО. 1861. Т. II. С. 129.
- ⁶ *Гёры К.К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С. 106–107.
- ⁷ См.: *Паромов Я.М.* Очерк истории археолого-топографических исследований Таманского полуострова // Боспорский сборник. М., 1992. № 1. Рис. 1, № 14.
- ⁸ *Башкиров А.С.* Новости археологических исследований за лето 1926 г. на Таманском полуострове // Бюллетени Керченской археологической конф. Керчь, 1926. № 1–6; *Он же.* Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года // Труды этнографо-археологического музея I Московского государственного университета. 1927. № 3. С. 26–40, 35–36; *Он же.* Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года // Труды секции археологии РАНИОН. 1928. Вып. III. С. 71–85.
- ⁹ *Он же.* Отчет об изысканиях на Таманском п/о – 1948 // Архив ИА РАН. Р-1. № 249. С. 7.
- ¹⁰ *Миллер А.А.* Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 году // СГАИМК. 1932. Вып. 7–8. С. 67–68.
- ¹¹ *Блаватский В.Д.* Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941. № 1. С. 222–223.
- ¹² *Анфимов Н.В.* Отчет об археологических исследованиях в Краснодарском крае в 1947 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 177. С. 48–49.
- ¹³ *Башкиров А.С.* Отчет об археологическом обследовании (разведке) на Фанталовском п/о (Таманский п/о) летом 1947 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 165.
- ¹⁴ *Горемыкина В.И.* Отчет об археологических работах на Таманском полуострове летом 1963 года в районе Патрейского городища // Архив ИА РАН. Р-1. № 2772.
- ¹⁵ *Сокольский Н.И.* Отчет о работах Таманской экспедиции Института археологии АН СССР в 1964 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 2864. С. 62–85; *Он же.* Отчет о работах Таманской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1965 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3134; *Он же.* Отчет о работах Таманской экспедиции Института археологии // Архив ИА РАН. Р-1. № 3262; *Он же.* Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1968 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3710; *Он же.* Отчет о раскопках Таманской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1970 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 4251.
- ¹⁶ *Петерс Б.Г.* Исследования нижнего слоя Патрея // Проблемы исследования античных городов: (тезисы). М., 1989. С. 95–97; *Он же.* Охранные научные работы Патрейской экспедиции ИА АН СССР в 1988 году // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М., 1989. С. 71–73; *Он же.* Итоги работы Патрейской экспедиции ИА АН СССР в 1985–1989 годах // Древности Кубани: (Материалы научно-практической конф.). Краснодар, 1991. С. 80–82; *Он же.* Исследования городища Патрей в 1985–1989 годах // Материалы IV научной конф. ВНАН. М., 1992. С. 25–27; *Петерс Б.Г., Чухина Е.В.* Стекланные изделия из раскопок Патрея // РА. 1994. № 4. С. 171–175; *Они же.* Костяные изделия из раскопок Патрея 1985–1989 гг. // РА. 1995. № 2. С. 153–160.
- ¹⁷ *Таскаев В.Н.* Итоги и перспективы подводных археологических исследований в Таманском заливе // Боспорский сборник. 1992. № 2. С. 212–217; *Он же.* Подводные исследования в Таманском заливе // АО 1994 г. М., 1995. С. 180; *Он же.* Подводные исследования в Таманском заливе // АО 1995 г. М., 1996. С. 244–245; *Он же.* Подводные исследования в Таманском заливе // АО 1996 г. М., 1997. С. 228–229; *Он же.* Исследование строительных остатков на затопленной части городища Патрей // 2-я Московская межвузовская археологическая конф: Тез. докл. М., 1998. С. 25; *Он же.* Подводная археология и палеографическая реконструкция древнего Патрея // Патрей: Материалы и исследования. М., 1999. Вып. 1. С. 50–63; *Он же.* Подводные исследования на затопленной части Нижнего города Патрея // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 396–398; *Он же.* Подводные исследования Патрея // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского: К 100-летию со дня рождения. М., 1999. С. 112–113; *Таскаев В.Н., Османова С.Р.* Подводные исследования на затопленной части Нижнего города Патрея // АО 1998 г. М., 2000. С. 213–215. *Они же.* Подводные исследования в Таманском заливе: История и перспективы развития // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1995; *Они же.* Античный Патрей: Итоги подводных исследований // Патрей: Материалы и исследования. М., 2001. Вып. 3.
- ¹⁸ *Абрамов А.П., Васильев А.Г., Копейкин В.В., Морозов П.А.* Модификация георадаров для морских подводных работ // Древности Боспора. 2003. № 6. С. 11–17; *Они же.* «Киммерийский вал»: Новые данные // Там же. 2004. № 7. С. 20–28.
- ¹⁹ См.: *Абрамов А.П.* Патрей // Патрей... 2005. Вып. 2. С. 7–53.
- ²⁰ *Он же.* Западная граница Патрея // Древности Боспора. 2000. № 3. С. 7–10.
- ²¹ *Он же.* Городище Патрей: Периодизация и топография // Патрей...

1999. Вып. 1. С. 14–17. Рис. 2; Османова С.Р. Археологические памятники на затопленной части Патрейского городища // Там же. С. 32–52; Таскаев В.Н. Подводная археология и палеографическая реконструкция древнего Патрея // Там же. С. 53–63.
- ²² Абрамов А.П. Городище Патрей... С. 5–6.
- ²³ Абрамов А.П., Васильев А.Г., Копейкин В.В., Морозов П.А. Модификация георадаров... С. 11–17; Они же. «Киммерийский вал»... С. 20–28.
- ²⁴ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1993. № 2. С. 71, 78, 80–81; Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время // Древности Боспора. 2006. № 10. С. 369.
- ²⁵ Финогенова С.И. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // Древности Боспора. 2005. № 8. С. 423.
- ²⁶ Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 32–33, 36.
- ²⁷ Сударев Н.И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // Древности Боспора. 1999. Вып. 2. С. 225.
- ²⁸ Абрамов А.П. Западная граница Патрея... С. 7–10.
- ²⁹ Он же. Патрей... С. 43.
- ³⁰ Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время. С. 372.
- ³¹ Кондрашев А.В. Находки древних якорей у кавказских берегов // Древности Кубани: (Материалы научно-практической конф.) Краснодар, 1991. С. 59–61.
- ³² Абрамов А.П., Болдырев С.И. Клады 1998 года из Патрея // БФ. 2001. Ч. 1. С. 143–146.
- ³³ Здесь и далее все данные по объемам и соотношениям импорта даны по готовящейся диссертации А.П. Абрамова «Опыт изучения торговых связей Патрея VI–V вв. до н.э.».
- ³⁴ Сударев Н.И. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // Боспорский сборник. 1994. № 4. С. 108–126.
- ³⁵ Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время. С. 376.
- ³⁶ Винокуров Н.И. Акклиматизация винограда и начальный этап развития виноградарства в Северном Причерноморье // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. № 1. С. 14–15.
- ³⁷ Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время. Рис. 5.
- ³⁸ Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова // ВДИ. 1939. № 3. № 1.
- ³⁹ Завойкин А.А. Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III в. до н.э. // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 64.
- ⁴⁰ Абрамов А.П. Триаконтеры в Причерноморье: (тезисы) // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского... С. 9–10.
- ⁴¹ Таскаев В.Н., Османова С.Р. Античный Патрей... С. 82 сл.
- ⁴² Башкиров А.С. Из истории Патрея III–I вв. до н.э. ... С. 90 сл.
- ⁴³ Абрамов А.П. Патрей... С. 35.
- ⁴⁴ Башкиров А.С. Из истории Патрея III–I вв. до н.э. ... С. 95.
- ⁴⁵ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 220.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Захаров Е.В. Клады времени Митридата VI Евпатора, найденные на поселении Гаркуша I // Патрей...2005. Вып. 2. С. 114.
- ⁴⁸ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 23.
- ⁴⁹ Кастанаян Е.Г. Раскопки Порфмия в 1953 году // СА. 1958. № 3. С. 207; Болтунова А.И. Раскопки Порфмия // АО 1968 г. М., 1969. С. 303–304.
- ⁵⁰ Кастанаян Е.Г. Раскопки Порфмия в 1953 году. С. 207; Болтунова А.И. Раскопки Порфмия. С. 303–304.
- ⁵¹ Сокольский Н.И. Святилище Афродиты в Кехах // СА. 1964. № 4. С. 102–106; Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ. М., 1966. С. 37–38; Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976; Шелов Д.Б. Монетные находки на Майской горе // НЭ. 1963. Т. IV. С. 89–94.
- ⁵² Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. С. 89; Сапрыкин С.Ю. Аспургияне // СА. 1985. № 2. С. 58, сл.
- ⁵³ КБН 36, 1248.
- ⁵⁴ Абрамов А.П. Патрей, раскопки 1990–1991 гг. // Боспорский сборник. 1994. № 4. Рис. 1–2.
- ⁵⁵ Башкиров А.С. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 года // Ученые записки Московского городского педагогического ин-та им. В.П. Потемкина. 1950. Т. XIII, вып. 2. С. 133–176. 108 рис.
- ⁵⁶ Копейкин В.В., Морозов П.А. Георадар в археологических исследованиях // Патрей... Вып. 2. Рис. 3.
- ⁵⁷ Сокольский Н.И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1968 году. С. 68. Рис. 206–207.
- ⁵⁸ Абрамов А.П. Античные амфоры: Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. № 3. С. 84.
- ⁵⁹ Яйленко В.П. Поход Савромата I на Азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 226.
- ⁶⁰ Гайдукевич В.Ф. Виноделие на Боспоре // МИА. 1958. № 85. С. 432–434; Балановский А.В., Стручалина Р.А. Об использовании материалов археологических раскопок: Методические рекомендации. Саратов, 1992. Рис. 8.
- ⁶¹ Балановский А.В., Стручалина Р.А. Об использовании...
- ⁶² Завойкина Н.В. Надписи из района Патрейского городища // Патрей... Вып. 2, № 2. Рис. 2. С. 121–124.
- ⁶³ Там же. № 1. Рис. 1. С. 120.
- ⁶⁴ Левин И.С. Комплекс керамики середины III в. н.э. из Патрея // Боспорский сборник. 1994. № 4. С. 65–83.
- ⁶⁵ Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Танаиса 1955–1964 гг. // НЭ. 1966. Т. VI. С. 64. № 60, 65.
- ⁶⁶ Голенко К.В. Третий Патрейский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н.э. // НЭ. 1978. Т. XII. Приложение III. № 14, 17.
- ⁶⁷ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1980. С. 92.
- ⁶⁸ Алексеева Е.М. Анапа: Динамика развития центральной части города (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Боспора. 2003. № 7. С. 25.
- ⁶⁹ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 234.

КЕПЫ

Д. В. ЖУРАВЛЕВ, В. Д. КУЗНЕЦОВ

Небольшой город Кепы, относящийся к наиболее ранним греческим апоיקиям на Таманском полуострове, находился на восточном берегу Таманского залива примерно в 3 км к северо-востоку от Фанагории (рис. 1). Сейчас городище расположено на довольно высоком холме, почти полностью застроенном домами поселка Сенной. Незастроенной осталась лишь самая западная часть Кеп. Однако в древности город располагался не только на холме, но и у его подножия, которое еще не было затоплено водами Таманского залива. Общая площадь Кеп, по подсчетам Н.И. Сокольского, равнялась 20–25 га¹.

Письменные источники, в которых упоминаются Кепы, крайне скудны. Из Перипла Псевдо-Скимна (v. 898, ed. Diller) и Плиния Старшего (NH. VI. 18) известно, что город был основан Милетом (Κῆρος τ' ἀποικισθεῖσα διὰ Μιλήσιων; Серое Milesiorum). Эсхин в своей речи против Ктесифонта (З. 171) говорит о том, что Кепы были подарены боспорскими тиранами Гилону, деду известного афинского оратора Демосфена². Диодор Сицилийский, рассказывая о борьбе за боспорский престол сыновей царя Перисада, сообщает, что царевич Притан после поражения бежал в город Кепы, где и был убит (Diod. XX. 24). Этот город упоминают и другие древние авторы (Ps.-Scyl. v. 72; Strab. XI. 2. 10).

Наиболее полные сведения о местоположении таманских городищ дает Страбон в известном описании Таманского полуострова: «При въезде в Корондамитиду находятся значительный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур — святилище Афродиты. Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны...» (Пер. Г.А. Стратановского). Но это описание представляется весьма запутанным и противоречит современному пониманию расположения этих городов. Поэтому до сих пор у некоторых исследователей имеются сомнения в правильности идентификации Кеп с городищем на восточном берегу Таманского залива³. Тем не менее мы считаем возможным придерживаться традиционной локализации этого городища. В пользу этого можно привести уже рассмотренные выше свидетельства древних авторов о Милете как метрополии Кеп, что дает основание говорить о появлении апойки в первой половине VI в. до н.э., поскольку после середины столетия милетские колонии не известны⁴. Как будет показано ниже, археологические материалы подтверждают эту датировку, что и является косвенным доказательством правильности традиционной точки зрения: на берегу Таманского залива нет более крупного городища (за исключением Гермонассы и Патрея), которое было бы основано в первой половине VI в. до н.э.

Раскопки городища Кепы и его некрополя производились с 1957 по 1972 г. (Н.И. Сокольский, Н.П. Сорокина), в 1973 г. (Э.Я. Николаева) и с 1984 по 1989 г. (В.Д. Кузнецов). В целом раскопки показали, что город просуществовал примерно с 70-х годов VI в. до н.э. по IV в. н.э., а отдельные слои и постройки могут быть отнесены к V–VI вв. н.э. Поскольку сохранность части культурных слоев очень плохая, то реконструкция тех или иных событий, происходивших в городе, изучение его материальной культуры и воссоздание градостроительного облика для ряда хронологических периодов крайне затруднены и часто даже невозможны. Крайне мало, например, известно об общественных зданиях города, а также о его жилой архитектуре. При раскопках, как правило, фиксируются лишь небольшие фрагменты фундаментов зданий⁵. Для некоторых периодов жизни города культурные напластования были полностью уничтожены в результате перепланировочных работ более позднего времени.

Рис. 1. Вид на городище Кепы

Кепы, как и прочие города Таманского полуострова, входили в состав Боспорского государства. По всей видимости, вхождение это было насильственным. В любом случае сообщение Эсхина (III. 171) свидетельствует о полном подчинении города боспорским правителям, которые могли его отдать в качестве «дара» Гилону (...δωρεῖάν παρά τῶν τυράννων τοὺς ὀνομασμένους Κήπους)⁶. Следует обратить внимание на то, что Эсхин не просто называет имя города, но говорит о «так называемых Кепях». То же самое мы находим у Диодора (Diod. XX. 24) (τοὺς καλουμένους Κήπους). Можно полагать, что это связано с тем, что древние авторы хотели подчеркнуть отличие на-

звание города «Сады» от просто садов. Во всяком случае, в Пантикапее было найдено надгробие Феопомпа, сына Эантидея (КБН 188, не позднее середины IV в. до н.э.), которое подтверждает наличие этника «кепит» (Θεόπομπος Αἰαντίδῳ Κηπίτης). Наличие кепского гражданства у Феопомпа свидетельствует о сохранении в городе определенных черт полисного самоуправления.

Важные сведения о ранней истории Кеп были получены в результате раскопок 1970-х годов. Н.И. Сокольским была сделана находка, которая имеет большое значение в свете дискуссии о жилой архитектуре греческих апоекий Северного Причерноморья в начальный период их существования. Речь идет об остатках дома, построенного из сырцового кирпича, датируемого третьей четвертью VI в. до н.э.⁷ От дома сохранился только подвал. Его размеры 4,20 × 3,60 м, высота стен от пола подвала 2,5 м. Подвал был разделен двумя стенами на четыре небольших помещения, в которых хранились различные запасы. В одном из них был обнаружен склад из 30 амфор, стоявших в два ряда. В них хранилось вино. Над подвалом находилось жилое помещение общей площадью ок. 15 кв. м. Оно не сохранилось, поскольку погибло в пожаре. Этот дом, построенный в середине — третьей четверти VI в. до н.э. и погибший во второй четверти V в. до н.э., дает представление о типе жилища ионийских переселенцев, после того как они прибыли на свою новую родину. Такой дом представлял собой небольшое жилое помещение, под которым находился подвал с запасами продовольствия. Аналогичный дом найден в Фанагории⁸.

Весьма интересными являются результаты раскопок В.Д. Кузнецова к северу от участка А, исследованного Н.И. Сокольским, и в непосредственной близости от него. Несмотря на то что здесь культурные напластования сохранились крайне плохо (на материковом песке лежит слой II—III вв. н.э.), заполнение многочисленных ям архаического времени, выкопанных в материке, рисуют картину сильного пожара на большой площади. По всей видимости, значительная часть поселения (если не полностью) была уничтожена огнем. Наиболее ранние находки относятся ко времени основания Кеп (570-е годы до н.э.), самые же поздние (третья четверть столетия) датируют время пожара. Определить причину пожара в столь раннее время очень трудно. Вполне вероятным представляется нападение на вновь основанную апойкию каких-то варварских племен, живших поблизости.

Рис. 2–5. Ионийская керамика из раскопок В.Д. Кузнецова

Раскопки этого участка города дали большое количество архаической расписной керамики, по преимуществу североионийской⁹. Среди типов этой керамики назовем закрытые сосуды с волнистыми линиями, ойнохой и кратеры позднего этапа стиля диких козлов (*wild goat style*)¹⁰, ионийские килики (*ionian bowls*) с точечным орнаментом, со стилизованным изображением цветка лотоса и венком лучей вокруг дна, ионийские чаши (*ionian cups*) типов В2 и В3¹¹, тарелки с полосой меандра по краю, хиосские кубки с изображением по белой обмазке быка, льва, сфинкса, аттические килики с изображением комастов, типа Сиана и мелкофигурные (рис. 2–5).

Говоря об архаических Кепях, нельзя обойти стороной еще одну уникальную для Северного Причерноморья находку — мраморную головку курца (рис. 6)¹². Н.И. Сокольский предполагает, что она была изготовлена милетским мастером между 530 и 510 гг. до н.э.

Расцвет Кеп, как и прочих боспорских городов, приходится на IV–II вв. до н.э. Археологически это подтверждается значительным количеством разнообразной керамики, прежде всего амфорной тары, которая поступала из различных центров Средиземноморья и Причерноморья, многочисленными

Рис. 6. Голова курсы. Мрамор. Милет, 530–510 гг. до н.э. Раскопки Н.И. Сокольского

находками монет (прежде всего пантикапейского и фанагорийского чекана), свидетельствующими об оживленной торговле, архитектурными деталями от общественных зданий¹³, богатыми погребениями, открытыми на некрополе. Жители города строили типичные для этого времени дома, покрытые черепицей боспорского происхождения¹⁴. Стены таких домов были покрыты расписной штукатуркой, что говорит о высоком уровне жизни кепитов¹⁵.

В первые века нашей эры город продолжает жить полнокровной жизнью. Богатые погребения некрополя, остатки строительных сооружений¹⁶, большое количество импортных товаров говорит о достатке кепитов. Границы города расширяются в южном направлении¹⁷. В результате раскопок римских слоев было обнаружено несколько зданий общественного назначения, которые свидетельствуют о том, что Кепы продолжали оставаться типичным греческим городом. В первую очередь речь идет о термах I в. н.э. Э.Я. Николаева, которая вела раскопки, отмечала, что «при раскопках терм и сопровождающих их построек участок нивелировали. При этом были срезаны слои почти до материка»¹⁸. Термы имели прямоугольную в плане форму и состояли из двух помещений. Внутри, вдоль стен, располагались цемянковые скамьи, облицованные плитками сероватого мрамора. Мраморными же плитами были выложены полы сооружения. С севера и востока термы огибал водопровод, сложенный из грубо обработанных камней, перекрытых плоскими плитами и черепицей.

К I в. н.э. относится строительство мощного земляного вала, открытого с северной стороны городища. Как отмечал Н.И. Сокольский, анализ конструкции вала указывает на крайнюю спешку при его возведении, что может свидетельствовать о нависшей над городом угрозе. Впрочем, вал не спас Кепы от нашествия — в слоях того же времени прослежены следы сильного пожара¹⁹.

Даже при визуальном осмотре городища и сегодня легко можно заметить, что в древности два его наиболее крутых склона были террасированы²⁰. Всего существовало не менее трех террас, которые были устроены по западному (вдоль береговой линии залива) и частично по северному склонам холма, на котором располагался город. Верхняя терраса была частично исследована раскопками (на длину ок. 15 м). Можно предполагать, что террасирование было произведено в эллинистическое время. В первой половине I в. н.э. слои более раннего времени были сnivelированы с поверхности террасы и сброшены вниз по склону, вследствие чего ее поверхность расширилась (до 8 м). Затем терраса была укреплена толстым слоем плотной глины с ракушечной крошкой для последующего строительства. С верхнего плато городища на террасу вела каменная лестница. На террасе были обнаружены остатки жилого дома, построенного из сырцовых кирпичей, который сгорел в очень сильном пожаре. В полуподвале под домом были найдены 10 пифосов, в одном из которых находилось обгоревшее зерно. Три монеты, найденные во время раскопок дома (медные ассы Митридата VIII, которые датируются 39–45 гг. н.э.), позволяют предполагать, что пожар в Кепях стал следствием войны между Митридатом и его братом Котисом за боспорский престол: Котис при поддержке римских легионов преследовал Митридата на азиатской стороне Боспора, осаждая и захватывая города²¹.

Гибель города в 70-х годах IV в. н.э. при гуннском нашествии иллюстрируют материалы из раскопа К, где внутри помещения был обнаружен скелет убитого ударом в голову мужчины, вероятно, хозяина дома. Рядом с ним находился клад из 745 медных монет, последняя из которых была отчеканена в 336 г. н.э. Вероятно, спрятав свои сбережения, владелец не успел покинуть дом и погиб²².

Рис. 7. Афродита Таманская. Мрамор. II в. до н.э. Раскопки Н.И. Сокольского

На раскопе А также было открыто здание позднеантичного времени, погибшее в огне пожара²³. А уже в V в. н.э. на городище появляются погребения²⁴. В средневековое время на месте Кеп существовало лишь небольшое сельское поселение²⁵. К этому же периоду также относится целый ряд погребальных сооружений²⁶ и отдельных находок, например, христианские надгробия²⁷.

Одним из наиболее интересных сооружений, открытых в Кепях, являются остатки храма Афродиты II—I вв. до н.э., где была найдена мраморная статуэтка богини. Храм Афродиты находился на восточной окраине города. От него сохранился лишь выравнивающий слой небольших камней под фундамент²⁸. Он имел общую площадь ок. 30 кв. м, и, скорее всего, это был *templum in antis*. В нем была обнаружена фрагментированная (без головы и рук) женская статуэтка Афродиты (рис. 7)²⁹. В святилище и вокруг него были найдены мраморные ковш (рис. 8) и акротерий, фрагменты статуй (рис. 9) и предметы, использованные в качестве votivных приношений, в том числе рука с рогом изобилия, а также два посвящения Афродите. Широко известен постамент с посвящением дочери Спартока III за брата Перисада (рис. 10)³⁰. Второе посвящение, от которого сохранились лишь буквы ΟΣΑΦΡ, сделано по краю мраморного лутерия или жертвенного блюда, которое Н.И. Сокольский относит к V в. до н.э.³¹

В противоположном конце городища, на его западной окраине, в 1970 г. Н.И. Сокольским было обнаружено граффито на ножке чернолакового аттического килика: *μίαν κατάζας δύο τῆς ἀφροδίτης*; во внутреннем круге — *τὸ Μοῦλαγύρεω ἱερωμένο* («разбив один (килик), (посвящаю) два Афродите. При жреце Мольпагоре»). Оно датируется концом VI в. до н.э.³² Надпись свидетельствует о том, что в Кепях, уже начиная с архаического времени, существовал храм Афродиты. Раскопки одного из авторов этих строк в 1980-х годах в непосредственной близости от раскопа Н.И. Сокольского показали, что именно здесь, на западной окраине холма, сосредоточено наибольшее количество находок расписной керамики второй—третьей четвертей VI в. до н.э., а в других местах городища она не найдена. Учитывая то обстоятельство, что на многих ионийских тарелках и мисках до обжига были просверлены по два отверстия, можно полагать, что эта посуда представляла собой посвящения в храм, в котором она подвешивалась на стены³³. Другие категории посуды, которая служила в качестве votivов (например, килики), не требовали отверстий, поскольку могли быть подвешены за ручки. Другими словами, в описываемом месте, как минимум с середины VI в. до н.э., существовал храм Афродиты³⁴, который не сохранился из-за перепланировочных работ, проведенных в городе позднее. Возможно, с ранним святилищем Афродиты было связано и большое терракотовое жертвенное блюдо VI в. до н.э. на высокой подставке, с отогнутым краем, украшенным овами³⁵.

Рис. 8. Лист аканфа. Мрамор. Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 9. Мраморный ковш из района святилища Афродиты. Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 10. Фрагмент посвящения Афродите. Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 11. Терракотовая статуэтка — Геракл с палицей. Некрополь Кеп. Раскопки Н.П. Сорокиной

Рис. 12. Килик с изображением боя Геракла с Немейским львом. Некрополь Кеп. Раскопки Н.П. Сорокиной

Рис. 13. Терракотовая статуэтка — менада. Некрополь Кеп, курган 17 (18). Раскопки Н.П. Сорокиной

Рис. 14. Терракотовая статуэтка — фигурка девушки. Некрополь Кеп, курган 17(18). Раскопки Н.П. Сорокиной

Святилище Афродиты на западной окраине Кеп просуществовало по крайней мере до эллинистического периода. Об этом свидетельствует находка головы от мраморной статуэтки богини III—II вв. до н.э., которая была обнаружена в том же месте, что и архаическая расписная керамика³⁶. Из других находок, связанных с культом Афродиты, в Кечах найдены посвятельные граффити Афродите на фрагментах чернолаковых сосудов IV в. до н.э.³⁷ и терракотовые статуэтки, изображающие богиню³⁸.

Таким образом, можно говорить о существовании в Кечах двух храмов Афродиты, культ которой здесь существовал со времени основания города и, по меньшей мере, до I в. до н.э. В этом отношении Кепы не были исключением среди городов азиатской части Боспорского государства, где культ этой богини был широко распространен³⁹.

Кроме того, в Кечах засвидетельствован культ Геракла. Из городского некрополя происходят терракотовые статуэтки с изображением героя (рис. 11)⁴⁰, а также килик с изображением боя Геракла с Немейским львом, датированный 550—530 гг. до н.э. (рис. 12)⁴¹. Культ Геракла существовал на Таманском полуострове, и в частности в Фанагории⁴².

Кепы были окружены большим некрополем, курганным⁴³ и грунтовым⁴⁴. К сожалению, некрополь Кеп опубликован очень отрывочно. Как отмечает Я.М. Паромов, согласно общей закономерности, наблюдаемой в Фанагории, Гермонассе и у мыса Тузла, курганный некрополь города Кеп был тесно связан с грунтовым

Рис. 15. Терракотовая статуэтка — мальчик с ланью. Некрополь Кеп, курган 17 (18). Раскопки Н.П. Сорокиной

могильником, составляя с ним единое целое⁴⁵. Наиболее богатыми являются погребения в каменных склепах. Самыми известными в этом отношении являются несколько захоронений в Артюховском кургане (II в. до н.э.), который, по всей видимости, находился неподалеку от южной окраины города. Они были совершены в гробницах, по крайней мере трех типов: каменных и земляных склепах, каменных ящиках. В кургане был найден многочисленный погребальный инвентарь, в том числе высокохудожественные ювелирные изделия — золотая диадема с гранатами, золотой начельник, серьги, ожерелья, гривны и многое другое⁴⁶.

Другим интересным погребальным сооружением, материалы которого были введены в научный оборот совсем недавно, является курган № 17 (18)⁴⁷. В нем было открыто несколько погребений, суммарная датировка которых 125–75 гг. до н.э. Особый интерес вызывает погребение 3, совершенное в каменном ящике (по мнению Н.П. Сорокиной, здесь было совершено не менее трех последовательных захоронений). К последнему, женскому погребению, помимо остального инвентаря относился деревянный ларец с многочисленными костяными обкладками, а также 18 терракотовых статуэток. Набор этих статуэток очень показателен: полуфигура Керы-Персефоны, менада (рис. 13), разнообразные изображения девушек (танцующих, с кифарой и др.) (рис. 14), детей (с гусем, ланью, собакой) (рис. 15), юноша, опирающийся на колонну, а также юноша и девушка на ложе. Все статуэтки изготовлены из фаногрийской глины. Достаточно близкий по сюжетному набору комплекс терракотовых статуэток, датированный I в. до н.э., происходит из пантикапейского некрополя. Здесь вокруг костяка, начиная от кисти правой руки и заканчивая кистью левой, было положено 12 терракотовых фигурок⁴⁸. Интересно отметить, что в некрополях эллинистических городов, например Мирины, также открыты могилы, содержащие более десятка терракотовых статуэток, причем их сюжеты различны, и также объединяются в несколько групп⁴⁹.

Из других интересных находок упомянем золотой венок (рис. 16) из погребения девочки. Из погребения мальчика, наряду с другими находками, происходит расписной лагинос на широком кольцевом поддоне, с узким горлом и витой ручкой (рис. 17). Тулово сосуда, за исключением нижней части, покрыто белой облицовкой. На плечах бурой краской нанесены изображения лагиноса, сиринги и амфоры между четырьмя венками. Подобные лагиносы были широко распространены по всему античному миру, их производство большинство исследователей связывают с Пергамом⁵⁰.

Возможно, в центральной гробнице кургана № 17 (18) был захоронен глава рода. В остальных могилах погребены в основном женщины и девочки

Рис. 16. Золотой венок. Некрополь Кеп, курган 17(18). Раскопки Н.П. Сорокиной

Рис. 17. Лагинос. Некрополь Кеп, курган 17(18). Раскопки Н.П. Сорокиной

Рис. 18. Килик чернофигурный. Некрополь Кеп. Раскопки Н.П. Сорокиной

Рис. 19. Килик.
Некрополь Кеп. Раскопки
Н.П. Сорокиной

(за исключением мальчика и подхороненного в погребении 4 мужчины). Богатый инвентарь, присутствие золотых венков и необычный набор терракотовых статуэток вместе наводят на мысль о том, что женская половина этого рода имела какой-то особый статус (возможно, сакральный или жреческий).

Грунтовый некрополь был исследован на значительной площади. Для VI–V вв. до н.э. были характерны простые грунтовые ямы округлой или прямоугольной формы, могилы, обложенные сырцовыми кирпичами⁵¹, детские погребения в амфорах⁵².

Обычное положение погребенного — вытянутое на спине, головой на восток, реже — скорченное⁵³. Среди инвентаря погребений встречены расписные (рис. 18–19) и чернолаковые сосуды, сосуды из глухого («финикийского») стекла⁵⁴, амфоры и красноглиняные сосуды. Обнаружены погребения с оружием — мечами (рис. 20), копьями, стрелами⁵⁵. Ряд находок можно связывать с определенными магическими действиями⁵⁶. Н.П. Сорокина отмечала, что на исследованной территории не встретилось погребений IV в. до н.э., и предполагала, что некрополь был в это время перенесен в другое место. При этом именно в это время увеличивается курганный некрополь⁵⁷.

Рис. 20. Меч-акинак. Некрополь Кеп.
П. 124/62. V в. до н.э. Раскопки
Н.П. Сорокиной

Наибольшее количество открытых погребений относится к эллинистическому времени (III–I вв. до н.э.). Сохраняются простые грунтовые ямы, но они приобретают вытянутую овальную форму. Могилы с сырцовыми стенками используются реже, сохраняется обряд погребения детей в амфорах. Уникальной находкой в погребении 275 кепского некрополя является родосская амфора, в которой было совершено детское погребение. На амфоре процарапаны буквы греческого алфавита, от альфы до омикрон, которые Н.П. Сорокина рассматривала в аспекте магии⁵⁸.

Рис. 21. Терракотовая статуэтка: два
Эрота. Некрополь Кеп. Раскопки
Н.П. Сорокиной

Рис. 22. Терракотовая статуэтка —
всадник. Некрополь Кеп. Раскопки
Н.П. Сорокиной

В это время возникают новые типы погребальных сооружений — погребения, перекрытые черепицами, подбойные могилы и земляные склепы. Положение погребенного в основном сохраняется, хотя известны и захоронения с южной ориентировкой. Кроме того, во II—I вв. до н.э. распространяется обряд кремации⁵⁹. Погребения этого периода отличаются наибольшим разнообразием и богатством. Среди инвентаря встречены различные сосуды, терракотовые статуэтки (рис. 21–22), бусы. Оружие в могилах эллинистического времени отсутствует. Из раскопок эллинистического грунтового некрополя происходит большое количество надгробий⁶⁰, памятники «синдской скульптуры»⁶¹, а также множество жертвенных столиков — эсхар и трапедз⁶². Для этого периода характерно совершение тризн⁶³.

К первым векам нашей эры относится несколько меньшее число погребений, чем к эллинистическому. Господствуют по-прежнему грунтовые ямы овальной формы, но постепенно увеличивается и количество подбойных могил. Детей продолжают хоронить в различных по форме сосудах. Более широко используются земляные склепы, которые становятся семейными усыпальницами, захоронения в которых производились в течение длительного времени. В римское время исчезают погребения с кремацией. Вытянутое на спине положение погребенного по-прежнему является преобладающим, хотя встречаются скорченные погребения, захоронения на боку, а также появляются черты обряда, которые многие исследователи связывают с сарматским влиянием: перекрещенные в щиколотках ноги и размещение рук на тазу. Впрочем, по мнению Н.П. Сорокиной и Н.И. Сударева, эти черты не являются этнодифференцирующими⁶⁴. Инвентарь погребений довольно разнообразен — краснолаковая и стеклянная посуда, терракотовые статуэтки, светильники, бусы, металлические изделия. Над могилами продолжают ставиться надгробия.

Одно из наиболее интересных надгробий, случайно обнаруженных в некрополе Кеп, это стела Гокона⁶⁵. В одном из погребений была обнаружена мраморная голова богини⁶⁶. Среди терракотовых статуэток, происходящих из некрополя, выделим «погремушку» с изображением Эрота⁶⁷.

Как и у прочих греческих государств, основой экономики кепского полиса было сельское хозяйство. К сожалению, вплоть до настоящего времени хора города остается неизученной. Находки на городище и в курганном некрополе говорят о развитии садоводства и виноделия. В городе были обнаружены винодельни, тарапаны⁶⁸, а в некрополе — инструменты виноградаря IV в. до н.э.⁶⁹ Примечательно, что «виноградарский» нож был обнаружен среди votивных приношений в районе святилища Афродиты (рис. 23)⁷⁰. В городе известны находки обуглившихся зерен пшеницы, ржи и ячменя⁷¹, а также находки зерновых ям и пифосов⁷². О занятиях населения рыболовством свидетельствуют многочисленные грузила. Находки пирамидальных грузиков говорят о распространении ткачества в Кехах.

Безусловно, важную роль в экономической жизни города играли ремесло и торговля⁷³. Интересные данные получены, например, о гончарном ремесле, которое было достаточно развито⁷⁴. В западной части городища были открыты остатки гончарной мастерской I в. н.э. с замощенной рабочей площадкой перед печью⁷⁵. В городе также существовало и производство терракотовых статуэток, причем, скорее всего, оно было связано со святилищем Афродиты. Среди форм для изготовления статуэток — изображения Эрота и Психеи⁷⁶. Есть основания предполагать, что со святилищем было связано и производство сосудов, клейменных буквами IE (ιερός)⁷⁷, а также черепицы с клеймами с именем Афродиты⁷⁸.

Рис. 23. Виноградарский нож.
Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 24. Рельефная пелика.
Некрополь Кеп. Раскопки
Н.П. Сорокиной

Рис. 25. Рельефная пелика.
Деталь. Некрополь Кеп. Раскопки
Н.П. Сорокиной

О развитии косторезного ремесла говорит находка костяных напильников и разнообразных изделий⁷⁹. В городе существовало металлургическое производство, наличие которого подтверждается находками металлического шлака⁸⁰.

О торговле свидетельствуют значительное количество монет⁸¹, а также находки свинцовых гирек⁸². При раскопках обнаружена амфорная тара практически всех центров, ввозивших продукцию в Северное Причерноморье. Из Кеп происходит значительная коллекция предметов керамической эпиграфики. Выше уже упоминались многочисленные фрагменты столовой посуды позднеархаического времени, изготовленной в Северной Ионии и на островах Эгейского моря. Известны также многочисленные находки аттической расписной и чернолаковой посуды VI–V вв. до н.э.

Среди импортной столовой керамики эллинистического времени присутствует продукция Родоса, Хиоса, Пергама⁸³, а также целого ряда ионийских мастерских, производящих рельефную керамику⁸⁴. Наиболее интересным сосудом является рельефная пелика, происходящая из некрополя, на дне которой оттиснуто изображение мужского лица (рис. 24, 25)⁸⁵. Среди рельефных сосудов есть также продукция мастерской ΚΙΡΒΕΙ⁸⁶ и боспорские рельефные чаши⁸⁷. Из находок красноглиняной посуды отметим атташ сосуда в виде головы актера в маске раба Новой комедии (рис. 26)⁸⁸, очевидно, боспорского производства. Очень интересно боспорское краснолаковое блюдо I в. до н.э. с граффити, представляющих изображения собаки, лошадей и всадника⁸⁹.

Краснолаковая керамика римского времени представлена в основном сосудами понтийской сигиллаты, массовое производство которой относится к I–III вв. н.э.⁹⁰ При этом найдены и фрагменты импортной керамики, в частности, широко распространенных в Средиземноморье и Причерноморье Восточной сигиллаты А (производство Антиохи на Оронте)⁹¹, В (Тралы в Малой Азии) и С (Чандарли, неподалеку от Пергама)⁹².

Осветительные приборы Кеп типичны для Северного Причерноморья. Кархаическому времени относятся одно- и двухрожковые открытые светильники, часто украшенные полосами лака. Точное место производства этих светильников не установлено, но нет сомнения, что некоторые из них изготовлены

Рис. 26. Аггаш сосуда в виде головы актера в маске раба Новой комедии. Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 27. Светильник с изображением Афродиты Пандемос. I в. н.э. Некрополь Кеп. Раскопки Н.П. Сорокиной

Рис. 28. Сирийская кружка II в. н.э. в виде головы Диониса. Некрополь Кеп. Раскопки Н.П. Сорокиной

в Милете и североионийских центрах⁹³. Светильников V–IV вв. до н.э. обнаружено сравнительно немного, в основном это обломки чернолаковых светильников и их красноглиняных имитаций местного боспорского производства. Среди эллинистических ламп ведущее место принадлежит так называемым «кувшинчиковым» светильникам. В римское время главенствующим типом светильников были сероглиняные экземпляры боспорского производства⁹⁴, среди которых выделяется лепной светильник в виде голубя⁹⁵. Наряду с ними распространение получили краснолаковые светильники круглой формы, украшенные на щитке рельефными изображениями⁹⁶. Один из наиболее интересных светильников происходит из некрополя (рис. 27); щиток его украшен изображением женщины, держащей за рога козу, и маленького ребенка, сидящего сбоку. Н.И. Сокольский и Н.П. Сорокина трактовали это изображение как изображение Афродиты Пандемос⁹⁷.

Среди значительного количества стеклянных сосудов, открытых в погребениях некрополя, особый интерес представляет сирийская кружка II в. н.э. в виде головы Диониса (рис. 28)⁹⁸, а также большая серия бальзамариев⁹⁹. Классическим временем датируется большая группа сосудов из «финикийского» стекла¹⁰⁰.

Находки остатков каменных зданий, водостоков¹⁰¹, архитектурных деталей¹⁰², в том числе мраморных, барабанов колонн, черепиц, расписной штукатурки, фрагментов надписей и статуй свидетельствуют о том, что Кепы были типичным греческим городом, архитектурный облик которого принципиально не отличался от прочих эллинских городских центров.

- ¹ Сокольский Н.И. Кепы // Античный город. М., 1963. С. 99; Усачева О.Н., Сорокина Н.П. Кепы // АГСП. С. 84.
- ² Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 203; Ehrhard N. Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1983. S. 81. По мнению Г.А. Кошеленко и О.Н. Усачевой, на Боспоре в это время существовала засвидетельствованная в Ахеменидской державе практика передачи населенного пункта определенному лицу, которое осуществляло в нем административную власть (Кошеленко Г.А., Усачева О.Н. Гілон і Кепи // Археологія (Київ). 1992. № 2. С. 51–57).
- ³ Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 346–347.
- ⁴ Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien... S. 31 ff.; Gorman V.B. Miletos, the Ornament of Ionia: A History of the City to 400 B.C.E. Ann Arbor, 2001. P. 70–71.
- ⁵ Николаева Э.Я. Раскопки городища Кепы в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 95. Рис. 34.
- ⁶ Кошеленко Г.А., Усачева О.М. Гілон і Кепи. С. 51–56.
- ⁷ Сокольский Н.И. Новые раскопки в Кепях // Actes de XIIe conférence internationale d'études classiques «Eirene». Bucaresti; Amsterdam, 1975. С. 615–619.
- ⁸ Кузнецов В.Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. № 6. В честь 60-летия профессора Г.А. Кошеленко. С. 112. В настоящее время полная публикация материалов кепского «архаического дома», хранящихся в ГИМ, готовится Д.В. Журавлевым, Г.А. Ломтадзе и У. Шлотцауэром.
- ⁹ Он же. Кепы: нонийская керамика // СА. 1990. № 4. С. 36–52; Он же. Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. // Очерки истории и археологии Боспора. М., 1992. С. 32–38. Ранняя керамика также известна и из раскопок предшествующих лет: Николаева Э.Я. Фрагмент архаического сосуда из Кеп // История и культура античного мира. М., 1977. С. 150–153. Рис. 1–3.
- ¹⁰ Cook R. Greek Painted Pottery. L., 1972. P. 120 ff.; Cook R., Dupont P. East Greek Pottery. L.; N.Y., 1998. P. 51 ff.
- ¹¹ Villard G., Vallet F. Megara Hyblaea V. Lampes du VIe siècle et chronologie des coupes ioniennes // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 1955. V. P. 14 et suiv.
- ¹² Сокольский Н.И. Курос из Кеп // СА. 1962. № 2.
- ¹³ Он же. Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА. 1965. Вып. 103. Рис. 39, 3.
- ¹⁴ Он же. Работы в Кепях в 1958 г. // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 72; Николаева Э.Я. Раскопки терм в Кепях // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 80.
- ¹⁵ Сокольский Н.И. Кепы. С. 104–107; Он же. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // VI-е Conférence Internationale d'études classiques des pays socialistes. София. 1963. С. 15.
- ¹⁶ Он же. Раскопки городища Кепы в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 55.
- ¹⁷ Он же. К истории... С. 15.
- ¹⁸ Николаева Э.Я. Раскопки терм в Кепях. С. 77.
- ¹⁹ Сокольский Н.И. Раскопки городища Кепы в 1961 г. С. 57–58; Он же. К истории... С. 16–18.
- ²⁰ Кузнецов В.Д. Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. С. 30.
- ²¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 326–328; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. I: Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. — 210/211 г. н.э. С. 80–86.
- ²² Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. Т. VII. С. 72–126.
- ²³ Сокольский Н.И. Раскопки в Кепях в 1959 г. // КСИА. 1961. Вып. 86. С. 59–63. Рис. 23, 25, 26; Он же. Раскопки в Кепях в 1960 г. // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 87–89. Рис. 32;
- Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп. С. 84–85.
- ²⁴ Сокольский Н.И. Погребение V в. н.э. в Кепях // СА. 1964. № 4. С. 207–209.
- ²⁵ Чахидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. 2007. № 10. С. 487–517.
- ²⁶ Сорокина Н.П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969. С. 124–130.
- ²⁷ Сокольский Н.И. Раскопки городища Кепы в 1961 г. Рис. 21; Усачева О.Н., Сорокина Н.П. Кепы. Табл. XLIV, 25.
- ²⁸ Сокольский Н.И. Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964. № 4. Рис. 1–2; Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы и его некрополя // Ежегодник ГИМ. 1963–1964. М., 1966. Рис. 3.
- ²⁹ Сокольский Н.И. Святилище Афродиты... Рис. 10.
- ³⁰ Сокольский Н.И. Святилище Афродиты... С. 117. Рис. 11; Белова Н.С. Посвятительная надпись из Кеп // ВДИ. 1970. № 2. С. 65–72.
- ³¹ Сокольский Н.И. Культ Афродиты в Кепях VI–V вв. до н.э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 91–92. Рис. 4. Фото фрагмента мраморного лутерия с посвящением Афродите см. в статье Д.В. Журавлева о коллекциях Государственного Исторического музея.
- ³² Сокольский Н.И. Культ Афродиты... С. 88–92.
- ³³ Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2000. № 1. С. 22–23.
- ³⁴ Сокольский Н.И. Новые раскопки в Кепях. С. 618.
- ³⁵ Усачева О.Н., Сорокина Н.П. Кепы. Табл. XLIV, 2.
- ³⁶ Tsetskhladze G.R., Kuznetsov V.D. On the Cult of Aphrodite in Kepoi // Periplous: Papers on Classical Art and Archaeology Presented to Sir John Boardman. L., 2000. P. 353–360.
- ³⁷ Сокольский Н.И. Раскопки в Кепях в 1959 г. // КСИА. 1961. Вып. 86.

- С. 55–56. Рис. 24; Он же. Культ Афродиты... С. 91; Белова Н.С. Посвятительная надпись... С. 71.
- ³⁸ Сокольский Н.И. Раскопки в Кепях в 1957 г. // КСИА. 1960. Вып. 78. Рис. 17.
- ³⁹ Харко А.П. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. 1946. 13. С. 137–141; Иванова А.П. К вопросу о культе Афродиты на Боспоре: (образ Афродиты в боспорском искусстве) // ВДИ. 1950. № 3. С. 100–109; Марченко И.Д. К вопросу о культах азиатского Боспора // ВДИ. 1960. № 2. С. 101–107; Она же. О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М., 1977. С. 121–126.
- ⁴⁰ Сорокина Н.П. Терракоты из некрополя Кеп // Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. Ч. IV. Табл. 13, 6. (САИ; Вып. Г1-11).
- ⁴¹ Рождение Олимпийских игр: Каталог выставки в ГИМ. М., 2004. С. 44–45. Кат. № 49.
- ⁴² Розанова Н.П. Новые эпиграфические памятники с Таманского полуострова // СА. 1941. № VII. Рис. 2. С. 249–252.
- ⁴³ О раскопках курганного некрополя см.: Сокольский Н.И. Раскопки в Кепях в 1961 г. С. 58–59; Он же. Раскопки в Кепях в 1962 г. С. 113–118.
- ⁴⁴ О раскопках курганного некрополя см.: Сорокина Н.П. Раскопки некрополя в Кепях в 1959–1960 гг. // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 98–106; Она же. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. С. 60–65; Она же. Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 101–107; и др.
- ⁴⁵ Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // ДБ. 2003. № 6. С. 259.
- ⁴⁶ Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.
- ⁴⁷ Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006. С. 12–46. (Труды ГИМ; Вып. 159).
- ⁴⁸ Шкорпил К. Отчет о раскопках, проведенных в г. Керчи и его окрестностях // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 74. № 70.
- ⁴⁹ См.: Mrogenda U. Die Terrakottafiguren von Myrina: Eine Untersuchung ihrer möglichen Bedeutung und Funktion im Grabzusammenhang. Frankfurt am Main, 1996. (Europäische Hochschulschriften. Reihe 38: Archäologie; Bd. 63).
- ⁵⁰ Schäfer J. Hellenistische Keramik aus Pergamon // PF. B., 1968. Bd. 2. Taf. 45, F11; Rotroff S.I. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, 1997. Vol. XXXIX. P. 226–229. (The Athenian Agora; Nr. 1503–1552); Αγγελη Α. Λάγυνοι από το ελληνιστικό νεκροταφείο της 'Αμβρακίας // Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. 'Αθήνα, 2000. Πιν. 159; Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы... С. 20–21.
- ⁵¹ Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н.э. // БЧ. 2004. С. 353–362.
- ⁵² Они же. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н.э. // ДБ. 2003. № 6. С. 297–306. О детских погребениях см. также: Они же. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э. // Stratum plus. Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000.
- ⁵³ Они же. Способы обращения с телами погребяемых в некрополе Кеп // БФ. 2002. Ч. 1. С. 281.
- ⁵⁴ Сорокина Н.П. Новые находки стеклянных сосудов V в. до н.э. на Таманском полуострове // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М. 1971. С. 76–88.
- ⁵⁵ Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Оружие из некрополя Кеп // ДБ. 2002. № 5. С. 234–240.
- ⁵⁶ Они же. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н.э. // БФ. 2001. Ч. 1. С. 133–139.
- ⁵⁷ Усачева О.Н., Сорокина Н.П. Кепы. С. 85.
- ⁵⁸ Сорокина Н.П. Родосская амфора с граффити из Кеп // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 195–199.
- ⁵⁹ Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Способы обращения... С. 283; Сударев Н.И. Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н.э.: Типы и хронология // БФ. 2004. Ч. 1. С. 208–219.
- ⁶⁰ Сокольский Н.И. Раскопки городища Кепы в 1961 г. Рис. 21; Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы... Рис. 7, 5–6; Усачева О.Н. Надгробия из Кеп с изображением женской фигуры // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 96–98.
- ⁶¹ Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре // Культура античного мира. М., 1966. С. 243–245. Рис. 1.
- ⁶² Сорокина Н.П., Усачева О.Н. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Археологический сборник: Погребальный обряд. М., 1997. С. 47–61 (Труды ГИМ; Вып. 93).
- ⁶³ Сорокина Н.П. Раскопки некрополя в Кепях в 1959–1960 гг. С. 102.
- ⁶⁴ Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Способы обращения... С. 281.
- ⁶⁵ Шляев Б.А. Стела Гокона // ВДИ. 1955. № 4. С. 175–180; КБН 1012. Фотографию надгробия Гокона см. в статье Д.В. Журавлева, Л.А. Ильиных о коллекциях Темрюкского музея. Кепы небогаты эпиграфическими памятниками: помимо упомянутых выше посвящений Афродите, известен еще один мраморный обломок с надписью ΔΑΝΔ — возможно, восстановление этнонима «дандарии» (Розанова Н.П. Новые эпиграфические памятники... № 1. С. 247–250).
- ⁶⁶ Сорокина Н.П. Новые памятники античного искусства // Археология и культура Северного Причерноморья. Л., 1968. С. 278; Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху: Каталог выставки. М., 1983. Кат. № 417.
- ⁶⁷ Журавлев Д.В. Терракотовая «погребушка» из могильника Бельбек IV // БИ. 2004. Т. VII. Рис. 3, 1.

- ⁶⁸ Сокольский Н.И. Виноделие в Азиатской части Боспора // СА. 1970. № 2. С. 77–87.
- ⁶⁹ Он же. Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА. 1965. Вып. 103. Рис. 40, 2.
- ⁷⁰ Он же. Святилище Афродиты... С. 108. Рис. 8, 2; Он же. Виноделие... Рис. 3.
- ⁷¹ Сокольский Н.И. Работы в Кепях в 1958 г. С. 68–69. См. также: Кирьянов А.В. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 96.
- ⁷² Сокольский Н.И. Раскопки в Кепях в 1957 г. С. 59. Рис. 16; 20, 2;
- ⁷³ Он же. Кепы. С. 105.
- ⁷⁴ Он же. Керамическая мастерская в Кепях // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 265–270; Сорокина Н.П. Так называемые «кепские» клейма эпохи эллинизма и их расшифровка // Археологический сборник. М., 1998. С. 26–31. (Труды ГИМ; Вып. 96).
- ⁷⁵ Сокольский Н.И. О гончарном производстве в азиатской части Боспора // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 61–62. Рис. 19.
- ⁷⁶ Николаева Э.Я. Терракоты города Кеп // Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. Ч. IV. Табл. 12. (САИ; Вып. Г1-11); Журавлев Д.В., Ильина Т.А. Терракотовые статуэтки // На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта: Каталог выставки в ГИМ. М., 2002. С. 66. № 237–238.
- ⁷⁷ Сорокина Н.П. Так называемые «кепские» клейма... С. 26–31.
- ⁷⁸ Ковальчук А.В. Черепица с именем Афродиты из Кеп // БФ. 2007. Ч. II. С. 314–316.
- ⁷⁹ Сокольский Н.И. К истории... С. 17. Рис. 6; Он же. Раскопки в Кепях в 1960 г. Рис. 35, 3–4.
- ⁸⁰ Он же. Раскопки города Кепы в 1960 г. С. 89; Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы... С. 42.
- ⁸¹ Сокольский Н.И. Работы в Кепях в 1958 г. С. 72; Он же. Раскопки в Кепях в 1962 г. С. 112; Фролова Н.А., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Кеп 1958–1963 гг. // НиС. 1965. Т. 2. О монетах римского времени: Усачева О.Н. Новая находка подражания римским денариям из Кеп // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 199–201.
- ⁸² Сокольский Н.И. Работы в Кепях в 1958 г. Рис. 25, 4–5.
- ⁸³ Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп... С. 18, 20. Рис. 7, 9; С. 37–38. Рис. 16, 5; и т.п.
- ⁸⁴ Усачева О.Н. Рельефная керамика из Кеп // КСИА. 1978. С. 156. Рис. 1–3. Большая часть рельефных сосудов ошибочно атрибутирована как продукция делосских мастерских. В действительности эти сосуды относятся к продукции ионийских мастерских, в первую очередь Милета и Эфеса.
- ⁸⁵ Там же. С. 104–105. Рис. 3, 1; 4.
- ⁸⁶ Там же. С. 101–102. Рис. 1, 20, 21. О продукции этой мастерской см.: Коваленко С.А. К вопросу о происхождении рельефных чаш с надписью «ΚΙΡΒΕΙ» // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1987. № 6.
- ⁸⁷ Усачева О.Н. Рельефная керамика... Рис. 1, 25, 30–33. О производстве рельефной керамики на Боспоре см.: Журавлев Д.В. О керамическом производстве Боспора в позднеэллинистическое время // Antiquitas aeterna: Поволжский антиковедческий журнал. 2005. № 1. С. 235–254.
- ⁸⁸ Сокольский Н.И. Святилище Афродиты... Рис. 4, 3; Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы... Рис. 3, 2. О подобных изображениях см., например: Webster T.V.L. Monuments Illustrating New Comedy. Third Edition. L., 1995. (Bull. of the Institute of Classical Studies; Suppl. 50).
- ⁸⁹ Сорокина Н.П. Краснолаковое блюдо с граффити из Кеп // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. М., 1998. С. 94–97. (Труды ГИМ; Вып. 102). О производстве боспорской сигиллаты см.: Домжалски К., Журавлев Д.В. Боспорская сигиллата // БЧ. IV. 2003. С. 89–92; Журавлев Д.В. О керамическом производстве...
- ⁹⁰ См. например, остатки тризны, открытой в 1959 г. (Сорокина Н.П. Раскопки некрополя в Кепях в 1959–1960 гг. С. 102–103. Рис. 40). Автор раскопок определяет время совершения этой тризны серединой I в. н.э. На наш взгляд, эта дата может быть немного омоложена, приблизительно до последней четверти I в. н.э. или даже начала II в. н.э. Об этом убедительно свидетельствует краснолаковая керамика: тарелки формы 2 или 3 (Журавлев Д.В. Понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // Херсонесский сборник. Севастополь, 2005. Вып. XIV: Памяти М.И. Золотарева. Рис. 3–6), чаши форм 24 и 28 (Он же. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // БИ. 2007. Т. XVI. Рис. 7–8). Этой дате не противоречит и канфар формы X по Дж. Хейсу (Hayes J.W. Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero, Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma, 1985) с орнаментом *en barbotine*, а также стеклянные сосуды – кубикос и модиолус (Сорокина Н.П. Раскопки некрополя в Кепях в 1959–1960. Рис. 40, в нижней части таблицы).
- ⁹¹ Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп... Рис. 7, 5. С. 21.
- ⁹² Материалы не опубликованы. Предварительные данные на основе изучения коллекций из раскопок Н.И. Сокольского и Н.П. Сорокиной, хранящихся в фондах ГИМ.
- ⁹³ Ср.: Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.А. Светильники VI – первой половины III в. до н.э.: Из Собрания Керченского историко-культурного заповедника: Коллекция светильников. Киев, 2007. Т. I. С. 31–58.
- ⁹⁴ Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. Рис. 23, 9;

- ⁹⁵ Сокольский Н.И. Раскопки в Кехах в 1962 г. Рис. 39, 2.
- ⁹⁶ Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. Рис. 23, 4;
- ⁹⁷ Сокольский Н.И. Святилище Афродиты. Рис. 12, 1; Сорокина Н.П. Религия и короластика в античности: (Фигурные сосуды в собрании ГИМ) // Труды ГИМ. М., 1997. Вып. 91. С. 59. Рис. 41, 3.
- ⁹⁸ Сорокина Н.П. Фигурный стеклянный сосуд из Кеп // СА. 1968. № 4. С. 181–189; Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Сосуды и изделия из стекла // На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в ГИМ. М., 2002. № 109.
- ⁹⁹ Кунина Н.Э., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды ГЭ. Л., 1973. Т. XIII. С. 146–177.
- ¹⁰⁰ Сорокина Н.П. Новые находки стеклянных сосудов... С. 76–88.
- ¹⁰¹ Николаева Э.Я. Раскопки терм. С. 77. Рис. 2, 8;
- ¹⁰² Сокольский Н.И. Святилище Афродиты... Рис. 8, 1; Он же. Раскопки городища Кепы в 1961 г. С. 55; и т.п.

ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Д. В. ЖУРАВЛЕВ, Г. А. ЛОМТАДЗЕ, У. ШЛОТЦАУЕР

АРХАИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ¹

Проблема выявления ранних поселений Боспора, относящихся к первым волнам греческой колонизации, уже давно вызывает пристальный интерес исследователей². Сегодня на территории Таманского полуострова известно всего несколько памятников, появление которых можно уверенно отнести к первой половине VI в. до н.э. Прежде всего это ряд полисов и крупных античных поселений, известных нам в том числе и по письменным свидетельствам античных авторов, — Гермонасса, Кепы, Патрей, а также поселение, оставившее Тузлинский некрополь.

Одним из наиболее острых вопросов при исследовании материалов архаической эпохи является установление критерия выделения ранних поселений. Находки, которые уверенно можно датировать не позднее середины VI в. до н.э., встречаются довольно редко как при раскопках античных памятников Северного Причерноморья в целом, так и Таманского полуострова в частности³. До сих пор не существует единого мнения о том, можно ли считать единичные архаические находки признаком существования поселения. Единственным путем решения этого вопроса могут быть дальнейшие раскопки памятника, а если возможности для дальнейшего исследования памятника нет, единственно правильным путем, видимо, является максимальный учет всех материалов, в том числе и наиболее ранних, для определения хронологии поселений⁴.

Полученные в последние годы данные подтверждают правомерность выделения Я.М. Паромовым ранней группы поселений в районе Ахтанизовского лимана⁵ и даже несколько удревяют время их основания.

На западной оконечности древнего Голубицкого острова на высоком берегу Ахтанизовского лимана располагается поселение Голубицкая 2 (рис. 1)⁶. Это поселение было открыто В.В. Веселовым в 1962 г.⁷, затем обследовалось Я.М. Паромовым в 1982 г.⁸, а в настоящее время стало объектом работы Боспорской археологической экспедиции ГИМ и Германского археологического института⁹. В 2006–2007 гг. здесь был обнаружен целый ряд находок позднеархаического времени.

Наиболее ранним из обнаруженных на поселении Голубицкая 2 находок можно считать фрагмент коринфской котилы, орнаментированной концентрическими кругами на дне (рис. 2). Обычно подобные сосуды относят к 590–560 гг. до н.э.¹⁰ Еще один найденный фрагмент коринфского производства можно отнести к 560–500 гг. до н.э.¹¹

Среди наиболее ранних фрагментов ионийского происхождения — блюда североионийского или эолийского производства, относящиеся к 575–550 гг. до н.э. Аналогичные сосуды известны как в Малой Азии, так и в городах Причерноморья¹². Другой фрагмент южноионийского кубка типа В1 датируется 570–530 гг. до н.э.¹³ Фрагмент амфориска или ойнохой милетского производства относится к периоду между 570 и 530 гг. до н.э.¹⁴ На поселении также были найдены обломки закрытых сосудов, украшенных орнаментом в виде волны, относящиеся к VI — началу V в. до н.э.¹⁵ Чернофигурная керамика аттического производства представлена фрагментом закрытого сосуда с изображением головы Диониса или сатира¹⁶. Среди фрагментов тарных амфор наряду с многочисленными хиосскими и эолийскими сосудами можно выделить обломки клазоменских амфор, датировка которых укладывается во вторую половину VI в. до н.э.¹⁷

Рис. 1. Вид с горы Сопка. Поселение Голубицкая 2

Не менее интересны и результаты раскопок поселения Ахтанизовская 4, расположенного на северо-восточной оконечности древнего Фанагорийского острова напротив поселения Голубицкая 2¹⁸. Впервые это поселение было нанесено на карту Таманского полуострова в 1920-х годах, подготовленной директором Темрюкского музея С.Ф. Войцеховским¹⁹. Оно есть также и в сводке археологических памятников на Таманском полуострове, составленной В.В. Веселовым²⁰. В 1982 г. памятник был обследован Разведочным отрядом Таманско-Фанагорийской экспедиции ИА АН СССР. Я.М. Паромов отнес это поселение к ранней группе²¹.

В ходе раскопок Таманской археологической экспедицией ГИМ в 2005 г. в периферийной части памятника была обнаружена хозяйственная яма, заполнение которой можно датировать в пределах второй четверти VI в. до н.э. Основным датирующим материалом в этом комплексе являются фрагменты лесбосских и клазоменских тарных амфор второй четверти — середины VI в. до н.э.²² Кроме того, уже в первые годы исследования этого памятника было обнаружено и значительное количество обломков архаических сосудов: фрагменты коринфских и ионийских тарелок первой половины VI в. до н.э. с отогнутым краем, украшенным орнаментом в виде меандра, в том числе описанных выше типов, чаш этого же времени (рис. 3), фрагменты ионийского расписного кратера (рис. 4), также украшенного по краю меандром. Большое количество находок, датирующихся не позднее середины VI в. до н.э., позволяет утверждать, что поселение на северо-восточной окраине ст. Ахтанизовская было основано не позднее второй четверти этого столетия.

Поселения Ахтанизовская 4 и Голубицкая 2 контролировали не только вход и выход из недавно открытого морского пролива из Понта Эвксинского в Меотиду (Азовское море), но и богатейшие места рыбного лова. Возможно, на этих поселениях располагались маяки и удобные стоянки для морских кораблей. Обширные и плодородные земли вокруг этих поселений способствовали активному занятию земледелием, хотя точной информации о характере сельского хозяйства в то время пока нет. Более того, ряд исследователей высказывает сомнения в существовании торговли понтийским зерном в позднеархаическое время²³.

О структуре и размерах описанных выше ранних поселений говорить пока рано, но сам факт их существования в позднеархаическое время не вызывает сомнений. Весьма логично предполагать и наличие «короткого пути» через пролив из Понта в Меотиду, этапы освоения которого маркируют вышеописанные поселения.

Памятники следующего хронологического этапа по периодизации Паромова относятся к 520–480 гг. до н.э.²⁴ Этот период ознаменован интенсивным развитием поселений и изменением системы расселения в регионе, увеличением числа поселений, по сравнению с прибрежными, в глубине территории. Это ясно прослеживается на поселениях Голубицкая 2 и Ахтанизовская 4.

Рис. 2. Дно котилы. Коринф. 590–560 гг. до н.э. Поселение Голубицкая 2. Раскопки Д.В. Журавлева, У. Шлотцауера

Рис. 3. Фрагмент ионийской чаши,
Поселение Ахтанизовская 4.
Раскопки Г.А. Ломтадзе

Рис. 4. Фрагмент ионийского кратера,
украшенного меандром. Поселение
Ахтанизовская 4. Раскопки
Г.А. Ломтадзе

В последней четверти VI в. до н.э. на поселении Голубицкая 2 возводятся оборонительные сооружения в виде вала и рва, что было выявлено магнитной разведкой (рис. 5) и регулярными археологическими раскопками. Судя по предварительным данным, к этому же времени относится возведение рва и вала и на поселении Ахтанизовская 4.

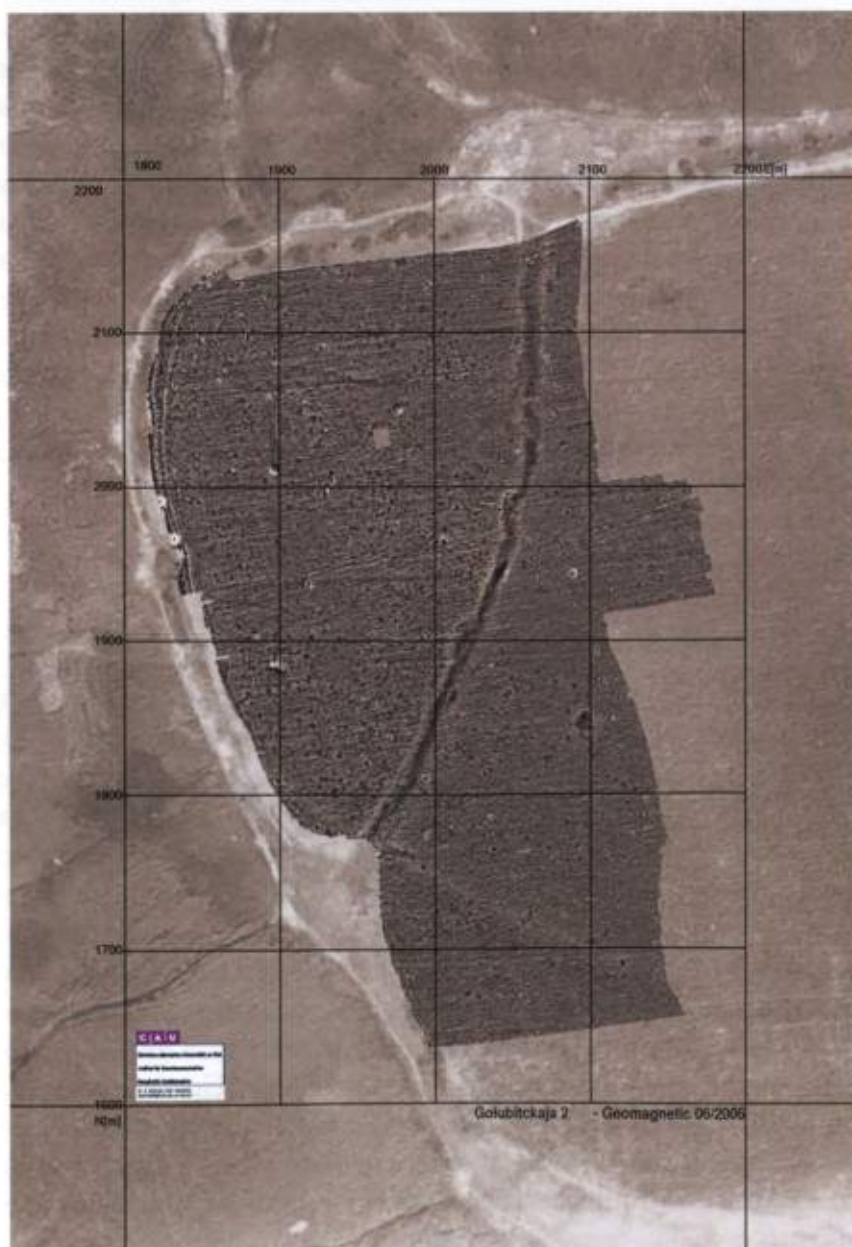

Рис. 5. Результаты магнитной
разведки, обнаружившей ров и
вал вокруг поселения. Поселение
Голубицкая 2

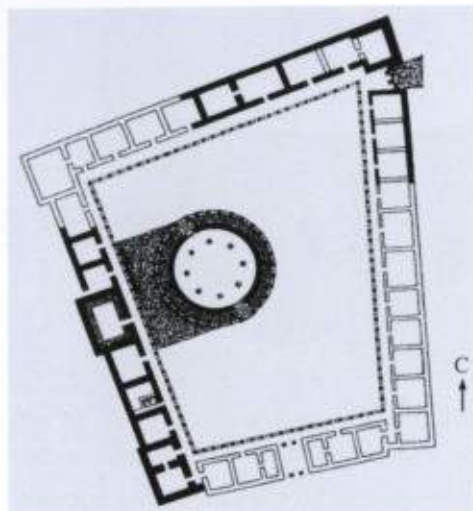

Рис. 6. Таманский толос (по Н.И. Сокольскому)

Рис. 7. Терракотовая статуэтка Геракла, борющегося с Немейским львом. Таманский толос. Помещение 6 (западный дом). Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 8. Фрагмент декора стены. Таманский толос. Помещение 6 (западный дом). Раскопки Н.И. Сокольского

Неподалеку от поселения Ахтанизовская 4 расположено еще несколько памятников, обследование которых выявило материал, относящийся к V в. до н.э. Первое из них — Пересыпь 1, которое рядом исследователей связывалось с «Тирамбой», известной по сообщению Страбона (Strab. XI. 2. 4.). В последнее время Н.И. Сударев представил убедительные доказательства против такой локализации²⁵. В некрополе, относящемся к этому поселению, сохранился ряд могил, датируемых концом VI — началом V в. до н.э.²⁶ При раскопках городища были обнаружены фрагменты керамики VI в. до н.э., но выявленные строительные остатки относятся к V в. до н.э.²⁷

К более позднему периоду можно отнести также поселение Ахтанизовская 1, которое было открыто в 1982 г. Паромовым²⁸. В 2006–2007 гг. оно было обследовано Боспорской археологической экспедицией ГИМ²⁹. Неподалеку расположено еще одно поселение, возникшее в конце VI в. до н.э. — Ахтанизовская 2, которое также было выявлено Паромовым в 1982 г., но с тех пор не изучалось³⁰.

СВЯТИЛИЩА

Таманский толос. Одним из наиболее интересных памятников северо-восточной части Таманского полуострова является так называемый Таманский толос, расположенный на окраине современного поселка «За Родину». Экспедицией Н.И. Сокольского в 1970–1973 гг. был открыт целый комплекс сооружений — сам толос и окружающий его по периметру перестильный двор трапециевидной формы площадью 2310 кв. м (рис. 6).

Сооружение комплекса началось во второй четверти III в. до н.э. Двор был обрамлен постройками, покрытыми черепичными крышами, которые поддерживались деревянными опорами. Наиболее хорошо сохранилась западная часть комплекса, где было открыто 9 помещений. Помещение VI, или западный дом, имело пол в виде белой цемьянки, окаймленной каменными плитами. Это позволило Сокольскому предположить, что это помещение являлось андроном или гестиаторием и служило для совместных трапез³¹. Частично сохранилось также замощение двора; в отдельных местах были открыты водостоки. Одна из немногочисленных находок, обнаруженных в этом помещении, — терракотовая статуэтка Геракла, борющегося с Немей-

Рис. 9. Голова скульптуры Геракла или Аполлона. Мрамор. Таманский толос. Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 10. Голова скульптуры Тихе. Мрамор. Таманский толос. Раскопки Н.И. Сокольского

ским львом³² (рис. 7). Изнутри стены были оштукатурены и расписаны, о чем говорят крупные фрагменты штукатурки, происходящие, в частности, из-под пола помещения I западной постройки перистиля (рис. 8).

Диаметр толоса, стоящего в глубине двора, в его западной части, равнялся 21,2 м. Внутренний диаметр целлы, основанием которой являлась прочная глиняная платформа, местами замощенная каменными плитами, достигал 14,4 м³³. Снаружи сохранилось 32 колонны дорического, а внутри — 8 колонн ионийского ордера, стоящих по кругу на известняковых квадрах. При возведении толоса в качестве строительных материалов использовались известняк, дерево и сырцовый кирпич. Сырцовый кирпич применялся в строительстве храмов не только на Боспоре, но и далеко за его пределами, например, в материковой Греции и Малой Азии³⁴. Колонны же, скорее всего, были сделаны из дерева и были гладкоствольными; их высота могла достигать до 3 м³⁵. Здание толоса имело два входа, было двухъярусным и завершалось наверху фонарем с оконными проемами.

Сокольский, ссылаясь на описание Павсанием афинского толоса (Paus. V. 1), высказал предположение, что внутри таманского толоса могли быть установлены изваяния богов и героев³⁶. В пользу этого предположения говорят находки двух головок от мраморных статуэток. Одна принадлежит мужчине, возможно, Аполлону или Гераклу (рис. 9); вторую можно связать с образом богини Тихе (рис. 10)³⁷. Обе статуэтки датируются III—II вв. до н.э.

Около середины II в. до н.э. ансамбль был полностью разрушен. К сожалению, после этого архитектурные сооружения были сильно повреждены и выбраны на камень. Именно поэтому до наших дней не дошло практически никаких прямых свидетельств о культовом характере этого комплекса. Стоявшие здесь некогда надписи и статуи, по-видимому, были вывезены. Кроме упомянутых выше головок мраморных статуэток особо можно отметить мраморный лутерий и мраморную подставку в виде каннелированной колонны³⁸. Лутерии на подставках могли использоваться не только в быту, но и при жертвоприношениях. Уникальной для Северного Причерноморья находкой являются солнечные часы³⁹. Все находки солнечных часов в Северном Причерноморье, судя по публикациям, были обнаружены на Боспоре⁴⁰.

В древнегреческой архитектуре толос относится к довольно редкому типу зданий общественного характера, связанных с отправлением культов

Рис. 11–12. Фрагмент штукатурки с граффити. Комплекс к северо-востоку от Таманского толоса (Румынский 2). Раскопки Н.П. Сорокиной

(например, толос диаметром не более 6 м в святилище Кабириов в Фивах) либо с функционированием полисных магистратов (так, на афинской агоре эта круглая в плане постройка имела диаметр ок. 18,5 м)⁴¹.

На Таманском полуострове Н.И. Сударевым на поселении Береговой 4 был открыт еще один толос, относящийся к концу VI – второй четверти V в. до н.э.⁴² Диаметр этого сооружения ок. 12 м. Правда, никаких следов сакральных функций этого сооружения не найдено.

Толос архаического времени был открыт на акрополе Пантикапея⁴³. Постройка диаметром 14,5–15,5 м, несомненно, имела общественное назначение и служила функциональным ядром всей застройки Западного плато боспорской столицы, включавшей в себя целый ряд многокамерных сооружений⁴⁴.

На Таманском полуострове были открыты и другие постройки круглой формы. Одно из них еще в 1804 г. видел Е.Е. Кёллер в Гермонассе. К.К. Герц высказал предположение, что это именно то описанное Кларком здание, остатки которого в виде мраморных колонн, мраморных архитектурных деталей и надписей, использовались при сооружении Фанагорийской крепости⁴⁵. О втором круглом здании он сообщил в связи с раскопками 1859 г. в Фанагории (он производил раскопки недалеко от того места, где была найдена надпись Кассалии с посвящением Афродите Урании). Были открыты «стержни и базы небольших размеров колонн и разные архитектурные фрагменты, указывающие, что они принадлежали небольшому, воздвигнутому в честь какого-либо

Рис. 13. Фрагмент штукатурки с дипинто красной краской. Комплекс к северо-востоку от Таманского толоса (Румынский 2). Раскопки Н.П. Сорокиной

Рис. 14. Фрагмент граффити с изображением животного. Комплекс к северо-востоку от Таманского толоса (Румынский 2). Раскопки Н.П. Сорокиной

Рис. 15. Светильник с клеймом
 IЕ. Комплекс к северо-востоку от
 Таманского толоса (Румынский 2).
 Раскопки Н.П. Сорокиной

божества или лица, памятнику. Этот памятник имел круглую форму и украшен был колоннами. В середине его могла находиться статуя божества или знаменитого лица»⁴⁶.

Основываясь на этих данных и анализируя дошедшие до нашего времени письменные источники, Сокольский пришел к выводу, что таманский толос является частью храмового комплекса, посвященного Афродите Урании владычице Апатура⁴⁷. Однако все свидетельства, которыми оперировал Сокольский, являются скорее косвенным подтверждением его гипотезы, и вопрос о принадлежности уникального комплекса святилища не может считаться решенным.

Дальнейшие раскопки комплекса памятников вокруг таманского толоса связаны с именем Н.П. Сорокиной, проводившей раскопки в 1976–1978 гг.⁴⁸ в 500–550 м к востоку от Таманского толоса. Открытый ею комплекс представляет собой двор, замощенный каменной вымосткой, площадью не менее 600 кв. м, с запада и востока окруженный помещениями в виде галерей. По всей видимости, с севера его ограждала сырцовая стена, не сохранившаяся до нашего времени; западная и северная части здания также оказались сильно разрушенными; восточное здание представляло собой постройку длиной не менее 35 м, шириной 5,4 м, с единым монументальным каменным фундаментом. Вдоль западной стены здания тянулась галерея шириной 1,85 м. Ее крыша поддерживалась столбами, под которые были подведены известняковые блоки.

Внутренняя часть восточного здания делилась на пять помещений. Одно из них, площадью ок. 35 кв. м, имело оштукатуренные стены. Вот как описывает штукатурку автор раскопок: «По штукатурке высокого качества красной, желтой, белой краской имитировалась квадратная кладка в сочетании с орнаментальными полосами и какими-то сюжетными изображениями. Верх стен завершал рельефный меандровый фриз»⁴⁹. Важно отметить, что часть стен была украшена граффити с изображениями различных животных и надписей (рис. 11, 12). Интересно, что на штукатурке несколько раз была зафиксирована отдельная буква Е, написанная красной краской (рис. 13). К сожалению, до сих пор штукатурка не восстановлена, и надписи не прочитаны и не опубликованы. В будущем предполагается осуществление специального научно-реставрационного проекта по восстановлению и изучению фресок на базе Государственного Исторического музея, где все фрески бережно сохраняются. Однако уже сейчас ясно, что это помещение имело некое особое назначение, что и определило столь необычный характер его оформления⁵⁰.

Наряду с надписями на стенах сохранилось и граффито с изображением животного с длинными ушами, вероятнее всего, осла, навьюченного поклажей (рис. 14). Граффити с изображениями животных играли определенную роль в ритуалах. Так, изображения собаки и коней зафиксированы на краснолаковом блюде из Кеп — на основании этого можно реконструировать батальную или охотничью сцену и говорить о сакральном значении этих граффити⁵¹. Наличие граффити на краснолаковом кувшине из Херсонеса, где изображен жрец (?) в длинных одеяниях и несколько групп различных животных⁵², а также схематических рисунков животных на пряслицах⁵³ и донцах краснолаковых сосудов малоазийского производства⁵⁴ из позднескифских памятников

Рис. 16. Буролаковые унгентарии.
Дом Хрисалиска.
Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 17. Терракотовая курильница в
виде головы жертвенного быка. Дом
Хрисалиска.
Раскопки Н.И. Сокольского

позволяют предполагать бытование определенных религиозных обрядов, связанных с этими животными или божествами, которым они были посвящены. Э.И. Соломоник относит херсонесские граффити к «церемониям и праздникам в честь богов плодородия»⁵⁵.

Общая площадь открытого Н.П. Сорокиной комплекса достигала 1 га. Из-за глубокой распашки часть культурного слоя оказалась нарушенной и часть объектов уничтоженной. Тем не менее находки большого количества фрагментов печины, керамического шлака и бракованных сосудов позволяют говорить о существовании здесь керамического производства. Среди керамических изделий преобладали столовая и кухонная посуда весьма посредственного качества, явно предназначенная лишь для локального потребления. Значительный интерес вызывает тот факт, что на некоторых сосудах были оттиснуты клейма ІЕ, которые известны и на других расположенных неподалеку памятниках Азиатского Боспора, и в первую очередь в Кечах. В Кечах часть этих находок, как уже упоминалось, была сконцентрирована вокруг святилища Афродиты. Сокольский, а вслед за ним Сорокина предположили, что эти клейма изготавливались в специальной мастерской (или мастерских) при святилище и представляли собой аббревиатуру слов *ιερόν* или *ιερός*⁵⁶.

При храмовых комплексах существовали производства черепицы, ритуальной посуды, терракотовых статуэток, иногда клеймившихся с именем храма⁵⁷. Особенно интересна в этой связи обнаруженная в руинах описанного комплекса серия светильников, также клеймленных ІЕ (рис. 15). Светильники различных типов использовались в храмах при службе, во время совместных ритуальных пиршеств, во время жертвоприношений⁵⁸.

Впоследствии весь комплекс был заброшен, сырцовые стены размыты дождями, а черепичные крыши, очевидно, разобраны для вторичного использования. Это произошло, скорее всего, около середины II в. до н.э., что синхронно со временем разрушения таманского толоса. Каковы были причины разрушения и последующего запустения святилища до сих пор неизвестно, но Сокольский предполагал, что это могло быть связано с нашествием «варварских племен». О драматических событиях этого времени свидетельствует слой пожара, прослеженного, например, под полами дома Хрисалиска, перекрывшего своим фундаментом северо-западный угол более ранних построек перестильного двора⁵⁹.

Дом Хрисалиска. В 20-х годах II в. до н.э. на руинах таманского толоса возник другой, не менее интересный комплекс, а именно комплекс построек с центром — домом Хрисалиска. Свое название, как известно, этот монументальный дом получил по находке плиты с именем Хрисалиска⁶⁰, вероятно, одного из крупных должностных лиц периода правления царя Асандра (47—17 гг. до н.э.). Здание, по мнению Сокольского, погибло в огне пожара в результате карательной акции Полемона (14—13 гг. до н.э.)⁶¹. Этот двухэтажный

Рис. 18. Терракотовая статуэтка всадника. Западный дом перистыля. Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 19. Терракотовая статуэтка Кибелы. Дом Хрисалиска. Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 20. Терракотовая статуэтка священного бородатого быка. Дом Хрисалиска. Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 21–22. Терракотовые статуэтки девочки с гусем. Дом Хрисалиска. Раскопки Н.И. Сокольского

дом общей площадью 378 кв. м имел сырцовые стены толщиной 1,65 м на каменных фундаментах. Всего в доме было открыто пять помещений, два из которых были хозяйственными. Здесь было обнаружено значительное количество кухонной и столовой посуды (рис. 16), которая, вероятно, рухнула со второго этажа вместе с обгоревшими перекрытиями крыши⁶².

В помещении Д располагалось домашнее святилище. Из этого помещения происходит большая часть открытых в доме Хрисалиска терракотовых статуэток, алтариков и т.п. Часть помещения была разрушена при выборке камня или при извлечении из-под алтаря домашней сокровищницы. О том, что эти поиски были проведены непосредственно после пожара людьми, лишь приблизительно знающими место хранения сокровищ, говорят, по мнению Сокольского, находки снятого, но не выбранного камня, разбор каменного покрытия пола в районе святилища и присутствие чашевидного

углубления прямо под местом расположения предполагаемого алтаря⁶³. Грабители, очевидно, бросили на месте преступления лишь фрагменты деревянных шкатулок — металлические обкладки, запорные пластины, костяные накладки.

Помимо терракотовых статуэток значительный интерес вызывает находка надписи Хрисалиска, в которой упоминается имя богини Тихе (судьбы), а также изображение этой богини на известняковом блоке. Оно выполнено схематично, в стиле, близком

Рис. 23–27. Терракотовая статуэтка девушки.

Дом Хрисалиска.
Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 28–30. Терракотовая статуэтка куротрофы.

Дом Хрисалиска.
Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 31–32. Терракотовая статуэтка воина со щитом.

Дом Хрисалиска.
Раскопки Н.И. Сокольского

стилю граффити⁶⁴, в муральной короне, в солнечном нимбе вокруг головы, с гривной на шее, в защитном панцире, со щитом в левой руке. У богини отсутствуют традиционные атрибуты — рог изобилия и весло, в ее руках — копье и скипетр, навершие которого исполнено в виде восьмилучевого символа света. Сокольский⁶⁵, а вслед за ним С.Ю. Сапрыкин и А.А. Масленников полагают, что подобный образ отражает переднеазиатские истоки образа богини, что позволяет рассматривать его как женское божество синкретического характера, основу которого составляет Нваренô — Великая иранская богиня счастья⁶⁶. В таком случае, текст надписи на плите Хрисалиска с именем Тихе и рельеф с ее изображением прямо перекликаются с царской клятвой Митридатидов: «Клянусь Счастьем царя и Менем-Фарнака». Это наряду с комплексом терракотовых статуэток из дома Хрисалиска и из святилища «Полянка» дали основание Сапрыкину и Масленникову говорить о существовании на Боспоре

пантеона Митридатидов, который усиленно пропагандировался и просуществовал гораздо дольше, чем собственно правление Митридата⁶⁷. Тихе предстает как многофункциональное божество света, счастья, победы и всего сущего, близкое Ма-Беллоне, связанное с Афиной Никефорой, Афродитой-Анаит, Артемидой Таврополой и с Великой Матерью Кибелой. По мнению Сапрыкина и Масленникова, все эти функции объединялись общим понятием Счастья и Света для почитателей богини — обитателей усадьбы и их покровителя, царя Асандра⁶⁸.

Среди находок из домашнего святилища особый интерес представляет курильница в виде головы жертвенного быка (рис. 17). На терракоте частично сохранилась раскраска⁶⁹. Солярная символика, ярко отраженная в курильнице, позволяет связывать это изображение с восточными культурами⁷⁰. Помимо этого были найдены терракотовые алтарики и крышки от курильниц⁷¹, которые, по мнению Сокольского, были связаны с почитанием культа Афродиты.

Согласно Сокольскому, подбор терракотовых статуэток для домашнего святилища был не случаен⁷². Помимо изображений Афродиты и Эрота здесь присутствуют и статуэтки Кибелы (рис. 19), культ которой был популярен среди боспорян⁷³. Кроме того, здесь были найдены статуэтки священного бородатого быка (рис. 20), всадников (рис. 18), девочек с гусем (рис. 21–22), девушек (рис. 23–26), куротрофы (рис. 28–30), воинов со щитом в руке (рис. 31–32). Эти находки удивительным образом близки находкам, обнаруженным Масленниковым в святилище на поселении «Полянка» на Европейском Боспоре⁷⁴: статуэтки бородатого быка, Митры, «убивающего» быка, девочки с гусем и виноградными гроздьями, Эрота и Психеи, всадника, задрапированная женская фигура, Геракл со львом и т.п. Здесь обнаружены и терракотовые розетки⁷⁵.

Сокольский высказал предположение, что с культурами Афродиты и Кибелы были связаны и импровизированные жертвенники, образованные стоящими на ребре сырцовыми кирпичами. На одном из таких ящичков-фависс стояла небольшая чашечка-фиала. Жертвы, приносимые здесь, были бескровными, поскольку никаких следов пережженных костей не было обнаружено. Впрочем, некоторое недоумение вызывает присутствие подобных «жертвенников» в помещениях А, II, III, а не в комплексе помещения Д, связанного со святилищем. Более логичным было бы думать, что это были своеобразные жаровни, предназначенные для отопления помещений или для подогрева пищи⁷⁶, а отнюдь, не жертвенники.

Отметим еще одно сходство Полянkinского святилища и помещения Д Таманского толоса — в обоих не было найдено светильников, хотя светильники были обнаружены в других помещениях комплекса (рис. 33). Масленников высказал предположение, что на Полянке это было связано с хтонической сущностью сакральных действий⁷⁷. По его мнению, это был своего рода местный героон⁷⁸. Отмечая схожесть обоих комплексов святилищ, Масленников писал: «Трудно удержаться от аналогичных предположений и относительно культовой специфики тамошнего (имеется в виду дом Хрисалиска. — Д.Ж., Г.Л., У.Ш.) пантеона. Это тем более вероятно с учетом мощной предшествующей традиции, не исключено, связанной с почитанием одного из самых загадочных и «темных» античных культов Афродиты-Апатуры»⁷⁹.

Святилище Артемиды Агротеры на горе Бориса и Глеба. Гора Бориса и Глеба (рис. 34) — действующий грязевой вулкан — находится в 2,7 км к юго-востоку от

Рис. 33. Лепной светильник.
Дом Хрисалиска.
Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 34. Вид на Ахтанизовский лиман с горой Бориса и Глеба с поселения Голубицкая 2

Рис. 35. Гора Бориса и Глеба. Место предполагаемого святилища Артемиды Агротеры

южной окраины современной ст. Ахтанизовская. Мыс, на котором расположена гора, глубоко вдается в Ахтанизовский лиман. Гора Бориса и Глеба, с точки зрения археологической топографии, является одним из выдающихся пунктов Таманского полуострова. Практически все побывавшие на ней исследователи отмечают удивительную красоту панорамы, открывающейся с вершины горы. А.Е. Люценко в 1867 г. писал: «Ныне вид с горы свв. Бориса и Глеба с южной стороны, обращенной к лиману, поразителен. Здесь она представляется глазам как бы оторванной и опрокинутой в лиман»⁸⁰. Обследовавший гору в 1926 г. А.С. Башкиров писал: «Незначительность находок на горе была вознаграждена той картиной, которая наблюдалась нами с вершины горы. Роскошная панорама открывала пред нами почти весь Таманский полуостров в его глубоко-интересных деталях»⁸¹ (рис. 35).

Сама гора и ее окрестности были обследованы Е.К. Кёлером в 1804 г., П.И. Кёппеном в 1819 г., К.К. Гёрцем в 1859 г., А.С. Башкировым в 1926 г., Б.А. Рыбаковым и Н.И. Сокольским в 1955 г.⁸², Г.А. Ломтадзе в 2006 г.⁸³, Д.В. Журавлевым и У. Шлотцауером в 2007 г.⁸⁴ Это место связано с находкой двух важнейших для истории Боспорского царства надписей — Комосарий⁸⁵ и Ксеноклида⁸⁶.

Первая была найдена в 1804 г. Кёлером на Рахмановском мысу. Она высечена на известняковом постаменте, имевшем углубления для установки двух статуй. Кёлер писал: «Я нашел... камень с надписью Комосарии, стоявший в чистом поле, рядом со стелой с изображением женщины, тогда как стела с изображением мужчины все еще лежала в Темрюкском лимане; о ней уже было известно, но достали ее оттуда позже»⁸⁷. Кёлер объяснял находку этих статуй следующим образом: «На берегу Темрюкского лимана при оконечности небольшого перешейка Андра-Атама, против длинного рукава Черного моря, возвышается гора, подошву которой омывает озеро. На вершине этой горы, за 2000 лет стоял памятник, сооруженный дочерью Горгиппа. Но так как на полуострове Тамани нет таких цепей каменных гор, которые защищали бы берега и как вообще эти берега состоят из земли, то мало-помалу, подмываясь, они низвергаются в море или в озеро. Возвышенный берег Темрюкского лимана, подмытый волнами, также обрушился, а с ним вместе упал и памятник Комосарии, состоящий из двух статуй и большого пьедестала с надписью»⁸⁸.

Статуи Санерга и Астары⁸⁹, на постаменте которых и была высечена надпись Комосарии, неоднократно привлекали внимание исследователей⁹⁰.

Текст надписи гласит: «Комосария, дочь Горгиппа, жена Перисада, по обету посвятила мощному богу Санергу и Астаре при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, всех майтов и фатеев» (пер. С.Р. Тохтасьева)⁹¹.

В 1818 г., после извержения грязевого вулкана, на вершине горы Бориса и Глеба были частично обнажены фундаменты массивного здания. Практически сразу же здесь началась выборка камня для строительства новой церкви в станице. При этой выборке была случайно открыта вторая надпись — Ксеноклида, высеченная на двух известняковых плитах, свидетельствующая о существовании храма, посвященного Артемиде Агротере (Сельской)⁹². Авторы КБН так переводят эту надпись: «Ксеноклид, сын Посия, посвятил храм Артемиде Агротере при Перисаде, сыне Левкона, архонта Боспора»⁹³.

П.П. Свиныин, специально посетивший в 1825 г. «церковь ст. Агденизовка», писал, что надпись обнаружена крестьянами «при копании высокой горы для отыскания строевого камня у самого залива... судя по закоптелости с одной стороны, должно думать, что камень сей лопнул от огня. В том удостоверяет и уголь, сверх коего он лежал между кусками кирпича; а потому с достоверностью можно догадываться, что надпись сия принадлежала к храму, посвященному Диане, чего не достает в ней, так как приметные ямы у подножия сей горы доказывают, что тут было в древности немалое поселение»⁹⁴.

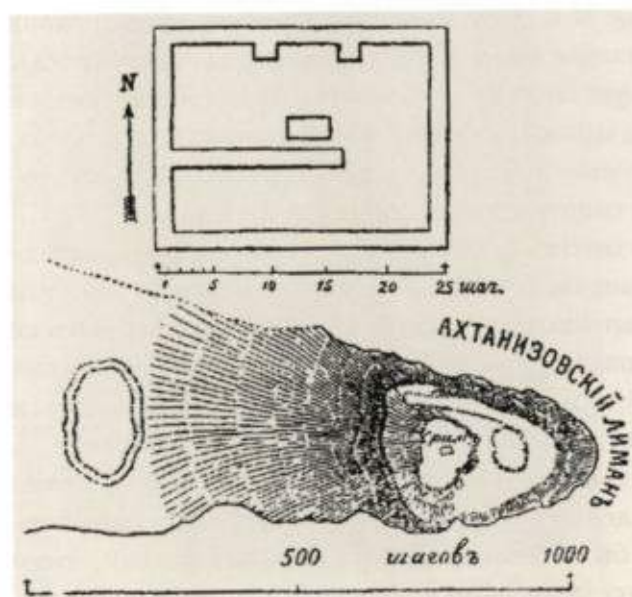
Исходя из содержания надписи, большинство ученых считает, что обнажившиеся при извержении вулкана фундаменты принадлежали именно этому храму. Обе надписи относятся ко времени правления Перисада I (344/3—310/9 гг. до н.э.). По свидетельству К.К. Герца, «вершина горы была планирована для сооружения храма, а несколько ниже к востоку, перед входом в храм, земля была тоже сравнена для водружения алтаря или сооружения какого-либо памятника»⁹⁵. Н.П. Розанова считает, что «издревле это место считалось священным и использовалось последовательно лишь для постройки храмов и возведения посвященных статуям божествам, владевшим, по мнению древних, этим таинственным местом с подземными гулами и огнями. Да и заселение такого места могло считаться не безопасным»⁹⁶.

Все, что дошло до наших дней от этого храма, — схематический глазомерный план, впервые опубликованный в 1826 г. (рис. 36)⁹⁷. Согласно этому плану, «здание не имело больших размеров: глазомерный план дает ему в длину

около 25 шагов. По-видимому, оно состояло из одной целлы, разделенной довольно длинной поперечной стеною на две неравной величины половины. Трудно объяснить значение двух выступов в северной стене здания. В середине целлы виден продолговатый квадрат, вероятно, означающий пьедестал, на котором стояла статуя богини. Храм был правильно ориентирован, и дверь открывалась на восток, так что мореплаватели, при открытых дверях храма, по мере приближения к мысу, уже издали могли созерцать статую Артемиды»⁹⁸.

В 1926 г. обследование этого района производилось под руководством Башкирова, заложившего на вершине горы «зондажную траншею». Он выявил лишь «заросшую канаву от выбранных фундаментов разрушенной в 1918—1920 гг. часовни Бориса и Глеба и ее ограды, стоявшей, вероятно, на месте античного храма». Античный материал из раскопок включал небольшое количество фрагментов амфор, чернолаковой посуды и краснолаковых сосудов I—II вв. н.э.⁹⁹

Рис. 36. Схематический план храма на горе Бориса и Глеба. 1826 г.

В 1955 г. Рыбаковым во время археологической разведки на вершине горы Бориса и Глеба был обнаружен фундамент часовни XIX в., исследование которого было поручено Сокольскому, заложившему на месте открытия небольшой раскоп. Сохранившаяся часть фундамента часовни была сложена из обработанных известняковых камней античного времени. Среди них были зафиксированы несколько рустованных блоков, барабан колонны дорического ордера, капитель и база пилястры. По своим пропорциям и типу профилировки они, вероятно, принадлежали одному и тому же зданию I в. до н.э. — I в. н.э. (по предположению Сокольского — поздней постройке храма Артемиды Агротеры). В фундаменте часовни было обнаружено также известняковое надгробие с рельефным изображением задрапированной стоящей женской фигуры с лицом «местного синдского типа», датируемое первой половиной I в. н.э.¹⁰⁰

Судя по известным надписям и другим находкам, храм Артемиды Агротеры существовал довольно долго, с IV в. до н.э. по II в. н.э. включительно. Культ Артемиды как богини производящих сил природы был распространен в Фанагории, как и культ Астары и Санерга, с которыми связана надпись Комосарии¹⁰¹. Не исключено, что святилище Артемиды Агротеры, помимо сакральных функций, в силу своего географического расположения могло исполнять и роль маяка, указывая кораблям, плывущим по проливу между Понтом Эвксинским и Меотидой выход в Азовское море.

Несмотря на следы сильного извержения грязевого вулкана в 1958 г., разведочный раскоп Сокольского заметен и сегодня. Данные магнитной разведки, проведенной в 2007 г. Боспорской археологической экспедицией ГИМ и Германского археологического института, позволили предварительно локализовать следы постройки четырехугольной формы. Эта аномалия выявлена к югу от раскопа Сокольского. Среди подъемного материала обнаружены лишь отдельные фрагменты керамики и — что представляется наиболее важным — фрагмент черепицы боспорского производства¹⁰². Исследования в этом месте будут непременно продолжены в ближайшее время.

УКРЕПЛЕНИЯ ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО — РАННЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

В монографии Сокольского «Таманский толос и резиденция Хрисалиска» отмечается, что в конце II в. до н.э. на азиатской стороне Боспора появляется первое значительное укрепление (резиденция Хрисалиска), вошедшее затем в оборонительную систему, созданную Асандром во второй половине I в. до н.э.¹⁰³ С момента написания этой работы прошло более 30 лет, и сегодня нам представляется возможным дополнить и пересмотреть некоторые взгляды на оборонительные сооружения Боспора I в. до н.э.

В 1962 г. при строительстве шоссе Крымск — порт Кавказ у юго-западного берега Ахтанизовского лимана была срезана часть коренного берега. Эти работы обнажили и частично разрушили каменную кладку, по большей части сложенную из вторично использованных известняковых надгробий. Сведения об этом поступили Коровиной, которая приостановила строительные работы и вывезла найденные скульптурные памятники в ГМИИ им. А.С. Пушкина¹⁰⁴. Весной 1963 г. Таманской экспедицией ИА АН СССР под руководством Сокольского были получены сведения о том, что в этом месте ведется выборка камня. При выезде на место был обнаружен грабительский раскоп, что и заставило срочно приступить к исследованию данного памятника¹⁰⁵.

За сезон 1963 г. было вскрыто 90 кв. м, что позволило обнаружить остатки стен укрепленного здания или небольшой крепости. Общие размеры сооружения составляли 15,5 × 9,0 м, площадь — ок. 140 кв. м. Лучшее сохранился фрагмент фундамента монументальной стены в южной части памятника. Трехслойная кладка, скрепленная глиняным раствором, состояла из двух панцирей и забутовки между ними; ширина ее составляла 1,65 м, высота 0,48 м. Хуже сохранилась восточная стена. Исследователю удалось зафиксировать только камни внутреннего панциря, так как остальная часть кладки была уничтожена при строительных работах. Во внутренней части здания была раскрыта каменная вымостка и разрушенный очаг. Практически все сохранившиеся стены здания были сложены из камней вторичного использования, значительную часть которых составляли скульптуры и надгробия. Всего в ходе раскопок было обнаружено 12 статуй (рис. 37), 20 рельефных надгробий, четыре пьедестала для статуй и надгробий, пять жертвенных столиков, три эсхары, две «головы» от антропоморфных надгробий и одна база колонки¹⁰⁶.

Дата памятника, исходя из найденных фрагментов амфор и краснолаковых эллинистических сосудов — II—I вв. до н.э. О наиболее точной дате разрушения этого памятника говорят фрагменты тарных амфор. В подавляющем большинстве это светлоглиняные амфоры с двустольными ручками. Внуков производство этих сосудов на основе петрографического анализа связывает с Гераклеей Понтийской¹⁰⁷. Появление ранней разновидности этого типа (С Ia), к которому и относятся найденные фрагменты, на основе хронологии известных комплексов он датирует 60–50-ми годами I в. до н.э.¹⁰⁸ Еще одним типом керамической тары, обнаруженной на укреплении у Ахтанизовского лимана, были так называемые коричневоглиняные амфоры¹⁰⁹. Подобный состав амфорного комплекса, по справедливому замечанию Внукова, характерен для памятников, верхняя дата которых ограничена концом I в. до н.э.¹¹⁰

Раскопки этого укрепления Сокольским были продолжены, однако «никаких новых элементов постройки или заслуживающих особого внимания находок не обнаружено»¹¹¹. Предпринятое в 2006 г. обследование места раскопок Таманской экспедицией ГИМ подтвердило, что укрепление являлось одиночной постройкой и натурные исследования его исчерпаны. Ни в обнажениях берега, ни в случайных ямах культурный слой зафиксирован не был¹¹². Подводя итоги своему исследованию этого памятника, Сокольский связывал сооружение укрепления с событиями так называемой «полемоновой войны» и датировал его последними десятилетиями I в. до н.э.¹¹³

В 1961–1963 и 1965 гг. экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством Коровиной проводила раскопки античного поселения на окраине современного поселка Пересыпь, существовавшего с VI в. до н.э. по III в. н.э.¹¹⁴ В ходе работ удалось вскрыть южную часть укрепления, датированного Коровиной по находкам в пределах I в. до н.э. — I в. н.э. Крепость была окружена рвом; в южной части поселения был зафиксирован вал. В результате экспедицией ГМИИ было раскопано всего 150 кв. м, что не позволяет судить о размерах и характере фортификационных сооружений. Коровина связывала эту крепость с «батареями» Фанталовского полуострова первых веков

Рис. 37. Скульптурное изображение воина. Укрепление у Ахтанизовского лимана. Раскопки Н.И. Сокольского

Рис. 38. Находка плиты с именем
хозяина усадьбы. Дом Хрисалиска.
Фото из архива Н.П. Сорокиной

нашей эры¹¹⁵. Хотя материал из раскопок этого интересного памятника был опубликован весьма суммарно, но определенную коррективу в высказанные выводы можно внести. В описании слоя, с которым связаны стены укрепления, упоминаются родосские клейма (в основном II в. до н.э. — по классификации Б.Н. Гракова), многочисленные фрагменты простой гончарной керамики II—I вв. до н.э., дно сероглиняной чернолаковой чаши с рельефным изображением Исиды и Сераписа (эллинистического времени) и сероглиняный светильник с остатками рельефной надписи на донце. Во рву, рядом с оборонительной стеной, были найдены «обломки краснолаковых чаш августовского времени и двуствольной светлоглиняной ручки амфоры»¹¹⁶. Основная масса описанного материала датируется II—I вв. до н.э. Более широко — I в. до н.э. — I в. н.э., датируются фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками и так называемая «краснолаковая керамика августовского времени»¹¹⁷. Если учесть, что в комплексе не были найдены фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор, являющихся надежным хроноиндикатором памятников первых веков нашей эры, вряд ли можно говорить о существовании укрепления у пос. Пересыпь в «постполемоновское» время. Правда, как писалось выше, была исследована только небольшая часть памятника, и это обстоятельство не позволяет делать окончательных выводов.

В конце 1960-х годов при строительстве шоссе Темрюк — порт Кавказ был частично уничтожен вал и культурный слой городища у пос. «За Родину». Эти обстоятельства так же, как и в случае с поселением у Ахтанизовского лимана, заставили Таманскую экспедицию под руководством Сокольского в 1970 г. начать раскопки этого уже достаточно хорошо известного к тому времени памятника¹¹⁸. В результате им был выявлен уникальный сакральный комплекс III—II вв. до н.э. (Таманский толос), а также частич-

Рис. 39—41. Керамика из слоя
разрушения. Дом Хрисалиска.
Раскопки Н.И. Сокольского

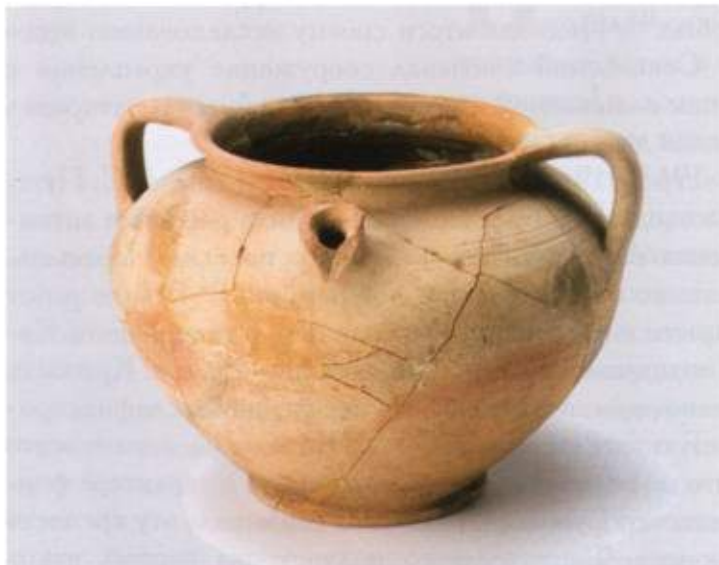

Рис. 42. Оборонительная стена I в. до н.э.
Поселение Ахтанизовская 4

но перекрывающие его остатки укрепленных сооружений II—I вв. до н.э. (резиденция Хрисалиска) и крепость-батарея первых веков нашей эры.

Обращаясь к укреплению позднеэллинистического—раннеримского времени (так называемой резиденции Хрисалиска), отметим, что оно было построено на руинах уже разрушенного в середине II в. до н.э. комплекса толоса. При этом наиболее хорошо сохранившиеся части уничтоженных строений были включены в заново отстроенный архитектурный ансамбль¹¹⁹. Над вспомогательными сооружениями доминировала укрепленная цитадель размерами в плане 20,83 × 17,5 м, расположенная в наиболее возвышенной части памятника (рис. 38). Стены цитадели-крепости состояли из каменного фундамента и сырцово-кирпичной кладки. Кладка фундамента внешних стен цитадели двухпанцирная, трехслойная, с забутовкой на глиняном растворе. Сырцово-кирпичные стены сохранились местами до 1,50 м. Толщина внешних стен цитадели составляла 1,65 м. Внутренняя часть здания, как уже отмечалось, делилась на 5 помещений, из которых два (А и Б) имели хозяйственное назначение, а одно являлось домашним святилищем. Еще в одном помещении — «вестибюле» (Г) — сохранилось основание лестницы, что позволяет полагать, что здание имело по крайней мере два этажа. Также в помещении Б были расчищены сырцовые прямоугольные площадки-столики и печи.

Этот памятник дал в ходе раскопок большое количество разнообразных находок, многие из них сохранились благодаря внезапной гибели всего комплекса в пожаре. Это фрагменты различных сосудов (рис. 39–41), терракотовые статуэтки (рис. 17–32), изделия из металла, кости, дерева и др.¹²⁰ Время постройки крепости определяется наиболее ранними монетами, которые датируются 20-ми годами II в. до н.э.¹²¹, а время гибели приходится на конец I в. до н.э. Состав керамического комплекса памятника аналогичен материалам из вышеописанного укрепления у Ахтанизовского лимана.

Еще один памятник этого типа — Ахтанизовская 4 — был открыт недавно в ходе работ Таманской археологической экспедиции ГИМ в северо-восточной части ст. Ахтанизовской, на высоком северо-западном берегу лимана.

Как отмечалось, в 1982 г. этот памятник был обследован Паромовым. В 1994 г. результаты работ были резюмированы в небольшой статье¹²². В ней укрепленное поселение Ахтанизовская 4 рассматривалось в контексте укреплений античного острова на Таманском полуострове. Паромов подчеркивал, что поселение интересно прежде всего своими фортификационными сооружениями — валом и остатками крепости. Центральное укрепление датировалось в пределах позднеэллинистического—римского времени, что позволило Паромову синхронизировать его с «батареями» Фанталовского полуострова, исследованными в 1960-е годы Н.И. Соколовым¹²³. Местоположение укрепления у ст. Ахтанизовской определялось необходимостью контроля над одним из главных рукавов Антикита (совр. Кубани). Вторым не менее важным назначением крепости была защита восточных рубежей Фанагорийского острова, на котором располагались Фанагория и Кепы.

После выхода статьи Паромова долгие годы пос. Ахтанизовская 4 не исследовалась. К счастью, этот памятник не привлекал и внимания «черных археологов», но в конце XX — начале XXI в. поиски грабителей коснулись и его, что явилось одной из причин начала раскопок экспедицией Государственного Исторического музея в 2004 г.

В результате работ 2004–2007 гг. была зафиксирована хорошо сохранившаяся цокольная кладка фундамента оборонительной стены крепости (рис. 42). Толщина стены 1,65 м. Сохранившаяся общая высота на вскрытом участке до 1 м. Фундамент стены заглублен в культурный слой поселения. В нижней части траншеи под фундамент первоначально была горизонтально уложена своеобразная подушка из мелкой гальки, поверх которой был сооружен фундамент высотой в два ряда камней; сверху были положены камни цоколя. Кладка трехслойная, двухпанцирная на глиняном растворе. На цоколе, вероятнее всего, покоилась не сохранившаяся сырцово-кирпичная стена. Весьма интересно, что материал, найденный в слоях, связанных с временем функционирования укрепления, аналогичен находкам из резиденции Хрисалиска и укрепления у Ахтанизовского лимана и датировка его укладывается в период со второй половины II до конца I в. до н.э.

Итак, благодаря новым исследованиям выделяется группа памятников, существовавших одновременно и имевших оборонительное, стратегически важное значение. Все они располагались в восточной части Таманского архипелага, на берегах пролива. Хронология рассмотренных укреплений не позволяет сомневаться в том, что они входили в боспорскую оборонительную систему, созданную в эпоху Асандра. Сейчас наиболее хорошо изучены оборонительные сооружения этого времени в европейской части Боспора¹²⁴. Материалы раскопанных башен близ Узунларского вала аналогичны описанному нами керамическому и нумизматическому комплексу¹²⁵. Можно упомянуть и Кутлакскую крепость на юго-восточном побережье Крыма, которую авторы характеризуют как отдаленный опорный пункт Боспора¹²⁶. Датировка этого памятника укладывается во вторую половину I в. до н.э.¹²⁷ Видимо, к этому же времени относятся сторожевые башни или дома башенного типа в Анапском и Новороссийском районах: у пос. Цемдолина и станиц Владимирской и Раевской¹²⁸, ст. Анапской¹²⁹, хут. Рассвет¹³⁰, ст. Натухаевской¹³¹. Примером еще одного, близкого по назначению и хронологии, памятника является укрепленная усадьба у поселка Юбилейный¹³². Размеры усадьбы составляли 19,9 × 16,8 м. Сырцово-кирпичные стены покоились на каменных цоколях. Толщина внешних стен составляла более 2 м. Из датированных находок в публикации автором упоминаются все те же светлоглиняные амфоры с дву-

ствольными ручками, боспорские многорожковые светильники и боспорская монета конца I в. до н.э.¹³³ Это позволяет относить прекращение жизни на памятнике к последним десятилетиям I в. до н.э.

Обобщая представленный нами материал, можно утверждать, что в I в. до н.э. на рубежах Боспора существовала единая глубоко эшелонированная система оборонительных сооружений, которая включала в себя различные элементы — валы, крепости, небольшие сторожевые башни. Показательно, что большинство крупных укреплений были созданы на месте уже существовавших в эллинистическое время населенных пунктов¹³⁴. Причиной этого могло стать отсутствие средств или нехватка времени, т.е. строительство, видимо, шло в условиях непосредственной угрозы. Гибель этих памятников традиционно связывается с событиями захвата Боспора римским ставленником Полемоном в последние десятилетия I в. до н.э.¹³⁵ Если согласиться с этой точкой зрения, то придется констатировать, что военные действия происходили одновременно и в азиатской (резиденция Хрисалиска), и в европейской частях государства (башни у Узунларского вала). Полемон, видимо, вынужден был «пройти огнем и мечом» по всей территории государства, однако более логично предположить, что эти укрепления были преднамеренно уничтожены как островки сопротивления новой власти, уже после захвата Полемоном боспорского трона.

Целью же возведения укреплений восточной части Таманского полуострова являлся контроль над восточными рубежами Боспорского государства, в том числе и в дельте Кубани (Антикита). Расположенные напротив друг друга крепости у ст. Ахтанизовская и пос. Пересыпь полностью контролировали место выхода пролива в Меотиду, а укрепление у Ахтанизовского лимана находилось на берегу Шемарданского рукава, впадавшего в Корокондамитский (совр. Таманский) залив. После разрушения этих фортов — на рубеже эр — появляется новая система укреплений, связанная с небольшими сырцовыми крепостями Фанталовского полуострова, а на их месте поселений больше не зафиксировано. Единственным исключением, вероятно, являлась крепость, заново отстроенная на руинах «резиденции Хрисалиска» в первых веках нашей эры, что объяснялось ее расположением в наиболее удобном месте, позволявшем контролировать восточную окраину Киммерийского острова.

¹ Раздел «Архаические поселения» написан Д.В. Журавлевым, Г.А. Ломтадзе и У. Шлотцауером, раздел «Святилища» — Д.В. Журавлевым, за исключением подраздела «Святилище Артемиды Агротеры на горе Бориса и Глеба», написанного Д.В. Журавлевым, Г.А. Ломтадзе и У. Шлотцауером; раздел «Укрепления позднеэллинистического — раннеримского времени» — Г.А. Ломтадзе.

² Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 7–44; Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. 204. С. 31–37; Виноградов Ю.А. К проблеме полиса в районе Боспора Киммерийского // Античный мир и археология. 1993. Вып. 9. С. 79–96; Абрамов А.П., Па-

ромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. № 2. С. 25–98; Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // ДБ. 2006. № 10. С. 365–388.

³ Исключением являются Таганрогское, Березанское и Ягорлыцкое поселения, на которых архаические находки представлены в большом количестве, что обусловлено самой хронологией их бытования.

⁴ Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья. С. 32.

⁵ Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время... С. 365–388. В этой статье упоминаются пять поселений, расположенных в округе Ахта-

низовского лимана, появление которых можно отнести ко второй — третьей четверти VI в. до н.э. Важнейшей их особенностью, по Паромову, является расположение на древних рукавах Кубани — у Пересыпского (совр. Ахтанизовский лиман) и Шемарданского (совр. озеро Соленое) гирл соответственно.

⁶ Поселение имеет № 221 по карте Я.М. Паромова (Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. Деп. в ИНИОН РАН 1.10.1992. № 47103).

⁷ Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. 2005. Suppl. II. С. 196. № 39.

- ⁸ Паромов Я.М., Разведки В.В. Веселова на Таманском полуострове в 1950–1963 гг. (в связи с выходом из печати второго тома «Supplementum» // ДБ. 2005. № 10. С. 313.
- ⁹ Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Паромов Я.М., Штюмпель Х. Разведки на Таманском полуострове // АО 2006 г. М., 2009; Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Работы российско-германской экспедиции на Таманском полуострове // АО 2007 г. (в печати).
- ¹⁰ Атух Д.А., Lawrence P. Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well // Corinth. 7.2.1975. P. 124. NAN133. Pl. 64. AN133; Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits II and Later Deposits. 1973. P. 13. N 1895. Pl. 7, 1895 (Late Corinthian, ок. 550 г. до н.э.).
- ¹¹ Weinberg S.S. The Geometric and Orientalizing Pottery // Corinth. 7.1. 1943. P. 81. N 368. Pl. 44, 368 (период Middle/Late Corinthian); Атух Д.А., Lawrence P. Archaic Corinthian Pottery... P. 124. No. AN 133. Pl. 64, AN 133 (начало периода Late Corinthian); Blegen C.W., Palmer H., Young R.S. The North Cemetery // Corinth. 8. 1964. P. 217; могила 265, 1. Pl. 37, 265,1 (чернолаковая котила, датирующаяся ок. 500 г. до н.э.).
- ¹² Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra 1963–1965. The Archaic Deposits I (1966). P. 50. N 636–639. P. 51. Fig. 26, 636. Pl. 35, 636, 638; Utili F. Die archaische Nekropole von Assos // Asia Minor Studien. 1999. 31. S. 22–25 (группа 1 «Mäanderhaken auf dem Rand»); S. 168–174. N 130–174; Paspalas S.A. The Non-figured Wares from the Anglo-Turkish Excavations at Old Smyrna // Naukratis: Greek Diversity in Egypt. L., 2006. P. 97. Fig. 12; Iren K. Aiolische orientalisierende Keramik. Istanbul, 2003. S. 154, 186. N 304. S. 187. N 309–310. Beil. 26, 310. Pl. 64, 309–310; 65, 304; Alexandrescu P. et al. La zone sacrée d'époque Grecque (Fouilles 1915–1989) // Histria. VII. 2005. P. 336. N C 32–33. P. 288. Fig. 40, C 32. Pl. 56, C 32, 57, C 33; Кузнецов В.Д. Кепы: ионийская керамика // СА. 1991. № 4. С. 42. Рис. 4, 3–6. О центрах производства этих сосудов см.: Dupont P. Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros: Rapport préliminaire // Dacia. 1983. 27. P. 30 (Eolide), 33 (Ionie du Nord 2). Fig. 3, 6; Posamentir R., Solovyov S. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage von St. Petersburg // IstMitt. 2006. 56. S. 108. Abb. 5 (group G = g = Эолия? Кимы?); S. 109–110, 121. Abb. 22 (group B = Северная Иония. Теос?); Kerschner M. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: Die Funde aus Berezan im Akademischen Kunstmuseum der Universität Bonn und im Robertinum der Universität Halle-Wittenberg // IstMitt. 2006. 56. S. 144–145. Abb. 13 (group E = Северная Иония); Mommsen H., Kerschner M., Posamentir R. Provenance Determination of 111 Pottery Samples from Berezan by Neutron Activation Analysis // IstMitt. 2006. 56. S. 157–168.
- ¹³ Schlotzhauer U. Die südionischen Knickrandschalen: Formen und Entwicklung der sog. Ionischen Schalen in archaischer Zeit // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer: Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v. Chr., Akten des Symposions Wien, 24. bis 27. März, 1999 (AF. 4. 2000). S. 407–416; О производстве подобных кубков: Schlotzhauer U., Villing A. East Greek Pottery from Naukratis: The Current State of Research // Naukratis... P. 59. Fig. 21. P. 60–62. Fig. 23; Dupont P., Thomas A. Naukratis: Les importations grecques orientales archaïques // Naukratis... P. 79. Fig. 5, 60 (group F = Клазомены), 63 (group E = Эолида), 80 (group E = Эолида). О датировке: Cook R.M., Dupont P. East Greek Pottery. 1998. P. 130–131. Fig. 18, 1b; Villard F., Vallet G. Megara Hyblaea V. Lampes du VII siècle et chronologie des coupes ioniennes // MEFRA. 1955. 67. P. 29–31. Type B1 (620–580 гг. до н.э.); Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra... P. 112; Ploug G. The Aegean, Corinthian and Eastern Greek Pottery and Terracottas // Sukas. 2. 1973. P. 32–33. Group 9.
- ¹⁴ Cook R.M. Fikellura Pottery // BSA. 34. 1933/34. P. 50; Alexandrescu P. La céramique d'époque archaïque et classique VIIe–IVe s. // Histria. IV. 1978. P. 57. N 193; Tab. 20, 193. См. также: Dupont P., Thomas A. Naukratis: Les importations grecques orientales archaïques // Naukratis... P. 79. Fig. 5, 100–101. P. 80 (group E = Eolide).
- ¹⁵ Ersoy Y.E. Klazomenai: 900–500 BC. History and Settlement Evidence // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Thessaloniki, 2004. P. 59. Fig. 19, a–b, c; Alexandrescu P. et al. La zone sacrée d'époque Grecque... P. 355. Tab. 67, C 143–144.
- ¹⁶ Moore M.B., Philippides M.Z. Attic Black-Figured Pottery. 1986. P. 232. N 1053. Pl. 84, 1053. (The Athenian Agora. XXIII) (этот сосуд относится к классу Athens 581 и датируется началом V в. до н.э.).
- ¹⁷ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Москва; Саратов, 2003. С. 263. Вариант 4. Табл. 33, 1 (последняя треть VI в. до н.э.).
- ¹⁸ Поселение имеет № 95 по карте Я.М. Паромова (Археологическая карта... № 95).
- ¹⁹ Поселение отмечено под № 18 – как «следы античной культуры». Карта опубликована: Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. 1992. 1. Рис. 1.
- ²⁰ № 45 – поселение («батарейка»); см.: Веселов В.В. Сводная ведомость... С. 197.
- ²¹ Паромов Я.М. Таманский полуостров... С. 371.
- ²² Ближайшие аналогии этим сосудам – лесбосские амфоры из некрополя Ольвии из раскопок Березани (Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология... С. 45. Табл. 27, 2, 3), а также клазоменская амфора из кургана возле Пастырского городища (Там же. С. 52. Табл. 32, 3).
- ²³ Noonan Th.S. The Grain Trade of the Northern Black Sea in Antiquity // AJPh. 1973. 94. P. 231–232; Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2000. № 1. С. 27–29.
- ²⁴ Паромов Я.М. Таманский полуостров... С. 372.

- ²⁵ Сударев Н.И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея // ДБ. 1998. № 1. С. 237–252.
- ²⁶ Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 4–20.
- ²⁷ Она же. Тирамба (городище и некрополь): Итог археологических работ экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // СГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 55–56. По мнению А.К. Коровиной, поселение возникло здесь на рубеже VI–V вв. до н.э.
- ²⁸ Паромов Я.М. Археологическая карта... С. 344–348. № 92; Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения... С. 54.
- ²⁹ В результате магнитной разведки на поселении выявлены аномалии, которые возможно связывать с усадебной застройкой эллинистического и римского времени (Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Работы российско-германской экспедиции... Здесь видны две впадины, которые в древности могли использоваться как искусственные водоемы. Среди найденных фрагментов керамики из раннего материала имеются обломки хносских амфор, в том числе с крашениным венцом, которые датируются V в. до н.э., обнаружены также фрагменты эолийских амфор со стаканообразным дном, относящиеся ко второй половине VI – началу V в. до н.э.
- ³⁰ Паромов Я.М. Археологическая карта... № 93; Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения... С. 54.
- ³¹ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 74. Сокольский предполагал (с. 80), что эти пиршества могли быть составной частью первого дня праздника *Ἄλταθούρια*, который назывался *δάρτεια* (или *δортία*). Празднику предшествовали жертвоприношения, которые могли производиться в толосе.
- ³² Там же. Рис. 55, 13. В недавнем каталоге ГИМ (Рождение Олимпийских игр: Каталог выставки в ГИМ. М., 2004. С. 24, 44. № 52) место находки обозначено неверно.
- ³³ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 55–88; Сорокина Н.П. Поселение у поселка «За Родину» // АГСП. С. 86–87.
- ³⁴ См.: Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 66.
- ³⁵ Там же. С. 67–69.
- ³⁶ Там же. С. 71.
- ³⁷ Там же. С. 82–83. Рис. 43–44.
- ³⁸ Там же. Рис. 41–42.
- ³⁹ В настоящее время существует два варианта реконструкции этих часов: см.: Сокольский Н.И. Таманский толос... Рис. 42, 2; Диатроптов П.Д., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Скульптура, надгробные памятники, изделия из мрамора и известняка // На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в ГИМ. М., 2002. С. 381. № 381; ср.: Sorokina N., Zhuravlev D. Marmoruhr aus dem Haus von Chrissalisk // Geburt der Zeit: Eine Geschichte der Bilder und Begriffe: Eine Ausstellung der Staatlichen Museen Kassel vom 12. Dezember 1999 bis 19. März 2000. Kassel, 2000. S. 71. Kat. N 2.8.2. По мнению С.А. Шестакова, Н.И. Сокольский и следующие за ним исследователи изобразили эти часы в перевернутом виде (Шестаков С.А. Солнечные часы из Керченского музея // БИ. 2005. Вып. IX. С. 361).
- ⁴⁰ Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея: Исторический очерк. Керчь, 1926. Рис. 21; Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 95. № 92; Синенко Р.Г. Солнечные часы из Керченского лапидария // Пантикапей — Боспор — Керчь: 26 веков древней столицы: Материалы конференции. Керчь, 2000. С. 112–115; Шестаков С.А. Солнечные часы... С. 360–373.
- ⁴¹ Seiler F. Die griechische Tholos: Untersuchungen zur Entwicklung, Typologie und Funktion kunstmäßiger Rundbauten. Mainz am Rhein, 1986. S. 25–39. См. также: Travlos J. Bildlexikon zur Topographie des antiken Athen. Tübingen, 1922. Abb. 252–253. S. 193. Abb. 254. S. 553–554, 557. Abb. 695 (план).
- ⁴² Сударев Н.И. Поселение и некрополь «Береговой 4»: (Итоги исследований в 1999–2005 гг.) // БЧ. VII. 2006. Рис. 1. С. 274–276.
- ⁴³ Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Архаический толос на акрополе Пантикапея // БФ. 2002. Ч. 1. С. 43–49.
- ⁴⁴ Они же. Многокамерные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея // ДБ. 2003. № 6. С. 307–350.
- ⁴⁵ Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. 2-е изд. М., 1898. С. 64–65.
- ⁴⁶ Там же. С. 97–98. См. также: Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 61–62.
- ⁴⁷ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 78–79.
- ⁴⁸ Сорокина Н.П., Николаева Э.Я., Стручалина Р.А. Раскопки второго городища у пос. «За Родину» Темрюкского района Краснодарского края // АО 1976 г. М., 1977. С. 22; Сорокина Н.П., Воронов А.А., Мелкулян Л.М., Стручалина Р.А. Раскопки второго городища у пос. «За Родину» Темрюкского района Краснодарского края // АО 1977 г. М., 1978. С. 143; Сорокина Н.П., Воронов А.А., Усачева О.Н., Мелкумян Л.М. Работы Ахтанизовского отряда Таманской экспедиции // АО 1978 г. М., 1979. С. 147.
- ⁴⁹ Сорокина Н.П. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на Азиатском Боспоре // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1982. Тбилиси, 1985. С. 375.
- ⁵⁰ Заметим, что некоторые открытые в Северном Причерноморье святилища имели оштукатуренные стены с сюжетной фресковой росписью, а на некоторых из них были нанесены многочисленные граффити. Укажем лишь известное изображение корабля «Изида» в святилище в Нимфее.
- ⁵¹ Сорокина Н.П. Краснолаковое блюдо с граффити из Кеп // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. М., 1998. С. 94–97. (Труды ГИМ; Вып. 102).
- ⁵² Пятшышева Н.В. Скифы и Херсонес // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. Рис. 6.
- ⁵³ Гущина И.И. Глиняные пряслица с граффити из могильников Юго-Западного Крыма первых веков нашей эры // Проблемы археологии Евразии. М., 1990. (Труды ГИМ; Вып. 74).

⁵⁴ Журавлев Д.В. Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. М., 2001. Рис. 4, 4. (Труды ГИМ; Вып. 118).

⁵⁵ Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 34.

⁵⁶ Сокольский Н.И. Керамическая мастерская в Кепях // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 265–270; Сорокина Н.П. Так называемые «кепские» клейма эпохи эллинизма и их расшифровка // Археологический сборник. М., 1998. С. 26–31. (Труды ГИМ; Вып. 96).

⁵⁷ Сокольский Н.И. Керамическая мастерская... С. 265.

⁵⁸ Журавлев Д.В., Завойкин А.А. Светильники из святилища элевсинских богинь «Береговой 4» // ДБ. 11. 2007. См. также: *Parisinou E. The Light of the Gods: The Role of Light in Archaic and Classical Greek Cult. L., 2000.*

⁵⁹ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 47–48.

⁶⁰ Χρυσάλισκου

Τύχη

Βα[σι]λεὺς

Ἀσάνδρος

φίλ[οράματος].

Автором раскопок эта надпись была переведена: «Хрисалиска Тяхе (судьба-счастье). Царь Асандр друг римлян» (Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 40. Рис. 30). Впрочем, до конца не ясна аббревиатура φίλ, восстановленная как [οράματος].

⁶¹ Окончательно дата гибели дома Хрисалиска еще остается дискуссионной. Нумизматический материал не дает оснований для столь поздней даты. Из поздних монет можно указать на обол Асандра (47–44 г. до н.э.) и на два пантикапейских тетрахака (44–30 гг. до н.э.), один из которых найден вне дома Хрисалиска (Сокольский Н.И. Таманский толос... Приложение I. № 15, 16, 47). Святилище Полянка, из которого происходят аналогичные терракоты, А.А. Масленников датирует весьма широко: конец 40-х годов — середина последней четверти I в. до н.э. (Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007. С. 66). Кутлакская крепость, керамический комплекс которой очень близок материалам из дома Хрисалиска, также

имеет широкую дату, но авторы в качестве одного из основных хронологических аргументов приводят дату гибели дома Хрисалиска, ссылаясь на публикацию Сокольского (Ланцов С.Б., Труфанов А.А. Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // ДБ. 1999. № 2. С. 166). Довольно близки к керамическому комплексу дома Хрисалиска также материалы из башни на Узуларском валу, раскопанной Масленниковым (Масленников А.А. Эллинская хора на краю ойкумены: Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 106–111. Рис. 71–72). Исследователь датирует сооружение этих укреплений временем Асандра, ссылаясь на свидетельство Страбона о сооружении этим боспорским царем стены с башнями на западных рубежах Боспора (Strab. VII. 4. 6), а разрушения концом I в. до н.э. — «не позднее 8 г. до н.э.».

В целом допустимо бытование в доме Хрисалиска в течение длительного времени более ранней парадной посуды, например, знаменитого скифоса с аппликативными рельефами, изготовленного в начале I в. до н.э. (Журавлев Д.В. Позднеэллинистический пергамский скифос с аппликативными рельефами из дома Хрисалиска // ВДИ. 1995. № 3). Краснолаковая керамика, которая наряду с амфорами является основным датированным материалом в этом комплексе, суммарно может быть отнесена ко второй половине I в. до н.э. К тому же она имеет ряд параллелей сосудам, происходящим из более ранних комплексов. В основном она относится к группе Боспорской сигиллаты (Домжалски К., Журавлев Д.В. Боспорская сигиллата // БЧ. IV. 2003. С. 89–92). Датировка светлоглиняных амфор, преимущественно представленных разновидностью C1a по С.Ю. Внукову, не помогает в уточнении датировки гибели дома Хрисалиска, ибо дата амфор довольно широка и охватывает вторую половину I в. до н.э. (Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. СПб., 2006. Ч. II: Петрография, хронология, проблемы торговли. С. 152–153). При этом следует говорить о полном отсутствии узкогорлых светлоглиняных

амфор. Одному из авторов статьи на основании находок краснолаковой керамики представляется, что гибель дома Хрисалиска могла произойти несколько ранее, на рубеже третьей и четвертой четверти I в. до н.э., хотя вопрос о том, с какими конкретными историческими событиями были связаны разрушения столь значительного характера, остается нерешенным.

⁶² Сокольский Н.И. Таманский толос... Рис. 48–55; Журавлев Д.В. Позднеэллинистический пергамский скифос... С. 72–79.

⁶³ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 39.

⁶⁴ Там же. С. 42. Рис. 31.

⁶⁵ Там же. С. 104.

⁶⁶ Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Люди и их боги: Религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 438–439.

⁶⁷ Там же. С. 438–439.

⁶⁸ Там же. С. 439.

⁶⁹ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 101. Рис. 56; Журавлев Д.В., Ильина Т.А. Терракотовые статуэтки // На краю ойкумены... С. 73. № 270.

⁷⁰ Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. С. 98. Рис. 43.

⁷¹ Сокольский Н.И. Таманский толос... Рис. 57, 7–9.

⁷² Первоначально Сокольский предполагал, что «терракоты, если не все, то какая-то их часть, должны относиться к эпохе функционирования святилища, и что они были взяты оттуда при разборе разрушенных зданий новыми обитателями городища и продолжали служить им, найдя созвучие с их религиозными представлениями» (Таманский толос... С. 93). С таким предположением солидарны Сапрыкин и Масленников («создается впечатление, что какая-то их часть (кстати, также статуэтки сидящей богини) все же найдены отдельно от основной массы других терракот и даже, возможно, относятся к более раннему времени» (Люди и их боги... С. 437)). Эта точка зрения справедлива. Из четырех статуэток Кибелы, сидящей на троне, лишь одна (Сокольский Н.И. Таманский толос... Рис. 57, 2) происходит из помещения домашнего святилища, а

остальные найдены в помещении В, северном портике перистиля, помещении IV (фрагмент) и восточной части портика толоса — все они могли и не быть связаны с функционированием дома Хрисалиска. Две статуэтки Геракла, борющегося со львом, происходят из помещения VI (рис. 7) и западного портика перистиля. Из терракот домашнего святилища, видимо, следует исключить и статуэтку всадника (рис. 18), обнаруженную в западном доме перистиля (Там же. Рис. 58, 7).

⁷³ Приведем слова Сокольского: «Нет ничего удивительного, что образ главного божества прежнего святилища Афродиты воспринимался и продолжал жить в кругу боспорской аристократии, вышедшей из среды аспургиан, в качестве Великой Матери богов, воплощенной в образе Кибелы...» (Таманский толос... С. 94).

⁷⁴ Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М., 2006. Табл. 17–51; Он же. Сельские святилища... С. 17–31. Рис. 9–14.

⁷⁵ Восьми- и двенадцатилепестковые терракотовые розетки, обнаруженные на святилище Полянка, очевидно, являлись частью декора специальных сосудов, выполнявших определенную сакральную функцию. См. такой сосуд из Пантикапея: Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Новые комплексы римского времени из Пантикапея // БИ. 2005. Т. VIII. Рис. 1–2. Возможно, что такую же функцию могли выполнять и «алтарики» из известняковых плит, раскрытые в северной части восточной постройки комплекса толоса. В одном из них стояла «глиняная чашечка» (Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 29. Рис. 20, 6–7).

⁷⁶ Возможно, что они выполняли ту же функцию, что и врытые в землю горла амфор, заполненные золой, которые были неоднократно открыты при раскопках акрополя Пантикапея. В одном случае на «очаге», в качестве которого использовано горло хиосской амфоры, обнаружен стоящий *in situ* круглодонный кухонный сосуд, в другом — миниатюрный красноглиняный кувшинчик (Толстиков В.П. Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 72. Рис. 14, 4; Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломта-

дзе Г.А. Многокамерные комплексы... С. 324–325).

⁷⁷ Масленников А.А. Сельские святилища... С. 65.

⁷⁸ Там же. С. 64.

⁷⁹ Там же. С. 65.

⁸⁰ Цит. по: Гёру К.К. Историческая топография Таманского полуострова // Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1898. Вып. 1. С. 157.

⁸¹ Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года // Труды этнографо-археологического музея I МГУ. 1927. С. 7.

⁸² Тункина И.В. К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII — первой четверти XIX в. // БС. 1993. 2. С. 11–13, 18–21; Гёру К.К. Историческая топография... С. 153–157; Он же. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. Преимущественно по неизданным источникам // Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 2. С. 7–10; Башкиров А.С. Археологическое обследование... С. 6–7; Сокольский Н.И. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове // СА. 1957. № 1. С. 244–246; Архив ИА РАН. № 1203. Л. 23–27.

⁸³ Ломтадзе Г.А. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции ГИМ в районе станции Ахтанизовской Темрюкского района Краснодарского края в 2006 году // Архив ИА РАН. С. 29–32. Рис. 94–99.

⁸⁴ Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Работы российско-германской экспедиции на Таманском полуострове.

⁸⁵ КБН 1015.

⁸⁶ КБН 1014.

⁸⁷ Цит. по: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 570.

⁸⁸ Кёлер Е.Е. Рассуждение о памятнике царицы Комосарии // Археологический сборник, изданный Г.И. Спасским. М., 1850. С. 99. Цит. по: Тункина И.В. Русская наука... С. 571.

⁸⁹ Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора: Очерки. Киев, 1961. Табл. 19–20. См. также: Античная скульптура из собрания Керченского

государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2004. С. 41. № 3.

⁹⁰ Розанова Н.П. Посвятительная надпись Санергу и Астаре. Памятник царице Комосарии // ВДИ. 1949. № 2. С. 86–93; Тохтасьев С.Р. Вотив царицы Комосарии // ПАВ. 1994. 8. С. 81–84; Ustinova Yu. The Supreme Gods of the Bosphoran Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God // Religion in the Graeco-Roman World. Leiden; Boston; Köln. 1999. Vol. 135. P. 52–53.

⁹¹ Тохтасьев С.Р. Вотив царицы Комосарии. С. 81–84.

⁹² Подробнее об открытии этого памятника см.: Тункина И.В. Русская наука... С. 576–577.

⁹³ Ξενοκλείδης Πόσιος ἀνέθηκε τὸν ναὸν Ἀρτέμιδι Ἀγροτέραι ἄρχοντος Πατρισάδου τοῦ Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίου καὶ βασιλευσῶν Σίνδων καὶ Τορετῶν καὶ Δανδαρίων

⁹⁴ Свиньин П.П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г., относительно археологии // Отечественные записки. 1826. Ч. 25, кн. 71. С. 445–446. Цит. по: Тункина И.В. Русская наука... С. 577–578.

⁹⁵ Гёру К.К. Археологическая топография... С. 155–156.

⁹⁶ Розанова Н.П. Посвятительная надпись... С. 91.

⁹⁷ [Муханов П.А.] О развалинах храма Дианы Ловитвы на острове Тамане // Московский телеграф. 1826. Ч. 9. № 9. Рис. между с. 88–89, 342–343. См. также: Тункина И.В. Русская наука... С. 577.

⁹⁸ Гёру К.К. Археологическая топография... С. 155.

⁹⁹ Башкиров А.С. Археологическое обследование... С. 7.

¹⁰⁰ Сокольский Н.И. Находки на вершине горы Бориса и Глеба... С. 244–246.

¹⁰¹ Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 16–17; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 201–202; Розанова Н.П. Посвятительная надпись... С. 86–93; Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 59–60.

- ¹⁰² Фрагменты черепицы на горе Бориса и Глеба были зафиксированы и В.В. Веселовым (Сводная ведомость... С. 195. № 33).
- ¹⁰³ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 107–108.
- ¹⁰⁴ Он же. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 86; Коровина А.К. Группа надгробных стел Таманского полуострова // СГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 101–102; Толстиков В.П. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1. С. 180; Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1987. С. 196–198, 200. Кат. № 131–133, 135.
- ¹⁰⁵ Сокольский Н.И. Новые памятники... С. 87.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 90. Большая часть этих находок в настоящее время хранится в Государственном Историческом музее, остальные — в Анапском археологическом заповеднике.
- ¹⁰⁷ Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры... С. 167–169.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 167–169.
- ¹⁰⁹ Тип Кх IV по классификации Внукова (Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э.: (морфология). М., 2003. С. 160–193). Подробная информация о находках была взята нами из полевых дневников Сокольского, хранящихся в Государственном Историческом музее.
- ¹¹⁰ Он же. Причерноморские амфоры... Ч. II. С. 152–153.
- ¹¹¹ Сокольский Н.И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2864. Л. 16.
- ¹¹² Ломтадзе Г.А. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции ГИМ... С. 33–34. Рис. 8–11.
- ¹¹³ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1979. С. 108.
- ¹¹⁴ Коровина А.К. Тирамба (городище и некрополь...) С. 54–84.
- ¹¹⁵ Там же. С. 62.
- ¹¹⁶ Там же. С. 61–62. Рис. 6, 10, 1.
- ¹¹⁷ Под это определение в середине XX в. попадала как позднеэллинистическая (например, Eastern sigillata А сирийского производства), так и раннеримская (например, италийская) керамика.
- ¹¹⁸ История изучения этого памятника была подробно рассмотрена Н.И. Сокольским (Таманский толос... С. 3–6).
- ¹¹⁹ Там же. С. 44–53.
- ¹²⁰ Большая часть коллекции из раскопок этого памятника хранится в фондах Государственного Исторического музея.
- ¹²¹ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 48.
- ¹²² Паромов Я.М. Ахтанизовская «батарея» (укрепленное поселение на Таманском полуострове) // БС. 1994. № 4. С. 175–178.
- ¹²³ Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1. С. 179–191; Он же. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 108–115; Он же. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 21–30.
- ¹²⁴ Наиболее обстоятельно материалы исследования этих сооружений изучены А.А. Масленниковым (Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003. С. 36–113).
- ¹²⁵ Там же. С. 75–87, 97–102. Рис. 43–51, 66–69.
- ¹²⁶ Ланцов С.Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлаке — Афи-
- неоне Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. № 1. С. 121–136.
- ¹²⁷ Ланцов С.Б., Труфанов А.А. Столовая посуда... С. 161–173; Ланцов С.Б., Юрочкин В.Ю. Керамическая посуда Кутлакской крепости в Крыму // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э.: Материалы международной науч. конф. СПб., 2006. С. 106–117.
- ¹²⁸ Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–132.
- ¹²⁹ Алексеева Е.М. Горгиппия в системе Боспорского государства первых веков н.э. // ВДИ. 1988. № 2. С. 66–85.
- ¹³⁰ Крушикол Ю.С. Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 213–220.
- ¹³¹ Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря // МАК. 1899. Т. II. С. 105–109.
- ¹³² Савостина Е.А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани: (предварительные итоги изучения) // СА. 1987. № 1. С. 58–71; Фролова Н.А., Савостина Е.А. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1998. № 1. С. 140–155.
- ¹³³ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. Табл. XLV, 12.
- ¹³⁴ В том числе и Узунларский вал, сооружение которого, видимо, надо относить к III в. до н.э. (Масленников А.А. Древние земляные сооружения... С. 208).
- ¹³⁵ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 108.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ

А. А. МАЛЫШЕВ

Пространства к югу и юго-востоку от античной Горгиппии (Горυίτλια) — современной Анапы — тяготеют в географическом отношении к предгорьям Северного Кавказа. Они образуют единый геоморфологический район, получивший название полуостров Абрау. Он ограничен с севера долиной р. Катлама, с востока — Маркотхским хребтом, с юга и запада — Черным морем. На полуострове выделяется юго-западная часть со среднегорным рельефом, переходящим вглубь континента в низкогорный и слабохолмистый. Расположение горных массивов предопределило формирование на небольшой территории сложной речной системы. Во-первых, на севере — бассейн р. Катламы с крупным левым притоком Маскагой, впадающим в море в районе Анапы. Во-вторых, в юго-восточном направлении сток обеспечивает р. Цемес, образовавшая глубокую и широкую долину, в которой в древности были расположены античные Баты (Βάτα — ныне Новороссийск). В-третьих, на черноморское побережье выходит большое количество коротких щелевидных долин, временных и постоянных водотоков, отделенных от долин Катламы и Цемеса цепью хребтов¹. Таким образом, природно-географические условия способствовали изоляции населения этого региона как со стороны моря, так и суши.

Целый комплекс археологических свидетельств указывает на длительное пребывание (в конце IV в. до н.э. — III в. н.э.) здесь выходцев из городов Боспорского государства, расположенного на берегах Боспора Киммерийского (рис. 1). Наиболее значимое из них² — это распространение традиций каменного и сырцового домостроительства, что оказалось не свойственным для населения этого региона ни до, ни после античной эпохи.

Архаическая и классическая эпохи. О начале и характере процесса освоения кавказского побережья греческими колонистами во второй четверти — середине VI в. до н.э. свидетельствуют материалы из античного поселения Торик. С XIX в. в Геленджикской бухте целый ряд исследователей локализует античный город Торик, по Псевдо-Скилаку город с гаванью (Ps.-Scyl., 76) (Ф. Дюбуа де Монпере, А.Б. Ашик и др.). Поселение было расположено на небольшом мысообразном скалистом плато, у входа в Геленджикскую бухту, на Тонком мысу (раскопки Н.А. Онайко 1971–1974 гг.)³. Следует отметить масштабность комплекса каменных построек: в целом было исследовано 1540 кв. м, причем треть или четверть площади памятника была утрачена в результате береговой абразии. Комплекс включал 21 помещение, которые были расположены вокруг внутреннего двора площадью свыше 900 кв. м⁴. Обычные для греческого домостроительства архаического периода углубленные в землю постройки полностью не выявлены, отсутствуют и данные об использовании сырцовых стен. В целом было прослежено три строительных периода (рис. 2). Архаический Торик, основанный одновременно с первыми апойкиями Европейского и Азиатского Боспора⁵, просуществовал более века — до начала второй четверти V в. до н.э.

Специализацию хозяйства — экономическую основу существования жителей Торика — вряд ли возможно охарактеризовать однозначно. Она, вероятно, была комплексной: включала и торговую (древесина, мед, воск, рабы), и производственную (металлообработка, возможно, ремонт и оснащение всем необходимым проплывающих вдоль побережья судов) деятельность. В значительной мере она могла со временем трансформироваться.

За вековой период здесь сложились своя административная структура и культурные традиции. Поселение находилось в системе давно существовавших дипломатических отношений с причерноморскими и средиземноморскими

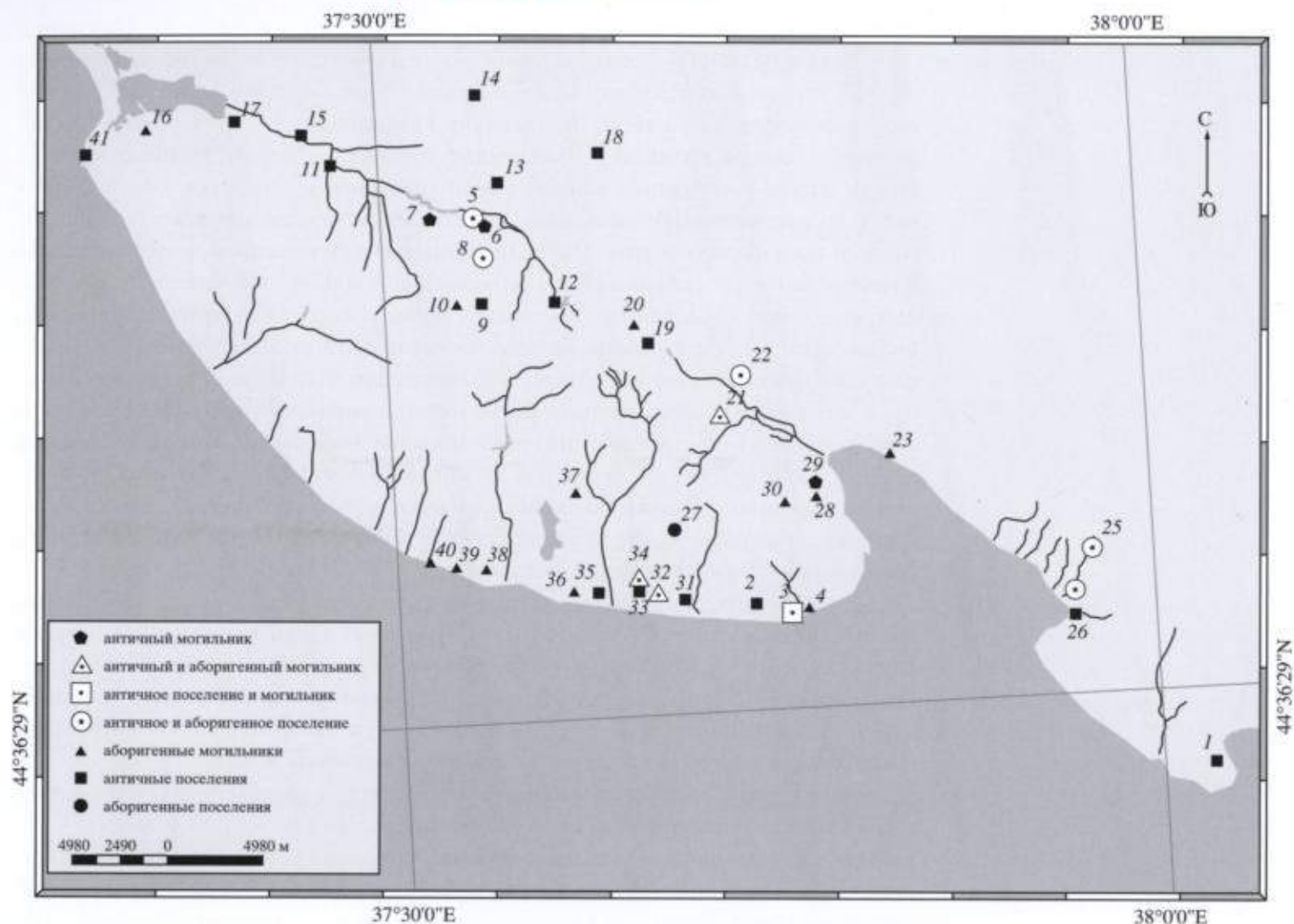
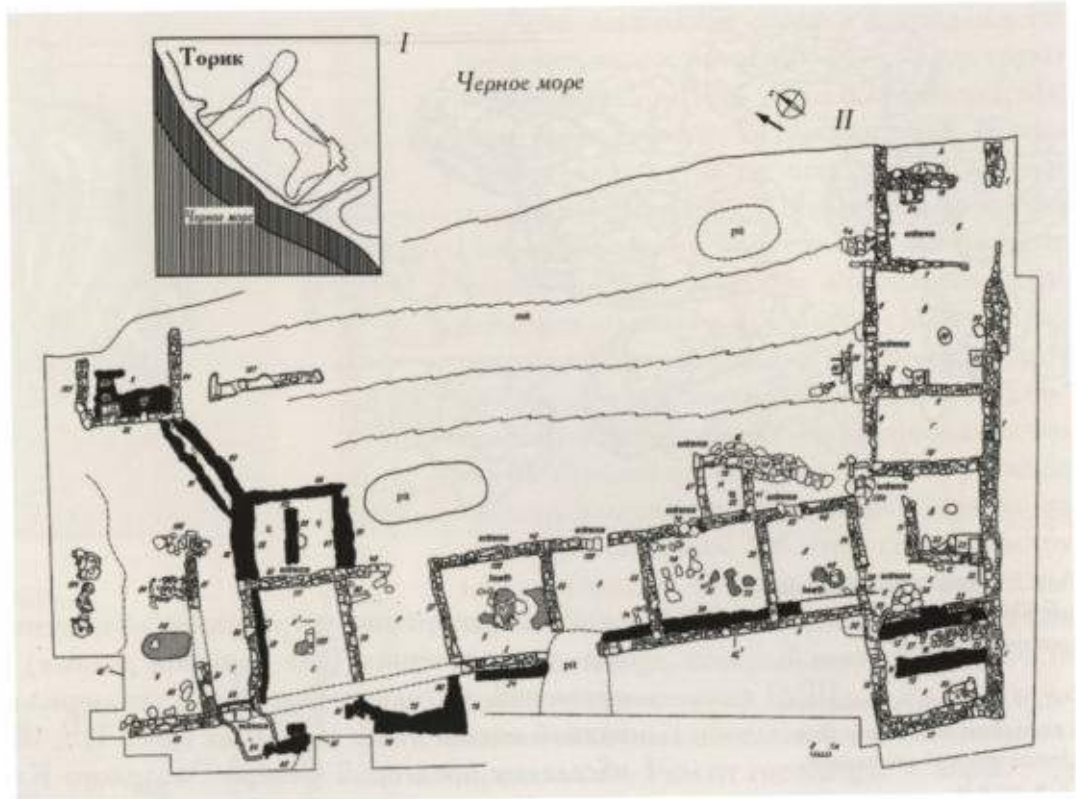

Рис. 1. Археологические памятники античной эпохи на полуострове Абрау

центрами, однако превратиться в античный город Торику было не суждено. Вряд ли это можно объяснить лишь природно-климатическими причинами, действиями северо-восточного ветра — боры⁶: на протяжении вековой истории Торики это обстоятельство не служило серьезной помехой. Более правдоподобным, судя по целому ряду косвенных наблюдений, выглядит мнение о сложных взаимоотношениях и столкновениях с местными племенами, изменение маршрутов кораблей (не вдоль берега, а непосредственно через Черное море) и удаленность от боспорских центров.

С пребыванием греков на этой территории связано, по всей видимости, небольшое поселение «Балка» (Мысхако 5) позднеархаического времени, на котором засвидетельствованы следы каменного домостроительства⁷. Достоверные данные о позднеархаических греческих поселениях на берегах Цемесской бухты отсутствуют. До сих пор остается дискуссионным вопрос о местоположении греческого населенного пункта Баты (Βάτα) (Strab. XI. 2. 14; Ptol. V. 8. 8). Большинство авторов отождествляет его с Патусом (Πάτους) и помещает именно в район Цемесской бухты. Н.А. Онайко считала, что остатки города были забетонированы при строительстве Новороссийского порта⁸. Об использовании акватории Цемесской бухты свидетельствуют находки античных якорей и амфор на дне Цемесской бухты, в районе Шесхариса⁹. По-видимому, греческое поселение (или поселения?) на берегах Цемесской бухты имело небольшие размеры, иначе во время городского строительства

Рис. 2. Античное поселение Торик.
План

в Новороссийске периодически фиксировались бы находки из разрушенных слоев.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют говорить о том, что колонизация прибрежной зоны в VI–V вв. до н.э. была успешной и что были заложены основы для дальнейшего хозяйственного и политического освоения этого региона. Явная поспешность при строительстве, очевидное стремление жителей Торика к обособлению (расположение пожароопасных объектов — печей — в пределах этого пространства, отсутствие хозяйственных построек вне периметра сооружения) — все говорит о напряженных взаимоотношениях греков-переселенцев с местным населением.

По сведениям древних авторов, в VI–I вв. до н.э. на территории от Горгииппии (Анапы) до Торика (Геленджик), юго-западнее синдов, обитали племена керкетов и торетов (Ps.-Skyl. 72–75; Strab. XI. 2. 1; Plin. NH. VI. 17). Согласно Псевдо-Скилаку (IV в. до н.э.), керкеты жили ближе к Синдской гавани, далее — тореты и эллинский город Торик с гаванью. Большая часть известных нам археологических памятников догреческого населения предгорий — могильники, которые датируются в пределах VI–IV вв. до н.э., их многочисленность свидетельствует о довольно высокой плотности местного населения в этот период.

Захоронения в этих могильниках совершались на древнем горизонте в каменных ящиках из больших песчаниковых плит и были окружены башнеобразными конструкциями из крупных необработанных камней или морских валунов¹⁰. Эта традиция существует на полуострове Абрау с эпохи поздней бронзы. Так же, как и в «синдских» могильниках побережья (окрестности Горгииппии-Анапы)¹¹, «классической» формой являются либо парные, по-видимому, семейные или асинхронные коллективные захоронения (очевидно, родственников, с ориентировкой тела в восточном секторе).

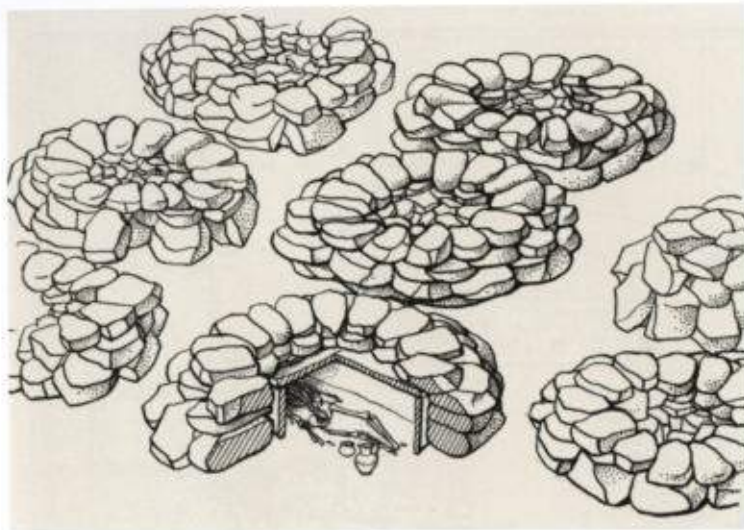

Рис. 3. Могильник абортинного (керкет-торетского) населения (реконструкция)

Рис. 4. Бляшка, украшенная в скифском зверином стиле. Цемдолинский могильник. IV в. до н.э.

Для топографии могильников абортинного населения характерно плотное, упорядоченное (как правило, рядами) расположение погребальных сооружений, что свидетельствует о традиционности и предельно регламентированной жизни этого населения (рис. 3)¹². Формы погребальных сооружений населения предгорий Северо-Западного Кавказа имеют явные параллели в могильниках автохтонного населения гор, южного берега Крыма (крымская мегалитическая культура — тавры) и предгорий, части степи и побережья, в частности Керченского полуострова (кизил-кобинская культура)¹³, что позволяет некоторым ученым высказать мнение об их кавказском происхождении¹⁴.

Говоря об инокультурных влияниях, особо следует отметить длительное воздействие прикубанского населения (оседлого или полуседлого меотского и сменяющих друг друга со временем в степной и пойменной части региона кочевников) на местную культуру предгорий. Оно прослеживается в погребальных комплексах местной культуры уже с предскифского времени, что позволяет исследователям рассматривать археологические памятники предгорий как составную часть единой культурно-исторической общности¹⁵. Свидетельства о значительной социальной дифференциации для VI—IV вв. до н.э. довольно немногочисленны. Они выражаются в присутствии в погребальных комплексах большего разнообразия престижных и дорогостоящих привозных предметов: элементов защитного вооружения (пластинчатые панцири) и уздечных наборов, украшенных скифской зооморфной пластикой (рис. 4).

В эллинистическое время, по-видимому, по образцу античных склеповых сооружений появляется практика захоронения через торцевую часть каменного ящика. В III—II вв. до н.э. резко сокращается ареал абортинных комплексов. Обычай захоронения в каменных ящиках внутри обкладок-кормлехов доживает до римского времени только в ущельях Широкая Балка и в долине реки Озерейка.

Раннеэллинистическая эпоха. Боспорская колонизация приграничных территорий разворачивается в начале IV в. до н.э., когда шло объединение центров азиатского и европейского Боспора в единое государство. Судя по упоминаниям в титулатуре боспорских правителей Левкона I (389/8—349/8 гг. до н.э.) и Перисада I (344/3—311/0 гг. до н.э.) торетов, как подвластного народа¹⁶, население предгорий было вовлечено в орбиту боспорского влияния в конце V—IV в. до н.э.

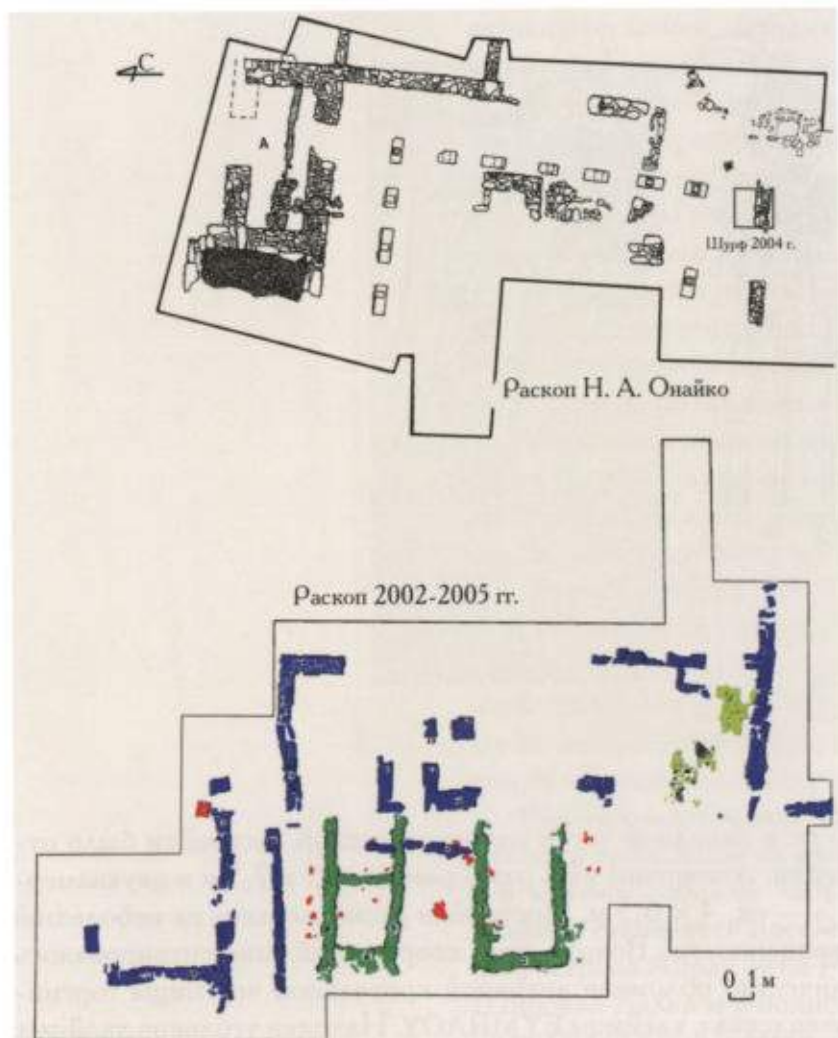

Рис. 5. Раевское городище.
План эллинистической застройки

Рис. 6. Пантикапейская монета.
Раевское городище (раскопки 2002 г.).
II в. до н.э. Серебро

Археологические данные о продвижении боспорян на восток и юго-восток датируются концом IV—III в. до н.э. Претерпевают изменения характер и направление колонизации: осваивается не прибрежная часть, а предгорья к северу от Навагирского хребта. Под боспорским контролем оказываются значительные территории в предгорьях (бассейн рек Катлама и Маскага). Благодаря природно-географическим (рельеф, источники воды) и климатическим (роза ветров и осадки) особенностям организация античной хозяйственной системы во многом учитывала систему расселения аборигенного керкетотретского населения. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы эллинистического строительного комплекса боспорян на Раевском городище, который возник на месте догреческого поселения (VIII—V вв. до н.э.), а также античных поселений, расположенных в пределах 2—3 км от городища, — хоры.

Появление нового, боспорского населения, по всей видимости, не привело к коренным изменениям в традиционной для этого региона системе зернового хозяйства. Палеозоологические материалы из культурных слоев эллинистического Раевского городища показали абсолютное доминирование остатков домашних животных¹⁷.

В целом подтверждаются наблюдения Н.А. Онайко, которая отмечала ограниченные торговые возможности поселения¹⁸ и особое военно-политическое значение этого центра. Символичным в этом смысле выглядит то обстоятельство, что парадный вход монументального комплекса на Раевском городище был обращен на запад — на античную Горгиппию. Исследования этого комплекса в 2002—2005 гг., показали, что общая площадь эллинистической каменной застройки составляла не менее 2000 кв. м. Обнаруженные строительные остатки свидетельствуют о том, что комплекс имел регулярную планировку (рис. 5), большая часть эллинистического комплекса оказалась расположенной вне границ городища, обозначенных крепостным валом, поэтому неясно, какими же средствами на этом этапе обеспечивалась оборона комплекса в целом. Центром комплекса являлось здание с перистильным двором. По мнению Н.А. Онайко, мощность и усиленные фундаменты стен помещений «А» и «Б» позволяют предположить, что в северной части здание имело два этажа. Внутренние фасы стен помещения «Б» были покрыты двуслойной штукатуркой, на которой выявлены фрагменты полихромной фресковой росписи. Стены дворика, судя по обломкам расписной штукатурки, также были расписаны.

Рис. 7. Эллинистическая амфора (III в. до н.э.), использованная в качестве урны трупосождения (Раевский некрополь)

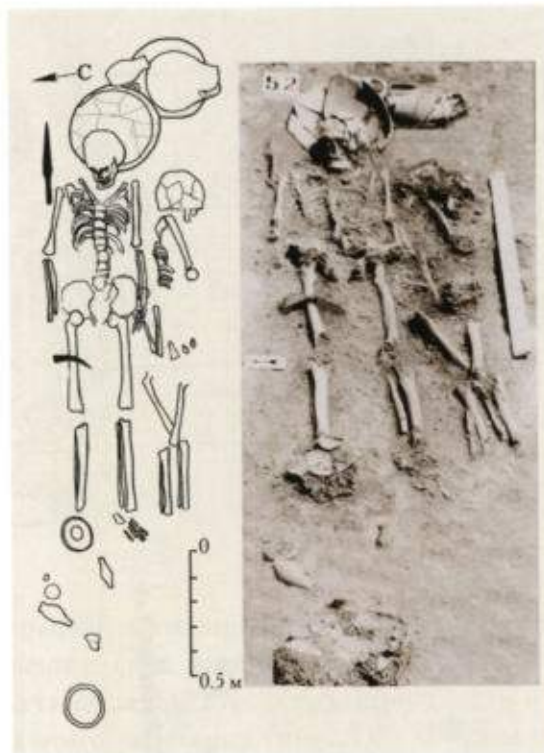

Рис. 8. Захоронение по меотскому обряду на Раевском некрополе

В 2002–2005 гг. в западной части эллинистической застройки было открыто два сооружения: помещение «В» размером ок. 4,5 × 7,5 м и двухкамерное помещение «Г» — ок. 4 × 6,5 м. Постройки располагались на небольшой естественной возвышенности. Вокруг этих сооружений концентрировалось максимальное количество обломков античной кровельной черепицы горгийского (?) производства с клеймом ΕΥΜΗΛΟΥ. Находки угольков хвойных пород в заполнении помещений свидетельствуют об использовании древесины этих пород при сооружении перекрытий. Очаги не обнаружены, поэтому создается впечатление, что эти помещения не отапливались. Это обстоятельство, видимо, объясняется сезонным, небытовым характером использования комплекса в целом. Отсюда относительно невысокая насыщенность культурного слоя бытовым мусором и низкое содержание в слое соединений фосфора — независимого индикатора интенсивности жизнедеятельности. В бытовом мусоре отмечен небольшой удельный вес амфорного материала, совсем

Рис. 9. Монументальное сооружение раннеримского времени в северо-восточной части Раевского городища (раскопки 2007 г.)

Рис. 10. Кладка цокольной части башни-усадьбы Дубки (раскопки 2006 г.)

немногочисленны находки светильников, монет и терракотовых статуэток (рис. 6). Показательно, что на поселении, как впрочем и во всем регионе в целом, не найдено ни одного лапидарного памятника; крайне немногочисленны и находки граффити. Таким образом, достоверные данные, позволяющие определить статус этого центра, отсутствуют. Н.А. Онайко не случайно оставила открытым вопрос о назначении этого здания¹⁹, но позднее С.Д. Крыжицкий отнес его к «жилым комплексам дворцового типа»²⁰.

Имеющиеся в нашем распоряжении нумизматические материалы позволяют отнести возведение комплекса к первой половине III в. до н.э. Количественное распределение монетных находок свидетельствует о наиболее интенсивном его использовании в пределах III в. до н.э.

Материалы некрополей, исследованных в окрестностях Раевского городища, свидетельствуют о сложной этнополитической ситуации в предгорьях в эллинистическую эпоху. Помимо захоронений эллинского, боспорского (рис. 7), населения обнаружены многочисленные погребальные комплексы выходцев из внутренних районов Закубанья, у которых был распространен обряд помещения под голову погребенного миски (рис. 8). Они датируются в пределах II — начала I в. до н.э. Их появление было, очевидно, связано с возникновением поселения или с системой военных поселений, создаваемых центральной властью для освоения новых земель и укрепления своего влияния. Эта практика получила широкое распространение еще в митридатовскую эпоху²¹.

Раннеримское время. Существенные изменения на юго-востоке Азиатского Боспора происходят на рубеже нашей эры: они фиксируются и в прибрежной, и в континентальной частях. Наиболее значительными центрами античного влияния становятся поселения, расположенные как в континентальной части полуострова Абрау — на Раевском городище, так и в прибрежной — в ущелье Широкая Балка и у подножия горы Колдун — поселение Мысхако (деревня Бата (Βάτα κόμη): Strab. XI. 2. 14; Ptol. V. 8. 8.)²².

В результате интенсивного каменного строительства в разных уголках полуострова Абрау культурный ландшафт претерпевает заметные изменения. Возводятся чаще двух-, реже одно- или трехкамерные постройки с каменным докольным этажом, сложенным из мощных каменных блоков; в случае необходимости под кладками устраивались субструкции²³. Верхний один или два уровня (этажа) возводились из сырцовых кирпичей. На этой территории было сооружено около двух десятков укрепленных башен-усадеб.

Показательно, что система укрепленных пунктов была лишь частично скоординирована с более древней системой расселения (Раевское городище, Цемдолинское, Владимировское, Натухаевское, Широкая Балка и др.), а в основном базировалась в пунктах, имевших чисто стратегическое значение (Гудзева гора, Дубки, Сапун, Лиманчик, Козлятник, Пивни и др.). Учитывая низкий экономический потенциал региона и довольно малую плотность населения, можно предположить, что интенсификация строительной деятельности могла произойти лишь при целенаправленной поддержке центральной власти, по всей видимости, при царе Асандре²⁴, который стремился обезопасить основные стратегические трассы, — подступы к городским центрам Азиатского Боспора (прежде всего к Горгипсии) и навигацию вдоль побережья. Эти пункты являлись составными частями единой сигнально-сторожевой системы, объединявшей территорию Азиатского Боспора и сопредельные с ним районы²⁵.

О возрастании военно-стратегического значения Раевского городища в позднеэллинистическое — раннеримское время свидетельствуют серьезные изменения в планировке. В результате часть эллинистической застройки

Рис. 11. Голова терракотовой статуэтки Афродиты-Апатуры (?) из культурного слоя раннеримского времени Раевского городища

Рис. 12. Цемесская бухта. На горизонте Торетский мыс, на котором расположено Мысхакское поселение (деревня Бата)

Рис. 13. Граффити из Мысхакского поселения

Рис. 14. Захоронение воина-всадника из некрополя в Цемесской долине

осталась вне укреплений, была разобрана и засыпана. Границу городища теперь определяла возведенная по его периметру валообразная насыпь²⁶; именно в эту эпоху городище приобретает конфигурацию, близкую к параллелограмму. По гребню вала были сооружены стены шириной 1,4 м, к основанию для обеспечения большей устойчивости кладка расширялась до 1,6 м.

На мысу, в наиболее возвышенной части городища, была размещена своеобразная цитадель, на которой располагалось башнеобразное здание, состоящее из трех помещений с апсидообразной пристройкой²⁷. Цокольное сооружение с юга было укреплено контрфорсом из вертикально установленных блоков. С напольной стороны здание было защищено стеной, толщина которой у основания достигала 1,8 м (рис. 9, 11). Два политических центра располагались в прибрежной части. К сожалению, поселение в Широкой Балке, получившее широкую известность благодаря ярким находкам античных бронз, было разрушено еще в XIX в. В основе комплекса, судя по всему, был все тот же строительный модуль — башенное сооружение (рис. 10).

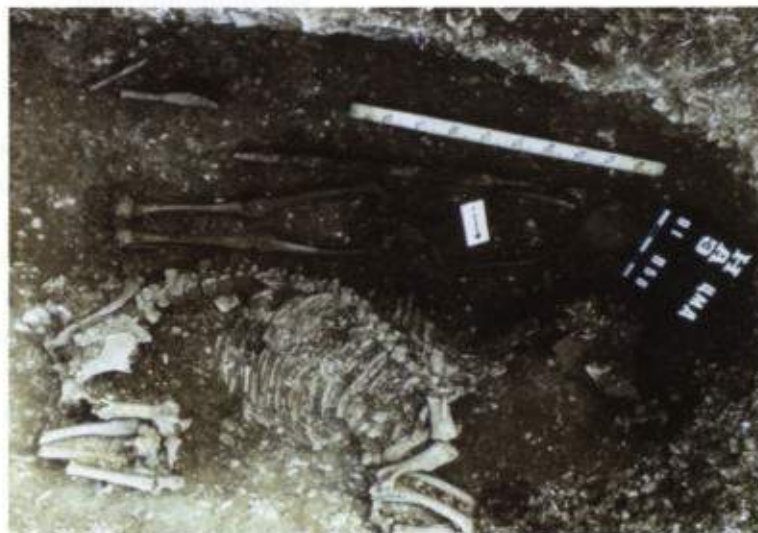

Рис. 15. Инвентарь из захоронений Цемдолинского некрополя (стекло, керамика)

Рис. 16. Бронзовая ойноха из аристократического погребения Цемдолинского некрополя

Рис. 17. Захоронение на Мысхакском поселении. Антропологическая реконструкция внешнего облика погребенного, выполненная к.и.н. Т.С. Балуевой

Рис. 18. Деталь погребального убранства. Мысхакский некрополь

Не исключено, что это поселение, расположенное глубоко в ущелье, стало убежищем боспорской царицы Динамии.

Торговые мотивы во многом определили основание в I в. до н.э. боспорского укрепленного поселения Бата на Черноморском побережье, к юго-западу от Цемесской бухты. Жилые постройки и некрополь расположились у подножия горы Колдун (Мысхако) на двух небольших возвышенностях (Западный и Восточный холмы), разделенных естественной ложбиной²⁸. Восточный холм раньше глубоко врезался в море²⁹ и был заметным ориентиром для мореплавателей, поэтому в античную эпоху вполне мог носить название Торетский мыс (Ptol. V. 3. 8)³⁰ (рис. 12).

Постройки из камня или на каменных основаниях на Восточном холме были сооружены с соблюдением принципов гипподамовой планировки и ориентированы по сторонам света³¹. Думается, что и здесь в основе комплекса было все то же башнеобразное сооружение-маяк, которое могло облегчать навигацию вдоль побережья. Отсутствие находок лапидарных памятников (рескриптов, декретов, манумиссий и даже надгробий) на Мысхакском поселении косвенно свидетельствует о значимости и статусе этого центра: административное и экономическое устройство этого центра существенно отличалось от системы управления и хозяйства расположенной по соседству античной Горгииппии.

Материалы из раскопок поселения и погребений позволяют говорить о том, что экономика поселения была тесно связана с морскими промыслами. Коллекция граффити и материалы некрополя дают возможность составить представление о пестром этническом составе, хозяйстве и духовной культуре населения (рис. 17, 18). В частности, топография аналогий граффити, которая тяготеет к боспорским городам и Ольвии, свидетельствует о значительном притоке населения, по-видимому, морским путем, начиная со второй половины I в. до н.э.³²

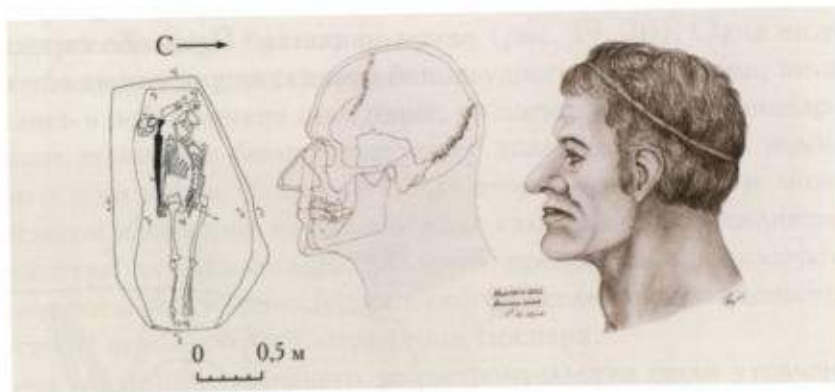
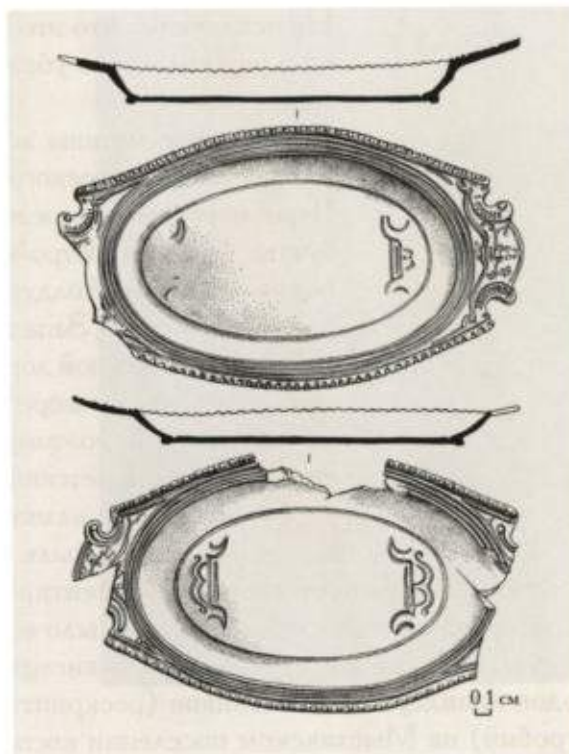

Рис. 19. Краснолаковые блюда.
Мысхакское поселение

В репертуаре изображений на граффити широко представлены тамгообразные знаки. На Владимировском поселении в материковой части региона обнаружен «сервиз» из 13 сероглиняных мисок, помеченных знаками, напоминающими изображение, которое считается тамгой боспорского царя Аспурга³³. Тесная связь с политической историей Боспора подтверждается распространением монограммы-тамги в виде треугольника с двумя крючками сверху, похожей на монограмму Динамии или Аспурга³⁴ (рис. 13).

Несение службы на сторожевых башнях, по-видимому, было возложено на военные отряды наемников-аспургиан, которые были выходцами из

местной меото-сарматской среды³⁵. Материалы некрополей раннеримского времени (в Цемесской долине, Широкой Балке, Южной Озерейке и Мысхако) свидетельствуют о возрастании численности населения и, судя по особенностям погребального обряда, за счет мигрантов из внутренних районов Закубанья³⁶.

Римское время. Новый период в истории этого региона (конец I — III в. н.э.) открывают события, приведшие к гибели системы укрепленных усадеб в середине — второй половине I в. н.э., наряду с упадком целого ряда сельских усадеб на азиатском Боспоре³⁷. Несомненно, это свидетельствовало об ослаблении центральной власти. Ритм жизни в предгорьях резко меняется, Раевское городище заброшено, население сосредоточено на небольших, защищенных естественными преградами поселениях.

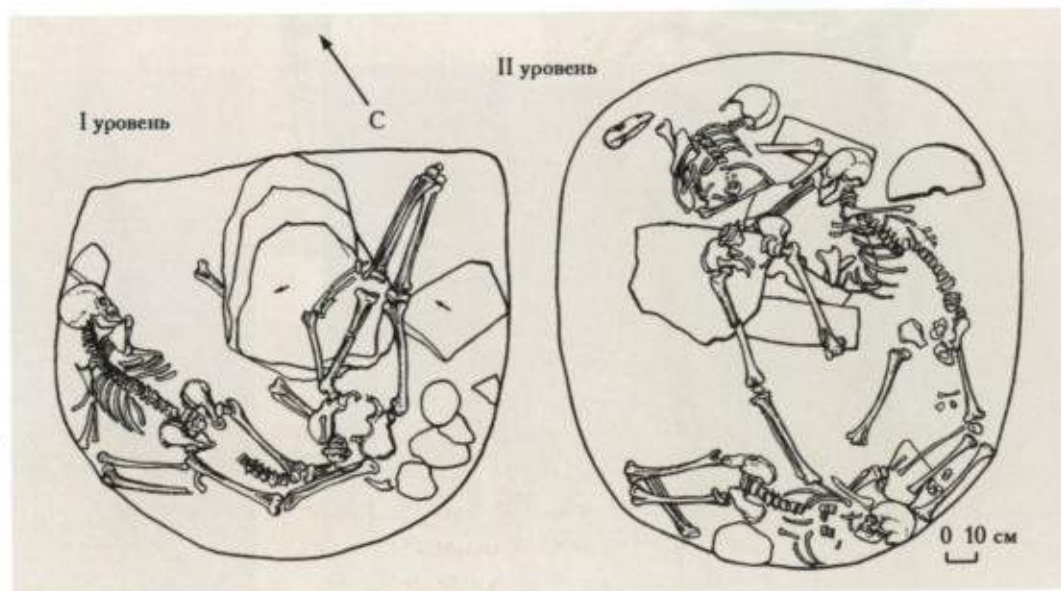

Рис. 20. Массовое захоронение в хозяйственной яме — свидетельство военного разгрома. Мысхакское поселение

Рис. 21. Монета «неизвестного народа» из культурного слоя Раевского городища

По-иному складывается ситуация на территориях, имевших выход на побережье. Для них этот период оказался благоприятным и в экономическом, и в политическом отношениях. Относительная стабилизация политической обстановки в конце I в. н.э. привела к демографическому подъему: погребальные комплексы второй половины I — первой половины III в. на вышеуказанных некрополях составляют более 60%. Богатый и разнообразный погребальный инвентарь свидетельствует о тесных контактах с внешним миром и о росте благосостояния жителей этого региона (рис. 14–16). Основным источником доходов населения прибрежной зоны стало обслуживание оживленной навигации вдоль побережья. Не менее традиционной «отраслью» продолжало быть пиратство и связанное с ним «береговое» право, согласно которому вещи севших на мель или разбившихся на прибрежных скалах кораблей становилось собственностью обитателей побережья.

Важная политическая и экономическая роль в этот период принадлежит Мысхакскому поселению. Его культурный слой насыщен обломками амфорной тары: по-прежнему преобладают колхидские амфоры, хотя велик удельный вес и различных «боспорских» типов³⁸. В нумизматическом комплексе I–III вв. н.э. Мысхакского поселения преобладают монеты боспорской чеканки, причем доля монет второй половины II — начала III в. н.э. в мысхакском нумизматическом комплексе в 3,5 раза меньше, чем монет конца I — первой половины II в. н.э.³⁹, что свидетельствует о постепенном угасании экономических связей поселения с боспорскими центрами.

Самая поздняя монета из обнаруженных на памятнике — серебряный стaтер Савромата III (230 г.) — позволяет установить *terminus post quem* гибели поселения. Обилие обожженной обмазки — остатков турлучных домов — пережженной, деформированной керамики в слое поселения и в хозяйственных ямах указывают на большой пожар, который уничтожил поселение. В завалах были обнаружены разрозненные человеческие кости. На Западном холме была открыта целая серия ям, в которых найдены человеческие скелеты, в основном женщин до 30 лет и детей. Расположение тел в ямах позволяет реконструировать разные ситуации, связанной с военным разгромом поселения. Как правило, тела, обнаруженные под завалом камней и битой посуды, на дне ям, создали своеобразную братскую могилу (рис. 19, 20). Одна из ям стала последним убежищем для двух женщин и грудного ребенка: они, по-видимому, спрятались в ней в момент нападения, но погибли во время пожара.

Внезапное появление боспорских монет довольно крупных номиналов в погребальных комплексах Широкой Балки второй четверти III в. можно объяснить притоком населения, которое бежало сюда в связи с усилившейся военной опасностью из близлежащих областей, прежде всего из разгромленного поселения Баты. С гибелью Мысхакского поселения заканчивается эпоха стабильности на юго-восточной периферии Боспора.

Традиции античного каменного домостроительства были утрачены, возросла подвижность населения. Как и в догреческий период, материальная культура позднеимского и ранневизантийского времени представлена в основном материалами из погребальных памятников⁴⁰.

Значимость античных традиций для племен, обитавших во второй половине III — первой половине V в. до н.э. в этих местах, выразилась в распространении варварских подражаний римским денариям с изображением идущего Марса (рис. 21). По данным анонимного перипла Черного моря (V в. н.э.) на территориях, занимаемых прежде керкетами и торетами, жили так называемые евдусиане (Εὐδουσιανοί), которые, согласно традиции (Анон. Periopl. Pont. Eux. 63),

говорили на готском или таврском языке. Позже они были вытеснены адыгским племенем зихов (Ζίχοι), упоминание о которых мы находим у автора VI в. Проккопия Кесарийского (Просор. В.Р. II (II). 29. 15; В.С. IV (VIII). 4. 1–2).

- ¹ Данные О.Е. Вязковой.
- ² Менее существенными оказались данные о распространении античных монет (кладов), а также таких предметов эллинистического быта, как светильники, терракотовые статуэтки.
- ³ Сопоставимые жилые сооружения получают распространение в Средиземноморье и Причерноморье в эпоху эллинизма. Более ранние аналогии см.: Киммерик, «холм А»: *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху: Очерки социально-экономической истории / БИ. 2006. Т. XII. С. 22.
- ⁴ *Онайко Н.А.* Архаический Торик — античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- ⁵ *Кузнецов В.Д.* Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 31–37.
- ⁶ *Онайко Н.А.* Архаический Торик... С. 94.
- ⁷ Она же. Архаические памятники в районе Новороссийска и Геленджика // АО 1972 г. М., 1973. С. 143–144.
- ⁸ Она же. К истории Бат // ВДИ. 1976. № 4. С. 113, 116. М.О. Поночевный, а затем В.Ф. Гайдукевич локализовали поселение в Мысхако, а гавань — на месте Новороссийской бухты: *Поночевный М.О.* Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. 1891. Т. 2. С. 39; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 220.
- ⁹ В частности, в 1965 г. были подняты две гераклеийские амфоры с клеймами: *Онайко Н.А.* Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика // СА. 1970. № 1. С. 137.
- ¹⁰ *Дмитриев А.В., Малышев А.А.* Могильник VI–II вв. до н.э. в устье Лобановой Щели // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). М., 1999. Вып. 5. С. 17–52.
- ¹¹ *Алексеева Е.М.* Местная среда ранней Горгиппии // ПИФК. 1999. Вып. VIII. С. 160.
- ¹² *Terekhova N.N., Dmitriev A.V., Malyshev A.A., Ravich I.G., Rozanova L.S.* The Foothills of the North-Western Caucasus in the 8th–4th Centuries BC // Ancient West and East. 2006. Vol. 5, no. 1–2. P. 44–79.
- ¹³ *Ольховский В.С.* О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 4. С. 65–79; *Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма: (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. 1995. № 8.
- ¹⁴ *Лесков А.М.* Горный Крым в I тысячелетии до н.э. Киев, 1965. С. 146; *Зинько В.Н.* Погребальные памятники сельской округи боспорского города Нимфея // БФ. 2002. Ч. 1. С. 112–113.
- ¹⁵ Поздний бронзовый век, абинско-черноморский вариант: *Эрлих В.Р.* Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе: (К постановке проблемы). Ч. 1 // РА. 2002. № 3. С. 28–30. Эпоха раннего железа, причерноморский вариант меотской культуры: *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. — III в. н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. Рис. 16, II. (Археология СССР: В 20 т.)
- ¹⁶ КБН. 6, ба, 39, 40, 1014, 1037, 1038, 1042.
- ¹⁷ *Антипина Е.Е.* Кости животных на античных памятниках полуострова Абрау: реконструкция мясной диеты // На юго-восточных рубежах азиатского Боспора. М., 2005. С. 66–72; *Лебедева Е.Ю.* Сравнительный анализ археоботанических материалов с памятников античного времени Северо-Западного Кавказа // На юго-восточных рубежах... С. 72–80.
- ¹⁸ Не исключено тем не менее, что определенный интерес для боспорян представляли строительный лес и рабы: *Александровский А.Л., Вязкова О.Е., Гольева А.А., Малышев А.А., Смекалова Т.Н.* Раевское городище и его окрестности (некоторые итоги и перспективы исследований) // ДБ. 1999. № 2. С. 17.
- ¹⁹ *Онайко Н.А.* Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. 1967. № 2. С. 168.
- ²⁰ *Крыжицкий С.Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 67–68.
- ²¹ Подобные по архитектуре сооружения широко известны не только здесь, но и на Таманском и Крымском полуостровах, а также в Средиземноморье: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 191–192; *Масленников А.А.* Эллинистическая хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 106.
- ²² *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 220; *Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А.* Мысхако — форпост Боспора на юго-востоке // ПИФК. 2002. Вып. 9. С. 205.
- ²³ *Гольева А.А., Малышев А.А.* Цемдолинское поселение // На юго-восточных рубежах... С. 95–97.
- ²⁴ *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 107; *Толстиков В.П.* Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 1992. Вып. 10: Археология и искусство Боспора. С. 50.
- ²⁵ *Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–121.
- ²⁶ В юго-восточной части ее высота превышает 7 м.
- ²⁷ *Сизов В.И.* Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // МАК. 1889. Т. II. С. 113–117; *Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Сторожевые посты... С. 121.
- ²⁸ *Онайко Н.А.* Новые данные о поселении на Малой Земле // КСИА. 1973. Вып. 133. С. 94.
- ²⁹ К сожалению, до нашего времени в результате мощной морской абразии сохранилась, в лучшем случае, лишь третья часть площади памятника.
- ³⁰ *Дмитриев А.В.* Тореты, город Торик, мыс Торетский // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа): Тез. докл. М., 2003. С. 70–72.
- ³¹ *Гей А.Н., Малышев А.А., Антипина Е.Е., Богатенков Д.В., Вязкова О.Е., Гольева А.А., Дробышевский С.В., Козловская М.В., Лебедева Е.Ю.* Палеоэкология Северо-

- Западного Кавказа: (работы Северо-Кавказской археологической экспедиции в 2001 г.) // Историко-археологический альманах... М., 2001. С. 88.
- ³² Малышев А.А. Граффити на керамических сосудах как исторический источник: (на материалах юго-восточной периферии Боспора VI в. до н.э. — III в. н.э.) // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 547–562.
- ³³ Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты... С. 110. Рис. 3.
- ³⁴ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. С. 153; Малышев А.А. Граффити на керамических сосудах... Рис. 4.
- ³⁵ Он же. В стране аспургиан // Родина. 2001. № 5. С. 5–8.
- ³⁶ Малышев А.А., Медникова М.Б. Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии // РА. 1995. № 4. С. 125–135; Малышев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Терехова Н.Н. Широкая балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // ДБ. 7. 2004. С. 272–301.
- ³⁷ Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты... С. 119, 121. Исследователи связывают это со смертью Аспурга и разгоревшейся в 44–45 гг. н.э. борьбой за наследство (Тас. Апп. XII. 15): Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства. С. 54.
- ³⁸ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 113. Табл. XXXI, 75. С. 113–114. Табл. XXXII, 76. С. 117. Табл. XXXIV, 83.
- ³⁹ Преобладают главным образом монеты царя Савромата I, датирующиеся в пределах конца I — начала II в.
- ⁴⁰ Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 200–206; Малышев А.А. Погребения эпохи Великого переселения народов в Цемесской долине // Историко-археологический альманах... 1995. Вып. 1. Рис. 1; Шишлов А.В. Могильник античного времени у с. Южная Озерейка // Исторические записки: Исследования и материалы. Новороссийск. 1999. Вып. 3; Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья // Крым, Северо-Восточное Причерноморье... С. 186–200.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Андрей Петрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН

Алексеев Андрей Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

Алексеева Екатерина Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН

Бонгард-Левин Григорий Максимович — академик РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Президент Российской ассоциации антиковедов, иностранный член Французской академии надписей и изящной словесности, иностранный член Королевской Шведской академии истории, литературы, древностей, член-корреспондент Германского археологического института

Добровольская Елена Всеволодовна — кандидат биологических наук, научный сотрудник Института проблем эволюции и экологии им. А.Н. Северцова РАН

Журавлев Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного Исторического музея; начальник Боспорской археологической экспедиции ГИМ; член-корреспондент Германского археологического института

Иванчик Аскольд Игоревич — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, член-корреспондент Германского археологического института, член-корреспондент Итальянского института восточных и африканских исследований

Канторович Анатолий Робертович — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кошеленко Геннадий Андреевич — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института археологии РАН, член-корреспондент Германского археологического института, член-корреспондент Итальянского института восточных и африканских исследований

Кузнецов Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, заведующий отделом классической археологии Института археологии РАН, член-корреспондент Германского археологического института

Лимберис Наталья Юрьевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии Кубанского государственного университета

Лозовой Сергей Павлович — доцент кафедры экологии и природопользования географического факультета Кубанского государственного университета

Ломтадзе Георгий Альбертович — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного Исторического музея

Малышев Алексей Александрович — кандидат исторических наук, начальник отдела истории РГНФ, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН

Марченко Иван Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета, директор Научно-исследовательского института археологии Кубанского государственного университета, член-корреспондент Германского археологического института

Сведения об авторах

Мунчаев Рауф Магомедович — член-корреспондент РАН, советник Президиума РАН, член-корреспондент Германского археологического института, Итальянского института восточных и африканских исследований, лауреат Государственной премии

Подосинов Александр Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Итальянского института восточных и африканских исследований, лауреат Государственной премии

Рябкова Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

Тункина Ирина Владимировна — доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Финогенова Светлана Ильинична — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела искусства и археологии Древнего мира Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина

Шлотцауер Удо — доктор, сотрудник Евразийского отдела Германского археологического института (Берлин)

Эрлих Владимир Роальдович — доктор исторических наук, заведующий сектором археологии Кавказа Государственного музея Востока

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- AA – Archäologischer Anzeiger. Berlin
Abh. B. – Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin
ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia: An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leiden
AJA – American Journal of Archaeology. Princeton
AJPh – American Journal of Philology. Baltimore
ARW – Archiv für Religionswissenschaft. Berlin
BCH – Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris; Athènes
Bull. ép. – Bulletin épigraphique. Paris
CIG – Corpus inscriptionum graecarum. Berolini, 1828–1877. Vol. 1–4
GPS – Global Positioning System
GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham
IG – Inscriptiones graecae. Berolini, 1873–1903
IGLS – *Jalabert L., Mouterde R.* Inscriptions grecques et latines de la Syrie. T. II–V // Bibliothèque archéologique et historique, 32, 51, 52. Paris, 1939–1959
IOSPE – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885–1901. Vol. I–II, IV. 1916. Vol. I²
JHS – The Journal of Hellenic Studies. Cambridge (Great Britain)
KW – *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909
LGNP – *Fraser P.M., Matthews E.* A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford, 1987
LSJ – *Liddell H.G., Scott R., Jones H.S.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996
OJA – Oxford Journal of Archaeology. Oxford
PF – Pergamänische Forschungen. Berlin
PLRE – *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971–1992. Vol. 1–3
RA – Revue archéologique
RE – Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. A. Pauli, G. Wissowa, W. Kroll. Stuttgart; München, 1894–1978
REA – Revue des Études Anciennes. Bordeaux
REG – Revue des Études Grecques. Paris
RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Köln
SC I–II – Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis collegit et cum versione Rossica edidit Basilius Latyshev. Vol. I: Scriptorum Graeci. Fasc. 1–3; *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I: Греческие писатели. Вып. 1–3. СПб., 1893–1900. Vol. II: Scriptorum Latini. Fasc. 1–2. Т. II: Латинские писатели. Вып. 1–2. СПб., 1904–1906
SEG – Supplementum epigraphicum graecum. Leiden
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn
AB – Археологические вести (изд-е ИИМК РАН). СПб.
AB ИВР – Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург
АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. (Археология СССР: В 20 т.)
АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
АДЖЮР – *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России: Атлас. СПб., 1913; Текст. СПб., 1914. Т. I: Описание и исследование памятников
АКМ – Азовский краеведческий музей. Азов
АН – Академия наук
АО – Археологические открытия. М.
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БС – Боспорский сборник. М.
Бур – *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884. Ч. 1
БФ – Боспорский феномен: Материалы международной научной конференции. СПб.

Список принятых сокращений

- БЧ – Боспорские чтения: Материалы международной научной конференции. Керчь
- ВВ – Византийский временник. М.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВДИ. 1947–1949 – В.В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 1. С. 253–316; № 2. С. 247–332; № 3. С. 233–315; № 4. С. 169–289; 1948. № 1. С. 221–315; № 2. С. 213–314; № 3. С. 215–330; № 4. С. 223–298; 1949. № 1. С. 183–295; № 2. С. 269–356; № 3. С. 203–308; № 4. С. 225–305.
- ВИА – Всеобщая история архитектуры. М.
- ВИЛИ – Вестник истории, литературы, искусства. М.
- ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры. Ленинград
- ГАОО – Государственный архив Одесской области. Одесса
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Москва
- ГИМ – Государственный Исторический музей. Москва
- ГИС – Геоинформационные системы
- ГМВ – Государственный музей Востока. Москва
- ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
- ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока. Москва
- ГППАЭ – Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991
- ГРМ – Государственный Русский музей. Санкт-Петербург
- ГУ – Государственный университет
- ГУП – Государственное унитарное предприятие
- ГЭ – Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург
- ДБ – Древности Боспора. М.
- ДСППВГК – Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981
- ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
- ЗОРСА РАО – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.
- ЗРАИМК – Записки Российской Академии истории материальной культуры. Пг.
- ЗРАО – Записки Императорского Русского археологического общества. СПб.
- ЗРАО НС – Записки Императорского Русского археологического общества: Новая серия. СПб.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. Москва
- ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.– Пг.
- ИИАО – Известия Императорского археологического общества. СПб.
- ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
- ИР НБУВ – Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского Национальной академии наук Украины. Киев
- ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры. Пг.–М.–Л.
- ИРАО – Известия Императорского Русского археологического общества. СПб.
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
- КБН – Корпус боспорских надписей / Под. ред. В.В. Струве. М.; Л., 1965
- КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына
- ККМ – Краснодарский краеведческий музей
- КРКМ – Крымский республиканский краеведческий музей. Симферополь
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.

Список принятых сокращений

- КХНБ — *Диатроптов П.Д., Емец И.А.* Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. М., 1995. Вып. 2. С. 7–40
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛИФЛИ — Ленинградский институт истории, философии и литературы
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь
- МАК — Материалы по истории Кавказа. М.
- МАО — Московское археологическое общество
- МАР — Материалы по археологии России. СПб.—Пг.
- МГПИ — Московский государственный педагогический институт
- МГУ — Московский государственный университет
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар
- МИАР — Материалы и исследования по археологии России. М.
- МИФЛИ — Московский институт истории, философии, литературы
- МО — Московское отделение
- НА — Научный архив
- НИИ — Научно-исследовательский институт
- НП ИТЦ «Кубань-Юг» — Некоммерческое партнерство «Инновационно-технологический центр «Кубань-Юг»
- НиС — Нумизматика и сфрагистика. Киев
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОАК — Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
- ОАМ — Отдел античного мира
- ООИД — Одесское общество истории и древностей. Одесса
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. М.
- ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПАНО — Петербургское археолого-нумизматическое общество
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск
- ПУ — Петроградский университет
- ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
- РА — Российская археология. М.
- РАИМК — Российская академия истории материальной культуры. Петроград—Ленинград
- РАН — Российская академия наук
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- РАО — Русское археологическое общество. Санкт-Петербург
- РБС — Русский биографический словарь. СПб.
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Москва
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд. Москва
- РГО — Русское географическое общество. Санкт-Петербург
- СА — Советская археология. М.; Л.
- САИ — Свод археологических источников. М.
- Сборник — *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
- СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
- СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
- СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
- Ст. — станция
- СУГ — Сжиженные углеводородные газы
- СЭ — Советская этнография. М.; Л.
- ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.—СПб.
- ТРАП — Таманский региональный археологический проект
- Труды Абхазского ИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы, истории. Сухуми
- ТС — Таманская старина. СПб.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ АНТИЧНЫХ И ВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ*

- Aen. Tact. – Aeneas Tacticus (Περὶ τοῦ πῶς χρῆ πολιορκουμένους ἀντέχειν)
 Aesch. fr. – Aeschyli fragmenta
 Aesch. Prom. – Aeschyli Prometheus Vincetus
 Aeschin. II De parapresb. – Aeschinis oratio II (de falsa legatione)
 Aeschin. III Adv. Ctesiph. – Aeschinis oratio III (adversus Ctesiphontem)
 Agath. Myrin. Hist. – Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque
 Amm. Marc. (Res gest.) – Ammiani Marcellini Res gestae a fine Cornelii Taciti
 Anon. Per. Pont. Eux. – Periplus Ponti Euxini (Periplus Maris Euxini)
 Anon. Rav. – Ravennatis Anonymi Cosmographia // Itineraria Romana. Lipsiae, 1940
 (Stuttgart, 1990). Vol. 2 / Ed. J. Schnetz
 Anth. gr. app. – Anthologiae Graecae appendix
 Antigon. Caryst. Mirab. Keller – Antigoni Carystii Historiae mirabiles // Rerum naturalium
 scriptores Graeci minores / Ed. O. Keller. Leipzig, 1877. Bd I
 App. Bell. civ. – Appiani De bello civili
 App. Mithr. – Appiani Mithridatica
 Aristoph. Acharn. – Aristophanis Acharnenses
 Arr. Acies – Arrhiani Acies contra Alanos
 Arr. fr. Roos – Arriani fragmenta // Flavius Arrianus II: Scripta minora et fragmenta / Ed.
 A.G. Roos, G. Wirth. Lipsiae, 1968
 Arr. Peripl. – Arriani Periplus Maris Euxini
 Aster. Amas. Horn. – Asterii Amaseni Homiliae
 Athen. – Athenaei Deipnosophistae
 Aul. Gell. – Auli Gelli Noctes Atticae
 Bell. Alex. – Liber de bello Alexandrino
 BSA – The Annual of the British School at Athens
 CAH – Cambridge Ancient History
 Callim. fr. – Callimachi fragmenta nuper reperta / Ed. R. Pfeiffer. Bonnae, 1923
 Const. Porph. De adm. imp. – Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio
 Demosth. – Demosthenis orationes
 Dexipp. fr. – Dexippi fragmenta
 Dinarch. – Dinarchi fragmenta
 Dio Cass. – Dionis Cassii Historiae Romanae
 Dio Chrys. fr. Arnim – Dionis Chrysostomi fragmenta // Dionis Prusaensis quem vocant
 Chrysostomum quae exstant omnia / Ed. J. von Arnim. Berolini Berlin, 1893–1896.
 Vol. I–II
 Diod. – Diodori Siculi Bibliotheca historica
 Dion. Perieg. – Dionysii Alexandrini (Periegetae) Descriptio orbis
 Etym. Magn. – Etymologicum Magnum
 Eurip. Hercul. – Euripidis Hercules furens
 Euseb. Comm. in Isa. – Eusebii Caesariensis Commentarius in Isaiam
 Eustath. ad Dion. – Eustathii Thessalonicensis Commentarii in Dionysium Periegetam
 Eutrop. – Eutropii Breviarium historiae Romanae
 Evagr. Schol. Hist. Eccl. – Evagrii Scholastici Historia ecclesiastica
 FGH – Müller C. Fragmenta Historicorum graecorum. Paris, 1841–70. 5 vols.
 FGrHist – Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. I – Leiden
 1957²; II A – Berlin 1926; II B – Berlin 1929; III A – Leiden 1954²; III B – Leiden 1950;
 III C – Leiden 1958
 Flor. – Flori Epitome de T. Livio Bellorum omnium annorum DCC Libri duo
 Frontin. Strat. – Frontini Stratagemata
 Georg. Cedr. – Georgii Cedreni Compendium historiarum

* Сведения об изданиях приводятся только в тех случаях, когда от издания зависит нумерация в ссылаках.

- H. Orph. – Hymni orphici
 Harpocr. fr. (Müller) – Harpocratonis fragmenta // FHG (cm.)
 Hecataeus – Hecataei fragmenta // FGrHist (cm.)
 Hellenic. – Hellenici fragmenta // FGrHist (cm.)
 Herod. – Herodoti Historiae
 Hesych. in Hippon. – Hesychii in Hipponactem
 HGM – Historici Graeci Minores / Ed. L. Dindorf. Leipzig, 1870–71
 Hippol. Refut. – Hippolyti Refutatio omnium haeresium
 Hipponact. fr. Degani – Hipponactis fragmenta // Hipponax. Testimonia et fragmenta / Ed. H. Degani. Leipzig, 1991
 Horn. Od. – Homeri Odyssea
 Io. Malal. Thurn – Iohannis Malalae Chronographia / Ed. J. Thurn. Berlin; New York, 2000
 IstMitt – Istanbuler Mitteilungen
 Johan. Chrys. Ad Olymp. – Iohannis Chrysostomi Epistulae ad Olympiadem
 Jord. Gethica – Jordanis Getica
 Jos. Ant. – Flavii Iosephi Antiquitates Iudaicae
 Julian. Ep. – Julianis (Imperatoris) Epistulae
 Just. – Iustini Epitome (= Historiarum Philippicarum libri XLIV)
 L. Ampel(ius) – Lucii Ampelii Liber memorialis
 Liv. apud. Oros. – Livius apud Orosium (cm. Oros. Hist.)
 Liv. Per. – Titi Livii Periochae
 Lucan. – M. Annaei Lucani Bellum civile
 Lucian. Scyth. – Luciani Scythia
 Lucian. Tox. – Luciani Toxaris
 Lycophronis Chalcid. Alexand. Schol. – Lycophronis Chalcidici Alexandra, Scholia vetera
 Mart. – Martialis Epigrammata
 MEFRA – Mélanges d'École française de Ronee Antiquité
 Mel. – Pomponii Melae De Chorographia
 Memn. – Memnonis historici fragmenta // FGrHist (cm.)
 Menand. Prot. – Menandri Protectoris fragmenta
 Nauck – Tragicorum graecorum fragmenta / Hrsg. A. Nauck. Leipzig, 1889
 Oros. Hist. – Orosii Pauli Hitoriarum adversus paganos libri septem
 Ovid. Met. – P. Ovidii Nasonis Metamorphoses
 Paus. – Pausaniae Descriptio Graeciae
 Petr. Patr. – Petrus Patricius // HGM (cm.)
 Philost. Hist. eccl. – Philostorgii Historia ecclesiastica
 Plin. NH. – Plinii Historia naturalis
 Plut. De fort. Rom. – Plutarchi De fortuna Romanorum
 Plut. De Stoic. rep. – Plutarchi De stoicorum repugnantiis
 Plut. Galb. – Plutarchi Galba
 Plut. Luc. – Plutarchi Lucullus
 Plut. Mar. – Plutarchi Marius
 Plut. Mor. – Plutarchi Moralia
 Plut. Pomp. – Plutarchi Pompeius
 Plut. Sull. – Plutarchi Sulla
 Polyæn. – Polyæni Stratagemata
 Posid. apud Athen. – Posidonius apud Athenaeum (cm. Athen.)
 Proc. Bel. Got. – Procopii Caesariensis De bello Gothico
 Procop. Caes. De aed. – Procopii Caesariensis De aedificiis
 Procop. Caes. De bell. – Procopii Caesariensis De bellis
 Ps.-Apoll. Bibl. – Pseudo-Apollodori Bibliotheca
 Ps.-Luc. Macr. – Pseudo-Luciani Macrobiani
 Ps.-Scyl. – Pseudo-Scylacis Periplus
 Ps.-Scymn. Diller – Pseudo-Scymnus // Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers (1952)
 Ps.-Scymn. Marcotte – Pseudo-Scymnus // Géographes grecs. Paris, 2000. Tome 1: Introduction générale. Ps.-Scymnos, Circuit de la terre / Texte établi et traduit par D. Marcotte
 Ptol. – Ptolemaei Geographia
 Radt – Tragicorum Graecorum Fragmenta. Göttingen, 1985. Band 3 / Hrsg. S. Radt
 Res Gestae Divi Augusti = Monumentum Ancyranum

Список принятых сокращенных обозначений античных и византийских авторов...

Schol. Soph. O.C. – Scholia in Sophoclis Oedipum Coloneum
Sen. Hercul. Furios. – L. Annaei Senecae Hercules Furiosus
Sen. Quaest. natur. – L. Annaei Senecae Quaestiones naturales
Sext. Emp. Adv. Math. – Sexti Empirici Adversus Mathematicos
SHA – Scriptores Historiae Augustae
Solin. – C. Iulii Solini De mirabilibus mundi
St(eph). Byz. – Stephanus Byzantius
Strab. – Strabonis Geographica
Suda – Suda Lexicon
Syncell. – Georgii Syncelli Chronographia
Tab. Peut. – Tabula Peutingeriana
Tac. Ann. – P. Cornelii Taciti Annales
Theophan. Chronogr. – Theophanis Chronographia
Xen. Mem. – Xenophontis Memorabilia
Zonar. – Johannis Zonara Epitome Historiarum
Zosim. – Zosimi Historia nova

Научное издание

**АНТИЧНОЕ
НАСЛЕДИЕ
КУБАНИ**

В трех томах

Том I

*Утверждено к печати
Отделением историко-филологических наук
Российской академии наук*

*Заведующая редакцией Е.Ю. Жолудь
Редакторы И.В. Ключкина, М.М. Леренман
Художник Э.А. Эрман
Технический редактор В.В. Лебедева
Компьютерная верстка С.В. Ишутина
Корректоры
Э.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, Е.А. Сысоева*

*Подписано к печати 25.02.2010
Формат 70 × 90¹/₈. Гарнитура Академическая
Печать офсетная
Усл.печ.л. 88,3. Усл.кр.-отт. 354,2. Уч.-изд.л. 59,8
Тираж 1500 экз.*

*Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90*

*E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

*Издательство «Северный паломник»
127018 Москва, ул. Трифоновская, 2
npilgrim@mail.ru*

ISBN 978-5-02-036901-6

9 785020 369016

